Г.Г. Ершова

ПОСЛЕДНИЙ ГЕНИЙ XX ВЕКА

Юрий Кнорозов: судьба ученого

Российский
государственный гуманитарный
университет

Г.Г. ЕРШОВА

ПОСЛЕДНИЙ ГЕНИЙ XX ВЕКА

Юрий Кнорозов: судьба ученого

Москва
2019

УДК 929
ББК 63.3
Е80

Рецензенты:
А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор
Д.А. Функ, доктор исторических наук, профессор

Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ

© Ершова Г.Г., 2019
© Российский государственный гуманитарный университет, 2019

ISBN 978-5-7281-2517-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие: книга о гении Кнорозова....7

Вместо предисловия: авторское отношение к содержанию....9

Глава 1. Гены гения....27

Глава 2. Юрка – заяц-торопыга....57

Глава 3. Его университеты....87

Глава 4. Москва слезам не верит!....109

Глава 5. В Ленинград....158

Глава 6. Дешифровка: «скучная бухгалтерия»? Маленькая глава о большой работе, проделанной студентом Юрием Кнорозовым....188

Глава 7. Опять в аспирантуру....206

Глава 8. «Вот все, что я могу сказать о предлагаемой работе...»....231

Глава 9. Слава....261

Глава 10. Страсти по дешифровке....293

Глава 11. Фасцинация: от колдунов до теории коллектива....333

Глава 12. И опять этническая семиотика....361

Глава 13. Тернии, звезды, и снова тернии....383

Глава 14. Шефуля....413

Глава 15. И на Тихом океане... 449

Глава 16. Уикенд в Гватемале....484

Глава 17. Мексика, прекрасная и любимая....514

Глава 18. Последние аккорды Шопена....574

Послесловие....583

Приложения....587

ПРЕДИСЛОВИЕ
КНИГА О ГЕНИИ КНОРОЗОВА

Не припомню, чтобы в последние годы мне приходилось читать столь живо написанную и при этом – очевидно – явно выстраданную книгу (она писалась долгих 20 лет) об истории науки, написанную учеником о своем любимом и единственном Учителе. Книга Галины Ершовой получилась именно такой. Она читается на одном дыхании. То, что порой я перескакивал через пару-тройку страниц контекстных вставок, ничего не значит: примерно так читаешь детективный роман, пытаясь уследить за развитием сюжета и поскорее добраться до развязки. Видно при этом, что весь текст окрашен личным отношением автора – к Учителю, Юрию Валентиновичу Кнорозову, другим людям, событиям. Эту книгу писал человек неравнодушный, и это видно на каждой странице.

История дешифровки любой древней письменности всегда уникальна и всегда или почти всегда это результат сочетания упорного, планомерного и в чем-то может быть занудного труда с яркими гениальными озарениями, за которыми (за самим фактом раскрытия секрета этого письма) вновь следуют десятилетия, если не столетия будничной работы многих поколений ученых. Каждый новый текст, оказывающийся, как правило, фрагментарным ввиду давности лет, несет с собой очередную загадку...

Хотя историю дешифровки письменности древних майя Ю.В. Кнорозовым я знал лет с 12, наверное, а во время учебы в аспирантуре в Ленинграде не раз видел великого Кнорозова, и то и другое было поверхностным знакомством. Книга же дала, наконец, возможность прикоснуться к тайне сложения гения этого ученого и хотя бы чуточку лучше понять, в каких условиях было сделано одно из открытий века и как сложилась затем судьба великого дешифровщика-лингвиста, историка и этнографа.

Через фигуру Кнорозова, у которого Галине Ершовой посчастливилось учиться науке (именно так), через его биографию, слова, письма, статьи, книги, через воспоминания современников и архивные тексты автор книги решает двуединую задачу. Страница за страницей, она все глубже и глубже погружает нас в мир гения Кнорозова,

но не его одного, а всей современной ему истории страны. В хитросплетениях человеческих отношений, в которых вольно или невольно оказывался Кнорозов, автор высвечивает малоизвестные страницы истории МГУ, Института этнографии АН СССР (теперь это Институт этнологии и антропологии Российской академии наук), Государственного музея этнографии народов СССР (сейчас Российский этнографический музей), Кунсткамеры, равно как и тех людей, которые помогали или мешали ему. Книга получилась гораздо шире, масштабнее, чем можно было ожидать от биографического очерка.

Разумеется, каждый вынесет из знакомства с этой книгой что-то свое. Но мне хотелось бы, чтобы одно обстоятельство не было упущено никем. Да, мы можем порой отдавать долги, можем возводить памятники нашим великим предкам и говорить о них посмертно хорошие слова. И это действительно важно делать. Но книга Галины Ершовой учит еще одному: искусству творить добро, которое помогает – не только гениям, а всем нам – заниматься любимым делом здесь и сейчас.

Дмитрий Функ

заведующий кафедрой этнологии
исторического факультета МГУ

27 мая 2019 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: АВТОРСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К СОДЕРЖАНИЮ

О Кнорозове можно говорить
только с удовольствием –
это вдохновение гениальности...
Мира Геффен-Рожанская

Юрий Валентинович Кнорозов. Слова Миры Геффен-Рожанской как нельзя лучше передают то состояние подъема, когда пишешь о нем. Его биография, полная тяжелых испытаний, совпадений, парадоксов и даже мистификаций, полностью соответствует типичной легенде о гениальной личности. Сам Кнорозов называл себя «дитя сталинского времени». Еще при жизни ученого одни и те же эпизоды его жизни по-разному излагались знавшими его людьми. Видимо, поэтому Юрий Валентинович предложил мне однажды записать его версию ключевых событий, заметив, что для него это чрезвычайно важно, поскольку иначе «после смерти журналисты все переврут». Сейчас совершенно очевидно, что он загодя готовил текст собственной биографии, буквально диктуя в качестве отдельных сюжетов наиболее сложные моменты своей судьбы.

Но поразительно иное – работа с документами, свидетельствами и даже кинохрониками показала, что его оценка происходившего часто существенно отличалась от мнений его коллег, друзей и недругов. Я сама была свидетелем многих событий и знаю, что говорящие о нем люди – не лгут. А из документов иногда возникает и вовсе иная картина. Работая со всем этим материалом, я порой не могла отделаться от ощущения, что достаю тщательно спрятанные скелеты, вынужденно разрушаю его невинные, с моей точки зрения, мистификации. Меня постоянно мучил вопрос: почему для него было столь важно и после смерти хранить тайны о себе? Многие из его написанных мне писем заканчивались припиской: «по прочтении уничтожить». Впрочем, остались секреты, раскрыть которые я так и не решилась. Наверное, еще не время. Прошло 20 лет со дня смерти Кнорозова, и все эти

годы я ощущала себя и не историком, и не биографом – скорее неким психоаналитиком, а иногда и следователем. Эту книгу я писала в течение двух десятилетий, все время пытаясь понять: каково это – быть гением? И чем гению приходится расплачиваться за обладание божественным даром? Одиночеством, которое так угнетало Кнорозова?

Если следовать драматической истории сотворения мира, изложенной в эпосе индейцев майя-киче «Пополь-Вух», то боги сначала создали людей подобными себе – и испугались:

> «Они были наделены проницательностью; они видели, и их взгляд тотчас же достигал своей цели. Они преуспевали в видении, они преуспевали в знании всего, что имеется на свете. Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренность земли.
>
> Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте; они сразу видели весь мир, не делая (даже) попытки двигаться; и они видели его с того места, где они находились. Велика была мудрость их, их зрение достигало лесов, скал, озер, морей, гор и долин. Поистине, они были изумительными людьми!»

А боги решили их еще усовершенствовать, дав возможность познавать мир:

> «И немедленно они увидели полностью все, что существовало в этом мире... Мы слышим, мы думаем и ходим, мы совершенно чувствуем и мы знаем, что находится далеко и что находится близко. Мы видим также большое и малое в небе и на земле. Они были способны познать все, и они исследовали четыре угла неба, четыре точки неба, свод небес и внутренность земли».

И тут-то Создательница и Творец забеспокоились:

> «Это нехорошо, что наши творения знают все: большое и малое!» И, посоветовавшись, решили: «Что же мы будем делать с ними теперь? Пусть их зрение достигает только того, что близко; пусть они видят лишь немногое на лице земли! Это нехорошо, то, что они говорят. Разве они по своей природе не простые создания нашего творения? Разве они тоже должны стать божествами? Давайте немного сдержим их желания, потому что нехорошо это, что мы видим. Разве они должны быть равными нам, своим творцам, кто может видеть далеко, кто знает все и видит все?»

Сказано – сделано: природа божественных созданий была изменена:

> «Сердце Небес навеял туман на их глаза, который покрыл облаком их зрение, как на зеркале, покрытом дыханием. Глаза их были покрыты, и они могли видеть только то, что находилось близко, только это было

ясно видимо для них. Таким образом, была потеряна их мудрость и все знание...»[1]

В результате осторожности богов люди стали другими – обычными. Но иногда вдруг появляются среди нас те самые, случайно оставшиеся люди-боги, которые из-за своей необычности и удивительных способностей кажутся инопланетянами. Их мало, но именно они, указывая некий таинственный путь движения, напоминают нам об утерянной возможности сравниться с богами. Это те самые редкие гении, которые приходят в мир людей и переворачивают его, заставляя двигаться и меняться. Одним из таких был Леонардо да Винчи, который, осмысляя появление и конечную цель человека, писал о том, что человек – образец мира, всегда стремящийся к «отправившему его». К таким богоподобным (из предыдущей версии майя) посланцам относился, по всей видимости, и Юрий Кнорозов. Поэтому заведомо нелепо выглядит каждый, кто пытается сравнивать Кнорозова с собой. А такие, как ни странно, тоже встречаются.

Как бы то ни было, эта книга возникла в ответ на своего рода просьбу, с которой обратился ко мне Кнорозов, когда осознал близость своего ухода. Она возникла из нескольких страниц, специально надиктованных моим учителем в мае 1997 года. 30 марта 1999 года его не стало. И потому считаю необходимым начать с краткого вступления, посвященного истории нашего знакомства, и объяснения сложностей, возникших при написании биографии этого великого русского ученого.

***

Я познакомилась с Юрием Валентиновичем в 1979 году. Из учебы в Институте иностранных языков им. Мориса Тореза на факультете французского языка я вынесла несколько полезных вещей. Во-первых, очень хороший французский, который позволил мне, приехав впервые в Париж, сойти почти за «аборигена». Во-вторых, массу чрезвычайно полезных рекомендаций от преподавателей, как-то: «Муж – явление проходящее, а документы всегда должны быть в порядке». Или, при вручении диплома: «Лет десять поработаете, и, может быть, станете специалистами». В-третьих, сам диплом о высшем образовании. В-четвертых, большую любовь к теоретической лингвистике. В-пятых, искреннее восхищение умом Кнорозова, дешифровавшего письмо майя, который, как выяснилось, хоть и считался легендой, но оказался вполне живым. В-шестых – это в качестве добровольного признания, – мною было вынесено издание монографии Кнорозова 1963 года, которое уже тогда считалось библиографической редкостью. Но, скажу в оправдание, в научной библиотеке ИНЯЗа никто эту книгу до меня ни разу не открыл. И потому, полная угрызений

[1] Цитируется по изданию: Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана / Перевод Р.В. Кинжалова. М.: Наука, 1959.

совести, я «зачитала» ее, официально покаявшись в утере, и возместив весьма ценными и более дорогими изданиями по лингвистике – причем к великой радости библиотекаря.

Из десяти обещанных для обретения профессионализма лет мною было уже отработано три, дополнивших вечернее обучение на последних курсах факультета, а также воспитание дочери Анны, которой в трехлетнем возрасте приходилось регулярно присутствовать на занятиях и даже делать замечания преподавателю. Благо, читать книги без картинок Анна умела с двух с половиной лет. Однако посещение занятий в столь раннем возрасте навсегда привило ребенку на редкость пофигистское отношение к университетам и глубокое знание литературы. Памятуя преподавательский наказ, фамилию я никогда не меняла, и потому документы у меня всегда были и есть в порядке, а наличие мужа расценивалось философски – поэтому, видимо, он тоже никуда за столько лет и не делся.

Однако этой выпускной гармонии хватило ненадолго. Не прошло и года, как возникло внутреннее ощущение: что-то важное в жизни проходит мимо меня. По совету коллег в издательстве, где я продолжала работать, я задумалась о том, чтобы отучиться еще и на историческом факультете, чего мне, по причине лености, делать вовсе не хотелось, – но казалось необходимым, чтобы посвятить себя древним майя. Интеллектуальный постуниверситетский зуд довел-таки меня до осознания этой проблемы. Мне было целых 23 года – и казалось, что время куда-то бессмысленно исчезает с невероятной скоростью.

И тут мне пришло в голову найти того самого таинственного и гениального Кнорозова. Выяснив, что ученый-легенда работает в Институте этнографии, я с пионерской простотой отправилась прямо туда, на улицу Дмитрия Ульянова. На четвертом этаже здания нашла что-то типа канцелярии института. И там меня сразу «послали» – порекомендовали обратиться к заместителю директора, оказавшемуся крайне неприятным персонажем по имени Иосиф Ромуальдович Григулевич. Этнограф с таким именем мне был неизвестен. Тем не менее я начала наивно излагать ему, как восхищаюсь Кнорозовым, его талантом, его гениальным открытием... Мне и в голову тогда не приходило, что это тот самый «Иосиф Лаврецкий», который написал биографию Че Гевары, и заодно клеймил католическую церковь. А уж про остальные способности этого человека я и не слыхивала – а ведь так не понравившегося мне тогда «этнографа в штатском» теперь если и вспоминают, то совсем за иные «заслуги»[2]. Очевидна была его явная (взаимная) неприязнь ко мне – Григулевич глядел на меня настороженно, как на полную идиотку или хитрую шпионку, пытался вычислить, кто именно меня подослал и, собственно, зачем я явилась в институт, а точнее, именно к нему. Я и не подозревала, в насколько деликатный момент отношений Кнорозова и Григулевича пересеклись наши пути, и теперь уже никогда не узнать, что в свете происходившего он сам тогда обо всем этом подумал. Но, стре-

[2] https://www.peoples.ru/state/criminal/grigulevich/

мясь поскорее избавиться от странной гостьи, Григулевич отправил меня (спасибо ему и на этом) в кабинет напротив, к Юлии Павловне Аверкиевой[3].

Я даже обрадовалась, так как по публикациям, конечно, знала, что она была крупнейшим в стране специалистом по этнографии индейцев Северной Америки, а в молодости стажировалась у самого Франца Боаса. До сих пор помню светлое чувство от разговора с этой потрясающей, уже немолодой, сдержанной и в то же время исполненной теплоты женщиной. О ее невероятной судьбе я также не имела ни малейшего понятия, но сразу поняла – это действительно ученый и, безусловно, изумительный человек. Выслушав меня, задав какие-то вопросы по существу, Юлия Павловна сказала: «Поезжайте в Ленинград к Юрию Валентиновичу, я дам вам его телефон. И можете сказать, что рекомендовала вас я». Надо ли говорить, что вышла я окрыленной. Не теряя времени, отправилась в Ленинград.

Приехав ранним, как всегда сырым ленинградским утром на пахнущий шпалами Московский вокзал, нашла телефонную будку, набрала заветный номер (помню его до сих пор) и со сжимающимся от волнения горлом позвонила Кнорозову. «Можете сейчас приехать?», – спросил на том конце провода, не вдаваясь в подробности, странный, даже не удивившийся голос. «Пишите адрес». Я кое-как записала, спустилась в метро, потом на трамвае через мост около Александро-Невской лавры отправилась на Гранитную улицу. Поднялась на второй этаж зеленой пятиэтажки, нашла номер квартиры и позвонила. Открыла милая, немного суетливая, с густыми седыми волосами пожилая женщина. Это была супруга Кнорозова – Валентина Михайловна. «К Юрию Валентиновичу?», – спросила она. И провела меня в довольно сумрачную комнату, спросив заботливо, не хочу ли я кофе.

В комнате все стены были закрыты деревянными стеллажами с книгами. На ребрах полок кнопками крепилась толстая бахрома для занавесей. Справа, прямо под книгами, стоял чудовищно продавленный старый диван, на котором валялась несвежая подушка и какой-то плед.

«Юрий Валентинович, это к тебе, – представила меня женщина. – Я сейчас девочке кофе принесу». Ко мне, церемонно и как-то не очень уверенно качнувшись, шагнул очень странный человек – довольно сутулый, в темном мятом костюме, со всклокоченной седой головой, лохматыми бровями. Протянул руку для приветствия – она оказалась очень холодной и жесткой. «Как добрались?», – поинтересовался он вместо приветствия, уставившись на меня огромными, синими, широко расставленными глазами. Меня впечатлил большой письменный стол, на котором также стояли книжные полки с портре-

[3] Аверкиева Юлия Павловна (1907–1980) – д. и. н., крупнейший этнограф-американист. С 1931 г. сотрудник МАЭ, в 1948–1954 гг. осуждена и сослана, в1954 г. реабилитирована, с 1954 г. вновь сотрудник ИЭ АН СССР.

том в бумажной рамке толстого сиамского котенка, фотографией красивой девочки в школьной форме (дочка – догадалась я) и разными фигурками. Там же стояла початая бутылка и чашка.

Рядом со столом возвышалась настоящая трибуна из темного дерева – как в каком-нибудь зале для заседаний. Только позже я поняла, что она служила Кнорозову в качестве своеобразной конторки для письма – он работал стоя, разгружая спину. А под столом на виду стояло несколько уже пустых бутылок, отчего я немного растерялась, хоть суть дела стала очевидна. Тем более было понятно, что я попала в самый разгар разбирательств с бутылками. Но, решив довести задуманное до конца, я начала-таки рассказывать свою историю. Представилась: «Галя» – и Кнорозов как-то странно-удивленно посмотрел нам меня и сразу же сбил с толку, спросив про отчество. С самого начала он иначе как на «вы», «Галина Гавриловна» и «коллега» меня не именовал, что на самом деле было очень непривычно, если учесть и мой 23-летний возраст, и работу в издательстве, где все сотрудницы до старости остаются Наташами, Маринами и Катями.

Но на этом пугающие неожиданности не закончились. «А, собственно, какого черта вам надо?», – вдруг подозрительно поинтересовался Кнорозов. И я в очередной раз начала рассказывать о том, что восхищаюсь его работой и хочу заниматься культурой майя...

Кнорозов хитро взглянул на меня из-под совиных бровей, отвернулся к письменному столу и начал рыться в пачке бумаг. Протянул мне какую-то крупноформатную, но довольно тонкую мягкую книгу в серой обложке: «Сможете быстро перевести? – спросил. – А то вот издательство требует». И протянул помятый листок с печатью – это был договор с ним издательства «Художественная литература». Я взяла похожую на тетрадь книгу «Cantares de Tzitbalché». Полистала – факсимильное изображение текстов майя, Баррера Васкес, перевод на испанском... На меня накатил ужас, но было понятно, что особого выбора у меня не оставалось: если откажусь или начну задавать вопросы, то меня точно с позором выгонят, причем навсегда. И тогда в наглой студенческой манере я деловито спросила: «А к какому числу надо?» Кнорозов, впрочем, вовсе не удивившись, ответил: «Да как всегда, надо вчера. Через неделю переведете?» И я, не моргнув глазом, заявила: «Через неделю будет готово!» Кнорозов неожиданно стукнул меня кулаком по плечу, пробормотав что-то вроде: «Так и надо!» Потом взял бутылку: «Не желаете?» – поинтересовался и налил в две чашки. Для меня это было уже слишком даже в такой ситуации, и я вежливо отказалась. Он выпил и спросил опять: «Так какого черта вам надо? Кто вас прислал?» Я вновь начала свой рассказ про майя, Аверкиеву, возможную учебу на истфаке, свое восхищение...

Но тут Кнорозов почти рухнул на продавленный диван и, казалось, уже совсем меня не слушал – наступила гнетущая тишина.

Уснул? Я постояла, подождала, взяла несчастные «Песнопения из Цитбальче», вышла из комнаты, попрощалась с Валентиной Михайловной, которая вовсе не удивилась моему самостоятельному уходу, и отправилась в Москву, мучительно размышляя над тем, что же теперь со всем этим делать...

Перевод текстов занял у меня целый месяц – я сидела над ним день и ночь. Естественно, боялась звонить Кнорозову с рассказами о том, что не успеваю завершить перевод за неделю. И только когда все было готово, опять отправилась в Ленинград. Позвонила – он явно обрадовался (даже имя помнил!), и голос был совсем другой, нежели в первый раз. Назначил встречу в Кунсткамере.

Юрий Валентинович встретил меня у служебного входа, повел в кабинет, посадил за свой замечательный стол у окна с видом на Неву. Я не могла поверить глазам – это был совсем другой человек: чуть церемонный, всжливый, доброжелательный. Протянул мне шоколадку, которую достал из ящика стола, заварил кофе. Представил коллегам в кабинете – чудеснейшему человеку Абраму Давидовичу Дридзо[4] и милой Галине Ивановне Дзенискевич[5]. Потом специально повел в другое крыло здания – познакомить с Ириной Константиновной Федоровой, которая с первого дня заботливо опекала меня и у которой я потом останавливалась, часто приезжая в Ленинград, а позднее Петербург...

Тот день в институте являлся присутственным, и потому людей в кабинетах, коридорах и курилке было много. Мне же не терпелось показать Кнорозову переводы. Наконец, Юрий Валентинович пролистал их, достаточно быстро, и неожиданно объявил: «Ну что ж, великолепно, коллега! Будем отправлять в издательство». И добавил: «Все пойдет под вашим именем». От изумления я буквально разинула рот. Мне и в голову не приходило претендовать на официальное авторство, считая свою работу крохотным вкладом в сотрудничество.

С этого момента я обрела Учителя – так началось наше многолетнее сотрудничество. И неважно, что «Художественная литература» высокомерно отказалась тогда печатать какую-то неизвестную Ершову «с улицы» (так тогда называли людей, приходивших без рекомендации), – результатом стало только то, что Кнорозов навсегда разорвал с издательством отношения. К тому же запретил ему печатать любые тексты под именем Кнорозова, высказав все, что думал по поводу и самого издательства, и его халтурщиков-авторов, выдающих за поэзию майя свои банальные вирши или переводы на русский с испанского перевода. Для меня эта история стала удивительным уро-

[4] Дридзо Абрам Давидович (1925–2003) – д. и. н., этнограф-американист, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР/МАЭ РАН с 1951 г.

[5] Дзенискевич Галина Ивановна (1933–2002), к. и. н., музейный работник, этнограф-американист, сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР/МАЭ РАН с 1962 г.

ком – так защищать малознакомого «коллегу», какую-то даже толком не аспирантку! До этого так за меня никто никогда не вступался.

Как оказалось, не понадобился истфак – Кнорозов заявил буквально следующее: «Зачем вам тратить время на эту чепуху? Надо сразу защищать диссертацию! По закону имеете право». Я опять разинула от изумления рот. Но Юрий Валентинович оказался абсолютно прав – и я быстро, при его поддержке, оформила соискательство в Институте этнографии.

Меня поражало, как он стратегически решал возникавшие проблемы, не упуская ни малейшей детали – характеристики, оппоненты, список литературы и даже место защиты, которое он переиграл с Москвы на Ленинград буквально за день до предзащиты. Обстановка в Москве тогда показалась ему для меня больно «мерзкой». Кнорозов с самого начала всегда пояснял, какая «скотина» в чужой мне академической среде дружественная, а какая безусловно враг. Выставившего меня Григулевича, о чем я, естественно, успела рассказать, иначе как «этой сволочью» не именовал – впрочем, уже потом я узнала, что со «стариком Ромуальдычем» у Кнорозова были свои, совсем свежие и не имеющие ко мне отношения счеты. Познакомил с надежным другом – археологом Валерием Ивановичем Гуляевым, взявшем меня после защиты диссертации на работу в Институт археологии. А также свел с изумительным человеком – Серго Анастасовичем Микояном, главным редактором журнала «Латинская Америка», что дало мне возможность публиковать научные статьи и даже зарабатывать в трудные времена.

Кнорозов помог мне пробить брешь в сплоченной корпоративной академической среде, где в советские времена все изначально было поделено между «своими». Он щедро делился со мной прекрасным, созданным и с таким трудом завоеванным им самим миром настоящей науки. Поскольку жили мы в разных городах, то чаще всего переписывались. Юрий Валентинович писал письма под копирку, а копии оставлял себе. Его фирменным стилем было помещать в начале письма эпиграф. Одним из любимых и повторявшихся была строфа из стихотворения Корнея Чуковского «Телефон»: «Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота!» Эпиграфы сразу выражали содержание и отношение к теме письма. Их я использовала в качестве эпиграфов к главам книги. У меня до сих пор хранятся и конверты, и оригиналы писем, копии которых в 2007 году были проданы наследницей Кнорозова вместе со всем его оставшимся архивом в США[6].

И еще. Я только со временем осознала, что особенно искренние дружественные отношения Юрий Валентинович выстраивал с теми коллегами-женщинами, которые носили имя Галина. А самой любимой аспиранткой его была армянка Галина Авакьянц. И только уже после его ухода я поняла, что это было совсем неслучайно – всю свою жизнь Кнорозов очень трепетно относился к опекавшей его с детства

[6] http://atom.doaks.org/atom/index.php/yuri-valentinovich-knorozov-papers

сестре Галине, так похожей на армянскую бабушку-актрису. Так что мне, безусловно, с именем несказанно повезло.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.
Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.
Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

Кнорозов как глубокий знаток литературы, поэзии и любитель образов, видимо, следовал рефлексиям великого поэта. Литературу он явно расценивал как некую форму обретения коллектива единомышленников. При этом если его друзья студенческого периода вспоминают о его романтических пристрастиях – «Дафнис и Хлоя», например, – то своим коллегам в более зрелом возрасте он всегда давал почитать старое затертое дореволюционное издание «Графа Дракулы», поскольку в советские времена эта книга не переиздавалась.

А вот обязательных для восхищения авторов он не воспринимал. Анну Ахматову не считал поэтессой, про Цветаеву говорил, что «никогда про нее не слышал», «Доктора Живаго» оценивал как весьма посредственное произведение. Зато с гордостью рассказывал, что знает подлинный текст «Мурки». Это было его, кнорозовское, позиционирование себя. С самого начала мы спелись на любви к «Бравому солдату Швейку» – Кнорозов часто приводил цитаты из этой книги. Всегда перечитывал и цитировал «Нашего человека в Гаване». И вообще Грэм Грин тоже был одним из любимых авторов – его он выделял и ценил за некоторую бытовую абсурдность сюжетов и особенный парадоксальный юмор. Не зря Юрий Валентинович говорил, относя это и к драмам своей собственной жизни: «Только чувство юмора меня и спасало».

О самих пережитых драмах никогда не заговаривал, а если и упоминал, то активно используя литературные авторские тропы, заведомо принижающие значимость излагаемого, – парадоксы, иронию, литоты. И юмор его был именно таким – парадоксальным, иногда на грани черного. Помню, как редактор одного из изданий при публикации статьи Кнорозова о заселении Америки (он всегда поручал мне

общение с его московскими «редакторшами») изо всех сил пыталась убрать или заставить переделать фразу: «*Индейцам помогало мощное экваториальное течение и постоянные пассаты, которые доставляли лодки и плоты на острова Полинезии, где мореплавателей радостно встречали местные людоеды*». Однажды он прислал мне для иллюстрации «принципов работы этнографов» напечатанное на машинке стихотворение Василия Львовича Величко под названием «Впрок»[7]:

Немало переплыл бушующих морей
Аббат Фра-Хименес, бесстрашно и упорно:
Объехав много стран, чтоб сеять веры зерна
На целинах сердец убогих дикарей.

И вот – одерживать духовные победы
Он в Тихий океан был принесен волной
К далеким островам – и твердой став ногой
На риф коралловый, где жили людоеды.

Там ласковый ему оказан был прием:
Должно быть, дикари в ту пору были сыты...
И, сев под кактусом, миссионер маститый
Вступил немедля в бой с невежеством и злом.

Особенно восстал он против людоедства.
Но хором дикари ему ответили: «Ей-ей!
Нам поневоле есть приходится людей:
От смерти с голоду иного нету средства!

Бывает много птиц в лесах у нас порой,
То вдоволь рыбы нам дают морские воды,
Но после настает такое время года, –
Хоть волком вой!!!

Тогда всем племенем садимся мы в пироги
И мчимся на войну по бешеным волнам
К чужим селениям, где пищу храбрецам
Уж заготовили заботливые боги!

Под кровом тьмы ночной врагов разбивши в пух,
С их женами домой бежали, – но не со всеми:
Оставив молодых и бодрых жен на племя,
Мы на обед себе везем старух...»

Но Хименес прервал: «Противно! Фи! Невкусно!
Без этих ужасов вы обойтись могли б!

[7] Текст можно найти по ссылке: http://bibra.ru/subject/velichko-vasilij-lvovich/#top

Не лучше ли, друзья, хотите: птиц и рыб
Я научу вас впрок заготовлять искусно?!

«О, да!» – воскликнули в восторге дикари.
И думал Хименес: «О Боже, как проворно
В их душах проросли любви и веры зерна,
В их слепоту проник священный луч зари!..»

И долго пробыл там, для духа и для тела,
Успел полезного немало преподать.
И, всех благословив, поехал продолжать
Среди других племен свое святое дело.

Чредою месяцы промчались и года –
И вновь приплыл аббат к прозревшим людоедам.
Возликовали все: «Отец наш! Тяжким бедам
Предел положен навсегда!

Приветствуем тебя! На век от голодухи
Наукой чудною своих детей ты спас!
Всегда имеются здесь ныне про запас –
Соленые старухи!..»

Копии распечатанного на машинке экземпляра этого текста были у всех коллег Кнорозова – сам сюжет был выстроен абсолютно в духе Юрия Валентиновича и соответствовал его чувству юмора. Как и тому, насколько он не терпел лицемерие – в любом виде оно способно было вывести его из себя. Помню, как на одной из конференций мною был заявлен доклад по тем самым переведенным за месяц «Песнопениям майя». В нем, в частности, речь шла о жертвоприношениях. Это был мой первый доклад, я волновалась. А когда дошла очередь до вопросов, то встал В.А. Кузьмищев с видом великого идеолога и начал вещать о том, что мы, как советские люди, безусловно осуждаем жертвоприношения. Я стояла, слушала его, а на языке у меня вертелась фраза из фильма Данелии: «Дядя Петя, ты дурак?», но я сдержалась. Однако что именно надо было отвечать в таких случаях, мне в голову не приходило. И тут вышел разъяренный Кнорозов и разнес в пух и прах всю эту лицемерную демагогию, не стесняясь особо в выражениях, но при этом вполне академично. Это был потрясающий урок на всю мою жизнь: держать удар даже в самых нелепых ситуациях и всегда, не подлаживаясь, давать исчерпывающий комментарий.

А мне иногда Кнорозов завидовал: «Счастливый вы человек – стольких книг еще не читали...» Это тоже было в его стиле – при этом он обязательно что-то рекомендовал, давал прочесть или даже дарил ту или иную книгу. Детективы любил всегда – от классических:

Конан Дойля, Агаты Кристи, которые помнил наизусть, до новых – «поточных», которые появлялись в 1990-х.

И, наверное, последнее, – о подарках. Он с удовольствием дарил человеку любую свою вещь, если она тому нравилась. А на вопрос «Зачем же вы дарите, если это нравится вам самому?» – Юрий Валентинович отвечал: «А зачем же я буду дарить то, что мне не нравится?» И это тоже стало своего рода уроком.

Юрий Валентинович был очень трогателен, когда приезжал в Москву и останавливался у нас, всегда с удовольствием беседовал с мужем, «доном Гильермо», обсуждал что-то с дочерью, «сеньоритой Анной», для которой он был почти дедушкой (дети всех коллег его просто обожали), привозил в подарок коту Мухтару сухой валерьяновый корень...

Все близкое окружение Кнорозова знало, что для каждого человека у него обязательно существовали прозвища-характеристики, наподобие военных имен индейцев. Эти прозвища могли меняться по мере происходивших в жизни событий и совершавшихся поступков. На первом этапе он торжественно объявил, что моим прозвищем будет «Бесхвостая Лиса», на что я несколько обиделась, но протестовать и обсуждать не стала. Я тогда еще не вошла в понимание его теории коммуникации. После защиты кандидатской диссертации, видимо, отождествленной моим Учителем с инициацией, я официально перешла в статус «Лисы с Хвостом». А вот когда издала первую книгу, он с характерной своей хитрой улыбкой выдал мне открытку, на которой была изображена бегущая лиса с пышным хвостом, закусившая роскошного орущего петуха... Вид у Кнорозова при этом был чрезвычайно довольный – он нашел точный семиотической прием! Надо сказать, что раз попав в его систему образов, дальше можно было общаться лишь ключевыми словами – подразумевавшийся подтекст уже был известен адресату. Когда начались наши поездки в Гватемалу и Мексику, над этим много смеялись слушатели, когда мне приходилось переводить выступления Кнорозова: он произносил одно-два слова, а потом я несколько минут объясняла, что он хочет сказать.

О чем-то из уроков Учителя будет упомянуто в главах книги. Но самое забавное – это то, что у меня, как оказалось, с самого начала была гораздо более простая и доступная возможность познакомиться с Кнорозовым. Дело в том, что моей подругой по 41-й французской школе и испанской группе во Дворце пионеров на Ленинских горах была Марина Берестова – дочь детского поэта Валентина Дмитриевича Берестова, «дяди Вали», друга Кнорозова с университетских времен, хорезмских экспедиций, а также «кухонных семинаров у Плунгяна». И когда Юрий Валентинович через несколько лет нашего общения решил меня познакомить с Берестовым, он долго не мог

взять в толк, почему мы уже хорошо знакомы... Жизнь всегда богаче схем и полна парадоксов.

***

Итак, какое же отношение имеет моя биография к этой книге? Поскольку мне посчастливилось работать под руководством Кнорозова начиная с 1979 года, то многие факты, мнения и замечания мною приводятся на основе собственных воспоминаний, записей и даже тех самых текстов, которые были надиктованы и присланы в многочисленных письмах Юрием Валентиновичем, оставлявшим в них свою версию и свое видение происходившего. И надо заметить, что даже самые немыслимые истории, которые рассказывал Кнорозов, как ни странно, всегда оказывались правдой. Однако очень часто свидетельства других участников тех давних событий явно шли вразрез с позицией Кнорозова. Именно поэтому в некоторых случаях я привожу разные версии – пусть читатель сам попытается сложить эту тонкую мозаику чужой жизни.

Многие события, начиная с 1980 года, проходили, так или иначе, при участии моем или членов моей семьи. Поэтому изложение включает и повествование от первого лица. При написании биографии, безусловно, логичным кажется хронологический принцип представления событийного ряда. Но Кнорозов был гениальным ученым, и потому несколько сюжетов строятся в целом вокруг научной проблемы, а не хронологии.

В результате сложилось так, что предлагаемый текст, который писался очень долго в силу разных причин, в целом носит разножанровый, неизбежно страдающий от эклектики характер – помимо собственно текста, это и исторические реконструкции, и биографические экскурсы, где-то почти детективные расследования, а также разнообразные архивы, документы, воспоминания и интервью. А в разделах, касающихся путешествий Кнорозова, связующими точками вообще становятся кажущиеся незначительными мелочами сюжеты, которые, на самом деле, в то время интересовали Кнорозова больше всего – в рамках исследуемых на тот момент тем или же почему-то производили на него большое впечатление.

Да и хронология событийного ряда в биографии Кнорозова получается не очень последовательной – к своим темам он возвращался на протяжении всей жизни, и потому зачастую сложно понять смысл принимаемых решений и действий, не забежав вперед. «Мы ничего не забываем – только откладываем», – любил повторять Юрий Валентинович.

Поэтому список людей, которым я чрезвычайно благодарна за помощь в подготовке такой простой и такой непростой биографии Кнорозова, достаточно велик. Огромная часть работы с архивами пришлась на долю Евгении Андреевны Долговой, крупнейшего

специалиста по истории отечественной науки, – и трудно переоценить эту бесценную помощь. Некоторые предварительные архивные публикации уже были выполнены в нашем соавторстве – и в случаях их использования в книге я указываю авторство данных текстов, как принадлежащее Е.А. Долговой.

В разработке одного из сюжетов принимал участие мексиканский исследователь Алехандро Шесенья, что также отмечено в издании. Дмитрий Дмитриевич Беляев оказывал помощь в подборке материалов.

Начиная собирать сведения о жизни Ю. В. Кнорозова, я обратилась за воспоминаниями ко всем, кто, так или иначе, знал великого ученого. И многие откликнулись: прислали свои тексты или дали интервью. Некоторые этого не сделали по каким-то своим причинам – и эти лакуны в повествовании, не обессудьте, не на моей совести.

И хочу поблагодарить всех, кто мне помог, – и живых, и особенно уже ушедших, перед которыми чувствую себя виноватой, но без чьей помощи эта книга никогда не появилась бы. И есть люди, которые не оставили воспоминаний и даже не были знакомы с Кнорозовым, но заслуживают благодарности своим вкладом в сохранение его идей.

Племянники Ю.В. Кнорозова, поделившиеся бесценными и очень добрыми воспоминаниями о Юрии Валентиновиче:

Александр Сергеевич Кнорозов
Наталья Сергеевна Кнорозова
Татьяна Борисовна Кнорозова
Ирина Леонидовна Кнорозова
Михаил Владимирович Терехов

Университетские друзья и коллеги, предоставившие свои воспоминания в виде бесед или готовых текстов:

Александр Маркович Плунгян (1924–2019)
Ирина Федоровна Хорошаева
Лидия Тихоновна Мильская (1924–2006)
Мира Михайловна Рожанская (1928–2014)
Татьяна Васильевна Степугина (1923–2016)
Ирина Константиновна Федорова (1931–2010)
Ольга Михайловна Федорова, передавшая записи и фотографии, сделанные Ириной Константиновной
Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017)
Валерий Иванович Гуляев
Авакьянц Галина Сергеевна
Александр Владимирович Кузьмищев (1953–2012), бескорыстно предоставивший переписку отца В.А. Кузьмищева с Ю.В. Кнорозовым

Марина Валентиновна Берестова, поделившаяся воспоминаниями о Кнорозове, друге отца Валентина Берестова
Семен Самсонович Кутателадзе, оказавший огромную помощь в истории с «машинной дешифровкой»
Всеволод Леонидович и Ирина Леонидовна, дети Леонида Витальевича Канторовича, предоставившие и разрешившие опубликовать уникальные свидетельства научного и человеческого подвига их отца.

Моя семья, всегда принимавшая участие и помогавшая во всех моих делах:
Людмила Селиверстовна Ершова (1925–2000)
Гильермо Антонио Овандо Уркису – именно он сумел впервые вывезти Ю.В. Кнорозова в Гватемалу
Анна Гильермовна Овандо Уркису, за помощь во всем и уникальные видеосъемки Ю.В. Кнорозова.

Иностранные коллеги, помогавшие в сборе материалов о Юрии Кнорозове:
Мария Тереса Франко, подарившая Кнорозову Мексику
Тиахога Руге, помогавшая Кнорозову реализовать некоторые мечты
Маркос Констандсе, издавший на испанском языке трехтомник трудов Юрия Кнорозова
Хосе Анхель Абелардо Тревиньо (1942–1999) – посол Мексики в РФ, много сделавший для Ю.В. Кнорозова в последние тяжелые годы его жизни и для похорон. И через несколько месяцев ушел сам...
Алехандро Шесенья, продвигающий идеи Кнорозова в Мексике
Сарина Мартинес – бывший консул Мексики в России, организовывавшая его поездки в Мексику и предоставившая материалы о Кнорозове
Майкл Дуглас Ко, помогавший Кнорозову и опубликовавший знаменитую книгу о дешифровке письма майя
Софья Феодосьевна Добржанская (1933–1993), публиковавшая труды Кнорозова в США и много сделавшая в годы «холодной войны» для признания гениального открытия русского ученого
Джордж Стюарт (1935–2014), посылавший литературу и искренне стремившийся сделать открытие Кнорозова достоянием человечества.

Благодарность учреждениям, которые сохраняют имя Ю.В. Кнорозова:
Российский государственный гуманитарный университет, в самые тяжелые для современной России времена сохранивший научную Школу Кнорозова и продолжающий ее развивать

Свято-Троицкий православный монастырь в Гватемале, без всесторонней поддержки которого работа над биографией Кнорозова не была бы закончена

Институт междисциплинарных исследований им. Рафаэля Айяу (IEIRA), обеспечивающий реализацию исследовательских проектов Центра Кнорозова по изучению майя в Гватемале

Национальный институт антропологии и истории Мексики (INAH), всегда безоговорочно поддерживавший Юрия Кнорозова

Правительство штата Юкатан и патронат CULTUR, обеспечивающие реализацию исследовательских проектов Центра Кнорозова по изучению майя в Мексике

Университет Кинтана-Роо, обеспечивший издание трудов Кнорозова и создавший кафедру Кнорозова

Университет Сан-Карлос в Гватемале, создавший кафедру Кнорозова и присудивший ему звание «Почетного доктора Университета Сан Карлос» in memoriam

Российский этнографический музей (РЭМ), предоставивший возможность работы с личным делом Ю.В. Кнорозова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера), предоставивший возможность работы с личным делом Ю.В. Кнорозова

Архив Российской академии наук (ФГБУН «Архив РАН»), пытавшийся сохранить архив Ю.В. Кнорозова в России

И особая благодарность тем, кто не был знаком с Ю.В. Кнорозовым, но много сделал для сохранения его наследия:

Андрей Владимирович Мартынов – руководитель телерадио компании «Неизвестная планета», первым начавший проект памяти Кнорозова в годы, когда никто не помнил этого имени

Сергей Михайлович Миронов, без кого не появился бы памятник на могиле Ю.В. Кнорозова

Андрей Александрович Фурсенко, без чьей поддержки школа Кнорозова не обрела бы такого размаха, а в Мексике не был бы установлен памятник Юрию Кнорозову

Владимир Владимирович Путин – за признание и слова, сказанные в адрес Ю.В. Кнорозова, – они открыли многие двери для увековечивания имени русского гения.

И, наконец, огромное спасибо многочисленным сотрудникам всех «Центров Кнорозова» в мире – Мезоамериканского Центра имени Ю.В. Кнорозова в РГГУ; Центра по изучению майя Юрия Кнорозова (CEMYK) в Гватемале, Центра по изучению майя Юрия Кнорозова (CEMYK) в Мексике. Благодаря их работе научная школа гениального русского ученого сохранилась и продолжает развиваться.

Спасибо всем, мои дорогие друзья и коллеги, которых я благодарю вовсе не по протоколу, а за реальную поддержку в этом нелегком деле. Мы вместе сумели сделать так, что имя гениального русского ученого Юрия Валентиновича Кнорозова, жившего и работавшего ради всех нас, обрело достойное место. Итак! Как это было у Булгакова – реконструкция внешности по воспоминаниям свидетелей?

> «Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй – что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было.
>
> Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится. Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой – золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду – лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой...»

Собственно, нечто подобное, сотканное из противоречий, можно собрать в качестве портрета из воспоминаний о Кнорозове. Одни рассказывают, что он слыл в школе хулиганом, а другие – примерным учеником. Одни восхищались его элегантностью, а другие сравнивали с бомжом. Одни считали его поэтом и романтиком, другие утверждали, что всему предпочитал детективы... Одни говорили, что бабушка его была турецкоподданной, другие – что армянкой. День рождения то ли 19 ноября, то ли 31 августа. Одни описывают, как он брал Берлин, – другие настаивают, что в военных действиях не участвовал. Одни уверяют, что он был трезвенником, другие – что пил как сапожник. Одни – что был патриотом, другие видели в нем чуть ли не диссидента. Одни знали его как холодного аналитика, другие подозревали в таинственных «паранормальных» способностях. Одни считали его чуть ли не бабником, а другим и в голову не приходило заподозрить в легкомысленном поведении. Есть и такие, кто страстно интересуется лишь одним: пил Кнорозов или не пил? Как будто здоровый образ жизни предопределяет наличие гениальности. Как сказал бы сам Юрий Валентинович, скорее наоборот. Одни видели его нелюдимым и отстраненным, другие – предметом обожания детей и животных. Одни никогда не слышали от него больше пары фраз, а другим довелось часами, открыв рот, заслушиваться его особым невероятным «видением» исторических событий. Боялся репрессий – но

ради научной истины готов был пойти на любой риск. Одни помнят о его изысканной корректно литературной речи, а другим довелось слышать от него даже солдатский отборный мат. Одни знали его как «доктора Джекила», другие – как «мистера Хайда», при этом некоторым довелось повстречаться и с тем, и с другим... Был он вообще крещен с именем Георгий или же его назвали сразу Юрием и никогда не крестили? И вообще, произносится ли фамилия с ударением на первом слоге – Кно́розов, или же на втором – Кнороз́ов? Причем испаноязычный вариант вообще чаще звучит как Кнороз́ов. А уж сколько было дискуссий по поводу этимологии этой фамилии...

Но все же есть характеристики, которые никто не способен опровергнуть: у Кнорозова были невероятные синие глаза, Кнорозов опекал котов и всякую живность. И главное – в любом из образов и состояний ему были совершенно чужды всякое предательство и подлость. И еще – он не умел прощать. Сам всегда был безупречно честен и верен: безупречно верен своей Родине России – во всех ее ипостасях, жертвенно верен своей семье – жене и дочери, без всяких условий верен своим друзьям, безупречно верен делу своей жизни – науке. И, наконец, Кнорозов был исследователем от Бога.

Прошло двадцать лет с того дня, как ушел из жизни великий ученый. Может быть, и не стоит, цитируя Булгакова, «гнаться по следам того, что уже окончено»? Однако то, что делает настоящий исследователь, не предполагает завершения. Напротив, считал Кнорозов, «надо говорить скорее о необходимости начать работу». И потому попробуем сохранить и передать дальше эту невидимую нить, «небесную веревку», как говорили майя, протянутую нам последним Гением XX века.

ГЛАВА 1
ГЕНЫ ГЕНИЯ

В Севске поросенка на насест
сажали и приговаривали: «Цапайся,
цапайся; курочка о двух
лапках да держится»

Русский Север. Купцы Макаровы: мать

Русский Север. Особое место на карте России. На протяжении столетий здесь скрывался от притеснений церкви и власти свободолюбивый люд. Сюда ссылали недовольных властью. Но именно отсюда всегда начиналось возрождение страны. Особые люди русского Севера – сплав пришлых русских и многочисленных коренных народов: коми, финнов, карелов, саамов, вепсов, чуди... Именно они построили флот, в болотах возвели новую столицу, открыли путь в Европу, добрались до Америки, подарили России Михаила Ломоносова, родоначальника отечественной науки и, наконец, создали промышленность, превратившую страну в мощную державу.

Мистические рассказы и легенды Севера – это особая тема в нашей жизни. «Чудские» сказки вдохновляли Одоевского, Блока, Клюева, Есенина, Бажова, Рериха. Неудивительно, что даже Дед Мороз оказался жителем Великого Устюга.

Именно здесь, на русском Севере, в Великом Устюге Вологодской области обнаруживаются предки Кнорозова по материнской линии: небогатая семья купца Макарова.

История Великого Устюга восходит к XIII веку, когда город впервые упоминается в летописях. Тогда на земли финно-угорских племен пришли передовые отряды Ростово-Суздальского княжества. Они-то и выстроили укрепления неподалеку от устья реки Юг, на высоком берегу реки Сухоны – притока Северной Двины, связываю-

щей эту часть России с Белым морем. В XIV веке город был оплотом московских князей в борьбе с Новгородом. А два века спустя он становится крупным купеческим центром с процветающей торговлей и ремеслами, чему немало способствовали старообрядцы. С этого времени Устюг именуется Великим.

Откуда появился в Великом Устюге купец Сергей Макаров, теперь уже никто и не скажет. Но до сих пор потомки упорно вспоминают, что пришел Макаров откуда-то совсем с севера – из Архангельска, поднимаясь по той самой Северной Двине. Причем пришел не просто так, а покинув старообрядческую общину, возможно, самого непримиримого, «филипповского» беспоповского толка.

Старообрядцы – народ особый, всегда отличавшийся духовной твердостью, правильностью жизни и честностью. Такими их сделала жизнь.

История старообрядчества теснейшим образом сплетена с историей русского православия и Российского государства. Духовный раскол, осуществленный в XVII веке церковными иерархами в пылу борьбы за власть и получивший название «реформ патриарха Никона», привел к трагедии миллионов самых обычных обитателей России. Невероятно, однако и сейчас, в XXI веке, мы время от времени сталкиваемся с отголосками тех далеких драматических событий.

Как известно, христианство появилось на рубеже нашей эры, или «с рождеством Христовым». Почти сразу, хотя и как единая церковь, возникли две основные версии – греческая и римская, католическая.
Введенное в X веке на Руси христианство имело греческое происхождение и относилось к так называемой ортодоксальной, или консервативной, версии. Эта версия не допускала никаких пересмотров – ни в обряде, ни в догме. Тогда как римская версия христианства – католичество – так или иначе корректировалась, приспосабливаясь к реальной меняющейся жизни, очень давно не имевшей никакого отношения к исходным иудейским культам.

На Руси ортодоксальное христианство стало называться «православием», считаясь единственно правильной верой. За семь веков на Руси много что изменилось: язык, традиции, жизнь. Не всегда грамотные, плохо понимавшие смысл текста переписчики церковных книг уже не улавливали некоторых реалий старого языка. Вводили, с их точки зрения, правильные пояснения и интерпретации. Поэтому в XVII веке формально считалось, что реформа была направлена на «исправление» возникших ошибок, то есть речь шла о восстановлении утраченной «правильности». Исправлению подлежали также и церковные обряды, все больше отклонявшиеся от греческих канонов. Естественно, что представления о той самой «правильности» были также весьма смутными. За церковной реформой стояла, как это водится, большая политика и яростная борьба за власть.

В результате оказалось, что написание «Иисус» вместо «Исус» или изображение четырехконечного креста вместо восьмиконечного, а также призыв креститься не двумя, а тремя перстами стало достаточным поводом для глубочайшего раскола всего общества – от правящих верхов до последних крестьян. Началось все с того, что после Соборов 1650-х и 1660-х годов многие иерархи церкви выступили против преобразований. Властолюбивый патриарх Никон выслал их из Москвы, развязав жесточайшие преследования и репрессии.

Мощное сопротивление новшествам развернулось в первую очередь на русском Севере и Северной Двине – основной транспортной артерии Поморья. Главным центром являлся, конечно, Соловецкий монастырь. Попытки царя Алексея Михайловича силой подавить бунтарей-монахов лишь привели к появлению мучеников и широкому участию «раскольников» в народных бунтах по всей стране. Хотя сам Никон был, в конце концов, лишен царем сана и осужден, недовольство зрело, заставляя роптать и бояр, и купцов, и стрельцов, и посадских, и крестьян. Русь отчаянно защищала не обряды – но саму веру, а также свои обычаи, культуру и национальное достоинство. Бороться с армией и властью было сложно, и потому главным оружием явилось отрицание и самой власти, и служившей ей церкви.

Крайней, безвыходной формой этого отрицания стали самосожжения – коллективные «гари» на Северной Двине, которые начались в 1683 году с появлением карательных экспедиций, подчистую отбиравших у старообрядцев хлеб и скот. Расчетливый и умный Петр Первый вынужден был смягчить отношение к раскольникам: члены старообрядческих общин были лучшими ремесленниками и купцами, столь востребованными царем-строителем. С другой стороны, под конец правления Петра, после заговора и гибели царевича Алексея, подозреваемого в связи со старообрядцами, начались гонения, в результате которых колонии старообрядцев рассеялись по всей России, вплоть до Сибири и Забайкалья и даже за их пределами.

Так называемые гари закончились лишь в 1753 году, унеся сотни человеческих жизней. С приходом в 1762 году к власти Екатерина Вторая прекращает преследования старообрядцев, пытаясь даже специальным манифестом вернуть в страну бежавших за границу. С этого времени старообрядцам позволяется «*селиться особыми слободами, где они имеют быть содержаны на основании узаконений в двойном окладе, и притом иметь будут свободу записаться в крестьянство и в купечество, и при поселении от всяких податей и работ получат льготы на шесть лет*». Два года спустя новая уступка: старообрядцы, «*кои Православной церкви не чуждаются и таинства церковные от православных священников приемлют*», а только соблюдают «*по суеверию*» некоторые застарелые обычаи, не противоречащие догматам, «*не отлучаются от церкви, раскольниками не называются и освобождаются от двойного оклада*».

Екатерине нужны толковые, инициативные, работящие, непьющие подданные для освоения новых земель. В результате подобной политики исчезает противостояние и фанатизм со стороны раскольников. При этом количество приверженцев старой веры резко возрастает – не только в скитах, но и в обычных деревнях и селах.

За долгие годы нахождения старообрядцев вне закона у них возникли новые проблемы: старые священнослужители умерли, а новым было неоткуда появиться. Так возникло два течения. Одни, принимавшие на определенных условиях новых священников из официального (русского или греческого) православия, назвались *поповцы*, или *беглопоповцы*. Центром беглопоповщины стала Москва.

Другая часть старообрядцев вообще отвергала священство, считая, что два главных таинства – крещение и исповедь – на основании канонических правил можно совершать и мирянам: «Сам Христос будет нам невидимым Святителем, как непреложно Он есть и видимый глава Церкви православной». Эта часть получила название *беспоповцев*. Наиболее крупные общины расселились на Европейском Севере России, в районе Новгорода и Пскова, а также в Сибири. Руководили ими избираемые наставники.

В первой половине XVIII века верховья Северной Двины приютили радикальное направление беспоповцев – «филипповское согласие». Община вовсе не признавала священников и не шла ни на какие компромиссы с властью и официальной церковью. Даже брак среди беспоповцев считался делом мирским и заключался с помощью благословения наставника. В 1743 году Филиппа с группой единомышленников окружил военный отряд – и те сожгли себя в срубе. Но это событие лишь утвердило филипповцев в вере и стимулировало распространение движения в Тверскую и Ярославскую губернии.

С первой половины XIX века правительство стало все благосклоннее относиться к старообрядцам, поскольку именно они деятельно развивали торговлю и хозяйство. Правда, опасаясь излишней экономической независимости, власти в 1853 году решили уничтожить некоторые скиты. Кое-где, по небескорыстной воле местных властей, вновь начались притеснения общин. Некоторые купцы и ремесленники предпочитали селиться в городах. Удивительная способность старообрядцев сохранять единство со своим народом в целом и одновременно некоторую обособленность в ходе странствий по территории России и даже других континентов показала, насколько высока у них возможность успешно, творчески, с достоинством приспосабливаться к жизни в любой точке земного шара, в любых общественных или природных условиях.

Такой могла быть история появления купца Макарова в Великом Устюге. Некоторые предполагают, что случилось это чуть ли не во времена Петра I. Но достоверно известно одно: некий прапра-

дед Юрия Кнорозова оставил скит и поселился в городе. Решил и сделал, навсегда оборвав прошлые связи, какими бы дорогими они для него ни были. Потому никто и не помнит нынче, спустя полтора века, о том периоде жизни. И эта неоднозначная черта – навсегда обрывать родственные связи – передалась позже его детям и даже правнукам.

История не сохранила памяти и о том, пришел ли старший Макаров один или сразу с супругой. А вот первый, кого история Макаровых помнит, был Василий. Он женился в Великом Устюге на девушке из обычной православной семьи. И тогда для заключения брака он, возможно, вынужден был примкнуть к официальной православной церкви. В городе проживало немало старообрядцев, но сыновья купца воспитывались в православии. Особого богатства Василий Макаров не нажил – сказывалась старообрядческая порядочность в ведении дел и коммерции, а также и то, что начинать ему, по всей видимости, приходилось с нуля, без поддержки семьи и отцовского капитала.

Семейные воспоминания Кнорозовых хранят память о сыне купца Макарова – мещанине Сергее Васильевиче, взявшем в жены красавицу Наталью Павловну. Судя по рассказам, его тоже не особенно увлекала коммерция. А может быть, интересовало Сергея Макарова совсем иное.

Устюжские истории

В те годы Великий Устюг, расположенный сейчас на границе Вологодской, Архангельской областей и Республики Коми был центром, откуда начинались удивительные путешествия. До открытия нового, балтийского торгового пути в Европу северные города вели торговлю с Западом. Но времена менялись, и Сухоно-Двинская водная магистраль постепенно утратила свое значение. И тогда устюжские купцы переключились на Восток – в Сибирь и дальше в Америку. Через Великий Устюг проходил путь русских землепроходцев, открытый еще в XVI веке. Путь пролегал от Вологды по Сухоне через города Тотьму и Устюг Великий к реке Вычегде до Соли Вычегодской, затем – волоками – на реки Каму и Чусовую. Оттуда прямо на восток, «встречь солнцу». Именно этим путем пошла известная 1-я Камчатская экспедиция (1725–1730), в которой участвовал Витус Беринг. Экспедиция добралась до Якутска и Камчатки.

В следующей экспедиции, достигшей Америки, у Беринга служил юнгой некий Лоренц Ваксель. Между Вологдой и Великим Устюгом, в Кадниковском уезде, находилось имение Вакселей. Там хранилась большая коллекция рисунков, сделанных во время плавания в Америку в 1741 году. Считается, что это событие положило начало «Русской Америке».

Сохранились документы о предпринимательской деятельности местного купечества в Сибири, на Камчатке и Алеутских островах во второй половине XVIII и первой половине XIX века. Несколько предпринимателей купили бот под названием «Св. Иулиан», отремонтировали его, снабдили всем необходимым и в сентябре 1758 года отправили на нем в Америку артель промышленных людей.

Экспедиция на «Св. Иулиане» завершилась в августе 1762 года. Промышленники, терпя в пути «превеликие недостатки в воде и пище, так что и последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли», вернулись на Камчатку, когда их уже считали погибшими. Мореход Степан Глотов отчитался местному начальству о результатах экспедиции и составил «реестр» открытых земель, приложив карту Алеутских островов. Два года спустя эти документы оказались в столице, в Сенате. Об открытиях было доложено Екатерине II, которая приняла решение направить на вновь открытые острова специальную экспедицию. Все 12 купцов, участвовавших в походе, были награждены золотыми медалями с изображением Екатерины и надписью об открытии островов. Открытием заинтересовался и Михаил Ломоносов.

Спустя год после плавания «Св. Иулиана» Федор и Василий Кульковы снарядили новое судно к берегам Америки: «Захарий и Елизавета». Вернувшись, Федор Кульков сообщил об увиденном в Кунсткамеру и составил описание под названием «Известия, собранные из разговоров вологодского купца Федора Афанасьевича Кулькова о так называемых Олеутских островах в Санкт-Петербурге в 1764 году». В «Известиях...» описывалось увиденное: природные условия, растительный и животный мир, быт островитян, одежда, украшения, пища, брачные обряды, особенности ухода за младенцами. После сведений «как самовидца» Федор Кульков сообщает и «о слышанном». Например, «о матерой земли Америки, из которой-де следы, может быть, небезызвестны некоторым промышленникам, особенно тем, которые, прежде сего искав Олеутские острова, блудили долго по морю и заходили весьма далеко».

Известно было, что в 1771 году вологодский купец Матвей Оконщиков совместно с якутским купцом Прокопием Протодиаконовым снарядил и отправил к Курильским островам судно «Св. Прокопий» с артелью промышленных людей для промысла морского зверя на острове Уруп.

Еще один предприниматель долго оставался героем Устюгских хроник. Это Михаил Булдаков. Именно он в начале XIX века принимал активнейшее участие в организации кругосветных плаваний, прославивших российский флот, осваивал Аляску.

Отец Михаила, устюжский купец Матвей Булдаков, отправил своего младшего, самого талантливого сына, как теперь сказали бы, «на практику» в Иркутск, где тот обратил на себя внимание известного морехода Григория Ивановича Шелихова, пригласившего способного юношу в свою торговую компанию. После смерти Шелихова управление компанией перешло к его жене Наталье Алексеевне, внучке богатого купца из Устюгского уезда. Мужем старшей дочери Шелиховых, Анны, был дворянин Николай Петрович Резанов – обер-секретарь Сената, участвовавший в управлении торговой компанией. А вот младшую дочь,

пятнадцатилетнюю красавицу Авдотью, Шелихова выдала за купца Михаила Булдакова. Благодаря совместным усилиям зятьев – Резанова и Булдакова – Наталья Алексеевна сумела спасти компанию мужа от пытавшихся прибрать ее к своим рукам иркутских купцов. Одновременно с этим Н.А. Шелихова 10 ноября 1797 года за заслуги супруга в освоении Северной Америки получает дворянское звание.

М. Булдаков с тещей отправляются в Петербург, где при участии Н.П. Резанова укрепляют новую компанию. В результате в 1798 году утверждается акт соединения компаний под названием «Северной Американской компании», которая вскоре была переименована в «Российско-Американскую компанию». Она учреждалась в целях освоения территории Русской Америки и Курильских островов. Ей предоставлялась монополия на все промыслы и ископаемые, находящиеся на этих территориях, а также право организовывать экспедиции, занимать вновь открытые земли и торговать с соседними странами. Генеральным директором становится муж младшей дочери Н.А. Шелиховой – устюжский купец Михаил Булдаков.

В 1800 году по распоряжению царя Александра I правление компании переводится в Петербург. Булдаков со своим семейством селится в доме на Миллионной улице, купленном для него Николаем Резановым. Несколько лет спустя «Российско-Американская компания» приобретает у графа Воронцова дом на Мойке. Еще через два года новый хозяин дома, купец Булдаков, внук простого устюжского кузнеца, получает чин коллежского асессора, дававший титул «высокородие» и приравнивавшийся к званию полковника или капитана первого ранга.

В обязанности первенствующего директора входило осуществление связей и обеспечение русских поселений в Северной Америке. Булдаков лично участвует в организации первой кругосветной экспедиции под командованием Крузенштерна и Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева». Начальником экспедиции был назначен Н.П. Резанов, на которого возлагалась дипломатическая миссия. Незадолго до этого после родов умерла жена Резанова – Анна Григорьевна, что потрясло Николая Петровича. И кругосветное путешествие могло отвлечь его от переживаний.

Именно во время этого путешествия и произошла трагическая история любви графа Резанова к прекрасной юной дочери губернатора Калифорнии – испанке Кончите, история, которая не перестает собирать аншлаги на спектакль «Юнона и Авось».

После смерти Резанова «Российско-Американская компания» лишилась высокого покровительства. С 1820-х годов чиновники и адмиралы начали вытеснять купцов. Это позволяло правительству полностью осуществлять контроль над коммерческой деятельностью, не считаясь с мнением Главного Правления. В 1811 году Компания перешла в прямое подчинение Министерству внутренних дел, что не лучшим образом влияло на дела. Правительство тайно от Компании стало заключать договоры, вызванные конкурентной борьбой с англичанами и американцами, стремившимися захватить рынок. В результате бездарное управление жадных чиновников привело в 1868 году к продаже Аляски – русской земли в Северной Америке.

Сергей Васильевич Макаров, дедушка Ю.В. Кнорозова по материнской линии

Наталья Павловна Макарова, бабушка Ю.В. Кнорозова по материнской линии

Рассказы о Русской Америке долгое время занимали особое место в жизни городов Вологодской области. Так, например, Тихон Шаламов, отец известного писателя, женившись в 1893 году и приняв священный сан, уехал православным миссионером на Алеутские острова. О нем долго вспоминали как о «проповеднике на заграничной службе, владеющем английским в совершенстве, французским и немецким со словарем, блестящем миссионере и лекторе». В 1905 году он возвратился в Россию. А в 1918 году, когда Шаламову перестали выплачивать пенсию, занявший его приход на Алеутских островах монах посылал своему предшественнику небольшие суммы, которые собирали обращенные русским священником в православие алеуты.

Можно представить, что небольшой провинциальный город, где все друг друга знали в лицо и знали все про всех, буквально гудел от историй о путешествиях и Русской Америке. Можно не сомневаться, что именно на этих историях о путешествиях, открытиях, далеких землях и народах и выросли дети купца Сергея Васильевича Макарова – его замечательные дочери. Известно, что Александра родилась в 1886 году, 3 апреля по старому стилю. На следующий день ее понесли крестить в Димитриевскую Дымковскую церковь. Восприемницей, или, как теперь чаще говорят, крестной матерью девочки стала Мария Алексеевна Макарова – незамужняя дочь старшего брата Сергея Васильевича. Таинство совершили священник Александр Жуков с псаломщиком Михаилом Ивонинским.

Разница между сестрами Макаровыми – Варварой, Любовью, Татьяной и Александрой была небольшая. Наверное, их приучали заниматься вышиванием и кухней. Но явно это было не главным в образовании. Неужели и девочки играли в путешественниц и перво-

открывательниц? Да, к женщинам из семьи Сергея Макарова не подходило слово «купчихи».

К вопросам веры купец Макаров относился серьезно: православная Александра всю жизнь оставалась глубоко верующим человеком. Да и в вопросе воспитания дочерей (Бог не дал сына) отец был по-своему непреклонен: они получили самое лучшее для того времени образование. Каждый должен сам решать свою судьбу, считал он, а не зависеть от пусть хороших, но чужих мнений. Каждый должен быть свободен на жизненном пути, выбирая то, что ему нравится и в чем он может преуспеть.

И поэтому двух любимых дочерей, Татьяну и Александру, он отправил учиться. Известно, что Александра сначала окончила полный курс Харьковской Земской фельдшерской школы – в 1910 году. А потом отправилась в столичный Петербург, где два года отучилась в Повивальном институте при Императорском родовспомогательном заведении, получив звание «Повивальной бабки первого разряда с предоставлением права практики по всей Российской Империи». Там же она и начала свой рабочий путь. Кто знает, может, мечтал купец Макаров, что и его дочери совершат великие научные прорывы, как это сделала великая Мария Склодовская-Кюри, открыв в 1898 году полоний и радий...

Учиться женщинам в те времена в России было непросто. Поступавшие на курсы девушки должны были предоставить письменное разрешение от родителей или опекунов, а также подтверждение наличия средств «для безбедного» существования на весь период обучения. Но купец поехал лично договариваться об их поступлении, поскольку прием зависел от усмотрения директора, а количество мест в средних учебных женских заведениях было ограничено.

Женские курсы

В России стремление женщин к образованию проявило себя в 1860 г., накануне отмены крепостного права. Тогда на университетских лекциях стали появляться женщины. Министерство народного просвещения не могло не заметить этого новшества, тем более что слушательницы принадлежали, как правило, к высшему обществу. Поэтому в 1863 году при разработке университетского устава в главные учебные заведения поступил запрос: «Могут ли женщины быть допускаемы к слушанию лекций совместно со студентами, могут ли они быть допускаемы к испытанию ученой степени и какими правами, если выдержат испытания, могут пользоваться?»

Московский и Дерптский университеты отличались консервативностью: при голосовании 20 профессоров дали резко отрицательный ответ, и лишь двое – положительный. А вот Казанский и Петербургский университеты не только согласились с допуском женщин к слушанию курсов, но и предложили приобретать все ученые степени на правах вольнослушателей. Однако в плане работы диплом давал выпускницам лишь право на медицинскую практику и на штатные должности в высших женских учебных заведениях. Несколько университетов, правда, выступили за равные права дипломированных женщин во всем.

Однако, как это часто и до сих пор происходит в России, дело кончилось ничем. Потому лучшие российские женщины стали массово уезжать для получения образования за границу. В 1864 году затихли даже разговоры об образовании женщин. Но ненадолго. Спустя три года в печати поднялась новая кампания по женскому образованию. Дамы из высшего общества подали коллективную петицию на имя ректора Петербургского университета. В консервативной Москве бившиеся за высшее образование женщины создали специальный кружок.

Наконец, свершилось! 2 января 1870 года в Северной столице открылись «общие публичные лекции» для мужчин и женщин, получившие название Владимирских курсов. Причем проходили они в доме министра внутренних дел. Как всегда, из-за проблем финансирования просуществовали курсы недолго и через три года закрылись. Тем не менее в 1875 году появилось официальное обещание правительства обеспечить женщинам полноценное высшее образование. На самом деле правительство было обеспокоено массовым отъездом за границу для получения образования самых ярких представительниц женского пола. Министр образования граф Д.А. Толстой признал возможность получения высшего образования в России делом полезным для отвлечения русских женщин от обучения за рубежом. И в 1878 году учредители Владимирских курсов получили разрешение открыть полноценные университетские курсы. Эффект не заставил себя ждать: количество покидавших страну женщин в тот же год сократилось от нескольких сотен до всего девяти.

Во главе педагогического совета стал профессор К.Н. Бестужев-Рюмин – поэтому курсы и были названы «бестужевскими». Открылось три отделения: словесно-историческое, физико-математическое, специально-математическое. При этом лишь треть курсисток шла на словесно-историческое, наибольший интерес для женщин представляло физико-математическое отделение.

Однако в 1886 году прием на курсы прекращается «для пересмотра вопроса о высшем женском образовании». Но уже в 1889 году открываются петербургские Высшие женские курсы с совершенно иным управлением. Во главе стоял директор, набиравший преподавателей, и инспектриса, занимавшаяся воспитательной частью. Их назначал министр народного просвещения. Впрочем, сохранились все те же два отделения: историко-филологическое и физико-математическое. Еще бы! В этом году Петербургская академия наук принимает в качестве члена-корреспондента математика, физика и астронома Софью Ковалевскую! Ведь именно она стала основательницей математического анализа.

Тем не менее из учебной программы исключили естественную историю, гистологию и физиологию человека и животных. Видимо, чтобы не травмировать психику трепетных курсисток.

В те времена плата за обучение на женских курсах составляла 100 рублей в год, что считалось весьма немалыми деньгами. При этом приезжие слушательницы не могли жить на частных квартирах – они селились либо в специальном интернате, за который следовало платить 300 рублей в год, либо у близких родственников.

Сестры Макаровы жили, по всей видимости, в интернате. Отец не побоялся отправить в столицу дочерей, хотя они появились в Петербурге в довольно смутные времена. Россия находилась в экономическом кризисе. В 1901 году начался террор, развязанный так называемыми эсерами (социалистами-революционерами). Они убили трех министров и нагнали страху на население. В 1905 году крайне неудачно завершилась война с Японией: в Цусимском проливе погиб Балтийский флот. Кроме того, 9 января по приказу Николая II были расстреляны сотни рабочих, пришедших к царю с просьбами улучшить условия жизни. Курсистки Макаровы, на свое счастье, в эти дни оказались в Великом Устюге – они уехали домой на Рождество и задержались. Вернулись, когда это чудовищное преступление власти только увеличило народные волнения: в октябре 1905 года разразилась всеобщая политическая забастовка. Николай II довел страну до первой революции. Судорожные попытки беспомощного императора провести демократические реформы привели к выборам в законодательную палату. В мае 1906 года в Таврическом дворце собиралась Государственная дума, премьером стал Петр Столыпин, прославившийся жестокими методами решения социальных проблем. Одним словом, беспокойно было в Петербурге, но интересно.

Надо сказать, что именно тогда начинался последний блистательный период культурной жизни старого Петербурга – Серебряный век. Он ознаменовался расцветом императорского балета. Появились необычные архитектурные термины: «модерн» и «ретроспективизм». Живописцы решительно объявили Репина ретроградом, а в лидеры вышел маловразумительный Малевич. Но особое место в жизни Петербурга занимала литература – и прежде всего поэзия. Сестры не пропускали ни одного литературного вечера.

Так случилось, что однажды Александра познакомилась с молодым человеком. Он был удивительно красив и обаятелен. В его чертах неявно проскальзывало что-то восточное, непривычное для холодного бесцветного Петербурга. «Валентин Кнорозов», – представился он. Имя Сашеньке Макаровой тоже показалось необычным.

Южные окраины Российской империи. Мещане Кнорозовы: отец

Фамилия «Кнорозов» встречается не так часто. Даже ударения ставят по-разному: то Кно́розов, то Кноро́зов. Да и сама основа фамилии – слово «кнороз» – в современном русском языке уже не встречается. В XV веке кнорозом называли кабана. Но к единому мнению по этому вопросу лингвисты так и не пришли. Теперь похожие названия встречаются лишь в южных диалектах. Как бы то ни было, родовые корни всех Кнорозовых так или иначе обнаруживаются на юге России, как теперь сказали бы, «в Южном федеральном округе».

По некоторым сведениям, дед будущего дешифровщика – Дмитрий Петрович Кнорозов родился в 1850 году в Екатеринодаре, в

Дмитрий Петрович Кнорозов, дедушка Ю.В. Кнорозова по отцовской линии

семье мещан. Согласно семейным преданиям, в начале 1870-х Дмитрий приезжает в Москву и поступает в Петровскую земледельческую и лесную академию. Учится он там одновременно с будущим писателем Владимиром Короленко, который к тому времени уже успел оставить Петербургский технологический институт, поработать и корректором, и чертежником, а затем перебраться в Москву. С большим интересом Дмитрий слушает лекции К.Тимирязева, активно вливается в студенческую жизнь. С удовольствием участвует в выступлениях против действий администрации, организует библиотеку запрещенных книг. Вскоре за подачу коллективного протеста группу студентов, куда вошли Кнорозов и Короленко, исключают из академии. По всей видимости, именно это событие кардинально меняет судьбу Дмитрия – он оставляет намерение стать биологом и ориентируется на специальность юриста. Наверное, в этом выборе была доля определенного романтизма: иметь возможность законно защищать права людей. Для получения соответствующего образования он отправляется в Екатеринодар, а затем в Тифлис. Возможно, приезд в этот город становится результатом полицейских предписаний, которые был обязан соблюдать неблагонадежный студент.

Как бы то ни было, в Тифлисе Дмитрий работает юристом, от политической жизни держится подальше – зато посещает литературные вечера, выставки и театры. А театров в Тифлисе было немало. Особым успехом пользовались постановки армянского Тифлисского драматического театра. Здесь работали выдающиеся режиссеры, начали свою деятельность прославленные армянские актеры. На сцене театра тогда игрались бессмертные произведения Шекспира, Шиллера, Мольера и других великих европейских авторов. В 1866 году был поставлен «Венецианский купец» Шекспира. С появлением Петроса Адамяна Тифлисский армянский театр, наконец, отважился поставить «Гамлета». В 1884 году к 320-летию со дня рождения Шекспира играли «Отелло». Помимо европейских пьес, ставились величайшие произведения русских драматургов: А. Грибоедова, Н. Гоголя, М. Лермонтова, А. Островского. Пьесы исполнялись не только на армянском, но и на французском и русском языках, что было важно для многоязычной театральной публики Тифлиса того времени.

Именно на подмостках вольнодумец Дмитрий встретил свою любовь – это была юная, но уже блиставшая на сцене актриса Мари-Забель. Как позже, в 1920-е годы, писали о Мириам Давидовне

Сахавнанц критики, «она участвовала во всех армянских театральных труппах от их зарождения до создания единого яркого театрального организма, со времен Петроса Адамяна до наших дней».

А тогда она стала для Дмитрия просто дорогой Машенькой. Родилась Мириам в 1858 году в турецком городе Битлис, в семье малообеспеченного армянина Аркела Бедроса.

Армянская актриса Мари-Забель – Мария Давыдовна Кнорозова, бабушка Ю.В. Кнорозова по отцовской линии

Живописный городок Битлис расположен на востоке Турции, неподалеку от красивейшего озера Ван. Этот район принято называть Западной Арменией, поскольку традиционно с древних времен здесь проживали армяне, одними из первых принявшие христианство и противостоявшие исламскому соседству. Их численность составляла около трех миллионов человек.

Во второй половине XIX века Армения вошла в состав России. Однако Западная Армения в силу обстоятельств оказалась в составе Оттоманской (Османской) империи.

Османская империя переживала не лучшие времена и находилась на грани распада, ее раздирали экономические, этнические и религиозные конфликты.

В конце 1830-х годов султанское правительство, так называемая Высокая Порта, предприняло ряд попыток проведения реформ – «танзимат». Реформы обещали неприкосновенность жизни, имущества и чести всех подданных государства, равенство в правах мусульман и христиан, а также экономические преобразования. Но по большей части идеи танзимата остались лишь на бумаге. Западной Армении нововведения не коснулись вовсе: против них яростно выступило местное турецкое руководство, представленное пашами и шейхами. Положение армян не только не улучшилось, но стало еще более тяжелым и опасным. Неудивительно, что начиная с 1850 года по всей территории Османской империи поднялась новая волна национально-освободительного движения. Восстала Черногория, Герцеговина и Болгария. Заявили о своих правах арабы и курды. Естественно, заволновалось и Западная Армения.

Театральный портрет народной артистки Мари Забель

Население этого района в подобных обстоятельствах представляло особую опасность для целостности Османской империи. Поэтому турецкое правительство решило предпринять упреждающие меры с целью ликвидировать полунезависимое существование ряда западных провинций. Для этого планировалось прибегнуть к самым жестоким методам – вплоть до физического уничтожения армянского населения. Эти планы касались, в частности, провинций Зейтуна и Сасуна. Для начала власти начали стравливать между собой армян, курдов и прочее мусульманское население. Затем начались погромы и резня.

Ситуация ухудшилась с поражением России в Крымской войне. Помимо прочих позорных потерь, подписанный в Париже 18 марта 1856 года договор предусматривал пункт о возвращении Россией Турции всех занятых русскими войсками территорий в Западной Армении. На деле это означало, что без протектората России армяне оказывались полностью беззащитными от притеснений со стороны турок. Русский генерал Лихутин, побывавший в те времена в Западной Армении, писал, что «армяне здесь подвергаются ужасному насилию, они постоянно живут в страшной тревоге».

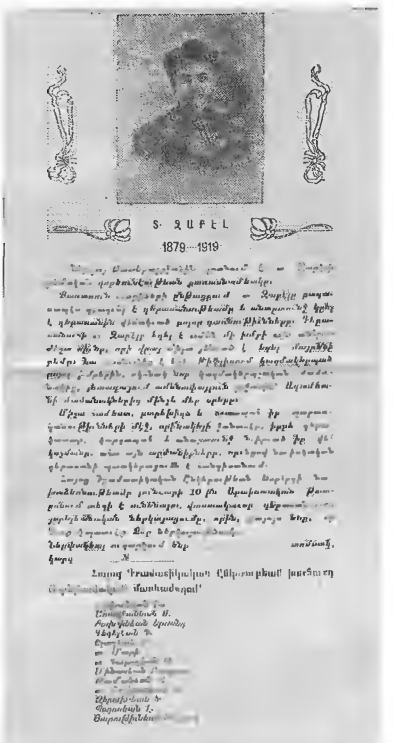
В феврале 1862 года жители Вана выступили против турецких властей. Между армянами и турецкой полицией в городе разгорелась настоящая уличная война. На помощь из окрестных сел поспешило армянское и курдское население. Повстанцам даже удалось захватить Ванскую крепость, и тогда правительство ввело войска. Восстание было жестоко подавлено.

Однако летом того же года вспыхнуло новое восстание – в Зейтуне, расположенном в Киликии. Исторически сложилось, что эта область всегда пользовалась полунезависимым положением. Административные, судебные, религиозные и прочие вопросы здесь решались самостоятельно.

Поводом послужили специально спровоцированные земельные ссоры между армянами и турками, а также отказ армян платить непомерные, все возраставшие подати.

Это была особая политика турецкого правительства. В районы, населенные преимущественно армянами и другими христианскими народами, в массовом порядке переселялись мусульмане с Балкан и Кавказа, а также курды. Поборы с армянского населения росли в геометриче-

ской прогрессии. Зачастую, собрав подати, турецкие чиновники через несколько дней возвращались в ту же деревню и, угрожая арестами и пытками, вновь вымогали уже уплаченный налог. Армянские крестьяне были обязаны принимать на зимовку мусульман-кочевников. Кроме того, им приходилось ежегодно принимать на постой правительственных чиновников со всеми сопровождающими их лицами, выполнять бесплатные дорожные работы. Турецкие власти стояли и за грабительскими набегами на армянские деревни со стороны курдов и черкесов.


Տ. ՉՈՒԲԵԼ
1879—1919

Театральная афиша, приглашающая на юбилейный спектакль Мари-Забель

Неудивительно, что в неприступной горной области сформировался центр армянского освободительного движения. Этого больше всего опасалось турецкое правительство. Летом 1860 года против зейтунцев было брошено турецкое военное формирование под командованием Хуршид-паши, правителя города Мараша. Однако зейтунцы обратили пашу в бегство. Турецкое правительство решило во что бы то ни стало занять этот горный край, рассеять и вырезать его армянское население. Таким образом, в июле 1862 года новый правитель Мараша Азиз-паша собрал большую армию и осадил Зейтун. Поначалу ему даже удалось захватить несколько сел – они были разрушены, а население полностью вырезано. Зейтунцы вскоре перешли в решительное контрнаступление и разгромили султанские войска. Азиз-паша потерпел позорное поражение. Вместо него правителем Мараша был назначен Ашир-паша, получивший приказ начать новое наступление на армян. Но тут в переговорный процесс вступил армянский патриарх, и ему удалось добиться соглашения, согласно которому правительство приостанавливало очередной поход на Зейтун, а восставшие выплачивали налоги и признавали назначенного султаном управляющего. Так удалось на время предотвратить резню армянского населения Зейтуна. Однако его полуавтономии был положен конец.

Действия турецкого правительства были столь чудовищны, что отклики на восстание горцев появились в западноевропейской печати. Трагедия и сопротивление Зейтуна приобрели общенациональный характер. Был организован сбор пожертвований среди армян Тбилиси, Москвы, Нахичеваня и других городов.

Сестры Макаровы в Великом Устюге

Чуть позже вспыхнули волнения среди армянского крестьянства в провинциях Муш и Чарсанджак. Крестьяне направили делегации в Константинополь, прося правительство облегчить свое положение. Однако делегаты были коварно арестованы. Затем войска жестоко подавили выступления крестьян. После этого сотни семей, кто успел, покинули Западную Армению и перебрались в пределы России, в Закавказье.

Русский посол в Константинополе сообщал, что Высокая Порта направила тайное указание местным властям уничтожать армянские исторические памятники, «дабы они не напоминали о прошлом Армении и не пробуждали в армянском народе идею национальной независимости». Очевидцы тех событий писали: «Этот народ находится на краю моральной и физической гибели; жизнь людей и их имущество находятся в опасности; ежедневно их убивают, оскорбляют, грабят, разоряют».

Мириам родилась вскоре после окончания Крымской войны. Таким образом, на первые годы ее жизни пришлись все самые ужасные притеснения армян турками. Наверное, не стоит удивляться, что ее мать и отец Аркел Бедрос приняли непростое для любых родителей решение отдать собственного ребенка в чужую семью. На это их вынудили нужда и страх перед турками. Случилось так, что когда Мириам исполнилось восемь лет, в Битлис приехал богатый купец Давид Сахавнанц. Он привез из Нахичеваня, как теперь сказали бы, «гуманитарную помощь» для несчастного разоренного населения Западной Армении. Согласно семейным преданиям Кнорозовых, купец увидел, как маленькая девочка танцует на улице, чтобы заработать кусок лепешки на пропитание, – и расплакался от жалости. У Давида Сахавнанца с женой не было своих детей. Они уговорили родителей девочки отдать им дочь на воспитание. Официально Мириам, по всей видимости, так и не была удочерена. Настоящие родители ее слишком любили и, вероятно, мечтали о воссоединении. Но этого не случилось. О воспитании девочки действительно от всей души стала заботиться приемная семья. Почему Мириам так и не вернулась к родному отцу Аркелу Бедросу? Скорее всего и он, и вся родня, и тысячи других жителей Западной Армении оказались жертвами чудовищной резни, устроенной турками, чтобы «вырвать с корнем армянскую нацию». Это не пустое предположение. Сохранились документы тайной подготовки турецкой партией Иттихат ве Терракки в 1915 году геноцида армян, где, в частности, упоми-

наются неудачи предыдущих попыток решения турками «армянского вопроса».

Студийная фотография Александры Сергеевны, матери Ю.В. Кнорозова

Из доклада доктора Назыми: «Если мы ограничимся такой же местной резней, какую мы организовали в 1909 году в Адана и других местах, то от этого не получится никакой пользы, а наоборот, будет ущерб. Я уже неоднократно говорил перед этим при обсуждении порядка дня и сейчас повторяю: если уничтожение армян не будет окончательным и полным, то это принесет нам вред вместо пользы. Надо вырвать с корнем армянскую нацию, на нашей земле не должно остаться ни одного армянина, должно быть предано забвению слово «армянин». Сейчас война, воюем и мы, другого подходящего случая не будет, вмешательство великих государств и голос протеста прессы не будет услышан, а если и будет, то факт окажется уже свершившимся, и вопрос этот будет закрыт навсегда. На этот раз наша задача должна быть в уничтожении: ни один из армян не должен оставаться в живых, поэтому их истребление необходимо».

Выступление Ходжа Гасан Фехми: «Считаю правильным предложение о поголовном уничтожении, чтобы ни один армянин не остался в живых. Как уже было сказано, не надо считаться ни со старыми, ни с детьми, женщинами и немощными, надо истребить буквально всех. Предлагаю следующую форму истребления: поскольку мы находимся в состоянии войны, то надо всех молодых мужчин призывного возраста отправить на передовую линию фронта. Там они окажутся между русскими и специально посланными нами частями, и мы уничтожим всех. Оставшихся дома стариков, женщин, детей и больных вырежут по нашему приказу верующие, а имущество будет разграблено. Я считаю, что это лучший способ».

Стоит ли удивляться, что армянские семьи, жившие в Османской империи, на протяжении всей второй половины XIX века предпочитали навсегда расставаться со своими детьми, нежели дожидаться их страшной гибели. В новом доме Мириам нашла родительскую заботу и любовь, получила возможность учиться. В девять лет она поступила в Нахичеванскую прогимназию и блестяще закончила ее. Но страстной тайной мечтой девочки был театр. С этим ничего не могли поделать приемные родители.

В начале 70-х годов в Нахичевань приезжает армянская театральная труппа Фасаляджяна, в которой выступал никому неизвестный тогда Петрос Адамян. Будущий великий армянский трагик сразу

Александра Сергеевна Макарова

покорил Мириам – он тоже родился в Турции, также вынужден был бежать от притеснений, с детства мечтая о театре. Судьба юной Мириам была решена – совсем скоро она становится актрисой и вместе с труппой приезжает в Тифлис.

Мириам или, по паспорту, Мария Давыдовна Сахавнанц выбирает себе сценический псевдоним «Забель». Иногда еще ее ласково зовут Мари-Забель. Очень быстро у нее появляются поклонники. Среди тех, кто сразу был покорен очарованием и дарованием девушки, оказался русский юноша – юрист, красавец Дмитрий Кнорозов. Похоже, что приемные родители уже ничего не могли поделать со своенравной дочерью. Едва дождавшись совершеннолетия, она без благословления венчается со своим избранником. Это происходит в 1876 году, почему-то в станичной церкви городка Севск. Видимо, тамошний священник легко поддавался уговорам нетерпеливых влюбленных. Свидетелями при этом бракосочетании выступают друзья молодых и случайные люди. Примечательна метрическая выписка, которую уже после рождения сына для чего-то затребовал Дмитрий:

«1881 года Июня 6 дня.
Дана сия Орловской области губернии города Севска мещанину Дмитрию Петрову Кнорозову в том, что в метрической книге, хранящейся в Рождества Богородицкой церкви станицы Полтавской войска Кубанского (бывшего Черноморского) за тысяча восемьсот семьдесят шестой год, во второй части о бракосочетавшихся под месяца Августа двадцать пятого числа, значится следующая запись:
Жених Орловской губернии города Севска мещанин Дмитрий Петрович Кнорозов православного вероисповедания первым браком двадцать шесть лет, невеста девица дочь турецкоподданного Мария Аркела Бедроса грегорианского вероисповедания первым браком восемнадцати лет.
Поручители:
по жениху – Войсковой старшина Трофим Яковлев Крижановский и купеческий сын Симеон Васильев Жижин,
по невесте – Купеческий сын Лев Иванов Прончeнко и Темрюкский мещанин Никифор Ефимов Добровольский.
Таинство брака совершил настоятель прихода священник Иоанн Альшинский с дьяконом Иоанном Попкою, и и.д. псаломщика Евграфом Федоровым. В чем надлежащим подписом и приложением церковной печати свидетельствуем.

Настоятель прихода священник Иоанн Альшанский
Дьякон Иоанн Попка»

Молодой Валентин Дмитриевич Кнорозов, отец Ю.В. Кнорозова

В Тифлисе молодожены Дмитрий Петрович и Мария Давыдовна Кнорозовы поселились в доме по адресу: Панасевича, 25. Однако свадьба не нарушает профессиональных планов Мари-Забель, а влюбленный Дмитрий потакает ей во всем. В 1879 году госпожа Кнорозова получает главную роль в пьесе Карамзина «София». И даже беременность не может заставить актрису отказаться от премьеры. Успех был оглушительным – и Мария Давыдовна решает всецело посвятить себя сцене. Что, впрочем, не помешало ей подарить мужу пятерых прекрасных сыновей. Перед самым появлением на свет Валентина Дмитрий увозит 21-летнюю жену к своим родителям в Екатеринодар (Краснодар). Именно там 20 января 1880 года у Кнорозовых рождается очередной сын.

Мы не знаем, как был организован быт молодой семьи с пятью детьми. Но уже в 1881 году, быстро оправившись от родов, г-жа Забель с мужем возвращаются в Тифлис. И там неповторимый Петрос Адамян с радостью принимает ее уже в собственную гастрольную труппу. Молодой актрисе предлагают роль Розалии в пьесе Паоло Джаккометти «Семья преступника», а также крупные роли в других спектаклях. Одновременно с Мари-Забель восходила звезда и другой прекрасной армянской актрисы – Меробэ Кантарджян, известной под сценическим псевдонимом Сирануйш. Наверное, как это принято в театральной среде, дружба девушек носила характер профессионального соперничества.

Г-жа Забель – так почтительно именовала ее пресса того времени – много выступает в других городах. Вплоть до 1900 года она гастролировала по всему Закавказью и играла в спектаклях даже в самых отдаленных армянских деревнях.

Валентин, по всей видимости, какое-то время жил в Краснодаре у бабушки, а потом отец забрал его в Тифлис. Свою мать сыновья должны были видеть нечасто, общаясь с ней лишь в промежутках между гастролями. Впрочем, даже тогда, когда труппа находилась в городе, мама все время пропадала на репетициях и спектаклях. Так прошли детство и юность мальчиков. И в наши времена такую семью обычной не назовешь, а что говорить про вторую половину позапрошлого

века! Восхищаясь вместе с отцом и братьями блистательной мамой, Валентин незаметно окончил Тифлисское реальное училище, а затем и Михайловское железнодорожное училище.

В то время железные дороги – экономические артерии страны, были особенно востребованы здесь, на далекой окраине Российской империи. К 1896 году было завершено строительство железной дороги Баку–Тбилиси–Батуми, сразу же начата новая линия: Тбилиси–Ереван. Ее официальное открытие праздновали в конце 1902 года. От основных магистралей отходили ветви дополнительных путей. Россия понимала, что без дорожной сети невозможно экономическое развитие отсталого кавказского региона.

Профессия железнодорожника считалась в начале XX века модной и востребованной – инженеры-путейцы были примерно как конструкторы космической промышленности сто лет спустя.

Перед молодым Кнорозовым открывались радужные перспективы. Но в 1904 году грянул война с Японией. Валентина призвали в армию. В каких именно войсках он служил – неизвестно, но за проявленную в боях храбрость его наградили Орденом Св. Георгия четвертой степени. Этот орден в Российской империи по праву считался главным военным отличием. Он всегда ценился выше дорогих наград, которые так любят раздавать себе высокопоставленные чины и штабные генералы.

Устав гласил: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают право быть пожалованным сим орденом: но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливым каким мужественным поступком, или подали мудрые, и для Нашей воинской службы полезные советы...»

Итак, война продлилась недолго и кончилась для России печально. В 1905 году, после завершения боевых действий, Валентин вернулся в Тифлис, к родителям. Отец работал и продолжал восхищаться своей царственной женой. Братья разъехались по другим городам. А мать, как всегда, жила театром. Г-жа Забель гастролировала с труппой Ованеса Абеляна по разным городам Средиземноморья, Кавказа, выступала в Москве и Петербурге. У нее учились актерскому мастерству будущие звезды армянского театра Артем Бероян и Ваграм Папазян, считая за честь увидеть на афишах свое имя рядом с именем госпожи Забель.

Но Валентин не остался в Тифлисе. Уже через год, в 1906-м, он отправляется в Петербург и сразу же устраивается работать техническим инспектором в страховое общество «Россия». В то время основными клиентами компании были бурно развивавшиеся в стране железные дороги, пароходства, мануфактуры и заводы.

В свободное от работы время Валентин с головой окунается в культурную жизнь столицы. Любовь к поэзии, музыке и, конечно, театру он впитал буквально с материнским молоком. Молодой Кно-

розов не пропускает ни одного литературного вечера, ни одной театральной премьеры.

Но самым массовым искусством стремительно становится кинематограф. Народ буквально ломился поглядеть на новое чудо, по нескольку раз посещая 48-секундные сеансы, где прямо с экрана на зрителей мчался поезд. Вскоре появился фильм «Точильщик». Сюжет был предельно незамысловат: кухарка решила наточить нож, но ее суровый вид привел точильщика в такой ужас, что он бросился наутек, сметая все на своем пути. Зал оглушительно хохотал.

В 1905 году начала всходить звезда первого русского продюсера и режиссера Александра Ханжонкова, офицера из старого казачьего рода. На деньги, полученные при выходе в отставку, он приобретал заграничные фильмы. Фильмы покупали тогда на длину пленки – от 45 до 75 копеек за метр. Качество их было ужасным, аппаратура – и того хуже. Но публика валила валом! И потому вскоре Ханжонков начинает снимать собственные картины. На экранах появляется лента «Драма в таборе подмосковных цыган». Сколько режиссеров позже вернутся к этому бессмертному романтическому сюжету: роковая любовь, страсть к азартным играм, кровавая месть и цыганские пляски! В качестве актеров выступали настоящие цыгане, которые, по словам очевидцев, буквально «коченели» перед камерой. Но публика была в восторге и от таких фильмов. Кинотеатры вскоре стали объектом не только артистической хроники, но и городских происшествий, о чем писали газеты:

> 10.12.1907
> Сегодня, в 8 час. веч. в д. №69 по Садовой загорелся театр кинематограф. В публике произошла паника. Только 12 человек успели выскочить. Остальным угрожало сгореть живыми. Немедленно были вызваны пожарные части, и при посредстве приставленных лестниц все находившиеся в здании были спасены. Некоторые получили тяжелые обжоги. Жуткие сцены разыгрывались у окон, где публика десятками стояла наготове броситься с четвертого этажа.

Александра и Валентин чудом не оказались на этом злополучном сеансе – буквально накануне они вместе отправились на Рождество в Великий Устюг. Если судить по открыткам, то адрес родительского дома был Великий Устюг, бывшая Успенская улица (Советский проспект), д. 123. Родительский дом в 1960-е годы был снесен, и на его месте появилась жилая четырехэтажка – первая в городе «хрущевка»...

Петербург. Знакомство родителей

Как Александра познакомилась с Валентином, доподлинно неизвестно. Ей тогда едва исполнилось 20, а он был на шесть лет старше. Оба были удивительно красивы. По северному сдержанная, высокая Александра с длинными густыми светло-русыми косами и невероятными ярко-синими глазами казалась противоположностью статно-

На месте четырехэтажного дома по правую сторону улицы до 1960-х гг. находился дом купцов Макаровых

Вид на Великий Устюг Старинная открытка

му Валентину: темноволосому, кареглазому, с интригующей примесью армянских кровей. Валентин, приехав в Петербург, поселился на Васильевском острове – 12 линия, д. 316, кв. 31. Молодые люди не пропускали ни одного культурного события Петербурга. А таких событий в столице было немало.

В 1903 году Мария Склодовская получила вместе со своим мужем Пьером Кюри Нобелевскую премию по физике – за открытие полония и радия. Именно она ввела термин «радиоактивность», который тогда звучал вполне невинно. Обсуждался вопрос о принятии бывшей российской подданной в члены-корреспонденты Петербургской академии наук. В том же году вышел номер журнала «Новый путь» со стихами никому не известного молодого поэта со странным именем Александр Блок. Очень быстро он стал одной из ведущих фигур петербургских символистов, оттеснив даже признанного мэтра Валерия Брюсова. Уже на следующий год появилась первая книга поэта – «Стихи о Прекрасной Даме». Прекрасной Дамой оказалась жена Блока, дочь великого химика Дмитрия Менделеева. И это тоже было очень символично для развивающейся России. Все жили ожиданием чего-то нового – событий, открытий, необычных явлений... Но немало молодежи искренне полагало, что жизнью правят смерть, любовь и страдание... Красиво и романтично.

Молодежь увлекалась поисками «внутреннего видения», которое должно было открыть истинную сущность вещей, спрятанных от реального мира. А видимый мир считался лишь смутным отражением подлинных истин. Искусство считалось путем или средством духовного познания и постижения мира. Золотая молодежь вела активные поиски того, что позже психологи назовут «инсайтом» – внутренним озарением. Правда, творчество, как это водится, было доступно очень немногим – и потому большинство бесталанных бездельников ограничило свои поиски «внутреннего видения» банальным нюханьем кокаина и алкоголизмом.

Александра и Валентин, молодые родители Ю.В. Кнорозова

Однако депрессивный поиск символов грядущего никак не соответствовал реалиям стремительно развивавшейся, вопреки беспомощности царя, России – и потому уже после 1910 года символизм уступает место новым, позитивным духовным течениям. Возникает востребованное реальностью жизни направление – акмеизм, что означает «цветущая сила». Молодые, полные сил акмеисты Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам активно обращаются к реальности, материальному миру, точному значению слова.

А Сашенька с Валентином с восторгом следили за литературными вечерами, посещали кинематограф, не пропускали ни одной театральной премьеры. Но не меньше поэзии молодых людей объединяло и то, что оба с упоением зачитывались статьями и бегали слушать публичные лекции выдающегося психиатра, психолога, физиолога, гипнотизера и философа Владимира Михайловича Бехтерева. Его исследования в области головного мозга, казалось, открывали невероятные перспективы в понимании сущности человека и его способностей. Общественная психология, эволюция детского рисунка, роль внушения в общественной жизни – эти темы казались необычайно новыми, увлекательными. Обоим не терпелось проверить на практике все то, о чем говорил Бехтерев. Еще не поженившись, они решили своих будущих детей «воспитывать по Бехтереву».

И особенно удивительно было слушать невероятные истории про полуграмотного Григория Распутина, сумевшего с помощью гипноза подчинить себе не кого-нибудь, а семью императора. Пьяный Распутин разъезжал на таксомоторе с проститутками, устраивал в Петербурге и Москве кутежи, развлекался с дамочками высшего света, давал сановникам советы, назначал министров. А Николай II, как завороженный, во всем поддерживал императрицу, искренне уверовавшую в то, что ей одной, едва говорившей по-русски, под руководством Распутина суждено спасти православную Россию. Всякому нормальному человеку было очевидно, что это бредовое состояние власти до добра не доведет. Но даже князь Юсупов и Великий князь Дмитрий Павлович, готовившие заговор против зарвавшегося от вседозволенности горе-провидца, не подозревали глубину той пропасти, в которую скатывалась страна. Сашенька с Валентином принадлежали к здравомыслящим людям, но наблюдали за происходящим скорее с интересом исследователей, удивляясь: неужели никто при дворе не слушал лекций профессора Бехтерева?

Хотя молодые люди почти сразу решили пожениться, Валентин терпеливо дожидался, пока закончит учебу Александра – девушка прогрессивная и целеустремленная, с поразительно твердым харак-

тером. Он гордился своей удивительной красавицей-невестой, мечтавшей о будущей профессии. Она видела себя то преподавателем, то исследователем, открывающим тайны человека и законы Вселенной, как Софья Ковалевская или Мария Кюри. Валентин по достоинству оценил эти необычные качества питерской курсистки: он и сам вырос в неординарной семье. Приученный отцом к постоянному восхищению самостоятельной матерью, для которой главным в жизни стала профессия актрисы, Валентин, наверное, и для себя в качестве жены искал подобную женщину. Мечтавшая стать медиком Александра вполне соответствовала этому образу. А вот хозяйственная домоседка Валентину была бы явно не нужна.

То, что Сашенька Макарова была девушкой искренне верующей, наверное, даже притягивало – подсознательно Кнорозов стремился создать настоящую семью, где много детей, которыми занимается мать, не исчезающая на бесконечных гастролях. При этом сам Валентин верующим вовсе не был и, подсмеиваясь, всегда говорил: «Религия – это для женщин». Кроме того, Александра была настоящей северной красавицей – высокая, статная, с длинными русыми косами.

Валентин не стал следовать примеру отца, буквально укравшего прекрасную Мириам. Он чинно отправился в Великий Устюг, чтобы просить руки невесты, как того требовали правила. Тем более что в августе 1910 года Сашенька работала месяц в Велико-Устюжской больнице. Разрешение, несомненно, было получено, и примерно в 1910 году молодые люди сочетались браком. Александре Сергеевне было тогда уже 24 года. После этого молодые вернулись в Петербург, где Александра продолжила обучение. Молодые поселились в квартире на вымощенной камнем 14-й линии Васильевского острова – дом 37, квартира 9. Валентин продолжал работать в страховом обществе «Россия», а Александра, закончив образование и работая в больние, начала преподавать в школе, как и ее сестра Татьяна, которая тем временем поселилась в доме на Фонтанке. Она тоже вышла замуж, сменив фамилию Макарова на Смолина.

От родителей в приданое Александра получила замечательный кованый сундучок «с секретами». В купеческом Великом Устюге подобные сундучки выполняли роль своеобразных сейфов. Металлическая обшивка скрывала систему из 4-5 замочков, которые должны были последовательно, в определенном порядке, открываться при нажатии в тайных местах, известных только хозяевам. При правильном нажатии открывался ящичек, в котором хранился ключ, позволявший вскрыть последний замок. Уже в XVIII веке слава великоустюжских сундучков вышла за границы Российской империи. Особым спросом они пользовались на Кавказе. Северными сундучками торговали даже в Иране и Турции. Одним словом, сундучок был настоящей семейной ценностью.

В 1911 году Марии Склодовской-Кюри вручили вторую Нобелевскую премию – уже по химии. Но это событие для Александры прошло почти незамеченным. Еще бы! У молодых Кнорозовых, все еще живших на Васильевском, родился первенец, которого назвали

Сергеем в честь великоустюжского деда, купца Сергея Макарова. Семья матери была на редкость дружной и сплоченной.

Надо сказать, что к этому времени Петербург стремительно преображался. В нем проживало уже около двух миллионов жителей. Город рос буквально на глазах. Окончательно застраивалась Петроградская сторона, Васильевский остров, Пески. По улицам весело громыхали первые трамваи. Электричество быстро вытесняло газовое освещение. Франты разъезжали по Невскому проспекту на автомобилях, от которых пугливо шарахались извозчики. Страстью передовых молодых людей становились аэропланы, казавшиеся настоящим чудом. В присутственных местах, да и во многих богатых домах все чаще устанавливались телефонные аппараты. В моду входил спорт – английский бокс, борьба и командная игра футбол.

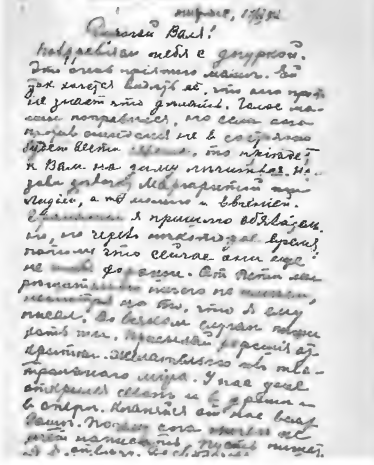
Южные железные дороги России

Однако в 1911 году Кнорозовым пришлось оставить столицу и переехать в провинциальный Харьков. Александра Сергеевна с Валентином Дмитриевичем даже не успели посетить быстро ставшую знаменитой «Бродячую собаку» – литературно-артистическое кабаре, открывшееся в последний день 1911 года в Петербурге, на углу Итальянской улицы и Михайловской площади. Позже с завистью они читали в присланных сестрой Александры письмах и газетах об успехе и особой фантасмагорической атмосфере «Собаки», мечтая как-нибудь обязательно выбраться в Питер вдвоем.

А в Харьков Валентина Дмитриевича направило все то же страховое общество «Россия», предложив неплохое жалованье, а главное – интересную перспективную работу. Дело в том, что здесь расширялся узел южного направления железных дорог. Еще в середине XIX века известным инженером П. Мельниковым был предложен проект строительства железной дороги «Москва–Харьков–Севастополь». Двадцать лет спустя ветка была доведена до Курска, затем до Харькова и Ростова, а вскоре первый поезд прибыл в Севастополь. Для Харькова появление железнодорожной связи с Москвой в 1869 году ознаменовало начало новой жизни: рост торговли, промышленности, кредитно-финансовой деятельности. Заштатный городишко стремительно превращался в крупный промышленный центр. В 1907 году два южных направления (на Крым и на Ростов) объединились в одну магистраль под названием Южные железные дороги. Управление ЮЖД даже возвело в Харькове собственное здание – его строительство завершилось к 1914 году.

Конечно, Харьков в это время существенно уступал столичному Питеру – здесь проживало чуть больше трехсот тысяч человек. Но по сравнению с концом XIX века население, потоком прибывавшее из Центральной России, ежегодно возрастало в разы, создавая неизбежную жилищную проблему. Город динамично отстраивался. Один за другим вырастали многоэтажные дома и особняки со всеми совре-

С-Петербург, 1908 год



Письмо в адрес Валентина Дмитриевича с поздравлением по поводу рождения дочери

менными удобствами. Правда, дома с апартаментами из четырех-семи комнат с центральным отоплением, водопроводом, канализацией, электрическим освещением и лифтами составляли не более двадцати процентов жилья. Здесь селились люди с достатком – врачи, юристы, инженеры, коммерсанты. Большая часть горожан обитала в старых убогих домишках. Множились бараки и трущобы, заселялись подвалы и полуподвалы. Любое жилье активно сдавалось внаем, что приносило домовладельцам немалый доход. Дворяне, купцы, мещане, интеллигенция – все уступали в аренду на разные сроки городские усадьбы, отдельные дома, квартиры, комнаты, углы и даже койки. Все больше появлялось предпринимателей, скупавших земельные участки и возводивших доходные дома.

Кнорозовы сняли в центре Харькова, неподалеку от строившегося Управления ЮЖД квартиру. И уже в 1912 году у них родилась единственная дочь, которую назвали Галиной. Она одна из всех детей унаследовала яркую внешность армянской бабушки – актрисы Мари-Забель.

Молодая семья продолжала следить за новыми поэтами и культурной жизнью Петербурга уже издали, из Харькова, не пропуская ни одной новой публикации. Скучно им не было. Здесь выступали Максим Горький, Сергей Есенин, Алексей Толстой и Владимир Маяковский, работали литературные объединения. Радовало и то, что в Харьковском университете можно было посещать публичные лекции профессора психиатрии Константина Платонова, ученика Бехтерева. Харьковский императорский университет имел давние академические традиции – он был открыт одним из первых в России в начале 1804 года, сразу после утверждения императором Александром I «Предварительных правил народного просвещения».

Войны и революции

19 июля 1914 года (по новому стилю 1 августа 1914 года) грянула Первая мировая война. Германия, а впоследствии Австро-Венгрия и Турция объявили войну России. В Харькове закрывают австро-венгерское и немецкое консульства. А в семье Кнорозовых

появился на свет еще один ребенок – сын Борис. Тем временем началась всеобщая мобилизация мужчин военного возраста. Не обошла она стороной не только Харьков, но и окрестные поселки. Семьи призванных оставались без всяких средств к существованию.

В армию призвали и Георгиевского кавалера Валентина Дмитриевича. Он незамедлительно отправился на фронт. Александра Сергеевна, которой в то время едва исполнилось 28 лет, собрала своих трех малышей и отправилась в поселок Южный, что располагался неподалеку от Харькова. Этот поселок на железнодорожном узле был основан в 1906 году. Туда из города перебрались многочисленные мелкие служащие Управления железной дороги, которым были не по карману цены на квартиры в Харькове. Теперь этот поселок при южном узле российских железных дорог назвали по-украински «Південний», хотя, если поискать на карте, он находится скорее на севере страны.

Но до этих событий конца двадцатого столетия было еще далеко. Тогда, в первую мировую, многодетной Александре Сергеевне, оставшейся без кормильца, было невозможно оплачивать даже сравнительно недорогое жилье. Да и сам город с началом войны превратился в огромный госпиталь, куда свозили раненых со всех фронтов. В Харькове находились 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89-й сведенные эвакуационные госпитали. Их размещали не только при городских больницах, но и в зданиях гимназий, надолго прекративших свои занятия. Сюда стали поступать еще и раненые военнопленные австро-венгерской армии: немцы, поляки, словаки, чехи, венгры, итальянцы.

Дети Александры были слишком малы, чтобы она устроилась работать. Тогда как в поселке Южный, куда она перебралась, семья кормилась за счет огорода. Надо было как-то выживать и ждать мужа с фронта. Валентин Дмитриевич, получив, по-видимому, ранение, оказался в госпитале, а потом был демобилизован и отправился к семье, отыскав своих в Южном. В 1916 году он перевез жену с детишками в Харьков и продолжил работу в страховом обществе «Россия» техническим инспектором, а затем начальником отдела по страхованию от огня. Смутные времена и революцию семья Кнорозовых встретила в Харькове. Более того, в этом судьбоносном для России году у них родился еще один, уже четвертый ребенок – сын Леонид.

После известий о революции в Петрограде на Украине в ноябре 1917 года Центральной радой была провозглашена Украинская народная республика в составе России. Министром по военным делам стал Симон Петлюра, отличавшийся патологической ненавистью к России, превратив ее в особый стиль украинской политики. Последовательно он поддерживал Австро-Венгрию, Германию и Польшу против России. Умудрился без особого успеха повоевать с большевиками, белогвардейцами, гетманскими войсками, поляками, махновцами. При этом «петлюровские» полки могли внезапно перейти на сторону противника, а вражеские подразделения вдруг записывались в «петлюровцы».

В середине декабря 1917 года Харьков оказался в самом центре революционных событий: город занимают большевики. Уже 24 декабря в Дворянском собрании открылся Первый Всеукраинский съезд Советов. Съезд объявил Центральную раду вне закона и принял решение о признании на Украине всех декретов и постановлений правительства большевиков, провозгласив Украину федеративной частью Советской России.

В начале весны 1918 года, после заключения Центральной радой Брест-Литовского соглашения с Австрией и Германией, германо-австрийские войска оккупировали почти всю территорию Украины. Германское командование быстро разогнало Центральную раду и заменило ее правительством гетмана П.П. Скоропадского, который упразднил Украинскую народную республику и ввел единоличное диктаторское правление. Но в декабре 1918 года власть гетмана перешла к установленному Петлюрой режиму Украинской Директории. Началась интервенция Антанты на юге России.

На самом деле Харьковскую область, как и всю Украину, захлестнула волна безвластия. Положение не смогла спасти даже появившаяся было Директория. Жизнью в сельской провинции заправляли бесчисленные «атаманы» и «батьки». Они руководили сбившимися в отряды крестьянами, торжественно именовавшими себя «повстанческими», «добровольческими», «казацкими» формированиями. На деле это были группы местной самообороны, воевавшие друг против друга или же против городской власти, посылавшей в ответ карательные и реквизиционные отряды. Собственно, происходило примерно то же самое, что и после переворота в 2014 году...

В июне 1919 г. в Харьков вошла добровольческая армия. Первым в центр города прорвался прославившийся особой жестокостью Дроздовский полк. Деникин, захватив Харьков, устроил по этому поводу торжественный молебен. Власть переходила из рук в руки.

В январе 1919 года Красная армия заняла Харьков и двинулась дальше, освободив к весне Севастополь и Симферополь. Но уже осенью 1919 года значительная часть территории Украины оказалась под контролем Деникина, который так описывал эти события в «Очерках русской смуты»:

> «Добровольческая армия, наступая безостановочно, к 22 мая заняла Славянск, отбросив части 8-й и 13-й советских армий, расстроенные и растаявшие, за Северный Донец. На сопротивление 13-й армии не было уже никаких надежд, и советское командование с лихорадочным напряжением формировало новые центры обороны в Харькове и Екатеринославе. Туда стягивались подкрепления, отборные матросские коммунистические части и красные курсанты. Бронштейн со свойственной ему экспансивностью «пред лицом пролетариата Харькова» свидетельствовал о жестокой опасности, призывал рабочий класс к

поголовному вооружению и клялся, что «Харькова мы ни в коем случае не сдадим».

Одновременно в районе Синельникова сосредотачивалась ударная группа из сборных частей бывшей 2-й Украинской армии и войск, подвезенных из Крыма и Екатеринослава, составившая 14-ю армию, во главе которой был поставлен Ворошилов – человек без военного образования, но жестокий и решительный. Советское командование поставило себе задачей вывести из-под наших ударов 8-ю и 9-ю армии, движением во фланг от Синельникова на Славянск – Юзово 14-й армии остановить наше наступление на Харьков и затем одновременным ударом 14-й армии и харьковской группы вернуть Донецкий бассейн. План этот потерпел полную неудачу.

14-я армия еще не успела сосредоточиться, как между 23–25 мая Кавказская дивизия корпуса Шкуро разбила Махно под Гуляй-Полем и, двинутая затем на север к Екатеринославу, в ряде боев разгромила и погнала к Днепру Ворошилова. В то же время южнее группа генерала Виноградова успешно продвигалась к Бердянску и Мелитополю, а 3-й армейский корпус, начавший наступление с Ак-Манайских позиций 5 июня, гнал большевиков из Крыма.

Прикрыв, таким образом, западное направление, генерал Май-Маевский двигал безостановочно 1-й армейский корпус генерала Кутепова и Терскую дивизию генерала Топоркова на Харьков. Опрокидывая противника и не давая ему опомниться, войска эти прошли за месяц 300 с лишним верст. Терцы Топоркова 14 июня захватили Купянск; к 11-му, обойдя Харьков с севера с северо-запада, отрезали сообщения харьковской группы большевиков на Ворожбу и Брянск и уничтожили несколько эшелонов подходивших подкреплений... Правая колонна генерала Кутепова 23 июня внезапным налетом захватила Белгород, отрезав сообщение Харькова с Курском. А 24-го, после пятидневных боев на подступах к Харькову, левая колонна его ворвалась в город и после ожесточенного уличного боя заняла его»[8].

В результате контрнаступления Красной армии, через несколько месяцев, 12 декабря, Харьков был освобожден. В 1920 году уже освободили Одессу. И тут всплыл очередной недоучка – Юзеф Пилсудский, отличавшийся жестокостью и подлостью. Но и его деятельность окончилась провалом.

На Украине неслучайно издавна существует пословица: «Где собираются два украинца, там появляются три гетмана». В период гражданской войны эти «три гетмана» еще и регулярно кочевали от петлюровцев к красным и обратно. Большинство атаманов оказались

[8] http://rossija.info/events/1999

бывшими унтер-офицерами и прапорщиками, пришедшими с фронтов Первой мировой. Они не умели и не хотели работать, легко убивали, и каждый стремился создать вокруг своего села собственную республику. Атаманы с говорящими именами Ангел, Хмара, Лихо, Козыр-Зирка, Живодер весьма своеобразно представляли «волю и свободу».

В марте 1921 года Советская Россия и Польша подписывают Договор о границе. Заканчивается авантюра Пилсудского и тем самым завершается бесконечная гражданская война.

Можно себе представить, как Валентин Кнорозов, оставшийся без работы с молодой женой и четырьмя детьми, был вынужден все эти годы спасаться от очередных «освободителей», защищать и кормить семью. Этот полугодовой период нахождения под оккупацией Деникина родители позже будут описывать тогда еще не родившемуся сыну Юрию. Кому было нужно страховое общество, когда власть менялась чуть ли не ежедневно? Хотя тогдашнее, дореволюционное страховое общество «Россия» и в дикие времена продолжало выполнять свои обязательства. Одним словом, в разгар смены власти Валентин Дмитриевич принимает решение вновь переехать из Харькова в соседний поселок Южный. В 1921 году он начинает строить там собственный дом. В этом доме и пройдут детство и отрочество будущего гения дешифровки Юрия Кнорозова.

Дом среди елок в Южном, построенный Валентином Дмитриевичем Кнорозовым

ГЛАВА 2
ЮРКА – ЗАЯЦ-ТОРОПЫГА

Не знать – не стыдно,
стыдно – не спросить...

Строительство собственного дома в поселке Южном Валентин Дмитриевич затеял в 1921 году. Гражданская война, казалось, исчерпала себя в собственном безумии, новой власти постепенно удалось утихомирить многочисленных местных бандитов – «батьков», и, главное, появилась работа. Огромной стране необходимо было срочно налаживать сообщение между регионами, восстанавливать железную дорогу, доведенную за почти десятилетие войн до полного развала. Да и специалистов практически не оставалось.

Инженера Кнорозова как специалиста-железнодорожника пригласили на работу в Наркомат (Народный комиссариат) путей сообщения, в отдел промышленности строительных материалов. Сначала он получил должность инспектора-инструктора в производственном отделе Южных дорог и заводов. Затем ему доверили пост старшего инженера, а вскоре назначили начальником отдела подсобных предприятий Южной железной дороги. За эти годы поселок Южный разросся, а Валентин Дмитриевич быстро стал в поселке уважаемым, всем известным человеком. Именно он затеял восстановление Свято-Духовского храма – жена Александра была человеком верующим. А еще построил кирпичную школу. После войн и революций подрастало поколение ребятишек, никогда не садившихся за парту. Среди этих невольных заложников смутного времени оказались и старшие дети Кнорозовых, что, впрочем, позволило Александре и Валентину без помех реализовать свои педагогические планы.

Дом Кнорозов проектировал сам по примеру соседских жилищ – это была практически мазанка на кирпичных опорах. Старожилы Южного до сих пор вспоминают, что Валентин Дмитриевич не взял для строительства ни одного общественного кирпича. Семья планировала переселиться в собственный дом летом 1922 года, но Александра Сергеевна вновь ожидала ребенка. Решили пожить еще несколько месяцев в Харькове, где, в отличие от Южного, все же были и врачи, и

Юра в Южном. 1925 г.

госпитали. К тому времени будущей матери исполнилось тридцать шесть лет, и рисковать не хотелось.

Наконец, 19 ноября 1922 года родился мальчик. Это был уже пятый ребенок в семье Кнорозовых. Мать назвала его Юрочкой. В свидетельстве о рождении имя записали на местный манер: «Юрко». В результате все в этой русской семье стали звать его Юркой. Правда, при крещении Юрко нарекли Георгием. Нередко родители заранее выбирают для ребенка имя, имея особую любовь к тому или другому святому, даже без привязки ко дню рождения. Но по православным правилам – а Александра Сергеевна их соблюдала – днем Ангела или святого становится следующий за днем рождения младенца день памяти святого. Георгиев, в том числе Победоносцев, вокруг 19 ноября оказалось немало, что облегчало задачу подбора имени. Это и 3, 7, 10, 14, 26 ноября. Такое обилие дат позволяло не оглядываться на календарные стили. Дело в том, что еще 24 января 1918 года Совнарком принял декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря», т. е. о переходе на григорианский, скорректированный календарь, по которому уже давно жило большинство стран. Церковь не приняла этот переход, сохраняя устаревший и астрономически утративший точность юлианский календарь. Верующий люд до сих пор путается в мучительных расчетах «по-старому» и «по-новому». Как бы то ни было, покровителем Юрки оказался ноябрьский Георгий Победоносец. Но семье явно больше нравилась славянская форма победоносного имени. Да и с отчеством звучало короче и лучше: Юрий Валентинович.

А может быть, матери понравилось определение имени Юрий: «Спокойный, сосредоточенный на своем внутреннем мире человек. В детстве он любит смотреть на облака, проплывающие по небу. Трогательно относится к животным, может подобрать бездомную собаку и ухаживать за ней. Его внешний облик находится в противоречии со сдержанным поведением и философским складом ума. Жесты, манера говорить отличаются у Юрия некоторой артистичностью. В школе и институте учится хорошо, усидчив и настойчив в достижении поставленной цели. В коллективе пользуется уважением сослуживцев, но большие и шумные компании предпочитает избегать. В семейной жизни аккуратен. Проявляет заботу о детях, помогает жене по хозяйству. Жена Юрия должна уметь поддерживать ровные отношения со свекровью».

Но в том далеком 1922 году думать о невестке было еще рано. Для начала следовало переехать в собственный дом. К весне, как только

маленький Юрка окреп, семья Кнорозовых окончательно перебралась в поселок Южный. Надо сказать, поселок, с точки зрения русской семьи Кнорозовых, выгодно отличался от соседних крестьянских сел – население было намного образованней, даже после войн и революций. Все же это были семьи специалистов-путейщиков, в основном приехавших из России. До революции дети жителей Южного были похожи на городских, разговаривали на русском языке, хорошо одевались, за что в округе их дразнили «панками», т. е. детьми польских господ.

Юра в Южном. 1929 г.

Хотя внешне скромный дом Кнорозовых мало чем выделялся среди прочих, окружавших его на улице Карла Маркса, внутреннее пространство этого жилища все же имело свои особенности. Вход вел в общую гостиную, а через нее попадали уже в комнаты детей и родителей. Для большой семьи здесь, по нынешним меркам, казалось достаточно тесно, но никто не жаловался. В гостиной, в правом углу, даже нашлось место небольшому настоящему роялю, на котором музицировала Александра Сергеевна. Для нее, правда, рояль была женского рода – «черная рояль». И на этой «рояле» не разрешалось больше играть никому, кроме дочери Галины. Книги заполняли все доступное пространство дома. На стенах висели картины Валентина Дмитриевича – он был прирожденным художником. Одним словом, Кнорозовы как могли пытались воссоздать образ уже далекой, оставшейся в навсегда исчезнувшем прошлом, питерской жизни.

В одну из командировок Валентин привез от родных Александры, из Великого Устюга, стройные елочки – и посадил их во дворе, вокруг длинного стола, где любила собираться вся семья и где с удовольствием проводили время гости. Дом Кнорозовых благодаря этим высоким вечнозеленым красавицам до сих пор очень легко отыскать в поселке Южное (ныне переименованном). Таких настоящих северных лесных елок (именно «елками», а не елями, их и продолжают называть сегодняшние Кнорозовы) в поселке больше нет.

Образование

Первому из детей – Сергею к тому времени уже исполнилось 11 лет. Галине – 10, Борису – 7, Леониду – 5. Одним словом, старших надо было срочно отправлять в школу. Тогда, в прошлой жизни в серебряном Петербурге, преисполненная радужных ожиданий Александра Сергеевна и не предполагала, зачем ей понадобится образова-

ние, полученное на курсах. Как оказалось – в первую очередь для того, чтобы учить собственных детей! Разразившаяся в 1914 году Первая мировая, затем революция и Гражданская война – все это лишило маленьких Кнорозовых обычной гимназии. И они вынужденно получали домашнее начальное образование. Но никто об этом не жалел – можно было без проблем реализовать давние мечты о воспитании детей «по Бехтереву». И в нем самое деятельное участие принимал отец. Одним из принципов обучения детей стало «Не стыдно не знать, стыдно – не спросить!» Этого принципа Юрий придерживался всю свою жизнь, передавая его уже своим ученикам.

Здесь стоит сказать несколько слов об этой педагогической традиции, которая, как и многое другое, направленное на развитие индивидуальности личности, не прижилась в Советской России.

Мало кто знает, но в Петербурге начала XX века исследования Бехтерева в области работы головного мозга стали стимулом для возникновения в педагогике совершенно нового направления. Это была, пожалуй, первая попытка создания индивидуальных подходов к развитию ребенка, основанных не на традиционной практике, а исходя из научных знаний о том, как развивается и действует головной мозг человека. Так, например, Бехтерев изучал эволюцию детского рисунка, чтобы понять принцип становления сложных функций мозга, он анализировал законы развития личности и человеческого сообщества в истории. Его работы открывали невероятные перспективы для понимания роли человека в цивилизации, а применительно к педагогике давали возможность выявлять и взращивать таланты.

Именно идеи Бехтерева вдохновили и привели к созданию новой педагогики Виктора Николаевича Сороку-Росинского. Забавно, но этот замечательный ученый больше известен как Викниксор, директор исправительной школы в фильме (и книге!) «Республика Шкид». Выпускник историко-филологического факультета петербургского университета, Сорока-Росинский в 1908 году специально поступил в Военно-медицинскую академию, чтобы слушать лекции психиатра В.М. Бехтерева и работать в лаборатории ученика Бехтерева, гениального психолога А.Ф Лазурского. Именно Лазурский связал психиатрию с психологией личности и педагогикой. Он первым начал читать специальные курсы для педагогов, которые включали такие темы, как психиатрия и психология, психофизика и анализ ощущений; процессы восприятия, памяти, мышления и воображения; значение эмоций и воли. Наконец, раздел о личности, темпераменте и характере. Сюда же входили лекции о патологической психологии и психологии детства, проводились практические занятия по экспериментальной психологии. Эти лекции Лазурский читал и на женских курсах в Петербурге. Слушательницей их вполне могла быть и Александра Макарова, позже применившая полученные знания для воспитания целого поколения гениальных Кнорозовых.

А для Сороки-Росинского работа в лаборатории Военно-медицинской академии привела к созданию новой педагогики, основанной на индивидуаль-

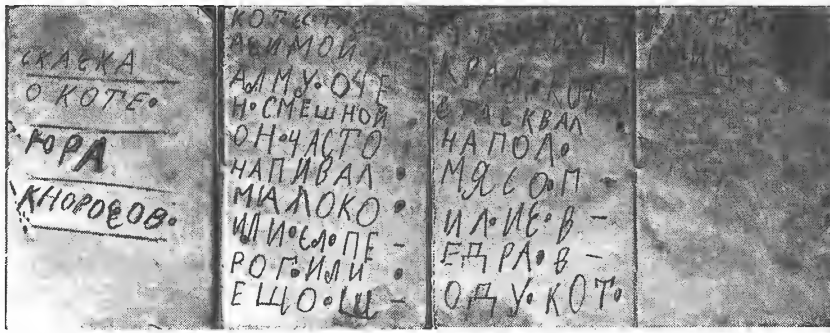
ном подходе к личности ребенка, блестяще доказавшей правоту Бехтерева и Лазурского. Позже, уже при советской власти, работая с беспризорниками, он писал:

«...я год слушал лекции профессора Бехтерева в Военно-медицинской академии и думал, знаю, что такое садизм как извращение психики. Но только вот теперь я понял, что это за ужас и что может таиться у моих ребят. За время беспризорности многие из них так одичали, что в них проснулись инстинкты первобытного человека, для которого насилие было средством существования, жестокость — естественной оборонительной реакцией. Нам надо было следить, чтобы они не избивали слабых или чем-нибудь не понравившихся им новичков: ведь и стаи первобытных людей приканчивали своих собратьев, ставших из-за увечья, слабости или старости им помехой. Наши ребята приносили из беспризорности и такие древние обычаи, как обращение в рабство неоплатного должника, как беспрекословное повиновение главарю шайки. Многое у них таилось, что могло вдруг вырваться наружу...»

Но тогда, до начала мировой войны, до революции основной задачей педагогики Сорока-Росинский считал создание эффективного метода обучения, формирующего творческую личность, способную самостоятельно принимать решения. Причем работал этот талантливый педагог отнюдь не в элитных учебных заведениях.

До 1917 года Сорока-Росинский успел опубликовать немало работ, посвященных вопросам обучения. Нет сомнений, что ими зачитывались и молодые супруги Кнорозовы. Публикации затрагивали проблемы философии и методологии, вопросы психиатрии и психологии; в частности национальной психологии и путей развития русской национальной школы; вопросы воспитания, в том числе так называемых трудных детей и подростков. Кто бы мог подумать, что пройдет всего несколько лет, и эта тема превратится для России в самую актуальную, вычеркнув напрочь и национальную психологию, и русскую национальную школу. Но посеянные Бехтеревым и Сорокой-Росинским семена не пропадут – пройдет пара десятков лет, и национальная психология станет основой исторической теории пассионарности Льва Гумилева. А вот к осмыслению самомотивации и самореализации личности вернутся спустя практически сто лет!

Тогда, в середине 1920-х, ситуация с образованием в СССР и вовсе не выглядела радужной. Ставились бесконечные безграмотные эксперименты, необразованные, но идеологически подкованные советские чиновники душили всякие попытки гармоничного развития личности. В 1925 году в Ленинграде был раскритикован и уволен и Сорока-Росинский, к чему приложил руку Макаренко. А в 1928 году в Харькове, в то время – столице Украины, уволили и самого Макаренко. Идеологическое мракобесие серостей восторжествовало во всех гуманитарных сферах жизни страны.



«Сказка о коте» авторства пятилетнего Юры Кнорозова

Итак, молодым Кнорозовым повезло – до революции они оказались в самом центре новых психолого-педагогических веяний, позволявших найти подходы к самой нестандартной личности, развить эту индивидуальность, превратив ее в творческий талант и гениальность. Конечно, восстановить полностью схему воспитания сейчас практически невозможно. Однако кое-что сохранили в памяти внуки.

Во-первых, это было, как предлагал Сорока-Росинский, семейное воспитание, где авторитет родителей не оспаривался, но к детям относились с уважением, как к равным. Другим важнейшим фактором семейного воспитания являлся совместный труд. Отец работал, мать вела хозяйство, дети тоже выполняли свои обязанности, даже маленький Юрка записывал количество снесенных курицами яиц и собранных яблок. Как не вспомнить слова Сороки: «Труд лучше всяких проповедей и поучений воспитывает ребенка в любви к работе, формулирует у него чувство собственного достоинства, прививает презрение к тунеядцам, бездельникам и лодырям».

При этом творчество было неотъемлемой частью жизни семьи – музыка, живопись. И мать, и отец хорошо рисовали сами, мать играла на рояле. Соблюдалась главная нравственная идея: народность воспитания, подготовка человека к самоотверженному служению высшим ценностям – Родине, благу народа. Это объясняет те дискуссии, которые велись в семье. Становится понятным и появление искренних поэм о стране, которые сочиняли младшие Кнорозовы и которые возникли, видимо, не без помощи отца. Все дети выросли патриотами, не изменив любви к своей стране даже при смене власти.

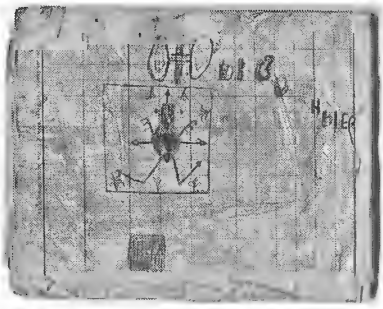
Но главным оставалось «возбуждение аппетита к знанию» и попытки определить характер способностей каждого ребенка. Для этого использовались методы Бехтерева – в частности, анализ рисунков. Родители тщательно изучали рисунки своих детей, пытаясь понять особенности их мировосприятия, а также психическое состояние. Они прекрасно понимали, что, вовремя вмешавшись, можно избежать больших проблем и понять, в какое русло следует направить творчество ребенка, чтобы добиться потрясающих

результатов в развитии его талантов. Удивительно, но рисунки Юры сохранились до наших дней – благодаря сестре Галине, которая относилась к младшему братишке как-то совершенно по-особенному. Непосвященному человеку кажется, что это всего лишь обычные рисунки ребенка. Но для специалиста это бесценное свидетельство задатков маленького человека.

Юра с любимой «цыпой» в Южном

Летом 2008 года эти давние рисунки были предложены для анализа старшему научному сотруднику Института социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, д. м. н. Анне Анатольевне Портновой – специалисту по детскому рисунку. Ей намеренно не сообщалось, о ком именно идет речь – чтобы не навязывать предвзятого мнения. Она не знала, мальчик это или девочка, сколько лет ребенку. Даже не было сказано, какому времени принадлежат эти рисунки, что они нарисованы 80 лет тому назад! Было интересно узнать, что такие странные послания могут поведать о жизни, о внутреннем мире дошкольника Юры Кнорозова – так, как видели это его родители. Анна Анатольевна с интересом согласилась на эксперимент. И, надо заметить, ни в чем не ошиблась:

«Бросив первый взгляд, сразу можно сказать, что рисунки, которые выбирает мальчик, говорят о все-таки сниженном фоне настроения. Преобладают цвета мрачные – черный, синий. Это нерадостные цвета. Присутствует большое количество деталей, много штриховки, много недописанных деталей – а он начинает рисовать новую. Это свидетельствует о повышенной тревожности ребенка. Возможно, у него есть склонность к формированию страхов, так называемых фобий детского возраста. Это означает, что этот ребенок – интроверт. Ему интересно самому с собой, либо у него просто не получается контактировать с окружающими. Он предпочитает общение с собой, общение со своими фантазиями. А рисунки очень талантливые. Для примера можно взять это нарисованное фантастическое животное. Все свидетельствует о безусловно очень богатом внутреннем мире, о хорошем воображении. Для ребенка шести лет это очень хороший рисунок. Даже можно сказать, что это ребенок одаренный. И если найти то, в чем он одарен, и помочь ему направить, развить свои таланты, то, конечно, из него может получиться очень интересный творец. В то же время у изображен-



Свою рисованную энциклопедию пятилетний Юра озаглавил «Жывотные»

ных персонажей присутствуют острые зубы, когти, большие расширенные глаза. А это тоже говорит о страхах ребенка.

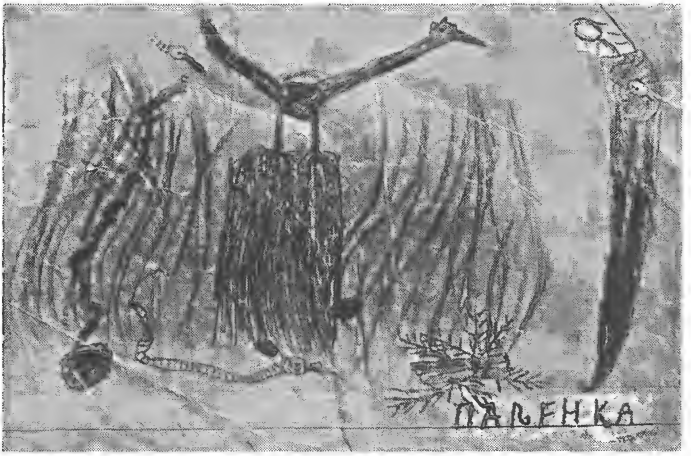
На некоторых рисунках появляются объекты агрессии – изображены люди, которые подвергаются агрессии. Их убивают или пытают, разрывают на части. Присутствует тема убийства и крови. Чаще всего убийство и кровь относятся к фантазиям несколько садистического характера. Они допустимы как определенный этап развития. Главное, чтобы эти темы не стали превалирующими в жизни ребенка.

Если выбрать лексику из текстов, то встречается и такое: «Страшно испугался. Схватили. Откусили голову, выстрелили, убили». Причем все это появляется на одной странице. Этому ребенку, как минимум, нужна психологическая помощь, поскольку у него эмоциональный фон снижен, тревога повышена, присутствуют страхи. Наверняка существует трудность общения с окружающими. Вместе с тем присутствует интерес к природе, интерес к окружающему миру – но не интерес к людям».

Результат эксперимента (вот она, вершина методических изысканий А.Ф. Лазурского, разработанных им в 1910 году, – «метод естественного эксперимента»!) меня ошеломил. Прежде всего тем, что объяснились многие особенности, которые с годами все отчетливей проявятся в очень странном, малопонятном для большинства и нелегком характере Юрия Валентиновича Кнорозова...

Еще известно, что отец учил детей выполнять все действия левой рукой наравне с правой, в частности – писать и рисовать. Это удивительно, так как психофизиологические исследования, касающиеся развития обоих полушарий головного мозга и особых способностей через стимулирование амбидекстрии, появились лишь в 1970-е годы! Конечно, в России всем с детства известен «Левша» писателя Лескова как пример особого дарования. Но в первой четверти XX века никто не занимался всерьез подобными исследованиями, даже Бехтерев. Более того, в те времена левшей по рождению насильно заставляли пользоваться только правой рукой. Детей даже наказывали за использование левой руки. Впрочем, понятие «стрельбы по-македонски» (когда человек стреляет с двух рук, мгновенно меняя глаз для прицеливания, оставляя неподвижными пистолеты) существовало уже тогда. Правда, не имея никаких научных обоснований. И мало кто понимал принцип доминантности одного из парных рецепторов, в данном случае – глаза.

В 1994 году Тамара Доброхотова, гениальный ученый-психиатр, практически впервые занявшаяся изучением особенности психофизиологии левшей, продолжала писать о том, что «до сих пор человече-



Еще одно неизвестное слово из будущего: змея «паленка»

скими обществами левши продолжают игнорироваться». А инженер Валентин Кнорозов на рубеже 1920-х пытался в обычных, казалось бы, детях развить леворукость. Зачем? С его точки зрения, всякий творческий, интеллектуально развитый человек должен обладать подобным навыком.

Забегая вперед, следует заметить, что метод воспитания «по Бехтереву» блестяще себя оправдал – все пятеро детей достигли наивысших ученых степеней, двое стали лауреатами Государственной премии СССР. Причем все пятеро реализовали себя в совершенно разных областях знаний. А не так, как часто случается нынче: бездарный сын успешно делает карьеру только под крылом родителя.

Но тогда, в разоренной войнами и революциями стране, Александра и Валентин Кнорозовы о подобном, наверное, и не мечтали. Грамоте, похоже, младшие успевали выучиться сами еще до начала систематических занятий. Во всяком случае, так было с Юркой. Он рано начал писать – некоторые буквы вырисовывал зеркально, слова сначала не разделял вообще, а потом стал ставить между ними жирные точки. При этом обозначал перенос части слова. Бумаги не было – и Юра использовал для письма различные бланки, ненужные листки, которые сшивал в тетрадки, и даже пустую, откуда-то появившуюся медицинскую карту. Свои записи он превращал в «книги». Примечательно, что нумерация страниц начиналась с конца, с последней страницы.

Первая рукописная книжка Юры выглядела так:

СКАЗКА О КОТЕ

Юра Кнорозов

А дальше следовал текст:

«Кот ес трову а зимой палму очен смешной он часто напивал молоко или ел перог или ещо што нибуд крал кот стасквал напол мясо пил из ведра воду кот часто ел птиц».

Странное существо голубого цвета среди рисунков маленького Юры Кнорозова, названное неизвестным словом танкас. Потом окажется, что на языке майя танкас означает «Млечный путь»

(Кот ест траву, а зимой – пальму. Очень смешной – он часто выпивал молоко или ел пирог, или еще что-нибудь крал. Кот стаскивал на пол мясо, пил из ведра воду. Кот часто ел птиц.)

Кошки для Кнорозова на всю жизнь станут любимыми животными, его единственными друзьями. Надо заметить, что в Южном до сих пор живет какая-то странная порода головастых котов. Эти невозмутимые хозяева поселка отличаются крупным размером и невероятно огромными, размером с человеческую голову, башками. Они больше напоминают каких-то мудрых инопланетян, нежели суетливых помоечных охотников. Судя по рисункам и записям, на Юру они успели произвести неизгладимое впечатление. А в доме Кнорозовых всегда обитали коты и собаки – обычные, подобранные с улицы, но уважаемые, как члены семьи. Потом, много лет спустя, уже став доктором наук и лауреатом Государственной премии, Кнорозов будет воевать с «редакторшами» за право поместить в качестве соавтора статьи по теории сигнализации собственную кошку Асю, а также биться за присутствие ее портрета на публикуемых фотографиях.

Другая «книга» мальчика Юры представляла собой нечто вроде энциклопедии Брэма. На каждой страничке появлялся рисунок животного, сопровождающийся описанием: название, ареал проживания, жилище, питание. Иногда добавлялись любопытные детали. Реальные звери беззаботно сосуществовали рядом с мифическими. Подлинные названия шли вровень с выдуманными. При этом в книге

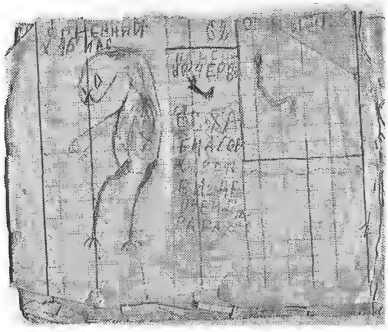
были разделы с оглавлениями: «ХИЧНЫЯ», «ЗМЕЙИ ЯДОВИТЫЕ». А среди ареалов обитания всех персонажей Юры – от реальных до мифических – главное место занимал один: «жаркие страны». В жарких странах жили практически все: от медведя, который «жывет в жарких странах ес краснадунов умеет летат по воздуху», до некого «воговея», который «жывет в жарких странах ес наганов гнездо из перев». Там же, в жарких странах, жил и *кот*, и *кит арбунцый*, который ел все и был «очен дорогой». *Краснодун* тоже «жывет в жарких странах, надеревях ест змей и так дует что воздух так накаляедца что делайдца красным...»

Полет в Космос и на Луну – иллюстрация Юры к собственному рассказу о «полете наганов на Луну»

Единственный, кому не довелось жить в жарких странах, оказался *буйвол* – он жил в «холодных странах на лду» и ел исключительно «лод и снег». Но на рисунке несчастный буйвол больше напоминал птицу с хвостом, на двух лапах и с зубастым разинутым клювом.

Самым удивительным в этой «энциклопедии животных» стало появление змеи под названием «паленка», а также голубого длинноносого зверя по имени «тамкас». Про *паленку* Юра писал: «поленки едат сецомеренских оне похожы на ветки они жывут в таких странах где болше света...» Внизу появляется орнамент в виде заштрихованных треугольников, напоминающих горы. Среди любимых сюжетов Юры было дерево с крупной птицей наверху. А также появляются изображения «в квадратиках», наподобие письма майя. Кто эти существа? Откуда появились странные названия? С чем связаны странные сюжеты? Трудно поверить, но ответ на эти вопросы будет получен лишь спустя несколько десятилетий, когда Кнорозов дешифрует письмо майя и прочтет иероглифические тексты. И это станет одной из загадок странного гения Юрия Кнорозова.

Другая книга – это приключения *наганов* на Луне. Лихие герои Юры Кнорозова летали на Луну на аэропланах, которые на рисунках скорее напоминали космические ракеты, вели войны, стреляли. Да, современного психиатра не удивил факт космических полетов в рисунках ребенка – но доктор Портнова и не подозревала, что ребенок об этом писал в 1927 году! Впрочем, тут мы можем предположить, что шестилетний ребенок к тому времени был знаком с небольшой повестью основателя космонавтики Константина Циолковского, написанной в 1887 году и называвшейся «На Луне». Юра ушел от скучного описания лунных пейзажей, обнаруженных на Луне безымянными друзьями-физиками: «Мрачная картина! Даже горы обнажены, бесстыдно раздеты, так как мы не видим на них легкой вуали – прозрач-



«Хабиас» – частый персонаж текстов и рисунков маленького Юры

ной синеватой дымки, которую накидывает на земные горы и отдаленные предметы воздух... Строгие, поразительно отчетливые ландшафты! А тени! О, какие темные! И какие резкие переходы от мрака к свету! Нет тех мягких переливов, к которым мы так привыкли и которые может дать только атмосфера. Даже Сахара — и та показалась бы раем в сравнении с тем, что мы видели тут»[9].

Маленький Юра создал собственный увлекательный блокбастер под названием «ОХОТА НА НОГАНОВ»:

«Дело было ваенное зимой на ниобитайимом острави.
Охота на наганов началс с ицамеринский желизнак
Он надел паласки и отправилса на ниобитаимый остров
Спирва на ниво напали киты
Он паехал без оружия так как выколдвал
Но ето был обман колдунов и потому киты ево праглотили.
Сицомеринскийи пошлали за ним
Толко доехали до океана как вдруг налител убий и разшвырал всех по окиану и праносса по всиму свету
Потом загримел гром и блистнула молния и убила всех но потом они улители на аеропланах с оружем на наганов.
Но они токо вышли на луну как на них вылетила стая смертей и увидали йих. Оне страшно испугалис как онье схаватили однаво откусили голаву.
Но он ударом хвоста убил адну смерт но он умер но оне быстро пролетели Сецомеринскийи пошли далше и встретили бешинаво нагана
Он кинулса к ним и убил 80 сецомеринских там сталос 2. Оне выстрелели и били ево токо подошли к ниму как вдруг раздалса выстрел и адин упал убит и раздалса крик убит фтарова.
А тот кинулся впирод. Раздалса ещо 1 выстрел тот был убит
Ето стралал хабиас».

Ноганы – важные персонажи из мира Юры Кнорозова. По его определению, «ноган (или наган) – у него ес хвост ис которого всо время литат пули. Он жывет в жарких странах или в холодных». Откуда в фантазии ребенка пришли ноганы? Возможно, из калмыцких мифов о Ноган Дара-Эке-гегян, которая победила горбатого злодея черного Мангаса, чтобы спасти свой народ от врагов?

А вот страшный Хабиас (хобиас) был особенным персонажем. Юра часто изображал его яркими красками. «Огненный хабиас» пред-

[9] *Циолковский К.Э.* На Луне. Гл. 1.

стает в виде странного животного, стоящего на задних лапах и протягивающего вперед лапы-руки. Отважными хабиасами питался *огненный червь*, который «жывет визде и очен дарагая».

Пришел ужасный хабиас из страшной детской сказки дореволюционной писательницы, имя которой сейчас напрочь забыто, про старика, старушку, храбрую собачку Фунтика и злых хабиасов:

Вариант Хабиаса в фас

«Жили-были дед да бабка, и был у них верный песик Фунтик. Как-то дед с бабкой легли спать, а под окно пришли злые хабиасы и запели: "Войдем, войдем в избушку, съедим старика и старушку!" Песик Фунтик услышал их и залаял: "Гав! Гав! Гав!" Злые хабиасы испугались и убежали.

Утром дед говорит бабке: "Что это за вредный песик Фунтик! Не давал нам всю ночь ни спать, ни дремать! Давай-ка отрубим ему хвостик!" И отрубили они Фунтику хвостик». Следующей ночью хабиасы опять приходят, Фунтик их прогоняет, а наутро ему отрубают ушки. Через день – лапки. А еще через день – голову. «...Они пропели свою песенку, потом пропели снова, и в третий раз пропели. Но никто не заскулил, не затявкал. И тогда злые хабиасы вошли в избушку и съели старика и старушку».

Можно представить, как жалел маленький Юра собачку Фунтика! И потому всю жизнь люто ненавидел всякого, кто обижал животных. И еще становится понятным, почему незадолго до смерти Кнорозов, общаясь с нашим рыжим «дворянином» по имени Фокс, тоскливо не раз повторял: «Пропадем мы с тобой, барбос...»

Да, фантазии ребенка соединили и казавшиеся тогда сумасшедшими теории Циолковского о полетах в космос, и древние мифы, и детские сказки.

Некие «сецомеренские», с которыми Юра отождествлял и себя, были, по всей видимости, персонажами положительными, претендовавшими на роль людей. Они жили в окружении непонятных героев и чудищ, находясь в постоянной угрозе. Пятилетний Юра даже начал было писать и о них книгу – но остановился почему-то на первой, весьма многозначительной фразе: «Была страна сецомереня, и как-то раз отделился от нее огромный город и...»

В рисунках появляются и странные города – дома представляют собой скорее башни или ракеты на стартовой площадке космодрома, нежели обычные, пусть даже многоэтажные жилища.

Страсть к систематизации с детства отличала Юрия. Возможно, что к этому его, как и старших детей, приучили родители. Поми-

Семья Кнорозовых

мо составления энциклопедий, он помогает матери вести хозяйство – и заводит специальную тетрадь, записывая количество кур, снесенных яиц, сорта яблок в саду и прочую домашнюю информацию.

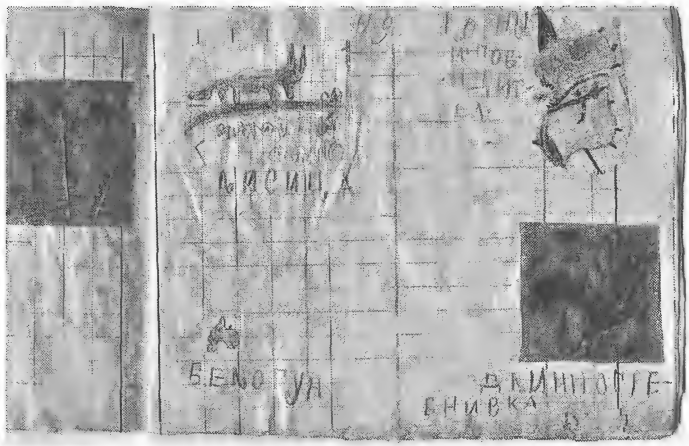
Систематизация – это было семейное. По всей видимости, этому обучал детей отец. Среди записей сохранилась тетрадь «по фотографии» старшего из детей – Сергея. Четырнадцатилетний подросток в 1925 году старательно составляет табличку, куда записывает характеристики для настройки фотоаппарата для проведения различных съемок: от дня и часа съемки до оценки полученного результата. Современному молодому читателю, просто нажимающему клавишу мобильного телефона, уже сложно понять эти тонкости. А раньше фотографировать надо было уметь; а также знать, как настраивать камеру и объектив. Неслучайно, наверное, позже старший брат Юрия – Сергей Валентинович Кнорозов станет доктором технических наук, работая в отделе военно-топографического управления Генерального штаба. А за создание уникальных методов аэрофотосъемок в 1988 году он будет удостоен Ленинской премии СССР.

Всех братьев одинаково увлекают путешествия. Они зачитываются приключенческими книгами и журналами, редкие библиотечные номера которых буквально были нарасхват. Сохранилась полная драматизма записка, свидетельствующая об этом интересе. Автором ее стал старший брат Сергей:

> «Юрка!!!
> Топтыга несчастная!!!!!!
> Беги, спасайся, пока можешь. Ибо известный Циркуль Кровавая Нога вчера осаждал меня, кричал, что он пойдет на тебя и сожжет тебя на костре, а пепел развеет на все стороны из своей флейты. Все это произойдет, если ты сегодня же не отправишься к нему с изъявлениями покорности и не пришлешь в виде дани №-ра «Мира Приключений» № 1, № 2 и № 3. Ибо на самого Циркуля напал еще более могущественный враг, который требует их.
> Предупреждающий тебя об опасности
> С. Кнорозов»

Текст позволяет предположить, что Юра и в детстве был весьма обидчив – и потому Сергей придумывает игровой сюжет, чтобы просто забрать «зачитанные» номера журналов. И в этом случае Юра выступает не «торопыгой», а медленным «топтыгой».

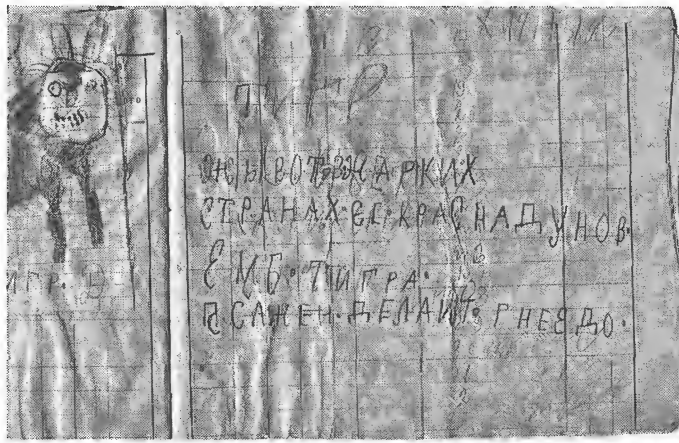
Еще одной увлекательной игрой, в которой участвуют братья, становится переписка при помощи шифров. Понятно, что в основе лежат «пляшущие человечки», с загадкой которых столкнулся герой



Подписи свидетельствуют, что Юра научился писать самостоятельно

Конан Дойля Шерлок Холмс. Детективы, побуждающие к разгадкам тайн, тоже были частью системы образования Сороки-Росинского, даже написавшего специальную статью «Нат Пинкертон и детская литература». Игра в шифры кажется Юрию страшно увлекательной. Он обменивается с братьями шифровками, с упоением разгадывая и изобретая новые версии тайнописи. Дешифровка письма майя и Государственная премия СССР станут безусловным доказательством правильности методов воспитания «по Бехтереву», избранных в почти забытом, счастливом серебряном Петербурге молодыми Александрой и Валентином Кнорозовыми.

Проблема воспитания и образования в 1920-е годы, как уже упоминали, приобрела особое значение на передовом фронте борьбы за молодое поколение. Бесконечные безграмотные эксперименты. Советским чиновникам пролеткульта были недоступны идеи гениального Бехтерева и его последователя Сороки-Росинского, так как творческая личность была объектом подозрений и неприятия. Даже исполнительные «солдаты трудового фронта», которых готовил Макаренко, и те были слишком самостоятельны для системы. Самого Бехтерева травили, заставив отказаться от его гениальных исследований в области системных проблем человеческой эволюции. Слова «личность», «индивидуальность» относились к ругательствам. Идолом педагогики был безликий коллектив объятых энтузиазмом физического труда серостей. И какого труда стоило многим талантливым педагогам спасать детей вопреки бесконечным проверкам и указаниям «сверху»! В этой ситуации спасением становилась семья. Именно тогда сложилась особая советская культура «двойной идеологии»: одна – для семейного потребления, а другая для внешнего. Возник даже целый пласт непереводимых идиоматических выражений, отражающих эту двойную культуру и понятных только советским людям. На самом деле драма в большинстве литературных произведений советского времени выстраивается именно



Раздел «хищники», где тигр – самый яркий представитель
Любопытна сама форма записи текста

через конфликт этой «двойной идеологии», проявляющийся в разных областях жизни.

Валентин Дмитриевич на своем примере учил детей и еще одному качеству: никогда не останавливаться на достигнутом. Менялась жизнь в стране, появлялись новые запросы – и глава семейства овладевал новыми знаниями. В 1929 году Валентин Кнорозов сдает экзамены и получает диплом горного инженера. Он становится специалистом по огнеупорам. Но отцовская специальность увлекла только одного из детей – Бориса. Как и все, он достиг в своем деле высочайших успехов, став кандидатом технических наук, специалистом по металловедению, инженером-полковником. Его судьба связана с Артиллерийской академией им. Ф.Э. Дзержинского.

Очень долго старшие братья звали младшего в семье Юркой, а чаще Зайцем – видимо, подсмеиваясь над нежным прозвищем «зайчик», как ласково звала братика нянчившаяся с ним Галина.

Если судить только лишь по интеллектуальным играм, то складывается впечатление, что Юрка-Заяц был послушным домашним мальчиком. Однако сам Кнорозов рассказывал совсем иное о своих играх.

Однажды он играл с братьями в крикет – и ему случайно попали мячом по голове. Удар был такой силы, что он потерял сознание. Но мальчик не заплакал, не «запищал». На какое-то время потерял зрение. Потом вроде все обошлось – но эту детскую травму Кнорозов называл «колдовской», то есть той, что открыла в нем необычные способности. Был и еще один собственный рассказ Кнорозова – про то, как он, будучи уже школьником, с мальчишками нашел гранату. И этой гранатой его тоже сильно стукнули по голове. Правда она, к счастью, не взорвалась.

Племянникам Кнорозова эти рассказы кажутся невероятными: какой крикет в Южном? Как Юра мог быть хулиганом в школе,

если его отец всегда был большим и уважаемым человеком в поселке, которому сразу же доложили бы о любом проступке младшего сына?

Впрочем, любящие родные часто и не подозревают о проделках мальчишек. А те, во избежание наказаний, молчат, как партизаны. Ведь неслучайно для психиатра стали очевидными повышенная тревога, скрытая агрессия и страхи маленького Юры. А это означает, что он попросту не мог вести жизнь обычного пай-мальчика.

Отец Валентин Дмитриевич всегда следил за образованием и воспитанием своих детей

Достаточно скоро в домашнем воспитании детей обозначился неизбежный «пробел»: Боря, Леонид, Юра, Сергей, Галина оказались не очень «коллективными» людьми. Революция, Гражданская война, становление советской власти приучили маленьких Кнорозовых держаться подальше от чужих людей и даже соседей. Дети были замкнуты внутри семьи, развивали собственные способности и не любили ни командовать людьми, ни кому бы то ни было, кроме родителей, подчиняться. Никто не унаследовал от отца его таланта управленца. Дети избегали коллективных мероприятий, замыкались в одном, достаточно узком кругу людей, их понимавших. А таких в поселке Южном было немного.

Музыка стала важной частью образования в семье Кнорозовых. Правда, старшим сыновьям учиться играть на музыкальных инструментах не довелось. Но слушать они могли часами. Галину мать обучила игре на фортепьяно. А когда в Южный приезжала армянская бабушка – заслуженная актриса Мари-Забель, в доме наступал настоящий праздник. Однажды Мария Давыдовна привезла сундук, вызвавший восторг у всех внуков, – в нем оказались сценические костюмы, реквизит, веера и старые альбомы с фотографиями актеров трупп, в которых играла актриса. По всей видимости, в какой-то момент она решила оставить сцену, где классику все больше вытесняли диковатые революционные спектакли, в которых старорежимной актрисе трудно было подобрать достойную роль.

В 1926 году Мари-Забель не стало. Она умерла на 66-м году жизни. В доме сохранилось несколько билетов и театральных программок разных лет, и среди них афиша юбилейного спектакля в честь 40-летия ее сценической деятельности:

Юра Кнорозов со своей скрипкой на фестивале детских музыкальных школ в Харькове. Лето 1932 г.

Госпожа Забель
1879–1919

В этом сезоне исполняется 40 лет сценической деятельности госпожи Забель
За 40 лет она прошла через все трудности, присущие актерской жизни. Актриса Забель была в каждой актерской труппе, где она служила, тем необходимым столпом, на котором выстраивалась родная армянская театральная сцена. Она участвовала во всех армянских театральных труппах от их зарождения до создания единого яркого театрального организма, со времен Петроса Адамяна до наших дней.
Всегда скромная, трудолюбивая, без остатка преданная своему призванию – вот самая малая часть ее качеств, которые подчеркивали ее огромную актерскую сущность.
По инициативе совета армянского общества 10 января в Артистическом театре состоится юбилейный спектакль заслуженной актрисы госпожи Забель.

Юра очень любил свою бабушку, хотя сам, казалось, никогда не отличался страстью к театральности. Впрочем, он умел блестяще «придуриваться», причем с абсолютно серьезным видом, так что его трудно было заподозрить в игре. Он всю жизнь будет пользоваться этим даром, правда очень редко, лишь когда надо будет уйти от чьего-либо слишком настойчивого давления.

Но больше всего Юре нравилось фантазировать – порою он надолго замирал где-нибудь в укромном углу, переживая какие-то совсем иные события, не имевшие отношения к обыденной жизни. Если в детских книжках он еще описывал эту параллельную реальность, то, повзрослев, все больше замыкался в себе, никому не открывая своих внутренних видений.

Юра стал первым из детей Кнорозовых, кому довелось учиться в обычной советской школе с самого начала. Сохранилась копия свидетельства о рождении Кнорозова Юрко Валентиновича, выданная для предъявления «в школу» в 1930 году, – то есть когда Юрию было семь лет и надо было, согласно закону о всеобщем обязательном образовании, отправляться в первый класс. Однако, судя по всему, сидеть вместе с поселковыми первоклашками ему было не очень увлекательно – мальчик уже много читал и даже, как известно, писал. Но отец в Южном был слишком значимой личностью, чтобы его сыну позволили шалить или прогуливать занятия в 46-й железнодорожной школе. Он много лет проработал на руководящих должностях в Южном

тресте строительных материалов НКПС (объединившем около 30 заводов южных дорог) и, кроме того, занимал руководящий пост в местной администрации. Нет, прогуливать школу или плохо учиться сыну уважаемого человека никто бы не позволил – тут же сообщили бы отцу, как это принято в небольших поселках.

Страшное существо наподобие Пернатого Змея из фантазий Юры, которое входит в его энциклопедию

Кроме того, Юрия, обладавшего абсолютным слухом, определили учиться в музыкальную школу Харьковского училища южных железных дорог (по-украински «півдэнных зализныць») по классу скрипки. При этом скрипка у Юры была старая, итальянского мастера чуть ли не XVIII века.

Летом 1932 года в Харькове проводился фестиваль учеников детских музыкальных школ. Юра, которому исполнилось тогда 11 лет, должен был исполнять на нем классический школьный «Зейц-концерт II, соч.13». Фридрих Зейц – российский композитор немецкого происхождения – пользовался особой популярностью на Украине, так как какое-то время жил в Днепропетровской области. Его жизнь оборвалась в лихом 1918 году. Отличающийся особой выразительностью «Концерт № 2» считается произведением, мимо которого не прошел ни один начинающий скрипач. Прежде всего из-за того, что удивительным образом позволяет развивать беглость пальцев, подчеркивать оттенки и оттачивать технику. Без «Зейц-концерта» с начала XX века не обходится ни одно школьное выступление.

В программе выступлений Юре достался 14-й номер из 25 участников первого отделения. Он шел сразу после исполнения «Маленьких вариаций» Моцарта и перед «Вариациями на русскую тему» Майкапара. Юра постоянно репетировал прямо в саду, спрятавшись в тени густых елок. Здесь было не так жарко. Но бесконечные репетиции не возмущали соседей – им было уже не до постоянного пиликанья скрипки.

...Начало 1930-х гг. было ознаменовано достаточно ощутимым повышением температуры в Северном полушарии. Эти климатические изменения привели к усилению засушливости там, где и без того не хватало воды. Потепление оказалось резким и настолько интенсивным, что повлекло за собой изменение границ экологических ареалов. В зоне чрезвычайного риска оказались регионы с проблемной системой сельского хозяйства. Природа и просчеты управления привели огромные районы к настоящей катастрофе. Начиная с 1928 года на протяжении десяти лет мировая пресса кричала о повсеместной гибели урожаев и продовольственных проблемах. Но пик голода пришелся на 1932–1933 годы. В Польше поднялась волна массовых антиправительственных выступлений, голодные крестьяне громили помещичьи

Юра Кнорозов среди участников фестиваля детских музыкальных школ в Харькове. Лето 1932 г.

имения. Появились публикации о продаже детей и даже о волне самоубийств, что было вовсе немыслимо для католической страны!

В 1932 году газеты Центральной Европы пестрели известиями о массовой смертности населения на почве голода. Боярскую Румынию охватили голодные бунты. Здесь только за год голод унес более 120 тысяч детей. Обреченные на голодную смерть пациенты больницы для прокаженных отправились походом на Бухарест. В Чехословакии правительство попыталось помочь крестьянам – но чиновники разворовали эти деньги. В Берлине происходили столкновения демонстрантов с полицией, было введено осадное положение. В Гамбурге голодные толпы безработных начали грабить товары в лавках, останавливать грузовики с мясом. В Испании более шести тысяч голодных крестьян Каталонии и Таррагоны отправились в столицу, громя по дороге богатые усадьбы.

Тогда же голод усугубил и «Великую депрессию» в США. Некоторые штаты этой страны захлестнул настоящий голодомор. При этом частные производители зерна в неохваченных засухой штатах цинично уничтожали свои урожаи, чтобы не понижать цены и увеличивать личные доходы. Правительство США срочно засекретило и до сих пор тщательно скрывает эти данные, как и данные демографии на практически десятилетний период. По косвенным расчетам, в США тогда исчезло около семи миллионов человек.

Засуха не обошла стороной и СССР. В 1932 году настоящий голод охватил огромные территории – Северный Кавказ, юг России (Кубань), Украину, Южный Урал, Казахстан, Поволжье и Западную Сибирь. Советская система ведения сельского хозяйства также не сумела вовремя предупредить катастрофу, приняв против людей не менее чудовищные, чем в США меры, – районы голода были оцеплены, оставив крестьянам мало шансов на спасение.

Но лишь сейчас современные аналитики способны объяснить глобальные проблемы климатических колебаний и системных административных просчетов. А тогда жителям пригородов Харькова, как и каждого в отдельности пораженного засухой региона, казалось, что несчастье коснулось только их и спасения ждать неоткуда. Одиннадцатилетнего Юру, как и старших братьев, мать наверняка привлекала к выращиванию овощей в саду у дома. Надо было выживать – и об этом Кнорозов помнил всю свою жизнь. Не мог мальчик не замечать, что превращаются от голода в тени и постепенно исчезают его друзья

по играм. Тайком обсуждалось и вовсе невероятное – случаи людоедства. «Лудоедов» Юра боялся еще до голодомора – видимо, нечто подобное родители или братья рассказывали про времена революции и Гражданской войны. Юра еще в раннем детстве знал, что «лудоед занимаеца по войне еством и хулганством и другими всякими вредными дла сицомеренских штуками». При этом людоед, как упырь, «жывет среди сецомеренских».

Школа в Южном, в которой учился Юра Кнорозов

Настал день выступления. Юра с мамой и сестрой Галиной отправились в Харьков. Юра был коротко подстрижен, одет в рубаху из темного вельвета. Можно себе представить, как сияли решительностью его огромные ярко-синие глаза. Но мрачный вид очередей и голодные взгляды заставили мальчика съежиться. Никто теперь не помнит, как прошло выступление. Наверное, как всегда для Юрия, удачно. Сам Кнорозов об этом никогда не рассказывал и, наверное, даже не вспоминал. Но в 1990-е годы, когда правда о прошлом нашей страны перестала быть секретом, он в разговорах со мной очень осторожно упоминал людоедство начала 1930-х. Несколько раз возвращался к этой теме, как бы все еще не решаясь высказать до конца то, что видел тогда своими глазами и что никак не мог стереть из памяти на протяжении шести десятков лет.

В 1933 году дирекция музыкальной школы торжественно вручила товарищу Кнорозову Юрку грамоту «УДАРНИКА четвертого года 1-ой Пятилетки за отличную работу и показатели в социалистическом соревновании 1932 года». Однако на скрипке Юрий никогда больше не играл. Он разбил ее и такой хранил в футляре всю жизнь.

Тем не менее любовь к музыке, которую он тонко чувствовал и понимал, не исчезла. Но наслаждаться ею он предпочитал в исполнении Галины. Она обычно выбирала мощных композиторов – Мусоргского, Мушинского. Образ сестры завораживал Юрия: неяркий свет, за роялем девушка с тонким аскетическим восточным лицом, длинными пергаментными пальцами. Она как никто другой в семье внешне походила на знаменитую армянскую бабушку. Иногда ее даже сравнивали с шолоховской героиней, пленной турчанкой – матерью Григория Мелехова.

Как бы то ни было, музыка для Кнорозова навсегда оказалась овеянной смертью. 17 февраля 1937 года он подарит сестре полный мистического драматизма рисунок «Последние аккорды Шопена». Вдохновенный композитор сидит за роялем, вскинув руки перед последним аккордом, а из окна за ним молча наблюдает в черном балахоне... смерть. И поднись: «Гале от брата Юрки».

Страшное существо из фантазий Юры – тоже змееподобное

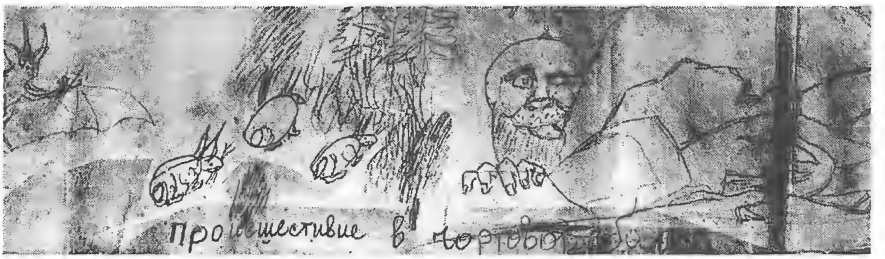
Впрочем, в семье рисовали все – мать, отец и дети. Технике рисования, судя по сохранившимся ученическим тетрадям, детей обучала мать. Похоже, что к этому ее в свое время подготовили на Бестужевских курсах.

В пятом классе Юрий всерьез увлекается биологией. Тут тоже не обошлось без влияния сестры Галины и брата Леонида. К тому времени сестра уже работала научным сотрудником в Институте эндокринологии, занимаясь органическим синтезом сложных гормональных препаратов, а позже – изобретением противоопухолевых лекарств. Леонид еще был студентом-биологом. В дальнейшем он защитит кандидатскую диссертацию и дослужится до звания полковника медицинской службы, став военным врачом-токсикологом.

Омелы – колдовское растение

На высоких деревьях вдоль дороги у въезда в поселок Южный до сих пор висят шары омелы. Это неувядающее растение-паразит издревле почиталось как символ жизни и бессмертия, о нем ходило немало легенд. По преданию друидов, омела родилась от удара молнии в ветвь дуба, поэтому была наделена целебными свойствами. У многих народов это растение считалось магическим, приносящим счастье, охраняющим человека и домашних животных от колдовства. Листьями и плодами лечили бесплодие, ревматизм, чахотку, эпилепсию, головокружение, головную боль – и даже безумие. У некоторых народов существовал обычай срезать омелу во время летнего и зимнего солнцестояний, что указывает на связь с жизнью и смертью.

Для славян это растение чудесно: она вечна, не исчезает, не увядает, растет без корней, не касаясь земли, не имеет семени. Сама размножается и растет между небом и землей, причем выбирает ветви только священных деревьев, среди которых дуб, ясень и акация. Все народы относились к омеле как магическому растению, которое охраняет человека и домашних животных от колдовства. На Руси ее называли «вихорево гнездо», а у кельтов омелу именовали Золотой ветвью Древа Жизни. Надо ли объяснять, что «Золотая Ветвь» Фрезера стала на какое-то время любимой книгой школьника Юры? Он ощущал свою близость к тайнам древних друидов и европейских колдунов. Именно тогда у него появилась страсть к эксперименту: действует или нет? С омелы и начались его опыты. Листьями и плодами лечили ревматизм, заболевания сердца, воспаление легких, чахотку, бесплодие и другие болезни. Но интересней всего Юрию казались те



«Происшествие в чортовой балке» – иллюстрация к какому-то сюжету. Юру явно уже научили грамоте и рисованию

свойства омелы, которые исцеляли от головной боли, головокружения и даже эпилепсии и безумия. Это можно было проверить довольно быстро! Юрий приступает к реализации своих планов. Для начала он пытается лечить сестру Галину, часто страдавшую от головной боли, а также мать. В доме появляются ветки омелы, необходимые «для профилактики головной боли и головокружений». Сейчас это назвали бы фитотерапией.

В этот период произошла одна из невероятных историй, которыми исполнена жизнь Кнорозова. Юрий вдруг обнаружил, что может лечить боль накладыванием рук! Как бы то ни было, первый опыт такого целительства оказался удачным – и вскоре в дом Кнорозовых потянулись знакомые и друзья. Сохранились рассказы о том, как приходили страдавшие от зубной или головной боли соседи. Подросток усаживал их за стол среди елок, водил над больным местом руками – и избавлял от боли!

В 1936 году Юрий на занятиях в школе не появился. Это был выпускной год в семилетней школе, но всю первую четверть он проболел и даже не был аттестован. Однако болезнь не помешала мальчику закончить весной 1937 года 7 класс 46-й железнодорожной школы. Любопытны оценки в аттестате. На «отлично» Кнорозов сдал русский, русскую литературу, естествознание, немецкий, конституцию, алгебру и геометрию. На «хорошо» химию, физику, черчение, а также историю (причем в четвертях оценка по истории колебалась между «посредственно» и «хорошо»). На «посредственно» был сдан украинский язык, который оценивался как «родной», хотя таковым никогда в семье Кнорозовых не был. А вот по физкультуре Юра вовсе не был аттестован по состоянию здоровья.

Итак, совершенно очевидно, что у Юрия возникли серьезные проблемы со здоровьем, если его даже полностью освободили от физкультуры. Что случилось в первой четверти? Почему он пропустил целых три месяца и не мог больше заниматься физкультурой? Похоже, что заболевание было связано со щитовидной железой, которая была прооперирована – во всяком случае, именно с тех пор у него на шее с обеих сторон появились тонкие шрамы, о которых он никогда никому не говорил. Позже сама собой возникла легенда о «ранении», но она не имеет никаких оснований. Очень может быть, что именно

Карандашный рисунок «Последние аккорды Шопена», подаренный Юрием сестре Галине в 1937 году

заболевание младшего любимого братишки определило и направление в исследованиях сестры Галины – эндокринология.

Итак, Юрий должен был продолжать учебу. Видно, что полученные оценки «работали» отнюдь не на гуманитарное продолжение образования. По истории вообще едва удалось избежать тройки. Но Юру история и не интересовала – он собирался стать врачом, и потому в том же 1937 году поступил на рабфак при II Харьковском медицинском институте. Рабфак, или рабочий факультет – так называлось среднее специальное учебное заведение, соответствовавшее колледжу, которое давало образование, необходимое для поступления в университет.

Тем временем жизнь не стояла на месте. В 1938 году отца назначают главным инженером Южного треста строительных материалов НКПС. Это была большая должность, поскольку трест объединял работу около тридцати заводов южных дорог.

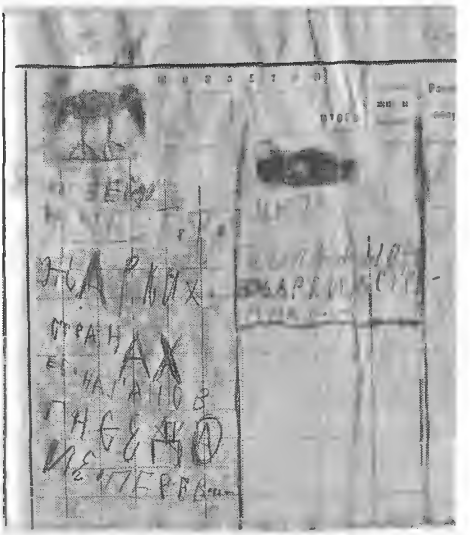
Надо сказать, что за годы советской власти Харьков, бывший крупным индустриальным центром и столицей Украины с 1919 до 1934 года, стремительно вырос. В 1939 году его население уже приближалось к миллиону. Особенно Харьков рос в юго-восточном направлении, где еще накануне Первой мировой войны возник крупный промышленный район. По своему экономическому развитию город стал третьим после Москвы и Ленинграда индустриальным центром СССР. К концу 1930-х Харьков давал почти половину продукции всей машиностроительной промышленности Украины, или пятую часть в масштабах всего Советского Союза. И немалая заслуга в этом принадлежала Валентину Кнорозову. Он обладал талантом руководителя, не боялся трудностей, с удовольствием делал карьеру, занимая все более высокие должности.

Старшие братья успели получить высшее образование, распределиться и разлететься из родного дома. Сергей в качестве инженера-геодезиста находился в постоянных экспедициях на Дальнем Востоке.

Борис в Москве служил адъюнктом Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского.

Отец тоже все время был в разъездах. Впрочем, поговаривали, что отсутствовал он дома не только по причине командировок – статный красавец пользовался неизменным успехом у женского пола.

В Южном оставались мать, сестра Галина и Юрий. Мать была погружена в домашние дела, которые, впрочем, не любила, но считала необходимостью. Она даже спать перебралась на диванчик в прихожей, считая, что так ей удобнее следить за хозяйством. Петербургская жизнь осталась где-то далеко в прошлом и даже не казалась реальностью. Топить печь, заботиться о воде, курах, готовить еду... Как вспоминают внуки, бабушка Александра до конца своей жизни терпеть не могла шить и готовить. Она мечтала об изобретении таблетки, заменяющей еду: проглотил таблетку – и сыт, не надо готовить каждый день еду и мыть посуду. Наверное, уже в те годы она выдумала свой собственный покрой для платьев, предельно простой – две сшитые по бокам полосы ткани. Такие «робы» она носила до конца своих дней, во что трудно поверить, рассматривая ее девичьи фотографии. При этом Александра всегда оставалась женщиной верующей – похоже, что вера и позволила ей пережить все невзгоды и трагедии. Она бережно ухаживала за иконами, перед которыми всегда горела лампадка. Возможно, этим она пыталась молча укорить Валентина, убежденного атеиста.



Раздел птиц среди рисунков Юры включил и его любимую «цыпу», которая тоже должна жить в жарких странах

А еще в доме всегда жили животные – беспородные собаки и коты. Вся жизнь Кнорозовых связана с их историями.

Галина уже закончила учебу и стала ученым-микробиологом. Это была новая специальность. К сожалению, в те времена о средствах защиты практически не задумывались – и Галина в лаборатории постоянно получала отравления, практически испытывая средства на себе, была слабой и часто болела. Но она послужила примером для брата Леонида, который тоже поступил на медицинский факультет, следуя по стопам сестры. И, наверное, неслучайно выбрал специальностью токсикологию.

Юрий, для которого сестра была самым дорогим после матери человеком, не мог спокойно видеть ее страданий. Он тоже твердо решил стать врачом.

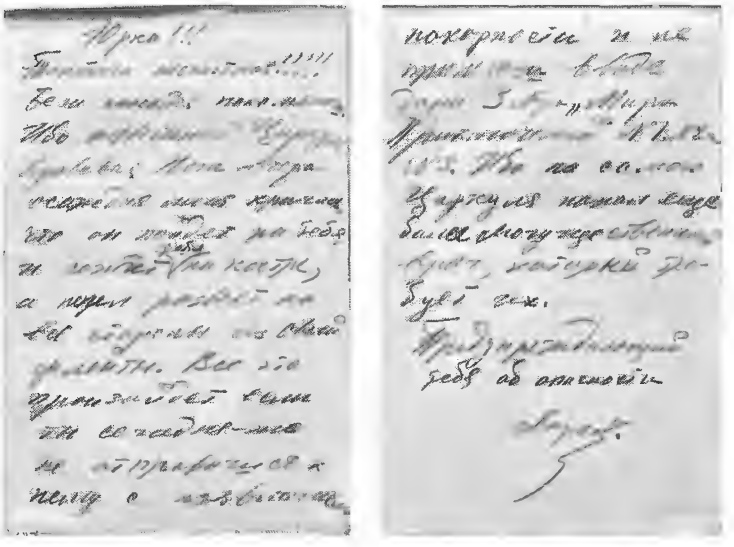
Семья Кнорозовых в Южном 1929 г.

Наконец, в мае 1939 года Юрий заканчивает рабфак при втором Харьковском медицинском институте. В аттестате по всем предметам – оценка «отлично», кроме украинского языка и украинской литературы. Впереди – медицинский факультет! Юрия все больше интересует психиатрия, а точнее возможности гипноза. Он хорошо понимает, что такое депрессии – даже операция не избавила его до конца от этого кошмара, связанного с проблемами щитовидной железы. А лечение наложением рук? От армянской бабушки он унаследовал дар воздействия на людей и сам видел, как люди без всяких лекарств избавлялись от страданий! Естественно, к тому времени Юрий уже давно перечитал работы профессора Бехтерева. Тем более что именно в эти времена в клинике нервных и душевных заболеваний Харьковского университета блистал ученик Бехтерева, Константин Иванович Платонов.

Это был уже всемирно известный психотерапевт и гипнолог, создатель отечественной школы психотерапии. Платонов занимался исследованиями, раскрывающими лечебную действенность слова. В 1930 году вышла его удивительная монография «Слово как физиологический и лечебный фактор», положившая начало психосоматическому направлению в медицине. Платонов обратился к вопросам психотерапии, гипноза, внушения, доказав, что именно слово занимает особое место в системе высшей нервной деятельности человека. Платонов сумел понять социальную сущность гипноза и творил настоящие чудеса, исцеляя пациентов, среди которых было немало талантливых известных людей.

Говорили, что Платонов действовал нестандартно, не оглядываясь на авторитеты. Это не раз обсуждали Галина и Леонид. Юрия особенно привлекало учение об экспериментальном гипнозе, созданное Платоновым. И потому страстью молодого Кнорозова становится гипноз как основа особой формы лечения и управления людьми. Он не только лечит «руками» – он пытается ставить самые невероятные эксперименты. Одним словом, выбор Юрия был предопределен: учиться только у Платонова! Похоже, что Юрий ходил на занятия к Платонову, когда еще учился в медицинском училище. И именно в платоновской лаборатории было обнаружено, что он обладает «особой чувствительностью» – позже об этом не раз упоминал Юрий Валентинович, когда я с радостью неофита пыталась вовлечь его в исследования межполушарной асимметрии.

Но беда пришла, откуда не ждали: медицинская комиссия отказала Юрию в справке, дающей право на поступление в медицинский



Записка от брата Сергея «Юрке-топтыге»

вуз. В те времена требования к здоровью будущих студентов были куда как более суровы, нежели теперь, поскольку медицинские институты имели в обязательном порядке военную кафедру: выпускники автоматически становились младшими офицерами военно-медицинской службы. Но заболевание, которое делало Кнорозова неспособным даже к физкультуре, исключало и всякую военную службу. Юрий целый месяц пытался всеми правдами и неправдами получить нужную справку – но увы... Не помогли даже должность и положение отца, человека известного в харьковском руководстве.

29 июля 1939 года Юрий пишет на листочке заявление директору Харьковского государственного университета с просьбой допустить его к вступительным экзаменам на *исторический* факультет и прилагает: автобиографию, документы об образовании, три фотокарточки.

Автобиография
Я родился в 1922 году в городе Харькове.
В 1937 году закончил 7 классов 46 железнодорожной школы.
В 1939 году закончил рабфак при 2 ХМИ.
Отец – главный инженер Южного треста стройматериалов.
Мать – домашняя хозяйка.
Братья: Сергей – инженер-геодезист, сейчас в экспедиции на Дальнем Востоке.
Борис – адъюнкт Военной академии имени Дзержинского
Леонид – военный врач 3 ранга Особой дальневосточной Краснознаменной Армии.
Сестра Галина – научный работник Всеукраинского Эндокринологического института.

Кнорозов Юрий Валентинович

29/VII 1939 года

Довідка про народження
№ 12

Свидетельство о рождении Ю.В. Кнорозова

НАРОДНИЙ КОМІСАРІАТ ОСВІТИ УРСР
Харківський Державний Університет
МАТРИКУЛ № 39/297
Прізвище, ім'я, по батькові Кнорозов Юрій Валентинович
Факультет історичний
Вступ на 1 курс з 1/IX-1939 р.
Директор
Декан факультету

Зачетная книжка Ю.В. Кнорозова в Харьковском государственном университете

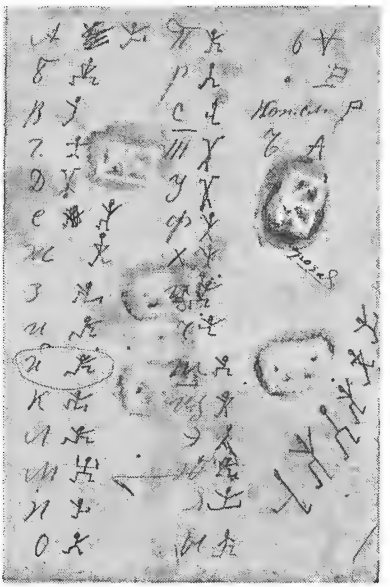
В августе «русский, беспартийный, сын служащего, не нуждающийся в общежитии» Кнорозов Юрий Валентинович сдает вступительные экзамены. На «отлично» – русский язык, история народов и Конституция СССР. На «хорошо» – математика, физика, химия, украинский язык. На «посредственно» – иностранный язык (немецкий). По нынешним временам он получил не очень проходные оценки. Но тогда этого оказалось достаточно, и 26 августа 1939 года появляется приказ о его зачислении на исторический факультет Харьковского университета. Любопытно, но в комсомол Ю.В. Кнорозов, похоже, никогда не вступал – а должен был бы сделать это в год окончания рабфака. Во всяком случае, ни в одном документе об этом не упоминается, а там, где присутствует графа «членство ВЛКСМ», везде остается пробел.

Справедливости ради следует заметить, что Юрию Валентиновичу до конца жизни крайне тяжело давались публичные выступления и экзамены. Дома его понимали и без слов – а в разговорах с чужими приходилось предпринимать сверхусилия. Будучи интровертом, он не мог заставить себя стать публичным человеком, замыкался и предпочитал односложные ответы – особенно в ситуациях, требовавших эмоционального напряжения. Надо ли говорить, что это неизбежно вызывает (и всегда вызывало) профессиональное недовольство университетских преподавателей. И не только преподавателей.

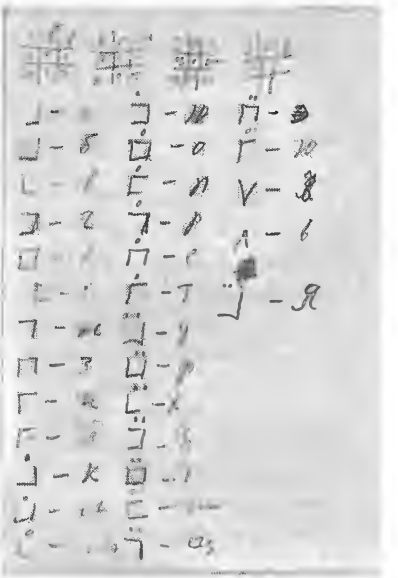
К счастью, первого сентября 17-летнему студенту Юрию Кнорозову все же был торжественно вручен «матрикул» – студенческая книжка за номером 39/297 студента 1 курса исторического факультета Харьковского государственного университета. Начиналась новая жизнь.

Юрий долго переживал рухнувшую мечту о медицинском факультете. Похоже, что именно тогда он начинает потихоньку утешаться вином – тем более что в доме оно было всегда. Мать готовила его сама и хранила в погребе. На каждой емкости были надписи: «Валентин», «Сергей», «Борис», «Леонид», «Юра». Как уже говорилось, страсть к систематизированию была во всех Кнорозовых.

Когда братья собирались вместе – а это случалось все реже – они посылали в погреб младшего Юрку: «Теперь, Заяц, беги за вином!»



Вариант шифра «Пляшущие человечки», который придумал Юрий для переписки с братьями



Система шифра, которая, судя по количеству сохранившихся вариантов, особенно привлекала Юрия

Никому и в голову не приходило, что эта забавная традиция обернется настоящей бедой...

Но главной мучительной проблемой Юрия оставалось здоровье. Не столько само здоровье, сколько ограничения, превращавшие его в некого изгоя. Отец и все братья были военными, офицерами – а Юрия не брали в армию даже как нестроевого. Когда ему исполнилось 18 лет (в ноябре 1940-го), комиссия в военкомате окончательно признала его невоеннообязанным по состоянию здоровья. Точнее, «военнообязанным II категории». После отказа от поступления на медфак это стало еще одним болезненным ударом по самолюбию. Юрий изо всех сил старался не отличаться от остальных студентов, участвовал во всех мероприятиях, в общественной жизни.

Учиться в университете, пусть и на истфаке, Юрию понравилось. Но занятия историей не заставили забыть его свое давнее увлечение психиатрией. Он ходил на лекции Платонова и даже на семинары. У него была обнаружена «особая чувствительность», свидетельствовавшая о так называемых «паранормальных» способностях. Кнорозов продолжал лечить руками соседей и сокурсников. Но главное, он обучался практикам гипноза или внушения – но не напрямую общаясь с человеком, не глаза в глаза, а на расстоянии, когда гипнотизируемый не подозревал о том, что на него оказывалось воздействие. Из исторических дисциплин больше всего Юрия привлекала этнография – а точнее, религиозные и шаманские практики.

Наверное, все шло своим чередом. Юрий учился, влюблялся – писал романтические стихи.

Наш жребий жить! Судьба, завидуй!
Опять нам бедствия готовь.
Венком для нас обоих свиты
Свобода, радость и любовь.

Сегодня утром мы расстались.
Проходит ночь – уже рассвет.
Как если б годы не видались
Я жду твой ласковый привет.

И стройной легкой речи звуки,
Весь этот миг – для нас одних.
Коснутся нежно рук моих
Твои ласкающие руки.

Когда же налетит гроза
И с нею беды вереницей,
Пусть мне слеза в твоих глазах
Блеснет предгрозовой зарницей.

1940 г.

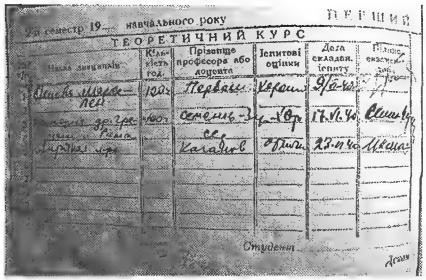
Жизнь молодому романтику Юре Кнорозову казалась прекрасной и бесконечной...

ГЛАВА 3
ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

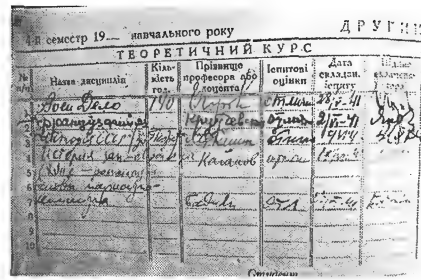
В те дни от Тулы и до Клина
Пылал пожаром горизонт,
Как исполинская пружина
Сгибался подмосковный фронт.
Несли в родные дали ветры
Тревожный дым пороховой.
Мы Подмосковья миллиметры
На карте сводки фронтовой
Следили сердцем, а не глазом,
И жили мыслью об одном:
Там пятьдесят дивизий разом
На город брошено врагом.
Пять армий двинуто в сраженье,
Как движет щупальцами спрут,
На флангах стрелы окруженья
С угрозой медленно ползут.
Стихи не мои. Автор убит

Первый курс студент Кнорозов закончил с четверками по марксизму-ленинизму, истории Древней Греции и Рима и пятеркой по античной литературе. На втором курсе Юрий, похоже, все больше увлекался учебой на истфаке. В первом семестре он, правда, помимо двух пятерок получает одну четверку и даже тройку. Однако к лету твердо решает исправиться. 11 апреля 1941 года приказом (№ 7/172/ст) ректора ХГУ А.В. Сазонова его включают в список участвующих в параде 1 мая в составе стрелковой роты батальона Дзержинского района. Юрий готовится к сессии, строит радужные планы на лето. Он влюблен.

В июне 1941 года впервые по радио звучит песня, мгновенно превратившаяся в мировой шлягер, крутившийся по всем радиоволнам, кроме советских: «Besame mucho», «Целуй меня страстно» или, если совсем уж точно, «Целуй меня много». Весь мир распевал болеро, даже не подозревая, что автором была шестнадцатилетняя мексиканка Консуэло Веласкес, даже никогда не целовавшаяся, и которой долго было стыдно признаваться в авторстве. Более того, слова песни как



Зачетная книжка Ю.В. Кнорозова с оценками за первый курс



Зачетная книжка Ю.В. Кнорозова с оценками за второй курс

бы исходили не от страстной женщины, как это часто представляют, а от мужчины, который готовится ее покинуть. Позже появившиеся переводы на русский, к сожалению, вообще не отличались точностью – это скорее некие цветистые вариации на тему того, как советские люди представляют мексиканскую любовь. На самом деле у болеро простенький и вечный сюжет, который только и способен благодаря своей незатейливости стать вечным, завоевав сердца миллионов. Это всего один куплет и один припев:

Bésame, bésame mucho	*Страстно обняв, меня поцелуй ты,*
Como si fuera esta noche	*будто последней вдруг стала*
la última vez	*ночь нашей любви...*
Bésame, bésame mucho	*страстно обняв, меня поцелуй ты –*
que tengo miedo a perderte	*я так боюсь потерять*
perderte después	*обьятья твои*
Quiero tenerte muy cerca	*Будь со мной рядом,*
mirarme en tus ojos	*будь рядом, чтоб видела*
verte junto a mí	*ты одного лишь меня.*
Piensa que tal vez mañana	*Только представь, что уж завтра*
yo ya estaré lejos	*я буду вдали,*
muy lejos de aquí	*далеко от тебя.*
Bésame...	*Целуй меня...*

И это все. Но мир до сих пор поет эту песню и считает ее самой современной... Могли ли Кнорозовы по радио поймать ее на чужих волнах? Зная способности старших братьев к технике, вполне возможно. Хотя это и было опасно. Официально в Советский Союз песня придет лишь в 1957-м, ее привезет молодежь мира на фестиваль в Москву.

А скорее всего молодого Кнорозова не интересовали тогда мексиканские болеро – он сам пишет стихи и читает их своей любимой:

Время все заглушит,
Дни идут чередой.
Пусть без жалобных слов
Гаснет юная сила.

Близость нежной души
Была ль только мечтой?
Снова старая злоба
Мне сердце сдавила
Жизни зовы велят
Дальше в путь.
Хоть на нем
Тяжесть ляжет вдвойне
На усталые плечи.
Мгла покрыла поля,
Взгляд яснее, чем днем.
Вспоминаются мне
Наши странные встречи.
Мир тогда был иным!
Блеск и тени в глазах,
Вновь чарует меня
Красота всей Вселенной.
Птичьим пеньем одним
Мне звенит в небесах
Утро вольного дня
Для души моей пленной.
Тихо все, даль ясна
И куда ни взглянуть
В полном свете зари
Заискрились оконца.
Шли мы вместе тогда
И короткий наш путь
Озарили лучи
Восходящего солнца.

«И короткий наш путь озарили лучи восходящего солнца...» Наверное, это были последние счастливые дни в жизни молодого романтика Юрия Кнорозова. Никто и не подозревал, что счастьем этим оставалось наслаждаться совсем недолго... Только и хватило на половину весенней сессии. Студент Кнорозов сдает ее блестяще, на одни пятерки – в том числе и по военному делу. Оценка за последний экзамен выставлена 23/VI.41. А 26 июня Юрий еще сдает и зачет по латинскому языку. На пятый день войны...

...В день летнего солнцестояния, 22 июня 1941 года, Германия начала войну против Советского Союза. В 3 часа 30 минут, с наступлением рассвета, части Красной армии были атакованы немецкими войсками на всем протяжении западной границы... Все началось с появления огромного количества самолетов с включенными бортовыми огнями. Они, как зловещая стая, буквально закрыли собой горизонт. Об их приближении можно было судить по нарастающему, страшному в рассветной тишине реву моторов. Казалось, что

солнце в этот день так и не взошло – свет померк, и все потонуло во мгле и грохоте взрывов. Граница мгновенно превратилась в линию фронта. В этот же день началась мобилизация военнообязанных 1905–1918 годов рождения.

22 июня 1941 года в полдень с обращением к гражданам Советского Союза выступил В.М. Молотов. Он сделал это вместо Сталина, которого, по всей видимости, охватил страх перед происходящим.

...Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допусти-

ли нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

23 июня, когда Юрий сдавал экзамен по основам марксизма-ленинизма, на западной границе страны шли ожесточенные бои. Насмерть стояли защитники Брестской крепости, куда немцы смогли войти лишь через месяц, когда в ней больше не оставалось живых.

С запада вторглись три группы армий рейха: одна двинулась через Прибалтику на Ленинград. Вторая, самая мощная, центральная, шла через Брест, нацелившись быстро пройти через Минск и Смоленск к Москве. На юге войсками командовал фельдмаршал Рунштедт, целью которого был Киев.

В первый же день войны Прибалтийский военный округ был преобразован в Северо-западный фронт, Западный округ стал западным фронтом, а Киевский округ – Юго-западным фронтом. Еще через день Ленинградский военный округ становится Северным фронтом, а 25 июня создается Южный фронт, куда вошла часть Юго-западного фронта и 9-я армия, выделенная из Одесского военного округа. Одновременно создавался резерв Главного командования – армии второй линии обороны под единым руководством.

23 июня была создана Ставка Главного командования Вооруженными Силами СССР. В состав Ставки, помимо Сталина, вошли в основном герои кавалерийских атак времен Гражданской: народный комиссар обороны Тимошенко, начальник Генерального штаба Жуков, Молотов, Ворошилов, Буденный, Кузнецов. В этот же день развернулось танковое сражение в районе Луцк – Броды – Ровно. Это была единственная удачная попытка контрудара советских войск в период приграничных боев. В остальных случаях части Красной Армии попадали в котлы, становясь легкой добычей противника.

24 июня 1941 года создается Совет по эвакуации. И в тот же день выходит постановление о создании истребительных батальонов, которые предназначались для охраны предприятий и борьбы с парашютным десантом и диверсантами.

Валентин Дмитриевич Кнорозов, который к началу войны успел отметить свое 60-летие и уйти на пенсию, сразу же вернулся на работу в качестве главного инженера Южтранстрома Наркомата путей сообщения. Ему была поручена ответственнейшая задача по демонтажу и эвакуации на восток в считанные дни заводов Украины. С этого момента Валентин Дмитриевич находился в постоянных разъездах между Харьковом, Кременчугом, Днепропетровском, Запорожьем, Белгородом и Артемовском.

26 июня Юрий Кнорозов сдает зачет по латыни. Уже почти неделю шла война, но в университете это не стало поводом для отмены сессии. Никто и допустить не мог, что совсем скоро многим эти оценки уже никогда больше не понадобятся. Кроме того, университетское руководство больше прихода немцев и бомбардировок боялось быть обвиненным в «панических настроениях». 27 июня 1941 года выходит постановление о мобилизации коммунистов и комсомольцев. Но Кнорозов не был ни комсомольцем, ни, тем более, коммунистом. Кроме того, его даже с началом войны никак не признавали военнообязанным.

А тем временем 27 июня Минск был занят немцами, к 9 июля они прошли почти всю Белоруссию и вышли к Днепру. 16 июля ворвались в Смоленск. И только защитники Брестской крепости все еще продолжали держать свою бессмертную оборону.

К этому времени вражеские части сумели продвинуться в глубь страны в северо-западном направлении на 250 км, достигнув Западной Двины. Уже к 9 июля на немецких картах будет отмечен 500-километровый рубеж.

Быстрое продвижение немцев в районе Западного фронта объяснялось отчасти тем, что Сталин распорядился сосредоточить большую часть войск на Украине. Именно поэтому на юго-западном направлении советские войска какое-то время сумели продержаться, пытаясь организовать не только оборону, но и контратаки. Тем не менее немцы медленно, но верно вклинивались вглубь территории Украины.

Народ в стране, несмотря на ободряющие сообщения Совинформбюро, особых иллюзий не строил. Ситуация была понятна даже школьникам. Шестнадцатилетняя девушка из Бологого по имени Вера Завьялова сочиняет стихи, которые публикуют в газете. Тогда же, в 1941-м, они становятся «народной» песней, которую, похоже, идеологи дополняют позитивной концовкой:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началася война.

Кончилось мирное время,
Нам распрощаться пора,
Я уезжаю, быть обещаю
Верным тебе навсегда.

И ты смотри,
Чувством моим не шути,
Выйди, подруга, к поезду друга,
Друга на фронт проводи.

Дрогнет состав эшелона,
Поезд помчится стрелой,
Я из вагона — ты мне с перрона
Грустно помашешь рукой.

Пройдут года,
И снова я встречу тебя,
Ты улыбнешься,
К сердцу прижмешься,
Я расцелую тебя.

Удивительно, но и эта девочка использует тот же прием, что и ее мексиканская ровесница Консуэло Веласкес: текст как бы принадлежит мужчине, оставляющему любимую, уходя на фронт. Да и сами слова отличают те же простота и ясность – нет ни патетики, ни цветастого патриотизма, ни сталинских лозунгов. Русский народ всегда шел на бой с врагом достойно, с открытыми глазами, зная, что защищает своих родных, свою землю, свою любовь. Отнюдь не вождя, и не царя, и не веру. И шел не от страха перед выстрелом смершевца.

Сталин придет в себя только к началу июля. Он выступит с радиообращением, в котором назовет войну «великой» и «отечественной» — скопировав по образцу Отечественной войны 1812 года. Появится название «Великая Отечественная война». Это название будет принято народом безоговорочно. Точно так же всплывет и уникальный опыт тех далеких времен — опыт партизанской войны, первым теоретиком и практиком которой стал Денис Давыдов.

Русский народ (в отличие от Европы, уже покоренной немцами в 1939–1940 гг.) привык не сдаваться врагу — потому партизанская война стала необходимостью, когда 9 июля советское командование вынуждено было отвести войска примерно на 300 км и занять оборону вдоль старой государственной границы. Это была именуемая немецкой и западной пропагандой «линия Сталина», состоявшая из укрепрайонов от Карельского перешейка до Черного моря.

При этом немецкая авиация господствовала в воздушном пространстве, добивая отходящие части и бомбя мирное население. К 8 июля немецкая 11-я танковая дивизия заняла Бердичев. А 9 июля 13-я танковая дивизия захватила Житомир. К концу дня 11 июля танковые соединения немцев уткнулись во внешнее кольцо Киевского укрепленного района, где им противостояли в основном ополченцы. Противник быстро смял эту оборону, даже не заметив безоружных ополченцев. Тысячи людей оказались на территории, оккупированной врагом, которой очень быстро стала значительная часть Украины. Вражеские бомбардировщики не оставляли в покое отступающие советские войска, бомбили склады боеприпасов и горючего, города и железнодорожные узлы. Немецкие летчики развлекались тем, что преследовали даже отдельных людей – военных и гражданских, пытающихся спастись.

Итак, за 18 дней противник продвинулся на восток на 450–600 км, захватил большую территорию, полностью разгромил 28 советских дивизий и наполовину еще 72.

У Сталина хватило трусости и бесстыдства обвинить в позорном отступлении не себя и не придворных безграмотных военачальников, а боевых генералов, первыми принявших удар на себя и честно пытавшихся, порою вопреки идиотским приказам, выполнить невыполнимое.

10 июля было создано специальное командование на трех стратегических направлениях советско-германского фронта – северо-западном (главком маршал К.Е. Ворошилов), западном (маршал С.К. Тимошенко), юго-западном (маршал С.М. Буденный).

Это высшее военное командование Красной Армии, как правило, не имело ни военного, ни даже общего высшего образования. В Гражданскую учиться было некогда. А потом – незачем. Военных с высшим образованием в то время было менее трех процентов. Даже оба наркома обороны довоенного времени, Ворошилов и Тимошенко, имели лишь начальное образование и не испытывали потребности в дальнейшем обучении. Руководство войсками, в представлениях Буденного, заключалось, как и во времена его полубандитской молодости, в мордобое и мате.

Немцы стремительно продвигались вглубь советской территории. На южной части фронта советские части отходили на восток медленно, проводя ожесточенные контратаки. Тем не менее в первые дни августа 6-я и 12-я советские армии с 7 корпусными штабами, 15 стрелковыми и 5 танковыми дивизиями были окружены в районе Первомайска – Умани и через неделю практически полностью уничтожены. В плену оказалось больше ста тысяч военнослужащих. К 20 августа у немцев оказалась вся излучина Днепра до Херсона. Вокруг Киева стягивалось кольцо. Тем более что выдвинувшиеся от Смоленска к югу немцы в тот же день заняли Гомель и, не останавливаясь, продолжили наступление на Чернигов. Советские части, прикрывавшие Киев с севера, вынуждены были отойти. 22 августа немецким командованием был дан приказ об уничтожении советских сил, оборонявших столицу Украины.

Тем не менее 26 августа Кнорозов получает, наконец, повестку. Все лето Юрий, как и его сверстники, обивал пороги военкоматов с просьбами отправить на фронт – тем более что этот фронт стремительно приближался. Наконец, 10 июля 1941 года ему выдали военный билет, но как нестроевого по болезни на фронт так и не отправили. Приказали ждать. Чего? Думаю, в то время немало советских граждан задавало себе этот вопрос.

ПОВЕСТКА.
Гр. Кнорозов Ю.В.
На основании постановления государственного комитета обороны No. 320 от 26/VIII-41 Вы мобилизовываетесь на военно-оборонные работы в порядке воинской повинности.
Предлагается Вам в полной готовности явиться 1 сентября к 8 часам утра в поселковый совет Южный. Иметь при себе лопату, теплую одежду, 2 пары белья, кружку, ложку, миску.
Председатель исполкома – (подпись неразборчива).

Так, 1 сентября 1941-го, вместо занятий на третьем курсе истфака для Юрия Кнорозова началась война, ставшая трагическим эпизодом в его жизни. Впрочем, как и в жизни миллионов наших соотечественников. И каждый, кто не погиб, прошел свой крестный путь, у каждого было свое горе. Кнорозова отзвуки этой войны будут преследовать вплоть до самой смерти, не оставляя в покое и его память.

На что рассчитывало советское военное и гражданское руководство, отправляя нестроевых ополченцев, вооруженных «лопатой и миской», в район, откуда к этому времени уже успели отступить регулярные воинские части? Сейчас об этом можно только строить догадки.

Уже 19 сентября 6-я и 2-я германские армии с двух сторон обошли Киев и взяли его. Советские силы, находившиеся в треугольнике Киев–Черкассы–Лохвица (как раз на пути Харьков – Чернигов), были зажаты в котел. К 26 сентября сражения под Киевом были закончены... Остатки 5, 26, 37 и 38-й советских армий сдались в плен.

Таким образом, призванный в ополчение и отправленный под Чернигов в начале сентября 1941-го студент Юрий Кнорозов внезапно оказался в котле военных действий. Многие из его товарищей погибли в первые же дни страшных боев, остальные ополченцы разбежались. При этом никто не понимал, где следовало искать своих. Казалось, немцы уже повсюду. Сутуловатый, неуклюжий Юрий, видимо, не вызывал особых подозрений у немцев – они не видели в нем военного. Кнорозов понимал, что спастись он мог, лишь двинувшись на северо-восток – там еще не было немцев. Но юноша принял решение пробираться в сторону Харькова – там, в Южном, оставались мать, сестра с недавно родившимся сыном и, наконец, любимая девушка...

Кроме того, в Харькове немцев пока не было. Эвакуация продолжалась до последних дней. 10 октября Валентин Дмитриевич Кнорозов выехал из Харькова в Артемовск для демонтажа и эвакуации последних предприятий: это были заводы «Красная Гора» и «Пролетарий». Погрузив оборудование, старший Кнорозов с тем же эшелоном выехал в Саратов. Ни о жене, ни о сыне с тех пор он ничего не знал.

К промышленному Харькову немцы двинулись сразу после разгрома под Киевом. Третий по значимости советский город упорно пытались защищать порядком измотанные советские части. Но уже к 24 октября Харьков был обойден немцами с флангов и захвачен. На следующий день генерал Эрвин Фиров издал приказ № 17:

> «Солдаты! Харьков, третий индустриальный город России, взят. Этот гордый успех достигнут благодаря вашей отваге... Солдаты, мы гордимся вами. Только последующая история сможет полностью отдать должное вашей славе. Вы можете быть гордыми, что сделали большой шаг на пути к окончательной победе. Вперед, к победе!»

Он же и стал первым военным комендантом Харькова. Здесь было создано военное управление — в отличие от других захваченных на Украине городов, где власть передавалась гражданским структурам. В первоочередные задачи комендатуры, в частности, входило усмирение города с помощью войск 55-го корпуса; создание украинской вспомогательной полиции; создание и надзор над концентрационными лагерями; немедленное создание и охрана городской управы во главе с бургомистром.

И бургомистратура, и полиция состояли в основном из ОУНовцев – украинских националистов, выходцев с Западной Украины. В этом преимущественно русском городе подобное было отнюдь не случайно. Одним из первых приказов бургомистра Крамаренко стал запрет использования русского языка. Около 80 процентов оставшегося в Харькове населения составляли женщины, дети и старики. Тем не менее у местных жителей подчистую изымались все продукты питания. Вскоре наступил страшный голод. Голодающие ели буквально все: шелуху картофеля, корм для скота, траву, кору, клей и даже домашних животных. Уже к ноябрю 1941 года люди начали опухать и умирать от голода. На базаре даже стало появляться человеческое мясо, хотя за такие преступления сытые немцы наказывали «диких русских» повешением.

Именно таким – разоренным и умирающим – предстал некогда цветущий Харьков глазам вернувшегося из так и не начатого «ополчения» Юрия Кнорозова. В Харькове Юрий хотел найти свою девушку – но не смог обнаружить даже ее могилы. Соседи рассказали, что она была увезена и убита немцами... Это ей были посвящены те романтические стихи:

Наш жребий жить! Судьба, завидуй!...

Позже, много лет спустя, Юрий Валентинович перешлет мне по почте пожелтелый листок с этими стихами. Внизу приписка:

«Убита осенью 1941 г. Стихи мои. Опыт довольно редкой двойной рифмовки.
Страницу прошу немедленно уничтожить».

Я не уничтожила эту страницу... И даже не раскаиваюсь в этом...

В «целях наведения порядка» немцы и их верные помощники – украинские националисты-полицейские устраивали массовые расстрелы. Кроме того, с первых же дней для устрашения оставшихся в городе жителей стали проводиться публичные казни. Военное командование насильно, под угрозой расстрела, выводило все население на площадь у дома обкома партии, после чего начинался кошмар: под плач и крики согнанных женщин и детей на их глазах приговоренных вешали на балконе...

Минуя посты немцев и еще более опасную полицию из озверелых националистов, подавленный Кнорозов выбрался из Харькова и направился в поселок Южный. Добравшись до родного дома, он с облегчением узнал, что все живы. Правда, ютилась вся семья в сарае-пристройке – дом заняли немцы, считавшие себя в нем полными хозяевами. Сюда же мать успела перенести из дома и свои иконы. А Юрий собрал, что мог, из книг – среди них оказался и классический учебник древнеегипетского языка Гардинера, приобретенный им еще до войны. Полтора года с упоением занимался, а когда обнаружил в нем шестнадцать ошибок, то

Харьков в период оккупации в фотографиях немцев. 1942 г.

Харьков, оккупированный немцами. 1942 г.

решил, что древнеегипетский язык освоил. Сестра же Галина собрала и спрятала рисунки и детские записки младшего брата – чтобы немцы не сожгли их в печи.

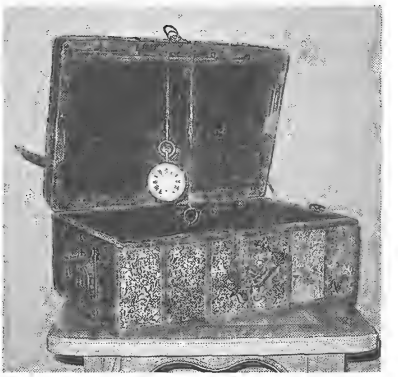
Но немцы первым делом перерыли все в поисках ценностей. Нашли великоустюжский сундучок из приданого Александры Сергеевны. Сундучок был с секретом, обшит металлом. В свое время он прикручивался к ломберному столу. Раскрыть секрет тайных купеческих замочков враги не сумели и потому попросту разрубили сундучок топором. К своему разочарованию, обнаружили там лишь фотографии и семейные реликвии. Развлечением постояльцев было направить в присутствии домочадцев на быстро постаревшую Александру или ее внука Мишеньку автомат, громко крикнуть: «Пух, пух!!!» И засмеяться. Но мать была готова стерпеть и грабеж, и все эти идиотские шутки. Главное, чтобы не трогали детей – Юру, Галину и ее малыша. Впрочем, Юрию оставаться в доме в любом случае было опасно – он подпадал под немецкую мобилизацию. И, конечно, всех терзали мысли о судьбе остальных, «военных» членов семьи — Валентина Дмитриевича, а также Сергея, Бориса и Леонида.

Валентин Дмитриевич, как уже упоминалось, к началу войны числился пенсионером. Известно только было, что блестяще справившись с эвакуацией украинских заводов, он оказался вынужден сопровождать последние эшелоны, которые уходили на восток. О том, что вплоть до апреля 1942 года муж находился на службе в Центральном объединении промышленности стройматериалов Центрального управления железнодорожного строительства НКПС СССР (ЦОСТРОМе) в Саратове, Александра Сергеевна и не догадывалась. Это учреждение тоже было эвакуировано в Саратов из Москвы.

Сергей Валентинович еще до войны служил военным геодезистом-картографом на Дальнем Востоке, в Дальстрое. Где-то он был сейчас? И где мог находиться военный врач-токсиколог Леонид? Накануне войны он был врачом 3-го ранга Особой Краснознаменной Красной Армии.

Борис Валентинович перед войной служил в Москве. Он был инженером артиллеристом, работавшим в Академии ракетных войск. Еще в 1938 году Артиллерийскую ордена Ленина Академию РККА

им. Ф.Э. Дзержинского передислоцировали в Москву. Сотрудников же поселили в только что отстроенный кирпичный угловой дом № 31 на Смоленской набережной. В то время это было что-то вроде полуобщежития, напротив которого (там, где сейчас Белый Дом) находился пропеллерный завод. Окна квартиры Кнорозовых выходили на Москва-реку.



Сундучок с секретом из наследства Александры Макаровой

Но тогда, в Южном, осенью 1941-го, Кнорозовы не знали, что немцы подошли к Москве еще 30 сентября. Они даже попытались перейти линию фронта, но не смогли, и пришлось вернуться в Южный.

16 сентября, когда сражение за Киев близилось к концу, командование немецкой группы армий «Центр» начало подготовку к операции по захвату Москвы под кодовым названием «Тайфун». Было понятно, что для Гитлера взятие Москвы являлось главной задачей «операции Барбаросса». Практически весь состав Артиллерийской академии был брошен на оборону столицы. Среди защитников оказался и Борис Кнорозов. Позже Юрий Валентинович будет с упоением описывать операцию по обороне Москвы, а затем и контрнаступление, в основном выстраивая свой рассказ вокруг действий командующего Западным фронтом Георгия Жукова. По всей видимости, именно в этих действиях принимал участие Борис, делившийся позже с братом воспоминаниями. В потолке его квартиры навсегда останется вмятина от немецких неразорвавшихся снарядов — тогда, в 41-м, они застряли на пятом этаже.

Но это все будет потом. А тогда, осенью первого года войны, Александре Сергеевне оставалось только молиться о родных. Еды практически не было. Денег не было. Сын Юрий не мог постоянно находиться в Южном, опасаясь очередной облавы и угона в Германию. Большую часть времени он бродил из села в село по Харьковской и Полтавской областям, пытаясь хоть как-то заработать. Именно теперь ему пригодилось умение лечить «наложением рук» — так удавалось добыть хоть какое-то пропитание, которое он относил матери и сестре. Попутно Юрий изучал дороги в восточном направлении, обдумывал способ прорваться сквозь немцев и увести семью к своим, за линию фронта. Но сделать это было совсем непросто. Немцы лютовали повсюду. А Харьков попросту вымирал.

В январе 1942 года в Харьков был доставлен «газовый вагон», прозванный в народе «душегубкой». Это был специальный грузовик, предназначавшийся для уничтожения людей. В закрытый фургон загоняли до полусотни человек и постепенно заполняли его угарным газом. Жертвы погибали в страшных мучениях.

Продолжали умирать и от голода. Только в 1942 году, по данным управы, от голода скончались около пятнадцати тысяч человек. На трупы походили и живые – до того они были изможденны. К началу весны оказалось, что больше половины умерших за зиму так и не были похоронены. Их тела продолжали лежать в холодных домах – у истощенных родственников не было ни сил, ни возможностей вывезти их на кладбище.

Те, кто остался в живых, находились под постоянной угрозой расстрелов, грабежей, издевательств, голодной смерти. Доведя людей до отчаяния, немцы в конце 1941 года развернули компанию по вербовке специалистов на работы в Германию. На стенах домов расклеивались листовки и плакаты с текстами призывов. Оккупационная газетенка «Нова Україна» была наполнена статьями о «счастливой жизни харьковчан в Германии». При этом добавлялось, что тот, кто не желает ехать в Германию добровольно, будет работать на рейх насильно. «Кто не работает, должен быть принудительно привлечен к труду!» От безвыходности некоторые семьи решались на «добровольный» переезд, прекрасно понимая, что процент правды в этих обещаниях «счастливой жизни» совсем невелик. Постоянно доходили слухи о том, что уехавших унижают, истязают, что они голодают и «мрут как мухи». Некоторые решались на подобный переезд в надежде добраться до Европы и сбежать от «благодетелей». Среди таких оказался и талантливый инженер-гидроэлектрик Иван Редько.

Накануне войны у Ивана и его жены Тамары родилась вторая дочь, которую назвали Инной. С младенцем на руках инженер с женой не смогли бежать от наступавших немцев и оказались в оккупированном Харькове. Они с ужасом спасали детей от обстрелов, от голода, прятались от облав. Дело в том, что брата Василия, инженера-мостостроителя, немцы заставили взрывать собственные мосты. Если бы тот отказался – его бы расстреляли. Иван Редько боялся такого поворота событий, так как не хотел работать на немцев и не хотел работать против своих. Вместе с тем он ясно понимал, что если его не расстреляют немцы, то убьют свои, когда вернутся. А в том, что свои вернутся, инженер Редько не сомневался.

К отъезду Иван тщательно подготовился. Его дед еще до революции скопил и припрятал драгоценности, о которых не догадывался никто. И никто не подозревал, что за оконными наличниками хранилось целое состояние. Инженер подписался на выезд в Германию...

Когда разрешение было оформлено, Иван Редько погрузил семью на телегу и медленно двинулся на запад. С собой он вез драгоценности деда, невероятную любовь к России и русскому языку, забывать который не собирался.

Семья Редько вскоре по немецкому документу доедет до Германии, затем сумеет перебраться в Австрию, а оттуда, уже тайно, при помощи дедовых драгоценностей – в Бразилию. Возвращаться после войны в Советский Союз станет слишком опасно. И осторожные Редько осядут в Латинской Америке. Иван сделает блестящую карьеру как профессионал-инженер, заработает собственный немаленький

капитал. И вырастит русскими дочерей. Даже покинувшая родину в недельном возрасте Инна будет хорошо говорить по-русски и обучит этому языку своих детей. А еще Инна получит в наследство железную волю, твердый характер, умение никогда не говорить лишнего.

Иван и Тамара всю жизнь будут тосковать по России, понимая, что не увидят ее никогда. А Инна, как только откроются границы, сразу же приедет на родину своих предков, свою Родину. И отыщет родных – двоюродных братьев и сестер. Удивительно, но спустя полвека жизни, пути Инны и Юрия вновь пересекутся самым причудливым образом...

За 641-дневный период оккупации Харьков – крупнейший промышленный город с полуторамиллионным населением — потерял более трех четвертей своих жителей.

В январе 1942 года произошел переломный момент в ходе войны. Советская армия остановила наступление немцев. Можно представить, с каким напряжением жители оккупированных территорий следили за развитием военных действий, ждали прихода Советской Армии.

Уже 12 мая 1942 года части Юго-Западного фронта под командованием маршала Тимошенко предприняли попытку освобождения Харькова. К сожалению, эта попытка еще не была достаточно подготовлена и оказалась сорвана. Наступление советских войск закончилось 30 мая 1942 года разгромом трех армий Юго-Западного и Южного фронтов. Виноват в этом был Сталин, отклонивший просьбу Военного совета фронта о своевременном прекращении наступления.

Первая попытка переправиться через линию фронта в 1941-м оказалась неудачной. Но Юрий с матерью были готовы в любой момент вновь попытаться перейти к своим и двинуться на восток, как только советские войска появятся в Южном. Увы, в мае 1942-го этого не произошло. Приходилось, стиснув зубы, терпеть наглых немцев.

А пока, чтобы порадовать мать, Юрий своими руками восстановил разрубленный немцами сундучок – починил все четыре секретных замочка, скрепил деревянные стенки и даже совершенно незаметно соединил металлическую обшивку. Одним словом, даже самый придирчивый взгляд не смог бы заметить каких-либо дефектов. Удивительно, но все секретные замочки действуют и сейчас. Кроме того, Юрий изучал египетскую иероглифику по сохранившемуся учебнику.

Тем временем старший Кнорозов, внимательно следивший за сводками из Харькова, в конце апреля 1942 года был командирован в Воронеж для организации восстановительных работ. Дело в том, что находившийся в пятистах километрах от Москвы и прикрывавший столицу героический Воронеж постоянно оказывался на линии боевых действий.

В XVI веке южные рубежи Московского государства подвергались постоянным набегам с юга. Неслучайно в 1571 году боярин Михаил Воротынский организовал специальную сторожевую службу для

охраны земель к югу от столицы, на территории современных Орловской, Курской, Белгородской, Харьковской, Луганской, Липецкой и Тамбовской областей. Конные отряды регулярно патрулировали тревожные территории по выверенным маршрутам. В летнее, наиболее опасное время выставлялись еще и специальные сторожевые посты. Самым крупным считался пост в стратегическом месте у Богатого Затона. Неслучайно именно там и возникла вскоре Воронежская крепость. Сохранился документ, из которого ясно следует особое значение для обороны Москвы, которое изначально придавалось Воронежу: «По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всея Русии указу и по приговору бояр князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищы на Сосне, не доезжая Оскола два днища, поставить велено город Ливны, а на Дону на Воронеже, не доезжая Богатово затону два днища, велено поставить Воронеж...».

Итак, 5 июля 1942 года немцы предприняли наступление, прорвали оборону Брянского фронта и вплотную приблизились к Воронежу, захватив 6 июля его правобережную часть. Валентин Дмитриевич вынужден был срочно эвакуироваться вместе с работниками оперативной группы в Куйбышев, откуда вскоре его командировали в Ташкент.

Ни жена, ни Юрий ничего не знали о судьбе Валентина Дмитриевича. Но верили, что он жив. Верили, что непременно уйдут от немцев и найдут его, рано или поздно... И потому не оставляли попыток выбраться за линию фронта.

Следующая, более удачная попытка освобождения Харькова была предпринята только через год, в феврале 1943 года. После того как фельдмаршал фон Манштейн отвел группу армий «Дон», советские части 14–16 февраля 1943 года заняли Харьков. Однако уже 15–23 марта Манштейн сумел их выбить, вновь заняв город вплоть до августа 1943-го.

Но в этот раз Юрий с матерью и сестрой, как только заметили отход советских войск, успели вместе с ними выбраться за линию боев, в тыл. Это было начало марта.

От этого страшного времени или, точнее, безвременья в жизни Юрия Кнорозова сохранилось немного сведений. Основное – скупые строки автобиографии, написанные его аккуратным мелким почерком:

...В сентябре 1941 г. был мобилизован на строительство военно-оборонительных сооружений и направлен в Черниговскую область. При быстром продвижении фронта наша строительная команда была отрезана от других частей и рассеялась на оккупированной территории, после чего я стал пробираться к Харькову. До февраля 1943 г. я проживал в пос. Южный Харьковского района, проводя большую часть времени в блужданиях по Харьковской и Полтавской области, скрываясь от мобилизаций и добывая пропитание для старухи-матери (60 лет). В феврале 1943 г. местность, где я проживал, на несколько дней была освобождена. При отходе наших войск я вместе с матерью, пройдя фронтовую и прифронтовую полосу, направился в Воронежскую область...

Что стояло за этими скупыми осторожными фразами, где каждое слово было выверено буквально с ювелирной точностью? Что происходило в эти драматические месяцы с февраля по октябрь 1943 года? Известно, что он как-то занимался с оставшимися детьми в опустевшей школе – немцы этому не препятствовали. Что преподавал он? Историю?

Перейдя фронт, Юрий первым делом «легализовал» свое положение, то есть пришел в военкомат в Старой-Криуше, где умолял комиссию отправить его на фронт. Но увы! Состояние его здоровья даже в столь драматические моменты войны оказалось непреодолимым препятствием для участия молодого Кнорозова не только в боевых действиях, но и в военной службе в тылу. Юрий получает предписание служить школьным учителем! Ему, сыну офицера и брату офицеров, это казалось унизительным издевательством. Но выбирать он не мог.

...Райвоенкоматом села Старая-Криуша я вновь был признан негодным к военной службе по состоянию здоровья и поступил на работу в качестве учителя НСШ с. Фоменково...

А сам тем временем пытается найти родственников, пишет письмо брату Борису, который, как он знал, находился в это время в Самарканде:

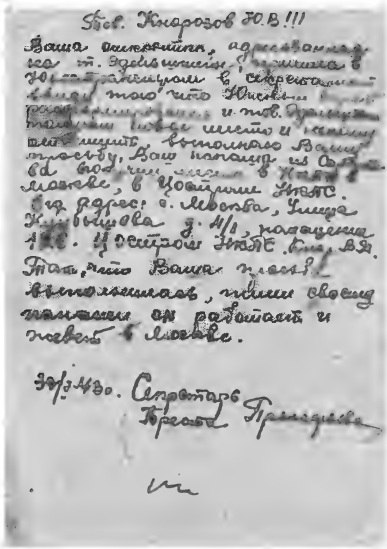
«24 марта 1943 г.

Здравствуй Борис! В настоящее время я и мама находимся на станции Бутурлиновка, за Доном, откуда думаем направиться в Пензу. Из Харькова мы вышли 9 марта 43 г. Связи не имеем абсолютно ни с кем. Если знаешь, где папа немедленно телеграфируй или пиши в Пензу, почтамт, до востребования. Если не знаешь, все равно пиши по тому же адресу. Мы живы и здоровы, чего и тебе желаем. Привет тебе и твоей жене. Юрий Кнорозов.

P.S. Если это письмо попадет в чьи-либо руки, прошу сообщить куда выбыл или где находится адресат»

А Юрий бежать в эвакуацию не собирался, видимо, рассчитывая так или иначе попасть на фронт. Кроме того, он отвечал за мать и сестру с сыном.

4 апреля 1943 года зав. районо Старо-Криушанского райсовета Воронежской области издает приказ о принятии Кнорозова Юрия Валентиновича в среднюю школу № 2 села Фоменково Новотроицкого сельского совета учителем истории и географии в 5–7 классах. К работе предписано приступить 5 апреля. 6 июня он все еще продолжает работать учителем, правда, указан другой номер школы – девятая. Об этом свидетельствует другая справка, цель выдачи которой не указана.



Ответ Юрию на запрос о местонахождении отца

Решив свои проблемы с документами, Юрий начал искать отца. Он и не подозревал, что в том же феврале 1943 года старший Кнорозов получил приказ прибыть в Москву для вступления в должность начальника отдела огнеупоров УСМ ГУМРО. Он приезжает в столицу и поначалу селится не в квартире сына, а у знакомых в районе Лосиноостровской. Ему на питание выдают «лимитную карточку» на обед (раз в сутки) – и все. Валентин Дмитриевич тоже стремится отыскать семью.

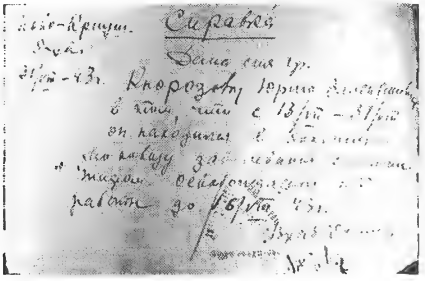
В поисках отца Юрий шлет запрос за запросом. Перед отъездом старший Кнорозов успел сообщить, что эшелоны эвакуируются в Саратов, поэтому запросы младший Кнорозов отправлял именно в этот город. Наконец, 10 мая приходит долгожданное известие, которому, по количеству восклицательных знаков, была несказанно рада и сама автор записки, не обращавшая внимание на орфографию:

Тов. Кнорозов Ю.В.!!!

Ваша открытка, адресованная на т. Эдельштейн, пришла в Юговостранспром в секретариат. Ввиду того что Южный Трест расформировался и тов. Эдельштейн получил новое место и некому ответить, выполняю Вашу просьбу. Ваш папаша из Саратова получил место в НКПС. Его адрес: г. Москва, Улица Куйбышева, д. 4/1, помещение 126. Цостром НКПС. Кнор. В.Д.
Так что Ваша просьба выполнилась, пиши своему папаши он работает и жевет в Москве.

30/V-43 г. Секретарь Треста Прокофьева

Можно представить, как счастлива была в Саратове секретарь Юго-Восточного треста стройматериалов НКЖ Прокофьева, что сумела отыскать отца Кнорозова. Она тут же выслала Юрию эту замечательную открытку – когда каждый в те страшные дни скорее ожидал похоронку или уведомление о «без вести пропавшем». Счастлив был и Юрий и, конечно, его мать Александра Сергеевна. А отец все еще продолжал заниматься поисками семьи, рассылая письма и телеграммы:



Справка о нахождении Юрия в больнице с тифом

Открытка «учителю» школы Кнорозову

Бугуруслан КВШ ДС

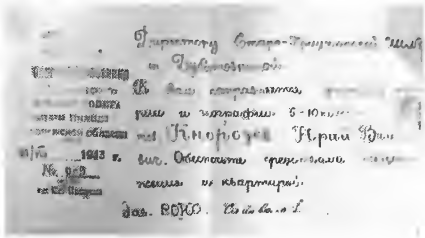
Прошу выяснить в Эваккомиссии местонахождение
Кнорозовой Александры Сергеевны 1860 года рождения, Вологодской
Кнорозова Юрия Валентиновича 1922 года, Харьковской
Ответ телеграфируйте начальнику УСМ НМТС (??) Ордовскому
УСМ ГУМТО НКПС
---------- Кнорозов
15 июня 1943

Эту телеграмму старший Кнорозов отправил за день до того, как Юрий получил открытку от Прокофьевой. По всей видимости, он тут же написал отцу в Москву, успел получить от него ответ, так как о дальнейших событиях старший Кнорозов был уже информирован из писем Александры Сергеевны. Так, в конце июля Валентин Дмитриевич узнает, что Юрий свалился в сыпняке и находится в больнице в Новой-Криуше.

14 августа Валентин Дмитриевич пишет заявление с просьбой отпустить его на 20 дней к жене и больному сыну в «село Фоменково, Воронежской области, Старо-Криушского района, в 50 км от станции Калач Ю-В ЖД».

...Прошу вас разрешить мне выехать к семье, которая, судя по письмам, нуждается в моем приезде. На поездку понадобится до 20 дней, т.к. от станции Калач придется часть пути проделать пешком.
Возбуждать вопрос о вызове их в Москву не решаюсь, т.к. не имею сам помещения и живу у знакомых в Лосиноостровской, кроме того, обеспечить их питанием также не могу, т.к. кроме лимитной карточки на обед (раз в сутки) ничего не получаю с февраля месяца.
Прошу вас не отказать в моей просьбе.
Начальник отдела огнеупоров
УСМ ГУМТО
Кнорозов

17 августа Юрий опять пишет Борису, с которым связь явно установилась:

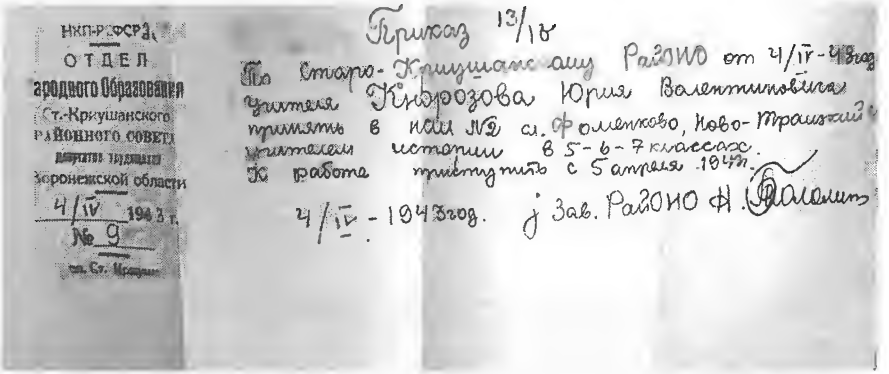


Направление Ю.В. Кнорозова учителем в школу

17 августа 1943 г., Село Фоменково

Здравствуй Борис! Я очень рад, что теперь могу приветствовать тебя как доцента и кандидата наук. Надеюсь, что ты чувствуешь себя хорошо. Где сейчас Серафима – с тобой или нет. Передай ей от нас привет. Папа пишет, что ты никак не можешь уяснить себе нашего адреса. Немудрено – мы тоже ничего не можем уяснить себе из папиных телеграмм. Если папа напишет тебе, что есть два села Фоменковых – не верь ему – только одно. С какой стати вы загнали наши пропуска в Акмолинск (!!), а еще туда же доцент. Что касается нас, то мы эвакуировались из Харькова 9 марта 1943 г., а 7 апреля меня уже назначили учителем истории и географии в Фоменскую НСШ. Маме очень хочется повидаться с тобой и прочими членами нашей семьи. Она совершенно измучилась, похудела до энной степени и стала невероятно нервной, что весьма усугубляется тем обстоятельством, что у нас полностью отсутствует хозяйственный инвентарь, как то нож, тарелка, кастрюля и прочее, за исключением двух громадных деревянных ложек, а местное население относится к «вакулированным» (эвакуированным) достаточно скверно. Маме приходится проделывать упражнения не подходящие ни ее здоровью, ни возрасту, как, например, ходить по 50 км в день (так было, когда я болел сыпным тифом). Нечего говорить, что она живет только мечтой уехать или к тебе, или к папе. Пишу «мечтой», потому что мы пока не видим никакой реальной возможности. Папе послали чертову уйму писем, взывая о пропуске, он отвечает: подтянитесь, мужайтесь, возьмите себя в руки. Я числюсь военнообязанным запаса II категории и могу быть призван в любое время – тогда мама окажется в крайне тяжелом положении – очень прошу тебя учесть это обстоятельство. В настоящий момент она поволокла мои предпоследние штаны менять на соль, с которой здесь произошла заминка. Если ты находишь возможным взять нас к себе, мы готовы с руками и ногами. Мне бы очень хотелось посмотреть один из древнейших городов в Союзе (речь идет о Самарканде, где в это время находился Борис. – *Г. Е.*), могилу Тамерлана и прочее, не говоря о винограде, который очень бы подошел сейчас маме. Меня переводят в лучшую школу в районе преподавать от V до X класса – так что если мы не уедем, придется приступать к работе. Адрес наш изменится – пока мы в Фоменково, а должны переехать в село Старая Кривуша. Пиши нам по адресу на конверте. Привет от мамы. Ю. Кнорозов, Адрес: село Старая Криуша, Воронежской области, Старо-Кривушенского района. Средняя школа. Учителю Ю. Кнорозову.

Наконец, Юрия выписывают из больницы, и 21 августа 1943 года он успевает получить от зав. РОНО новое направление – учителем


НКП РСФСР
ОТДЕЛ
народного образования
Ст.-Кривушанского
районного совета
депутатов трудящихся
Воронежской области
4/IV 1943 г.
№ 9
гор. Ст. Кривуша

Приказ 13/IV
По Старо-Кривушанскому Районо от 4/IV-43год
Учителя Кнорозова Юрия Валентиновича
принять в нашу №2 с. Фоменково, Ново-Троицкой
учителем истории в 5-6-7 классах.
К работе приступить с 5 апреля 1943г.
4/IV-1943год. Зав. Районо Ф. Балашов

Приказ о назначении учителем

истории и географии 5–10 классов в школу № 1 Старой-Криуши. Судя по всему, он еле ходит, так как в направлении на имя директора школы тов. Дубатовкиной указывается необходимость обеспечить его не только жильем, но и транспортом.

Складывается впечатление, что начальство дало-таки старшему Кнорозову разрешение отправиться в Старую-Криушу и привезти семью в Москву. И даже поспособствовало решению бюрократических сложностей военного времени. Валентин Дмитриевич, скорее всего, приезжает за сыном с уже готовым командировочным удостоверением за подписью начальника Балашовского кирпичного завода.

13 сентября 1943 г.
Командировочное удостоверение
выдано Кнорозову Юрию Валентиновичу, рабочему Балашовского кирпичного завода НКПС,
командированному в Лосиноостровский кирпичный завод НКПС на постоянную работу,
на основании приказа от 13 сентября 1943 года. Действительно по предъявлению временного удостоверения № 140 6 мес.
подпись печать

Таким образом, было учтено даже то, что у Юрия не имелось паспорта – он, вероятно, потерял его, так как на его свидетельстве о рождении стоит печать «паспорт выдан в 1938».

Как бы то ни было, учитель Юрий Кнорозов к занятиям в этом учебном году если и приступил, то весьма условно – в середине сентября он вместе с матерью уже находится в Москве, где о его судьбе заботится отец.

Штамп органа, выдавшего удостоверение

Кирпичный завод

Командировочное удостоверение

Выдано Внорозову Юрию Ва-
(фамилия, имя, отчество, должность)

13 Сентября 43 194

(подпись ... органа, выдавшего удостоверение)

№ 6/140

командированному в Новосибирский
(ближайшее отделение)

ст. Балашов Рязан.

Срок командировки „ „ по постоянную работу 194 г.

Основание: приказ от „13 Сентября 1943 г. № 140.

Действительно по пред'явлении паспорта сер. № 641

(подпись руководителя органа)

Печать

Кирпичного завода

Командировочное удостоверение, с которым отец смог привезти Юрия в Москву

ГЛАВА 4
МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ!

Не даем и не просим пощады

Итак, к середине сентября 1943 года Юрий Кнорозов оказался в Москве. Поселились они с матерью не у друзей отца на Лосиноостровской, а в квартире Бориса, третьего из детей Кнорозовых, в доме на Смоленской набережной. Дом был построен по проекту Щусева еще в 1936 году – его возводили в качестве дома-общежития для сотрудников переводившейся из Ленинграда Академии ракетных войск, где и преподавал инженер-полковник Борис Валентинович Кнорозов. А напротив, где нынче возвышается Дом Правительства Российской Федерации, был автобусный парк. Неподалеку располагался пропеллерный завод. В 1941-м, во время бомбардировки, немецкая бомба попала не в завод, а именно в этот самый дом-общежитие академии ракетных войск. Один из снарядов долетел аж до пятого этажа, но почему-то не разорвался и угрожающе застрял в межэтажном перекрытии. Его, конечно, обезвредили и извлекли, но в потолке квартиры Бориса Кнорозова еще долго виднелась вмятина, о чем до сих пор хорошо помнят жители этой квартиры. Другая фугасная бомба разорвалась-таки по соседству, справа от дома Наркомата обороны, где жили Кнорозовы. Там еще долго оставался пустырь с «прудом» в воронке, напоминая о страшной войне. На этом месте теперь пристроился убогий, выделяющийся своей неуместной для Москвы и третьесортной по сути архитектурой в стиле тропических колоний неопрятный комплекс-стекляшка посольства Великобритании.

В МГУ!

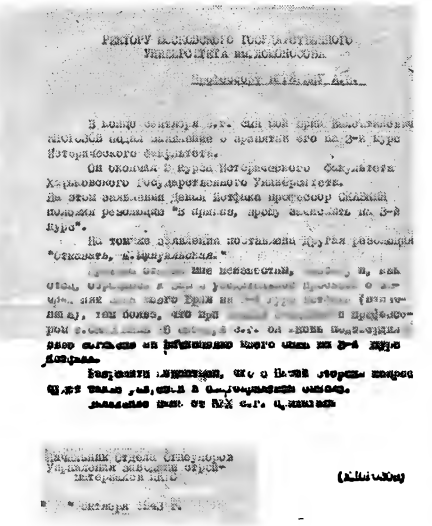
Юрий совсем недолго числился рабочим кирпичного завода, куда его уже в Москве предусмотрительно определил отец. Не теряя времени, в конце сентября младший Кнорозов, шатаясь от слабости, решительно отправился на встречу с деканом исторического факуль-

тета МГУ профессором Сергеем Даниловичем Сказкиным. И тому очень понравился неуклюжий, обритый наголо после тифа студент с отличными оценками за последний семестр, сданный в Харьковском университете. Надо заметить, что сам Сергей Данилович был человеком многосторонне образованным. Он не ограничивался историей средневековой Европы, по которой официально считался специалистом, а всегда стремился к пониманию сложных истоков любого явления в историческом процессе, хотя особо и не афишировал своих широких взглядов. Дело в том, что идея междисциплинарности в гуманитарных науках, развивавшаяся русской исторической школой в начале XX века, в те времена не приветствовалась – ни в Советском Союзе, ни за рубежом. Многие историки даже как бы кичились тем, что они занимаются очень узкой проблемой, ограниченной точными хронологическими рамками. Это было своего рода историческое начетничество, с подозрением воспринимавшее всякий шаг в сторону от формальных рамок. А те, кто понимал абсурдность подобных подходов, должны были скрывать свои взгляды, иначе на них обрушивалась яростная критика, «разоблачения» и даже политическая травля. Некоторые, чтобы обосновать свои междисциплинарные взгляды, вынуждены были защищать две-три кандидатские или докторские диссертации по разным отраслям знаний. Так поступил, например, Борис Федорович Поршнев, о котором речь пойдет чуть позже.

А Сергей Данилович, закончивший, заметим, Московский государственный университет в 1915 году, в период расцвета русской исторической школы, был человеком достаточно осторожным и, по всей видимости, решил не усложнять свою научную жизнь. Его можно было понять. Душу Сказкин отводил на своих лекциях. Историк Сигурд Оттович Шмидт позже вспоминал, что эти лекции «пленяли самой манерой изложения – он как бы размышлял вместе со студентами, вводя их в лабораторию своей мысли, вел путями и тропами интеллектуального поиска...» Видимо, что-то в молодом Юрии Кнорозове заставило мудрого профессора Сказкина поверить в его одержимость наукой. И он с удовольствием подписал заявление счастливого юноши, рассчитывая вскорости увидеть его среди своих студентов исторического факультета, причем не настаивал на повторении года, как обычно происходит при переводе студента из менее значимого университета в вуз ведущий.

Окрыленный Юрий даже не подозревал, что далее, следуя обычной бюрократической процедуре, его заявление о зачислении на третий курс истфака попадет на стол некой Е. Мануильской. Однако все случилось именно так, и 5 октября 1943 года на написанном от руки заявлении появилась безапелляционная и ничем не аргументированная резолюция: «Отказать». Как удалось выяснить, Е.Н. Мануильская была в то время всего лишь помощником проректора МГУ по учебной работе. Почему ей так не понравился именно Юрий Кнорозов, теперь уже не понять. Возможно, она по какой-то причине решила насолить профессору Сказкину? Кто знает. Любопытно, что в вездесущем ныне Интернете есть пара воспоминаний других ничем не знаменитых, но более удачливых везунчиков, которым Мануильская без проблем помогла. Причем не

только с зачислением без всякой потери года, стипендией, но еще и с жильем! Как следует из воспоминаний этих счастливчиков, мадам Мануильская сидела в «огромном кабинете с лепными потолками» и была «женщиной очень заботливой». Но только не в случае Юрия Кнорозова. Кстати, с тех пор восприятие другими Кнорозова станет практически своеобразным тестом на личность. В его жизни встречались люди, которые с самого начала воспринимали его таким, какой он был, – и помогали по мере возможностей, несмотря даже на его к ним ужасающее порою отношение. Это были друзья. А были и такие, что с первого взгляда внутренне терпеть его не могли, хотя и пытались иногда делать вид, что «ценят». Время показало, что, к счастью, искренних друзей в жизни гения российской науки все-таки оказывалось намного больше, нежели лицемерных «ценителей».



Копия письма Валентина Дмитриевича Кнорозова по поводу восстановления Юрия в МГУ

Не смирившись с неправомерным отказом сыну, отец Юрия, полковник Валентин Кнорозов, прекрасно ориентировавшийся в партийно-организационных интригах, решил использовать, как сказали бы сейчас, административный ресурс. Для начала он сам решил побеседовать с деканом истфака. И умница профессор Сказкин вновь подтвердил свое согласие на зачисление Юрия на факультет. Кроме того, Сергей Данилович, прекрасно зная Мануильскую, посоветовал написать письмо непосредственно на имя ректора – а им тогда был Алексей Сергеевич Бутягин, полностью поглощенный в 1943 году возвращением МГУ из эвакуации. Кроме того, в тот момент у Бутягина была еще одна, не меньшая головная боль: на истфак после семейных скандалов и по указанию отца была зачислена неуправляемая дочь вождя всех народов Иосифа Сталина.

Текст письма, составленного на имя ректора, позволяет предположить, что старший Кнорозов передавал его при личной встрече:

Ректору Московского Государственного
Университета им. Ломоносова.
Профессору Бутягину А.С.

В конце сентября с.г. сын мой Юрий Валентинович Кнорозов подал заявление о принятии его на 3-ий курс Исторического факультета.
Он окончил 2 курса Исторического факультета Харьковского Государственного Университета.

Фотографии для документов Юрия Кнорозова в гимнастерке

Отец Юрия – полковник Валентин Дмитриевич Кнорозов

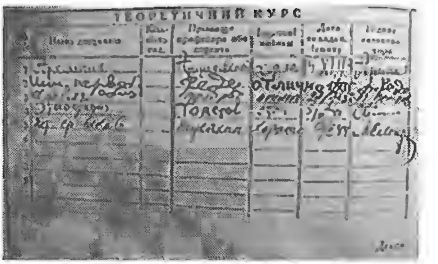
На этом заявлении Декан Истфака профессор Сказкин положил резолюцию «В приказ, прошу зачислить на третий курс».
На том же заявлении поставлена другая резолюция «Отказать, Е. Мануильская».
Причины отказа мне неизвестны, поэтому я, как отец, обращаюсь к Вам с убедительной просьбой о зачислении сына моего Юрия на 3-ий курс Истфака (отличника), тем более, что при личном свидании с профессором т. Сказкиным 16 октября с.г. он вновь подтвердил свое согласие на зачисление моего сына на 3-ий курс Истфака.
Разрешите надеяться, что с Вашей стороны вопрос будет также разрешен в благоприятном смысле.
Заявление сына от 5/X. с.г. прилагаю.

Начальник Отдела Огнеупоров
Управления заводами стройматериалов НКПС КНОРОЗОВ
«...» октября 1943 г.

Ректор Алексей Сергеевич Бутягин возглавлял МГУ с 1934 года, будучи назначенным изначально на должность «директора». Дело в том, что вплоть до 1939 года ректорской должности как таковой не существовало. Война внесла существенные коррективы в обычную жизнь университета. 23 июня 1941 г. ректор подписал приказ о перестройке научной и учебной работы «в связи с военной обстановкой» и вскоре начал эвакуацию. Однако в феврале 1942 года А.С. Бутягина неожиданно, по неизвестной причине, сняли с работы. Правда, уже в январе 1943 он был восстановлен – для того, чтобы начать подготовку к возвращению факультетов из эвакуации – из Свердловска в Москву.

Попасть к Бутягину и найти с ним общий язык полковнику Кнорозову в военной Москве особого труда, видимо, не составило. Оба

были практически одного возраста, прошли одинаковый путь военных управленцев, оба организовывали эвакуацию. Неудивительно, что для Алексея Сергеевича мнение профессора Сказкина перевесило административный пыл Е. Мануильской и стало весомым аргументом для зачисления Юрия Кнорозова на истфак. Однако к учебе его допустили все же «с потерей года» – то есть опять на второй курс. По всей видимости, это был необходимый реверанс в сторону злопамятной начальницы из роскошного кабинета с лепниной. Но Юрию, раз уж его не взяли на фронт, это было неважно – он опять студент! А жить до поры до времени можно было у брата. В те времена, да еще и долго после этого, у москвичей и ленинградцев было в порядке вещей постоянно ютить в своих небольших квартирах приезжавших из провинции родственников и друзей, а то и просто знакомых.



Оценки за сессию в МГУ продолжали ставить в харьковской зачетке

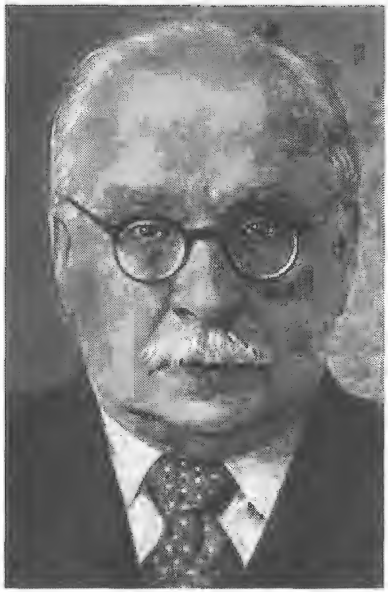
С тех пор история со «свирепой дамой» Мануильской сделала поговорку «страшнее кошки зверя нет» одной из любимых у Кнорозова.

Истфак

В военные годы в Московском государственном университете произошло мало кем тогда замеченное, но весьма знаменательное для судьбы Юрия Кнорозова событие. Профессором МГУ стал историк Борис Федорович Поршнев. Это произошло почти случайно, в 1941 году. При приближении немцев истфак МГУ был эвакуирован – сначала в Ашхабад, а оттуда в Свердловск. В декабре все того же сорок первого в Ашхабаде в лоно истфака МГУ «возвратился» МИФЛИ – Московский институт истории, философии и литературы.

Казалось бы, очередное административное слияние, не имевшее никакого отношения к находящемуся в оккупированном Южном Юрию Кнорозову. Но отметим, что благодаря этой никому не интересной в суровые военные годы реформе профессор МИФЛИ Борис Федорович Поршнев автоматически превратился в профессора МГУ. Более того, таким неожиданным образом Поршнев очутился в структуре исторического факультета и как медиевист не мог обойти стороной профессора Сказкина.

Поршнев Борис Федорович. Его неслучайно официально именуют «советским историком и социологом». Родился в 1905 году в Петербурге. Отец был инженером-химиком, при этом большим поклонником естественных наук. Похоже, он тоже посещал публичные лекции



Декан истфака Сергей Данилович Сказкин, бившийся за восстановление Юрия Кнорозова в МГУ

Бехтерева и его последователей, используя этот комплексный научный подход при воспитании сына.

В 1922 году Поршнев начинает учебу в МГУ на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук. Он изучает историю и психологию, увлекается патопсихологией и психиатрией, языкознанием и психолингвистикой, а параллельно учится на биофаке. Спустя пять лет получает диплом историка, не озаботившись получением диплома биолога. Позже, когда будут отвергаться и высмеиваться его идеи и открытия в области физиологии высшей нервной деятельности и эволюционной зоологии, он поймет цену своей ошибки.

Формально Поршнев занимается европейским Средневековьем. Однако в реальности целью его исследований стали поиски универсальных законов развития человеческого общества. «Тот, кто изучает лишь ту или иную точку исторического прошлого или какой-либо ограниченный период времени, – не историк, он знаток старины, и не больше: историк только тот, кто, хотя бы и рассматривая в данный момент под исследовательской лупой частицу истории, всегда мыслит обо всем этом процессе», – позже напишет он.

В 1941 году Поршнев защищает докторскую диссертацию по истории. А в конце 1940-х пытается «расширить» марксизм, предлагая в модели развития общества в качестве осевой структуры не экономическую составляющую («классический» марксизм), а «борьбу классов» (конфликт социальных групп). Это провоцирует яростную полемику в догматическом сообществе историков, поскольку подобный пересмотр «основ» всегда грозит разрушением привычной картины мира, особенно для «знатоков старины». В 1956 году Поршнев делает в Институте антропологии МГУ доклад «Некоторые проблемы предыстории второй сигнальной системы», где им были впервые изложены основы собственной теории антропогенеза. Печатать текст доклада доктору исторических наук и профессору МГУ не позволили.

В 1961 году Поршнев попытался создать площадку для междисциплинарных и мультидисциплинарных обсуждений и исследований

истории, выступив с докладом «Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук».

В 1966 году, когда междисциплинарные исследования Поршнева становятся объектом все более ожесточенной критики, ученый вынужден защищать еще и докторскую диссертацию по философии.

После 1968 года Поршнев практически полностью сконцентрировался на подготовке к печати своей монографии-манифеста нового видения истории под названием «О начале человеческой истории». В 1972 году издательство «Мысль», ранее уже урезавшее монографию в объеме, рассыпало набор, так и не подписав гранки уже практически готовой к печати книги.

Борис Федорович не пережил этого удара – 26 ноября 1972 года он скончался.

Итак, Юрий Кнорозов, пусть не сразу, но обрел право влиться в урезанный войной студенческий коллектив истфака МГУ. До 25 мая 1943 года (конца семестра) занятия велись еще в Свердловске. Видимо, к этой дате поспешили завершить сессию, чтобы начать реэвакуацию и приступить к занятиям уже 1 сентября. Дело было чрезвычайно ответственным – чем и занимался в те нелегкие дни декан истфака профессор Сказкин, тот самый, чье слово стало решающим в зачислении Кнорозова на истфак Московского государственного университета. Впрочем, вскоре Сказкина на должности декана сменил потомок казачьих офицеров и создатель кафедры этнографии Сергей Павлович Толстов. И у него появились особые виды на талантливого студента. Кроме того, научным руководителем Кнорозова должен был стать профессор Сергей Александрович Токарев – блестящий этнограф, специалист по древним религиям.

Учителя

Подлинными Учителями с большой буквы, которые не только сформировали Кнорозова как исследователя, но и сделали все, чтобы тот смог реализовать свои мечты и намерения, стали замечательные ученые Сергей Павлович Толстов и Сергей Александрович Токарев. И тот и другой, хоть и занимались другими темами и имели на Кнорозова свои виды, безусловно поддерживали американистские увлечения ученика. О них с восхищением и огромным уважением вспоминают все, кто учился вместе с Кнорозовым. Можно много рассказывать о том, как студенты доверяли Толстову, зная, что он обязательно поможет в любой ситуации. Мира Михайловна Геффен (по мужу Рожанская), учившаяся после войны вместе с Юрием Кнорозовым на одной кафедре, в своих воспоминаниях не раз повторяла, что

Сергей Павлович Толстов – первый, кто оценил научный потенциал и всегда поддерживал Юрия Кнорозова

сам Сергей Павлович был чрезвычайно талантливым и потому никогда не боялся талантов, а наоборот им помогал, в отличие от многих других директоров институтов. Таким же стал и Кнорозов – настоящий талант не боится конкуренции, а создает себе достойную среду. И это качество тоже теперь стало характеристикой современной «кнорозовской школы».

О Сергее Павловиче Толстове можно говорить бесконечно. Но если кратко, то это был выдающийся этнограф, археолог, историк, первооткрыватель хорезмийской цивилизации. Директор Института этнографии АН СССР, Института востоковедения МГУ, Главный ученый секретарь Президиума АН СССР, завкафедрой этнографии и декан исторического факультета МГУ, главный редактор журнала «Советская этнография».

Сергей Павлович родился в 1907 году. Происходил он из знаменитого своими военными доблестями на службе Отечеству рода Толстовых. Сергей Евлампиевич Толстов, дед ученого, был генералом от кавалерии, участником многих войн. Награжден орденами Святого Владимира, Святой Анны и Святого Станислава. Его четверо сыновей стали офицерами русской армии, а один из них атаманом Уральского казачества. Павел Сергеевич Толстов (отец) был полковником лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. После его смерти сыновей определили в Кадетский корпус в Петербурге, а затем в Оренбурге. Потом Сергей оказался в детском доме в Москве. В 1923–1930 гг. он учился в МГУ сначала на физмате, затем на историко-этнологическом факультете.

В июне 1941 года сразу отправился добровольцем в ополчение, отказавшись подчиниться приказу об отзыве всех профессоров (из трех отказавшихся от эвакуации двое погибли). Но уцелел он тогда, выходя из окружения, только потому, что прибился к регулярной воинской части. Но и там историк сразу же возглавил небольшую группу разведчиков – генетику никто не отменял. Под Можайском он был тяжело ранен и оказался в госпитале в Красноярске. В Институте этнографии, находившемся в эвакуации, коллеги решили, что он погиб, и в 1942-м даже почтили память вставанием. Они очень удивились, когда Толстов появился живым, вновь добиваясь отправки на фронт. Когда ему окончательно в этом отказали, сетовал: «Вот ведь

какая судьба у меня: дед был генералом, отец – полковником, сам я до лейтенантов добрался, а дочка – та больше рядового все равно не потянет». Бесстрашный и безупречный был человек Сергей Павлович Толстов.

В 1939 году именно Толстов создал на факультете кафедру этнографии, которой заведовал вплоть до 1951 года. Кнорозов, как и остальные студенты, мечтал принять участие в его Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. На кафедре работали такие этнографы, как С.А. Токарев, А.М. Золотарев, М.О. Косвен. Сотрудники занималась первобытным обществом, этнографией народов Австралии, Океании, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Европы и Сибири.

По своеобразному определению Кнорозова, Толстов был «свирепым донским казаком», «родственником белогвардейца» – дело в том, что с именем его родного дяди, того самого атамана казачьей армии генерал-лейтенанта Владимира Сергеевича Толстова, связывают гибель героя Гражданской войны Василия Чапаева. Позже чудом спасшийся и эмигрировавший Владимир Толстов опубликует воспоминания о тех временах под названием «От красных лап в неизвестную даль». Но тогда никто из студентов об этом и не подозревал. Книга находилась лишь в спецхране в Ленинке, и только в 1980-е внучатому племяннику атамана удалось достать ее и скопировать. Это была фотокопия, поскольку ксероксов в стране тогда было очень мало.

Думая о будущем науки, Сергей Павлович уделял огромное внимание подготовке и воспитанию студентов, привлекал их к интересной полевой работе в своих знаменитых экспедициях, а потом помогал устроиться на работу по специальности и поддерживал профессионально. Решая проблемы трудоустройства и спасая студентов и коллег от репрессий, он вовсе не занимался разговорами о «притеснениях режима» в духе либеральной общественности, но умел очень грамотно разрешить сложные и даже опасные ситуации, поддерживая опальных ученых. И в системе приоритетов Толстова будущее науки России занимало главенствующее место.

По научным взглядам Толстов оставался типичным представителем двадцатых годов, в частности – заядлым сторонником теории Марра со студенческих лет, и отстаивал принятую тогда в археологии и этнографии марристскую идею так называемой первобытной лингвистической непрерывности. Кнорозов совершенно не разделял этих взглядов, что не мешало Толстову двигать его вперед, открывая двери в науку.

Известно, как Толстов спас от окончательного отчисления из МГУ и неизбежного ареста (после письма Маленкову в защиту кетов от вымирания) своего студента Севьяна Вайнштейна, когда того уже успели исключить из комсомола и запретили приходить на занятия. Он же спас от ареста и Юрия Кнорозова, а затем, несмотря ни на какие препоны, открыл ему путь в научное будущее. Именно благодаря ему знаменитый во всем мире и изгнанный из МГУ генетик профессор

Виктор Валерьянович Бунак с его исследованиями в области эволюции человека смог создать в институте отдел антропологии да и, собственно, отечественную антропологическую школу.

Абсолютно все, кто вспоминал о Толстове, яростно защищали его от моих вопросов. Вот, например, слова Ирины Федоровны Хорошаевой: «Вы понимаете – он человек ярко одаренный был, его можно любить, не любить, какие-то к нему предъявлять претензии, все это возможно, но это был ярчайше одаренный человек, который абсолютно не боялся привлекать к себе таких же одаренных людей. Более того, когда он собирал Институт этнографии, ведь это ему все обязаны и приходом Георгия Францевича Дебеца, и Сергея Александровича Токарева. Когда началось гонение в университете с этим «моргнизмом», когда погнали Марка Иосифовича Косвена – кого забирает немедля Сергей Павлович в институт? Именно Марка Иосифовича Косвена, забирает также Берту Исааковну Шаревскую, всех забирает к себе. Всех людей, более или менее одаренных, работающих, он всегда поддерживал, потому что у него ни капли не было боязни какой-то конкуренции. Образован он был фантастически, совершенно фантастически. И Кнорозова он ценил, несмотря на все его фокусы, которые выкидывал Юрий Валентинович, даже в самые напряженные моменты...»

Из жизни Сергей Павлович ушел в 1976 году, оставив России мощную отечественную науку – этнографию, этнологию, антропологию.

Сергей Александрович Токарев, дорогу которому во многом открыл Толстов, также известен как энциклопедист, этнограф, религиовед, историк. Он заведовал кафедрой этнографии истфака МГУ с 1956 по 1973 годы.

В отличие от Толстова, происходившего из офицерской семьи, Токарев родился в семье учителя. Это случилось в Туле в 1899 году. Детство свое он провел неподалеку от Льва Толстого, часто посещая имение писателя. Его бабушка по материнской линии была родной сестрой известного митрополита Московского Сергия. Согласно семейному преданию, именно Лев Николаевич принял участие в составлении метрики будущей (первой из нескольких) жены Токарева. Дважды, и оба раза удачно, он поступил в МГУ – в первый раз в 1918 году, но пришлось вернуться из голодной Москвы в Тульскую область. В 1922 году он вновь поступает в Московский университет, уже на общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук.

В 1926 году Токарев – аспирант Института истории, преподавал в Коммунистическом институте трудящихся Китая им. Сунь Ят-Сена. В 1928 году стал научным сотрудником Центрального музея народоведения, где четыре года спустя возглавил сектор Севера. И тогда же работал в Государственной академии истории материальной культуры и в Центральном антирелигиозном музее. Докторскую диссертацию на тему «Общественный строй якутов в XVII–XVIII вв.» он защитил перед войной, с началом которой отбыл в эвакуацию. В 1943 году он вместе со всеми вернулся в Москву и, по распоря-

жению стратега Толстова, только что ставшего директором Института этнографии АН СССР, занял должность заведующего специально созданным сектором народов Америки, Австралии и Океании. В этом качестве Токарев принял участие в подготовке к изданию первого в отечественной историографии двухтомника «Народы Америки».

Вместе с Н.Н. Чебоксаровым, Б.О. Долгих и В.И. Чичеровым Токарев формировал систему этнографического образования, благодаря которой кафедра этнографии МГУ долгое время обладала статусом ведущего учебного заведения этого профиля. Токарев читал фундаментальные курсы истории первобытного общества, основы этнографии, этнографию Америки и другие. По отзыву С. Вайнштейна, «он много вложил в нас (студентов. – *Г. Е.*), познакомил с трудами Боаса и Малиновского», открывшими для отечественной науки изучение этнографии американских индейцев.

Сергей Александрович Токарев – научный руководитель Юрия Кнорозова

Юра Кнорозов чрезвычайно уважал своего официального научного руководителя: «Мой руководитель, бывший завкафедрой, и другие ученые сразу же поддержали мои попытки дешифровать письмо майя. Меня предупреждали о том, что это дело рискованное и может затянуться. Что касается методологии: я мог использовать любые методы. Важно было получить результат». Отмечал Кнорозов и способность Токарева повсюду иметь полезные знакомства. И вместе с тем он всегда был достаточно осторожен, следуя политическим веяниям. Из жизни Сергей Александрович Токарев ушел в 1985 году.

Опять студент

Как ни торопилось руководство МГУ начать вовремя учебный год, к занятиям приступили все же на месяц позже положенного – только 1 октября. Причем не на Моховой, а в четырехэтажном здании школы на Большой Бронной. И вот здесь в конце октября в весьма поредевшие ряды второкурсников влился новый студент – тощий, неуклюжий, в потрепанной шинели, странной кубанке и длинном, обмотанном вокруг шеи шарфе. Этот необычный шарф выполнял еще одну роль – скрывал два симметричных тонких шрама, которые вызывали любопытство и наводили на мысль о ранении. И хотя это было не так, новенький студент вместо пояснений лишь драматич-

но выдерживал многозначительную паузу. Долгополая, не по росту шинель с чужого плеча тоже вызывала любопытные вопросы у вернувшихся из эвакуации истфаковцев. Впрочем, она соответствовала духу времени и таинственному образу. Новый студент не казался многословным. Как вспоминала его сокурсница Лидочка Мильская, у него была «весьма необычная внешность и манеры вести себя – странное сочетание угловатости, резкости и старомодной воспитанности. "Кнорóзов", – рекомендовался он, помедлив. Довольно быстро мы познакомились с интересами друг друга, но о жизненных обстоятельствах не говорили. Однако я спросила, имея в виду его шинель, давно ли он демобилизован. "Эта шинель помогла мне с матерью бежать от немцев из Харькова и перейти линию фронта". Его тон исключал дальнейшие расспросы...»

А девушки с младших курсов звали его не иначе как «мрачный человек в кубанке». На самом деле, шинель ему подарил брат Борис, а кашне – брат Сергей. Кашне было длиннющим, с бахромой и с бело-зелеными, как на матрасе, полосами. Юрию приходилось наматывать его в четыре оборота на тощую шею. Откуда появилась отвратительная засаленная шапка-кубанка, которую он не снимал, никто не помнил. А в руках обязательно портфель в любое время дня. В нем хранилось все: книги, бумага, карандаши, какая-то еда и трогательные «дары» для знакомых. К своей одежде он не подпускал никого, а родственникам после долгих уговоров разрешал все-таки «погладить брюки, но не вынимая ничего из карманов».

Еще подводили разваливавшиеся ботинки. В те тяжелые времена для того, чтобы починить обувь, нужно было принести в мастерскую свои подметки. А для того, что чтобы купить эти самые подметки, надо было иметь специальный талон. Талон взять было негде. Поэтому стертые подметки к ботинкам Юрий прикручивал бечевкой.

Родственники знали младшего Кнорозова как облупленного. Но перед барышнями истфака Юрий входил в образ эдакого романтического Печорина – похоже, давали о себе знать гены армянской бабушки-актрисы. Молоденькие «дамы» Юрию сочувствовали и довольно пристально за ним следили. Правда, внешне тот был «далек от мирской суеты». Как-то одна из девушек, не вошедших в круг приближенных, робко поинтересовалась: «Вот вы уже нашли себе друзей?» На что он холодно ответил: «Мы не дружим, мы товариществуем. Нас объединяют три стихии: поэзия, живопись, и музыка...» Одним словом, «интересничал». Ему ведь был всего 21 год!

Надо сказать, что в военные годы наступило какое-то идеологическое послабление – и сразу же расцвело творчество студентов. Они начали выпускать свой журнал, писать научные статьи и литературные очерки, стихи.

Компания Юрия, состоявшая в основном из «дам», восхищалась не только его умом, знаниями и стихами. Необычный студент, несмотря на некоторую, даже придававшую особый шарм неуклюжесть, был удивительно красив. Особое восхищение вызывали его потрясающие огромные, глубокого ярко-синего цвета, глаза. Неудивительно, что за

молодым Кнорозовым закрепилась слава сердцееда, ухаживавшего за самыми красивыми девушками. А за глаза Юрия порой именовали «змеем» – и вовсе не по причине мудрости.

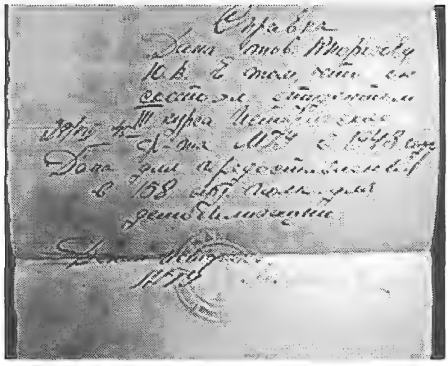
Вместе с тем «сотоварищи» Кнорозова – это были в первую очередь Лидия Мильская (впоследствии крупнейший специалист по европейскому Средневековью) и Татьяна Степугина (ставшая известным китаистом) всегда церемонно обращались друг к другу на «Вы», а имена почти никогда не употреблялись. За Юрием закрепилось прозвище «Синухет» – имя древнеегипетского путешественника, о котором он с удовольствием делал доклад на практикуме по истории Древнего Востока у профессора Всеволода Игоревича Авдиева. Синухета Кнорозов выбрал явно неслучайно – вспоминая свои странствия по оккупированной Украине, а затем переход линии временного фронта в Воронежскую область и путешествие в Москву. Надо заметить, что Авдиев сразу приметил необычного юношу и на занятиях, казалось, обращался только к нему.

Уже тогда сокурсники подметили одну особенность Юрия: когда ему было что-то интересно, он как бы полностью выключался из обыденной реальности, а его взгляд начинал светиться изнутри, казалось, наблюдая какие-то далекие, доступные только внутреннему взору события. Такое происходило, например, когда Авдиев писал на доске египетские иероглифы. В это особое состояние, которое иногда называют измененным состоянием сознания, Юрий Кнорозов, похоже, умел легко входить со времен своего обучения гипнозу и прочим психологическим премудростям в Харькове. Ведь был же такой человек в его судьбе, который определил, что он обладает «особой чувствительностью»!

Шифры и письмо во всех его аспектах уже тогда особенно привлекали Кнорозова. Как вспоминает Мильская, развлекался он тем, что покупал у букинистов истрепанные до последней степени старые рукописи или факсимильные издания и по почерку определял характер писца, а также его психические и прочие особенности.

Во время зимней сессии «сотоварищи» – Кнорозов, Мильская и Степугина втроем готовились к экзамену по этнографии. Пользовались они всеми признанным в то время учебником Харузиной. Тем не менее второкурсник Кнорозов по поводу этого руководства позволил себе высказаться достаточно резко, сожалея об отсутствии «настоящих пособий и книг». Кнорозова всегда отличало наличие собственной позиции, несмотря ни на что.

«Сотоварищей» по факультету очень удивляло, что само мышление Юрия было буквально пронизано даже не сознанием, а глубоким ощущением историчности человека. Однажды он сообщил им, что задумал *исследование*, ни больше, ни меньше, «истории поцелуя у всех народов, где будут сочетаться история и этнография». Лидочка Мильская робко попыталась возразить, тоже стараясь не выходить за рамки научной дискуссии, что подобная работа может быть этнографической, но не исторической в строгом смысле слова. На это Юрий довольно резко заявил: «Человек только потому человек, что он живет



Справка студента МГУ Ю. Кнорозова для оформления демобилизации в 1945 году

в истории и все, буквально все его проявления – историчны».

Точно так же он размышлял на тему о «роли страха в человеческой жизни и истории». В этих сюжетах явно чувствуются именно бехтеревские подходы к изучению человека. Подобные идеи Бехтерев осмыслял, в частности, в статье «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки»:

> ...сама организация общественности основана на повелительном принципе общества над личностью, на поглощении индивидуальности. Обычаи и законы общества категоричны и требуют безусловного подчинения. При развитии общества все его установления еще более дифференцируются, стесняя индивидуальные проявления по всем пунктам, ограничивая личные стремления и уничтожая права отдельных лиц. Вместе с ростом общества его установления становятся более сложными и в то же время более властными, а потому еще более теснят личность.
>
> При этом все то, чем личность стеснена и что представляет собой «общественные шаблоны», является продуктом социальной деятельности самой личности; но в этом случае дело идет о низших сторонах деятельности личности, уподобляющихся привычным действиям, переходящим в автоматизм[10].

Очень любопытно было бы знать, но достоверно уже не выяснить, как и почему Кнорозов, Поршнев, Гумилев и некоторые другие историки продолжали развивать те же идеи междисциплинарности, которые посеяла школа Владимира Бехтерева в начале XX века. Причем у каждого было свое направление и видение цивилизационного процесса – но исходная точка, похоже, была одна. И ее дальнейший вектор развития достаточно явно соединял биологическое и социальное в единую систему.

Еще тогда, студентом, Юрий Кнорозов был абсолютно неприхотлив – он мог в любых обстоятельствах отключиться от реальности и погрузиться в обдумывание занимавшей его научной проблемы. Для записей ему хватало клочка бумаги и простого карандаша – поначалу им было пользоваться проще, нежели перьевой ручкой. Да и позже, при появлении шариковых и прочих стержней, карандаш, по мнению Кнорозова, оставался надежнее всякой ручки. Поэтому он всегда

[10] *Бехтерев В.М.* Избранные труды по психологии личности: В 2-х т. СПб., 1999. Т. 2. Объективное изучение личности. С. 98.

имел при себе тонко заточенные простые карандаши. Как-то одна из однокурсниц прилюдно пожаловалась, что «не может писать доклады, так как у нее нет письменного стола». Студент Кнорозов коротко рассмеялся и сказал: «Я могу заниматься наукой, даже вися на подножке переполненного трамвая». Самое поразительное, что это было действительно так.

Юрий не был требователен в быту – к этому его приучили вынужденные блуждания во время войны по Украине и полтора года жизни в сарае в поселке Южном. Дом Кнорозовых оказался занят и разорен немецкими солдатами, а хозяева – Александра Сергеевна, Юрий, Галина с сыном Мишей ютились в пристройке. Естественно, что условия, в которых он очутился в московском доме брата (сейчас это угловой дом на Новом Арбате, при съезде с моста) показались ему просто райскими. В этой квартире какое-то время жили и их родители. Еще в начале войны сюда поначалу приехал отец, целыми сутками пропадавший на работе. Потом здесь поселилась мать, выбравшись с оккупированной Украины. Правда, уже осенью 1943-го, как только немцев окончательно выбили из Харькова, она, не раздумывая, вернулась в Южный. Где-то в неизвестности, на просторах разоренной страны оставались дочь Галина и внук Мишенька. Вскоре после войны в Южный отправится и отец, давно достигший пенсионного возраста. Впрочем, Юрий тоже оставался недолго в квартире брата на Смоленской набережной.

«Сотоварищи» успели навестить его в доме на Смоленке, но чувствовали себя там не очень уютно и как-то робели: брат Юрия выглядел совсем взрослым и, по их выражению, очень «чиновным». Сокурсник Кнорозова в 1946 году Александр Плунгян вспоминал: «Я был вместе с Юрой один раз у его брата Бориса, адъюнкта Артиллерийской академии им. Дзержинского, в его квартире... на берегу Москвы-реки. Визит продлился минут 15-20 и оставил у меня гнетущее впечатление: кроме Бориса, к нам никто не вышел, разговаривали в передней...»

Об этом же вспоминала и сокурсница Мира Геффен, говоря о «респектабельной квартире» в «высоком доме на набережной». Одним словом, студенты в такие дома предпочитали не ходить. Забавно, что Мира вообще не могла понять, где жил Юрий, который, по ее словам, «всегда норовил ночевать где-то под забором или у разных своих приятелей».

А возможно, у мирных обитателей этой квартиры были свои особые резоны не доверять друзьям Юрия. Дело в том, что тогда, в военном 1943-м, когда скромный студент Юрий Кнорозов жил у брата и учился на истфаке, он занимался... практическим гипнозом. Причем свои опыты ставил на маленькой племяннице Татьяне, которой тогда было года полтора. Однажды ее родители всполошились от того, что девочка стала просыпаться по ночам и плакала от страха. Крики ребенка настораживали. Но на все вопросы девочка лишь с ужасом указывала на балкон. Постепенно выяснили: ей виделось, что балкон зарастает ветками, а через решетки лезут страшные белые обезьяны...

Странная история повторялась несколько ночей. Поразмыслив, Борис с женой заподозрили, что причина детских страхов и плача не иначе как связана с Юрием и его увлечением гипнозом. Студент был сурово допрошен и без особого сопротивления сознался в содеянном. Можно представить, что выслушал экспериментатор от возмущенных родственников. Как бы то ни было, ночные вопли ребенка прекратились. Но то, как белые обезьяны лезли через балкон, Татьяна в деталях помнит по сей день. А Юрий остался доволен – еще бы, эксперимент по дистанционному гипнозу удался на славу!

Вокруг имени Юрия Кнорозова на факультете уже тогда складывались легенды, одну из которых с упоением пересказывает человек, вообще в те времена бывший школьником. С Кнорозовым он познакомился гораздо позже и случайно. Это писатель, кандидат филологических наук, представлявший себя чуть ли не основателем тартуской семиотической школы (школа Лотмана), Александр Пятигорский.

Забавная литературно обработанная Пятигорским байка постепенно обросла массой невероятных подробностей и выглядела примерно так:

После каждой лекции у некоторых преподавателей принято было задавать вопросы. Это приветствовали и приезжавший из Ленинграда египтолог Василий Васильевич Струве, и востоковед Всеволод Игоревич Авдиев. Кнорозов всегда задавал вопросы. Поскольку никто с курением тогда не боролся, во время перерыва Авдиев и Кнорозов оказались курящими вместе. Чтобы поддержать разговор, Авдиев, раздраженный, по всей видимости, предыдущими вопросами, но в принятой тогда церемонной манере сказал:

– Юрий Валентинович, вы совершенно напрасно посещаете мои лекции.
Юрий Валентинович ничуть не удивился, но вежливо спросил:
– Всеволод Игоревич, как так?
В ответ Авдиев сказал:
– Вы ничего нового для себя из них не узнаете. Я сильно подозреваю, что имело бы смысл Вам предложить читать лекции, которые читаю я.
Немая сцена. Но недолго. Кнорозов парирует:
– Да, согласен.
Авдиев:
– О чем же мы будем договариваться?
Кнорозов:
– Во всех примерах древнесемитскую огласовку ставить в скобки.
Наступила очередь удивиться Авдиеву:
– А откуда вы знаете о скобках?
– В ответ:
– Пришлось долго сидеть в сарае в оккупированном Харькове. Делать было нечего, выходить нельзя, стреляли. Выучил древнеегипетский словарь Гарднера и стал думать о хамитско-семитских связях.

Далее фантазирующий Пятигорский обязательно добавлял в свою байку: «И Авдиев, встречаясь с ним, все время про себя говорил: "Какой ужас, что же из всего этого получится?"»[11]

Опыты молодого Кнорозова с гипнозом, размышления в сфере истоков шаманства и умничанья перед профессорами были прерваны накануне весенней сессии 1944 года, когда Юрию предстояло повторно закончить второй курс. 15 марта столичный Краснопресненский военкомат неожиданно вспомнил о непризывном студенте. Младшего Кнорозова призвали-таки в армию. Но, что было особенно обидно Юрию, не в действующую. Складывается впечатление, что кто-то специально позаботился о том, чтобы Юрий, признанный даже в начале 1943 года невоеннообязанным по здоровью, хоть в таком облегченном виде оказался в рядах вооруженных сил. По воспоминаниям А. Плунгяна, была реальная угроза ареста по причине *«доноса, обвинявшего Кнорозова в том, что он скрыл свое пребывание в оккупации»*. И скорее всего именно мудрый и бесстрашный стратег Толстов, при поддержке Кнорозова старшего, сумел таким способом вывести Кнорозова младшего из-под удара. Кроме того, несмотря на призыв в армию, в апреле Кнорозова успели перевести на третий курс истфака. Сам Толстов, чудом из-за ранения избежавший клейма «оказавшегося на оккупированной территории», причем в условиях, сходных с историей Юрия (то есть будучи в ополчении), прекрасно понимал, что его надо было срочно спасать, упреждая все возможные подлые удары университетских чиновников.

Как бы то ни было, поначалу его направили в качестве курсанта в Московскую школу младших специалистов ремонтных авточастей, где-то в районе Пресни. 20 апреля 1944 года Юрий принял военную присягу. И без проблем закончил обучение в этой школе в сентябре 1944 года.

Из учебки он регулярно сбегал, чтобы навестить «сотоварищей» Мильскую и Степугину, поговорить о весьма отвлеченных предметах, например «о роли страха в человеческой жизни и в истории» или не столь отвлеченных, но тоже очень интересных. Надо сказать, что Юрий не затруднял себя получением увольнения. Обычно он просто перелезал через высокий забор и отправлялся в университет. Письмам он всегда предпочитал личное общение.

Затем Кнорозова перевели телефонистом в 158-й пушечный артиллерийский полк. Это был резерв ставки главнокомандующего, также не принимавший участия в военных действиях и располагавшийся под Москвой. Здесь он в звании рядового и встретил окончание войны. Демобилизовали Кнорозова с военно-учетной специальностью «специалист телефонных станций, телефонист». Это случилось 15 октября 1945 года на основании Указа Верховного Совета СССР от 25.09.1945 г. Ускорило демобилизацию, видимо, ходатайство из МГУ. Во всяком случае, в личном деле сохранилась соответствующая, написанная от руки справка:

[11] *Митрохин Н.* Из двух бесед с Александром Моисеевичем Пятигорским. НЛО. 2010. № 101.

Справка
Дана тов. Кнорозову Ю.В.
в том, что он состоял студентом
III курса исторического
ф-та МГУ в 1943 году.
Дана для предоставления
в 158 арт. полк для
демобилизации.
Декан истфака МГУ – подпись неразборчива,
печать

Толстов позаботился и об этом – перевел Юрия на третий курс еще до весенней сессии. Позже Юрий Валентинович любил подшучивать над своей военной карьерой. Он говорил: «Вы думаете, кто я такой? Я – обычное солдатье! Не верите – напрасно!» И показывал запись в военном билете, где было указано: «Состав: солдаты». При этом от руки небрежно написанная последняя буква «*ы*» больше походила на «*ье*». Получалось действительно: «*солдатье*».

Но, как бы то ни было, уже 16 октября 1945 года Кнорозов автоматически был восстановлен на третьем курсе истфака МГУ. Занятия проходили уже в исторической резиденции МГУ напротив Кремля. Студенты бегали между двумя зданиями – основным на Моховой, 9, где читали лекции, и на Герцена 5, где располагался деканат.

В 1945 году, когда Кнорозов вернулся к занятиям, он на какое-то недолгое время неожиданно для себя оказался сокурсником Светланы Сталиной. Выбор вуза для дочери, сделанный вождем, понятен и прост: университет был главным в стране, а нужный факультет находился точно напротив Кремля, в двух минутах ходьбы неспешным шагом от резиденции главы государства. Все держалось под полным контролем.

На занятиях любимую дочь вождя видели, впрочем, нечасто – она то выходила замуж, то рожала, то разводилась. Да и не барское это дело – сидеть за партой. Зато о ее принадлежности к МГУ общественность была оповещена официально. Профессор из Саратова Я.Ф. Яскин, бывший в те годы студентом, вспоминал: «О том, что у нас в МГУ учится дочь Сталина, можно было даже прочитать на плакате. Хорошо помню, как на площадке лестницы, ведущей на второй этаж здания исторического факультета на улице Герцена, висел плакат: «Сталинские стипендиаты». Четыре фамилии, и среди них – Сталина Светлана. Она окончила истфак по кафедре всеобщей истории и писала дипломную работу под руководством профессора Звавича. Потом некоторое время училась в аспирантуре кафедры марксизма-ленинизма МГУ, где ее руководителем значился профессор Кротов, но над диссертацией здесь она не работала и вскоре оказалась на кафедре литературы АОН при ЦК КПСС, где и защитила диссертацию по историческому роману, использовав свое базовое образование»[12].

[12] Цитируется по: *Александр Колесник.* Хроника жизни семьи Сталина. http://knigosite.ru/library/read/74304

Война закончилась...

Но вряд ли Юрия беспокоили любовные проблемы мечущейся от безделья дочери генералиссимуса. 1945-й год. Конец войны... 30 марта старшему Кнорозову Указом Наркома путей сообщения присваивают звание «дирсктор-полковника пути и строительства». А вскоре награждают Орденом Трудового Красного Знамени «за выполнение заданий правительства и военного командования по организации перевозок оборонных и народнохозяйственных грузов в период Великой Отечественной войны». Сам Валентин Дмитриевич готовился выйти в отставку и вернуться в Южный – все-таки возраст 65 лет, три года войны и безупречная служба Отчеству до и во время Великой Отечественной давали о себе знать.

А Юрий, после весьма условной и потому обидной для него службы в армии, пусть и в резерве главнокомандующего, с упоением вернулся к занятиям, чтобы продолжить учебу – на заслуженном третьем курсе. Кроме того, ему удалось, наконец, получить место в общежитии МГУ по адресу «Стромынка, 32» – скорее всего потому, что после службы его надо было где-то официально прописать и поставить на военный учет, что он и сделал в Сокольническом райвоенкомате. Юрия поселили в комнате № 608. Комнаты в общежитии были очень большими, но походили скорее на казармы – в каждой по десятку студентов разных курсов и разного возраста. Однако получить даже койку в такой «казарме» в послевоенной Москве считалось невероятным счастьем. Соседом и верным другом Кнорозова в этот период стал Сева Вайнштейн, который был на два года младше Юрия. Он также станет крупнейшим этнографом, востоковедом и тюркологом, специалистом по истории и этнографии Тувы и культуре кочевников Евразии.

Судьба его, как и Юрия, была непростой – но немного по-иному. После расстрела отца и высылки матери в январе 1938-го Сева оказался в детдоме. В 1945 году смог поступить на восточное отделение истфака МГУ, и уже на втором курсе написал работу «Религиозно-философское учение средневековой секты исмаилитов», за которую получил премию университета. С.П. Толстов приметил талантливого студента, взял к себе на кафедру этнографии и в том же году, в составе экспедиции института этнографии АН под руководством Б.О. Долгих, отправил в экспедицию по Подкаменной Тунгуске к суломайским кетам.

У этого архаичного народа не было даже оленеводства, единственное домашнее животное – собака, сети они не знали, а огонь добывали трением. Зимой жили в полуземлянках и сохраняли традиционную систему родства. Так получилось, что Сева, будучи студентом-практикантом, остался руководителем маленькой группы, которая собрала огромный и уникальный этнографический материал. Кроме того, участниками группы было впервые описано кетское шаманство, сохранившее поразительные пережитки палеолитических культов.

Однако наивного Севьяна потрясло совсем не добывание огня, а тот факт, что даже в таких суровых условиях выживания кетам запрещали охоту на соболя, составлявшую для крошечного народа основной и чуть ли не единственный заработок, позволявший выживать. Запрет на охоту напрямую обрекал людей на вымирание.

Справедливости ради стоит напомнить, что политика СССР в отношении малых и коренных народов с первых лет советской власти считалась, наравне с канадской моделью, лучшей в мировой практике – квоты на образование всех уровней, специальные интернаты для детей кочевников, социальные лифты, освобождение от призыва в армию и многое другое. И вдруг – запрет на выживание! И Севьян Вайнштейн принимает решение написать об этом письмо «главному после Сталина человеку в стране – Маленкову».

Реакция администрации МГУ последовала незамедлительно: Севу исключили из комсомола и даже запретили посещать занятия. Стратегу Толстову пришлось приложить массу невероятных усилий, чтобы добиться официальной проверки ситуации с кетами «сверху», результаты которой полностью подтвердили Севину правоту. Он был восстановлен! И в комсомоле и на факультете. Более того, Толстов опять отправил Севу к кетам, после чего материалы экспедиции были представлены в Институте этнографии в группе «Север» М.Б. Левина в секции шаманизма. По личному распоряжению Толстова доклад Вайнштейна был напечатан в «Кратких сообщениях института этнографии» в 1950 году.

Удивительно, но по воспоминаниям Александра Плунгяна, роль Севы Вайнштейна в отношениях с Кнорозовым вполне сопоставима с ролью в его жизни Толстова или Токарева. Сам же Севьян Израилевич Вайнштейн позже так вспоминал те времена: «Моим соседом был Юра Кнорозов. Он все отдавал науке, получал стипендию и немедленно покупал книги, а потом у всех одалживал. Питался водой, хлебом. Занимался расшифровкой письменности майя...» Оба были настоящими учеными, и оба были преданы своему делу, а потому высоко ценили эти качества в других...

Тем временем жизнь у всех (или, в данном случае, *почти у всех*, за исключением тех, кто обитал внутри кремлевских стен) студентов, и не только студентов, была несладкой. Чувство голода мучило постоянно. Каждый должен был иметь продуктовые и хлебные карточки. Без них, по воспоминаниям, можно было купить разве только странную соевую массу – так называемые «сырки». Некоторые хитрые студенты приобретали в аптеке рыбий жир, который можно было получить только по рецепту врача. А потом на этом вонючем жире жарились те самые несъедобные сырки. Иначе, даже умирая с голоду, их было невозможно взять в рот. Один и тот же рецепт на рыбий жир можно было предъявлять в аптеку по нескольку раз, пока серая бумажка вконец не истиралась. Поэтому в единожды чудом полученном заветном рецепте приходилось постоянно подтирать и подделывать дату выдачи.

Юра Кнорозов не только умел прекрасно рисовать, но и обладал каллиграфическим почерком. Наверное, с тех самых пор он высоко ценил в коллегах способность к подделыванию подписей. Гораздо позже, когда мне требовалось срочно послать кому-либо от его имени маловажное письмо, подпись *«Ю. Кнорозов»* обычно выполняла моя дочь Анна Овандо, тогда еще школьница, также обладающая прекрасным почерком и способностями к живописи. Юрий Валентинович высоко ценил ее талант, но при этом задумчиво, казалось, без тени юмора, добавлял: «Подпись – это легко. Печати надо учиться подделывать...» Мы смеялись этой «шутке», никогда не задумываясь, что за этим, как всегда, крылась некая правда – судя по всему, весьма суровая.

Как неординарная личность, Кнорозов уже тогда производил на окружающих неизгладимое впечатление. По воспоминаниям Миры Геффен, когда Юрий появлялся на кафедре и начинал говорить, публика непременно затихала. Одни удивлялись, другие посмеивались, но в основном с любопытством слушали. Студент Кнорозов воспринимался как готовый самостоятельный ученый. Причем и студентами, и профессурой – прежде всего Токаревым и Толстовым, которые прекрасно знали ему цену с самого начала.

Кроме того, Юрий, хоть и не был боевым фронтовиком, но хлебнул войны, и потому вчерашние школьники относили его к группе тех взрослых студентов старших курсов, которые прошли Великую Отечественную и являлись демобилизованными солдатами или офицерами.

Удивительная вещь – память. Она проходит через время и, как исповедь, выявляет всю сущность человека, как бы тот ни пытался ее приукрасить или оправдать. Одно и то же время, одно и то же место, одни и те же события – а как все по-разному... Если судить по израильским воспоминаниям довольно известного психолога Александры Катаевой, жившей в том самом общежитии на улице Стромынка примерно тогда же, что и Кнорозов, студентки занимались исключительно своими сексуальными проблемами, совмещая их с чтением свободолюбивых стихов. При этом учащиеся делились на два лагеря – те, кто «сопротивлялся режиму» (конечно, хорошие), и те, кто служил Советской власти (это были плохие). «Хорошие», оказывается, были обманом отправлены помогать в военных госпиталях, чего автор не могла простить власти до самой смерти. Естественно, что Катаева принадлежала к избранным, которые непременно сопротивлялись «кровавому режиму», а попутно, как неземные красавицы, боялись сексуальных домогательств со стороны вездесущего Берии, дом которого в Москве честной девушке обойти было просто невозможно. И главное, все знали, где он расположен. И еще для колорита толстые крысы на кухне! Никакие научные увлечения или великие мысли тогдашних студентов МГУ для автора мемуаров, судя по всему, интереса никогда не представляли. А жаль. Тогда бы, возможно, она вспомнила и гениального Юрия Кнорозова, честного Севьяна Вайнштейна, Александра Плунгяна, Анатолия Черняева, Михаила Гефтера и многих дру-

гих добровольцев из МИФЛИ и МГУ, прошедших войну и ставших впоследствии учеными с мировым именем, принеся славу отечественной науке. Но они, по всей видимости, режиму не сопротивлялись и однозначно должны были относиться к «плохим», служа «на сталинском поводке страшного и незабываемого времени». Одним словом, обращаясь к профессиональной терминологии автора, упомянутые мемуары представляют классический пример селективного восприятия в ряду когнитивных искажений...

Вернувшись после демобилизации из учебки и восстановившись в 1945 году на третьем курсе, Кнорозов обрел несколько новых друзей. Особенно сдружился с Сашей Плунгяном. Плунгян, который был лишь на два года младше, в конце 1944 года вернулся из эвакуации, где в Елабуге окончил школу, а затем поступил в Воронежский университет. С разрешения декана С.П. Толстова он перевелся в МГУ и оказался вместе с Юрием Кнорозовым на третьем курсе истфака, где каждый уже выбирал себе кафедру и руководителя, под чьим началом надо было работать над своей темой. По воспоминаниям Плунгяна, кафедра русской истории была «самой многочисленной и «усредненной». А вот «этнографов, античников и археологов отличал дух элитарности и братства, целеустремленность, мотивированность, знание языков, самостоятельность, сложные спецкурсы и семинары, а также состав профессуры: на эту кафедру уходили самые способные и наиболее самостоятельные студенты. Кафедры этнографии и археологии отличал особый дух близости с преподавателями: Сергей Павлович Толстов тщательно отбирал студентов и посылал их в научные экспедиции под руководством выдающихся ученых. Неслучайно многие стали известными исследователями – в методике преподавания кафедра этнографии не уступала зарубежным».

И, судя по мемуарам, Кнорозов выделялся даже среди лучших – как одаренный студент-египтолог, постоянно задававший сложные вопросы по египетскому языку преподавателям В.В. Струве и В.И. Авдиеву.

Так вот, знакомство и дружба Кнорозова и Плунгяна начались именно с кафедры этнографии в начале 1946 года. Тогда кто-то из сокурсников рассказал Саше Плунгяну о том, что Юра Кнорозов с кафедры этнографии занимается письменностью индейцев майя. На это Плунгян гордо ответил: «Можешь сказать ему, что эта проблема уже решена, я могу показать Кнорозову статью Эрика Томпсона в трудах Смитсоновского института». Заметим, письменность майя уже тогда не представлялась студентам чем-то необычным – многие были в курсе проблемы ее дешифровки. Том этот в свое время Александру был подарен Сергеем Николаевичем Бибиковым в учебных целях – для чтения статей на английском по археологии индейцев пуэбло. А Саша тогда занимался немецким с сыном Бибикова Димой.

Хотя именно вопрос о том, «как могло быть, что Кнорозов, живя в СССР, заинтересовался письмом майя?» у зарубежных коллег, особенно из Латинской Америки, почему-то вызывает совершенно необъяснимый интерес. И всегда бывает неудобно объяснять, что уро-

вень академического, университетского образования в СССР всегда был на несколько порядков выше, нежели в большинстве стран мира, включая так называемые «ведущие».

А все дело в том, что культурная революция, объявленная Лениным в 1917 году, блестяще решила сразу несколько главных проблем, связанных со строительством нового государства. Во-первых, было покончено с неграмотностью практически шестидесяти процентов населения дореволюционной России. Во-вторых, через программу поддержки в самые суровые годы были сохранены научные школы и крупнейшие отечественные ученые. В-третьих, наука получила мощное вливание свежих сил – помимо уже существовавшей, была создана «красная профессура», образование открылось для представителей всех слоев общества. Именно поэтому в науке встретились и потомки русских офицеров, как Толстов, и родственник митрополита, сын сельского учителя Токарев, и внук актрисы и купца, сын советского управленца Кнорозов, и сын расстрелянного поэта Гумилев, и потомок богослова Плунгян.

Итак, благодаря всеобщему интересу к письму майя на истфаке уже на следующий день этот студент привел Юрия Кнорозова к Александру Плунгяну. Александр сразу же пригласил Юрия к себе домой, на Семеновскую, в районе метро Электрозаводская, где и был торжественно передан том в темно-зеленом с золотом переплете, привезенный Плунгяном из Елабуги.

Заседания «тайного мужского союза»

Жил Саша Плунгян с родителями в обычной московской маленькой квартирке. Но по сравнению с общежитием это был дворец. Понятно, как жилось обычным людям в послевоенное время – но Сашиных друзей в этом доме всегда привечали. Поэтому Юрий часто и с удовольствием навещал друга. И главное, можно было разговаривать, не опасаясь чужих ушей. Более того, их встречи превратились в тайные обсуждения самых важных научных проблем – прежде всего, будущей «теории коллектива». Хотя никакой предварительной повестки и точного времени встреч не существовало, в основном разговаривали вдвоем.

Об этих «тайных» встречах на квартире Плунгянов вспоминали все их участники. И даже те, кто там не бывал, а только слышал от других об этих собраниях. Поначалу и довольно долго на кухонном семинаре под названием «Группа по изучению происхождения культуры» было только двое – Юрий и Александр. Обычно именно Юрий излагал свои мысли по тому или иному вопросу, а Александр и позже другие с удовольствием слушали и участвовали в дискуссиях. Кнорозов собрал себе маленькую, но верную аудиторию, перед которой проговаривал свои идеи.

Кухонно-семинарские заседания начались в 1946 году, на третьем курсе. К лету семинар прекратился – сессия, а потом Юрий отпра-

вился в Хорезмскую экспедицию. Через год добавился еще один персонаж: будущий детский поэт Валя Берестов, поступивший на истфак в 1946 году. Он был на шесть лет моложе Юрия, на курс младше и в свойственной ему восторженной манере искренне восхищался знаниями Юрия, который казался ему настоящим мудрым ученым. Молодых людей сблизил интерес к Средней Азии, где Валя жил какое-то время, к поэзии и к детскому творчеству. Берестова интересовали образы, создаваемые детьми, а Кнорозов уже раздумывал над проблемами закона Геккеля и применением его к развитию общества и цивилизации. На обоих оказала сильное влияние вышедшая в 1933 году книга Корнея Чуковского «От двух до пяти», посвященная изучению психики детей и процесса того, как они овладевают речью. Одним словом, было о чем поговорить.

Последним прибился к трем студентам тогда и вовсе ученик девятого класса Саша Пятигорский, который появился совершенно случайно – Плунгян встретил его у жены своего двоюродного брата. Он так вспоминает эту встречу: «Это был необыкновенно разговорчивый и самоуверенный подросток, которому льстило знакомство со студентом и возможность демонстрировать эрудицию: он иногда приезжал ко мне, часто с одноклассником Леонтовичем. Однажды я имел неосторожность рассказать ему о Юре и пригласить к нам на встречи, после чего он приходил уже без всякого приглашения. Правда, сидел он тихо и в разговор не вмешивался».

Сам же Пятигорский вспоминал эту встречу иначе: он якобы заявил что-то о происхождении религии, о которой, по его собственным словам, имел тогда «такое же представление, как о шумерском языке». И тогда Саша Плунгян, зная, насколько этот сюжет интересен Кнорозову, сказал: «Приходите ко мне, вы услышите Юру Кнорозова, такого вы больше не услышите нигде в мире!» То есть, согласно этой версии, для Кнорозова и Плунгяна было невероятной удачей услышать высказывания школьника о религии – во что поверить сложно даже при очень большой фантазии. Особенно если учесть, насколько Кнорозов терпеть не мог пустых болтунов.

На «кухонном семинаре» Юрий, Александр, Валентин и втершийся к ним Пятигорский обычно собирались раз в неделю уже не «товариществуя», как с девушками, а «джентльменствуя» – поскольку обращались они друг к другу «джентльмены» и на «Вы». Обсуждение велось вокруг проблем истории. Записей этих собраний не велось – есть лишь воспоминания Плунгяна:

> Обсуждения строились обычно в форме обмена мнениями о новой книге или статье известного специалиста. Точнее всего назвать наши дискуссии разговорами в жанре пушкинских table-talks. В связи с изучением палеолитических и неолитических изображений мы активно обсуждали общую проблему эволюции визуального искусства (живописи). Эту тему предложил я, и Юра охотно согласился.

Основным объектом наших многочасовых дискуссий была проблема эволюции категории стиля и его компонентов – темы, семантики, композиции изображения и ее инструментария. Эволюция стиля рассматривалась нами в виде этапов последовательного развития синкретического изображения первобытного общества до современного искусства, проходя основные фазы – реализм, натурализм, символизм. Основным содержанием и стимулом каждого этапа считалось исключение из изображения «избыточных неинформативных компонентов». А в целом эволюция определялась имманентными законами, которые мы тогда не обсуждали.

В контексте проблематики шаманизма нас интересовали, в частности, палеолитические и неолитические изображения, отражающие мифологию и ритуалы шаманов. Я работал над этой проблемой в Елабуге под руководством Бибикова и Равдоникаса. Они не только предоставляли соответствующую литературу, но и требовали, чтобы все прочитанное я представлял для оценки письменно, с краткими выводами. Тогда я начал копировать наскальные памятники Карелии, Скандинавии и Северной Африки. Я показал свою коллекцию Юре, и он горячо одобрил это начинание.

В формировании концепции ритуалов шаманизма большое значение для Кнорозова приобрели идеи основоположника отечественной эволюционной нейрогенетики Сергея Николаевича Давиденкова (1880–1961), с которыми он познакомился по монографии «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии». Эта книга вышла ограниченным тиражом в 1947 году и была запрещена сразу после сессии ВАСХНИЛ осенью 1948 года. С этой работой Кнорозов буквально не расставался и постоянно обсуждал идеи Давиденкова. Его особенно интересовала роль «специализированного контингента» в первобытном коллективе как носителя интеллекта, в том числе – мифологии и ритуалов шаманов...

Вспоминали о послевоенном университетском периоде Кнорозова и пересказывали эти события разные люди, каждый додумывая и добавляя что-то от себя. Если обобщить все сохранившиеся версии, откинув заведомо невероятные, то получаем историю студента Юрия Кнорозова – эти байки напоминают некую легенду или своеобразное «житие».

Больше всего в Интернете путешествует отрывочных баек, выдуманных Пятигорским. Например, Кнорозов, согласно этим обрывкам «воспоминаний» Пятигорского, якобы заявлял: «Что такое история? И помните, джентльмены, история — это история сознания. Где нет сознания, там нет никакой истории, это выдумка дураков». Или: «Если ты хочешь что-то узнать, то такой проблемы, как язык, быть не должно, словаря и грамматики достаточно». Вяч.Вс. Иванову Пятигорский позже восторженно повествовал о своей «дружбе» с Кнорозовым и об обсуждении с ним научных проблем Мохенжо-Даро.

По словам Иванова, он рассказывал о своем восхищении восторженного школьника тем, что «на Кнорозове всегда чувствовалась огромность интуиции, то есть он чего-то и не знает, но знает как бы поверх знания. При этом вот он знает какой-то ответ заранее. Другим надо долго учить это – вопрос о его лингвистике. Так он никогда ничего систематически и не учил, а знал гораздо больше, чем мы все. То есть степень интуитивного проникновения у него была очень большая». И это, пожалуй, единственное высказывание Пятигорского о Кнорозове, с которым трудно не согласиться.

В сложившихся обстоятельствах право на оценку достоверности и просто порядочности рассказов писателя Пятигорского остается лишь у Плунгяна, отношение которого к этим байкам сложилось более чем скептическое. Следует добавить, что воспоминания других современников и участников событий московского периода биографии Кнорозова однозначно свидетельствуют в пользу позиции Александра Марковича. Позже Плунгян с присущим ему чувством юмора очень точно резюмирует фантазии Пятигорского о Кнорозове:

> Девятиклассник Пятигорский в 1945 году оказался в группе, которую организовал демобилизованный запойный алкоголик, лейтенант-артиллерист Кнорозов, «незабвенный и первый учитель жизни, настоящий учитель, великий ученый» (правда, на следующей странице своим «первым реальным учителем» он называет Топорова). Кнорозов «вел незабвенные беседы» по «общим вопросам истории», неизменно обращаясь к слушателям «джентльмены». В группу входил сам Пятигорский, будущий известный детский писатель Валентин Берестов и «неизвестный армянин». Позже Пятигорский вспомнит имя, адрес и даже национальность неизвестного армянина: «В доме, на кухне его товарища по факультету, Саши Плунгяна, на метро Электрозаводская. У них была квартира еще московская, маленькая. Была такая семья, очень еврейская... Семья влачила жалкое советское существование, такая полуинтеллигенция. Помните культуру кухонь? <...> Закончилось тогда, когда Кнорозов сказал: "Джентльмены, больше не встречаемся. За мной уже второй месяц идет слежка. И нам пришьют группу. Посадили уже трех ребят с истфака"». (Прошу прощения у читателей, но в этом месте вынужден сделать краткий комментарий: квартира у нас была трехкомнатная, мать – старший преподаватель Военно-юридической академии, сестра – кандидат технических наук, родословная нашей семьи прослеживается с конца XIV века и включает ряд известных ученых, богословов, писателей: например, мой прапрадед – первый переводчик Пушкина на идиш, упоминается в энциклопедии Брокгауза и Эфрона.)

Дальше Пятигорский рассказывает, что после работы в Москве Кнорозов «в Питере резко пошел в гору, стал доктором, академиком, человеком, расшифровавшим письменность майя» (академиком Кнорозов никогда не был). Обстоятельствами его смерти Пятигорскому помешала поинтересоваться прирожденная деликатность. Согласно текстам Митрохина, Филоненко, Ревзина и других, сам Пятигорский умер в

собственном доме в Лондоне, в зените славы, в окружении многочисленного семейства; в России создано общество и учреждена почетная медаль его имени (Флоренский, Лосев, Аверинцев и Топоров подобных почестей не удостоились). В некрологах его называли гениальным учителем и философом, «голосом Господа».

Как бы то ни было, встречи у Саши Плунгяна продолжались постоянно вплоть до переезда Кнорозова в Ленинград в конце 1948 года. Перед самым отъездом приятели решили разделить сферы будущих научных занятий: за Сашей Плунгяном осталось изобразительное искусство. Следующие несколько лет каждое письмо от него начиналось с вопроса о том, «что каждый из них сделал по своей части». Но ответы были скорее грустные: Валя Берестов ушел из этнографии в детскую поэзию, а Саша Плунгян начал работать в авиационной промышленности. О Пятигорском никто не вспоминал, так как у того в научном плане, как позже определили Кнорозов, «и украсть было нечего». Тем не менее друзья встречались несколько раз уже в Ленинграде и постоянно обменивались письмами. Плунгян от Кнорозова получил два письма. Первое было подробным разбором его отчета о проделанной работе с ответами на поставленные вопросы. К сожалению, это большое письмо на много страниц не сохранилось: его у Плунгяна выпросил Пятигорский с клятвенным обещанием вернуть на следующий день. После этого он больше не появлялся. А вот второе письмо, к счастью, сохранилось. Надо сказать, что Кнорозов до последних дней имел привычку писать письма под копирку. Иногда копии он рассылал нескольким адресатам и одну хранил у себя. Много таких копий находится сейчас в архиве Кнорозова в США, переданном туда после смерти Юрия Валентиновича его дочерью[13].

Но тогда, после окончания МГУ, «кухонный семинар» вовсе не умер, а продолжил свою работу и позже, в Ленинграде, не только в виде переписки, но и в привычном формате, — уже в обществе Льва Николаевича Гумилева, до самого ареста его в 1949 году.

Тема: шаманские культы или дешифровка письменности майя?

В университете Юрий был увлечен учебой. Однако формально он занимался вовсе не индейцами майя. Больше всего его в то время интересовали шаманские практики или, как это официально называлось, «первобытная религия», что и предопределило назначение про-

[13] Yuri Valentinovich Knorozov Papers, 1945-1998. http://atom.doaks.org/atom/index.php/yuri-valentinovich-knorozov-papers%3bisad; Описание коллекции на английском, выполнено А. Токовининым: http://atom.doaks.org/atom/uploads/r/image-collections-and-fieldwork-archives-dumbarton-oaks-research-library-and-collection-2007-present/0/b/0b4f97560d8f1057705ae198eacb07c2f9ee187db64cf05fe825c0b923a2eb86/doaks_ICFA_MSPC001_Knorozov_FindingAid.pdf

фессора Токарева в качестве его научного руководителя. Одновременно он специально записался к профессору Толстову на спецсеминар под названием «анимизм и шаманство у казахов». Сергей Павлович принял руководство факультетом в 1943 году после Сергея Даниловича Сказкина. Учебников в войну, да какое-то время после нее, не было вообще, и потому главным учебным пособием во время войны стали рукописные (машинописные — это была роскошь!) экземпляры лекций. По рукам ходили лекции С.П. Толстова, С.А. Токарева и других видных ученых. Некоторые вспоминают, что многие преподаватели тогда читали лекции в свое удовольствие. Например, у Максима Григорьевича Левина был блестящий курс по антропологии, рассчитанный на один семестр, а он читал его целый год — нравилось самому, нравилось студентам.

Надо сказать, что в «лихие 90-е» на истфаке в определенном смысле вынуждено возродилась эта практика. По обоюдному согласию с заведующим кафедрой Древнего мира Василием Ивановичем Кузищиным я читала студентам (в том числе из других вузов) курс по древнему письму майя, даже не числясь преподавателем истфака и не получая за это никаких денег. И это позволило в определенном смысле сохранить школу Кнорозова. Василий Иванович включил тогда в учебник «История Древнего Рима» раздел «Древний Мир Нового Света».

В те тяжелые послевоенные времена преподаватели выкручивались как могли. Студенческую практику по этнографии летом 1946 года Токарев организовал в ближайших окрестностях Москвы. Экспедиция отправилась в подмосковную деревню Веледниково, где Сергей Александрович снимал дачу. Это было совсем рядом с Павловской Слободой, что в Истринском районе. Теперь это определяется как 18 км от МКАД по Новорижскому шоссе. Первые официальные записи о Павловской Слободе относятся к началу XVI века, но сейчас от старины мало что осталось — все вытеснили коттеджные поселки. А после войны, когда в Веледникове не было даже электричества, студенты все лето обмеряли старые дома и даже амбары, сохранившиеся предметы быта... Одним словом, проходили практику.

В сентябре 1946 года начались занятия на четвертом курсе. Большим событием тогда стала отмена в Москве карточек. Это случилось под конец года, 17 декабря. В этот день с утра студенты обнаружили в длинных высоких коридорах первого этажа университета столы, покрытые белыми простынями. Здесь выдавали деньги. Поначалу на них можно было купить только белый хлеб и сахар. Но это означало, что жизнь постепенно налаживалась... Именно тогда Юрию дали место в общежитии, но ночевал он зачастую, где придется. Довольно часто в домах у разных приятелей, среди которых был однокурсник Геня Тройник. Потом, когда Кнорозов уже обосновался в Ленинграде, то, приезжая в Москву, часто останавливался у друга Гени, который после университета преподавал в какой-то школе и даже стал ее директором.

Юрий Кнорозов никогда не производил впечатление пышущего здоровьем. Ему и двадцати пяти не было, а вид... Сутуловатый, абсолютно нестроевой, совершенно неспортивный, походка свидетельствовала о сильном плоскостопии, как-то покашливал. Но глаза... У него были ярко-синие глаза из-под густых бровей, которые всегда горели, завораживая собеседников. И привлекая дам.

Юрий с упоением занимался шаманскими культами на кафедре этнографии, разбирался с письмом майя, а Толстов и Токарев радовались перспективному студенту, мечтая каждый вовлечь его в разработку своих, как бы сейчас сказали, проектов. Толстову Кнорозов подходил в любом направлении – и для изучения шаманизма, и для американистики — только что созданного им направления в Институте этнографии.

Но Юрий, особенно после статьи Томпсона из Смитсоновского сборника, был одержим идеей дешифровки письма майя. Лингвистику на истфаке не читали — и Юрий сам занялся изучением этих сюжетов. Со статьей известного немецкого майяниста Пауля Шелльхаса «Дешифровка иероглифов майя – неразрешимая проблема?»[14], о чем упоминает в 1996 г. в интервью Тиахоге Руге для документального фильма сам Кнорозов, он познакомился совсем не случайно. И произошло это еще в Москве.

Стоит учесть, что Ленинская библиотека с ее огромными фондами располагалась в нескольких сотнях метров от истфака. Литература была и в Институте этнографии, где руководитель Кнорозова Токарев возглавлял американистское направление и мог заказывать нужную литературу, как это было принято в академических институтах. Тем более что важная работа Шелльхаса по мифологии и чтению иероглифов с обозначениями богов майя (Representation of Deities of the Maya Manuscript), вышедшая в США в 1904 году, переиздавалась неоднократно.

Как публикация могла оказаться у студента? Скорее всего, ее передал Юрию все тот же Токарев. Именно к этому времени относится официальная история того, о чем всегда потом спрашивали у Кнорозова: как он решил заняться дешифровкой майя? Сам Юрий Валентинович объяснял мне, что все было решено буквально «на спор».

Так или иначе, но в руки Кнорозова в 1945 году попала только что опубликованная статья немецкого исследователя Пауля Шелльхаса под названием «Дешифровка письма майя – неразрешимая проблема?». Согласно версии Аграновского, который уже после знаменитой защиты опубликовал очерк «Счастливые» об открытии Кнорозова, статью передал Юрию все тот же Токарев.

– Видели? Читали? – спросил профессор Токарев, потрясая только что полученным иностранным журналом.
– Нет, Сергей Александрович, не видел, – ответил Кнорозов.
– Полюбуйтесь, что он здесь пишет!

[14] Paul Schellhas. Die Entzifferung der Mayahieroglyphen: ein unlosbares Problem? // Ethnos. 1945. № 10. P. 44–53.

> В журнале была статья крупного немецкого лингвиста Пауля Шелльхаса под меланхолическим названием: «Расшифровка письменности майя – неразрешимая проблема». К этому выводу автор пришел, потратив на разгадывание древнего ребуса пятьдесят лет своей жизни. В письменах майя, писал он, фраз нет, грамматических форм нет – одни ритуальные понятия. Все попытки прочитать их бесцельны...[15]

Далее автор живописно излагает, как Токарев предложил Кнорозову заняться майя, а тот впал в задумчивость, представляя бессмысленно потраченные годы. И решил: «Вот оно, настоящее дело, о котором он мечтал»! И тут Токарев предложил студенту: «Не займетесь ли вы этим, Юра? Дело очень, необычайно тяжелое. Но я полагаю, Шелльхас все же неправ. И надо ответить ему, поддержать престиж науки»[16].

Безусловно, какой-то разговор между Токаревым и Кнорозовым на тему дешифровки письма майя должен был состояться. Прежде всего, потому, что Юрий уже занимался майя, и Токарев принес ему, обычному студенту, только что изданную статью вовсе не случайно. Возможно, хотел доказать, что это направление окончательно «закрыто». Тем более что уж никак не безызвестный студент должен отвечать именитому ученому. Это по статусу полагалось делать состоявшемуся ученому, сотруднику академического института. Кнорозов же, который давно двигался в направлении изучения письма майя, воспринял слова руководителя как некий подстегнувший его вызов: и Шелльхасу ответим, и письменность дешифруем. Так в том победном 1945-м было заключено нечто вроде пари на дешифровку письменности майя. Кнорозов был убежден, что Токарев в него не верил и все делал лишь назло Толстову, которого «терпеть не мог».

Как бы то ни было, немецкая статья в определенном смысле высветила его собственные научные планы. Юрий даже на время оставляет шаманские практики, чтобы ответить на вызов Шелльхаса: «Как это неразрешимая проблема? То, что создано одним человеческим умом, не может не быть разгадано другим. С этой точки зрения неразрешимых проблем не существует и не может существовать ни в одной из областей науки!» Эту позицию, которой он неизменно придерживался всю жизнь, Кнорозов озвучил в интервью для мексиканского фильма в 1996 году.

Нет сомнений в том, что Юрий дотошным образом просмотрел каталоги всех московских библиотек в поисках нужной литературы – это, наверное, был первый шаг для того, чтобы ответить на вызов Шелльхаса.

В августе 1948 года, когда Токарев пишет характеристику Кнорозову для первой попытки поступления в аспирантуру, он уже упо-

[15] Цитируется по: *Аграновский А.А.* Счастливые. М.: Молодая Гвардия, 1958. С. 39.

[16] Там же.

минает и большой прогресс в расшифровке письма майя, и перевод «Сообщения в делах в Юкатане» Диего де Ланды.

«Сотоварищи» и «джентльмены» вовсе не удивлялись новому увлечению Кнорозова. Существуют особые люди, к чьим идеям, даже самым невероятным, окружающие очень быстро начинают относиться как бы без особого удивления, как к должному. От восхищения только ахнут про себя – и ждут очередного чуда, уверенные в том, что оно непременно наступит. И удивляются, если такого чуда не происходит. Юрий Кнорозов вызывал к себе именно такое отношение. Однако обнародовать результаты было пока рано. «Мы ничего не забываем, мы только откладываем», – любил повторять он.

Поэма

Все свидетели того времени отмечают, что сразу после войны в МГУ наступил период некоторой идеологической свободы и всплеска почти неуправляемого творчества. Студенты выпускали стенгазеты, рукописные журналы, писали заметки на актуальные темы или волновавшие всех сюжеты. Фронтовики, принесшие с войны победу, обрели право высказывать свое мнение по существовавшим проблемам, а тыловые чиновники и партработники не смели ставить их на место. И, похоже, этот духовный подъем «снизу» в МГУ, передовом чванливом авангарде идеологии, отражал общие настроения в стране. По воспоминаниям Миры Геффен, они студентами курса сами начали выпускать рукописный журнал, в котором участвовали свои поэты и прозаики. Помещали даже этнографические очерки по материалам собственных полевых практик. Видимо, вслед за общим духовным подъемом в стране, в 1947 году Юра вместе со своими братьями Сергеем и Борисом начинает писать ПОЭМУ. Она так и сохранилась с рабочим названием: «ПОЭМА». И писали ее, скорее всего, собираясь в том самом доме на Смоленской набережной. На написание ПОЭМЫ братьев Кнорозовых вдохновила победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. Сейчас трудно представить, как братья работали над текстом — но историческая часть, похоже, была обеспечена Юрием. И не только историческая, но и поэтическая: старший Борис очень ценил поэтический талант младшего брата, которому, видимо, остальные делегировали сводный текст и свои идеи. К счастью, сохранился не только текст ПОЭМЫ, но даже правка, которую по-кнорозовски тщательно систематизировали племянники Кнорозовы – Александр, Татьяна и Наталья[17].

Начиналась ПОЭМА с оглавления, по которому отчетливо можно почувствовать дыхание того далекого времени:

[17] *Восстановленный племянниками полный текст* ПОЭМЫ *с вариантами и правкой помещен в приложении.*

Оглавление:
I часть
1. Россия (Родина)
2. Социализм
3. Европа (Молотов)
II часть
4. Пограничный бой (до Москвы)
5. Москва
6. Сталинград
III часть
7. Курск
8. 1944 г.
9. Берлин
IV Эпилог

Очень интересный комментарий по поводу периодизации войны, предложенной братьями Кнорозовыми, сделал в личном сообщении Сергей Карпенко[18], крупнейший специалист по истории России новейшего времени, сославшись на мнение Алексея Киличенкова[19], крупнейшего специалиста по Великой Отечественной Войне, который отметил:

> Любопытно, что периодизация Великой Отечественной Войны, заложенная в композиции, вступала в противоречие с активно насаждаемой в первые послевоенные годы сталинской периодизацией. Вплоть до Хрущева господствовала сталинская периодизация, наиболее полно изложенная Ворошиловым в книге «Сталин и вооруженные силы». М., 1950. С. 61–66. Там выделено четыре периода:
> 1: июнь 1941 – осень 1942 (Сталинград)
> 2: осень 1942 – осень 1943
> 3: 1944 – «10 сталинских ударов»
> 4: 1945 – период завершающих побед над Германией и Японией.

В отличие от нее, Кнорозовы выделили в самостоятельный период пограничные бои лета-осени 1941 г., когда Красная армия потерпела поражения и понесла большие потери. А также разделили Сталинградскую и Курскую битвы как решающие события коренного перелома в ходе войны. То есть они оказались гораздо ближе к современной периодизации, чем историки и идеологи последнего сталинского десятилетия. Ни Кнорозовы, ни уж тем более Сталин/Ворошилов не выделяют 1942 год как самостоятельный период. Вероятно, и фронтовики, и образованные люди, пережившие войну в тылу, уже тогда более или менее

[18] Сергей Владимирович Карпенко – к. и. н., доцент РГГУ, главный редактор журнала «Новый исторический вестник», член Союза писателей РФ.
[19] Алексей Алексеевич Киличенков – д. и. н., проф. РГГУ, крупнейший специалист по военной истории России XX в.

ясно осознали значимость поворотных событий и Великой Отечественной, и всей Второй мировой войны – Московской, Сталинградской и Курской битв.

Начиналась ПОЭМА с признания в любви к Отчизне:

Поля объяты тишиною,
Светлеет мгла лесных полян,
В речных низинах пеленою
Белеет утренний туман.
Беззвучно шепчутся с рассветом
Берез и тополей листы —
Как будто делятся секретом
Про сны и тайны темноты.
Реки широкой полосою,
Как рамой, замкнут в полукруг,
Блестит серебряной росою
Некошеный цветущий луг.
Яснеют дали над полями.
Прохладен воздух голубой.
И вот над дальними холмами
Заря зажглася полосой.
Все ярче красок позолота,
Сверкает луч — уже восход...

Стоял июнь... Была Суббота...
Шел мирный сорок первый год...

Восходит солнце золотое,
Прохладней воздух и свежей,
Согрето утро голубое
Сияньем солнечных лучей.
...
Взгляни на мир с высот полета,
Пусть жарко вспыхнет вновь и вновь
В горячем сердце патриота
К Отчизне светлая любовь.
Мы смотрим с гордостью понятной
На дали наших рубежей,
Гордясь по праву необъятной
Могучей Родиной своей.

Весь текст – это гимн во славу России. Удивительно, но при всей зашкаливающей патриотичности, Отчизну братья Кнорозовы не назвали Советским Союзом ни разу. История России — это и воинская слава, и трудолюбие народа. Повествование так и строится по главным вехам славного прошлого и настоящего Родины. Помню, что меня поразило однажды, как Юрий Валентинович, еще в самом начале нашего знакомства, рассказывал о битве за Москву и восхищался

Жуковым. Но удивило меня не то, что его интересовала эта далекая от индейцев майя тема, а то, с какой нескрываемой гордостью мой учитель излагал в мельчайших деталях события начала 1942 года. И только много лет спустя, увидев строки ПОЭМЫ, посвященные Москве, мне стало понятно его искреннее чувство восторга.

Гордись, любимая столица!
Впервые в схватке мировой
Победы первая страница
Была начертана тобой!
Как знамя, вести и отсветы
Твоей победы в бой ведут.
Простые люди всей планеты
Тебя надеждою зовут,
Оплотом правды и защиты.
Гремит народная молва,
Любовь и гордость, слава — слиты
В два слова:
Сталин и Москва!

Эти строки из прошлого, написанные в те далекие времена вовсе не деятелями искусства, не для печати и даже не для публичного обнародования, возможно, теперь и покажутся кому-то наивными. А многочисленные новоиспеченные «демократы» и «диссиденты» в соответствии с поворотами политического флюгера и вовсе будут убеждать самих себя, что такого быть не могло. Но писали эти строки очень умные люди, честно прошедшие войну и любившие Россию, как всегда любило ее несколько поколений Макаровых и Кнорозовых. А уж в неискренности и политической мимикрии Кнорозовых обвинить не может никто. Они служили России, ее народу всегда.

В кипенье дней великих будней
Немало выпало невзгод,
Был каждый шаг бесспорно труден.
Но каждый шаг — был шаг вперед!

Юрию Кнорозову, младшему из братьев, было тогда двадцать пять лет. Но внимание привлекают его как бы «программные» строки:

Герой один не побеждает,
Бойцы сплоченностью сильны,
Корабль без компаса блуждает
По воле ветра и волны.
На гибель без научных знаний
Отважных обречен поход.
Стихией яростных восстаний
Рабам не одолеть господ.

Эту идею преимущества теоретического системного знания над энергозатратной практикой хаотичных метаний Кнорозов осмысливал всю свою жизнь, в том числе в рамках своей «теории коллектива». Неслучайно у него была подборка примеров из литературных произведений, смысл которых сводился к следующему: всегда побеждает интеллект, а не сила или ловкость, всегда побеждает спокойное знание, а не бессмысленные истеричные действия.

Однако продлилась послевоенная «оттепель» недолго – к концу 1948 года все разболтавшиеся идеологические гайки были старательно закручены, фронтовики приструнены, виновные и замеченные в свободомыслии наказаны. Все вернулось на свои места. Но ПОЭМА осталась свидетельством того взлета патриотизма и гордости за страну, которые всегда были присущи Кнорозову.

И кстати, поэма полностью опровергает характерные либерально-диссидентские домыслы Пятигорского о чуть ли не антисоветской направленности научных интересов Кнорозова. Подобные байки лучше продаются на Западе, куда, как крыса с корабля, бодро отправился Пятигорский — но куда сам Кнорозов никогда не рвался, искренне презирая «колбасных мигрантов».

России Кнорозовы служили и в радости и в горе. В 1990-х Юрий Валентинович вырезал откуда-то и показывал мне картинку: на большом медведе со всех сторон повисли рвущие его на части мелкие зубастые твари. Каждой из них, начиная с Горбачева, Юрий Валентинович дал имя политика того времени. Но тогда, в первые послевоенные годы, до этого было еще очень далеко...

Хорезмская экспедиция. Зикр в Мазаре Шамун-Наби

После окончания злосчастного затянувшегося третьего курса в 1946 году и вполне благополучного четвертого, летом 1947 года Юрий отправился на практику в Среднюю Азию. Это была уже не подмосковная, а настоящая практика — Хорезмская экспедиция, которую еще до войны организовал Толстов[20]. Сразу после войны экспедиция возобновилась. Юрию выдали настоящее удостоверение, где дата выдачи оказалась почему-то позже даты начала командировки. Причем подпись вместо ректора была поставлена, похоже, той самой, некогда отказавшей ему в поступлении дамой, Е. Мануильской.

Командировочное удостоверение
выдано студенту Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова Кнорозову Юрию Валентиновичу в том, что он коман-

[20] В 1948 году С.П. Толстов опубликовал в издательстве МГУ результаты экспедиции под названием «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования». См.: http://kungrad.com/history/khorezm/oldkhorezm/

Командировочное удостоверение Юрия Кнорозова как участника Хорезмской экспедиции

дируется в Хорезмскую область на производственную практику с 1/VII по 1/IX – 46 г.
паспорт XIV-РТ 732982
ректор МГУ – неразборчивая
подпись – (проф. И.С. Галкин)
дата: 20/VII 1946, Москва, 9, Моховая, 11.
телефон К 3-57-65

Сейчас уже довольно сложно реконструировать в подробностях события этих экспедиций. Сохранились документы 1946 года, в том числе и письмо председателя Кунградского райсовета на каракалпакском языке с указанием выделить этнографической экспедиции проводника-переводчика по фамилии Бердибаев. Дата выдачи документа приходится на 23.09.1946-го, что выходит за рамки все того же командировочного удостоверения Кнорозова.

В первый раз Юрий успел побывать в отряде под руководством ленинградского этнографа Клавдии Ивановны Задычной, типичного музейного работника, и не на шутку напугал ее. Все только что пережили войну, времена были трудные, потому чувство страха было обострено и редко оставляло даже студентов. А Юрий вел себя так, как будто он «свалился с луны» – никого особенно не слушал, занимался тем, что ему интересно. Интересного там, конечно, было много. Одним словом, Задычная относилась к нему с опаской, ожидая чего угодно от непредсказуемого практиканта.

Система Хорезмской экспедиции была такой: сначала все ехали на раскопки к Толстову, а потом, после раскопок, проходила самостоятельная работа трех этнографических отрядов. В этой экспедиции в одном отряде оказались Юра Кнорозов и Мира Геффен. Всего же там было человек десять. Естественно, что в Узбекистан студенты отправились на поезде, в общем вагоне. Билеты удалось добыть с большим трудом, при этом пассажиров оказалось больше, чем мест, даже с учетом третьих, предназначавшихся для багажа, полок. Спали по очереди. Кто-то лежал, а кто-то стоял, ожидая своего часа. Неприхотливый Юрий, уступив место, предложил Мире... пойти выпить пива. Девушка смутилась: она в жизни его никогда не пила, даже не пробовала, и ответила: «Да нет, как-то я боюсь...» На это Кнорозов авторитетно заметил: «Напрасно боитесь. Ну, я Вас научу...»

Так началась экспедиция. Раскопки Кнорозов глумливо называл «земляными работами». У их участников сохранились яркие воспоминания об Юриных ухаживаниях за Галиной Петровной Латышевой — будущим историком-москвоведом. Галя дружила с Мирой, хотя и была старше лет на семь — то есть ровесница Юрию, и он за ней «ухаживал», причем, по общему мнению, «чисто платонически».

Один из составов Хорезмской экспедиции

Юрий повсюду сопровождал девушек. Причем Мира вспоминает, что сопровождал «извините, вплоть до того, что если нам надо куда-нибудь в туалет. А ему очень трудно, знаете, объяснить. Проще было взять с собой...» Юрий был человеком неконфликтным, но Галя рассказывала Мире, что они иногда даже спорили...

Незабываемыми оказались его прогулки между раскопов «неслышной тигриной походкой», к которой надо было привыкнуть. Геффен живописно вспоминала: «Однажды я видела ночью, как он вылез из спального мешка и крался, значит, туда, на мужской горизонт, своим тигриным шагом...»

У Кнорозова действительно была странная походка. Много позже мой муж, в версии шефа «дон Антонио», сумевший впервые организовать выезд Кнорозова в Гватемалу, назвал его за походку «Розовой Пантерой» по аналогии с известным персонажем мультфильма. Эта походка особенно проявлялась у Кнорозова, когда он был «на воле», где-то в путешествии, ощущал себя счастливым и свободным.

А в Хорезмской экспедиции Юрий был по настоящему счастлив: он находился не просто в Средней Азии, а в среднеазиатской глубинке. Здесь были мазары, где даже проводились настоящие зикры... Хорезм — место удивительное. В нем сплетались самые древние культуры: не только доисламская, но даже дозороастрийская. И все это можно было увидеть своими глазами. Обо всем об этом он рассказывал своим «сотоварищам» — а те слушали, раскрыв рты. Как вспоминала Мира Геффен, обычные студенты были «сапоги сапогами» и мало что знали сверх того курса, который им читали. А Юра был совершенно самостоятельным человеком. Тогда в Хорезме у Юрия был верный друг и помощник — однокурсник Миша Метельков. Он оказался гораздо старше остальных и даже старше Юры. Ему было уже под сорок, и потому у юных студенток он считался «дремучим дедом». Сам Миша Метельков был очень заинтересован в таком наставнике как Юрий, поскольку тема его диплома была связана с погребальным обрядом. Следуя манере Юрия, сокурсники даже предложили Метелькову тему: «Роль кладбища в жизни покойника». Но уже повидавший жизнь Михаил не обижался. Странно, но и сам Кнорозов, и другие непременно упоминали о том, что Метельков прожил недолго. Возможно, сказались последствия фронтовых ранений, но на это в те времена не принято было жаловаться. Смерть Метелькова настолько потрясла сокурсников, что они вспоминали об этом всю свою жизнь...

Михаил Метельков был прекрасным фотографом и ходил за Юрой буквально «хвостом», с упоением фотографируя все, на что указывал тот во время их обоюдных вылазок. Это была настоящая

Мавзолей Шамун-Наби

жизнь, наслаждаться которой ему оставалось совсем немного... Но тогда Метельков ощущал себя лицом, подчиненным гению, и был этим счастлив.

Чего нельзя было сказать о начальнице экспедиции. Бедная музейщица имела свой утвержденный план этнографических работ: обследовать перечисленные в списке селения и колхозы, описать по заданной схеме жизнь местных обитателей. Кнорозову эта официальная часть двух отрядов этнографической экспедиции была не очень интересна. Хотя тоже вполне увлекательно и даже романтично: отряд из пятерых практикантов во главе с руководителем Татьяной Александровной Жданковой колесил на грузовике по дельте Амударьи.

Места были очень красивые — похожие на тропические джунгли в речных долинах тугайные леса с лианами, опутывающими тополя и ивы, зарослями тамариска, барбариса, облепихи. Рощи чередовались с лугами, островками камыша и покрытыми колючками барханами... Местные жители рассказывали, что здесь еще до 1930-х годов водились настоящие тигры.

В одном из городков (пока его не смыла Амударья) существовал небольшой краеведческий музей, где было выставлено полосатое, в проплешинах, чучело амударьинского тигра, долгое время вызывавшее интерес разве что у детворы. И вот сотрудники как-то заметили, что в музей неожиданно потянулись женщины – в основном это были безграмотные молодые каракалпачки. С каждым разом поток посетительниц разрастался, пока не превратился в толпы уже не только каракалпачек, но казашек, узбечек и туркменок. Женщины приходили в музей, а точнее, ограничивались фойе с облезлым тигром. Они подходили к чучелу, вставали на четвереньки, пролезали под брюхом полосатого хищника и... уходили, даже не заглянув в залы с основной экспозицией. Загадка разрешилась просто: оказалось, что у каракалпаков существовало поверье, что если бесплодная женщина проползет под брюхом тигра, то она сможет родить! А поскольку настоящих тигров по всей округе успели истребить, то кому-то пришла в голову гениальная по простоте мысль – проползать под брюхом тигриного чучела. Да, впрочем, что там безграмотные каракалпачки в середине XX века, если московские дамы XXI века выстраивались в многочасовую очередь к реликвии – пояску богородицы – ровно за тем же... Одним словом, повсюду раздолье для этнографов!

Как бы то ни было, рассказы о тиграх будоражили воображение и наводили страх на практикантов. Особенно приятно было бояться, сидя вечером у разожженного костра и слушая увлекательные истории под черным звездным небом. Главным рассказчиком был,

Ирина Хорошаева – верный друг и помощник Юрия Кнорозова

Ирина Хорошаева выступала в качестве фотографа Хорезмской экспедиции

конечно, Юра – Синухед. Чтобы как-то отблагодарить за чудесные рассказы, Мира угощала его любимым лакомством – это был настоящий гоголь-моголь. Где-то добывали яйца, Мира их взбивала и давала Юрию. А потом он рассказывал...

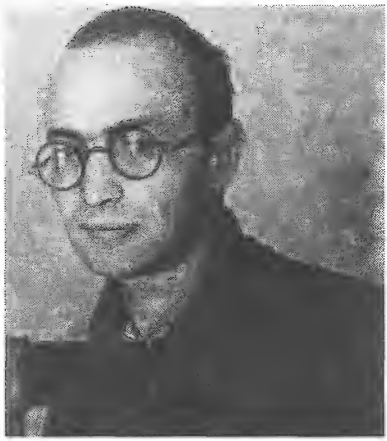
Фактически, слушала его, «разинув рот», одна Мира, тогда как Лада Толстова, подруга с детства и дочь Сергея Павловича, быстро засыпала, уютно устроившись у костра, пытавшегося осветить бескрайнюю темень ночной пустыни. Руководитель Татьяна Александровна обычно пожимала плечами и говорила, что Юра занимается посторонними, с ее точки зрения, делами. А остальные ничего не понимали и просто хмыкали. Кнорозова и позже часто считали «чокнутым». Еще бы: несет какие-то непонятные вещи: там и математика, и вероятностные методы, какая-то статистика, филология, которая к этнографии, так сказать, идет в придачу.

А у шофера и вовсе были свои дела — он занимался охотой. В окрестностях водилось много кабанов, которых местное население (мусульмане) сами трогать не могли, и потому даже просили иногда пострелять кабанов, которые портили им посевы.

А Юра Кнорозов рассказывал обо всем, что его интересовало, — и про зороастрийцев, и про Шамун-Наби, и про зикры. И даже впервые выкладывал свои «американские» замыслы. Как вспоминает Мира Геффен, у костра она слушала в первоначальном варианте те самые идеи, которые позже Кнорозов представил в виде своих научных публикаций.

Одним словом, в той Хорезмской экспедиции для руководительницы все было просто и понятно, кроме одного — студента Кнорозова с поисками таинственных (и вообще-то запрещенных) зикров! Впрочем, в свои собственные исследования Юрий начальство не посвящал, он лишь делился впечатлениями с ближайшими друзьями.

Итак, зикр! Юрий в сопровождении верного Михаила Метелькова начал поиски людей, которые привели бы его на место проведения этого древнего, таинственного, исчезающего из реалий советской жизни обряда. Он твердо был уверен, что понаблюдать и описать удивительный ритуал куда как важнее, нежели изучать традиционную материальную культуру узбеков в близлежащем колхо-



Александр Плунгян – первый и надежный друг Юрия Кнорозова, «сотоварищ» по «кухонным семинарам»

зе. Проводником студентов стал демобилизованный дядька в выгоревшей гимнастерке, оказавшийся настоящим шаманом-порханом. Пускать чужака на зикр, да еще женский, понятное дело, не стремились. И даже придумали испытание, о котором потом Юрий рассказал друзьям.

Шаман спросил его:
– Что ты пришел? Болеешь, что ли?
В ответ, не задумываясь:
– Болею...
– Что болит?
– Голова болит...
Наконец, вопрос:
– Ну, что хочешь, чтобы я вылечил? Ну, давай, вылечу.

Дядька снял с себя солдатский ремень, обмотал его вокруг головы студента и слегка натянул.
– Ну, болит еще?
– Болит...
Затянул посильнее:
– Сейчас болит?
Одним словом, затягивал ремень до тех пор, пока Юрий не выдержал и сказал:
– Больше не болит.

Кнорозов тогда решил, что его попросту не хотели пускать на зикр. Но скорее всего, это было своего рода испытание – поскольку в конце концов Юрий на зикр попал и многое увидел.

Не исключено, что каракалпакам больше пришелся по душе взрослый Миша Метельков – у него откуда-то был револьвер, а сразу после войны про разрешение никто не спрашивал. Так вот, Метельков стрелял из этого револьвера по зайцам. К великому изумлению Юрия, сами местные шейхи на кладбище указывали: «Вот заяц, давай стреляй!» И Метельков стрелял. Зайцы шли на обед шейхам.

На вершине красновато-желтого холма возвышался полуразрушенный, но все еще величественный мавзолей. Здание казалось продолжением природного холма. Средневековых мавзолеев на этом кладбище было немало, но название свое оно получило от мавзолея монгольской принцессы Мазлумхан. Этот полуподземный мавзолей и в XX веке оставался главным святилищем для проведения зикров.

Красавица Мазлумхан была дочерью местного правителя. Многие женихи добивались ее руки, но на свою беду она полюбила простого каменщика. Когда девушка отвергла сватавшихся к ней знатных претен-

дентов, рассерженный отец объявил, что отдаст дочь замуж за того, кто за одну ночь сумеет построить минарет высотой до самого неба. Естественно, что влюбленный каменщик справился с поставленной задачей – а утром явился во дворец за обещанной невестой. Но правитель, как водится, обманул нищего строителя. И тогда тот бросился вниз с построенного им же самим минарета. За ним, как и должно было случиться по ходу пьесы, последовала и принцесса Мазлумхан. Считается, что похоронили их вместе, а над могилой, сложенной из кирпичей разрушенного по приказу правителя минарета, возвели вот этот мавзолей.

Древние руины

Кнорозов и Метельков не без трепета вошли внутрь здания с обвалившимся куполом. Внутренняя отделка мавзолея изумляла: стены были покрыты плиткой из голубой глазури с узором в виде бантика. Семь веков тому назад красавица Мазлумхан написала: «Жизнь прекрасна, как жаль, что она коротка».

После полудня потихоньку, небольшими группами, начали стекаться жители окрестных селений, которые подходили к мазару Шамун-наби, невысокому длинному мавзолею с семью куполами и высоким порталом. Как считают, здесь был погребен некий святой по имени Шамун-наби. Во всяком случае, внутри действительно находилась гробница длиной около 25 м. Известно, что возведение сооружения началось где-то в конце XVIII века.

Согласно местным легендам, Шамун-наби был проповедником в Хорезме, когда жители этих мест и не слыхали про ислам. Еще до появления Шамун-наби миссионеры Яхия и Закария за свои проповеди были брошены в тюрьму. И потому будущий святой сначала устроился дворником, а потом повысил свой статус до государственного казначея. Получив важную должность, он сумел добиться освобождения Яхии и Закарии, обосновав свою просьбу тем, что оба пророка могли быть полезны правителю Геура. Тот для проверки сверхъестественных способностей велел заключенным проповедникам вернуть зрение слепой дочери, а заодно оживить нескольких покойников. Яхия и Закария с честью прошли испытание – дочь прозрела, покойники, как водится, воскресли. Таким образом, проповедники получили заслуженную свободу. А Шамун-наби стал почитаться как святой, чей мавзолей превратился в место поклонения.

После обязательного прикосновения лбом к порогу мазара, люди следовали в дом к шейху. Женщины приносили с собой лепешки,

Севьян Вайнштейн – этнограф, спасенный Толстовым

виноград, дыни, персики. Сдав дары, они рассаживались вдоль стен на широкой суфе.

Как и остальным, студентам предложили уже заваренный чай – правда, участвовать в беседе не пришлось. Почти сразу в дом вошел шаман, или, как его здесь называют, порхан. Повесив бубен на стену, он забрал трех женщин. Все отправились на один из холмов. Одной из женщин закрутили на талии белый кушак, она улеглась на бок на землю, и затем порхан столкнул ее по склону! Женщина покатилась, набирая скорость, вниз – где ее подхватил другой шаман. Она поднялась на ноги, чуть покачиваясь – остальные смеялись и громко что-то комментировали. Понаблюдав за скатыванием с холма, Юрий и Михаил вернулись в дом шейха. Народу к тому времени прибавилось – появились и больные, похоже, даже с температурой. Около мавзолея Шамун-наби продолжались молитвы. Все ждали вечера.

С заходом солнца поведение порхана резко изменилось – он вдруг стал очень активен: беспрерывно кривлялся, шутил, чудил, проделывал какие-то штуки – то набрасывал на женщин свой бараний тулуп, то надевал его на себя вывороченным наизнанку. При этом он ритмично хлопал руками и издавал особый звук: при вдохе – особое хрипенье «ххxо!», а при выдохе резкое шипенье «кшшш!».

Затем порхан зашел в дом шейха, подошел к сидящей на суфе пожилой женщине по имени Марьяна, все также хлопая в ладоши и шипя. Схватил ее за руки и стал разводить их в стороны вверх — как будто выполнял какие-то упражнения. Однако не прошло и минуты, как женщина со стоном упала на пол. Порхан посадил ее, удерживая за плечи, и вдруг издал перед ее лицом звук, похожий на свист хлыста. Совершенно неожиданно женщина пришла в себя и приняла совершенно нормальный вид.

Совсем стемнело. Порхан взял бубен и начал пробовать звук. Недовольно покачал головой и подсушил бубен у огня. Убедившись в звонкости звука, спрятал шаманский инструмент под полу халата и вышел из дома. Следом в черную темноту южной ночи потянулись и остальные. Длинную процессию, с трудом помещавшуюся на кладбищенских тропинках, возглавил шейх с фонарем. Все двигались в сторону мазара Мазлум-хан, где должен был начаться зикр. С заходом солнца стало довольно холодно и немного заморосило.

Преподаватели и студенты истфака у входа в здание

Ночью большое подземелье выглядело совсем по-другому. С густой темнотой боролся только один фонарь, подвешенный на стене. Он высвечивал центральную часть, а вокруг шевелились тени – и оттого подземелье представлялось бесконечным, как если бы собравшиеся оказались в другом измерении. Темное пространство стало постепенно заполняться пришедшими – в основном это были женщины, притащившие за собой множество детей, включая младенцев. Вместилось, наверное, более ста человек. Люди растекались вдоль стен неровным кругом.

Каждый из появившихся в подвале сначала становился на колени, а затем усаживался на пятки. Пять порханов устроились посредине, образовав маленький внутренний кружок. Старший из них, по имени Карим, которому было около пятидесяти, прочел короткую молитву.

– Омин! — выдохнули вместе с ним присутствующие, осенив себя особым жестом.

Один из порханов начал медленно ударять в бубен и затянул молитву. Единственные слова, которые студентам удавалось различить в этом подземелье, были имена: Мазлумхан, Шамун-наби и какие-то еще, ранее неизвестные чужакам-студентам. Часто повторялось заклинание:

– Альгам баши бисмилля!

Тем временем темп ударов бубна и ритм песни постепенно убыстрялись. Порхан Карим встал и начал медленно прохаживаться взад и вперед. При этом он все громче издавал короткие отрывистые звуки, наподобие хрипа или рычания: резкий выдох «кшшш» сменялся хриплым вдохом. Он начал двигаться по всему кругу, наклоняя тело в разные стороны. Периодически он взмахивал руками так, будто хотел засучить рукава. Еще двое стоявших рядом порханов взялись за плечи и стали быстро наклоняться вперед, выплевывая при каждом сгибе дикое хрипенье:

– Хххо!

Все происходило совсем близко от зрителей, которых окутывали, подстегивали и завораживали эти странные звуки.

Так прошло минут десять. Наконец, задававший ритм отложил бубен и присоединился к ломавшимся в экстазе фигурам. Он прикладывал руку тыльной стороной ко рту, отчего хрип его становился еще ужаснее.

Тем временем главный порхан — босой, весь в белом и с головой, повязанной белым платком, начал бегать вдоль сидящих, пристально

вглядываясь в их лица, как будто он кого-то искал. Его лицо было искажено от напряжения, по нему струился ручьями пот. Он передвигался, сильно согнувшись вперед, встряхивая руками и сопровождая все это хрипами и шипеньем. Иногда срывал с головы платок и начинал им размахивать.

...Тем временем другой порхан выбрал молоденькую девушку, которую он приметил еще в доме шейха. Он снова начал поднимать и опускать ее руки, затем положил свои ладони ей на плечи и принялся раскачивать в такт своему жуткому хрипению. Та как завороженная начала повторять движения шамана. Порхан поднял ее на ноги, увлек в середину круга и начал кружить на месте, придерживая при этом за шею. А рядом другой порхан и введенный в состояние экстаза старик встали друг против друга и стали часто и быстро наклоняться вперед, повторяя хриплое «хххо!», все больше напоминавшее рычание.

Вскоре и старик, и женщина, видимо, совсем обессилев, упали на пол с громкими стонами страдания и блаженства... Девушку оттащили на место. Порхан охватил ее голову руками, близко-близко наклонился, два-три раза выдохнул в совершенно бессмысленное лицо полушипение-полусвист, напоминающий удар хлыста. Она моментально пришла в себя.

В это время старший порхан снял рубаху и начал размахивать невесть откуда взявшимся топором.

«Алла-гу!», — крикнул он, и со всего размаху стукнул обухом топора себя по груди. От удара, казалось, загудели даже стены подземелья. И так раз двадцать! Но этого ему показалось мало, и он повернул топор острием к середине живота. Появился второй порхан — с огромной кувалдой в руках. Изо всех сил он размахнулся и ударил ею по обуху приставленного к животу топора. Не менее десяти раз! Было отчетливо видно, что при всем при этом на теле не появилось не только казавшихся неизбежными ран, но даже обычных синяков. Казалось, что кожа даже не покраснела.

Далее в круг вывели двенадцатилетнюю девочку. Ее вдруг схватил, поднял и с силой бросил на каменный пол подскочивший порхан-казах. Он и до этого вел себя очень грубо – свирепо рыча, подходил к той или иной женщине, ударял ее плеткой, вытаскивал за шиворот в круг и бросал на пол. А те даже не сопротивлялись! Это было уже слишком, и главный порхан решил, видимо, навести порядок. Он повалил разбушевавшегося казаха на пол, а когда тот начал подниматься, несколько раз стукнул его лбом по переносице. Ожидаемый результат был достигнут – злой шаман затих и никого больше не обижал.

Легко впадавшая в состояние экстаза девочка все время продолжала рваться в круг. Даже без всякой команды она кружилась, вертелась на одной ноге, резко сгибалась с выдыханием «хо!». Постепенно уставая, она вскидывала руки, начинала поворачиваться все медленнее, восклицая звонким голосом «Аллах!» или «Бисмилля!».

При этом звонкий голос ее постепенно переходил в стон, замирал. И девочка падала, опрокинувшись навзничь. Как известно, и

девушка может быть порханом — но только до потери девственности. Считается, что как только она становится женщиной, дух-помощник покидает ее.

Порхан каждый раз относил девочку на место, дул со свистом в лицо, и она тут же приходила в себя – чтобы вскоре вновь оказаться в круге. При этом было очевидно, что руководитель и не собирался совсем отпускать ее. Каждый раз, как только она оказывалась в круге, тот снова начинал выкрикивать странные команды:

– Унга! Мунга! – И девочка послушно бегала то в одну, то в другую сторону...

Наконец, она обессиленно упала — ее отнесли к женщинам и усадили на пол.

Обряд закончился. Порхан подошел к Юрию и сказал:

– Три брата у тебя, все пришли с войны, все они живые, даже не ранены... Отец жив, мать жива...

Неизвестно, рассчитывал ли шаман, по крайней мере, на удивление со стороны Юрия. Но для самоуверенного теоретика Кнорозова это пророчество показалось «полной чепухой»: все три брата, хоть и ходили в погонах и имели отношение к фронту, но не участвовали напрямую в военных действиях. Одним словом, шаман, по мнению Юрия, оказался халтурщиком. Тот факт, что порхан точно определил количество братьев и не ошибся в том, что они живы (хотя после той страшной войны, через которую прошла страна, это было, скорее, удивительно), впечатления на Кнорозова почему-то не произвел. Вот так...

Но опыт этого зикра Кнорозов проанализировал в своей первой научной статье, которую опубликовал по просьбе Толстова в журнале «Советская этнография» в 1949 году.

Подходил конец экспедиции. Отряды должны были соединиться, чтобы вместе отправиться домой, в Москву. Все ждали, когда Толстов вернется из археологического маршрута. Тогда еще не было железной дороги, которая соединяет Чарджоу-Кунград и выходит к Астрахани. Ее только проектировали и даже не начинали строить. И потому приходилось ездить машинами прямо от Чарджоу вдоль Амударьи до Туркула. Да и шоссейных дорог не было – грузовики пылили прямо по пустыне.

Кнорозов и Геффен дня три сидели в Нукусе, дожидаясь остальных. У археологов для Нукуса было свое название: «Кошмар-Дыра». Поесть можно было лишь в двух заведениях, одно из которых именовалось «Чайная № 1», и был еще «Ресторан № 1». Где-то еще была «Чайная № 2», в которую предпочитали не ходить. И потому Кнорозов решил водить свою даму по лучшим пивным. Мире было 18 лет, а Юрию целых двадцать пять. Поначалу они обращались друг к другу церемонно, на «Вы», но потом перешли на «ты».

Величие древних руин

Мира Геффен вспоминала:

Он мне говорит так: «Деньги мы получили. Вы получили?»
Я говорю: «Я не получила».
«А я получил».
«Сколько?»
«Двести рублей».
Тогда были довольно большие деньги.
«Деньги-то казенные», – говорит.
«Казенные», — согласилась я.
«Значит, надо их потратить, ведь они ж казенные».
Мы ходили на эти деньги из «Чайной № 1» в «Ресторан № 1». И я впервые в жизни, в общем, толком вино попробовала, какую-то поганую мадеру тамошнюю, можно представить, что это было...

Так молодые люди «пропивали» эти самые «казенные двести рублей». А для тех времен это была треть средней зарплаты. Мира во всем положилась на Юрия. До этого у нее самой никогда не было казенных денег, и как с ними обращаться, она не знала. В экспедиции денег не платили, за исключением буквально каких-то копеек, которые выдали от университета, и практиканты были счастливы: «Господи, мы работаем в экспедиции, нас там кормят и нас возят, ну какие еще деньги?» И в голову не приходило, что за это еще можно получать. Известно, что заместителем начальника экспедиции Толстова был Марк Орлов. Его за глаза называли «великим комбинатором», намекая на потрясающие, достойные Остапа Бендера, организационно-предпринимательские способности. Орлов-то и выдал взрослому Кнорозову 200 рублей – «командировочные на дорогу». А при этом какой-то девчонке, которая тем более сама ничего не просит, выдавать деньги не счел нужным. Пусть радуется, что везут.

Вот эти самые 200 рублей и были героически «пропиты», по словам Геффен, за три дня в Нукусе. Но главное, ей запомнилась эта невероятная эпопея из-за бесед с Кнорозовым. Ему всегда нужен был собеседник — и он с упоением излагал свои «американские» планы, рассуждения на темы будущей «теории коллектива», «теории коммуникации» и особенностей измененного состояния сознания в шаманских практиках.

Тогда, в Средней Азии, Юрий строил планы на жизнь, вовсе не беспокоясь о сиюминутных неудобствах. Главной задачей было собрать всех членов экспедиции, чтобы добраться до Ташкента. А уже оттуда надо было на поезде ехать до Москвы. Геффен и Кнорозов оказались в одном вагоне, и даже в одном купе. Это опять была удача.

Но тут неожиданно – или ожидаемо? – оказалось, что ни у кого больше не оставалось никаких денег. В том числе и у Орлова, который потратил последние на закупку всем билетов, включая и билеты для начальства, то есть Сергея Павловича, в международный вагон. Девушек – Миру Геффен и Галину Латышеву – удалось поселить в мягком купе.

Остальные ехали в обычном плацкарте, в том числе и брат Толстова – художник Николай Павлович Толстов, которого обидела такая, с его точки зрения, социальная несправедливость. Там же, естественно, оказался и Юрий, который был всем вполне доволен, и про истраченные 200 рублей предпочитал не упоминать.

В результате, как водится, все гнездились в купе у девушек. Денег не имелось ни у кого: Юра свои прогулял, у Миры их не было изначально, а у начальства ничего не осталось. На станциях бегали на перрон, чтобы покупать на последние копейки борщ в бидончики и вареную картошку. Еду закупали на всех членов экспедиции, включая самого Сергея Павловича. Потом собирались в девичьем купе и с упоением ели борщ. А в поезде в общем-то робкий Юрий продолжал свои платонические ухаживания за яркой красавицей Галиной Латышевой.

Имя Галина для Кнорозова, похоже, имело свой собственный смысл. Так звали сестру, к которой у Юрия всю жизнь сохранялась особая привязанность. Она была, наверное, единственным человеком, которому он всегда безоговорочно верил и которого любил. Галина с самого его рождения опекала младшего братишку, следила за его успехами, до смерти хранила его детские рисунки и тетради. С Галиной они оказались в немецкой оккупации и вместе выходили из окружения. Именно ей он дарил рисунки, писал подробные письма о своих успехах и планах, присылал первые научные работы, в том числе и переводы поэзии астеков и майя...

Защита диплома

Итак, по крайней мере два последних курса обучения на истфаке Кнорозов вовсю обдумывал и обсуждал с друзьями и руководителями проблему американских цивилизаций и дешифровки письма

майя. Все были в курсе, но пока не воспринимали всерьез его неожиданное увлечение. Это и понятно: пятый курс прошел и у Кнорозова, и у его сокурсников под знаком написания дипломной работы. Она называлась «Мазар Шамун Наби. Среднеазиатская версия легенды о Самсоне». В основе диплома лежали те самые собственные полевые исследования, проведенные во время Хорезмской экспедиции. Защита диплома проходила 10 апреля 1948 года и, по всей видимости, стала тоже своего рода событием. На ней присутствовали все его «сотоварищи» – и те, кто уже успел закончить университет, и однокурсники, и новые поклонники, потенциальные коллеги – они регулярно появлялись в жизни Юрия.

Не без влияния великолепной дипломной работы Кнорозова Берестов будет тоже рваться на практику в Хорезмскую экспедицию — там он окажется только летом 1948 года. В одной из автобиографий Кнорозов укажет, что принимал участие в Хорезмской экспедиции в 1946–1948 годах. Но 1948 год маловероятен: в конце июня выдавали дипломы, Кнорозов надеялся на аспирантуру, куда он собирал документы уже в августе... Впрочем, Кнорозов до последних дней был чрезвычайно точен в том, что писал.

Любопытно, что Мира Геффен отчетливо запомнила слова Юры Кнорозова, произнесенные в доверительных экспедиционных беседах: «Про шамана и зикр я написал между прочим, а главная задача была все-таки не эта...» Какая? Неужели письмо майя? Как оказалось, вовсе нет...

Однако защита диплома Кнорозова прошла буквально «на ура». Помимо отличной оценки, была получена рекомендация работы к печати, на чем настаивал Толстов, бывший в это время, помимо прочего, главным редактором журнала «Советская этнография». По всей видимости, должна бы была быть и рекомендация в аспирантуру, но от этих событий сохранилась лишь характеристика научного руководителя.

Сам Юрий отправил родителям и сестре Галине в Южный письмо. Посреди страницы одно слово:

Защитил.

и внизу дата и подпись:

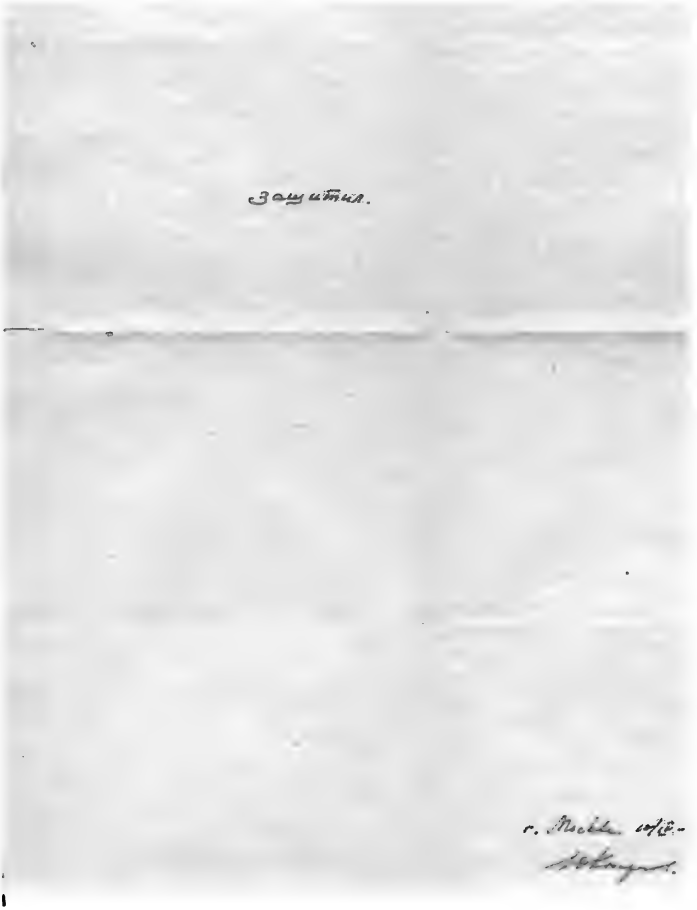
г. Москва. 10/IV–1948 г. Ю. Кнорозов.

В Южном получение этого письма стало настоящим праздником. Еще бы, их любимый младший Юрочка закончил, наконец, университет! Мама и сестра Галина в Южном собрали родных за накрытым длинным столом в саду у дома, под тенью огромных елок.

22 июня 1948 года решением Государственной экзаменационной комиссии ему были присвоены квалификация научного работника в области исторических наук, преподавателя вуза, втуза и звание учителя средней школы. И выдан диплом за номером Б № 139007.

Забавно, но если судить по вкладышу с оценками, Юрий Кнорозов вовсе не был отличником: из 43-х предметов у него оказались четверки по основам марксизма-ленинизма, политической экономии, диалектическому и историческому материализму, экономической географии, истории Греции и Рима, 2-й части Средних веков, по истории русской литературы, 3-й части Новой истории и введению в археологию. И даже была одна тройка – по истории Средних веков, часть 1...

Если честно, то всякому, кто знал Юрия Валентиновича Кнорозова, невозможно поверить в объективность этих оценок. Тем более по истории, которая была его жизнью. А четверка по русской литературе и вообще невероятна – Кнорозов мог цитировать страницами произведения многих классиков, от древних до современных. Но, как известно, содержимое вкладыша к диплому мало кого интересовало. Одним словом, война позади, все налаживается, и жизнь, казалось, окончательно повернулась к Юрию Кнорозову своей удачливой стороной.



ГЛАВА 5
В ЛЕНИНГРАД!

Боясь быть смешной, ты
не научишься кататься на коньках.
Лед жизни скользок
Девиз суфражисток

Получив рекомендацию к печати дипломной работы, Юрий обрел возможность опубликовать статью не где-нибудь, а в академическом журнале «Советская этнография». В реальности это была вовсе не его инициатива, а мудрого Сергея Павловича. По воспоминаниям самого Кнорозова, Толстов, встретив его в конце июня 1948 года с переплетенными экземплярами диплома, «буквально выцарапал у него текст дипломной работы, утащил и затолкал в журнал». Можно предположить, что руководитель все же заставил новоявленного специалиста оформить перед этим статью должным образом.

Издание журнала «Советская этнография» возобновилось сразу после войны, в 1946 году. Его главным редактором в то время был все тот же Сергей Павлович Толстов. И именно он больше всех был заинтересован в публикации блестящих результатов полевых исследований своего ученика. Тем более что они были проведены в рамках его, Толстова, Хорезмской экспедиции. Естественно, что статья под названием «Мазар Шамун-Наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса)» была незамедлительно принята и отправлена в редакционную подготовку.

Она невероятно быстро для того времени выйдет в свет – уже в 1949 году, во втором номере журнала. Самое неожиданное, что текст читается не как научная работа, а как поразительное по точности детальное изложение видеоряда, по которому хоть сейчас можно снимать фильм. Но еще невероятнее тот факт, что многие специалисты по Средней Азии, восхищающиеся этой статьей Кнорозова и считающие ее образцом этнографических полевых исследований, никак не ассоциируют автора со знаменитым дешифровщиком письма майя, а тем более не предполагают, что написана она совсем молодым человеком.

Сам Юрий про хорезмские изыскания уже почти не вспоминал – он был полностью поглощен своей главной на тот момент мечтой: довести до конца, максимально отшлифовать дешифровку письменности майя. Само намерение осуществить эту фантастическую задачу воспринималось в академической среде как научный вызов. В университете об этом знали и чуть ли не заключали пари: расшифрует или не расшифрует? Странно и необъяснимо, но главными оппонентами в этом споре оказались оба его научных руководителя – Толстов и Токарев.

Толстов успел свыкнуться с мыслью, что талантливый практикант останется его учеником и последователем в изучении Хорезма. Когда дело дошло до выяснения позиций, у них, по рассказам Кнорозова, состоялся очень серьезный разговор. Юрий заявил о своем нежелании продолжать работу, как теперь сказали бы, в проекте Толстова, и о твердом намерении заниматься исключительно Мексикой. И тогда «Толстов буквально взбесился», обвинив непокорного студента в том, что он «морочит ему голову». А Кнорозов, в свою очередь, объявил, что «вовсе не случайно изучал египетскую и китайскую иероглифику», и что «перевод Ланды был начат еще в университете». И в запале добавил: «и даже раньше». На самом деле перевод Ланды был начат, конечно же, во время учебы в МГУ.

Да, собственно, чему удивляться: Ленинская библиотека находилась в пяти минутах ходьбы от истфака, и Юрий быстро обнаружил наличие в ней трех замечательных изданий «Сообщения о делах в Юкатане». Это были: издание 1941 года на английском языке Альфреда Тоззера, издание испанского текста с переводом на французский язык Жана Женэ 1928 года и микрофильм с изданием Брассера де Бурбура. Также было несколько разных изданий, где появлялись изображения рукописей майя. Не исключено, что некоторые из столь необходимых Кнорозову изданий были заказаны библиотекой по запросу Толстого или Токарева. Оба старались по возможности обеспечить исключительно перспективного студента всей необходимой литературой. Издавая в 1955 году перевод «Сообщения о делах в Юкатане», Кнорозов в предисловии на странице 96 так и укажет:

> Публикуемый перевод на русский язык сделан с изданий испанского текста (Женэ и «Собрание неизданных документов») и сверен с французским и английским переводами Женэ, Гэйтса и Тоззера. Указано деление на главы, предложенное Брассер де Бурбуром, но названия глав сокращены.

Возвращаясь к теме научной литературы, хотелось бы отметить, что в те времена далеко не только столичные, но и многие провинциальные библиотеки Советского Союза располагали достаточно богатыми фондами, включавшими вполне актуализированные зарубежные публикации, в том числе и по американским исследованиям. Так, например, в библиотеке Оренбургского областного Музея имелась вполне приличная серия изданий Смитсоновского института,

которая позже была списана и расползлась по библиотекам отечественных археологов и этнографов. Судя по печати на этих изданиях, в обеспечении книгами участвовало специальное «Бюро международного книгообмена». Поэтому изумленные восклицания «А где же Кнорозов достал эти книги?!» (имея в виду факсимильное издание Кодексов майя и «Сообщение о делах в Юкатане») могут принадлежать только малосведущим иностранцам и людям, очень далеким от научной работы и библиотек.

О книжных фондах и библиотеках СССР: выдержка из статьи С.М. Гришиной «Улица с односторонним движением» (Библиотечное дело. 2009. № 17 (107). С. 6–11).

Международные связи библиотек России с иностранными библиотеками стали зарождаться еще в XIV–XV вв. Литература за границей приобреталась и даже переписывалась в зарубежных библиотеках.

Официально международные связи государственных библиотек России установились в XVIII в. В периодической печати стали появляться статьи о зарубежных библиотеках.

В начале XX в. Комиссия по международному книгообмену изданий по части наук и художеств при Министерстве народного просвещения отправляла и получала иностранные научные издания для многих библиотек России.

Большой вклад в ознакомление русских библиотекарей с постановкой библиотечного дела за рубежом внесли со второй половины XIX в. библиотечно-библиографические общества. Их представители посещали все крупнейшие мировые библиотечные мероприятия. В начале XX в. представители России начали принимать участие в работе международных конференций и организаций.

После октябрьской революции Советская власть определила в рамках культурной революции в качестве одной из первоочередных задач восстановление комплектования зарубежной литературой крупнейших библиотек страны. В 1920-х гг. были организованы Бюро иностранной науки и техники НТО ВСНХ при экономическом представительстве РСФСР в Германии, Центральная междуведомственная комиссия по покупке и распределению иностранной литературы (Коминолит), Комиссия по заграничным закупкам Наркомпроса РСФСР. Из них лишь Коминолит обеспечивала иностранной литературой не только столичные библиотеки, но и библиотеки других городов. Функции расширения международного книгообмена были возложены на Российскую центральную книжную палату, при которой было образовано Бюро Международного книгообмена. В обмене могли принимать участие не только библиотеки Москвы и Ленинграда, но и крупные вузовские, областные, краевые, республиканские (АССР) библиотеки. При этом крупнейшие библиотеки страны начали самостоятельно заниматься книгообменом.

Уже в начале 1919 г. при Публичной библиотеке в Петрограде было образовано Бюро по международному книгообмену. А в 1935 г. эти функции были переданы Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. Международный обмен, который вела ГБЛ, осуществлялся в интересах крупных библиотек не только РСФСР, но и других союзных республик. В феврале 1928 г. библиотечная комиссия при Главнауке приняла проект «Правил об участии научных библиотек РСФСР в междубиблиотечном абонементе с заграничными библиотеками». К лету 1929 г. помимо библиотек Москвы и Ленинграда в него вошли Библиотека Казанского государственного университета, Фундаментальная библиотека Саратовского государственного университета, Библиотека Иркутского государственного университета, Библиотека Томского государственного университета.

В то время как власти дореволюционной России почти не содействовали развитию зарубежных контактов научных библиотек, советское правительство, стремясь вывести страну из тисков политической, экономической, научной и культурной блокады, само подталкивало... к разностороннему общению с зарубежными коллегами... В библиотечной среде крепла уверенность, что «верхи» заинтересованы в сближении библиотечной России с библиотечным зарубежьем. За рубежом пользовалась популярностью книга библиотекаря Академии наук Аргентины Э. Спарна «Крупные библиотеки большевистской Европейской России»...

Великая Отечественная война привела к определенным изменениям в связях библиотек. Многие отечественные библиотеки были уничтожены или разграблены немцами, что породило к концу войны проблему реституции вывезенных фондов...

Как бы то ни было, к моменту получения диплома и выяснения отношений с Толстовым, Юрий Кнорозов действительно активно работал над переводом рукописи Диего де Ланды. Более того, «ознакомившись с работой епископа», Юрий решил, что «епископ, безусловно, прав, и надо ему следовать». Позже он не раз повторял мне, как и другим коллегам, что «за прошедшие столетия так и не появилось ни одной научной работы, которая бы сравнилась по точности и достоверности с текстом Диего де Ланды»[21].

А тогда, в пылу битвы за право работать по собственной теме, припомнив полученную от Токарева статью Шелльхаса, он практически на спор добавил: «нет у нас неразрешимых проблем». Со стороны Кнорозова это был открытый вызов Толстову, который сумел обидеть самолюбивого Юрия, не поверив в саму возможность дешифровки письма майя и «считая, следуя американцам, что это письмо не является фонетическим».

[21] Кнорозов специально настоял на публикации в Испании статьи, «реабилитирующей» Диего де Ланду: Knorozov Yu., Ershova G. Diego de Landa como fundador del estudio de la cultura maya // Anales de Museo de América. Madrid, 1994. №. 2. P. 21–32.

Кнорозов не терпел ничьего давления – тем более если оно казалось ему начальственно-авторитарным. Да и еще одна черта была присуща ему всю жизнь: навсегда отторгать тех, кто не верил ему или в него. Приспосабливаться Кнорозов не умел, не хотел даже пробовать – чего бы это ему не стоило. А Толстов до последнего опекал своего непокорного ученика...

Итак, отношения с первым научным руководителем были, казалось, на тот момент безоговорочно испорчены – настолько, что при защите диплома Толстов, по словам Кнорозова, якобы отказался дать ему формальную рекомендацию в аспирантуру. Действительно, среди документов из личного дела не сохранилось ни одной характеристики или рекомендации в аспирантуру, которая была бы подписана Толстовым. Однако вопрос о формальной рекомендации в аспирантуру не так однозначен – при наличии в приложении к диплому девяти четверок и даже одной тройки в аспирантуру рекомендовать не принято даже гениев. Толстов это прекрасно понимал и предпочитал действовать, как всегда, своими «казацкими» методами.

Но Юрий подобных мелочей, похоже, в расчет не принимал. Даже спустя много лет он не мог забыть обиду от неверия Толстова в его успех. Кнорозов в своих воспоминаниях часто возвращался к тем далеким событиям, как бы пытаясь донести до меня собственное видение происходившего. Ему явно хотелось оставить в памяти потомков именно эту версию. Примечательно, что мои попытки изложить ее людям, бывшим свидетелями тех давних событий, неизбежно наталкивались на непонимание и даже возмущение, причем единодушное. Вот что вспоминала Мира Михайловна Геффен-Рожанская: «Сергей Павлович был человеком непростым, очень честолюбивым, но чрезвычайно талантливым – и потому он никогда не боялся талантов, он, наоборот, вытаскивал их и помогал, в отличие от многих других директоров институтов...»

И эти слова о том, что не тот человек был Толстов, чтобы оставить без поддержки талантливого студента, подтвердит вся дальнейшая история невероятной защиты Кнорозовым своей уникальной диссертации...

Но тогда, весной 1948-го, после великолепного завершения учебы в МГУ и блестящего успеха дипломной работы, казалось, вдруг наступила катастрофа. Кнорозову сразу дали понять, что ни в какую аспирантуру он не попадает и в науке места ему не найдется. Причиной тому опять оказалось нахождение на территории, занятой немцами, в 1941–1943 годах. Сказать, что Кнорозов не ожидал чего-нибудь подобного? Вряд ли. Позади были и донос, и угроза ареста, и помощь всемогущего Толстова. Тем не менее у Юрия Валентиновича была своя странная история для объяснения, которую он и рассказал мне в своем «интервью».

А вот как выглядит эта же история в изложении Миры Геффен-Рожанской:

...В 48-ом году его распределили в аспирантуру, и потом он нам писал о том, как сдавал экзамены, как его не взяли в МГУ. История была чисто его мистификация, конечно. У нас был профессор Бокщанин, который был заместителем декана. Основная его идея была не допустить, чтобы студенты ходили по истфаку в пальто. А время-то было послевоенное, и тогда все норовили ходить в пальто, все сидели в пальто, иногда накрывшись, а Юра вообще свою кубанку не снимал. Учился у нас такой поэт Валентин Берестов. Он даже написал, что «меня сквозь все препоны вверх по лестнице крутой сам Бокщанин потрясенный пустит в шапке и пальто». Да, по определению: вот такой я гениальный! Значит, Юра однажды написал нам так: «Зашел я на истфак, пошел в буфет, мне какой-то тип говорит: «Может, шапку снимете?» А я ему отвечаю: «Может, гимнастерку тоже снять?» Но ничего, поговорили, разошлись, потом прихожу я на экзамен, смотрю – во главе стола сидит тот самый человек, который мне про шапку говорил».

Вот, оказалось, что это Бокщанин. И Бокщанин ему сказал: «Вам не сюда, а вон туда», – и на дверь показал. Вот так вот он описал эту историю в письме, и любил потом ее рассказывать. Его и так не приняли бы, но тут история с шапкой. Конечно, это было великое хамство: не берешь человека, так хоть заранее ему скажи. А когда являешься уже на экзамен, а тебя заворачивают... Вот он и оказался, так сказать, в подвешенном состоянии...

Надо заметить, что вся эта странная история с Бокщаниным, скорее всего, приключиться могла. Но вряд ли стала решающей в судьбе Кнорозова. Примечательно, что Анатолий Георгиевич Бокщанин еще не был профессором в том самом 1948 году. В 1937-м он защитил кандидатскую диссертацию, а докторскую – только в 1964-м, то есть почти на десять лет позже «гонимого» им Кнорозова! Профессором кафедры Древнего мира Бокщанин стал спустя еще два года.

Но жизнь всегда полна парадоксов: учеником Бокщанина стал Василий Иванович Кузищин, который в несчастные для российской науки 1990-е, будучи заведующим кафедрой Древнего мира, позволил мне почти подпольно вести курсы по древним майя и эпиграфике майя, предоставляя возможность заниматься со студентами истфака и даже посторонними слушателями. И это, по сути, дало неожиданный шанс школе Кнорозова выжить. Этот шанс трудно переоценить, если вспомнить, что родной Институт этнографии Академии наук попросту уничтожил всю собственную американистику.

Но это все случилось позже. А тогда очень быстро стало понятно, что в Московском университете путь к диссертации для Кнорозова закрыт – несмотря на то, что его формальный руководитель профессор Сергей Александрович Токарев работал тут же, на кафедре, которой заведовал Сергей Павлович Толстов. Сохранились воспоминания о том, как в этот сложный период Токарев давал Юрию возможность заработать переводами. Сам Юрий Валентинович полагал, что Токарев с особым удовольствием стал помогать ему только потому, что не

любил Толстова. Но в данном случае вряд ли это было так – Токарев, как и Толстов, совершенно отчетливо понимал, что перед ним уникальный ученый. И ради него оба были готовы на многое. Из документов следует, что в начале августа Сергей Александрович бился за аспирантуру для Юрия, похоже, все еще не теряя надежды на МГУ.

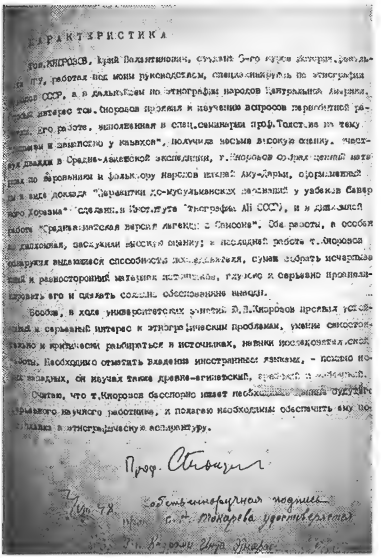
ХАРАКТЕРИСТИКА

Тов. КНОРОЗОВ Юрий Валентинович, студент 5-го курса историч. факультета МГУ, работал под моим руководством, специализируясь по этнографии народов СССР, в дальнейшем по этнографии народов Центральной Америки. Особый интерес тов. Кнорозов проявил к изучению вопросов первобытной религии. Его работа, выполненная в спец. семинаре проф. Толстова на тему «анимизм и шаманство у казахов», получила весьма высокую оценку. Участвуя дважды в Средне-Азиатской экспедиции, т. Кнорозов собрал ценный материал по верованиям и фольклору народов Нижней Аму-Дарьи, оформленный в виде доклада «Пережитки домусульманских верований у узбеков Северного Хорезма» (сделан в Институте этнографии АН СССР) и в дипломной работе «Среднеазиатская версия легенды о Самсоне». Обе работы, в особенности дипломная, заслужили высокую оценку. В последней работе т. Кнорозов обнаружил выдающиеся способности исследователя, сумел собрать исчерпывающий и разносторонний материал источников, глубоко и серьезно проанализировать его и сделать солидно обоснованные выводы.

Вообще в ходе университетских занятий Ю.В. Кнорозов проявил устойчивый и серьезный интерес к этнографическим проблемам, умение самостоятельно и практически разбираться в источниках, навыки исследовательской работы. Необходимо отметить владение иностранными языками, – помимо новых западных, он изучал также древние – египетский, арабский и узбекский. Считаю, что т. Кнорозов бесспорно имеет необходимые данные для будущего серьезного научного работника, и полагаю необходимым обеспечить ему поступление в этнографическую аспирантуру.

подпись: Проф. С.Токарев
7/VIII. 48
собственноручная подпись проф. С.А. Токарева удостоверяется зав. кадрами ин-та Этнографии
печать

Как констатировал позже Кнорозов, «он пытался, но ничего не вышло»... Следует напомнить, что благодаря именно Токареву в руки Кнорозова, среди прочей литературы по майя, попал тот самый журнал со статьей Шелльхаса. Но заинтересованность Токарева в Кнорозове имела еще одну немаловажную причину. Дело в том, что в 1943 году Сергей Александрович пришел на работу в Институт этнографии АН СССР, где стал заведовать сектором



ХАРАКТЕРИСТИКА

тов.КНОРОЗОВ, Юрий Валентинович, студент 5-го курса истфака Ленгосуниверситета, работал под моим руководством, специализируясь по этнографии народов Америки. Тов. Кнорозов проявил и научение вопросов первобытной культуры. Его работа, выполненная в спец.семинарии проф.Толстова на тему "Религиозные верования у кавказов", получила весьма высокую оценку. Имеющиеся данные в Средне-Азиатской экспедиции, т.Кнорозов собрал ценный материал по верованиям и фольклору народов низовий Амударьи, опубликовавший в виде доклада "Элементы до-мусульманских верований у узбеков Северного Хорезма" - сделанный Институтом этнографии АН СССР, и дипломной работе "Средневековая версия легенды о Синсоме". Обе работы, в особенности дипломная, заслужили высокую оценку; в последней работе т.Кнорозов проявил выдающиеся способности исследователя, сумел собрать исчерпывающий и разносторонний материал источников, глубоко и серьезно проанализировать его и сделать солидно обоснованные выводы.

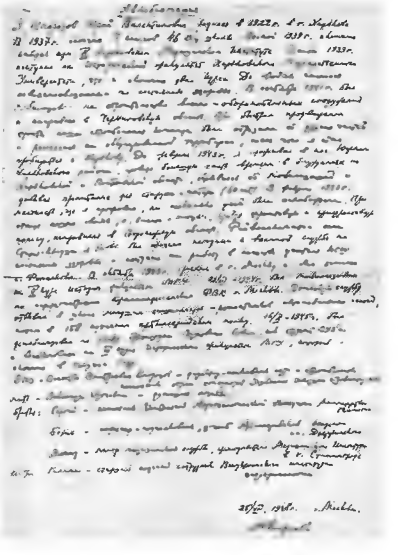
Вообще, в ходе университетских занятий Ю.В.Кнорозов проявил большой и серьезный интерес к этногенетическим проблемам, умение самостоятельно и критически разбираться в источниках, навыки исследовательской работы. Необходимо отметить владение иностранными языками, - помимо основных западных, он изучил также древне-египетский, арабский и китайский.

Считаю, что т.Кнорозов бесспорно имеет необходимые данные будущего научного работника, и полагаю необходимым обеспечить ему поступление в аспирантуру и ассистентуру.

Проф. Сергеев

Собственноручная подпись С.П. Токарева удостоверяется

Характеристика, данная С.А. Токаревым Юрию Кнорозову



Автобиография Ю.В. Кнорозова 1948 года

народов Америки, Австралии и Океании. И Кнорозов для него, по всей вероятности, был претендентом номер один на место будущего главы американского направления.

Кроме того, официально заявленная Токаревым позиция звучала так: «Молодость – это время бросать вызов». И Юрий Кнорозов принял этот вызов. Токарев, со своей стороны, упорно пытался отвоевать его научное будущее, хотя с первой попытки, к огромному разочарованию всех заинтересованных лиц, аспирантура МГУ и оказалась для Юрия закрытой.

Пытаться поступить в аспирантуру Института этнографии было бесполезно – и это даже при условии, что директором ИЭ на тот момент был не кто иной, как Толстов. Можно предположить, что Сергей Павлович по своим неформальным каналам выяснял возможность зачисления Кнорозова в свой институт, но получил неутешительный ответ. Без официальной, даваемой при защите диплома рекомендации, которой у Юрия не было, обычно было принято сначала поработать два-три года, и только потом претендовать на аспирантуру на общих основаниях.

Перед Юрием замаячила весьма реальная перспектива отправиться преподавать историю, географию и все, что придется, в какой-нибудь сельской школе – наподобие уже знакомой по войне воронежской Криуши. Надо пояснить, что в советские времена существовала система обязательного распределения выпускников вузов «куда пошлют». Это было справедливо, так как государство полностью финансировало образование студента, а стране требовались специалисты в самых разных регионах. «Распределения» можно было избежать, если удавалось раздобыть и предоставить

запрос от какого-либо профильного учреждения, готового принять молодого сотрудника без опыта работы. В подобных обстоятельствах Юрий Кнорозов обращается с просьбой о работе в Институт истории, археологии и этнографии Казахской ССР, лелея надежду заниматься хоть каракалпакскими зикрами. Но после нескольких месяцев ожидания, 5 февраля 1949 года он получил вежливый отказ:

> Тов. Кнорозову Ю.В.
>
> В виду отсутствия вакантной должности в секторе института Истории, археологии и этнографии Казахской ССР возвращаем Вам заявление с личным листком по учету кадров и другими документами.
>
> Зам. директора института С. Сабитов
> Подпись

Что-то в биографии тов. Ю.В. Кнорозова не особенно понравилось С. Сабитову. Однако в феврале 1949-го его мнение Юрия уже не интересовало: Токарев и Толстов, объективно оценив бесперспективность дальнейшего пребывания его в Москве, а также невозможность найти не то что аспирантуру, но даже приемлемую работу по специальности, произвели почти невероятную «рокировочку», выводя Кнорозова из московской университетско-академической среды. Кстати, нечто подобное Кнорозов, будучи уже моим научным руководителем, повторит спустя 30 лет, организовывая защиту моей диссертации.

Используя свое влияние и связи в научном мире, заботливые руководители быстро отправляют Юрия в Ленинград. В городе на Неве его были готовы принять на работу – восстанавливать пострадавшие во время войны экспозиции в Государственном музее народов СССР, принадлежавшем Министерству культуры. Здесь ему обязательно надо было продержаться два года – и тогда в 1950 году вновь пытаться вернуться к теме аспирантуры и защиты диссертации.

Музей этнографии народов СССР располагался рядом с Русским музеем, в правом крыле того же здания – собственно, до 1934 года он обладал статусом Этнографического отдела Русского музея. За время войны и блокады на фронтах и от голода погибла половина сотрудников музея – 33 человека. В 1941 году музей и вовсе попал под бомбежки – в результате рухнула часть перекрытий и стен. Кроме того, от прямого попадания бомбы в фондохранилище погибли десятки тысяч этнографических предметов и негативов. А эвакуировать в тыл в начале войны удалось не больше десятой части коллекций. Как позже вспоминал Кнорозов, «главное здание было раздолблено вдрызг». Экспонаты «расшвыряны и номера перепутаны». Тогда же, в 1941-м, немногочисленные оставшиеся сотрудники,

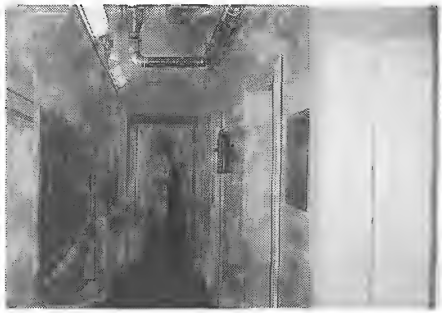
Музей этнографии народов СССР (РЭМ) в здании Русского музея

как могли, разобрали завалы, чтобы спасти около 15 000 уникальных экспонатов...

На самое начало 1949 года были запланированы большие объемы работ, о чем писала пресса:

> На галерее уже в 1 квартале будет развернута временная выставка «Ковровые изделия народов Средней Азии», на которой музей покажет свои всемирно известные коллекции ковров туркмен и других народов Средней Азии. Туркменские ковры включают в себя современные изделия с советской тематикой: ковер «Дружба народов», ковры-портреты тт. Молотова, Ворошилова, Микояна, намечается приобрести ковровый портрет И.В. Сталина работы послевоенных лет.

Забавно, но эта заметка, собственно, касалась в первую очередь молодого Кнорозова. Именно он, по его собственным словам, «выбивал пыль из азиатских ковров». В общем, как и повсюду в послевоенной стране, людей было мало, но задачи стояли очень большие: восстанавливать все – и само здание, и экспозиции, а также организовывать новые, проводить экскурсии. Свежеиспеченный выпускник МГУ Юрий Кнорозов, беспартийный, получил должность младшего научного сотрудника в отделе народов Средней Азии с окладом 790 рублей в месяц. В его обязанности входило «разбирать и мыть экспонаты». Но, занимаясь, по его словам, «черновой музейной работой без претензий», он все свободное время посвящал главному: дешифровке письменности майя. Так, поисками ковра с портретом Сталина и мыслями об опровержении марксизма, 1 января 1949 года начался ленинградский – основной – период жизни Юрия Валентиновича Кнорозова.



Коридор с комнатками справа – в первой жил Юрий Кнорозов, во второй – Лев Гумилев

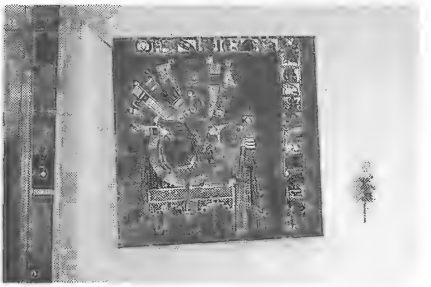
Музей!

Русский музей вместе со своим отделом этнографии до революции был личным музеем императора Александра Третьего. Поэтому в нем было предусмотрено все, вплоть до жилья для персонала – от директора до последнего дворника. Длинная, как пенал, крошечная комнатушка в коридоре рядом с лестницей, которая досталась Кнорозову, была одной из выгородок, на которые были поделены некогда роскошные дворцовые апартаменты. В узкой части ширина «пенала» равнялась неширокому дворцовому окну, а «длинная» стена не превышала трех метров. Потолок тоже был не ахти какой высокий. И вот в этом скромном собственном «логове» поселился младший научный сотрудник без научной степени, да и без каких бы то ни было претензий к удобствам.

В комнатке едва помещался покрытый старым солдатским одеялом сундук, который служил и шкафом, и койкой, и креслом. И еще в комнатку с трудом втискивался небольшой стол – для еды и работы. Пара полок на стене. Рядом с окном разместился красивый графический рисунок хищной акулы, выполненный им в серо-коричневых тонах. Для верхней одежды рядом с дверью был вбит гвоздь. И все. Одежды, собственно говоря, и не было: все та же линялая гимнастерка, московская долгополая шинель, тот же длинный полосатый шарф на тощей шее и ботинки с подвязанными веревочкой, стертыми до дыр подошвами. Немыслимая шапка-кубанка, некогда производившая столь неизгладимое впечатление на девушек, стала больше похожа на разоренное злым коршуном гнездо...

Об этом периоде рассказывает племянница Кнорозова Ирина. По всей видимости, многое она запомнила со слов родителей – поэтому воспоминания касаются лишь каких-то существенных с их точки зрения моментов: «...Я помню, мне было лет семь, мы с мамой (жена брата Леонида. – *Г. Е.*) однажды поехали к нему, а жил он в Русском музее – в правом крыле. Это была маленькая комната, как пенал, – на койке лежало серое солдатское покрывало, на стене висела карта и иероглифы, узенькое окошечко и книги, и валялась его скрипка – он таскал ее за собой. Я сама не слышала, чтобы он на ней играл, а бабушка рассказывала, что Юрочка играет на скрипке...» Это была та самая, разбитая скрипка...

А вот так вспоминает Мира Геффен-Рожанская: «Не было никакой кровати. Я говорю: "Юр, а где ты спишь?" "На столе или под столом". Ему было все равно, где спать – он мог и под забором. Его это совершенно не волновало. Там просто больше негде было, вот такой



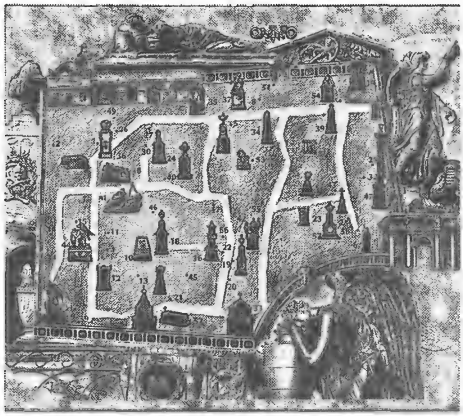
Крохотная комнатка, где поселился Юрий Кнорозов в 1948 году. Сейчас здесь работают реставраторы. Неожиданно один из реставраторов стал писать картины на древнемексиканские темы...

вот огороженный закуток, в котором только стол помещался, стол довольно длинный. Я ему говорю: "Как тебе тут работается?", а он отвечает: "Ну, как тебе сказать, значит, пока я вытряхиваю среднеазиатские ковры, все молчат... А вот как только я начинаю браться за свою американскую литературу, так эти бабы моментально бегут в дирекцию и начинают стучать". Ну, то есть он выражался, может, не совсем именно так. Слово "стучать" он, может, не говорил, но говорил "докладывать"...».

Как бы то ни было, очень быстро вся крохотная комнатка от пола до потолка оказалась забитой книгами, а по стенам сразу же были развешены прорисовки иероглифов майя и вызывающие ассоциации картинки.

> Надо сказать, что в 2000-е годы эту и соседние комнатенки музей отдал под реставрационные мастерские. Никто в музее полвека спустя, естественно, не помнил о том, что именно здесь некогда работал Юрий Кнорозов – его имя обычно связывают с Кунсткамерой. И тем более не помнили, что в этих самых стенах была завершена дешифровка древней письменности майя. В 2000-х тот самый «пенал» превратился в реставрационную мастерскую. И вдруг художник-реставратор, расположившийся в комнатенке, начал писать картины на мексиканские темы: ацтеки, майя, древние индейские цивилизации...
>
> Впору поверить во всякие невероятные истории с информационными пространствами, переселениями душ и прочими астральными телами...

Впрочем, Ленинград был не совсем чужим для Юрия городом. Здесь в начале века учились, работали, познакомились, создали семью его родители. Отсюда отца, Валентина Дмитриевича, перед Первой мировой войной командировали в поселок Южный для строительства сети российских железных дорог. Здесь родились его старшие братья. Здесь, наконец, с тех самых дореволюционных времен продолжала жить его тетя – сестра матери. Тетка Татьяна, окончив Бестужевские курсы, тоже вышла замуж – за некоего Александра Андреевича Смолина. И тоже преподавала. До революции семья занимала квартиру на Фонтанке, а потом их «уплотнили» – переселили в комнату



Некрополь Александро-Невской лавры, где очень любил гулять Ю.В. Кнорозов

в огромной коммуналке на улице Рубинштейна. Здесь Смолины пережили весь ужас блокады – и, наверное, все эти 900 дней радовались тому, что Бог не дал им детей. Но во все времена обязательно ходили на службу в Свято-Троицкую Александро-Невскую лавру, хотя это было достаточно далеко от Рубинштейна. Даже когда Татьяна Сергеевна уже не могла выходить из дома, Александр Андреевич в одиночестве отправлялся каждое воскресенье и по праздникам на литургию в любимую церковь...

А тогда, в 1948-м, гостеприимные родственники чрезвычайно обрадовались появлению в Ленинграде племянника, постоянно приглашали в гости, жалея, что в столь стесненных условиях не могут предложить ему кров. При этом использовали возможность накормить Юру, который всю свою жизнь питался кое-как, от случая к случаю. Тетка Татьяна готовила необыкновенные пироги и была счастлива, когда за столом оказывался вечно голодный худющий племянник.

> Закормить гостя буквально вусмерть – это особая ленинградская неистребимая традиция. Никто не скажет, следствие ли это блокады или так было всегда, но даже сейчас еда в питерском доме является темой священной. В советские времена, когда селиться в малочисленных гостиницах было делом проблематичным, и потому приезжие останавливались в основном у друзей, процесс кормежки не останавливался вообще. Гость не успевал войти и раздеться, а стол был уже накрыт. Утром нельзя было выпустить «жертву» из дому, не накормив обильным завтраком, подозревая, что тот может не успеть поесть до вечера. Ночью надо было обязательно плотно «попить чаю», дополнив его полноценным ужином. Пышных разносолов не было, все жили по-разному, и большинство вовсе не так богато. Речь шла именно о том, чтобы даже не возникла мысль о голоде. Причем если твои друзья жили в коммуналке, то тебя с тем же упоением пытались накормить или хотя бы угостить соседи.
> Даже в наши времена, при кратком либо деловом визите в Питер, тебя никогда не отпустят из гостей, не заставив плотно поесть. Особенно тяжело бывает, когда, приехав на пару дней, пытаешься увидеть максимальное количество друзей и знакомых. Каждый, не слушая никаких извинений, кормит гостя по полной программе... И попробуй откажись!

Юрий приходил к родственникам часто, ему нравилось беседовать с Александром Андреевичем. Именно тогда он на всю жизнь

полюбил Александро-Невскую лавру – на это у него были свои причины. Юрий Валентинович никогда не был верующим, но ему нравилась особая атмосфера этого места. Особенно заброшенное старое кладбище, где он мог гулять часами, разглядывая затейливые рисунки на памятниках... Змея, сова, иероглифы, черепа, масонские знаки.... И, если приглядеться, даже пирамиды! Это давало простор для фантазии. Могилы были заброшенны, склепы зияли провалами, где можно было укрыться в дождь, а случалось, и «выпить с друзьями», как вспоминали некоторые современники.

Некрополь Александро-Невской лавры, где очень любил гулять Ю.В. Кнорозов

Родственников у этих петербургских старорежимных покойников, по всей видимости, не осталось, и за могилами никто никогда не ухаживал. Благодарных ученых и тонких любителей культуры не осталось тоже. А надо сказать, что этот заброшенный в те годы некрополь XVIII века, так называемое Лазаревское кладбище, был выбран для прогулок благодаря особому кнорозовскому историческому чутью. Именно здесь были упокоены величайшие представители русской науки и культуры, начиная с основателя российской науки Михаила Ломоносова! И дальше по списку: изобретатель, в частности токарно-винторезного станка, Андрей Константинович Нартов (1693–1756); математик и механик Леонард Эйлер (1707–1783); ректор университета Академии наук, географ и этнограф, исследователь Сибири и Камчатки Степан Петрович Крашенинников (1711–1755); организатор морских промыслов на Тихом океане и основатель Русской Америки Иван Илларионович Голиков (1735–1805); основоположник отечественного китаеведения, источниковед, Никита Яковлевич Бичурин (архимандрит Иакинф) (1777–1853); математик и филолог-русист Василий Евдокимович Ададуров (1709-1780); владелец крупнейшей частной библиотеки, в том числе собрания «Хлебниковского списка», по которому Карамзин писал «Историю Государства Российского», Петр Кириллович Хлебников (1734–1777). А уж архитекторы! Те самые, лучшие, что создали такой узнаваемый теперь Петербург: Джакомо Кваренги (1744–1817); Жан-Франсуа Тома де Томон (1760–1813); Карл Иванович Росси (1775–1849); скульптор Федот Иванович Шубин (1740–1805), прах которого был перезахоронен здесь в 1931 г. ...И много других, в том числе общественных и военных деятелей не последнего эшелона – например, генерал-фельдмаршал, реформатор и изобретатель Петр Иванович Шувалов (1711–1962); первым открывший морской путь России из Архангельска через «Северные моря» к Камчатке и Северной Америке, разбивший превосходивших силами шведов, защищавший Керченский пролив адмирал Василий Яковлевич Чичагов (1726–1809), вошедший в историю еще и тем, что,

Лев Гумилев – приятель и сосед Юрия Кнорозова по музейным «пеналам»

докладывая Екатерине II о разбитых шведах, начал ругать противника отборным матом. Екатерина же, сделав вид, что не поняла непристойных выражений, сказала: «Ничего, Василий Яковлевич, продолжайте; я ваших морских терминов не разумею». Адмирал Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), во время 2-й Турецкой войны командовал Севастопольской эскадрой и штурмовал Очаков. Героический Л.Ф. Богданович (1779–1865), прошедший в боях путь от кадета и мичмана до адмирала...

«Не самая плохая компания», по словам Кнорозова. И долгое время только ему были интересны могилы этих великих людей России.

Но в то время, понятно, не до них было пережившему страшную блокаду Ленинграду. Юрий наслаждался там покоем и одиночеством. Правда, коллеги-мужчины – Вячеслав Всеволодович Иванов, Валентин Дмитриевич Берестов, Валерий Иванович Гуляев рассказывали, что они больше ценили некую «изумительную рюмочную» при выходе из Лавры. Впрочем, одно другому явно не мешало. А меня, в далеко не послевоенные 1980-е и особенно 1990-е, удивляло другое. Откуда вдруг выныривают в мутные годы толпы «потомков» столичных дворян, вспоминающих свое «аристократическое» происхождение, если за могилами реальных персонажей российской истории ухаживать было некому, пока этим не занялось государство?

Забавно, что Мира Рожанская тоже вспоминала эти походы на кладбище и приглашения в склеп:

> Однажды он пришел и предложил мне выпить на кладбище в Александро-Невской лавре. Но тогда я не пошла. Да, он любил там гулять. Тогда еще был жив фотограф, который работал в Музее, по фамилии Моторин – его, так сказать, собутыльник. Так вот, Юра и говорит: «Вот мы с Мотористым знаем один склеп». Ну, я говорю: «Юр, ну, я все-таки на кладбище не пойду...» Так что я до склепа не дошла. А так мы с ним по Питеру ходили.

В своем ленинградском «логове» – так Кнорозов называл скромное жилище рядом с лестницей – Юрий оказался не одинок. Практически одновременно с ним в соседнем «пенале» поселился еще один изгой, принятый тогда же на работу в музей. Это был Лев Гумилев. 28 декабря 1948 года он защитил, наконец, многострадальную кандидатскую диссертацию. И потому в музей его приняли в качестве

старшего научного сотрудника отдела Сибири, где он занимался бытом алтайских телесов (телеутов).

Похоже, разоренный Музей этнографии народов СССР стал местом, где директор, пользуясь нехваткой кадров, вынужден был (а может, делал это намеренно) принимать талантливых людей, пусть даже с «нехорошей» анкетой. Этим отважным директором в те непростые времена (помимо прочих бед – скандальный перевод в Ленинград московской этнографической экспозиции) был Ефим Абрамович Мильштейн, о котором сейчас вообще никто не вспоминает. А зря. Ефим Мильштейн был настоящим управленцем, понимавшим, что главное – выполнить поставленную задачу. Он относился к той категории людей, которые, сознательно рискуя собственной карьерой и даже жизнью, смогли помочь многим отверженным. Причем делали это тихо и незаметно – не то что бывшие партийные функционеры и чиновники, а также особенно ушлые представители творческой интеллигенции, которые любят хвастливо рассказывать небылицы о том, как они героически «сопротивлялись советскому режиму». Узнать хоть немного о директоре Музея этнографии удалось не только из почти случайных и разбавленных фантазиями воспоминаний его брата-разведчика Михаила Мильштейна, но также благодаря огромной работе, проделанной в архивах Е.А. Долговой[22].

Валентин Берестов – друг Юрия Кнорозова со студенческих времен

В 1938 году брат Ефима Мильштейна, разведчик ГРУ Михаил вернулся из Нью-Йорка на родину и оказался в самом эпицентре борьбы с «врагами народа». По его словам, он сразу же погрузился в гнетущую атмосферу всеобщей подозрительности. Люди исчезали в никуда, а на все вопросы об их судьбе ответ был один: «Лучше не спрашивай». Впрочем, чаще всего ответа не было вовсе: собеседники молча отводили глаза.

Первым Михаила просветил его брат – Лазарь, который, опасаясь ареста, вынужден был буквально сбежать из Средней Азии, где был директором крупной электростанции. На вопрос, а за что его могли арестовать, ответил: «Да ни за что. Тебе этого не понять. Ты слишком долго жил вдали от Родины. Одно скажу: зря ты вернулся, брат».

[22] *Долгова Е.А.* О биографии одного сталинского управленца: Ефим Абрамович Мильштейн // Новейшая история России. 2018. Том 8. Выпуск 4. С. 912–925.

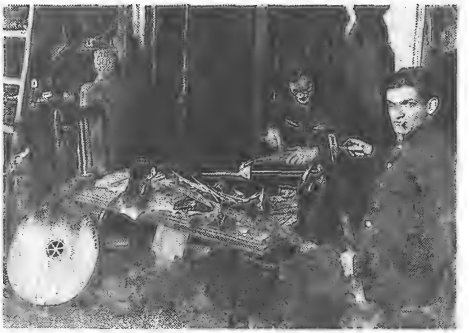
Ефим Абрамович Мильштейн – директор Музея этнографии народов СССР

Примерно то же он услыхал и от второго брата, Ефима. После Института красной профессуры тот был направлен на работу в Махачкалу, но в 1937 году вынужден был оттуда уехать, якобы опасаясь ареста. Чудом оказался в Петербурге, получив сразу должность директора Музея этнографии народов СССР. А в 1941-м добровольцем ушел на фронт. Вернулся в музей после ранения в 1944-м. Перед ним стояла грандиозная задача – возродить музей после бомбардировок и блокады, осуществить реэвакуацию фондов музея из Новосибирска, осуществить слияние с московским музеем. И все это в условиях катастрофической нехватки сотрудников. Понимая, что в одиночку с задачей не справиться, он на свой страх и риск принимал на работу сотрудников даже с «запятнанной» биографией. После проверок фондов, проводившихся сразу во всех музеях страны, Ефим Мильштейн сам оказался под подозрением, причем совершенно безосновательно. Забавно, что Михаил связал это с активизацией нелегальной в СССР организации Джойнт, помогавшей евреям вне США. Многие советские евреи и не догадывались о существовании подобных благодетелей из-за океана. И Михаил решил, что брат оказался жертвой происков сионистов. И даже сочинил совершенно бредовую историю (разведчик!) про иранский медный сосуд на ножке, с которого якобы похитили инкрустацию из золота, чтобы передать сионистской организации Джойнт. А поскольку виноват был директор, то Ефима Абрамовича исключили из партии и сняли с должности.

На самом деле, как свидетельствуют документы, история оказалась совсем иной – небрежная инвентаризация и непрофессиональные проверки. К антисемитизму эта драма не имела ровно никакого отношения. Но, как теперь говорится, «вазочка нашлась, а осадочек остался»... С трудом несчастный Ефим Абрамович устроился старшим научным сотрудником в Публичную библиотеку, где и продолжил честно и ответственно трудиться...

Приличным человеком был Ефим Абрамович Мильштейн – и, похоже, вовсе не случайно принял он на работу Кнорозова с его запятнанной биографией, и даже такого совсем опального персонажа, как Лев Гумилев...

Сыну Анны Ахматовой и расстрелянного Николая Гумилева досталась нелегкая судьба. Родился он в семье поэтов в Царском Селе 1 октября



Ю.В. Кнорозов за работой с азиатскими коллекциями Музея этнографии народов СССР

1912 года. Детство провел в имении бабушки по отцу – его поглощенным поэзией и своими отношениями великим родителям было не до сына. Отец страстно увлекался археологией и этнографией, ездил в экспедиции, мечтал цивилизовать «дикие племена». Но в 1918-м родители развелись, а в 1921-м Николая Гумилева арестовали и расстреляли. После революции маленький Лева так и оставался жить в Бежецке – его воспитывала бабушка. И, похоже, идеалом для младшего Гумилева стал именно образ отца-антрополога, а вовсе не звездная поэтическая слава матери. Неземная Анна Ахматова мало заботилась о сыне – даже когда тот был арестован и оказался в заключении.

Продолжая увлечения отца, Лев еще юношей начал участвовать в археологических экспедициях, а затем в 1934 году поступил в Ленинградский университет. Пойдя по археологическим стопам отца, Лев принял и его политический «крест»: уже через год Гумилева исключили из университета и арестовали. Вскоре, правда, освободили, и в 1937-м даже восстановили в ЛГУ. А через год опять арестовали и осудили уже на пять лет. В 1944-м Гумилев освободился и отправился на фронт. В 1945-м был демобилизован и восстановлен в ЛГУ. В 1946-м защитил диплом и поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, но вскоре был исключен по причине «несоответствия филологической подготовки избранной специальности». И тем не менее ему удалось защитить диссертацию – опять в родном ЛГУ. Его приняли на работу в Музей этнографии – тут-то и пересеклись пути Гумилева и Кнорозова. Это стало настоящей удачей для обоих! Правда, уже через десять месяцев Гумилева опять арестовали. На десять лет...

Лев Гумилев будет реабилитирован и выпущен на свободу только после смерти Сталина в 1956 году...

Итак, ленинградская жизнь Юрия началась в первый день 1949 года. Это был исключительно важный этап жизни Кнорозова. На кону было все: и отношения в научной среде, и карьера, и ожидания родных и друзей, наконец, собственное самолюбие. А главное, возможность доказать всем возможность дешифровки письменности майя! Роль несчастного изгоя, «работающего в стол», его вовсе не устраивала.

Требования, которые Юрий предъявлял к самому себе в научном плане, многих просто пугали. Все книги по его теме, имевши-

Квартира Анны Ахматовой на Фонтанке – с этой вешалки мать Льва Гумилева сняла шапку, чтобы подарить Юрию, другу сына

еся на тот момент в Ленинской библиотеке, он изучил и переписал каллиграфическим почерком, и перерисовал все, что ему было необходимо. Целые книги он переписывал в тетради со страницами в клеточку! «Сообщение о делах в Юкатане» Ланды к этому времени были уже переведены, а текст даже сверен по разным изданиям, обнаруженным в Ленинской библиотеке. Досконально изучен каталог иероглифов майя в издании Гейтса. Собраны копии трех рукописей майя, столь необходимые для работы с письмом майя – иначе исследуемый текст оказывался недостаточно полным и не отвечал требованиям, обязательным для научной дешифровки.

Одним словом, студент прошерстил все столичные библиотеки и сумел обнаружить необходимые для работы публикации. Это была настоящая удача.

И тут следует подробней остановиться на драматической истории «тех самых книг», о которых непременно заходит речь, когда говорят об открытии Кнорозова. Этот сюжет на протяжении более полувека приобрел почти детективный характер. Суть состоит в том, что в личной библиотеке Кнорозова в начале 1950-х появились две книги: «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланды в издании Брассера де Бурбура и факсимильное издание рукописей майя в публикации братьев Вильякорта. Но почему-то возникла легенда о том, что Кнорозов добыл эти книги на войне при взятии Берлина. При этом документы свидетельствуют, что Кнорозов ни разу не был в Берлине и вообще не принимал участия в военных действиях.

Попробуем разобраться в версиях истории о том, как издание рукописей майя вместе с изданием Брассера де Бурбура рукописи Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане» попало в руки Кнорозова уже после дешифровки иероглифической письменности майя.

Версия 1. Изложена американским археологом Майклом Ко в знаменитой книге «Взламывая код майя»:

> «Кнорозов был участником Второй мировой войны, с войсками советской армии вошел в объятый пламенем Берлин. На улице находились ящики с книгами из горящей библиотеки. Кнорозов якобы выбрал из них те самые книги в качестве военного трофея. Вернулся домой и занялся дешифровкой».

Надо сказать, что примерно эта версия была изложена Кнорозовым Майклу Ко в Ленинграде в моем присутствии – с той лишь деталью, что Юрий Валентинович говорил весьма уклончиво, не рассказывая о себе как об участнике этих событий.

Но эта версия невозможна, как уже упоминалось. Все его участие в Великой Отечественной войне ограничилось рытьем окопов в качестве ополченца на Украине до захвата этой территории немцами в июне 1941-го, переходом фронта в районе Харькова в феврале 1943-го, а под конец войны прохождением службы в учебке под Москвой. Отсюда он и был благополучно демобилизован в 1945 году. Свидетельством тому запись в военном билете:

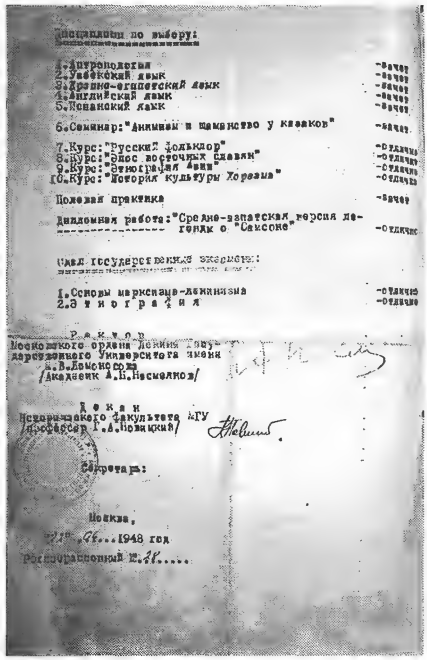
Кнорозов Юрий Валентинович
Род. 18 ноября 1922 г. г. Южное (Харьков)
Окончил МГУ в 1948 г. по специальности этнография.
Жена – Самкова Валентина Михайловна

Военный билет **выдан 10 июля 1941 г.**
Призван **15 марта 1944 г.** красногвардейским военкоматом г. Москвы.
Военную присягу принял **20 апреля 1944 г.**
Демобилизован **15 октября 1945 г.** на основании УВС СССР от 25.09.1945.
Служил:
- Московская школа мл. специалистов ремонтных авточастей курсант: март 1944 - сент. 1944
- 158 пуш. Артиллеристский Полк – телефонист: сент. 1944 - окт. 1945.

В ВОВ с сент. 1944 по май 1945 гг.
Звание – рядовой
Медаль «За победу над Германией» 9.05.1945
Служба в запасе – категория 1,
Группа СА
Состав: солдаты
Военно-учетная специальность: специалист телефонных станций, телефонист.

Версия 2. В 1980-х изложена Кнорозовым мне в личной беседе в виде раздраженного комментария: «Версия 1 – полное вранье. Книги брали из подготовленных к эвакуации ящиков и привезли знакомые офицеры»...

Когда Кнорозова просили прокомментировать расхожую «Версию 1», он страшно злился. А уже в конце 1990-х с насмешкой дал мне такой комментарий: «Ну как вы себе представляете: взятие Берлина, город в огне, стрельба, люди умирают, выполняя поставленную главнокомандующим задачу, – а тут какой-то солдат бросит все и пойдет рыться в книжных хранилищах, чтобы найти очень конкретную и редкую книгу. Да такого солдата свои бы тут же и расстреляли. Только



Дисциплины по выбору:

1.Антропология -зачет
2.Узбекский язык -зачет
3.Древне-египетский язык -зачет
4.Английский язык -зачет
5.Испанский язык -зачет

6.Семинар:"Анимизм и шаманство у казаков" -зачет

7.Курс:"Русский фольклор" -отлично
8.Курс:"Эпос восточных славян" -отлично
9.Курс:"Этнография Азии" -отлично
10.Курс:"История культуры Хорезма" -отлично

Полевая практика -зачет

Дипломная работа:"Средне-азиатская версия легенды о "Самсоне" -отлично

Сдал государственные экзамены:

1.Основы марксизма-ленинизма -отлично
2.Этнография -отлично

Ректор
Московского ордена Ленина Государственного Университета имени М.В.Ломоносова
/Академик А.Н.Несмеянов/

Декан
Исторического факультета МГУ
/Профессор Г.А.Новицкий/

Секретарь:

Москва,
[illegible].06...1948 год
Регистрационный №.28.....

Выписка из диплома Ю.В. Кнорозова для поступления на работу в Русский музей

полный идиот может поверить в подобную историю».

Версия 3. Изложена журналистом Анатолием Аграновским в очерке «Счастливые» в журнале «Знамя» № 3 за 1957 год.

Как знать, была бы расшифрована письменность майя, если б Юрия Кнорозова не окружали подлинные энтузиасты науки. Я говорю здесь не только об ученых, хотя мог бы назвать многие имена. Но вот скромная библиотекарша Агния Даниловна Родионова: она долго наблюдала за юношей, покорившим ее особым своим пристрастием к книге, угадала в нем ученого, и в нарушение всех правил разрешила ему взять домой книгу, без которой он попросту не мог бы работать, – редкое гватемальское издание трех сохранившихся рукописей майя: «Парижской», «Мадридской» и «Дрезденской»...

По поводу версии журналиста Аграновского (к этой статье мы еще вернемся) стоит сделать несколько замечаний. Во-первых, следует признать, что текст написан явно с подачи фактуры самим Кнорозовым – многие технические детали, касающиеся дешифровки письма майя, никакой журналист самостоятельно не поймет и грамотно никогда не изложит. А в тексте Аграновского, с одной стороны, нет ошибок, а с другой – много нафантазированных деталей, касающихся самой личности героя. Возникает и второй вопрос: а о сотруднике какой именно ленинградской библиотеки идет речь? Кунсткамеры? БАНе? Об этом у Аграновского нет ни слова, как нет упоминаний и о второй книге, оказавшейся у Кнорозова, «Сообщении о делах в Юкатане» в издании Брассера де Бурбура. При этом сам Кнорозов тогда вовсе не скрывал, что проработал и перевел текст, будучи еще студентом, – то есть заведомо до 1948 года. Наконец, на страницах этих самых книг, оказавшихся в руках Кнорозова уже **значительно позже** завершенного перевода Ланды и дешифровки письменности майя, нет ни одной печати советской библиотеки – только штампы библиотеки немецкой. И, наконец, знает ли кто-нибудь такую «библиотекаршу», которая раздавала бы в подарок понравившимся ей посетителям книги фондохранилища...

Стоит заметить, что от некоторых сотрудников Кунсткамеры я слышала рассказы о том, как через несколько лет после войны в библиотеке музея действительно оказалось какое-то количество книг из немецких книгохранилищ – официально привезенных после войны в качестве

реституции. Некоторые из них не вносились в фонды, а позже были изъяты и исчезли... Но в библиотеке Кунсткамеры, по утверждению нынешнего директора, никогда не было сотрудника по имени Агния Даниловна Родионова!

Версия 4. Высказана Александром Плунгяном:

> О работе Кнорозова по дешифровке письменности майя после первого разговора о статье Томпсона мы говорили всего несколько раз: как-то я спросил его, откуда к нему попала книга Де Ланды «О делах в Юкатане». Он в своей манере коротко ответил: «Украл». Я не помню, сказал ли он, где именно, однако мне кажется, что это было в какой-то московской библиотеке. Сейчас я пытаюсь проверить одно предположение, представляющееся мне относительно вероятным. Кнорозов как ученик руководителя сектора Америки ИЭ АН С.С. Токарева входил в референтную группу специалистов по доколумбовой цивилизации и принимал активное участие в научной работе сектора, включая обработку реквизированных книг из немецких библиотек: среди них он мог обнаружить и эти издания. Пока ничего определенного я не выяснил...

Итак, что известно достоверно:

– последним официальным пристанищем этих двух книг была немецкая библиотека. Судя по печати, это должна была быть именно Берлинская библиотека Этнографического музея (Bibliothek D.K. Museums fur Volkerkunde);

– книги появились в Ленинграде после войны, причем в учреждении, идентичном по профилю Берлинскому музею фольклора;

– книги имеют очень конкретное отношение к тому, что *уже успел* реализовать Кнорозов к началу 1950-х;

– Кнорозов явно не стремился публично оглашать, как именно эти книги оказались в его распоряжении. При этом никто и никогда не требовал от Кнорозова куда-либо их вернуть.

Если синтезировать некий вывод, то наиболее логичной выглядит последняя версия. Скорее всего, эти книги были привезены среди прочих из Германии в качестве реституции. Но инвентаризацию провели не сразу, что позволило некому имевшему к ним доступ персонажу передать две книги Кнорозову в качестве награды за его гениальное открытие. Случилось это, вне всяких сомнений, уже после дешифровки письма майя. Можно предположить, что было поставлено жесткое условие держать рот на замке и не делать эту историю достоянием общественности. И Кнорозов соблюдал уговор, чтобы не создавать проблем нарушившему ради него правила человеку. Не исключено, что таким человеком мог быть (скорее всего, и был) Сергей Павлович Толстов, являвшийся в это время всемогущим и способным принимать нестандартные решения директором Института этнографии АН СССР.

Но как бы то ни было, только в Ленинграде, в начале 1950-х, после завершения дешифровки письма майя, книги оказались в руках

История России в некрополе XVIII века проступала в надгробиях ученых, купцов, генералов, архитекторов, высоких чиновников

Кнорозова. Стоит напомнить, что первая статья с результатами дешифровки была опубликована в 1952 году[23]. А в 1953 году материалы дешифровки уже вышли в Мексике на испанском языке[24]. Можно представить, насколько влиятельным должен быть человек, способный организовать в те годы в столь сжатые сроки публикацию за рубежом. Но именно так стратег Толстов приступил к организации «генерального наступления» своего ученика.

Уже тогда проявилась одна из особенностей Кнорозова – он всегда внимательно изучал всякие картинки и рисунки, находил в них что-то понятное и интересное только для него одного. Вырезал их и хранил в виде отдельной подборки, а некоторые помещал на стол, книжные полки или даже на стену. Обычно «картинки» иллюстрировали какой-либо тезис из его исследований, особо сложные теоретические вопросы.

Помню, как в 1980-е он показывал рисунок, вырезанный из какого-то пособия по биологии, на котором разные звери рвали динозавра. Для него это была аллегория «заседания ученого совета в институте». А когда еще в начале перемен 90-х страна единодушно голосовала за Ельцина, Кнорозов с ухмылкой показывал сцену из Буратино, где Ельцину отводилась роль Кота Базилио... Иначе первого Президента России он никогда не называл.

Всю жизнь Кнорозов придерживался этой принципиальной позиции: самые сложные вещи можно и нужно объяснить простыми словами. И люто ненавидел наукообразную заумь, когда некоторые пытались напыщенными, цветастыми фразами из слов с латинскими корнями (где нужно и не нужно) скрыть смысловую пустоту и собственное интеллектуальное бесплодие. Кнорозов откровенно глумил-

[23] *Кнорозов Ю.В.* Древняя письменность Центральной Америки // СЭ. 1952. № 3. С. 100–118.

[24] Knorozov Y.V. La antigua escritura de los pueblos de la America Central. Mexico, 1953. 10 p. (Boletín de información de la Embajada de la URSS, № 20) (исп., сокр. вар.); Knorozov Y.V. La antigua escritura de los pueblos de America Central. Mexico, 1953. 37 p. (Biblioteca obrera. Segunda epoca, №. 5).

ся над такого рода «учеными», шустрящими, по его выражению, «как тараканы».

Но в те неустойчивые времена он опасался публично высказываться на столь деликатную тему, чтобы не задеть ненароком самолюбия какой-нибудь, по его выражению, «крупнорогатой скотины». Так без всякого пиетета и без особых эмоций он относился к пустым в научном плане «авторитетам», пусть они и занимали большие должности. Авторитетом для него были только люди, создающие идеи – безотносительно их формального статуса.

Племянница Ирина вспоминает, как ему нравились «всякие ужасы» и как он любил пугать. Однажды дядя пошутил с племянницей, сказав: «Дело прочно, когда под ним струится кровь», – она всю жизнь вспоминает эти строки Некрасова, выражающие позитивную позицию Гражданина в его служении Родине:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденность, за любовь...
Иди и гибни безупречно,
Умрешь не даром — дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

На самом деле эта цитата из Некрасова скорее была обращена Кнорозовым к самому себе и образно синтезировала его отношение к делу, где «живая кровь» символизировала самоотверженную деятельность ради поставленной цели.

Эти фразы и цитаты собирались и хранились Кнорозовым наподобие тех самых значимых (передающих фокусный момент) картинок. Они же, упрощая сообщение, позволяли снять излишний словесный пафос. Но для того чтобы понять Кнорозова, зачастую надо было знать весь контекст обсуждаемой ситуации, включая его теорию коммуникации. А у напуганной маленькой племянницы Ирины на всю жизнь остался страх от патриотических слов Некрасова – совсем как в ее московскую двоюродную сестру Татьяну навсегда вселился ужас от «белых обезьян». С любопытством экспериментатора Кнорозов этот трюк использовал довольно часто.

Так, кстати, случилось и со мной. Когда я познакомилась с Юрием Валентиновичем в 1979 году, то первым делом он совершенно серьезно предупредил: «Изучать майя – очень опасно». На мой естественный вопрос «почему» была рассказана душераздирающая история о том, как в Ленинградское отделение Института этнографии приехал из Москвы некий человек, чтобы изложить собственную версию календаря майя. Доклад был сделан на Ученом совете, при этом докладчик в завершение опутал веревками всех членов этого самого совета. А вот когда несчастный докладчик возвращался в Москву, то был выкинут из поезда и погиб... Его нашли мертвым рядом с железнодорожным полотном где-то между Ленинградом и Москвой. Вывод, который делал Кнорозов, мне показался несколько неожиданным: «Видимо, докладчик начал рассказывать про календарь майя

своим попутчикам, и те не выдержали...» Мне эта история показалась чистой выдумкой. Но потом выяснилось, что все случившееся (за исключением попутчиков) было правдой. Так что пугать Юрий Валентинович любил, и чувство юмора у него было особенное.

Тесное общение со Львом Гумилевым стало для Юрия Кнорозова большой удачей, так как появилась возможность продолжить «кухонные семинары у Плунгяна». Лев был старше Юрия на 10 лет, с большим жизненным опытом, арестами и отсидками. Он только что, накануне Нового, 1949 года, успел защитить диссертацию, ждал ее окончательного утверждения в ВАКе. И тоже был счастлив найти собеседника для размышлений о законах развития и угасания цивилизаций. Это уже был *настоящий* собеседник, видавший виды ученый, а не восторженные молоденькие девушки-сокурсницы, которые в университете слушали Юрия как оракула. Ученый со своими теориями, со своим видением исторического процесса. Их дружба сохранилась на всю оставшуюся жизнь, хотя Кнорозов вовсе не принимал теорий Гумилева, считая их «слишком притянутыми и поверхностными». Позже он, посмеиваясь, комментировал теорию Гумилева об упадке индийской цивилизации: «И всего-то – древних индийцев загрыз комар!»

Об этих временах вспоминал и Вячеслав Всеволодович Иванов:

> Гумилев Лев Николаевич... Что-то говорили об их совместных занятиях, было что-то вроде семинара Кнорозова, абсолютно закрытого для публики, о котором они все молчали и правильно делали. Тема семинара была «Закрытые общества типа мужских союзов и партий». Кнорозов мне кратко изложил результаты и сказал, что обсудив разные мужские союзы, объединения типа иезуитов и так далее, они пришли к выводу, что есть две наиболее совершенные формы организации. Одна – это большевистская партия, другая – это мормоны в Америке. Я об этом часто вспоминал в Америке, потому что действительно до сих пор мормонов считают исключительно эффективной организацией... То есть на фоне большого разгильдяйства, которое в Америке соперничает с нашим, это жесткая организация. Она многих потрясает и вдохновляет. И когда они знают, что мормоны в чем-то участвуют, они говорят: «Вот здесь будет порядок». В этом смысле выводы Кнорозова вполне имеют основание. Но это все я говорю к тому, что о многих его интереснейших теоретических изысканиях, к сожалению, мы по прошествии лет знаем мало. Может быть, какие-то найдутся стенограммы, записи. Но я уверен, что никто из участников семинаров о партиях никаких записей не вел, и Кнорозов сам, безусловно, на этом настаивал. Потому что они все могли просто погибнуть, если бы тогда об этих семинарах стало известно. Потому что никому не было дела до того, что они считают, что большевистская партия самая хорошо организованная. Сама идея сопоставления ее с мормонами, иезуитами, мужскими союзами в Африке и у индейцев едва ли вызвала бы большой восторг. Хотя должна бы вызвать...

Именно в этих беседах сложился тот тайный научный «мужской союз» для обсуждения принципов устройства общества, в который мало кого принимали. Продержался Гумилев на воле меньше года – с 1 января до 6 ноября 1949-го. Но за это время сотоварищам удалось многое. Видимо, именно в тесном научном союзе и оформилась окончательно «теория коллектива», которой Кнорозов посвятит всю свою жизнь.

При этом Юрию Кнорозову нравилась некоторая театральность и игра, которую он добавлял в свою деятельность, о чем, например, вспоминает Александр Плунгян: «В начале пятидесятых я спросил, над чем он сейчас работает. И он лаконично ответил, что последствия реализации его идеи могут быть настолько опасны, что он воздержится от любой публикации...» По мнению Плунгяна, речь шла именно о проблемах коммуникации и сигнализации в коллективе.

Обсуждалась с Гумилевым еще одна важная тема, к которой Кнорозов неоднократно возвращался. Одно из названий, которое она получила у Кнорозова, было «Закон Геккеля». Согласно биогенетическому закону рекапитуляции, онтогенез повторяет филогенез, то есть развитие особи повторяет развитие всего вида. И в этой связи особый интерес представляло изучение детского мышления и творчества. Это позволяло понять модели поведения древних и обратиться к палеопсихологии – собственно, еще одна «бехтеревская» междисциплинарная тема, которая не воспринималась многими учеными старой закалки и потому была как бы несуществующей для официального изучения.

Обсуждалась эта тема и с Валей Берестовым – но уже в переписке. Это тоже была одна из особенностей Кнорозова – излагать свои мысли в письмах. Валентина и Юрия объединяла их любовь к поэзии и истории, а также воспоминания о «семинарах» на кухне Саши Плунгяна.

Юрий высоко ценил (прежде всего в качестве источника) книгу Корнея Чуковского «От двух до пяти», изданную в 1933 году. И, возможно, еще на истфаке Валя Берестов оказался ему особенно интересен тем, что был знаком с Чуковским и Ахматовой по эвакуации в Ташкенте 1943 года. Поэтому с Валей Кнорозов с особым удовольствием обсуждал вопрос о детском мышлении, о соотношении развития «ребенка и первобытного человека». И как-то заметил, что для подтверждения общей теории коммуникации «От двух до пяти» Чуковского это глубоко научная книга, и все написанное в ней – это аксиомы человековедения.

Берестов всю жизнь обещал Кнорозову написать что-то на эту тему «нормальным, ненаучным языком», то есть «перевести с птичьего на человечий». Даже мне довелось слышать от него не единожды это обещание: «Вот закончу этот (очередной) том воспоминаний и тогда напишу про Юрия Валентиновича и детское мышление». Но до исполнения обещанного руки у Валентина Дмитриевича так и не дошли.

Задачу перед собой Кнорозов поставил весьма амбициозную: теория сигнализации, теория коллектива, дешифровка письма майя. Для этого было необходимо ни больше ни меньше как... пересмотреть Энгельса. А происходило все это, напомним, при жизни Сталина...

Все это время Юрий поддерживал переписку со своим руководителем Сергеем Александровичем Токаревым, с которым, как ему казалось, сложились теплые доверительные отношения. Токарев не только «научно» руководил, но давал рекомендации по чтению определенной художественной литературы, что свидетельствует о неком едином духовном пространстве. Так, например, по его совету Юрий прочитал «Войну с саламандрами» Карела Чапека, и она напомнила ему сатиры Лукиана, Рабле, Свифта[25].

А в апреле 1949 года Юрий пишет Токареву достаточно пессимистичное письмо:

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Я не писал вам до сих пор отчасти по природной лености, отчасти оттого, что рассчитываю приехать сам в Москву. Кроме того, ничего путного мне до сих пор не удалось сделать.

Могу сообщить, что продолжаю составление систематического каталога иероглифов, причем в настоящее время бóльшая часть уже сделана. Собираюсь приступить к изучению языка, этнографии и археологии майя. Основное мое внимание сейчас направлено на теорию иероглифики, а в связи с этим на историю графики вообще. При этом я попал в такие дебри, из которых почти не надеюсь выбраться...

И вот тут легко представить состояние Юрия, да и любого исследователя, который понимает, к какой цели он идет и потому не имеет права не проработать до системных деталей некоторые ветви исследования. В данном случае Кнорозов явно осознал необходимость целостной теории дешифровки забытых систем письма. А это автоматически отодвигало обоснование результатов самой дешифровки, что приводило Кнорозова в достаточно раздраженное состояние. Как любил повторять в своей излюбленной манере Юрий Валентинович, всего лишь надо было «начать и кончить»[26].

Между тем с особым удовольствием, надо думать, он выступил в 1949 году в Географическом обществе с докладом «Шаманство у казахов в XIX веке»...

...А еще Льва Гумилева в его каморке поначалу навещала мать – Анна Андреевна Ахматова. Для Юрия, дружившего в Москве с Валей Берестовым, образ Анны Андреевны в тот период составлял нечто среднее между богиней и королевой. Берестов восхищался великой поэтессой, пытаясь убедить в ее безусловном величии и своего друга – тем более что сам Лев отзывался о своей матери весьма нелестно...

Той холодной зимой Ахматова даже подарила Юрию зимнюю кроличью шапку – похожая на сито кубанка приказала долго жить,

[25] Цитируется по: *Аграновский А.А.* Счастливые. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 43.

[26] Там же. С. 42.

Александро-Невская лавра располагалась не так далеко от дома Ю.В. Кнорозова на Гранитной улице

а Ленинград всегда отличался неприветливым климатом со своими морозами, сыростью и ветрами. Неслучайно Кнорозова всю жизнь преследовал страх перед туберкулезом, подхватить который в Ленинграде, казалось, ничего не стоило. Отношения между Юрием и Львом сложились очень доверительные – настолько, что перед Юрием Лев не скрывал, насколько он ненавидел свою мать, считая, что та его бросила и предала, увлекшись очередным мужем. Позже, когда после освобождения Льва из заключения конфликт с матерью достигнет своего предела, Гумилев, встретив Кнорозова, скажет ему: «Ну, со старухой я совсем разругался». Для Кнорозова, очень нежно и трепетно относившегося к своей матери Александре Сергеевне, это было, видимо, шоком – раз он решился прокомментировать случившееся постороннему человеку, которому безоговорочно доверял и высоко ценил в научном плане – Вячеславу Всеволодовичу Иванову.

В гости к Кнорозову в Ленинград иногда заходили родственники, привозили маленьких племянников. В узенькой, маленькой комнатке нельзя было даже подойти к окну: две трети пространства занимали книги, сложенные на полу. А Юрий был в восторге, когда к нему приходили гости – и огорчался, если они быстро уходили.

Он с удовольствием и приобретал, и дарил книги – самое ценное, что у него было. Удивительно, но при всей внешней нелюдимости Юрий Валентинович был чрезвычайно гостеприимен, всегда стремился угостить всем, что было – пусть даже чем-то не совсем (с точки зрения гостя) аппетитным. Например, шпротами или тушенкой прямо из банки.

Надо сказать, что в свой «пенал» с сундуком вместо койки он готов был пригласить пожить (остановиться) приезжавших из других городов родственников и знакомых. С удовольствием показывал и музей, и свой Ленинград – у него с самого начала появились в горо-

де особые места, куда надо было водить приятных ему людей. Кроме старого кладбища у Александро-Невской лавры, это была Петропавловка, обязательно места, связанные с Александром Меньшиковым, и, конечно, Васильевский остров. А летом Юрий иногда ездил на природу в Озерки – позже, уже обзаведясь семьей, он регулярно снимал дачу.

О том, как жил Кнорозов в своем музее, вспоминает и Ирина Хорошаева – в 1950 году она была еще студенткой истфака МГУ. В первый раз она попала к нему в начале 1950-го года. Тогда кафедра этнографии отправила группу студентов на практику в Ленинград. Ирина Хорошаева приехала чуть позже и поэтому не знала, где остановиться. Благо, было письмо от будущего преемника Толстова по Хорезмской экспедиции Юры Рапопорта с просьбой к Юре Кнорозову разрешить девушке хотя бы оставить вещи, пока она не найдет жилье.

Когда Ирина открыла тяжелую дверь крыла Музея этнографии и вошла в здание, то обнаружила бабушек-смотрительниц. Ирина, не представляя, где именно искать нужного ей человека, сказала: «Знаете, я ищу Кнорозова». И тут по всей лестнице разнеслось радостное: «Вот к Юрочке девочка пришла, к Юрочке девочка пришла...» Появился Юрий своей крадущейся походкой – так они и познакомились, весьма церемонно общаясь на «Вы».

Юрий проводил ее в свои «апартаменты»: в тупичок коридора, отгороженный от лестницы. Первое и единственное из мебели, что бросилось ей в глаза, это накрытый чем-то ящик, занимавший все пространство комнатушки... Так он жил. Тем не менее Юрий церемонно предложил девушке остановиться в его «пенале». Ирина поняла, что в этом случае он сам должен будет ночевать где-то еще и, оставив вещи, отправилась искать своих. К счастью, ей удалось устроиться вместе с группой, и проблема с пристанищем была решена...

Понятно, что работа в ГМЭ у Мильштейна не была случайной. По всей видимости, у профессора Толстова были вполне доверительные отношения с директором Ефимом Мильштейном – и потому сотрудники музея регулярно принимали участие в Хорезмской экспедиции Толстова. В 1949 году в эту экспедицию были направлены сотрудники отдела народов Азии М.В. Сазонова и Ю.В. Кнорозов.

Итак, вполне успешно прошел 1949 год, первый год ленинградского периода Юрия Кнорозова, когда произошло столько событий: переезд, работа, жилье, новые знакомые, Гумилев и Ахматова, завершение полного перевода Диего де Ланды, дешифровка письма майя, вот-вот выйдет первая публикация в «Советской этнографии»...

А на Юрия накатывает пессимизм по поводу перспектив научной карьеры. В самом деле, не разбирать же всю жизнь коллекции и архивы, выбивать пыль, сушить и сворачивать в рулоны по 800 ковров и войлоков, разрабатывать экскурсии на тему «Сталинская конституция» и водить по ней школьников? И что делать с полученной дешифровкой письменности майя, числясь младшим научным сотрудником в среднеазиатском отделе Музея этнографии народов СССР? Да тут

еще арест Гумилева! Это тоже не добавляло вдохновения для публичного пересмотра марксизма...

Кнорозов чувствует себя опустошенным... Он пишет полное отчаяния письмо Токареву: «...Подумываю, не бросить ли вообще научную деятельность. Очевидно, сказывается реакция после напряжения этого года. Во всяком случае, вот уже второй месяц ничего не читаю, хотя у меня лежат разные любопытные книги...» И добавляет, цитируя персидского поэта Низами: «Ты ничего не получишь от палящего пламени, кроме дыма...»[27]

[27] *Аграновский А.А.* Указ. соч. С. 46.

ГЛАВА 6

ДЕШИФРОВКА: «СКУЧНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ»? МАЛЕНЬКАЯ ГЛАВА О БОЛЬШОЙ РАБОТЕ, ПРОДЕЛАННОЙ СТУДЕНТОМ ЮРИЕМ КНОРОЗОВЫМ

Тяжелая это работа –
Из болота тащить бегемота...

Кнорозов опубликовал принципы дешифровки и ее результаты сначала в статьях, а затем и в знаменитой монографии 1963 года под названием «Письменность индейцев майя» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 663 с., ил., 1 л. карт., библиогр.) Те, кому интересна более детальная и практическая информация о работе с текстами майя, могут обратиться к специальному пособию, позволяющему освоить эпиграфику майя, не слишком погружаясь в детали[28]. Историю дешифровки письма майя в виде драматического детектива очень ярко описал американский археолог Майкл Ко, муж Софьи Добржанской, ставший настоящим другом Юрия Кнорозова. Его знаменитая книга «Взламывая код майя» («Breaking the maya code»), изданная в 1992 году и вскоре переведенная на множество языков, стала бестселлером[29]. Но это случилось только через полвека после завершения дешифровки.

Что же представляла собой дешифровка иероглифической письменности майя, или «скучная бухгалтерия», по определению Кнорозова? Попробую очень кратко восстановить основные этапы этой работы.

Безусловно, первым, «добухгалтерским» этапом стал сбор всей информации, имевшей отношение к письму майя.

---

[28] *Ершова Г.Г.* Майя: тайны древнего письма. М.: Алетейя, 2004.

[29] На русском языке эта книга вышла в очень плохом переводе.

Процесс дешифровки

Диего де Ланда

Об истории изучения письма майя

Как хорошо известно, бесценные записи о системе письма майя оставил францисканец Диего де Ланда в своем «Сообщении о делах в Юкатане». С XVI века до XIX эта информация оставалась в забвении и никого не интересовала. До того момента, как в 1822 году в Лондоне появилось сообщение капитана драгун Антонио-дель-Рио о майяских руинах в городище Паленке, о котором в те времена никто и слыхом не слыхивал. Шесть лет спустя знаменитый немецкий естествоиспытатель и географ Александр фон Гумбольдт (брат лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта) впервые опубликовал пять страниц неизвестной рисованной рукописи из Мексики, хранившейся с 1793 года в Дрезденской королевской библиотеке. Так бы она и продолжала оставаться «неизвестной рукописью», если бы зоолог и лингвист франко-немецкого происхождения Константин Рафинеске-Шмальц не обнаружил несомненное сходство между знаками на монументах Паленке и страничках библиотечного манускрипта. В 1832 году он сообщил о своих догадках знаменитому Жану Шампольону, сделав вывод о том, что чтение рукописи может оказаться ключом к пониманию «монументальных» надписей майя. В последующие 30 лет были обнаружены еще две рукописи майя и, наконец, рукописная копия той самой книги Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане». В 1864 году ее издал Брассер де Бурбур. Попытки дешифровать письмо майя возобновились с утроенными энтузиазмом.

Немецкий ученый Эрнст Ферстманн довольно быстро установил позиционный способ написания чисел, в результате чего стало возможно понимать даты в текстах майя. Он же подробно прокомментировал календарные записи, установил связь чисел с астрономическими и хронологическими датами. На долгое время

Брассер де Бурбур

Эрнст Ферстманн

это открытие предопределило вектор изучения эпиграфики майя: основное внимание уделялось именно календарным записям. В этом же направлении вслед за Ферстманном двинулся и американец Джозеф Гудмэн.

Много новых материалов попало в руки исследователей с началом организованных Музеем Пибоди и Институтом Карнеги экспедиций в мир древних майя.

Исследования надписей Чичен-Ицы позволили Герману Байеру совместно с Эриком Томпсоном завершить работу по определению календарного механизма так называемого «долгого счета». Байер установил, что переменный элемент вводного иероглифа начальной серии связан с названием 20-дневного цикла месяца.

Американец Чарльз Баудич впервые начал обобщать накопившиеся сведения по иконографии и эпиграфике, собирая рисунки и изображения знаков письма, календарных циклов и богов.

Однако ближе всех к дешифровке письма майя еще в 1881 году подошел прекрасный знаток древневосточных письмен француз Леон де Рони. Он не только первым выделил иероглифы, обозначающие цвета направлений (юг/север/запад/восток), но и вывел теорию, согласно которой в письме майя использовались идеограммы, фонограммы и детерминативы. Более того, Рони уже тогда совершенно справедливо полагал, что фонетический компонент письма был силлабическим. Он первым прочел слово, записанное алфавитными знаками. Это слово было «куц» (индюк), записанное двумя слоговыми знаками cu-tzu. Именно Леон де Рони и пришел первым к выводу о том, что «алфавит», записанный некогда Диего де Ландой, может оказаться ценным ключом к пониманию фонетизма иероглифического письма майя. Логично, что вслед за ним начал «читать» отдельные слова и Сайрус Томас:

moo — «попугай»;

kuch — «гриф»;

le — «силок».

Неудивительно, что Кнорозов всегда настаивал на том, что если бы Леон де Рони или Сайрус Томас успели доказать, что один и тот же знак читается одинаково в разных иероглифах – то есть предъявили бы так называемое перекрестное чтение, – то вопрос о дешифровке был бы решен еще в конце XIX века...

Как бы то ни было, Юрий Кнорозов, приступая к дешифровке в середине XX века, понимал, что ему придется противостоять уже сложившейся в США целой школе майянистов, которую возглавил англичанин Эрик Томпсон. Томпсон был прекрасным археологом, сумевшим, как это было уже принято, разобраться в календарных записях и датах. Но тайной его мечтой и страстью оставалась дешифровка письма майя. Однако Томпсон, отучившийся всего лишь два семестра в университете, плохо себе представлял весь объем знаний, который необходим для дешифровки древнего письма. В принципе, он весьма смутно представлял, что такое дешифровка, искренне полагая, что задача сводится всего лишь к весьма произвольному толкованию отдельно взятых знаков. Потому считавший себя всемогущим Эрик Томпсон буквально затравил Бенжамина Ворфа, который в начале 1940-х предпринял последнюю попытку научной дешифровки иероглифов майя. И больше всего Томпсона бесили обнадеживающие результаты «несчастного Бенжи Ворфа»...

Кнорозов: поиски теории дешифровки

Справедливости ради стоит заметить, что приступая к дешифровке, Кнорозов вряд ли догадывался обо всех этих заокеанских страстях. Он активно изучал теоретические подходы к дешифровке – и в первую очередь работы Майкла Вентриса, сына англичанина и польки, получившего образование в Швейцарии. Тот, занимаясь критским письмом, отказался от банального сравнительного метода и разрабатывал совершенно новаторский метод статистического анализа использования и комбинаций знаков в древних текстах. Примечательно, что западная академическая среда сурово раскритиковала Вентриса и его работы по *линейному письму Б*. Но в Советском Союзе этот подход, который в 1940-е годы с восторгом поддерживал Соломон Яковлевич Лурье – советский филолог и лингвист, работавший тогда в Ленинградском университете, –

Бенжамин Ворф, последним, до Кнорозова, пытавшийся дешифровать письменность майя

и зацепил молодого Юрия Кнорозова.

Забегая вперед, можно сказать, что дешифровка Вентрисом *линейного письма Б* была признана к 1955 году – то есть тогда же, когда Кнорозов защитил, наконец, свою диссертацию по дешифровке письма майя.

Однако изучая работы Вентриса, Кнорозов в середине 1940-х первым делом обозначил четкие научные параметры, определявшие характер осуществляемой им работы. Дело в том, что для большинства обычных людей понятие «дешифровка» означает что-то вроде разгадывания кода «пляшущих человечков» Шерлоком Холмсом или же работу со шпионскими кодами. Поэтому сразу же был отметен метод *интерпретации* – тот самый, который называл «дешифровкой» Томпсон, пытаясь предположить значение или чтение отдельных знаков, рассматриваемых изолированно.

Далее следовало разобраться с любителями шпионских детективов – поскольку дешифровка секретных шифров не имеет ничего общего с дешифровкой исторических систем письма. В древних текстах знаки стоят в обычном порядке, но чтение их забыто. При этом язык либо неизвестен, либо сильно изменился. В шифрованных записях известные знаки замещены другими и порядок их смешан, при этом язык должен быть известен. Таким образом, для обеих дешифровок общим можно назвать лишь конечный результат: достижение понимания записанного текста. Все остальное различно – и общая научная подготовка дешифровщика, и необходимый для обработки объем текста, и методологический подход.

Кнорозов определил, что лингвистическая дешифровка – это установление закономерности лингвистических соответствий между знаками и их чтением на языке, то есть переход к точному фонетическому чтению иероглифов. Только такая дешифровка становится ключом к чтению текстов, потому что, опираясь на уже известные знаки, можно читать любые новые слова, в которых эти знаки встречаются.

Поэтому им и был разработан и доведен до совершенства метод дешифровки древних систем письма, получивший название метода позиционной статистики.

Этапы дешифровки

Для начала Кнорозову необходимо было формально решить один из главных вопросов: а на каком, собственно, языке написаны иероглифические тексты рукописей? Исходные данные, такие как выводы исследователей в XIX веке и рукопись Ланды, не оставляли сомнений в том, что язык рукописей – это язык майя. Но язык майя какого времени? Все же понимают, что язык майя, как и любой другой, имеет свое историческое развитие. И современный майя отличается от языка первых веков нашей эры как итальянский от латыни.

И тогда Кнорозов структурирует историческую эволюцию языка майя Юкатана в соотношении, естественно, с прочими регионами расселения майя:

1. *Архаический майя* – существовал в период возникновения иероглифической письменности;

2. *Древний майя* – язык классического периода, когда было написано большинство текстов. Тут уже следует учитывать и региональные особенности.

3. *Старый майя* – это язык, встретивший европейцев и подвергшийся влияниям испанского языка, прежде всего в области лексики.

4. *Новый майя.*

5. *Современный майя* – язык, формирование которого относится к XIX веку. Существует более 30 современных языков майя, каждый из которых имеет свои особенности.

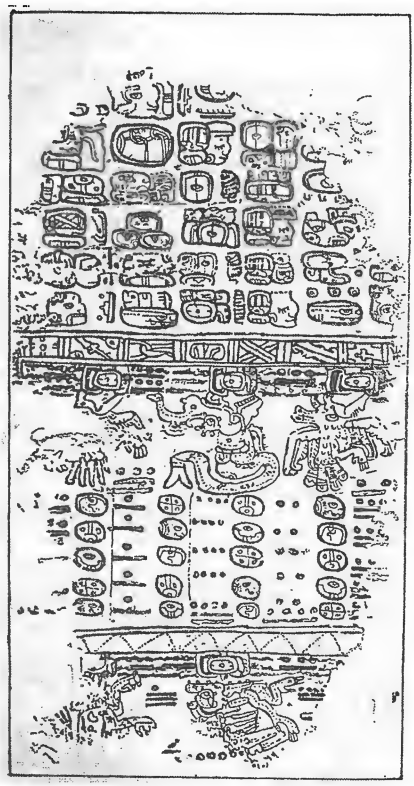
Кроме того, было очевидно, что регион проживания различных групп майя, как и распространения иероглифической письменности, был достаточно обширен. И Кнорозов принимает решение: раз дешифровка осуществляется на основе тестов рукописей Юкатана, а Ланда и большинство словарей описывают также юкатекский вариант языка, то и для представления материалов дешифровки также будет использоваться *юкатекский майя.*

Следующим важным моментом стало определение типа письма. Тут-то и началась «бухгалтерия».

Первое условие, без которого невозможна дешифровка неизвестного письма, – это наличие достаточно объемного текста с большим количеством знаков. Имелись три рукописи майя, происходившие из одного региона – полуострова Юкатан, примерно одного периода (XIII–XVI века).

Дрезденский кодекс представляет собой полосу индейской бумаги длиной 3,5 м, высотой 20,5 см, сложенную гармошкой в 39 страниц. Рукопись была создана ранее XIII в. на Юкатане, откуда ее вывезли в Испанию для подношения императору Карлу V в числе прочих даров. От Карла рукопись, опять же в качестве дара, попала в Вену, где в 1739 году у неизвестного частного лица ее приобрел библиотекарь Иоганн Кристиан Гетце для Дрезденской Королевской библиотеки. В 1828 году Александр фон Гумбольдт впервые опубликовал пять страниц этой мексиканской книги – и с этого времени письмом майя заинтересовались лингвисты, пытаясь дешифровать неизвестное

Страница Дрезденской рукописи майя



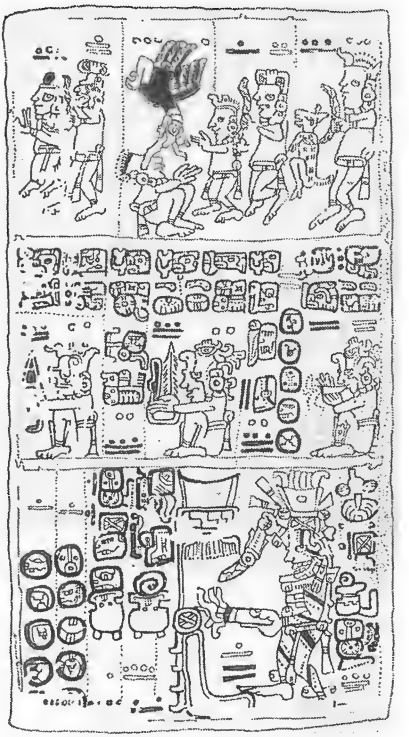
Страница Парижской рукописи майя

письмо. В 1831–1848 годах английский лорд Кингсборо предпринял попытку полного издания Дрезденской рукописи. Но затея оказалась столь дорогостоящей, что несчастный лорд кончил свои дни в долговой тюрьме. Бессмысленная бомбардировка англичанами Дрездена в конце Второй мировой войны нанесла рукописи сильный ущерб: она отсырела в затопленном подвале, из-за чего краски частично размылись или отпечатались на соседних страницах. Воссоединение Германии Дрезденский кодекс встретил в Саксонской областной библиотеке.

Парижский кодекс представляет собой полосу индейской бумаги общей длиной 1,45 м и 12 см высотой, сложенной в 11 страниц. Начальные страницы к моменту обнаружения оказались полностью стерты. Рукопись относится к периоду правления династии Кокомов на Юкатане, что соответствует XIII–XV вв. В 1832 году она была приобретена Парижской национальной библиотекой, где хранится и поныне. Удивительно, но вплоть до 1859 года бесценный документ провалялся среди прочих «ненужных» бумаг в корзине, где его обнаружил ставший поневоле одним из первых исследователей письма майя лингвист Леон де Рони.

Он же и опубликовал манускрипт в 1872 году.

Мадридский кодекс был написан никак не раньше XV в. Он состоит из двух обрывков индейской бумаги высотой 13 см, без начала и конца, составляющих полосу длиной в 7,15 м, сложенную в 56 страниц. Первая часть была приобретена в испанской Эстремадуре Хосе Игнасио Миро в 1875 году. И поскольку было высказано предположение, что рукопись некогда принадлежала завоевателю Мексики Кортесу, то и получила название «Кодекс Кортеса», или «Кортезианский кодекс». Второй фрагмент рукописи был приобретен в 1869 году Брассер-де-Бурбуром у некого дона Хуана Тро-и-Ортолано, и потому был назван «Ортоланским кодексом». Соединившись вместе, куски стали называться «Мадридским кодексом». Он хранится с тех пор в Музее Америк в Мадриде.



Страница Мадридской рукописи майя

И, наконец, *кодекс Гролье*, находившийся в частном собрании в Нью-Йорке. Это скорее фрагменты 11 страниц без начала и конца. Впервые опубликовавший ее в 1973 года знаменитый американский археолог Майкл Ко датирует документ XIII веком. Очевидно, что эта майяская рукопись, происхождение которой неизвестно, была составлена под сильным влиянием тольтеко-миштекского стиля.

Формальный анализ. «Бухгалтерия»

Три рукописи давали замечательно длинный текст, который мог быть подвергнут формальному анализу.

Теперь этот длинный текст следовало *формализовать*, то есть представить его в виде набора стандартных знаков. Для этого было мало одной точности — требовалось выработать специальные навыки: овладеть шрифтом и индивидуальным почерком. Разработка транскрипции предусматривала опознание всех вариаций написания знаков, а также полустертых и искаженных графем.

Кнорозов постулировал: при формальном изучении текста исследователь должен временно игнорировать всю дополнительную информацию, сосредотачиваясь исключительно на той, которую несут сами тексты.

Для удобства исследования текст приходится рассматривать как некий ряд *морфем*, расположенных в последовательности, свойственной данному языку. Общее количество морфем в любом языке не зависит от количества фонем и не превышает синхронно полутора тысяч, что определяется свойствами оперативной памяти человеческого мозга. Превышение критического количества создает трудности для запоминания.

Вместе с тем слишком малое число морфем обязательно повлечет за собой удлинение словоформ — а это сделает недоступной для понимания устную речь. Фонемы (звуки) сочетаются друг с другом по своим особым фонетическим законам, да к тому же возможное число этих сочетаний ограничивается законами формирования в данном языке морфем. Морфема — это наименьшая семантическая (значимая) единица языка, и именно потому она является *референтом* знака письма. Если вы еще не успели зевнуть от тоски, то поспешу сообщить, что под референтом в данном случае подразумевается такой семантический элемент в языке, который соотносится с определенным знаком.

Как известно, все морфемы делятся на корневые и служебные. С помощью служебных морфем образуются словоформы и осуществляется связь между словами в предложении. Надо заметить, что редко бывает более пяти морфем в одной словоформе. Каждому ясно, что служебных морфем в языке очень мало по сравнению с корневыми. Но поскольку (сейчас будьте внимательны!) одна и та же служебная морфема обслуживает самые разные корневые морфемы, то частота наиболее употребляемых служебных морфем в обычном тексте должна намного превышать частоту корневых морфем. Может встретиться, конечно, специфический текст (в котором, например, часто повторяются одни и те же слова), но это отдельный случай, и речь сейчас не о нем.

Теперь о знаках. После всех обследований и подсчетов Кнорозов обнаружил, что в трех рукописях используется 355 повторяющихся по составу графем, не включая сильно отклоняющиеся вариации, цифры и диакритические знаки. Выявилась любопытная закономерность: чем дальше шло продвижение по тексту, тем все меньше и меньше встречались новые знаки. Однако привлечение к исследованию новых текстов майя (монументальных или на керамике) показало, что количество вновь появляющихся знаков никогда не доходит до нуля — новые довольно объемные надписи, хоть и все реже, но продолжают радовать новыми знаками.

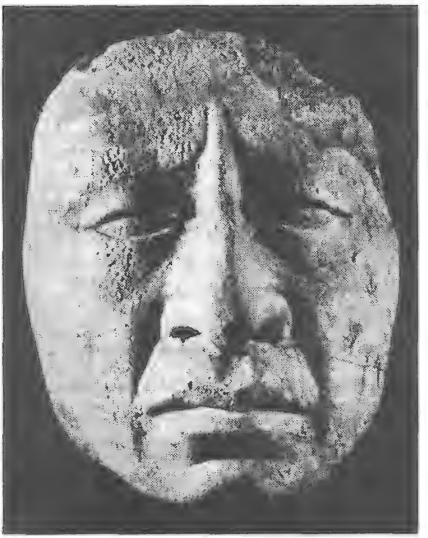
Тип письма майя

Перед Кнорозовым встала задача определить, какую единицу языка может передавать один знак. Ведь если считать алфавит майя инфрафонемным (в котором одну фонему передает сочетание двух

или более знаков) или фонемным (знак передает фонему), то в языке майя должно было быть свыше 300 фонем — а это невозможно ни для какого языка вообще.

А если считать этот алфавит морфемным (знак передает морфему), то количество морфем в языке изучаемых текстов должно было быть менее 400 — что тоже невозможно ни для какого языка.

Тем более исключалась вероятность того, что в текстах майя знаки передавали целые словоформы (то есть сочетания морфем), словосочетания или фразы, которые повторяются в рукописях более 14 тысяч раз! Количество знаков указывало на то, что в текстах майя был использован силлабический алфавит, однако это же количество превышало максимальное число возможных сочетаний двух фонем в любом языке почти на треть.



Лицо древнего майя (Паленке)

Анализ количества знаков позволил Кнорозову сделать важные выводы:

– тексты майя *не являются пиктографическими записями*, где знаки передают целые ситуации, описываемые сходными по содержанию, но разными по лексическому составу фразами. Кроме того, в пиктографии количество впервые появляющихся знаков сохраняется на одном и том же уровне на протяжении всей записи, чего в письме майя нет;

– письмо майя *не является идеографическим*, где одновременно должны использоваться около 5000 знаков (как в китайском языке);

– письмо майя *не является и буквенным*, в котором обычный репертуар составляет около 30 знаков (как в русском, испанском, французском, английском и большинстве других языков);

– алфавит майя не является наиболее частым вариантом силлабического, в котором обычный репертуар составляет около 80–100 знаков (как письменные системы Индии или Кореи);

И, наконец, главный вывод:

– *алфавит майя является морфемно-силлабическим* – то есть разновидностью силлабического письма.

Да, безусловно, – пришел к окончательному выводу молодой Юрий Кнорозов – алфавит майя является смешанным, морфемно-силлабическим. Что это означало? То, что каждый знак читается как слог, но вместе с тем каждый слог может быть равен корневой морфеме, то есть основной значимой части слова.

Как читаются знаки майя

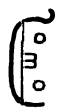
Каков же был состав слогов в языке майя? Их оказалось четыре:
Г (гласный)
ГС (гласный-согласный)
СГ (согласный-гласный)
СГС (согласный-гласный-согласный)

Так что древние иероглифические тексты записывались при помощи слогов этих типов и читались по специальным, не очень сложным правилам.

Итак, тип письма майя был выявлен. Далее предстояло заняться определением грамматических референтов. И здесь особый интерес представлял состав иероглифов.

В тексте рукописей знаки имеют различную абсолютную и относительную (то есть исключая случаи повторения в составе одного и того же иероглифа) частоту. Около трети всех знаков встречаются в составе только одного иероглифа. Примерно две трети употребляются в составе менее чем 50 иероглифов. И только единичные знаки встречаются чрезвычайно часто.

Количество знаков	*Относительная частота*
1	*Более 150*
1	*100–149*
5	*70–99*
8	*50–69*
8	*40–49*
9	*30–39*
19	*20–29*
37	*10–19*
43	*5–9*
82	*2–4*
92	*1*



Рекордсменом стал знак, который в алфавите Ланды был передан как звук U. Он оказался и до сих пор самым встречаемым словом – притяжательным местоимением 3-го лица – «его».

Кнорозову нетрудно было заметить, что, в отличие от египетских иероглифов, майяские записывались не по одному, а как бы объединялись в слитные группки. Их Кнорозов еще называл «блоками». Анализируя иероглифы с точки зрения количества входящих в них знаков, Кнорозов выделил и досконально сосчитал:

отдельные знаки (иероглиф включает один знак) —2,3%;

диграммы (иероглиф включает два знака) — 29,5%;

триграммы (иероглиф включает три знака) — 57,3%;

тетраграммы (иероглиф включает четыре знака) — 10,6%;

пентаграммы (иероглиф включает пять знаков) — 0,3%.

На этом заканчивалась основная цифровая часть работы и начиналось самое увлекательное: переход к установлению чтения знаков. Для Кнорозова наступил самый приятный момент — работа со словарями и постепенное наращивание количества читаемых знаков, доказательство правильности этого чтения путем перекрестного сопоставления.

Можно себе представить, с каким удовольствием Юрий приступил к «знакомству» с текстом рукописей! Прежде всего он начал выявлять иероглифы, которые можно было прочесть, используя в качестве ключа известные знаки алфавита Ланды, – всего таких знаков, включая примеры, было 29.

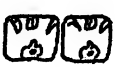
Так, Ланда приводит в своем алфавите знаки, позволяющие без дополнительных усилий прочесть в рукописях некоторые слова:

che - e

che-e — che («дерево»)

che - le

che-le — Chel («Радуга», имя богини Иш Чель)


ki - ki

ki-ki — kik («шарики душистой смолы»)

ma - ma

ma-ma — Mam (имя божества и прапредка)

Как известно, критерием правильности дешифровки в лингвистике служит так называемое перекрестное чтение — когда один и тот же знак читается одинаково в разных словах, и эти слова связываются в осмысленные предложения, а те, в свою очередь, не противоречат всему тексту. Поэтому можно было поискать такие слова, где знакомые иероглифы встречались в новом окружении и входили в новые слова:

u-lu

u-lu > ul — «приходить»

u - lu - m(u)

u-lu-um > ulum — «индюк»

cu - tzu

cu-tzu > cutz — «индюк»

tzu-lu > *tzul* — «собака»

Теперь посмотрим параграф из Мадридской рукописи M 91a:

u-tul-hab — «охота»
u-le-e — «с силком»
cu-tzu — «[на] индюков»
ca-yax-king — «в новый сезон [охоты]»

Текст сопровождается сценой: индюк, попавший в петлю, которая привязана к согнутому дереву, сидит на знаке *chab* — «земля».

Удача! В сопровождавшей иероглифы сцене изображался индюк, попавший в западню. Это было косвенным подтверждением итого, что Юрий был на правильном пути...

Кнорозов лихорадочно вновь и вновь просматривал рукописи, выискивая максимальное количество знаков с известным (или предполагаемым) чтением. Поэтому приходилось, отталкиваясь от тех знаков, которые зафиксировал Ланда, пополнять всеми силами коллекцию узнаваемых элементов, чтобы двигаться дальше.

Рассуждения Кнорозова в этот момент были таковы: Ланда в своем алфавите приводит слоговой знак *cu*. Он появляется первым в иероглифе «индюк», смысл которого предположительно определен путем сличения текста и сопровождающего текст рисунка. В языке майя употребляются два синонима для выражения понятия «индюк» — *cutz* и *ulum*. Можно предположить, что знаковый блок, обозначающий индюка, является фонетической записью слова *cutz* и что второй знак в нем должен читаться как *tz*.

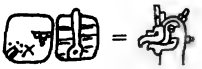
Вместе с тем знак, передающий *tz*, стоит первым в иероглифе, сопровождающем изображение собаки. А в этом иероглифе вторым стоит знак, который Ланда поместил в свой алфавит как L. В языке майя имеется несколько синонимов для выражения понятия «собака» — *рек, tzul, ah bil, bincol*. Из всего этого набора, естественно, больше всего подходит второй вариант — *tzul*. Поэтому можно предположить, что иероглиф «собака» является фонетической записью слова *tzul*, так как чтение первого знака иероглифа включает *tz*, а второго — *l*.

Имелись и другие подсказки. Так, например, на странице 19a Дрезденской рукописи вместо цифры 11 оказался вдруг иероглиф из трех знаков. Не надо было быть Шампольоном, чтобы предположить: этот иероглиф является не чем иным, как фонетической записью числительного «одиннадцать» на языке майя — *buluc*. Значение первого знака — неизвестно. Второй знак в алфавите Ланды и в иероглифе «собака» читается как L. Третий знак в алфавите Ланды и в иероглифе «индюк» читается как cu. Даже Фома неверующий согласился бы, пожалуй, с тем, что здесь действительно должно быть слово *buluc*. И первый знак должен читаться как *bu*.

[XI] = (buluc) = [bu]-lu-cu *(buluc) [bu]-lu-cu*

Это был настоящий подарок судьбы, за который Кнорозов от всей души поблагодарил древнего жреца.

Юрий уже понял, что фонетическое использование знака предполагало особый порядок чтения гласных – иногда они лишь подтверждали корневую гласную:



cu-tz(u) вместо cutz (уже знакомый нам «индюк»), tzu-l(u) вместо tzul (уже знакомая нам «собака»), а теперь еще bu-lu-c(u) вместо «одиннадцати»!

Более того, Кнорозов, не уступающий в своей дотошности, пожалуй, самому Диего де Ланде, не поленился обнаружить в другом тексте (надписи из селенья Йула) иероглиф, состоявший из тех же двух знаков, что и блок «индюк», но расположенных в обратном порядке: *tzu-cu*. Стало понятно, что это должна быть фонетическая запись слова *tzuc*, что означает «отряд». Кроме того, перед словом стояла цифра 4. А ведь «кан цук» – это легендарные для истории майя «четыре отряда»! О них идет речь в исторических хрониках, где перечислены родоначальники четырех подразделений племени Ица. А четыре возглавляемые ими отряда некогда завоевали Северный Юкатан. Аналогичный пример обнаружился и в Д 66а, где фраза начинается блоком из двух знаков, первый из которых уже хорошо известный нам *lu*, а второй — *bu*. Слово явно должно было быть глаголом *lub* — «падать», «идти дождю» (в сочетании *lub chaac*). В сопровождающей сцене падающие с неба струи дождя отнюдь не противоречили смыслу текста.

Итак, один и тот же знак мог выступать и как слоговой (ГС, СГ), и как просто алфавитный, передающий один лишь согласный: [Г] С, С[Г]. Однако в этом случае возник вопрос: какой именно из слогов с нужным нам согласным следует выбрать для записи слова? Ведь их могло быть несколько. К примеру, возьмем все того же «индюка» и попробуем сами записать его фонетически: *tzu-l(u)*. А может быть, *tzu-l(e)*? Или *tzu-l(a)*?

Какая разница, ведь все равно гласный не произносится? Однако даже немногие выявленные примеры показывают, что использовавшийся в качестве алфавитного для передачи одного лишь согласного знак должен был иметь по преимуществу сингармоничный с морфемным гласный или близкий по способу произнесения: *e/i, o/u*... Вместе с тем «безгласное» использование слоговых знаков было делом столь обычным, что иногда знак, передающий открытый слог (СГ), сопровождался звуковым подтверждением, то есть знаком, передающим только гласный, идентичный морфемному:

che-e > *che* — «дерево»
le-e > *le* — «силок»
mo-o-o > *moo* — «попугай» (в этом случае, помимо прочего, подчеркнута и долгота гласного).

«Я НЕ ХОЧУ» – так написал индейский информатор Ланды, совсем запутавшись в диктовке монаха и записях иероглифов

Далее совершенно закономерно следовало (если, конечно, помнить, что гласный равен слогу), что для всех гласных звуков должны существовать самостоятельные знаки. Впрочем, с этим особых проблем не возникло, поскольку все они уже были даны в алфавите Ланды.

Чтение иероглифов, в которых встречается один из известных знаков, не составляет особого труда в том случае, если лексика в достаточной степени известна. А у Кнорозова были под рукой все доступные в то время словари языка майя. Некоторые из них были от руки переписаны им в библиотеках, другие оказались на стеклянных фото-пластинах, третьи отпечатаны как фотографии...

Итак, сделав все, что было возможно, отталкиваясь от «алфавита», предложенного Диего де Ландой, Кнорозов перешел к следующему этапу — этапу изучения самого *текста*, то есть тех самых, сохранившихся трех рукописей майя. Но и здесь не обошлось без «бухгалтерии».

Из чего складываются иероглифы

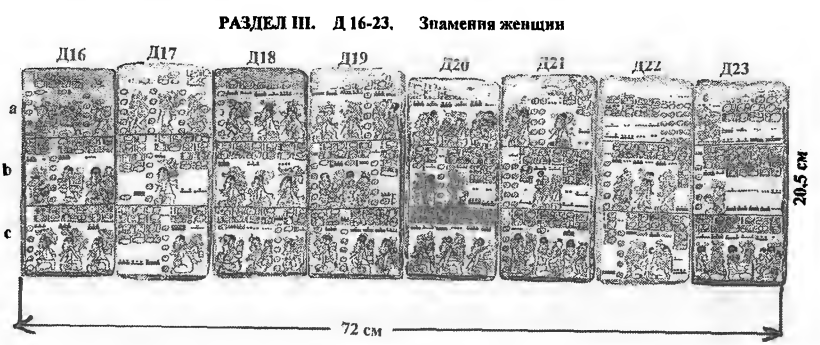
По своей позиции в строке иероглифы были поделены на шесть групп. Проанализировав их сочетаемость с переменными и полупеременными знаками, Кнорозов сумел выделить иероглифы, передававшие главные и второстепенные члены предложения. Стало ясно, что переменные знаки в составе иероглифов часто могли обозначать аффиксы и служебные слова (частицы, предлоги, союзы).

Далее, на основании определения грамматических референтов и отдельных переменных и полупеременных знаков уже не составило особого труда предположить общий смысл основных типов строк. Юрий Кнорозов условно обозначил буквами группы иероглифов по их позиции в строке:

А — иероглифы, занимающие в подавляющем большинстве случаев первое место в строке. Выражают сказуемое.

В — иероглифы, занимающие обычно второе место в строке. Выражают объект действия (дополнение).

С — иероглифы, занимающие третье место в строке или второе в случае отсутствия В. Выражают субъект действия (подлежащее).



В таком порядке читались страницы рукописей майя: по разделам

D — иероглифы, обычно сопровождающие C. Выражают определение (приложение).

E — иероглифы, не занимающие определенной позиции в строке, хотя чаще встречающиеся на первой и второй позиции. Выражают обстоятельства.

Теперь выделим основные типы строк:

1. [A>C>(D)]: субъект C, имеющий характеристику D, производит действие A.

Пример (M 90б):

kaz — «причиняет зло»

Um Tzek — «[бог] Йум Цек'»

ye-cham-el — «грозящий гибелью»

2. [A>B>C>E]: субъект C производит действие A с объектом B при обстоятельствах E. Пример (M 60б):

a-em-aan – «нисходит»

Kax-ix — «[бог] Кашиш»

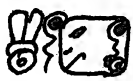
ti Kan-te — «на желтое дерево»

ma-ho — «[на] юге»

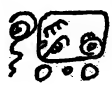
3. [C>B>C>(D)]: субъект C(1), имеющий характеристику D, является объектом B для субъекта C(2). Пример (Д 20в):

Um Tzek — «[Бог смерти] Йум Цек'»

u-cu-chu — «ноша»



zac-ch'up — «девушки»

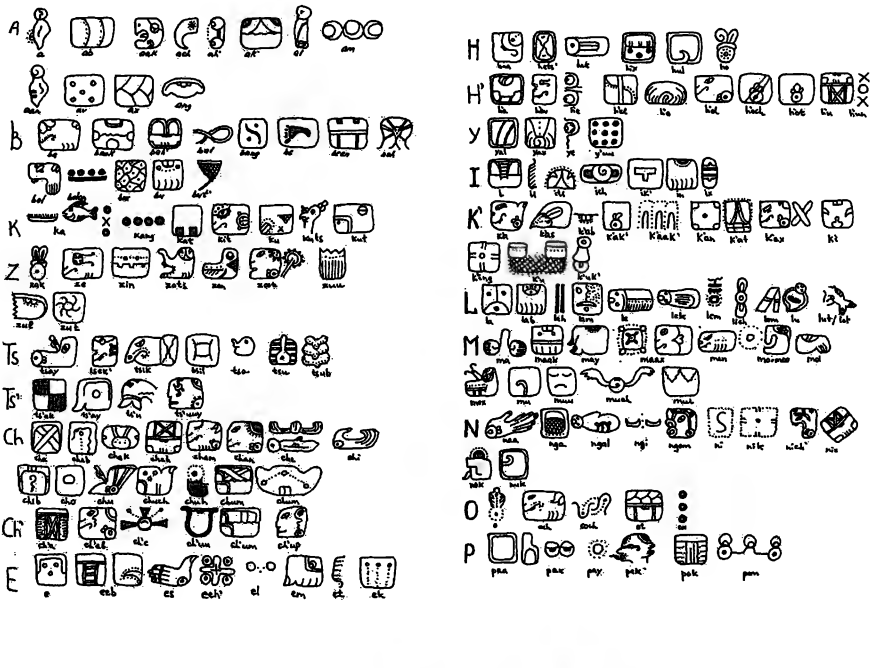


ye cham-el — «грозящий гибелью»

И только после всех этих формальных манипуляций наконец-то можно было переходить к полному переводу всего текста.

Таким образом, дешифровка письма майя заключалась в выявлении типа письма, определении функций знаков, определении грамматических референтов, выявлении корневых и служебных морфем, установлении чтения основного состава знаков и доказательстве этого чтения путем перекрестного чтения. Впервые заговорившие книги майя оказались жреческими требниками, согласовывавшими хозяйственные работы и ритуалы с календарными циклами и датами.

Со всем этим прекрасно справился Юрий Кнорозов, начав работу еще студентом, в 1940-е годы.



Каталог слоговых знаков, которые выявил Кнорозов с дешифровкой иероглифического письма майя

ГЛАВА 7
ОПЯТЬ В АСПИРАНТУРУ?

Хочу защищать кандидатскую диссертацию...

Профессор Токарев и не думал оставлять в тоске и депрессии своего талантливого ученика, да еще дешифровавшего письмо майя. Спустя два успешно отработанных по специальности года после окончания Юрием МГУ, летом 1950-го, Сергей Александрович по согласованию с Толстовым предпринял очередную попытку устроить Кнорозова в аспирантуру Ленинградского отделения Института этнографии Академии наук (Кунсткамеру). Казалось бы, когда сам московский директор ИЭ АН СССР Сергей Павлович Толстов берется за дело, сомнений в удачном исходе не должно быть по определению. Но дело оказалось нелегким, хотя и не невозможным для Толстова, о чьей способности решать любые проблемы ходили легенды. Как вспоминал антрополог В.П. Алексеев, Сергей Павлович, создавая Институт этнографии, сумел собрать лучших этнографов и антропологов со всей страны. Он смог не только их всех объединить, но и добился прописки и обеспечил жильем в Москве приехавших профессионалов с периферии.

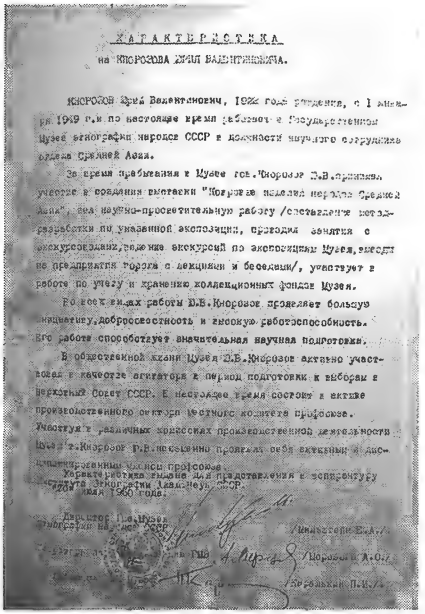
Директор Института этнографии и председатель Ученого совета Сергей Павлович Толстов как стратег работал на опережение, приняв решение добиться для Ю.В. Кнорозова присуждения степени доктора исторических наук вместо кандидата. Тем самым Кнорозов приобрел бы неуязвимый научный статус. Судя по воспоминаниям участников этой «спецоперации», двойная защита готовилась всерьез и заранее. С.П. Толстов и С.А. Токарев не могли допустить провала.

Именно поэтому Толстов тщательно продумал все ходы. Для начала решили направить Кнорозова отучиться два года в вечернем Университете марксизма-ленинизма при Ленинградском городском комитете ВКП(б). Это было необходимо для того, чтобы по мере возможности стереть в головах ретивых чиновников от науки мысль о «неблагонадежности» пробывшего полтора года в оккупации Юрия. Ему выдают билет № 2033, и с сентября 1950 года по июль 1952-го он честно повышает свой идеологический уровень, о чем свидетельствуют все отличные оценки по таким предметам, как «История ВКП(б)», «История СССР», «Диа-

мат и истмат», «Политэкономия». Видимо, это было важным ходом, поскольку позже Кнорозов обязательно указывал во всех анкетах, что окончил этот замечательный университет, подведомственный отделу пропаганды и агитации Ленинградского ГК ВКП(б).

Курьером в этом непростом деле, которого долго гоняли между Москвой и Ленинградом с разными секретарскими поручениями, стала Ирина Хорошаева – в те времена молоденькая, удивительно красивая и элегантная сотрудница Института этнографии, по ее собственным словам, «самый младший член сектора Америки, Австралии и Океании». С Кнорозовым у нее сложились дружеские, товарищеские отношения, которые не меняло ни время, ни обстоятельства. И летом 1950 года она начала собирать нужные бумаги.

15 июля директор Е.А. Мильштейн подписывает довольно странную справку следующего содержания:



ХАРАКТЕРИСТИКА
на КНОРОЗОВА ЮРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА.

КНОРОЗОВ Юрий Валентинович, 1922 года рождения, с 1 января 1949 г. и по настоящее время работает в Государственном Музее этнографии народов СССР в должности научного сотрудника отдела Средней Азии.

За время пребывания в Музее тов. Кнорозов Ю.В. принимал участие в создании выставки "Ковровые изделия народов Средней Азии", вел научно-просветительную работу /составление метод-разработки по указанной экспозиции, проводил занятия с экскурсоводами, ведение экскурсий по экспозициям Музея, выводы на предприятия города с лекциями и беседами/, участвует в работе по учету и хранению коллекционных фондов Музея.

Во всех видах работы Ю.В. Кнорозов проявляет большую инициативу, добросовестность и высокую работоспособность. Его работа способствует значительная научная подготовка.

В общественной жизни Музея Ю.В. Кнорозов активно участвовал в качестве агитатора в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. В настоящее время состоит в активе производственного сектора местного комитета профсоюза. Участвуя в различных комиссиях производственной деятельности Музея т. Кнорозов Ю.В. неизменно проявлял себя активным и дисциплинированным членом профсоюза.

Характеристика выдана для предоставления в аспирантуру Института Этнографии Акад. Наук СССР.

20 июля 1950 года.

Директор Гос. Музея Этнографии народов СССР /Мильштейн Е.А./

Секретарь ГМЭ /Морозова А.О./

Начальник ГМЭ /Каральник П.И./

Характеристика для предоставления в аспирантуру, выданная Ю.В. Кнорозову директором Е.А. Мильштейном

СПРАВКА

Государственный музей этнографии народов СССР не возражает в поступлении научного сотрудника тов. КНОРОЗОВА Ю.В. в аспирантуру Института Этнографии Академии Наук СССР /Ленинградское отделение/

Справка дана для предоставления в аспирантуру Института Этнографии Акад. Наук СССР.

Директор Мильштейн Е.А.
Секретарь Иванова Н.А

А 20 июля утверждается характеристика научного сотрудника Кнорозова:

ХАРАКТЕРИСТИКА
на КНОРОЗОВА ЮРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА.

Кнорозов Юрий Валентинович, 1922 года рождения. С 1 января 1949 г. по настоящее время работает в Государственном Музее этнографии

народов СССР в должности научного сотрудника народов Средней Азии.

За время пребывания в Музее тов. Кнорозов Ю.В. принимал участие в создании выставки «Ковровые изделия народов Средней Азии», вел научно-просветительскую работу /составление методразработки по указанной экспозиции, проводил занятия с экскурсоводами, ведение экскурсий по экспозициям Музея, выезды на предприятия города с лекциями и беседами/, участвует в работе по учету и хранению коллекционных фондов Музея.

Во всех работах Ю.В. Кнорозов проявляет большую инициативу, добросовестность, высокую работоспособность. Его работе способствует значительная научная подготовка.

В общественной жизни Музея Ю.В. Кнорозов активно участвовал в качестве агитатора в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. В настоящее время состоит в активе производственного сектора Местного комитета профсоюза.

Участвуя в различных комиссиях производственной деятельности Музея т. Кнорозов Ю.В. неизменно проявлял себя активным и дисциплинированным членом профсоюза.

Характеристика выдана для представления в аспирантуру Института Этнографии Акад. Наук СССР.
20 июля 1950 года

Директор Гос. Музея
этнографии народов СССР /Мильштейн Е.А. /
Секретарь парторганизации ГМЭ /Морозова А.С. /
Председатель МК Музея /Каралькин П.И. /

На основании этого формального «направления» (по справке) Кнорозова допускают к сдаче экзаменов для поступления в аспирантуру АН СССР по Институту этнографии. Это была удача!

В первую очередь он сдает экзамен по основам марксизма-ленинизма, отвечая на три вопроса:

1. В.И. Ленин о работе коммунистов в реакционных профсоюзах («Детская болезнь левизны в коммунизме») – отлично;
2. Марксистский философский материализм о познавательности мира и его закономерностей – отлично;
3. Тов. Сталин об источниках силы и могущества Советской Армии – отлично.

Общая оценка «отлично» – Толстов и Токарев вздохнули с облегчением. А самому Юрию интересней всего показался второй вопрос – он соприкасался с любимой темой «теории коллектива».

11 сентября проходит экзамен по иностранному языку – французскому. Сначала письменный перевод текста из «Etudes d'étnographie», а затем и устный перевод текста «La littérature et la défance de la paix». Все на «отлично».

29 сентября 1950 г. доходит дело до экзамена по специальности – этнографии, где тоже три вопроса:

1. Периодизация истории первобытных обществ – «отлично»;
2. Памятники культуры народов Центральной и Южной Америки – «отлично»;
3. Проблемы антиимпериалистического движения в Центральной и Южной Америке – хорошо»;

Общая оценка ОТЛИЧНО

Председатель комиссии И. Потехин
Члены комиссии (две неразборчивые подписи)
Будущий научный руководитель аспиранта С. Токарев

По всей видимости, на «отлично» были сданы и остальные экзамены. Мильштейн, на всякий случай, чтобы украсить биографию Кнорозова, 5 ноября 1950 года издает приказ:

Отмечая большую работу, проведенную по переучету музейных экспонатов и организацию хранения музейных фондов, выношу благодарность с занесением в личное дело Кнорозову Ю.В.

Директор Гос. Музея этнографии Мильштейн Е.А.

С 1949 года африканист Иван Изосимович Потехин был заместителем директора Института этнографии, и, по всей видимости, директор Толстов попросил его возглавить экзаменационную комиссию, чтобы подстраховать результаты. По общему мнению, Сергей Павлович Толстов был гениальным администратором, который ни в чем не упускал ни малейшей детали. В декабре, когда все необходимые документы были собраны, Потехин пишет записку:

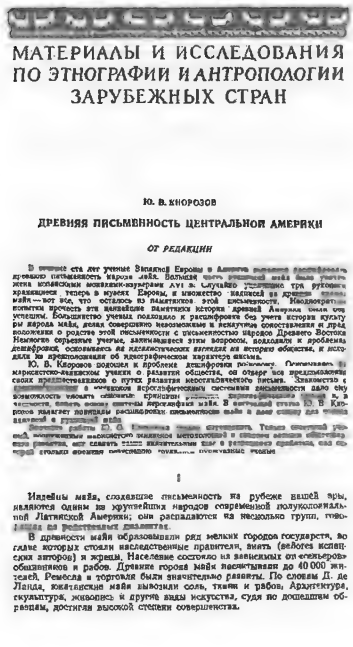
НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА АСПИРАНТУРЫ АН СССР
тов. Каратаеву Н.К.

Институт Этнографии АН СССР просит Вас зачислить т. Кнорозова Ю.В. на 1 курс аспирантуры по специальности «Этнография народов Центральной Америки».

Научный руководитель доктор исторических наук С.А. Токарев
Зам. Директора Института
Этнографии АН СССР
Кандидат исторических наук И.И. Потехин

От руки надпись: На Бюро Отделения
А.Удальцов

печать 27/XI-50



МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. В. КНОРОЗОВ

ДРЕВНЯЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

ОТ РЕДАКЦИИ

[illegible]

Индейцы майя, создавшие письменность на рубеже нашей эры, являются одним из крупнейших народов современной полуколониальной Латинской Америки; они распадаются на несколько групп, говорящих на родственных диалектах.

В древности майя образовывали ряд мелких городов государств, во главе которых стояли наследственные правители, знать (señores испанских авторов) и жрецы. Население состояло из зависимых от «сеньеров» общинников и рабов. Древние города майя насчитывали до 40 000 жителей. Ремесла и торговля были значительно развиты. По словам Д. де Ланда, юкатанские майя вывозили соль, ткани и рабов. Архитектура, скульптура, живопись и другие виды искусства, судя по дошедшим образцам, достигли высокой степени совершенства.

Первая публикация Ю.В. Кнорозова, посвященная письму майя

Более того, 12 декабря Сергей Александрович Токарев обращается с прямым письмом в Президиум Академии наук СССР:

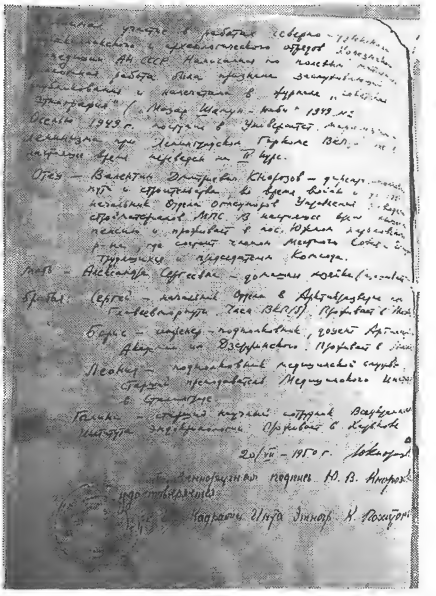
12 декабря 1950 г.

Прошу Президиум Академии Наук СССР рассмотреть вопрос о возможности зачисления тов. Кнорозова Юрия Валентиновича в аспирантуру Института Этнографии АН СССР, в расширение установленной нормы приема на 1950–1951 г.

Ю.В. Кнорозов, окончивший Исторический факультет МГУ по кафедре Этнографии в 1948 г. и в настоящее время работающий научным сотрудником Государственного Музея Этнографии народов СССР (Ленинград), является молодым исследователем с совершенно исключительными задатками. Еще на университетской скамье он, изучив ряд систем иероглифической письменности (египетской и др.), пришел к самостоятельному построению общей теории развития иероглифической письменности. Разработанный им самим метод он затем применил к изучению памятников иероглифического письма древних майя Центральной Америки. Как известно, загадка расшифровки этого загадочного письма до сих пор зарубежной наукой не разрешена. Более того, один из крупнейших мировых авторитетов в этой области, заложивший около полувека тому назад основы изучения письменности майя, Шелльхас, в своей последней работе пришел к неутешительному выводу о принципиальной невозможности полной расшифровки этой письменности. Между тем, работы Ю.В. Кнорозова над памятниками письма майя уже сейчас привели его к открытию важнейшего ключа к решению данной проблемы. Хотя задача интерпретации и перевода текстов майя остается для Кнорозова еще впереди, тем не менее, проблему в принципе можно считать решенной. Эта работа, когда она будет доведена до конца, составит славу советской науки и подтвердит наглядным образом ее превосходство над зарубежной буржуазной наукой даже в такой области, как изучение древнеамериканской письменности, над которой десятилетиями работают лучшие американские специалисты.

Ю.В. Кнорозов уже выполнил и ряд других важных работ как по американистике, так и в других областях знаний. Им закончен перевод на рус-

ский язык важнейшего источника по древним культурам Америки – старо-испанского текста Диего де Ланда. В настоящее время он работает над переводом с индейского языка кечуа уникального памятника древнеиндейской художественной литературы – драмы «Ольянтай»[30].



Автобиография Юрия Кнорозова для поступления в аспирантуру

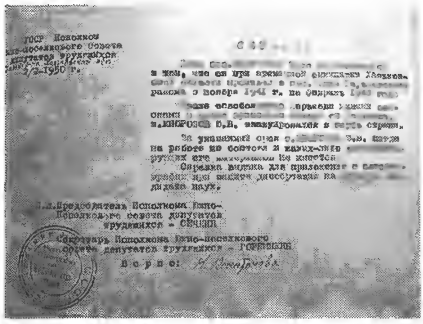
Работая над изучением систем летосчисления разных народов, Ю.В. Кнорозов пришел к интересным выводам о происхождении своеобразного циклического счисления годов (напр. Известный 12-летний цикл у тюркских и других народов).
У Ю.В. Кнорозова имеются также работы, законченные или незаконченные, по вопросам истории и этнографии Средней Азии, по общим проблемам истории первобытнообщинного строя (напр. о происхождении экзогамии).

Я считаю совершенно необходимым обеспечить Ю.В. Кнорозову возможность продолжить и углубить свою систематическую научную подготовку в области этнографии, путем зачисления его в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Вступительные экзамены тов. Кнорозов сдал на «отлично».

Доктор исторических наук
Профессор
(заведующий сектором Австралии,
Океании и Америки Института
Этнографии АН СССР) С.А. Токарев

Однако все оказалось напрасно... Для многочисленных в то время чиновников от науки, бездарных в научном плане, но ретивых в идеологическом, все заслуги молодого талантливого ученого перевесил

[30] Это чрезвычайно интересное замечание. Дело в том, что позже перевод текста кечуа Апу-Ольянтай был опубликован Ю.А. Зубрицким. Эта официальная характеристика Токарева, написанная задолго до того, как Зубрицкий стал американистом, несколько меняет представление как об авторстве перевода этого произведения на русский язык, так и о круге научных интересов Ю.В. Кнорозова, всегда стремившегося привлечь новых специалистов в изучение индейских культур.



Одна из справок о нахождении в оккупации

тот факт, что в июне 1941-го студент, не очень здоровый и вовсе неподготовленный, безоружный, не по своей воле оказался на территории, захваченной врагом. При этом выжил, продолжил учебу и (даже без их ведома!) позволяет себе совершать гениальные открытия. Не помогло и то, что Кнорозов честно отрабатывал агитатором в избирательных кампаниях, состоял членом комиссии народного контроля и некой конкурсной комиссии...

Но, несмотря на некоторое временное уныние, Юрий окончательно завершает работу над дешифровкой, о чем спешит доложить Токареву. Все оказывается не так просто, поскольку Токарев какое-то время находится в Берлине, где читает лекции в университете. Однако Юрий находит его адрес и 20 ноября 1951 года отправляет своему учителю письмо:

> Многоуважаемый Сергей Александрович!
>
> Наконец я узнал Ваш адрес и могу рапортовать Вам о том, что Ваше задание выполнено – письменность майя расшифрована. Эта письменность оказалась, как я и предполагал, иероглификой. Утверждаю это с полной ответственностью за свои слова и могу, кроме того, сослаться на профессора Д.А. Ольдерогге, которому я представил соответствующие доказательства. Могу также отметить, что Томпсон в своей последней работе (целый фолиант, изданный в США в 1950 г.) не прочел ни одного слова. Таким образом, полагаю наш приоритет обеспеченным.
>
> В заключение разрешите поздравить Вас, потому что все это предприятие с майя скорее Ваше, чем мое.
> Очень сожалею о Вашем отсутствии.
> С уважением Ю. Кнорозов[31]

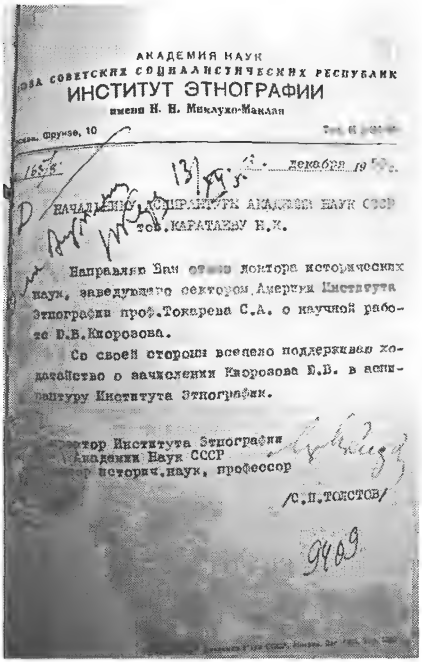
А тем временем продолжался мучительный период ожидания решения об аспирантуре. Кнорозов на два месяца с удовольствием отправился в Туркмению – это была экспедиция Музея этнографии под руководством А.С. Морозовой. Как свидетельствуют отчеты, «экспедиция в течение двух месяцев побывала в отдаленных колхозах республики и собрала значительный материал по социалистическому быту и культуре туркмен, лучшие образцы современной одежды, обуви, ковры-портреты, картины, фотоснимки передовых

[31] Цитируется по: *Аграновский А.А.* Счастливые. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 52.

колхозов-миллионеров, героев социалистического труда и т. д. Участники экспедиции посетили трассу Главного Туркменского канала. Собран материал по рабочему быту туркмен». В результате была организована экспозиция «Туркмены XIX–XX вв.».

Толстов и Токарев бились за Кнорозова целый год. Но, как они ни старались, все же оказались бессильны перед бдительным оком «органов». 9 февраля 1952 года на имя Потехина пришел пакет со всеми документами Кнорозова без каких бы то ни было пояснений, а только с двумя строчками сопроводительного письма на бланке:

> Отдел аспирантуры Академии Наук СССР возвращает личное дело Кнорозова, не принятого в аспирантуру АН СССР.
>
> Начальник отдела
> Аспирантуры Академии Наук
> СССР В.Д. Новиков



АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
имени Н. Н. Миклухо-Маклая

...ровск, Фрунзе, 10 Тел. К 2-61-...

165/к 13/XII-52 г. декабря 19...г.

НАЧАЛЬНИКУ АСПИРАНТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР
тов. КАРАТАЕВУ Н.К.

Направляю Вам отзыв доктора исторических наук, заведующего сектором Америки Института Этнографии проф. Токарева С.А. о научной работе Б.В. Кнорозова.

Со своей стороны всецело поддерживаю ходатайство о зачислении Кнорозова Б.В. в аспирантуру Института Этнографии.

Директор Института Этнографии
Академии Наук СССР
доктор историч. наук, профессор
/С.П. ТОЛСТОВ/

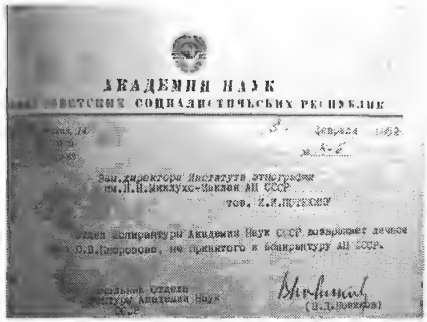
9409

Ходатайство С.П. Толстова, сопровождающее письмо С.А. Токарева в Президиум АН СССР

Это был удар. Удар, который только усилил депрессию. Неслучайно именно к этому времени относятся первые рассказы близких о том, как под столом у Юрия начала расти батарея бутылок – беда, которая преследовала Кнорозова всю жизнь... Однако на том этапе это мало кто замечал или придавал особое значение. Да и времена были такие, что выпивка считалась не грехом, а скорее наоборот...

Радостным событием, впрочем, стала вышедшая в том же 1952 году, в № 3 журнала «Советская этнография», статья по результатам дешифровки «Древняя письменность Центральной Америки». Но вряд ли Юрий тогда утешался мыслью, что его статья открывает новую эпоху в американистике. А впрочем... Он был весьма честолюбив и знал себе цену.

Как бы то ни было, такой удар мог подкосить любого. Но только не Толстого и Токарева. У них уже заранее был продуман запасной вариант. Почти сразу же начинается операция по переводу Юрия из Музея этнографии народов СССР в Кунсткамеру. Никто же не мог запретить ленинградскому отделению Института этнографии АН СССР взять на работу нового сотрудника? Тем более во вновь созданный сектор, где этих самых сотрудников так не хватало.


АКАДЕМИЯ НАУК
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Зам.директора Института этнографии
им.Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР
тов. Е.И.ПОТЕХИНУ

Отдел аспирантуры Академии Наук СССР возвращает личное
Ю.П.Кнорозова, не принятого к аспирантуру АН СССР.

Начальник Отдела
Аспирантуры Академии Наук
СССР

Возврат документов в аспирантуру, без объяснений

Вообще-то отдел Америки МАЭ появился еще в самом начале XX века, и возглавил его выдающийся этнограф Л.Я. Штернберг. Он был специалистом по народам Сибири, и именно его перу принадлежит классический труд «Первобытная религия в свете этнографии». Эту работу Кнорозов всю жизнь считал одной из своих настольных книг. После революции в 1918 году главой отдела стал выдающийся специалист по этнографии народов Сибири В.Г. Богораз-Тан. Так уж случилось, что сотрудниками отдела Америки (I и II) долгое время традиционно были специалисты по северным народам – других американистов поначалу было взять неоткуда.

Тем не менее уже в 1952 году директор Толстов воссоздает (или практически создает) новое подразделение – «Сектор Америки, Австралии и Океании». Не исключено, что это было сделано ради изменения штатного расписания, куда можно было бы вписать Юрия Кнорозова. И совсем неслучайно первым заведующим этим сектором стал именно Сергей Александрович Токарев. Ситуация с кадрами была непростая – их хронически не хватало. Приходилось набирать желающих переключиться на Америку из других направлений. Но были и настоящие профессионалы, которым Толстов непременно помогал, как можно видеть на примере научной судьбы Юлии Павловны Аверкиевой.

Юлия Павловна Аверкиева – блестящий этнограф, пожалуй, первый профессиональный американист в отечественной этнографии.

Ю.П. Аверкиева родилась в Архангельской губернии в 1907 году в крестьянской семье. Окончила школу в 1925 году и поступила в Ленинградский университет на геофак, где училась у В.Г. Тан-Богораза и Л.Я. Штернберга, специализируясь по финно-уграм. Блестяще закончила в 1929 году университет и была направлена в Колумбийский университет (Нью-Йорк). Там ей довелось специализироваться по американской этнографии под руководством Франса Боаса. Она даже приняла участие в экспедиции к индейцам квакиютль на озере Ванкувер (Канада).

Вернувшись в СССР, в 1931 году Юлия Павловна поступила в аспирантуру и была прикреплена к Музею антропологии и этнографии АН СССР. В 1935 году блестяще защитила кандидатскую диссертацию по теме «Рабство у племен северо-западного побережья Северной Америки». А в 1936 году ее исключили из комсомола за «потерю классовой бдительности» и работать в Музее ей не позволили «ввиду имеющегося мнения акад. И.И. Мещанинова о ее слабой научной под-

готовке». При этом академик Мещанинов, юрист по образованию, не был ни лингвистом, ни этнографом – зато безошибочно верно проводил политику партии и Сталина, за что, впрочем, и стал академиком.

Юлия Павловна Аверкиева

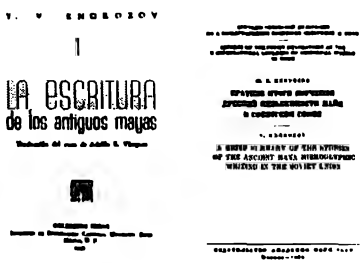
До войны Юлия Павловна некоторое время работала в библиотеке, не оставляя научной деятельности. Потом вышла замуж за дипломата и уехала в Китай. Поступила в докторантуру. По возвращении Толстов тут же взял ее на работу в Институт этнографии. Это случилось 1 ноября 1947 года, а 25 ноября ее арестовали и отправили в мордовские лагеря, затем выслали в Красноярский край. Только в 1954 году она вернулась в Москву... В 1956 году Аверкиеву реабилитировали и в 1957-м восстановили в должности мл. научного сотрудника Института этнографии. Только в 1962 году ей удалось защитить докторскую диссертацию.

С 1975 году Юлия Павловна возглавляла сектор народов Америки ИЭ. Она сохраняла традицию развития отечественной американистики, поддерживая планку, заданную великими Штернбергом, Тан-Богоразом, Токаревым, вплоть до своей смерти в 1980 году. После нее сектор постепенно, по мере ухода корифеев, начал разваливаться и практически прекратил свое существование.

Итак, в 1952 году создается сектор Америки, Австралии и Океании, а на следующий год сотрудником этого сектора в ленинградском отделении Института становится Юрий Кнорозов[32]. Сразу же было оформлено и его соискательство. На плечи московской сотрудницы – молоденькой красавицы Ирины Хорошаевой – в очередной раз легла тяжесть бумажной подготовки «операции» по его переводу в Ленинградское отделение Института этнографии, оформлению соискательства и затем защиты нестандартной диссертации Кнорозова.

А Юрий тем временем... женился! Его избранницей стала Валентина Михайловна Самкова: высокая, смешливая красавица с длинной русой косой, филолог-русист, работавшая тогда старшим преподавателем 2-го Ленинградского педагогического института иностранных языков. Она тоже писала свою кандидатскую диссертацию. Свадьбы

[32] Там же. С. 18.



Публикации Кнорозова

(в смысле цветов, белых нарядов и гостей с цветами и подарками), судя по всему, не было. Пошли, расписались в районном ЗАГСе, и все. Никого не приглашали, да и было некуда: жену Юрий привел в ту же малюсенькую комнату-пенал в музее, по адресу Инженерная улица, дом 4/1, кв. 11. Как они жили там вдвоем – уму не постижимо! А родителям Юрий сообщил о жене лишь в письме, без особых подробностей.

Между тем в издательстве «Наука» уже вовсю шла подготовка к печати перевода «Сообщения о делах в Юкатане» Диего де Ланды с потрясающей вступительной статьей, которая, собственно, и превратилась в знаменитую диссертацию, практически с тем же названием «"Сообщение о делах в Юкатане" Диэго де Ланда как историко-этнографический источник». Имя Диего тогда писалось через «Э», а мужская фамилия Ланда не склонялась. Но сути дела это не меняло.

Последователь Ланды

Среди немногих людей, которыми искренне всю жизнь восхищался Кнорозов, именно Диего де Ланде принадлежало первое, никем не оспариваемое место. Юрий Валентинович потом часто повторял, что почти за пятьсот лет не появилось ни одной работы, которая по тщательности и точности сведений могла бы сравниться с написанным епископом. Его слова «Я следую епископу» не были просто красивой фразой. Предисловие к переводу (а также приложения) показывают, что и сам Юрий был знаком со всеми направлениями существовавших в мире исследований и всей литературой по изучению майя, которая существовала на то время. Он прекрасно знал практически все имевшиеся тогда источники по древним и колониальным майя. Обзор литературы и источников, которыми он пользовался, приведен в приложении. Издание Жана Женэ Кнорозов подкорректировал с учетом того, что было в других изданиях рукописи Ланды. Собственно, текст предисловия – это рассмотрение сюжетов «Сообщения о делах в Юкатане», только с позиций анализа имевшихся на эти темы работ и их обоснованной критики, дополненной собственной аргументированной позицией. В первую очередь это касается календаря и письменности, но и прочие темы не остаются без его внимания.

Одном словом, еще в студенческие годы Кнорозова Диего де Ланда стал для него настоящим кумиром и «образцом для научного подражания». Правда, открыто говорить об этом в те годы было запрещено: официальная советская версия, вторившая полюбившейся на Западе «черной легенде», созданной в XVI веке вороватой королевской администрацией, оценивала Ланду как «мракобеса» и «религиозного фанатика». Поэтому Кнорозов, отдавая

должное идеологическим клише: «Лицемерие этих ханжеских рассуждений будущего епископа совершенно очевидно...» (а как же иначе!), внутри текста проводит линию на исключительную точность описаний Диего де Ланды, что невольно вызывает симпатии читателя к этому персонажу[33].

Фотография только что поженившихся Юрия Кнорозова и Валентины Самковой (слева) Справа – родственница

Вторая линия, которую Кнорозов скрыто «протаскивает» сквозь текст своего предисловия в понятной специалистам версии, это констатация наличия государственности у древних майя. Это и в рассмотрении вопроса о наличии фонетического письма, особенностях календаря, и типа брачно-родственных отношений, и в терминах общественного устройства, схеме хозяйственной деятельности. Дело в том, что согласно идеологической схеме, начетнически следовавшей Энгельсу, индейцы Америки не дошли до создания «государств». И неважно, что Энгельс писал это на заре американистики, когда лучше всего были изучены лишь племенные схемы некоторых групп североамериканских индейцев. Пересматривать догму не было принято, за это можно было не то что провалить защиту диссертации, а вообще оказаться в лагерях. Примеров тому было немало – в лагерях в это время находился и друг Юрия Лев Гумилев, и работавшая «в поле» с самим Ф. Боасом Юлия Аверкиева. Можно себе представить, что и как по этому поводу говорил Юрию Сергей Павлович Толстов, предупреждая об излишней горячности – и в публикации, и особенно на готовящейся защите!

Следуя Ланде, раскритиковавшему официальную версию Ватикана о происхождении индейцев, Кнорозов продолжает опровергать и всякие фантастические версии этногенеза аборигенов Нового Света как «реакционную фантастику под видом научных теорий».

Итак, издание Ланды было уже на подходе. Тем временем произошло, наконец, знаменательное событие – закончились бюрократические согласования, и Кнорозова, занимавшего с апреля должность исполняющего обязанности заведующего отделом Средней Азии, переводом Толстов устроил на работу в Институт этнографии

[33] Наверное, неслучайно одной из моих первых работ стала биография Диего де Ланды, полностью опровергающая «черную легенду». См.: *Ершова Г.Г.* Фрай Диего де Ланда. М.: Ладомир, 2000.

«Сообщение о делах в Юкатане»

АН (Кунсткамеру) на должность младшего научного сотрудника.

К этому времени относятся два документа. Первый – это выписка из приказа по Музею этнографии народов СССР от 25 августа 1953 года:

И.О. Зав. отд. Ср. Азии т. Кнорозова Ю.В. освободить с 1 сентября с.г. от занимаемой должности по. ст.14 «А» в связи с переходом на работу в академию Наук СССР.

Документацию и др. дела по отделу Ср.Азии передать и.о. ст.н. сотр. Лейкиной С.М.

п.п. и.о. директора Сазонова М.Я.

«Тов. Мильштейна Е.А.» – директора, который так помог и Кнорозову, и Гумилеву, – еще 10 марта 1953 года успели снять с должности с формулировкой «как не обеспечившего руководство музеем главным образом в части постановки дела учета и хранения музейных фондов». Его грустная история напоминала анекдот «ложечки нашлись, а осадок остался»... Стоит напомнить, что случилось это через пять дней после смерти Сталина. С этим событием целая эпоха уходила в прошлое, а страна продолжала жить по-прежнему...

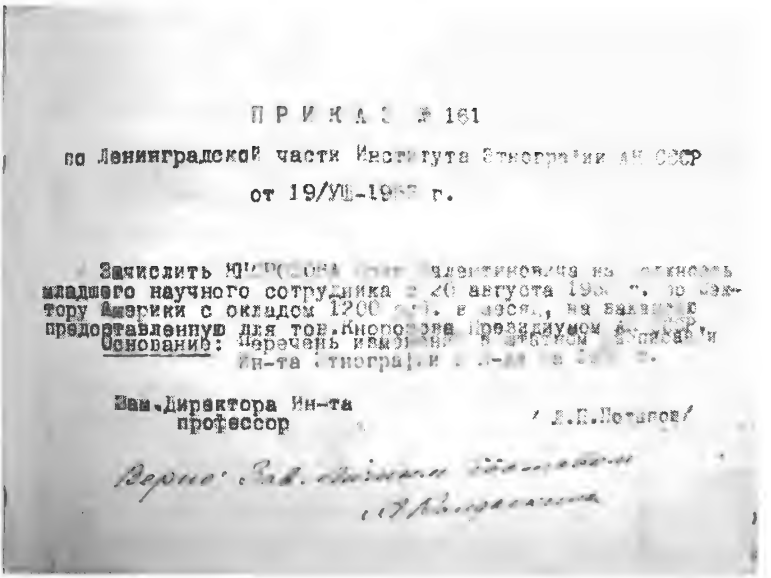
Примечательно, что согласно приказу Кнорозов был зачислен на работу в Кунсткамеру с 20 августа, т. е. еще до того, как его уволили с прежнего места работы! Толстов с Токаревым явно не хотели терять ни дня.

ПРИКАЗ № 161
по Ленинградской части Института Этнографии АН СССР
от 19/VIII-1953 г.

Зачислить КНОРОЗОВА Юрия Валентиновича на должность младшего научного сотрудника с 20 августа 1953 г. по Сектору Америки с окладом 1200 руб. в месяц, на вакансию, предоставленную для тов. Кнорозова Президиумом АН СССР.

Основание: Перечень изменений в штатном расписании Ин-та Этнографии в Л-де на 1953 г.

зам. Директора Ин-та
Профессор Л.П. Потапов



ПРИКАЗ № 161

по Ленинградской части Института Этнографии АН СССР

от 19/VII-1954 г.

Зачислить Ю[illegible] младшего научного сотрудника с 20 августа 1954 г. по сектору Америки с окладом 1200 руб. в месяц, на вакансию предоставленную для тов. Кнорозова Президиумом АН СССР.

Основание: Перечень [illegible] Ин-та Этнографии [illegible]

Зам. Директора Ин-та
профессор / С.П. Толстов /

Верно: [illegible]

Приказ о зачислении Кнорозова в Институт этнографии АН СССР на ставку Президиума АН СССР, которой добился Толстов

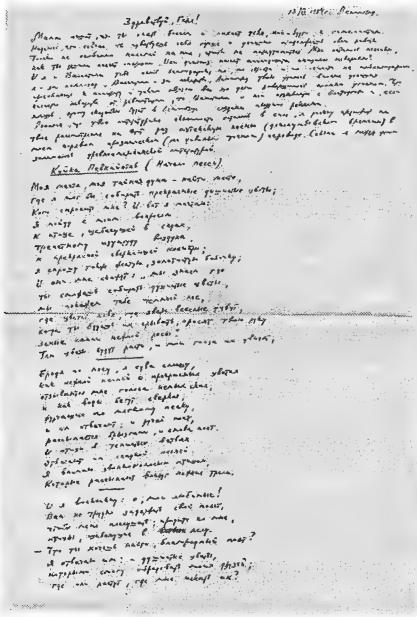
Перейдя в Институт этнографии АН СССР (Кунсткамеру), Кнорозов с упоением погрузился в научную работу – правда, выполняя необходимые общественные поручения руководства. Так, в 1954 году его избирают народным заседателем в Народном суде 4-го участка Василеостровского района. Забавно, что ему пришлось даже «вести работу по линии ДОСААФ» (Добровольное общество содействия армии и флоту), о чем свидетельствует характеристика, выданная ему в ноябре 1954 года для предоставления в Василеостровский райком КПСС. Правда, для чего была написана эта характеристика, выяснить так и не удалось.

Судя по всему, Юрий предпочитал не делиться своими неприятностями ни с родителями, ни с сестрой Галиной. Но тут, когда он перешел в Институт этнографии, когда издание книги было на подходе, а экзамены практически сданы; когда стала казаться реальностью защита диссертации, Кнорозов решил написать письма в Южный – сразу всем. Одно из них адресовано родителям – в нем Юрий никак не упоминает о своих проблемах, зато пытается представить себя эдаким удачливым расчетливым циником:

13/IV/ Ленинград

Здравствуйте, мама и папа!

Получил ваше письмо, из которого узнал, что Галя опять болела. Надеюсь, что теперь она уже поправилась и чувствует себя лучше.



Письмо Юрия сестре Галине

Отвечаю на ваши вопросы: я работаю в Институте этнографии АН СССР в должности научного сотрудника. Фамилии моя жена, как оказалось, не переменила и, следовательно, зовется Валентина Михайловна Самкова. Тем не менее, посылку мне посылать не нужно. Я, вероятно, поеду в Москву в начале, хотя когда точно неизвестно. Кстати, поздравляю вас с праздником.

Мои дела идут по-прежнему неплохо. Ко мне опять пристают с заказами статей и книг, хотя я еле успел сдать в печать одну (то есть перевод Ланды). При этом я до тех пор расширил свое введение к переводу, что оно стало больше по размеру, чем издаваемый текст. Вероятно, в этом году я успею сдать в печать еще одну книгу или, во всяком случае, статью. Одновременно я предпринимаю разные дипломатические шаги по части защиты диссертации. Планы у меня довольно нахальные. Я предполагаю предложить в качестве диссертации свое введение к Ланде и одновременно защитить диссертацию, опубликовав ее, и за нее же содрать гонорар (обычно же диссертации перепечатывают за счет автора). Однако, что из этого выйдет, пока не ясно. Интерес к расшифровке не ослабевает, а как будто усиливается, потому что теперь я могу уже публиковать не отдельные сомнительные чтения слов, а целую грамматику, ежели мне взбредет в голову. Вообще же, должен отметить, что во всех редакциях сидят преимущественно жулики и всячески уклоняются от выплаты гонорара. Один журнал у меня просто форменным образом украл гонорар. Впрочем, я понемногу осваиваюсь с этим видом деятельности (то есть со сдиранием гонорара с издателей).

В остальном у меня ничего существенного не наблюдается. Валентина скребет свою диссертацию, которую надеется вскоре окончить, но ее руководитель всячески уклоняется от прочтения представленных ему глав под разными предлогами, и дело у нее несколько затягивается. Таким образом, мы целые дни и вечера скребемся и почти никуда не ходим, кроме кино. Сейчас в Ленинграде продолжается фестиваль итальянских фильмов, которые, нужно отметить, превосходно сделаны и вызывают у многих восхищение. Так что живем хорошо, худо только, что комнатка очень маленькая. Однако я не теряю надежду получить большую, хотя, вероятно, нескоро. За последнее время связь я ни с кем не поддерживаю. Только Сергей приезжал в марте, но ничего особенно-

го не рассказывал, кроме, разве, того, что Борис, якобы, бросил курить и больше налегает на выпивку. Как буду в Москве, пойду удостовериться в этом. У тети Тани давно не был по занятости издательскими делами, которые меня совсем замучили. Сейчас я в основном из них выпутался и, вероятно, ввяжусь в новые, потому что, полагаю, нужно пользоваться случаем, пока предлагают печататься. К вам я смогу поехать не раньше августа.

Желаю всего вам наилучшего. Привет цыпе; надеюсь она доживет до меня, хотя и ...

Юрий.

Валентина передает вам привет и наилучшие пожелания. Собиралась сама писать, но я не могу ее дождаться (она на каком-то заседании).

Другое письмо он написал Галине, которая и теперь продолжала заботиться о младшем братишке и уже о его жене. Примечательно, что тон письма совсем иной, без какого бы то ни было намека на важничанье:

13/IV.1954 г. Ленинград

Здравствуй, Галя!

Мама пишет, что ты опять болела и пихает тебя, как будто, к гомеопатам. Надеюсь, что сейчас ты чувствуешь себя лучше и успешно продолжаешь свои работы. Только не особенно налетай на них, чтобы не переутомиться. Мне осталось неясным, как ты решила насчет операции. Или диагноз насчет аппендицита оказался неверным?

И я, и Валентина тебе очень благодарны, но, по серости и по лености, не поблагодарили, я – за лампочку, Валентина – за лекарство. Лампочку твою удалось весьма успешно приспособить к аппарату, и таким образом все это дело завершилось полным успехом. Что касается лекарства, то Валентина о нем отзывается с восторгом и, если хочешь, этому снадобью будет в Ленинграде создана пышная реклама.

Полагая, что твои литературные склонности остались в силе, я рискну предложить на твое рассмотрение на этот раз ацтекскую песню (доколумбовского времени) в моем корявом прозаическом (но довольно точном) переводе. Сейчас я между делом занимаюсь древнеамериканской литературой.

Куйка Певкайотль (Начало песен).

Моя мечта, моя тайная дума – найти место,
Где я мог бы собирать прекрасные душистые цветы;
Кого спросить мне? И вот я мечтаю!
Я пойду с моим вопросом

К птице, щебечущей в садах,
Трепетному изумруду воздуха,
К прекрасной сверкающей колибри;
Я спрошу также желтую, золотистую бабочку;
И они мне скажут: «Мы знаем где
Ты сможешь собирать душистые цветы;
Мы покажем тебе темный лес,
Где цветет лавр, где звери веселые живут;
Когда ты будешь их срывать, оросят твою руку
Ясные капли нежной росы».
Там цветы будут расти, и мои глаза их увидят;

Бродя по лесу, я едва слышу,
Как нежной песней о прекрасных цветах
Отзываются мне голоса немых скал,
И как воды бегут, сверкая,
Журчащие, по мягкому песку,
И им отвечают, и ручей поет,
Рассыпается брызгами, и снова поет.
И птицы в тенистых ветвях
Отвечают им сладкой песней.
Я внимаю звонкоголосым птицам,
Которые рассыпают вокруг нежные трели.

И я воскликну: «О мои любимые!
Вам не трудно задержать свой полет,
Чтобы меня послушать; придите ко мне,
Птицы, щебечущие в лесу».
– Что ты хочешь найти, благородный поэт?
Я отвечаю им: «Душистые цветы,
Которыми смогу обрадовать моих друзей;
Где они растут, где мне искать их?»
Нежной песней мне отвечают птицы:
«Здесь, о певец! Мы тебя научим быстро
И ты сможешь доставить радость
Твоим добрым друзьям и возвеселить свою душу».

Меня приведут быстро к одной благодатной долине,
В цветущее место,
где роса с сверкающим великолепием рассыпалась вокруг;
Там я увижу разные душистые цветы,
Нежные, сложенные росой
И рассыпанные вокруг, как радуга.
«Сорви, – скажут мне, – какие хочешь;
Да будет угодно небу, о певец, чтобы они тебя развеселили;
Принеси их в дар своим друзьям,
И да найдут они на земле радость».

Где смогу я набрать прекрасных цветов?
Как достигнуть цветущей страны,
Плодородной страны, где нет рабов,
Где не знают печали?
Может быть, такое место нам удастся найти,
Когда душа отойдет к Богу.
Здесь, на земле, печальна моя душа
И тревожится от щемящей боли.
И воскликнул я с горечью: «Нет на земле
Прекрасного мира с благоухающими цветами,
Далека область радости.
Что найдем мы хорошего на земле?
Поистине другая жизнь есть там!
Да ниспошлет мне небо счастье
Жить там, далеко, где птицы
Очаруют нас своим нежным пеньем;
Где можно найти цветы,
Нежные цветы, изящные, прекрасные,
Которые могут опьянить прелестью».

Эта ацтекская лирика показалась мне весьма своеобразной, тем более что народ они довольно свирепый. У майя литература не в пример более туманна, невразумительна и без комментариев ее не поймешь. Любопытно, как тебе понравится ацтекский литературный стиль. Относительно моих дел я не пишу, так как изложил в одновременном письме маме и папе. Кстати, ознакомь их с этой ацтекской лирикой.

Желаю тебе всего наилучшего. Привет Владимиру Сергеевичу.

Юрий.

Если будет время – пиши о своих делах. Привет от Валентины.

И, наконец, письмо племяннику Мише от того же числа. И тут Юрий явно представляет себя многоопытным советчиком, солидным дядюшкой:

Ленинград, 13/IV.1954

Здравствуй, Миша!

Пишу тебе с большим опозданием, по причине лености. Очень благодарен тебе за образец школьных песен и не прочь получить еще что-нибудь; если ты сам что-нибудь еще написал, пришли, весьма любопытно. Я этим делом всегда увлекался. Отвечаю, хотя и поздновато, на твои филологические вопросы. Абракадабра – магическое слово, употреблявшееся в древнем Риме и в средние века. Оно составлено из персидского слова абраксас (божество) и еврейского дабар (слово) и означает «слово бога». Философы-гностики II в. н.э. считали, что Абраксас – божество, стоящее во главе стихийных духов, потому что если взять

числовое значение букв этого слова (а=1; б=2; р=100; а=1; кс=60; а=1; с=200) получается 365, по числу дней в году.

Врач времен императора Каракаллы Серен Саммоник рекомендует написать слово «абракадабра» 11 раз, каждый раз не дописывая по одной букве, на дощечке, носить эту дощечку 9 дней, а затем бросить в быстрый поток. Тогда все болезни пройдут. Сейчас, как ты сам знаешь, «абракадабра» значит «ерунда», «путаница».

Пандора была женой Эпитимия, брата Прометея; отличалась любопытством; в частности, полезла в ларец, в котором были спрятаны болезни, в результате чего болезни разлетелись по всему миру, и с тех пор люди болеют.

Артек – слово тюркское (в данном случае – татарское), пишется... на разных тюркских языках, произносится чаще «артык» и означает «выдающийся перед другими», «лучший», «больший». Это название речонки возле пионерлагеря, как мы говорили!

Ахиллес – храбрейший из героев, осаждавших Трою. Главный герой поэмы Гомера «Илиада» (сумасшедших размеров; читать рекомендуется понемногу, чтобы не хватила кондрашка).

Одно слово я толком не разобрал; кажется написано пик-покет; по-английски pick-pocket значит «избранная луза», термин бильярдной игры (когда игрок загоняет шар в указанную ему произвольно лузу). Возможно, этот термин применяется и других играх (или, скажем, у карманных воров).

Паллада – прозвище Афины, богини мудрости и войны; значит «потрясательница» (от ... потрясать).

Дальше у тебя написано не то Лаокоон, не то Ликаон. Лаокоон – жрец Аполлона в Трое, задушен змеями за то, что протестовал против в Трою деревянного коня (в коне была спрятана вражеская засада). Есть знаменитая скульптура родосских мастеров, изображающая как змеи душат Лаокоона (смотри в «Истории Искусств»). Ликаон – царь Аркадии, превращенный в волка за то, что принес в жертву своего ребенка. Ликаона не следует смешивать с Ликантроном, по-нашему волкулаком, волком-оборотнем.

Не в пример сложнее твой вопрос, в какой институт лучше поступать. Обыкновенно в таких случаях советующий исходит из собственных склонностей, за что его потом почем зря ругают. Я же твоих склонностей почти совсем не знаю, тем более что ты стал взрослым. Однако в порядке общих рассуждений и, так сказать, обмена опытом, должен сказать, что заниматься гуманитарными науками, например, историей, археологией, этнографией, филологией и т.д. весьма тяжело по многим причинам, а

именно – отсутствие надлежащих пособий (не только в Харькове, но даже в Москве), чрезвычайная трудность устроиться на работу по специальности (не говоря о низких сравнительно ставках) и сверх всего крайняя неразбериха, которая господствует в упомянутых науках. Поэтому большинство студентов-гуманитариев просто скисает, а пролезают вперед только или очень ловкие жулики, или особые энтузиасты. Из наук, дающих общий широкий горизонт, я бы отметил геологию и медицину. Первая, кроме того, хороша для имеющих склонность к путешествиям. Наконец, сейчас, как мне кажется, чрезвычайно интересные изыскания производятся в области физики. Если ты напишешь, к чему у тебя больше склонности, тогда я смогу более конкретно сообщить свои соображения.

Личный листок по учету кадров

АКАДЕМИЯ НАУК

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ ЛИСТ

поступающего в аспир

Институт этнографии

Специальность

Этнография

Предложенные вопросы: Оценка

Первобытное общество первобытный общий — отлично

Полинезия, культура народов Полинезии — отлично

Проблема параллелизма в развитии — хорошо

Общая оценка — Отлично

Председатель комиссии

Члены комиссии

Дата сдачи экзамена

Оценка

Общая оценка

Экзаменационный лист Ю.В. Кнорозова

Прошу извинить за задержку. Присылай свои стихотворения.

Желаю всего наилучшего. Ю. Кнорозов.

Естественно, что в письмах нет ни намека на драматичные безуспешные попытки поступления в аспирантуру. А ведь главной целью оставалась все же защита диссертации. Письмо-то ведь уже было дешифровано! Перевод Ланды с комментариями уже был в типографии!

Тем временем, поскольку было предельно ясно, что ни в какую очную или заочную аспирантуру он не попадет, Толстовым и Токаревым было принято решение провести защиту Кнорозова в качестве соискателя. Как позже мне лапидарно рассказывал эту историю сам Кнорозов, «кончилось все дело тем, что раз выяснилось, что я прочел письмо майя, тогда все тот же Толстов, которому это все понравилось, и Токарев соединились в этом, добились перевода в Кунсткамеру. Толстов был директором института этнографии. Я подал заявление: "хочу защищать кандидатскую диссертацию" – никто не возражал, раз все было готово, а Толстову и выгодно – он уже совсем не возражал».

Соискательство – это такой способ защиты диссертации, когда человек представляет уже готовую работу и необходимые публика-

ции. А также сдаются экзамены по кандидатскому минимуму. Таких экзаменов обычно три: по философии, иностранному языку и специальности. Сдать эти экзамены Юрию проблемы не составило.

А 14 сентября 1954 года Юрий сдает главный экзамен из кандидатского минимума – «по специальной дисциплине». Это была «частная этнография/этнография Центральной Америки». В экзаменационную комиссию вошли профессор Л.П. Потапов, профессор Д.А. Ольдерогге и д. и. н. Н.А. Кисляков.

Вопросы, на которые отвечал Кнорозов:

1. История изучения народов Юкатана – отлично.
2. Этнический состав Мексики – отлично.
3. Характеристика земледелия народов Центральной Америки – отлично.

Естественно, что общая оценка стала «отлично». Так Кнорозов вышел на прямой путь к защите диссертации.

В качестве языка для сдачи экзамена Юрий выбрал французский. Он ему сильно помогал при переводе со староиспанского текста «Сообщения о делах в Юкатане» во французском издании Жана Женэ. Экзамен, назначенный на 10 января 1955 года, состоял, как водится, из трех частей: письменный перевод специального текста (это был фрагмент из учебника по археологии Беша), устный перевод из того же учебника и общественно-политический текст «Pour une paix durable» («За устойчивый мир»). Кнорозову поставили четверку... Правда, первые два задания были выполнены блестяще – и потому общая оценка была «отлично».

Экзамен по этнографии сдавался им 18 февраля 1955 года (до защиты оставалось чуть больше месяца). Отвечал на три вопроса. Первый: «Русская этнография XIX и XX вв., ее главнейшие представители и направления» – оценка «4». Второй: «Классификация народов Центральной и Южной Америки» – оценка «5». Третий вопрос – о роде и племени в советской этнографии, оценка «5». Общая оценка «отлично».

В экзаменационные комиссии по специальности входил Дмитрий Алексеевич Ольдерогге – замечательный этнограф, африканист, лингвист, специалист по «роду и племени», а также большой поклонник таланта молодого Кнорозова. Он даже подарил соискателю большой словарь 1901 года издания «Diccionario Español-Francés» К. Бустаманте с дарственной надписью: «Дорогому Юрию Валентиновичу с признанием и уважением от владельца в дар. Д. Ольдерогге». Помимо специальных терминов, словарь содержал этимологию, идиоматические выражения и разговорные обороты. Одним словом, бесценный словарь этот был Кнорозову действительно необходим – особенно для переводов текстов со староиспанского. А Кнорозова Ольдерогге искренне уважал, видя его яркий талант и трудолюбие.

В 1955 году Ю.В. Кнорозов публикует свои работы особенно активно, что напрямую связано с состоявшейся в марте стратегически важной защитой кандидатской диссертации, которую С.П. Толстов и С.А. Токарев готовили сразу с расчетом на докторскую. Помимо

«Сообщения о делах в Юкатане», это и «Письменность древних майя» в «Вопросах истории», и «Система письма древних майя: (Опыт расшифровки)» отдельной брошюрой, и статья «Индейцы майя» в сборнике, и другие публикации.

Оба руководителя отдавали себе отчет, что иного пути в большую науку, кроме очень нестандартного, Ю.В. Кнорозову не оставалось.

Здание на Знаменке, д. 10, где проходила защита Кнорозова

Наконец...

День защиты приближался. Ирина Хорошаева, несмотря на то, что своя защита буквально висела на носу, чуть ли не еженедельно возила документы Кнорозова из Ленинграда в Москву. Все дело в том, что Сергей Павлович Толстов в свойственной ему манере ставить стратегические задачи с опережением, принял решение добиться для Юрия Кнорозова сразу степени доктора исторических наук, перескочив через кандидата. Это было непросто даже для Толстова, который был и директором и, естественно, председателем Ученого совета Института этнографии. Защита должна была состояться в Москве, «в старом аристократическом особняке», по описаниям В.П. Алексеева[34], по адресу Знаменка, 10. Именно там в те времена находился Институт этнографии, занимая половину верхнего этажа, «бывшего помещением для прислуги». По соседству располагалась какая-то биологическая лаборатория, откуда регулярно сбегали лягушки. А все остальные помещения принадлежали Институту государства и права РАН, который нынче стал единственным владельцем роскошного особняка.

Зал заседаний, где проходила защита, существует до сих пор. Этот «настоящий конференц-зал», как описывал В.П. Алексеев, «занимал весь второй этаж и, видимо, служил при хозяевах-аристократах для приемов, торжественных обедов и танцев». Его украшали «высокие и широкие зеркальные окна, лепной потолок и стены, покрашенные в светло-зеленый цвет, что в сочетании с мраморной отделкой выглядело импозантно и празднично»[35]. Так что можно представить себе, в какой обстановке происходили те знаменательные для Кнорозова и мировой американистики события.

Руководителем соискателя выступал, естественно, Токарев, для которого эта защита тоже превратилась в вопрос принципа. Одним из оппонентов на защите, внешним, стала Вера Николаевна Кутей-

[34] *Алексеев В.П.* Общение // ЭО. № 1. 1993. С. 141–149.

[35] Там же. С. 148.

Вера Николаевна Кутейщикова – оппонент Кнорозова

щикова – умница и доброжелательнейший человек. Сейчас это выглядит странно: Вера Николаевна всегда занималась переводами и латиноамериканской литературой, никакого отношения к истории или этнографии давно не имела, разве что окончила в 1941 году истфак МГУ. Она была лишь на три года старше Юрия. Но подходящих латиноамериканистов в стране в те времена было не так много. Вера Николаевна училась вместе с сестрой Вячеслава Всеволодовича Иванова.

Дирижером и организатором был, конечно, Толстов. Только он знал, какого труда стоило заранее подготовить всех членов ученого совета к принятию довольно неординарного решения: присуждения Юрию Кнорозову сразу степени доктора исторических наук.

Об этом вспоминает Ирина Хорошаева: «И Кнорозова Толстов ценил, несмотря на все его фокусы, которые выкидывал Юрий Валентинович, даже в самые напряженные моменты... Меня, как самую младшую, гоняли в Президиум Академии уточнить там какие-то детали, конечно, может быть, не слишком часто, но все-таки гоняли, потому что тогда нашим ученым секретарем была Ирина Александровна Золотаревская, тоже американист. И вот все это готовилось на таком высоком уровне – ученый секретарь Института, директор Института... Ни при каких обстоятельствах, я еще раз повторяю, он был слишком авторитарным руководителем, чтобы позволить что-то сделать вопреки своему желанию. Этого бы никогда не произошло, никогда – это была инициатива и желание Сергея Павловича Толстова!»

Итак, 29 марта 1955 года произошла историческая защита диссертации, перевернувшей целое направление в мировой науке. Об этом событии уже сложились легенды. Научная общественность, знавшая о происходящем, шла на эту защиту, назначенную на 29 марта 1955 года, как на что-то исключительное и особенное. Кроме того, планируемая «двойная» защита стала вторым фактором уникальности события, о чем свидетельствуют воспоминания свидетелей, превратившие его в легенду.

Один из факторов трудности предстоящей защиты касался даже не столько дешифровки письменности майя, сколько подхода Ю.В. Кнорозова к принятым марксистским постулатам относительно возникновения государства. Согласно концепции Ф. Энгельса, в Америке не существовало государств. При этом фонетическое

письмо, наличие которого доказывал Ю.В. Кнорозов, могло возникнуть только в государственном образовании. Таким образом, молодому ученому в диссертации приходилось оспаривать положения классика марксизма, что для Советского Союза, лишь два года как похоронившего Сталина и даже еще не дожившего до XX съезда, было почти самоубийством.

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге – оппонент Кнорозова

Сам Ю.В. Кнорозов в беседах неоднократно повторял, что «шел на защиту, не зная, чем она закончится, вполне возможно, что арестом». Одним словом, неординарность поведения самого диссертанта, о чем вспоминает несколько человек, немало способствовала созданию легендарного флера. Одна из легенд приписывается самому Кнорозову и выглядит примерно так: «Перевел я на русский язык книгу испанского миссионера Диего де Ланды и к своему ужасу обнаружил, что у майя были и письменность, и армия, и административный аппарат, значит — у них было государство! А у Энгельса сказано, что майя достигли лишь состояния варварства. Попробуй в 1955 г. скажи что-нибудь против Энгельса, времена были еще сталинские! Сразу объявят "контрой" не только тебя, но и руководителя диссертации. Как быть? Мой куратор С.П. Толстов находит блестящий выход из почти безнадежной ситуации: Энгельс не владел всеми источниками по истории майя, поэтому Кнорозов не опровергает его, а вносит вклад в развитие марксизма!»[36] Зная стиль Кнорозова и «замашки», абсолютно исключающие доверительные беседы с малознакомыми, да еще навязчивыми людьми, возникают сомнения в его авторстве относительно этого текста. Но сюжет явно создан на материалах реальной ситуации той диссертационной защиты.

Попробуем восстановить, как это все происходило, по воспоминаниям свидетелей и участников. Для объективности в следующей главе будет приведена подлинная стенограмма защиты диссертации Кнорозовым. Но начнем с версии мифологической.

Предвкушая столь неординарное и давно подготавливаемое событие, как защита Юрия Валентиновича Кнорозова, в старинном красивом особняке в самом центре Москвы собралось очень много народу. Зал буквально гудел. Задние ряды были забиты молодежью.

[36] Эти воспоминания своих бесед с Кнорозовым на Итурупе приводит географ Я.В. Кузьмин в книге «Странствия по нити времени: параллели и меридианы географа». Новосибирск: Прайс-курьер, 2011. С. 26.

Во главе стола сидел Сергей Павлович Толстов, председатель ученого совета. После формальных слов ученого секретаря Кнорозов вышел к трибуне, помолчал. В такие минуты у него обычно чуть дрожали пальцы. Потом сказал: «Я вот занимался дешифровкой, получил результаты. Кому интересно, тот, наверное, все уже прочитал, ну оппонентам положено прочесть, а кому не интересно, так что ж и рассказывать. Все изложено в автореферате».

И замолк – намертво, наглухо.

Толстов, планировавший, естественно, перевести защиту в докторскую, внутренне напрягся. Надо было спасать ситуацию. Он знал, что в зале есть люди, которые ждут любого промаха. И это случилось.

Сергей Павлович, человек по жизни взрывной, медленно повернулся в сторону диссертанта и, сдерживая кипение, негромко повторил: «Юрий Валентинович, может быть, вы все-таки изложите содержание вашей работы?»

На что Юрий Валентинович, вздохнув, ответил: «А чего тут излагать? Все, что надо – опубликовано». В зале повисла звенящая тишина. Слышно было, как один из весьма уважаемых членов ученого совета шепотом недовольно проворчал: «А еще докторскую присуждать».

Толстов, чувствуя, что все проваливается, терпение его лопается и защита не состоится, едва сдерживая ярость, отчетливо произнес: «Юрий Валентинович, все-таки знаете, не все читали вашу работу, а многим интересно. Может, изложите содержание вашей работы?»

И тут Кнорозов, наверное, буквально кожей почувствовал волну ярости, исходившую от Толстова. Помолчал.

«Ну ладно, расскажу».

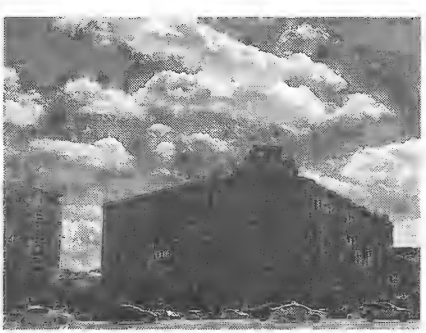
И начал предельно кратко излагать содержание своей работы.

Задние ряды вздохнули с облегчением. Защиту удалось спасти. Двойное голосование состоялось.

Кнорозову сразу была присвоена степень доктора исторических наук...

В реальности все было чуть иначе – но об этом в следующей, «правдивой» главе.

Выступление Юрия Кнорозова во время защиты диссертации



Дом на Смоленской набережной, где Юрий жил в те дни

ГЛАВА 8
«ВОТ ВСЕ, ЧТО Я МОГУ СКАЗАТЬ О ПРЕДЛАГАЕМОЙ РАБОТЕ...»[37]

На газоне ажурном
Златополднем пурпурным
Так скучающе-томно
Козлик смотрит на лес.

Ах, у волка быть в лапах
И вдыхать его запах,
Есть ли в мире экстазней,
Чем смертельности миг?

«Жил был у бабушки серенький козлик»,
по Игорю Северянину

Стенограмма не сохранила приписываемых знаменитой защите и скорее всего имевших место быть пререканий, но выступление молодого ученого действительно выглядит предельно и почти недопустимо кратким. Публикуемый ниже документ – стенограмма заседания ученого совета Института этнографии Академии наук СССР от 29 марта 1955 г. позволяет восстановить ход диссертационной защиты, специфику процедуры присуждения ученой степени доктора наук вместо кандидата, а также реакцию научного сообщества на экстраординарное событие в научной жизни. Документ был обнаружен в составе диссертационного дела Ю.В. Кнорозова в фонде Высшей аттестационной комиссии в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)[38]. Полностью диссертационное дело включает 101 лист машинописного и рукописного текста – это стандартные документы соискателя, сопровождающие

[37] Текст стенограммы защиты Ю.В. Кнорозова подготовлен к печати Евгенией Андреевной Долговой – зам. директора Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова РГГУ.

[38] Обнаружение и подготовка документа к печати – заслуга Е.А. Долговой, любезно предоставившей материалы для настоящего издания.

факт диссертационной защиты. Кроме стенограммы, заполненного анкетного листа, отзывов научного руководителя и официальных оппонентов, справки, в очередной раз обосновывающей причины и краткость пребывания семьи Кнорозова на оккупированной территории, в деле сохранились и протоколы голосования членов ученого совета – отдельно по кандидатской и по докторской степени и утверждение решения совета Высшей аттестационной комиссией.

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР[39]

29 марта 1955 г.

Председатель – член-корреспондент АН СССР С.П. Толстов

Член-корреспондент АН СССР С.П. ТОЛСТОВ:

– Разрешите очередное заседание ученого совета института объявить открытым. На повестке дня следующие вопросы:

1. Защита диссертации Кнорозовым Юрием Валентиновичем на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «"Сообщение о делах в Юкатане" Диэго де Ланда как историко-этнографический источник».

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор Д.А. Ольдерогге и кандидат исторических наук В.Н. Кутейщикова.

2. <Текущие дела>:

Есть ли замечания по повестке дня? (*Нет.*) Повестка утверждается.

Разрешите приступать к выполнению повестки.

Слово для оглашения биографических данных диссертанта имеет ученый секретарь Института И.А. Золотаревская.

И.А. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ *(Сообщает биографические данные Ю.В. Кнорозова).*

Член-корреспондент АН СССР С.П. ТОЛСТОВ:

– Есть ли вопросы по биографии? (*Нет.*)

Вступительное слово предоставляется Ю.В. Кнорозову.

Ю.В. КНОРОЗОВ:

– В предлагаемой в качестве диссертации работе рассматривается основной источник по истории и этнографии индейцев майя «Сообщение о делах в Юкатане» испанского автора второй половины XVI века Диэго де Ланда. Работа представляет собой не только комментарии к тексту Диэго де Ланда, но также дает характеристику

[39] Стенограмма заседания ученого совета Института этнографии Академии наук СССР публикуется по современным правилам правописания с сохранением стилистических особенностей источника. Утраченные, а также восстановленные публикаторами фрагменты даются в квадратных скобках [], сокращения документа, публикуемого не полностью, обозначены угловыми скобками <...>. Неточности машинописного набора личных имен и географических названий исправлены и не оговариваются. Сведений об отдельных лицах выявить не удалось.

древних майя. В связи с этим пришлось пересмотреть целый ряд положений, которые считались установленными в зарубежной[40] американистике и встречаются в нашей литературе. Я доказываю, что история майя X–XI вв. изложена у Ланда тенденциозно, что становится ясно при сопоставлении с другими источниками, особенно текстами на языке майя, а также при учете археологических данных. На основании многочисленных фактов, приводимых различными источниками, можно предполагать наличие у майя классового общества или, по крайней мере, поставить вопрос об этом.

Мне пришлось довольно подробно коснуться вопроса о календаре и летоисчислении майя. Этот вопрос, с моей точки зрения, далеко не первостепенной важности, оказался в центре внимания зарубежной американистики. Принятая за рубежом теория о циклическом летоисчислении, изобретенном якобы одним[41] жрецом в первые века до нашей эры, мне представляется неприемлемой. Цикличность летоисчисления майя связана со сменой правления по родам.

Вопрос о письменности майя затронут в предлагаемой работе сравнительно мало и в тех пределах, в каких это требуется для объяснения текста Ланда. Это объясняется тем, что письменности майя посвящены отдельные статьи.

Кроме того, работа дополнена разделами об испанском завоевании, колониальном режиме в Юкатане, деятельности церкви и последующей истории майя – частью для того, чтобы сделать работу более доступной для читателей, частью в связи с тем, что на русском языке полностью отсутствуют работы по индейцам майя, если не считать безнадежно устаревшей статьи Геблера[42] в I томе «Истории человечества»[43].

Вот все, что я могу сказать о предлагаемой работе.

Член-корреспондент АН СССР С.П. ТОЛСТОВ:

– Какие имеются вопросы к диссертанту?

М.Г. ЛЕВИН[44]:

– Какие основные положения вы защищаете в предлагаемой вами работе, Юрий Валентинович?

Ю.В. КНОРОЗОВ:

– Я только что перечислил эти основные положения. Могу их повторить по пунктам.

Во-первых, я предлагаю новую точку зрения на историю майя X–XV вв. Полагаю, что история майя изложена у Ланда тенденциозно,

[40] Исправлено с: «древней».

[41] Слово «одним» – рукописная вставка на полях.

[42] Исправлено с: «Геникера».

[43] Речь идет о сочинении немецкого историка Конрада Геблера (1857–1946) «История человечества. Америка после открытия Колумба».

[44] Левин Максим Григорьевич (1904–1963) – советский антрополог, этнограф и археолог, специалист в области этнической антропологии народов Сибири, Дальнего Востока и Японии.

а между тем во всех обзорных работах приводится именно версия Ланда.

Во-вторых, полагаю, что социальный строй майя можно рассматривать как классовый. В зарубежных работах вопроса о социальном строе вообще почти не касаются, а в имеющихся наших некоторых статьях майя трактуются как племена, находящиеся на стадии родового строя.

Из более специальных вопросов у меня совершенно по-новому трактуется вопрос о календаре и летоисчислении.

Я оговорился, что я остановился на этом вопросе в связи с тем, что он находится в центре внимания зарубежной американистики. Поэтому мне казалось нужным противопоставить точке зрения американских ученых свою трактовку вопроса, которую я предлагаю в настоящей работе.

С.П. ТОЛСТОВ:

– А в чем эта трактовка? Ведь не все собравшиеся здесь читали диссертацию и даже автореферат. Поэтому мы просим вас рассказать нам, какой, например, классовый общественный строй был у майя, что вовсе не безразлично, какие новые моменты вы вносите в календарь и почему?

Ю.В. КНОРОЗОВ:

– Итак, по вопросу об истории майя имею сказать следующее:

История Юкатана[45] у Ланда начинается с колонизации восточного побережья. Его сообщения подтверждаются краткими данными хроник на языке майя, согласно которым группа майя (по-видимому, выходцы из городов, расположенных к северо-востоку от оз. Петен-Ица[46]) в V в. н. э. заселила восточный берег Юкатана (провинции Бакхалаль) и основала город Чичен-Ицу[47]. Эти сведения подтверждаются и археологическими данными. Чичен-Ица оставалась крупнейшим центром в северном Юкатане более столетия. Затем часть жителей покинула ее и переселилась в Чаканпутун (провинция в юго-западной части Юкатана, центром которой был город Эцна).

Следующий период связан с завоеванием Юкатана тольтеками[48], вторгшимися из Мексики (X в.). По словам Ланды, с этого времени начинается гегемония Майяпана[49], где правила династия Кокомов, причем начало правления Кокомов относится ко временам легендар-

[45] В данном случае речь идет о Юкатане как полуострове, сформированном карстовой платформой на юго-востоке Мексики, покрытом низкой сельвой и заселенном индейцами майя.

[46] Озеро расположено в районе гватемальской сельвы – Петене. Ица – этноним одной из майяязычных групп.

[47] Крупнейший город майя и майя-тольтеков на севере полуострова Юкатан, функционировавший с VI по XII вв.

[48] Центральномексиканские племена, вторжение которых связывают с коллапсом культуры майя.

[49] Столичный город майя, возвысившийся в XII–XV вв.

ного тольтекского завоевателя Кукулькана[50]. Ланда называет своим осведомителем дона Хуана Кокома, потомка династии Кокомов, правившей в Майяпане. Приведенная им версия, несомненно, тенденциозна. Согласно сообщениям других авторов и хроник на языке майя, а также по археологическим данным, центром тольтекского владычества более 200 лет была Чичен-Ица, а отнюдь не Майяпан. Попытку добиться гегемонии в Юкатане предпринял в конце XII в. правитель Майяпана Хунак Кеель, которому удалось взять и разгромить Чичен-Ицу. Однако в результате начавшихся войн Майяпан в конце концов потерпел поражение. Гегемония Майяпана начинается не ранее второй половины XIII в. Рассказ Ланда о приходе к власти в Майяпане рода Кокомов относится именно к этому времени. Правление Кокомов, которые, по словам Ланда, грабили и обращали в рабство «простой» народ с помощью иноземных наемников, вызвало возмущение населения. Этим воспользовались правители городов, стремившиеся к независимости от Майяпана и сами претендовавшие на гегемонию. В 1441 г. Майяпан был разрушен соединенными силами восставших. Наступил период раздробленности. В Юкатане образовалось несколько независимых городов-государств, постоянно враждовавших друг с другом вплоть до испанского завоевания.

Исходя из жреческой астрологии, авторы хроник майя старались подогнать исторические события под определенные «роковые» даты. Так, в одной из хроник «роковым» считается «двадцатилетие» (катун) 8 Ахау, а так как «двадцатилетие» с тем же названием повторяется каждые 256 лет, то самые крупные события отделены друг от друга в этой хронике ровно 256 годами. Такая «символика чисел» чрезвычайно понравилась некоторым американским ученым, а наиболее крупный авторитет в области майя Морли[51] построил на ней свою периодизацию истории Юкатана. По мнению Морли, майя под влиянием жреческой астрологии обязательно устраивали крупные события через каждые 256 лет. Хотя нелепость такой периодизации слишком очевидна, она пользуется широким распространением. Зарубежные ученые, принимая на веру тенденциозный рассказ дона Хуана Кокома, записанный Ланда, считают, что после завоевания Юкатана тольтеками наступил период «Майяпанской Лиги» (X–XII вв.), который сменился периодом «гегемонии Майяпана» (начиная с прихода к власти в Майяпане Хунак Кееля). Название «Майяпанская Лига» ничем не оправдано. Главенствующая роль в это время принадлежала Чичен-Ице, а вторым по значению городом был Ушмаль. С приходом к власти Хунак Кееля (которого зарубежные авторы вопреки ясному свидетельству хроник причисляют к династии Кокомов) начинается не гегемония Майяпана, а период междоусобных войн, которые заканчиваются взятием Майяпана (во второй четверти XIII в.).

[50] Кукулькан, или Кецалькоатль («Пернатый Змей») – божество и легендарный тольтекский исторический персонаж.

[51] Морли Сильванус Гризуолд (1883–1948) – американский археолог, эпиграфист и майянист первой половины XX в.

Таким образом, ни периодизация истории майя, ни само изложение событий, принятые в зарубежной американистике, никоим образом не могут лечь в основу дальнейшего изучения истории майя.

Относительно социального строя майя я имею сказать следующее.

Социальный строй майя имеет много общего с древневосточным обществом на раннем этапе развития (древний Шумер и Египет). Как и на Древнем Востоке, мы находим у майя достаточно развитое рабовладение наряду с сохранением общины. Военно-рабовладельческая знать эксплуатировала и рабов, и общинников. Имелась развитая меновая торговля, в связи с чем из общинников выделялись богатые и бедные. Частная собственность защищалась жестокими законами.

Жители селения составляли территориальную общину. Они несли многочисленные повинности: обрабатывали поля знати, строили дома «сеньоров», храмы и дороги, платили дань «сеньорам», делали «подношения» жрецам и содержали военный отряд во время походов.

Известия о рабовладении у майя чрезвычайно скудны. Судя по некоторым данным, количество рабов было очень велико. Главным источником рабства был захват военнопленных. Поэтому рабами владела прежде всего военная знать. Войны часто велись только для того, чтобы добыть рабов. Кроме того, в рабство обращали свободных общинников за связь с рабом или рабыней, за воровство и убийство, а также разведенных жен, сирот и несостоятельных должников. Дети рабов оставались рабами. По словам источников, рабов использовали для всех видов физических работ. Купцы для переноски тяжестей пользовались караванами рабов-носильщиков. Некоторые зарубежные исследователи пытаются утверждать, что рабство у майя появилось только после тольтекского завоевания. При этом главным аргументом служит фраза Ланда: «Коком начал первый обращать в рабство» (глава III). Однако другие источники и сам Ланда в других местах говорят не о введении рабства Кокомом, а о попытке массового обращения в рабство свободного населения, что и вызвало восстание против Кокома. Изображения рабов встречаются в памятниках искусства с древнейшего периода истории майя. Можно предполагать, что рабовладение утратило патриархальный характер уже в первые века нашей эры, когда возникали города-государства.

Экономическое господство знати у майя было основано как на эксплуатации труда зависимых общинников, так и на владении наследственными угодьями и эксплуатации труда рабов. Из наследственных владений знати особенно часто упоминаются плантации какао. Это объясняется тем, что зерна какао служили единицей обмена.

Относительно календаря следует отметить следующее: древний календарь майя привлек к себе особое внимание буржуазной американистики. Количество работ по календарю буквально необозримо. Такое увлечение календарем отчасти объясняется тем, что многие ученые считали изучение календаря ключом к расшифровке письменности майя и поэтому подменили изучение письменности изуче-

нием календаря. С другой стороны, многие ученые, особенно Морли и Томпсон[52], вообще сводили всю древнюю культуру майя почти что к одному жреческому календарю; при таком подходе получалось, что изучать древнюю культуру майя – это значит изучать календарь (Морли ухитрился даже историю майя выводить из календаря). В результате длительного изучения были установлены цифры майя и способ написания чисел, а также математическое значение (не чтение) 9 иероглифов, обозначающих периоды времени. Кроме того, удалось более или менее приблизительно увязать летосчисление майя с европейским. Совершенно неизученной осталась проблема происхождения календаря. Большинство зарубежных ученых полагают, что календарь и летосчисление были изобретены сразу одним человеком в III в. до н. э.

Касаясь циклического летосчисления, следует ответить, что в дошедшем до нас виде оно определенно является результатом точных математических расчетов. Из этого, однако, не следует, что циклическое летосчисление изобретено жрецами. Есть все основания считать, что древнейшим циклом у майя был 4-летний. Об этом свидетельствуют связанные с ним многочисленные обряды и мифологические персонажи. По представлениям майя, было четыре главных бога, каждый из которых правил миром в течение года, а затем уступал власть преемнику. В связи с праздниками 4-летнего цикла жители селений выбирали себе «князя», обязанностью которого было выполнение новогоднего ритуала. Представление о богах, сменяющих ежегодно друг друга у власти, нельзя понять иначе, как отражение в мифологии древнего реального социального института. Речь идет о смене правления по родам, характерной для перехода от родоплеменной организации к государству и известной у многих народов Азии и Африки. На следующем этапе обычно наблюдается тенденция удлинить срок правления. Выделяются династические роды, узурпирующие власть, которая переходит уже не от одного рода к другому, а внутри одного правящего рода. Таким образом, циклическое летосчисление возникает как естественный результат смены правления по родам, а количество лет в цикле определяется не прихотью жрецов, а количеством родов в племени (или во фратрии, если должности дублируются). По-видимому, аналогичное происхождение имеет циклическое летосчисление и у других народов, в частности распространенный в Азии 12-летний цикл. Кроме циклического летосчисления майя пользовались также летосчислением по эре, указывая количество дней, прошедших от начальной даты.

Относительно письменности майя можно сделать следующие указания.

Письменность майя возникла, по-видимому, в первые века до нашей эры. В настоящее время опубликовано большое количество надписей на камне и три рукописи. Общее количество знаков дости-

[52] Имеется в виду Томпсон Джон Эрик (1898–1975) – американский археолог и исследователь письменности майя.

гает 270, но часть из них встречается очень редко, в единичных случаях. В письменности майя, как и в других иероглифических системах письма, употребляются знаки фонетические (алфавитные и слоговые), идеографические (обозначающие целые слова) и ключевые (поясняющие значение слов, но не читающиеся). Один и тот же знак в разных сочетаниях может употребляться то как фонетический, то как ключевой, то как идеограмма. В большинстве случаев слова записывались с помощью фонетических (преимущественно слоговых) знаков. Язык иероглифических текстов значительно отличается по произношению слов, лексике и грамматике от языка майя XVI в. В результате предлагаемой мною расшифровки оказалось, что Ланда указал фонетическое значение знаков в своем «алфавите» в основном правильно, хотя в его так называемый «алфавит» попали знаки, обозначающие не только открытые, но и закрытые слоги; некоторые знаки приведены не на произношение, а на название испанской буквы.

Эти вопросы я считаю основными в предлагаемой работе.

Член-корреспондент АН СССР С.П. ТОЛСТОВ:

– Есть ли еще вопросы к диссертанту? (*Нет.*)

Разрешите приступить к диспуту. Слово имеет первый официальный оппонент доктор исторических наук Д.А. Ольдерогге.

Д.А. ОЛЬДЕРОГГЕ:

(Отзыв на работу Ю.В. Кнорозова «"Сообщение о делах в Юкатане" Диэго де Ланда как историко-этнографический источник».)

Представленная Ю.В. Кнорозовым диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук посвящена весьма интересному историческому источнику «Сообщение о делах в Юкатане», написанному в XVI веке епископом Диэго де Ланда. В диссертации дается перевод этого «Сообщения», сделанный непосредственно со староиспанского, и даны комментарии к нему. Уже самый перевод, сделанный весьма тщательно и добросовестно, снабженный всеми необходимыми комментариями, свидетельствует о солидной подготовке Ю.В. Кнорозова. Этот ценный исторический источник переведен впервые на русский язык, причем переведен вполне квалифицированно, без пропусков и пересказов. В этом отношении он выгодно отличается от изданного профессором Егоровым в 20-х годах нашего века перевода «Записок солдата Берналя Диаса»[53].

Однако перевод «Сообщения о делах в Юкатане» со всеми к нему комментариями составляет всего лишь приложение к основному исследованию. Это исследование посвящено истории деятельности Диэго де Ланда, епископа юкатанского, и подробному рассмотрению и истолкованию содержания его «Сообщения». Эта работа показы-

[53] Берналь Диас дель Кастильо (1495–1584) — испанский конкистадор, участник экспедиции Эрнана Кортеса, оставивший компилятивный труд, в котором преувеличивал собственные заслуги с целью получить пенсию от казны. Речь идет о переводе «Правдивой истории завоевания Новой Испании» Берналя Диаса дель Кастильо, выполненном Д.Н. Егоровым (1878–1931), репрессированным по т. н. «Академическому делу».

вает серьезную эрудицию Юрия Валентиновича в области истории Центральной Америки и этнографии народов Юкатана. Большой интерес представляет та часть работы Ю.В. Кнорозова, где он рассматривает вопрос об источниках, которыми пользовался Ланда, составляя свое «Сообщение о делах в Юкатане». Ю.В. Кнорозов показывает, что Ланда широко использовал источники на языке майя. Это доказывается, во-первых, тем, что в рукописи «Сообщения» встречаются отдельные выражения, представляющие буквальный перевод с языка майя. Во-вторых, сам Ланда упоминает некоторых из своих индейских осведомителей, которые много рассказывали ему о старине.

Однако, что особенно интересно, кроме них были и другие индейцы, работавшие для Диэго де Ланда, которые почему-то не были упомянуты. Судя по всему, один из них – а именно Гаспар Антонио Чи[54] и был, по-видимому, основным источником его сведений. Об этом Юрий Валентинович говорит слишком осторожно, и тут я не могу согласиться с ним[55]. Мне приходилось изучать деятельность католических миссионеров в Конго XV–XVI вв., т. е. той же эпохи. Миссии иезуитов и францисканцев, посланные Римом для управления государством Сан-Сальвадор, действовали, быть может, менее жестоко, чем епископы в Индиях, т.е. в Центральной Америке. Однако общий характер их деятельности тот же. Францисканцы и иезуиты так же изучали быт и обычаи населения Африки, и вот история[56] составления первой грамматики языка конго, написанной префектом апостолической миссии Гиацинтом Брусчотто ди Ветралья, показывает, что существуют серьезные сомнения в его авторстве. По-видимому, глава католической миссии в Конго присвоил себе работу своих сотрудников, вероятнее всего – убитого в одной из деревень монаха Георгия Гельского. Это не единственный пример. По-видимому, такого рода плагиаты были в обычаях и нравах авторов из среды тогдашнего духовенства. Диэго де Ланда также, очевидно, неслучайно не упоминает о своем главном осведомителе – Гаспаре Антонио Чи. Зная историю составления словарей и грамматик африканских языков в XV–XVII вв., я склонен думать, что Ю.В. Кнорозов совершенно прав, утверждая, что Ланда обошел молчанием помощь, оказанную ему Гаспаром Антонио. Но вряд ли он прав, говоря об этом только мимоходом. Судя по данным, приведенным в диссертации, этот Гаспар Антонио Чи, конечно, был действительным автором многих частей сочинения епископа Ланда. Достаточно прочесть все главы этого «Сообщения», посвященные этнографии индейцев, чтобы убедиться, что написать их мог только человек, бывший либо по происхождению индейцем, либо специалистом по изучению этнографии майя, хорошо изучившим быт местного населения. Я не думаю, чтобы епископ Ланда мог

[54] Чи, Гаспар Антонио (1531–1610) – один из крещеных индейцев, помощник правителя селения Мани, учитель и органист в школе, переводчик, информатор майя Диего де Ланды при составлении им записок.

[55] Исправлено с: «автором».

[56] Зачеркнуто слово: «изучение» [истории].

так детально знать быт подвластного ему населения, особенно имея в виду деятельность этого изувера, который уничтожил на ауто-да-фе почти все культурные сокровища майя, их летописи и предания[57].

Конечно, Ю.В. Кнорозов прав, что «францисканские монахи, стремясь подчинить население своему влиянию, старательно изучали язык, обычаи и особенности страны. Описания Ланда – это не поверхностные наблюдения солдата-завоевателя, вроде Берналя Диаса, а результат внимательного изучения страны с помощью местных знатоков». Однако я думаю, что не следует преувеличивать точность их знаний. Я не думаю, чтобы этнографические части «Сообщений о делах» могли быть написаны испанским монахом. Мне вспоминается опять-таки аналогичное сочинение [одного[58]] католического монаха XVII в. под названием «Счастливое неведение, или Мир наоборот», где автор дает описание быта населения Конго того времени. Автор этого сочинения (тоже один из миссионеров Конго), несомненно, хотел понять чуждую ему жизнь, несомненно, ее изучал, но смотрел на нее глазами чужеземца и смог уловить только внешнюю сторону жизни, странные и непонятные ему обычаи, но не смог столь тщательно и подробно описать ее, как это мог сделать местный уроженец.

Я не решился бы высказать всех этих предположений, если бы не нашел в работе Ю.В. Кнорозова указаний на деятельность Гаспара Антонио Чи. Этот индеец, свободно владевший испанским языком, был автором ответов на вопросник, разосланный губернатором в 1577 году. Он же был автором «Сообщения об обычаях индейцев» 1582 года и многих других сочинений. По другим данным известно, что он был знаком как с Диэго де Ланда, так и со сменившим его епископом Франсиско Торалем[59]. Словом, Гаспар Антонио Чи был весьма известным и уважаемым человеком, к которому обращались по всем вопросам быта и истории индейцев. Уже одно то, что Ланда ни разу не упоминает о Гаспаре Антовио Чи, хотя современники сообщают, что они были знакомы, заставляет насторожиться и искать причину умолчания. Конечно, это всего лишь предположение, которое я не могу доказать, но, повторяю, у меня создалось твердое убеждение, что все этнографические части описания Ланда, изобилующие замечательными подробностями, принадлежат Гаспару Антонио Чи, или, во

[57] Подобная оценка – дань «черной легенде», созданной коррумпированной администрацией Юкатана, чтобы расправиться с Ландой. Ю.В. Кнорозов не рискнул на защите высказать свое мнение по этому вопросу, хотя потом неоднократно публиковал комментарии, опровергающие эту клеветническую версию.

[58] Слово «одного» – рукописная вставка.

[59] Франсиско Тораль (1502–1571) – испанский церковный деятель, первый епископ Юкатана, миссионер, брат ордена францисканцев, лингвист. Формально являлся первым епископом Юкатана, приехавшим из Мехико. Ланда всего лишь возглавлял диоцезию, но не смог обойти в интригах Тораля.

всяком случае, были написаны под его диктовку и только слегка переработаны испанским епископом. Это видно [и][60] из стиля сочинения.

Комментарии Ю.В. Кнорозова обнаруживают прекрасные знания его не только в области этнографии, но и в археологии Центральной Америки, что дало автору возможность критически рассмотреть существующие периодизации истории майя и указать на их недостатки. История завоевания Юкатана и деятельности францисканских монахов комментирована обстоятельно. Заслуживают внимания страницы, посвященные деятельности Ланда в области укрепления христианства: пытки, казни, ауто-да-фе и сожжение рукописей, написанных иероглифическим письмом, уничтожение статуй и произведений искусства. Все это, как говорит автор, приняло такой размер, что действия инквизиторов устрашили католическую церковь в Испании, и Ланда был отстранен за превышение полномочий[61].

Я думаю, что автор совершенно справедливо сравнивает социальный строй майя с древневосточным обществом на раннем этапе его развития, а именно с древнейшим Шумером и Египтом. Действительно, знакомясь с общественным строем майя, мы видим много общего с Древним Египтом: развитие рабовладения, наличие территориальных общин, строительство грандиозных сооружений в городах и т. п. Вся эта часть работы представляет большой интерес для историка. До сих пор на русском языке, кроме перевода истории ацтеков Вайяна, изданной с кратким предисловием академика В.В. Струве[62], и давно уже устаревшей работы в издании Гельмгольца, нет ничего по истории древних государств Америки, тем более следует приветствовать работу Ю.В. Кнорозова – первую русскую оригинальную работу в этой области.

Наиболее ценную часть всей работы представляет описание культуры майя и, в частности, описание системы письма. Ю.В. Кнорозов в этом исследовании дает подробный разбор так называемого алфавита Ланда. Надо сказать, что Ланда в своем «Сообщении» приводит список 27 иероглифических знаков и указывает их звуковое значение.

Соответствия эти приведены в основном в порядке испанского алфавита, но с некоторыми отклонениями. Алфавит Ланда был известен давно, и уже 100 лет различные исследователи пытались при помощи этого алфавита понять иероглифику майя. Все исследователи исходили из предположения, что Ланда дал фонетические алфавитные знаки. На основании этого предположения на всевозможные лады толковались иероглифические надписи. Так как попытки

[60] Союз «и» – рукописная вставка.

[61] Вновь повторяются постулаты «черной легенды», выгодные коррумпированной администрации. Ланда после трагических событий вернулся в Испанию и был оправдан абсолютно по всем пунктам обвинений, после чего его вернули на Юкатан в сане епископа.

[62] Имеется в виду: *Вайян Дж.* История ацтеков / Дж. Вайян; ред. и авт. предисл. В.В. Струве; авт. примеч. Р.В. Кинжалов. М.: Иностранная литература, 1949.

фонетического чтения оказались, в конце концов, безуспешными, алфавит Ланда в работах последнего времени уже не используется. Ю.В. Кнорозов приводит заключение одного из виднейших американских специалистов – Томпсона[63], который в 1950 г., подводя итоги расшифровки, пишет: «Нет сомнения, что Ланда ошибся в попытке извлечь алфавит майя у своего осведомителя. Символы майя обычно обозначают слова, изредка, может быть, слоги сложных слов, но никогда, насколько известно, не буквы алфавита». Приводя эти слова, Ю.В. Кнорозов указывает, что американские расшифровщики не ушли далее известного ориенталиста XVII в. – иезуита Атаназиуса Кирхнера[64], в свое время пытавшегося таким же методом разобрать египетские иероглифы и вычитывать на Латеранском обелиске в Риме «Отче наш» и «Ave Maria»[65].

Так как я по своей подготовке и своим первым работам являюсь филологом, то могу судить об этой части работы Юрия Валентиновича как специалист. Я думаю, что диссертант избрал совершенно правильный путь исследования. Он начал с того, что изучил принципы других систем иероглифической письменности: древнеегипетской, шумерской, китайской. Во всех них, как известно, иероглифы не состоят только из одних идеограмм. Между тем многие, если не все, зарубежные расшифровщики письменности майя исходят из предположения о весьма упрощенном составе системы письма майя. Они ищут либо идеографические, либо фонетические алфавитные или слоговые знаки, не допуская мысли, что в любой письменности могут встречаться знаки разного характера. Но и в египетской иероглифической письменности наряду с детерминативами-определителями, т. е. по существу картинками, существуют фонетические знаки, обозначающие отдельные звуки, отдельные слоги и целые слова, причем иногда в зависимости от положения знака одно и то же изображение может иметь разные значения. Это обстоятельство упустили почти все расшифровщики.

Большим открытием Ю.В. Кнорозова было истолкование им алфавита Ланда. Диссертант понял его сущность. Алфавит Ланда соответствует во многих случаях не произношению букв испанского алфавита, а названию букв. Эта «простая» на первый взгляд, но в

[63] В данном случае речь идет об американском исследователе английского происхождения Эрике Томпсоне (1898–1975), возглавившем в США школу майянистики в 1930-е гг.

[64] Так в тексте документа. Верно: Афанасия Кирхера. Кирхер (1602–1680) — немецкий ученый, изобретатель, монах ордена иезуитов, автор многочисленных трактатов по самым разнообразным предметам (физика, естественные науки, лингвистика, антиквариат, теология, математика). Известен трудами по египтологии, составитель первой грамматики коптского языка и словаря, который оставался основным в течение полутора сотен лет. В сочинении «Египетский Эдип» Кирхер предложил (неудачную) попытку дешифровки египетских иероглифов.

[65] Словосочетание «Ave Maria» – рукописная вставка.

действительности замечательная догадка позволила проверить правильность расшифровки всей системы письма. Систему письма майя Ю.В. Кнорозов описывает в этой работе и, кроме того, в разных изданиях он опубликовал несколько статей на ту же тему. Здесь нет необходимости останавливаться на разборе этого открытия во всей его полноте. На стр. 113–116 дана краткая характеристика всей письменности. Мы видим, что сама система удивительно напоминает древневосточные системы письма, даже в том, что гласные играют подчиненную роль по сравнению с согласными. Смысл слова определяется в основном согласными звуками. Это удивительно. Ведь именно таким образом была построена система письма Древнего Египта и всей письменности семитских народов – финикийская, древнееврейская, сабейская[66], арабская, геез[67] и др. Правда, эти последние основаны на уже алфавитном письме, и сравнивать их с системой письма майя не приходится. Что же касается древнеегипетской, то при сравнении ее с майя мы видим полнейшую аналогию: слоговые знаки могли употребляться в качестве алфавитных, были детерминативы, или, как их называет Юрий Валентинович по китайскому образцу, – ключевые знаки и т. п. Автор пишет: «Один и тот же знак в разных сочетаниях может употребляться то как фонетический, то как ключевой, то как идеограмма». Это положение доказано автором и иллюстрируется им на некоторых примерах, приводимых и в этой работе. Автор совершенно прав, что сомневаться в достоверности алфавита Ланда больше не приходится. При помощи этого алфавита автор, в частности, смог доказать правильность своих чтений отдельных предложений и подписей к рисункам, расшифрованных им еще раньше. Автор указывает, что решающую роль в его заключениях сыграли общие взгляды советских ученых на историю развития письменности, взгляды, вытекающие из материалистического понимания истории общества.

/Д.А. Одельрогге/

Член-корреспондент АН СССР С.П. ТОЛСТОВ:

– Слово имеет второй официальный оппонент кандидат исторических наук В.Н. Кутейщикова.

В.Н. КУТЕЙШИКОВА:

– Диссертация Ю.В. Кнорозова «"Сообщение о делах в Юкатане" Диего де Ланда как историко-этнографический источник» представляет собой, бесспорно, выдающееся научное исследование. Как по количеству источников и литературы, использованной в работе, так, главным образом, по глубине и принципиальной важности целого ряда новых выводов, к которым приходит автор, диссертация Кноро-

[66] Сабейский язык – древний язык сабеев, который использовался с начала первого тысячелетия до нашей эры до второй половины VI в. н. э. на большей части территории современного Йемена.

[67] Геэз (геез, гыыз (классический) эфиопский, древнеэфиопский язык) — язык, распространенный в Аксумском царстве.

зова выходит далеко за пределы простого комментирования и анализа текста Диэго де Ланда, основного источника по истории и этнографии индейцев майя. В своем труде Ю.В. Кнорозов сделал, по существу, первую в нашей советской американистике попытку создать основы научной истории майя и ее хронологической периодизации, которые до самого последнего времени были во многом запутаны и искажены многими зарубежными учеными с мировыми именами.

Автор диссертации с присущей ему документальной основательностью, сочетающейся с подлинной смелостью научной мысли, заново поставил ряд важных проблем историко-социального развития майя.

Во-первых, он доказывает неправильность периодизации, данной в тексте Диего де Ланда, а вслед за этим убедительно вскрывает научную несостоятельность периодизации американского ученого Морли, построившего ее на идеалистической теории «роковых дат» и периодизации американского ученого Томпсона, злоупотребившего ненаучным принципом круглых цифр.

Во-вторых, автор диссертации поднимает важнейший вопрос о роли рабовладения у майя, вопрос, который Ланда, естественно, не мог правильно решить и который был еще более запутан последующими историками. Как известно, до сих пор вслед за Морганом[68] многие исследователи майя считали, что майя находились на стадии родового строя. В диссертации Ю.В. Кнорозова доказывается, что социальный строй майя имел много общего с древневосточным обществом на раннем этапе развития, что у майя, также как и там, наряду с сохранением общины было развито рабовладение. Автор приводит данные, свидетельствующие о развитии торговли, о защите частной собственности законами.

В-третьих, диссертант подробно анализирует вопрос о календаре майя – вопрос, вокруг которого ведутся наиболее ожесточенные научные дискуссии. О том, какое неправильно самодовлеющее значение приобрел календарь в исследованиях этих ученых, можно судить хотя бы по попытке одного из них вывести из календаря всю историю майя.

В этом вопросе текст Диего де Ланда представляет исключительный интерес, так как только он один дает описание календарных празднеств. Опираясь на этот текст и дополнительные источники, автор диссертации делает успешную попытку установить соответствие между названиями месяцев в календаре с тем или иным периодом сельскохозяйственных работ. Он убедительно доказывает также, что циклическое летоисчисление возникает вследствие того, что смена правления происходит по родам и что количество лет в цикле объясняется количеством родов в племени. Такое толкование кален-

[68] Морган Льюис Генри (1818–1881) – американский ученый, этнограф, социолог, историк. Внес крупный вклад в теорию социальной эволюции, науки о родстве, семье. Создатель научной теории первобытного общества, один из основоположников эволюционизма в социальных науках.

даря, основывающееся на научно-материалистических принципах, оказалось не под силу целому поколению ученых-майянистов.

Проблемы письменности майя автор касается кратко, лишь в той степени, в какой идет речь о собственно «алфавите Ланда». Этот раздел работы представлен т[оварищем] Кнорозовым намеренно сжатым, так как разработка данной проблемы в целом выходит далеко за пределы диссертации, как по фактическому своему объему, так и по огромному научному значению.

Как уже сказал уважаемый профессор Ольдерогге – первый официальный оппонент, именно Юрию Валентиновичу принадлежит огромная заслуга в установлении принципа расшифровки письменности майя. Его открытие приобретает особое значение, если иметь в виду то большое количество идеалистических и до сего времени бесплодных попыток, которые делались зарубежными буржуазными учеными в этой области.

Своим принципом расшифровки письменности майя т[оварищ] Кнорозов убедительно доказал превосходство материалистического марксистского, единственно правильного метода советской науки. Его труды уже успели получить признание за рубежом и, насколько мне известно, прежде всего на родине майя – Мексике[69].

К числу достоинств диссертации Кнорозова следует отнести прекрасный обширный научный аппарат, скромно озаглавленный приложением. А между тем и фактический комментарий к тексту Ланда, и особенно хронологическая таблица представляют большой научный интерес. Отдельно следует остановиться на библиографическом обзоре важнейших источников и исследований, который имеет сам по себе самостоятельное научное значение. В нем дана четкая классификация и краткая исчерпывающая характеристика всех имеющихся источников и всей имеющейся литературы об индейцах майя: самих иероглифических текстов, дошедших до нас в различных публикациях; текстов майя эпохи испанского владычества; испанских источников; описаний путешественников; исторических трудов и трудов археологов, занимавшихся раскопками в Юкатане и прилегающих областях; литературы по этнографии и языку майя; научных работ по исследованию письменности; специальных исследований по календарю, искусству майя; обширной научной периодической прессы по данному вопросу и многотомных изданий источников майя. В заключении этого библиографического обзора дается полный список всех существующих текстов «Сообщения» Диэго де Ланда. Нельзя не отметить также и высокого качества перевода на русский язык сложного текста «Сообщения», потребовавшего настоящего переводческого мастерства.

[69] Речь идет об отзывах на статью Ю.В. Кнорозова: La antigua escritura de los pueblos de la América Central. México, 1953. 10 p. (Boletín de información de la embajada de la URSS, № 20) (исп., сокр. вар.); La antigua escritura de los pueblos de la América Central. México, 1953. 37 p. (Biblioteca obrera. Segunda época, № 5) – примечание публикаторов.

Высокая научная ценность диссертации Ю.В. Кнорозова бесспорна, так же как абсолютно бесспорным и по совокупности всей научной деятельности более чем заслуженным является право ее автора на присуждение ему степени кандидата исторических наук. В заключение мне хотелось бы сказать несколько слов и о политическом значении труда Ю.В. Кнорозова.

Цивилизацией майя занималось множество ученых разных стран и разных эпох. Но неслучайно, что именно советский ученый продвинулся дальше всех в разгадке одной из самых сложных проблем всемирной истории. Вооруженный марксистской методологией, советский ученый сумел подойти к объяснению появления иероглифической письменности майя и установить принцип ее расшифровки; сумел доказать абсурдность теорий о мнимой несамостоятельности древней цивилизации майя; доказать бесплодность, научную несостоятельность американских ученых свести проблему изучения письменности майя к изучению календаря.

Его исследование труда Диэго де Ланда дало ему возможность поставить ряд новых вопросов, касающихся собственно истории майя. Таким образом, работы т[оварища] Кнорозова убедительно доказывают превосходство советской науки. Но Ю.В. Кнорозовым руководил в его работе не только чисто научный интерес, – и это явствует из всего духа его работы, но и горячее сочувствие к угнетенным потомкам народа, создавшего некогда замечательную цивилизацию. Ведь не секрет, что те из американских ученых, которые считают древнюю культуру майя самой высокой в мире, с презрением относятся к современным нам индейцам майя, рассматривая их как людей низшего сорта. Эти довольно распространенные расистские утверждения реакционных буржуазных ученых, до сих пор еще имеющие распространение как в Северной, так и в Южной Америке, разбивает работа Ю.В. Кнорозова, показавшая разрушительную роль испанских завоевателей, варварски уничтоживших великую цивилизацию майя. Его работа наносит удар и современным американским захватчикам, пытающимся держать народ майя в феодальном и империалистическом рабстве.

Работа Юрия Валентиновича Кнорозова, открывшая целую новую страницу истории майя, проникнутая духом подлинного интернационализма, является выдающимся достижением советской и мировой науки, является большим вкладом в мировую науку.

/В.Н. Кутейщикова/
13.05 [1955]

Член-корреспондент АН СССР С.П. ТОЛСТОВ:

– Слово имеет профессор С.А. Токарев.

Профессор С.А. ТОКАРЕВ:

– Я хотел бы, подобно обоим официальным оппонентам, особо подчеркнуть выдающееся научное значение той диссертации, кото-

рая представлена сейчас на соискание ученой[70] степени кандидата исторических наук.

Перевод и публикация такого важного исторического памятника, как сочинение[71] Диего де Ланда, имеют сами по себе очень большое значение, тем более что по истории древних культур Америки мы на русском языке имеем очень мало подлинных источников. Поэтому серьезно комментированное издание Ланды[72], снабженное научным аппаратом, есть само по себе большое научное событие. Но этим дело не ограничивается. Перевод и издание Диего де Ланда для Ю.В. Кнорозова представляют лишь один из эпизодов в его гораздо более важной работе – изучении и расшифровке древней письменности народов майя, и то, что им уже сделано сейчас (хотя работа эта не завершена), представляет, несомненно, крупную победу, и победу советской науки в целом над наукой буржуазных стран, в частности[73], над американской наукой. Ведь дело в том, что над расшифровкой письменности майя бьются уже многие десятилетия буржуазные ученые – и американские, и европейские, немецкие и другие. Они имеют перед советскими исследователями целый ряд преимуществ, особенно мексиканские и североамериканские ученые, у которых под руками все подлинные материалы – не только изданные, но и неизданные, которые имеют более легкий доступ и к живым памятникам – к материалам языка, что для советского исследователя гораздо более затруднено.

Ведь когда Юрий Валентинович работает над изучением древней письменности майя, он имеет возможность пользоваться только изданными источниками, да и те не все доступны[74]. Не достает некоторых словарей, описаний живого языка майя. Если, несмотря на все это, Юрию Валентиновичу удалось сделать то, что оказалось не по плечу нескольким поколениям буржуазных ученых, то это свидетельствует, бесспорно, о каких-то принципиальных[75] преимуществах советской науки в целом. Многолетние усилия буржуазных ученых в этой области пока что ни к чему не привели. Кое-что сделано, правда (на это указывает и Юрий Валентинович), но то, что сделано, сделано ощупью. Разобраны[76] календарные знаки, система летоисчисления[77], имена богов[78]. Но понять письмо майя в целом, как определенную систему, и, руководствуясь этим пониманием, расшифровать и перевести текст – это до сих пор никому не удалось. До такой степени не

[70] Исправлено с: «научной» [степени] – *Г. Е., Е. Д.*
[71] Исправлено с: «работа» – *Г. Е., Е. Д.*
[72] Слово «Ланды» – рукописная вставка.
[73] Слово «в частности» – рукописная вставка.
[74] Словосочетание «да и те не все доступны» – рукописная вставка.
[75] Исправлено с: «больших».
[76] Исправлено с: «Я имею в виду».
[77] Исправлено с: «календаря».
[78] Словосочетание «имена богов» – рукописная вставка.

удалось, что немецкий исследователь Шелльхас[79], который одним из первых начал эту работу, в своей последней работе прямо заявляет, что задача расшифровки и перевода текстов майя недостижима.

Советский исследователь оказался в состоянии разрешить эту задачу. Работа Юрия Валентиновича по расшифровке письменности древних майя может быть поставлена в один ряд с крупнейшими достижениями по расшифровке других систем письма[80]. Мы имеем здесь дело с научным открытием того же порядка, как расшифровка Шампольоном[81, 82] египетской иероглифики, как расшифровка Гротефендом[83] древнеперсидской клинописи, как расшифровка Томсеном[84, 85] орхонского рунического[86] письма. Оно открывает перед наукой такие же новые широкие горизонты исследования неизвестной дотоле системы письменности, и трудно даже предвидеть, к каким результатам в изучении древней истории Америки это может привести. Но надо иметь в виду, что успех работы Шампольона[87], Гротефельда, Томсена[88] в значительной мере был делом случая. Так, Гротефенду помогла остроумная, гениальная, но случайная догадка и знание им титулатуры персидских царей. Зная[89], как титуловались персидские цари, Гротефенд нашел ключ к древнеперсидской клинописи[90]. Такими остроумными догадками руководствуются и другие расшифровщики из числа буржуазных ученых[91]. Ю.В. Кнорозов подошел к проблеме расшифровки письма

---

[79] Шелльхас Пауль (1859–1945) – немецкий лингвист, один из основоположников изучения майя.

[80] Слово «письма» – рукописная вставка.

[81] Слово «Шампольоном» – рукописная вставка.

[82] Шампольон Жан-Франсуа (1890–1932) – французский востоковед, основатель египтологии. Благодаря проведенной им расшифровке текста Розеттского камня стало возможным чтение египетских иероглифов.

[83] Гротефенд Георг Фридрих (1775–1853) – немецкий филолог, исследователь древностей. Он положил начало дешифровке древнеперсидской клинописи.

[84] Исправлено с: «Томпсоном».

[85] Томсен Вильгельм Людвиг Петер (1842–1927) – датский лингвист и историк, профессор, автор трудов по истории индоевропейских, прибалтийско-финских и тюркских языков, по этрусскому языку, а также по истории языкознания и истории Европы.

[86] Исправлено с: «иероглифического».

[87] Слово «Шампольона» – рукописная вставка.

[88] Исправлено с: «Томпсона».

[89] Исправлено с: «Исходя из знания».

[90] Рукописная вставка: «Томсен тоже напал на остроумную, счастливую мысль – о слове "тензим" (небо), имеющем в тюркских и монгольских языках».

[91] Исправлено с: «до сих пор буржуазные ученые». Далее зачеркнуто: «но в целом охватить эту проблему, подойти к ее разрешению с принципиально правильных позиций они не смогли».

майя[92] с общей точки зрения, он старался рассмотреть в целом, что представляет собой система письма данного конкретного общества. Такая постановка вопроса возможна только при очень широкой научной[93] подготовке. Юрий Валентинович имеет знания в области египетской и китайской иероглифики, он знает, что такое иероглифическая система письма в целом. Только с этих широких и твердых общетеоретических позиций мог исследователь подойти правильно к решению данной проблемы. И эта проблема оказалась для него разрешимой. Здесь сказалось одно из преимуществ марксистской науки перед буржуазной наукой в целом.

За рубежом есть[94] много хороших специалистов, знающих свой предмет, но они всегда узкие специалисты, а если он [специалист] не имеет широкой точки зрения, он никогда не поймет и свою узкую область. Вот в чем преимущество марксистского метода в целом, который требует всегда подхода даже к узкому вопросу с точки зрения общей постановки вопроса.

Я напоминаю об этом потому, что[95] и у нас много молодых специалистов, хорошо знающих свой предмет[96], но, к сожалению, недоучитывающих значение общей исторической и этнографической[97] подготовки.

Таким образом, удача открытия Юрия Валентиновича – это не случайная удача. Здесь[98] действительно сказалось принципиальное превосходство советской науки перед буржуазной наукой в целом. Неслучайно, конечно, первые же предварительные сообщения об открытии Юрия Валентиновича привлекли к себе такое большое внимание и сразу же вызвали[99] отклики зарубежных[100] ученых. Несомненно, это событие международного значения. Вот почему мне кажется, что мы совершенно правильно оценим защищаемую сегодня работу как работу выдающейся научной ценности. Совершенно бесспорно, что автор ее, конечно, заслуживает искомой степени. Следует только пожелать ему, чтобы он столь же успешно продолжил и завершил свою работу, которая, несомненно, поднимет не только советскую американистику на более высокий научный уровень, но и мировую американистику.

/С.А. Токарев/
4.05. [19]55 г.

---

[92] Словосочетание «расшифровки письма майя» – рукописная вставка.
[93] Слово «научной» – рукописная вставка.
[94] Слово «есть» – рукописная вставка.
[95] Фраза «Я напоминаю об этом потому, что» – рукописная вставка.
[96] Фраза «хорошо знающих свой предмет» – рукописная вставка.
[97] Словосочетание «и этнографической» – рукописная вставка.
[98] Исправлено с: «Правильно было отмечено передо мною выступавшими оппонентами».
[99] Исправлено с: «получили».
[100] Исправлено с: «буржуазных».

С.П. ТОЛСТОВ:

– А какой вывод должен быть из этого сделан? Если вы действительно дали справедливую оценку этой работе, то, мне кажется, кандидатской степени мало?

С.А. ТОКАРЕВ:

– Да, и я голосовал бы за докторскую степень.

(*Аплодисменты.*)

С.П. ТОЛСТОВ:

– Тут надо только подумать об юридической стороне вопроса.

Л.А. ОЛЬДЕРОГГЕ:

– Я могу сказать, что однажды я присутствовал на ученом совете, где решено было сразу присудить докторскую степень. Это возможно провести таким образом, что через короткий срок назначается перезащита с участием в качестве оппонентов трех докторов.

С.П. ТОЛСТОВ:

– Мне кажется, что представленные отзывы официальных оппонентов и особенно развернутое выступление Сергея Александровича Токарева должны найти свое отражение в нашем решении. Если действительно это крупное, большого масштаба историческое открытие, то, конечно, двух мнений быть не может – мы должны присудить докторскую степень за эту работу. Конечно, досадно, что в данной работе отсутствует кое-какой материал, который уже опубликован Юрием Валентиновичем, но его очень легко присовокупить к этой диссертации.

Для меня не совсем ясна процедурная сторона вопроса. Д.А. Ольдерогге говорит о повторной перезащите с тремя докторами. Я думаю, что можно поступить иначе: мы могли бы сейчас принять свое решение, а потом справиться в ВАКе и, если понадобится, повторно поставить на защиту, если это действительно нужно.

И.И. ПОТЕХИН:[101]

– У меня есть предложение – проголосовать дважды: первый раз – на кандидатскую степень и второй бюллетень – на докторскую степень.

С.А. ТОКАРЕВ:

– Я лично без всякого колебания голосовал бы сейчас за докторскую степень для Ю.В. Кнорозова. И то, что я говорил, касается не столько этой работы, сколько его большой и еще не завершенной работы. Через год-полтора она будет завершена. Но данная работа сама по себе имеет значение.

Т[оварищ] КОРОСТОВЦЕВ:[102]

– Если все товарищи, которые читали эту работу, знают эту работу, дают ей такую положительную оценку, то вопрос должен решаться в соответствии с этой работой, а не в соответствии с тем, что будет

[101] Потехин Иван Изосимович (1903–1964) – советский ученый-африканист, первый директор Института Африки АН СССР.

[102] Коростовцев Михаил Александрович (1900–1980) – советский египтолог, историк Древнего Востока.

дальше. По совокупности того, что здесь было сказано, не остается сомнений, что Ю.В. Кнорозов достоин докторской степени. Раз это такое серьезное принципиальное открытие в науке, это должно быть отмечено. Если есть такого рода соображения (а они есть), как посмотрит ВАК, автор молод и т. п., то такого рода соображения не всегда являются удобными для науки.

М.С. ПЛИСЕПКИЙ:[103]

– Я хотел бы сказать о том, что недавно такой же прецедент имел место в университете. На биолого-почвенном факультете два года тому назад некий тов[арищ] Лебедев защищал кандидатскую диссертацию об ископаемой ихтиофауне. Ученый совет биолого-почвенного факультета тут же возбудил ходатайство перед ВАКом о присуждении Лебедеву ученой степени доктора биологических наук, и ВАК утвердила это постановление ученого совета биофака.

П.И. КУШНЕР:[104]

– Я хочу сказать не о формальной стороне, а по существу. Я понял С.А. Токарева так, что т[оварищ] Кнорозов сделал большое научное открытие в отношении расшифровки письменности майя, но защищает диссертацию он на другую тему...

Чл.-корр. АН СССР С.П. ТОЛСТОВ:

– Но это туда также входит.

П.И. КУШНЕР:

– Можно ли за ту тему, на которую написана диссертация т. Кнорозова, дать докторскую степень?

М.С. ПЛИСЕЦКИЙ:

– Но ведь есть вопрос о совокупности.

П.И. КУШНЕР:

Значит, нужно ставить вопрос о присуждении докторской степени по совокупности, потому что вопрос о расшифровке письменности майя не полностью освещен в диссертации и в автореферате.

Г.Ф. ДЕБЕЦ:[105]

– Из выступлений мне, по крайней мере, достаточно ясно, что работа, проделанная т[оварищем] Кнорозовым, представляет собою уже на данном этапе, в том виде, в каком она представлена, важный этап в истории развития соответственного раздела науки, то есть она, следовательно, удовлетворяет формальным требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук. То, что работа эта будет развиваться в дальнейшем и что на основе сделанного открытия, уже как такового заслуживающего докторской степени, будут сделаны дальнейшие открытия – это само собой раз-

[103] Плисецкий Марк Соломонович (1891–1957) – советский этнограф, директор Музея антропологии при МГУ.

[104] Кушнер Павел Иванович (1889–1968) – советский этнограф, специалист по вопросам общей этнографии, этнической географии, этнографии славян, быта и культуры народов СССР, теории общественных формаций и др.

[105] Дебец Георгий Францевич (1905–1969) – советский антрополог, доктор биологических наук.

умеется. Что это за открытие, если в дальнейшем оно не будет развиваться? Поэтому из того обстоятельства, что здесь необходимы дальнейшие исследования, никак не следует делать вывод о том, что то, что сделано, докторской степени не заслуживает.

Судя по выступлениям и Дмитрия Алексеевича, и Сергея Александровича, которые по-настоящему ознакомились с существом дела, весьма существенное и важное открытие перед нами уже налицо. Поэтому, не вдаваясь сейчас в процессуальные и официальные тонкости, мы должны сделать все, что мы можем сейчас сделать, т. е. проголосовать вопрос о присвоении тов[арищу] Кнорозову ученой степени доктора наук. А насколько это будет признано ВАКом действительным, будем обсуждать тогда, если потребуется что-то дополнительное.

Пока же, мне кажется, правильно предложение И.И. Потехина о том, что мы должны заполнить два бюллетеня – кто за кандидатскую, а кто за докторскую степень.

Что касается существа дела, то у меня нет никакого сомнения в том, что работа, бесспорно, заслуживает докторской степени и соответствует всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям.

С.П. ТОЛСТОВ:

– Если больше нет желающих высказаться, позвольте предоставить заключительное слово Юрию Валентиновичу.

Ю.В. КНОРОЗОВ:

– Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить своих оппонентов и всех выступивших товарищей, которые дали для меня столь неожиданно высокую оценку предложенной работы.

Поскольку (к сожалению для меня) в мой адрес было высказано мало критических замечаний, я остановился бы на вопросе об авторстве Гаспара Антонио Чи, чего подробно коснулся в своем выступлении Д.А. Ольдерогге.

Я очень рад, что точка зрения Дмитрия Алексеевича совпала в точности с точкой зрения редактора издательства (работа эта сейчас издается). Вот что буквально было сказано в заключении редактора издательства: «Надо о Ланда – компиляторе... сказать так, чтобы привлечь к этому внимание читателей». Причем в том тексте, который публикуется, мною была сделана соответствующая вставка.

Тут можно было понять частью и так Дмитрия Алексеевича, что вообще авторство этой работы следует приписать Гаспару Антонио Чи, хотя бы в значительной части. Может быть, это и так, но дело в том, что работ самого Гаспара Антонио Чи нет, они утрачены. Известно, что у него была работа об обычаях индейцев, но в настоящее время из нее известно только[106] полстраницы.

[106] Слово «только» – рукописная вставка.

Я, в частности, совершенно согласен с тем, что скорей всего так и было, что Ланда использовал в основном материалы Гаспара Антонио Чи, а может быть, в значительной степени их и списал. Хотя редакционная работа, конечно, велась, потому что во многих местах встречаются богословские отступления, которые вряд ли можно приписать Гаспару Антонио Чи. И, во-вторых, текст оформлялся в Испании, что ясно по некоторым местам текста[107].

Я не только согласен с тем, что нужно подчеркнуть в этой работе, что Ланда использовал весьма основательно материал Гаспара Антонио Чи, но с удовольствием могу сообщить, что это уже проделано в том варианте, который уже публикуется. Это то, что я могу сказать по этому вопросу.

Относительно алфавита Ланда. Мне кажется, выступавшие товарищи, в частности Дмитрий Алексеевич, несколько преувеличивали значение этого алфавита. В предлагаемой мною расшифровке я не основываюсь на алфавите Ланда и вообще о нем мнения весьма невысокого. Я рассматриваю этот алфавит Ланда как один из вспомогательных, косвенных способов доказательства правильности расшифровки, уже не говоря о том, что там знаков дано очень мало в сравнении с общим количеством знаков, две трети знаков чрезвычайно редко[108] встречаются, а некоторые вообще не встречаются в текстах[109].

В связи с этим мне бы хотелось несколько дополнить формулировку относительно места письменности майя в предлагаемой работе.

Я говорил, что в предлагаемой работе письменности майя уделено внимания немного. Это надо понимать в том смысле, что в данной работе не приводится сама расшифровка, здесь уже считается, что письменность майя расшифрована и приводятся результаты этой расшифровки, в частности я привожу названия месяцев, не объясняя, как производилась расшифровка. Равным образом это относится к алфавиту Ланда. Что касается характеристики письменности, то она присутствует без рассмотрения характерных ее особенностей, потому что эти лингвистического характера подробности даны в других статьях, а в целом письменность здесь рассмотрена.

В выступлении С.А. Токарева мне осталось несколько неясным пожелание завершить работу. Надо говорить скорее о необходимости начать работу. Речь идет о создании новой лингвистической дисциплины: чтение письменности, язык которой отличается от современного языка, – это работа на многие десятилетия для многих ученых. Достаточно вспомнить, как происходило в египтологии. Я полагаю, что работа по собственно расшифровке в узком смысле слова завершена, т. е. есть возможность пытаться читать

[107] Фраза «Ясно по некоторым местам текста».

[108] Слово «редко» – рукописная вставка.

[109] Слово «в текстах» – рукописная вставка. – *Г. Е., Е. Д.*

тексты. Что же касается того, чтобы прочесть и перевести все имеющиеся тексты майя, то это, вероятно, будет сделано очень нескоро. Сейчас, повторяю, речь идет о создании новой филологической науки.

В заключение я хотел бы еще раз поблагодарить всех выступавших товарищей, давших столь высокую оценку предлагаемой мною работе.

(*Аплодисменты.*)

/Ю.В. Кнорозов/

Член-корреспондент АН СССР С.П. ТОЛСТОВ:

– Мы наводили справки в ВАКе. Оказалось возможным провести процедуру двойного голосования. В случае, если будет проголосовано за присвоение ученой степени доктора наук, то дополнительного третьего неофициального оппонента превратить в официального, т. е. просить представить подробный отзыв.

Я предлагаю представить в ВАК на утверждение не только эту работу, но и в качестве приложения обе статьи Ю.В. Кнорозова и, кроме того, включить в качестве приложения к издаваемой книге эти две статьи. Нет возражений? (*Нет.*) Принимается.

Есть предложение счетную комиссию избрать в следующем составе: Г.Ф. Дебец, П.Е. Терлецкий[110], Т.А. Жданко[111]. Нет возражений против состава счетной комиссии? (*Нет.*) Состав счетной комиссии утверждается.

Просьба приступить к голосованию.

(*Голосование.*)

Слово для оглашения результатов голосования имеет Г.Ф. Дебец.

Г.Ф. ДЕБЕЦ:

– Протокол счетной комиссии, избранной на заседании ученого совета Института этнографии Академии наук СССР 29 марта 1955 года, в составе Г.Ф. Дебец, П.Е. Терлецкого, Т.А. Жданко.

Число членов ученого совета – 18.

Число членов ученого совета в Москве – 17.

Присутствовало на заседании – 13.

Приняло участие в голосовании – 13.

Результаты голосования по вопросу присвоения ученой степени кандидата исторических наук Кнорозову Юрию Валентиновичу:

Получено бюллетеней – 13.

Голосовало «За» – 12.

Голосовало «Против» – нет.

Один бюллетень признан недействительным.

(*Аплодисменты.*)

[110] Терлецкий Петр Евгеньевич (?–?) – советский этнограф, специалист по народностям Севера, сотрудник Института этнографии АН СССР.

[111] Жданко Татьяна Александровна (1909–2007) – советский и российский этнограф, специалист по каракалпакам, заместитель начальника Хорезмской археолого-этнографической экспедиции С.П. Толстова.

Протокол счетной комиссии, избранной на заседании ученого совета Института этнографии Академии наук СССР 29 марта 1955 года, в составе Г.Ф. Дебец, П.Е. Терлецкого, Т.А. Жданко.

Число членов ученого совета – 18.

Число членов ученого совета в Москве – 17.

Присутствовало на заседании – 13.

Приняло участие в голосовании – 13.

Результаты голосования по вопросу присвоения ученой степени доктора исторических наук Кнорозову Юрию Валентиновичу:

Получено бюллетеней – 13.

Голосовало «За» – 11.

Голосовало «Против» – 2.

(*Аплодисменты.*)

Член-корреспондент АН СССР С.П. ТОЛСТОВ:

– Таким образом, при представлении в ВАК работы Ю.В. Кнорозова в качестве приложения включить обе статьи его.

Кроме того, немедленно возбудить ходатайство о включении в издаваемую книгу этих статей.

Нет возражений? (*Нет.*) Принимается.

Переходим к следующему вопросу.

Председатель: /С.П. Толстов/
Ученый секретарь: /И.А. Золотаревская/

Публикуется по: ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 70. Д. 1530. Л. 52-101. Подлинник. Машинопись с рукописными вставками. Подписи – автографы.

Итак, защита состоялась. Толстов мог вздохнуть с облегчением. Однако была своя ложка дегтя в этом «медоносном» мероприятии: против присвоения степени доктора исторических наук Юрию Валентиновичу Кнорозову проголосовало двое. И самым неожиданным стало то, что одним из них оказался его руководитель – Сергей Павлович Токарев...

Что это было? Очередная «гадость Толстову», из тех, что втихаря, по словам Кнорозова, ему строил Токарев, по причине «ненависти»? Или Токарева настолько задела весьма нахальная реплика Юрия в адрес своего руководителя: «В выступлении С.А. Токарева мне осталось несколько неясным пожелание завершить работу. Надо говорить скорее о необходимости начать работу. Речь идет о создании новой лингвистической дисциплины: чтение письменности, язык которой отличается от современного языка, – это работа на многие десятилетия для многих ученых»? Реплика должна была произвести впечатление на публику, так как ее вспоминает в своем очерке и журналист Аграновский, правда, не упоминая Токарева, но описывая ситуацию еще более драматично – в ответ на пожелания соискатель, нарушая

традицию, произносит в своем заключительном слове буквально следующее:

«Это пожелание для меня несколько странно. Говорить о "завершении", да еще "успешном", работы рано. Речь может идти, на мой взгляд, лишь о начале работ. Мы стоим на пороге создания новой отрасли филологии, а это – дело десятков ученых на многие годы...» Кстати, версия фразы, приводимая журналистом, точно совпадает по стилю с разговорной речью Кнорозова, что свидетельствует о том, что сам Юрий упомянул этот момент в беседе.

Но возможно, Токарев почувствовал опасение получить неожиданно нового доктора наук, специалиста по американистике, что могло угрожать как-то статусу самого Токарева? Как бы то ни было, с тех пор «стычки» Кнорозова с Токаревым не прекращались... но это было уже позже.

А в тот день, 29 марта 1955 года, радостная институтская и дружественная молодежь подхватила спустившегося с трибуны героя дня – Юру Кнорозова, который и сам до конца не мог поверить в реальность происходящего.

В дом на Смоленской набережной он вернулся уже совсем поздно. А следующее после защиты утро началось со звонков, буквально с восьми утра. Племянница Татьяна вспоминала, что она еще в школу не убежала, а тут начались сплошные звонки. Потом стали приходить корреспонденты разных изданий – и среди них тот самый Аграновский, написавший потом свою историю. Однако застать дома Юрия было сложно, поскольку он оформлял документы, а это дело весьма хлопотное. Кроме того, все хотели его видеть. И жена брата приняла на себя роль пресс-секретаря – именно она принимала разных людей и со всеми вела беседы.

Из Ленинграда приехал поздравить брата Сергей Валентинович. Между собой родные так комментировали случившееся: «Юрка сбрендил. Критику марксистско-ленинского учения написал».

А брат Борис настаивал на том, что все надо публиковать. На что Юрий таинственно возражал: «Если хоть одна строчка будет опубликована, то меня уже здесь не будет...»

Защита состоялась. Для Толстова начиналась чрезвычайно ответственная часть – провести решение ученого совета через ВАК. До этого Кнорозов продолжал оставаться всего лишь кандидатом исторических наук. И, безусловно, требовалось довести начатое до убедительного конца. Свидетельств того, что́ именно Толстов сказал после предательского «черного шара» Токареву, не сохранилось. Но точки над всеми нужными буквами были расставлены, и Токарев был вынужден смириться.

Уже в номере за июнь того же 1955 года журнал «Смена» публикует заметку-интервью с С.А. Токаревым под названием «Разгаданная тайна»[112].

[112] *Токарев С.А.* Разгаданная тайна // Смена. 1955. Июнь. С. 10.

В конце марта 1955 года на заседании ученого совета Института этнографии Академии наук СССР Юрий Валентинович Кнорозов защищал диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Я слушал и невольно вспоминал осень 1943 года. Тогда, во время своей очередной лекции, я впервые познакомился со студентом II курса исторического факультета Кнорозовым.

Вскоре студенту пришлось прервать учебу: он ушел на фронт. И только в 1945 году, вернувшись из армии, он продолжил занятия в университете. И вот Юрий Валентинович уже защищает диссертацию со сложным названием «Сообщение о делах в Юкатане» Диэго де Ланда как историко-этнографический источник». Это исследование построено на изучении книги францисканского монаха-ученого о древнем индейском племени майя. Что же привлекло внимание Кнорозова к этой книге, написанной в 1566 году?

Мы сидим в переполненном зале и с огромным интересом слушаем диссертанта. Древние племена майя, жившие за сто лет до нашей эры, уже тогда достигли значительных успехов в развитии ремесел, торговли, искусства, науки. Выведенные ими культурные растения – кукуруза, томаты, какао, табак – распространились по всему земному шару.

В начале XVI века началось завоевание испанцами Центральной Америки, в частности, полуострова Юкатан, где жили племена майя. Диэго де Ланда был главой францисканской миссии и организатором инквизиции в Юкатане. Одной рукой он писал исследования о древней индейской культуре, а другой – безжалостно уничтожал эту культуру, сжигал бесценные иероглифические рукописи.

Ю.В. Кнорозов показал звериный облик этого «исследователя», умевшего быстро менять мантию ученого на одеяние инквизитора. Варварская деятельность испанских конквистадоров и монахов привела к тому, что древняя письменность майя почти полностью исчезла. До наших дней дошли только три рукописи, написанные волосяной кисточкой на высушенных листьях фикуса. Они бережно хранятся в музеях Дрездена, Мадрида и Парижа. Кроме рукописей, уцелели еще надписи на камнях и развалинах древних городов.

Ученые США, Германии, Франции и других стран много раз пытались расшифровать загадочные письмена. Но за целый век им удалось определить только несколько знаков, изображающих цифры, календарные даты и имена богов. Среди буржуазных исследователей возникло даже мнение, что прочесть иероглифы майя вообще невозможно, так как они будто бы не подчиняются никаким грамматическим нормам. Но молодому советскому ученому удалось разбить эту «теорию», практически доказать ее полную несостоятельность. За несколько лет работы он «оживил» первобытные иероглифы, заставил заговорить их.

Как это ему удалось? Секрет успеха Кнорозова заключался в том, что он пошел по единственно верному пути. Разработанная им теория иероглифического письма полностью основана на марксистско-ленинском методе познания. Ученый опирался на положение диалектического материализма о том, что язык и письменность возникли и развиваются в неразрывной связи с трудовой деятельностью людей, их общественным строем. Кнорозов правильно решил, что для расшифровки письменности майя необходимо сопоставить ее с другими иероглифическими образцами древнейших центров цивилизации (Египет, Китай).

Уже первые сравнения показали исследователю, что он не ошибся. Путем кропотливейших сопоставлений он убедился, что в начертаниях иероглифов и в методе выражения мысли у разных народов есть много общего.

Юрий Валентинович установил, что общее количество иероглифов письменности майя составляет двести семьдесят. Из них сто знаков встречаются весьма редко. Значит, нужно было разгадать сто семьдесят иероглифов, связанных с изображением трудовых процессов индейских племен.

Шаг за шагом проникал Кнорозов в тайну древних письмен. Темперамент настоящего ученого, удивительная интуиция, смелость и гибкость мысли, яркое научное воображение сделали свое.

Теперь человечество узнает историю древних городов-государств, познакомится с высокой культурой целой народности. Кнорозову удалось не только разгадать значение каждого иероглифа, но и прочесть ряд фраз. Нет сомнения, что все ценнейшие памятники письменности древней индейской цивилизации будут прочитаны и изучены. По-новому раскроется перед нами история племен, живущих на полуострове Юкатан, где еще и сегодня потомки древних индейцев – трудолюбивые пеоны – гнут спины от зари до зари на фруктовых плантациях американской монополии «Юнайтед фрут компани».

Всем присутствовавшим на заседании ученого совета было ясно, что речь идет не только о талантливой диссертации, но и о большом научном открытии. Ученый совет решил присвоить Юрию Валентиновичу Кнорозову степень не кандидата, а доктора исторических наук.

Хорошо видно, как Токарев в своем интервью откровенно смягчает наиболее опасные данные биографии Ю.В. Кнорозова, делая упор на особом идеологическом значении работы своего ученика. Научный руководитель старательно обошел тему нахождения на оккупированной территории, чуть исказил действительность, упоминая о том, что соискатель был «на фронте». При этом он намеренно перенес акценты на идеологические заслуги молодого ученого, обличившего в своей диссертации «звериный облик» мракобеса Диэго де Ланды и

выступившего на защиту угнетенных империализмом США индейцев майя. В интервью С.А. Токарев раскрыл секрет «успеха» диссертанта: по мнению научного руководителя, он состоял в «марксистско-ленинском методе познания» и опоре исследования на «положения диалектического материализма». Автор заключил: «Всем присутствовавшим на заседании ученого совета было ясно, что речь идет не только о талантливой диссертации, но и о большом научном открытии. Ученый совет решил присвоить Юрию Валентиновичу Кнорозову степень не кандидата, а доктора исторических наук». В этом состояла суть задачи этого, по сути, пресс-релиза – громко объявить советской общественности, что речь шла о гениальном открытии, которое нельзя было перечеркнуть подозрительной графой из анкеты соискателя.

Факт защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук является важнейшей квалификационной ступенью в карьере любого ученого, своего рода инициацией, пропуском в научную корпорацию. Тем более знаменательны и редки случаи, когда кандидатский диспут оборачивается присуждением по итогам защиты диссертации степени докторской, т. е. вчерашний соискатель неожиданно оказывается на верху научной иерархии. В истории науки не так много защит подобного рода. Одним из таких событий стала защита диссертации историком, этнографом, лингвистом, основателем российской школы майянистики Юрием Кнорозовым.

Не менее важен и достоин глубочайшего уважения еще один аспект этого события: сам факт того, что возглавлявшему отечественную этнографию Сергею Павловичу Толстову удалось довести соискателя с «запятнанной» биографией, но гениального – Кнорозова до защиты, стал, безусловно, примером его исключительной научной ответственности и честности.

ГЛАВА 9
СЛАВА

Третьи сутки пьем здоровье
Вашего Императорского Величества!
Пора бы и кончить.

Дитя сталинского времени

Диктуя в 1997 году особенно важные события своей биографии, Юрий Валентинович не раз повторял, подсмеиваясь над собой: «Я – дитя сталинского времени». А мне тогда трудно было понять, что за этим стоит – ожидаемое осуждение, плохо скрываемая гордость, попытка объяснить скрытый страх? Сейчас мне кажется, что это было мнение профессионального историка, объективно оценивающего собственный жизненный путь. Писал «Поэму о Сталине» и при этом самого Сталина он иначе как «Сосо» не называл... Сталин любил папиросы «Герцеговина Флор», и ярый курильщик Кнорозов покупал их себе, правда, не так часто – это были самые дорогие папиросы в те времена, и продавались они не везде. Очень был доволен, когда я их ему привозила из Москвы в подарок. Кнорозов вообще придавал большое значение деталям и совпадениям, хотя никогда не комментировал, почему именно. А тут такое: родился Юрий в год, когда Сталин стал генеральным секретарем ЦК РКП(б), а взлет ученого начался в 1953, чуть ли не в день смерти всемогущего генсека... Одним словом – «дитя сталинского времени».

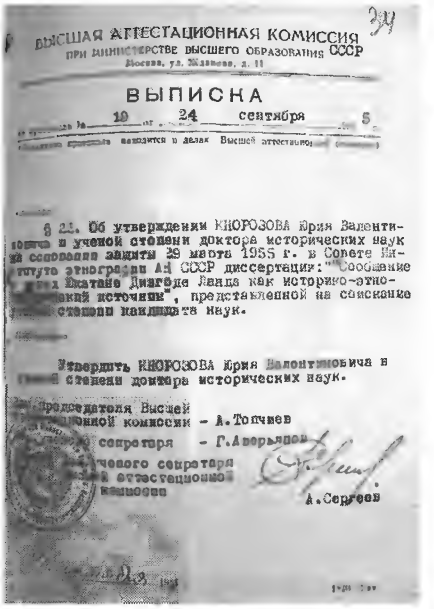
В 1953 году, сразу после смерти Сталина, в жизни Кнорозова начинается новая яркая полоса. Он переходит на работу в Ленинградскую часть Института этнографии АН СССР, женится, публикует много своих работ, блестяще защищает диссертацию и 24 сентября 1955 года ВАК официально утверждает присуждение ему ученой степени доктора исторических наук, сразу же руководство ходатайствует специально для него о должности старшего научного сотрудника. О гениальном Кнорозове пишут в прессе и приглашают его выступить с докладами. Кроме того, в 1955 году его почти отправляют в Рим на

X Международный конгресс историков, куда он, правда, не попадает, но предоставляет доклад, который публикуется на двух языках[113].

[113] Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 29–53 с., ил. [Доклады (сов. делегации) на X Междунар. конгрессе историков в Риме]; A brief summary of the Studies of the Ancient Maya Hieroglyphic Writing in the Soviet Union [Reports of the Soviet Delegation at the Tenth International Congress of Historical Sciences in Rome]. Moscow. 1955. P. 29-53.

В Кунсткамере

В Кунсткамере он обретает собственный письменный стол в кабинете. О том, как хорошо его встретила одна из старейших этнографов в Кунсткамере, трогательно вспоминает Ирина Федоровна Хорошаева: «Для Евгении Эдуардовны Бломквист он, конечно, был мальчик – но мальчик очень талантливый. Она отнеслась к нему так хорошо. Очень уютно устроила этот стол, который в простенке. У них там [в кабинете] три стола, вот в простенке сидел Юра, а за его спиной, как бы в уголочке,где самое хорошее место было – Бломквист. Но она к нему просто очень хорошо относилась, и Наталья Владимировна Либер тоже. Она заботилась о нем. Какие-то [сотрудники] нет, а она к нему очень хорошо относилась...»



ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
Москва, ул. Жданова, д. 11

ВЫПИСКА

№ 10 от 24 сентября 5

§ 21. Об утверждении КНОРОЗОВА Юрия Валентиновича в ученой степени доктора исторических наук по совокупности защиты 29 марта 1955 г. в Совете Института этнографии АН СССР диссертации: "Сообщение Диего Ланда как историко-этнографический источник", представленной на соискание ученой степени кандидата наук.

Утвердить КНОРОЗОВА Юрия Валентиновича в ученой степени доктора исторических наук.

Председатель Высшей аттестационной комиссии – А.Топчиев

Ученый секретарь – Г.Аверьянов

Заместителя ученого секретаря Высшей аттестационной комиссии А.Сергеев

Утверждение степени доктора исторических наук

Прекрасному этнографу и замечательному человеку Евгении Эдуардовне Бломквист на тот момент было уже за семьдесят. Меньше чем через год, в 1956-м, Евгении Эдуардовны не стало, и тот самый «стол в уголочке» у окошка с видом на Неву достался Юрочке Кнорозову.

В своих воспоминаниях Ирина Федоровна очень деликатно не хотела упоминать имени Кинжалова, которого, впрочем, на тот момент в Кунсткамере еще не было, а позже все знавшие его сотрудники негласно сравнивали с Сальери, вечно завидовавшим гениальному Моцарту. Стол Ростислава Васильевича Кинжалова, появившегося в кабинете уже позже, причем благодаря именно Кнорозову, располагался, пожалуй, в самом неудобном месте – сразу перед дверью, как бы подчеркивая вторые роли своего хозяина. Сотрудник Кунсткамеры С.А. Корсун очень точно описывает непростые отношения с Кинжаловым: «В 1957 г. Ю.В. Кнорозов посодействовал Р.В. Кинжалову при его устройстве на работу в МАЭ, в его лице Юрий Валентинович хотел найти для себя помощника для изучения письменности майя. Однако, работая вместе над изучением культуры одного народа, они со временем превратились в конкурентов, и неоднократно высказывали нелестные замечания в адрес друг друга. 1963 год стал важной вехой для обоих: Ю.В. Кнорозов опубликовал свой главный труд — монографию «Письменность индейцев майя», а Р.В. Кинжалов, всегда с увлечением занимавшийся административной работой,

Кунсткамера. Третье окно справа на первом этаже – рядом с ним располагался рабочий стол Ю.В. Кнорозова

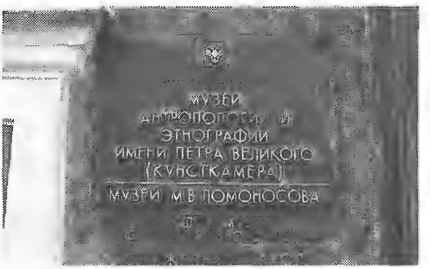
был назначен на должность заведующего ленинградским сектором Америки Института этнографии. Формально кандидат исторических наук Р.В. Кинжалов стал начальником доктора исторических наук Ю.В. Кнорозова. Докторскую диссертацию Р.В. Кинжалов защитил только в 1971 г.[114]». Важна характеристика, которую подмечает С.А. Корсун: Кнорозов всегда совершенно искренне «заманивал» коллег – потенциальных майянистов в свои проекты. Он не боялся конкуренции и не бился за первенство. Единственное, на что он рассчитывал, так это на совместную интересную работу. И такая открытость его подводила с удручающей регулярностью.

Тут стоит сделать отступление и пояснить один из принципов самоорганизации коллектива, что поможет понять особенности отношений между Кнорозовым и окружающими. Все коллективы сотрудников (любого типа и уровня) делятся на три группы согласно своим задаткам и способностям:

> 1. Генераторы идей – единицы (не более 3–5 процентов человечества), они же выступают лидерами и часто остаются в неизвестности. Многие их идеи становятся понятными «широким массам» коллег спустя много времени после смерти гения. Они не бьются за первенство, жалея время, которое можно посвятить исследованиям. Или же заняты достижением собственной сверхидеи, за что и бывают нередко отнесены большинством «нормальных людей» к «сумасшедшим». Забавно, как Кнорозов в молодости неслучайно

[114] *Корсун С.А.* Превратности судьбы Ю.В. Кнорозова // Латинская Америка. 2019. № 1. С. 83.

Коридоры Кунсткамеры, по которым ходил Юрий Валентинович

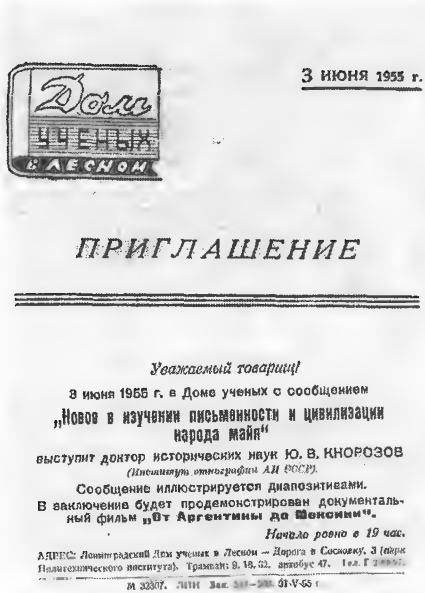


Вход для сотрудников Института всегда располагался со стороны набережной

пытался представить себя эдаким корыстным хапугой, работающим за деньги. По всей видимости, это был его защитный ответ на реакцию непонимания со стороны близких.

2. Разработчики идей – тоже элита, хотя своих, новых идей они практически не генерируют, но умеют улавливать идеи чужие, а потом долго и детально их разрабатывают, чувствуя верный вектор. Их чуть больше, нежели генераторов, но тоже не так много, именно они становятся официальными «большими учеными». Классический пример: Лев Яковлевич Штернберг, будучи сосланным в Сибирь за революционную деятельность, написал гениальную работу о древних верованиях «Первобытная религия в свете этнографии», где четко сформулировал, в частности, идею о том, что так называемые мифы – не что иное, как древнее научное описание мира, которое непонятно современным людям. Тогда как В.Я. Пропп, официальный «основоположник сравнительно-исторического метода в фольклористике, один из основоположников современной теории текста», всего лишь разрабатывавший всю жизнь эту, одну из многих идей Штернберга, благодаря структуралистски украшенной «Мифологии сказки» превратился в официального «большого ученого». В отличие от генераторов идей, разработчики всегда получают прижизненное признание.

3. Исполнители – абсолютное большинство в любой области деятельности. Для них не имеет особого значения, чем именно заниматься, а их главным поиском становится финансовое вознаграждение «за труд» или «статус». Их работа всегда описательна и, по сути, не приносит удовлетворения. Они предпочитают занимать руководящие и административные должности – так как там больше платят и положение удовлетворяет тщеславие. Много таких «ученых» в 1990-е годы, когда наука в России намеренно разваливалась, а статус научного сотрудника упал ниже самого низкого, с легкостью переключились на торговлю, да и на все что угодно, лишь бы платили.



3 июня 1955 г.

Дом ученых в Лесном

ПРИГЛАШЕНИЕ

Уважаемый товарищ!

3 июня 1955 г. в Доме ученых с сообщением

„Новое в изучении письменности и цивилизации народа майя"

выступит доктор исторических наук Ю. В. КНОРОЗОВ
(Институт этнографии АН СССР).

Сообщение иллюстрируется диапозитивами.

В заключение будет продемонстрирован документальный фильм **„От Аргентины до Мексики"**.

Начало ровно в 19 час.

АДРЕС: Ленинградский Дом ученых в Лесном — Дорога в Сосновку, 3 (напр. Политехнического института). Трамваи: 9, 18, 32, автобус 47. Тел. Г [illegible]

М 32307. ЛИИН Зак. [illegible] 51-V-55 г.

После защиты диссертации приглашения выступить с лекцией поступали отовсюду

Люди первой группы – генераторы идей – объективно не могут существовать без двух других групп и заведомо готовы к сотрудничеству. Проблемы начинаются во второй и третьей группах, члены которых зависят от первой. Но желание занимать управляющие посты у них чрезвычайно сильно. Именно такая коллизия сразу обозначилась в отношениях между Кнорозовым и Кинжаловым.

Даже став руководителем сектора Америки, Кинжалов так и не рискнул претендовать на самое удобное место для себя. Сам же Кнорозов именовал его метко, но тоже академически изысканно: «царедворец». Вся суть этих отношений сохранилась на редкой фотографии 1962 года из Научного архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера). История ее связана с посещением Кунсткамеры мексиканской делегацией – исключительно для встречи с Ю.В. Кнорозовым, который рассказал им о дешифровке письма майя. Внизу – почетные гости: посол Мексики Карлос Сапата Вела и видный мексиканский политик, национальный герой Мексики генерал Эриберто Хара, к которому якобы ненароком, но в первых рядах, пристроился Р.В. Кинжалов. Во втором ряду расположились сотрудники Кунсткамеры О.Л. Вильчевский, Э.В. Зиберт, В.Н. Вологдина, Р.Ф. Итс, а также переводчица из посольства Мексики. А вот уже позади всех, почти вытесненным и лишним для помпезной композиции, появляется, выглядывая из-за чужого плеча, и сам виновник встречи – Ю.В. Кнорозов. Сюжет, достойный этносемиотического анализа по методу Кнорозова...

Ростислав Васильевич Кинжалов (1920–2006)

Кинжалов не являлся ни этнографом, ни историком по базовому образованию – это был окончивший Ленинградский университет филолог. Работать он начал в 1945 году в отделе Востока Государственного Эрмитажа. И там же на ученом совете Государственного Эрмитажа им была защищена кандидатская диссертация на тему «Политическая и социальная направленность повести "О жизни Александра Македонского"». Это случилось в 1955 году,

За работой

почти одновременно с исторической защитой Кнорозова, но без всяких сопутствующих драм и взлетов. В Эрмитаже он занимался и эллинами, и культурой Закавказья, пока не обратил внимание на никем не востребованную коллекцию доколумбовых предметов из Центральной Америки, организовав в 1956 году первую выставку американских древностей Эрмитажа. Возможно, этот период и предопределил появление у Кнорозова такой характеристики Кинжалова: «Что же вы хотите – эрмитажный царедворец». Образ усиливался и удивительным портретным сходством Ростислава Васильевича с лицом мужчины с картины XV века итальянского художника Гирландайо «Старик с ребенком», а также постоянным и настораживающим потиранием мягких рук.

После блестящей защиты Юрия Кнорозова Толстову и Токареву требовалось максимально расширить сектор Америки – и тут удачно вписался Кинжалов, перейдя в феврале 1957 г., исключительно по протекции Кнорозова, из Эрмитажа на работу в МАЭ. И занялся он, конечно, культурой древних майя, не забывая о карьерном росте. Уже в 1963-м (по 1990-й) он руководил воссозданным сектором, а затем Отделом Америки Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Одно время был даже ученым секретарем ЛЧ ИЭ АН СССР, занимал ряд руководящих постов в общественных организациях института. В научном творчестве он использовал, в основном, свои филологические навыки. В настоящее время, когда у всех есть доступ к зарубежной литературе, а знание иностранных языков не является чем-то особенным, стало понятно, что основные публикации Кинжалова по большей части представляли собой историографические обзоры и компиляции из переводов зарубежных исследований...

Кнорозов уже давно был доктором наук. Тогда как Кинжалов смог защитить свою докторскую диссертацию под широким названием «Культура древних майя» лишь в 1971 г., неслучайно привлекая в качестве первого официального оппонента тогдашнего директора Эрмитажа академика Б.Б. Пиотровского. Получилось так, что Р.В. Кинжалов обрел некоторую известность благодаря, скорее, художественным приключенческим произведениям на американистские темы и даже был удостоен первой премии им. А. Беляева на конкурсе фантастической и приключенческой литературы в 1989 году.

Пережив на семь лет Кнорозова, Ростислав Васильевич ушел из жизни в 2006 году, будучи заслуженным деятелем науки Российской Федерации – но так и оставшись исчезавшим в тени гения Моцарта добротным ремесленником Сальери, всегда помнившим свое место.

НОВЫЕ РАБОТЫ
СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Расшифровка древних письмен майя

Уже более 100 лет ученые многих стран пытались разобрать и прочесть письмена древних народов Центральной Америки.

В Центральной Америке, задолго до открытия ее европейцами, существовали государства майя, сапотеков и толтеков. История их происхождения и развития почти неизвестна. Индейцы майя, являющиеся ныне одним из крупнейших народов современной коренной Латинской Америки, уже на рубеже нашей эры имели свою письменность.

Надписи, высеченные на камнях, покрывают стены развалин в древних городах. После завоевания стран Центральной Америки испанские монахи и миссионеры-католики в XVI веке варварски уничтожали произведения искусства, разрушали храмы, а вместе с тем и другие памятники культуры майя. В своем варварском рвении они сожгли почти все рукописи майя, написанные иероглифическим письмом. В настоящее время сохранились лишь три рукописи, известные под названиями кодексов дрезденского, парижского и мадридского.

По своему содержанию кодексы эти составляют перечень календарных дат, праздников, жреческих обрядов и т. п. Письмена на камнях, повидимому, содержат описания исторических событий, победные надписи и т. п.

Расшифровкой письменности майя занимались английские, французские и немецкие ученые, а с начала XX века ученые и целые научные общества в США, Гватемале и Мексике. Первой попыткой расшифровки были исследования Брассёр-де-Бурбура, опубликовавшего свои первые опыты еще в 60-х годах XIX века. В настоящее время один только перечень названий книг и статей, посвященных письменности майя, составил бы довольно объемистый том. Однако, несмотря на все усилия, расшифровать эту письменность не удавалось. В своих попытках разгадать систему письма древних майя первые исследователи исходили из указаний испанского епископа Диего де Ланда, жившего в XVI веке. Однако указания Диего де Ланда и приведенный им алфавит оставались непонятными. Поэтому многие ученые, отчаявшись найти в них ключ к расшифровке, усомнились в их подлинности.

Изображение на глиняном сосуде майя; наверху иероглифическая надпись

Дальнейшие попытки расшифровки не дали никаких результатов. Это особенно ясно видно на примере работ американцев Моули и Томпсона — лидеров американской школы дешифровщиков.

Молодой советский ученый Ю. Кнорозов, занимающийся расшифровкой письменности майя, по-новому подошел к этой проблеме. Как оказалось, письменность майя не отличается по основным принципам написания слов от других иероглифических систем. Ю. Кнорозову удалось, основываясь на достижениях советской исторической науки, установить принцип написания слов и значение ряда знаков. Таким образом положена основа для чтения рукописей и надписей майя. Дальнейшее изучение рукописей и надписей будет зависеть главным образом от исследования языковых особенностей текстов, поскольку они написаны на древнем языке, отличном от всех ныне существующих диалектов майя. Ю. Кнорозов ведет в настоящее время работу по составлению иероглифического словаря и по переводу текстов майя на русский язык.

Статья с изложением принципов расшифровки и принципа написания слов с примерами чтения отдельных надписей появится в одном из ближайших номеров журнала «Советская этнография».

Проф. Л. ОЛЬДЕРОГЕ

Слева – заметка о Кнорозове в «Литературной газете» за 1952 год. Автор – профессор Ольдерогге

Любопытно, что сам Кинжалов в своих воспоминаниях пишет о том, что он состоял в переписке с Кнорозовым с 1941 года. И тут возникает несколько вопросов, один из которых: а куда и зачем мог писать Кинжалову в 1941 году Кнорозов? Какой знаменитостью в области американистики, шаманизма или системных исторических исследований мог быть Кинжалов в студенческие времена, чтобы к нему обращался Кнорозов, человек абсолютно далеких от классических филологически-искусствоведческих интересов и устремлений? Кнорозов учился на втором курсе истфака в Харькове, а Кинжалов, который был лишь на два года старше, должен был учиться, в лучшем случае, на 3 курсе филфака ЛГУ (закончил в 1947-м, на год раньше Кнорозова), и если и занимался всерьез наукой, то эллинами. Ранее знакомы молодые люди не были. Даже работать в Эрмитаже, за что можно было бы зацепиться, Кинжалов начал лишь в 1945-м. Если они состояли по непонятной причине в переписке, то почему только в 1946-м Кинжалов узнает об интересах Кнорозова, если судить по его собственным «воспоминаниям» о Юрии: «Выглядел он несколько диковатым, даже не в смысле одежды (он был в ватнике и ушанке), а по отрывистой речи, жестикуляции и т. д. Он представился студентом МГУ, кажется V курса, и сказал, что его мечта — заняться дешифровкой письма майя»[115]. Ни ватник, ни ушанка, ни диковатый вид ни в чьих воспоминаниях больше не фигурируют. Да и кто, особенно в послеблокадном Ленинграде, мог так удивляться плохо одетому человеку? Кроме того, в 1946 году Кнорозов уже вовсю занимался дешифровкой в

[115] *Кинжалов Р.В.* Из прошлого. СПб.: Свято-Алексиевская пустынь, 2013. С. 212.

Журнал «Советский Союз» помещает статью Юрия Кнорозова о дешифровке

Москве и не нуждался в одобрении своих занятий ничем не примечательным студентом, да еще в Ленинграде. Юрий уже позволял себе предъявлять претензии даже самому Толстову! А Кинжалов официально переключился на майя практически только после защиты Кнорозова. Даже свою собственную кандидатскую диссертацию по Македонскому он защитил уже после того, как Юрий стал доктором наук. Так что «воспоминания» Ростислава Васильевича выглядят достаточно сомнительными с точки зрения их достоверности. Да и если судить по комментариям самого Кнорозова, который и представлял меня Кинжалову в 1979 году, отношение Юрия Валентиновича к «царедворцу» было весьма далеким от того, что принято считать не то чтобы «давней дружбой», а даже просто давним неформальным знакомством.

И еще. Предательства со стороны своего руководителя Токарева Кнорозов так и не забыл. Правда, пытался найти ему оправдание, обвиняя в разрыве отношений между учителем и учеником очередную жену любвеобильного этнографа.

Только наступление!

Как бы то ни было, остановить Кнорозова уже было невозможно. Его девизом всегда было: «Только наступление!» Показателен отчет о работе за столь насыщенный и судьбоносный 1955 год, представленный Ю.В. Кнорозовым.

Отчет о плановой работе Ю.В. Кнорозова

1. Подбор материалов для расширения майя-русского словаря (раздел монографии «Письменность индейцев майя», объем 6 а.л.
2. Доклад «Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе» для X Международного конгресса историков (по заданию Дирекции). Объем 1 п.л. Опубликован.
3. Подбор материалов для статьи «Народы Мексики и Центральной Америки» (Том «Народы Америки»).

Внеплановая работа:
1. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Сообщение о делах в Юкатане» Диэго де Ланда как историко-этнографический источник». Объем 6 а.л. Защищена 30.III.1955.
2. Диэго де Ланда «Сообщение о делах в Юкатане». Перевод со старо-испанского, вводная статья и примечания. Объем 20 1/4 п.л. Опубликована.
3. Статья «Письменность древних майя (опыт расшифровки)». Объем 1, 5 п.л. Опубликована.
4. Выступление в качестве официального оппонента на защите диссертации И.Ф. Хорошаевой «Современное индейское население Мексики».

Можно представить, с каким удовольствием и благодарностью «Юрочка» оппонировал на защите Иры Хорошаевой, столько сделавшей для его собственной успешной защиты. Прошло всего-то несколько месяцев, а он превратился из бесправного соискателя в маститого ученого! Надо заметить, что Ирина Федоровна в своем интервью мне даже не упомянула о том, что сама в те же дни была полностью погружена в подготовку защиты собственной диссертации. И тоже по Мексике. Одним словом, «свое» отходило на второй план.

Юрия приглашали выступить с научными докладами – стране, всего десятилетие назад вышедшей из страшной войны, нужны были новые герои. Сохранились типографским способом распечатанные приглашения – вроде этого, бережно сохраненного сестрой Галиной:

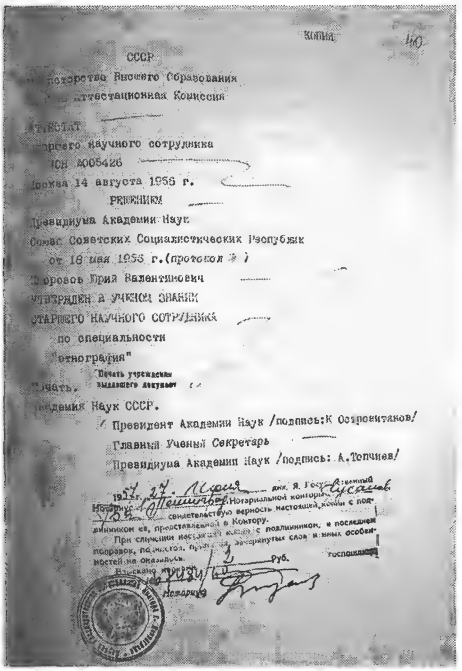
Объявление о докладе Ю.В. Кнорозова

3 июня 1955 г.
[Ленинград]

Уважаемый товарищ!
3 июня 1955 г. в *Доме ученых с сообщением*
«Новое в изучении письменности и цивилизации народа майя»
выступит доктор исторических наук Ю.В. Кнорозов
(*Институт этнографии* РАН)

Сообщение иллюстрируется диапозитивами.

В заключение будет продемонстрирован документальный фильм «От Аргентины до Мексики»
Начало ровно в 19 часов
Адрес: Ленинградский Дом ученых в Лесном – дорога в Сосновку, 3 (Парк Политехнического института). Трамваи: 9, 18, 32, автобус 47. Тел[ефон] Г 2-89-97.



Копия

СССР
...ерство Высшего Образования
...аттестационная Комиссия

...ТВО
...его научного сотрудника
ИСН А005426
...ьма 14 августа 1956 г.
РЕШЕНИЕ
Президиума Академии Наук
Союза Советских Социалистических Республик
от 16 мая 1956 г.(протокол №)
...оров Юрий Валентинович
...ТВЕРЖДЕН В УЧЕНОМ ЗВАНИИ
СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА
по специальности
"этнография"
"Печать учреждения выдавшего документ"
...ь
...адемии Наук СССР.
Президент Академии Наук /подпись: К.Скрябин/
Главный Ученый Секретарь
Президиума Академии Наук /подпись: А.Топчиев/
...ия 27 мая ... дня Государственный
...Нотариальная контора ... удостоверительную верность настоящей копии с под-
...линником ей, представленным в Контору ... с подлинником, и последняя
При сличении настоящей копии с подлинником ... не обнаружено
...поправок, подчисток, ... зачеркнутых слов и иных особен-
...ностей не оказалось.
...Руб.
...госпошлина
...нотариус

В августе 1956 года Кнорозов становится старшим научным сотрудником

И таких выступлений было много. Как и журналистов, и «телевизионщиков», которые буквально осаждали молодого ученого. Однажды явилась телевизионная группа снимать о молодом дешифровщике письма майя документальный фильм. Выставили свет, камеры... И тут появился Юрий с завязанным бинтом глазом. Немая сцена. По описаниям Хорошаевой, дело происходило так:

«Эта картина была, я помню, о Мексике. Этот документалист – Калашников, что-то похожее. Да, и в ней был кусок о Кнорозове. Там и Юра снимался, как Билли Бонс, перевязав глаз – только не черной. А белой повязкой. Я говорю: «Юра, да что же вы вытворяете?» «А что? У меня глаз болит». Как только они ушли, он повязку снял. Глаз немедля прошел. Так что вот такой вот он был... А я ему говорю: «Вы что, хотите войти в историю в качестве Билли Бонса?» На что он мне сказал: «Это идея! Тогда нужна черная повязка. У меня ее нет».

«А что, у меня глаз болит», – важно заявил герой фильма. Для приличия его поснимали, как он расхаживает, демонстрируя повязку. Как только «телевизионщики» ушли, глаз тут же «прошел», а повязка была выброшена. Ирина Хорошаева оправдывает Юру: «Он, по-видимому, рассердился – не знаю, на что. Но рассердился он здорово. Я позвонила, говорю: "Юра, ну что же вы, ну зачем?" Он сказал: «Не могу, требуют неизвестно что, и вообще... надоели...»

Одним словом, слава оказалась делом утомительным. Неудивительно, что эти материалы никуда тогда так и не пошли – остались в киноархиве Красногорска, где и были мною обнаружены исключительно благодаря воспоминаниям И.Ф. Хорошаевой. Уже в 2009 году

эпизод включили в документальный фильм о Кнорозове, снятый телекомпанией «Неизвестная планета»[116].

А еще к этому году защищает свою диссертацию жена – Валентина Михайловна Самкова. И в августе 1955 года, когда приказом ректора ленинградского государственного архитектурно-строительного университета создают кафедру русского языка, именно ее, новоиспеченного кандидата филологических наук, назначают заведующей кафедрой.

Так триумфально закончился 1955 год. Новый 1956-й начался с публикации статьи на целую страницу (!) новоиспеченного доктора исторических наук Кнорозова «Загадка майя» в главном журнале страны, представлявшем ее лицо для всего мира – журнал назывался «Советский Союз». Это не просто был успех, это было окончательное и бесповоротное признание общественностью достижения Юрия. И это была безоговорочная победа Сергея Павловича Толстова над системой, с которой он не боролся, а просто честно ей служил.

А дальше – больше. Но 1956 год, сразу за публикацией Кнорозова, преподнес еще одно оглушительное для всех событие: в середине февраля состоялся тот самый судьбоносный XX съезд КПСС. В последний день съезда, 25 февраля, на ночном заседании без присутствия иностранной прессы Никита Хрущев выступил со знаменитым четырехчасовым докладом «О культе личности и его последствиях». Отдавая должное роли вождя в индустриализации страны, Хрущев развенчивал миф о Сталине, обвинив его в «извращении социалистических идей». Покойному вождю народов припомнилось все: критика Сталина в завещании Ленина, «чистка» партийных рядов, противозаконные методы расследований, массовые репрессии, многочисленные «перегибы» и даже военные промахи.

Можно себе представить, как отреагировал Юрий («дитя сталинского времени») на эти события... А вне жизни страны он себя никогда не мыслил. Сталинская эпоха окончательно уходила в прошлое... Кнорозов, хотя и не очень поверил в обещанные Хрущевым перемены, воспрянул: неужели все неприятности позади, и можно будет официально заняться «теорией коллектива»?

Безусловно, жизнь налаживалась! 18 мая 1956 года Президиум АН СССР утвердил Ю.В. Кнорозова в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности «этнография народов Америки» – по представлению ученого совета Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

В этом же 1956 году в Кунсткамере случилось еще одно событие, о котором вспоминает В.Н. Вологдина (та самая, что была на фотографии с мексиканской делегацией). Это был визит свергнутого президента Гватемалы Хакобо Арбенса Гусмана, покинувшего свою страну в результате государственного переворота в 1954 году.

[116] Документальный фильм «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор проф. Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов).

Президент Гватемалы Хакобо Арбенс – один из первых почитателей открытия Юрия Кнорозова

Лауреат Нобелевской премии писатель Мигель Анхель Астуриас, обещавший подарить Юрию «индейскую рубашку»

Переворот в Гватемале – реализация «доктрины Монро» США

Кодовое название плана свержения президента Гватемалы Арбенса звучало как «Эль Дьябло» (Дьявол). Это была разработка зам. директора ЦРУ Фрэнка Уиснера, ранее – директора ЦРУ Уолтера Белделла Смита. Проводником служил посол США в Гватемале, с которым взаимодействовали резиденты. Именно тогда США начали отрабатывать в рамках «Плана Маршалла» методику вторжения в чужие страны «армии освобождения» под прикрытием ВВС США, поддерживающих мятежников в гватемальской армии. Позже этот отработанный метод использовался во многих странах мира.

Примечательно, что для того, чтобы доказать вмешательство СССР в реформы правительства Арбенса, ему в кабинет, уже после переворота, подкинули советские учебники. Но даже сами американцы поняли, что переборщили, и не стали использовать этот фальшивый вброс. После переворота 1954 года страна на долгие десятилетия погрузилась в гражданскую войну и террор.

В книге отзывов Арбенс Гусман оставил такую запись: «С глубоким волнением мы посетили этот замечательный Музей, где мы имели честь познакомиться с любезным советским ученым Ю. Кнорозовым, которому столько обязан наш народ майя. Считаем, что это является символом

Мексиканская делегация встречается с Ю.В. Кнорозовым

уважения советского народа ко всем народам»[117].

С Гватемалой связан еще один визит к Кнорозову на высшем уровне – речь идет о знаменитом писателе из этой страны Мигеле Анхеле Астуриасе, создавшем такое течение, как «магический реализм», получившем в 1966 году Ленинскую премию «За укрепление мира между народами», а затем и Нобелевскую премию по литературе. Стилистика комментария, который приводит Я.В. Кузьмин, позволяет поверить, что сведения исходили именно от Кнорозова: «Да он [Астуриас] нехороший человек! Обещал подарить мне рубашку индейцев майя, а подарил... американский свитер. Зачем он мне?»[118]

Эта деталь интересна тем, что гораздо позже первой страной Латинской Америки, которую посетит Кнорозов, будет именно Гватемала. И поедет он по приглашению президента, сумевшего закончить гражданскую войну, начало которой было ознаменовано свержением Арбенса... Кнорозов в 1989 году станет первым советским человеком, приехавшим в Гватемалу, – еще до официального восстановления дипломатических отношений.

К мифам о Кнорозове того времени можно отнести такие забавные публикации: «В 1950-е гг. Ю.В. Кнорозов неоднократно встречался с индейцами майя – студентами ЛГУ»[119]. Даже просто студентов из Гватемалы в СССР в те годы было крайне мало, а вот чтобы еще были индейцы майя... Это из области фантастики, так как в середине прошлого века индейцы в любой стране Латинской Америки практически не покидали общин, да и не имели достаточного образования для поступления в университет. И тем более у них не могло быть средств, чтобы путешествовать на другой край света...

В Копенгаген!

А в августе 1956 года случилось и вообще невероятное: Толстов добился разрешения для Кнорозова стать членом делегации, при-

[117] Цит. по: *Вологдина В.Н.* Международные связи МАЭ в 1950–1070-е годы // Музейные коллекции и научные исследования: Сб. МАЭ. Т. XLXIX. 2004. С. 9.

[118] *Кузьмин Я.В.* Странствия по нити времени: Параллели и меридианы географа. Новосибирск: Прайс-Курьер, 2011. С. 26.

[119] *Корсун С.А.* Ю.В. Кнорозов: штрихи к научной биографии / Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб., 2014. С. 112.

нимавшей участие в работе XXXII Международного конгресса американистов в Копенгагене. Советская делегация состояла из трех человек: Алексей Павлович Окладников[120], Ирина Александровна Золотаревская (тот самый ученый секретарь во время защиты Кнорозова), а также он сам, молодой гений Юрий Валентинович Кнорозов.

Алексей Павлович Окладников – большой политик от науки, поначалу поддерживавший Ю.В. Кнорозова, а затем предавший его

По словам Елены Алексеевны Окладниковой, именно ее отец предложил и настоял на включении Кнорозова в состав делегации, о чем также рассказывал мне и сам Юрий Валентинович в своем особенном ироничном стиле: «Была ученый секретарь, с которой мы были в нормально-приятельских отношениях. Это она захотела поехать в Копенгаген. А она, Золотаревская, была приятельницей Окладникова. Он тогда решил, что ему тоже необходимо ехать в Копенгаген – и потому сам набрал команду, куда я заодно и попался. Окладников делал доклад по эскимосам...»

Правда, Ирина Федоровна Хорошаева в воспоминаниях настаивала на том, что в Копенгаген поехал антрополог Дебец, но это явное заблуждение. Но права она в одном: «Если бы Сергей Павлович [Толстов] не хотел, никуда бы Кнорозов не поехал...»

Да, событие было неординарное. Кнорозов ехал на конгресс, как на бой – представлять свою дешифровку письма майя. В качестве главного оппонента он видел почему-то немецкого ученого Томаса Бартеля. И даже не предполагал ту ненависть, которую испытывал к нему заокеанский коллега – маститый археолог Эрик Томпсон.

Выступление Кнорозова[121] на этом конгрессе было чрезвычайно важно и стратегически необходимо. Участников было много, включая наиболее значимых в мире майянистики и антропологии: автор одной из теорий заселения континента Поль Риве, лингвист Дэвид Келли, великий Альфонсо Касо, тот самый немец из ФРГ Томас Бартель и множество других – всего около 330 человек. Был даже путешественник Тур Хейердал, над «дремучестью» которого Кнорозов подсмеивался всю жизнь. «Он что, книг никогда не читал?» – удивлялся Кнорозов каждый раз, когда объявляли очередное «открытие»

[120] Алексей Павлович Окладников (1908–1981) – археолог и этнограф, д.и.н., академик, лауреат Сталинской и Государственной премий, с 1931 г. работал в Ленинградском отделении ИИМК АН СССР; с 1961 г. – в Новосибирске, с 1966 г. – директор Ин-та истории филологии и философии.

[121] New data on the Maya written Language // Proceedings of 32 International Congress of Americanists. Copenhagen. 1956. P. 467-475.

Археолог Франс Блом, принимающий Президента Мексики в Монте-Альбане

путешественника Хейердала. Племянница Татьяна вспоминает: «Вот, помню, Хейердал приезжал, и помню, как мама его [Юрия] уговаривала: "Ну что ты упираешься, ну какая разница, кого здесь только не было, ну пусть Хейердал приезжает!" Хейердал очень хотел с ним встретиться, а дядя Юра – ни в какую, и все! Вот чем-то он ему не угодил». «Он мне, – добавил племянник Александр, – объяснил, почему: Хейердал, может, хороший путешественник, но как ученый он, говорит, шарлатан».

14 мая 1958 года Кнорозов в письме разъясняет сложившуюся с Хейердалом ситуацию:

> Я не успел подробно рассказать о делах с Хейердалом. Существо сводится к тому, что Хейердал опубликовал в своей новой книге несколько фальсификаций. Журналист Марков со слов нашего ученого секретаря упомянул об этом в статье (я в это время, кстати, был в отпуске). Сам Хейердал согласился с тем, что у него действительно опубликованы («абсолютно случайно», как он пишет в газете «Афтенпостен») фальсификации. Но его обожатели и переводчики подняли невероятный шум, включая письма в МИД и Президиум АН СССР, в которых обвиняют наш Институт в целом и меня в частности, в подрыве борьбы за мир, инсинуациях, клевете на друга Советского Союза и еще чем-то, кажется в срыве организации Общества Дружбы с Норвегией...»

Позже в 1969 году Кнорозов так пишет о Хейердале Кузьмищеву:

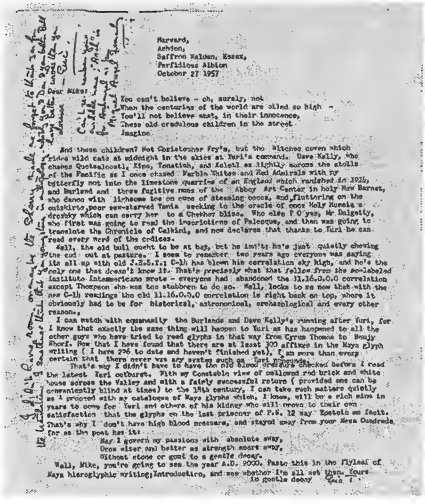
> ...Относительно того, чтобы давать по лапам Туру Хейердалу прогноз неблагоприятен. Он имеет привычку сразу жаловаться в ЦК КПСС, Министерство иностранных дел (где у него ярые почитатели), Президиум АН СССР и т.д., и т.п., не считая, конечно, своего короля и прочей мелюзги. Поэтому я совершенно готов предоставить в твое распоряжение свои знания и тому подобное, но не хотел бы, чтобы моя фамилия фигурировала по делу этого международного героя-сказочника. Хватит уже предыдущего...

И, как мне рассказывал Серго Анастасович Микоян, главный редактор журнала «Латинская Америка», Хейердал именно так и пытался отомстить Кнорозову, написав в ЦК КПСС возмущенное письмо – донос о том, что его, героя войны, буквально травят некоторые советские ученые, с указанием конкретных имен.

Тур Хейердал – официальный «большой друг» Советского Союза, без зазрения совести пользовавшийся своим статусом, с переводчиком. Справа от него В.И. Гуляев, далее – Серго Анастасович Микоян, главный редактор журнала «Латинская Америка», Г.Г. Ершова и Юрий Валентинович Кнорозов, с трудом согласившийся на уговоры Микояна прийти на встречу

На конгрессе в Копенгагене Кнорозов впервые смог изложить метод дешифровки, в котором, впрочем, мало кто смог разобраться – эта тема требовала для восприятия некоторой подготовки, а большинство в аудитории не были ни лингвистами, ни системщиками. Но, следует заметить, что именно с этого доклада Дэвид Келли стал другом и союзником Кнорозова. А вот Томас Бартель из ФРГ, по словам Кнорозова, «сотрудник разведки при Гитлере», похоже, подготовился выступить с критикой загодя. Он и вышел сразу после Кнорозова с целым докладом под названием «Противоречивое положение в исследовании письменности майя»[122]. Его позиция была любопытна и достаточно характерна для некоторых не очень разбирающихся в дешифровке майянистов того времени. Суть состояла в следующем: позиция Кнорозова в отношении письма майя верна, в отличие от того, что считают представители американской школы. Но это не есть заслуга советского ученого, поскольку некоторые идеи в этом направлении высказывались в XIX веке. То есть, по не очень профессиональному мнению Бартеля, Кнорозов «не имел права» в своей дешифровке использовать те чтения, которые были определены ранее другими. Немец-

[122] *Золотаревская И.А., Окладников А.П.* 32-й Международный конгресс американистов // СЭ. 1957. № 1. С. 158.



Harvard,
Arbton,
Saffron Walden, Essex,
Perfidious Albion
October 27 1957

Dear Miss

You can't believe - oh, surely, not
When the centuries of the world are piled so high -
In Tarii not believe most, in their innocence,
These old credulous children in the street
Imagine

And these children? Not Christopher Fry's, but the Mitchen coven which
prowled wild cats at midnight in the skies at Tarii's carnival. Dave Kelly, who
chases Quetzalcoatl, Kipo, Tonatiuh, and Xolotl as lightly across the atolls
of the Pacific as I once chased Parish Whites and Red Admirals with fly
bitterly not into the limestone quarries of an England which vanished in 1915,
and Burliand and three fugitive nuns of the Abbey Art Center in holy New Barnet,
who dance with lichgate low on eves of blessing bones, and flattering on the
outskirts pour sex-starved Tarii seeking to the oracle of once Holy Russia a
drosky which can carry her to a Cheshire bliss. Who rides T.C.yan, Mr Kelpidy,
the first was going to read the inscriptions of Palenque, and then was going to
translate the Chronicle of Calkini, and now declares that thanks to Turi he can
read every word of the codices.

Well, the old bull owght to be at bay, but he isn't; he's just quietly chewing
straw and out at pasture. I seem to remember two years ago everyone was saying
it's all up with old J.E.S.T.; C-14 has blown his correlation sky high, and he's the
only one that doesn't know it. That's precisely what that fellow from the so-called
Institute Intemericano wrote - everyone had abandoned the 11.16.0.0.0 correlation
except Thompson who was too stubborn to do so. Well, looks to me that with the
C-14 readings the old 11.16.0.0.0 correlation is right back on top, where it
obviously had to be for historical, astronomical, archaeological and every other
reasons.

I can watch with equanimity the Burlands and Dave Kelly's running after Turi, for
I know that exactly the same thing will happen to Turi as has happened to all the
other guys who have tried to read glyphs in that way from Cyrus Thomas to Benjy
Thorf. Now that I have found that there are at least 300 affixes in the Maya glyph
writing (I have 296 to date and haven't finished yet), I am more than ever
certain that there never was any system such as "rel grammar".

That's why I didn't have to have the old Bishop Landa's Relacion checked before I read
the latest Turi outburst. With my Constable view of mellowed red brick and white
house across the Valley and with a fateful autumnal return (provided one can be
conveniently blind at times) to the 18th century, I can take such matters quietly
as I proceed with my catalogue of Maya glyphs which, I hope, will be a rich mine in
years to come for Turi and others of his kidney who will revive to their own
satisfaction that the glyphs on the last prisoner of P.S. 12 say " Kostoh me Izatt.
That's why I don't have high blood pressure, and stayed away from your Mesa Redonda
for as the poet has it:

May I govern my passions with absolute sway,
Grow wiser and better as strength steers sway,
Without stone or gout to a gentle decay.

Well, Mike, you've going to see the year A.D. 2000. Paste this in the flyleaf of
Maya hieroglyphic writing; Introductiro, and see whether I'm all set then. Yours
in gentle decay
Eric T.

Письмо Эрика Томпсона о Кнорозове

Сэр Эрик Томпсон

кий ученый предъявил Кнорозову претензии в том, что он в своей работе буквально посягнул на чужое – использовал знаки Ланды и других предшественников. При этом древние майя в качестве правообладателей не фигурировали. А на тот факт, что никто из этих предшественников вообще не читал иероглифических текстов майя, оппонент даже не обращал внимания. Подобное высказывание демонстрировало тот факт, что Бартель вообще не понимал, что есть дешифровка древнего письма. Можно только пожалеть Кнорозова, которому приходилось вести «дискуссии» с людьми, не владевшими азами методов дешифровки. Надо добавить, что остальные участники пусть и не разобрались в этих методах, но, безусловно, поняли: то, что говорит Кнорозов, это совершенно новое слово в изучении письма майя. Именно потому доклад советского ученого, помимо сборника докладов, сразу же был опубликован еще и в журнале общества американистов[123].

Естественно, что представленный доклад издали и в СССР на русском языке в материалах конгресса[124]. Кнорозов вернулся из Копенгагена окрыленный. Но чаще всего он, в свойственной ему манере, любил вспоминать вовсе не свой доклад или дискуссию, а то, как швейцар отеля, где они жили, принял Золотаревскую за девушку легкого поведения и бесцеремонно спросил: «А ты, цыпочка, куда направилась?»

О понимании важности открытия Кнорозова свидетельствует даже не столько признание большинства специалистов, сколько бурная реакция англичанина Эрика Томпсона, могущественного

[123] New data on the Maya written Language // Journal de la Société des américanistes. 1956. № 45. P. 209-216.

[124] New data on the Maya written Language // Proceedings of 32 International Congress of Americanists. Copenhagen. 1956. P. 467-475.

главы американской школы, претендовавшего на лидерство в изучении письма майя. Как признает в 1957 году (то есть спустя менее года) могущественный сэр Джон Эрик Сидней Томпсон в своем знаменитом письме, адресованном в очень далекий 2000-й год, «у него только от имени Кнорозова подскакивает давление».

Письмо Эрик Томпсон направил Майклу Ко с указанием обнародовать в 2000 году, в «миллениум». Дата была выбрана неслучайно, поскольку Эрик Томпсон родился 31 декабря 1898 года – то есть ровно за год до наступления XX века. Поэтому 31 декабря 2000 года должно было завершить столетие, в котором главным в исследованиях майя должен был остаться он, великий Эрик Томпсон. А тут какой-то выскочка из России, который спутал все карты. И его серьезно восприняли все ведущие ученые с таким трудом созданной школы майянистики!

Гарвард,
Эшдон,
Саффрон Вальден, Эссекс,
Коварный Альбион

Октябрь 1957
Дорогой Майк!
Ты не можешь поверить – о, безусловно, нет,
когда века мира выросли в целую гору,
ты не поверишь в то, что в своей невинности
воображают себе эти старые доверчивые
дети на улице...

И чьи эти дети? Не Кристофера Фрая[125], а ведьмы на шабаше, собирающем диких кошек в полночном небе по команде Юрия. Дейв Келли[126], который гоняется за Кецалькоатлем, Шипе, Тонатиу и Шолотлем по ту сторону тихоокеанских атоллов, как я когда-то гонялся с сачком за пестроглазками и адмиралами по песчаным карьерам той Англии, которая исчезла в 1914 г., а также Берленд[127] и эти беглые монашки из «Цен-

[125] Кристофер Фрай (1907–2005) – английский поэт и драматург, автор знаменитой пьесы «Леди не для сожжения» (The Lady's Not for Burning), комический сюжет которой уходит в Средневековье и строится вокруг желания умереть пришедшего с войны солдата и страсти к жизни приговоренной к сожжению ведьмы.

[126] Дэвид Келли (1924–2011) (David Humiston Kelley) – видный американист, лингвист, работавший над дешифровкой письменности майя и одним из первых признавший правильность метода Ю.В. Кнорозова.

[127] Котти Артур Берленд (1905–1983) – английский писатель и исследователь текстов майя. Работал в этнографическом департаменте Британского музея, а также был почетным куратором Центра искусств аббатства в Нью Бернете. Занимался публикацией и комментировал древние мексиканские рукописи.

тра Искусств Аббатства» в священном Нью-Барнете[128], пляшущие с сосудами с дымящимся какао. Или оставшаяся на окраине, бедная, обделенная мужским вниманием Таня[129], ожидающая от оракула некогда святой Руси некие дрожки, которые унесут ее в счастливые чеховские времена. Кто еще? Ах, да, мистер Далгетти[130], который сначала намеревался читать надписи Паленке, потом собирался переводить Хроники Калкини, а теперь заявляет, что благодаря Юрию он может прочесть каждое слово в Кодексах.

Что ж, старый бык, конечно, должен быть в стойле, однако он не там; он спокойно жует жвачку на пастбище. Я, кажется, припоминаю, как два года назад все говорили, что со старым Дж. Э.С.Т. все кончено; С-14 не оставил камня на камне от его корреляции, а он был единственным, кто был не в курсе. Это в точности то же самое, что написал этот парень из так называемого «Интерамериканского института» – все отказались от корреляции 11.16.0.0.0, кроме Томпсона, который был слишком упрям, чтобы согласиться с этим. Что ж, на мой взгляд, с новым чтением С-14 старая корреляция 11.16.0.0.0 вновь заняла свое место на вершине, где очевидно и должна находится, если основываться на исторических, астрономических, археологических и прочих данных.

Я могу хладнокровно наблюдать, как Берленд и Дейв Келли рванули за Юрием, потому что я точно знаю, что с Юрием произойдет то же самое, что случилось со всеми, кто пытался прочесть иероглифы подобным образом – от Сайруса Томаса[131] до Бенжи Ворфа[132]. Теперь, когда я обнаружил, что в

[128] В 1946 году в Англии на территории аббатства в Нью Бернете был открыт частный Центр искусств, отличавшийся невероятной эклектикой – реплики археологических памятников, церкви, этнографические экспозиции британского быта. Был прибежищем художников (чаще экспатриантов), пытавшихся закрепиться в Лондоне.

[129] Татьяна Авенировна Проскурякова (1909–1985) – крупнейший американский археолог, исследователь цивилизации майя русского происхождения. В 1915 г. ее отец был послан правительством России в командировку в США для надзора за производством оружия для российской армии. После революции семья не смогла вернуться на родину. Татьяна Проскурякова сразу же приняла и поддерживала дешифровку Ю.В. Кнорозова, вела с ним переписку.

[130] Вероятно, речь идет об археологе R.F. Dalgety, работавшем в Паленке.

[131] Сайрус Томас (Cyrus Thomas) (1825–1910) – североамериканский биолог и этнограф, одним из первых предпринявший попытку дешифровать письмо майя. Он совершенно правильно определил слоговой характер древнемайяского письма, и лишь отсутствие методологии не позволило завершить эту задачу до конца.

[132] Бенжамин Ли Ворф (Benjamin Lee Whorf) (1897–1941) – североамериканский лингвист, автор теории «лингвистической относительности», последним до Кнорозова предпринявший попытку дешифровать письменность майя в 1930-е годы. Он двигался в совершенно верном направлении, но глава школы Эрик Томпсон, опасаясь его очевидного успеха, запретил Ворфу заниматься письменностью майя, которую забавно считал своим достоянием. Ворф в своих лингвистических исследованиях, по сути, на несколько десятилетий опередил время.

письменности майя существует, по меньшей мере, 300 аффиксов (на сегодняшний момент их 296, и я не закончил), я более чем уверен, что такой системы, как предлагает Юрий, не существовало.

Вот почему у меня не было необходимости проверять свое стариковское кровяное давление перед тем, как прочесть о последнем прорыве Юрия. Вид в духе Констэбла[133] на уютный старый дом из красного и белого кирпича, на том конце долины, позволяет совершить благополучное возвращение (при условии, что иногда можно удобно не замечать некоторых вещей) в 18 век. Я отношусь к этому спокойно и продолжаю работать над своим каталогом иероглифов майя, который, я знаю, станет в будущем источником для Юрия и его последователей – тех, что к своему удовольствию докажут, что иероглифы на последнем пленнике на стеле 12 из Пьедрас-Неграс сообщают (гласят): «меня сделал (это сделал) Эпштейн». Вот почему у меня уже не поднимается давление, и я остаюсь в стороне от вашего Квадратного Стола, как сказал поэт:[134]

Я смогу управлять бурной страстью своей,
С увяданием сил становиться мудрей,
Не от хвори слабея – от убыли дней.

Что ж, Майк, ты увидишь 2000 год. Помести это письмо на титульном листе книги «Иероглифическое письмо майя: введение» и посмотри, так ли я был неправ.

Твой тихо угасающий Эрик Т.

От руки: Мне не хватило места или из-за выпитого Шерри я забыл поблагодарить тебя за перевод. Я искренне считаю, что вам, молодым антропологам – Дэну и твоему брату Биллу, достались жены лучше, нежели вы заслуживаете – Эрик.

Не могу вспомнить твое второе имя, «Арч» это от Архангела, как у несчастного Мигель Анхеля Фернандеса?[135]

[133] Джон Констэбл (John Constable) (1776–1837) – английский художник-романтик, пейзажист. Одной из излюбленных тем была местность, где родился художник – так называемый край Констэбла (Дедхэм Вэйл). Это виды небольшой речной долины с белым домом с черепичной крышей и трубой из красного кирпича. Для ностальгирующего англичанина по рождению Эрика Томпсона эти пейзажи должны были иметь особое значение.

[134] Речь идет о неизвестном английском поэте XVI века. Томпсон цитирует рефрен знаменитого стихотворения «Желанье старика» (The Old Man's Wish). В переводе Валерия Савина (https://poezia.ru/works/10213).

[135] Мигель Анхель Фернандес (Miguel Angel Fernandez) (1890–1945) – мексиканский археолог, один из пионеров изучения древних городов майя. Во время его последнего полевого сезона в Паленке у археолога случился очередной тяжелейший приступ желтой лихорадки. Его вывезли из сельвы, привязав к седлу лошади, но спасти уже не удалось.

Томпсон терял свои позиции. Но, как он сам с горечью констатировал, крупнейшие специалисты по майя и дешифровке из разных стран писали Кнорозову и отправлялись в Ленинград, чтобы встретиться с молодым советским ученым. Именно тогда у Кнорозова завязались очень добрые отношения с Татьяной Проскуряковой, Дэвидом Келли, Майклом Ко и его женой Софьей Феодосьевной и даже нелюбимым Томасом Бартелем и многими другими.

Любопытная переписка между Францем Бломом и Кнорозовым недавно была случайно обнаружена в Музее На-Болом в Сан-Кристобаль де Лас Касас (Чьяпас, Мексика)[136]. Письма относятся к 1955–1956 гг., когда только начали публиковаться результаты работы Кнорозова. Вот одно из них:

12 сентября 1955.
Др. Юрий Кнорозов
Библиотека Академии Наук
Улица Фрунзе 11.
Москва, СССР

Мой многоуважаемый коллега в изучении майя,
от Д-ра Чарльза Апсона Кларка из Северного Хатли, Квебек, Канада, я услыхал о вашей недавней публикации, которую вы столь любезно переслали ему. И будучи страстным исследователем майя, я очень хотел бы ознакомиться с ней.

К сожалению, я пока не читаю по-русски. Тем не менее мне хотелось бы получить копию вашей статьи в «Советской этнологии», 1955, 1, а также ваше «Краткое изложение исследований древних иероглифов майя в Советском Союзе». Короче говоря, мне очень интересно познакомиться с вашей работой. Отдельной почтой я посылаю вам копию карты Лакандонской сельвы Чьяпаса, составленную мною. Она была недавно опубликована правительством Мексики. Это результаты более чем 20-летних полевых наблюдений, она содержит много данных, которых нет в других источниках.

В приложении вы найдете список, который даст вам представление о том, что я создал здесь, в старой колониальной столице Чьяпаса. За пять лет я собрал неплохую библиотеку, и сейчас многие исследователи приезжают, чтобы ознакомиться с ней, а также воспользоваться моими материалами о стране. Если я чем-нибудь смогу быть вам полезен в ваших занятиях, надеюсь, вы дадите мне знать.

Искренне ваш

Можете писать мне на испанском, французском, английском и немецком. Сам я по национальности – мексиканский датчанин

[136] Sheseña Alejandro. Correspondence between Frans Blom and Yuri Knorozov archived at the Na Bolom Museum in San Cristóbal de Las Casas, Chiapas, Mexico // P. 3. Неизданная рукопись, доступно по ссылке: https://www.academia.edu/38197577/BLOM_-_KNOROZOV_CORRESPONDENCE

Археолог Франс Блом

Когда письмо Блома доходит до Кнорозова в марте 1956 года, Юрий Валентинович отсылает ему запрошенные публикации и отправляет ответ на несколько старомодном испанском:[137]

Ленинград 22.5.56

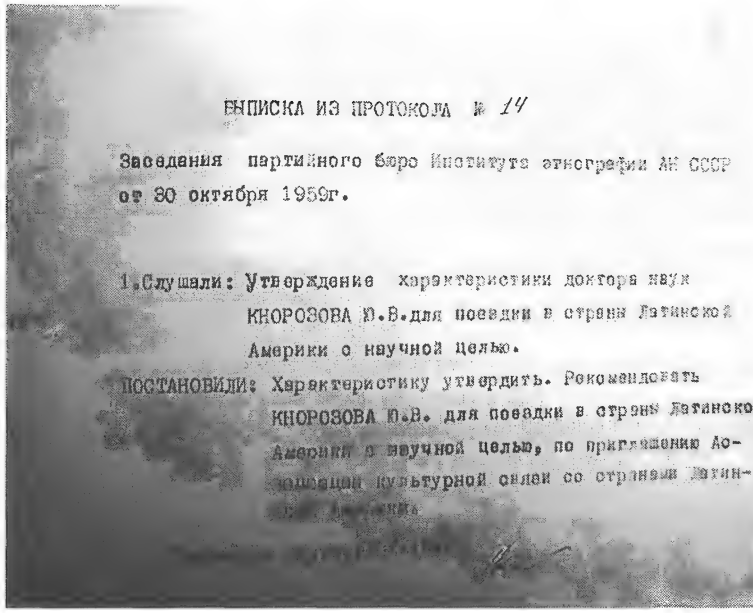
Мой именитый коллега!
Позволю себе выразить тысячу благодарностей за все то, что вы столь любезно мне прислали. Со своей стороны, я выслал вам мои публикации. Надеюсь, что вскоре смогу отослать и мой доклад на Конгрессе американистов. Был бы благодарен за изложение вашей точки зрения – в письме или же в публикации – по поводу моего метода дешифровки письма майя, а также ваших замечаний и критики.
Надо учитывать, что мои статьи несколько устарели, а некоторые положения оказались ошибочными.
Поскольку у меня нет Словаря из Мотуля, я был бы несказанно благодарен, если бы вы помогли мне достать какие-либо другие источники по языку майя (книги или микрофильмы рукописей).

С большим уважением
Вашей супруги и Вас
Ю. Кнорозов

Ленинград. 164. Университетская набережная, 3.
Институт Этнографии Академии Наук СССР
Кнорозов Ю.В.

Еще через год, 23 марта 1957 года, Кнорозов выслал Блому текст доклада на XXXII Конгрессе американистов, сопроводив короткой запиской с той же просьбой высказать свои замечания, комментарии и критику.

[137] Sheseña Alejandro. Correspondence between Frans Blom and Yuri Knorozov archived at the Na Bolom Museum in San Cristóbal de Las Casas, Chiapas, Mexico // С. 6. Неизданная рукопись, доступно по ссылке: https://www.academia.edu/38197577/BLOM_-_KNOROZOV_CORRESPONDENCE



ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 14

Заседания партийного бюро Института этнографии АН СССР
от 30 октября 1959г.

1.Слушали: Утверждение характеристики доктора наук КНОРОЗОВА Ю.В.для поездки в страны Латинской Америки с научной целью.

ПОСТАНОВИЛИ: Характеристику утвердить. Рекомендовать КНОРОЗОВА Ю.В. для поездки в страны Латинской Америки с научной целью, по приглашению Ас-
[illegible] культурной связи со странами Латин-
[illegible]

Характеристика Кнорозова для выезда за рубеж, который уже не состоялся

Пока Томпсон негласно сдавал позиции, жизнь Юрия становилась все более насыщенной. Рассказывая о конгрессе в Копенгагене, Ирина Хорошаева вспоминала еще об одном начавшем загодя готовиться в 1956 году научном событии. В 1958 году должен был состояться следующий, XXXIII Международный конгресс американистов – в Сан-Хосе, то есть в Коста-Рике. Делегация изначально должна была быть большой и включать всех советских американистов: Дебеца, Токарева, Окладникова, Хорошаеву и других, в том числе и Кнорозова. Потом список претендентов начал постепенно сокращаться – под предлогом экономии средств. Что произошло в реальности, сейчас уже не выяснить. Версия Хорошаевой – венгерские события. В октябре 1956 года была предпринята первая послевоенная кровавая попытка США, ФРГ и Англии развалить только складывающийся социалистический блок и, в потенциале, весь Советский Союз.

Но какова бы ни была причина, для делегации советских американистов тогда все кончилось грустно – чиновники от науки победили, и не поехал никто. Неугомонная Хорошаева решила побороться хоть за публикации. Надо сказать, что Ирина Федоровна всегда была не просто умопомрачительно красива, но и исключительно обворожительна. Думаю, что тот же Толстов намеренно послал именно ее в Президиум АН в обход официальных путей, чтобы вести переговоры об отправке денег в Коста-Рику за публикацию текстов докладов конгресса.

Так об этом вспоминает Ирина Хорошаева: «Я пришла в Президиум, а там очень неприятная публика была в иностранном отделе. Спрашивают: “Нет, зачем посылать?”. Я говорю: “Мы же отправили

туда доклад, и все. Ну, хоть материалы пришлют Конгресса". Мне в ответ: "Ну, ничего, – мол, – обойдетесь". Я говорю: "Кто-то это может решить?" Они говорят: "Может решить вице-президент Академии"». И самое поразительное, что Ирина сразу же направилась к вице-президенту. «Я попала к нему через 10 минут после того, как я побывала в иностранном отделе. Он меня спросил, в чем дело. Я говорю, что вот так и так, и мы не едем, но у нас вот такие крупные ученые, как Окладников, Дебец, все отправили туда доклады и сейчас речь идет о том, что надо послать по 9 долларов, чтобы получить материалы. «Мы же заинтересованы в том, чтобы были опубликованы вот эти самые доклады?» Он говорит: «Да, конечно. Можете сказать, что я дал согласие». Когда ликующая Ирина вернулась в иностранный отдел, то получила по полной, так как им уже позвонили из приемной вице-президента: «Как вы смели пойти?» Ирина сделала невинные глаза: «А что такого?» В результате три года спустя в двухтомнике трудов были опубликованы все тексты докладов так и не приехавших советских делегатов, включая доклад Кнорозова[138].

Зато 1 ноября 1956 г. Кнорозову была выписана премия Президиума АН СССР в размере 5000 рублей за научный труд «Система письма древних майя»! Младшему научному сотруднику Кнорозову после защиты диссертации уже с 29 марта 1955 года полагался оклад в 2000 рублей (Приказ № 70 от 6 апреля 1955). Для сравнения можно привести такие цифры: средняя зарплата в стране в тот период составляла около 720 рублей, инженер получал от 900 до 1300 рублей. А 5000 рублей была зарплата министра. 18 мая 1956 года Кнорозова утверждают в должности сразу старшего научного сотрудника по специальности «этнография народов Америки» с существенным повышением оклада.

Научного отчета Юрия Валентиновича Кнорозова за 1956 г. в архиве Института почему-то не сохранилось. Может, он его и не сдал – Кнорозов вообще не любил всю эту отчетную писанину, похоже, даже на ранних этапах своей научной деятельности. Но достаточно посмотреть список сделанного им – за один этот год появилась аж 21 публикация! Всякому становится понятно, что Кнорозов дорвался, наконец, до любимой работы. Это вам не пыль из ковров выбивать! И уже появляется в печати даже статья по дешифровке письменности острова Пасхи[139].

[138] Yury Knorozov. La lengua de los texos jeroglíficos mayas // Actas del XXXIII Congreso Internacional de Americanistas. San-José. 1959. P. 573–579.

[139] *Кнорозов Ю.В., Бутинов Н.А.* Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи // СЭ. 1956. № 4. С. 77–91.

При этом Юрий важничал перед младшими родственниками. А может, и подсмеивался над раздражающей его славой. «Да что дешифровка! – небрежно бросает он с видом видавшего виды циника своей племяннице Ирине. – Это способ заработать на хлеб. Это не главное, главное – теория коллектива!»

Юрий все время поддерживал отношения с племянниками – и в Ленинграде, и в Москве, и, конечно, в Южном, где жила любимая сестра Галина и родители.

В Москве для Юрия дом на Смоленской набережной всегда оставался родным, даже когда брат оставил жену с детьми и ушел к другой женщине. Юрий не смог простить ему этого шага и полностью остался на стороне семьи. Это была одна из характерных черт Кнорозова – нетерпимость к предательству, любому. Много лет спустя, после переезда в Ленинград, Кнорозов, которому приходилось теперь довольно часто бывать в командировках в Москве, частенько останавливался у своей племянницы Татьяны.

А особенно радовался приездам великого дешифровщика... ярко-рыжий кот. От Кнорозова кот буквально не отходил ни на шаг – и потому, как вспоминают родственники, обязательные темные костюмы Юрия Валентиновича всегда были в рыжей кошачьей шерсти. Но его это ничуть не смущало, а скорее наоборот, доставляло удовольствие.

Планы руководства института по продвижению Кнорозова, судя по всему, были весьма большие. 25 февраля 1957 года ему дают характеристику для предоставления в Иностранный отдел Президиума АН СССР. А 30 октября 1959 года на заседании Партийного бюро Института этнографии АН СССР утверждается характеристика «для поездки в страны Латинской Америки с научной целью» по приглашению Ассоциации культурных связей со странами Латинской Америки.

Надо заметить, что речь тогда шла скорее всего ни больше и не меньше как об организации экспедиции на остров Пасхи. Во всяком случае, сохранилось письмо, отправленное С.П. Толстову.

Директору Института этнографии АН СССР
члену-корреспонденту АН СССР
С. П. Толстову

Докладная записка

В настоящее время существует реальная возможность сделать попытку организации комплексной археолого-этнографической экспедиции на остров Пасхи в 1959 г.

Несмотря на неоднократные экспедиции и поездки отдельных ученых в последние десятилетия на остров Пасхи, изучение его фактически только начинается. Недостаточно изучены как этнография, так и археология, особенно же плохо обстоит дело с изучением языка и фольклора. Ожидает своего разрешения вопрос о социальном строе на острове Пасхи до европейского завоевания и об особенностях формирования классового общества в условиях небольшого полине-

зийского острова. Высокая культура острова Пасхи постоянно привлекает к себе внимание различных реакционных ученых, которые пытаются обосновать свои теории материалами острова Пасхи. Для успешной борьбы с такого рода теориями необходимы точные археологические и этнографические данные.

Экспедиция на остров Пасхи несомненно будет способствовать усилению престижа советской науки, тем более, что за последний год статьи советских ученых об острове Пасхи публиковались в Новой Зеландии и Аргентине, а также неоднократно освещались в прессе ЮНЕСКО.

Экспедиция на остров Пасхи, вероятно, будет поддержана крупнейшим специалистом по острову Пасхи Альфредом Метро, работающим в аппарате ЮНЕСКО в Париже. Кроме того экспедицию очевидно поддержат чилийское Общество археологии и истории «Фансиско Фонк» (Вальпараисо),Университет в Сант-Яго, Музей Бишоп в Гонолулу (Гавайские острова), Университет в Кочабамба (Боливия), новозеландское Полинезийское Общество (Веллингтон) и французское Полинезийское общество (Париж). Со всеми этими учреждениями уже имеются научные связи. Из этого, впрочем, не следует, что экспедиция обязательно должна носить международный характер. Наиболее целесообразной представляется советская экспедиция с участием чилийских ученых в качестве участников-наблюдателей (так как остров принадлежит Чили). Такими участниками могут быть, например, Хорхе Сильва Оливарес, Хулио Монтане, Себастьян Энглерт.

В виду того, что советские суда ведут в Тихом Океане исследования, экспедиция может быть доставлена и вывезена на советском судне. Срок пребывания экспедиции на острове Пасхи можно предположительно определить в 5-6 месяцев. В состав экспедиции желательно включить три отряда – этнографический и два археологических, общей численностью в 12-15 человек, конечно при условии возможности постоянного найма 40 рабочих из местных жителей.

Доктор исторических наук
Ю.В. Кнорозов

Мифы о последнем из «Счастливых»

В журнале «Знамя» в № 3 за 1957 год появляется очерк очень известного в те времена журналиста Анатолия Аграновского под названием «Счастливые». И на следующий год переиздается уже в книжной версии[140]. Очерк был посвящен трем совсем молодым людям, совершившим настоящие научные открытия в стране, едва оправившейся от тяжелейшей войны. Это были новые, уже не военные герои, а устремленные в мирное будущее таланты. Один, Александр Формо-

[140] *Аграновский А.А.* Счастливые. Очерки. М.: Мол. гвардия, 1958.

Отдельное издание очерка «Счастливые»

зов[141], еще школьником, будучи в геологической экспедиции вместе с матерью, открыл древнюю кельтиминарскую[142] археологическую стоянку. Другой, Анатолий Черепащук[143], в 15 лет сумел обнаружить комету, проходившую через созвездие Плеяд. А третьим героем стал Юрий Кнорозов, дешифровавший иероглифическое письмо майя. То, что касалось процесса дешифровки, в статье было изложено предельно верно – совершенно очевидно, что автор старательно переписал текст самого Кнорозова. И похоже, эти кнорозовские тексты были взяты из писем Юрия Токареву, о чем упоминает автор очерка: «Сижу у профессора Токарева и читаю подряд письма, присланные ему Юрием Кнорозовым. Суховатые отчеты о сделанном перемежаются в них с шуткой, в привычную вязь русских букв врываются странные фигурки в овалах – иероглифы майя...»[144]

Но вот прочее... Именно от Аграновского и пошли многочисленные легенды, навязчивым кошмаром преследовавшие Кнорозова всю жизнь, – и трехминутная защита, и участие в войне в качестве «вычислителя в артиллерийском полку», и таинственная библиотекарша, раздающая книги... Слава оказалась делом не столь простым и даже не столь приятным, как некогда казалось. А современные журналисты, как и десятилетия назад Аграновский, да и многие другие, продолжают искренне считать, что делают доброе дело и чуть ли не одолжение своим героям, «приукрашивая» в голливудском стиле их биографии...

Под влиянием столь выдающихся и почти не ожидавшихся событий в жизни Кнорозова, а также памятуя знаменитые «кухонные семи-

[141] Именно А.А. Формозов, когда мы работали в одном отделе Института археологии, передал мне в 2002 г. журнальный номер с очерком «Счастливые».
[142] Кельтиминарская культура была открыта в 1939 г. экспедицией под руководством С.П. Толстова в Хорезме.
[143] Анатолий Михайлович Черепащук – д. физ.-мат. н., проф., академик, астрофизик, директор Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга.
[144] *Аграновский А.А.* Указ. соч. С. 42.

нары», университетский друг Валя Берестов, к тому времени полностью переключившийся на детскую литературу, пишет известному детскому писателю, автору бестселлера «От двух до пяти» Корнею Ивановичу Чуковскому весьма наукообразное письмо, где «ссылается на мысли Кнорозова о сходстве и различии развития ребенка и первобытного человека». По словам Берестова, «Чуковский собственноручно перепечатал это письмо и сохранил в своем архиве. Изо всей моей археологии и этнографии он одобрил одного Кнорозова. В 1958 году, когда в "Литературной газете" появился очерк Анатолия Аграновского про то, как Кнорозову вместо кандидатской присудили докторскую степень, и про его открытия, Корней Иванович написал юношески горячие строки: "Дорогой Валя! Вот он кто – Юрий Валентинович Кнорозов! Чудесно написал о нем старик Аграновский. [Аграновской родился в 1922 г. и был одногодком Кнорозова. – Примеч. Г. Ершовой]. Четко, интересно, взволнованно. Напишите-ка о нем стихотворение для "Юности". Он достоин патетических гимнов и возвышенных од, но вы – археолог – напишете о нем стихотворную повесть, о нем и о майях, и о поэзии открытий"»[145].

Детский писатель Корней Чуковский в индейском наряде

Жалко, что дядя Валя Берестов, папа Маринки, моей подруги по школе и Дворцу пионеров на Ленинских Горах, так ничего и не написал о своем университетском товарище Юре Кнорозове...

А сама Маринка рассказала много лет спустя (для документального фильма) свои удивительные детские воспоминания. Семья Берестовых стала московской только после войны – и потому с жильем (как, впрочем, и у всех) было сложно. Большой удачей стало то, что в 1957 году Валентину Дмитриевичу дали не квартиру – комнату, нет, не комнату – келью, зато где! В бывшем Зачатьевском (Алексеевском) ставропигиальном женском монастыре на Остоженке, переименованной за два года до того в Метростроевскую улицу. Сам монастырь был основан в 1360 году. Но в советские времена здания, где располагались обитель для престарелых немощных монахинь и приют для девочек, превратили в огромные коммунальные квартиры. Жильцы этих коммуналок именовали свое жилище по-советски сокращенно и звучно: ЗАЧМОН (Зачатьевский монастырь). И вот в одну из комнат,

[145] *Валентин Берестов.* Из неопубликованной книги воспоминаний «Светлые силы». Корней Чуковский. http://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/vospominaniya/eto-luchshe-chem-vseobshhee-priyatie

Зачатьевский монастырь, в четырехэтажном строении которого находилась коммуналка

нанизанных вдоль длинного темного коридора, и въехала счастливая семья детского поэта Валентина Берестова, бывшего однокурсника и приятеля Юрия Кнорозова. Собственно, семья была небольшая – сам Валентин, его жена Лариса Леонидовна и Маришка, которой на момент вселения в монастырь было года три-четыре. Два окна комнаты выходили во двор монастыря, прямо на храм. Обычно, вспоминает Марина, отец ездил в Ленинград и там встречался с Кнорозовым. А тут случилось наоборот: Юрий появился в Москве и отправился в ЗАЧМОН на поиски друга – телефонов тогда, тем более в коммуналках, обычно никому не ставили.

> Он пришел, а папы еще не было. А мама готовила какую-то еду на кухне и стояла спиной ко входу. И он, видимо, открыл дверь и так растерялся, увидев живописную картину нашего коридора, что просто не мог сдвинуться с места. Он с портфельчиком пришел, таким школьным. А соседи через какое-то время обратили на него внимание и говорят маме: «Там какой-то странный человек». Мама говорит: «А, странный, значит это к нам».
>
> Поворачивается – и видит молодого человека, который смотрит голубыми глазами, полными испуга, и не может сдвинуться с места. Она бросилась к нему: «Юрий Валентинович, вы проходите!» И тянет его через весь коридор. Потом она говорила: «Тяну его вперед, а он как бы назад все время упирается». И он даже ни слова не мог сказать, ни поздороваться. Идет по коридору, а там корыта висят, какие-то велосипеды, дети бегают, запахи летают, соседи развешивают одежду, готовят еду. Вот он вошел в комнату с таким школьным портфельчиком, я как сейчас помню, мне показалось, что какой-то школьник тоже пришел.
>
> Через какое-то время мама говорит: «Садитесь». «Нет, я постою», – в ужасе сказал он. А потом, когда он уже немножко отдышался, он вместо «здравствуйте» сказал ей: «Желаю вам как можно скорее отсюда выбраться...»

По мнению маленькой Маринки, Кнорозов был страшно испуган их жилищем, хотя в это крайне сложно поверить, если знать, в каких условиях приходилось долго обитать ему самому. Это скорее был небольшой спектакль, который иногда позволял себе Кнорозов от стеснительности, – он умел изображать эдакого испуганного неумеху, который буквально не знает, как открывается дверь.

Валентин Берестов с дочерью Мариной в 1962 году

И дальше: «И он портфельчик свой так держит в руках, не отпускает. Потом открывает и достает оттуда такие серые бумаги и дает маме. Ну, тут я уже заинтересовалась, что за бумаги. Он говорит: "Это подлинники, посмотрите, подержите в руках". Мама взяла, посмотрела так с уважением и отдает ему эти самые подлинники. А он вдруг и говорит: "А теперь быстро мыть руки – это было в руках у прокаженных". Мама, значит, пулей в коридор, ей не надо было повторять, назад туда, в это "страшное" место побежала. Когда приходит, я спрашиваю: "Мама, а что такое прокаженные?"

А еще я запомнила, что очень растерялась, потому что он стал обращаться ко мне на "вы". И я так удивилась, что такой взрослый дядя обращается ко мне на "вы". Я так посмотрела вокруг, с кем это еще он разговаривает – со мной или кто-то еще там есть?

Ну, а потом пришел папа. И этот первый момент очень быстро забылся. И они еще очень долго о чем-то там разговаривали и меня не приглашали участвовать...»

По всей видимости, это происходило в году 1961-м, раз Марина делала уроки, – то есть начала ходить в школу, и портфель еще играл роль символа нового статуса. У самого Кнорозова семья к этому времени едва ли могла жить в двухкомнатной квартире в доме на Гранитной улице – царские условия по сравнению с предыдущими закутками.

Итак, главное свершилось – Юрий Кнорозов буквально ворвался в большую мировую науку. Весть о гениальном открытии молодого русского ученого облетела мир – без компьютеров, ксероксов, Интернета, мобильных телефонов, как и без помощи великих нынешних специалистов по рекламе и общественным связям. Со всех концов земли Кнорозову приходили письма. Они были не только от коллег-ученых, что естественно, но и от самых обычных граждан разных стран: Мексики, Бразилии, Гватемалы, Франции, Испании, Аргентины, США и т. д. Люди писали Кнорозову обо всем – о мире, взаимопонимании, важности сохранения культуры, восхищении советской наукой, о будущем молодежи. И это вовсе не был политический

заказ, просто человеку всегда хочется устроить настоящий праздник для своего разума, заглянуть чуть дальше, за горизонт, и почувствовать себя парящим на воистину космических просторах. И открытие Юрия Кнорозова приближало эту невероятную возможность, давая ощущение наступающего счастья. Именно это чувство очень скоро во всем мире вызовет полет Гагарина.

ГЛАВА 10
СТРАСТИ ПО ДЕШИФРОВКЕ
ИЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СЛАВЫ

Мое старое барахло может
сойти за парадный мундир
для некоторых академиков...

Что же происходило в жизни Юрия Кнорозова после его блестящей защиты? С одной стороны, очень многое – повышение по работе, взлет статуса, всеобщее признание и даже поездка за границу. А с другой стороны, вроде и ничего – Юрий продолжал работать, не разгибая и без того сутулой спины. Следуя своему твердому убеждению, что «работа только начинается», он с головой погрузился в любимые темы, пытаясь обрести единомышленников, чтобы «закрыть» все планируемые направления исследований и обеспечить «прорыв».

Несмотря на внезапную славу, Юрий полностью отдавал себе отчет в том, что многие темы, над которыми он работал, шли вразрез с официальной идеологией. А междисциплинарные методы вообще зачастую не находили места в исторических науках. По всей видимости, именно поэтому многие из его идей так и не были доведены до финальной формулировки. Но самое удивительное, что так называемые «недоведенные» теории Кнорозова становятся все более востребованными уже в наше время, они нуждаются в глубоком осмыслении.

Вяч. Вс. Иванов вспоминал: «Занимался он на самом деле очень большим числом других вещей, которые, с одной стороны, частично реализованы в его конкретных статьях. Он занимался шаманизмом и по этому поводу что-то пишет. Шаманизм ему был нужен как часть некоторой общей концепции. ...Он сам, Валя Берестов, Гумилев Лев Николаевич – что-то говорили об их совместных занятиях – что-то вроде семинара Кнорозова, закрытого абсолютно для публики. Тема семинара была "Закрытые общества типа мужских союзов и партий"».

Кнорозов действительно молчал о многом, так как помнил, как на него самого был написан в МГУ донос, как в 1948 году буквально на его глазах был арестован Лев Гумилев. И, как уже упоминалось в

предыдущих главах, сам он «шел на защиту своей диссертации и не знал, чем она закончится – удачей или арестом». Хорошо, что опытному Толстову вовремя пришло в голову представить опровержение утверждения Энгельса об отсутствии в Древней Америке государств не как критику, а как «развитие марксизма». В те времена, даже после разоблачения культа личности Сталина, с пересмотром марксизма не шутили.

Как бы то ни было, Кнорозов, наконец, смог свободно заняться темами, которые считал для себя наиболее интересными. Речь шла о проблемах семиотики, применении позиционно-статистического метода дешифровки для иных древних систем письма, об использовании кибернетики для обработки статистических данных дешифруемых текстов, а также о теории сигнализации и фасцинации. В конечном счете, все должно было работать на создание целостной «Теории коллектива».

Первоочередные задачи

Однако среди первоочередных задач – сразу после кутерьмы с защитой диссертации – для новоиспеченного доктора наук встал вопрос подготовки публикации принципов и результатов дешифровки древнего письма майя. Текст самой диссертации не предполагал рассмотрения этого сюжета, о чем Юрий заметил и в своем заключительном слове. Поэтому на повестку дня вышла подготовка к печати объемной монографии под названием «Письменность индейцев майя», которая увидит свет, к сожалению, только в 1963 году. А ведь текст монографии, блестящие отзывы и рекомендации к печати были готовы еще в декабре 1957 года!

ОЦЕНКА МОНОГРАФИИ Ю.В. КНОРОЗОВА «ПИСЬМЕННОСТЬ ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ»

Ю.В. Кнорозов своими исследованиями положил основание советской науке, посвященной истории и культуре народа майя, создавшего наиболее древнюю из цивилизаций, носителями которых были народности Америки во времена до Колумба.

Выдающейся заслугой Ю.В. Кнорозова является установление им принципов древнего письма майя, созданного в первые века нашей эры и просуществовавшего вплоть до XVI в. Ю.В., объяснив способ написания слов древними индейскими писцами, положил начало чтению текстов майя и разрешил тем самым одну из существеннейших проблем американистики, над решением которой безуспешно трудились в течение более века ученые разных стран, в первую очередь США.

Опираясь на бесспорные выводы своего исследования 1955 г. «Система письма древних майя», Ю.В. смог завершить в настоящем году свой монументальный труд «Письменность индейцев майя» объемом в 55 п.л., включая публикацию иероглифических текстов. Содержание

этой монографии шире ее названия, так как в ней изложено впервые на русском языке не только все то, что известно в настоящее время о письменности майя, но мы находим в ней также и обильные сведения по истории, культуре и языку древнейшего цивилизованного общества Америки до испанского завоевания.

На самом деле, монографию Ю.В. открывает обширное введение; посвященное обстоятельному историко-культурному обзору, который включает в себя описание древних городов-государств, историю их, хозяйство, социальный строй, быт, религию, науку и искусство. В первом разделе, следующем за введением, рассматриваются тексты письменности майя начиная с эпиграфических памятников и кончая рукописями. В заключении дан обзор тех текстов, которые восходят ко временам начала испанского владычества. Разделу о текстах сопутствует обширный раздел /148 страниц рукописи/, содержащий сжатое, но чрезвычайно насыщенное познавательным материалом изложение грамматики языка майя ко времени конквисты, зафиксированного в записях испанских монахов. Грамматика, представленная Ю.В., стоит на должной методической высоте, и в ней изучены фонетика, морфология и синтаксис, а также лексика /в особом словаре, приложенном к хрестоматии, о которой речь будет ниже/. В грамматике изучен тот материал, который может служить выяснению вопроса об отношении языка майя XVI в. к языку иероглифических текстов майя и к другим представителям семьи языков майя. К грамматике приложена хрестоматия, обнимающая собой важные литературные памятники на языке майя, представляющие большой филологический, исторический и этнографический интерес. Все эти тексты не были никогда переведены на русский язык, и они интерпретированы теперь в буквальном смысле адэкватно [орфография автора] Ю.В. Сопутствующий хрестоматии словарь, о котором я уже выше говорил, служит не только дополнением к хрестоматии, но также и к грамматике языка майя XVI в. и к выявлению связи лексики последнего с лексикой того древнего языка, на котором написаны иероглифические тексты.

Основным разделом монографии Ю.В. Кнорозова является та ее часть, в которой излагается вся совокупность его ценных наблюдений и убедительных выводов – результат его изучения иероглифического письма майя. В раздел включено детальное описание письма в виде полного комментированного каталога знаков, в котором, в отличие от зарубежных публикаций, использован также и эпиграфический материал. Автор дает подробное последовательное изложение принципов дешифровки, обобщающее все имеющиеся данные по этому вопросу, как зарубежные, так и отечественные. Автор останавливается на любопытном и прискорбном факте, что серьезные знания иероглифического письма майя, имевшиеся у испанских монахов начала эпохи завоевания, были впоследствии настолько основательно забыты, что в XIX в., а также и в нашем столетии могло утвердиться среди большей части американистов убеждение о невозможности найти ключ к пониманию

Василий Васильевич Струве

этих текстов, поскольку знаки письма майя передают не слова, а отдельные понятия. Подчеркивая ошибочность подобного мнения со стороны громадного большинства американистов, автор вместе с тем не забывает упомянуть и тех немногих специалистов, которые полагали, что монахи, которые могли ознакомиться с иероглифическим письмом с помощью грамотеев среди майя, в достаточной степени веско указывали на характер этого письма в качестве передающего звуковую речь. Свое исследование иероглифического письма древних майя Ю.В. обогатил путем изучения их календарных знаков, а также рисунков. В целях сравнения были привлечены и знаки ацтекского письма.

Наряду с вышеупомянутым каталогом знаков иероглифического письма, было включено в монографию описание сохранившихся памятников иероглифической письменности майя, а подготовленные для издания иероглифические тексты собраны из различных редких изданий, отсутствующих в библиотеках СССР и представляющих большой интерес, как первая сводка такого рода. Подобно тому как в хрестоматии текстов был приложен Ю.В. словарь, так и в издание иероглифических памятников он прилагает исчерпывающий словарь-конкорданцию.

В заключение моей краткой рецензии я позволю себе высказать пожелание о расширении справочного и библиографического аппарата, а также комментария к текстам и каталогу знаков. Переходя к обобщающей характеристике ценной монографии Ю.В. Кнорозова, я должен подчеркнуть, что его труд во всех его частях пронизан творческой исследовательской мыслью. Автор идет всегда своим, а не проторенным путем, и методика Плутарха им нигде не применяется. Поэтому на основании всего вышесказанного я имею полное основание заявить, что труд «Письменность индейцев майя», свидетельствующий о замечательной эрудиции и исследовательской мощи автора, должен быть срочно опубликован.

25 декабря 1957 года

В. Струве

Ирина Константиновна Федорова

И ведь не кто-нибудь настаивал на срочной публикации монографии Кнорозова, а сам Василий Васильевич Струве (1889–1965) – крупнейший историк и специалист по Древнему миру, член Императорского Православного Палестинского общества, основатель советской школы Древнего Востока, академик АН СССР с 1935 года! В 1937–1940 годах именно он возглавлял Институт этнографии АН СССР, а с 1941-го по 1950-й – Институт востоковедения. В 1961 г. он инициировал издание Советской исторической энциклопедии.

Но издание почему-то застопорилось – случайно или специально? Факт в том, что эта проволочка сказалась весьма неприятным образом на судьбе Кнорозова...

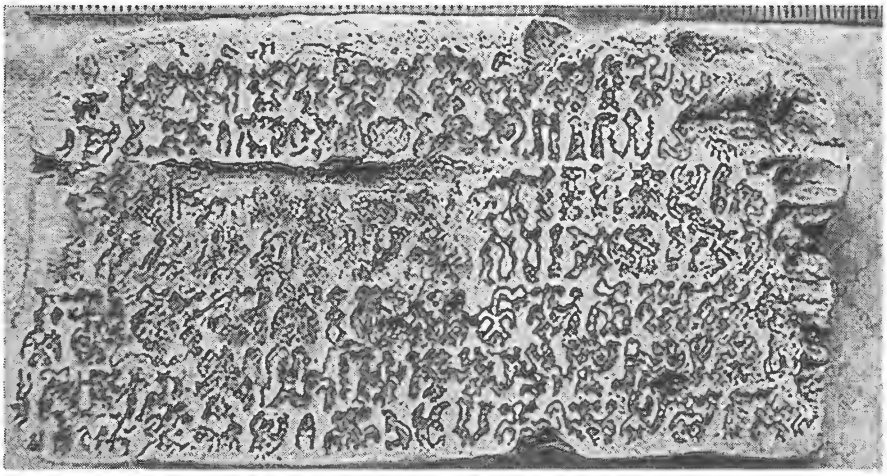
Сам же Юрий активно разрабатывал универсальный метод дешифровки, чтобы применять его к другим системам письма.

Совершенно очевидно, что во второй половине 1950-х даже в изучении письма майя Кнорозова активно интересовали возможные математические методы обработки объемных текстов, составление баз данных, использование новых технологий в практических целях осуществления дешифровок «неизвестных систем письма».

В целом Кнорозов концентрировался на продвижении своих теорий, введении в научный оборот целостного понимания проблемы сигнализации, избавляясь от рамок «дешифровки письменности майя». Свою основную задачу он понимал как системное междисциплинарное исследование, в котором теории коммуникации отводилось одно из главных мест – тем более после создания в 1959 году Группы семиотики. В свойственной ему ироничной манере он не раз повторял: «Майя – это только бухгалтерская работа, а главная задача наступления – теория коллектива».

Ирина Константиновна Федорова под руководством Кнорозова занялась дешифровкой рапануйского письма – благо, в Кунсткамере имелись дощечки со знаменитым письмом кохау ронго-ронго! Она так вспоминала те времена конца 1950-х:

> Работа над рапануйскими текстами началась вскоре после возвращения Юрия Валентиновича из Копенгагена с XXXII Конгресса американистов (Дания, 1956). Став организатором и руководителем Группы этни-



Дощечка с письмом кохау ронго-ронго

ческой семиотики Ленинградской части ИЭ АН СССР – настоящей школы и центра дешифровки, Кнорозов уделял также много времени и сил изучению памятников других систем древнего письма – фестского диска, киданьских надписей древней Монголии X–XII вв., протоиндийских текстов, древнего андского письма, пиктографии айнов, а также рапануйскому письму на деревянных дощечках, два образца которых хранятся в Музее антропологии и этнографии РАН (СПб.). Без научных трудов Кнорозова, посвященных изучению и дешифровке письма майя, без его статей по проблемам семиотики, по общим вопросам дешифровки неизвестных систем письма вряд ли возможна была бы дешифровка дощечек кохау ронго-ронго.

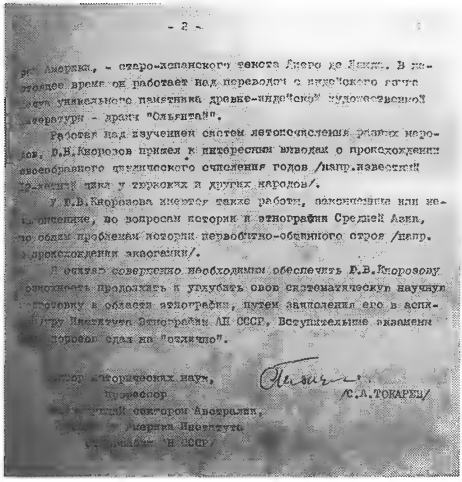
Совет по кибернетике и Группа семиотики

Группа этнической семиотики обязана своим появлением непосредственному вмешательству Вячеслава Всеволодовича Иванова. В 1959 году он стал заведовать Секцией лингвистики созданного в том же году Научного совета по кибернетике при Президиуме АН СССР, в котором чуть позже Кнорозов стал руководителем Группы семиотики в Институте этнографии АН СССР. Воспоминания Вячеслава Всеволодовича позволяют почувствовать дух тех далеких времен. Ситуация была непростой. Иванова изгнали из традиционно отличавшегося своей идеологической «святостью» Московского государственного университета. Его виной оказалась дружба с Пастернаком, соседом по даче в Переделкино, получившим за своего «Доктора Живаго» политическую Нобелевскую премию. Кнорозов, кстати, терпеть не мог этот «весьма средний» по его определению роман и поднятую вокруг него шумиху. Особого литературного восхищения он, похоже, не вызывал и у самого Иванова, который тем не менее любил поддерживать «оппозицию». С наступлением «оттепели» в опреде-

ленных кругах интеллигенции это стало так же модно, как носить клетчатые штаны и кепки в качестве «вызова системе». Претензии Иванову предъявили и за поддержку эмигрировавшего лингвиста Романа Якобсона, хоть эта поддержка и носила исключительно научный характер. Собственно, претензии были нелепые, и потому отношение к Вячеславу Всеволодовичу, которого, впрочем, в те времена мало кто (по его собственным словам) знал, было далеко не единогласным. Но тут случилось и вовсе неожиданное:

Вячеслав Всеволодович Иванов

Мне позвонил по телефону талантливый кибернетик Михаил Цетлин, который был секретарем вновь созданного Научного совета по кибернетике при Президиуме Академии наук. И говорит: «Вас назначают Председателем лингвистической секции Совета по кибернетике». Во главе совета был Берг – академик и адмирал в отставке. А до этого он был заместителем министра обороны по науке – то есть очень известный человек. Наука была полузасекреченной, тогда ее только начинали рассекречивать – и имя Берга много значило. Цетлин говорит: «У меня нет серого вещества, чтобы объяснять про лингвистику Бергу, пойдемте вместе». Пошли. Берг был человек чрезвычайно многосторонний и очень увлекся идеей, что нужно что-то делать с языками, письменностями и так далее. И решили, в частности, что надо заниматься серьезно дешифровкой. У Кнорозова же была идея, что надо использовать компьютеры [тогда они назывались ЭВМ. – *Примеч. Г. Ершовой*]. Это всем очень понравилось, и поэтому все решили, что будет «Комиссия по дешифровке» во главе с Кнорозовым при этом нашем Совете. Состоялось первое заседание с участием Берга, который пришел, я помню, в генеральской форме. У него был такой торжественный вид. И громогласный такой голос старого русского офицера: «Я – русский адмирал, отец – швед, мать – итальянка». Но он действительно чувствовал себя воплощением эдакой русской государственности в ее историческом смысле. Массу полезного сделал в России. Так было принято постановление Президиума Академии наук по предложению, которое я, грешный человек, написал. Но Берг редактировал раздел о развитии работ по структурно-прикладной лингвистике и семиотике, где было написано, что нужно создать группы семиотики и структурного изучения всего этого в разных институтах. В частности, в Институте этнографии в Ленинграде под руководством Кнорозова. Это все было написано в постановлении 60-го года, которое для Кнорозова было важным. Во-первых, потому что он действительно имел очень большие планы и очень хотел попробовать, что можно сделать на компьютере. Во-вторых, у Кнорозова было ощущение как бы недостаточно формальной укорененности в институте. И ему



- 2 -

...Америки, - старо-испанского текста Инего де Ланда. В настоящее время он работает над переводом с индейского языка уникального памятника древне-индейской художественной литературы - драмы "Ольянтай".

Работая над изучением систем летосчисления разных народов, Ю.В.Кнорозов пришел к интересным выводам о происхождении своеобразного графического очертания годов /напр.известный "знак" цика у тюркских и других народов/.

У Ю.В.Кнорозова имеется также работы, законченные или находящиеся в печати, по вопросам истории и этнографии Средней Азии, по общим проблемам истории первобытно-общинного строя /напр. о происхождении экзогамии/.

...считаю совершенно необходимым обеспечить Ю.В.Кнорозову возможность продолжать и углублять свою систематическую научную работу в области этнографии, путем зачисления его в аспирантуру Института Этнографии АН СССР. Вступительные экзамены [illegible] сдал на "отлично".

...ических наук,
...профессор /С.А.ТОКАРЕВ/

...ектором Америки,
...Института
...в СССР

Фрагмент характеристики Кнорозова, подписанной С.А. Токаревым с упоминанием перевода «Опу-Ольянтай». 1950 г.

было полезно то, что мы сделали такую группу. Кнорозов оказался очень пригодным к такой общей деятельности». Вячеслав Всеволодович весьма точно чувствовал ситуацию и потому не раз повторял именно этот тезис: «В Институте этнографии Кнорозова приняли достаточно сдержанно, поддержка в основном шла "сверху" от Толстого, пока он был в силе, и от очень немногих коллег. Большинство же оказывало глухое сопротивление, едва скрывая свое раздражение и даже откровенную зависть».

Достаточно вспомнить интервью для документального фильма «Признание»[146], данное А.М. Решетовым[147], часто бывавшем, в отличие от Кнорозова, в зарубежных командировках. Глядя прямо в камеру, Решетов раздраженно замечает, откровенно лукавя: «А чем, собственно, Кнорозов отличался от других? Он был такой же, как все. Тогда никого за границу не пускали». Как все? Неужели? Кандидат наук Решетов постоянно бывает за границей – и на стажировке, и на конференциях, и в экспедициях, а доктору наук Кнорозову всего этого, оказывается, «не полагалось».

И в этом смысле предательский «черный шар» от Токарева своему ученику на защите диссертации стал весьма показательным. Хотя Ирина Хорошаева в своих воспоминаниях относит его к друзьям:

> Токарев очень хорошо к нему относился, всегда старался, чтобы он у него побывал дома, хотя у самого Сергея Александровича какие-то сложности тогда были дома. Ну, кто еще хорошо относился? Не знаю. Он в московской части сектора, в общем-то, ни с кем особенно близок не был. Давайте так: Юлия Павловна [Аверкиева] к нему хорошо относилась. Кто еще у нас? Алексей Владимирович[148], он был человеком очень острожным, но, наверное, в принципе, неплохо относился... О Григулевиче вообще говорить не хочу – слишком хорошо известно, как я к нему относилась, потому что в последние годы были серьезные конфликты. О мертвых или хорошо или ничего. Но эта сволочь считала, что все

[146] Документальный фильм «Признание». Режиссер Игорь Шадхан. 2005 г.

[147] Александр Михайлович Решетов (1932–2009) – к. и. н., с 1956 г. сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР/МАЭ РАН. Занимал разные руководящие должности.

[148] Ефимов Алексей Владимирович (1896–1971) – д. и. н., этнограф-американист. В 1956–1971 гг. заведующий сектором Америки ИЭ АН СССР.

должны быть его любовницами. Это совершенно, абсолютно точно. А Зубрицкий[149] его просто спаивал. Причем я Зубрицкому могла сказать, и я ему, помню, сказала: «Зачем же с Юрой так?» А он: «Ну уж, ну уж, что такое? Не лезьте в наши мужские дела!»

Зубрицкий был не единственным, кто добивался поддержки Кнорозова через спаивание. Кстати, согласно уже приводившейся официальной характеристике Токарева, датируемой 1950-м годом, драму кечуа «Апу-Ольянтай» перевел Кнорозов, а публикуется этот перевод неожиданно под авторством Зубрицкого, но уже гораздо позже, в 1963 году. Причем само знание Зубрицким языка кечуа, похоже, было большой мистификацией – так как сохранилось немало анекдотов о том, как южноамериканские носители этого самого кечуа сильно удивлялись, когда им объясняли, что большой русский человек говорит именно на их родном индейском языке. Они искренне считали, что слышали непонятную русскую речь. В отличие от Кнорозова, Зубрицкий часто бывал за рубежом, представляя советскую науку.

Вторая половина 1950-х была для Кнорозова очень активна. Он развивал свои идеи, искал единомышленников, ездил в Москву, из Москвы приезжали к нему – одним словом, «развернулся», по его же собственному определению. Таким его видели приезжавшие коллеги – как живописно рисует в своих воспоминаниях Исаак Ревзин:[150]

В эти приезды мы вместе завтракали, вместе гуляли по Ленинграду, вместе ужинали. Неизменным участником всех мероприятий КПЛ был А.А. Реформатский, который окрашивал своими колоритными рассказами за рюмкой водки эти замечательные вечера в «Европейской» или в «Астории».

Слушая его и Н.И. Жинкина, обменивающихся воспоминаниями о 20-х годах, я впервые стал подумывать о том, что и наши встречи хорошо бы зафиксировать. И часто на этих вечерах появлялся быстро хмелевший Ю.В. Кнорозов.

Кнорозов – фигура из Петербурга Достоевского. У него странно глубоко посаженные глаза, и взгляд его выдержать невозможно. Ему трудно говорить, но то, что он говорит, всегда интересно, хотя всегда окрашено мрачноватым юмором. Манера говорить – подчеркнуто простонародная («вить», повторяет он на каждом третьем слове), а содержание мистическое, касающееся самых сложных сторон человеческой психики.

[149] Юрий Александрович Зубрицкий (1923–2007) – к. и. н., переводчик-американист, сотрудник ИЛА РАН, журналист в службе вещания московского радио.

[150] Исаак Иосифович Ревзин (1923–1974) – д. фил. н., лингвист, активный участник первых шагов отечественной структурной лингвистики и семиотики.

Одет он всегда по-стариковски: в круглой вдавленной шляпе, полы пальто тянутся чуть ли не до земли – и когда он идет по Ленинграду, то возникает нечто вроде прекрасного эпизода пырьевского «Идиота»: князь Мышкин, идущий под дождем и ветром по Петербургу. Он тогда был очень дружен с нами всеми. Сейчас мы уже не видимся, и трудно сказать, как бы встретились сейчас. Но наши приезды в Ленинград неразрывно останутся связанными с Ю.В. Кнорозовым...[151]

А у Кнорозова в Ленинграде появились свои любимые места, помимо склепа на кладбище. Гостей он уже приглашал пообедать в ресторан. И ему нравилось быть элегантным и гостеприимным. Так, Ирина Хорошаева вспоминает один из таких случаев: «И тут он говорит: «Пошли обедать». Пошли обедать, вы знаете, в Ленинграде где обедали тогда? Ну да, столовая, но такая университетская или академическая, не помню. В общем, мы однажды обсуждали, куда мы пойдем, фантастика была полная. Я говорю: «Юра, а зачем мы деньги просаживаем?» «Не-не, пошли». И мы перешли через мост, там стоял этот «Дебаркадер», ресторан, но это было днем, поэтому мы, значит, пошли туда. Он говорит: «Я вас накормлю судаком ...» И я тоже помню, как однажды Юрий Валентинович повел меня обедать в ресторан на Васильевском – университетская столовка рядом с Кунсткамерой почему-то была закрыта. Ресторан мне показался роскошным. И назывался то ли «Мишень», то ли что-то охотничье. Потом я пыталась его отыскать – но безуспешно...

Дочь Катя

А 23 января 1960 года в жизни семьи Кнорозовых происходит еще одно радостное событие – рождение дочери Кати. Девочка-красавица, точная копия матери Юрия – Александры Сергеевны Макаровой. Сказать, что Юрий и Валентина были счастливы – не сказать ничего. Как вспоминают все племянники, они никогда не видели столь беззаветной родительской любви. По воспоминаниям племянницы Ирины Леонидовны, Валентина Михайловна каждый раз спрашивала: «Правда, Катя – красавица?» При этом Ирина с Татьяной видели однажды, как Катя, которой было лет восемь, прыгала на пыльном продавленном диване с риском упасть, а дядя Юра говорил: «Пусть что хочет, то и делает!» По словам племянников, вели им Катя прыгнуть в окно – и они прыгнули бы, не раздумывая.

У счастливых родителей была своя идея о воспитании: детям надо позволять все. Даже мне Юрий Валентинович объяснял, что девочке – а Катя лишь на пять лет была младше меня – как только она захочет, надо покупать косметику. Пусть красится. И с гордостью говорил, что так и сделал – а я слушала это с изумлением. Но, видимо,

[151] *Ревзин И.И.* Воспоминания. Из работ московского семиотического круга. М., 1997. С. 815.

именно так всю жизнь росла маленькая Катя. Когда родилась дочь, с мая по октябрь стали снимать дачу в Озерках – а как иначе? У детей в Ленинграде особая предрасположенность к туберкулезу, надо укреплять здоровье ребенка!

Как ни странно, но складывается впечатление, что Юрий Валентинович старался в вопросах воспитания дочери ни в чем не повторять своих родителей. Отец все время был на службе и осуществлял лишь общий контроль, давая указания – например, анализировать рисунки, писать левой рукой, не связываться с религией. Воспитание детей целиком и полностью лежало на матери – Александре Сергеевне, которая, по воспоминаниям, никогда не отличалась показной добротой, была по-северному сдержанной в проявлении чувств, требовательной, строго следила за развитием и полноценным обучением детей. Здесь было и чтение, и рисование, и игра на инструментах, и обязательное домашнее хозяйство. Всесторонне развивая детей, она следовала принципам школы Бехтерева. Юрий в детстве неслучайно пытался компенсировать некоторую холодность матери общением со своей старшей сестрой Галиной. Так что «самой лучшей и самой красивой в мире» дочери Кате отцом была уготовлена «анти-бехтеревская» модель воспитания: трепетная любовь вплоть до полного самоотречения, абсолютная свобода, удовлетворение любой прихоти...

«Машинный перевод»

Полностью служа науке, щедрый и очень доверчивый Юрий Кнорозов оказался беззащитен перед разного рода проходимцами, которые, как только он стал знаменитым, начали кружить вокруг него в надежде поживиться. А он каждый раз верил, что к нему приходят «будущие коллеги», и строил планы на сотрудничество, выступая в качестве эдакого интеллектуального локомотива. Об этом пишет и Вячеслав Всеволодович, оценивая работоспособность Кнорозова в коллективе при создании Комиссии по дешифровке:

> Он был, я думаю, самый аккуратный из нас. Он писал непрерывно планы того, что нужно сделать и, более того, тут же эти планы осуществлял. В частности, грандиозную компьютерную работу, которая происходила, в основном, в Москве.

Разработкой программ занялись совсем молодые математики – Ю.А. Шрейдер, М.Л. Цетлин и М.А. Пробст:

> 19-летний Цетлин считался тогда самым талантливым математиком в Москве. Хорошо выучил тогдашнюю кибернетическую технику и использовал ее для дешифровочных работ, и взял себе в помощники Марлена Пробста. Марек Пробст был очень талантливый программист, и он воплотил идеи Кнорозова. У меня где-то до сих пор был его рукой

написанный общий план дешифровочных работ – буквально на одной странице.

И на основании этой записи Шрейдер и Пробст создали серию программ, по которым стало возможным статистически обработать любую систему письма, располагавшую достаточно большими текстами. По этой работе было сделано несколько блестящих публикаций. Иванов полагал, что это была «важная и недооцененная страница в истории отечественной кибернетики».

Но после этого случилось нечто непредвиденное. Или ожидаемое? Опять появились желающие поживиться. К Кнорозову обратилась группа персонажей, позиционировавшая себя как «математики из Новосибирска», – Евреинов Е.В., Косарев Ю.Г., Устинов В.А. И в самом деле, они официально представляли Институт математики Сибирского отделения АН СССР, директором которого тогда был академик С.Л. Соболев, один из главных руководителей атомного проекта страны и гениальный математик. Тем более позорно, что «математики-дешифровщики» оказались полными проходимцами – и это стало очевидно практически сразу. Но... академик Соболев их рьяно защищал. Иванов именует проходимцев «уволенными кэгэбэшниками». Что-то подобное о них говорил и Кнорозов. А позицию Соболева Иванов объясняет тем, что директору института в тот момент «хотелось шуму». Печально, когда для организаторов науки шум становится важнее самой науки. Соболев, по всей видимости, искренне увлекся этой новой идеей и интересной задачей, в которой, естественно, не был специалистом – а теперь и не узнать, какими аргументами убеждала эта тройка директора института.

Прежде чем перейти к драматическим событиям тех лет, хотелось бы представить подробнее их участников, пусть и с учетом их деяний спустя полвека. История настолько любопытна, что привожу полностью этот великолепный текст:[152]

Лауреат «Ленинской премии № 2» Эдуард Евреинов

Несколько лет назад в СМИ неоднократно упоминалась Европейская академия информатизации, а также «Всемирный Информационно-Распределенный Университет» (WIDU). Тогда же промелькнул созданный при них Высший Аттестационно-Квалификационный Комитет (ВАКК), который присваивал степени «доктора» и «гранд-доктора».

Этот Комитет сразу напомнил что-то из недавнего. Это же он! Он, как Европейская Академия Информатизации, он же Всемирный Информационно-Распределенный Университет (WIDU). Это та самая контора, созданная в Брюсселе при участии «ученого с мировым именем, академика многих международных академий, профессора, лауреата

[152] Текст любезно предоставил для публикации Дмитрий Дмитриевич Беляев (зам. директора Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова, РГГУ).

международных премий, лауреата «Ленинской премии № 2» Эдуарда Владимировича Евреинова. Они там присуждали степени «гранд-докторов» и «гранд-дам» и выдавали разные блестящие фантики из фольги. Вот отличнейший материал (аж 2012 года) про все эти Окодемии и Университетиги от брюссельского корреспондента «Новой Газеты»:

«Основатели... указывают, что академия «была учреждена... указом Короля Бельгийцев Альберта II». На самом деле все проще. С помощью местного адвоката учредители академии получили для нее статус общественной организации в Бельгии. Для этого достаточно сочинить устав с благообразными целями... подать заявку в администрацию... и ждать публикации в официальном бюллетене Moniteur Belge. Всю страницу бюллетеня формально подписывает король. Европейской академии, как и другим ASBL (обществам без целей получения прибыли), прислали выписку за подписью советника министерства юстиции. Ее-то "академики" и представляют как специальный королевский указ».

Жертвами бельгийских проходимцев стали как минимум 50 доверчивых российских чиновников, депутатов и частных лиц. Там у них в «окодемегах» числились Лужков, туркменбаши Ниязов и куча всякого другого народа. Диплом «доктора технических наук» был выдан и небезызвестному «оживлявшему» покойников Грабовому. «Un moulin a diplomes» (мельница дипломов) — так его характеризует публикация от 31 января 2008 г. в бельгийской «Ла Либр».

Пиком деятельности всей этой шарашкиной конторы стал 2011 год, когда они попытались торжественно посадить во главу себя ректора МГУ Садовничего. И тот всерьез рассматривал такую возможность (и даже на новостном сайте МГУ это висело!). Ну и комментарий всем нам хорошо известного идеолога реформ российского образования Ирины Абанкипой – директора Института развития образования ВШЭ: «Если Садовничий возглавит эту академию, это будет хорошим знаком: он сможет отстоять интересы российского образования при разработке стандартов». Это к вопросу о компетентности наших «рэформаторов».

В 2011 году академик Эдуард Евреинов скончался. После недолгого поиска информации об этом славном персонаже в сети все стало на свои места. Оказалось, многие уже знакомы с творчеством этой неординарной личности.

Началось все более полувека назад. В 1961 году научный мир потрясла новость: советские ученые дешифровали древнее письмо майя при помощи ЭВМ! Группа сотрудников Института математики СО АН СССР во второй половине 1960 года провела обработку двух рукописей майя (Дрезденской и Мадридской) и представила свои результаты на Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста 21–30 января 1961 года. Затем опе-

Леонид Витальевич Канторович

ративно вышли три тома труда «Применение электронных вычислительных машин в исследовании письменности древних майя» (Изд-во СО АН СССР). Вся эта история широко освещалась в прессе и фигурировала в числе важнейших достижений советской науки. Авторами новой дешифровки были Ю.Г. Косарев, В.А. Устинов и... Э.В. Евреинов.

Ситуацию, правда, осложняло то, что письменность майя уже была дешифрована в 1952 году Ю.В. Кнорозовым. Вручную. Поэтому знающих людей новая дешифровка оставила в некотором недоумении. Сам Кнорозов опубликовал в журнале «Вопросы языкознания» (1962, № 1) глумливо-критическую рецензию, суть которой сводится к одному предложению: «"Машинная" дешифровка дала значительно меньше чтений, чем "ручная", и не дала каких-либо новых правильных чтений. А в неправильных в основном дублировала ранние результаты "ручной" дешифровки».

В том же 1962 году В.А. Устинов собрался защитить по этой теме диссертацию «Некоторые вопросы применения ЭВМ в исторической науке». По этому случаю в Новосибирске разразился скандал из-за неподобающего поведения Л.В. Канторовича. История эта прекрасно описана С.С. Кутателадзе в статье «Леонид Канторович[153], Юрий Кнорозов и машинная дешифровка письма майя», который довольно жестко и справедливо называет «машинную» дешифровку «самым заурядным образцом лженауки».

В 1969 г. та же лихая компания издала 4-й том, но на этом дело заглохло. «Машинная дешифровка» всем надоела и с научного горизонта пропала, хотя продолжала блуждать по страницам советского «научпопа» (см., например, книги А. Кондратова).

В последние годы жизни Кнорозов часто поминал историю с «машинной дешифровкой», описывая ее гораздо более едко. По его словам, ее задумывали как пробную работу по применению ЭВМ для работы с древними системами письма на основе уже дешифрованной письменности, своего рода аналог независимой проверки. Поэтому Кнорозов передал в Новосибирск свои собственные переводы рукописей майя.

[153] Леонид Витальевич Канторович (1912–1986) – д. физ.-мат. н., проф., академик АН СССР, создатель линейного программирования, лауреат Сталинской и Ленинской премий, Нобелевской премии по экономике 1975 г., Ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, почетный член многих иностранных академий.

Результаты оказались довольно сомнительными, на что он и указал в своей рецензии. Однако коллектив во главе с «одним новосибирским жуликом» все равно эти «переводы» издал под своими именами, первый же том они подписали иероглифами майя и вручили Хрущеву как новое доказательство успехов советской науки. Тем самым «новосибирским жуликом» был, как нетрудно догадаться, наш знакомый Евреинов. За последующие десятилетия «мастерство» он не растерял, а только повысил класс и вышел с сибирского на международный уровень.

Самого Евреинова уж нет, а дело гениального проходимца продолжает жить и процветать. Из последнего – гендиректором Центра Хруничева (Роскосмос) в 2017 г. стал А.Г. Варочко – «доктор экономических наук» печально знаменитой евреиновской «мельницы дипломов»...

Однако тогда, более полувека назад, в суровые советские времена, ситуация выглядела несколько иначе и, безусловно, грустнее. Кнорозов, который давно носился с возможностью машинной обработки огромных текстов (бухгалтерская работа!) и уже имел программу для такой работы на вычислительной технике, очень обрадовался, когда объявилась некая группа математиков, предложив реализовать эту задачу. Окрыленный Юрий Кнорозов и не менее заинтересованный Вячеслав Иванов договорились о встрече с «математиками», чтобы передать материалы по майя и объяснить суть задачи. Эссеист А. Жолковский[154], который зачем-то (от любопытства?) решил сопровождать Иванова на те исторические переговоры, позже использовал это событие для создания одной из своих мемуарных баек:[155]

Летом 1959 года мне случилось присутствовать при передаче Ю.В. Кнорозовым новосибирскому кибернетику Устинову фотокопий текстов на языке майя. В дальнейшем последовала сенсационная машинная расшифровка этого языка Устиновым и его коллегами, недолгая шумная их слава, затем публичное разоблачение их халтуры Кнорозовым и, наконец, забвение. Но тогда ни о чем этом нельзя было догадываться. Был «медовый месяц» кибернетики, и мой учитель, Вяч.Вс. Иванов, осуществлял историческую стыковку великого Кнорозова, уже прославившегося своими открытиями в области дешифровки письменности майя, с представителями грядущей электронной цивилизации...

В кабинете у В.В. были Кнорозов, Устинов и я, зашедший по другому делу и приглашенный остаться, чтобы стать свидетелем эпохального события.

[154] Александр Константинович Жолковский – к. фил. н., больше известный своей диссидентской деятельностью, успешно обеспечившей ему в 1979 г. эмиграцию на Запад. Из публикаций – почти исключительно мемуарные байки и разного рода эссе, несколько научных работ, в основном в соавторстве.

[155] https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/mem/

Легким мановением руки передвинув к Устинову толстую кипу фотографий с иероглифами майя, Кнорозов сказал:
– Собссьно говоря, сама по себе эта филькина грамота меня мало интересует. Меня интересует, что ли, общая теория дешифровки. Если угодно, я бы, тек скезеть, сказал пару слов...
– Конечно, конечно, Юрий Валентинович, это очень интересно, – поддержал В.В.
– Имеются, тек скезеть, знак и референт, что ли. Ну, тут возможны четыре случая, – он набросал излюбленную структуралистами табличку с плюсами и минусами. – Если знак известен и референт известен, то это случай обычной, тек скезеть, лингвистики. Если референт известен, а знак неизвестен, то здесь, тек скезеть, мы имеем дело со всякого рода, что ли, разработкой терминологии и искусственными языками. Этт как, не вызывает пока возражений?
– Нет, нет, очень интересно!..
– В таком случае я, с вашего разрешения, буду продолжать?
– Да, да, просим!..
– Тек вот, третий случай – это когда знак известен, а референт неизвестен. Здесь я полагаю поместить дешифровку.
Определив место собственной дисциплины, он выдержал небольшую паузу. Слушатели затаили дыхание.
– Ну, а четвертый случай... тек скезеть, чего уж тут?
Глядя на два минуса, Кнорозов развел руками.

Сам Юрий Валентинович в надиктованном мне тексте представил ситуацию в свойственном ему стиле:

Какая-то новосибирская шушера. Нахальство было великое. Все материалы взяли у меня. Потом потребовали доклад на президиуме Академии наук. Была группа ли в этом духе, которая занималась теорией дешифровки? Все было вначале очень мирно, я делал доклады – и не раз. А тут появляется жулик – вроде Наночки[156], стащившей у вас «систему родства». А эти самые, которые занимались теоретическими вопросами, заявили, что у них разработана теория машинной дешифровки и могут все дешифровать. И главное, они упирали на свое сотрудничество с военными ведомствами. Они забрали у меня все материалы – совсем как Наночка. Жулики забрали все материалы и опубликовали совершенно бредовую статью. Главный жулик был Устинов. Главный принцип: хапай себе, а там видно будет. Они подписали на языке майя и подарили Хрущеву. Однако ни на кого особого впечатления эта дешифровка не произвела.

[156] Имеется в виду Анна Александровна Бородатова, числившаяся долгое время аспиранткой Ю.В. Кнорозова. В 1995 г. А.А. Бородатова совместно с И.Ж. Кожановской опубликовали под своими именами раздел, посвященный реконструкции системы родства прото-майя, позаимствованный целиком, включая опечатки, из *моей* кандидатской диссертации, защищенной еще в 1985 г.!

После этой истории у Кнорозова вошло в обиход определение для подобных проходимцев от науки: «доктор новосибирских наук». Больше ничего пояснять уже было не надо...

Однако тут интересно понять, что за игру тогда затеяли Устинов, Евреинов и Косарев под прикрытием академика Соболева, и как были распределены роли. Эти трое нашли друг друга. Как оказалось, все это имело прямое отношение к Юрию Валентиновичу Кнорозову, повлияв на его судьбу, да и на судьбу отечественной исторической науки.

Если верить статье некого журналиста Дмитрия Жукова в журнале «Огонек» (от 18 марта 1962 года), формально руководил этим проектом сам директор Института математики СО АН СССР С.Л. Соболев. Но в реальности задача координации проекта была поручена Ю.Г. Косареву – на тот момент он практически был руководителем Вычислительного центра СО АН СССР. Его биография, в том числе и научная карьера, выглядит вполне достойно:

Юрий Гаврилович Косарев (1922–2017) — математик и специалист по вычислительной технике, профессор, доктор технических наук. Один из создателей института математики СО РАН с вычислительным центром, разработчик информационных технологий. Создатель методологии решения трудоемких вычислительных задач из различных сфер деятельности. Участник разработки и запуска в серийное производство вычислительной системы «Минск-222». Автор труда «Введение в Онтокосмизм».

Родился 12 января 1922 г. в городе Калязине, в семье военнослужащих Косарева Гавриила Ивановича (1894–1979) и военного врача-хирурга Нагорной-Косаревой Валентины Васильевны (1894–1978). В 1940 г. окончил среднюю школу. 1940–1941 гг. учеба в Киевском авиационном институте. 1941–1946 гг. служба в Красной Армии. С 1942 по 1944 гг. старший техник Главного управления заказов ВВС Советской армии. Демобилизован в 1946 г. Участник Парада Победы.

Научная карьера
1946–1950 – физический факультет Киевского университета.
1950 – аспирантура кафедры экспериментальной физики.
1950 – работа в Главном Управлении Специальной Службы при ЦК КПСС.
1950–1951 – в Киеве, и 1951–1959 – в Москве занимается разработкой методов и технических средств дешифровки сообщений, закодированных с помощью машин.
В 1958 г. становится кандидатом технических наук.
1959–2008 — работа в Институте математики СО АН СССР/СО РАН в Новосибирске.
1959–1963 — зам. директора Института по Вычислительному центру.
1963–1989 — заведующий лабораторией Информационно-логических систем.

1971 — защита докторской диссертации на тему «Синтез функциональных структур вычислительных систем с управляемыми связями».
1989–2008 — главный научный сотрудник Института математики СО АН СССР.

Следующий персонаж лихой тройки: В.А. Устинов – тот самый «кэгэбэшник». Официально – историк. Его появление выглядит в проекте по «машинной дешифровке письма майя» несколько загадочным. И при этом обращает на себя внимание тот факт, что об участии этой «ведущей» Устинова организации в «машинной дешифровке» знали, по крайней мере, и Кнорозов, и Иванов.

Валентин Алексеевич Устинов (1926–1987)

Родился в деревне Воскресенки, Истринского района Московской области.

Как все учился, в 1943 г. пошел на фронт, служил бортмехаником и летчиком в авиаполку 14-й Воздушной армии, закончил войну в звании лейтенанта.

Что делал сразу после войны – осталось за кадром. Известно только, что уже будучи капитаном КБГ, он поступает в МГУ на исторический факультет, оканчивает его, после чего оказывается сразу в Институте математики Сибирского отделения АН СССР. И сразу же вписывается в историю с «машинной дешифровкой». Его, 35-летнего выпускника-историка без каких-либо заслуг и особых талантов, «приглашает» сам директор Соболев, который, безусловно, должен был знать о его предыдущей службе и звании. Устинов, который крутился в это время в МГУ рядом с И.Д. Ковальченко[157], сразу же соглашается на переезд, позиционируя себя как официального историка-квантификатора в Академгородке в Новосибирске. Забавно, что свои достижения в области дешифровки письма майя он пересказывает с грехом пополам фразами Кнорозова – это видно из посвященной ему статьи в «Огоньке». И самое чудовищное – уже намеревается заняться письмом острова Пасхи – то есть точно следует за Кнорозовым, присваивая себе чужие заслуги и искренне полагая, что никто этого не замечает. Или по какой-то причине все боятся замечать?

В 1962 г. Устинов объявляет о защите кандидатской диссертации по теме «Некоторые вопросы применения электронной вычислительной машины в исторической науке», и речь идет о результатах «дешифровки

[157] Иван Дмитриевич Ковальченко (1923–1995) – д. и. н., проф., создатель Центра по количественным методам и ЭВМ в исторических исследованиях на истфаке МГУ, основатель отечественной клиометрии, разработчик количественных методов в исторических исследованиях (начало 1960-х), создатель школы квантификации.

письма майя». Это происходит в НГУ на гуманитарном факультете и вызывает настоящий скандал, нашедший отражение в стенограмме заседания. С.Л. Соболев, вовремя спохватившись, заклеивает свое имя как руководителя. А бывший в курсе работы Кнорозова А.П. Окладников совершенно необъяснимо вдруг выступает в защиту диссертанта-плагиатора и, заявив, что его работа «соответствует требованиям по историческим наукам», берет руководство на себя... Можно только догадываться, что заставило его, позиционировавшего себя другом Кнорозова, поступить так подло.

Но Устинова, как и всю компанию, ничего не смущает. Параллельно он работает в направлении квантитативной истории, обскакав с первой публикацией даже И.Д. Ковальченко, абсурдность чего отмечают все, кто пишет по данной теме и понимает несопоставимость уровней этих исследователей и полную невозможность подобного приоритета.

Вероятно, Устинов интегрировался в эти новые направления с практическим заданием: уже тогда было понятно, что необходимо было уметь выявлять скрытую информацию на основе анализа явлений и связей, отраженных в открытых источниках. Тем более что скрытая информация, по словам Ковальченко, «в наименьшей степени подвержена субъективным искажениям». Помощь Устинову была оказана, по всей очевидности, из специфических структур, рассчитывавших на реальные практические результаты, а не на бесконечный плагиат и подтасовки. Руководство этих структур тоже не предполагало, что «свой человек в Новосибирске» окажется банальным плагиатором.

Провалив задание в Новосибирске, Устинов возвращается в Москву, работает в МГУ, преподает историю. В 1970 г. защищает докторскую диссертацию «Применение ЭВМ в историко-социальных исследованиях» в Институте истории РАН в Москве. Но дешифровку майя даже не вспоминает, лишь изредка публикуя статьи по квантитативной истории, где, впрочем, безусловным лидером признается И.Д. Ковальченко.

И, наконец, генератор этой затеи – Евреинов, про таланты которого в целом уже понятно – но все же:

Евреинов Эдуард Владимирович (1928–2011)

Родился Эдик Евреинов в 1928 г. в деревеньке Сапожки (230 жителей по переписи на 1959 год) Гомельской области Белоруссии. Школу, судя по всему, закончил там же. Про альма-матер, где учился будущий «академик» и лауреат бесконечных космических премий, нигде ничего не сообщается, что само по себе для биографии ученого более чем странно. Но, по всей видимости, он должен бы иметь диплом математика и где-то учиться дальше или работать. Однако эти подробности остались в секрете. Как и возникновение у Евреинова кандидатской степени неизвестных наук. При этом 1957-м годом обозначено получение той самой

«Ленинской премии № 2», которая открывает ему светлый путь и упоминается на сайтах вполне приличных организаций. Надо ли удивляться, что в списках многочисленных лауреатов Ленинских премий (включая секретные разработки) имени Евреинова нет и никогда не было.

Официально всплывает Эдик Евреинов лишь в 31-летнем возрасте в Институте математики СО РАН, где работает с 1959 по 1972 г. Причем заместителем директора, и остается загадкой – по какому направлению? Любопытно, что сразу же, едва зачислившись в штат, он начинает операцию «машинная дешифровка майя», которая завершается провалом.

Существует карточка его автореферата к докторской диссертации, которая датируется 1967 г. и никакого отношения к майя не имеет. Надо предполагать, что когда-то и где-то он успел защитить кандидатскую диссертацию, от которой, впрочем, не осталось ни малейшего следа, что наводит, зная о талантах Евреинова, на некоторые сомнения в реальности ее существования. Впрочем, С.С. Кутателадзе отзывается неплохо о начальных этапах его деятельности. Однако при всех стараниях трудно найти обилие научных публикаций Евреинова – их количество более чем скромно, все имеют соавторов, а названия перепевают на разные лады словосочетание «вычислительные системы».

В конце концов, директор Соболев избавляется от компрометирующего институт Евреинова, но в духе времени – сплавляя его на повышение. И вот тут, добравшись до госресурсов, несостоявшийся дешифровщик Евреинов разворачивается. Его деятельность наносит огромный вред техническому обеспечению информатики. Как бы то ни было, после 1972 г. Евреинов исчезает из Новосибирска и работает в не очень понятных «лабораториях». По всей видимости, он перебирается в Москву. Единственное, что известно достоверно, – с начала 1970-х он числится преподавателем на кафедре вычислительной техники МЭИ... Мелковато для лауреата «Ленинской премии № 2»...

А вот с началом 1990-х наступает звездный час деревенского паренька из Гомельской области Эдика Евреинова – он втирается в доверие к Ельцину и получает доступ к большим деньгам. И это обеспечивает ему до самой смерти безбедное существование. Для вожделенного статуса он становится основателем многочисленных контор «рога и копыта» и, соответственно, президентом, ректором, директором бесконечного количества зарубежных «академий» и «университетов»...

Вячеслав Всеволодович Иванов подробно вспоминал детали этой истории с «машинной дешифровкой» – тем более что именно ему пришлось воевать за Кнорозова, противостоя могущественному Соболеву:

Кнорозов... вообще сомневался, что они использовали вычислительные машины. Но Соболев их поддерживал. Соболеву хотелось шуму тогда.

И вообще это было такое ложное действие, которое, к сожалению, скомпрометировало в глазах многих саму идею. Потому что идея-то хорошая была, как и хотел Кнорозов вначале. Когда узнал, что они будут ну как бы повторять его работу, он не возражал против этого. Но когда он увидел, что они на самом деле ничего не сделали, а просто переписали и перепечатали – это было неприятно...

А вообще Кнорозов занимался всем этим с энтузиазмом. В это время мы с ним много виделись, потому что он довольно часто приезжал в Москву. В частности, для общения с нами, с Шрейдером, Пробстом, ну и со мной, поскольку я в качестве «вождя» кибернетиков как-то участвовал во всей этой деятельности. Но это был довольно короткий период. По разным причинам и Шрейдер, и Пробст потом больше занимались другими делами, но для Кнорозова это сравнительно короткое время было важно. У него кроме того была большая программа занятия Мохенжо-даро и Хараппа. Он надеялся, что какую-то часть по описанию печатей на Древнем Востоке вообще выполним мы...

Таким образом, надежда Кнорозова найти единомышленников и наивная вера в то, что всеми движут исследовательский азарт и интерес к науке, привела к весьма неприятным результатам. Разработанные Шрейдером и Пробстом программы, а также все сделанное самим Кнорозовым, оказались в руках нечистоплотной группы так называемых дешифровщиков из Новосибирска. Причем они даже не прибегли к вычислительным техникам, а только опубликовали данные ручной дешифровки Кнорозова, объявив это собственной «машинной дешифровкой».

Это происходило так. В январе 1961 года на «Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста» Э.В. Евреиновым и В.А. Устиновым были в спешном порядке представлены результаты «машинной дешифровки письма майя»[158].

Ю.В. Кнорозов опубликовал резкую критику этой фальсификации, в частности отмечая, что заявившими о «машинной дешифровке письма майя» претендентами «фактически ставилась более узкая задача – дать транслитерацию иероглифических текстов латинскими буквами (точнее – так называемым традиционным алфавитом майя), без попыток перевода. Авторы, разумеется, были знакомы с «ручной» дешифровкой письма майя и применявшимися при этом методами»[159].

[158] *Евреинов Э.В., Косарев Ю.Г., Устинов В.А.* Исследование рукописей древних майя с помощью электронной вычислительной машины. Алгоритмы и программы // Доклады на Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Выпуск 11 / АН СССР Сибирское отделение, Институт математики – Институт научной информации. М., 1961.

[159] *Кнорозов Ю.В.* Машинная дешифровка письма майя // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 91.

Практически в те же дни в Институте славяноведения АН СССР на расширенном заседании сектора структурной типологии славянских языков Вячеслав Всеволодович Иванов специально организовал «собеседование» по общей теории сигнализации, предложенной Ю.В. Кнорозовым на Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста.

Для обсуждения проблемы были приглашены не только видные лингвисты, но и известные математики, поддерживавшие идеи Кнорозова и понимавшие чудовищность затеи новосибирской компании. В частности, такие имена, как А.А. Реформатский[160] или Л.А. Калужнин[161], были знаковыми для науки. Формально были объявлены для обсуждения «особые» темы Кнорозова – теория сигнализации и коммуникации, а также фасцинация как ее составная часть. Все «частные» сюжеты представлялись интегрированными в главную теорию Юрия Кнорозова – «теорию коллектива». Отмечалось, что объединение или коллектив представляется Кнорозовым в качестве дифференцированной системы, предполагающей наличие соответствующей системы сигнализации. Язык при этом превращается в «относительно независимую систему», что «создает колоссальные возможности для его использования». Информация о проведении этого заседания и обсуждаемых темах была оперативно опубликована[162].

И, не сбивая ритма, в том же 1961 году, в сентябре, Ю.В. Кнорозов вновь представил свои разработки, выступив с докладом под названием «Об изучении фасцинации». Это произошло на заседании «Научного совещания, посвященного применению математических методов в изучении языка художественных произведений», организованного историко-филологическим факультетом Горьковского университета им. Лобачевского совместно с Группой прикладной лингвистики и машинного перевода Горьковского физико-технического института. Основные тезисы кратко были изложены в обзоре «Научной жизни» того же номера журнала «Вопросы языкознания»[163].

В том же эпохальном первом номере журнала «Вопросы языкознания» за 1962 год в обзоре научной жизни в двух строках было упомянуто выступление академика С.Л. Соболева по «машинной дешифровке письма майя», выполненной в Сибирском филиале АН СССР, в котором говорилось о «важности теоретического значения этой работы».

---

[160] Александр Александрович Реформатский (1990–1978) – д. филол. н., крупнейший лингвист, классический генератор идей.

[161] Лев Аркадьевич Калужнин (1918–1990) – д. м. н., математик, занимался проблемами лингвистики, автор многочисленных учебников.

[162] *Бурлакова М.И.* Собеседование по теории сигнализации с Ю.В. Кнорозовым / Структурно-типологические исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 283–285.

[163] *Ревзин И.И.* Научная жизнь // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 163.

Научный подлог новосибирской группы был всем очевиден. Однако для сохранения имиджа «новосибирской науки» академик С.Л. Соболев, бывший в тот период директором Института математики СО АН СССР, в ответ на разгромную статью Кнорозова о так называемой машинной дешифровке вместо того, чтобы хоть попытаться разобраться в ситуации, направил в редакцию журнала возмущенное письмо за своей подписью, в котором ни больше ни меньше, как обвинял Кнорозова в выражении некомпетентного «частного мнения»:

Александр Александрович Реформатский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ[164]

В журнале «Вопросы языкознания» (№ 1 за 1962 г.) опубликована статья Ю.В. Кнорозова «Машинная дешифровка письма майя», содержащая частное мнение автора по поводу предварительных сообщений, носивших информационный характер, о ходе работ по исследованию рукописей древних майя при помощи электронной математической машины. Эта статья посвящена критике работ, выполненных в Институте математики СО АН СССР. Ю.В. Кнорозов незнаком с той работой, о которой он пишет, и, по-видимому, судит о ней лишь по упомянутым кратким предварительным информационным сообщениям. Стоит заметить, что возможность полного ознакомления с работой ему была предоставлена, но он не пожелал ею воспользоваться и не проявил к работе никакого интереса.

В апреле текущего года выходят в свет первые три тома исследования и готовятся к печати еще два тома. Выходящие тома содержат прочтенные Мадридскую и Дрезденскую рукописи, систематизированный каталог знаков и майя-русский словарь. Алгоритмы, программы, методы, а также описание системы письма входят в четвертый и пятый тома, подготовка к печати которых заканчивается. Мы были бы благодарны редакции, если бы можно было обеспечить научное обсуждение опубликованных работ на страницах Вашего журнала компетентными учеными, которые не сочтут за труд предварительно ознакомиться с материалами, о которых они пишут

Директор Института математики
с Вычислительным центром СО АН СССР академик С.Л. Соболев

[164] *Соболев С.Л.* Письмо в редакцию // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 147.

Тем временем В.А. Устинов для полного закрепления успеха решил защитить диссертацию на материалах «машинной дешифровки», полагая, что имена директора института С.Л. Соболева в качестве научного руководителя и А.А. Ляпунова[165] в качестве основного оппонента решат все сомнительные проблемы. Однако блицкрига не случилось – вышел скандал. Честная позиция будущего Нобелевского лауреата Л.В. Канторовича заставила все «переиграть». Он, как стойкий оловянный солдатик, выступил один против сплоченного монстра и бился до конца, зная, что даром ему это не пройдет. Невзирая на давление со стороны основной службы Устинова, академик Соболев все же вовремя заклеил свои имя как руководителя на автореферате и диссертации «дешифровщика» и не явился на позорную защиту. Основной оппонент – профессор А.А. Ляпунов также предпочел отсутствовать, осторожно передав устно, что у него не сложилось определенного мнения. Зато отличился будущий академик А.П. Окладников – единственный, хорошо знавший и самого Кнорозова, и его работу, – моментально взял под козырек, предложив себя в качестве нового научного руководителя опасному плагиатору. И лучше всего драматизм событий передают, как всегда, документы того времени (в приложении приводится выписка из протокола заседания). Похоже, что Устинов действовал совсем откровенно. Неслучайно Канторович, имея более чем богатый опыт травли со стороны «идеологов» и понимая, что теперь может предпринять ушлый «диссертант», попытался предотвратить удар и подал в партком заявление:[166]

в Объединенный Партийный Комитет
Сибирского отделения АН СССР
Секретарю Парткома т. Мигиренко Г.С.[167]
От Канторовича Л.В.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу рассмотреть вопрос о непартийном поведении ряда Членов Совета по гуманитарным наукам, входящих в парторганизацию Сиб. отделения. Речь идет о совершенно беспрецедентном случае нарушения всех норм советской и партийной демократии, когда в связи с внесенными мною предложениями в порядке ведения собрания (о переносе защи-

[165] Алексей Андреевич Ляпунов (1911–1973) – д. физ.-мат. н., проф., чл.-корр. АН СССР, один из основоположников кибернетики.

[166] Оригинал текста письма Л.В. Канторовича на имя Г.С. Мигиренко хранится у сына, В.Л. Канторовича, любезно предоставившего разрешение на его первую публикацию.

[167] Георгий Сергеевич Мигиренко (1916–1999) – д. техн. н., контр-адмирал, лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки и техники РФ. Под его руководством защищена 41 докторская и 70 кандидатских диссертаций.

ты на другой срок), была принята специальная резолюция, осуждающая мое поведение и фактически отстранявшая меня от участия в защите.

Полное несоответствие подобного решения линии партии в данных вопросах было особенно наглядным, так как, как раз в эти дни, ЦО «Правда» публиковала статьи, направленные на максимальное повышение качества диссертаций и полное соблюдение установленных норм в процессе диспута.

Мне трудно судить, кто именно виновен в этом странном и противозаконном акте Совета и какими подлинными мотивами он вызван. Однако мне представляется, что наибольшую ответственность должен нести чл.-корр. АН Г.А. Пруденский[168] как наиболее авторитетный по научному званию член собрания и как лицо, наиболее резко и активно высказывавшееся в пользу этого решения. Тем более что это не первый и не единственный случай, когда им предприняты недостойные действия, чтобы скомпрометировать мое научное имя.

Укажу вкратце обстоятельства дела. 13/VI в 11 часов состоялось заседание Совета по гуманитарным наукам для защиты диссертации В.А. Устинова на степень кандидата исторических наук на тему о применении математических методов и электронных машин в исторической науке.

Этот совет начал работу впервые. Мне приходилось участвовать в ученых советах почти тридцать лет, и я привык к тому, что при защитах диссертаций точно соблюдаются установленные правила, так принято и в работе физ.-мат. и технических советов Сиб. отделения. Мне казалось естественным, что эти принципы относятся и к данному Совету.

Однако в данной защите формальная законность ряда обстоятельств сразу вызывала сомнение:

На разосланных экземплярах тезисов фигурировала в качестве руководителя фамилия акад. С.Л. Соболева. На защите диссертации выяснилось, что он отсутствует на диспуте и что вообще на фигурировавших во время защиты экземплярах тезисов имя Соболева заклеено другой фамилией. Мне подобный случай за 30 лет встретился впервые и вызвал естественное сомнение.

Назначенный официальный оппонент проф. А.А. Ляпунов на защиту не прибыл (без официального уведомления об этом). Между тем именно он представлял важную для данной защиты математико-лингвистическую сторону. На самой защите было предложено заменить его другим оппо-

[168] Герман Александрович Пруденский (1904–1967) – д. э. н., свою карьеру экономиста делал в основном по партийной линии, занимая руководящие должности. Непримиримый противник идей Канторовича.

нентом — канд. технич. наук И.А. Полетаевым. При подобных заменах принято, чтобы замещающее лицо имело то же научное звание, а также, чтобы имелся письменный отзыв отказавшегося оппонента со свежей датой. Наконец, и по существу я не считал И.А. Полетаева равноценным по компетентности специалистом в данной конкретной области.

Меня смущало также, что А.А. Ляпунов за несколько дней перед этим в Москве говорил мне о том, что он не считает работу в представленном виде подходящей, и рекомендовал отложить защиту (А.А. Ляпунов подтвердил это впоследствии, указав, что он сообщил это мнение и диссертанту).

Наконец, поскольку в Совете (за отсутствием С.Л. Соболева и А.А. Ляпунова) я оказался единственным специалистом в области математики и вычислительной техники, играющей большую роль в данной работе, то, не будучи знаком даже с тезисами (мне они не были присланы), затруднялся принять на себя такое ответственное суждение.

Таким образом, во всяком случае, ясно, что у меня имелись достаточно серьезные и веские и формальные, и по существу причины для постановки вопроса о неподготовленности защиты и необходимости отложить ее. Эти возражения были высказаны спокойным тоном без обид по чьему-либо адресу (см. стенограмму).

Совет должен был обсудить сделанные возражения и предложения. Он мог принять их или не согласиться с ними.

Однако Совет вместо этого перешел к обсуждению резолюции, направленной против члена Совета, внесшего предложения, нарушив все правила демократии.

Естественно, после этой резолюции я должен был покинуть Совет и не мог принять участие в дальнейшей его работе.

Член-корреспондент

АН СССР (Л. В. Канторович)

Канторович попытался найти поддержку у честного и действительно уважаемого в науке и институте человека Г.С. Мигиренко, который должен был его понять. Примечательно, как характеризует Леонида Витальевича в своих воспоминаниях А.Н. Аганбегян:

> Леонид Витальевич был всегда на острие этой войны, он был человек очень прямой, не искусный в интригах, не умел сколотить какую-то группу, кого-то подговорить. Он всегда шел напролом, свои идеи всегда высказывал прямо, и поэтому был легкой добычей интриганов, которые цеплялись к его словам.

В нашем институте он был членом ученого совета, и на этом совете он был «белой вороной». Он сохранил в себе черты детской наивности. Удивительно, взрослый человек, прошел через все, но он был потрясающе честен. У него главным критерием была чистая совесть, чистая перед самим собой[169].

Но ловкий капитан КГБ (можно только догадываться, как он и своему руководству в этой могущественной организации сумел заморочить голову!) предпринял асимметричный ход: с подачи Устинова члена-корреспондента АН СССР, лауреата Премии Сталина и проч., и проч., Канторовича помещают в психушку...

Позже оценку происходившему (и нельзя с ней не согласиться) дал Семен Самсонович Кутателадзе[170], прокомментировавший и подготовивший стенограмму защиты для публикации, которую можно прочесть в приложении 4, а также автор предисловия к публикации «от редакции».

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

От редактора

Применение количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях ведет свое начало с первой половины 1960-х годов, когда были опубликованы первые работы пионеров нового научного направления – И.Д. Ковальченко и В.А. Устинова, представляющих, соответственно, МГУ им. М.В. Ломоносова и Академгородок в Новосибирске. В начале 70-х годов дороги этих уйченых разошлись. И.Д. Ковальченко создал отечественную школу квантификации, воспитал десятки учеников, организовал научные подразделения данного профиля, инициировал проведение конференций и публикацию сборников статей по проблемам квантификации исторических исследований. Деятельность В.А. Устинова не была столь масштабной и результативной. В течение ряда лет между И.Д. Ковальченко и В.А. Устиновым велась полемика по методологическим проблемам квантификации (они касались, в частности, моделирования исторических процессов). Стоит отметить, что начальный период работы В.А. Устинова по применению ЭВМ ассоциируется с туманной историей о причастности Валентина Алексеевича к «машинной дешифровке языка майя» (и с его авторством этой знаменитой разработки). Даже «ветераны» движения знают об этой истории немного (в лучшем случае вспоминают имя истинного автора, раскрывшего тайну древней письменности майя), не говоря уже о более молодых квантификаторах. Между тем дешифровка с помощью ЭВМ могла стать в те годы крупной научной сенсацией, яркой демонстрацией возможностей электронно-вычислительной техники в решении сложных задач

[169] *Аганбегян А.Н.* «Учитель, ученый, человек» (http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/BIO/LVK/LVK07.HTM).

[170] Семен Самсонович Кутателадзе – д. физ.-мат. наук, профессор, зав. лабораторией функционального анализа Института математики им. С.Л. Соболева СО РАН.

гуманитарных исследований. Стала ли? В феврале 2004 г. редколлегия нашего периодического издания получила из Новосибирска интересный материал, проливающий свет на малоизвестный сюжет с защитой В.А. Устиновым кандидатской диссертации, связанной с «машинной дешифровкой языка майя». Интерес к этому материалу определяется и тем, что к упомянутой защите имели прямое отношение крупные математики-академики, будущие академики-историки и даже будущий Нобелевский лауреат (в области экономики).

Далее следовал блестящий комментарий С.С. Кутателадзе, актуальность которого во все времена, включая современные, даже не дискутируется. Дай Бог, чтобы об этом помнили и те, кто занимаются наукой, и особенно те, кто ею руководят:

ЛЕОНИД КАНТОРОВИЧ, ЮРИЙ КНОРОЗОВ И МАШИННАЯ ДЕШИФРОВКА ПИСЬМА МАЙЯ

2 июня 1962 г. в Новосибирском академгородке произошло редчайшее событие. Объединенный ученый совет по общественным наукам при Новосибирском государственном университете поименным голосованием осудил поведение одного из своих членов как дезорганизующее работу совета. Против проголосовал только один человек – будущий академик и Нобелевский лауреат Леонид Витальевич Канторович. Заступился он за самого себя. Что же такое натворил Канторович? Он сорвал заседание, на котором должна была рассматриваться диссертация В.А. Устинова «Некоторые вопросы применения электронной вычислительной машины в исторической науке». Не буду пересказывать содержание этой диссертации полностью. Отмечу лишь, что в четвертой главе диссертации, по мнению ее автора, был получен некоторый индекс-указатель, который «может быть использован как словарь лексики древних майя».

Конечно, теперь всем известно, что тайну древней письменности майя человечеству открыл российский ученый Юрий Валентинович Кнорозов. Имя Кнорозова стоит в одном ряду с именем Жана Франсуа Шампольона. Осуществленная Кнорозовым дешифровка ставится филологами даже выше открытия Шампольона ввиду отсутствия в случае языка майя параллельных текстов на известных языках. Сейчас в Сибири не принято вспоминать, что на заре Сибирского отделения Академии наук «машинная дешифровка языка майя» фигурировала в числе его важнейших достижений и исключительно широко пропагандировалась по всему миру. Это были годы ослабления идеологического пресса и расцвета науки в нашей стране – достаточно назвать триумф в космосе и разворачивание системы ВИНИТИ. На этом фоне грандиозных успехов «легкость в мыслях необыкновенная» проникла даже в головы умудренных опытом достойных мужей науки. Среди людей, попавшихся на легковесные обещания авантюристов «машинной дешифровки», оказались С.Л. Соболев и А.А. Ляпунов.

В № 1 журнала «Вопросы языкознания» за 1962 г. была помещена статья Кнорозова «Машинная дешифровка письма майя», в которой Кнорозов разъяснил, что гипотезы Э.В. Евреинова, Ю.Г. Косарева и В.А. Устинова «означают отказ от решения первоначально поставленной задачи (изучение древних текстов, написанных неизвестным письмом на отчасти известном языке) и замену ее несравненно более простой (транслитерация без перевода текста, написанного неизвестными знаками на полностью известном языке)». Пикантность ситуации лета 1962 г. состояла в том, что серьезные математики уже начали понимать, во что они вляпались, но остановить машину на ходу было совсем непросто. Так, в № 3 «Вопросов языкознания» появилась краткая реплика Соболева в защиту «машинной дешифровки». Однако на момент защиты фамилия Соболева, числившегося научным руководителем Устинова, была уже заклеена на диссертации, на что не преминул обратить внимание Канторович. Стоит также отметить, что в диссертационном деле фигурировал положительный отзыв Ляпунова, но Канторович объявил совету, что Ляпунов сообщил в телефонном разговоре об отсутствии у него «определенного положительного суждения». Почему я вспомнил это давнюю историю? Есть, по крайней мере, четыре причины.

Первая. Эта история актуальна. Не следует думать, что канула в реку забвения безудержная хвастливая реклама «машинной дешифровки языка майя», оказавшейся в итоге самым заурядным образцом лженауки. Недавно на представительной международной конференции «Мемориал Канторовича: математика и экономика» история с «машинной дешифровкой» фигурировала в оживленной дискуссии о корнях современной лженауки. И мне пришлось краснеть, отвечая за ошибки, сделанные не мною, но ответственность за которые перешла к моему поколению по наследству.

Вторая. Ни академические чины, ни подлинные заслуги в науке не дают прививки против лженауки. Каждый может попасться. Надо быть бдительным, почаще мыть руки и смотреть на себя со стороны.

Третья. Это ложь, что нет лженауки, что наука выступает инквизитором новых теорий, что судьи лженауки борются за пайку и место у кормушки и т. п. История с осуждением Канторовича очень поучительна. Науку защищал один Канторович, а отнюдь не остальные члены совета.

Четвертая. Человечество не обмануть – «есть высший судия». Канторович (1912–1986) и Кнорозов (1922–1999) вошли в историю мировой науки. «Машинная дешифровка языка майя» осталась мелким и неприглядным эпизодом из истории псевдонауки.

Устинов явно пытался всегда работать на опережение – старался публиковать чужие материалы раньше самих авторов. Он рассчитывал, что защита диссертации с изложением методов дешифровки

письма майя навсегда «застолбит» за ним авторство. Совсем неслучайно статья в самом читаемом в стране журнале «Огонёк» появилась в марте 1962 года, за пару месяцев до защиты – надо было готовить широкое общественное мнение. Причем автор статьи – вот уж типичный борзописец – с подачи Устинова выдает буквально следующее:

«Последняя попытка расшифровать письмена майя «вручную» относится к 1952 году, когда талантливому советскому исследователю Ю.В. Кнорозову после многих лет работы удалось определить эту систему письменности как иероглифическую и понять несколько фраз».

И пассаж далее:

«Как-то я спросил у Эдуарда Владимировича Евреинова: сколько бы времени потребовалось, по его мнению, людям, если бы они захотели прочесть письмена без помощи машины?
– Трудно сказать, – ответил Эдуард Владимирович. – За сто лет не прочли почти ничего и с таким же успехом читали бы еще сотни лет. Конечно, мог найтись какой-нибудь гений-одиночка, который интуитивно прочел бы еще несколько фраз, и все».

Чудовищная ложь и сам тон этой заказной публикации в журнале «Огонёк» свидетельствуют лишь об одном: Евреинов, Устинов и Косарев цинично и хладнокровно планировали это научное воровство, видимо, уже перейдя все моральные ограничения. Причем в том же 1962 году все тот же Д.А. Жуков оперативно публикует в издательстве «Знание» аж целую популярную книжонку (80 страниц с картинками) про новосибирских «дешифровщиков» под названием «Загадочные письмена», с призывом на обложке «Прочти, товарищ!» и тиражом в 50 тысяч экземпляров! Надо было обладать очень мощным административным ресурсом, чтобы провернуть такое в 1962 году. Устинов, готовившийся к защите диссертации, все точно просчитал: кандидатская диссертация Кнорозова не содержала принципов дешифровки, а основополагающая монография на тот момент все еще, который год, находилась в нескончаемой редакционно-издательской подготовке...

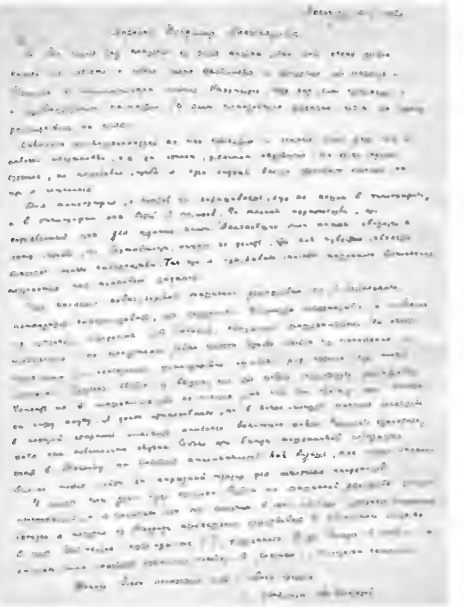
В 1962 году Кнорозов пишет письмо своему приятелю Кузьмищеву:

Ленинград 2/IV. 1962

Дорогой Владимир Александрович!

Я был очень рад получить от тебя письмо, так как очень давно ничего не слыхал о твоих делах. Насколько я уразумел, ты пишешь о Мексике в обличительном смысле. Разумеется, буду рад, если пришлешь, и с удовольствием посмотрю (и если понадобится рецензия и т. п., то прошу рассчитывать на меня).

Какой-то фотокорреспондент ко мне приезжал и снимал меня раз 150 в рабочей обстановке, т. е. за столом, усеянном окурками, на фоне пустых бутылок, но потребовал, чтобы я надел пиджак вместо женского халата, на что я согласился.



Письмо Ю.В. Кнорозова В.А. Кузьмищеву о мошенничестве академика Соболева

Моя монография, о которой ты спрашиваешь, еще не пошла в типографию, а в типографии она будет 9 месяцев. По мнению издательства, это естественный срок для издания книги. Дальнейшие мои планы сводятся к тому, чтобы по возможности ничего не делать, что, как известно, является целью кибернетики. Так что я изыскиваю способы машинного выполнения поручаемых мне плановых заданий.

Что касается новосибирской машинной дешифровки, то, к сожалению, приходится констатировать, что сотрудники Института математики, а особенно их директор академик С.Л. Соболев, оказались мошенниками. Их опыт провалился – не получилось ровно ничего. Чтобы выйти из положения, они переписали (с соблюдением типографских ошибок) ряд чтений из моей устарелой брошюры 1955 г. и выдали их за новую машинную дешифровку. Уличать их в мошенничестве не хочется, так как это бросает тень вообще на нашу науку. Я долго отмалчивался, но в конце концов написал рецензию, в которой стараюсь смягчить наиболее вопиющие факты. Рецензию прилагаю, хотя она невыносимо скучна. Сейчас эта банда мошенников собирается ехать в Мексику на конгресс американистов. Как видишь, мое старое барахло вполне может сойти за парадный мундир для некоторых академиков.

В целом, мои дела идут неплохо. Работа по машинной дешифровке успешно продолжается, и я полагаю, что мы получим в этой области серьезные результаты. Сегодня я получил приглашение из Мадрида участвовать в юбилейном сборнике в честь 400-летия ауто-да-фе (!), устроенного Диего де Ланда в 1562 г. (на котором были сожжены рукописи майя). Я, конечно, с восторгом согласился.

Желаю всего наилучшего тебе и твоей супруге
С уважением Ю. Кнорозов

11 мая 1962 года датируется последняя характеристика, которую берет Кнорозов для предоставления в Иностранный отдел президиума АН СССР с целью поездки за рубеж. Речь шла об участии в том самом Международном конгрессе в Мексике в августе 1962 года, куда собирались новосибирские жулики. Без объяснения причин просьба Кнорозова была отклонена. В Мексику он не поехал. И после этого Юрий Валентинович уже никогда не обращался за такого рода характеристиками...

Остается лишь удивляться, что в 1963 году, после защиты Устинова, вышла, наконец, в свет столь ожидаемая публикация Ю.В. Кнорозова «Письменность индейцев майя», в которой были сведены и описание письма майя, и те самые принципы дешифровки, и тот самый каталог знаков, и переводы некоторых текстов колониального периода. Информация об этом и содержание монографии появляются в ежегодном отчете: «Письменность индейцев майя» (41,5 п.л.) опубликована в 1963 г. А так выглядит аннотация, составленная Кнорозовым:

> Монография... представляет собой обобщение всех основных материалов, необходимых для изучения иероглифических текстов майя. Помимо краткого обзора истории и культуры майя, в монографию включены материалы по языку майя XVI–XVIII вв., а именно: исторические, эпические и пророческие тексты, краткий очерк грамматики языка майя (с учетом изменений, происшедших с XVI по XX в.) и краткий словарь языка майя XVI века. Далее в монографии дан обзор иероглифических текстов и подробно изложены принципы дешифровки иероглифического письма, а также детально охарактеризовано современное состояние изучения календаря и рисунков (сопровождающих письменные памятники). В комментариях к каталогу графем указывается чтение знаков, иллюстрируемое чтениями отдельных слов и предложений; кроме того, дан обзор содержания иероглифических рукописей. Работа завершается 14 вспомогательными таблицами, публикацией наиболее верных надписей (84 таблицы) и трех сохранившихся рукописей.
>
> Монография имеет целью завершить предварительный этап изучения письма майя (дешифровка) и положить начало филологическому изучению текстов майя (составление словаря древнего языка, начало изучения грамматики этого языка, комментированный перевод отдельных текстов).

Один положительный момент все же был у столь позднего издания монографии. Историографический обзор, посвященный попыткам дешифровки письменности майя, автор завершил нелицеприятной оценкой деятельности «докторов новосибирских наук»:

> ...группа сотрудников Института математики Сибирского отделения Академии наук СССР, используя материалы настоящей монографии, предприняла опыт дешифровки письма майя с помощью электронной

вычислительной машины. Полученные результаты в основном дублируют уже опубликованные чтения, в том числе неправильные...[171]

Однако даже эта попытка откровенного плагиата со стороны новосибирцев не остановила Кнорозова в продвижении своих инновационных идей. И в этом, безусловно, стоит признать немалую заслугу редакции журнала «Вопросы языкознания», сумевшей в столь непростых условиях отстоять научные приоритеты и поддержать гениального, но не очень готового к интригам и противостоянию беззастенчивому воровству ученого.

Претензии к Кнорозову, часто заведомо необоснованные, высказывались и со стороны некоторых западных исследователей. Так, например, глава американской школы майянистики в 1950-е годы Эрик Томпсон буквально обрушился на дешифровку Ю.В. Кнорозова, нелепо обвиняя его в применении «марксистских» методов. Это свидетельствовало о двух вещах: во-первых, Томпсон вообще не понимал, что такое марксизм, а во-вторых, не понимал, что такое научная дешифровка древнего письма. И это при том, что Кнорозов сам в письмах зарубежным коллегам просил их высказывать свое мнение, замечания и критику. Но по существу, как оказалось, сказать им было нечего. Даже всемогущему Томпсону.

Немалый вред продвижению идей Кнорозова нанесла и вся эта история с пресловутой «машинной дешифровкой». Кое-кто за границей решил, что это и есть кнорозовская методология, совершенно справедливо сочтя ее не имеющей обоснований. Гневная статья самого Кнорозова, разоблачающая новосибирскую затею, сначала была опубликована по-русски[172] и вскоре по-испански, в Мексике[173], что прояснило в целом коллегам за рубежом не очень им понятную ситуацию. Впрочем, складывается впечатление, что методология дешифровки осталась загадкой и для самих новосибирских «жуликов» – им не хватало элементарных знаний. Знаний не только истории, но и лингвистики, основ дешифровки и психофизиологии. Надо по крайней мере обладать хоть пониманием того, что без этих знаний в дешифровку лучше не соваться. Кнорозов, будучи историком, в отличие от «докторов новосибирских наук», всеми этими знаниями овладел.

Смерть матери

В 1962-м из Южного приходит печальное известие о смерти матери. Александру Сергеевну все любили – и дети, и внуки. Она

[171] *Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. М.: Наука, 1963. С. 46.

[172] *Кнорозов Ю.В.* Машинная дешифровка письма майя // Вопросы языкознания. 1962. № I. С. 91–99.

[173] *Knorozov Y.V.* Aplicación de las matemáticas al estudio lingüístico / Estudios de cultura maya. México, 1963. Vol. 3. P. 169-185.

Мама – Александра Сергеевна Кнорозова

была особенным человеком. Александр Сергеевич Кнорозов вспоминал, как однажды он, не предупреждая, заехал в Южный:

Бабушка вообще была удивительной, я думаю, что дети впитали от нее какие-то черты ...Представьте себе, я еду из Москвы, никакой связи, ничего нет, выхожу в Харькове, ну простоял минут двадцать, покурил. И подумал: «Господи, здесь же рядом Южный, дай-ка я заеду!» Успел обменять билет, сел на электричку, приезжаю, ночь эта южная, цикады, фонарики, темнота... Я кое-как ощупью нашел улицу, подхожу, значит, – там закрыто, из одной ставни через щелочки – какие-то полосочки света, забрехал какой-то песик, ну вот, калитка заперта. Я перелез через забор, подхожу и стучу, а оттуда слышу ворчанье, и голос такой: «Я думала, какой дурак Сашка, не догадается перелезть через забор». Вот так. Никаких, так сказать, особых эмоций, честное слово. Она сидела на крыльце и как будто ждала.

Последний раз Юрий был у матери в Южном в 1961 году. В то лето он привез туда жену с годовалой Катей. Остались воспоминания Михаила, сына Галины Валентиновны, что «Валентина Михайловна кормила Катю привезенной черной икрой и никого не угощала. Девочка делала все, что хотела – а бабушку передергивало от того, как она все брала без спроса и ела грязными руками». И мать не выдержала, сделала замечание невестке. Как описывает Михаил те события: «Самого Юрия Валентиновича не было в Южном, когда мать сделала Валентине Михайловне замечание. Та вызвала срочно Юрия Валентиновича: тот приехал, не заходя в дом забрал своих через окно. И даже не поздоровавшись и не попрощавшись, уехал. С тех пор больше никогда не приезжал и отношений не поддерживал...» Эти слова подтверждает и Ирина Кнорозова: «Он стоял стеной за свою семью, он любил безумно, а потом во что это превратилось...»

А в 1962 году Александры Сергеевны не стало. «Он не появился, даже когда умерла мать», – вспоминает Михаил. «Уже в возрасте, сутулая, она сбивала лед с крыши дома. Только спустилась вниз, как у нее случился инсульт. Я принес бабушку в дом, вызвал Юрия Валентиновича – но тот не приехал. Не приехал он

и хоронить свою мать. Простить ему этого не могу по сей день. Хоронить отца он также не приехал...»

Что могло случиться? Юрий не простил матери замечание, сделанное жене, и не очень приятные слова об обожаемой маленькой дочери? Что еще могла рассказать ему тогда Валентина Михайловна? Или же общая ситуация складывалась настолько тяжело, что у него уже не хватило мужества встретить эту беду? Ответ на этот вопрос мы уже никогда не получим...

Мария Тереса Франко

Работа продолжается

25 декабря 1962 года Кнорозов сдает отчет о работе за 1957–1962 годы. Выполнена плановая работа:

– Доработка статей для тома «Народы Америки»: «Население Мексики и Центральной Америки до испанского завоевания» (совместно с И.Ф. Хорошаевой и Р.В. Кинжаловым), «Языки и письменность коренного населения Америки» (совместно с С.А. Токаревым).

– Сбор и обработка материалов по теме «Язык и письменность острова Пасхи»: составление рапануйско-русского рабочего словаря» (с участием И.К. Федоровой), разделы «Сведения о письме», «Дешифровка исторических систем письма».

– Две опубликованные плановые статьи, а также рецензии на книги Т. Хейердала «Аку-аку» и Н.Ф. Жирова «Атлантида».

И еще целых девять статей, опубликованных вне плана!

Тогда же Кнорозова избирают вице-президентом Советской Ассоциации дружбы со странами Латинской Америки, членом Лингвистической секции Научного совета по комплексной проблеме «кибернетика» при Президиуме АН СССР и членом Международного семинара по культуре майя (Seminario de cultura maya, Mexico).

В этих семинарах, которые проходят в Ленинграде, принимает участие Мария Тереса Франко – мексиканский общественный деятель, долгое время руководившая Национальным институтом антропологии и истории Мексики. Именно она в 1994 году добьется для Кнорозова высшей мексиканской награды – Ордена Ацтекского орла. А в 1993 году сумеет привезти его в Мексику. Но до этого было еще очень далеко.

Итоги «машинной дешифровки»

У всех участников «машинной дешифровки» были свои очень конкретные интересы, чрезвычайно далекие от изучения индейцев майя или создания вычислительных систем. С.Л. Соболеву как администратору казался весьма привлекательным подобный проект, в который он искренне поверил под влиянием той общей для страны эйфории от действительно потрясающих успехов советской науки конца 1950-х годов. Сам Сергей Львович уже был одним из лидеров внедрения ЭВМ в науку и жизнь. Именно он создал кафедру вычислительной математики в МГУ, способствовал разработке ЭВМ «Сетунь», основанной на трехзначной логике. Эта идея тогда не была оценена, а теперь близка к квантовым вычислениям.

Но, как говорит одна африканская пословица, «и старая мудрая обезьяна иногда падает с ветки». Да, собственно, кто из нас, хоть раз в жизни, не совершал нелепых ошибок?

Косарев скорее всего был не столь наивен, принимая согласие в «машинной дешифровке». Будучи руководителем Вычислительного центра института он, возможно, строил собственные далеко идущие планы. Начинал Косарев как вполне серьезный ученый с хорошими результатами, а кончил странно – продвигая собственное учение «онтокосмизма», практически исчезнувшее вместе с его смертью даже из Интернета. В промежутке Косарев впутался в историю с «машинной дешифровкой», дискредитировавшей его как ученого. Погружение в культуру майя без подготовки иногда приводит к плачевным результатам. Но долгое время охранной грамотой Косареву служило лишь действительно достойное и героическое военное прошлое.

Евреинов, судя по его любви к «статусности» и деньгам, а также по врожденным замашкам эдакого Остапа Бендера, метил, вероятно, в преемники Соболева на посту директора института. С Косаревым они были два сапога – пара. Но Евреинов похитрей и понахальней. Похоже, что именно он придумал звонкую аферу с «машинной дешифровкой» и потому был чрезвычайно заинтересован в успехе мероприятия. Склад ума у него, по всей видимости, был в худшем смысле арифметический, что не срабатывает в гуманитарных науках, где существует своя очень строгая система доказательности, а каждый вывод предполагает владение большим пространством данных и разветвленных связей – поэтому невозможно получить результат, просто заменив X на Y. Но Евреинов был искренне убежден, что никто и не заметит, когда у дешифровки письма майя вместо имени Кнорозова появится имя Евреинова, которому и перейдут все причитающиеся бонусы.

Устинов, в отличие от подельников, единственный не был математиком и вообще не имел прошлых научных заслуг. Изо всех сил он должен был доказать, что чего-то стоит, стремясь сделать карьеру историка-системщика. Кто знает, чего от него ждали и что он там наобещал в своей основной конторе, которую явно тоже попытался обмануть – Устинов был мастак лжи и фальсификаций.

Понимая это, «историк», как мог, избавлялся от опасных свидетелей – буквально шел по головам, запугивал, давил и выжигал все на своем пути.

Затея, как и следовало ожидать, лопнула подобно мыльному пузырю, вскрыв всю неприглядность участников. Семен Самсонович Кутателадзе, первым сумевший разобраться во всей этой истории, вспоминает: «Про "дешифровку" академик Боровков, крупнейший специалист по теории вероятности и статистике, работавший в юности по дешифровке (в спецподразделении ГБ), сказал мне после публикации моей заметки, что он, будучи молодым человеком, понял, какие это жулики, когда попытался узнать у них, какими статистиками они пользуются для дешифровки. Они его слов даже не поняли...»[174]

Впрочем, даже по научно-популярным публикациям «новосибирских жуликов» совершенно очевидно, что они мало в чем разбирались и вовсе не разбирались в том, о чем с таким апломбом вещали.

Все замешанные в этой истории организации попытались замять и забыть произошедшее в Новосибирском Академгородке. И если бы не честный ученый Л.В. Канторович, пришедший в ужас от устремлений Евреинова стать директором Института математики и защищавший науку, а поэтому выступивший столь решительно против проходимцев, – неизвестно, чем бы все закончилось. Академик Соболев в конечном счете все понял и, хоть и с некоторым опозданием, избавился от Евреинова.

Между тем сама история приобрела характер мифа, который пересказывает племянник Кнорозова Александр Сергеевич, бывший в те времена еще ребенком, слушавшим разговоры взрослых. И взрослые обсуждали прежде всего отважное выступление Канторовича! Видимо, именно это было главным в комментариях родственников, а вовсе не подлость жуликов: «Канторович его и защитил. Насколько помню, фабула была такая, что когда как-то взяли его материалы по дешифровке в КГБ и говорят: "Мы сами создали машинный перевод". И на этой почве стали защищать кучами диссертации. И когда случилась очередная защита, Канторович встал и говорит: "Вы соображаете, что делаете? Воруете, защищаете диссертацию, а ничего не понимаете!" В общем, Канторович единственный за Юрия вступился – и прекратил этот поток лжи. Соболев потом извинялся, насколько я знаю...»

Правда, работая над этим сюжетом, мне так и не удалось найти этих извинений, да и вообще трудно поверить в такое – но главное, что правда хоть как-то восторжествовала. Вот уж истинно, «безумству храбрых поем мы песню!»

Эти, казалось бы, совершенно академические события из истории возникновения междисциплинарных методов в исторических

[174] Личное сообщение С.С. Кутателадзе в электронной переписке от 8 апреля 2019 г.

науках привели к весьма трагическим последствиям: после того заседания Леонида Витальевича Канторовича вдруг обвинили... в сумасшествии, а также «пропаганде лженаучных идей». То есть ровно в том, о чем он говорил во время того драматичного заседания. Устинов, используя свое положение в КГБ, постарался на славу – доложил куда надо, чтобы убрать опасного математика. В результате Канторовича поместили в психиатрическую клинику[175]. Спасло создателя теории линейного программирования только то, что его брат Николай[176], известный психиатр, приложил все усилия и сумел опровергнуть скоропалительный «официальный диагноз». Через пару дней Леонида Витальевича вынуждены были выпустить. В 1975 году он получил Нобелевскую премию по экономике «за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов»...

Но и в судьбе Юрия Валентиновича Кнорозова все эти нечистоплотные игры тоже оставили очень неприятный и долго казавшийся необъяснимым след: видимо, также с подачи капитана КГБ Устинова, Кнорозову навсегда был закрыт выезд за границу. Совсем. И действительно, если авторство дешифровки письма майя нагло прибирали к своим рукам новосибирские проходимцы и историк Устинов, то и достижения советской науки за рубежом должны были представлять именно они – «кандидаты и доктора новосибирских наук». И в этих условиях в научном пространстве Кнорозову места не оставалось... Поэтому начиная именно с «машинной дешифровки» Институт этнографии перестает без всяких объяснений даже обсуждать и тем более выдавать Юрию Валентиновичу обязательные характеристики для зарубежных поездок, с которых в советские времена начинались командировки за границу.

Тем не менее

Драматические события «машинной дешифровки», так дорого обошедшиеся Юрию Валентиновичу Кнорозову, предстают, на самом деле, огромным шагом в сторону формирования новой модели научного знания. Речь идет о междисциплинарных системных исследованиях. Сейчас стало почти обязательным «заклинание» о том, что «в работе используются междисциплинарные подходы». При этом большинство «заклинателей» не понимают, в чем суть этих методов. Многие и ныне, как и в свое время новосибирская компания, полага-

[175] Подробности этой истории, связанной именно с защитой Устинова в 1962 г., известны от С.С. Кутателадзе со ссылкой на информацию от Всеволода Леонидовича – сына Канторовича, у которого хранятся и многие документы. В Интернете фигурирует ошибочная дата попытки объявить Канторовича сумасшедшим – 1960 г., в привязке к не очень понятным событиям.

[176] Николай Витальевич Канторович (1901–1969) – представитель ленинградской школы психиатров, ученик В.М. Бехтерева. Основатель советской медицинской психологии.

ют, что искомая междисциплинарность – это всего лишь привлечение инструментальных методов и новых технологий.

Считать в уме, в столбик, на арифмометре или на компьютере – это лишь вопрос технологий, который не меняет сути задачи и не делает ее междисциплинарной. Междисциплинарность предполагает принципиально новый тип мышления исследователя, понимание широты взаимосвязей в исследуемой системе. На это способны лишь немногочисленные создатели теорий, к каким относился Кнорозов, а вовсе не завистливые исполнители наподобие Евреинова или Устинова. Многим эта разница недоступна для понимания и сейчас – а тогда, в середине прошлого века, и тем более.

Но важно иное: междисциплинарность у Кнорозова стала, по определению Б.Б. Леонтьева, эффектором, позволившим открыть новые горизонты в исторических науках. И это понимали такие же, как и он сам, инноваторы, готовые к созданию своих теорий.

И в этом смысле именно поступок Канторовича очень показателен. По сути, сам факт отстаивания и победы правоты и приоритета Кнорозова в истории «машинной дешифровки» стал официальным признанием рождения эпохи междисциплинарных методов в гуманитаристике. И одним из безусловных лидеров этого уровня изучения гуманитарных наук оказался Юрий Валентинович Кнорозов.

Понимание широты взаимосвязей в исследуемой системе заставляла Кнорозова осваивать необходимые научные пространства. Вопреки принятым в науке того времени (да зачастую и сейчас) правилам – если ты историк, то зачем лезешь в лингвистику или информатику. А системность – вообще ересь и заумь. Системщикам в голову не приходило упрекать Кнорозова в отсутствии, например, лингвистического образования.

Хорошо это объяснил Вячеслав Всеволодович Иванов:

> Думаю, что до того, что нужно знать из лингвистики, он дошел своим умом. Он во многом был типом этакого русского самородка-самоучки. То есть не так уж важно получить систематическое образование, когда человек сам знает, что ему нужно, как бы имеет в голове свою собственную программу. Я не склонен думать, что он особенно интересовался теоретической лингвистикой... В конце концов, лингвистика это не Бог весть какая сложная наука, если ее правильно понимать – как устроена грамматика языка и как устроено сравнение языков... Его понимание соотношения диалектов майя было вполне научным. И это, в конце концов, очень специфическая область лингвистики. А то, что он понимал, как устроена морфология, я думаю, это дается от занятий разными языками. Он занимался разными языками. И поэтому из эмпирических знаний вытекало, что он довольно хорошо сконструировал в голове такой общий образ того, как устроена грамматика, потому что его алгоритм дешифровки, конечно, устроен в правильном понимании лингвистики, в более правильном, чем это было в это время у самих лингвистов.

Доктор исторических наук Валерий Иванович Гуляев, археолог и ученик Ю.В. Кнорозова, полагает, что именно «такое сочетание широты и профессионализма при решении поставленных научных задач и приносило ему неизменный успех в исследованиях».

Все, кто был знаком с Кнорозовым, отдавали себе отчет в нестандартности его мышления, логика которого не всегда была понятна даже коллегам. Трудно не согласится с удивительно справедливым замечанием А.М. Плунгяна: «...Для объективного понимания специфики научного мышления и психологии Кнорозова необходимо реконструировать минимальную базу знаний в области лингвистики и методики дешифровки, которыми располагал демобилизованный студент-этнограф третьего-пятого курса Кнорозов, – знания в области теоретической лингвистики, староиспанского, майя, европейских языков, археологии, опыт дешифровки и многое другое – литература, личные контакты и т. п. Это сложная, дедуктивная, но актуальная задача кнорозоведения».

Надо отметить, что сегодня в обществе стала явной все возрастающая потребность в междисциплинарных и мультидисциплинарных системных исследованиях. Очевидно, чтто возникшая в XIX в. и поддерживающаяся в XX в. принадлежность наук весьма условна и никак не отвечает реальным задачам современной науки.

Научная жизнь Ю.В. Кнорозова — пример героического преодоления косных рамок традиций и условностей ради познания. И он был одним из тех пионеров науки, которым пришлось преодолеть многое. Кнорозов известен большинству как ученый, дешифровавший иероглифическую письменность древних майя. Однако круг его научных интересов был гораздо шире и фундаментальней. Самой фундаментальной задачей он считал разработку «теории коллектива», и все, что он делал, так или иначе работало на его магистральную идею. И именно поставленная самому себе сверхзадача становилась причиной большинства его проблем и настоящим вызовом науке.

ГЛАВА 11
ФАСЦИНАЦИЯ: ОТ КОЛДУНОВ ДО ТЕОРИИ КОЛЛЕКТИВА

Будущих дешифровщиков бить по башке –
а если кто концы отдаст, тому так и надо!

Бывает ли случайным интерес к шаманам

Первая научная публикация Ю.В. Кнорозова под названием «Мазар Шамун-Наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса)», вышедшая в 1949 году, не была ни случайностью, ни реверансом в сторону Толстого. В этой работе, ставшей результатом полевых наблюдений, в качестве объекта отчетливо прослеживается феномен, связанный с измененным состоянием сознания при проведении коллективных обрядов, который Ю.В. Кнорозов назовет «фасцинацией» или, позже, «завораживанием», стремясь избежать, в свойственной ему манере, использования иноязычных терминов. Кнорозова уже тогда страшно раздражали люди, стремящиеся использовать псевдонаучный «новояз», состоящий из «умных» слов, производных от английских (латынь такие персонажи никогда не учили). Как автор «теории коммуникации», Кнорозов отчетливо понимал, что конечный посыл подобной «наукообразной» речи – ввести в заблуждение, скрывая свои истинные цели.

В своей первой статье (как можно проследить по тексту) практикант анализирует все элементы ритуала – местность и место проведения, внешний вид и состояние участников, действия (предварительное скатывание с холмов, кружение и т. д.), особый способ движений и дыхания, тональность звуков, воздействие этих приемов на состояние зрителей, а также собственные ощущения наблюдателя. Невербальная коммуникация всегда оставалась одной из центральных тем исследований Кнорозова. Про эксперименты с гипнозом уже упоминалось – еще в детстве у Юрия обнаружились гипнотические способ-

Леонид Павлович Гримак

ности (тот самый дистанционный гипноз, о чем вспоминают его племянники)[177].

Он сам указывал причину появления таких способностей при заполнении по моей просьбе анкеты, разработанной психиатром и гипнологом Л.П. Гримаком[178] для выявления «паранормальных» способностей.

Анкета была заполнена Ю.В. Кнорозовым в середине 1990-х годов в квартире племянницы на Смоленской набережной в Москве. По причине резкого обострения и расширения деятельности различных околорелигиозных групп в период общей социальной и политической нестабильности в стране я увлеклась темой религиозного сознания, но Кнорозов даже не намекнул мне, что интересуется этой проблемой, и не упомянул, какое место она занимала в его исследованиях. Поэтому Мазар Шамун-Наби мне казался какой-то случайностью в его жизни. И я тогда обошла всех московских «шаманов», опросила огромное количество «ясновидящих» и «целителей», 99 процентов из которых оказались чистой воды проходимцами. Кнорозов с большим интересом расспрашивал о том, что я делаю, и каждый раз интересовался, каковы последние вести с «колдовских полей».

Итак, Юрий Валентинович целый день изучал анкету, но ответил, подчеркнув, только на два вопроса. И теперь мы сидели на кухне, и я стала нудно зачитывать ему вопросы и уговаривать дать ответы, которые сама записывала и которые чаще всего не совпадали ни с одним из предлагавшихся вариантов.

1. Любите ли Вы ухаживать за растениями, общаться с животными, птицами?

Варианты ответов: 1. Я их не замечаю. 2. При случае общаюсь. 3. Общаюсь и ухаживаю охотно и постоянно.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Люблю котов и прочих животных

[177] Аудиозапись интервью с А.С. Кнорозовым, Т.Б. Кнорозовой в 2005 г. Личный архив Г.Г. Ершовой.

[178] Леонид Павлович Гримак (1931–2008) – д. мед. н., полковник медицинской службы, психиатр, видный психотерапевт, гипнолог, один из основателей авиакосмической медицины, медицины чрезвычайных ситуаций. С 1965 г. работал в Институте авиационной и космической медицины, с 1992 г. – главный научный сотрудник в отделе «Нетрадиционных методов расследования» ВНИ Института МВД РФ.

2. Легко ли Вам дается ручная работа, любите ли Вы ремонтировать что-либо?
Варианты ответов: 1. Ручной работы не терплю. 2. Делаю это редко. 3. Работать руками очень люблю.
Ответ Ю.В. Кнорозова: Не особенно
3. Проявляете ли Вы склонность наводить тщательный порядок в квартире даже тогда, когда Вы дома один и не ждете прихода гостей?
Варианты ответов: 1. Такой «роскоши» не бывает. 2. Бывает очень редко. 3. Да, вокруг меня должен быть порядок.
Ответ Ю.В. Кнорозова: У каждого свой порядок
4. Увлекаетесь ли Вы каким-либо видом искусства?
Варианты ответов: 1. Искусство не моя стихия. 2. Бываю на выставках, концертах. 3. Занимаюсь творчеством.
Ответ Ю.В. Кнорозова: Когда мне туда ходить?
5. Выполняете ли Вы какие-либо виды оздоровительных упражнений или процедур?
Варианты ответов: 1. Нет. 2. От случая к случаю. 3. Регулярно.
Ответ Ю.В. Кнорозова: Никогда! Исключительно курим и выпиваем.
6. Бывают ли у Вас периоды наплыва «беспричинной» радости, ощущения необычного прилива душевных и физических сил?
Варианты ответов: 1. Мне это состояние незнакомо. 2. Очень редко. 3. Довольно часто.
Ответ Ю.В. Кнорозова: С чего бы это?
7. Ощущаете ли Вы временами избыток тепла в своих руках?
Варианты ответов: 1. Такого не бывает. 2. Редко. 3. Регулярно.
8. Испытываете ли Вы чувство страха в большой толпе незнакомых людей?
Варианты ответов: 1. Да, я боюсь таких ситуаций. 2. Ощущаю внутреннее напряжение. 3. Нет, меня это не беспокоит.
Ответ Ю.В. Кнорозова: Мы с котом этого не любим
9. Боитесь ли Вы темноты?
Варианты ответов: 1. Да, я всегда внутренне напряжен. 2. Ощущаю некоторый дискомфорт. 3. Темнота это моя стихия.
Ответ Ю.В. Кнорозова: В темноте коты предпочитают спать
10. Были ли у Вас когда-либо необычные видения или вещие сны?
Варианты ответов: 1. Никогда не бывало. 2. Были в не очень убедительной форме. 3. Несомненно, были.
Ответ Ю.В. Кнорозова: Да у нас с котом постоянно
11. Переносили ли Вы в своей жизни существенные травмы или сильные стрессовые воздействия?
Варианты ответов: 1. Не переносил. 2. Не уверен, что они были сильными. 3. Да, переносил.
Ответ Ю.В. Кнорозова: В детстве играли в крикет. И мяч угодил мне в голову. Почти потерял сознание, но даже не запищал. Следствием стало сотрясение мозга. С тех пор появились способности.
12. Преследуют ли Вас переживания из-за допускаемых ошибок в повседневной жизни?

Варианты ответов: 1. Да, систематически. 2. Очень редко. 3. Никогда.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Разве что не убил кого-нибудь, когда надо было...

13. Бывают ли у Вас периоды беспричинного пессимизма?

Варианты ответов: Очень часто. 2. Редко. 3. Никогда.

Ответ Ю.В. Кнорозова: А чему тут веселиться

14. Всегда ли Вы помогаете человеку, нуждающемуся в поддержке?

Варианты ответов: 1. Почему помогать должен я? 2. Если вынуждают обстоятельства. 3. Охотно, с большой готовностью.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Они ж меня не просят об этом!

15. Ощущаете ли Вы потребность облегчать участь больного человека?

Варианты ответов: 1. Я не представляю, чем я могу помочь. 2. Близким я помогаю. 3. Да, я испытываю такую потребность.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Ежели попросят, то почему бы и нет?

16. Часто ли Вы выступаете в роли утешителя своих близких и друзей?

Варианты ответов: 1. Весьма редко. 2. Приходится иногда. 3. Часто.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Котов утешаю регулярно. А точнее, они меня

17. Часто ли Вы сами являетесь объектом утешения со стороны своих родных и друзей?

Варианты ответов: 1. Да, часто. 2. Иногда бывает. 3. Я не нуждаюсь в утешениях.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Пропадаем мы с котом...

18. Были ли в Вашем роду лица, обладающие необычными способностями (целительством, ясновидением и т. п.)?

Варианты ответов: Не было. 2. С уверенностью сказать не могу. 3. Были.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Да все они колдуны, бабушка-армянка. Да и мамаша моя...

19. Были ли в Вашей жизни случаи, когда, пожелав что-либо очень сильно, Вы получали это, пусть даже через отдаленное время?

Варианты ответов: 1. Все это на мелком бытовом уровне. 2. Было несколько раз в жизни. 3. Это случается, как правило.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Как-то не случалось

20. Случались ли в Вашей жизни рискованные ситуации, которые тем не менее не принесли Вам вреда?

Варианты ответов: 1. Не помню таких. 2. Были, но не очень значительные. 3. Да, были неоднократно весьма серьезные.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Рискованные ежели и были, то непременно вред приносили

21. Охотно ли Вы общаетесь с представителями противоположного пола при явном отсутствии сексуальных перспектив?

Варианты ответов: 1. В силу необходимости. 2. Не придаю этому моменту первостепенного значения. 3. Охотно.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Это они ко мне зачем-то все время пристают. В институт войдешь – и тут же оголтелое бабье набрасывается!

22. А теперь совсем откровенно: пользуетесь ли Вы успехом у противоположного пола?

Варианты ответов: 1. Рад был бы большей популярности. 2. Успех, скажем, средний. 3. Без ложной скромности, да.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Что за чушь!

23. Часто ли Вы бываете недовольны медленным темпом речи своего собеседника?

Варианты ответов: 1. Меня это раздражает. 2. Не обращал на это внимания. 3. Отношусь к этому спокойно.

Ответ Ю.В. Кнорозова: А куда торопиться

24. Часто ли Вам сняться сны, в которых Вы видите себя летающим?

Варианты ответов: 1. Таких снов не вижу. 2. Редко. 3. Часто.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Я вообще снов не вижу

25. Верите ли Вы в предзнаменования?

Варианты ответов: 1. Не верю. 2. Возможно, случаются. 3. Верю.

Ответ Ю.В. Кнорозова: А толку-то!

26. Любите ли Вы одиночество?

Варианты ответов: 1. Не люблю. 2. Не делаю из этого проблемы. 3. Люблю.

Ответ Ю.В. Кнорозова: НЕТ!!!

27. Верите ли Вы в судьбу?

Варианты ответов: 1. Не верю. 2. Может быть, что-то есть. 3. Верю.

Ответ Ю.В. Кнорозова: А тут верь не верь... Я же говорил вам, майя – дело опасное...

28. Любите ли Вы деньги?

Варианты ответов: 1. А кто их не любит? 2. Отношусь к ним спокойно. 3. Легко обхожусь минимумом.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Могло бы быть и больше

29. Часто ли у Вас вызывают приступы раздражения незнакомые люди или бытовые ситуации?

Варианты ответов: 1. Часто. 2. Бывает изредка. 3. Избегаю неприятных ситуаций.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Так ежели какая скотина пристанет...

30. Часто ли Вы нарушаете данное Вами слово?

Варианты ответов: 1. К сожалению, да. 2. Не думаю, что часто. 3. Стараюсь слово держать.

Ответ Ю.В. Кнорозова: Раз обещано, то надо делать. Мы ничего не забываем – только откладываем

Меня больше всего поразил ответ на вопрос об одиночестве. Я была уверена, что он ответит положительно, что любит быть один. Но Юрий Валентинович резко, сразу, чуть не криком ответил: «НЕТ!» Это было совершенно неожиданно. Потом, несколько дней раздумывая на эту тему, я вспоминала, как он радуется гостям и любым посетителям. И вдруг поняла, что в действительности он, казалось бы, окруженный людьми, которым все время что-то от него надо, на самом деле чудовищно одинок. Это понимали и те, кто хорошо его знал – например, Вяч.Вс. Иванов:

У него было много своих гипотез... относительно разных культур и их истории... он был человек одинокий, потому что обладал энциклопедически широким умом. Кругом были узкие специалисты, которые не понимали его больших познаний, не обладали пониманием многого из его результатов в конкретных областях. Я думаю, что его отрицательное отношение ко многим таким официальным ученым было правильным, объективным — ну и, кроме того, ядовитым. Я думаю, что поскольку про многих он знал, что они вовсе и не ученые, а как бы себя выдают за ученых.

И теперь отчасти становится понятно, почему Юрий Валентинович согласился на мои дурацкие вопросы – только бы не оставаться одному. А другом, разделявшим его одиночество в питерской квартире в последние годы, был лишь совершенно белый кот по имени Белобандит, который, похоже, на самом деле был кошкой. Его подарила племянница Ирина. Она рассказывала, что он об этой кошке всегда говорил: «Это кошка, которая притворяется котом».

Но королевой и соавтором для Кнорозова навсегда осталась та самая кошка Ася, которую он требовал называть «соавтором» теории сигнализации.

Ответы на тест задали много загадок: была ли эта история с ударом мячом реальной? И я не удержалась, попросила подробности про удар мячом, на что получила ответ в характерном телеграфном стиле:

Когда мне было не больше пяти лет, братья стукнули меня по лбу крикетным шаром. Сознания я не терял и даже не запищал. Для братьев все обошлось хорошо, а я почти остался без зрения. А читать, заметим, уже умел. Зрение восстановили, хотя и с трудом. Видимо, это и была своего рода «колдовская травма». Могу дать рекомендацию: будущих дешифровщиков бить по башке – только неясно, как. Можно для эксперимента взять контрольную группу – а если кто концы отдаст, тому так и надо!

Племянники возмущенно комментировали, что люди в поселке Южный жили простые, в крикет никто не играл, и даже не знали, что это такое. Но эта игра, в принципе, – та же лапта, в которую играли все и везде. И еще: самые невероятные истории, которые с хитрым смешком рассказывал Кнорозов, всегда оказывались правдой. Юрий Валентинович не дал никаких комментариев по поводу «целительства», а те же племянники рассказали о том, как он в 14-летнем возрасте лечил соседей в Южном.

Совершенно очевидно одно: с тех самых пор Юрий начал, в свойственной ему манере, изучать этот вопрос и теоретически, и практически. В Харькове, по всей видимости, он пытался наладить контакты со школой психиатрии Платонова, но, возможно, всерьез его никто не воспринял, и он переключился на историю. Тем более что в этой области можно было решать задачи куда более сложные, нежели частные вопросы психики. Это был путь к пониманию того, как из отдельных особей со своими интересами и индивидуальной психикой

через выполнение совместных задач складывается целостный коллектив.

И в этом смысле в Москве ему несказанно повезло оказаться под началом таких ученых, как Токарев и Толстов, сразу же погрузивших студента в «шаманскую проблематику». Судя по всему, первая книга, которую ему порекомендовал Токарев, была работа Л.Я. Штернберга[179] «Первобытная религия в свете этнографии». Во всяком случае, именно ее мне велел прочитать Кнорозов в самом начале нашего знакомства – до сих пор рукописный конспект хранится у меня дома. И этот выбор «настольной книги» был неслучаен – Лев Яковлевич Штернберг стоял у истоков отечественного религиоведения. Именно он наиболее подробно описал шаманизм, придавая этому явлению особое значение. И многие базовые идеи в области религиоведения и мифологии впервые были высказаны именно Штернбергом, а затем уже развиты другими исследователями.

Лев Яковлевич Штернберг

Для Кнорозова работы Штерберга стали определенным путеводителем в его проектах. Даже в экспедициях, которые он организует позже на Курильские острова, большое место будет отведено изучению айнов, о чьих религиозных верованиях так много написал Штернберг. И кроме того, со Штернберга началась дискуссия об этногенезе айнов[180] – происхождении этого «самого волосатого в мире» народа. А вот этот сюжет уже становился ступенькой для Кнорозова для решения проблемы этногенеза американских индейцев и заселения Американского континента. Всем этим Юрий Валентинович всерьез займется в 1980-х. А пока – шаманские практики.

Зная особый интерес Юрия Валентиновича к способам формирования коллектива, становится очевидным, что тот давний полевой

[179] Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) – учился на раввина, затем поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1886 г. сослан за участие в беспорядках на Сахалин и Дальний Восток, где занялся этнографическими исследованиями, в том числе ранними религиозными верованиями, и впервые подробно описал феномен шаманизма.

[180] *Штернберг Л.Я.* Айнская проблема // Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Статьи и материалы. Хабаровск, 1933. С. 595.

проект по изучению суфийского зикра в рамках Хорезмской экспедиции привлек Кнорозова исключительно с целью вскрыть механизмы специфической коллективной, практически внеязыковой, коммуникации.

О том, что «проблематика шаманизма была базой теории фасцинации», вспоминает и А.М. Плунгян. В мемуарах студенческого друга Кнорозова упоминается и влияние на его взгляды идей «основоположника отечественной эволюционной нейрогенетики Сергея Николаевича Давиденкова (1880–1961), с которыми он познакомился по монографии «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии». С этой работой Кнорозов буквально не расставался и постоянно обсуждал идеи Давиденкова с теми, кто мог его понять. Юрия особенно интересовала роль «специализированного контингента» в первобытном коллективе как носителя интеллекта, в том числе – мифологии и ритуалов шаманов. Акценты, расставленные в статье при описании шаманского зикра, позволяют предположить, что идее фасцинации Кнорозов уже в студенческие годы отводил чрезвычайно важное место. И на потенциальный «специализированный контингент» обращал особое внимание.

Примечательно, что на вопрос о том, каким является его самое яркое воспоминание о Кнорозове, Вяч.Вс. Иванов ответил не раздумывая, что это был рассказ о шаманском зикре:

> Наверное, Горький и его выступление о фасцинации – это было самое интересное. Я вообще больше всего любил его общие теоретические рассуждения. Не потому что неинтересно было то, что он делает с письменностью, – я знал из его письменных сочинений, я их читал, и все это более или менее было понятно. Но вот его общие рассказы, рассказы о шаманах, конечно, были интересны. Он довольно подробно мне рассказывал историю среднеазиатского шамана, которого духи заставляли стать шаманом, который отказывался от этого. Ритуал вообще-то известный, но было интересно, поскольку он сам переживал все вместе с этим шаманом. Это очень интересный рассказ, быть может, из числа самого интересного, что я от него слышал... Вообще проблематика шаманизма всегда находилась в центре интересов Кнорозова и была базой его теории фасцинации.

Об этом особом таланте Ю.В. Кнорозова выстраивать в рассказе своеобразный видеоряд, позволяющий слушателю как бы участвовать в описываемых событиях, знали многие из коллег, кому посчастливилось с ним работать. Складывается впечатление, что эти «погружения» были своеобразным экспериментом в его разработках теории коммуникации и фасцинации. Причем сюжеты могли быть самыми разными: шаманский зикр, оборона Москвы в 1941 году, строительство Меньшиковым дворца в Петербурге, падение древнего Теотиуакана или события в Тикале классических майя.

Многое из того, что предлагал тогда Кнорозов, явно выходило за общепринятые методологические рамки и на порядки опережало состояние гуманитарных наук. Его исследования были в широком смысле меж-

дисциплинарными, что до сих пор понимается и принимается не всеми, и потому всегда составляло большую проблему для Кнорозова. А.М. Плунгян вспоминал, с каким трудом в научном сообществе принималось понятие фасцинации, сопоставляя это с новым походом Проппа (а по сути Штернберга) к мифу:

> Как термин само понятие фасцинация, насколько мне известно, впервые появилось в 1959 году, и затем – в краткой статье в «Вопросах языкознания» (1962, № 1). Оценки его значения варьируются от восторженного мнения Ю.М. Лотмана и ряда специалистов в области филологии и культурологии до сдержанных и даже негативных со стороны биологов, генетиков и исследователей теории информации. К моему удивлению, наиболее аргументированные возражения последовали со стороны теоретиков рекламы. Важным событием стал для нас выход из печати в 1946 году труда основоположника сравнительно-типологического метода в фольклористике и одного из предшественников структурализма и семиотики Владимира Яковлевича Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Эта работа Проппа представляла собой дальнейшее развитие его «Морфологии сказки» 1928 года, раскрывшей структуру волшебных сказок: после издания ее перевода в США эта проблема стала одним из наиболее популярных предметов исследования фольклористики и культурологии XX века, а идеи Проппа непосредственно повлияли на развитие структурализма и семиотики.

Забавно, что сам Кнорозов вовсе не считал Проппа «творцом концепций».

К теории сигнализации

Как бы то ни было, подходы Ю.В. Кнорозова постоянно разрушали привычные схемы – в истории, археологии, семиотике, эпиграфике майя.

Возвращаясь к предложенному Ю.В. Кнорозовым «собеседованию по общей теории сигнализации» – расширенному заседанию сектора структурной типологии славянских языков в Институте славяноведения АН СССР, лучше всего привести текст выступления Кнорозова на этом мероприятии, опубликованный М.И. Бурлаковой[181].

СОБЕСЕДОВАНИЕ ПО ТЕОРИИ СИГНАЛИЗАЦИИ[182]

> Сигналом считается только такое воздействие, физическая природа которого никак не связана с реакцией на это воздействие. Разрыв этой

[181] Маргарита Ивановна Бурлакова (Лекомцева) – член московской семиотической группы, специалист по русскому космизму.

[182] *Бурлакова М.И.* Собеседование по теории сигнализации с Ю.В. Кнорозовым / Структурно-типологические исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 283–285.

связи намечается еще в неживой природе, в явлениях катализа, но там он не доходит до полного. В связи с этим Ю.В. Кнорозов предлагает считать обмен информацией через сигналы возможным только в живой природе. Сигнализация в живой природе появляется весьма рано, до разделения на растения и животных (сигнализация в дуальной системе, связанной с размножением).

Сигнализация зависит от той системы, которую она обслуживает. Эта зависимость может быть положена в основу классификации систем сигнализаций.

Все дифференцированные системы можно разделить на три разновидности:
1. Дуальная система, когда все множество делится на два подмножества, которые находятся между собой в определенных отношениях. Всякая клетка подмножества одного пола, попадающая в сферу воздействия клетки из другого подмножества (т. е. разноименного пола), начинает стремиться к источнику воздействия. Здесь сигнализация получает по наследству механизм воздействия, выработанный в неживой природе.
2. Экологическое сообщество. Здесь возможно объединение в рамках одной системы особей разных видов, определяемое экологическими условиями.
3. Объединение особей одного вида в целях добывания пищи, обороны и т. п.
Дуальная система сохраняется во всех других типах.

Сигнализация в экологическом сообществе и объединении развита довольно широко.

Зависимость типа сигнализации от обслуживаемой системы особенно хорошо видна на примере особенностей сигнализации в рамках объединения. У хордовых можно здесь выделить три типа:

а) одиночные связи (тигр с тигрицей на время воспитания детеныша); здесь сигнализация самая бедная;

б) «гарем» (тетерева, куры и т. п.); происходит специализация сигналов (одни сигналы свойственны только самцам, другие – самкам);

в) смешанное объединение (легло в основу и человеческого общества); сигнализация не приобретает такого рода специализации (самец и самка выступают на паритетных началах).

Сигналы передают множество сходных по отношению к данной системе ситуаций. У животных сигнал конкретен, он может быть подан исключительно в данной ситуации: петух не может рассказать курице о тревоге, которая была вчера. Эти сигналы не образуют системы, они не связаны друг с другом (ср. мурлыканье и мяуканье кошки). Но они занимают

строго определенное место в системе «сигнал-действие (акция)». Однако у животных уже намечается процесс превращения этих сигналов, разрозненных, в систему с некоторой степенью организации.

Сигналы 1) начинают дробиться, видоизменяться для обозначения подобных ситуаций и 2) объединяются, появляются соединения сигналов. Так, у кур сигнал тревоги расщепляется на четыре сигнала, обозначая опасность отдаленную и близкую, коршуна и человека. Сигнал призыва, при удваивании, приобретает смысл категорического приказа. У кур имеется до 10 элементарных сигналов, из которых образуется около 20 сигналов. Система крайне экономная.

У человека сигнальный ряд, выражающий акции, отрывается от конкретной ситуации. Сообщение может быть подано независимо от того, когда происходило событие. Поэтому у человека появляется система сигналов, которая приобретает относительную независимость от конкретных ситуаций. Возникает так называемая неотличимость фраз, так как появляется возможность комбинировать сигналы по правилам системы сигнализации, а не по конкретным ситуациям. Можно сказать не только «Волк съел зайца», но и «Заяц съел волка». С помощью языка можно описать ситуации, которые действительно существуют; ситуации, которые возможны, и ситуации, которых не может быть в принципе. Превращение языка в относительно независимую систему создает колоссальные возможности для его использования.

Вторым основанием деления систем классификации является сама система, число элементов, входящих в функциональные связи между ними, степень сложности и организованности системы. При этом наиболее совершенными являются системы со средним числом элементов и некоторой долей беспорядка в системе, дающей ей возможность развиваться.

Третье основание деления систем классификации идет по линии скорости развития системы сигнализации и направлению этого развития. Доходя до определенного состояния, система вдруг резко меняет направление и скорость своего развития. Само развитие системы сигнализации зависит от изменения обслуживаемой системы.

Классификация сигнализаций может быть дана по референту, т. е. по тому, что именно передается сигналом. Здесь возможна широкая градация от раздражителя, где референт и раздражитель сливаются воедино, до разрыва между референтом и сигналом, как в языке, когда имеются случаи с фиктивным референтом.

Системы сигнализации можно классифицировать по несущей волне, по модуляции сигнала. Например, оптический сигнал может быть передан на волне в пределах как видимого спектра, так и его невидимой части.

С прагматической точки зрения системы сигналов разделяются так:

1) От кого кому передается сообщение. Здесь возможны различные комбинации подающего и адресата; они могут быть разделены в пространстве и времени, а их роли подающего и принимающего могут оставаться неизменными или взаимно меняться.

2) Понятен ли сигнал для принимающего, нужна ли дешифровка.

3) Зачем передается сигнал, цель сообщения.

В связи с этим Вяч.Вс. Иванов сказал, что язык необходимо изучать и как средство управления. Ю.В. Кнорозов ответил, что здесь программируется поведение личности. Человек производит какой-то ряд действий с конечной целью – это будет операция. Возможность выбора одной операции из соответствующей группы операций Ю.В. Кнорозов называет ипостасью. Ипостась определяется отношением данного человека к другим членам коллектива. Личность – это комбинация ипостасей, она определяется набором отношений данного человека к его коллективу. Минимальное число ипостасей для современного человека – четыре. Каждая ипостась задает соответствующую программу поведения. Между этими программами возникают отношения иерархии. Для воспитания личности используются, с одной стороны, эталоны, т. е. личности, которым следует подражать, а с другой стороны – инструкторы, которые только объясняют, что и как надо делать.
Чтобы добиться выполнения инструкции или команды, надо преодолеть препятствия двух родов: 1) помехи в канале связи и 2) помехи в анализаторе самого принимающего (например, он настроен на другую программу). Поэтому к вводимой новой информации надо добавить шум в анализаторе, который помешал бы выполнять другие команды и создал бы тем самым благоприятные условия для восприятия именно данной информации. Этот шум в мозгу Ю.В. Кнорозов предложил назвать фасцинацией. Обычно фасцинация комбинируется с информацией на одной несущей волне.

Последовательно они применяются крайне редко (в гипнотических сеансах). Фасцинация обычно использует очень сложные ритмы, чтобы не возникло привыкания в анализаторе. Последний способ классификации, предложенной Ю.В. Кнорозовым, основан на соотношении информации и фасцинации. В акустических системах сигнализаций выделяются следующие типы.

1. Монотонная дикторская речь (максимальная информация, минимальная фасцинация).
2. Умышленно интонированная речь.
3. Декламация – приблизительное равновесие информации и фасцинации.
4. Пение – преобладание фасцинации.
5. Инструментальная музыка – информации нет, только фасцинация.

Для оптических систем:
1. Книжный шрифт.
2. Почерк.
3. Реклама.
4. Станковая живопись.
5. Орнамент.

В том же 1961 году, 23-27 сентября, Ю.В. Кнорозов вновь представил свои разработки, выступив с докладом под названием «Об изучении фасцинации». Его пригласил Вяч.Вс. Иванов, и Кнорозов с большой радостью согласился. Все происходило на заседании «Научного совещания, посвященного применению математических методов в изучении языка художественных произведений», организованного Историко-филологическим факультетом Горьковского университета им. Лобачевского, Группой прикладной лингвистики и машинного перевода Горьковского физико-технического института и Горьковским Домом ученых. Докладом Юрия Валентиновича Кнорозова открылось пятое заседание. Основные тезисы доклада были опубликованы почти сразу в журнале «Вопросы языкознания»[183].

Дух столь знакового совещания в Горьком отчасти передается в воспоминаниях И.И. Ревзина, участника московской семиотической школы, приехавшего слушать в первую очередь Колмогорова[184]. В те годы всем романтично и наивно казалось, что за математикой – будущее всей науки.

> Мне кажется, что совещание по математической поэтике в Горьком было после математического съезда. Я твердо помню, что оно было в октябре... Очень семиотично оно было по духу и по программе. Конечно, это могло объясняться личностью Вяч.Вс., организовавшего совещание и лично представившего четыре доклада. В пользу такой датировки свидетельствует и то, что на совещании была Ира Севбо – моя аспирантка по сектору (впрочем, это могло быть и до ее аспирантства).
>
> Но если это так, то никак не пойму, почему в Горьком не было, кроме меня, никого из сектора. Вяч.Вс. еще работал в ИТМ и ВТ. Были из Москвы еще В.Ю. Розенцвейг, А. Жолковский, Ю. Щеглов, из математиков – Ися Яглом, а также еще А. Прохоров, Н. Рычкова (сотрудники Колмогорова). Из Ленинграда были Ю.В. Кнорозов и Гера Цейтин. Других не помню. В середине совещания появился Зарецкий. С ним я познакомился в обкомовской столовой, куда нас пускали в виду необычной

[183] *Кнорозов Ю.В.* Об изучении фасцинации // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 163.

[184] Андрей Николаевич Колмогоров (Катаев) (1903–1987) – д. физ.-мат. н., академик, один из крупнейших математиков XX в., не столь успешно занявшийся историей. Следуя модной для 1960-х гг. тенденции, применял математические методы в изучении поэзии.

представительности конференции: два академика, а именно А.Н. Колмогоров и Н.И. Конрад, уехавший, правда, в середине конференции.

Все совещание действительно было окрашено личностью Колмогорова. Он вел себя совсем не так, как филологические академики. Он приходил на каждое совещание, слушал все доклады, выступал по каждому из них, задавал вопросы. Из случайного замечания стало ясно, что он очень хорошо заметил чье-то отсутствие на одном из заседаний. Ему очень нравилось в Горьком, и, пожалуй, резкие антипатии внушал лишь Кнорозов. Впрочем, антипатия была вполне взаимной. Гениальный Кнорозов уже тогда почувствовал несерьезность математической эскапады в область гуманитарного знания, хотя внешне роли были распределены обратным образом: в лице Кнорозова самоучка столкнулся с цеховым ученым, противопоставлявшим туманным прозрениям Кнорозова методичность, основательность, а главное – огромный кругозор. Разумеется, я излагаю сегодняшнюю оценку происходившего, тогда я был целиком на стороне Колмогорова. И когда Кнорозов излагал свою теорию фасцинации и Колмогоров, не приемля этого слова, всячески его коверкал, я полностью разделял его рационализм (фактическую сторону спора, я, кажется, достаточно объективно изложил в написанном мною отчете. Этот отчет, добрая половина которого посвящена идеям Колмогорова, репликам Колмогорова, выводам Колмогорова, хорошо передает мое тогдашнее настроение. Кстати, этот отчет – наиболее цитируемое мое произведение, факт весьма многозначительный с точки зрения того, что будет сказано в «Заключении»). Справедливости ради следует отметить, что и Юра Щеглов занял тогда позицию, аналогичную кнорозовской.

Должен сказать, что я и сейчас с большим интересом отношусь к общетеоретическим выводам (для поэтики и лингвистики вообще и, даже шире, для теории моделирования человека), сделанным Колмогоровым из его штудий. Хотя конкретные его стихотворные анализы (в отличие от сделанных как будто по его рецептам Вяч. Всеволодовичем) мне, скорее, не нравятся...[185]

Одним словом, после всех восторгов оказалось, что математические методы в гуманитарных исследованиях обладают весьма прямолинейным, узким и специфическим диапазоном применения. Об этом свидетельствует и полное непонимание Колмогоровым самой темы, представленной Кнорозовым, о чем можно судить даже по не очень вразумительной и не очень уместной реплике Колмогорова, отмеченной Ревзиным[186] в краткой информации о содержании доклада.

Под фасцинацией докладчик понимает такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стира-

[185] *Ревзин И.И.* Воспоминания. Из работ московского семиотического круга. М., 1997. С. 829–830.

[186] *Ревзин И.И.* Научная жизнь // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 163.

ется. В частности, таким фасцинирующим воздействием обладает ритм. Как известно, мозг вырабатывает антирезонансную защиту, поэтому интересно проследить, по каким линиям идет преодоление этой антирезонансной защиты. Докладчик обсудил следующие возможности:

а) действуют три ряда раздражителей, например, равномерное повторение ударных и безударных слогов, повторение рифм, повторение строфических форм;
б) поэт сознательно отходит от заданной метрической схемы;
в) применяются замедления и ускорения.
Далее докладчик обращается к историческому развитию фасцинации, намечая следующие этапы: 1) раздельная подача фасцинирующих и информирующих сигналов; 2) повторение фасцинации в каждом сигнале; 3) единицы фасцинирующего ряда не совпадают с единицами сигнального ряда. Эту мысль докладчик иллюстрировал на примере развития инструментальной музыки, пения и поэзии из первобытного синкретизма. В конце доклада Ю.В. Кнорозов остановился на том, что он называет «семантической фасцинацией». Он считает, что неясность, многозначность описания действует как сильнейшее фасцинирующее средство. Искусство собственно и начинается с семантической фасцинации, с того момента, когда человек сделал великое открытие возможности выдумки. В качестве средства семантической фасцинации выступают выдуманные события и мнимые личности.

По поводу первой части доклада Ю.В. Кнорозова А.Н. Колмогоров заметил, что гипнотическое воздействие ритма – явление известное: целый ряд теоретиков и поэтов говорили о «магии» стиха. Однако в целом европейская культура подготовила более интеллектуальное восприятие ритма. Чтение стиха есть интеллектуальная деятельность, и это доказывается хотя бы тем, что в физическом звучании речи словоразделы, как правило, не обозначены, в то время как они играют существенную роль при восприятии стиха. То же касается ударений, природа которых весьма разнородна. Другим примером интеллектуализации может служить рифма у Маяковского.

А Кнорозов со студенческих времен мечтал решить главный вопрос: как зоологическое сообщество трансформируется в слаженный человеческий коллектив – развивающуюся систему. И каково во всем этом процессе место «специального контингента» – шамана или его преемника. Какая во всем этом роль отводится сигналам? Вяч.Вс. Иванов вспоминал:

Шаманизм ему был нужен как часть некоторой общей концепции. Теперь он сам, Валя Берестов в меньшей степени, и Гумилев Лев Николаевич что-то говорили об их совместных занятиях, было что-то вроде семинара Кнорозова, закрытого абсолютно для публики, и о котором они все молчали – и правильно делали. Тема семинара была «Закрытые общества типа мужских союзов и партий». Кнорозов мне

кратко изложил результаты и сказал, что, обсудив разные мужские союзы, объединения типа иезуитов и так далее, они пришли к выводу, что есть две наиболее совершенные формы организации – одна это большевистская партия, другая – это мормоны в Америке. Я об этом часто вспоминал в Америке, потому что действительно до сих пор мормонов считают исключительно эффективной организацией...

Попробуем проследить путь формирования магистральной концепции Кнорозова – от появления сигнала до коллектива.

В юности Юрия увлекали не только загадки истории, но и проблемы гипноза и психиатрии. Если судить по уже очерченному кругу научных интересов, он явно был знаком с ключевыми темами, которыми занимался психиатр Владимир Михайлович Бехтерев, предлагавший обратить на эти темы внимание историкам и социологам. Его аргументом было то, что «иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, может быть, даже несоответствующее объяснение»[187]. Сюжеты, касающиеся общественного сознания и формирования личности и оказавшие, по всей видимости, большое влияние на Кнорозова, изложены в работах, опубликованных В.М. Бехтеревым на рубеже XIX–XX в.[188]

Как бы то ни было, заканчивая в 1938 году медицинский техникум, Юрий Кнорозов всерьез мечтал продолжить обучение на медицинском факультете Харьковского университета у ученика В.М. Бехтерева, тоже психиатра и психоневролога, Константина Ивановича Платонова — основателя харьковской школы психотерапии, внесшего огромный вклад в понимание сущности гипноза. Однако неожиданно занялся историей.

Под руководством С.А. Токарева Юрий начал специализироваться по теме «первобытная религия», а в экспедиции С.П. Толстова уже на практике изучал шаманский зикр, ставший темой его дипломной работы.

Но совершенно очевидно, что Юрия уже тогда интересовала не столько традиционная этнография, сколько работа головного мозга человека в измененных состояниях сознания, а также проявления коллективного религиозного психоза. Зикр он наблюдал с бесстрастием психиатра, не поддаваясь на очевидные приемы шамана подчинить студента своему влиянию и напугать. Уже чувствуется знакомство Кнорозова со статьей В.М. Бехтерева «Роль внушения в общественной жизни», где гениальный психиатр детально анализирует известные в истории случаи массовой религиозной истерии, галлюцинаций и психопатических эпидемий, а также поведение людей в обычных религиозных практиках.

[187] *Бехтерев В.М.* Роль внушения в общественной жизни. Избранные труды по психологии личности: В 2 т. Объективное изучение личности. СПб., 1999. С. 218.

[188] Эти ключевые работы переизданы спустя практически столетие: Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. Т. 1–2. СПб., 1999.

Владимир Михайлович Бехтерев

Однако, как показывают воспоминания Кнорозова и его современников, а также анализ документов того времени, еще будучи студентом-третьекурсником (но уже исследователем) в том самом 1943 году он интересовался иной проблемой и свою главную задачу видел в разработке «теории коллектива», предполагавшей выявление законов, по которым строится, развивается и управляется человеческое сообщество.

И вновь мы видим признаки того, что Кнорозов обращается к работам Бехтерева, в частности – к публикации «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки»[189]. В ней Бехтерев полемизирует с А. Копельманом[190]. Последний использует термин «коллектив» для обозначения «общественного единства» или множества таких «единств в цивилизованных народах» и понимает под коллективом «всякую групповую единицу, объединенную происходящим в ней процессом установления психического единства», «слияние психик», «образующих единую коллективную душу»[191]. Сам же Бехтерев придерживается общепринятого понятия «общество», по определению предполагающего «внутреннюю связь между отдельными лицами». Дискуссия по поводу этой идеи оказалась продуктивной. Так, у К.Г. Юнга очень скоро появится идея «коллективного бессознательного» (этот термин он применит в 1916 г. в статье «Структура бессознательного»), а несколько позже Л.Н. Гумилев разработает «пассионарную теорию этногенеза», или «теорию пассионарности» как движущей силы истории[192].

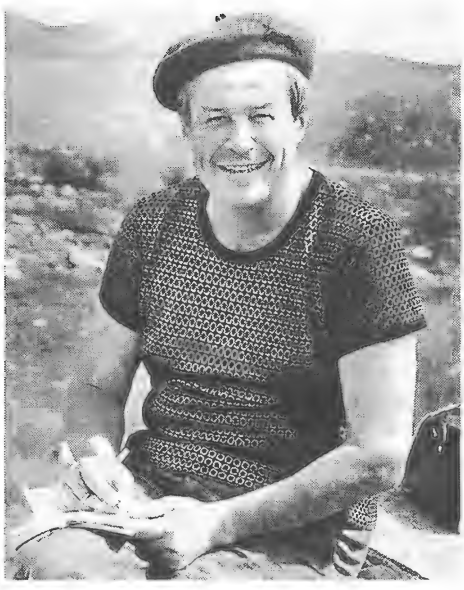
Ю.В. Кнорозов также не оставил дискуссии психиатров без внимания, но применительно к «теории коллектива». В своих размышлениях он отталкивался от примеров племенных мужских союзов, которые по мере развития цивилизации трансформировались в закрытые сообщества, претендовавшие на власть и манипулировавшие народом при помощи различных психотехник и коммуникативных приемов. Как писал В.М. Бехтерев, «в задачи общественной психологии должно входить выявление того, как в массе лиц, составляющих одно общество, проявляется эмотивный элемент, т. н. настроение и аффекты, а

[189] Доклад на открытии психологической секции совета Психоневрологического института 20 февраля 1910 г.

[190] *Копельман А.* Чем должна быть коллективная психология? Введение к работам по коллективной психологии. Одесса, 1908.

[191] *Бехтерев В.М.* Роль внушения в общественной жизни... С. 79.

[192] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.



Валерий Павлович Алексеев

равно и общественная впечатлительность, как проявляется ассоциативная и интеллектуальная деятельности масс лиц, соединенных в одно общество, и в каких формах обнаруживается действие массы тех же лиц»[193].

На молодого Кнорозова явно оказала влияние и статья Бехтерева «Роль внушения в общественной жизни»; в ней автор приходит к выводу, что «внушение является важным социальным фактором, который играет видную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни целых народов... Можно сказать, что вряд ли вообще совершалось в мире какое-либо из великих исторических событий, в котором более или менее видная роль не выпадала бы на долю внушения или самовнушения». Примерами реализации сообществ, сумевших подчинить себе при помощи внушения определенных идей большие группы и целые народы, молодой Кнорозов считал такие исторически успешные организации, как орден иезуитов, церковь мормонов и, наконец, КПСС, о чем вспоминал не только Вяч.Вс. Иванов, но и Пятигорский, и Берестов, а также знали племянники и коллеги, включая меня.

«Закон Геккеля»

Еще одна исключительно важная тема, которой он активно интересовался со студенческих лет, это «закон Геккеля», согласно которому онтогенез повторяет филогенез, т. е. развитие человека повторяет антропоценоз. Если совсем просто – каждый человек, каждый из нас от момента зачатия до полного развития проходит все эволюционные стадии. И человеком становится только в коллективе. Поэтому в забавной книге К. Чуковского «От двух до пяти» он увидел кладезь идей для понимания схемы становления человеческого мышления и языка. И именно поэтому определил ее как «глубоко научную книгу, где все написанное – аксиомы человековедения». Но и данный сюжет явно перекликается со статьями Бехтерева, в частности – со статьей

[193] *Бехтерев В.М.* Предмет и задачи общественной психологии... // Он же. Роль внушения в общественной жизни... С. 85.

«Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении»[194], где он анализирует возрастную эволюцию детского рисунка (объекты и способы передачи образов, соотношение пропорций, появление перспективы), проводя исследование на примере своих дочерей и детей знакомых, начиная с рисунков самого раннего возраста до вполне сложившегося «взрослого» изображения, а затем сопоставляет детские рисунки с рисунками психически больных людей, с «доисторическим» искусством, находя общие приемы и подходы.

В.М. Бехтерев первым предположил, что биогенетический закон рекапитуляции Геккеля можно использовать для характеристики не только биологических подсистем, но и социальных. Антрополог В.П. Алексеев, ссылаясь на работу биолога И.И. Мечникова о рудиментах человеческой психики[195], отмечал:

> Такой подход уже имеет свою историю... Теоретическим основанием для подобного перехода является распространение на психическую сферу закона рекапитуляции Бэра–Дарвина–Геккеля–Мюллера. Эта закономерность обнаруживает ряд исключений уже в морфологической сфере. Тем более очевидна сложность реконструкции этапов и последовательности филогенетического развития с опорой на этапы онтогенеза в сфере психики. Методически верно, видимо, ограничиваться пока лишь элементарными мыслительными структурами и непременно корректировать реконструкцию хронологии и образования в антропогенезе археологическими, а иногда палеоэтнологическими данными[196].

Ю.В. Кнорозов, безусловно зная работы и В.М. Бехтерева, и И.И. Мечникова, обратился к закону рекапитуляции применительно к анализу развития и деятельности головного мозга человека. Он особенно выделял 6-летний возраст, отражавший качественно новый этап в онтогенезе – развитии человека. С этого возраста ребенок начинает самостоятельно управлять своим поведением на основе вербально обобщенной предварительной инструкции, его речь становится полноценной. Известно, что если до шести лет ребенок не имел возможности овладеть речью, то эта способность, как и способность выполнения многих других полноценных интеллектуальных функций, закрывается для него навсегда. В изобразительном творчестве этот этап связан с возникновением перспективы. Кнорозов полагал, что этому этапу онтогенеза на уровне филогенеза соответствует этап возникновения раннегосударственных образований.

Юрий Валентинович поручал всем своим коллегам собирать детские рисунки с непременным указанием возраста и пола ребенка. У меня до сих пор хранится папка с детскими рисунками, которую я не успела ему передать. Эта тема, как и развитие тезисов Бехтерева,

[194] *Бехтерев В.М.* Роль внушения в общественной жизни... С. 99–150.

[195] *Мечников И.И.* Рудименты человеческой психики в некоторых физиологических и психических актах // Мир божий. № 11. 1904. С. 1–17.

[196] *Алексеев В.П.* Становление человечества. М., 1984. С. 257–258.

воплотилась отчасти в его статье о палеолитических изображениях[197]. Исследователь применил «закон Геккеля» к интеллектуальному развитию, дополнив тезисом об «обратно-пропорциональной скорости процессов рекапитуляции» – то есть на ранних этапах эволюции все течет чрезвычайно медленно, а по мере развития убыстряется. А у человека наоборот – все предыдущие эволюционные фазы, особенно у эмбриона, пролетают очень быстро, а потом приобретение новых признаков замедляется. Здесь для него особый интерес представляли выводы Бехтерева о том, что внушение в детском возрасте обладает мощнейшим влиянием на личность человека всю его жизнь. По мере взросления степень воздействия внушения на развитую личность существенно снижается. Чем примитивнее и неразвитее личность, тем в большей степени она остается подверженной внушению. Рассмотрев это качество с позиций «закона Геккеля», можно сделать выводы о том, каким образом в древности коллектив безоговорочно подчинялся воле лидера или мужской организации, тайного союза. Позиции Кнорозова перекликаются с позициями Бехтерева, запечатленными в статье «Внушение и воспитание»: «Вряд ли нужно здесь входить в подробности того, чем обуславливается вообще детская впечатлительность и поразительная детская внушаемость. Достаточно сказать, что основой ее, как надо думать, являются, с одной стороны, недостаточно развитые задерживающие механизмы в центрах и с другой — недостаточная опытность, отсутствие прочно сложившегося мировоззрения, а также слаборазвитая критическая способность детей, благодаря чему они легко принимают на веру то, что взрослые встречают с критикой рассудка. В помощь этому служит также привычное признание авторитетности за старшими, действия и слова которых обычно и служат предметом детской подражательности и внушения»[198].

Признанное в истории явление патерналистского общества может быть воспринято как своеобразное социальное проявление «закона Геккеля», что, по-видимому, ощущал и сам Бехтерев (неслучайно его статьи при публикации следуют единой говорящей логике: «Первоначальная эволюция детского рисунка...», «Внушение и воспитание», «Роль внушения в общественной жизни», написанная ранее других, в 1898 г., наподобие некой программы для дальнейшего развития).

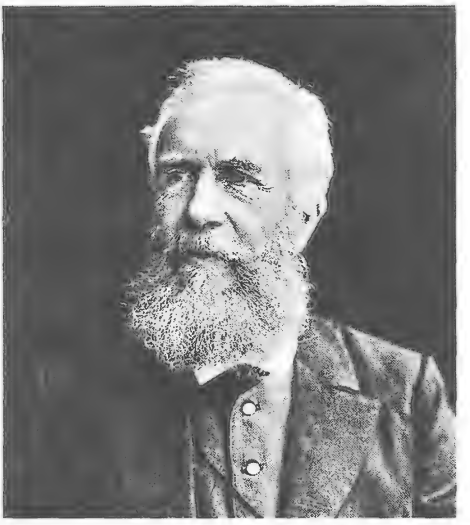
Ключевой темой для Юрия Валентиновича оставалось функционирование головного мозга человека во всех его аспектах. Похоже, что он отталкивался от темы гипноза, ориентируясь на работы В.М. Бехтерева и К.И. Платонова. С этой подачи он и занимался «целительством» в юности, и проводил эксперименты с племянницей.

---

[197] *Кнорозов Ю.В.* К вопросу о генезисе палеолитических изображений // Советская этнография. 1976. No. 2. С. 99–102.

[198] *Бехтерев В.М.* Внушение и воспитание // Он же. Роль внушения в общественной жизни... С. 158. (Доклад на 1-м международном Педагогическом конгрессе в Брюсселе в августе 1911 г.).

Вероятно, не без влияния собственного опыта участия в шаманском зикре Кнорозов пришел к формулировке концепции фасцинации, или завораживания. Термин, вероятно, взят из классического примера в области этологии на французском языке: «удав фасцинирует соловья». Первое использование термина в психиатрии XIX в. подразумевало под фасцинацией «сосредоточение взгляда гипнотизируемого на гипнотизирующем или на специальном предмете (блестящий металлический шарик)», с чем перекликается выражение «уставиться как завороженный».



Эрнст Генрих Геккель

При публикации одной из первых совместных статей[199] Юрий Валентинович предложил мне найти наиболее адекватный перевод термина «фасцинация», так как стремился избегать изобилия иноязычных терминов (следуя своей же концепции фасцинации). Вариант «завораживание» был им одобрен и использовался в дальнейшем.

Это состояние привлекало его, так как позволяло понять внутренний механизм подчинения человека или группы людей индуктору без явного навязывания особых состояний. Толчком для теоретического развития темы послужили, по всей видимости, те же статьи В.М. Бехтерева, где он рассуждает на тему «внушения», которое не всегда сопряжено с классическим гипнозом и происходит «незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере»[200]. Бехтерев приходит к выводу: «...есть полное основание думать, что это применение происходит исключительно при посредстве органов чувств»[201]. Далее следует пассаж, перекликающийся с интересами Кнорозова и касающийся «передачи мыслей на расстоянии»; его Бехтерев заканчивает мыслью о том, что при «настоящем состоянии наших знаний» эта практика «является совершенно недоказанной»[202]. Он делает вывод: «Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи идей на рас-

[199] *Ершова Г.Г., Кнорозов Ю.В.* Прорицание жреца // Латинская Америка. 1983. № 3. С. 123–137.

[200] *Бехтерев В.М.* Роль внушения в общественной жизни... С. 176.

[201] Там же. С. 177.

[202] Там же.

стоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться теми же путями, как передается вообще влияние одного лица на другое, т. е. при посредстве органов чувств»[203]. Далее он перечисляет: слух и зрение (словесное внушение, мимика и жесты, «зрительное внушение»), «осязательное и мышечное чувство», «органы обоняния и вкуса», «передачу патологических явлений» (аффекты и настроения), включая панику как выражение инстинкта самосохранения. В статье о воспитании Бехтерев объясняет, как ребенок неосознанно поддается влиянию и поведенческой коррекции через воздействие живописи, музыки, литературы и подражание примерам поведения.

Наконец, он развивает свою мысль до действий воодушевленной толпы:

> Почему толпа движется, не зная препятствий, по одному мановению руки своего вожака, почему она издает одни и те же клики, почему действует в одном направлении, как по команде? Этот вопрос занимал умы многих авторов, вызывая довольно разноречивые ответы. ...Не может подлежать никакому сомнению могущественное действие в толпе взаимного внушения, которое возбуждает у отдельных членов толпы одни и те же чувства, поддерживает одно и то же настроение, укрепляет объединяющую их мысль и поднимает активность отдельных членов до необычайной степени. Благодаря этому самовнушению отдельные члены как бы наэлектризовываются, и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только этим путем, путем взаимовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления. Одним из примеров таких исторических подвигов народных масс, воодушевленных общей идеей, может служить взятие Бастилии...[204]

И опять фасцинация

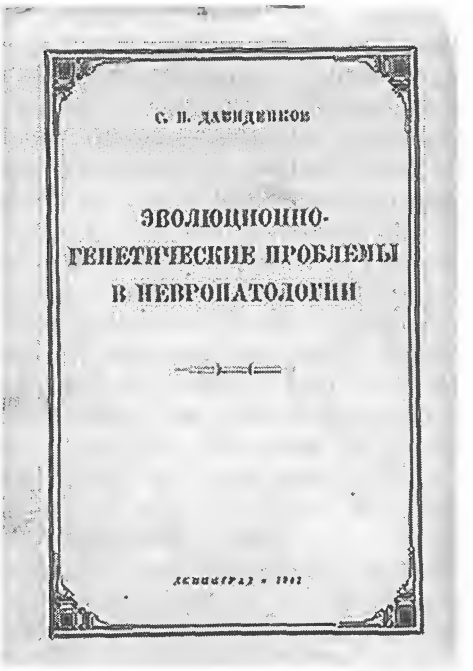
Кнорозов не мог оставить без внимания столь важный феномен коллективной психической деятельности человека, который он связывал с идеей фасцинации. Поразительно, как опубликованные в 1962 году тезисы о фасцинации в полстраницы превратились в современном информационном пространстве в объект обсуждения на уровне глобальной теории.

Повторим основные тезисы того доклада: «Под фасцинацией докладчик понимает такое действие сигнала, при котором ранее

[203] Там же.

[204] *Бехтерев В.М.* Роль внушения... С. 215.

принятая информация полностью или частично стирается. В частности, таким фасцинирующим воздействием обладает ритм». Кстати, совсем неслучайно в эволюции человека сначала появляется ритмическая зона, а за ней «включается» расположенная рядом в левом полушарии – речевая. И далее: «Как известно, мозг вырабатывает антирезонансную защиту, поэтому интересно проследить, по каким линиям идет преодоление этой антирезонансной защиты: а) действуют три ряда раздражителей, например равномерное повторение ударных и безударных слогов, повторение рифм, повторение строфических форм; б) поэт сознательно отходит от заданной метрической схемы; в) применяются замедления и ускорения».



Книга, оказавшая большое влияние на взгляды Кнорозова

Кнорозов неслучайно ассоциирует свой доклад с поэзией – это была заданная тема той конференции. Стоит напомнить, что стихотворный ритм на протяжении очень долгого времени устной передачи информации являлся лучшей мнемонической системой. И даже в XVIII в. научные произведения иногда продолжали составлять в стихотворной форме. Это, кстати, то самое, чего вообще не понял Колмогоров. Как и не понял, попытавшись заняться историей, что каждая наука имеет свою собственную систему доказательности. Хотя в свое время видный историк проф. С.В. Бахрушин попытался деликатно объяснить ему, что «в исторической науке каждый вывод должен быть обоснован несколькими доказательствами». Но тип мышления Колмогорова не позволил ему уйти от однолинейности. В этом смысле в математике все гораздо проще – в этой науке, по словам самого великого математика, «для окончательного вывода достаточно одного доказательства».

Однако вернемся к куда более интересному докладу Кнорозова и его определению этапов исторического развития фасцинации: «раздельная подача фасцинирующих и информирующих сигналов; повторение фасцинации в каждом сигнале; единицы фасцинирующего ряда не совпадают с единицами сигнального ряда». Эти этапы иллюстрировались на примере развития «инструментальной музыки, пения и поэзии из первобытного синкретизма». И, наконец, «семантическая фасцинация» – «неясность, многозначность опи-

сания», которые воздействуют как сильнейшее фасцинирующее средство. И тут Кнорозов предвосхитил исследования в области функциональной асимметрии головного мозга, которые показали, что возникновение рационального левополушарного мышления позволяет создавать ложные образы и ситуации. Как точно определил Кнорозов, «искусство собственно и начинается с семантической фасцинации, с того момента, когда человек сделал великое открытие возможности выдумки. В качестве средства семантической фасцинации выступают выдуманные события и мнимые личности».

Таким образом, Кнорозов, вводя понятие «фасцинация», вскрыл сущность механизма формально внегипнотического (без введения в состояние сна) внушения определенного рода действий путем неосознанного стирания контроля у реципиента. О механизмах этого явления с точки зрения психиатрии писал и Л.П. Гримак, талантливейший психиатр и психотерапевт, ученик К.И. Платонова[205].

Вяч.Вс. Иванов прекрасно понимал значимость идей и работ Кнорозова, который принципиально не хотел вписываться в чужые, по его словам, «сборища» – ни в какую «семиотическую школу». Воспоминания Иванова все время возвращаются к его попыткам в отношении Кнорозова куда-нибудь его вписать, чтобы гениальные идеи получили должное признание:

> Фасцинация была частью его большой идеи коммуникации, которая мне тоже очень нравилась, и я внушал нашим семиотикам в частности, Юрию Михайловичу Лотману, что вот это действительно то, что мы хотим и должны иметь в нашей сфере. Поэтому на одном из наших семиотических мероприятий Лотман пригласил Кнорозова, и Кнорозов прочитал доклады или лекции о своем понимании коммуникации. Лотман отнесся с большим вниманием. Где-то написал, что он раньше не понимал, а теперь понимает, что именно делает Кнорозов, и что это важно – теория коммуникации. Опять-таки, общая теория коммуникации нам известна в той маленькой области, которая касается семиотики письма, ну и этнической семиотики.

Особенности работы головного мозга человека интересовали Кнорозова и с иной точки зрения, хотя также сопряженной с фасцинацией. Речь идет о еще одной важной теории Юрия Валентиновича — «теории сигнализации». Исследователь анализировал основы речи: как и на каком этапе формируется сдвоенный сигнал, позволяющий создать неограниченный коммуникативный репертуар. В этом он шел параллельным курсом с теми, кто разрабатывал бинарные методики компьютерной информатики, и с последо-

[205] *Гримак Л.П.* Бодрствование как активная фаза гипноза / Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. Материалы международной научной конференции. М., 2012. С. 327–340.

вателями возникшего в 1960-е гг. направления психофизиологии, связанного с асимметрией головного мозга. На основе этого «неисторического» научного направления Кнорозов создал «теорию сигнализации», предложив в основополагающей статье «К вопросу о классификации сигнализации» схему формирования нового типа сигнала левым, систематизирующим пространство и время, полушарием головного мозга[206]. В кратком изложении его позиция выглядит следующим образом.

> Информационное пространство начинает формироваться и усложняться в соответствии с принципом дуальной оппозиции за счет сдваивания сигнала (при единых исходных условиях наличия у homo sapiens около 40 фонем: гласных и согласных), что позволяет резко увеличить коммуникативную возможность. Все системы неживой и живой природы подчиняются общим закономерностям, действующим во Вселенной («универсальной системе»); одна из них, присущая всем системам, — тенденция к развитию от низших форм к высшим. Развитие можно интерпретировать как приобретение данной системой в определенной степени некоторых свойств «универсальной системы». Ассоциация людей не является дальнейшим развитием или высшей формой объединения животных, а представляет собой следующий тип дифференцированной системы, т. е. объединение объединений. Сигналы, возникающие в ассоциации для координации действий ее членов, можно рассматривать как частный случай физического воздействия. Расчленение ситуации на триаду субъект-действие-объект потребовало увеличения количества сигналов. Это увеличение пошло по пути их сдваивания, что в свою очередь привело к созданию сигнализации принципиально нового типа — языка, с его громадной избыточностью. Кроме того, расчленение ситуации обусловило возможность моделировать ее, т. е. сообщать о ситуации, которая была бы такой, которая могла бы быть, а также о ситуации, которой вообще не может быть. В связи с этим основной функцией языка становится моделирующая (помимо прежней – коммуникативной). Мышление (внутреннее немое воспроизведение сигнального ряда) в основном является моделированием ситуаций[207].

Ю.В. Кнорозов увязывает синхронное становление речевой функции с развитием абстрактного моделирующего мышления и усложнением человеческой деятельности и формированием коллектива (сообщества), действующего в направлении единой цели. По его мнению, возникновение формы коммуникации, отражающей принципиально новую модель деятельности головного мозга (когда сигнал не привязан к немедленной реакции и даже передает ситуации, которых не может быть в принципе), является главным признаком выделения человеческого коллектива из зоосистемы.

[206] *Кнорозов Ю.В.* К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. М., Наука, 1973. С. 324–334.
[207] *Кнорозов Ю.В.* К вопросу о классификации сигнализации. С. 328.

От фасцинации к «теории коллектива»

Примечательно, что, несмотря на заслуги в области дешифровки письма майя, Ю.В. Кнорозову приходилось формально оправдывать свои занятия головным мозгом. Он сам мне объяснял, что «прикрытием» этих исследований становится участие в деятельности Совета при Президиуме АН по комплексной проблеме «Мозг». Кстати, многим и сейчас непонятны связи между интересовавшими его областями знаний. Хотя даже такая «американистская» проблема, как заселение Америки, на самом деле работала совсем на иную цель: Кнорозову было интересно, как возникала и развивалась цивилизация в условиях изоляции от привычных культур Старого Света, где все феномены восходят к общим индоевропейским корням, поскольку доказательно вычленить какой-либо автохтонный культурный или лингвистический элемент в этом регионе невозможно[208].

Если попробовать выстроить схему, по которой Кнорозов шел к реализации своей главной задачи, то выйдет примерно следующее:

ТЕОРИЯ КОЛЛЕКТИВА		
МОЗГ		ФОРМА КОЛЛЕКТИВА (дуальная)
ЗАКОН ГЕККЕЛЯ (онтогенез-антропогенез)		
ИСС	СИГНАЛИЗАЦИЯ	Живая система: организм
ритмика	коммуникация	– объединение
гипноз	информация	
внушаемость	ритмика	Типы систем:
фасцинация	подражание	1) множество = 2
– звуковая	речь	подмножества
– музыкальная	жест	2) экосообщество
– речевая	изображение	разных видов
– зрительная	язык, независимое развитие	3) объединение
– семантическая	поэзия, ритмика, музыка	особей одного вида в единой цели

В рамках мультидисциплинарного исследования возможно обозначить конкретные объекты, темы, области научных интересов, над которыми работал Ю.В. Кнорозов, обращаясь к междисциплинарности в той или иной мере, без учета приоритетов:

[208] *Кнорозов Ю.В.* К вопросу о связях доколониальной Америки со Старым Светом // Латинская Америка. 1986. № 1. С. 84–98.

ОБЛАСТИ НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ Ю.В. КНОРОЗОВА		
Теория коллектива	Работа головного мозга	Детский рисунок
Теория систем	Сигнализация	Знаковые системы
Развитие цивилизации	Коммуникация	Знак
История	Семантика	Письмо
Этнография	Семиотика	Иероглифическое письмо
Этногенез	Дуальность	Дешифровка древних систем письма
Антропология	Психофизиология	Циркумпацифика
Эволюционная теория	Психиатрия	Курильские острова
Закон Геккеля	Измененное состояние сознания	Использование ЭВМ
Биология	Фасцинация	Математический анализ
Этология	Гипноз	Астрономия и астрофизика
Лингвистика	Религиозное сознание	Военное дело
Культурология	Религиозные практики	Археология
Племенные организации	Письмо	Почерковедение
Репродукция	Живопись	Криминалистика
Модель мира	Поэзия	Палеография
Формирование коллектива	Музыка	Каллиграфия
Заселение Америки		

Неслучайно об энциклопедизме Кнорозова говорят все, кто был с ним знаком, в частности Валерий Иванович Гуляев:

> Хочу развеять здесь и один устойчивый миф, касающийся Юрия Валентиновича. Обычно люди, имеющие хоть какое-то отношение к изучению прошлого Америки, при упоминании имени Кнорозова говорят: «Конечно, знаем, он тот, кто расшифровал и прочитал письменность древних майя». И это истинная правда! За одно только это эпохальное достижение его имя достойно находиться в «Золотой книге» американистики. Но мало кто знает, что Юрий Валентинович был подлинным энциклопедистом во многих областях знания: математиком, лингвистом, этнографом, историком и даже археологом. Именно такое сочетание широты и профессионализма при решении поставленных научных задач и приносило ему неизменный успех в исследованиях.

Однако Кнорозов не успел закончить свою главную работу — теорию коллектива. Уж слишком объемная это задача. Она осталась лишь в кратких, на одну страничку, планах и устных комментариях. Но неслучайно, когда я в начале 1990-х, помимо майя, занялась темой неошаманизма в обезумевшей от утраты ориентиров Москве и заинтересовалась происхождением религиозного сознания, а в 1997 году перешла к теории самоорганизации антро-

посистемы[209], Юрий Валентинович отнесся к этому, неожиданно для меня, с очень большим интересом. Всегда читал и одобрял тексты, спрашивал, что у меня нового «из леволапости» – так он именовал функциональную асимметрию. Но никогда не комментировал, что я фактически повторяла его путь: начав с шаманских практик, уперлась в проблему головного мозга. Начала сотрудничать с психиатрами, что позволило познакомиться с появившейся в 1960-е годы проблематикой «функциональной асимметрии головного мозга». Это случилось благодаря Л.П. Гримаку, т. е. ученику К.И. Платонова, у которого в свое время мечтал учиться Ю.В. Кнорозов. Все эти совпадения открылись уже после смерти и Кнорозова, и Гримака. Кроме того, я ушла от столь модной в 1960-е идеи «бинарности» в пользу «троичности», открывающей путь развитию. Таким образом, принцип функциональной асимметрии головного мозга, дополняемый третьим элементом – морфологией, – позволил мне выстроить свою теорию самоорганизации антропосистемы[210].

И вот я теперь гадаю: почему так получилось и что это было – случайность, совпадение? Или же использование механизма той самой фасцинации – завораживания, подчинившее человека (то есть меня) индуктору (то есть Учителю) «без явного навязывания особых состояний»? В любом случае, решение проблемы «теории коллектива» было продолжено...

[209] См.: *Ершова Г.Г.* Феномен «общего» в культурах Старого и Нового Света // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Вып. 3. СПб., 1996; Она же. Становление речи и создание древним человеком модели мира // там же; Она же. К проблеме симметрично-асимметричной организации мозга в контексте антропогеоценоза // Мир психологии. 1999. № 1. С. 63–74; Она же. Асимметрия функций как механизм самоорганизации усложняющихся систем (К проблеме самоорганизации антропосистемы) // Пространства жизни. К 85-летию академика Б.В. Раушенбаха. М., 1999. С. 323–353.

[210] *Ершова Г.Г.* Асимметрия зеркального мира. М., 2003.

ГЛАВА 12
И ОПЯТЬ ЭТНИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА[211]

Не оторваться нам от библио́тики,
Лишь только в группе семиотики
В глазах прозрения лучи,
Куют отмычки и ключи,
И смысла расцветают розы,
Где руку приложил Кнорозов

Если судить по хронологии публикаций Кнорозова, то после выхода монографии 1963 года он концентрируется на работе группы по дешифровке протоиндийской письменности, продолжает заниматься письмом острова Пасхи, а также готовит к печати статьи с материалами, основанными на текстах майя: серия «Заметки о календаре майя», «История Юкатана», «Пантеон древних майя». В этих сюжетах раскрываются его идеи в области этнической семиотики, к теоретическим проблемам которой он обратится несколько позже[212]. Но очевидно, что работа над каждой из тем, возникших при чтении и переводе древних текстов, определяла собственный набор интегрированных дисциплин, которыми приходилось заниматься, вскрывая и разделяя общее и индивидуальное в духовных воззрениях этносов, разъединенных географически и имевших независимое развитие. Эти выводы, исключавшие традиционное для Старого Света клише о «культурной преемственности» или «индоевропейском происхождении» любого непонятного феномена, стали возможны благодаря этносемиотическому анализу и привлечению для сравнительного анализа широкого пласта доколумбовых культур Нового Света.

---

[211] Эта глава написана при участии Алехандро Шесеньи, мексиканского исследователя творчества Ю.В. Кнорозова.

[212] Подробно проблема этнической семиотики в творчестве Ю.В. Кнорозова рассмотрена в публикации: *Ершова Г.Г., Шесенья А.* Этническая семиотика: Междисциплинарная проблема // Стены и мосты: История возникновения и развития идеи междисциплинарности. М., 2015. С. 19–40.

Как известно, семиотика – в качестве науки, исследующей знаки и знаковые системы, – возникла достаточно давно. Ее острую необходимость почувствовал уже в XVII в. английский философ Джон Локк, дав первое определение как «учение о знаках», предполагая, что в задачи семиотики входит выявление природы знаков, используемых человеком «для понимания вещей или для передачи своего знания другим». Причем сделано это было в главном для Локка труде «Опыт о человеческом разумении»[213], где автор пытался понять и объяснить происхождение познавательных способностей человека. В XIX веке семиотикой занялся также философ Чарльз Пирс, который сформулировал основы новой науки[214]. Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр также обратился к этой проблеме, введя термин семиология, который заимствовал у Эмиля Литре, использовавшего его для медицины. Именно Соссюр, ориентированный на структурализм, ввел дифференциацию означаемого и означающего, что имело принципиальное значение, поскольку терминами было разделено, с одной стороны, конкретное выражение на языке (означающее) и, с другой, понятие (означаемое), являющееся универсальным[215]. Собственно, все размышления вокруг семиотики на протяжении нескольких десятилетий выстраивались на сопоставлении и противопоставлении триадической модели Пирса диадическим моделям Соссюра.

В 1958 году Клод Леви-Стросс опубликовал своего рода программную монографию «Структурная антропология», к которой затем был добавлен отдельный раздел под названием «Место антропологии среди социальных наук и проблемы, возникающие при ее преподавании»[216]. Леви-Стросс как сторонник системного подхода обосновывал необходимость междисциплинарного подхода в антропологии, представляя антропологию в целом в качестве «семиотической науки». Проводя сопоставления с такими вполне объективными науками, как экономика или демография, методы которых сближают их с точными и «естественными науками», Леви-Стросс отмечал, что «антропология же в этом отношении оказывается скорее ближе к гуманитарным наукам. Она хочет быть семиотической наукой, решительно оставаясь на уровне значений. Именно это и является еще одной причиной (наряду со многими другими) поддержания тесного контакта антропологии с лингвистикой, тоже стремящейся по отношению к тому социальному явлению, каковым является язык, не отрывать объективные его основы, образу-

[213] *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. Философское наследие. Т. 93. М., 1985.

[214] Первое издание: Peirce, C. S. Studies in Logic by Members of the Johns Hopkins University. Boston, 1883. Peirce, Charles Sanders. La ciencia de la semiótica. Buenos Aires, 1974. На русском языке работы Пирса издавались крайне мало и в не очень качественном переводе.

[215] Saussure F. de, Cours de lingüistique générale. Paris. éd. Payot, 1913. На русском языке было издано: *Соссюр Ф., де.* Труды по языкознанию. М., 1977.

[216] *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001. С. 358–401.

ющие звуковой аспект, от его значимых функций, образующих аспект смысловой»[217]. Нащупывая пути и междисциплинарные связи, интегрированные в антропологию, Леви-Стросс отмечает: «Таким образом, мы видим, что антропология сегодня оказывается на странном перекрестке наук. Она должна стать объективной, поскольку ей необходим некий общий язык для передачи разнородного социального опыта, а потому она обращается к математике и символической логике...

Во-вторых, антропология, будучи наукой семиотической, обращается к лингвистике по двум причинам: потому, что только знание языка позволяет проникнуть в систему логических категорий и нравственных ценностей, отличающуюся от подобной же системы наблюдателя; и потому, что лингвистика лучше, чем любая другая наука, может обучить способу переходить от рассмотрения элементов, лишенных сами по себе значения, к рассмотрению семантической системы и показать, каким образом эта система может создаваться с помощью элементов первого рода. Возможно, это является, прежде всего, проблемой языка, но после него и через него – проблемой всей культуры в целом»[218].

Именно так была обозначена междисциплинарная проблема, открывавшая огромное исследовательское поле и возможность появление новых направлений. Термин «этническая семиотика» был введен Ю.В. Кнорозовым. Это произошло еще задолго до того, как в 1980 году в Ленинградской части Института этнографии АН СССР официально появилась Группа этнической семиотики. До ее официального учреждения группу именовали «Группа по дешифровке забытых систем письма у ряда народов мира».

Формировавшаяся концепция этнической семиотики являлась для Кнорозова неким ответвлением «теории коммуникации» – по той причине, что любая знаковая система имеет смысл только в присутствии пользователей этой информации, понимающих знаковую кодификацию. Теоретические подходы к возникновению коммуникации в коллективе были опубликованы Кнорозовым в специальном сборнике «Основные проблемы африканистики», что было отчасти обусловлено необходимостью поиска изданий, готовых предоставлять место для его теоретических выкладок. После ухода Толстого и затем Аверкиевой с поста главного редактора журнала «Советская этнография» у Кнорозова возникли проблемы с публикацией своих статей. Мне самой приходилось слышать от некоторых сотрудников академических институтов про непонятную «заумь» Кнорозова. Неслучайно тут же возникли недоуменные комментарии со стороны научного сообщества: какое отношение имеет «американист» Кнорозов к африканистике? Хотя всем было понятно, что идеи Кнорозова, как правило, не вписывались в формат академических журналов. Как может неспециалист по мозгу писать об эволюции мыслительных

[217] Указ. соч. С. 381.
[218] Указ. соч. С. 386.

процессов? Причем не с точки зрения заумных эстето-философских рефлексий, что банально и достаточно привычно во все времена, а с позиций дотошного психофизиолога, пытающегося разобраться в механизме деятельности головного мозга человека и при этом делающего выводы уже на уровне целостной антропологической теории.

Долгое время публикация «американистом» Кнорозовым своей статьи в сборнике по африканистике казалась лишь курьезом. Теперь становится все более очевидной принципиальная позиция ученого в отношении междисциплинарных подходов и методов. Публикацией упомянутой статьи «К вопросу о классификации сигнализации» он лишний раз подчеркнул универсальность процесса эволюции систем коммуникации в человеческом сообществе. Тем более что и американский континент, и африканский (за исключением, пожалуй, северной своей части) имели в определенной степени независимое развитие и не попадали в так называемую «Большую Евразию», в рамках которой любые рассуждения о происхождении того или иного культурного явления, как правило, сводятся к гипотезе о его «индоевропейском происхождении». Наверное, желание сделать выборку» более репрезентативной сформировало и подход к изучению общемировых коммуникативных систем, представляющих, помимо традиционной Евразии и ее неизбежных «индоевропейских истоков», и иные, имевшие во многом независимое развитие, регионы мира: Америку, Океанию, Дальневосточный регион и Африку.

Междисциплинарный подход и психофизиологическая универсальность коммуникации позволили Кнорозову выделить различные типы сигналов, а также их суть и функции в качестве средства координации взаимодействия между элементами данной системы. Подача сигнала одним членом системы, таким образом, становится командой, которая предполагает исполнение действия (реакцию) со стороны адресата. А усиление воздействия для повышения выполнения команды соответствует тому, что Кнорозов назвал фасцинацией[219].

Работы велись в рамках Группы этнической семиотики, что определяло выделение в рамках традиционной этнографии особой исследовательской области. Эта область охватывала изучение всех возможных знаковых систем, которые вырабатывает социум для передачи и сохранения информации. Сюда же относятся и проблемы, связанные с корректной интерпретацией полученной информации. Следует учитывать, что помимо универсального общечеловеческого аспекта коммуникации существуют также и частные формы в каждой конкретной культуре, которая вырабатывает собственные практические модели. Все они эволюционируют от мимики и жестикуляции до речи, мнемонических систем, письма и других информационных носителей, к которым можно отнести обряды и ритуальные традиции.

[219] *Кнорозов Ю.В.* К вопросу о классификации сигнализации / Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973. С. 328, 331.

В 1963 году Кнорозов привлек к сотрудничеству Александра Кондратова[220], филолога, занимавшегося всем – от йоги до дешифровки древних письменностей. Вяч.Вс. Иванов вспоминал о нем достаточно своеобразно:

> Саша Кондратов... был вне гуманитарного профиля, но писатель, талантливый писатель. Самоучка, тоже тип русского самородка. Он был ультра-авангардный прозаик, писавший довольно страшную авангардную прозу, абсолютно невозможную. По сравнению с ним какой-нибудь теперешний Сорокин будет писателем для детей. Он писал действительно ужасные вещи. Все возможные комплексы, все возможные безобразия, которые можно описать, все это было в его прозе. На многих производило сильное впечатление, но когда он с нами всеми познакомился, то понял, что это не его...

По всей видимости, они познакомились на том собрании в Горьком, где Кондратов сопровождал как раз Колмогорова, с которым пытался заниматься математическим анализом стихов Маяковского. Но, похоже, то, что делал Кнорозов, показалось Кондратову более убедительным и интересным, нежели «бухгалтерия» Колмогорова. У Юрия Валентиновича в Группе этнической семиотики на тот момент среди первоочередных задач дешифровки стояло письмо Мохенжо-Даро и Хараппа. И он как всегда сильно надеялся, что кто-то возьмет на себя эту работу – применять метод дешифровки на новых объектах. Какое-то время он переписывался с Кондратовым. И сотрудничество началось – по крайней мере, об этом свидетельствуют воспоминания Иванова:

> Саша Кондратов для Кнорозова сделал описание печатей Мохенжо-Даро и Хараппы... У меня есть четыре странички. Это часть огромной задуманной работы. Есть также письмо Кондратова, из которого я вижу, что они надеялись, что печати других типов, в других культурах мы, тот есть несколько человек в Москве, будем описывать. Идея была такой коллективной работы по всем возможным печатям, где было бы видно, что печать из Хараппы – только одна из частей работы. Вот это такой общий план. Хараппой Кнорозов продолжал долго заниматься. И остался некоторый мой долг перед ним – Кнорозов мне дал одну печать с клинописными знаками, там всего три знака, три написанных, животное изображено, как печать из Хараппы. Найдено в Месопотамии. Клинопись месопотамская...

В 1969 году Александр Кондратов защитил в Институте востоковедения кандидатскую диссертацию, тему которой уточнить не удалось, но по дешифровке. То ли «Расшифровка письменности острова Пасхи с помощью ЭВМ», то ли что-то по «структурно-статистическим методам дешифровки письмен Древнего Востока и Средиземноморья». В результате он переключился на научно-популярную литературу, став доста-

[220] Александр Михайлович Кондратов (1937–1993) – к. фил. н., журналист и писатель.

Александр Михайлович Кондратов

точно успешным писателем... Наука тоже оказалась – «не его».

С целью выявления и реконструкции первых (утраченных) знаковых систем этносов мира Группа этнической семиотики под руководством Ю.В. Кнорозова проводила комплексную работу по дешифровке древних систем письма: киданьского[221], протоиндийского[222], древнеперуанского[223], рапануйского[224], айнской пиктографии[225] и, конечно же, иероглифического письма майя, уже дешифрованного к этому времени[226].

Исторические системы письма относились к разным временным периодам. Протоиндийские тексты были созданы на территории Индии и Пакистана в III тыс. до н. э. Этим направлением в группе Кнорозова занималась Берта Яковлевна Волчок[227] (1922–1990) и Маргарита Федоровна Альбедиль[228]. Письмо майя сложилось в I тыс. н. э. (однако основы мезоамериканского письма были заложены в I тыс. до н. э.) на территории современных Мексики, Гватемалы и Белиза. Естественно, что это направление возглавлял сам Юрий Валентинович, а с 1979 года к нему подключилась и я. Киданьские надписи появились в Монголии IX–XII вв. Этим направлением занимался с самого начала В.С. Стариков[229], а позже присоединилась та самая любимая аспирантка Галина Авакьянц. Рапануйские тексты наносились на дощечки кохау-ронго-ронго на острове Пасхи в XVIII–XX вв. Письмом острова Пасхи Кнорозов сначала занимался

[221] Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М., 1964.

[222] *Кнорозов Ю.В.* Характеристика языка протоиндийских надписей // Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов: Сб. статей. М., 1965. С. 46–51; Knorosov Y, Albedil M., Volchok B. Report in the Investigation of the Proto-Indian texts. Proto-indica: 1979. M.: Nauka, 1981.

[223] *Кнорозов Ю.В., Федорова И.К.* Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы // Латинская Америка. 1970. № 5. С. 10–16.

[224] Мифы, предания и легенды острова Пасхи / Сост., пер, с рапануйского и западноевроп. яз., предисл. и примеч. И.К. Федоровой. М., 1978. 382 с.

[225] *Кнорозов Ю.В., Спеваковский А.Б., Таксами Ч.М.* Пиктографические надписи айнов // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1980–1981. М., 1984. С. 226–233.

[226] *Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.

[227] Берта Яковлевна Волчок (1922–1990) – к. и. н., специалист по Индии. С 1947 года работала в ЛЧ ИЭ АН СССР.

[228] Маргарита Федоровна Альбедиль, д. и. н., этнограф, религиовед, крупнейший специалист по Древней Индии. С 1976 г. работает в МАЭ РАН.

[229] Владимир Сергеевич Стариков (1919–1987) – д. и. н., этнограф, китаевед, с 1955 работал в ЛЧ ИЭ АН СССР.

Протоиндийское письмо. Печати

вместе с Николаем Бутиновым[230], опубликовав несколько работ. А также к этому направлению подключилась Ирина Константиновна Федорова. Айны, населявшие Сахалин, Курильские острова и Хоккайдо в XIX в., расписывали пиктограммами свои традиционные *икуниси* – деревянные усодержатели, хотя сама айнская пиктография сложилась задолго до этого, еще в первые века нашей эры. Кнорозов начал заниматься айнами с А.Б. Спеваковским[231], Е.С. Соболевой[232], В.И. Гуляевым[233]. Впрочем, этим направлением занимались все понемногу, даже я.

[230] Николай Александрович Бутинов (1914–2000) – д. и. н., этнограф, специалист по Австралии и Океании. С 1945 года работал в ЛЧ ИЭ АН СССР.

[231] Александр Борисович Спеваковский, д. и. н., этнограф, специалист по айнам. С 1974 по 1991 гг. – сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР.

[232] Елена Станиславовна Соболева, д. и. н., этнограф, специалист по народам Южной, Юго-Восточной Азии, Океании, Австралии, с 1978 г. сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР.

[233] Валерий Иванович Гуляев, д. и. н., археолог, специалист по мезоамериканским культурам и скифам, ученик Ю.В. Кнорозова. С 1960 г. работает в ИА РАН.

Сборники Группы этнической семиотики

И.К. Федорова, одна из первых сотрудниц Группы этнической семиотики, считала, что группа являлась «настоящей школой и центром дешифровки». Однако совершенно очевидно, что понятие этнической семиотики Кнорозовым воспринималось гораздо шире. Совсем неслучайно география объектов изучения охватывала все континенты и типологически разные культуры, что тоже было немаловажно для теоретических выводов руководителя группы, искавшего закономерности появления и развития систем создания и передачи информации в зависимости от уровня развития социума.

Работы, посвященные дешифровке письменности острова Пасхи, Великого Ляо, протоиндийской системы, были опубликованы в 1982 году в сборнике со специально придуманным Кнорозовым названием: «Забытые системы письма»[234] – для того, чтобы подчеркнуть важность обращения к объектам, которые оказывались за традиционными рамками научного интереса. Установочная статья, которой Кнорозов открывал сборник, была названа «Неизвестные тексты»[235]. Именно в ней были обозначены основные положения в области изучения этнической семиотики и основные этапы становления коммуникации и развития знаковых систем:

> После появления речи, ставшей основным способом передачи сообщений, возникла потребность особой разновидности зрительной сигнализации, фиксирующей сообщения на каком-либо материале для

[234] Забытые системы письма: Остров Пасхи, Великое Ляо. Индия: Материалы по дешифровке. М.: Наука, 1982.

[235] *Кнорозов Ю.В.* Неизвестные тексты // Забытые системы письма. М., 1982. С. 3–10.

отсутствующего адресата. Передача сообщения о ситуации достигалась путем копирования того, что видит (и воображает) наблюдатель. Адресат, наблюдая копию ситуации, получает о ней приблизительно такое же представление, как индуктор-наблюдатель. Каждая ситуация может быть описана неопределенным количеством фраз.

При копировании чаще всего применялась контурная проекция на плоскость. При этом исключались объекты, не имеющие (по мнению изображающего) отношения к копируемой ситуации или несущественные, терялся ряд признаков, и давалась приблизительная (в пределах, допускающих опознание) передача контура.[236]

Далее обозначены этапы появления и развития пиктографии, условия возникновения письменности, характеристики различных типов письма, особенности взаимодействия древнего языка и древнего текста. Специальный раздел посвящен практической работе с древним текстом, написанным на неизвестном языке неизвестным письмом:

Изучение текста требует его формализации. Прежде всего, текст должен быть транскрибирован стандартными знаками. В качестве последних могут быть использованы стандартизированные знаки изучаемого письма, а также (для удобства обработки и публикации) общепринятые знаки (цифры, буквы). Эта работа требует не только большой точности, но и приобретения специальных навыков: овладения данным шрифтом и индивидуальным почерком. Составление транскрипции предусматривает опознание всех вариаций написания, а также полустертых и искаженных графем, восстановление утраченных мест, обнаружение ошибок и внесение конъектур. Эта работа обычно не бывает закончена к моменту дешифровки и продолжается по ходу дешифровки и после нее.[237]

Кнорозов изложил и особенности своего метода, который предполагает подход к тексту и его элементам уже не только с позиций этнокультурных, но и с точки зрения психофизиологических особенностей, определяемых свойствами человеческого мозга для распознавания морфем и их сочетаний в качестве наименьших семантических единиц языка – предельных референтов знака письма:

Для удобства исследования текст целесообразно рассматривать как ряд морфем, расположенных в последовательности, свойственной данному языку. Общее количество морфем в любом языке не зависит от количества фонем и не превышает синхронно 1500. Стабильность количества морфем определяется свойствами человеческого мозга. Превышение критического количества создает трудности для

[236] Указ соч. С. 3.
[237] Там же. С. 5.

запоминания (оперативной памяти)[238]. В свою очередь, значительное уменьшение числа морфем повлечет за собой удлинение словоформ и создаст трудности для их распознавания (т. е. для восприятия устной речи). Возможное число сочетаний фонем резко ограничено законами образования морфем в данном языке (фиксированные ограничения). Морфема – наименьшая семантическая единица языка, и поэтому она обычно является предельным референтом знака письма. Каждая группа тождественных морфем характеризуется позициями этих морфем в ряду (адресами) и частотой.[239]

Последний раздел статьи затрагивает проблемы и методы конечного этапа дешифровки, что и определяет суть этнической семиотики:

> Изучение морфологии и синтаксиса и классификация блоков дают возможность развернуть изучение лексики неизвестных текстов. При переходе к фонетическому чтению решающую роль могут сыграть условные чтения знаков, установленные при сопоставлении грамматических показателей изучаемого языка и языка-потомка. Однако фонетическое чтение слов во многих случаях не дает возможности определить их смысл. Для успешного изучения неизвестной лексики необходимы специальные морфемные словари языка-потомка и детальное изучение фонетических изменений. Кроме того, даже в тех случаях, когда перевод вполне возможен, текст остается непонятным по причине полной невразумительности. Для того чтобы придать древним текстам смысл, кроме грамматического перевода необходим широкий и всесторонний комментарий. Составление такого комментированного перевода уже выходит за рамки формального изучения текстов и, несомненно, требует привлечения всей возможной дополнительной информации.[240]

Схема дешифровки по методу Кнорозова приводится в статье Г.С. Авакьянц, посвященной практическому применению методов позиционной статистики[241].

Вопрос соотношения фонетического чтения неизвестного текста и его адекватного понимания становится, пожалуй, ключевым в исследовании древних текстов. В той или иной мере, а иногда и полностью, за тысячелетия и столетия утрачивается этнокультурный контекст. Предстающие изначально «понятными» слова тем не менее зачастую не могут быть правильно поняты, что приводит к возникновению многочисленных произвольных смысловых интерпретаций.

---

[238] Примечательно, что Ю.В. Кнорозов использует «компьютерные» термины и понятия применительно к работе мозга задолго до массового появления компьютеров.

[239] *Кнорозов Ю.В.* Неизвестные тексты. С. 6.

[240] Там же. С. 9–10.

[241] *Авакьянц Г.С.* Некоторые принципы и методы применения ЭВМ в современной дешифровке исторических систем письма // Древние системы письма: этническая семиотика. М.: Наука, 1986. С. 28–35.

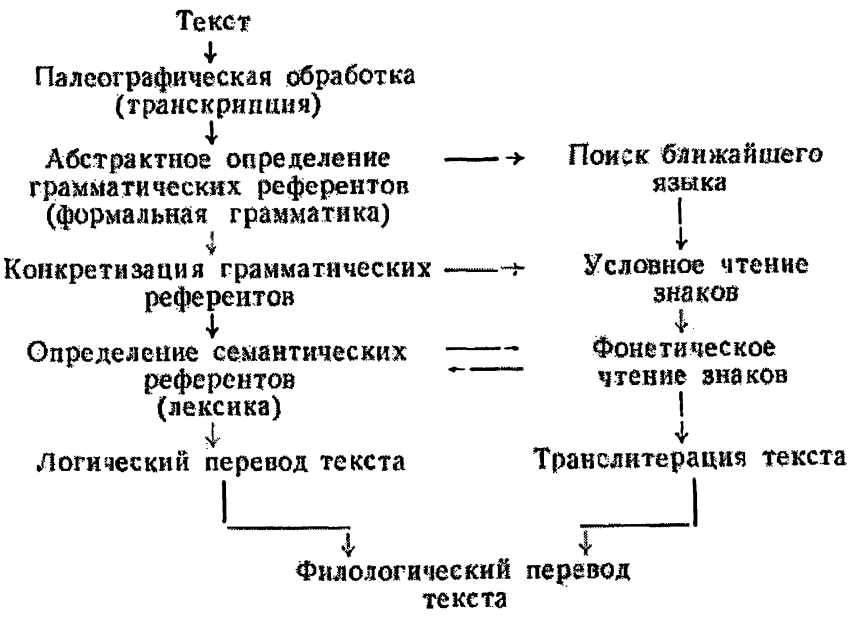


Схема дешифровки

Можно привести несколько примеров. Даже, казалось бы, не прерывавшаяся традиция работы с текстами Ветхого и Нового Заветов, оказывается, приводит к парадоксальным противоречиям, требующим постоянных «разъяснений», постановлений о правильном понимании, пересмотру интерпретаций текста. Об этом свидетельствуют яростные споры, начавшиеся у сторонников христианства уже в первые века нашей эры и продолжающиеся до сих пор. Процесс усугубился и тем, что христианство сместилось из одного этнокультурного региона в совершенно другие. В результате церковь ортодоксальная, во избежание интерпретационных конфликтов, приняла решение ограничиться признанием исключительно древних христианских догматов. Римско-католическая приняла новые догматы – как, например, в 1950 году был принят догмат о взятии в небесную славу Девы Марии. С другой стороны, неслучайно многие современные богословы настаивают на использовании нового богословского языка, чтобы выражать и толковать старые догматы. При этом все признают, что теологическая и научно-философская мысль также не стоят на месте. Подобная путаница вызвана тем фактом, что интерпретации, принятые в древнем христианстве, в современном культурном контексте оказываются уже не совсем адекватными реальности и требуют своеобразной «адаптации».

Даже при непрерывной письменной традиции, всего лишь при ее совершенствовании, изменение общего культурного контекста и неизбежное развитие языка приводят к утрате понимания текста.

В качестве иллюстрации можно упомянуть множество примеров подобных семантических сбоев при переводе, которые приводит Кадзуаки Судо в замечательной работе «Японская письменность от истоков до наших дней»[242]. В частности, автор рассматривает следствия переходного периода от китайского иероглифического текста к японской письменности, завершившегося в общих чертах в X в., на примере текстов антологии японской поэзии Манъесю. К этому времени, как отмечает автор, «японцы разучились читать тексты, написанные при помощи манъеганы»[243]. Этот тип письма, как отмечает автор, не имел строгих норм записи и допускал существование вариантов правописания (принцип: «один иероглиф – один слог»[244] и принцип, когда два иероглифа передают один слог или один иероглиф передает 2-3 слога). В результате спустя некоторое время появляются совершенно разные способы чтения и, следовательно, толкования записи. Один и тот же текст (из сборника Манъесю) становится возможным читать и толковать по-разному. В XIII в. монах Сэнгаку дает перевод:

На ночную луну
Подняла я свой взор и спросила:
«Милый мой
Отправляется в путь.
О, когда же мы встретимся снова?»

Спустя три столетия, в XVII в., монах Кэйтю предлагает иную транскрипцию и перевод:

О облака! Не закрывайте ночную луну.
Я ею любуюсь, стоя под ветвями дуба,
Где раньше мой милый стоял.[245]

Очевидно, что количество проблем и задач при работе с древними языками и забытым письмом возрастает на порядки. Ю.В. Кнорозов при дешифровке письменности майя и работе с иероглифическими рукописями уделял особое внимание этим «узловым» местам, без которых невозможно ни правильное понимание, ни адекватный перевод текста. Так определилась необходи-

[242] *Кадзуаки Судо.* Японская письменность от истоков до наших дней. М., 2006.
[243] Там же. С. 34.
[244] Весьма примечательно, что в использованном издании Кудзуаки Судо на русском языке появляется очевидная опечатка на странице 31: вместо принципа «один иероглиф – один слог» издатель ошибочно (но более понятно для «инописьменного» читателя) помещает: «один иероглиф – один звук». При этом в тексте звуки прописаны, и их количество почти в два раза превышает количество приведенных знаков.
[245] Там же. С. 31–33.

мость широкого междисциплинарного подхода в виде метода этносемиотического анализа.

В 1986 году Группа этнической семиотики Ю.В. Кнорозова издает первый сборник, напрямую позиционированный как издание по особой междисциплинарной теме: «Древние системы письма: этническая семиотика».[246] В предисловии Кнорозов в свойственном ему тезисном, или «телеграфном», по его собственному выражению, стиле обозначил основные задачи и направления исследований:

Николай Михайлович Гиренко

– Развитие естественных систем коммуникации как цивилизационный признак,

– Эволюция письменных систем,

– Зависимость уровня развития письма от уровня развития социума,

– Дешифровка исторических систем письма,

– Теоретические основы изучения естественных систем социальной коммуникации, в том числе эволюция коммуникативной системы человека,

– Палеография и лингвистика.

Эти сюжеты в той или иной мере развивались авторами статей. Что очень важно, в основном это были практические результаты работы с текстами на основе методологии Кнорозова.

Неслучайно сборник открывала статья Николая Михайловича Гиренко «Синхрония и диахрония (к вопросу об интерпретациях явлений культуры)»[247]. Автор рассматривает глобальную проблему реконструкции деятельности человека в далеком прошлом («явлений объективной реальности») через систему созданных им обозначений этих явлений в системе научного знания. «Реконструкция, т. е. осознание прошлого, будучи идеальной моделью, невозможна без развития системы образов и понятий для интерпретации систематизированных явлений, для построения модели, в которой эмпирические данные находились в мотивированной взаимосвязи. Осознание

[246] Древние системы письма: этническая семиотика. М.: Наука, 1986.

[247] *Гиренко Н.М.* Синхрония и диахрония (к вопросу об интерпретациях явлений культуры) // Древние системы письма: этническая семиотика. М.: Наука, 1986. С. 6–27.

исторического процесса в любом его проявлении предполагает как минимум две стороны – эмпирические данные и адекватные им средства для интерпретации. Очевидно, что обе указанные стороны должны быть представлены системно, равно как и их соотношение. В этом аспекте исторические реконструкции обнаруживают определенное сходство с интерпретациями древних систем письма, древних текстов»[248]. Гиренко совершенно справедливо призывал учитывать при проведении этносемиотического анализа такие факторы, как многослойность культурного субстрата, в рамках которого складывается то или иное явление, а также проблему диахронии, когда явление, развиваясь во времени, должно модифицироваться в соответствии с развитием системы социума в целом.

В 1999 году, уже после смерти Ю.В. Кнорозова, вышел из печати (хотя и был подписан к изданию еще в 1993-м) специальный выпуск в серии «Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма»[249]. Вышел этот последний сборник все еще под редакцией Ю.В. Кнорозова, но последние доработки достались Маргарите Федоровне Альбедиль.

Помимо конкретных работ по чтению древних текстов, в сборник вошли важные теоретические статьи. В первую очередь, речь идет о статье в виде характерных тезисов самого Кнорозова «Особенности детских изображений»[250]. В статье автор вскрывает психофизиологический механизм развития графической сигнализации в онтогенезе в сопоставлении с филогенезом, специально отмечая не только сходства, но и принципиальные различия. Например:

> 1.0. Закон Геккеля, согласно которому онтогенез повторяет филогенез, сформулирован применительно к соматологии. Вопрос о применимости этого закона к процессу вхождения ребенка в коллектив взрослых в параллель истории коллектива требует ряда уточнений и пояснений.
>
> 1.2. Эволюция вида идет по линии ароморфоза, т. е. развития систем организма, выгодных (целесообразных) при изменениях среды (например, центральная нервная система, теплая кровеносная система и т. д.), только на последнем этапе сменяясь идиоадаптацией (приспособлением к данной среде).
>
> 1.3. В коллективах идиоадаптации соответствует специализация элементов культуры...

Собственно, это и есть сочетание семиотики и этнокультурных особенностей. В своей последней семиотической статье Юрий Валентинович четко сформулировал свою позицию относительно приме-

[248] *Гиренко Н.М.* Указ соч. С. 6–7.

[249] Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999.

[250] *Кнорозов Ю.В.* Особенности детских изображений // Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999. С. 186–192.

нения закона рекапитуляции Геккеля-Мюллера, согласно которому онтогенез повторяет филогенез, к цивилизационному развитию, причем с обратно пропорциональной скоростью:

> Процесс вхождения новорожденного ребенка в коллектив взрослых в определенной степени аналогичен процессу формирования личности по ходу возникновения и развития древних коллективов. В обоих случаях формируется личность, имеющая определенные связи с членами коллективов, владеющая сигнализацией и обладающая определенным мировоззрением. Развитие в обоих случаях идет по законам диалектики и имеет некоторые общие черты, но также и существенные различия...[251]

Оставленная Кнорозовым программа исследований явно следует в параллели направлению «объективно-психологического» изучения личности ребенка, обозначенного В.М. Бехтеревым в докладе «Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении», сделанном в Русском обществе нормальной и патологической психологии в 1908 году, однако с иной, эволюционной позиции:

> Много внимания некоторыми авторами уделяется вопросу о сходстве рисунков детей с живописным искусством доисторического человека и современных первобытных народов. Этот вопрос действительно не может не быть интересным, но подходить к его выяснению можно только после обстоятельного разрешения вопроса о постепенной эволюции детского рисунка. Во всяком случае, есть много данных за то, что законы развития искусства в жизни народов те же, что законы развития искусства в жизни отдельных лиц, и потому естественно, что общие черты развития детского рисунка повторяют те черты развития человеческого искусства, которые оно проходило, начиная с доисторического периода своего развития.[252]

Примечательно, что многие работы (в том числе упомянутый доклад), носившие междисциплинарный характер и обращавшиеся, так или иначе, к проблемам социально-исторического развития, были опубликованы до 1917 года. После чего ни разу не переиздавались вплоть до 1999 года. В.М. Бехтерев не мог позиционироваться как историк, а Ю.В. Кнорозова, по определению, не воспринимало сообщество биологов-генетиков. Кнорозов, сомневаясь в том, что работа будет признана, излагал положения теории в свойственной ему ироничной манере, причем удивительно точно выстраивая логические линии:

> ...Наличие хвоста было целесообразно для всех хордовых на определенном этапе, т. е. хвост входил в набор элементов ароморфоза, но в дальнейшем оказался излишним и редуцировался в основной линии,

[251] Там же. С. 186.

[252] *Бехтерев В.М.* Роль внушения в общественной жизни. Избранные труды по психологии личности. Т. 2: Объективное изучение личности. СПб., 1999. С. 141, 145.

сохранился в боковых, как идиоадаптация. У человеческого эмбриона хвост сначала формируется, а затем совершенно напрасно редуцируется (атрофируется), появляясь у ребенка только в порядке атавизма. Аналогичным образом у эмбриона появляется и исчезает шерсть (хотя она весьма бы пригодилась).[253]

После такого доходчивого объяснения принципа биологической эволюции следует четкое и логичное продолжение, уже относящееся к эволюции социокультурной:

В коллективах идиоадаптации соответствует специализация элементов культуры. Чрезмерная специализация может препятствовать появлению более целесообразных изобретений (принцип которых уже известен). ...Развитие графики у племен имело отклонения в основной линии, в дальнейшем выравнивающиеся. Иногда специализация была очень сильной. Аналогичные отклонения от основной линии наблюдаются в детской графике.[254]

Если следовать направлению исследований Ю.В. Кнорозова, то под этнической семиотикой следует понимать междисциплинарное изучение всех уровней возникающей с появлением homo sapiens системы универсальной коммуникации человека, управляемой его головным мозгом, и воспроизводящейся в социуме через обучение ребенка в рамках конкретной этнокультурной региональной специфики. Уровни коммуникации предполагают знаковые системы, такие как жестикуляция, речь, пиктография, письмо, обряды и обычаи и др. При этом каждый из уровней проходит свой путь развития, поэтапно усложняясь. Определение семиотики как «этнической» имеет важное значение для понимания различий в вариантах и видах систем коммуникации между регионами мира. Это происходит только на том этапе развития человеческих сообществ, когда впервые становится возможным выделить этнические особенности. Палеолит, с точки зрения сохранившейся культуры, предстает достаточно однотипным во всех регионах мира и потому оказывается как бы «внеэтничным», хотя и привязанным к конкретному природному контексту.

Вместе с тем, по мере развития, при очевидной универсальности общечеловеческого решения задачи передачи информации, каждая конкретная культура вырабатывает собственные практические модели: мимика, жестикуляция, речь, мнемонические системы, письмо и другие носители информации, в том числе обряды и ритуальные традиции. При этом интерпретация любой региональной иконографии (даже сцены исключительно сексуального характера) и, тем более, понимание древнего текста заведомо невозможны без учета конкретного этнокультурного контекста. Более

[253] *Кнорозов Ю.В.* Особенности детских изображений... С. 187.
[254] Там же. С. 188.

того, большой проблемой продолжает оставаться универсальность большинства отраженных тем или иным способом объективных явлений в самых разных этнокультурных регионах[255]. В качестве примера можно привести проведенный Е.Г. Дэвлет[256] сопоставительный анализ однотипных наскальных изображений – «парных личин» – Кубы и Внутренней Монголии. Автор приходит к выводу о том, что «наскальные изображения асимметричных парных личин двух континентов демонстрируют удивительное сходство своей структуры, что можно связать с общностью мифологических представлений их создателей»[257]. При том что возраст монгольских изображений относится предположительно ко II тыс. до н. э., а возраст кубинских разбросан от 3000 г. до н. э. до середины XVII в. н. э.[258] Автор совершенно логично, на основе анализа типов и уровней хозяйственной деятельности создававшего изображения населения, сумела доказать, что та самая «общность мифологических представлений» определяется единой для человека формой восприятия движения солнца и луны и собственными попытками создания календаря.

В качестве примера возможных составных элементов полноценного исследования можно рассмотреть базовые для всех народов конструкции духовных представлений, привязанные к пространственным ориентирам.

Раскрытие каждого аспекта темы определяет собственный набор интегрированных дисциплин, вскрывая и разделяя общее и индивидуальное в духовных воззрениях этносов, разделенных географически, и имевших независимое развитие. Подобный подход позволяет избежать ошибочных выводов о «культурной преемственности» и «зависимостях».

Естественно, что этническая семиотика неразрывно связана с проблемой коммуникации – любая знаковая система имеет смысл только в присутствии пользователей этой информации, понимающих знаковую кодификацию.

[255] *Ершова Г.Г.* Феномен «общего» в культурах Старого и Нового Света // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Вып. 3. СПб., 1996. С. 3–13; *Ершова Г.Г.* Становление речи и создание древним человеком модели мира // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Вып. 3. СПб., 1996. С. 14–26.

[256] Екатерина Георгиевна Дэвлет (1965–2018) – д. и. н., археолог, крупнейший специалист по наскальной живописи, руководитель Центра палеоискусства ИА РАН, проф. Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова РГГУ.

[257] *Дэвлет Е.Г.* Американо-азиатские параллели в наскальном искусстве (парные личины) // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Вып. 3. СПб., 1996. С. 82–90.

[258] Там же. С. 83.

Этносемиотический анализ как продуктивный метод

Надо отметить, что магистральное междисциплинарное направление этнической семиотики, обозначенное Кнорозовым, привлекает все больше исследователей для попыток анализа отдельных феноменов. Так, к данной теме обращались Ю.С. Степанов[259] в начале 1970-х и Вяч.Вс. Иванов в конце 1980-х гг. в одноименной статье[260]. К 1980-м годам семиотика превратилась в достаточно модное научное направление. Вяч.Вс. Иванов отразил основные его подходы: от наивного отождествления обмена «социальных и материальных ценностей» с ритуальной деятельностью, «эквивалентной искусству в современном обществе», до представлений о формировании «универсальной и целостной знаковой системы», куда входит «естественный язык, язык жестов и другие материальные способы информации»[261].

Взгляды, высказанные Ивановым в статье, как характерно для периода постановки проблемы, отличались некоторой эклектичностью: тут и образы С. Эйзенштейна и Диснея, и представления об «архетипах» Юнга в его работе «Тотем и табу», и этнографические материалы А.Н. Золотарева и С.П. Крашенинникова, и классические древние эпосы, и рассуждения Леви-Брюля и Марра, а также анализ Л.С. Выготским образов «Войны и мира» и пережитков архаических манипуляций в работе «Нарушение понятий при шизофрении»[262]. Идеи Эйзенштейна и Выготского, высказанные в 1930-х годах, по мнению Вач.Вс. Иванова, были «созвучны современным (т. е. годам написания статьи. – *Примеч. авт.*) представлениям о роли семиотических (знаковых) систем и кибернетике». При этом подчеркивалась та значимость, которую придавал Л.С. Выготский языку и возможностям управления поведением[263]. Собственно, эта идея следует тому направлению, которое было высказано в начале XX в. В.М. Бехтеревым, о чем уже упоминалось[264].

Анализ явлений этнического взаимодействия

Была еще одна тема, которая представляла особый интерес в исследованиях Ю.В. Кнорозова: использовать этносемиотический анализ в изучении развития знаковых систем в контекстах этниче-

---

[259] *Степанов Ю.С.* Семиотика. М., 1971.

[260] *Иванов В.В.* Проблемы этносемиотики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. М., 1989. С. 38–62.

[261] Там же. С. 38.

[262] *Выготский Л.С.* Нарушение понятий при шизофрении // Избранные психологические исследования. М., 1956.

[263] *Иванов В.В.* Проблемы этносемиотики... С. 44–45.

[264] *Ершова Г.Г.* Междисциплинарность: история и перспективы // Стены и мосты. Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 53–58.

ского взаимодействия (синкретизм), что особенно актуально, в частности, для темы индейских знаковых систем после испанского завоевания. Система коммуникации, сложившаяся в рамках определенного культурного контекста, обладала внутренними законами эволюции. Так, например, развитие мезоамериканской ветви письма можно проследить на материале возникновения и трансформации региональных письменных систем: эпи-ольмекской, Рио-Бланко, сапотекской, майя, астекской системы и др. Причем единая основа творчески преобразовывалась в разных культурах для разных языков – как в отношении типа письма (использование фонетического, идеографического, возможно, смешанного принципов), так и в эволюции графики. Появление испанцев создало необходимость взаимодействия носителей собственной культурной, в том числе письменной, традиции с инородным информационным содержанием. Миссионеры пробуют два метода. Сначала они пытаются использовать индейскую письменную традицию для передачи европейского информационного контента. Этот путь оказывается слишком сложным и нереализуемым в силу утраты к этому времени массовой грамотности, а также невозможности передачи чуждой сложной системы абстрактных понятий. (Причем заранее проводится поиск соответствий набора христианских понятий системе майяских духовных терминов.) В результате миссионеры приходят к выводу о необходимости создания новых знаковых систем, позволяющих передавать чужеродный культурный контент. Приходится, в частности, учитывать фонетическое соответствие знаков языку аборигенов. Кнорозов в статье «Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы»[265] анализирует проблемы, с которыми столкнулись миссионеры при общении с носителями иной письменной традиции. Осталась неопубликованной обширная статья по американским письменным системам, в том числе изобретенным в колониальный период в целях катехизации индейцев. В ней Кнорозов рассматривает те искусственные системы записи текстов, которые создавали миссионеры в разных регионах континента на основе местных традиций. В этих моделях отчетливо просматриваются те проблемы, которые должны быть решены. Во-первых, введение новых абстрактных понятий через использование условных параллелей. Во-вторых, использование знаков на основе местной пиктографии. В-третьих, иногда намеренное избегание фонетизма, а также грамматических сложностей, что позволяло оперировать исключительно понятиями.

С 1960 года Юрий Валентинович являлся председателем Комиссии по дешифровке исторических систем письма (секция семиотики научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика») при Президиуме АН СССР. Таким образом, возникновение Группы семиотики стало, прежде всего, обоснованием для проведения определенных исследовательских программ. Как структурное подразделение инсти-

[265] *Кнорозов Ю.В., Федорова И.К.* Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы // Латинская Америка. 1970. № 5. С. 10–18.

тута Группа этнической семиотики была создана лишь в феврале 1980 года в соответствии с приказом:

> 2 февраля 1980 г. – Приказ № 301-13
> о создании в Ленинградской части Института этнографии РАН группы по этнической семиотике.
> Руководитель – Ю.В. Кнорозов,
> ст. лаб. М.Ф. Альбедиль,
> ст. н. с., к. и. н. Б.Я. Волчок,
> ст. н. с., д. и. н. В.С. Стариков.

Стоит ли удивляться, что даже административно Юрий Валентинович игнорировал общепринятые «рамки правил». Для него Группа этнической семиотики была скорее неформальным коллективом единомышленников, куда входили не только сотрудники «согласно штатного расписания», но все те, кто практически разделял научный интерес к данной исследовательской сфере, даже не будучи сотрудником ИЭ РАН. Административными делами группы занималась, как правило, Ирина Константиновна Федорова, а потом Маргарита Федоровна Альбедиль и Елена Станиславовна Соболева.

С другой стороны, после множества публикаций, теоретических и практических разработок в области дешифровки древних систем письма и изучения происхождения знаковых систем, появление группы зафиксировало тот очевидный факт, что возникло новое междисциплинарное направление. Это направление не относится напрямую ни к этнографии, ни к лингвистике, ни к психофизиологии, но сочетает присущие этим наукам подходы и отчасти методы. Создание группы этнической семиотики было вызвано необходимостью очертить в рамках традиционной этнографии особую исследовательскую сферу – знаковые системы, которые вырабатывает социум для передачи и сохранения информации, а также проблемы, связанные с корректным пониманием переданной информации.

Постановка научных задач

Кнорозов был человеком, которого в первую очередь интересовали, как это не банально звучит, «тайны и загадки». Перед ним возникала проблема – и он стремился ее решить, по его словам, «во что бы то ни стало». Во многом эти устремления определялись, прежде всего, его внутренним миром. Во всех своих научных задачах он стремился понять самого себя. Фразу «во что бы то ни стало» он обычно повторял, только изрядно выпив. Трезвым он никогда не позволял себе демонстрировать собственный внутренний мир. Но совсем неслучайно одной из тем его рассуждений было понятие «исторический эксперимент» в области измененных состояний сознания. Он, если судить по его же комментариям, был бы не прочь проэкспериментировать на себе

эти самые состояния, но понимал всю практическую сложность официальной организации подобных экспериментов.

Решив научную задачу, он в определенном смысле утрачивал интерес к проблеме – ему становилось скучно. Есть ученые, которые могут провести всю жизнь, в упоении изучая одно слово или одно явление – и достигают невероятной глубины постижения своего объекта изучения. Они прочли всю литературу, они рассмотрели и расчленили объект на самые вероятные и невероятные фрагменты, они сопоставили объект в самых разных контекстах – и равных им в этом знании нет. Кнорозов был не такой – он стремился, и это его буквально заводило, как точно уловил американский археолог Майкл Ко в заглавии своей книги[266], «взломать» задачу. На самом деле, его фраза по поводу статьи Шелльхаса «Нет неразрешимых проблем. Что придумал один человеческий ум, другой обязательно должен разгадать» является его жизненным и научным кредо. Он неслучайно противопоставлял дешифровку обычной филологической работе. И вот обычная филологическая работа, как ни крамольно это звучит, ему была ужасно скучна. «Тяжелая это работа – из болота тащить бегемота», – говорил он, когда приходилось заниматься именно таким делом. Даже тексты майя для прочтения он выбирал всегда по принципу «навороченности». И ценил, когда ему «подсовывали» какой-то особый текст. Его невероятно раздражали умники, которые сладострастно начинали пересматривать какие-то детали (знак, форма описания) и на этом основании сравнивать себя с Кнорозовым. В этом было отнюдь не «самомнение» Юрия Валентиновича, который сам никогда никого не «пересматривал». Просто критерием его оценки научного вклада человека было наличие принципиального открытия, нестандартного решения.

Именно этим объясняется неожиданный набор тем, составлявших круг его научных интересов. Так называемые «паранормальные практики» всегда входили в его внутренние и личные интересы: в университете он выбирает тему «шаманский зикр» и пытается понять механизмы данного явления. Приходит к выводу о том, что главным в этом является человеческий мозг, понимает, что на том уровне (в 1940-е годы) тему не поднять и... тихо откладывает ее до лучших времен, говоря при этом: «Мы ничего не забываем, мы только откладываем». Он дешифрует письмо майя, и это на самом деле дает ему ключ к пониманию работы головного мозга. Именно поэтому Кнорозов с огромным удовольствием «ввязывается» в работы по машинной обработке текстов – это открывает ему новые возможности понимания алгоритма работы полушарий мозга. Он в восторге от сотрудничества с Вяч.Вс. Ивановым, который и сам был чрезвычайно похож на Кнорозова в своей научной манере.

Правильность своего принципа дешифровки письма майя он начинает опробовать на других системах письма – но этим уже должны заниматься другие люди, другого склада. Именно поэтому он постоянно уговаривает оказывающихся около него людей принять в этом участие, причем иногда даже совсем случайных людей, но проявляющих

[266] Coe M.D. Breaking the Maya code. N. Y.: Thames and Hudson, 2012. 304 p.

хоть какой-то интерес к той или иной проблеме. Естественно, что вслух Кнорозов не может никому объяснить, почему он «шарахается» от шаманов к дешифровке, от дешифровки к возможностям компьютеров, от мозга к заселению Америки, от влияний психоделиков к детскому рисунку, от законов коммуникации к теории коллектива и значению мужских союзов для развития общества. Более того, иногда он даже вынужден как бы «оправдываться» перед научной средой за разнообразие своих интересов, намеренно принижая их значимость.

С подачи Вяч.Вс. Иванова он с удовольствием принимает термин «этническая семиотика», под которым, наконец, может объединить все свои научные интересы. На самом деле успех дешифровки письма майя позволил ему иметь право заниматься интересными для него задачами, не будучи осужденным коллегами за «неакадемичность». Не будь дешифровки, о нем говорили бы как о чудаке, который берется то за одно, то за другое, а сам того не читал, этого не знает. Собственно, так происходило в эти же годы с Борисом Федоровичем Поршневым, который работал над примерно тем же – междисциплинарной теорией становления человечества, и умер от разрыва сердца, когда в 1972 году издательство «Мысль» рассыпало готовый набор его обобщающей книги «О начале человеческой истории». И до сих пор многие ученые искренне не понимают, зачем «специалист по Франции» Поршнев, делавший хорошую карьеру, занялся вдруг междисциплинарным изучением человека. Кнорозов на самом деле занимался тем же, но очень осторожно, стараясь не провоцировать яростные нападки специалистов в узких областях, ревниво защищающих свою «поляну».

Парадоксальная ситуация! Уже несколько десятилетий назад узкодисциплинарное, сложившееся к концу XIX века состояние науки сравнивалось с образом того, как каждый ученый сидит и роет собственную яму, не видя происходящего в соседней яме. Абсурдность подобного развития научного знания была очевидна – но тем не менее балом правили и зачастую продолжают править «специалисты из ямы», уже и не подозревающие о наличии других ям. Зато они прекрасно знают каждый камешек, каждую песчинку в своем собственном погребе, для каждой придумывают свое название и особый термин – но восходящего над ними солнца попросту не видят. Да оно им и не нужно для пересчета камешков.

И еще. Кнорозов вообще не умел говорить наукообразно, непонятными для абсолютного большинства аудитории словами, и ненавидел подобную манеру у других. При этом самые сложные понятия он мастерски умел перевести на почти бытовой язык, понятный даже школьнику. Забавно, что подобные упреки нередко высказывались в его адрес (за глаза, конечно) от вполне средненьких «научных сотрудников», искренне считавших, что уж они-то по всем наукообразным показателям куда как более академичны и достойны хорошей научной карьеры... Но именно такие ученые, как Кнорозов, и делают науку.

ГЛАВА 13
ТЕРНИИ, ЗВЕЗДЫ, И СНОВА ТЕРНИИ...

Желаю успехов!
Де Ланда Диего...

Река течет... не для меня!

В 1963 году выходит, наконец, столь ожидаемая монография Кнорозова «Письменность древних майя» – толстая, в синей обложке, тиражом в 1000 экземпляров, которые тут же расходятся по главным библиотекам и... посольствам СССР. Для представительских целей. Очень скоро этой книги уже было не достать даже в букинистических магазинах за большие деньги.

У Кнорозова случилось еще одно приятное событие – появился «почти собственный» аспирант, причем археолог. Это был изначально скифолог Валерий Гуляев, «закинутый» волей начальства в американистику. И формальным руководителем Гуляева был вовсе не Кнорозов, а Георгий Францевич Дебец[267], который, впрочем, и перенаправил аспиранта в надежные руки. Юрию Валентиновичу было неважно, что аспирант был неофициальным. Главное – появился человек, который займется майя. Так вспоминает о первом знакомстве американист «волей судьбы» Валерий Иванович Гуляев:

> ...Долг аспиранта-зарубежника и суровая воля начальства института заставили меня, наконец, отправиться в Ленинград. Денег тогда на нашу подготовку по зарубежной тематике (пока лишь в теоретическом, «книжном» ее плане) не жалели, и командировки на 2-3 месяца за «казенный счет» были не исключением, а правилом.

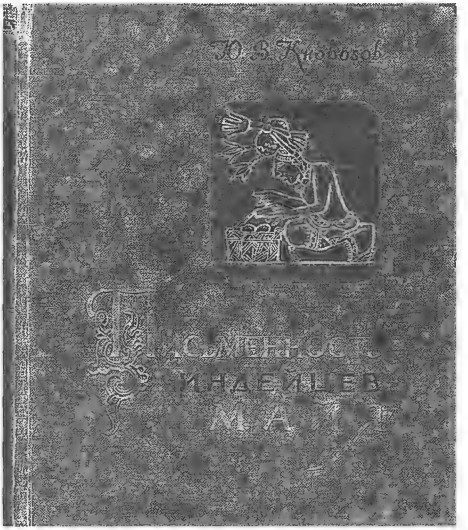
---

[267] Георгий Францевич Дебец (1905–1969) – д. биол. н., проф., антрополог. С 1932 г. с. н. с. ИЭ АН СССР. С 1968 г. – вице-президент Международного союза антропологических и этнографических наук.

Парадное выступление Ю.В. Кнорозова, чего он терпеть не мог

Получил такую «индульгенцию» и я. И вот, в середине января 1964 г., я робко вошел в тяжелую старинную дверь знаменитой на весь мир Кунсткамеры, или, по официальному названию, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Там находился Сектор народов Америки, где и работал доктор исторических наук В.Ю. Кнорозов. Надо сказать, что с Юрием Валентиновичем в плане научной карьеры произошел совершенно уникальный случай: за свою работу «Дешифровка письменности майя», представленную как кандидатская диссертация, он сразу получил докторскую степень. Меня встретил человек небольшого роста, худощавый и внешне довольно замкнутый. Широкий нависающий лоб мыслителя. Холодные стальные (точнее, серо-голубые) глаза. После формального представления я изложил Юрию Валентиновичу мое нелегкое положение и попросил его стать моим неофициальным научным руководителем. Люди, знакомые с доктором Кнорозовым, знают, как он был немногословен и сдержан в ходе общения с собеседниками. Обращался он ко всем научным сотрудникам, независимо от их возраста и статуса в официальной научной иерархии, всегда одинаково: «коллега» или «уважаемый коллега». Так было и при нашей первой встрече, хотя я был тогда еще «зеленым» аспирантом. Для начала он познакомил меня с немногочисленными сотрудниками Сектора народов Америки, а потом повел меня в святая святых Музея – библиотеку и представил директрисе. Затем подвел к довольно внушительной стенке из деревянных выдвижных ящичков и сказал: «Здесь все, или почти все, по интересующей Вас теме», после чего удалился, бросив на ходу, что готов и в дальнейшем помогать мне в случае необходимости. Необходимость, конечно, была гигантская. Вопросы возникали буквально на каждом шагу. Но пока я с головой погрузился в «биографическое море» – перечень сотен и сотен книг по доколумбовой Мезоамерике. Не будет преувеличением сказать, что библиотека Кунсткамеры и

тогда обладала, да во многом и теперь обладает, лучшим собранием работ по американистике. Поражало не только обилие этой литературы, но и систематичность ее подбора: многие важные периодические издания закупались (или попадали каким-то иным способом) в стены Кунсткамеры даже в самый тяжелый период в истории страны – 20-е, 30-е, 40-е годы XX века...



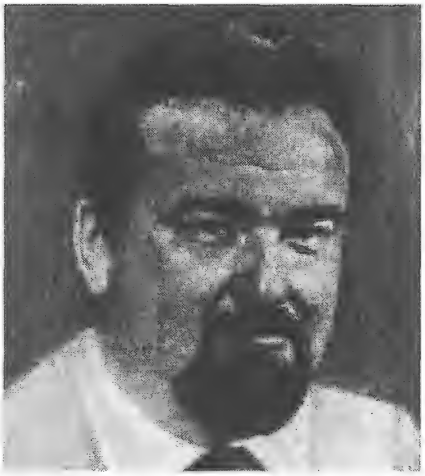
Столь ожидаемая монография 1963 года

Кнорозов один заменял собой добрую дюжину специалистов... Он отнюдь не был легким человеком в общении, но, видимо, я чем-то ему приглянулся, и он без лишних слов и эмоций взял надо мной негласное шефство.

Общение наше обычно происходило следующим образом: я заранее готовил несколько трудных для меня вопросов и при встрече устно излагал их моему гениальному (без кавычек!) собеседнику. В очень редких случаях своим скрипучим тихим голосом, слегка растягивая слова, он отвечал сразу. Обычно это происходило в коридоре (дабы не мешать другим сотрудникам), среди высоких шкафов из потемневшего дерева, во время перекура (Юрий Валентинович был заядлым курильщиком и употреблял только крепкие папиросы «Беломор»). Удовлетворив мои запросы, как правило, лишь частично, он добавлял: «Над остальным я подумаю, заходите завтра». Это «завтра» могло длиться и несколько дней, и неделю-другую. Но ответ всегда появлялся – глубокий и всесторонний. Как правило, Юрий Валентинович садился за свой стол в кабинете у громадного окна с видом на Неву и раскладывал стопку листков-«четвертушек» (1/4 обычного листа А-4) из хорошей белой бумаги, исписанных каллиграфическим почерком. В них-то и содержались ответы на мучившие меня загадки мезоамериканского прошлого. За текстом всегда следовали немногословные, но всегда дельные устные комментарии...

Гуляев оказался одним из тех людей, кто честно поддерживал Юрия Валентиновича всю его жизнь. Примерно тогда же на горизонте Кнорозова появился еще один персонаж – Владимир Александрович Кузьмищев (1925–1988). Кто он был? Трудно теперь сказать определенно. Много лет проработал в Союзе советских обществ дружбы. Потом возглавлял сектор культуры в Институте Латинской Америки

Валерий Иванович Гуляев



Владимир Александрович Кузьмищев

АН СССР. Больше известен как журналист и автор научно-популярных книг. У Кнорозова он появился в конце 1950-х – по всей видимости, рассчитывая на написание диссертации. Во всяком случае, в письме от 18 мая 1967 года тот дает ему рекомендации по написанию автореферата:

> Обе диссертации – и Гуляева, и этого типа[268] – имеют общий обзорный характер, а не исследовательский. На кой черт они нужны – непонятно, но так ориентировало диссертантов руководство (Дебец и Чебоксаров). Поэтому в качестве образца этот автореферат брать не следует.

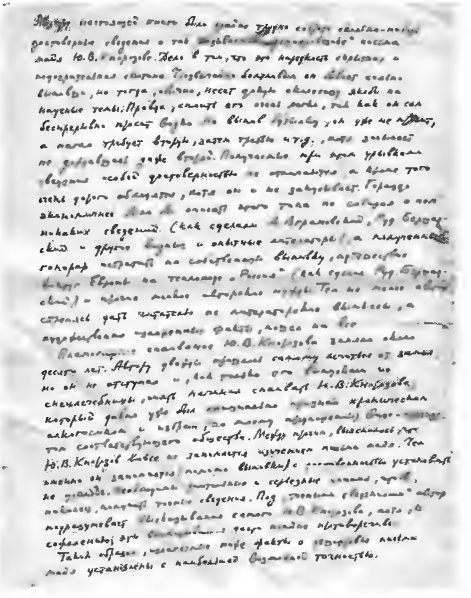
Затем Кузьмищев всплыл для написания популярной книжки «Тайна жрецов майя», вышедшей из печати в 1968 году. После нее у Кнорозова появилось новое насмешливое определение для подобного рода литературы: «тайны страшных пирамидов». А Кузьмищев приобрел прозвище «Кузь». Он публиковал, где только мог, популярные статьи про Кнорозова, про майя, про инков, про индейцев, писал предисловия к переведенным книгам латиноамериканских авторов. Но, судя по переписке, именно Кузьмищев имел право именоваться в какой-то степени другом Кнорозова. Во всяком случае, между собой они были на «ты». Кнорозов делился с Кузем даже проблемами своего здоровья. И переписка между ними велась достаточно активно с 1958 по 1973 год.

Видимо, во время знакомства Кнорозов уговорил Кузьмищева заняться переводом и подготовкой к печати знаменитого источника колониального периода, известного под названием «История государства Инков» Инки Гарсиласо де Ла Веги. И тот занялся-таки этой работой, которую Кнорозову, как он мне рассказывал и как свиде-

[268] По всей видимости, имеется в виду В.А. Башилов.

тельствуют его письма Кузьмищеву, потом приходилось править целиком и практически переписывать, чтобы довести до ума.

О том, как Кузьмищев «завоевывал» расположение Кнорозова, можно судить по переданному мне его сыном Александром Владимировичем весьма странному письму, написанному самим Кнорозовым о себе от лица автора предисловия к книге о майя.



Трагическое письмо Кузьмищеву

Автору настоящей книги было крайне трудно собрать сколько-нибудь достоверные сведения о так называемой «дешифровке» письма майя Ю.В. Кнорозовым. Дело в том, что это на редкость скрытная и подозрительная скотина. Чрезвычайно болтливым он бывает сильно выпивши, но тогда, обычно, несет дикую околесицу якобы на научные темы. Правда, споить его очень легко, так как он сам беспрерывно просит водки. Но, выпив бутылку, он уже не просит, а нагло требует вторую, затем третью и т. д., хотя засыпает, не дождавшись даже второй. Получаемые при этом урывками сведения особой достоверностью не отличаются, а кроме того, очень дорого обходятся, хотя он и не закусывает. Гораздо экономичнее было бы описать этого типа, не собирая о нем никаких сведений (как сделали А. Аграновский, Руд. Бершадский и другие видные деятели литературы), а полученный гонорар истратить на собственную выпивку, путешествие вокруг Европы на теплоходе «Россия» (как сделал Руд. Бершадский[269]) и прочие мелкие авторские нужды. Тем не менее, автор, стремясь дать читателю не литераторские вымыслы, а художественно изложенные факты, пошел на все.

Планомерное спаивание Ю.В. Кнорозова заняло около десяти лет. Автору дважды пришлось самому лечиться от запоя, но он не отступал и, как только его выпускали из спецлечебницы, опять начинал спаивать Ю.В. Кнорозова, который давно уже был официально признан хроническим алкоголиком и избран (по моему предложению) вице-президентом соответствующего общества. Между прочим, выяснилось, что Ю.В. Кнорозов вовсе не занимается изучением майя. Чем именно он занимается (помимо выпивки), с достоверностью установить не уда-

[269] Рудольф Юльевич Бершадский (1909–1979) – советский поэт, прозаик, сценарист.

лось. Необходимы длительные и серьезные усилия, чтобы, наконец, получить точные сведения. Под «точными сведениями» автор подразумевает высказывания самого Ю.В. Кнорозова, хотя, к сожалению, эти высказывания часто крайне противоречивы.

Таким образом, излагаемые ниже факты о дешифровке письма майя установлены с наибольшей возможной точностью.

Если судить по почерку, то письмо Юрий Валентинович писал вполне трезвым. В другом состоянии почерк у него полностью менялся – буквы становились слитными, крупными. А тут аккуратный, вполне осознанный текст. Вывод психиатра, психотерапевта, д. мед. н. Андрея Стрельченко, проведшего анализ этого письма, выглядит достаточно трагично:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ТЕКСТУ ПИСЬМА Ю.В. КНОРОЗОВА

Данное письмо Ю.В. Кнорозова, очевидно, было написано, когда болезнь (алкоголизм) уже несколько повлияла на его ментальную сферу.

Несмотря на то, что скорее всего письмо составлялось единомоментно, и Юрий Валентинович не прерывался в процессе его написания, его эмоциональное состояние в начале процесса написания письма и в конце различаются. Учитывая небольшой промежуток времени, требующийся для составления его текста, можно заключить о выраженной эмоциональной лабильности автора.

Кроме того, некоторая «разорванность» между началом и концом письма может свидетельствовать о снижении мотивационно-волевых процессов, что часто бывает при таком заболевании.

Практически каждое предложение автора пронизано иронией, временами – сарказмом по отношению, прежде всего, к себе. Также с иронией относится автор и к журналисту, от лица которого он пишет свое письмо.

Из тональности письма можно понять, что автор хорошо осознает свое нынешнее состояние и положение, возникшее в связи с болезнью, и очень глубоко переживает по этому поводу.

Возможно, этим письмом автор, будучи человеком, обладающим блестящими умственными способностями и острым умом, иносказательно пытался выразить свою внутреннюю душевную боль, связанную со своим нынешним состоянием.

Несмотря на внешнюю пафосность и ироничность, это очень горькое письмо.

Что стояло за этим посланием? И что он хотел сообщить? Крик о помощи? Но помощи он так и дождался. А принял бы? Кнорозов явно отдавал себе отчет в нечестных приемах того, кому письмо адресовалось. Увы, точно таким же образом с Кнорозовым «общался» еще один сотрудник Института Латинской Америки, еще один «официальный» латиноамериканист – Ю.А. Зубрицкий, тоже «переводчик», писатель и «энтузиаст» Латинской Америки. О его нелицеприятной роли в отношениях с Кнорозовым сохранились воспоминания Ирины Федоровны Хорошаевой.

> Я познакомилась с Кнорозовым в достаточно взрослом возрасте, но он всегда чувствовал большое расположение с моей стороны. Я могу сказать об одном человеке, который, как мне представляется, оказывал на него очень плохое влияние. Ну чего собственно скрывать – Зубрицкий втягивал и в пьянки и так далее. Причем у меня даже был разговор на эту тему с ним: Юра, ну какого дьявола, ну зачем? С Кузьмищевым я как-то меньше сталкивалась, а Зубрицкого я очень давно знала, еще со студенческих лет. И это, конечно, было ужасно...
>
> ...Но потом все как-то сложнее, сложнее, сложнее – и я была очень против этих пьянок. Но это меня не касалось, но я была против того, что с ним натворил Зубрицкий. По-моему, он его просто спаивал. Понимаете, Зубрицкий в этом был один из первых...

Как бы то ни было, в 1974 году в «Литературных памятниках» была опубликована «История государства Инков» Гарсиласо де Ла Веги в переводе Кузьмищева. Под редакцией Ю.В. Кнорозова.

Любопытно, что в 1965 году чуть не разгорелся скандал между Кузьмищевым и Зубрицким, который тоже захотел опубликовать перевод «Истории государства Инков». Они оба подали заявки в разные издательства. И Кнорозов пишет более дружественному на тот момент Кузьмищеву:

> Я, по-видимому, очень неясно писал в предыдущем письме. Мне и в голову не приходит, что ты «торгуешь инкой». Собственно, если тебе захочется «торговать» им, т. е. предложить в другое издательство и т. д., то это твое полное и неоспоримое право, и никто не будет ни в малейшей претензии. Дело в другом. На издание Гарсиласо уже давались заявки именно Зубрицким. В связи с этим целесообразно централизовать переговоры, чтобы у коллегии не сложилось неясного впечатления, что переводы предлагают со всех сторон. На данном этапе коллегия должна в точности знать, что перевод предлагается один, причем одобренный...

Так что остается только догадываться, кто именно сделал перевод и почему Кнорозов имел право принимать решения о его публикации под тем или иным авторством...

Ленинград. 22.X.73.
Закрой пасть.

Последнее письмо Кнорозова «Кузю»

Надо сказать, что Кнорозов очень любил поэзию кечуа, которую, по сути, и перевел. По воспоминаниям Ирины Константиновны Федоровой,

Большой знаток поэзии, в том числе древних поэтических памятников разных народов, он иногда с воодушевлением читал особенно полюбившиеся ему стихи. Он часто цитировал поэму кечуа «Ольянтай». Она была опубликована в приложении к переводу книги Инки Гарсиласо де ла Вега, подготовленном Ю.В. Кнорозовым и В.А. Кузьмищевым (1974).

Ему очень нравился отрывок «Юнки вышли на подмогу к тем, кто злобой к нам пылает...», который он читал драматическим шепотом с самым зловещим выражением лица...

При поддержке Кузьмищева Кнорозов предпринял попытку провести исследования Дрезденского кодекса. Судя по переписке, в 1967 году ему очень хотелось провести это исследование. Юрий Валентинович рассчитывал, что методами криминалистики можно восстановить утраченные фрагменты текста рукописи майя. Кнорозов буквально давил на Кузьмищева, чтобы тот попытался добиться этого проекта через Союз советских обществ дружбы. Во всяком случае, в бюро Президиума ССОД было направлено письмо с предложением такого проекта за подписями Кнорозова и Кузьмищева.

Стоит отметить, что девяносто процентов всей переписки между Кнорозовым и Кузьмищевым велось вокруг подготовки издания «История государства Инков» – уточнения к переводу, дополнения, претензии к халтуре Кузьмищева, отношения с издательствами и редакторами, вопросы продажи. Часто и детально обсуждался и ожидаемый гонорар. Но вот последнее письмо, после которого все отношения прекратились, выглядело весьма своеобразно:

Ленинград. 22.X.73

Закрой пасть.

И до смерти Кузя в 1988 году больше ни строчки. И уже не узнать в подробностях, что именно случилось между ними в тот год, когда

первый тираж «Истории государства Инков» уже выходил из печати. Спустя десять лет Кнорозов писал мне в разных письмах о Кузьмищеве весьма резко, именуя его «злобным, опасным и наглым дураком», который, по сути, зарабатывал не только на имени Кнорозова, но и на прямом подлоге. Юрий Валентинович упоминал в связи с изданием «Гарсиласо...» некую подделанную подпись, по всей очевидности, связанную с получением авторского гонорара. Тем более что проблема гонорара обсуждалась вплоть до выхода издания.

Не для меня реки струя брега родные омывает...

Как бы то ни было, у Кнорозова, по большому счету, все шло достаточно успешно – работа и даже появившиеся ученики. И закономерно, что понимающие значение вклада Кнорозова в науку коллеги решили подать действительно уникальную монографию «Письменность древних майя» на «Премию Миклухо-Маклая». Премия имени Н.Н. Миклухо-Маклая присуждается Российской академией наук, а раньше – АН СССР «за большой вклад в изучение проблем этнологии и антропологии». Никто не сомневался в том, что работа Кнорозова полностью соответствовала требованиям премии. Естественно, что для этого были подготовлены необходимые документы: обязательная характеристика, аннотация (ее написал сам Кнорозов) и представление.

ХАРАКТЕРИСТИКА[270]
КНОРОЗОВА Юрия Валентиновича, доктора исторических наук, старшего научного сотрудника сектора Америки Института этнографии АН СССР, 1922 г. рождения, русского, беспартийного

Ю.В. Кнорозов состоит в штате Института этнографии Академии Наук СССР с августа 1953 года.

Ю.В. Кнорозов – виднейший специалист по истории и этнографии народов Центральной и Южной Америки, а также древних систем письма. Он занимается исследованием и расшифровкой письменности индейцев майя, коренного населения острова Пасхи и протоиндийского письма. В этой области Ю.В. Кнорозов добился весьма существенных результатов, и его вклад в изучение древних систем письма заслужил международное признание. Труды его по письменности индейцев майя пользуются большим и заслуженным успехом среди советских и зарубежных ученых. Среди его работ по этому вопросу особо следует отметить вышедшую в 1963 году большую монографию «Письменность

[270] Архив МАЭ – Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера). К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 54–55.

индейцев майя», которая подводит итоги многолетней работы Ю.В. Кнорозова над изучением и расшифровкой письменности майя.

По истории и этнографии индейцев майя Ю.В. Кнорозовым написана кандидатская диссертация. Исключительно высокий уровень этого исследования позволил Ученому Совету Института этнографии АН СССР вынести решение о присвоении диссертанту ученой степени доктора исторических наук в марте 1955 года.

Ю.В. Кнорозов ведет большую научно-организационную работу, а также работу по расширению научных и культурных связей с зарубежными странами. Он является членом Ученого Совета ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, членом лингвистической секции Научного Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР и вице-президентом Ассоциации по культурным связям со странами Латинской Америки (АКСЛА), членом международного семинара по культуре майя (Мексика).

Ю.В. Кнорозов принимал участие в работе 32 Международного Конгресса американистов в Копенгагене в 1956 году и VII Международного Конгресса антропологов и этнографов (Москва, 1964 г.).

Помимо интенсивной научной деятельности, Ю.В. Кнорозов принимает активное участие в общественной жизни института.

Характеристика дана в связи с представлением труда Ю.В. Кнорозова «Письменность индейцев майя» на соискание премии имени Миклухо-Маклая.

Зам. директора Института
Этнографии АН СССР
Профессор, заслуженный деятель науки Л.П. Потапов

Секретарь Партбюро
Кандидат исторических наук Д.И. Тихонов

Председатель Местного Комитета Е.В. Иванова

Представление на полстранички в дирекцию института, особо не утруждая себя, подал Р.В. Кинжалов в качестве непосредственного начальника.

В ДИРЕКЦИЮ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР[271]

Монография Ю.В. Кнорозова «Письменность индейцев майя» вызвала большой интерес научной советской и зарубежной общественности. На нее опубликован ряд рецензий, в том числе кандидата филологических наук А.Б. Долгопольского (Журнал «Вестник Академии Наук», 1963, № 11,

[271] Там же. Л. 59.

Академик Михаил Александрович Леонтович. Худ. Михаил Шапиро

Леонид Павлович Потапов

стр. 141–144) и американского ученого М. Ко. (American Anthropologist, v. 67, № 2, p. 590–592, 1965) и др.

В органе международного семинара по культуре майя "Estudios de cultura maya", v. V, опубликован частичный перевод монографии на испанский язык (оттиск прилагается). В настоящее время Гарвардский университет США подготовил к печати в серии «Советские научные исследования» полный перевод «Письменности индейцев майя».

Руководитель Ленгруппы сектора Америки
Института этнографии АН СССР
Кандидат исторических наук Р.В. Кинжалов

Однако премии Миклухо-Маклая Кнорозов так и не получил. А ушла эта премия за 1966 год к редакторам одного из достаточно стандартных обзорных сборных томов серии «Народы мира» под названием «Народы Восточной Азии». И неслучайно. К такому автору, как Н.Н. Чебоксаров[272], тогда заведующий отделом Восточной и Юго-Восточной Азии, «прицепом» шли тоже начальники: Р.Ф. Итс[273], на тот момент кандидат наук, специалист по Южной Азии, администратор и активный

[272] Николай Николаевич Чебоксаров (1907–1080) – д. и. н., китаист, физический антрополог, теоретик этнографии и антропологии. С 1943 г. работал в ИЭ АН СССР.

[273] Рудольф Фердинандович Итс (1920–1990) – д. и. н., специалист по Южной Азии. С 1963 г. на руководящих постах ИЭ АН СССР, активно занимался партийной и общественной деятельностью. Известен как автор преимущественно научно-популярных произведений.

партийный деятель. Как позже писал мне Юрий Валентинович: «Итс Рудольф Фердинандович, зам. дир. МЭИ, эстонец, меня почему-то возненавидел с первого взгляда. Везде суется...» А также Г.Г. Стратанович, тоже кандидат наук и начальник рангом помельче, специалист по Китаю. Но главное, среди редакторов издания присутствовал С.И. Брук[274], тоже кандидат наук, который вовсе не был специалистом по Восточной Азии, зато занимал должность заместителя директора Института этнографии и заместителя главного редактора этой самой серии. Заметим, в аннотациях к данному тому серии «Народы мира» его имя до сих пор появляется перед именем Стратановича. Так что «провал» Кнорозова был вполне, по сути, прогнозируемым.

Там будет петь — не для меня...

Следующая драматическая история связана с первой попыткой добиться для Кнорозова звания члена-корреспондента Академии наук. Ведь не только наивный академик Леонтович[275], по воспоминаниям Вяч.Вс. Иванова, мог иметь такое мнение: «Об этом писали все газеты, Кнорозов стал знаменитым. Я помню, как тогда академик Леонтович, физик, говорил: "Вот теперь я знаю, кого выбирать в академию – это должен быть Кнорозов, который такую большую вещь сделал, как дешифровку..."» Забегая вперед, скажу, что всего таких попыток было четыре: три раза пытались добиться для Кнорозова звания члена-корреспондента и один раз подавали на действительного академика – причем все оказалось одинаково безуспешно. Каждый раз ученого, дешифровавшего письменность майя и превзошедшего Шампольона, кто-то обыгрывал – к сожалению, вовсе не на научном поле. Собственно, к скандалу с «академиками», разразившемуся в ноябре 2016 года, дело в Академии наук шло давно... И возник он не на пустом месте. Да и кто, кроме В.В. Путина, мог задать, наконец, руководству Академии наук сакраментальный и давно назревший и всем понятный вопрос: «Скажите, зачем вы это сделали?»...

Однако вернемся в 1960-е. О предпринимаемых тогда действиях со стороны института можно судить по тому, что этим десятилетием датируются еще две характеристики примерно такого же содержания. Судя по всему, тот же Леонид Павлович Потапов[276] считал необходимым добиться для Кнорозова должного признания. И, видимо, неслучайно: он был настоящим ученым, учеником

[274] Соломон Ильич Брук (1920–1995) – д. геогр. н., статистик, с 1953 г. сотрудник ИЭ АН СССР, преимущественно на руководящих должностях.

[275] Михаил Александрович Леонтович (1903–1981) – д. физ.-мат. н., проф., академик, русский физик, лауреат Ленинской премии.

[276] Леонид Павлович Потапов (1905–2000) – д. и. н., крупнейший отечественный этнограф, специалист по народам Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, ранним религиям.

Штернберга и Богораза, специалистом по коренным народам Сибири и ранним религиям. В 1946–1948 годах Потапов являлся заместителем директора ГМЭ – того самого музея, который как раз в 1948 году приютил никому не нужного историка Юру Кнорозова.

17 мая того же 1966 года Потапов подписывает очередную характеристику «в связи с выдвижением кандидатуры Кнорозова для выборов в члены-корреспонденты Академии Наук СССР»[277]. Но эта затея окончилась ничем, и подробности не сохранились. Известно только, что в 1966 году членом-корреспондентом от отделения стал этнограф Ю.В. Бромлей[278], своего рода «карьерный ученый», занимавший исключительно руководящие посты. А в январе 1966 года Бромлей, что очень существенно, стал директором Института этнографии. Это особая порода «ученых». Отличаются они тем, что яростно бьются за возможные премии и посты и стремятся пробиться поближе к «телу» очередного руководителя страны. И чаще всего, помимо понятного тщеславия, ради влияния и распределения финансовых потоков. Если «карьерный дипломат» – это профессиональный дипломат, в отличие от назначаемых на высокие дипломатические посты друзей и родственников высшего руководства, то «карьерный ученый» – это скорее администратор от науки, чаще всего тонущий в карьерных играх, забыв об истинном назначении той самой науки, о которой он должен заботиться. А таких гениев в организации науки, как Толстов или Курчатов – раз, и обчелся. И потому ученые вроде Кнорозова или того же Канторовича становятся крайне неудобными и неуместными фигурами на академической шахматной доске.

Итак, Бромлей только в 1965 году едва успел защитить докторскую диссертацию по теме «Становление феодализма в Хорватии». Видимо, и членкором он стал за это перевернувшее науку и мир открытие – других достижений на этот период за ним не числится. Как бы то ни было, феодализм в Хорватии оказался вне конкуренции.

В августе 1966-го все тот же Потапов подписывает Кнорозову характеристику, в которой, уже по согласованию с Василеостровским райкомом КПСС, рекомендуется «командировать Ю.В. Кнорозова на I Международный семинар по изучению письма майя в г. Мерида (Мексика), который должен был пройти 4–10 декабря 1966 года[279]. По всей видимости, семинар собирался именно «под Кнорозова», и собирал его Альберто Рус[280], тогда еще и глава комиссии по изучению письма майя, – но без объяснения причин главный персонаж семинара туда так не поехал... Сохранился вариант ответа

[277] Архив МАЭ. К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 62–63.

[278] Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990) – д. и. н., проф., академик, теоретик этнографии, С 1966 г. директор ИЭ АН СССР.

[279] Там же Л. 64–65.

[280] Альберто Рус Луильe (Alberto Ruz Lhuillie) (1906–1979) – крупнейший мексиканский археолог, специалист по майя, в частности погребальному обряду.

Альберто Русу, в котором Кнорозов вовсе не отказывается от приглашения, видимо, надеясь на эту поездку:

Sr. Prof, Dr. Alberto Ruz
Comision para el estudios
De la escritura maya
Ciudad Universitaria
Mexico 20 D.F.

Muy estimado Senor

Разрешите мне выразить Вам глубокую благодарность за любезное приглашение принять участие в международном семинаре по изучению письма майя. Я считаю Ваше приглашение высокой честью для себя и готов участвовать как в семинаре, так и в любых работах по дальнейшему изучению текстов майя. Международная координация этих работ мне всегда представлялась целесообразной. Мне было очень приятно узнать о создании Комиссии по изучению письма майя под Вашим авторитетным руководством. Заранее уверен в успехе Вашей работы.

Я мог бы представить на Ваш выбор один из двух докладов: «Имена богов в иероглифических текстах майя» или «Формальное исследование иероглифических текстов майя», или же оба доклада одновременно. К сожалению, перевод на испанский или английский язык может занять у нас много времени, так как я лично не владею этими языками. Если есть возможность направить Вам русский текст, то это значительно облегчило бы мне соблюдение необходимых сроков представления доклада. Кроме того, я просил бы Вас направить Ваше официальное приглашение в адрес Президиума Академии Наук СССР (Москва. Ленинский проспект, 14).

Беру на себя смелость направить Вам (отдельной бандеролью) наши последние работы по дешифровке киданьских и протоиндийских текстов, полагая, что Вас и Ваших коллег может заинтересовать применяемая нами методика и техника. Моя дальнейшая работа по изучению текстов майя чрезвычайно затруднена отсутствием словарей (я располагаю только «Словарем из Мотуля», не считая словаря Брассер де Бурбура).

Желаю всего наилучшего Вам и Вашим коллегам

С глубоким уважением
доктор исторических наук /Ю.В.Кнорозов/
Ленинград. 20. IV 1966.

Упорный Потапов в 1967 году вновь подписывает Юрию Валентиновичу подробную и очень хорошую рекомендацию для уже более «статусной» зарубежной поездки в страны Латинской Америки в составе делегации Общества Дружбы. В таком статусе регулярно бывали в

Латинской Америке и Кузьмищев, и Зубрицкий. Но и эта последняя рекомендация уходит в никуда. В последней, самой главной инстанции, после «новосибирской истории» с участием капитана КГБ Устинова кандидатуру Кнорозова для заграничных командировок за пределами Института этнографии даже не рассматривают. С этого момента у Кнорозова появляется новый ироничный комментарий: «Регулярно создаются комиссии по отправке меня в Мексику. Все члены этих комиссий там уже побывали...»

В 1967 году у Кнорозова обнаруживают туберкулез, о чем он в письме от 24 апреля сообщает Кузьмищеву, договариваясь о том, чтобы в Москве остановиться у него дома: «У меня и вправду туберкулез, но врачи уверяют, что пока что совершенно безопасен для окружающих. Таким образом, надеюсь, полагаясь на врачей, что я тебя не заражу хотя бы туберкулезом. Индейцами майя я тебя заразил раньше». По всей видимости, в 1967-м с туберкулезом удалось справиться достаточно эффективно. Однако опасения, в связи с сырым холодным ленинградским климатом, будут его преследовать всю жизнь. И не напрасно.

Кнорозов тем временем работает, публикуется, принимает участие в научных мероприятиях, пишет отчеты, проходит аттестацию и без проблем 31 марта 1969 года переизбирается на должность старшего научного сотрудника на новый срок. Работайте, Юрий Валентинович, работайте!

Христос воскрес — из уст польется! в день Пасхи там — не для меня...

Следующая архивная, и на удивление радостная глава в личном деле Кнорозова – это успешная битва за Государственную премию. Учрежденная в 1967 году Госпремия была преемницей отмененной Сталинской премии и вручалась в СССР ежегодно вплоть до 1991 года. Вручение происходило 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции, за выдающиеся творческие достижения в области науки и техники, литературы и искусства. Так что документы начали готовить загодя.

Отчет о работе от 6 ноября 1975[281] свидетельствует о не снижающихся темпах работы Кнорозова.

По плану:

1. Этногенетические процессы в Древней Америке. 4 а. л. (продолжение серии статей общим объемом 12 а. л. за 1971–1975 гг.)
2. Зарубежные исследования по культуре майя. Обзорная статья. 1 а. л.
3. Редакционно-издательская работа: «Иероглифические рукописи майя», 17 п. л.; сборник «Proto-Indica: 1973», 5 а. л.; сборник «Забытые системы письма» 25 а. л.

[281] Архив МАЭ. К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 80.

Вне плана, по соц[иалистическому] обязательству:
1. Рецензия на книгу: M.D. Coe «Maya scribe and his world». N.Y., 1973.
Вне плана:
Рецензия на книгу: S. Koskenniemi, A. Parpola and S. Parpola «Materials for the study of the Indus script». Helsinki, 1973 (совместно с Н.А. Пробстом).
Выходят из печати в 1975 г.
1. «Иероглифические рукописи майя» 17 п. л.
2. «Классификация протоиндийских надписей». 1 а. л. (сборник «Proto-Indica: 1973».
Пометка: «Плановые статьи заканчиваются к 1.XII.1975».

Спустя целых 12 лет, в 1975-м, вышло многострадальное продолжение, а фактически неизданная часть «Письменности древних майя» – монография «Иероглифические рукописи майя». Эта книга включила переводы текстов рукописей майя и комментарии Кнорозова к этим текстам. Но издание было ужасным: в плохом переплете, мягкой тонкой обложке, и главное – в сокращенном объеме! Причем, если судить по сохранившимся не вошедшим гранкам, объем был урезан еще в процессе печати. В результате уникальная подборка из Рукописей майя с «таблицами богов» и их именами в издание не вошла! И Кнорозов раздавал потом коллегам чудом сохранившиеся копии гранок, с которых приходилось снимать полуслепые копии. Каким образом такое варварское сокращение монографии Кнорозова могло произойти и почему именно так издательство «Наука» решило сэкономить, можно теперь только гадать.

И вот в 1976 году в институте принимается решение представить Юрия Валентиновича Кнорозова к Государственной премии. Возможно, решение такое принял новый директор Института этнографии – Ю.В. Бромлей, назначенный на этот пост в январе 1966 года. Может быть, он вспомнил, что членкором стал в том самом 1966 году, когда дешифровка письма майя оказалась незначительным пустяком по сравнению с глубинами хорватского феодализма.

Можно предположить, что Бромлей до того, как стал директором Института этнографии, имел о Кнорозове весьма смутное представление, хоть и работал ученым секретарем бюро Отделения истории АН СССР. Ирина Федоровна Хорошаева вспоминает, что Бромлей вообще называл Кнорозова «инопланетянином». Понятно, что никому и в голову не приходило воспринимать Юрия Валентиновича как конкурента на руководящую должность или интригана. В свою очередь Кнорозов, естественно, сразу же дал новоиспеченному директору института кличку «Бармалей».

Как бы то ни было, подготовка велась весьма серьезная. Во-первых, была составлена 13-страничная АННОТАЦИЯ[282] под названием «Работы по изучению иероглифических текстов майя, опублико-

[282] Архив МАЭ. К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 97–105.

ванные Ю.В. Кнорозовым». На последней странице стояла дата 1.X.1976 и заверенная печатью подпись самого Кнорозова.

Затем следовали протоколы обсуждения.

1 октября 1976 года на заседании сектора Америки Ленинградской части Института этнографии АН СССР обсуждалась кандидатура старшего научного сотрудника, доктора исторических наук Ю.В. Кнорозова в связи с выдвижением цикла его работ по дешифровке письменности майя на соискание Государственной премии СССР.

Присутствовали:

Р.В. Кинжалов, А.Д. Дридзо, Р.Г. Ляпунова, Г.И. Дзенискевич, аспиранты: В.Б. Баглай и Ю.Е. Березкин.

Высказались Р.В. Кинжалов, А.Д. Дридзо, Р.Г. Ляпунова.

Постановили: считать цикл работ Ю.В. Кнорозова по дешифровке письменности майя выдающимся достоянием советской американистики. Поддержать выдвижение их на Государственную премию СССР[283].

Монография «Иероглифические рукописи майя»

Следующим шагом стало обсуждение в Москве 19 октября 1976 года на заседании сектора народов Америки[284].

Присутствовали: Ю.П. Аверкиева, Э.Л. Нитобург, Ш.А. Богина, И.Ф. Хорошаева, Л.Н. Фурсова, С.Г. Федорова, С.Я. Серов, Л.С. Шейнбаум, Н.Г. Кулакова.

Высказались: Э.Л. Нитобург, Ю.П. Аверкиева, И.Ф. Хорошаева, Ш.А. Богина.

Постановили: Одобрить и поддержать кандидатуру Ю.В. Кнорозова в связи с выдвижением его на соискание Государственной премии СССР.

Протоколы заседания счетных комиссий Ученого Совета Ленинградской части и в Москве, которые пришли одновременно 26 сентября, подтвердили единогласные результаты голосований.

Постановили: Выдвинуть работы Ю.В. Кнорозова (по совокупности), посвященные исследованию письменности майя (дешифровка, перевод) на соискание Государственной премии 1977 г.

[283] Там же. Л. 90.

[284] Там же. Л. 91.

К этому прилагался официальный бланк протокола заседания счетной комиссии[285].

Прилагалась также «Справка о творческом вкладе соискателя (Ю.В. Кнорозов)», в которой на двух страницах излагались основные вехи творчества Кнорозова, и в заключении говорилось: «С полным основанием можно сказать, что в настоящее время в одном ряду с именами Жана Франсуа Шампольона, Георга Фридриха Гротефенда и Бедржиха Грозного стоит имя советского ученого Юрия Валентиновича Кнорозова, открывшего человечеству письменные памятники еще одной самобытной культуры древности»[286].

19 ноября – днем рождения Юрия Валентиновича датируется бумага под названием «Сведения о соискателе» из девяти пунктов за подписью Кнорозова. Также прилагался листок «Некоторые материалы по предварительному обсуждению работ Ю.В. Кнорозова», где указывались две ссылки на прилагавшиеся публикации: в газете «Правда» от 12 сентября 1976 года «Прикосновение к тайне (поиски, находки)»; а также «American Anthropologist», v. 67, № 2, April 1965, p. 590-592.

26 октября 1976 г. датируется «ВЫПИСКА из протокола № 1 заседания Ученого Совета Ленинградской части Института этнографии имени Миклухо-Маклая Академии наук Союза Советских Социалистических Республик»[287]. Кинжалов зачитал представление о выдвижении работ Ю.В. Кнорозова по дешифровке письменности древних майя на соискание Государственной премии СССР. Примечательно, что Кнорозова представляют *как руководителя группы по дешифровке забытых систем письма у ряда народов мира.* Выступили А.М. Решетов и Д.И. Тихонов, и было принято постановление: «Выдвинуть работы доктора исторических наук Ю.В. Кнорозова по дешифровке письменности древних майя на соискание Государственной премии СССР».

И, наконец, заключительный документ за подписью директора Института этнографии Ю.В. Бромлея: «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ»[288] в Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР. Документ на двух страницах датируется 13 декабря 1976 года. В целом текст повторяет то, что упоминалось в подготовительных документах, в заключении сказано: «Работы Ю.В. Кнорозова пользуются широчайшей известностью за рубежом, способствуя росту авторитета науки. Его исследования были отмечены премией Президиума АН СССР, удостоены медали «За трудовые заслуги», медали ВДНХ. Институт этнографии полагает, что имеются все основания для представления цикла работ Ю.В. Кнорозова на соискание Государственной премии СССР 1977 года».

[285] Там же. Л. 92.
[286] Там же. Л. 106–107.
[287] Там же. Л. 110–111.
[288] Там же. Л. 88–89.

И, наконец, случилось! Удача, в которую трудно поверить, – Юрий Валентинович Кнорозов получает Государственную премию СССР за 1977 год в области науки! Официальный текст выглядит так:

> Юрий Валентинович Кнорозов, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР, — за цикл работ «Исследование письменности майя (дешифровка, перевод)», опубликованных в 1955—1975 годах

Парадоксы судьбы, но, видимо, неслучайно единственной высокой правительственной наградой, которую получил «дитя сталинского времени» Юрий Кнорозов, стала именно Государственная премия – преемница премии Сталинской...

Награжденному вручались диплом лауреата, Почетный знак и денежное вознаграждение. Почетный знак изготовлялся из золота 583 пробы, крепился на колодке из серебра, тоже покрытой золотом. Диплом представлял собой кожаную папку с вкладным листом (текстом диплома). Денежное вознаграждение составляло 5000 рублей, что было по тем временам очень и очень приличными деньгами.

Кнорозов был под впечатлением. Как вспоминает Ирина Хорошаева, после получения Госпремии он обратился ко всем друзьям, разослав такой текст:

> Алле, коллега!
> От имени братства
> святого Франциска
> в дни лауреатства
> я шлю вам записку.
> Хоть и не знаю,
> угодны ли Богу
> в юдоли печали
> обретшие много.
> Но все ж поздравляю,
> любезный коллега!
> Желаю успехов!
> де Ланда Диего...

Племянница Ирина Леонидовна, жившая с семьей в Ленинграде и потому чаще других навещавшая «дядю Юру», вспоминала с мужем Борисом, как они пришли поздравить его с получением Государственной премии. Но воспоминания остались удручающие:

> Юрий Валентинович встретил родственников словами: «Ну что, пришли потому, что я эту премию получил?» А подтекст был: «Все хотят получить что-то от моей премии».
> Борис: «Я, помню, разозлился».
> Ирина: «И я разозлилась, сказала: "Ну и сиди со своей премией"».

Борис: «Года, наверно, два или три не общались».
Ирина: «Все пространство под столом было заставлено пустыми бутылками – он был неадекватен. Возможно, что у него кто-то все время просил, возможно, пропил».
Борис: «Просто он был в пьяном состоянии...»

Странное было состояние Кнорозова после получения Государственной премии. И воспоминания тех, кто был тогда рядом, отчасти передают этот даже не взлет, а скорее какой-то упадок духа. Вот как описывает один из эпизодов того времени после получения Госпремии Мира Михайловна Геффен-Рожанская:

Ну вот, а в Москве он бывал, в один из его визитов, в каком он виде ходил? Вы ее помните, наверное, его сотрудница ленинградская, она потом уехала в Америку – Берта Яковлевна рассказывала, как она одевала Кнорозова. Она приходила и говорила «Юрий Валентинович, купила ботинки мужу, не подходят, что делать – не знаю, денег нет. Может, Вы купите или, может, вы наденете? Может, они хоть вам подойдут. Вот так вот это выглядело. А как он ходил! Костюм был какой-то серый, в подозрительных пятнах.

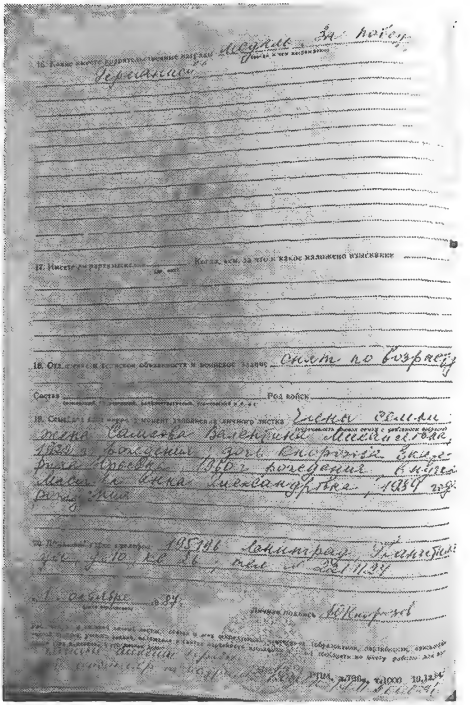
И однажды он в таком виде пришел к нам в Москве. Я говорю: «Юра, ты меня извини – из какой канавы ты только что вылез?» А он мне говорит: «А это я был на приеме у Президента Келдыша». Я говорю: «Ты бы зашел сначала ко мне, я бы рубашечку постирала, костюмчик или чего-нибудь там». Он говорит: «Я не понимаю, кто к кому идет, я к нему или он ко мне? В общем, мне он не нужен, а если я ему нужен, так он пусть в таком виде меня и принимает». Такая вот мистификация. Я говорю: «Ну, как ты там был? Зачем ты ходил к нему?» «Келдышу стало интересно, чем там занимаются и гуманитарии тоже». Я не помню, в каком это было году, наверное, в конце 70-х. «Ну, значит, а там у него, говорит, жесткий регламент. И говорить можно только столько-то минут, а то тебя стащат с кафедры». Еще он говорит: «Стоят два молодца, которые тебя стаскивают». Так что, как только он только начал говорить, его два молодца и стащили. Потом Келдыш спрашивает «А кто мне более подробно может рассказать о работах Кнорозова?» Сергей Александрович и вылез. «Но его, говорит, тоже стащили два молодца, но немножко позже». Вот такой был визит. Но он хотел, так сказать, иметь общее представление, что делается в Академии, конечно.

Не для меня дни бытия текут алмазными струями...

Среди подшивок личного дела Кнорозова сохранились некоторые документы, свидетельствующие о второй попытке выдвинуть его в членкоры Академии наук. Чья была это инициатива? Уж точно не Кнорозова. Возможно, Бромлей решил, что стоит попробовать,

используя имеющийся административный ресурс. Осознавая при этом, что кандидатура «инопланетянина» Кнорозова от Института этнографии на этот год не была единственной. Кто знает, что стояло за этой «академической» игрой, но закончилась история весьма гадко и банально.

Как бы то ни было, загодя 11 ноября 1976 г. пишется не имеющий заглавия «отзыв о научной деятельности» – краткая справка – на «Кандидата в члены-корреспонденты АН СССР по специальности «Всеобщая история» Кнорозова Юрия Валентиновича»[289]. Хотя дата выглядит несколько преждевременной по отношению к прочим документам этой эпопеи.



Личный листок 1987 г., заполненный и подписанный не Ю.В. Кнорозовым

в Президиум АН СССР

Представление Ученого совета Института этнографии АН СССР[290]

Ю.В. Кнорозов является всемирно известным исследователем в области изучения древнейших периодов истории культуры народов Америки, Океании и Индии, их языков и древних систем письма. Широкую известность и международное признание получили выдвинутые и обоснованные Ю.В. Кнорозовым методы исследования древнейших периодов культуры на основе позиционно-статистического анализа еще не расшифрованных систем письма народов мира. Особенно значителен его вклад в дешифровку письменности майя, обладавших самой развитой системой письма в древней Америке – иероглифической. Если от других цивилизаций Месоамерики до нашего времени дошло в лучшем случае несколько десятков или сотен надписей, то иероглифический корпус майя насчитывает свыше 5000 номеров. Применив принципиально новую методику к расшифровке письменности майя, Ю.В. Кнорозов уже в 1952 г. показал, что эта система письменности носит иероглифический характер и предложил метод ее дешифровки.

[289] Там же. Л. 85–86.

[290] Там же. Л. 140–141.

Опираясь на методику, он выработал принципы дешифровки для ряда других письменностей и успешно применил ее на материале культур древних майя, коренных жителей острова Пасхи и древней Индии. Исследуя, в частности, культуру майя, он издает работу «Система письма древних майя» (1955 г., опубликованную на русском и испанском). В капитальной монографии «Письменность индейцев майя» (М.-Л., 1963 г. 41 печ. л.) подведены итоги дешифровки, дан свод знаков, словарь, перевод избранных текстов и грамматический очерк. Это, в свою очередь, позволило непосредственно перейти к чтению древних текстов. В монографии «Иероглифические рукописи майя» (Л., 1975 г., 21 печ. л.) впервые в мире дан полный перевод дошедших до наших дней рукописей майя. Комментарии к этим текстам, составленные Ю.В. Кнорозовым, представляют собой своего рода энциклопедию ритуальной жизни древних майя, создание которой стало возможной лишь после расшифровки рукописей.

Работы Ю.В. Кнорозова имеют большое теоретическое значение. Разработанная под его руководством методика позиционно-статистического анализа находит применение в различных областях семиотики. Предложенные им методы исследования исторических систем письма успешно применяются среди советских и зарубежных ученых, в частности, американские специалисты по майя перешли на методику Ю.В. Кнорозова. Ю.В. Кнорозов создал советскую школу исследователей недешифрованных систем письма. В настоящее время он возглавляет межинститутскую группу этнической семиотики при секции лингвистики Комитета по семиотике АН СССР, которая под его руководством и при непосредственном его участии ведет успешное исследование ряда древних культур и письменностей.

С 1952 г. Ю.В. Кнорозовым опубликовано свыше 70 научных работ. Основные его труды, по мере появления в СССР, переводятся в зарубежных странах.

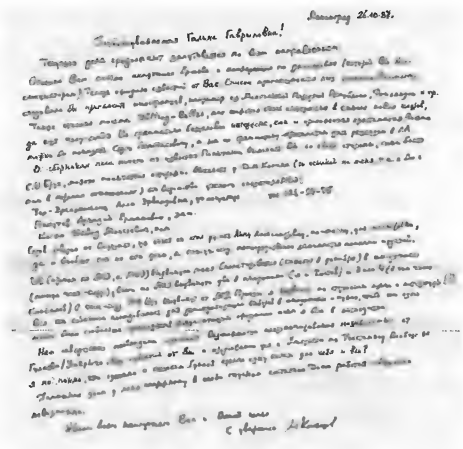
В 1977 г. Ю.В. Кнорозову была присуждена Государственная премия СССР за дешифровку и перевод иероглифических текстов майя.

Директор Института
этнографии АН СССР

Председатель
Ученого совета
академик Ю.В. Бромлей

Однако «Личное дело» Кнорозова не могло хранить документов, свидетельствующих о том, что внезапно, в том же году, появился еще один претендент на членкорство. И вот тут-то и всплывает знаковая фигура «великого этнографа» и чрезвычайно писучего разведчика, а кроме того, тоже «специалиста по Мексике» Иосифа Григулевича...

Спору нет, специалистом по Мексике Григулевич стал несколько раньше Кнорозова – еще в далеких 1938–1940 годах, когда Юра Кнорозов заканчивал техникум и поступал в университет. Именно тогда Сталин послал в Мексику группу для ликвидации своего политического противника – Льва Троцкого. Согласно свидетельствам другого участника этого мероприятия и впоследствии сотрудника журнала «Иностранная литература», роль Григулевичу отводилась не из главных – «топтуна». Но она-то и сделала «старика Ромуальдыча» «этнографом-американистом». Но кто их, этих сталинских разведчиков, разберет, и кто им до конца поверит? Приукрашивать собственный вклад в судьбы мира они тоже любили. Самим Григулевичем (как и о нем) написано очень много, поэтому ограничимся лишь очень краткой справкой:



Отношение Кнорозова к выборам в академики

Иосиф Ромуальдович Григулевич (1913–1988) – «Ромуальдыч», помимо множества других имен, кличек и псевдонимов.
Караим из Вильнюса по этническому происхождению, иудей по вере.
1930 г. – вступил в компартию
1933 г. – учился то ли в Сорбонне, то ли в Ecole normal supérieur (с октября по август)
1934 г. – отправлен в Аргентину по линии Коминтерна
1937 г. – переводчик резидентуры в Испании
1938 г. – командирован в Мексику
1940 г. – после неудачного покушения на Троцкого уезжает в США и оттуда в Аргентину
1941 г. – резидент в Южной Америке
1945 г. – перебирается в Бразилию как гражданин Коста-Рики
1949–1951 гг. – работает в Италии
1952 г. – посол Коста-Рики в Италии
1953 г. – возвращается в Москву
1954–1955 гг. – учеба в Высшей партийной школе
1956 г. – уходит из разведки и легально работает в Обществе по культурным связям с зарубежными странами
1960 г. – оседает в Институте этнографии АН СССР
1961 г. – участвует в создании Института Латинской Америки, безуспешно пытаясь стать директором
С 1970 г. – руководитель сектора зарубежной этнографии, зам. директора ИЭ

С 1976 г. – создает «под себя» и становится главным редактором журнальчика «Общественные науки» в арбатском особнячке
С марта 1978 г. – членкор АН СССР
В 1988 г. – скончался

Таким образом, «большой ученый» за свою жизнь толком не закончил школу, проучился несколько месяцев непонятно где в Париже и год – в партийной школе... И тут действительно понимаешь то особое чувство юмора, с которым Григулевич иногда говорил: «Подумаешь, убийство Троцкого – я самого Кнорозова обошел при получении членкора!» Об этом и многом другом мне рассказывал Александр Владимирович Кузьмищев, сын того самого Владимира Кузьмищева по прозвищу Кузь. Александр Кузьмищев, как и отец, был журналистом, сотрудником Института Латинской Америки. Григулевичу он посвятил целый очерк, опубликованный в «Независимой газете» от 17 мая 2001 года[291]. В очерке Александр Кузьмищев упоминает немало любопытных деталей, которыми «Ромуальдыч» делился с его отцом, – они приятельствовали около сорока лет. Один из рассказов касается того самого получения членкора:

> Его заветной мечтой было стать академиком, и это ему почти удалось – он был избран членом-корреспондентом АН СССР.
> Когда я пришел его поздравить в находившуюся на Старом Арбате редакцию небольшого журнала, даже скорее бюллетеня «Общественные науки», то Иосиф Ромуальдович сказал мне: «Да уж. Но, сам понимаешь, ведь как избрали-то. Тому академику ящик коньяка послал, этому – внучку в аспирантуру пристроил, а у третьего сына-дурака на хорошую работу определил. А запомнили ли эти маразматики-старперы, что это я им сделал – и не знаю».

Стоит добавить, что, готовясь к операции «Членкор» Григулевич, профессионально не упускавший мелочей, помимо шампанского «маразматикам-старперам», не поленился возглавить и редактировать издание «научного сборника», посвященного «брежневской конституции» 1977 года. Кнорозов однозначно ни на что подобное не был способен – даже в мыслях. Циничен Григулевич был до предела – или до беспредела? Тот же Кузьмищев пишет в очерке:

> Так, как-то он [Григулевич] сказал одному из руководителей АПН, что нам следует организовывать за границей публичные дома. Мол, в борделях можно такой компромат собрать на нужных людей, что потом всю жизнь не отмоются.
> Иосиф Ромуальдович, мудрый, аки змий, вообще считал, что современным миром правят Проституция, Журналистика и Разведка.

[291] http://samlib.ru/a/aristah_w_s/ppppppp.shtml

Так что попытка номер два ввести Юрия Валентиновича Кнорозова в элитный клуб академиков провалилась: не достоин! Достоин оказался человек с незаконченным церковно-приходским иезуитским колледжем, семестром непонятно где в Париже и годом учебы в партийной школе. Наверное, неудивительно, что А.М. Решетов в «Материалах к библиографическому словарю российских этнографов и антропологов, XX век» предпочел не включать имя члена-корреспондента АН СССР И.Р. Григулевича в список этнографов[292].

И тут, в разгар всех этих полных драматизма академически-шпионских событий, в 1978 году, в кабинет к Григулевичу из ниоткуда вдруг явилась некая Ершова. С наивными рассказами о том, что восхищаюсь Кнорозовым и хочу заниматься у него древними майя. Только теперь мне стал понятен весь тот спектр чувств – от подозрения до опасений, который испытал Григулевич, увидев непонятную девицу «с улицы». Голова его начала просчитывать, как компьютер, возможные цели, расклады и последствия. Поверил ли он, что это было всего лишь невероятное совпадение, которые иногда случаются в жизни? Или определенно принял меня за «засланного казачка»? Но решение он принял моментально: избавиться от меня как можно скорее, избегая конфликта. И тут же выпроводил в сторону кабинета Юлии Павловны Аверкиевой... Я была и рада – таким неприятным и противным мне показался этот хамоватый персонаж. А Кнорозов считал его «приторно-слащавым».

Понятна мне теперь реакция Юрия Валентиновича, когда я рассказала, с чего начался мой путь к древним майя: «эта сволочь» был самый мягкий из эпитетов для члена-корреспондента Григулевича. Но все равно забавно, что именно с этого странного эпизода, в странный момент и началось мое сотрудничество с Кнорозовым.

Впрочем, еще две последующие попытки представить дешифровщика письма майя в Академию тоже провалились. Но, судя по всему, сам Кнорозов уже и не верил, по его словам, в «успех этого безнадежного предприятия». Даже «автобиографии» для этих «пакетов» появляются в личном деле написанными чужим почерком – и даже подпись сделана не им! Поскольку мы все должны были уметь расписываться за Юрия Валентиновича, то имитации опознать не так сложно.

Согласно архиву, в 1981 году Институт этнографии вновь готовит стандартный пакет документов. В «Выписке»[293] обозначено, что «для избрания в члены-корреспонденты по специальности «Всеобщая история, включая этнографию» выдвигается руководитель группы этнической семиотики Института этнографии АН СССР, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии за 1977 год Юрий Валентинович Кнорозов. Судя по приведенным результатам голосования, двое предпочли испортить свои бюллетени. Характеристику в Президиум АН СССР подписывает зам. директора

[292] http://ethnographica.kunstkamera.ru/Добро_пожаловать!
[293] Архив МАЭ. К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 129–130.

института Л.М. Сабуров, Р.В. Кинжалов в качестве секретаря партбюро и Н.М. Гиренко как председатель месткома. Опять ничего не получилось...

И, наконец, последняя история из этой серии – выдвижение Кнорозова теперь уже в «действительные академики» проходило по специальности «языкознание» (отделение языка и литературы). Институт этнографии представил «Характеристику» и «Выписку» от 8 и 9 октября 1987 года. Примечательно, что при голосовании на ученом совете Института этнографии кто-то один проголосовал против выдвижения Кнорозова кандидатом к избранию в академики. По этому поводу Юрий Валентинович прислал мне разъяснение, причем среди прочих дел:

Ленинград 26.10.87 г.

Глубокоуважаемая Галина Гавриловна!
Текущие дела продолжают запутываться по всем направлениям.
Отослал Вам письмо академика Ершова с конференции по дешифровке (которой вы были инициатором). Теперь ожидаю известий от Вас. Список приглашенных уточним. По-моему, следовало бы пригласить иностранцев, например, из Монгольской Народной Республики, Финляндии и пр. Также отослал письма Dutting-Bolles, мне кажется очень интересные в смысле новых кадров, да еще полу-майя. Их грамматика безусловно интересна, как и приложенная хрестоматия. Письмо можно бы показать Серго Анастасовичу, а на их грамматику-хрестоматию дать рецензию в ЛА.

О сборниках пока ничего не известно. Попытаюсь выяснить. Вы, со своей стороны, пока болен С.И. Брук, можете попытаться осторожно выяснить у Д.М. Когана (со ссылкой на меня, т. к. я был с ним в хороших отношениях) это ведомство ученого секретаря МИЭ:
Тер-Эрсаркисьянц Алла Эрвандовна, уч. секретарь, тел. 126-94-75
Пахутов Аркадий Ермакович, зам.
Коган Давид Моисеевич, пом.

Серов доверия не внушает, уж очень он стал ругать Анну Александровну, по-моему, для маскировки, да и вообще это не его дело, а пом. уч. секр. непосредственно занимается планами изданий.
ИЭ (причем не ЛИЭ, МИЭ) выдвинули меня баллотироваться (кажется в декабре) в академики (минуя член.-корр.); всего по ЛИЭ выдвинуто в академики (я и Чистов) и 3 или 4 (в том числе Кинжалов) в член.-корр. Р.Ф. Итс выдвинут от ЛГУ. Причем я выдвинут по отделению языка и литературы (!). Вся эта собачина понадобилась для демократизации выборов в академики – нужно, чтобы на одно место было побольше претендентов. Документацию оформили, пока я был в экспедиции.

Нам совершенно необходимо изыскать возможности ксерокопирования, независимые от Гуляева/Умярыча. Жду известий от Вас о продол-

жении дел с Умырычем по Толстомясу[294]. Вообще я не понял, что сделано с атласом. Гуляев сделал одну копию для себя и все?

Домашние дела у меня по-прежнему в особо гнусном состоянии. Дома работать совершенно невозможно.

Желаю всего наилучшего Вам и Вашей семье
С уважением Ю. Кнорозов

Одним словом, цитируя известного политического деятеля 1990-х Виктора Черномырдина, «хотели как лучше – вышло как всегда». А у Кнорозова появилось продолжение фразы о «комиссиях по отправке его за рубеж»: «Созданы целые комиссии по выдвижению меня в членкоры. И все члены этих комиссий уже стали академиками...»

Не для меня весной родня
В кругу домашнем соберется...

Разочарование? Обида? Горечь? Наверное, можно долго перечислять те чувства, которые должен был испытывать Юрий Валентинович, видя такое отношение к его работе со стороны Академии наук. Ему же наверняка еще лучше были видны реальные «достоинства» каждый раз обходивших его кандидатов на признание. Но чем больнее его била судьба, тем решительней он отвергал всякое сочувствие. И, в первую очередь, сочувствие родных.

В 1969 году в Южном умер его отец – Валентин Дмитриевич[295]. Ему было 89 лет. Всю свою долгую жизнь до последнего дня он безупречно служил России. Помимо работы, он всегда занимался общественной деятельностью: был членом родительского комитета в школе, которую сам же и построил еще в 1920-х, много лет избирался депутатом местных Советов. В Южном не было человека, кто не знал бы и не уважал Валентина Дмитриевича, он был настоящим отцом этого железнодорожного поселка. Но Юрий не приехал хоронить и отца. Не хотел никого видеть? Неслучайно племянники вспоминают, что все братья Кнорозовы (их родители) были такими:

Боря, Леонид, Юра, Сергей, Галина, как бы это сказать – они были неколлективные люди. Нет, неколлективные вообще. То есть они не могли управлять людьми, у них не было жилки администрирования,

[294] Толстомяс – была кличка для очень толстого словаря майя, именовавшегося Cordomex.

[295] Кнорозовы-племянники (Татьяна Борисовна, Наталья Сергеевна, Александр Сергеевич, Ирина Леонидовна, Михаил Владимирович) подготовили в виде книги удивительную рукопись, где помещена и «ПОЭМА», а также биографии членов семей Кнорозовых – Макаровых. Они любезно предоставили это уникальное «издание» для написания биографии Ю.В. Кнорозова.

Брат Сергей

Сестра Галина

поэтому они как-то уходили от всего этого, замыкались в одном, достаточно узком кругу людей, понимающих их...

А по поводу отношения Юрия к братьям племянники вспоминают:

Он вообще говорил: придумали тоже мне, какие старшие братья! То есть это его прямо бесило, он советов ведь вообще не терпел.

Татьяна Борисовна помнит:

Конечно, когда папа [брат Борис] бывал в Ленинграде, он бывал у Юры и видел, как он действительно спивается, и, наверное, как старший брат некоторые вещи высказывал по этому поводу, поэтому, возможно, дядя Юра его ненавидел. И еще: Это, конечно, было инстинктивное желание [отстраниться]. Хотя, конечно, он был холодный, эгоцентричный человек, эгоист в высшей степени – но они [братья] все такие, к сожалению...

Если с братьями у Юрия сложилось, похоже, некоторое взаимное неприятие, то всех остальных родственников, включая племянников, он считал вполне «дружественными» и знакомил с ними и меня. И я всегда от него слышала только добрые слова о младших Кнорозовых. Татьяна Борисовна вспоминает время, когда из семьи ушел отец: «Когда родители расстались, так много народа ушло сразу. Многие потом к маме возвращались. Но период этот был для мамы очень тягостный, и для меня, когда вдруг вообще никого не стало – ни друзей, ничего. И Юра долго не звонил. Он бывал в Москве, как

Брат Борис

Брат Леонид

я поняла. А потом не было уже и мамы. И тут он позвонил: "Татьяна Борисовна?" Он рассказал, что жил на Ленинском в академической гостинице, куда вселились "очередные стахановцы", и ему пришлось проситься переночевать».

Брат самый старший – Сергей Валентинович Кнорозов (1911–1998)[296] – доктор технических наук, получил в 1988 году Ленинскую премию за внедрение методов аэрофотосъемки в картографирование территории СССР. Работал в отделе военно-топографического управления Генерального штаба. Гордился ли старшим братом Юрий? Во всяком случае, в беседах он никогда об этом не говорил, а наоборот, иногда возмущенно рассказывал, как старший брат пытался давать ему советы.

Следующей по возрасту была та самая любимая сестра Галина Валентиновна Кнорозова (1912–1992). Она осталась жить в Южном. Микробиолог, свыше 30 лет проработала во Всеукраинском институте экспериментальной фармакологии в области органического синтеза сложных гормональных противоопухолевых препаратов, за что получила авторское свидетельство, много публиковалась. Но диссертацию защитить так и не смогла. Официально – «по состоянию здоровья». Но в реальности она отчасти разделила судьбу Юрия, оказавшись на территории, оккупированной немцами. Однако у нее не оказалось своего Толстова, который сумел бы переломить систему.

Племянники так вспоминают Галину:

> Маленькая, хрупкая, нежная и удивительно красивая... Если описывать тетю Галю, то лучшая характеристика – это первая часть «Тихого Дона»,

[296] Дата уточнена Александром Сергеевичем Кнорозовым.

помните, как отец Григория привел свою невесту-турчанку – такие черные глаза, аскетическое лицо, гладкие черные волосы, туго стянутые, длинные тонкие пальцы, ну а глаза у тети Гали прямо бездонные, черные. Причем, как сказала бабушка, на рояле никому, кроме Гали, играть не разрешалось. Она любила мощную музыку: Мусоргского, Мушинского таких сильных композиторов. А после первого инсульта она руки себе разработала именно этой музыкой...

Юрий знал, что любимая сестра Галина много болела – полагали, что в результате «постоянных отравлений» в лаборатории. Она собирала о своих братьях документы и их хранила. После последнего инсульта долго еще лежала, практически не говорила. А Юрий ей больше не писал.

Третьим по счету был брат Борис Валентинович Кнорозов (1914–1982) – инженер-полковник, кандидат технических наук, много печатался, в том числе был автором учебников в области металловедения. Преподавал в Артиллерийской академии им. Дзержинского (Академия ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого). Его Юрий не мог простить за то, что бросил семью.

И ближе всего к Юрию по возрасту был брат Леонид Валентинович (1916–1992) – кандидат медицинских наук, полковник, врач-токсиколог.

Все вместе братья собирались редко, а последнее время совсем перестали. Александр Сергеевич вспоминал одну такую встречу:

Я их видел, и не раз, всех четверых вместе давно: и Леонид был, Сергей, естественно, был, Борис и Юра. И коронный номер у братьев такой был – они любили говорить: «Ну, все! Теперь, заяц, беги за водкой». Заяц – это Юра значит. «Заяц, беги за водкой!»

Еще одна нелегкая страница биографии – болезнь жены. Страшная блокада Ленинграда, ужас голода, который пришлось пережить в юные годы Валентине Михайловне, не прошли без последствий. Пришлось оставить науку, работу и заниматься только домом и Катей. Юрий Валентинович принял удар стойко и до конца, что бы ни происходило, поддерживал свою любимую красавицу Валю.

Рассказывать или не рассказывать о том, что не украшает человека? Вопрос, который стоит перед каждым, кто прикасается к чужой судьбе. И племянники Юрия Валентиновича приняли для себя правильную, как мне кажется, формулу:

Не надо на него вешать ни терновый венец, ни какой-то нимб. Нужно относиться к нему как к человеку, у которого были свои недостатки, и в то же время была очень хорошая голова, какое-то свое видение жизни...

Наверное, они правы – жизнь всегда богаче схем. И каждый делает свой собственный выбор.

ГЛАВА 14
ШЕФУЛЯ

Полюбила лейтенанта –
Оказался рядовой!
Размоталася портянка –
Я запнулася ногой.
Частушка. 1944 год

К восьмидесятым годам вокруг Юрия Валентиновича Кнорозова (за глаза – «шефа») уже обозначилось наличие школы. Это происходило как бы само по себе. Кнорозов не преподавал в университете и никогда не стремился учить кого бы то ни было. Во-первых, это было сложно в те времена с административной точки зрения: человек не имел права работать одновременно в двух учреждениях. А во-вторых, он физически не переносил больших сборищ, университетских безликих толп, бесконечного шума. Не любил общаться с людьми, ничем, по сути, не интересующимися – а студенты в большинстве бывают именно такие. Ему было жалко тратить время впустую, когда можно было заняться чем-то полезным. Кроме того, ему вообще было крайне сложно втискивать свою жизнь в рамки каких бы то ни было расписаний.

Тем не менее время от времени появлялись те, кто хотел с ним работать. Или писать диссертацию. Ирина Константиновна Федорова, Валерий Иванович Гуляев или даже такие «энтузиасты» Латинской Америки, как Кузьмищев или Зубрицкий. Приходившим к нему людям он был открыт всегда и помогал им во всем, до последнего рассчитывая на научную отдачу. Как он повторял, «пока человек не сделал нам ничего плохого, мы не можем ему не верить». Но иногда случалось, что его надежды и доверие не оправдывались. За год до моего появления у Кнорозова уже числилась официальная очная аспирантка «по майя» – Анна Бородатова, или «Наночка».

О ней Юрий Валентинович говорил так: «Анна Александровна – историческая личность. С ней вечно происходят всякие истории». И действительно, она то выходила замуж – и с мужем что-то приклю-

Набережная Кунсткамеры в Ленинграде

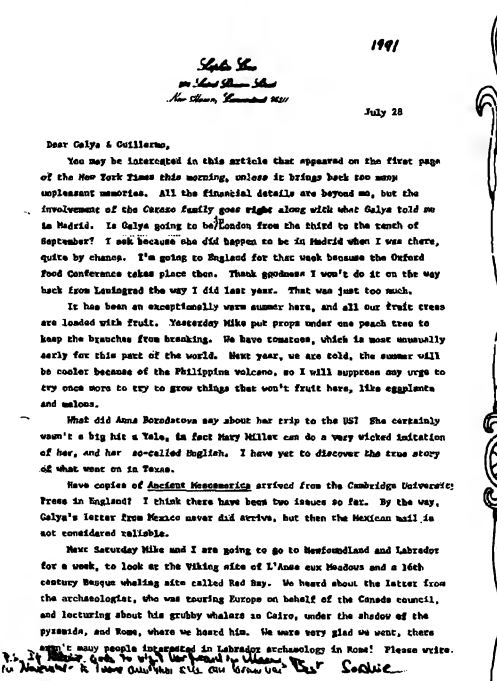
чалось, то разводилась и потому страдала, то занималась дочерью, то путешествовала. И все время это были события, которые выбивали ее из рабочей колеи, втягивая окружающих в состояние становящегося утомительным на определенном этапе сочувствия и «вхождения в ситуацию». И второе замечание, которое звучало по ее поводу: «И чем, собственно, Наночка занимается? У нее и украсть нечего!» А это была уже худшая характеристика, которую Юрий Валентинович давал человеку, претендовавшему на статус исследователя. Сам же он обладал невероятными знаниями. При этом всегда учил: «Не стыдно не знать. Стыдно – не спросить!» Причем знания его казались нам порою совершенно неожиданными, как вспоминает Е.С. Соболева:

> Я не пишу о научных взглядах, но хочу подчеркнуть широту кругозора ЮВ. В процессе работы над дешифровкой киданьского письма был привлечен программист. Мы обрабатывали тексты методом кластерного анализа, когда встречались с ЮВ, программист был поражен познаниями и пониманием компьютерных методик. То же самое в области археологии: увидев кухонные кучи, ЮВ немедленно их распознал, классифицировал и прочитал лекцию о Берингии в полевых условиях.

Поэтому легко представить, как его раздражали люди, любившие поумничать и не дававшие научного результата. И Бородатова стала символом такого персонажа. Она взялась поначалу меня опекать, воображая себя главой научной школы, но диссертацию я защитила, будучи бесправным соискателем, раньше нее. Позже дело приобрело совсем странный оборот: Наночка увлеклась плагиатом. Причем Юрий Валентинович предупреждал меня о таком повороте событий, но тогда я этого даже не поняла. Это было в письме от 23 февраля 1982 года:

> А.А. Бородатова при создавшемся для нее положении (с «апробацией» в марте) будет (как, впрочем, и раньше) совать в свою диссер-

тацию решительно все, что ей попадется. Прошу Вашу милость соблюдать крайнюю осторожность, но вместе с тем показать, что Ваша милость уже не мокрая, а хотя бы обсохшая курица...». В 1986 году все опасения шефа подтвердились. 24 декабря он пишет, в частности, по поводу составленных им «Таблиц Богов», которые оказались в диссертации Бородатовой: «А.А. Бородатова... у меня с ней связи давно нет. Последнее, что я от нее слышал – готовит к печати свою диссертацию в виде монографии. Между прочими, в прошлом году утверждена к печати моя монография «Иероглифические рукописи майя-2» (ИРМ-2), для которой, собственно, я и готовил таблицы. Кроме того, в ИРМ-2 должны войти статьи по календарю и именам богов. Ситуация, как видите, мерзкая. Об этом, конечно, говорить не следует...



1991

July 28

Dear Galya & Guillermo,

You may be interested in this article that appeared on the first page of the *New York Times* this morning, unless it brings back too many unpleasant memories. All the financial details are beyond me, but the involvement of the Cuzzoc family goes right along with what Galya told me in Madrid. Is Galya going to be/London from the third to the tenth of September? I ask because she did happen to be in Madrid when I was there, quite by chance. I'm going to England for that week because the Oxford Food Conference takes place then. Thank goodness I won't do it on the way back from Leningrad the way I did last year. That was just too much.

It has been an exceptionally warm summer here, and all our fruit trees are loaded with fruit. Yesterday Mike put props under one peach tree to keep the branches from breaking. We have tomatoes, which is most unusually early for this part of the world. Next year, we are told, the summer will be cooler because of the Philippine volcano, so I will suppress my urge to try once more to try to grow things that won't fruit here, like eggplants and melons.

What did Anna Borodatova say about her trip to the US? She certainly wasn't a big hit a Yale, in fact Mary Miller can do a very wicked imitation of her, and her so-called English. I have yet to discover the true story of what went on in Texas.

Have copies of Ancient Mesoamerica arrived from the Cambridge University Press in England? I think there have been two issues so far. By the way, Galya's letter from Mexico never did arrive, but then the Mexican mail is not considered reliable.

Next Saturday Mike and I are going to go to Newfoundland and Labrador for a week, to look at the Viking site of L'Anse aux Meadows and a 16th century Basque whaling site called Red Bay. We heard about the latter from the archaeologist, who was touring Europe on behalf of the Canada council, and lecturing about his grubby whalers in Cairo, under the shadow of the pyramids, and Rome, where we heard him. We were very glad we went, there weren't many people interested in Labrador archaeology in Rome! Please write.

Sophie

Письмо от Софьи Феодосьевны Ко 1991 года, отражающее дела группы Кнорозова

Речь шла о «Таблицах богов», которые Юрий Валентинович приготовил для публикации и которые не вошли в урезанное издание 1975 года. Эти таблицы были розданы всем – В.И. Гуляеву, Э.Г. Александренкову, мне и Бородатовой. И только Наночка, не моргнув глазом, поместила их в свою кандидатскую диссертацию. А дальше все пошло по нарастающей, причем без тормозов. Потом всплыли «поменявшие автора» статьи для энциклопедии, переводы на русский язык зарубежных авторов без упоминания их имен. И, наконец, Бородатова вместе с Кожановской опубликовали под своими именами раздел из моей диссертации 1985 г., посвященный реконструкции системы родства майя. Опубликовали от души – сначала в институтском сборнике по-русски, а затем и в Мексике по-испански, в приличных изданиях. При этом «друг» Э.Г. Александренков, прекрасно знавший, что это моя работа, написал на плагиат замечательную рецензию. Так что лишний раз подтвердилось неоспоримое правило: каким бы невероятным (иногда диким) не казалось то, что говорил Кнорозов, – все оказывалось чистой правдой! А иногда реальность еще и превосходила шефские прогнозы.

Маргарита Федоровна Альбедиль

Ирина Константиновна Федорова. 1985 г.

Примерно в то же время аспиранткой Кнорозова стала Маргарита Федоровна Альбедиль, работавшая в Кунсткамере с 1976 года. Ее тема касалась Древней Индии и протоиндийских текстов. Диссертации мы защитили почти одновременно в 1984 году. Темы наши, с подачи шефа, звучали однотипно, только относились к разным регионам. У Маргариты Федоровны диссертация называлась «Протоиндийские тексты как этноисторический источник», а у меня «Тексты майя как этноисторический источник». Видимо, так складывался стиль Группы этнической семиотики. Рита, работая в Кунсткамере, до последнего поддерживала Юрия Валентиновича.

Своих не сдаем!

Я появилась у Юрия Валентиновича в 1979 году, как мне казалось, на «птичьих правах» по сравнению со всеми остальными. Я и не подозревала тогда, что он и сам писал диссертацию точно на таких же условиях, без всякой официальной аспирантуры. Зачислили меня соискателем «при группе этнической семиотики Ленинградского Отделения Института этнографии АН СССР (ЛОИЭ) приказом директора, академика Юлиана Владимировича Бромлея № 361-15 от 04.02.80. Документы пересланы в Ленинград». Так информировал меня Юрий Валентинович о моем официальном статусе и добавил в качестве вывода: «Вашей милости необходимо опубликовать какую-нибудь собачину».

Елена Станиславовна Соболева

Берта Яковлевна Волчок (справа – М. Кудрявцев)

Он тут же стал знакомить меня с «союзниками», заботясь и о моем «продвижении», как теперь говорят, и о публикациях. Одним из первых стал Валентин Дмитриевич Берестов. В 1982 году я получила от него такие указания:

> По непроверенным слухам, у Вашей милости есть (или была) подруга Ксения Леонидовна. Ее мамашу зовут Валентина Георгиевна (дом. тел. 432-59-03). Она (мамаша) знает Берестова. Я прошу Вашу милость срочно (т. е. в пределах полугода) связаться с этим зверем, я хотел сказать моим другом. По-моему, Вашей милости это будет нетрудно. Представьтесь этой скотине от моего имени в качестве моей коллеги и соавтора. Расскажите, как обстоят дела. Дальше действуйте по усмотрению и обстоятельствам. Мой приезд в Москву зависит от этих переговоров.

До сих пор не понимаю, каким образом он узнал об этой ветви моих знакомств, а вместе с тем был не в курсе моего знакомства с дочерью Валентина Дмитриевича – Мариной.

Сейчас просматриваю письма Кнорозова периода моей защиты и понимаю, насколько тщательно он все организовывал. Так было и с другими его учениками, но в моем распоряжении остались только письма, написанные мне. Тем более что ленинградцам писать было не надо – все виделись в институте. А анализируя ту непреклонность и решимость, с которой он поддерживал «своих», я теперь отчетливо понимаю, что Кнорозов полностью следовал в этом своему учителю Толстову.

Шефа не оставляло в покое то, как издательство «Художественная литература» отказалось печатать мои переводы песнопений майя, получив от него в 1979 году письмо следующего содержания:

И.о. завед. редакцией Латинской Америки, Испании и Португалии
тов. Мироновой Алевтине Ивановне

Глубокоуважаемая Алевтина Ивановна,

Со мной был заключен договор на перевод 300 строк в сборник «Кецаль и голубь», поэзия индейцев.
Этот перевод выполнен мною совместно с Ершовой Галиной Гавриловной. Прошу подписать его двумя фамилиями.
Ю. Кнорозов

Договор № 9544 и переписку с «редакторшей» он сразу передал мне. И еще написал:

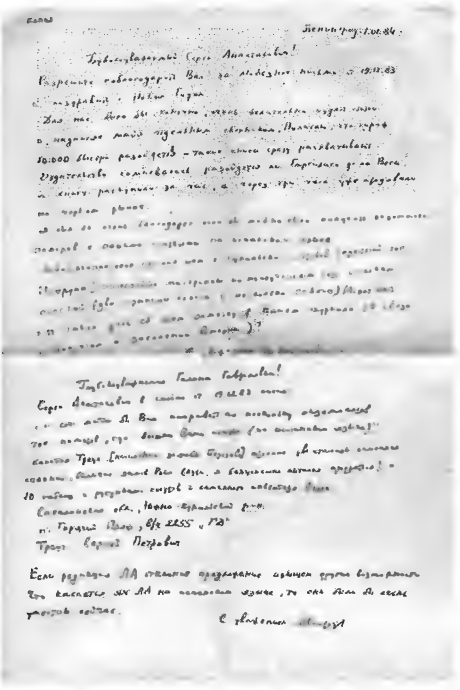
Мы опубликуем Ваш перевод. Проигрывать мы не будем. Следуйте девизу суфражисток: «Боясь быть смешной, ты не научишься кататься на коньках. Лед жизни скользок». Недорезанную свинью, которая перепугала Вашу милость, зовут Стелла Александровна Шмидт. Убью гадюку.

Это был комментарий по поводу моей встречи с этой весьма неприятной дамой, хотя и не помню, чтобы она меня чем-то напугала. Что именно написали ему, я не видела, но Юрий Валентинович сообщил, что редакция отказалась выполнять его просьбу, и потому он разорвал с ней всякие отношения. Тогда я поняла, что защищать «своих» было принципиальной позицией Кнорозова. Хотя формально письмо от 5 февраля 1982 года было посвящено необходимости делать публикации.

Две недели спустя Кнорозов пишет мне еще одно письмо. В нем дает очень детальные характеристики всем, с кем так или иначе мне придется иметь дело в процессе подготовки моей защиты, сообщая подробности их отношения ко мне – от Гуляева, Наночки, старающейся затормозить мою статью, до Ирины Константиновны Шатуновской, верного редактора «Латинской Америки».

В июне 1982 года шеф «продолжает бюрократическую сводку»: утверждение моей темы диссертации на ученом совете; список экзаменов, которые мне надо будет сдать.

В ноябре 1982 года прошел симпозиум по проблемам индеанистики «Американские индейцы в прошлом и настоящем», где я делала свой первый в жизни доклад и очень волновалась. Его название было «"Песнопения из Цитбальче" – источник по этнографии майя Юкатана». И тут вдруг решил выступить неизвестный мне Кузьмищев, с видом идеолога-всезнайки осуждая, буквально от лица советских людей, древних майя за «жестокость». Доклад я построила в рамках концепции



Справа – Кнорозов всегда писал письма под копирку. В случае необходимости он пересылал копию с комментарием

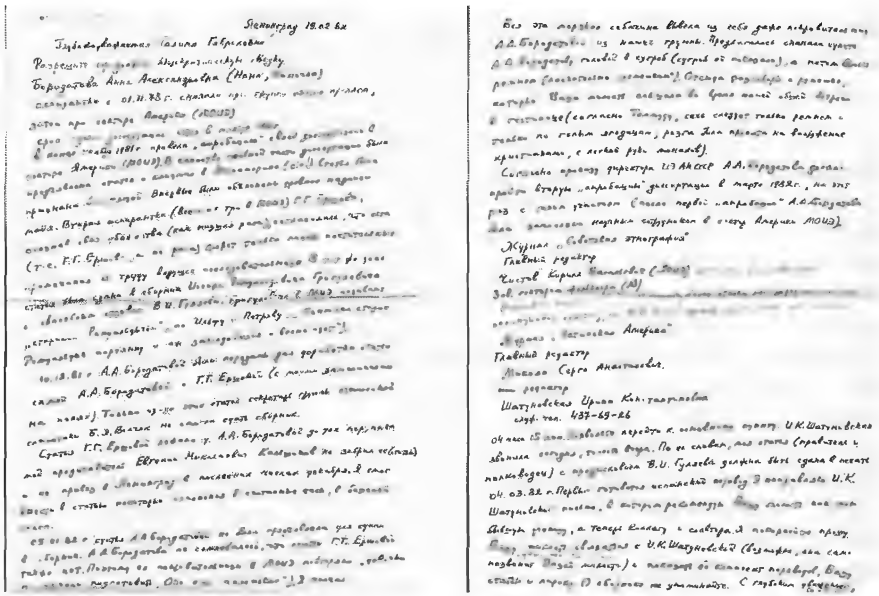
Кнорозова о «посланничестве к богам» как универсальном явлении во всех культурах. От нелепой «критики» идеолога шеф взвился – и буквально уничтожил Кузьмищева своими аргументами. Я была потрясена такой защитой, которая стала для меня настоящим уроком для научных дискуссий. И уже в январе 1983 года Юрий Валентинович написал мне письмо, где детально разъяснил всю ситуацию.

К вопросу о тексте М. Ко, 1973, № 42. Ленинград 6.01.83

Глубокоуважаемая Галина Гавриловна!

Я бы хотел отметить, в качестве резюме, что выступления на так называемом симпозиуме в Ваш адрес, т. е. мой, имели возмутительный и, сверх того, идиотский характер. Видимо, целесообразно, чтобы Вы отчетливо представляли движущие силы.

Осмелюсь заметить, что концепция посланничества, насколько мне известно, никем, кроме меня, не излагалась/не изучалась последовательно, как всеобщее явление (поздние стадиально племена – ранние стадиально государства). Однако в частных конкретных случаях признавалась всеми этнографическими школами. Материалов много (например, у айнов медведь – посол, у древних датчан, по проф. Глобу, вождь – посол, в Индии (по англ. данным, пересказанным Фрэзером, «Золотая ветвь» до конца XVIII) каликут, Малабарский берег, царь-посол, который сам разрезал себя на куски – истекал кровью перед благодарными подданными. По В.А. Кузьмищеву, такого царя, очевидно, следует обвинить в наглом самоубийстве с применением изощренной жестокости к самому себе. В.А. Кузьмищев – злобный, опасный и наглый дурак. Во всяком случае, дураком он называл сам себя почти во всех письмах ко мне. Очевидно, это проявление злобной жестокости к самому себе. Резать на куски он будет, однако, к сожалению не себя, а других... В.А. Кузьмищев написал обо мне, кажется, две книги и весьма много статей, в том числе опубликованных в Мексике. За каждую книгу он получил (за пересказ!) примерно 25000–30000 рублей (художествен-



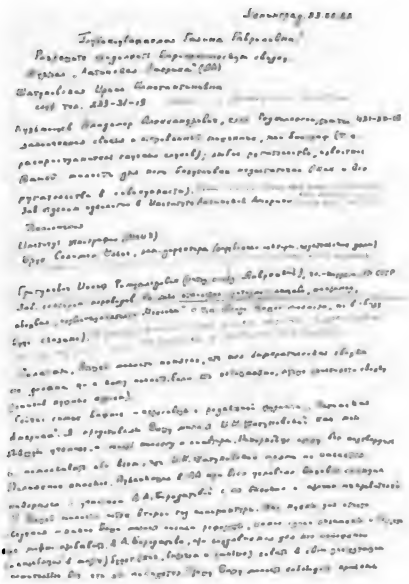
Письмо Кнорозова от 19 февраля 1982 г. с анализом текущих дел

ная литература!). Естественно, выпускать из лап такую кормушку он не желает. Поэтому Вас он сразу расценил как конкурента (а еще раньше Инну Александровну). В детали, для краткости, не вдаюсь, да и они слишком гнусны в прямом и точном смысле слова.

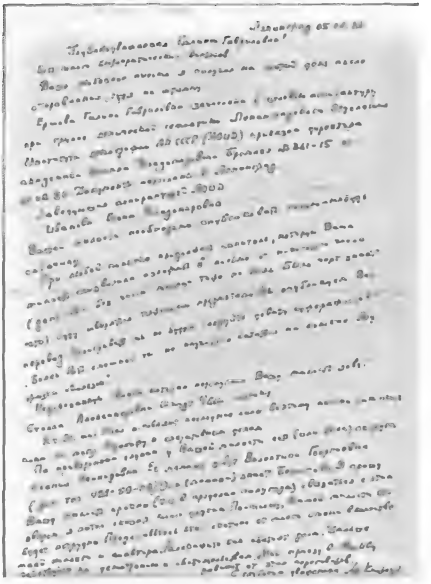
Отправление послов к духам-хозяевам (в государстве – к богам), конечно, не может рассматриваться как проявление жестокости, так же как, например, оставление стариков, по их же просьбе, на съедение зверям – волкам (Аляска), в деликатной формулировке «вывоз в лес» (Украина XIX в.), удушение (чукчи до сих пор) и т. п. В.А. Кузьмищеву нужно было только одно – молоть любую чепуху, лишь бы скомпрометировать Вас. Ясное дело, он и А.А. Бородатова моментально поняли друг друга.

Мой мудрый друг Валерий Иванович Гуляев... заявил, что, дескать, «жестокость – понятие относительное», стараясь угодить и В.А. Кузьмищеву и мне. Однако, как правильно отметил французский король Людовик XI, «нейтралитет – опасная вещь» («зато и падение грозит ему гораздо большей опасностью, чем двум другим»).

С возникновением государства был создан аппарат насилия, что само по себе предполагает жестокость. Государство вообще не может существовать без насилия и, следовательно, жестокости. Насилие и неминуемо связанная с ней жестокость (по-моему, любое насилие является жестокостью, уж если употреблять такую номенклатуру) не являются понятиями относительными...



Письмо от 23 февраля 1982 г. – продолжение анализа текущих дел



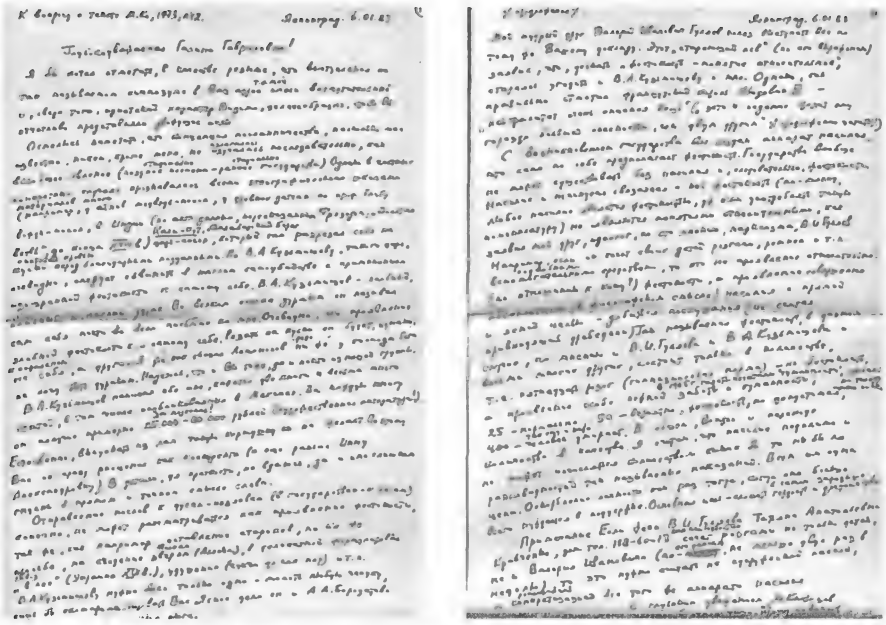
Письмо с «разбором полетов» после доклада на конференции

Например, если он сечет своих детей розгами, ремнем и т. п. подсобными вспомогательными средствами, то это не проявление относительной (по отношению к кому?) жестокости, а проявление совершенно абсолютного (в философском смысле) насилия с прямой и ясной целью – добиться послушания (не считая привходящей дребедени). Так называемая жестокость, в данном случае, по мнению и В.И. Гуляева и В.А. Кузьмищева и весьма многих других, состоит только в количестве. Т. е. пятнадцать розог (гимназическая норма) – не жестокость, а проявление особо нежной заботы и гуманности (в 1905 г. газеты печатали «туманности», ссылаясь на типографские ошибки); 25 – нормально; 50 – вероятно, жестокость, но допустимая; 400 – человек умирает (так ему и надо). В общем, вопрос о переходе количества в качество. Я считаю, что насилие неделимо и не может исчисляться количеством каких бы то ни было разновидностей так называемых наказаний. Всем им одна цена. Оскорбление личности как раз тогда, когда она больше всего нуждается в поддержке. Основная цель – сломать в самом зародыше гордость и достоинство...

С глубоким уважением Ю. Кнорозов

В другом письме шеф прислал «официальную» характеристику-предупреждение:

Кузьмищев Владимир Александрович, член редколлегии, дом. тел. 431-37-18 – законченная свинья и откровенный мошенник, мой биограф



Письмо от 5 февраля 1982 года – продолжение анализа текущих дел

(т. е. распространитель гнусных слухов); любое ругательство, известное Вашей милости, для него, безусловно, недостаточно (как и все ругательства в совокупности). Очень опасен. Кроме того, может прилипнуть, как банный лист, или, скорее, как пиявка...

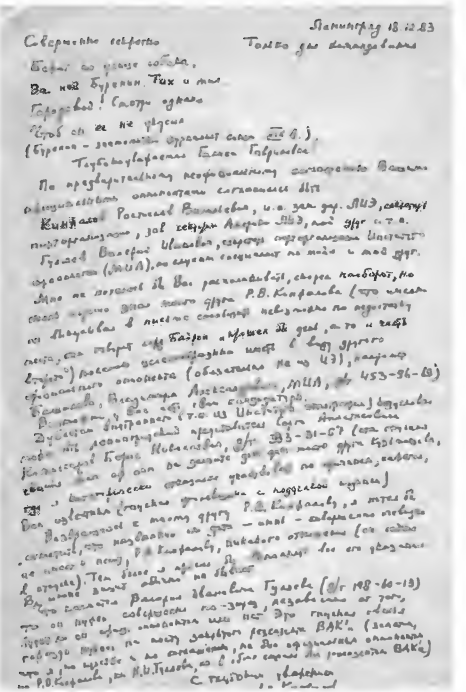
При возникавших конфликтах между знакомыми ему коллегами, особенно если дело касалось женщин, Кнорозов никогда не пользовался отвратительной формулировкой для «сохранения нейтралитета», которая сводится обычно к фразе с грязноватым подтекстом: «Да это бабы не поделили что-то или кого-то». И ненавидел таких, как, например, Григулевич, искренне считавших, что их лицемерно-слащавый вид является «залогом объективности».

При этом официальной позицией Кнорозова было избегание конфликтов до последнего. Так об этом вспоминает Е.С. Соболева:

> Юрий Валентинович мог произвести впечатление человека несдержанного, спонтанного, но реальную силу его выдержки и принципов можно понять из следующей ситуации: ЮВ вообще не любил конфликты, считая доведение дела до конфликта слабостью сторон. В экспедиции тем более. В нашем коллективе был участник, который каждый вечер прохаживался по поводу одной из национальностей нашей многонациональной страны. Фокус заключался в том, что это была национальность одного из участников. Я долго удивлялась, почему ЮВ своей властью не одернет «шутника». Шеф хранил невозмутимость, непонятно было, слышит ли он вообще. Только после того, как этот сотрудник

уехал, шефуля позволил себе высказаться неодобрительно. Все это время он «не замечал» провокаций, чтобы не возник конфликт.

Но Кнорозов дорого расплачивался за свою сдержанность в отношении подлецов и лицемеров. Эти подавляемые, ради избегания конфликтов, эмоции выплескивались порой в запои. И тогда, если рядом оказывался слушатель, его речь становилась чудовищно откровенной и беспредельно злобной, что меня так и напугало в самом начале нашего знакомства. И с возрастом сдерживать себя ему становилось все сложнее и сложнее. Да, по сути, и утратило для него всякий смысл.



Письмо о подготовке защиты

Но тогда, в начале 1980-х, все казалось замечательным. Шеф, помимо текущих писем по научным вопросам, держал под контролем ситуацию с моей защитой, которая, заметим, была проведена даже раньше положенного срока. Его письма-инструкции (несмотря на то, что я регулярно приезжала в Ленинград) похожи на телеграммы из ставки главнокомандующего:

12 ноября 1983 года шеф пишет мне письмо по поводу предстоящей сдачи экзаменов по специальности с подробной характеристикой членов комиссии; содержания вопросов и рекомендуемой литературы. Кроме того, сообщает о моем праве на трехмесячный отпуск для завершения работы над диссертацией;

18 февраля 1884 года письмо содержит уже инструкции по автореферату, его рассылке, по оппонентам, с которыми надо «поддерживать дружественные отношения». А также советы по тексту одной из глав диссертации;

22 ноября 1984 года советы по второй главе диссертации;

11 декабря 1984 года – уточнения по документам к защите и публикациям;

18 декабря 1984 года – обсуждение кандидатов в оппоненты, уже в расчете на защиту в Лепинграде, закрытых рецензентов:

> По предварительному неофициальному соглашению Вашими оппонентами согласились быть:

Кинжалов Ростислав Васильевич, и. о. зам. дир. ЛИЭ, секретарь парторганизации, зав. сектором Америки ЛИЭ, мой друг и т. п.

Гуляев Валерий Иванович, секретарь парторганизации Института археологии (МИА), по слухам, специалист по майя и мой друг.

Мне не хотелось бы Вас расхолаживать, скорее наоборот, но очень хорошо зная моего друга Р.В. Кинжалова (что именно он выкусывал, в письме сообщить невозможно по недостатку места, как говорит Лорд Байрон, «прошел бы день, а то и часть второго»), полагаю целесообразным иметь в виду другого официального оппонента (обязательно не из ИЭ), например Башилова Владимира Александровича, МИА. Возможно, у вас есть свои кандидатуры.

Дублетом внутреннего (т. е. из Института этнографии) безусловно, может быть ленинградский представитель Серго Анастасовича Комиссаров Борис Николаевич (эта гнусная свинья была оф. оппонентом на защите докт. дисс. моего друга Кузьмищева, где я категорически отказался участвовать по причинам, кажется, Вам известным (гнусная уголовщина с подделкой подписи).

Возвращаясь к моему другу Р.В. Кинжалову, я хотел бы отметить, что названная им дата – июнь – совершенно очевидно не имеет к нему, Р.В. Кинжалову, никакого отношения (он сейчас в отпуске). Тем более я просил бы выполнять все его указания. В июне защит обычно не бывает.

Что касается Валерия Ивановича Гуляева, то он нужен совершенно позарез, независимо от того, будет ли он офиц. оппонентом или нет. Эта гнусная свинья гораздо нужнее на посту закрытого рецензента ВАК'а (заметим, что я, по просьбе и по соглашению, не был официальным оппонентом ни Р.В. Кинжалова, ни В.И. Гуляева, но в обоих случаях был рецензентом ВАК'а)

С глубоким уважением
Ю. Кнорозов

В марте 1985 года состоялась «предзащита» в Ленинграде. Кнорозов написал, что больше ничего менять в диссертации не нужно.

В июне 1985 года в Ленинграде была проведена защита, без малейших зацепок.

Юрий Валентинович очень серьезно отнесся к моей защите. Его дочь Катя в начале 1990-х должна была заканчивать университет. И Юрий Валентинович сказал впечатлившую меня (зная его запредельную любовь к дочери) фразу: «Для меня ваша диссертация сейчас важнее диплома Кати». Он очень опасался, что найдутся в Институте этнографии коллеги, которые будут рады все испортить. Надо сказать, что изначально проведение этой защиты он планировал провести в Москве. И я ходила и договаривалась по его рекомендации с «дру-

жественными коллегами» об оппонировании. Однако буквально в последний момент Юрий Валентинович по непонятной мне причине все переиграл на Ленинград – включая оппонентов. В результате все прошло идеально.

Ирина Константиновна Федорова с дочерью Оленькой в тот день 1970 года, когда они пришли к Юрию Валентиновичу навестить кошку Асю с котенком

Портрет с кошкой Асей

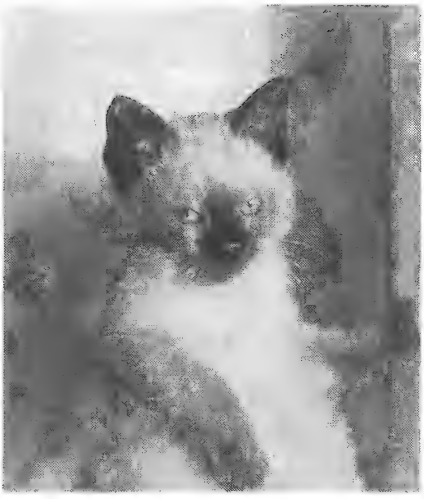
Кнорозов был стратегом, определявшим «направления прорывов» и стратегические задачи. Но опекала нас всех на правах самого опытного сотрудника Ирина Константиновна Федорова. В квартире на Фонтанке, где она жила с дочерью Оленькой, я всегда останавливалась, когда приезжала в Ленинград. Причем в первый раз меня туда привел и «порекомендовал» сам Юрий Валентинович. И с тех пор нас с Ириной Константиновной и ее дочерью Оленькой (Ольгой Михайловной Федоровой) связывала настоящая дружба.

Кнорозов свел нас, своих «коллег», вместе, и мы достаточно быстро подружились. За глаза между собой мы, «дамы», по его выражению, звали Юрия Валентиновича «шеф», а чаще ласково «шефуля». Это неслучайно – шефуля в ящике своего письменного стола всегда хранил шоколадки и таблетки от головной боли. И всегда был рад каждой сделать что-нибудь приятное, сделать трогательный подарочек – открытку, цветочек, неожиданную книгу. Отношение с Кнорозовым всегда были, прежде всего, человеческими. Лена Соболева так вспоминает об этом, побывав вместе с ним на Курилах:

> До экспедиции – это был просто научный руководитель, чудаковатый, как все гениальные люди, с пронзительными глазами, завораживающей манерой говорить о любом предмете. В экспедиции проявились исключительные благородство и скромность, обостренное чувство справедливости, и конечно же энциклопедизм в неожиданных областях.

> Начнем со времени экспедиции, Курильские острова, пустые магазины 1982 года, лето, путина, соответственно неимоверное количество экспедиций, соответственно слегка иронично-понимающее отношение местного населения: «слетелись на рыбу и икру». ЮВ как лауреат Государственной премии, руководитель экспедиции АН имел возможность обратиться к местным властям с просьбой о снабжении, но это ему претило. Он сказал: «Будем есть то, что есть в магазинах», и мы питались исключительно зеленым горошком и консервами минтая и лосося.

Кошка Ася с котенком



Котенок по имени Толстый Кыс

На наши слезные просьбы разрешить нам побраконьерствовать и наловить рыбки ЮВ отвечал отказом. (Ради правды следует рассказать, что когда местное население поняло, что эти странные столичные ученые не просят, не ловят, не достают рыбу и икру правдами и неправдами – тут-то и случились дары...)

Лучше всего эти очень добрые отношения к шефуле описывает Ирина Константиновна Федорова:

Юрий Валентинович при своем несколько замкнутом характере любил детей и кошек, несмотря на постоянную нехватку времени, сам возился с подаренной ему нами сиамской кошкой Асей и ее потомством. Мы купили ее в 1970 г. у женщины, которая продавала котят возле зоомагазина на Владимирском проспекте. Котенок редкой в то время сиамской породы стоил 3 рубля. Сиамок в Ленинграде еще было мало, моя дочь вообще впервые увидела такую кису с шоколадной мордочкой и лапками. В общем, мы не устояли и купили для Юрия Валентиновича – себе мы взять ее не могли, у нас уже была кошка, а жили мы в коммуналке. Через год–полтора у нее появились котята, и когда мы были у Юрия Валентиновича в гостях, я сфотографировала его с кошкой на руках, а потом и свою Олю, тискающую сиамку, и кошку с котенком на продранном ими одеяле. А Юрий Валентинович сфотографировал нас с Олей.

Друзей у него было мало, а вот кошек он любил, и разве это удивительно? Ведь кошки какие-то особенные существа, все эти кошки, с горящими зеленоватыми глазами, все понимающие и завораживающие своим особым неподвижным взглядом хозяев. У Юрия Валентиновича были похожие глаза. На его лице обычно была печать усталости от научной работы по ночам, но его зеленоватые глаза всегда упорно сверлили собеседника.

Кошки околдовывают нас и поселяются в нашей душе – не только в квартире. Кстати, свою кошку Асю он стал называть Миссис, когда у нее родились котята.

У него была еще и черепаха, которую он брал с собой в институт, где она сидела в ящике из-под библиографических карточек. В наших кабинетах стояли каталожные шкафы, где в ящиках помимо рабочих картотек мы держали всякую мелочь, например мыльницы с мылом. Вот в таком ящике, задвинутом в каталог, черепаха и сидела. А после работы, на стрелке Васильевского острова, он прогуливал черепаху на вечернем солнышке и кормил ее одуванчиками. В этой прогулке нередко принимала участие и я.

Если он хотел выразить одобрение, то мог мрачно посмотреть и сказать: «Ну, вы работаете, как настоящий мужик», и приложить тяжелой рукой (и даже кулаком) по плечу.

У Юрия Валентиновича был очень неровный характер, но он мог быть хорошим другом и друзьям не изменял, но если уже рвал с ними отношения, то окончательно и бесповоротно...

Кстати, речь идет о той самой знаменитой «фотографии с кошкой», которую любил сам Кнорозов, всегда отдавая для публикации в качестве портрета автора. А издательства всегда отрезали кошку, что доводило Юрия Валентиновича до бешенства. Он называл ее не иначе как «соавтором». Поэтому теперь я стараюсь везде размещать именно этот его портрет с любимой кошкой, с которой он не хотел разлучаться.

Вскоре у Кнорозова появилась еще одна аспирантка, Галина Сергеевна Авакьянц. Она рассказывает об этом так:

Мы же говорили с ним о киданях. Сейчас, когда возник интерес широкой публики к историческим системам письма, многие слышали о них, вышли книжки. Но в 1981 году только востоковеды и знали об этих удивительных «протомонголах». Я услышала и прочитала о них на первом курсе в порядке введения в специальность, и вдруг выяснилось, что есть группа, которую возглавляет дешифровщик письменности майя, и они занимаются и киданями.

Вот так я и стала аспиранткой Юрия Валентиновича.

Какой открылся сразу блистающий мир! «Шефуля» обладал энциклопедическими познаниями, и разговоры с ним были бесценны.

Не только история и исторические системы письма были в кругу интересов ЮВ, общие проблемы семиотики, детские рисунки как наглядная

Знаменитая фотография с кошкой

иллюстрация процесса развития письма и петроглифы айну – об этом всем размышлял и делился с нами Юрий Валентинович.

С появлением Лены Соболевой связана еще одна забавная история, которая могла произойти только у Кнорозова. Лене как аспирантке понадобилась рецензия на ее реферат по специальности. Она написала текст и пришла к Кнорозову со словами: «Юрий Валентинович, отдел аспирантуры требует ваш отзыв». На что тот в свойственной ему манере ответил: «Ну что же, несите рыбу». Лена даже не догадывалась, что так принято называть заготовку текста. И потому на следующий день принесла и протянула ему завернутую в пакет воблу... Шеф сильно удивился, но ничего не сказал и даже не засмеялся. Сел и сам от руки написал ей отзыв. Другого такого научного руководителя не было ни у кого и никогда.

Была еще одна непонятная история, которая досталась только мне: два дня рождения шефа. То есть официальным и правильным было 19 ноября, что соответствовало и его покровителю – святому Георгию. Однако однажды шеф объявил мне, что документы его были утеряны, и настоящий день рождения приходится на 31 августа. И я всю жизнь

честно поздравляла его и с одним и с другим. Посылала открытки и делала подарочки – какую-нибудь забавную фигурку зверя, что-нибудь этническое индейское. Эти копеечные по цене подарки он получал с большим удовольствием и всегда изучал – с точки зрения семиотики. Но, когда я рассказывала другим о «настоящем» дне рождения, все сильно удивлялись...

Майкл Ко с Софьей Феодосьевной в Петергофе

Понимая теперь, что в эти годы – 1981 и 1987 – предпринимались попытки продвижения Кнорозова в академию, должна признать, что он никогда не делился подобными заботами. Возможно, сам не верил в их реальность и даже не участвовал в подачах документов. Возможно, отдавал себе отчет, что молодые аспирантки вообще не понимали, о чем шла речь. А объяснять все эти статусно-бюрократические игры, признавая участие в них, было заведомо глупо.

Если ты хочешь услышать глупость, спроси у иностранца что он думает о России

Тем более что в начале 1980-х происходили события намного интереснее. Как, например, приезд археолога Майкла Ко вместе со своей супругой Софьей Феодосьевной (1933–1993). Они приехали тогда в Ленинград к Юрию Валентиновичу уже не в первый раз. Майкл Ко задумал написать книгу о дешифровке письма майя «Breaking the Maya code». И понятно было, что сделать это, не поговорив с самим Кнорозовым, совершенно невозможно. Его жена Софья Феодосьевна была дочерью генетика, создателя теории синтетической эволюции Феодосия Добржанского (1900–1975). Феодосий Добржанский был дальним потомком Достоевского по линии матери. Женился на Наталии Петровне Сиверцевой, петербурженке, сотруднице генетика И.И. Шмальгаузена. В 1927 году как ученик Николая Вавилова получил стипендию и уехал на стажировку в США. К концу стажировки, когда начались репрессии, согласно рассказанной мне в те дни Софьей Феодосьевной семейной легенде, Вавилов на вопрос, возвращаться Феодосию в Россию или нет, якобы написал едва различимыми буквами: «Я думал, ты умнее». Так в 1931 году Феодосий остался в США, но делом своей жизни считал продвижение открытий русской науки на Западе. И он всю жизнь переводил и издавал работы русских ученых, отстаивая в информационном пространстве по мере своих возможностей достижения россий-

Фотография, сделанная Майклом Ко на балконе дома

ских ученых. Собственно, тем же самым продолжала заниматься и Софья Феодосьевна, причудами судьбы вышедшая замуж за крупнейшего археолога-майяниста Майкла Ко. Поэтому они начали переводить и издавать в США работы Кнорозова – сразу же, как стало известно о его дешифровке иероглифической письменности майя. Стоит еще добавить, что прозвища для гостей у Кнорозова были весьма доброжелательные – Мишка и Сонька. А безапелляционный комментарий звучал, как приговор: «Мишка полностью под каблуком у Соньки!» Да и сам он позже писал по поводу требуемой у него Софьей Феодосьевной корректуры: «Продолжаю барахтаться с американской корректурой. Сонька меня, вероятно, убьет на расстоянии...»

В стремлении называть людей, предметы и явления по прозвищам или давать сокращенные имена проявлялся глубоко личностный эмоциональный подход ко всему, что имело для него значение. Это коснулось даже толстого словаря языка майя, ставшего «Толстомясом». Тиахогу Руге – мексиканку, снявшую о нем великолепный фильм, он именовал не иначе как «Бешеная Дакотка». Следует отметить, что настоящие прозвища получали лишь те люди и предметы, к которым он относился с симпатией, в других случаях мог использоваться уменьшительный с разными оттенками вариант от имени. Зато всегда с особым уважением помнил имена всех знакомых животных и непременно в каждом письме интересовался, как они поживают. Котов звал по имени, а собаку мог позволить переименовать в «барбоса». Сам он не раз призывал, чтобы его на испанский манер звали «Дон Хорхе» – но мало кто позволял себе отважиться на это, только редкие мексиканцы. Даже иностранцы старательно выговаривали его полное имя: *Юрий Валентинович*. Именно так обращался к нему Майкл Ко, приехавший в Ленинград.

Надо ли пояснять, что все тут же сорвались на эту встречу, благо было лето – и Наночка, и я тут же приехали из Москвы. Всем хотелось увидеть Майкла Ко.

Майк приехал с подарками – привез только что вышедшее из печати издание перевода монографии Юрия Валентиновича Yurii Knorozov. «Maya Hieroglyphic Codices». А также штук двадцать больших бобин с пленками для катушечного магнитофона, где были записи курса языка майя. И еще был изумительный проектор-карусель для показа слайдов. У нас тогда таких не было. К проектору прилагался тяжеленный трансформатор для перехода с нашего напряжения 220 вольт на американские 120, которые были в проекторе. Рассуждения шефа по поводу этого «барахла» были такими:

Проектор и микрофильм «Пополь-Вух» М. Ко вроде бы подарил не то Институту этнографии, не то мне. Полагаю, что микрофильм отдавать в Институт ни к чему, а что с ним делать, виднее Вам. Показывать за деньги в сопровождении лекции, что ли? Проектор можно бы отдать в институт, конечно, в Ленинграде, но еще лучше пропить, в порядке поддержания национальных традиций.

Все это добро спустя какое-то время после отъезда гостей Юрий Валентинович отдал мне – и оно до сих пор хранится как реликвия в нашем Центре Кнорозова в РГГУ. Во всяком случае, выглядит очень экзотично, хотя тяжелый трансформатор где-то осел и, в конце концов, затерялся. А кассету с мультфильмом «Пополь-Вух» однажды попросил какой-то из послов Гватемалы в Москве – и больше не вернул. Это общая и очень неприятная манера дипломатов всех стран – почему-то считать, что им все должны, и потому они сами могут не возвращать одолженное без всяких объяснений и тем более извинений. Как это называл шеф, «премерзкая замашка, которой обучают в дипломатических академиях».

Сам Майк выглядел как типичный иностранец из советских фильмов – худенький, суетливый, непривычно одетый, в круглых очочках. София, напротив, была статной и уверенной в себе женщиной, носившей одежду очень сдержанных тонов – длинные, до середины икр, широкие юбки в складку и закрытые туфли на низком каблуке. Забавно, но для меня этот стиль вот уже почти сорок лет остается любимым – и всегда в гардеробе имеется набор длинных темных юбок в складку. Помню каждую нашу встречу с Софьей Феодосьевной – и в Петербурге, и позже – в Мадриде.

А тогда у Майка было три задачи:

1. Собрать материалы для книги – сделать фотографии и побеседовать с Кнорозовым;

2. Рассказать о том, как прекрасно проходят исследования майя в США;

3. Навестить родственников Софьи Феодосьевны.

Надо ли говорить, что вся наша толпа радостно приняла участие в этом ответственном мероприятии. Теперь понимаю, что Юрий Валентинович был очень рад представить, наконец, свою школу, поскольку до этого он выглядел эдаким непонятным одиночкой. Поскольку гости из-за рубежа в те времена были редкостью, то все азартно кинулись организовывать встречи – чаще всего на квартирах сотрудников. По-другому тогда не было принято. Сейчас вспоминаю с содроганием, как однажды обед был организован у какой-то странной случайной сотрудницы (она долго у Кнорозова не задержалась) в комнате ленинградской коммуналки, причем из самых страшных. Это был бесконечный темный длинный, где-то со ступенями коридор, на который было нанизано штук двадцать дверей-комнат и один жуткий туалет... С балкона одной из этих комнат и был сделан снимок Кнорозова с видом на широкий светлый проспект, который вошел в книгу Майкла Ко.

Разговоры Кнорозова с «Мишкой» были непростыми, и шли обычно через перевод Софьи Феодосьевны. Майкл Ко сделал презента-

цию красивых слайдов, которую триумфально завершил портретом дочери в младенчестве в сопоставлении с так называемыми фигурками бэби-фейс ольмеков. Кнорозова это возмутило. Для него дети относились к почти священным персонажам.

Когда речь дошла до текстов, стало понятно, что Майкл Ко не очень понимал принцип дешифровки и все время пытался рассказать о том, что думает тот или иной ученый о знаках майя. Это страшно раздражало Кнорозова, который все порывался спросить: «А читает ли эта скотина целиком тексты майя? Или только что-то думает по тому или иному отдельно взятому поводу?» Но Майкл даже не улавливал сути этого вопроса. После Юрий Валентинович мрачно заметил, что теперь, видимо, победит «Школа Кнопсона» – мешанина из интерпретаций Томпсона и чтений Кнорозова. Самое забавное, что «Мишка» начал убеждать Юрия Валентиновича в том, что тот обязательно должен подать заявку на грант в США, чтобы туда поехать. Нам это показалось удивительно заманчивым. Однако Кнорозов от подобного предложения буквально взбеленился и язвительно спросил: «А что, меня там, собственно, могут чему-то научить?» Мы затихли, так как, зная «шефулю», прекрасно понимали, что все может кончиться грандиозным скандалом.

Майкл, сохраняя образ жизнерадостного иностранца, однако, не унимался. И начал «идиотские» (по последовавшему после ухода гостя комментарию самого «интервьюируемого») расспросы о его судьбе чуть ли не в «сталинских застенках» и пресловутых книгах. Позже, когда мы списались с Майклом Ко, я поняла, что основную информацию он черпал из бесед со случайными людьми или, что хуже, из воспоминаний людей специфических, в основном эмигрантов, которые к Кнорозову отношения не имели, но охотно «вспоминали» о чем угодно – лишь бы «обличить проклятый режим», и лучше за деньги. Так, среди информаторов упоминается некий австраловед В.Р. Кабо, который если и пересекался с Кнорозовым в Кунсткамере, то случайно на лестнице. Причем Майкл Ко, выстраивая биографию Кнорозова, с упоением оперировал такими убогими и до тоски примитивными западными стереотипами как «сталинист Толстов», «16 лет в ГУЛАГе», «под подозрениями НКВД/МВД» (почему МВД?). Можно себе представить, как подобный дискурс из дешевых фильмов воспринимался Юрием Валентиновичем...

Майкл радостно продолжал задавать вопросы, а Кнорозов уже буквально кипел от злости. Но изо всех сил сдерживал себя, чтобы окончательно не послать иностранного гостя. Сквозь зубы, явно глумясь над происходящим, он соглашался со всеми предлагаемыми версиями, включая ненавистную историю про «лично добытые книги из горящей библиотеки в Берлине». Все остальные напряженно наблюдали за этой сценой...

А Майкл Ко, будучи убежденным с своей правоте, позже написал мне почти недоуменно:

«Таким образом, свою военную историю Юрий Валентинович отчасти выдумал сам. Во «Взламывая код майя» я лишь в точности повторил то, что он сказал мне о пребывании в Берлине, даже не осознавая, что он это выдумал. Кстати, дядя Софии был офицером Красной Армии и действительно участвовал во взятии Берлина – он подарил мне на память гвоздь от одной из дверей Рейхстага (я передал это его сыну Павлу)».

Галина Авакьянц

То есть Майкл Ко искренне до сих пор считает, что Кнорозов был способен придумать дикую историю, а потом в нее поверить. Да и почему бы не взять книги из горящей библиотеки, раз дядя Софии привез гвоздь из двери Рейхстага? В общем, нет слов! Одно точно: Юрий Валентинович тогда даже не понял, зачем именно Майкл Ко задавал все эти идиотские вопросы. При этом Кнорозов все же опасался опровергнуть ту самую некогда навязанную ему «официальную версию».

Забавно и то, что после моих долгих разъяснений в письмах, датируемых 2008 годом, относительно реального событийного ряда, Майкл совершенно серьезно написал: «Теперь я понимаю, зачем Кнорозову для защиты понадобился Токарев – иначе его запросто могли отправить на Лубянку на допрос, а потом в один из трудовых лагерей ГУЛага». Вот так вот.

Тем не менее приезд супругов Ко в Ленинград завершился мирно. Мы, уже без шефа, свозили гостей в Петергоф, погуляли в парках. Кроме того, помогли добыть луковицы каких-то особых «родных» для Софии цветов, которые, впрочем, были благополучно изъяты в аэропорту Пулково при отлете.

Петербургские истории

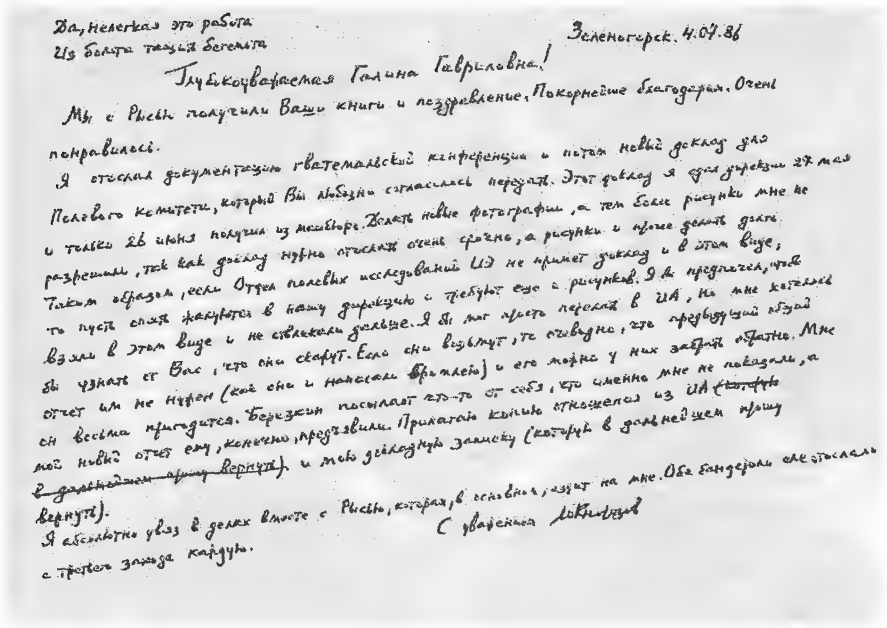
Кстати, прогулки Кнорозова по городу – это тоже был своего рода подарок, каждый раз особое событие. Он любил Ленинград и хорошо его знал. Любимый анекдот был про кого-то, кто из-за границы приехал в Петербург, и у него поинтересовались: «Как вам город?» А иностранец ответил: «Когда достроят, будет прекрасен». Но на самом деле строительные леса появлялись повсюду круглогодично для бесконечного ремонта. Из-за вечной сырости ремонт превращался в постоянный. Любимым петербургским персонажем

для Юрия Валентиновича всегда оставался друг Петра князь Меньшиков – ему нравилось показывать все связанные с ним места, его великолепный дворец. А особенно любил Кнорозов историю о том, как были украдены деньги на строительство каналов от наводнений на Васильевском острове, в результате чего возникли улицы с названием «Линии». Васильевский остров, где некогда жили его родители, он знал исключительно хорошо – но при этом никогда ничего не рассказывал о своих родственниках.

Вскоре к нашей «группе Кнорозова» добавилась еще одна аспирантка – Галина Сергеевна Авакьянц, закончившая в 1981 году отделение «монгольская филология» Восточного факультета СПБГУ. Учитывая армянское происхождение и имя Галина, можно было не сомневаться, что Кнорозов с удовольствием возьмет себе такую аспирантку – заниматься киданьским письмом. Но как раз именно она и оставила науку, так ничего в результате и не завершив... 1990-е стали для многих проверкой на состоятельность.

А тогда... Ирина Константиновна и многие другие страдали от непростого характера «шефули». Да и я тоже поначалу чуть было не рассорилась с Юрием Валентиновичем. Это случилось, когда я в очередной раз приехала в Ленинград, а он был в запое. Поэтому пригласил обсудить дела домой. В этом состоянии он становился исключительно злобным, говорил про коллег чудовищные гадости, которые было очень тяжело выслушивать. Казалось, что слова физически раздавливали тебя. Как если бы доктор Джекил прямо на глазах неожиданно превратился в мистера Хайда. И я не выдержала. Как сейчас помню, взяла сумку, собрала со стола свои бумаги и очень резко сказала, что в таком виде общаться с ним не буду никогда. И заниматься майя в таких условиях тоже не собираюсь, мне это не нужно. Попрощалась с Валентиной Михайловной и ушла. Возвращалась пешком на Фонтанку и думала, что вот так ничем закончилась моя замечательная затея с изучением майя – и чуть не плакала от обиды. Но обратно хода не было. Едва я вошла в квартиру, Ирина Константиновна сказала, что звонил Юрий Валентинович. Тут же опять раздался звонок – это был он. Кнорозов звонил... чтобы извиниться. Я, как и Ирина Константиновна, была потрясена самим фактом признания Юрием Валентиновичем своей неправоты, и, естественно, приняла эти извинения. Похоже, это извинение было единственным в его жизни. По крайней мере, из того, что известно мне. Во всяком случае, больше он себе такого никогда не позволял.

Забегая вперед, скажу, что со временем наша «дамская» дружба в рамках Группы этнической семиотики показалась «шефуле» подозрительной, и он начал разводить интриги, чтобы всех рассорить между собой. В результате в его присутствии приходилось делать вид, что мы едва знакомы. Дело доходило до нелепости. При том что приезжая в Питер, я продолжала жить у Ирины Константиновны, мы с ней выходили из дома в разное время и разными путями добирались до Кунсткамеры. И там едва здоровались, делая вид, что встретились случайно. Причем все сотрудники института были в курсе этого спек-



Да, нелегкая это работа
Из болота тащить бегемота

Зеленогорск, 4.07.86

Глубокоуважаемая Галина Гавриловна!

Мы с Рысью получили Ваши книги и поздравление. Покорнейше благодарим. Очень понравилось.

Я отослал документацию гватемальской конференции и потом новый доклад для Полевого комитета, который Вы любезно согласились передать. Этот доклад я сам привезу 27 мая и только 26 июня получил из машбюро. Хотеть новые фотографии, а тем более рисунки мне не разрешили, так как доклад нужно отослать очень срочно, а рисунки и прочее делать долго. Таким образом, если Отдел полевых исследований ИЭ не примет доклад и в этом виде, то пусть сами жалуются в нашу дирекцию и требуют еще и рисунков. Я их предлагал, чтоб взяли в этом виде и не связывали дальше. Я бы мог ехать переезд в ИА, но мне хотелось бы узнать от Вас, что они сделают. Если они возьмут, то очевидно, что предыдущий вариант отчет им не нужен (как они и написали в письме) и его можно у них забрать обратно. Мне он весьма пригодится. Березкин посылает что-то от себя, что именно мне не сказали, а мой новый отчет ему, конечно, предъявили. Прилагаю копию отношения из ИА (которую в дальнейшем прошу вернуть) и мою докладную записку (которую в дальнейшем прошу вернуть).

Я абсолютно увяз в делах вместе с Рысью, которая, в основном, ездит на мне. Обе бандероли я отослал с третьего завода кайдун.

С уважением Лобачевский

Письмо о внучке Рыси

такля. Но это тоже было характерной чертой Кнорозова – на каком-то этапе подозревать всех в предательстве... И мы предпочитали подыгрывать. А сам он часто говорил, особенно в не очень трезвом состоянии: «Я – скотина злобная и подозрительная». Но, похоже, сам страдал от этого больше всех.

Зато он был сумасшедшим дедом. В 1984 году родилась его обожаемая внучка Анечка, которую он звал Рысь. Все разговоры были только о ней. Помню, как он важно объяснял мне, что ребенку надо сначала давать палец – пусть он за него с доверием подержится. И так переживал, когда девочка не выдержала закаливания, простыла и тяжело заболела... А потом ушел из семьи и вскоре погиб отец Рыси, и вся забота легла на деда. Однажды он прислал мне трогательное письмо о том, как Рысь раскачала прутья от кроватки, а ночью выломала их, выбралась на волю с криками: «Аатака, атака!» полезла на кровать к маме. В результате никто не выспался. Или в письме от 4 июля 1986 года: «Мы с Рысью получили Ваши книги и поздравления. Покорнейше благодарим. Очень понравилось». Дальше идет обсуждение переданного мною в отдел полевых исследований полевого отчета Кнорозова. И потом: «Я абсолютно увяз в делах вместе с Рысью, которая, в основном, ездит на мне...»

Как бы то ни было, все сложности преодолевались, и работа Группы этнической семиотики шла достаточно бодро. Вот, например, отчет Кнорозова за 1983 год (за 1984 год отчет в личном деле отсутствует):

National Geographic Society
WASHINGTON, D.C. 20036

February 6, 1983

Dr. Yuri V. Knorosov
Akademia Nauk
Institut Archeologii
Ulanova, 19
Moscow, USSR

Dear Colleague Knorosov:

At the present time, I, my son David, and Dr. Linda Schele of the University of Texas are engaged in writing a general work on Ancient Maya Writing [illegible] of course, are citing your great contributions to the field - both in our history of research and throughout the rest of the sections where your readings and principles apply.

We wish to illustrate the section dealing with the history of research with photographs of those colleagues who have contributed the most toward our collective effort: Forstemann, Seler, Thompson, Morley, Kelley, Proskouriakoff, and you. We have obtained a copy of the excellent photograph published in the magazine Latin America (1962) and would like your permission to include it in our work. If this meets with your approval - and I sincerely hope it does - we would also like to know when, where, and by whom the photograph was taken. [I might add that the cat you are holding is one of the most beautiful I have [illegible]

I have tried to purchase a copy of your original great 1963 work, partially translated into English by Sophie Coe, but so far without luck. Colleague Gulisev cannot find one either, so I would greatly appreciate it if you ever have an extra copy of the book to think of me.

Since the late 1950s when I began working in the Maya area, I have hoped to meet you. Perhaps someday we will. Meanwhile, thank you very much for your consideration in the above matters.

Sincerely,

George E. Stuart
Archaeologist

Письмо от Джорджа Стюарта

Отчет о работе за 1983 г.

Руководство группой этнической семиотики
Руководство подготовкой диссертаций 4 аспирантов: Е.С. Соболева, Г.С. Авакьянц, Г.Г. Ершова, А.А. Бородатова.
Подготовка майя-русского словаря древнего языка (в составе монографии «Иероглифические рукописи майя»)
Статья «Остатки древних поселений на острове Итуруп» 1 п. л.
Вышел из печати перевод: Yurii Knorozov. Maya Hieroglyphic Codices. NewYork, 1982.
Редакционно-издательская работа
Сборник «Древние системы письма» 20 п. л.

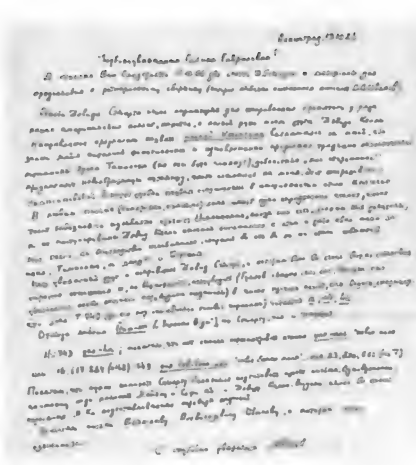
Интриги местного значения

Впрочем, в конце 1984 года я получила письмо, где шеф сообщал, что зам. директора Итс, который вдруг решил затеять собственную Курильскую экспедицию, объявил Берте Яковлевне Волчок, а также ему самому, что «она увольняется (на пенсию) с 1.02.85». Кнорозов воспринял это как прямую угрозу. Полагал, что раз на тот момент у него было 4 аспиранта, то отправка на пенсию ему не грозила, но недружественную акцию принял к сведению.

Неслучайно к этому же времени относится и намерение Юрия Валентиновича уйти из Института этнографии. Тогда он поручил мне «проводить переговоры» об этом. Попутно он был озабочен тем, чтобы и меня с уже защищенной диссертацией устроить на работу куда-либо в академический институт. В январе 1986 года он пишет:

> Есть указание Президиума АН СССР ускорить переаттестацию всех сотрудников по 5-ступенной шкале (м. н. с, н. с., ст. н. с., ведущий н. с., главный н. с.) исходя из фонда зарплаты на 1985 г. Таким образом, Ваш статус должен решаться на этом фоне. В Институт этнографии было бы неплохо, но, конечно, не в секторе Америки. Но Вас все равно будут систематически изводить,... к чему надо быть готовым. Какая обстановка в Институте языкознания, мне неизвестно. С В.Н. Кутейщиковой (Ин-т литературы) у меня были очень хорошие отношения.

Письмо Кнорозова Корнели Корбьюн о каталоге майя



Письмо о Школе КНОПСОНа

Мой статус (поскольку он отчасти переплетается с Вашим) таковой: Зам. директора Р.Ф. Итс (а в дальнейшем директор ленинградского филиала) меня будет истреблять любыми средствами, что он делал и раньше. Поэтому я вполне готов перейти в Ин-т археологии (Директор Рыбаков хорошо ко мне относился, но неясна позиция ленинградского зама Массона[297]) или Ин-т языкознания. В принципе, это возможно, так как я на ставке Президиума АН СССР, которая может быть передана вместе со мной, но если меня уволят, то ставка уходит в Президиум (иначе Р.Ф. Итс уже давно слопал бы меня). Если с переводом в другой институт ничего не выйдет, то мой статус у Р.Ф. Итса не ухудшится, а наоборот. Р.Ф. Итс без конца держит речи на собраниях о том, что следует истребить в Институте этнографии археологию и лингвистику...

Я действительно «провела переговоры» с Рыбаковым[298], который сказал, что считал бы честью для Института археологии переход туда Кнорозова. Позже я переговорила даже с Массоном, приехавшим отдыхать в санаторий Минздрава в Подмосковье. Вадим Михайлович явно не собирался брать Кнорозова к себе в институт, но сказать это прямо не счел нужным. Поэтому впечатление от встречи осталось достаточно неприятное. В сентябре того же 1986 года шеф сообщил мне о результатах всех этих моих «переговоров» по его указаниям:

...В результате новой переаттестации меня утвердили главным научным сотрудником. Я очень благодарен Вам за переговоры с Б.А. Рыбаковым в

[297] Вадим Михайлович Массон (1929–2010) – д. и. н., проф., руководитель Института истории материальной культуры РАН.

[298] Борис Александрович Рыбаков (1908–2001) – д. и. н., профессор, академик АН СССР/РАН. Крупнейший отечественный археолог и историк. Руководитель советской археологии в 1960–1980 гг.

Дом на Гранитной улице, где дольше всего жил Юрий Валентинович

конце января 1986 г., определенную роль они сыграли – Р.Ф. Итс стал заметно легче на поворотах. Он, конечно, не хочет скандала с моим уходом из-за него. Кроме того, 16.06.86 В.И. Гуляев сообщил мне по телефону удивительные вещи: 1) Вы почему-то должны идти лично к Ю.В. Бромлею по поводу моего перевода. 2) С переводом нужно торопиться, потому что Б.А. Рыбаков (которому 78 лет) уходит на пенсию с 1987 г.

В результате было понятно, что переход Кнорозова из Института этнографии вряд ли осуществим, а Курильскую экспедицию Итс был вынужден поддержать. В конце этого склочного 1986 года шеф прислал мне список «крупнорогатых», кому я должна была передать в подарок и с поздравлениями только что вышедший сборник «Вопросы этнической семиотики – II» – Бруку, Бромлею, Рыбакову, Иванову (4 штуки).

Охота за черепами

Помимо научного значения, Курильские экспедиции были для Юрия Валентиновича своего рода отдушиной от тоскливой «бюрократии», как он называл присутствие в институте, настоящим глотком свободы – иногда, возможно, слишком большим. Как бы то ни было, 1980-е годы проходили для него под знаком ожидания лета, а точнее, самого его начала – до наступления штормов.

Однажды я приехала к нему в Ленинград, и он попросил отвезти в Москву заведующему сектором физической антропологии д. и. н. Александру Александровичу Зубову череп. Кнорозов подчеркнул специально, что данный череп принадлежит представителю населения, которое проживало на островах еще до айнов! Еще прилагалась «челюсть пожилого типа», обнаруженная под погребением. И надо было передать на словах, что ожидались датировки по радиоуглероду. Естественно, я согласилась. Бесценный череп был упакован в картонную коробку и спокойно доехал до Москвы. Я созвонилась с Александром Александровичем и поехала к нему домой с коробкой в руках. Поднялась на этаж, он забрал посылку, мы поговорили, и я отправилась обратно. Однако у выхода из подъезда меня остановили – оказалось, что проходила какая-то милицейская операция, и никто почему-то не видел, как я успела зайти в дом, за которым велось наблюдение. Спросили, куда и к кому я ходила. Я сразу поняла, что милиционерам не хватало

только истории про неизвестный череп в коробке, привезенный из Ленинграда. И потому предпочла промолчать, упомянув лишь Зубова и его квартиру. А про себя радовалась, что они не задержали меня на входе... Вечером позвонила шефу, чтобы рассказать эту историю – она ему очень понравилась. «Пора и вам на Курилы, за черепами», – сказал тогда он.

У меня, кстати, сохранилось немало писем, посвященных именно этому черепу: выбить заключение из Зубова, само заключение, требования вернуть череп... В общем, очень важная была история, в которой мне довелось принять участие.

В 1983 году мне тоже довелось участвовать в Курильской экспедиции, но про Курилы – в следующей главе.

А работа в нашей Группе этнической семиотики шла достаточно активно, если судить по регулярным отчетам:

Отчет о работе за 1985 г.

Руководство группой этнической семиотики
Руководство подготовкой диссертаций 2 аспирантами: Г.Г. Ершова, Е.С. Соболева. Г.Г. Ершова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Редакционно-издательская работа
Сборник «Вопросы этнической семиотики II». «Древние системы письма» (сдан в 1982 г.). 20 п.л. Работа с издательством.
Редакционная работа.
Сборник «Вопросы этнической семиотики III». 18 а. л. (Представлен Ученому совету в 1984 г.). Подготовка к изданию.
Сборник «Вопросы этнической семиотики III». 18 а. л. (Сдача в 1986 г.). Комплектование.
Статья «Тексты майя как историко-культурный источник». 2 а. л.
29 апреля 1986 г. – заседанием аттестационной комиссии был представлен на должность главного научного сотрудника.

Впрочем, для нашего сотрудничества защита диссертации ничего не меняла. Даже когда я стала кандидатом исторических наук по этнографии, никто брать меня в Институт этнографии на работу заведомо не собирался, хотя Юрий Валентинович и попытался решить этот вопрос. Посылал меня на какие-то переговоры к тогдашнему директору Ю.В. Бромлею. Но все было заведомо безуспешно.

Судя по всему, шеф обратился-таки к Вере Николаевне Кутейщиковой по поводу моего трудоустройства. Именно тогда, когда я осталась без работы в 1986 году, мне позвонил Андрей Кофман[299], который как раз начал работать в Институте мировой литературы. Чтобы фор-

[299] Андрей Федорович Кофман, ведущий в нашей стране литературовед-латиноамериканист. Сотрудник ИМЛИ с 1986 года. С 2016 г. заместитель директора ИМЛИ РАН.

мально не оставаться безработной (подобная ситуация для советских времен была недопустима), он предложил вступить в Союз московских литераторов – что-то вроде профсоюза, где до этого числился сам. Вхождение в Союз литераторов, кстати, действительно избавило меня от многих проблем, дало вполне приличный статус и даже обеспечило социальной защитой.

Отчет за 1988 год свидетельствует об удивительной активности Группы этнической семиотики все это десятилетие.

1. Научная работа
«Надписи майя» (корпус знаков), статья, 1 а.л.
«Пиктография айнов», статья. 1 а.л.
«Особенности детских рисунков» (пиктография), общий обзор, статья, 1 а.л.
Статья «Остатки древних поселений на острове Итуруп» 1 п.л.

2. Редакционно-издательская работа
Сборник «Вопросы этнической семиотики», МКАЭН – 88, 6 а.л.
Сборник «Вопросы этнической семиотики III», 18 а.л.

3. Опубликованные работы
Pictography. Specific features of child drawing.QES.114-121.
M.F. Albedil, N.N. Jurov, Yu.V. Knorozov. Stumped inscriptions on proto-Indian vessels. QES. 4-25.
Yu.V. Knorozov, G.G. Ershova. An inscription on a sarcophagus at Palenque. QES. 43-53.
Yu. V. Knorozov, M.F. Albedil. Dating in preto-Indian texts. JCAES, 1-7.

4. Участие в конференциях
Этнолингвистика текста. Институт славяноведения. Москва, 9–11 февраля 1988 г.
Историко-культурные отношения Старого и Нового света. Научный Совет по истории мировой культуры. Москва, 14–17 февраля 1988.

Связи с зарубежными коллегами не прекращались, тем более что переписка по майя была «свалена» на меня. В 1987 году Джордж Стюарт прислал, наконец, тот самый толстый словарь майя «Кордомекс», окрещенный Толстомясом. Письмо с просьбой о словаре было отправлено в ответ на послание Стюарта. Юрий Валентинович вместе с благодарностями попросил оформить ему подписку на National Geographic, что Джордж любезно и сделал. У меня был целый список с фамилиями исследователей и уважаемых шефом людей, которым я должна была рассылать наши выходящие публикации. Причем список имен и адресов сопровождался списком вежливых оборотов на всех языках.

В 1980-х Юрий Валентинович вел активную переписку с Корнелией Корбьун, обсуждая детали каталога, который ей требовался для публикации[300].

Примерно в это время Кнорозов начинает отдавать себе отчет в том, что его дешифровку используют как некое заклинание, даже не вникая в суть того, что является системой письма. Именно тогда он заговорил о «школе Кнопсона», отражающей достаточно поверхностное «типично американское» отношение к эпиграфике майя. И это порой ему напоминало «Четвертый позвонок» Марти Ларни.

Ленинград. 19.10.86

Глубокоуважаемая Галина Гавриловна!

Я отослал Вам бандероль 17.10.86 две статьи Д. Стюарта и материалы для предисловия к ротапринтному сборнику (которое любезно согласился написать В.В. Иванов).

Статьи Дэвида Стюарта очень характерны для направления, принятого у ряда наших американских коллег, кажется, с легкой руки моего друга Дэвида Келли. Направление предлагаю назвать школой Кнопсона. Соглашаясь со мной, что знаки майя читались фонетически и одновременно продолжая традиции эклектической мешанины Эрика Томпсона (не тем будь помянут), доблестные «мои сторонники» предлагают невообразимую путаницу, часто ссылаясь на меня. Этот кнорозовско-томпсоновский винегрет удобно назвать сокращенно в американском стиле КНОПСОН.

В любом письме (синхронно, конечно) знак имеет одно определенное чтение, иначе текст невозможно адекватно прочесть. Исключения, когда они есть, должны быть доказаны, а не постулированы. Дэвид Келли сначала соглашался с этим и даже хвалил меня за этот тезис, но впоследствии иссобачился, стараясь во что бы то ни стало совместить меня, Томпсона, а заодно и Бартеля.

Наш уважаемый друг и покровитель Дэвид Стюарт, с которым было бы очень важно установить хорошие отношения и, по возможности, переубедить (Гуляев сказал, что его, Стюарта, сын увлекается, якобы, нашими переводами надписей), в числе прочего пишет, как видите, например, что знак T743 (до сих пор считавшийся головой черепахи) читается a, ah, ha. Отсюда эмблема Йаш-ха («Зеленая вода»), по Стюарту, так и читается 16:743 yax-ha; полагаю, что нет смысла пересматривать чтение

[300] Kornelia Korbjuhn. The Complete Catalogue of Glyph Readings. Schneider & Weber, 1989. 239 p.

yax-aac «новое поле» или 16:667:584 (=168):743 yax tzil-been-aac «новое благое поле» Nar.23, F20; E11 (по T)

Полагаю, что нужно написать Стюарту. Попытаюсь подготовить проект письма. Одновременно, по-моему, надо написать Майклу и Софии Ко и Дэвиду Келли. Видимо, имело бы смысл пересылать М. Ко подготавливаемые переводы надписей. Прилагаю письма Вячеславу Всеволодовичу Иванову, с которыми прошу ознакомиться.

С глубоким уважением Ю. Кнорозов

В 1986 году д-ру Кнорозову активно стала писать директор Института антропологии и истории Гватемалы Эдна Нуньес де Родас, организовывая «Первый всемирный симпозиум по эпиграфике майя» в Гватемале 19–21 августа 1996 года. Симпозиум посвящался памяти Татьяны Проскуряковой[301] и Генриху Берлину[302] и поддерживался Ассоциацией Тикаль и Национальным географическим обществом США. Планировались поездки в Киригуа, Нах-Тунич, Тикаль и Вашактун. Поскольку на первые послания Кнорозов не ответил, то Эдна Нуньес даже попросила написать ему Джорджа Стюарта! По его указанию я написала ответ, в котором Кнорозов сообщал, что приехать он не может, но непременно представит совместный с Галиной Ершовой доклад под названием «Царица Брода Ягуара». И самое удивительное, что доклад был опубликован![303] Шеф развлекался, читая пересылаемые ему копии моих ответов от его имени, и подсмеивался надо мной: «Копии писем Стюарту и лисенсиатихе получил. Хотя я не понял, что значит "...de indole cientifica..." Может "no cientifica"?» Лисенсиатихой он обозвал Эдну Родас, которая, как это принято в Латинской Америке, добавила свой научный статус *licenciada*, что соответствует бакалавру. А изысканный оборот «научный характер» причины отказа он захотел переделать в «ненаучный» характер причины отказа.

На 1980-е годы вообще приходится очень большое количество приглашений на конгрессы, симпозиумы из разных стран и академических учреждений. Кнорозова звали в Мексику, Гватемалу, США, Испанию. Но все было безуспешно, он оставался «невыездным». С моим появлением в Группе этнической семиотики шеф, чтобы активировать переписку, поручил мне отвечать за «связь с научной общественностью» в области майя. А его подпись на письмах должна была изображать «сеньорита Анна». Как говорил шеф, «образец подписи

[301] Татьяна Авенировна Проскурякова, (1909–1985) – американский археолог русского происхождения, внесшая большой вклад в изучение майя.

[302] Генрих Берлин Нойбарт (Heinrich Berlin Neubart) (1915–1988) – мексиканский и гватемальский майянист немецкого происхождения, специалист по истории и археологии, а также письму майя.

[303] Y.V. Knorozov, G.G. Ershova. La reina del Vado del Jaguar // Epigrafía maya. Guatemala, 1986.

INSTITUTO DE ANTROPOLOGIA E HISTORIA DE GUATEMALA
13 Av. 11-66, Zona 1 Guatemala, C. A.

Guatemala, 30 de abril de 1986.

Dear
Yuri Knorosov

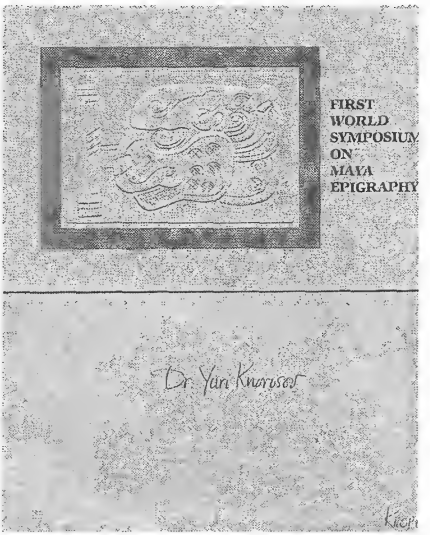
This is a reminder for you and your participation at the I Symposium on Maya Epigraphy, that is preparing for August 14th, 15th, 16th and 21st, at the Museo Nacional de Arqueología y Etnología, Guatemala City.

To prepare the program is necessary to know as soon as possible the name of your paper and the confirmation of your participation to make the arrangements for you.

Thank you, for your interest and cooperation.

Sordially.

Licda. Edna Núñez de Rodas
DIRECTORA



National Geographic Society
WASHINGTON, D. C. 20036

GEORGE E. STUART

October 17, 1985

Dear Colleague:

The letter to which this note is attached is self explanatory. Licda. Edna Núñez de Rodas, Director of the Institute of Anchropology and History of Guatemala, is planning a symposium on Maya epigraphy to be held in Guatemala City this coming August and would like your response to her proposal. Given the mail delays that so often plague international correspondence, I have agreed to help the Institute with mailings at this stage. Thus, you may write either me or the Institute with your response.

Sincerely,

Dr. George E. Stuart
Staff Archaeologist

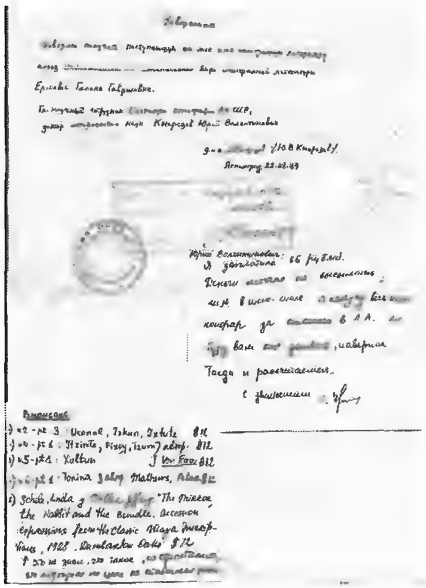
/hp

Приглашение на конгресс в Гватемале. Приглашающие искренне полагали, что «доктор Кнорозов» не получил письма

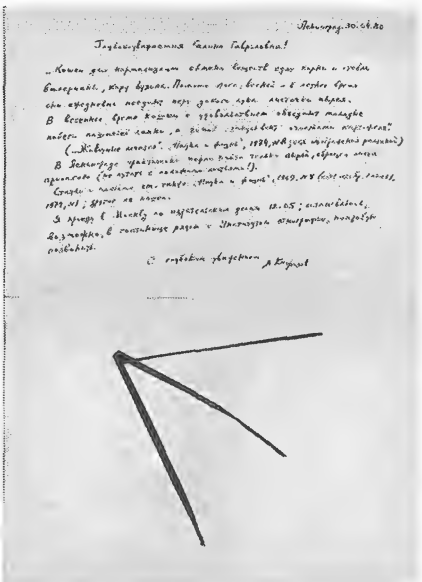
имеется». Именно поэтому я сразу без труда отличу его подпись от имитаций, которые встречаются даже в его личном деле.

Забавно, но когда шеф говорил о «холодной войне», то это тоже было более чем реально. Так, например, Джордж Стюарт из National Geographic, пославший вместе со своим сыном Дэвидом Кнорозову большую посылку с необходимой для работы литературой, оказался на допросе в ФБР. Об этом он написал мне уже после ухода Юрия Валентиновича:

В 1984 мы с моим девятнадцатилетним сыном Дэвидом были на конференции «Фонетизм письменности майя» в Олбани, Нью-Йорк, где я



Юрий Валентинович поручал мне вести в Москве все дела группы и переговоры



Письмо, содержащее указание по траве, которой надо кормить кота. Образец был вложен

надеялся наконец увидеть Юрия – но он не смог приехать, к нашему большому сожалению.

Вскоре после этого мы узнали, что Юрию не хватает некоторых ключевых источников для продолжения исследований. Тогда мы с Дэвидом провели несколько дней, собирая книги и статьи, среди которых были оригиналы и сделанные нами ксерокопии. Все это мы упаковали в несколько больших коробок и принесли к дверям посольства СССР (которое находилось практически через дорогу от моего офиса в Обществе National Geographic в Вашингтоне).

Люди из посольства приняли нас и согласились отправить коробки Юрию дипломатической почтой, и бесплатно! Так они и сделали, и когда Юрий получил их, он прислал письмо со словами глубокой благодарности. С тех пор и до самой его смерти, каждый год Юрий присылал мне особое новогоднее поздравление открыткой или письмом.

Однако, сами того не подозревая, поскольку это были дни «Холодной войны», в тот момент, когда мы входили в посольство СССР, мы с Дэвидом были засняты на фото агентами ФБР. Вскоре нас задержали для долгого допроса. К счастью, мы убедили их, что в то время как наши правительства имеют разногласия друг с другом, майянисты предпочитают делиться предметами и идеями через «железный занавес». Нас отпустили. Я рад, что эти дни давно позади!!!

Редакция журнала «Латинская Америка» во главе с Серго Анастасовичем Микояном

Более продуктивными были дела по «докторскому фонду». Как доктор наук Кнорозов мог заказывать литературу за рубежом, на что выделялись определенные средства. Поскольку ведавшее этим «Информационно-организационное бюро иностранной научной литературы» АН находилось в Москве, то занималась этими делами, естественно, я. Шеф выдал мне доверенность на получение приходящей литературы, подписанные им бланки заявлений, и по мере необходимости высылал деньги для доплаты за покупаемую за рубежом литературу или же для оплаты пересъемок нужной литературы в библиотеках.

Хотелось бы рассказать в этой главе еще об одном удивительном светлом человеке, который всегда поддерживал Юрия Валентиновича и тоже служил мостом связи между Юрием Валентиновичем и зарубежными коллегами. Речь идет о Серго Анастасовиче Микояне – главном редакторе журнала «Латинская Америка»[304]. В те годы журнал располагался в приятном особняке в Кропоткинском переулке, прямо напротив Института судебной психиатрии имени Сербского и в пяти минутах ходьбы от посольства Мексики.

Журнал начал публиковать Кнорозова с 1970 года, то есть практически сразу после своего образования в 1969 году. Первой стала статья, или скорее заметка, Кнорозова и Федоровой, посвященная древнему перуанскому письму[305]. Затем последовала статья Юрия Валентиновича о календаре майя, посвященная Монументу E в Трес-Сапотес.

[304] Серго Анастасович Микоян (1929–2010) – д. и. н., историк, политолог, публицист. В 1969–1990 гг. – главный редактор журнала «Латинская Америка».

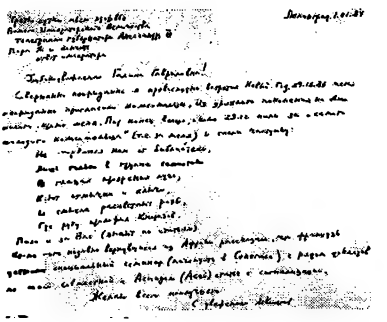
[305] *Кнорозов Ю.В., Федорова И.К.* Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы // Латинская Америка. 1970. № 5. С. 10.

И, наконец, в 1981 году Юрий Валентинович связался с главным редактором журнала – Серго Анастасовичем Микояном, договорившись с ним о встрече, на которую он взял меня – чтобы представить лично. Представил как «коллегу и автора». Серго Анастасович был удивительным человеком. Сыном знаменитого Анастаса Микояна, политического и партийного советского деятеля, начавшего карьеру при Ленине и закончившего при Брежневе. Это о его политическом долгожительстве складывали анекдоты. Дядей был авиаконструктор Артем Микоян, автор знаменитых МИГов. Серго Анастасович сопровождал отца на Кубу во время Карибского кризиса и, наверное, с тех пор стал латиноамериканистом. Возглавленный им журнал обрел особое лицо. В нем Микоян печатал авторов, перед которыми другие издательства часто закрывали двери, а на работу он мог позволить себе взять людей с политически «сомнительной» биографией. Серго Анастасович искренне восхищался неординарными личностями, для которых двери редакции были открыты всегда, и Кнорозов, безусловно, входил в их число. Зачастую только журнал «Латинская Америка» обладал эксклюзивными правами на издание в СССР/России знаменитых латиноамериканских авторов – таких как, например, Гарсия Маркес. И все благодаря личности Серго Анастасовича. Поэтому, когда к Микояну обратился Юрий Валентинович, он тут же встретил самый радушный прием.

Первые статьи были поданы за двумя именами – Кнорозова и Ершовой. Это было сделано шефом с тонким расчетом на то, что никому не известную аспирантку могут легко отфутболить, а ему откажут вряд ли. Но, как оказалось, нужды в хитростях не было – Серго Микоян становился другом без всяких условий. Более того, именно он пригласил меня сотрудничать с журналом на постоянной основе, обеспечивая работой и заработком, когда после защиты диссертации пришлось уйти с работы. Юрий Валентинович был очень благодарен ему за такую «помощь бедным ученым майянистам».

И еще. Юрий Валентинович, археолог Валерий Иванович Гуляев и главный редактор журнала «Латинская Америка» Серго Анастасович Микоян не раз предпринимали попытки издания в России книги про все древние американские культуры. Однако каждый раз возникали самые неожиданные препятствия. Но именно Серго Анастасович добился-таки возможности опубликовать в приличном издательстве «Мысль» первую в СССР обзорную работу по доколумбовой Америке – перевод книги гватемальского историка Мануэля Галича «История доколумбовых цивилизаций», которую открывает великолепное предисловие Кнорозова.

У меня сохранилось любопытное письмо, датируемое 1 октября 1984 года – от известного французского исследователя мезоамериканских культур Жака Сустеля. Письмо направлено в адрес журнала «Латинская Америка» в Кропоткинском переулке и на имя Серго Микояна для передачи профессору Кнорозову и мадам Ершовой. Он пишет, что наши статьи в журнале о чтении текстов майя ему передал Андре Марсель д'Ан, и они ему показались очень интересными. То есть Серго Анастасович занимался еще и рассылкой работ Кнорозова зарубежным коллегам.



Единственное письмо, где Юрий Валентинович пишет о том, как он счастлив

Все, кто занимался майя, мечтали познакомиться с Кнорозовым. В 1987 году я поехала в Испанию выстраивать отношения с коллегами в Музее Америк и в Университете Комплутенсе. Было очень трогательно видеть, с каким сочувствием испанцы относились тогда к советским коллегам, понимая все сложности времени, в котором мы жили. Они заочно сделали Юрия Валентиновича Почетным членом Испанского Общества по изучению майя и очень надеялись, что он сможет приехать в Мадрид. Личность Кнорозова привлекала к себе удивительных, очень чистых и честных людей. И оказалось, что их очень много.

1 января 1984 года шеф прислал мне удивительное письмо. Удивительное тем, что оно – единственное за тридцать лет нашей переписки, где чувствуется, что он счастлив.

Ленинград 1.01.1984

Третьи сутки пьем здоровье
Вашего Императорского Величества!
Телеграмма губернатора Александру III
Пора бы и кончить.
Ответ императора

Глубокоуважаемая Галина Гавриловна!
Совершенно неожиданно я превосходно встретил Новый Год. 29.12.83 меня неожиданно пригласили комсомольцы. Из дряхлого поколения не было никого, кроме меня. Под конец вечера, около 23.00, пили за «самого молодого комсомольца» (т. е. за меня) и спели частушку:

Не оторваться нам от библио́тики,
Лишь только в группе семиотики
В глазах прозрения лучи,
Куют отмычки и ключи,
И смысла расцветают розы,
Где руку приложил Кнорозов.

Пили и за Вас (знают по статьям)
Кроме того, недавно вернувшиеся из Африки рассказали, что французы устроили специальный семинар (почему-то в Сенегале) с рядом докладов по моей совместной с Аспидом (Асей) статье о сигнализации.
Желаю Вам всего наилучшего
С уважением Ю. Кнорозов

К сожалению, уже, наверное, не выяснить, кто был в той изумительной компании, встречавшей Новый 1983-й год. Но работать с Кнорозовым для всех было настоящим счастьем.

Эволюция моего статуса в картинках
Поздравительные открытки от Юрия Валентиновича

ГЛАВА 15
И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ...

Все в порядке.
Настроение бодрое.
Идем ко дну
Радиограмма одного капитана

Надо сказать, что в своей многоплановой и многим совершенно непонятной работе к началу 1980-х Кнорозов окончательно подошел к необходимости заняться Курильскими островами. Проблема Курильских островов была связана с глобальной, давно интересовавшей его темой, – заселением американского континента. На самом деле, первую попытку «наступления» Кнорозов предпринял очень давно, когда на взлете стремился реализовать все свои идеи. Позже он писал: «Впервые вопрос о поездке на Курильские острова возник в конце 50-х годов, после опубликованных геологом Власовым сведений о надписях на камнях на вулкане Богдан Хмельницкий». Однако докладные записки Юрия Валентиновича на имя заведующего сектором Америки тогда остались без ответа. Дело в том, что этим заведующим был Р.В. Кинжалов, которому все эти фантастические задачи Кнорозова всегда были чужды в принципе, не говоря уж о том, что он при малейшей возможности с удовольствием вставлял палки в колеса своему «подчиненному». Кинжалов с самого начала не мог простить ему ни гениальности, ни наивного желания помочь, ни полного безразличия к административным играм.

В поисках Берингии

Курильская гряда, как это представлял Кнорозов, была подступом к Берингии – периодически возникавшему временному пути, по которому очень давно древние предки индейцев пересекали обнажавшееся дно океана, добираясь до берегов Америки. Это случалось, когда уровень океана значительно понижался, открывая полосу суши, простиравшуюся с севера на юг на две тысячи километров.

Южнокурильская гряда

Южный берег шел от мыса Наварин к проливу Унимак на Алеутских островах. Мост суши открывался в периоды оледенений – тогда формировавшиеся ледники опускали уровень мирового океана. Глубина в районе Берингова пролива невелика – всего около 40 м. И потому, когда суша обнажалась, между Азией и Америкой всплывала целая страна, названная Берингией.

Но после «глобального похолодания» возвращалось «глобальное потепление», ледники таяли, вновь пряча сушу под неглубокими водами Берингова и Чукотского морей и отрезая Азию от Америки.

Однако до того, как Берингия исчезала, из Азии в Америку успевали перебраться сначала грызуны, затем крупные травоядные животные – мастодонты, мамонты, мускусные быки, бизоны, лоси, олени, а следом за ними хищники – лисы, медведи и волки. Вслед за всей этой живностью около 40 тысяч лет тому назад проследовали первые голодные охотники верхнего палеолита. Позже, в следующие оледенения, через Берингию отправились в Америку неолитические племена – пока не закончилась последняя стадия оледенения и самое значительное понижение уровня океана, около одиннадцати тысяч лет назад. Таким образом, Америка заселялась через Берингию тремя волнами.

И в этой связи Кнорозовым ставились две главные научные проблемы. Первая касалась, собственно, реконструкции этого пути заселения американского континента. Вторая предполагала изучение возможного этногенеза американских индейцев. И тут становится понятным, почему проблема Курил возникла у Кнорозова так давно – ему было необходимо обосновать восходящее к верхнему палеолиту («первой волне») американское происхождение языка и письменности, а также общества майя, исключая всевозможные теории «влияний» и «заимствований». И это работало на его теорию коммуникации и, следовательно, на его «теорию коллектива».

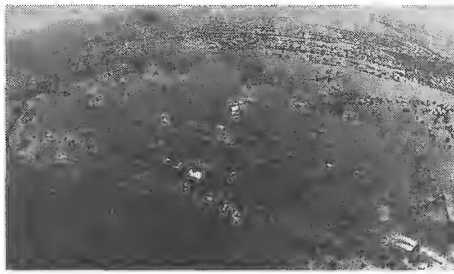
Неким интригующим «крючком», в котором Кнорозов чувствовал путь к разгадке глубоко междисциплинарной проблемы заселения американского континента, стали айны – тот самый странный народ, чей этногенез вызывал споры еще во времена Штернберга. Надо полагать, что проблему айнов шеф представлял на публику чуть ли не основной по одной очень простой причине: для организации экспедиции в Институте этнографии необходимо было обозначить безупречно «этнографическую» задачу. И в этом случае изучение народа (айнов) представало весьма убедительным обоснованием. А таких руководителей и ученых, как Толстов, способных мыслить стратегически в постановке научных задач, в Институте этнографии уже не было.

Итак, айны

Кнорозов отличался особым научным чутьем даже в отборе материалов, которые потенциально несли «мысль». Его фраза «у него даже украсть нечего» возникла вовсе не на пустом месте. Он искал тех, у кого можно было «украсть». На самом деле, даже малейшую чужую стоящую идею Кнорозов мог превозносить до небес, обязательно делая ссылки на авторство. Причем были случаи, когда даже сами авторы не понимали, с чего это вдруг Кнорозов носится с их идеей или незначительной информацией. Но чужие открытия любого уровня вызывали у Юрия Валентиновича искреннее восхищение. «Изумлен, но тронут», – говорил он в таких случаях.

Одна из гипотез, связанных с появлением айнов на Японских и Курильских островах, которая заинтересовала Кнорозова, была высказана Эрнстом Владимировичем Шавкуновым. Дальневосточный историк написал мне письмо, где изложил свою позицию, сожалея, что не успел лично познакомиться с Кнорозовым. Сохранилось краткое изложение этой гипотезы с пометками шефа:

> Во втором – первом тысячелетиях до н. э. Южный Китай вплоть до самых восточных окраин был заселен аустроязычными племенами. Вьетами были не только аустронезийцы, но и аустроазиаты. В конце II века до н. э. дольмены (погребальные сооружения в виде каменного ящика) появляются уже на Корейском полуострове. В начале первого тысячелетия до н. э. Чжоуский Китай начинает теснить вьетов, в частности, на полуострове Шаньдун, заселенном в то время племенами сушеней. Сушени были вынуждены мигрировать и осваиваться на новых территориях. Можно предположить, что одной из таких территорий стал юг Приморья, где в тот период возникает культура, родственная сушеньской – кроуновская, о чем свидетельствуют многочисленные археологические данные. Около I века н. э. палеоазиаты, заселявшие территорию Северной Кореи, часть Маньчжурии и Приморья, были потеснены тунгусоязычными племенами Забайкалья, ассимилировавшими некоторые формы хозяйства и жизни. Таким образом, впоследствии оказалось, что в языках южных тунгусов имеются не только айнские параллели, но и индонезийские! А последние исследования украшений и орнаментов народов Приамурья выявили аналогии опять же с Индонезией и Индокитаем! Общее можно найти и в мифах народов Юго-Восточной Азии, и у корейцев и маньчжуров.
>
> Другим направлением миграции сушеней в I веке до н. э. стал путь через Корейский полуостров на остров Кюсю. В третьем же веке в Японии возникает культура иямит. Тогда сушени, для которых характерно наличие множества айнских этнонимов, вынуждены тесниться дальше к северу, на остров Хонсю. Но когда выяснилось, что за продвижением сушеней мы можем следить по заведомо айн-



Разлив реки Амур, похожий на море

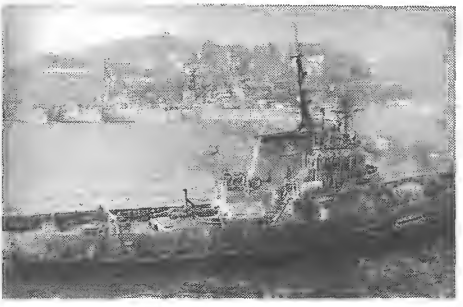
ским этнонимам, стал напрашиваться вывод о том, что именно сушени могли быть далекими предками таинственных айнов, добравшихся до Сахалина. Сопоставление данных этнографии, археологии и лингвистики подтверждает все эти предположения.

Итак, Южные Курилы?

От теоретических выводов Кнорозову необходимо было выстроить мост к конкретным задачам экспедиции. Понятно, что гипотеза заселения Америки со столь древними датировками в глазах многих коллег выглядела, мягко говоря, революционной. Некоторые откровенно называли его «чокнутым». Думается, что «чокнутым» он казался в не смысле научной гипотезы, а в смысле смелости постановки научных задач – ведь большинство в научной среде стремится аккуратно вписаться в рамки «того, что принято». Но не Кнорозов! Он прекрасно понимал, что археологи не принимали его датировок исключительно из тех соображений, что не было обнаружено столь древних убедительных скелетных останков на территории американского континента. Хотя всем очевидно, что поднимавшийся уровень мирового океана скрыл под водой шельфовую зону, по которой, скорее всего, и передвигались первые переселенцы. Тем более что наиболее ранние следы человека обнаруживаются именно в непосредственной близости от шельфовой полосы. В настоящее время предположения Кнорозова не кажутся столь невероятными – сейчас обнаруживаются человеческие стоянки, хоть и все еще без костей, но с этой ранней датировкой. А последние лингвистические, а также генетические исследования напрямую работают на выводы Юрия Валентиновича. Но тогда, в начале 1980-х, это была гипотеза «странного чудака Кнорозова».

И шеф прекрасно понимал необходимость прямых доказательств. Поэтому для поиска аргументов и свидетельств – явных и скрытых – он заявил разведывательные экспедиции по островам Южно-Курильской гряды: Итурупу, Кунаширу и Шикотану под предлогом изучения исчезнувших айнов. Начиная с 1979 года эти Курильские экспедиции стали регулярными и практически ежегодными до конца 1980-х. Кнорозов очень рассчитывал, что исследования Курильских островов непременно прольют «тусклый свет на особо темные места» в проблеме первых контактов между Азией и Америкой...

Айны и тайны



Бухта «Золотой Рог» во Владивостоке, 1983 год

Итак, айны на Курилах особенно интересовали шефа. Естественно, что в этом могла сыграть свою роль давняя дискуссия относительно этногенеза этого народа, которую вел еще Л.Я. Штернберг, изучавший айнов и их религию[306]. Как объяснял иногда Юрий Валентинович, у него «было подозрение», что айны относятся в определенном смысле к реликтовым этносам. Не случайно считается, что это «самый волосатый в мире» народ. А это уже наводило на мысль о том событии, когда разделились ветви далеких потоков людей, осваивавших Землю.

Р.Ф. Итс, задумывая прибрать Курильской проект Кнорозова к своим рукам, даже написал небольшой комментарий в журнал «Вокруг света»[307]:

ПО СЛЕДАМ АЙНОВ

Обычная экспедиция позапрошлого лета на Курилы, организованная Институтом этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Ее возглавил доктор исторических наук Юрий Валентинович Кнорозов. Двадцать лет назад журнал «Вокруг света» представлял Ю.В. Кнорозова, разрабатывавшего собственную систему дешифровки древних письменностей, в частности, письменности центральноамериканских майя. За эти двадцать лет его метод стал общепризнанным, за что в 1977 году он был удостоен Государственной премии СССР. Сегодня Ю.В. Кнорозов – руководитель группы этнической семиотики в Ленинградской части Института этнографии, которая разрабатывает по его методике дешифровку забытых письменностей: острова Пасхи – «ронго-ронго», киданей – средневековых кочевников Центральной Азии и протоиндское письмо древнейшей цивилизации Южной Азии – Мохенджо-Даро, или Хараппы.

Кнорозов – специалист по древним культурам Америки: его всегда влекла проблема заселения Нового Света, который, как и Австралия, не входил в ту зону, где происходило формирование человека, и куда человек пришел из Старого Света. Ученый – последовательный сторонник заселения Америки из Азии по сухопутному мосту – легендарной Берингии. Давняя привязанность к теме и сообщение геологов, что на

[306] *Штернберг Л.Я.* Айнская проблема // Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Статьи и материалы. Хабаровск, 1933. С. 595.

[307] Вокруг света. 1984. № 11.

Курилах на камнях найдены «какие-то надписи», увлекли Ю.В. Кнорозова, и он с небольшим отрядом отправился на Курилы.

Этнографам сразу же удалось найти следы пребывания айнов – загадочного, исчезающего народа, предки которого не только первыми заселили Курильские и Японские острова, но и вместе с «азиатами» проникли по Берингии до берегов Америки. Экспедиция этнографов обнаружила тысячелетней давности следы тех, кто шел по Берингии в Новый Свет, их орудия труда, предметы быта, останки древних людей, стойбища и могильные холмы. Наука вновь получила подтверждение истинности азиатского пути в Америку, как и доказательство широкого расселения айнов по островам и берегам Тихого океана. Не так давно Ю.В. Кнорозов с уже более значительной группой вновь побывал на Курилах, где его ждали обнаруженные, но еще недостаточно исследованные памятники айнов и доайнской культуры.

Таким образом, Итс правильно уловил «этнографический посыл» Кнорозова и тоже упирал исключительно на изучение этого народа, но привязывая проект к заселению Америки.

В 1982 году очередная экспедиция Кнорозова отправилась на Итуруп в поисках следов айнов и таинственных петроглифов, о которых местный геолог Г.М. Власов рассказал в письме Кнорозову, считая их айнскими:

> В первые же дни работы в кальдере нас поразила «исчерканность» большинства крупных гладких камней. Сначала этому явлению не придавалось значения, и царапины на камнях объяснялись деятельностью ледников или трением камней друг о друга в водных потоках, которые могли разливаться во время снеготаяния и после обильных дождей. Вскоре, однако, пришлось убедиться, что, во всяком случае, часть царапин на камнях сделана рукой человека и представляет примитивные письмена.

Из описания следовало, что речь шла об изображении реальных объектов. Графическая традиция в виде сюжетной пиктографии восходит к началу верхнего палеолита, то есть к самому началу возникновения человеческих языков. Естественно, что подобная информация не могла не заинтересовать руководителя Группы этнической семиотики.

Необходимость подробно исследовать Южные Курилы становилась все более безотлагательной – слишком много тайн скрывали в себе далекие острова в Тихом океане.

1982. Итуруп

В тот год члены экспедиции прилетели на Сахалин. Оттуда до Итурупа пришлось добираться уже морем. Теплоход «Ольга Андров-

ская» подошел к острову еще до рассвета. Из-за темноты было невозможно разглядеть даже примерные очертания берега – лишь огоньки порта Китовое и соседних поселков. Оставались считанные минуты до встречи с островом Итуруп.

«Каким он окажется утром, когда рассветет?», – настроился на лирический лад кандидат исторических наук Ленинградского отделения Института этнографии Николай Михайлович Гиренко.

Дело в том, что русские путешественники раньше описывали остров как «великий и многолюдный», называя его Зеленым.

«Айны называли его "земляничным", – улыбнулся Кнорозов. – Ведь *итуран* по-айнски – название ягоды, очень похожей на землянику. Соседний остров Уруп айны назвали Семговым (*ураnn, урупп* по-айнски – красная семга), а русские путешественники – Цитронным»...

Как правило, времени на раскачку в экспедициях не бывает. И потому сразу по прибытии на Итуруп экспедиция приступила к обследованию окрестностей, начав с осмотра берегов реки с бесхитростным названием Курилка.

«Меня увлекают перспективы высокого левого берега речки, где был слой с остатками древнего селения. В слое черепков от сосудов, безусловно, следует покопаться», – поделился мыслями прагматичный Гуляев.

На правом берегу высилась скала, силуэт которой напоминал голову человека. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это, как обычно, было работой ветров и дождей. Тут Гиренко вдруг позвал Юрия Валентиновича – ему удалось обнаружить небольшую плиту из песчаника, лежавшую в песке на берегу реки. Это была настоящая удача! На камне виднелись пиктографические надписи. На одной стороне ясно проглядывала лапа медведя – хозяина суши и леса, как считали айны; а на другой – знак хозяйки моря – касатки.

«А вот еще такой же знак, только на валуне», – обрадовалась Галина Авакьянц. Это был знак касатки.

«Касатку айны называют *чогуеку* – "друг, снабжающий пищей". Ей удавалось даже заставить выбрасываться из моря на побережье китов, – пояснил Кнорозов. – Эти хищные "друзья" айнов имеют нахальную привычку съедать только язык и губы кита. Китов, пригнанных к берегу касатками, айны считали даром духов, а касатку почитали как главного морского хозяина».

Он потрогал рукой валун: «Не исключено, что именно здесь когда-то справлялся праздник начала рыбной ловли».

Следующая находка была сделана еще через пару дней. Неутомимый Гуляев, раскапывавший остатки найденного геологами селения на высоком берегу Лебединого озера в окрестностях Курильска, нашел камень с пиктографической надписью несколько иного вида: она содержала знак змеи, «хозяйки солнца». Этот камень лежал в живописном месте возле ручейка, неподалеку от крутого берега озера.

Такие же плиты со знаком змеи, располагавшиеся около питьевых ручьев, были обнаружены три года назад экспедицией доктора

исторических наук Чунера Михайловича Таксами. В образе змеи воплощалась верховная хозяйка солнца, называлась она по-айнски *чуф-камуй*, что означает «владетель светила», или «владетель светил».

Обследования окрестностей Курильска заняли довольно много времени, но результаты превзошли все ожидания – на острове, казалось, повсюду незримо присутствовали некогда жившие здесь айны: стоило чуть внимательнее приглядеться, и появлялись следы погибших айнских селений, культовые места, надписи – многочисленные послания погибшей культуры.

Следующим пунктом был осмотр кальдеры вулкана Богдан Хмельницкий. До него пришлось добираться морем на рыбацком сейнере, который доставил отряд к самому устью Южного Чирипа. Отряд повел моряк, знаток этой местности Сергей Прохорович Чашков.

Погода в начале экспедиции была словно на заказ, ясная, спокойная, но маршрут от этого не становился легче. Порой приходилось пробираться медвежьими тропами, и следы «хозяина» всякий раз оказывались совсем свежими. Всех беспокоило: если встретится владелец тропы, куда деваться? Ведь ни влево, ни вправо не свернуть... Но медведи оказались доброжелательными хозяевами – они прятались где-то поодаль, в лесу, и не пугали понапрасну своим появлением.

Довольно часто тропа проходила прямо по речке – приходилось прыгать с камня на камень. Южный Чирип течет в узком ущелье, стены которого в эту пору года постоянно мсняют очертания и цвет, от самых мрачно-зловещих до радостно-светлых тонов. Кое-где на берегу попадались крупные комки самородной серы, склоны ущелья заросли курильским бамбуком, кедровым стлаником и каменной березой, а на сравнительно ровных местах высился настоящий лес.

«Смотрите, – подозвал всех Сергей Прохорович. – Мы поднимаемся с медведями след в след! Вон один из камней столько времени служит медвежьей ступенькой, что на нем вечный след лапы отпечатался».

Эта преемственность впечатляла.

Первый большой водопад обошли по склону берега, цепляясь за крепкие побеги бамбука. Дальше встречались целые каскады маленьких водопадов. Рыжий цвет волн в Южном Чирипе стал меняться – в речку впадали многочисленные ручьи с превосходной питьевой водой. Начало смеркаться, пошел дождь, пора бы подумать и о ночлеге – однако до цели оставалось совсем немного, и решили добираться до вершины. Проходя хаотическое нагромождение скал, как всегда не спешащий Кнорозов заметил в полумраке отчетливо выбитый одиночный знак в виде трезубца, так называемую «воронью лапку». Однако продрогшие коллеги решили не останавливаться, тем более что отряд входил в маленькую котловину, забитую снегом.

«В сентябре снег растает и тут будет озеро», – успел пояснить проводник.

Уже в густой темноте, скользя по камням, спустились в кальдеру и разбили палаточный лагерь...

К утру распогодилось. И когда члены экспедиции выбрались из палатки, то застыли в изумлении: перед ними предстала кальдера вулкана Богдан Хмельницкий. Вот как описывал ее тот самый, заманивший всех на Курилы геолог Власов:

> Громадные обрывы кальдеры состоят из скал с причудливыми очертаниями. Сложены они ярко окрашенными породами, измененными вулканическими газами и растворами. Спокойные озера с синевато-голубой, кислой и насыщенной минеральными солями водой обрамляются буро-красными берегами, сложенными лимонитом. В неподвижной глубине озер вырисовываются голубоватые, шарообразной и кувшинообразной формы очертания крупных колоний бактерий и водорослей. Прекрасные альпийские луга, водопады, фумарольные поля с горячими бассейнами и ярко-желтыми серными отложениями усиливают живописность кальдеры, которая могла быть убежищем, крепостью и храмом для привилегированной части айнского населения (например, для служителей религиозного культа) и, возможно, очагом айнской культуры.

Тут же на большой скале, стоящей в воде у берега озерка, обнаружилась целая серия ясно видных петроглифов! Это была еще одна удача.

Спускаться решили вновь по Южному Чирипу, но по другому руслу, впрочем, такому же каменистому. «Северный ничем не отличается от Южного, – пояснил проводник. – Разве что пришлось бы преодолеть около десяти крупных и мелких водопадов да несколько ущелий...»

Внизу, на берегу моря, ближе к устью Южного Чирипа, вошли в сплошные заросли стелющейся по земле шикши.

«Шикша, кстати, обладает исключительным тонизирующим действием, – заметил Кнорозов. – Медведи ее весьма уважают. Едят, естественно, лежа, что, конечно, гораздо удобней», – добавил он. «Коль скоро заговорили о ягодах, то могу сообщить, что здесь неподалеку должны быть береговые заросли, привлекавшие некогда айнов. Там должна быть рябина, сарана, черемша, шикша, костяника, брусника; а ягоды шиповника они собирали, сушили и ели тертыми с икрой».

На следующий день осматривали местность у подножия вулкана Богдан Хмельницкий. Здесь начиналась речка под названием Оля. Она недолго бежит среди сопок и скоро впадает в очень удобную бухту. Речушка привлекла внимание экспедиции вовсе не своим названием, а тем, что на ее правом берегу некогда находилось поселение, остатки которого обследовал Валерий Гуляев. Случай был странный, так как обычно и айнские, и доайнские поселения располагались на левом берегу. Но тут никаких остатков святилищ не просматривалось. Подошли к краю обрыва – внизу тянулся небольшой песчаный пляж, на который набегали волны бескрайнего океана. И вот у края осыпавшегося обрыва, под дерном, заметили какой-то светлый слой.

«Похоже на кучу костей», – Кнорозов закурил очередную сигарету.

... «Кьеккен-меддинги», или «кухонные кучи» из раковин, костей рыб и животных оставляли люди на берегах морей и рек в мезолите и неолите. Такие кучи первыми раскопали в прошлом веке датские археологи, откуда и пошло название, вошедшее как термин во все языки. На Дальнем Востоке «кухонные кучи» были известны на побережье Китая и к северу от него. Свыше 10 тысяч лет назад кьеккен-меддинги появились на территории Тихоокеанского побережья Америки, правда уже на суше за пределами шельфа, и отметили собой расстояние от Аляски до Огненной Земли. На Курилах же такие находки до сих пор описаны не были.

Итак, перед участниками экспедиции оказалась первая полностью сохранившаяся «кухонная куча», найденная на территории Курильских островов! Возраст ее, как выяснилось позднее, составлял 3600 лет. Под толстым слоем дерна шел неширокий слой угля, в котором попадались кости, черепки, а нередко и почти целые сосуды. Некоторые из них под венчиком украшал ряд крупных сквозных дырок, видимо, предохранявших некогда пищу айнов от перекипания. В открывшемся слое крупных рыбьих костей тоже попадались черепки разных сосудов; на некоторых из них неплохо сохранился изящный лепной узор в виде тонкого жгутика. Были также кости тюленей, дельфинов, птиц – нырков и чаек. Изредка встречались маленькие витые ракушки съедобных улиток.

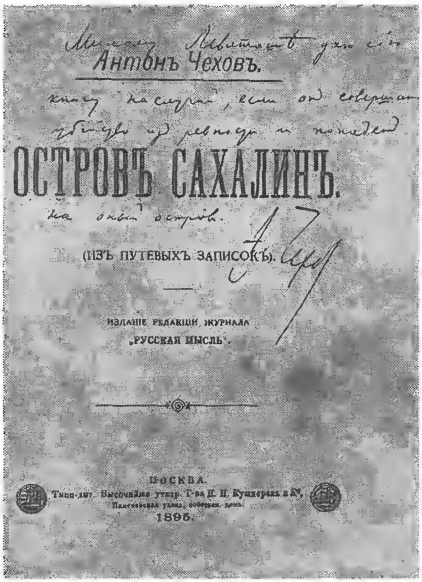
Однако так и не обнаружилась ни одна обожженная кость. Если бы жители хотели избавиться от мусора, то его очень легко сбросить с обрыва. Очевидно, во время еды кости запрещалось кидать в горящие рядом костры или еще куда, а полагалось складывать в кучу, сохранявшуюся неопределенно долгое время.

По мнению некоторых археологов, таким способом древние пытались сохранить «экологическое равновесие». Все в соответствии с анимистическими представлениями: скелеты съедобной живности не уничтожались, а как бы хоронились – тем самым создавались условия для возрождения погибшего звери или рыбы. Люди ведь будут возрождаться, следовательно, надо думать и о восстановлении запаса пищи для потомков...

И вот со временем, когда Берингия уже давно была скрыта водами Тихого океана, на Хоккайдо, Курильских островах и Сахалине и появились племена тех самых протоайнов.

Кнорозов всем участникам Курильской экспедиции рекомендовал читать Чехова. В 1891–1893 гг. Антон Павлович в части XIV «Острова Сахалин» дал описание айнов совсем как этнограф, и при этом рассуждал об этногенезе!

> Айно смуглы, как цыгане, у них большие окладистые бороды, усы и черные волосы, густые и жесткие; глаза у них темные, выразительные, кроткие. Роста они среднего и сложения крепкого, коренастого, черты лица крупны, грубоваты... Наука до сих пор еще не отыскала для айно настоящего места в расовой системе. Айно относят то к монгольскому, то к кавказскому племени... наиболее вероятными представляются два



Антон Павлович Чехов и первое издание «Острова Сахалин»

мнения: одно, что айно принадлежат к особой расе, населявшей некогда все восточноазиатские острова, другое же, принадлежащее нашему Шренку, что это народ палеазиатский, издавна вытесненный монгольскими племенами с материка Азии на его островную окраину, и что путь этого народа из Азии на острова лежал через Корею. Во всяком случае, айно двигались с юга на север, из тепла в холод, меняя постоянно лучшие условия на худшие. Они не воинственны, не терпят насилия; порабощать или вытеснять их было нетрудно.

Из Азии их вытеснили монголы, из Ниппона и Матсмая – японцы, на Сахалине гиляки не пустили их выше Тарайки, на Курильских островах они встретились с казаками и таким образом в конце концов очутились в положении безвыходном. В настоящее время айно, обыкновенно без шапки, босой и в портах, подсученных выше колен, встречаясь с вами по дороге, делает вам реверанс и при этом взглядывает ласково, но грустно и болезненно, как неудачник, и как будто хочет извиниться, что борода у него выросла большая, а он все еще не сделал себе карьеры.

Подробности об айно см. у Шренка, Добротворского и А. Полонского. То, что было сказано о пище и одежде у гиляков, относится и к айно, с тою лишь прибавкой, что недостаток риса, любовь к которому айно унаследовали от прадедов, живших когда-то на южных островах, составляет для них серьезное лишение; русского хлеба они не любят. Пища у них отличается большим разнообразием, чем у гиляков; кроме мяса и рыбы, они едят разные растения, моллюсков и то, что итальянские нищие называют вообще frutti di mare. Едят они понемногу, но часто, почти каждый час; прожорливости, свойственной всем северным дикарям, у

них не замечается. Так как грудным детям приходится с молока переходить прямо на рыбу и китовый жир, то их отнимают от груди поздно. Римский-Корсаков видел, как айнку сосал ребенок лет трех, который отлично уже двигался сам и даже имел на ременном поясе ножик, как большой. На одежде и жилищах чувствуется сильное влияние юга – не сахалинского, а настоящего юга. Летом айно ходят в рубахах, сотканных из травы или луба, а раньше, когда были не так бедны, носили шелковые халаты. Шапок они не носят, лето и всю осень до снега ходят босиком. В юртах у них дымно и смрадно, но все-таки гораздо светлее, опрятнее и, так сказать, культурнее, чем у гиляков. Около юрт обыкновенно стоят сушильни с рыбой, распространяющей далеко вокруг промозглый, удушливый запах; воют и грызутся собаки; тут же иногда можно увидеть небольшой сруб-клетку, в котором сидит молодой медведь: Его убьют и съедят зимой на так называемом медвежьем празднике.

Я видел однажды утром, как айнская девочка-подросток кормила медведя, просовывая ему на лопаточке сушеную рыбу, смоченную в воде. Сами юрты сложены из накатника и тесу; крыша, из тонких жердей, покрыта сухою травой. Внутри у стен тянутся нары, выше их полки с разной утварью; тут, кроме шкур, пузырей с жиром, сетей, посуды и проч., вы найдете корзины, циновки и даже музыкальный инструмент. На наре обыкновенно сидит хозяин и, не переставая, курит трубочку, и если вы задаете ему вопросы, то отвечает неохотно и коротко, хотя и вежливо. Посреди юрты стоит очаг, на котором горят дрова; дым уходит через отверстие в крыше. Над огнем висит на крюке большой черный котел; в нем кипит уха, серая, пенистая, которую, я думаю, европеец не стал бы есть ни за какие деньги. Около котла сидят чудовища. Насколько солидны и благообразны айно-мужчины, настолько непривлекательны их жены и матери. Наружность аинских женщин авторы называют безобразной и даже отвратительной. Цвет смугло-желтый, пергаментный, глаза узкие, черты крупные; невьющиеся жесткие волосы висят через лицо патлами, точно солома на старом сарае, платье неопрятное, безобразное, и при всем том – необыкновенная худощавость и старческое выражение. Замужние красят себе губы во что-то синее, и от этого лица их совершенно утрачивают образ и подобие человеческие, и когда мне приходилось видеть их и наблюдать ту серьезность, почти суровость, с какою они мешают ложками в котлах и снимают грязную пену, то мне казалось, что я вижу настоящих ведьм. Но девочки и девушки не производят такого отталкивающего впечатления. Айно никогда не умываются, ложатся спать не раздеваясь. Почти все, писавшие об айно, отзывались об их нравах с самой хорошей стороны. Общий голос таков, что это народ кроткий, скромный, добродушный, доверчивый, сообщительный, вежливый, уважающий собственность, на охоте смелый и, по выражению д-ра Rollen'а, спутника Лаперуза, даже интеллигентный.

Бескорыстие, откровенность, вера в дружбу и щедрость составляют их обычные качества. Они правдивы и не терпят обманов. Крузенштерн пришел от них в совершенный восторг; перечислив их прекрасные

душевные качества, он заключает: «Такие подлинно редкие качества, коими обязаны они не возвышенному образованию, но одной только природе, возбудили во мне то чувствование, что я народ сей почитаю лучшим из всех прочих, которые доныне мне известны». А Рудановский пишет: «Более мирного и скромного населения, какое мы встретили в южной части Сахалина, быть не может». Всякое насилие возбуждает в них отвращение и ужас.

Однако антропологический тип айнов отчасти продолжает оставаться их тайной. Дискуссия, начавшаяся полтора столетия назад и продолжавшаяся во времена Штернберга, так ничем пока и не завершилась. Отмечаются черты европеоидные, монголоидные и даже австралоидные. В их искусстве и культуре переплетаются элементы, встречающиеся у народов Сибири, Дальневосточного Севера и Юго-Восточной Азии. А ведь в свое время быстро исчезающая айнская культура оказала немалое влияние на формирование культуры японской.

О том, что около озера Танковое, лежащего к югу от Курильска, есть остатки поселений, было известно по описаниям сахалинских археологов, которые первыми обнаружили здесь погребения. Тем не менее было принято решение непременно съездить к Танковому и еще раз подробно обследовать его окрестности. Озеро Танковое сплошь окружено песчаными дюнами. Находящиеся в них остатки селения выглядели необычно. Ровная песчаная поверхность между дюнами была усеяна темными черепками, наконечниками стрел и копий.

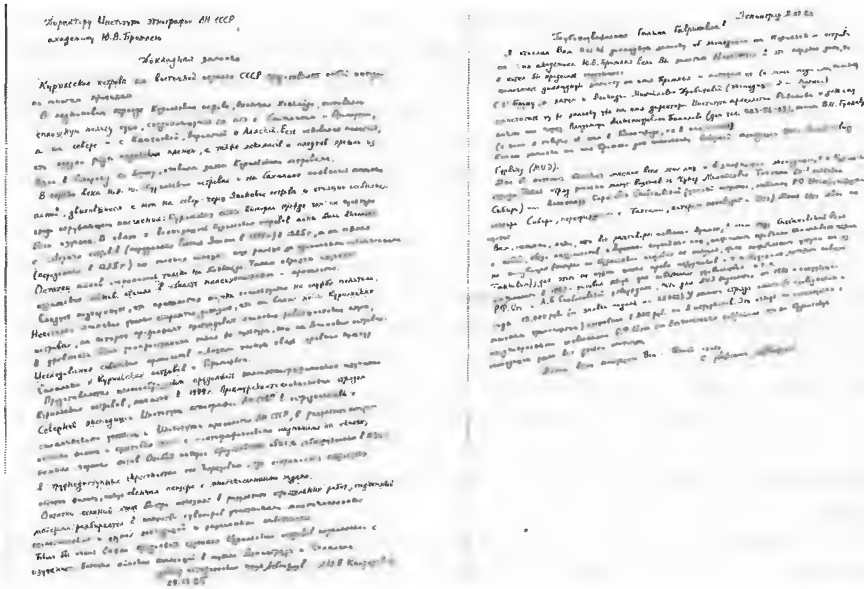
«Пожалуй, следует осмотреть все сверху, ведь айны выносили свои культовые места за пределы селений», – предложил Гиренко.

Все забрались на дюну, оказавшись на широком уступе на ее противоположном, скрытом от селения склоне. Повсюду виднелись человеческие кости. Кроме того, на странном уступе лежали изящные обсидиановые наконечники, узорные черепки, каменная зернотерка, песты.

Шеф осторожно потянул черепок, но тот оказался целым сосудом! Пришлось его осторожно выкапывать. А в это время неподалеку нашли череп кита со следами следа когтей медведя и четырьмя кружками.

Юрий Валентинович вернулся на погребальный уступ.

«Здесь череп», – объявил Гиренко, показывая на круг из толстого слоя красной охры, где «вниз лицом» лежал череп, который подпирали куски пемзы. Позже антропологи определили, что принадлежал он восьмилетнему подростку. Однако остального скелета рядом не оказалось. Николай Михайлович тщательно перебрал весь песок, но, кроме шейных позвонков, больше ничего не обнаружил. Что бы это могло значить? Погребение только черепов – отнюдь не редкость со времен мезолита. Но вот вниз лицом – это здесь все же необычно, хотя известно, что некоторые племена именно так и хоронили умерших. Кстати, подобные погребения были обнаружены и по ту сторону Тихого океана, в Лукурмате древнего Тиауанако рубежа н. э., тоже



Докладная записка Кнорозова о Курильской экспедиции

детские и тоже фрагментированные, связанные с жилыми постройками. Боливийские погребения были жертвенными закладками, а что происходило на Курилах?

Уступ оказался погребальным – в нем обнаружилось не менее двадцати захоронений, что требовало специальных широких исследований. А пока – всего лишь этнографическая разведка...

Так закончилась исключительно успешная экспедиция 1982 года. Это был айнский *ихаре чуф* – месяц «опадающих листьев». Приближались осенние шторма...

А мне от этого столь успешного сезона достались лишь рассказы и курьерская доставка черепа антропологу Зубову.

Кунашир. 1983

Нужно ли пояснять, что эти рассказы Юрия Валентиновича и некоторых участников о Курилах казались волшебной песней. Я не скрывала своего желания туда попасть. И в 1983 году мне удалось принять участие в этом проекте. Правда, это был не Итуруп, а Кунашир – но даже лучше! Опять все было непросто. Поскольку в отличие от академических сотрудников я продолжала работать в издательстве, то никто меня официально взять в экспедицию не мог. Билет Москва – Владивосток, а потом путь морем до Южно-Курильска стоили запредельно дорого, и оплатить поездку не было ни малейшей возможности. Мы не раз обсуждали эту тему с Юрием Валентиновичем, пытаясь найти выход. 30 апреля 1983 года он писал мне:

Глубокоуважаемая Галина Гавриловна!

О Курильской экспедиции и о прочем.
Дорога за свой счет и расходы за месяц составят около 500 рублей. Не представляю, откуда Вы возьмете эти деньги. Я сейчас совершенно разорился, и у меня только одна идея – у кого бы занять (как говорил один герой книги Макаренко). При этом мы даже не сможем нанять хотя бы проводника...

С глубоким уважением
Ю. Кнорозов

Неизвестные письмена

И. БУЧИНСКИЙ.

Кнорозов всегда вырезал из газет интересовавшие его материалы и «прикапывал» их до «лучших времен»

Несмотря на этот пессимизм, шеф все-таки придумал очень хитрый ход. Для начала договорился с журналисткой зарубежной службы АПН Инной Васильковой о том, что ее пошлют в командировку писать о нем статью. Вообще-то Инна была корреспондентом АПН в Мексике, где и писала про Кнорозова – кстати, единственной женщиной-журналистом такого уровня. Но для того случая она выпросила специальную командировку, чуть ли не в свой отпуск. В качестве еще одного потенциального члена экспедиции вызвался Серго Анастасович Микоян, который, впрочем, поехать так и не смог. У меня сложилось впечатление, что и само решение проблемы с финансированием было предложено Микояном. А с журналом «Вокруг света» Кнорозов договорился о том, что писать статью будет его аспирантка – он представил меня самым пышным образом. Кроме того, мой брат был известным фотожурналистом журнала «Советский Союз», и это тоже произвело нужное впечатление на редакцию «Вокруг света». Журнал подтвердил свою заинтересованность и готовность финансировать поездку, о чем я тут же сообщила Юрию Валентиновичу. Он осторожно обрадовался:

Ленинград. 2.05.83
Глубокоуважаемая Галина Гавриловна!
...Ваше любезное письмо и все документы, черт бы их взял, сейчас получил. Видимо, нужно получать снаряжение на наличный (предполагаемый состав) состав – 4 человека...
...О закупке продовольствия, очевидно, речи быть не может. По-моему, сейчас самое время начинать сосать лапу.

Айны – древний народ региона. Студийная фотография Б.О. Пилсудского

Если все полопается, то, надеюсь, Ваша милость не слишком огорчится. Поездка опасная, а три статьи в журнале для начала не так плохо. Самое важное – продолжать серию, пока Редакция разрешает...
С глубоким уважением
Ю. Кнорозов

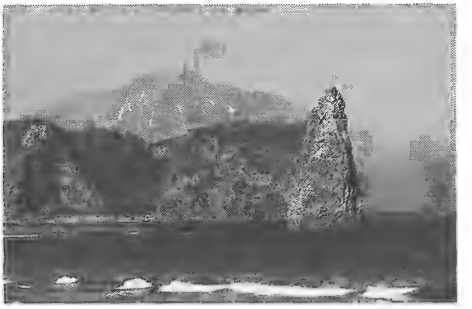
Таким образом, журнал оплатил мой билет, выдал аппаратуру для съемок, деньги на суточные, полевые, транспортные, почтовые и багажные расходы – всего 820 рублей на тридцать дней – и мы отправились на Тихий океан.

...Приключения начались сразу. Это было 25 мая – следовало успеть обернуться до того, как начнутся июльские шторма. Уже на подлете к Дальнему Востоку совершенно невероятным представился вид сверху на разлившийся Амур. Это было настоящее море – от горизонта до горизонта! Посреди блестящей глади виднелись проплешинки – островки суши и казавшиеся игрушечными кораблики. Только тут я смогла представить, как в далеком 1927-м мой дед-старообрядец из Благовещенска погрузил на плот свою семью с пятью мал мала меньше детьми и так увез по Амуру всех на запад, осев в центре Сибири.

После пересадки в Хабаровске рано утром уже непонятно какого дня мы прилетели во Владивосток и отправились в райком партии за билетами на корабль, который должен был довести нас до Кунашира. В сам райком нас даже не пустили по невероятной причине – мы с Инной Васильковой... были в брюках! Провинциальный партийный дресс-код такого в те времена не допускал. Хотя эта привычная в Москве и Ленинграде одежда вовсе не была в новинку даже на самом Дальнем Востоке. Народ во Владивостоке показался каким-то неприветливым и даже грубоватым. Однако имя Кнорозова и письмо из Москвы сделали свое магическое дело, и нам прямо на ступенях горкома выдали бумагу на две каюты из резерва капитана корабля. Одним словом, у меня еще до отплытия начали закрадываться подозрения, что как технический организатор наш начальник экспедиции может оказаться не очень надежным, и следует быть начеку.

До отхода корабля, назначенного на 28 июня, мы погуляли по городу. Покатались на фуникулере, зашли в краеведческий музей, посмотрели повсеместно анонсированную выставку картин местного художника Владимира Снетко. Пейзажи были грустными, стран-

ными и удивляли какими-то ненастоящими, очень яркими цветами. На этом экскурсия и закончилась.



Остров Кунашир предстает нелюдимым

Показавшийся мне большим и прекрасным белый морской теплоход «Григорий Орджоникидзе» ждал нас в порту бухты Золотой Рог, чтобы пройти по пунктам Корсаков – Курильск – Южно-Курильск. Наш теплоход тихо отправился в плавание, регулярно гудя в густом тумане. А мы везли вкусности и колбаски из Москвы – в провинции этого было не достать. Однако ожидаемое пиршество не состоялось: началась, казалось бы, совсем незаметная качка, которая буквально не давала мне поднять головы... Хорошо еще обнаружился судовой врач, который принял экстренные медикаментозные меры по моей реанимации. Когда морская болезнь отступила, судовой кок приготовил специально для нас невероятно вкусных кальмаров – целый бак! Наконец, можно было обсудить предстоящие работы.

«Вот, не хотите ли посмотреть?» – Юрий Валентинович Кнорозов протянул нам с Инной несколько фотоснимков.

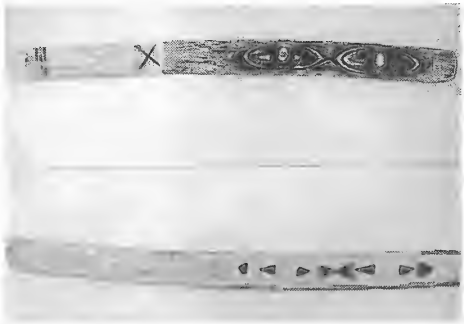
Удивительнейшая вещь – так называемые айнские усодержатели – икуниси. Ими айны приподнимали свои пышные усы, когда пили хмельные напитки. Изготовлялись икуниси из древесины «священных» деревьев: вяза или березы различного цвета. Многие выполнены с исключительным изяществом. Почти всегда на икуниси наносился пиктографический текст, содержащий определенную магическую формулу и обычно принимаемый за орнамент.

«Какие же надо иметь усы, чтобы пользоваться этим приспособлением!» – задумались мы с Инной.

«Мексиканцам такие икуниси нужны, – решительно заметила она. – Но не всем! Их можно крепить к сомбреро». Юрий Валентинович улыбнулся, а потом мы долго с увлечением разбирали припасенные им материалы и фотографии.

Тихий океан, оправдывая свое название, был на удивление тих лишь первый день. А когда после трех дней плавания 1 июня «Григорий Орджоникидзе» подошел к острову Кунашир, то оказалось, что высаживаться придется невероятным способом – вовсе не в порту, а посреди океана. Пассажиров на платформе внутри сети опускали на плашкоут – специальное суденышко. И уже плашкоут по морям, по волнам добирался до причала.

Наконец, мы на Кунашире! Кунашир на языке айнов означает «черный остров». Юрий Валентинович пояснил, что всех айнов с



Айнские усодержатели – икуниси

островов в свое время уничтожили или выселили японцы на Хоккайдо, поэтому на Курилах остались одни лишь айнские названия.

На Кунашире наш ждала гостиница – двухэтажный сарайчик с общим туалетом на этаже. Зато каждому достался «номер»: побеленная комната с койкой, столом, стулом и радиоточкой, которая без предупреждения включалась каждый день ровно в 6 утра, исполняя гимн СССР.

В гостиницу на том же судне прибыла съемочная группа, снимавшая фильм «Белые росы», цыганский ансамбль и несколько местных командировочных. Одним словом, все друг друга знали. Быстро выяснилось, что поесть толком в Южно-Курильске негде, в магазине только консервы, и потому коллектив быстро самоорганизовался. Актер Михаил Кокшенов к вечеру одевался в костюм и шел на рыбообрабатывающие предприятия, чтобы, как он это называл, «зарабатывать на морду лица». Оттуда возвращался с уловом невероятных даров – икры, рыбы и крабов. Сотрудница гостиницы готовила на всех. Так, зарабатывая честным актерским трудом, он кормил и свой, и наш коллективы. Юрию Валентиновичу общение с актерами страшно понравилось – и он с искренним удовольствием ходил на все устраиваемые ими концерты. Все-таки кровь армянской бабушки-актрисы давала о себе знать.

На островах всегда мало развлечений и новостей, потому «выступать» приходится всем приезжающим. Мы, например, читали лекции пограничникам. И более благодарных и внимательных слушателей я больше нигде в жизни не встречала.

Ночевка на вулкане

На следующий день мы отправились в пограничный штаб острова, чтобы договориться о наших перемещениях – пограничная зона считалась «закрытой», и надо было соблюдать принятые правила. Заодно хотелось обсудить восхождение на вулкан Менделеева, расположенный совсем неподалеку от Южно-Курильска. Вулкан считается действующим, высота его небольшая – около 888 метров. Попасть на вулкан нам надо было не для прогулки, а проверить гипотезу. Дело в том, что в кратере вулкана якобы есть некие петроглифы, о которых кто-то сообщил Кнорозову еще на Итурупе. Необходимо было убедиться. Поэтому поиск петроглифов на стенках кратера одного из вулканов – то ли Менделеевского, то ли Тятя-Ямы представлял для

шефа особый интерес. Он рассчитывал на такой же успех, как и на Итурупе.

Кнорозов вел полевые записи в любых условиях

Но все рассказы следовало проверять на месте самим. Подобные археологические легенды возникают чрезвычайно часто, и лишь редкие из них оказываются правдой. Особое место занимают рассказы о «таинственных письменах», за которые принимаются или выдаются царапины на камнях либо скалах. Еще страшнее, когда эти «письмена» начинают «дешифровывать» – как правило, этим грешат люди технических профессий. Именно поэтому этнографы и лингвисты всегда стремятся лично оценить степень достоверности дошедшей до них информации. И по этой же причине нашей экспедицией был предусмотрен поиск «петроглифов вулканов Менделеевский и Тятя-Яма». Хотя Тятя-Яма вызывал некоторые сомнения из-за своей неуемной активности.

В пограничном штабе нам очень обрадовались, расспрашивали о жизни, науке, с удовольствием расписали весь маршрут, который, правда, показался нам подозрительно коротким. Но нарисованная в штабе профессионалами схема была столь убедительна... Пограничники, как выяснилось позже, решили почему-то, что мы всего лишь отправляемся на экскурсию к горячим источникам – так обычно поступают прогуливающиеся командировочные. Основываясь на своем жизненном опыте, они составили для нас четкую схему прогулочного маршрута: пройти по тропе через завалы леса, выйти к ручью, немного пройти вдоль русла, искупаться в специальной запруде и по дополнительной тропе спуститься к Южно-Курильску. Предполагалось, что в гостиницу мы вернемся в 20.00.

Это был мой первый вулкан в жизни! Пусть маленький, но настоящий. Поудивлявшись собственному неумению правильно рассчитывать расстояние и время, мы в этот же день, уже достаточно поздно, двинулись в путь, захватив с собой всего лишь пару бутербродов и бутылку воды. Примерно через час добрались до «купален», встретили отдыхающих, которые пытались, как это принято, угостить, и не только едой. И тут с недоумением обнаружили, что, собственно, восхождение еще и не начиналось! В разговоре с этими приветливыми людьми у нас закрались первые подозрения в точности пограничной карты. То есть, она была точная – но вела ровно до источников! А нам-то нужен был кратер. Не допуская мысли о коварстве пограничников, мы решили, что сами что-то перепутали в схеме, и потому приняли решение двигаться дальше вверх по ручью, надеясь вот-вот оказаться в нужном месте.

Список айнских топонимов – одна из копий, которые распространялись между всеми участниками

А надо сказать, что визуально перспективы перехода не просматривались. Вокруг был хвойный и лиственный лес, кустарники, бурелом. Ориентиром служил ручей с горячей водой, который, по определению, должен был течь из кратера. Ручей пробегал внутри довольно узкого каньона, стены которого состояли из разноцветных, невероятно ярких глин, совсем как рассказывали коллеги после Итурупа. Цвета менялись как на палитре – красный, синий, розовый, желтый... Яркость красок поддерживалась за счет постоянного присутствия горячего пара. Именно тут мы обнаружили, что цвета на картинах владивостокского художника были переданы исключительно точно – такими самыми невероятными красками сияли разноцветные глины и колонии микроорганизмов вдоль ручья. Кстати, образцы этих глин я захватила с собой – чтобы показывать в Москве. Но они высохли и превратились в обычные сероватые кусочки...

Сначала мы наслаждались природой и пейзажами. Кое-где просматривались остатки старых японских дорог. Однако по мере подъема каньон все больше сужался, в некоторых местах русло оказывалось заваленным упавшими деревьями. Идти становилось все труднее. Казалось, случись в этот момент землетрясение, каньон, по которому мы шли, просто захлопнется, похоронив нас заживо. Про внезапное извержение думать и вовсе не хотелось...

Потом вошли в очень плотные заросли невысокого, тонкого бамбука. Поскольку мы с Инной с бамбуками не были знакомы, Юрий Валентинович, который вечно плелся где-то позади, начал с удовольствием рассказывать, что это те самые курильские бамбуки, в которых гибнут даже опытные охотники, потеряв едва заметную тропу. Если же дул встречный ветер, то плотные бамбуковые заросли превращались в ощетинившийся частокол из острых, быстро растущих прутьев, сквозь который пройти было невозможно. Одним словом, не спастись! Но мы продолжили наше восхождение – вперед, наверх, к кратеру. Солнце постепенно начинало садиться, и это настораживало.

Совсем смеркалось, когда мы добрались до фумаролей – на желтом от серных холмиков дне кратера из множества отверстий со

свистом и бульканьем вырывался пар. То там, то здесь попадались круглые в диаметре кипящие ключи, прорывавшиеся откуда-то из центра земли. Вся емкость «спящего» кратера была заполнена густым серным запахом. Мы и не заметили, как неожиданно оказались на дне того самого кратера! Вертикальные черные стены окружали нас, как если бы мы стояли на дне гигантской каменной шахты. Пока можно было что-то разглядеть, обошли черную внутреннюю стену кратера, пытаясь найти петроглифы – нет, все рельефы имели явно природное происхождение. Увы!

Итуруп. Заросли курильских бамбуков

Где-то высоко в небе, по диаметру кратера виднелись верхушки деревьев, с которых в быстро сгущавшихся сумерках молча наблюдали за нами казавшиеся огромными черные птицы. В один момент вдруг окончательно стемнело, и до нас стало доходить, что обратный путь нам придется проделывать в кромешной тьме. Небо было затянуто плотными облаками, а фонарика у нас не было! Резко похолодало, и задул сильный ветер с дождем.

И тут со всей очевидной неприглядностью встал вопрос – а как возвращаться? У нас не было еды, не было даже спичек. «Надо как-то эвакуироваться. Переночевать здесь, пожалуй, не удастся», – закурив, философски заметил шеф и заботливо пересчитал оставшиеся «герцоговины» и спички. «Только я абсолютно ничего не вижу», – добавил он, попытавшись зачем-то протереть толстые стекла вечно заляпанных очков.

Благодаря жизнерадостным пограничникам, отправившим нас купаться в целебных источниках, мы оказались в том самом «сумрачном лесу». Для начала надо было успеть выбраться из зловещих бамбуковых зарослей.

Юрий Валентинович, как выяснилось, в таких физически тяжелых ситуациях сдавался... Идти ему было крайне трудно, и теперь я понимаю, что при его плоскостопии любой переход – практически подвиг, а он держался до последнего. Но тогда было не до рефлексий. В свалившейся на нас кромешной темноте тропу пришлось искать на четвереньках, нащупывая ее руками. Забыв о змеях, колючках и прочих сюрпризах, я почти два километра продиралась по-собачьи сквозь заросли, громко крича любимые песни про «Варяг» и «Марсельезу» в качестве звукового ориентира. Без слуха и голоса. Но это был мой бенефис! А яркая блондинка Инна Василькова – она была физически покрепче меня – взвалила на себя совершенно дезориентированного в темноте шефа и молча волокла его вслед за моим маршевым пением... В общем, наше бегство в ночи из кратера вулкана чрезвычайно напоминало некий страшный миф, где героям приходилось преодоле-

Итуруп. Осмотр уступа

вать множество препятствий и испытаний.

В придачу к темноте опустился еще и густой туман, что на Курилах тоже происходит в момент. Стало совсем холодно. Ориентиром спасения служил все тот же горячий ручей, который некоторое время можно было разглядеть по поднимающемуся пару. Юрий Валентинович временами ругал нас, искренне возмущаясь: «Какого черта вы меня сюда затащили?» Но смеяться или выяснять, кто кого куда затащил, сил уже не было. Мы долго брели по воде, пока не дошли до толстого поваленного дерева. Когда же попытались обойти его, поняли, что потеряли направление и кружим на одном месте. Для определения течения решили бросить половину светлого пакета от давно съеденных бутербродов в воду. Но куда он уплыл, разглядеть так и не удалось... Мы даже не понимали, движемся ли вниз по ручью, или вверх...

И тогда было принято решение ждать рассвета на месте, в ручье. Если днем температура была достаточно комфортной – 15–17 градусов, то ночью упала до 2–3, и наш спуск в холодном ущелье по пахнущему серой и чем-то кислым ручью, под колющими каплями дождя, напоминал классическое описание преисподней индейцев майя.

«Теперь понятно, как предки майя придумали свой ад. Только ради этого стоило попасть на Курилы», – где-то в темноте пробубнил шеф, судя по звуку, тряся и царапая безнадежно пустой коробок в надежде отыскать завалявшуюся спичку. Ничего не обнаружив, Юрий Валентинович прямо в плаще сполз в теплую воду, Инна заботливо пристроилась рядом с ним, следя, чтоб не утонул. А я уселась на дерево над водой, оказавшись в клубах теплого пара. Спустя десять лет, находясь уже по другую сторону Тихого океана, в Гватемале, Кнорозов мне напомнит о курильской ночевке, обсуждая возникновение знаменитых индейских паровых бань.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем забрезжил рассвет. Наконец туман начал светлеть – и мы были живы! И даже солнце явно решило не пропускать свой восход. Уже можно было разглядеть направление, куда поплыла вторая половина пакета. Мокрые, совершенно очумевшие и голодные, мы двинулись вниз, таща на себе нашего дорогого руководителя экспедиции. Как оказалось, в ночи мы почти добрались до пограничного штаба – оставался лишь последний переход через лес. Насквозь мокрые, с распухшими руками и затекшими ногами, мы вскоре вышли на территорию пограничного штаба. Наше появление произвело сильное впечатление на привык-

ших ко многому пограничников. Оказалось, что наши соседи по гостинице – цыганский ансамбль и киносъемочная группа – очень беспокоились о нашем исчезновении и уже звонили в штаб. Одним словом, пограничники организовали поиск. Но им и в голову не приходило, что нелегкая нас понесла прямо в кратер!

Переговоры Ю.В. Кнорозова и Е.С. Соболевой с властями Итурупа

Нас привели в пограничную часть, сразу в столовую – и выдали упоительное горячее какао! Никогда в жизни мы так не наслаждались этим обжигающим напитком богов майя... Это индейское изобретение оказалось очень эффективным лечебным средством, поскольку ни один из троих даже не простудился! Пограничники расспрашивали подробности, радостно опознавая описываемые нами места и особенности местности. Они с удовольствием рассказывали о том, что на Менделеевском полно змей и медведей, что нормальным людям в голову не придет ночевать в кратере без оружия и огня. В общем, медаль нам не дали, но подарили охотничий нож с номером – правда, совершенно тупой, и замечательные теплые военные куртки, которые и спасали нас потом от холода и дождей. На Курилах ливень мог начаться в любой момент и сразу хлестал так, что водой наполнялись даже карманы. Но Юрий Валентинович от куртки гордо отказался и упорно ходил в своем брезентовом костюме, плаще и обязательном «берэте».

В гостиничке, именовавшейся «Домом дружбы», нас встретили как героев. И опять в обязательном порядке накормили. И как это здорово, когда вокруг люди, которые, не зная тебя, никогда не станут чужими и искренне радуются тому, что ты просто жив!

Это удивительное восхождение на вулкан Менделеевский стало уникальным жизненным опытом, который заставил меня сделать очень важный и не обсуждаемый больше вывод: Юрий Валентинович – уникальный кабинетный ученый. Но он – особенный, не такой, как другие. И потому всю организационную часть за пределами кабинета и письменного стола надо сразу же брать на себя. Это правило никогда мною больше не нарушалось. Хорошо, что все это выяснилось сразу. Ведь приключения только начинались. На следующее утро мы двинулись по маршруту.

Дальше по Кунаширу

Окружающая действительность в то промозглое утро мая 1983 года удручала своей безысходностью. Дождь лил с такой силой, что вода

Пограничник со служебной овчаркой. Кунашир, на заставе

по рукавам стекала в карманы куртки, где я пыталась согреть окоченевшие пальцы. Вообще-то куртка была большая и теплая – та самая офицерская, которую выдали в штабе пограничного гарнизона Кунашира. Наша немного странная разведывательная экспедиция из трех человек, и «даже без собаки», была готова к новым приключениям.

В то серое утро мы стояли на вершине сопки под проливным дождем и с тоской оценивали возможные перспективы нашей работы.

«На вертолете перемещаться только в светлое время суток!» – с глумливой иронией и непередаваемым ехидством процитировал шеф инструкцию пограничного начальства, пытаясь в очередной раз раскурить мокрую «Герцоговину Флор».

«Да тут и БТР если с дороги и не собьется, то непременно завязнет», – уныло вздохнула я и отчерпнула ладонью очередную порцию холодной воды из кармана.

«Ну что ж, придется ходить пешком!», – оптимистично заявила, видимо, привыкшая к подобным ливням в Мексике никогда не унывающая Инна.

После «восхождения» на Менделеевский нам предстояло объехать практически весь остров Кунашир. Поскольку сразу договорились с пограничниками в штабе, то без проблем ночевали на заставах. Романтическая затея с палатками отпала в первый же выход «в поле». Зато все пограничники были счастливы потренироваться на нас. Вообще оказалось, что наша экспедиция – подарок для нескольких пограничных отрядов. На нас отрабатывалась слежка и взятие высадившегося десанта, проверялись навыки определения по следам роста, пола, веса и возраста проникшего на территорию лазутчика. Особую радость наших хозяев вызвало то, что на одном из участков мы прошли путем, который не был известен пограничникам, и те нас потеряли из виду, но потом все-таки выследили и обнаружили. А все дело в том, что мы понятия не имели о «правильном» пути и, таская на себе тяжелую фотоаппаратуру, постоянно искали, как срезать расстояния. Наблюдателям и в голову не пришло, что мы не будем ждать отлива и пойдем по краю скалы, огибая мыс Столбчатый, – это стало нашим вкладом в

укрепление обороноспособности погранучастка. Расстраивало пограничников то, что мы ночевали прямо на заставах. Если бы это были палатки на приграничной территории, то можно было бы отрабатывать еще и постоянное наблюдение за лагерем противника. Но и на заставе солдатам доставляло большое удовольствие неожиданно появляться из ниоткуда и удивлять нас знанием подробностей всех наших перемещений.

Курточка, подаренная пограничниками на Кунашире. Самая теплая куртка в мире

С юго-западной оконечности Кунашира рукой подать до Хоккайдо – ночью особенно хорошо просматривались огни этого большого японского острова. А днем берег, считавшийся одновременно и пограничной полосой, был больше похож на прилавок огромного супермаркета, где можно было найти все – от пуговиц до мебели. Морское течение аккуратно доставляло предметы японского быта, раскидывая их по определенной схеме вдоль этого своеобразного прилавка, сложенного из черного песка и вулканических отложений. Опытные пограничники точно знали, как и где собирать нужные «дары моря», и демонстрировали диван, собранный из подушек, методично разбросанных волнами вдоль пятикилометрового отрезка государственной границы.

На одной из застав нам был представлен принесенный морем роскошный котище с заломленным хвостом – японского происхождения и, естественно, по имени Танака. Начальник заставы пытался подружить кота со своей доставленной с «континента» красавицей Муркой в надежде получения новой «курило-японской» породы, но, к большому огорчению лейтенанта-селекционера, «языковой барьер» не позволял животным понять друг друга. Юрий Валентинович с большим интересом отнесся к этой проблеме «коммуникации», подозревая втихаря, что кот японцами был попросту кастрирован.

Одним из самых крупных даров океана на памяти этого же начальника заставы оказалась небольшая яхта, «уплывшая» мимо лейтенантов и доставившая немало радости обладателям более крупных звездочек на погонах.

Любопытно, как приспосабливаются к местным условиям местные животные. У лошадей здесь в качестве защиты от колющегося бамбука отрастают бороды. А у пограничных собак другая проблема – острые листья режут нос, и приходится все время слизывать кровь. В результате быстро теряется запах следа... А ночью в ленинскую

Застава на Кунашире

комнату на заставе, где мы ночевали, кто-то забрался и начал громко копошиться. Мы решили, что это крыса, перепугались, включили свет – и оно прыгнуло, оказавшись здоровенным зайцем. А еще одуряющий запах нарциссов на заставах!

Нас возили на бронетранспортерах, которые лихо грохотали по лесу, перепрыгивая через упавшие деревья. По берегу из черного песка носились на жестких военных «козлах». Нам выдавали лошадей, которых вели под уздцы солдаты вдоль заранее протянутых веревок. Шеф, по его словам, ехал верхом второй раз в жизни. При этом исхитрился поругаться со своим конем: «Куда ты меня завез? Ты что, есть тут собрался, животное?» Конь, заметим, от ответа всячески уходил и, фыркая, шел знакомой ему дорогой, стремясь к своей родной заставе Алехино.

Солдаты изготовили для нас торт – слой из печенья «Юбилейное», промазанный джемом, и опять слой печенья. Всего слоев шесть и украшение сверху из крема и фруктов. Вся застава пришла посмотреть, как нам нравится угощенье. Пришлось честно съесть весь торт, скиснув от сладости.

А на одном пункте начальник заставы показал нам мастер-класс по поиску археологического материала на поверхности. Это умение сравнимо лишь с навыками древних охотников, которые способны настроить весь свой организм на решение поставленной задачи. В районе одной из застав ее начальник помогал нам в обследовании местности, где, судя по вымываемым дождями материалам, находились под толщей песка древние поселения. Юрий Валентинович объяснил лейтенанту, что мы ищем наконечники и другие, если попадутся, предметы из камня. В качестве образца показал кремниевый наконечник. Пограничник не стал топтаться рядом с нами, по своей схеме обошел участок и через несколько минут вернулся с горстью кремниевых наконечников, абсолютно идентичных показанному образцу. Мы же втроем за это время подобрали всего несколько штук кремниевых и пару обсидиановых предметов. Шеф пришел в полное восхищение и начал «заманивать» лейтенанта в свою экспедицию. Вулканического стекла пограничник до этого времени не знал, но изящные наконечники из этого черного непрозрачного, полупрозрачного серого или с сиреневым оттенком камня ему очень понравились. Наш добровольный помощник вновь ушел на участок и вскоре вернулся с двумя пригоршнями обсидиана! На вопрос, как ему удается такое, лейтенант ответил: «Я просто меняю систему поиска». Благодаря тому лейтенанту-пограничнику, обучившему нас технике поиска, до сих пор лучше меня никто не находит обсидиан – причем везде, где только можно, и даже где нельзя.

Однако манил нас не берег японский, а восточное направление, где по ту сторону Тихого океана занимались своими повседневными делами потомки далеких переселенцев, охотников и собирателей, чьи следы, возможно, находились где-то совсем рядом с нами. Может, даже в кратере Тятя-Ямы, куда мы решили все-таки не подниматься по той причине, что, в отличие Менделеевского, этот вулкан был активный по-настоящему – в нем куда-то провалилась половина стены кратера, а последнее извержение было совсем недавно. А древние обитатели уходили или уплывали навстречу восходящему солнцу, о чем живописно рассказывал нам, выкуривая очередную папиросу, Юрий Валентинович:

Начальник заставы – начальник всего. И даже лучший обнаруживатель древних предметов

> Как свидетельствует навигационная практика испанцев, морской путь до берегов Мексики через Тихий океан был достаточно сложен. Отправляясь из Манилы, корабли использовали сначала теплое течение Куросио, начинающееся у юго-восточных берегов Японии. Это течение, не доходя до Хоккайдо, сталкивается с встречным Оясио (холодным Курильским течением), формируя северо-тихоокеанское течение. Оно, следуя на восток, распадается на две ветви: северную – в сторону Алеутских островов, и южную – к Калифорнии. Даже для крепких испанских кораблей путь оказывался долгим и сложным. Не все добирались до порта назначения. Известно, что погибло немало моряков и пассажиров. Все это свидетельствует о том, что контакты между Китаем или Японией со стороны Азии и Америкой могли быть только случайными. При этом движение могло осуществляться только в одну сторону – ту, куда весьма неустойчивые, по сравнению с испанскими кораблями, джонки уносили течения и ветра. В результате на американском берегу появлялись отдельные китайские изделия: монетки, статуэтки и даже оружие. Этих предметов было не так много, как мы находили на кунаширском берегу, но достаточно для того, чтобы индейцы хайда и квакиютль использовали их в качестве украшений и культовых предметов во время праздников и обрядов. Остается только предполагать, за кого принимали гладколицые американские аборигены волосатых людей с огромными усищами, которых забрасывал к ним океан. По всей видимости, это были те самые реликтовые обитатели Южных Курил и Хоккайдо – айны, в быту которых существовал даже такой уникальный предмет, как палочка для поддержания усов. Американские аборигены запечатлели лица потрясших их воображение гостей на своих масках, что позже в не меньшей мере изумило исследователей.

В общем, наша экспедиция удалась на славу. И, главное, все остались живы.

Возвращались мы на материк в разные сроки – сначала Инна, которую уже ждала Мексика. Потом подошел и мой черед покидать Тихий океан – заканчивался отпуск, и мне надо было на работу. Юрий Валентинович оставался в гостинице один. Но тут начался знаменитый тихоокеанский циклон. Волны в заливе видны были даже из гостиницы, ветер страшно ревел. Ожидаемый теплоход «Ольга Андровская» пришел – но рейд закрыли, каждый раз отодвигая время открытия. Мечта была одна – добраться с острова хоть бы до Сахалина. Пока ждала у моря погоды, пришел в гости цыганенок-сосед из соседнего номера, лет трех, в дубленой жилетке. Шустрый, забавный, разговаривать не любил. Ногти кто-то ему выкрасил красным лаком. Съел мои «холодки» и аскорбинку, вытащил ягоды из абрикосового компота. Вымазал кремом руки и себе, и мне. Забрал в подарок батарейки, нашел в тумбочке бесхозную большую ложку, пописал в туалете прямо на пол и вытер свою перепачканную физиономию моим полотенцем. Ничего больше не придумал и ушел к себе. А рейд все был закрыт.

В 23 часа объявили общий сбор для отплытия. Бодро погрузились на плашкоут, чтобы добраться до судна. Однако зря радовались! Плашкоут, поболтавшись на волнах вокруг «Ольги Андровской» и доведя всех до рвоты, благополучно вернулся на пирс. Как оказалось, нельзя было поднять пассажиров даже сетью. Чуть живая от качки, на каком-то грузовичке я вернулась в гостиницу. Номер, оказалось, никто и не собирался убирать, так как все знали, что постояльцы могут вернуться. Сразу постучались заботливые соседи-цыгане с радостными возгласами «Карлсон вернулся!» – и потащили меня к себе отпаивать чаем и откармливать икрой. Мне стало полегче, и я решила вернуться к себе в комнату, ждать второй попытки выезда. И вдруг слышу в коридоре шум и повторяющееся возмущенно «Однако!» Это был голос абсолютно пьяного Юрия Валентиновича, напоминавший загул Ипполита Матвеевича, героя Ильфа и Петрова. Я затаилась, выключила свет в своей комнате – только этого еще не хватало! Судя по женским визгам, он ломился в комнату напротив, убеждая возмущенных нежданным вторжением обитательниц в том, что он идет в туалет, а их комната – вовсе не комната, а искомое помещение. При этом ругался «шефуля» так... как я слышала лишь однажды, в гараже от соседа-милиционера, у которого из литературных слов были только предлоги и союзы. А тут Юрий Валентинович... Видимо, обрадовавшись моему отъезду, шеф решил допить оставшийся без дела экспедиционный спирт, который торжественно хранил в алюминиевом бидончике и именовал валютой.

Уехала я только на следующий день, в шесть утра. Уже на борту, выпив таблеток от морской болезни, я свалилась на койку с бортиками и проспала до самого Корсакова. Оттуда добралась на автобусе до Южно-Сахалинска, где встретилась с очень симпатичным директором Сахалинского областного краеведческого музея Прокофьевым

Михаилом Михайловичем. Шеф велел мне обязательно с ним познакомиться – так как это был, по его словам, «верный и надежный коллега». Правда, Михаил Михайлович расстроенно поведал, что «в позапрошлом году чуть не поссорился с Кнорозовым» – шеф решил, что ему всего не показывают. От Кнорозова я ничего подобного не слышала. В музее Юрий Валентинович особенно интересовался обсидианом, так как его много на Кунашире, а на других островах практически нет. Позже Михаил Михайлович прислал мне письмо, очень трогательно вспоминая Юрия Валентиновича:

Лагерь около «Селения духов» на Итурупе

> Последние годы своей жизни Курильские острова стали для Юрия Валентиновича всепоглощающей страстью, туда он стремился попасть любыми путями, чего бы ему это ни стоило. Всякий раз, уезжая с Курил, он не мог дождаться следующего года, чтобы вновь ступить на берег священной Страны Лйнов, таящей в себе столько загадок. На этот раз судьба была к нему благосклонна и подарила ему массу важных открытий, которые еще не поняты и не оценены по-настоящему даже специалистами.
>
> И я благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось родиться в XX веке, жить в эпоху Ю.В. Кнорозова, работать с ним бок о бок на Курильских островах, ближе узнать его как человека и ученого, его творческую лабораторию и прикоснуться к процессу познания тайн пиктографии айнов!
>
> Как быстро идет время! Прошло уже 2 года, как Юрия Валентиновича нет с нами. Умом я осознаю, но сердцем отказываюсь понимать, что никогда уже не увижу его, не услышу его потрясающего, ни с чем не сравнимого голоса, который остался только в аудиозаписях на пленке и в нашей памяти.

И уже в Москве, когда я встретила добравшегося, наконец, нашего дорогого начальника экспедиции, то не удержалась и прокомментировала его изысканную лексику в гостинице Южно-Курильска. На что Юрий Валентинович, ничуть не смутившись и даже обрадовавшись, заявил: «Надо же! А я думал, что уже так не умею! Что же вы хотите – я солдатье! У меня так в военном билете написано!» Вот так закончилась Курильская экспедиция 1983 года. Но я окунула ноги в Тихий океан – пусть и холодный, и вечно буйный.

Перемещаться на островах приходится по-разному

Конец Курильской экспедиции

А Юрий Валентинович тем временем, помимо «кабинетной работы», продолжал летние вылазки на Курилы. Вспоминает об этом и Валерий Иванович Гуляев, который, в отличие от меня, уже был тогда опытным археологом:

Хочу рассказать об одном эпизоде, когда мне удалось оказать Юрию Валентиновичу существенную помощь в качестве полевого археолога. Речь идет об экспедиции на остров Итуруп (Курильские острова) в 1985 г., где Кнорозов искал следы поселений айнов и их наскальные рисунки, которые, по его мнению, представляли собой самую раннюю систему пиктографической письменности. В состав экспедиции входили, кроме самого Юрия Валентиновича, молодой ученый-африканист Николай Гиренко (альпинист и спортсмен) и аспирантка Кнорозова, специалист по Монголии и армянка по национальности Галя Авакьянц. Оба они, как и сам Юрий Валентинович, до той поры никакой полевой археологической практики не имели.

И с первых же дней по прибытии на Итуруп и начала наших выходов в дикую и безлюдную местность на поиски древних айнских стоянок я убедился в том, что Юрий Валентинович – гениальный, хотя и чисто кабинетный ученый и никудышный полевик. При всем при этом он был человеком поразительной, иногда безрассудной храбрости.

Так, проверяя информацию какого-то дилетанта-спелеолога из Южно-Сахалинска о наличии на Итурупе в кратере потухшего вулкана целой галереи наскальных рисунков, он с большим риском для своей жизни (да и для наших тоже) опустился с помощью веревок в злополучный кратер, но ничего там не нашел. Зато, уже по наводке местных жителей, мы отправились из Южно-Курильска к гряде холмов, у подножия которых на больших валунах имелись древние рисунки и, к большой радости, таковые там и обнаружили.

Кончилось все тем, что я, следуя старому археологическому правилу – искать поселения разных эпох у пресной воды – проложил наши разведочные маршруты вдоль речушек острова; в результате мы обнаружили 8 неизвестных ранее древних стоянок – от эпохи неолита до средневековья, т. е. почти до исторических айнов. Нашли мы там и несколько крупных галек с изображениями кита, лососей и сложным орнаментом.

После этой памятной поездки Юрий Валентинович еще ряд лет ездил на Курилы и упорно искал материальные доводы в подтверждение своих идей о происхождении письменности в Азии и Америке.

Институт археологии почему-то долго заворачивал один из его полевых отчетов. И даже я принимала участие в урегулировании этого вопроса. Хотя институту проще было организовать более широкую экспедицию с участием археологов, которые бы и писали эти отчеты. Кнорозов воспринимал это «преследование» со стороны технических служб очень болезненно, о чем свидетельствуют его письма.

Практически все воспоминания свидетельствуют об одном – о неприспособленности Кнорозова к полевой работе, неумении решать бытовые проблемы. И в то же время работа с ним для каждого, кто был рядом, становилась чем-то исключительно важным в жизни, гораздо более значимым, нежели умение договориться с начальством или выбить из бухгалтерии деньги. Удивительно, но даже будучи, казалось, беспомощным, он оставался Учителем.

И подтверждение его потрясающей научной прозорливости – результаты, которые постепенно начинали появляться. Так, например, лабораторный анализ обследованных в 1986 году древних селений на островах Кунашир и Итуруп показал сенсационную дату возраста селения Янкито – 7000 лет до н. э., что резко меняло сложившиеся до этого представления. Причем анализ был проведен в лабораториях не только Ленинграда, но и США.

И ведь важные результаты зачастую не были прямыми. Одно из последних воспоминаний о Курильской экспедиции Кнорозова связано с М.М. Хасановой[308]:

Была в жизни Марины Мансуровны совершенно необычная экспедиция: осенью 1987 года она и ее муж получили от известного дешифровщика древних систем письма (в частности майя), лауреата Государственной премии СССР д. и. н. Юрия Валентиновича Кнорозова неожиданное предложение посетить Курильские острова с научными целями. После этой удивительной поездки (удалось побывать, правда, только на о-ве Итуруп) родилась интереснейшая статья о «захоронениях» китовых скелетов – эти «китовые кладбища» имеют, как полагала Марина Мансуровна, определенные типологические параллели со знаменитой «китовой аллеей» на северо-востоке Азии, на одном из островов в проливе Сенявина («Захоронения» китовых скелетов на о. Итуруп», 1989). Поразительным образом умела М.М. Хасанова находить самое существенное и интересное, причем в каком диапазоне – от ритуальных захоронений китов на далеком острове Итуруп в Тихом океане до архаичной системы ручного счета у крайне малочисленной дальневосточной народности (статья «Система ручного счета у негидальцев», 1984)! Талантливый человек во всем талантлив!

[308] Марина Мансуровна Хасанова (1948–2006) – к. и. н., этнограф, специалист по этнографии народов Сибири, старший научный сотрудник МАЭ РАН.

Юрий Валентинович всегда шел своим путем.
Итуруп

И напоследок еще один, уже забавный эпизод, который вспоминает племянник Александр – из рассказов Юрия Валентиновича об экспедициях.

> Он мне рассказывал интересный случай, связанный с Курилами. Там пограничная застава, больше ничего нет, как он мне говорил. Приходит раз в неделю какой-то корабль, привозит солдатам сигареты, консервы и все прочее – а тут непогода, и нет связи, а солдаты все искурились. Я вспомнил, что американские индейцы курили ивовую кору, она же безвредная. Рассказал – а они надо мной все смеялись. Я тогда ее надрал, засушил, порезал. И когда уезжал, все курили только ивовую кору. Хоть она без никотина.

Из анекдотов о Кнорозове ходит и такой, вполне кажущийся достоверным, который приводит И.М. Стеблин-Каменский в своих «Анекдотах про востоковедов», в список которых он включил и Юрия Валентиновича:

> На окраине Курильска Кнорозов сворачивает с дороги на ведущую вдоль забора тропинку. Якобы там видны следы пребывания айну. Навстречу с яростным лаем приближается овчарка. Кнорозов долго смотрит на нее, неопределенно машет рукой и произносит: «Зачем? Да ну...»

Правда, для тех, кто был знаком с шефом, – это вовсе не анекдот, а его обычное поведение. Он всегда разговаривал с животными, которые встречались ему где-либо – в доме, на улице или в парке. А те обязательно подходили пообщаться. Это могли быть и собаки, и коты, и обезьяны, и жабы, и вороны с воробьями.

Курильская экспедиция Кнорозова после нескольких полевых сезонов начала давать ощутимые результаты. Безусловно, работы

надо было продолжать более крупными силами. Кнорозов умел видеть и ставить глобальные задачи, к сожалению, вовсе не обладая административной хваткой. А в функции администраторов не входит видение океанских просторов за пределами своего забора. Это им неинтересно. Юрий Валентинович бился за науку, понимая стратегическое значение Курильских островов. В самом конце 1985 года он пишет докладную записку на имя директора Института этнографии АН СССР академика Бромлея:

Курильские острова на восточной окраине СССР представляют особый интерес по многим причинам.

В Ледниковом периоде Курильские острова, включая Хоккайдо, составляли сплошную полосу суши, соединяющуюся на юге с Сахалином и Приморьем, а на севере – с Камчаткой, Берингией и Аляской. Есть основания полагать, что предки ряда индейских племен, а также эскимосов, алеутов прошли из Азии в Америку по берегу, ставшему затем Курильскими островами.

В первые века н. э. на Курильских островах и на Сахалине появились племена айнов, двигавшиеся с юга на север через Японские острова и стоящие особняком среди окружающего населения. Курильские айны вымерли прежде, чем их культура была изучена. В связи с военицацией Курильских островов айны были выселены с северных островов (переданных России Японией в 1875 г.) в 1885 г., а на южных (переданных в 1855 г.) их селения исчезли еще раньше за единичными исключениями. Остатки айнов сохранились только на Хоккайдо. Таким образом, изучение Курильских айнов отошло в область палеоэтнографии и археологии.

Следует подчеркнуть, что археология широко используется на службе политики. Некоторые японские ученые стараются доказать, что на Сахалине и Курильских островах, на которые продолжают претендовать японские реваншистские круги, в древности была распространена такая же культура, как на Японских островах. Исследования советских археологов показали тесную связь древних культур Сахалина и Курильских островов с Приморьем.

Представляется целесообразным продолжить палеоэтнографическое изучение Курильских островов, начатое в 1979 г. приамурско-тихоокеанским отрядом Северной экспедиции Института этнографии АН СССР в сотрудничестве с сахалинскими учеными и Институтом археологии АН СССР, в результате которого задокументированы остатки жилищ и культовых мест с пиктографическими надписями на скалах, камнях, черепах китов. Особый интерес представляют объекты, обнаруженные в 1985 г. в труднодоступных окрестностях сел. Березовка, где сохранились нетронутыми остатки жилищ, искусственная пещера с многочисленными ходами.

Остатки селений очень быстро исчезают в результате строительных работ, подъемный материал разбирается в качестве сувениров участниками мно-

Фотографировать Кнорозова удавалось лишь издали: без костюма и галстука он никогда не позировал

гочисленных геологических и других экспедиций и различными любителями.

Было бы очень важно продолжить изучение Курильских островов параллельно с изучением богатых айнских коллекций в музеях Ленинграда и Сахалина.

Доктор исторических наук
Ю.В. Кнорозов
29.12.85

То есть Кнорозов как настоящий ученый уже тогда видел политические проблемы, которые в настоящее время обрели статус источника постоянного конфликта, препятствующего подписанию мирного договора между Россией и Японией. А проблему надо было начинать решать уже тогда, в рамках концепции, предложенной Ю.В. Кнорозовым. Но академику Бромлею этого было не понять. Грустно читать то, что пишет Кнорозов 7 января 1986 года о фактическом конце этого важного проекта:

> В 1985 г. зам. директора Р.Ф. Итс рассмотрел заявку на очередную Курильскую экспедицию в конце последнего дня подачи заявок и заявил следующее: «Курильская экспедиция является личным делом Кнорозова, у института "нет денег, чтобы кататься на Курильские острова", директор академик Ю.В. Бромлей против этой экспедиции, изучаемые объекты, включая надписи – чистая археология, и "пусть ей занимаются сахалинские археологи"». После этого Р.Ф. Итс дал 15 минут на согласование заявки с одновременно поданной заявкой антропологов, объявив, что возглавлять отряд будет А.Б. Спеваковский (ставший ученым секретарем). В результате появился Курильский отряд Северной экспедиции, ездивший двумя группами.

К пересланным «запискам» Кнорозова прилагались разъяснения уже для меня:

> Вам, конечно, ясно, что все разговоры – обычное вранье; в этом году Спеваковский взял с собой, сверх антропологов, совершенно случайных лиц; антропологи привыкли выкапывать черепа на кладбищах (которые на Курильских островах не найдены, кроме погребального уступа на озере Танковом); для этого не нужна целая орава сотрудников и т. п. Художник, которого повез Р.Ф. Итс в 1983 г., рисовал этюды для собственного удовольствия и т.п. Р.Ф. Итс и А.Б. Спеваковский утверждают, что для ЛИЭ выделятся на 1986 и следующие годы 15 000 руб. (а заявка подана на 35 000). У нашего отряда смета (с проводником и местным транспортом) составила 1300 руб. на 2 сотрудников. Это отнюдь не согласуется

с неоднократными заверениям Р.Ф. Итса на бесчисленных собраниях, что на Курильскую экспедицию ушли все деньги института.

Курильский пейзаж с уходящим шефом

Понятно, академику Бромлею как большому специалисту по феодализму в Хорватии, были виднее приоритеты в науке. Кстати, именно с этих времен и начинается общая деградация Института этнографии, уничтожившего руками еще одного академика – специалиста по колониальной Канаде Тишкова и мощнейший сектор Америки, и Африки, и многие другие научные подразделения. Неслучайно переименованный Институт «антропологии и этнологии» под руководством того же академика Тишкова оказался бесполезным перед вызовом времени, когда в стране обозначился полный провал в национальной политике, приведший к развалу СССР и кровавым этническим войнам. Администраторы неспособны видеть море за собственным забором. А идеи Кнорозова по поводу геополитического значения Курильских островов и в наши дни вовсе не теряют своей актуальности для России.

ГЛАВА 16
УИКЕНД В ГВАТЕМАЛЕ

День был без числа, месяца тоже не было.
Было черт знает что
Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего

1989 год ознаменовался в СССР глобальным экономическим и политическим кризисом. Товарный дефицит стал очевиден, даже появились талоны на продукты. Начал разваливаться социалистический блок, сопровождаясь дикими провокациями и прямыми расправами – таков, например, чудовищный расстрел семидесятилетних Чаушеску. В СССР начали вспыхивать спровоцированные извне кровавые межнациональные конфликты. Западные технологии подготовки переворотов давали результаты, погружая Советский Союз в хаос. Всем стало очевидно, что Горбачев сознательно ведет страну к пропасти. Ощущение катастрофы витало в воздухе.

В 1989 году произошло еще нечто неожиданное – Юрий Валентинович вдруг сообщил, что он разводится. Как он всегда предупреждал, говоря о личном: «Я должен вас проинформировать». Однажды, правда, пояснил, почему именно он «должен» меня информировать о личной жизни: «Иначе потом кто-нибудь что-нибудь обязательно придумает и наврет». И, кстати, этот урок я тоже взяла на вооружение – всегда лучше выдавать общественности свою версию событий, пусть даже неприятных или непонятных.

Но развод Кнорозова никак не отразился на внутрисемейных отношениях. Времена становились тревожные – было понятно, что вот-вот все рухнет. И потому Юрий Валентинович, понимая, что он один отвечает за всех своих «дам» – жену, дочь, внучку – предпринял шаг к улучшению жилищных условий, буквально вспрыгнув в последний вагон. У него, благодаря его заслугам, появилась возможность быстро получить бесплатную квартиру, как это делалось в советские времена. А двухкомнатная квартира на Гранитной оставалась дочери и внучке.

И действительно, очень скоро, в самом начале 1992 года он переехал в новый дом на улице Бутлерова, 13 («здоровенная нелепая махина»), совсем рядом с метро. Это обстоятельство компенсировало некоторую удаленность от центра города. Однокомнатная квартира располагалась на первом этаже, но Юрий Валентинович сразу отказался от занавесок, которые ему предлагала повесить милая соседка, сердобольно взявшая над ним «шефство». «Они мне не нужны – так я могу все время смотреть в окно, там жизнь, ходят люди, бегают собаки...» Из мебели перевез минимум – раздавленный диван, неработающий телевизор, в кухню стол и пару кривых шкафов. Вместо стульев появились какие-то деревянные скамьи. Для книг – стеллажи из грубых досок с неизменной красной бахромой – единственная «роскошь». Потом притащил с соседней стройки какие-то деревянные малярные козлы – ему они служили столом...

> В новой берлоге еще долго все будет в развале. Света нет (только на письменном столе удалось подвести), ключ от почтового ящика украли, ручку двери тоже, розетки (неизвестно какие) разломали. До меня в квартире с мая по декабрь жила парочка коммерсантов, не склонных стеснятся в своем отечестве (да и чужих тоже)», – так он описывал обстановку в новой квартире и передавал «всего наилучшего сеньорите Анне, Людмиле Селиверстовне, дону Антонио, а также всей живности, какая сейчас есть».

Надо сказать, что тогда, в начале 1990-х, он написал завещание, о чем тоже меня «информировал» уже в процессе его официального оформления у нотариуса. Это было исключительно важное мероприятие, к которому он отнесся со всей ответственностью. А зная его нелюбовь ко всем бумажным делам... Как он пояснил, все, что у него было, оставлял своей внучке Анечке – любимой Рыси.

Новое жилище Юрия Валентиновича располагалось в семи минутах ходьбы от станции метро «Академическая». Выбор был неслучаен – ходить Кнорозову становилось все сложней. Плоскостопие, видимо врожденное, в тяжелой степени, которое не дало ему пойти на фронт, с возрастом приводило ко все большим проблемам и нестерпимым болям уже не только в ступнях. Он никогда не жаловался – не допускал, чтобы его жалели. Но долгая вынужденная ходьба, особенно быстрая, делала Юрия Валентиновича раздражительным и злобным.

В общем, становится понятным, почему Кнорозова упорно, даже в 1943-м военном году, признавали непризывным, почему он предпочитал возвращаться из института домой совсем поздно, когда уже прошел «час пик» – ему очень тяжело было стоять в переполненном троллейбусе. И в экспедициях он предпочитал не делать долгих пеших переходов – оставался на одном месте, медленно обходил местность, курил... Раздражался, когда с кем-то шел куда-нибудь и, стараясь не опоздать на встречу, его торопили – а он просто физически не мог идти быстрее. И его странная походка, и жутко стоптанные ботинки

большего размера... И ни одного слова жалоб. А ведь страшно даже читать описание этого заболевания:

> При третьей степени плоскостопия болит и подошва, и колени, и мышцы бедра, и тазобедренный сустав, и поясница, а также позвоночник. Часто мучают и головные боли. Причем боль носит постоянный характер, практически не купируется отдыхом и ведет к стойкой утрате трудоспособности. Даже минимальная физическая активность провоцирует обострение болевого синдрома...

Но судьба, казалось, постоянно испытывала Кнорозова на прочность. Когда в декабре 1995 года мощный плывун прорвался в метро между станциями «Лесная» и «Площадь мужества», тоннель пришлось закрыть и затопить. Появилось объявление, которое для него означало катастрофу:

> В связи с производством неотложных работ на перегоне метрополитена ст. «Лесная» — ст. «Площадь Мужества» с 4 декабря 1995 года по всем дням недели не будет осуществляться движение поездов метро на участке «Площадь Ленина» — «Академическая».

Эта авария отрезала Юрия Валентиновича от прямой дороги в центр Петербурга. Он практически перестал самостоятельно выбираться в город, даже на работу в Кунсткамеру. Видимо, отчасти поэтому последний в его жизни научный отчет датируется 1991-м годом:

НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ ЗА 1986–1990 гг.[309]

1. Руководство группой этнической семиотики
За истекший период продолжены работы по переводу и комментированию протоиндийских надписей. Продолжена работа по переводу и комментированию надписей майя. Подготовлена публикация «Иероглифические рукописи майя». Продолжена работа по изучению рапануйских текстов. Продолжена работа по расшифровке киданьского письма. Рассматривались теоретические вопросы семиотики и, в частности, дешифровки.
2. Защищена диссертация Е.С. Соболевой.
3. Руководство Курильской экспедицией Института этнографии АН СССР.

Опубликованы сборники (пользующиеся большим спросом):
1. Древние системы письма. Этническая семиотика (М., 1986). 19 п.л.
2. Questions of ethnic semiotics. Moscow, 1988.12 а.л. Для Международного конгресса в Загребе (Югославия).

[309] Архив МАЭ – Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера). К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 191.

3. Сдан в печать очередной сборник «Вопросы этнической семиотики», 1990, 18 а.л., задержанный на год Московской частью ИЭ АН СССР, которая сняла его с плана издания.

В декабре-феврале 1990–1991 г.г. по приглашению Президента Республики Гватемала я находился в Гватемале, где устанавливал контакты с местными учеными.

10.04.91

Довольно оптимистичный отчет. Тогда же в апреле прошла и аттестация, единогласно оценившая работу Кнорозова в качестве главного научного сотрудника и руководителя Группы этнической семиотики. Как говорится, ничто не предвещало беды. Хотя бесконечное «митингование», по меткому определению Юрия Валентиновича, наводило на недобрые мысли. Начиная с объявления Горбачевым «перестройки» в страну хлынуло огромное количество так называемого «компромата», разоблачавшего «ужасы советского режима». Спустя десяток лет станет очевидным, что большинство «скрывавшейся правды» было банальными фейками, которые стряпались в странах заходящего солнца, готовя почву для разрушения нашей страны. Но тогда, в конце 1980-х, все было в новинку – каждое такое «разоблачение» принималось на веру, передавалось и пересказывалось друзьям и знакомым. Именно эти разговоры шеф и называл «митингованием».

Итак, Гватемала

Среди всего этого, совсем уже неожиданно – Гватемала. Советский Союз был на грани развала, практически были сняты ограничения и сложные бюрократические процедуры для частного выезда граждан за рубеж. Правда, западные страны тут же ужесточили режим *въездной* для советских граждан. Шило бодро поменялось на мыло. Академия наук со своим международным отделом тоже была в замешательстве – что делать? По привычке пытались «не пущать» того, на кого была отмашка, хоть никто и не знал, за что именно. Прямого указания отменить эти правила не поступало.

Разрубить этот узел удалось вовсе не членам «Союза обществ дружбы» и не руководству Института этнографии, а моему мужу Гильермо Антонио Овандо Уркису, или «дону Антонио», как его именовал шеф. Дон Антонио работал в Мексиканском посольстве в Москве, когда летом 1990 года с визитом в СССР прибыла супруга первого демократически избранного (после череды государственных переворотов) президента Гватемалы Винисо Сересо Аревало. Донья Ракель активно вела собственную политическую игру, и потому с неведомой целью прибыла в еще Советский Союз, с которым дипломатические отношения были давно заморожены – то есть

с тех самых пор, когда отец дона Гильермо, тоже Гильермо Овандо (Гильермо Альберто Овандо Арриола), будучи президентом Конгресса Гватемалы, вынужден был покинуть страну вместе со свергнутым в 1954 году президентом страны Хакобо Арбенсом. Тем самым, что навещал потом Кнорозова в Кунсткамере. Одним словом, все эти подробности о Кнорозове и его дешифровке письма майя донья Ракель с любопытством узнала от дона Гильермо. И ей очень понравилась идея пригласить великого ученого посетить «земли майя». Сказано – сделано. Буквально через месяц в Академию наук пришло официальное приглашение от президента Гватемалы на имя Кнорозова. Однако по наезженной схеме, в обратную сторону, то есть президенту, был направлен ответ о том, что «доктор Кнорозов страшно занят». Не хватало только приписки о том, что он «кота дрессирует», как потом глумился Юрий Валентинович. Донья Ракель была предупреждена о возможности именно такого развития событий – подобным образом Международный отдел АН всегда отвечал за Кнорозова на приходящие на его имя приглашения. И потому решительно заявила через МИД, что лично только что общалась с доктором Кнорозовым по телефону, и тот подтвердил, что приглашение принял, причем с большим удовольствием.

И поскольку размораживание дипломатических отношений между нашими странами готовилось уже к январю 1991 года, то МИДу не осталось ничего иного, как заняться поездкой Кнорозова. МИД, как-никак, был весьма заинтересован в том, чтобы мы благополучно и вовремя прибыли в гости к президенту Гватемалы – к этому времени переговоры о восстановлении между нашими странами дипломатических отношений достигли завершающей стадии.

Перед поездкой шеф волновался. До последнего момента он не верил в реальность происходящего. Достаточно вспомнить, как Кнорозов писал в ноябре уже далекого 1968 года своему приятелю Владимиру Кузьмищеву, который и возглавлял все те комиссии по отправке его за рубеж: «Я очень благодарен тебе за все заботы по поводу моей поездки в Мексику. Однако, полагаю, что вся эта канитель ни к чему. Мне весьма неплохо удавалось поддерживать регулярную связь с мексиканцами и прочими иностранцами по почте. В сущности, особенно делать в Мексике нечего...»

Тем не менее стоило огромного труда заставить его получить заграничный паспорт, хотя для него все делалось теперь в ускоренном режиме. Министерство иностранных дел быстро выдало ему даже не обычный паспорт, а служебный. Я же занялась одеждой для «шефули», зная, что он способен отправиться в путешествие в брезентовом костюме и резиновых сапогах. Купила темный костюм, рубашки, туфли – и выдала ему как «не подошедшие дону Антонио». Тогда я была не в курсе, что точно также его одевал весь дамский коллектив Группы этнической семиотики! И очень долго придумывала формулировку, чтобы его не обидеть. Он же надевал выданный костюм и носил его не снимая, пока тот не превращался в нечто совершенно замызганное и бесформенное. Но заставить его сменить галстук

было невозможно. Он стоял насмерть, защищая свой лоснящийся черный, с вечным узлом, с прожженной сигаретой дыркой галстук. И никакие аргументы тут не срабатывали.

Все началось с дона Антонио – Гильермо Овандо Ускису

И вот, в первых числах декабря 1990 года мы получили авиабилеты на 19 число того же месяца, означавшие, что Кнорозов, я и мой муж должны встречать Рождество не где-нибудь, а в Гватемале, куда нас приглашал-таки президент страны Винисо Сересо Аревало. Как нам удалось понять, это приглашение в еще большей степени изумило сотрудников МИДа, оказавшихся во власти двоякого чувства. С одной стороны, это было закономерное изумление по отношению к столь «несолидным» персонажам, никак не вписывающимся в советские чиновничьи каноны. Доктор Кнорозов практически всю жизнь был «невыездным», за исключением трех дней конгресса в Копенгагене в 1956 году. Я тогда числилась членом Московского комитета литераторов, чтобы не сказать безработной. Муж – вообще гватемалец. Четвертым в нашей компании был пес Фокс — ярко-рыжий метис, «помесь таксы с лисой». Мордой это был вылитый корги пемброк, но тогда такой породы в нашей стране даже не знали. По определению шефа, Фокс мог именоваться исключительно «Барбосом». Его с самого рождения обуревала страсть к путешествиям – неслучайно он был обнаружен в трехмесячном возрасте странствующим в одиночестве в пригородной электричке. Видно, так было написано на его собачьем роду: объехать мир. Но в Гватемалу Фокс отправился исключительно по той причине, что в Советском Союзе в это время полностью пропали из магазинов все товары, включая продукты, – и потому никто не рисковал брать на себя ответственность за чужую, весьма избалованную собаку. Исчезнувшие продукты и товары, кстати говоря, появились сразу же после переворота 1991 года, но уже по другим ценам.

Одним словом, по ассоциации с книгой «Трое в одной лодке, не считая собаки», нас было тоже четверо: шеф, дон Антонио, я и Барбос. Мы сидели в самолете и летели в Гватемалу. Шеф, Фокс и я впервые, а дон Антонио — после почти двадцатилетнего перерыва... Сеньорита Анна в тот год училась в Испании. Накануне наступления 1991 года мы летели рейсом «Аэрофлота» из ледяной Москвы. Дозаправка в

Донья Ракель – жена президента Гватемалы Винисио Сересо

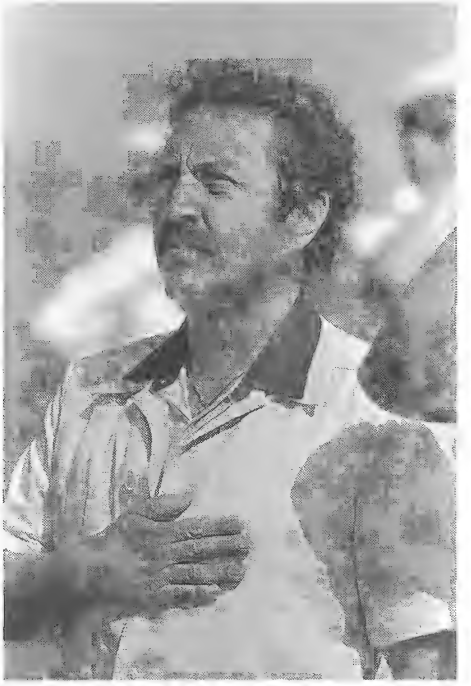
Шэнноне – теперь таких полетов не существует – и дальше, через Атлантический океан.

Через десять лет мы, наконец, оказались в Мексике. Ожидался волнующий момент, но сразу что-то пошло не так. Во-первых, из-за опоздания самолета мы не успели на пересадочный рейс, летящий в Гватемалу. Кроме того, «Аэрофлот» решил нас и еще двадцать пассажиров не обременять избытком вещей и оставил в Москве весь багаж. Единственное, что выползло на ленте транспортера, была тесная клетка с Фоксом, который почти не верил, что кончились его двадцатичасовые муки в багажном отделении. Кстати, Юрий Валентинович весь перелет успокаивал меня по поводу Фокса: «Зверье в стрессе предпочитает спать. И Барбос тоже спит и ждет, когда все закончится». Мне очень хотелось ему верить и, похоже, он оказался прав. Фокс радостно выбрался из клетки и тут же деловито пошел искать место, где поднять лапу. Аэропорт, заполненный летящими транзитом в США армянами, показался сумасшедшим домом. И если бы не активная помощь встречавших нас сотрудников гватемальского и советского посольств, мы бы просто пропали.

Зато мы наслаждались мексиканской жарой. Фокс, пометив все углы и опоры аэропорта Мехико, решил, что в тропиках не так уж плохо. А вот шеф, кажется, и в Мехико все никак не мог поверить в реальность происходящего – только уже прилетев в Гватемалу, удалось уговорить его снять страшную черную меховую шапку и зимнее пальто.

Я тогда вспомнила, какое бешенство вызвал у него готовившийся к публикации сценарий фильма Эдварда Радзинского о «тайнах письмен майя» – и вовсе не из-за незнания автором фактических деталей

и поверхностности сюжета. Прежде всего, из-за того, что в фильме герой-дешифровщик приезжает из зимнего Ленинграда в Мексику «в теплой шубе». «Он что, хочет выставить меня полным идиотом?», – возмущался шеф. В результате этот и без того посредственный сценарий не был опубликован, и фильм не появился. Но... когда шеф впервые перелетел через океан (это была зима), он только на третий день расстался со своей теплой одеждой... Надо сказать, что его ободранная черная ушанка выглядела ужасно, и я втихаря при первой же возможности выкинула ее, заменив новой и красивой. Но Кнорозов почему-то очень возмущался. Потом оказалось, что «истребленную» мною шапку ему подарила Анна Ахматова, пожалев бедного Юру, который однажды очень холодным зимним днем 1948 года пришел с непокрытой головой к ней в гости на Фонтанку вместе со своим приятелем Львом Гумилевым...



Винисио Сересо Аревало – президент Гватемалы в конце 1980-х

В таком экзотическом виде шеф и отправился вместе с нами в гости к живущему в Мехико известнейшему гватемальскому лингвисту и другу моего мужа Отто Шуману. Надо сказать, что номера телефона Отто у нас не было, зато имелся его адрес – и потому мы объявились у него дома без предупреждения. Зимнее обмундирование шефа не произвело на лингвиста должного впечатления – он в принципе не мог опомниться от того, что «великий Кнорозов» стоит на пороге его квартиры, и незаметно щипал себя за руку, чтобы убедиться в правильности собственного мировосприятия. Поверив, что перед ним не привидение и что он не сошел с ума, Отто пригласил нас в типичное мексиканское заведение – туда, где пьют пиво и руками, по-индейски, едят такос – маисовые лепешки, в которые заворачивается различная начинка. Мы были на земле древних индейцев ацтеков, северных соседей майя, до встречи с которыми оставалось всего несколько часов.

Нет худа без добра, и вынужденная ночевка в Мехико позволила немного прийти в себя и подготовиться к новым, уже гватемальским впечатлениям. Путешествующие по Гватемале почему-то выдерживают свои заметки в стиле тонкой (или не очень) иронии, без конца

Прекрасная страна вулканов – Гватемала

пересказывая смешные и нелепые истории, происходящие вокруг них. Как, например, это делает Норман Фрид в книге «Улыбающаяся Гватемала». Заранее отпугивала эта странная традиция, как и перспектива того, что придется изо всех сил поддерживать рекламно-туристский штамп «Гватемала — страна вечной весны». Однако первые же мгновения полета над гватемальской территорией развеяли эти опасения. Вид ландшафтов сверху, великолепие рвущихся к небесам гор и уводящих в преисподнюю темных узких ущелий наводило скорее на торжественно-космическое, индейское восприятие этой земли.

Сервис местной авиакомпании «Авиатека», в отличие от родного «Аэрофлота», тогда казался безупречным. Сейчас, правда, все происходит ровно наоборот, да и «Авиатеку» давно никто не помнит – а «Аэрофлот» стал одной из лучших авиакомпаний в мире. Забавно повели себя мы, когда, приземлившись, бросились получать Фокса, а затем через транспортный контроль направились к выходу вместе с прочими пассажирами. Не имея навыков принимать приглашения на высшем уровне, мы и не догадывались, что нас ожидала официальная встреча в протокольном зале с цветами, журналистами, телевидением, министром культуры и первой дамой доньей Ракель Бландон де Сересо. Наш несолидный вид без вещей, с собакой ввел в обман офицера охраны, ожидавшего нас при выходе из самолета. Отловивший наши паспорта изумленный служащий бросился вызывать начальство, таким образом мы все трое, не считая собаки, были водворены в протокольный зал, где приступили к необычным обязанностям «гостей президента». Самое удивительное, что Юрий Валентинович наслаждался всем, что видел. Для него все было прекрасно. Тем более

что организационные вопросы его не касались вообще – опыт поездки на Кунашир не прошел даром.

Как вскоре оказалось, нахождение «около власти» – дело тяжелое, не всегда приятное и порой нелепое. Фокс отправился жить к родственникам, став фанатом маисовых лепешек. Нас поселили в гостиницу, именовавшуюся тогда «Гватемала Фьеста» (теперь она переименована в банальный «Холидей Инн»), куда начали доставляться роскошные корзины с цветами, фруктами и сладостями. Все было чрезвычайно пышно, как на собственных похоронах. Особенно когда шеф, недолго потерпев, стал выпихивать свои корзины в наш номер под тем предлогом, что они-де занимают все поверхности, и ему не на чем писать. Вторая огромная кровать в его номере в первый же вечер оказалась заваленной бумагами с записями, на которые постоянно покушались «свирепые камер-фрау», а шеф возмущенно на них шипел. Внизу нас ожидала предоставленная в наше распоряжение гватемальским Генштабом машина. Подошел и представился капитан охраны, объяснив, что будет заниматься нашей безопасностью. Это было особенно забавно, особенно если знать, чем оно все закончилось.

Но поначалу все было очень весело. Кроме одного: шеф тут же понял, что кругом полно безнадзорной выпивки. А я как-то этот момент упустила. История не заставила себя ждать. В первый же вечер мы с доном Антонио отправились навестить его родственников, оставив шефа в своем номере отдыхать. Ничто не предвещало беды. Вернулись мы поздно, только утром постучались в номер шефа, чтобы позвать на завтрак. И – ужас! Дверь открылась, вышел всклокоченный Юрий Валентинович. Было видно, что накануне он пил – много и убедительно. Я вытаращила глаза: «Что с вами, Юрий Валентинович?» И ответ: «Тут приходил офицер. Чтобы меня спаивать!» «Какой офицер, о чем вы?» Юрий Валентинович вернулся в свой номер и вынес бутылку водки: «Это ваша». Я оглянулась, увидела новые корзины и все поняла. Корзины были от президента – ему и нам. Их доставил офицер Генштаба. Но нас в гостинице не оказалось... «Доктор Кнорозов» вежливо пригласил офицера к себе в номер, поставил корзины на стол – и увидел в них бутылки водки! Это была удача. Офицер был посажен за стол, водка разлита по двум стаканам. Шеф жестом пригласил офицера выпить. Тот был человек военный, отказаться не мог – чуть пригубил. Но шеф выпил до дна и поглядел на полный офицерский стакан осуждающе. Тому стало неудобно опозориться перед высоким гостем, да еще таким пожилым. И он тоже, задержав дыхание, хлопнул до дна. На что Юрий Валентинович одобрительно заметил: «Натуральменте!» Потом все повторилось. С каждым стаканом оба чокались все дружнее: «Натуральменте!» Когда офицер понял, что встать уже не может, позвонил в Генштаб, чтобы прислали подмогу. За ним быстро приехали и вынесли из гостиницы на руках. Других слов у него, кроме как «Натуральменте!», не оставалось. Но самое ужасное, что на следующий день весь Генеральный Штаб Гватемалы цитировал доктора Кнорозова: «Натуральменте!» И еще: этот рассказ потом мы слышали в исполнении самых разных людей. И всех пере-

полняло восхищение русским доктором, дешифровавшим письменность майя.

Вот так начинался визит Юрия Валентиновича в Гватемалу. Вся глубина коварства положения гостей на высшем уровне нам открывалась постепенно. Так, например, наши опекуны искренне не понимали, зачем нужно гулять пешком, если есть машина с официальным номером. И когда мы все же вырывались, чтобы пройтись по парку, машина тихо плелась по его аллеям следом, не упуская нас из виду. Первые дни мы редко оставались в одиночестве — как правило, все время проходило в вихре обедов, ужинов, дружеских встреч. Однажды мы даже были приглашены на завтрак в семь утра — к подполковнику Годою, занимавшему при Сересо третий по величине пост в Генштабе. Потом я уже поняла – в тропиках любят встречи за завтраками. На все попытки заняться нашими профессиональными контактами радостно сообщалось, что начались всеобщие каникулы, отпуска, праздники и никто ничем заниматься не будет. Стоит заметить, что ситуация не сильно изменилась и сейчас. Но поначалу такой ритм кажется очень странным. Правда, Юрий Валентинович был счастлив – ему продолжало нравиться абсолютно все.

Наконец, наши усилия увенчались успехом: мы встретили чудесного человека — Эдну Нуньес де Родас, преподававшую в университете, члена комиссии по восстановлению города Антигуа. И это именно она была тем самым директором Института антропологии и истории, который в 1996 году изо всех сил пыталась пригласить Кнорозова на Конгресс по эпиграфике, посвященный Генриху Берлину. А мы даже этого не вспомнили... Именно она и начала устанавливать контакты между нами и гватемальскими, а также другими иностранными коллегами, которые, как мы и предполагали, узнав о нашем приезде, готовы были отложить и каникулы, и праздники – как это обычно делаем и мы, если кто-то из коллег приезжает в Россию.

Однако в Антигуа впервые мы поехали не с Эдной, а с первой дамой доньей Ракель. Именно в этом, заточенном под туристов колониальном городе, где испанское и индейское сплелись в крепкий узел, но не перемешались, где на службу в католический кафедральный собор прихожан призывает не звук колоколов, а индеец, поочеред-

Ассоциация «Тикаль», организовывавшая встречи с коллегами

но играющий то на флейте-чиримилье, то на маленьком барабане, и при этом бросающий хитрые взгляды на прохожих. Именно здесь я пожалела сначала себя, а затем и всех тех, кто вынужден по тем или иным причинам гулять в кольце телохранителей, под шипенье раций. По таким местам всякий нормальный человек предпочитает долго бродить в одиночестве, отделавшись от возможных и нежелательных попутчиков, незаметно растворяясь в разлитой по улицам памяти истории.

Рождество, пролетевшее под треск и свист петард, незаметно перешло в день рождения президента, который отмечался по простому, на президентской загородной финке — роскошном государственном владении, расположенном на полпути между столицей и Тихим океаном. Олени, обезьяны в просторных вольерах, бассейны с голубой водой среди тропической растительности — все располагало к приятному времяпровождению. Огромные круглые столы обрамляли площадку для танцев, на которой весь вечер главным героем был именинник. Три оркестра сменяли друг друга. Пока звучала маримба, можно было успеть поговорить, но когда очередь доходила до тропической музыки, то оставалось лишь громко кричать. Публика чувствовала себя здесь уютно и весело, несмотря на некоторый налет грусти — почти всем через месяц грозила отставка с государственных постов: приближалась передача власти новому президенту.

С какого-то момента нас начала опекать глава общества «Тикаль», милейшая Ольга де Азар, которая до сих пор возглавляет это общество и хорошо помнит Кнорозова. Вообще, имя Ольга – одно

Награждение Юрия Кнорозова Большой медалью президента Гватемалы

из самых распространенных в Гватемале, что очень удивляло Кнорозова – он пытался отыскать в этом хоть какую-то причину. Его вообще постоянно потрясала нелепость названий торговых марок, особенно почему-то возмущал «цемент майя». «Причем тут майя и старые галоши?», – повторял он каждый раз, как видел надпись.

23 января 1991 года из «Ассоциации Тикаль» пришло письмо за подписью Ольги. Планировалась «академическая встреча», которая должна была длиться с 23 по 25 февраля. И даже прилагался список приглашенных для участия: Марисела Айяла, Джеймс Брейди, Роберт Гармак, Клеменси Коггинс, Николай Грюбе, Федерико Фасен, Кристофер Джонс, Томас Ли, Мигель Оррего, Флавио Рохас, Отто Шуман, Джорж Стюарт и Дэвид Стюарт и еще несколько человек. Кнорозов был счастлив такому «крупнорогатому сборищу».

Еще до мероприятия произошла историческая встреча Кнорозова с Йаном Грэхемом, который заранее приехал для этого из США. После их многолетней переписки, после издания «Корпуса надписей» в продолжение работ Татьяны Проскуряковой чуть ли не специально для Кнорозова – и такая неожиданная встреча. Встретились мы в доме его друга Дугласа Пиллинга. Говорили обо всем – о корпусе, о текстах, и даже «митинговали», обсуждая события в Советском Союзе.

Надо ли говорить, что с Кнорозовым пытались встретиться все, кто имел хоть какое-то отношение к России? Как, например, пригласившая его на обед местная писательница Ирина Дарле, мать которой родилась в Крыму и еще до октябрьского переворота вышла замуж за предпринимателя, уехала с ним в Австрию, где и появилась Ирина. Эта пожилая женщина неплохо говорила по-русски, несмотря на то что никогда не жила в России, и общаться ей практически было не с кем.

Другой визит был в дом к Федерико Фасену, местному «эпиграфисту». Федерико пригласил нас на обед и жаждал показать свою коллекцию предметов майя. Стоит сказать, что в Гватемале в каждом богатом доме есть собственная коллекция доколумбовых предметов, качество которых порою превосходит некоторые музейные коллек-

ции. Федерико Фасен подвел Кнорозова к сколотому откуда-то фрагменту рельефной надписи, состоявшему из пары знаков. И с гордым видом спросил: «Юрий, а что ты думаешь об этих знаках?» Я подумала, что скандала не избежать. Это было все равно, что в написанной фразе «В Испании идут дожди», пытаться выяснить, что собеседник думает о буквах «О» и «Ж». Но шеф посмотрел на хозяина, как на убогого, и промолчал. В этот день он явно был несказанно добр.

Грамота от президента за перевод на русский язык книги Мануэля Галича «История доколумбовых цивилизаций»

Наконец, все также внезапно, нас выдернули из круговерти светской жизни, посадили на рассвете в самолет и отправили в Петен. Перед посадкой очередной капитан охраны выдал дону Антонио очередной пакет с деньгами и адресом гостиницы, где нас должны были ждать.

Юрий Валентинович, который начал привыкать к светской жизни, перед вылетом, похоже, даже не ложился спать. Это была его мечта – увидеть города Петена. Для человека, не занимающегося изучением культуры майя, название гватемальского департамента Петен не говорит ровным счетом ничего. Однако тот, кто хотя бы читал романы Мигеля Анхеля Астуриаса, видит Петен сказочным миром буйной безбрежной сельвы, раскинувшейся от подножья гор до Белиза и Юкатана. Это сердце мистического мира майя. Растительность скрывает сотни индейских городов и памятников, многие из которых еще не обнаружены, а иные обнаружены и вновь скрыты под растительным слоем в целях консервации. На работы и реставрацию нет ни средств, ни возможностей.

Самолет летит из столицы в этот удивительный мир ровно 29 минут. По нашим масштабам — это не расстояние. Однако в Гватемале все является расстоянием. Автомобильные дороги тогда были не очень хорошие, поэтому междугородные автобусы далеко не везде считались комфортабельным средством передвижения. Система железных дорог не прижилась, и как раз при Винисио Сересо ее окончательно похоронили под лачугами самостроя наподобие фавел. Многие места в стране в те времена продолжали оставаться недоступными и опасными из-за многолетней гражданской войны, разорившей и разделившей страну. В результате наш маршрут в Петене ограничился несколькими пунктами, которые проходили по «королевскому пути», если переводить с испанского название этого разрабатывавшегося туристического проекта «camino real»: Тикаль, Вашактун, Тайасал, пещеры в Санта-Элене. Вошедший во вкус шеф очень

Прием по поводу награждения

хотел побывать в Наранхо, но нас туда не пустили, выдвинув «на выбор» три причины: там прячутся партизаны, там охраняются военные базы, там есть что-то связанное с наркоторговлей. Последняя версия казалась нам более вероятной.

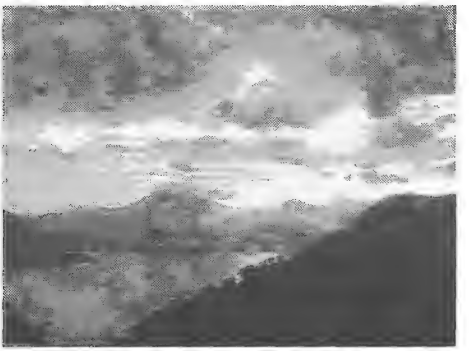
Нет смысла описывать майяские центры – это уже сделано не один десяток раз и специалистами, и путешественниками. Постоянно не отпускало чувство нереальности происходящего – памятники, о которых мы имели достаточно полное представление, вдруг представали живыми. Шеф до поездки не раз повторял, что «все археологические места он прекрасно знает по публикациям». Тем не менее никогда не забыть то удивительное выражение его лица, когда он поднялся на пирамиду Ягуара в Тикале. Это, кстати, была единственная пирамида, на которой побывал Кнорозов, – больше он на такое не решался. Сопровождавшие и тогда не верили, что он сможет подняться до самой вершины – но он поднялся и долго стоял там в одиночестве. Как всегда курил – в Гватемале он предпочитал сигареты «Бельмонт», и был погружен в свои образы.

Одним словом, шеф наслаждался Тикалем. Он ходил, курил, трогал, рассматривал изнутри, поднимался по ступеням пирамид, проверял поразительное совершенство акустики Главной площади. Раньше Юрий Валентинович на вопрос, бывал ли он в Мексике или Гватемале, всегда давал заготовленный ответ: «Все известно по литературе. Нет необходимости бегать по пирамидам». Но тут было видно, что он буквально погружается в одному ему видимую жизнь. Потом эти состояния приходилось наблюдать и в Мексике, но в Тикале это было впервые. А по поводу публикаций, из которых все известно, Юрий Валентинович вынужден был признать свою неправоту, когда обнаружилось, что вместо росписей в Вашактуне можно было увидеть лишь голую ободранную стену, а граффити Тикаля оказались густо замалеванными надписями типа «Здесь был Вася из Детройта» или «Привет от Мани из Парижа».

По сельве Петена мы перемещались на полноприводной мощной машине – но и она порой застревала в размытой грязи. В этих случаях приходилось выбираться из салона и выталкивать ее на место посуше. Пока все занимались этим благородным делом, Юрий Валентинович закуривал очередную сигарету и язвительно замечал: «Camino real – сразу видно, что королевская дорога!» Он взял на вооружение это название и потом любую разбитую дорогу, даже в родном Петербурге, ехидно именовал camino real.

Могли ли мы тогда предполагать, что спустя почти три десятилетия уже российский Центр Кнорозова будет проводить свои проекты

в Гватемале, отснимет все надписи Тикаля, включая гребни пирамид, к которым будут возводиться леса, приведет в порядок музейную картотеку, будет проводить в Петене раскопки... Безусловно, жизнь богаче схем!



Аматитлан – озеро с вулканами, понравившееся шефу

А тогда новым и неожиданным открытием стало, пожалуй, ощущение гармонии древних городов в сельве. Древние дороги, казалось, были проложены среди тенистых аллей. По ветвям носились стаи обезьян и крупных ярких птиц. Павлины местной разновидности неторопливо расхаживали меж деревьев. Туканы перелетали с куста на куст – их почти можно было потрогать рукой. Вдруг раздался страшный рев, заглушивший крики обитателей сельвы. Мы остановились. «Это обезьяны-ревуны», – пояснил сопровождавший нас археолог. «У местных стариков существует предрассудок, что ревуны накликают дождь», – с усмешкой добавил он, указав на девственно чистое небо. Надо ли добавлять, что уже через десять минут мы оказались мокрыми до нитки от внезапно хлынувшего тропического ливня.

«Скот не человек, зря орать не будет», – философски заметил шеф, чрезвычайно довольный точностью биологического барометра. Ливень как внезапно начался, так внезапно и прекратился. Мы с доном Антонио решили одолеть 64-метровую высоту храма № 4. Тогда этот памятник не был расчищен. Забираться приходилось по подставным деревянным лесенкам, кривым корням и лианам. Шеф, который, к удивлению нашего гида, запросто поднялся на пирамиду Храма Ягуара, уже не рискнул довериться мокрым после ливня лианам. Мы же, следуя туристскому шаблону, рванули наверх. Там остановились: повсюду внизу, до самого горизонта, открывалась безбрежная сельва с возвышавшимися над ней белыми гребнями храмов майя. Из низин поднимался густыми клубами туман.

В Петене столица департамента расположена на острове Флорес, посреди огромного озера Петен-Ица. Островок этот очень мал. Со всех точек была видна церковь, находящаяся на Главной площади, венчающей верхушку Флорес. Улочки лучами спускались прямо в воду. Это не образ, а реальность. Уровень воды в озере постоянно поднимался, и окружная улица оказалась уже затопленной – столбы не так давно освещавших ее фонарей торчали из воды довольно далеко от берега. Вода добиралась до домов и второго кольца. Водой был залит весь первый этаж гостиницы, в которой мы остановились. Название ее было, естественно, майяское: «Йум Каш».

Пол ресторана, где нам подавали завтраки и ужины, был поднят за счет двух слоев каменных блоков, лежавших прямо в воде.

Встреча со специально приехавшим Йаном Грэхемом

Очередной том «Корпуса», подаренный Йаном Грэхемом

Йан Грэхем был в восторге

Там, где оставалось пространство, образовался довольно большой бассейн, в котором размножались и резвились головастики под присмотром крупной лягушки, устроившей в небольшой щели между блоками и стеной свое гнездо. Шеф каждое утро с удовольствием наблюдал, как жирели обитатели этого «детского сада». Однако нам досталась не самая удачная гостиница, хотя в нее и залетали по ночам летучие мыши. В другой, находившейся на противоположном берегу озера, ресторан оказался затопленным настолько, что из воды торчали лишь поверхности столиков – на них, как рассказывали, иногда любили нежиться на солнышке крокодилы. Вот это была уже настоящая экзотика!

Это спокойное место показалось Юрию Валентиновичу настоящим раем. Он мог бродить, гулять, курить и рассматривать подлинные майяские стелы в скверике на Главной площади. По стелам ползали детишки, сбивая каблуками рельефные изображения и тексты. Мы там были накануне Нового года, после Рождества, и потому двери всех домов хозяева держали приоткрытыми – специально, чтобы прохожие могли насладиться любовно обустроенным nacimiento (вертепом), празднуя Рождество. Вечерами было очень приятно прогуливаться по улочкам, заглядывая в чужие дома и выбирая самые красивые «деревья» (соответствуют нашей елке) и вертепы. Но все казалось ненастоящим и неновогодним. Отсутствие мороза и снега совсем стирало ощущение праздника. И запах от «деревьев» был совсем другой, не хвойный. Оставалось лишь чувство

покоя и тишины. Преступности на острове не было вообще. Ни разу не видели мы и пьяных.

Озеро Петен-Ица всегда таило в себе загадку, и потому легенды о нем уходят далеко в глубь веков. Дело в том, что этот огромный, в 900 м^3 водоем практически не имеет стока, поскольку трудно назвать стоком узенькую, в 15 см, щель в скале. После направленного взрыва, проведенного военными из самых лучших побуждений (но без предварительных исследований), она чуть было вовсе не закрылась. Тогда щель была огорожена металлической сеткой и рядом поставлен человек, отгонявший от отверстия случайный мусор. «Как там, лист не закупорил озеро?» – интересовался шеф каждое утро, не веря во всю эту историю. Юрию Валентиновичу очень понравилась пещера Актун-Кан, в полукилометре от озера. Ее совсем недавно, в 1980-х, обнаружили местные охотники. Некогда в ней были захоронения, дочиста разграбленные еще до появления археологов. Не сохранилось даже описаний. Для посещений пещеру электрифицировал некий полковник на свои средства. Он же выстлал дорожки галькой и оборудовал ступени. Пещера была неожиданно теплой, сверху что-то капало. Под ногами буквально хрустели остатки керамики и семена плодов хокоте-мараньон. Сопровождающий объяснил, что это все остается от завтраков летучих мышей. Шеф, который всегда шел где-то позади, в одной из двух плоских ниш как-то обнаружил по звуку большую полость, но исследовать нам ее не дали. И стали рассказывать страшные истории о том, как люди попадали в эту пещеру, терялись и выходили спустя много времени совсем в другом месте, за километры от входа. И вообще, подо всем Петеном существует целая сеть пещер. Это было что-то явно из легенд о пещере предков, куда попадали нерадивые охотники. Для убедительности посетителям показывают сохранившийся на глине рельефный узор водяного русла, который для поддержания «местного колорита» выдается за след гигантского змея. Одним словом, Петен оправдал ожидания Юрия Валентиновича.

Наше пребывание в Гватемале было похоже на стремительно меняющиеся сюжеты кинохроники. Утром мы плывем на лодке по озеру Петен-Ица и слушаем рассказы лодочника о том, что сеять можно только в полнолуние, а ночью стоим на балконе президентского дворца и встречаем Новый год. Гремела музыка, грохотали и свистели петарды и огни, с воем взлетали ракеты, толпа с визгом разбегалась от «торито» — человека, на которого надевался специальный каркас с заготовками огней и ракет, по очереди взрывавшихся, загоравшихся и испускавших страшный треск и дым. Быть «торито» («бычком» по-испански) отваживаются лишь немногие смельчаки, вызывая всегда шумное восхищение публики. «Танец бычка как есть», – с удовольствием отметил Юрий Валентинович, пробуя местные сигареты, которыми его кто-то угостил, уже зная, что он заядлый курильщик.

Надо сказать, что на родине вместе с продуктами исчезли и сигареты, что стало настоящей драмой для курильщиков. Шеф, который

Поездка в Петен

без табака не мог жить, в Ленинграде даже собирал окурки, вытряхивая табак и сворачивая самокрутки. В Гватемале он был счастлив – иногда приходят спаивать его из Генштаба, всегда есть сигареты, вокруг сплошные майя, археология и живая этнография. Проблемы были у меня: на многочисленных приемах надо было успевать перекрыть ему доступ к алкоголю. Дело доходило до скандалов, когда приходилось вслух публично объявлять, что доктору Кнорозову пить нельзя. И при этом обязательно находился какой-нибудь гнусный «доброхот», который пытался сделать это втихаря, строя из себя эдакого наивного сердобольного дурачка. Так и познается человеческая подлость и низость. Поэтому в этих случаях рядом всегда был дон Антонио, который для Юрия Валентиновича оставался непререкаемым авторитетом и всегда пользовался полным уважением.

На каком-то этапе наши благодетели решили переселить нас из вечного праздника гостиницы с характерным названием «Гватемала Фьеста» в очень удобную квартиру, где по замыслу доньи Ракель предстояло провести «несколько месяцев», дабы, когда стихнет праздничная суета, спокойно заняться делами и наукой. Шеф не стал ожидать окончания суеты и сразу же объявил, что он не намерен больше таскаться по гостям и будет лучше сидеть дома и работать над каталогом. С этого момента он, как одержимый, с раннего утра и до позднего вечера, не разгибая спины, занимался систематизацией каталога знаков майя. Лишь изредка выходил на террасу, чтобы выкурить сигарету и понаблюдать за огромным гнездом гусениц, висевшим на ветке длинноигольчатой сосны прямо напротив нашего четвертого этажа. Погода нас не баловала, а 1800 метров над уровнем моря тепла не при-

бавляли. По климату гватемальский январь больше всего напоминал холодное ветреное лето в Прибалтике. Обилие сосен лишь усиливало это впечатление.

«На улице все те же тр-р-р-опики», – ехидничал шеф каждый раз после очередной вылазки на террасу или в киоск за сигаретами...

В перерывах мы много беседовали. Отчасти обсуждали проблемы градостроительства в Новом Свете, сравнивая с Ленинградом. Испанцы строили в Латинской Америке города по возрожденческой модели классического военного лагеря: параллельные перпендикулярно пересекающиеся улицы. Предыдущая столица Гватемалы, Антигуа, ставшая воплощением такой планировки, была превращена в руины мощными землетрясениями. Похоже, что сама природа не смогла стерпеть города, который считался идеальным образцом колониального градостроительства. Астуриас – тот самый, который обещал и не подарил Кнорозову индейскую рубашку – в романе «Ураган» выстраивает образ-символ «дьявольской ловушки», предстающей в виде пространственных прямоугольников: «...все это там, где сходятся параллельные линии, то есть нигде». Человек, по его словам, привыкает к параллельным линиям, остающимся на постоянно равном расстоянии между собой. «Мы несем в себе эту невозможность слиться с самим собой, – говорит один из героев романа. – Человек... реально или в воображении продолжает видеть параллельные линии, они идут все дальше... в бесконечность и никогда не сходятся... мы... постоянно стремимся к чему-то, что никогда не сбудется...» Эту дьявольскую геометрию, считает Астуриас, способен уничтожить лишь «ураган, разрушающий безысходную параллельность, ураган, сметающий все линии, переворачивающий и соединяющий, казалось бы, невозможное».

И тот же символ использовал Андрей Белый в романе «Петербург»: «Мокрый, скользкий проспект пересекся мокрым проспектом под прямым девяностоградусным углом; в точке пересечения стоял городовой... Но параллельно с бегущим проспектом был бегущий проспект с тем же рядом коробок, с тою же нумерацией, с теми же облаками. Есть бесконечность бегущих проспектов с бесконечностью бегущих пересекающих призраков». Кнорозов, который всегда придавал большое значение стихотворной ритмике, особенно ценил этот роман. Любимые произведения Кнорозов мог страницами цитировать наизусть.

А параллель образов возникла неслучайно: достаточно вспомнить, что Петербург, как и города Нового Света, – искусственный город. И строился он в общем-то по той же схеме, совместившей в себе образ военного лагеря с его исключительно утилитарным подходом к схеме прямоугольной планировки, что как нельзя больше соответствовало интересам Петра, с разработками архитекторов Возрождения. Одним словом, шефу столица Гватемалы очень понравилась.

...Даже совсем дурацкие памятники. На бульваре напротив дома, где мы жили, было поставлено несколько монументов от правительств стран Латинской Америки в дар гватемальскому народу. Один из

них, костариканский, представлял собой стену, изогнутую, очевидно, вокруг огня. На стене некогда была написана фраза, которую мы, как ни пытались, разобрать не смогли. Просматривались с трудом лишь два слова: «первые необходимости». Но поскольку стена уже давно превратилась в нечто вроде общественного туалета, то шеф тут же дал название этому монументу: «Памятник первой нужде».

Зато музеи его впечатлили. Археологический музей расположен в современном здании, выстроенном в традиционном колониальном стиле с внутренним двориком. Со вкусом размещены многочисленные экспонаты. Правда, местные специалисты жаловались, что экспозиция мала, перегружены фонды и запасники, мало денег, но это уже проблемы, универсальные для всех музеев мира. Интересный выход нашли сотрудники музея в Тикале, который особенно понравился шефу, – там выставлено не так много предметов, но все они составляют прекрасную экспозицию. Столичный музей «Пополь-Вух» основан на частной коллекции. В его экспозицию входят предметы не только индейского искусства, но и колониального периода, в частности деревянная религиозная скульптура, покрытая росписью и лаком.

Напротив Археологического музея находится Музей современного искусства. Вход в него был бесплатный, экспозиция небольшая. Работы в основном – костумбризм и откровенное подражание европейцам. Запомнилась лишь одна скульптура — огромное распятие с фигурой Христа, но не расслабленного, не сникшего в беспамятстве и страдании — напротив, тело его напряжено, он борется с крестной мукой как бы вырываясь, возносясь, преодолевая земные условности. Для Кнорозова это было образцом того самого культурного синкретизма, формирующегося в изоляции от подлинников.

Зоопарк – он же ботанический сад – безусловно стал одним из любимых уголков. Мы довольно часто ходили сюда, поскольку это было идеальное место для завершения работы по опознанию животных в майяских изображениях — особенно когда дело касается «комбинированных» животных: с головой от одного, хвостом от другого и перьями от третьего. Мы как раз занимались текстом и изображениями на одном из сосудов классического периода с такими животными. От нашего дома до зоопарка можно было ходить пешком: сначала до «Памятника первой нужде», там поворачивать налево и далее вдоль колониального акведука, мимо памятника, который больше всех нравился шефу, Берналю Диасу дель Кастильо. Под акведуком, ближе к зоопарку, я однажды обнаружила, что мы буквально топчем обсидиановые осколки. На узнавание обсидиана глаз у меня был натренирован еще во время экспедиции на Кунашире. Среди поднятых образцов стали попадаться и шлифованные наконечники. Вскоре я набрала целую горсть, и шеф, довольный, затолкал добычу в свою знаменитую «котомку», мешок из плащевки, который всегда носил в кармане для подобных подарков судьбы. Кстати, однажды эту котомку из рук Юрия Валентиновича пыталась вырвать паукообразная обезьяна. Она яростно тянула к себе сумку через прутья решетки, а шеф уговаривал ее отпустить котомку, которую дергал в свою сторону. С боль-

шим трудом котомку удалось у обезьяны отбить.

В середине января президентское окружение, наконец, оставило нас в покое. Началось общение с коллегами — археологами, эпиграфистами, студентами, которые вышли из череды отпусков и праздников. На одной из конференций к нам подошли индейцы в традиционных одеждах — оказалось, что это учителя школ, работающие в рамках национальной двуязычной программы. Они попросили доктора Кнорозова прочесть им лекцию по календарю майя. Музей «Пополь-Вух» предложил провести несколько курсов занятий по эпиграфике. Университет Сан-Карлос, в свою очередь, пригласил прочесть почетную лекцию начала года в Школе истории (учебный год в Гватемале начинается 1 февраля), а также курс по эпиграфике для студентов. Мы тогда и подумать не могли, что в 2017 году в Сан-Карлосе будет создана «Кафедра Кнорозова», а в 2018-м Юрию Кнорозову будет присуждено звание «Почетного доктора» in memoriam.

Кнорозов у пирамиды в Тикале

Общество «Тикаль» запланировало на конец февраля что-то вроде международной конференции, на которую были разосланы приглашения многим зарубежным исследователям — для большинства майянистов это была единственная возможность встретиться с великим Кнорозовым. Одним словом, планы были грандиозные, и под них «частной инициативой» выделялись приличные средства. Кстати, именно тогда сложился особый стиль выступлений Юрия Валентиновича в сопровождении моего перевода. Над этим стилем тогда многие смеялись и вспоминают до сих пор. Дело в том, что он обычно говорил слово или короткую фразу, которая была понятна мне, так как все эти проблемы мы не раз и подробно обсуждали раньше. А я при переводе уже раскрывала содержание этой фразы, снабжая подробными комментариями, которые он никогда не делал. Но иначе бы никто ничего не понял.

В последний день правления Винисио Сересо нас пригласили в президентский дворец. Первый демократически избранный Президент Гватемалы только что успел восстановить дипломатические отношения с СССР – и теперь, в завершение программы, доктору Юрию Кнорозову вручалась Золотая президентская медаль. Мне же выдали грамоту за перевод на русский язык книги гватемальского

Yury Knorozov
Epígrafe rusa rompe el cerco y llega a Guatemala
Evento "Miss Guatemala" cierra inscripciones

О Кнорозове в Гватемале много писала пресса. Сам он смеялся, что его портрет поместили рядом с победительницей конкурса красоты

писателя Мануэля Галича «История доколумбовых цивилизаций», к которой Юрий Валентинович написал блестящее предисловие.

Итак, наступил «день Х» и закончилось президентство Винисо Сересо. Мы из-под президентской опеки перешли в ведение министерства культуры, которое, по слухам, собиралось прекратить свое существование, так как новый президент не видел в нем необходимости. 21 января мы встретились с индейскими преподавателями и после лекции шефа о календаре майя еще долго беседовали с ними. Через три дня планировали ехать в Антигуа на встречу с коллегами из Центра региональных мезоамериканских исследований (CIRMA).

Утром 24 января мы, было, собрались выходить из дома, чтобы направиться в Антигуа, как позвонил консьерж и сообщил дону Антонио, что с ним хочет поговорить владелица салона-парикмахерской, расположенного на первом этаже нашего дома. Новость, которую принес нам дон Антонио, вернувшись минут через пятнадцать, показалась чрезвычайно странной. Сеньора утверждала, что вот уже третий день, как за нами следят, сменяясь попарно, «отвратительные типы». Целыми днями они торчат под окнами, следуют за нами «на трех машинах». Это видели все, кроме нас. Мы ничего не замечали. Доведенный до отчаяния нашей невнимательностью, один из топтунов совсем обнаглел и стал рассматривать нас в упор в бинокль – но мы вновь не заметили беднягу. Испугавшись не на шутку и посоветовавшись с обслугой дома, сеньора решилась предупредить. Мы не поверили своим ушам. Вышли на террасу: и впрямь, напротив окон торчали два топтуна в классических темных очках. Чуть в стороне, справа, стояла их машина, к которой иногда подъезжала еще одна. Как в плохом кино. Дон Антонио спустился на улицу предупредить

нашего шофера, что поездка отменяется, и тогда топтуны демонстративно встали, проявляя к происходящему откровенный интерес. Слежка была настолько очевидна, что оставалось изумляться, как мы исхитрились два дня ее не замечать.

«Ну что ж, это уже больше напоминает "Уикэнд в Гватемале", – удовлетворенно заметил шеф и отправился к себе работать, довольный, что не нужно никуда ехать.

Ситуация была до крайности нелепой. Очевидно, нас хотели запугать. Зачем? Но мы были в Гватемале и прекрасно знали, чем могут закончиться в этой едва вышедшей из гражданской войны стране подобные истории. Ища помощи и защиты, мы принялись обзванивать всех друзей, знакомых, правительственные учреждения. Примечательно, что число «друзей» стремительно сокращалось. Полицейский патруль, вызванный обеспокоенными хозяевами дома напротив, постоял около часа рядом с подозрительной машиной и, ничего не предпринимая, исчез. Обслуга нашего дома занималась активным наблюдением.

«Это типичные убийцы», – обреченно заметила Мария, убиравшая по утрам нашу квартиру. «А может, это не вас хотят убить? Может, это следят за богатым сеньором с седьмого этажа?», – в ее голосе звучала слабая надежда. Наш шофер пошел и переписал номера машин, участвовавших в операции. В своей жизни он попадал в разные переделки, и так просто его было не напугать. К вечеру топтуны исчезли, а наутро явились полицейские из отдела похищения людей и вымогательств. Они забрали номера машин, оставили свои телефоны — на случай, если начнутся угрозы, и исчезли. Следующий день, суббота, прошел без приключений, мы спокойно легли спать. Однако на рассвете судьба решила послать нам еще одно «развлечение». Это было землетрясение (толчок, как здесь называют) силой в 5,5 балла. Гудела земля, трясся и гремел дом, все внутри дрожало и раскачивалось. Пока я в ужасе соображала, что делать, этот кошмар прекратился. Через некоторое время тряхнуло еще раз – «всего лишь» на 3 балла. Позвонили друзья и сказали, что эпицентр находится на соседней с нами улице. Юрий Валентинович вышел из своей комнаты и сообщил, что он страшно доволен тем, что сам услышал «гул земли», поскольку до сих пор считал эту идиому майяской метафорой. На следующий день весь город обсуждал подземный толчок. Оказывается, сильно пострадал один из районов бедноты. Фокс, оставшийся жить в доме родственников дона Антонио, как оказалось, был единственным, кто проспал это событие и проявил страшное недовольство, когда его разбудили. Это обстоятельство сильно поколебало нашу веру в безупречное чутье животных, о котором ходит столько легенд. И вторым, кто наслаждался всеми этими приключениями, был, конечно, Юрий Валентинович. Это была настоящая жизнь!

29 января у нас состоялась вторая встреча с индейскими учителями – на тему представлений о преисподней и переселении душ. Шеф говорил, я переводила – слушали внимательно, от комментариев воздерживались, вопросов в этот раз не задавали, но было очевидно, что

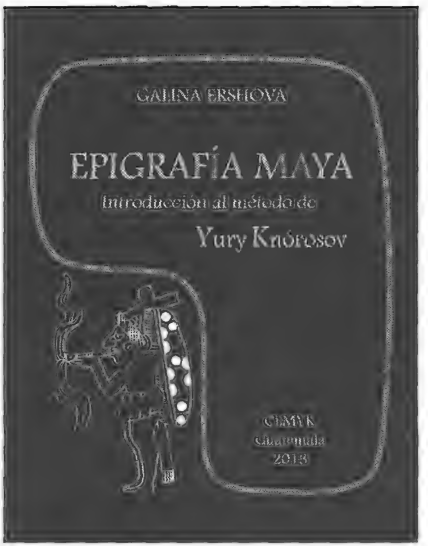
встреча понравилась. Мы в самом радужном настроении заехали на почту и отправили открытки друзьям и знакомым. А по возвращении домой нас ждал очередной сюрприз: оказывается, неизвестный позвонил консьержу и просил передать нам, чтобы мы убирались из Гватемалы, иначе нам подложат бомбу в машину. Мы поднялись к себе, и тут раздался звонок. Трубку взял дон Антонио. Незнакомый голос повторил ту же информацию и добавил, что дает нам 72 часа на то, чтобы «покинуть национальную территорию Гватемалы», так как ему «надоело то, чем мы занимаемся». А поскольку занимались мы всего лишь культурой и историей майя, то ни мы, ни кто-либо еще не смогли понять, чем досадили нашему собеседнику.

Мы вновь судорожно принялись искать защиту. Полицейские, столь любезно оставившие нам свои телефоны, как сквозь землю провалились. Мексиканцы, к которым мы обратились за визой для срочного выезда, даже не подпустили нас к двери посольства. В тот момент, когда я стояла на улице, каждую минуту ожидая выстрела в спину, твердо решила, что, если вернусь в Москву живой, то непременно выйду из общества дружбы «СССР – Мексика», в котором состояла столько лет. Мне стало легче, но страх никуда не девался.

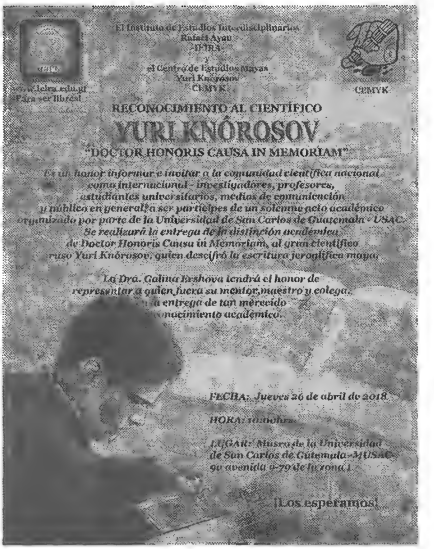
Единственным, кто сохранял олимпийское спокойствие, оставался шеф. Он целыми днями разбирался с каталогом и регулярно выходил на балкон покурить, неизменно спрашивая при этом: «Ну что, нас пришли убивать?» Похоже, он ни на секунду не верил в реальность происходящего и очень развлекался. Опять же никуда не надо было «плестись».

Может, Юрий Валентинович и был прав. Поскольку все наши попытки обрести защиту приводили к странным результатам. Вместо охраны, которую пообещал начальник местной полиции, к нам прислали двух полицейских, учинивших глупейший допрос, выясняя, очевидно, не агенты ли мы Москвы. Поскольку заподозрить нас в этом не удалось, то они даже прониклись к нам симпатией. А начальник отдела похищений людей и вымогательств сообщил, что он читал, будто русские девушки рассылают свои данные в разные агентства, чтобы найти себе мужа, и нет ли у нас на примете знакомой девушки, которая согласилась бы выйти за него замуж, поскольку связываться с агентствами он не рискует. Вот тут я уже точно не знала, плакать или смеяться. Полицейские оставили телефоны для вызова телохранителей и исчезли. Прав был шеф, считая всю эту историю балаганом.

Однако и мы были не лыком шиты. В ту же ночь, никого не предупредив, мы переселились на другую квартиру. Мы ушли в глубокое подполье, из которого, правда, предстояло выбраться 1 февраля, чтобы прочесть обещанную лекцию в университете. Истекали 72 часа, отпущенные затейливым незнакомцем. Покинуть Гватемалу мы не могли, так как любезные сотрудники мексиканского посольства не приложили ни малейших усилий, чтобы ускорить выдачу транзитной визы «глубокоуважаемому доктору Кнорозову». У мексиканского посла по имени Педро Армадо Васкес Кольменарес, юриста по образованию, сработал золотой принцип: если доктора Кноро-



2013 год – в Гватемале выходит книга с методом Кнорозова



Приглашение на церемонию присуждения «почетного доктора» Университета Сан-Карлос, 2018 год

зова таки взорвут, то и делать ничего не придется: нет человека – нет проблемы. Говорящее имя Армадо означает «вооруженный», причем до того, как стать послом в Гватемале, он целых три года возглавлял «Центр исследований национальной безопасности Мексики». По его мнению, 68-летний ученый должен был спокойно ожидать две недели то ли визы, то ли пули.

Читать лекцию в университет Юрий Валентинович ехал в сопровождении одолженного нам охранника с автоматом, который, впрочем, во избежание неприятных столкновений со студентами на территории университета отбыл вместе с машиной, которая должна была вернуться через два часа. Как мы и предполагали (и почему мы, несмотря ни на что, приехали в университет), народу собралось чрезвычайно много. Причиной стал, конечно, не только интерес к нашим исследованиям, но в первую очередь к России, откуда никто никогда раньше в Гватемалу не приезжал. Но директор Школы истории (декан, по-нашему) оказался человеком осторожным и лекцию отменил. Часа через полтора, убедившись, что все разошлись, мы вышли из здания и отправились, предварительно проверив, нет ли слежки, домой — опять в подполье. Жизнь в подполье оказалась занятием наипротивнейшим. Лучше всего его переносил шеф, сетовавший всего лишь на отсутствие письменного стола и света для работы над каталогом. Кроме того, наше подполье, как нарочно, находилось в полуподвале, где мы тряслись от холода. Одним словом, «т-р-р-р-ропики».

Затем, когда стало понятно, что публичные мероприятия невозможны, нам достался бонус. Утром перед нашим подпольем появился огромный черный бронированный «Форд», который переместил нас

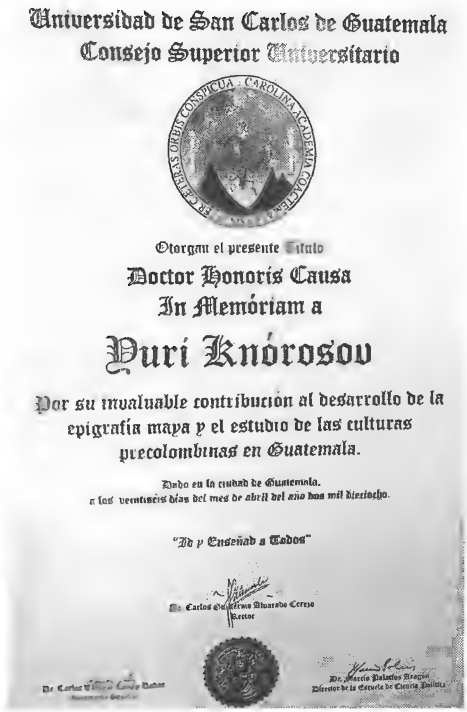
в другое подполье – на тихоокеанском побережье. Несмотря на то что территория Гватемалы по площади не превышает две московские области, температурные и климатические перемены столь разительны, что за час езды на машине можно попасть в совсем другой мир. Так, выехав холодным ветреным утром из столицы и едва спустившись с гор, мы оказались просто в настоящих тропиках, где жарко и воздух насыщен приторным запахом тростника. Юрий Валентинович с удовольствием рассматривал пейзаж, выискивая зеленые холмы, которые явно скрывали древние постройки. Он пытался вычислить, попадем ли мы в Абах-Такалик или Эль-Баул. Вот это была бы удача!

Но место, где нам предстояло провести две недели, называлось Ликин, что на языке майя означает «Восток». Шеф попытался было выяснить, почему место на западном побережье названо Востоком, но ответа не получил. Никому и в голову не приходило задуматься над этим противоречием. Ликином называлась длинная полоса суши между океаном и руслом реки, текущей параллельно океанскому берегу. Посреди реки — живописные островки мангровых лесов, в которых, говорят, полно енотов. Полоса суши раньше имела великолепные пляжи, и потому ее облюбовали люди с деньгами для постройки своих «шале». Был возведен и большой туристский комплекс с многоэтажными корпусами и множеством отдельных домиков.

Нас в Ликине ожидал двухэтажный «шале». В те времена простому советскому человеку было очень трудно поверить в реальность оживавшей картинки из «Клуба кинопутешественников», единственной телепередачи, знакомившей с экзотическими странами. Приятная жара, громкие веселые крики тропических птиц, колибри, вьющиеся у цветущей изгороди, пальмы с гроздьями кокосов, которые, если их вовремя не срезать, с глухим стуком могут упасть на землю, бассейн с ярко-голубой водой, шум прибоя, обеды на террасе под открытым небом. Даже сидя в бассейне и поедая мякоть только что вскрытого кокоса, было сложно чувствовать себя участником происходящего. Все время казалось, что все это ты видишь по телевизору, и происходит оно не с тобой, а с другим счастливчиком. Юрий Валентинович, впрочем, продолжал ходить в темном шерстяном костюме. И нам с огромным трудом удалось уговорить его переодеться в припасенные более подходящие брюки и рубашку. Но иногда он даже снимал ботинки и босиком в одиночестве ходил по черному песку пустынного пляжа, на который с грохотом падали волны, разглядывал «дары океана» – большие разбитые раковины, редкие камушки и крабиков, пролетавших с добычей в клюве пеликанов. А песок на тихоокеанском побережье Гватемалы оказался, кстати, таким же черным, как и на Курилах. Что поделаешь – Тихоокеанское огненное кольцо.

С легкой руки шефа вся наша компания быстро приучилась вести наблюдения за звездным небом, а оно, в темноте океана, было невероятно насыщенным и ярким. Стоило, правда, труда опознать созвездия, поскольку все они оказались или незнакомыми, или перевернутыми. Даже растущий месяц зависал в виде корытца рогами вверх.

Однажды повезло особенно, и опять же благодаря шефу, который как всегда по вечерам наблюдал за звездами. Он чуть не бегом (!) пришел за нами на терраску, чтобы, ухмыльнувшись, показать на небо: «Дон Антонио, обратите внимание – настоящие НЛО!» Я разинула рот: несколько ярких крупных объектов поднялись вертикально со стороны океана и на большой высоте, быстро, бесшумно, излучая немигающий ярко-белый и оранжевый свет, пересекли все небо... И это явно не являлось самолетами. Что это было? Несколько дней спустя по телевизору сообщили, что в тот самый день большое количество «НЛО» абсолютно такого же вида было зарегистрировано в районе Чили и Перу. В общем, осталось загадкой.



Universidad de San Carlos de Guatemala
Consejo Superior Universitario

Otorgan el presente Título
Doctor Honoris Causa
In Memóriam a
Yuri Knórosov

Por su invaluable contribución al desarrollo de la epigrafía maya y el estudio de las culturas precolombinas en Guatemala.

Dado en la ciudad de Guatemala,
a los veintiocho días del mes de abril del año dos mil dieciocho.

"Id y Enseñad a Todos"

Dr. Carlos Guillermo Alvarado Cerezo
Rector

Dr. Mario Palacios Aragón
Director de la Escuela de Ciencia Política

Диплом почетного доктора in memoriam

Наш длинный остров выглядел довольно безлюдным. Владельцы шале появлялись, как правило, лишь в конце недели. Однако основная причина запустения была совсем в другом. Строительство порта Кецаль, как оказалось, разрушило всю систему прибрежных потоков. И океан, мстя за непродуманные действия человека, начал постоянно обрушивать свои свирепые волны на берег, пытаясь поглотить всю полосу суши и соединиться с руслом реки. Если некогда ширина пляжа составляла несколько сот метров и шале были выстроены в три линии, то очень скоро пляж и целая улица оказались поглощенными бешеным океаном. Побережье напоминало картины из фильмов про войну, где о каркасы некогда роскошных особняков бьются огромные волны, ударяющиеся о берег со звуком пушечного ядра. Это печальное зрелище растягивалось на несколько километров. Туристский центр умер: одноэтажные дома погребены под толщей песка, а три больших корпуса собирались рухнуть в море. Купаться в океан лезли только самые отчаянные смельчаки. Основное развлечение на берегу – это бегство с визгом от волн. Даже аборигены-рыбаки не рисковали здесь напрямую выходить в лодках в океан, только в определенном месте и в определенное время...

Вот так насыщенно пролетели две недели. Пора было возвращаться в столицу, в полуподвальное подполье. К счастью, как оказалось, после несостоявшейся лекции в университете по всем информационным каналам прошло сообщение о том, что доктор Кнорозов был

2018 – учреждение «Кафедры Кнорозова» в Университете Сан-Карлос

вынужден покинуть страну. Все это прозвучало настолько убедительно, что в наш отъезд поверили не только преследователи, но и коллеги и даже родственники. Лишь самые близкие друзья знали, где мы находимся. Теперь мы смогли вздохнуть посвободней и занялись подготовкой к отъезду в ожидании визы для шефа: мексиканское посольство не давало ее, несмотря на обещанные сроки.

За два дня до отъезда Юрий Валентинович выступил в обществе «Тикаль» с докладом о Диего де Ланде. О широком оповещении, естественно, не могло быть и речи, и потому присутствовали исключительно члены общества и некоторые иностранные коллеги. Хотелось хоть как-то отблагодарить их за помощь и заботу, за интерес и большое желание сотрудничества, тем более что оказалась сорванной не по нашей вине так прекрасно задуманная конференция по эпиграфике.

Когда мы прилетели в декабре в Гватемалу, нас встречали официальные лица, а когда мы покидали эту прекрасную страну, здание аэропорта было переполнено людьми из охраны, которых мы как родных узнавали в толпе. Зачем вспоминать о неприятном? Фокса из соображений безопасности – уж слишком приметный – мы оставляли в Гватемале. И только через год дон Антонио вернул его в Москву.

Шеф же давно предупреждал, что опасное это дело – заниматься исследованиями майя. Но сам Юрий Валентинович уезжал с огромным сожалением. Два месяца в Гватемале он прожил полной, насыщенной приключениями жизнью, и до самой смерти мечтал вернуться в эту страну.

...Прилетев в Москву, Юрий Валентинович отправился ночевать на Смоленскую набережную, к своей племяннице Татьяне, которая забыть не может этот приезд – так он ее напугал: «Был очень жуткий момент, когда он – это было после Гватемалы – когда он приехал и лег спать. Я, уходя на работу, говорю дочери: "Наташка, из школы придешь, ты там его накорми". Но мне показалось, что он спал двое суток, не просыпаясь! Он, наверное, вставал, но никто этого знать не знал. Я уже стала бояться, думаю, уже подойду его потрясу...»

А в августе 1991 года произошла попытка переворота, в результате чего страна развалилась, президентом России стал Ельцин, повсюду вспыхивали конфликты, начался передел государственной собственности в духе классического дикого капитализма. Неудержимо понеслись лихие девяностые... Уже никто не требовал отчетов от руководителя Группы этнической семиотики. Те «ученые», что не имели особой любви к науке, когда лишились привычных комфортных условий и академических зарплат, побежали, как тараканы с тонущего корабля, – кто в торговлю, кто за границу в поисках лучшей доли.

А Кнорозов продолжал работать над каталогом иероглифов майя и внимательно следил за деятельностью «Кота Базилио», как он сразу окрестил Ельцина... Шеф очень интересовался всеми политическими событиями. Сам он не «митинговал», но в подробностях расспрашивал о происходившем – тем более что центром этих перемен продолжала оставаться Москва. А я, принимая участие в происходившем, подробно докладывала шефу обстановку. Комментарии его, впрочем, были всегда глумливо-насмешливы, как в этом письме октября 1991 года:

53

С-Петербург 14. X. 91

Глубокоуважаемая Галина Гавриловна!

Вы старый ветеран уличных боев в Москве, Гватемале, Мексике и т. п. экзотических странах. Я не сомневаюсь, что Вы были участником геройской обороны Белого (Желтого) дома, когда из этого дома мчались танковые армии, под командованием Полозкова[310], чтобы нагло вынудить отказаться от власти Кота Базилио.

Кот Базилио, как непрерывно сообщало радио, ни разу не выпустил когтей, а только яростно отметал хвостом нарушения прав человека.

Дальше с комментарием *Реванш* следовал небольшой текст из надписи на саркофаге Паленке (два последних блока на западной стороне), гласивший, что «Приход Владычицы положил конец династии Ягуара»...

[310] Иван Кузьмич Полозков. В 1990 г. баллотировался на пост Председателя Верховного Совета РСФСР от компартии в качестве основного противника Б.Н. Ельцина. Перевес Ельцина был минимален. В связи с августовским путчем 1991 г. принимал активные дискуссии, выражая позицию коммунистов.

ГЛАВА 17
МЕКСИКА, ПРЕКРАСНАЯ И ЛЮБИМАЯ...

Мое сердце всегда было мексиканским
Ю.В. Кнорозов

Жизнь в России стремительно менялась. Товары появились, карточки исчезли – но деньги с каждым часом все больше превращались в труху, и на пачки обесцененных бумажек было невозможно что-либо купить. Суровые времена наступили для всех, кроме особо ушлых бандитов, выскочивших из криминала и мусора новоявленными миллионерами – элитой России времен «Кота Базилио», отправляющей своих детей на учебу в Англию и покупающей там дома. В цивилизованных Европах, похоже, эти выскочки, и особенно их грязные деньги, оказались весьма ко двору.

Ученым, напротив, пришлось достаточно туго. Некоторые, для кого наука не являлась смыслом жизни, ушли в торговлю и начали возить полосатые сумки с товарами из ближней заграницы. Другие уезжали за рубеж, пытаясь найти счастье там, но заканчивали, как правило, абы как. О науке, даже маленькой, речи уже не шло.

Естественно, что для Кнорозова подобные варианты выживания были абсолютно неприемлемы. Следует заметить, что в конце советских времен Юрий Валентинович получал очень приличную зарплату с надбавками – в месяц около 500 рублей. И эта сумма, по сути, не менялась с 1986 года. Но грянули «лихие девяностые», и все понеслось вразлет. Согласно зарплатной ведомости Юрия Валентиновича, его доходы менялись так:

1 июня 1992	4320 рублей
1 сентября 1992	6480 рублей
1 февраля 1993	20408 рублей
1 апреля 1993	40815 рублей

Суммы летели вверх, однако реальная покупательная способность падала еще быстрее. Помню, как покупая компьютер в 1993 году, деньги я везла наличными, забив пачками доверху большую тяжелую дорожную корзину-саквояж, привезенную из Гватемалы.

Несмотря на происходящее, жизнь Юрия Валентиновича шла своим чередом. На широкой скамье в новой квартире он раскладывал карточки, работая над каталогом. Сам ел хлеб и консервы. Был счастлив, что уже можно было купить сигареты и не надо собирать окурки. Для заядлого курильщика вынужденное воздержание от табака становилось страшнее голода. Чаще шеф «делал вылазки» в магазин, чтобы купить еду кошке, «прикидывающейся котом» – для Белобандитки он денег не жалел и покупал ей лучшие на те времена консервы. Выглядело это странно: помятый, плохо одетый пожилой человек покупает в супермаркете дорогую кошачью еду. Один раз его даже остановила охрана, решив, что «дедушка» пришел что-то украсть... А кошачья еда тогда стоила дороже человеческой. Этим случаем Юрий Валентинович поделился с соседкой, которая, как и племянница Ирина Леонидовна, продолжала заботиться о нем.

Мексика!

Узнав, что великий Кнорозов побывал в Гватемале, мексиканцы решили срочно пригласить его и к себе. Об этом, в частности, вспоминает сотрудник мексиканского посольства тех времен Сарина Мартинес:

> Моя первая встреча с Кнорозовым произошла в 1992 году, его пригласили в Мексику, и он пришел оформлять визу. Это было интересно, так как я знала, кто такой Кнорозов – но никогда его не видела. Для меня он был чудесной абстракцией.

Кроме того, у аккуратной Сарины сохранилась копия перевода приглашения, подписанного ею в июне 1992 года. Судя по нему, инициатива принадлежала Национальному институту антропологии и истории Мексики, а точнее, ее только что назначенному руководителю Марии Тересе Франко, которая никогда не забывала о ленинградских семинарах по культуре в 1960-х, когда она познакомилась с Юрием Кнорозовым. И почему-то в приглашении принял участие губернатор штата Табаско. В результате было выслано столь ожидаемое письмо:

> Музей Антропологии и этнографии
> им. Петра Великого
> Университетская набережная, 3
> Санкт-Петербург,199034
> Доктору Юрию Кнорозову
>
> Глубокоуважаемый доктор Кнорозов!
>
> Посольство Мексики в России имеет честь передать Вам от имени Губернатора штата Табаско и Национального Института Антропологии

и Истории (INAH) Мексики приглашение посетить Мексику в конце июля – августе 1992 г. для проведения лекций и торжественного выражения признательности за Ваши заслуги в области дешифровки письма майя.

Правительство штата Табаско берет на себя все расходы, связанные с Вашим пребыванием в Мексике, включая дорогу, проживание в гостинице, питание и медицинское обслуживание.

Примите еще раз наши заверения в глубочайшем почтении

Атташе по культурным вопросам
Сарина Мартинес
Москва 15 июня 1992 г.

Аналогичное приглашение пришло и мне – Кнорозова необходимо было сопровождать. Лететь, согласно этой бумаге, надо было буквально через месяц, что выглядит странно – тогда такие поездки столь быстро не организовывались. Тем более что лето, по питерской традиции, Юрий Валентинович должен был проводить на даче, приглядывать за внучкой – и связи с ним практически не было. После безуспешных попыток дозвониться до него, я сообщила Сарине о необходимости переноса дат. В результате их сдвинули, и билеты прислали на 19 сентября.

Итак, Юрий Валентинович впервые летел в Мексику. Сутки пересадки при перелете в Гватемалу не в счет. На этот раз «Люфтганзой» через Франкфурт. Наконец приземлились! В аэропорту нас встречала помощница Марии Тересы Франко – Хулия Флорес Давила. Она никогда до этого не видела Кнорозова, но, как потом рассказывала, «была готова узнать великого ученого по одним только невероятным синим глазам». Да и вообще, спутать его с кем-либо было сложно.

В Мехико нас поселили в очень милую небольшую гостиницу под именем «Мария-Кристина» на улице Лерма колонии Куаутемок. В отеле, к великой радости шефа, обитало несколько котов, которых можно было встретить во внутреннем дворике. И это было замечательно, так как в больших гостиницах он терялся и чувствовал себя крайне неуютно, потерянно. Несколько чудесных теплых дней мы провели в столице, Юрий Валентинович с удовольствием выходил побродить по окрестностям. В гостиничном ресторане он любил «прикапывать» еду для котов, чтобы потом их кормить во дворике. Иногда казалось, что сам он почти не ест – лишь бы больше досталось котам. В первый же вечер нам показали убывающую луну. Если в северных широтах месяц выглядит, как буква «С», то в тропиках он заваливается, словно корытце. И это шеф отметил с глубоким удовлетворением, так как данная деталь ему была важна для понимания иконографии майя.

Первая прогулка по Мехико

Наша «покровительница» Хулия Флорес звала Юрия Валентиновича «дон Хорхе», как он сам церемонно ей представился по-испански, и опекала его во время нашего пребывания в Мехико. Часто приглашала в свой гостеприимный и всегда открытый для друзей дом в Койоакане, а ее водитель дон Роберто поступил в полное распоряжение Кнорозова. Кстати, именно на посиделках у Хулии Юрий Валентинович попытался добраться до горячительных напитков. Я, как уже это делала в Гватемале, начала затяжную войну «против всех», а точнее – против тех, кто предлагал ему выпить. Все-таки мозг – удивительное изобретение природы. Он лихо стирает прошлые негативные эмоции и события, понимая, что смысла в них нет – одно расстройство. Поэтому моя невероятная битва за здоровый образ жизни шефа в Мексике осталась только в записях и рациональной части памяти. Например, как я придумала не очень честный аргумент, объявив шефу, что «если он будет пить, то непременно доложат в посольство и его больше никогда не выпустят». Он поверил... Ну и ладно. Не это было главное. Главным стало то, что он смог насладиться Мексикой. В Мехико у нас было немало официальных встреч и выступлений. Прежде всего, в Национальном институте антропологии и истории (INAH), а также Национальном автономном университете Мексики, где нас принимала Мерседес де Ла Гарса.

Во-первых, мы встретились с Марией Тересой Франко, директором INAH, с которой обсуждались возможности дальнейшего сотрудничества. Они с шефом с удовольствием вспомнили ленинградские семинары, мечтая об их продолжении. Мария Тереса Франко в ответ на просьбу Кнорозова с готовностью пообещала опубликовать наши статьи по чтению иероглифических текстов майя. Этому Юрий Валентинович искренне обрадовался. А главный на тот момент вопрос, который больше всего интересовал Марию Тересу Франко, был: какие археологические места хочет посетить дорогой доктор Кнорозов? Юрий Валентинович предложил достаточно скромный список: в первую очередь – Паленке! Там надо было найти «логово царицы», о которой тогда никто и не подозревал. Еще Йашчилан, текстами которого он как раз занимался. Затем Ушмаль и обязательно Исамаль на Юкатане. В реальности окончательный список оказался

гораздо роскошней: давно интересовавшая шефа Какаштла, потом Шочикалько в штате Морелос. Дальше штат Табаско – Ла Вента, в Оахаке – Монте-Альбан, в Чьяпасе – Паленке, Бонампак, Йашчилан. И, наконец, полуостров Юкатан.

Доктора Кнорозова хотели видеть все. В историческом центре Мехико 6 октября в 12 часов он делал сообщение на тему «Новые открытия в эпиграфике майя» в аудитории «Темпло Майор», где нас принимал археолог со знаковым именем Эдуардо Моктесума. А 8 октября была прочитана пленарная лекция под названием «Великая реформа» – эта тема тогда особенно занимала шефа, но была не очень понятна даже специалистам. Доклад состоялся в Национальном музее антропологии, в аудитории «Хайме Торрес Боде». Оба выступления были организованы Национальным институтом антропологии и истории и Национальным советом по культуре и искусству – как для специалистов, так и для всех желающих. А таких оказалось немало.

Табаско

Наконец наступил день, когда мы отправились в наш особенный «тур» по лучшим древним центрам Мезоамерики. На руки были выданы билеты на самолеты, а в каждом штате за нас должен был отвечать региональный директор INAH – Национального института антропологии и истории Мексики. Первым пунктом был Табаско, один из южных штатов Мексики, прилепившийся к нижней части петли Мексиканского залива.

Когда самолет взлетел, шеф, подводя итоги встречам и знакомствам, с довольным видом рассказал мне, как в студенческие времена они, молодое «сиволапое мужичье», классифицировали девиц. Все «дамы», согласно этой схеме, делились на три типа: «коровы», «кошечки» и «тигрицы». «Для местного колорита точнее было бы ягуарихи», – подкорректировал он последнюю категорию, которая явно нравилась ему больше всего. Остальные попросту раздражали. Всю оставшуюся часть перелета я пыталась определить типаж своих приятельниц и знакомых. Получалось забавно.

Самолет кружил над Табаско. Сверху казалось, что пилот занят поиском подходящего для посадки островка суши посреди сплошных озерков и болот, которые с высоты полета выглядели как огромное, расколовшееся на тысячи кусочков зеркало. «Интересно, где они тут исхитрялись строить города?» – заметил, глянув после моих долгих уговоров в иллюминатор, Юрий Валентинович. Речь шла об «археологических» ольмеках, создателях практически самой первой городской цивилизации в Мезоамерике.

За подобными размышлениями мы не заметили, как самолет приземлился, выбрав-таки островок суши – на нем сумели поместить столицу штата – город Вильяэрмосу. Продолжая смеяться, мы вышли из самолета. И первое, что поразило нас, это была сорокоградусная,

переполненная влажностью жара. Контраст после сухого горного воздуха Мехико ошеломлял. Это было то самое, что в воображении северян обычно и ассоциируется с тропиками.

В Табаско – с Марио Перес Кампа

Нас встречали коллеги – сотрудники местного отделения Национального института антропологии и истории во главе с региональным директором, археологом и очень светлым человеком по имени Марио Перес Кампа, который не скрывал своего восхищения Кнорозовым. Вместе с ним нам предстояло познакомиться с наследием древних ольмеков. Для начала нас поселили в хорошую гостиницу – там было много котов, и повезли обедать. Когда машина остановилась перед рестораном, обрушился такой ливень с грозой, что хозяева пришли в замешательство – как довести Кнорозова, который явно не собирался торопиться. Он стоял под ливнем и наслаждался. Я, как всегда, дергала его, пытаясь затолкать под зонтик, которым старался накрыть его Марио. А шеф, страшно довольный, шел своим прогулочным неспешным шагом «розовой пантеры». «Надо же! – наконец объяснил он. – Настоящий тропический ливень, а не петербургский моросящий дождичек».

В ресторане по кругу располагались корытца с рыбой – и это больше всего заинтересовало шефа. «А что за рыба?» – спросил он. И тут оказалось, что это мохарра! Рыба вроде тилапии, относящаяся к окунеобразным, давно занимала Кнорозова потому, что одним из первых памятников мезоамериканского письма считается надпись на так называемой стеле из Ла-Мохарры в соседнем с Табаско штате Веракрус. И ему очень хотелось увидеть не только стелу, но эту рыбу живьем. Мексиканские археологи, правда, его восторгов не поняли – рыба как рыба.

Юрий Валентинович мечтал увидеть городище Ла-Венту, но все памятники этого древнего города оказались в парке Вильяэрмосы. Собственно, когда поглядишь на эти болота, то становится понятно, что возить туристов на съедение комарам – не самая лучшая идея.

Честно говоря, трудно не восхищаться работой археологов в болотистых землях Табаско. Время раскопок ограничено сезоном дождей, который длится с мая по ноябрь. В подобных условиях любые материалы – тем более органические – разрушаются чрезвычайно быстро. Сохраняются только изделия из камня. Правда, археологи знают, что болота – лучшее место для консервации дерева, а также тел умерших. Но к этому «прилагаются» болотистая почва, жара, злобные насекомые 24 часа в сутки и обилие змей.

В музее под открытым небом под названием «Ла-Вента» шефу больше всего понравился десятиметровый крокодил по имени Мари-

Очередная гостиничка в тропиках

поса (Бабочка), который сбежал во время разлива через ограждение в лагуну и отправился кусочничать по лужайкам богатых домов. И еще носухи – разновидность енотов. Эти заменявшие индейцам майя кошек зверушки трогательно шарили лапками по карманам посетителей в поисках вкусненького. Юрия Валентиновича колония носух полюбила особенно, обнаружив в его котомке мои запасы чеховских конфеток «Коровка». Вся эта идиллия, в которой отсутствовали насекомые, показалась достойным антуражем для великолепных памятников ольмекского искусства, хотя некоторое разочарование в переносе городища не оставляло.

Комалькалько

Чуть позже мы по достоинству оценили идею местной администрации собрать археологические памятники в едином природно-археологическом парке столичной Вильяэрмосы. Один только выезд в поле – в уникальный кирпичный город майя Комалькалько – привел к тому, что среди бела дня местные комары искусали меня так, что вздувшиеся и нестерпимо зудящие волдыри держались на ногах около двух месяцев. Юрий Валентинович, которого я безуспешно пыталась заставить сменить шерстяной костюм на что-нибудь более легкое, ходил довольный – у него никаких волдырей и укусов не было.

Кстати, именно в лагере археологов в Комалькалько мы наблюдали пример удивительной гармонии в окружающей среде, по поводу которой долго ехидничал Юрий Валентинович: для того чтобы не ходить в темноте, археологи протянули между домиками вдоль дорожек освещение. По вечерам, как только включали свет, тут же вокруг фонарей собирались тучи насекомых. В поисках ужина вслед за насекомыми припрыгивали толпы жаб и лягушек. А потом приползали колонны не менее голодных змей... В результате пришлось свет на дорожках отключить и ходить, как прежде, с фонариками...

Да что там археологический лагерь! В парк нашей гостинички каждый день под вечер приходила огромная жаба. Ее привлекала капающая вода из крана. Шеф был убежден, что жаба является именно к нему, и

обязательно выходил из своего номера, чтобы пообщаться. Сигаретный дым жабу не беспокоил.

Еще мы впервые видели, как растет какао – удивительное дерево, цветущее и приносящее плоды круглый год. Шеф казался счастливым ребенком, оказавшимся в заветном раю.

...Штат Табаско считается одним из самых богатых в Мексике – это потому, что именно здесь была обнаружена и добывается нефть. Факелы промыслов стали частью ночного ландшафта. Нам было очень приятно узнать, что нефть здесь нашел выходец из России, который еще студентом сбежал от гражданской войны и обосновался в этой «колыбели мезоамериканской цивилизации». Кстати, оказалось, что древние знали про нефть – но использовали ее лишь в качестве краски.

Губернатор, который нас приглашал в Мексику, так и не появился. «Тоже неплохо», – заметил шеф, который терпеть не мог встречаться с начальством. Никаким. Только разве что с «оголтелым бабьем».

Чьяпас

Следующим пунктом маршрута был штат Чьяпас, куда добирались на машине, что особенно понравилось шефу – так можно было многое увидеть по дороге. Сначала обосновались в городе Сан-Кристобаль де Лас Касас, который шефу вовсе не понравился: толпы туристов и протестующие по поводу социальной справедливости наркоманы.

Да и само название города вызвало у него глумливые комментарии: «Странный народ, однако – назвать город в честь того, кто придумал ввозить в Америку черных рабов из Африки! Причем тут гуманизм и старые галоши?» Эта «розовая легенда» про «великого гуманиста» Лас Касаса[311] всегда раздражала его – ровно в той степени, в какой продолжала раскручиваться «черная легенда» о «религиозном мракобесе» Диего де Ланде. И та статья «в защиту епископа»[312], которая выйдет в Испании чуть позже, в 1994 году, имела для Кнорозова принципиальное значение. Именно он настоял на этой теме, когда испанцы предложили нам что-то опубликовать в издании Музея Америки. И опять же, именно он заставил меня написать биографию Диего де Ланды для «реабилитации его честного имени». Но

[311] Бартоломе де Лас Касас (Bartolome de Las Casas) (1484–1566) – деятель Латинской Америки, получивший официальный титул «великого гуманиста» благодаря своим публикациям – в основном компилятивным пересказам других авторов. В Латинской Америке оказался вместе со своим отцом-торговцем, которому активно помогал наживаться на завоеванных землях. Потом объявил себя священником-доминиканцем и даже дослужился до епископа. Многие «официальные» сведения о нем весьма сомнительны. Известно, что именно его изобретением стал ввоз африканцев в качестве рабов в Новый Свет – но эта информация противоречит «розовой легенде», которую он создавал, очерняя монахов других орденов.

[312] Yu. Knorozov, G. Ershova. Diego de Landa como fundador del estudio de la cultura maya // Anales de Museo de América. Madrid 2, 1994. P. 21-32.

Альберто Рус Луилье

эта книга, увы, вышла уже после смерти Юрия Валентиновича[313].

...А вот перед поездкой в Паленке Юрий Валентинович начал волноваться. Он давно говорил, что мечтает найти «логово» прекрасной дамы, о которой шла речь в тексте на саркофаге правителя. И надо сказать, что если в 1990 году он еще смог подняться на высокую пирамиду в Тикале, то всего два года спустя несложный спуск к саркофагу в Паленке стоил ему неимоверных усилий, и он сам признался в этом. Еще в Гватемале шеф объявил, что «скакать по пирамидам и ползать по пещерам» больше не собирается. Но Паленке должен был стать, вне всяких сомнений, исключением. Хорошо хоть пирамиды в этом городе не такие высокие!

Как считал Кнорозов, который и начал работу над текстами саркофага, представления о стране предков, отраженные в этих текстах и изображениях, уже в классический период считались устаревшими. Отдельные элементы восходили к традициям чуть ли не собирательства и раннего земледелия. Видимо, существовавшие в те времена легенды сохранили память о хозяйстве времен ухода майя с прародины и обнаружения новых, богатых пищей земель.

Именно с такими представлениями Альберто Рус связывал захоронения, в которых покойнику старательно придавался вид живого: тело покрывалось специальным красителем, и изготовлялась маска, изображавшая лицо живого цветущего человека. И только в таких захоронениях появляется «душепроводная труба» как вариант выхода из пещеры, чтобы «душа не оставалась замурованной». Погребальное сооружение внутри пирамиды имитировало, очевидно, древнюю прародину-пещеру, из которой некогда вышли легендарные предки майя и куда должны вернуться души усопших.

Однако Юрий Валентинович стремился отнюдь не к саркофагу правителя. Его интересовала «прекрасная госпожа», о которой в те времена никто, кроме него, дешифровщика письма майя из России, и не догадывался.

Об этой даме рассказали прочтенные в конце 1980-х годов тексты на саркофаге[314]. Дама была близка правителю из Храма Надписей, и звали ее «Дева из рода Гуакамайи». Тексты оставляли не очень понятным социальный статус дамы, и потому загадка «Девы из рода Гуакамайи» не давала шефу покоя. Собственно говоря, Кнорозов объ-

[313] *Ершова Г.Г.* Фрай Диего де Ланда. М.: Ладомир, 2000.

[314] Y.V. Knorozov, G.G. Ershova. An inscription on a sarcophagus at Palenque / Questions of Ethnic Semiotics: Forgotten systems of writing. M., 1988. P. 43-53.

явил Марии Тересе Франко, что в первую очередь желает увидеть в Мексике именно Паленке – исключительно в надежде обнаружить резиденцию дамы, в существовании которой он не сомневался и про которую тогда в Мексике никто даже не подозревал.

Мы давно и часто обсуждали с шефом потенциальное местонахождение «дворца царицы». Однако поездку в Паленке или, как в текстах его именовали майя, «Каменный Дом Змея», пришлось ждать несколько лет...

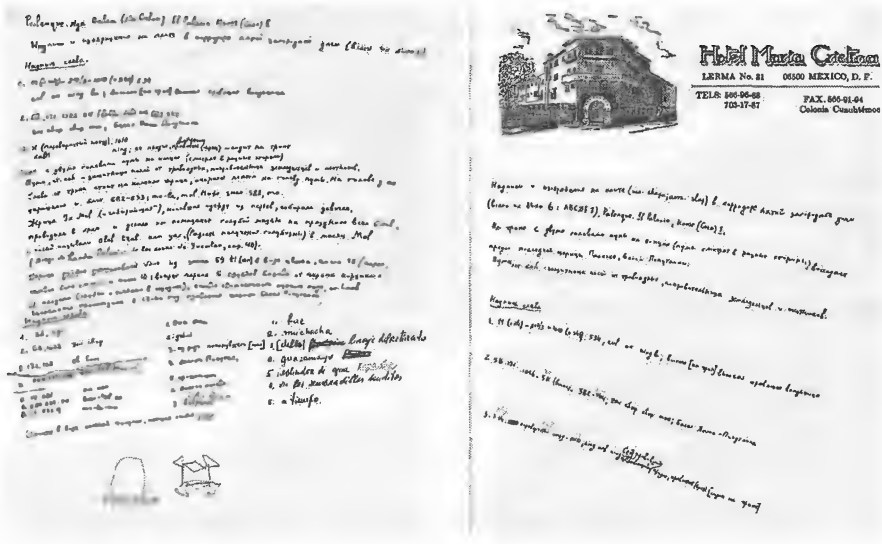
«Дева из рода Гуакамайи» упоминалась в погребальных текстах правителя, а также в надписи на «Здании Е», которая гласит:

Воссела высокая
правящая владычица
Дева из рода Гуакамайи
[рода] предка-правителя.

Надпись на панели сопровождала или поясняла изображение дворцовой сцены. На троне, украшенном двумя головами пумы, которые смотрят в разные стороны, восседает правитель. Слева от трона, опираясь на голову пумы, на коленях сидит женщина с украшениями на голове, рядом изображен блок *mo-la (mol)* «собирающая», соответствующий богине-Луне или, согласно иероглифическим текстам, прародительнице, собирающей умерших, или же жрице, руководящей обрядами, связанными с браками и рождением детей. Таким образом, становилось очевидным, что это была не просто жена правителя, но некая женщина, обладавшая общественными функциями – царскими или жреческими. Надо сказать, что Гаукамайя – очень красивая, яркая птица – красный ара, относящийся к семейству попугаевых. И вид у этой птицы – истинно царский.

Спустя практически десять лет после того, как Кнорозов узнал из текстов о «прекрасной госпоже» из Паленке, мексиканские археологи в апреле 1994 года обнаружили ее саркофаг. Из-за большого количества охры, покрывавшей останки «Девы из рода Гуакамайи» (еще ее называли «Белая Гуакамайя»), археологи дали ей прозвище «Красная царица». И оно пошло гулять в публикациях – так же как и имя Пакаль, ошибочно данное Дэвидом Келли ее супругу-правителю. Настоящее имя правителя, похороненного в знаменитом саркофаге, иное. Оно написано на поясе персонажа, изображенного у входа в пещеру предков на крышке саркофага: На-Кан-Моо-Бол, или Сын Желтой Попугаихи и Ягуара.

Это имя является так называемым «материнским», то есть полным родовым именем, которое мужчины майя получали лишь при вступлении в брак. Надписи на стенках саркофага подтверждают, что именно так звали погребенного правителя. Всего же имя у майя в древности менялось четыре раза – и каждый раз это была инициация, то есть переход в новый социальный статус. В надписях саркофага Паленке встречаются исключительно родовые имена, так как речь шла о реинкарнации душ умерших, которая следовала генетическому наследова-



В гостинице Кнорозов продолжал работать над текстами Паленке

нию крови по материнской линии. И потому упоминать произвольно военное прозвище, как претендовал Келли, попросту не имело смысла.

Кстати, тогда Дэвид Келли приехал в Мехико, чтобы встретиться с Кнорозовым. Келли пришел в отель, где они с Кнорозовым долго беседовали, устроившись в ресторане. Кнорозову это было невероятно приятно, хоть они и дискутировали из-за неправильного чтения имени правителя Паленке. Кнорозов показал все на бумаге, а Келли вынужден был согласиться в ошибочности чтения имени так называемого Пакаля. Но по реакции Келли я поняла, что он не собирается признавать свою ошибку публично. Вот так и создается «виртуальная история виртуальных майя»! Современным обитателям Северной Америки привычнее и понятнее лепить из майя неких «средних американцев», которые подписывают свои авторские права привычными аббревиатурами.

Кнорозова страшно раздражала эта непрофессиональная легкость, с которой «от балды» выдуманные условные имена и топонимы вдруг становились чуть ли не официальными, поскольку начинали воспроизводиться огромным количеством людей, даже не догадывавшихся о том, что в древнем письме майя существовали свои правила. Ведь чтобы объявлять себя эпиграфистом, надо иметь определенное образование, а не просто набить руку в рисовании знаков.

Погребение царицы было найдено уже позже, два года спустя после визита Кнорозова, археологами Арнольдо Гонсалесом и Фанни Лопес буквально рядом с «Храмом надписей», справа от погребения правителя. Оказалось, что создавались саркофаги супругов одновременно. Отличия были, прежде всего, в отсутствии декора и надписей на погребении «Девы Белой Гуакамайи»... Хотя само погребение было весьма богатым. Кроме того, было очевидно: если «Храм надписей» был сооружен ради погребения, то «Храм Красной царицы» был

приспособлен к погребению позже, и потому погребальная камера и прочие сооружения имели гораздо более скромные размеры.

Уже упоминалось не раз о способности Кнорозова «проживать» исторические события, испытывать боль, радость, сочувствие к происходившему сотни и тысячи лет назад. У него были свои герои, с которыми он сливался в чувствах и эмоциях, гордился ими или сочувствовал им. И Белая Гуакамайя была для него одним из таких любимых персонажей. Он понимал ее, восхищался и жалел: какой бы ни была смерть таинственной дамы, естественной или насильственной, ее явно хоронили второпях, без полагавшегося царице почета и уважения. Сам он полагал, что после смерти мужа ее отравили.

Так что уезжал Юрий Валентинович из Паленке очень довольный – по крайней мере, он увидел «логово» Белой Гуакамайи, о которой знал из уже прочитанных им текстов на саркофаге ее мужа. У нас сложилась традиция устраивать «разбор полетов» после каждого мероприятия – шеф обязательно спрашивал мое мнение и высказывал свое, хотя бы одной фразой.

Оахака

«А знаете ли вы, что плиссировка юбок была изобретена сапотекскими дамами?» – спросил меня Юрий Валентинович, когда мы уже устроились в очередном маленьком самолетике. Раньше в Мексике было много авиакомпаний, которые напрямую соединяли многочисленные небольшие города страны. Позже, к сожалению, они все оказались вытесненными монополистом, взвинтившим цены и заставляющим практически все местные перелеты делать через пересадку в столице. Иногда перелет в соседние городишки получается дороже стоимости билета «Москва–Мехико» – притом что в Мексике практически отсутствуют железнодорожные дороги.

А тогда мы полчаса летели маленьким самолетиком в Оахаку – на встречу с потомками изобретателей плиссировки тканей. «Про юбки мне ничего не известно», – честно призналась я. Всегда думала, что юбки в складочку были привезены в Мексику из Испании. Зато давно хотела посмотреть на трепанированные сапотеками черепа. Кроме них, этим делом увлекались так же масштабно разве что древние перуанцы в Паракасе. Причем в то же самое время. Сапотеки – очень интересный древний народ, создавший одно из направлений мезоамериканской цивилизации. Культура сапотеков и их постоянных соседей-соперников миштеков возникла в I тыс. до н. э. и просуществовала около двух тысячелетий на землях современного мексиканского штата Оахака. Почти всю территорию занимает высокосейсмичная горная система Южная Сьерра-Мадре. Оахака расположена на стыке важных торговых путей, связывающих Центральную Мексику с южными районами, и служила мостом торговли с Южной Америкой. Как обычно, поселения и ритуальные городские центры создавались в плодородных горных долинах. В центральной части массива рас-

В гостинице «Мария Кристина» в Мехико обычно проходили встречи с коллегами

положено сразу три примыкающие друг к другу долины: Этла, Тлаколула и Саачила. Их часто рассматривают как одно целое и называют «долиной Оахака». И Монте-Альбан, возникший около 500 г. до н. э., подчинил себе всю долину Оахаки, превратившись в политическую столицу и крупнейший религиозный и торговый центр сапотеков.

«Грубая у вас душа, женская», – со вздохом процитировал классика шеф и принялся изучать содержимое коробочки с едой: салат, сыр, безвкусная булочка, что-то приторно сладкое. Этот паек, по-видимому, не вызвал у него особого энтузиазма. «Могли бы предложить жареных жучков – хоть какой-то был бы местный колорит», – добавил Юрий Валентинович, складывая «дары самолета» в свою страшную котомку, с которой не расставался никогда. Перед тем как куда-либо идти, он аккуратно сворачивал ее и, несмотря на любые протесты, прятал в сразу оттопырившийся карман пиджака. Зато, когда неожиданно появлялось что-то подаренное или найденное, что некуда было положить, котомка триумфально извлекалась – и, к огромной радости владельца, в нее заталкивалось это «что-то». «Чем-то» могло быть что угодно: так называемый «подъемный материал» (валявшиеся на поверхности фрагменты керамики, обсидиановых и кремниевых наконечников), красивые камни, книги, сувениры, угощение, еда для знакомого или незнакомого кота и т. д.

В Оахаке нам исключительно повезло: в небольшой гостиничке «Калеса Реаль», в кустах прямо под окнами шефа поселилась кошка с двухнедельными котятами. И потому страна древних сапотеков показалась нам особенно уютной – несмотря на трепанированные черепа и воинственное прошлое. Монте Альбан, окруженный горами, по выражению Юрия Валентиновича, «был хорош», несмотря на возмущение сопровождавших нас археологов по поводу «неправильной реставрации» знаменитого здания посреди площади. А уж погребальные камеры действительно поражали росписями, стилистически напоминавшими древние рукописные кодексы.

Под впечатлением от осмотра трепанированных черепов мы отправились в один из оахакских ресторанчиков, чтобы по настоянию шефа попробовать жареных кузнечиков. Их там подавали завернутыми в маисовую лепешку (народное мексиканское блюдо «тако»). Продолжили обсуждать разные типы трепанированных черепов. «Ну вот, Юрий Валентинович, тут, возможно, был международный центр подготовки колдунов, а вы все плиссированными юбками и

тараканами интересуетесь!» – в отличие от шефа, мне кузнечики совсем не понравились. «Не знаю как колдунов, а будущих дешифровщиков, видимо, надо готовить более простым способом – бить по башке», – ехидно парировал он аргументом, который я на тот момент не очень поняла, поскольку еще даже не догадывалась о его собственном опыте. А он об этом молчал.

По местам Ланды – в пещере Мани

Мерида!

Еще полчаса перелета на маленьком самолете – и мы в аэропорту жаркой Мериды, столицы штата и полуострова Юкатан, где нас встречал региональный директор Национального института антропологии и истории Альфредо Баррера Рубио, который сразу привычно пояснил, что не имеет никакого отношения к Альфредо Баррера Васкесу[315]. Он отвез нас в гостиницу «Эль Конкистадор», что расположена на главной улице – Пасео Монтехо. Гостиница была современной и многоэтажной. Но шеф нашел и тут положительную сторону: завтраки в виде шведского стола были необычайно разнообразными, вкусными и включали блюда местной кухни. А возможность перепробовать все шефу показалась чрезвычайно привлекательной.

Альфредо Баррера показал Кнорозову Мериду. На Юкатане Кнорозову открывались буквально все двери. В Музее Кантона, расположенном недалеко от гостиницы, директор Петер Шмидт провел его повсюду – вплоть до последних уголков запасников. Потом поехали в Ушмаль, успели съездить в Цибтильчальтун, где Рубен Мальдонадо уговорил-таки «доктора Кнорозова» забраться на Храм Семи Фигурок – чтобы оценить возможности астрономических наблюдений.

Однако было место, куда шеф стремился особенно, – колониальный городок Исамаль с его монастырем, где начинал Диего де Ланда. Кнорозов бродил по францисканскому монастырю Святого Антонио, а казалось, что это сам Ланда идет крадущейся походкой по длинным коридорам. Настоятель показал ему портрет епископа Юкатана, он еще не был отреставрирован и хранился в комнатке с «Девой Марией». Исамальская дева, которая и сейчас с помощью нехитрого устройства на рельсиках выдвигается из комнатки, чтобы

[315] Альфредо Баррера Васкес (1900–1980) – мексиканский антрополог, лингвист, собиратель фольклора и исследователь древней истории майя на Юкатане.

Исамаль – монастырь Диего де Ланды

На Юкатане с Альфредо Баррера Рубио

появиться над алтарем, считается единственным сохранившимся оригиналом из тех деревянных скульптур, что Диего де Ланда привез из Гватемалы.

Очень милый настоятель монастыря Фрай Антонио Рамирес специально по нашей просьбе вынес портрет Ланды и поставил его на стул. Тогда портрет, который требовал реставрации, даже не выставлялся и хранился в отдельной каморке. А Кнорозов долго вглядывался в решительные черты «основоположника исследований майя». «Я всегда считал себя учеником епископа», – с гордостью повторил шеф. Эту мысль он озвучивал и раньше, но в тот момент она приобретала особый смысл. А потом, естественно, он с особым удовольствием долго курил в огромном атриуме, где в XVI веке Ланда собирал новообращенных индейцев. Шеф явно опять погрузился в свое внутреннее видение, где ему было очень хорошо. Надо сказать, огромный монастырский двор с многочисленными арками благодаря своей величине долго считался вторым в мире, уступая лишь Ватикану. Ланда во всем был безупречен – и Кнорозов гордился этим.

Пока шеф курил, я беседовала с настоятелем – он тоже был счастлив, что, наконец, нашлись люди, которые защищали епископа Диего де Ланду, аргументированно опровергая нелепую «черную легенду». Он даже записал нашу беседу на магнитофон. А вот памятник епископу рядом с монастырем Юрия Валентиновича совсем не впечатлил – место суетливое, практически на перекрестке, среди машин...

Эта поездка не была долгой – всего три недели, которых оказалось мало. Даже пришлось отложить наш вылет на три дня из-за дат уже назначенных лекций. Однако удалось повидать очень много! Шеф был счастлив. Все-таки всю свою жизнь он очень хотел побывать в дорогой ему Мексике. И особенно на Юкатане.

Орден Ацтекского Орла

Потрет Диего де Ланды в монастыре Исамаля

После этой поездки Марию Тересу Франко, да и Сарину было уже не остановить. Как говорил шеф, «уж ежели дамы что-то решат...» Так или иначе, но в 1994 году совершенно неожиданно мне позвонила Сарина и сообщила о том, что Юрию Валентиновичу должны вручить Орден Ацтекского Орла. Эта награда была учреждена в 1933 году для награждения иностранных граждан за заслуги перед Мексикой или человечеством. Вручается Орден от имени президента страны, по представлению министра иностранных дел Мексики. В 1994 году президентом Мексики был Карлос Салинас де Гортари, который покидал свой пост 30 ноября. Функции главы посольства в это время выполнял временный поверенный Хосе Артуро Трехо Нава, которому и досталась честь наградить Кнорозова. По всей видимости, послом, который запустил процесс представления Кнорозова к награде, был Карлос Тельо Масиас, оставивший свой пост в Москве буквально в феврале 1994 года.

Сарина Мартинес вспоминала:

> Предложение поступило от посольства. Когда я начала здесь работать, нас было двое, кто занимался вопросами культуры. И была целая команда людей, которые нам помогали. Они переводили, договаривались о встречах, доставали необходимые материалы. Но главным был посол, а я была тогда атташе по культуре – мы начали этот процесс.
>
> Я не знаю, как в случае с Кнорозовым было принято решение. С момента начала нашей работы мы очень заботились о том, чтобы люди, работающие на культуру Мексики, получили должное признание. То есть те, кто приложил усилия для распространения мексиканской культуры в стране, где мы находимся. Кнорозов, как я уже сказала, был необычайным человеком. Многие могут изучать Мексику, но в данном случае – это было уникальное открытие, ключевой момент в изучении майя. И я думаю, что Кнорозов уже был в списках тех, кого надо отметить. Уже все было рассмотрено, решено. И, в конечном счете, решение было принято в министерстве иностранных дел.

Награждение состоялось в последний день правления Карлоса Салинаса и проходило в посольстве Мексики в Большом Левшинском переулке, 4. По всей видимости, времени официально приглашать Кнорозова в Мексику уже не оставалось. Но это было и не важно. Для Кнорозова это проявление признания имело невероятное значение.

Ю.В. Кнорозов с Орденом Ацтекского Орла

Как описывает Сарина Мартинес, накануне она официально встречала доктора Кнорозова на Ленинградском вокзале:

> Я помню очень забавную историю, когда Кнорозов приехал в Москву получать орден Ацтекского орла, мы пошли встречать его на вокзал. Было поздно, осень, уже совсем стемнело. Он приезжал вечерним поездом, около семи – и мы ждали его, ждали. А его не было видно. Мы уже думали, что делать, как вдруг заметили маленького человечка в старой шапке-ушанке с болтающимися ушами. Багажа у него не было – только тряпичная сумка, как у хозяек для магазина. Он шел спокойно, никуда не торопился, не беспокоился, как будто и не знал, куда идет. И вдруг поднял голову – и я увидела его неповторимые глаза, его ясный взгляд, который нельзя ни с чем спутать. Я подошла, сказала: «Доктор Кнорозов, вы помните меня?» Мы поздоровались, и потом отвезли его домой. Это был интересный человек – очень скромный, но в то же время очень заботливый, ласковый. Я хорошо помню, он поцеловал меня, обнял на церемонии. Мы обедали с ним пару раз, и всегда подкупала его простота, он не важничал, а внешне даже выглядел неухоженным. Если бы я его не видела раньше, могла бы решить, что это какой-то бомж, потому что он был предельно скромный. Всегда, конечно, аккуратный – но очень скромно одет.

«Скромный», как деликатно формулирует Сарина, внешний вид Кнорозова часто вводил людей в заблуждение. Сохранились воспоминания о том, как Юрий Валентинович однажды получил авторские

экземпляры очередного сборника и вез их даже не в своей котомке, а в «авоське» (были такие сетки для продуктов). А пока стоял на троллейбусной остановке, у него настойчиво пытались купить книги, убеждая, что ему (подразумевалось, бомжу) они все равно ни к чему.

А уже на следующий день в посольстве Мексики состоялось награждение. Народу тогда собралось очень много: все сотрудники посольства, какие-то дипломаты, заведующий кафедрой Древнего мира истфака МГУ Василий Иванович Кузищин. Присутствовала тоже награжденная Ацтекским Орлом Вера Николаевна Кутейщикова, неизменно со Львом Осповатом. Валерий Иванович Гуляев был от Института археологии, кто-то от Института Латинской Америки, кто-то от Института этнографии. Конечно же, были верные племянники – Александр Сергеевич с Татьяной Борисовной, дон Антонио и я, уже работавшая к этому времени в Институте археологии в отделе у Гуляева. Кроме того, пришла и молодежь во главе с совсем еще студентом Димой Беляевым, для которого «было таким шоком познакомиться с живым Кнорозовым, что все остальные детали остались как в тумане».

Поскольку Юрий Валентинович приехал в Москву буквально накануне, не удалось даже выдать ему новый костюм. Рубашка, правда, оказалась относительно чистая. Было холодно, и он надел свои разбитые старые зимние сапоги, с которых стекала грязная вода. В красивом зале, где проходил в его честь прием, Юрий Валентинович чувствовал себя несколько неловко, несмотря на то что в Гватемале и Мексике он успел привыкнуть к светским мероприятиям в свою честь. Но там, в отличие от осенней Москвы, было тепло.

Временный поверенный Хосе Артуро Трехо выступил с официальным представлением. Повесил на шею Кнорозову золотистую ленту с Орденом Ацтекского Орла четвертой степени (Энкомьенда). И произнес речь. Как это принято, он описал весь путь Кнорозова к награде – как он занялся майя и как ему удалось обнаружить ключ, раскрыть код иероглифического письма. Сам он потом так вспоминал об этом событии:

> Я приехал в Москву в середине ноября 1994-го, чтобы выполнять функции специального поверенного в делах Мексики в достаточно грустный период российской истории. Три года, как развалился Советский Союз, внутренняя ситуация отличалась глубокими изменениями, потерей ориентиров и напряжением. Во внешней политике Российская Федерация демонстрировала минимальный интерес по отношению к Латинской Америке и в, частности, Мексике. Что отражалось в определенном разочаровании со стороны мексиканского министерства иностранных дел и, как следствие, в низкой активности проектов двухстороннего сотрудничества. И потому для меня стало большой неожиданностью и радостью, что моим первым официальным мероприятием после вступления в должность стало вручение Ордена Ацтекского Орла выдающемуся русскому лингвисту доктору Юрию Кнорозову, который за годы кропотливого труда нашел метод дешифровки иероглифического письма майя.

Племянники Юрия Валентиновича

Это наивысшая награда, которую вручает Мексика иностранным деятелям. И было необходимо вручить ее д-ру Кнорозову в связи с тем значением, которое занимает культура майя в культурном прошлом нашей страны.

Дата награждения в декрете от 17 октября 1994 года была назначена на 30 ноября, среду, последний день администрации, возглавляемой президентом Карлосом Салинасом. Близился день церемонии, наш сотрудник по делам культуры отправился на вокзал встречать поезд из Санкт-Петербурга, где жил ученый. Потом мы пригласили его на обед в резиденции посольства Мексики. Меня впечатлила его простота, его скромная форма одеваться и такие светлые глаза, придававшие ему кошачий вид.

Вечером состоялось трогательное мероприятие, во время которого д-р Кнорозов выглядел очень тронутым. Это был великий момент, которого он сам, по всей видимости, не ожидал – то, что иностранное правительство выразит ему высшее признание в тот период, когда его страна переживала трудные времена, отразившиеся на ученых и представителях интеллигенции, находившихся в ситуации минимальной поддержки или полного ее отсутствия, а также глубоких экономических проблем. Помню, как в частной беседе сделал несколько замечаний по поводу этой ситуации, и прежде всего растущей преступности. Это заставляло д-ра Кнорозова опасаться, что его квартиру могли ограбить и уничтожить рабочую картотеку.

Забавные детали вспоминает Сарина Мартинес:

Но что меня сразу же невероятно потрясло, это скромность Юрия Кнорозова и то, насколько он был тронут. Это был немногословный человек, очень скромный, а взгляд его был восхитительный – немножко зловредный, хитрый. Эти брови, эти глаза, такие ясные – было видно, что он чрезвычайно умный человек. Но было видно, что для него событие было настоящим шоком, в хорошем смысле, но очень сильным.

После всех торжественных и очень теплых речей, вручения Ордена Ацтекского Орла, слово предоставили Юрию Валентиновичу. И он, в привычной для него манере, улыбнувшись в сторону знакомых, очень тихо сказал по-испански: «Мое сердце всегда было мексиканским», а потом, заметив, что никто не услышал его испанского, добавил по-русски: «Нет слов». Это было удивительно трогательно. Сарина Мартинес тоже не может забыть этот момент:

> ...Кнорозов сказал всего лишь: «нет слов». И почти плакал. Я обняла его, и у меня перехватило горло от волнения. И сейчас схватывает – только при воспоминании. Потому что этот человек, столь великий по делам и такой маленький по виду, был по-настоящему переполнен эмоциями. И это было прекрасно.
>
> Это была награда очень заслуженная, очень правильно врученная и очень хорошо принятая.
>
> И было видно, что для него вручение награды стало реализованной мечтой. Это совершенно очевидно. Орден Ацтекского Орла – это больше символическая награда, но это высшая награда, которой может быть награжден иностранец в Мексике.
>
> Признание заслуг Кнорозова оказалось немного запоздалым – но все же успели. Это была огромная радость, поскольку далеко не всегда присуждается подобная награда людям, больше всего достойным ее. Многие могут претендовать на награду – но одни заслуживают ее в большей степени, нежели другие...

Удивительно, но каждый по-своему помнит то событие. Племянник Александр представляет это так, припоминая даже невероятную папиросу:

> Когда ему этот орден вручали мексиканцы, он стоял и смолил «Беломор», глаза опущены. К нему посол обращается и говорит: «Может, вы что-нибудь скажете?» Он глаза поднимает, а они у него так сверкнули, и говорит: «Нет слов».

А бывший тогда студентом Женя Красулин[316] вспоминал это так:

> Юрий Валентинович стоял, облокотившись на подставку под зеркалом. Несмотря на то, что ему уже было за семьдесят, он совершенно не оставлял впечатления человека в возрасте. Можно даже сказать, наоборот: он оставлял впечатление человека вне возраста. В его фигуре, как и в манере держать себя, было парадоксальное сочетание небрежности и досто-

[316] Евгений Александрович Красулин – к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Белорусского государственного университета.

инства. Это же сочетание присутствовало и на самой церемонии вручения ордена. Временный поверенный посольства Мексики – высокий, в безупречном костюме – произносил речь в честь Юрия Валентиновича, а рядом с ним стоял сам герой торжества – в заслуженного вида пиджаке, с одной штаниной – навыпуск, второй – заправленной в полусапог. И огромный носовой платок в руке, к которому Юрий Валентинович во время речи периодически прибегал – не для того, чтобы утереть слезы умиления, а чтобы громко высморкаться. Это совершенно не выглядело пренебрежением к происходящему. Скорее, это было поведением ученого во время полевого исследования: ну, ребята, раз вы тут все собрались, давайте я вас немного поизучаю.

Потом, как водится, было предложено шампанское, но Юрий Валентинович попросил текилу. «Я же мексиканец!» – хитровато усмехнулся он. И начал почему-то рассказывать Сарине историю про то, как мормоны из Солт-Лейк-Сити предложили ему деньги для публикации словаря, но он предпочитает сделать это в Мексике. Кстати, эту историю про мормонов, которые чуть ли не приняли его в свои ряды еще в 1950-е годы, он рассказывал часто. Но никаких подтверждений этому найти не удалось. Но я убеждена, что какие-то контакты с мормонами были – потому что Кнорозов без веских реальных оснований никогда ничего не говорил. Лгать он просто не умел. Это не красивый образ, такой особенностью обладал его мозг. Мог недопонять, по-своему интерпретировать, приукрасить, выстроив невероятную гиперболу, и даже довести до смешного абсурда какой-то сюжет. На худой конец, он просто замолкал. Но никогда не лгал.

На следующий день Татьяна Борисовна организовала у себя дома уже неофициальный «прием», куда пригласили и студентов. Так об этом вспоминает Е.А. Красулин:

> На следующий день для нас – студентов, увлеченных цивилизацией майя, был организован отдельный прием в квартире племянницы Юрия Валентиновича, расположенной неподалеку от Новоарбатского моста. Мы сидели за круглым столом, смущенные присутствием великого ученого. А великий ученый, похоже, продолжал свое исследование, периодически сопровождая его восклицаниями: «Ну и ребята!» При этом шел какой-то разговор, мы рассказывали о себе, говорили, чем хотели бы заниматься, что нас интересует. Но запомнилось именно это: наше молчание и восклицания: «Ну и ребята!» В этих восклицаниях, произносимых с характерными для Юрия Валентиновича «мяукающими» интонациями, был интерес, ирония... И, мне показалось, была какая-то ширма – или маска – за которой Юрий Валентинович прятался, чтобы никто не мешал его наблюдениям за нами. Возникла даже ассоциация с профессором Мориарти: он видит всех, а его не видит никто. В пользу этой ассоциации сыграло и некоторое сходство Юрия Валентиновича с актером Виктором Евграфовым, который сыграл роль Мориарти в советском фильме о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне. Вот только в Юрии Валентиновиче не чувствовалось ничего зловещего.

Несколько месяцев спустя мексиканское посольство, по словам Хосе Артуро Трехо, вернулось к проблеме «финансовой помощи для установки двери в квартире». Этот вопрос обсуждался Сариной с племянницей Кнорозова – Татьяной Борисовной. И, похоже, сумма в 35 тысяч рублей была ему передана через племянников. Правда, должна сказать, я не помню, чтобы тогда появилась новая крепкая дверь. А тем, кто у него шарил по квартире, к сожалению, он собственноручно открывал дверь... Поэтому Орден Ацтекского Орла Юрий Валентинович до самой смерти сохранил в своем старом разбитом ботинке – и знала об этом только заботившаяся о нем верная соседка.

Опять в Мексику!

А вот вторая поездка в Мексику оказалась куда более сложной – во всех смыслах. Сначала астроном и историк астрономии Александр Аронович Гурштейн, с которым мы на тот момент сотрудничали по археоастрономии и реконструкции Зодиака майя, неожиданно передал мне для Кнорозова письмо от Мигеля Леона Портильи:

28 июня 1994

Др. Юрий В. Кнорозов
Санкт-Петербург, Россия

Уважаемый Др. Кнорозов

Прежде всего позвольте выразить сердечное приветствие с пожеланием Вам всего наилучшего. Я принимаю участие в конгрессе в Рока ди Напа, неподалеку от Рима, и у меня была возможность познакомиться с доктором Александром Гурштейном. Он сказал мне, что знаком с Вами и может передать Вам мое послание.

Хочу сказать, что безмерно восхищаюсь Вашей работой. На недавнем конгрессе, который проходил в Ташко, посвященном изучению мезоамериканских рукописей, я часто ссылался на Ваш вклад. Мне давно известны Ваши работы. К сожалению, сообщу Вам грустную весть – недавно, несколько дней назад, умерла София Ко.

Цель этого послания – выяснить у Вас, хотелось бы вам провести несколько дней в Мехико, примерно в феврале следующего года. Я думаю, что мы могли бы сделать приглашение для Вас от лица нашего университета (УНАМ).

Целью было бы послушать Ваши лекции. А также Вы могли бы посетить какие-либо археологические зоны майя. Было сделано несколько недавних открытий в таких местах, как Паленке и некоторых других на юге Кампече.

Наконец, хотелось бы, чтобы Вы знали, что очень многие восхищаются Вами в Мексике, и мы расцениваем Вас как Альфонсо Касо в отношении Мексиканских кодексов. Также считаем Вас пионером в отношении рукописей майя.

Прилагаю Вам мой адрес и факс.
Мигель Леон Портилья
Институт исторических исследований
УНАМ
04510 Мехико, ДФ, Мексика
Факс (52-5) 665 00 70

В ожидании новостей от Вас, которого очень ценим, пользуюсь случаем еще раз передать мой сердечный привет.
Мигель Л. Портилья

Вскоре после этого на имя Сарины Мартинес было прислано уже официальное письмо, где излагалось намерение пригласить в Мексику Юрия Кнорозова и Галину Ершову. Письмо датировалось 3 февраля 1995 года. Под ним подписались сам Мигель Леон Портилья и видные сотрудники Национального автономного университета Мексики: Хисела фон Вобезер – директор Института исторических исследований; Фернандо Куриель Дефоссе – директор Института филологических исследований, а также директор Национального института антропологии и истории Мария Тереса Франко.

Официально основной целью были научные контакты и чтение лекций в Национальном автономном университете Мексики (UNAM). Планировались такие темы: «Основы дешифровки письменности майя», «Тексты трех рукописей майя», «Метод дешифровки письма майя» и «Методы и достижения в чтении текстов майя». А еще нам предстояло побывать на Юкатане, посетив археологические места. Поездка планировалась на февраль 1995 года. Билеты, проживание брала на себя приглашающая сторона.

Началось это путешествие с грандиозного тарарама. Шеф появился в Москве без заграничного паспорта. Он искренне считал, что все бумажные дела за него должен делать кто-то еще, например, какая-нибудь институтская «дама».

Итак, он приехал в Москву, и я попросила у него паспорт, чтобы отвезти в посольство и поставить визу. И тут он протянул мне обычный внутренний паспорт, наивно спросив: «А что, этот разве не подойдет?..» Срок служебного паспорта, с которым он ездил в Гватемалу и первый раз в Мексику, завершился, а сам паспорт был благополучно сдан. Однако о том, чтобы сделать себе новый заграничный паспорт, шеф даже и не подумал. В Академии наук этими проблемами занимался специальный отдел, так что Юрий Валентинович мог тихо надеяться, что оно само как-нибудь решится. Кнорозов был удивительно беспомощен в организационных делах. Помню, как я в ужасе обсуждала эту проблему с доном Антонио, решая, что и как сказать Сарине. Было понятно, что сообщить в Мексику правду попросту

невозможно – никто не поймет. Но и перекладывать на посольство принятие решения тоже не следовало. Сарина эту историю вспоминает так:

> ...Он тогда приехал из Питера в Москву вообще без документов, собираясь в Мексику. Не помню деталей, но это типично для человека, который живет в другом мире, измерении. С момента моего знакомства я поняла, что этот человек абсолютно не ориентируется в том, что называется практическим миром. И надо было вывезти его, как получится, обязательно добиться того, чтобы он оказался в Мексике, для которой это была высочайшая честь.

Так родилась «официальная» версия: паспорт у Кнорозова украли в поезде. Тем более что в те времена «лихих 90-х» грабежи в поездах были делом самым обычным. Сказано – сделано. Посольство сообщило в Мексику, написало письма в Управление виз и регистрации Петербурга.

EMBAJADA DE MEXICO
MOSCU

Посольство Мексики в Российской Федерации свидетельствует свое уважение главному управлению виз и регистраций г. С.-Петербурга и просит оказать содействие в срочном оформлении заграничного паспорта доктору исторических наук Кнорозову Юрию Валентиновичу, выдающемуся специалисту в области изучения древней культуры майя. За значительные заслуги в научных открытиях и разработках док. Кнорозов был удостоен Государственной премии СССР и награжден правительственным Орденом Ацтекского Орла Соединенных Штатов Мексики, а также имеет другие награды и высокое признание ученых всего мира.

Доктор Кнорозов приглашен Национальным Институтом Антропологии и Истории, Национальным Автономным Университетом и другими научными и учебными заведениями Мексики для проведения конференций и участия в научных работах по разным вопросам культуры майя. 4 марта с. г. доктор Кнорозов должен был вылететь из Москвы в Мексику, но по дороге из С.-Петербурга в Москву у него, как и у других пассажиров, были украдены все вещи и документы, включая заграничный паспорт, выданный ранее Вашим Управлением.

Посольство Мексики в Российской Федерации заранее благодарит за любезное удовлетворение настоящей просьбы и пользуется случаем, чтобы возобновить Главному Управлению виз и регистраций г. С.-Петербурга уверения в своем весьма высоком уважении.

Москва, 16 марта 1996 г.

Сейчас даже непонятно, почему никто не поинтересовался, писал ли сам Кнорозов в милицию заявление об утрате заграничного паспорта, которого у него не было? Кнорозов тогда честно промолчал. Однако 3 апреля 1995 года посольство Мексики получило письмо на бланке Академии наук такого содержания:

> Управление внешних связей Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук свидетельствует свое уважение Посольству Мексики и имеет честь сообщить, что г-н КНОРОЗОВ Юрий Валентинович имеет паспорт 43 № 0575097, выданный 23 июля 1993 года Управлением внутренних дел С. Петербурга. По законам Российской Федерации данный паспорт действителен для выезда в любую страну до 23 июля 1998 года.
>
> УВС СПбНЦ РАН пользуется случаем, чтобы возобновить Посольству Мексики уверения в своем высоком уважении.
>
> Начальник УВС СПбНЦ РАН Прохоренко А.В.
> Санкт-Петербург, 03 апреля 1995 года.

Такой поворот оказался несколько неожиданным. И только гораздо позже я сообразила: паспорт Кнорозову сделан был, и он преспокойно находился в международном отделе Академии наук. Но Юрию Валентиновичу даже в голову не пришло, что он должен его оттуда забрать. Решил, видимо, что как обычно, это я сделаю сама. Или дон Антонио. Или даже Сарина. Как бы то ни было в действительности, тот самый загранпаспорт Кнорозову выдали по первому требованию после письма посольства, отправленного в УВИР Санкт-Петербурга...

У меня вообще сохранились, как ни странно, удивительно положительные воспоминания о питерской, да и московской, милиции «лихих 90-х». В тех, казалось бы, чудовищных условиях самые обычные сотрудники милиции, с которыми приходилось сталкиваться, особенно в связи с Кнорозовым, оказывались на редкость честными, отзывчивыми и светлыми людьми, помогавшими от души и по профессиональному долгу, а вовсе не за деньги, как это любят рассказывать.

Любопытно, что у Сарины сохранились дневниковые записи о разговорах с Кнорозовым в январе 1995 года – о том, что необходимо ему для работы над словарем:

> ...сколько месяцев ему надо работать еще в России, какие средства нужны для перевода материалов с русского на испанский, во сколько обойдется проживание в Мексике ему и Галине Ершовой на срок от одного до трех месяцев.

Осталось неизвестным, как отреагировали в Мексике на перенос поездки Кнорозова. Но 11 мая 1995 года на имя Кнорозова и Ершовой пришел повтор первого приглашения в Мексику, с уже скор-

ректированной датой (15 июня–30 июля). Одним словом, жизнь налаживалась.

В субботу 24 июня 1995 года мы вылетели, наконец, из Москвы самолетом компании «Эр-Франс» через Париж. В Мехико нас поселили опять в так понравившейся уютной гостинице «Мария-Кристина».

В первые же дни в Мехико мы встретились с «начальством», как называл эти ритуальные обязательные визиты Кнорозов. Шеф, который все это время изводил меня вопросами о судьбе сданных статей, воспользовался случаем, чтобы пожаловаться Тере Франко на то, что статьи по чтению текстов, которые были сданы для публикации в журнал, до сих пор так и не появились, а с той договоренности уже прошло целых два года. Надо сказать, что после этого статьи вышли в срочном порядке, в № 8 журнала «Arqueología» за тот самый 1995 год.

Юрию Валентиновичу нравились такие женщины, как Мария Тереса Франко – властные, волевые, умные. Называл он их «оголтелым бабьем», но не считал зазорным подчиняться – в отличие от отношений с «сиволапым мужичьем», от которого не терпел ни малейшего давления.

Наша программа и в этот раз оказалась довольно насыщенной:

24 июня – прилетели
26 – поехали в Шочикалько и Куикуилко
27 и 30 – Теотиуакан
28, 29 июня, 3, 5 июля – лекции
9–10 июля – Четумаль, участие в Конгрессе майянистов
11–14 – Юкатан
16–17 – съемки с Тиахогой
18 июля – вылет в Москву

И это не считая журналистов, приглашений на обеды, ужины и даже завтраки!

Телевизор в номере шеф включал с удовольствием. Больше всего его впечатлил скрипучий низкий голос мексиканских дикторш. «Голос у здешних телевизионных дам сильно напоминает звук ржавой пилы», – смеялся он, цитируя кого-то.

Пока мы оставались в Мехико, последовало несколько встреч с коллегами. В Национальном автономном университете познакомились с Мерседес де Ла Гарса, чьи работы шеф читал и ценил. Забавной вышла «дискуссия» с Рамоном Арсапало, который созвал на встречу журналистов и при них почему-то вдруг решил объяснить Кнорозову, что такое иероглифическая письменность майя. Шеф сильно удивился той мешанине, которую Арсапало начал выдавать с видом обладателя истины в последней инстанции, не имея при этом ни малейших представлений об эпиграфике майя. Я переводила, пытаясь изо всех сил сгладить углы: абсурдные нестыковки в выступлении Арсапало и прямолинейную резкость ответов Кнорозова.

Наконец шеф посмотрел на меня и возмущенно спросил: «Что за дичь он несет? И что ему, собственно, от меня надо?» Я понимала, что это объявление прямого разрыва отношений, и потому вме-

Церемония присуждения Мерседес де Ла Гарса «Почетного доктора РГГУ» 2019 год

сто перевода выдала что-то деликатно умиротворяющее. Не прокатило: по виду и тону Кнорозова всем стало все предельно ясно. Одни словом, для Рамона Арсапало, выстраивавшего перед журналистами образ «главы» направления, это была полная катастрофа. Все остальные испуганно молчали. Но война, похоже, только начиналась... или продолжалась? В Гватемале мы уже встречали таких, с позволения сказать, «специалистов по эпиграфике». Странным был, пожалуй, столь неожиданно агрессивный уход от нормальной научной дискуссии. Одно радовало: подобные собеседники все же оказывались в явном меньшинстве.

И потому на лекцию доктора Кнорозова в Музее антропологии собралось очень много народу – и специалистов, и интересующихся майя, и просто желавших увидеть знаменитого русского, дешифровавшего письмо майя. В тот день мы познакомились с Тиахогой Руге – верным другом и, кроме того, режиссером, снявшей фильм о Кнорозове. Начиналось это, по ее воспоминаниям, так:

> ...В 1992 году я прочла книгу Майкла Ко о Кнорозове, которая меня поразила. И я тогда решила, что однажды непременно познакомлюсь с этим гением и сделаю о нем фильм.
>
> И это случилось 3 июля 1995 года. Судьба подкинула мне в руки газету с заголовком: «Юрий Кнорозов в Мексике, сегодня вечером он выступает в Музее антропологии».
>
> Моя мечта становилась реальностью, Кнорозов был в Мексике, в получасе от меня, и была реальная возможность услышать его и познакомиться с ним.
>
> Так жизнь дала мне шанс оказаться на его лекции. Надо сказать, что моей дочери тогда не исполнилось и двух месяцев. Но на лекцию мы отправились вместе с мужем, заняли место в аудитории – и появился Юрий Валентинович Кнорозов со своей неизменной ученицей, доктором Галиной Ершовой.

Его вид нас поразил: это был мужчина среднего роста, достаточно худой, чуть сутулый, который медленно передвигался, и его лицо производило впечатление своим удивительным мощным выражением, и смотрел он на всех огромными синими глазами, полными света и радости.

Тиахога Руге и Юрий Валентинович

От него веяло мудростью, а хитрая улыбка открывала его очарование и свободный дух, и знание, у которого не было границ, которое позволило преодолеть ему все трудности и добраться, наконец, в этот день до Музея антропологии в городе Мехико.

Тогда Кнорозову было 72 года, хотя он открыл ключ к дешифровке в 1952-м, когда ему было только 30 лет. Ему пришлось ждать 42 года, чтобы мир признал его и чтобы он мог в тот вечер прочесть нам свою лекцию.

Мы были загипнотизированны, не могли поверить, что слушаем и видим этого гения.

После окончания лекции мы подошли к доктору Кнорозову и Галине и предложили отвезти их в гостиницу, где смогли уже спокойнее с ними побеседовать.

В тот же вечер я выразила доктору Кнорозову мое восхищение им и озвучила мой интерес снять фильм о его невероятной истории.

Идея ему понравилась, он согласился, и сразу же мы подписали договор – на обычной салфетке из ресторана.

Прозвище, которое дал Тиахоге Кнорозов, стало «Бешеная Дакотка»: он сразу понял, что ее имя позаимствовано у североамериканских индейцев. Остановить Тиахогу было невозможно. На следующий день у нас была запланирована поездка в Какаштлу. Тиахога за ночь организовала там съемки. В шесть утра она уже грузила в машину своего друга – оператора Эдуаро Эрреру со всей его аппаратурой. Так начались съемки документального фильма о Кнорозове и дешиф-

Во время съемок в Какаштле

ровке письменности майя. Потом уже Тиахога начала искать деньги, организовывать съемки, монтаж и все этапы производства фильма – этот процесс растянулся на годы, до самой смерти Кнорозова...

Пока мы оставались в Мехико, Тиахога организовала и съемки в Национальном музее антропологии. Шеф бродил на фоне копий зданий майя, давал комментарии у стел и других памятников. Залы тогда были пусты – посетители все разошлись. И чуть ли не в последний день была еще одна съемка – прямо в гостинице «Мария-Кристина», поздно ночью. Кнорозов рассказывал о Зодиаке майя и говорил о древней вере индейцев в бессмертие души.

Посещение университета совместилось с осмотром круглой ракушковидной пирамиды Куикуилко, где уже наш знакомый по Табаско археолог Марио Перес Кампа руководил теперь проектом. Он все не мог добраться до основания казавшегося до того маленьким базальтового вулканического шестигранного «столба». Для Юрия Валентиновича он специально снял все покрытия, брезент – чтобы гость смог по достоинству оценить этот уникальный и древний памятник. И это был подарок для шефа – на «столбе» был высечен рельеф, символизировавший структуру племени из 16 родов. Внимание шефа привлекло, прежде всего, то, что каменный «столб» с естественной огранкой был точно таким, как вулканические образования мыса Столбчатый на Кунашире. Поскольку нам пришлось буквально ползти по этим столбам, то их мексиканского «собрата» мы опознали сразу.

Вторая «вылазка» поблизости была, конечно, в Теотиуакан, куда пришлось съездить аж два раза, так как первого дня не хватило. Марио Перес Кампа нас сопровождал, будучи в полном восхищении от «великого Юрия». И даже сделал шефу невероятный подарок – великолепный перочинный нож, который принадлежал некогда отцу мексиканского археолога.

В Теотиуакане

Понимая, что Кнорозову будет сложно одолеть бесконечную Дорогу Мертвых, нас завезли в городище на машине. Там нас приняли местные археологи, для которых, похоже, этот визит стал событием. Руководил ими Алонсо Чакон, недавно приславший мне фотографии с Кнорозовым: среди коллег-археологов – элегантный Юрий Валентинович в светлом костюме, который я купила ему накануне поездки, чистых туфлях и, конечно, в своем *берэте*.

На днях в чате мы с Алонсо стали уточнять детали и дату того визита. Это было, по его твердому убеждению, «после 24 июня – так как проект только утвердили и успели выплатить лишь первую зарплату». Кроме того, на фотографии люди, которых в другие годы быть там не могло. И мои записи подтвердили: Теотиуакан мы посещали 27 июня, а еще через день, 30-го – вернулись туда повторно.

Съемки фильма о Кнорозове в Национальном Музее антропологии и истории Мексики

Итак, Кнорозов не стал забираться ни на пирамиду Луны, ни пирамиду Солнца. После пирамиды Ягуара в Гватемале шеф по ступеням не карабкался – делегировал это занятие мне, при этом иронично подсмеивался: «Вот-вот, дама, как увидит какую гору или пирамиду, то тут же на нее лезет. У дам так принято». Приходилось поддерживать эту игру, подробно сообщая ему о результатах восхождений, а также спусков в пещеры. Почему-то для него эти своеобразные «медитации» были очень важны – возможно, он просто хотел остаться в одиночестве в этих столь значимых для него местах и спокойно погрузиться в мысленные картины далекого прошлого.

После общего осмотра мы почти три часа проговорили с археологами в здании, которое им было предоставлено для анализа материалов. Все было интересно. В эти дни было еще одно любопытное явление, которое наблюдается только в мае-июне: в одну из пещер особым образом проникает тень. Но попасть туда Юрию Валентиновичу было сложно, и Алонсо решил показать нам другую пещеру, куда доступ был проще. Для этого и пришлось через день вернуться в Теотиуакан. Кнорозов был доволен – он вел себя заметно более оживленно, уже считая Алонсо Чакона своим другом.

Пещера была обнаружена почти случайно под пирамидой Солнца. Незадолго до этого расчистили туннель, который вел в пещеру прямо под основанием пирамиды. От колодца со стороны Дороги мертвых вели остатки полуразрушенной лестницы, вырубленной прямо в грунте. Оттуда начинался 103-метровый ход к середине пирамиды. По всей протяженности он идет на одном уровне, едва понижаясь на метр-полтора к центру. Отмечено, что естественная пещера

Юрий Валентинович, как всегда с «котомкой»

была специально доработана: в некоторых местах до человеческого роста выровнен слегка извивающийся туннель, сглажены стены, выстлан пол, усовершенствована форма камеры. Археологи обнаружили остатки кладки, поэтапно замуровавшей части пещеры, – всего оказалось около 30 таких перекрытий.

Главное, что страшно понравилось Юрию Валентиновичу, – пещера представляла собой как бы цветок с «лепестками», которые в сумме давали цифру семь, а это уже перекликалось с легендарными «семью пещерами» древних мезоамериканцев. Важная тема, связанная с этногенезом майя, постоянно находилась в центре научных интересов шефа. Но в эту пещеру спускаться Юрий Валентинович не стал – он остался у входа, выкуривая сигарету за сигаретой. А вот Марио Перес Кампа (рука которого стала надежной опорой для шефа в эти дни) устоять перед искушением не смог – когда еще туда попадешь! – и вместе со мной полез в туннель.

Кстати, в Мексике кто-то предложил шефу попробовать сигареты под глумливым названием «Ligeros», то есть «Легкие». И тут даже курильщик со стажем Кнорозов поперхнулся, попробовав их в первый раз. «Страшнее "Беломор-канала"», – прокомментировал он с изумлением.

К моменту нашего возвращения из-под пирамиды Солнца шеф пришел к окончательному выводу относительно Теотиуакана: «Страшно тоскливое место. Но со стратегической точки зрения выбрано идеально». Что успел он увидеть за время моего отсутствия? Полчища диких захватчиков, напавших на этот оазис науки и искусств и усеявших трупами бесконечную Дорогу Мертвых? Или тот ужасный пожар, что печально завершил жизнь великолепного города? Хотя вряд ли – шеф не любил смерть.

Алонсо сделал Кнорозову еще один потрясающий подарок: показал комплекс Ла-Вентилья, где совсем недавно были обнаружены группы иероглифов. Шеф, которому было тяжело ходить, опять взял под руку Марио и отравился в Ла-Вентилью. В тот момент никто из археологов здесь не работал, комплекс был закрыт для посетителей – и можно было спокойно рассматривать древние надписи.

Алонсо Чакон выступил в защиту Теотиуакана: в далекие времена местность вокруг этого величественного города, расположенного на северо-востоке от долины Мехико (всего в 50 км от современной

Участники проекта в Теотиуакане во главе с Алонсо Чаконом, предоставившим фотографии

столицы страны), была отнюдь не столь унылой, как нынче. Горные склоны покрывали густые леса, а небольшую долину Теотиуакана пересекали ручейки и речки, делая ее плодородной и очень привлекательной для жизни.

Четумаль

Накануне вылета в штат Кинтана-Роо нас перевезли в гостиницу «Континенталь», что рядом с аэропортом. А 9 июля утром мы вылетели в Четумаль, где нас встретила Адриана Веласкес – региональный директор в Кинтана-Роо Национального института антропологии и истории и отвезла в отель «Архес». Надо сказать, что с тех самых пор Адриана остается верным другом, всегда помогающим во всех проектах «Центра Кнорозова».

В тот год с 11 по 15 июля в Четумале – столице штата Кинтана-Роо – проходил Третий международный конгресс исследователей майя. Четумаль, совсем маленький одноэтажный городок, приютился на стыке границ Кинтана-Роо, Белиза и Гватемалы. Еще в 1970-х здесь не было асфальтированных улиц и городок был известен (по образному определению нашего коллеги Валерия Гуляева) как «пиратское гнездо». Сюда, в удобную закрытую лагуну, под покровом темноты заходили корабли, нагруженные контрабандой. Днем сонный от тропической жары городок к ночи буквально преображался: жители

Четумаля, как муравьи, устремлялись на лодочках к кораблю за товаром, растаскивая его по своим лавчонкам. А утром, когда корабль уходил, городок вновь погружался в сладостную дремоту.

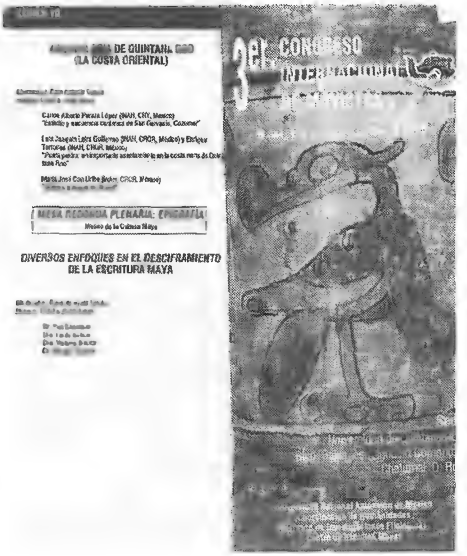
Но эти времена ушли в прошлое – в 1995-м все улицы уже были вымощены, исчезли деревянные дома... Видимо, в качестве своеобразного наследия прошлого, осталось огромное количество обувных магазинчиков с товаром сомнительного качества и неизвестного производства. Университет, где проходил конгресс, неожиданно оказался вполне современным центром, оснащенным по последнему слову техники. Окна аудиторий выходили прямо на одну из великолепных бирюзово-голубых лагун, коими столь щедры здесь берега Карибского моря.

Тот самый понедельник, 10 июля. На четумальский конгресс мы попали практически случайно. Но в программе уже было объявлено участие Кнорозова, а также заявлен мой доклад «Зодиак майя как модель мира» – приглашающая сторона очень оперативно подгадала приезд в Мексику Кнорозова как раз к самому конгрессу, и организаторы встретили его должным образом. Это был пленарный круглый стол, который проходил в зале Музея культуры майя. Там висел портрет Кнорозова с кошкой и какие-то приветственные слова. За столом на сцене, куда нас усадили, уже находился недавно назначенный ректор университета – Эфраим Вильянуэва Аркос. Модератором была Марисела Айяла. Неподалеку восседала Линда Шиле, рядом были Виктория Бриккер и Николас Хопкинс, Николай Грюбе, Эрик Бут, Кэтрин Джоссеранд.

К пяти вечера зал был полностью забит самым разнообразным народом, исследователями и просто слушателями – всем хотелось послушать Кнорозова. Он очень волновался. Шеф вообще не любил публичных выступлений, а тут такая аудитория! Поначалу все шло хорошо: были сказаны приветственные слова Кнорозову, он ответил на приветствия. После этого начались доклады, в процессе которых шеф все больше и больше мрачнел. И я понимала почему – одни рассказывали про свои «открытия», которые Кнорозовым были опубликованы давно, и уже даже на английском. Линда Шиле вышла и заговорила крайне невразумительно. Она сделала худшее из всего, что могло придти в голову: высветила один знак – кажется, ягуарьей лапы – из целого текста и начала рассказывать какую-то историю майя только на том основании, что этот знак встречается в разных местах. При этом она пыталась изобразить царапающегося ягуара, полагая, что это должно убедить слушателей. Все поговорили, похлопали, а организаторы начали складывать проектор и убирать экран.

Тут шеф не выдержал и возмущенно сказал мне: «Что весь этот цирк означает? Думаю, мы должны выступить». Само собой подразумевалось, что кинуться на амбразуру должна была я. И мне ничего не оставалось, как встать, и, чуть не отнимая у кого-то микрофон, громко заявить: «Извините, а нам слово разве не будет предоставлено? Доктор Кнорозов считает, что нам тоже есть что сказать».

Зал замер в предвкушении чего-то невероятного. Американские коллеги недовольно сели, помощники быстро настраивали уже было собранную аппаратуру. И тогда я начала, пункт за пунктом, объяснять принципы дешифровки письма майя, структуру письменного текста, методы работы с текстами, исключающие «любование» одним отдельно взятым знаком, а также имитацию царапанья ягуаров... Доходчиво объяснила, чем отличается дешифровка от бесконечных интерпретаций, которыми и занимаются выступавшие коллеги.



Программа Конгресса в Четумале

В общем, закончила я наше выступление под гром аплодисментов восторженной публики. Юрий Валентинович толкнул меня кулаком в плечо (высшее выражение его одобрения) и сказал: «Ну что, так и надо!» Американские коллеги в полном молчании собирали свои бумаги. Они даже не стали прощаться с Кнорозовым! Линда Шиле заспешила к выходу. «Интересно, – думала я, – куда подевалась их показная вежливость и улыбчивость?» Об этом событии вспоминает и тогдашний ректор университета Кинтана-Роо Эфраим Вильянуэва:

> ...Как мне кажется, один из «круглых столов» прошел в совершенно особом напряжении и потому стал резонансным. Речь идет о «круглом столе», посвященном эпиграфике и «разным подходам к дешифровке письма майя». Надо заметить, что на этом заседании присутствовал особый участник, исследователь, получивший на этом конгрессе, наконец, заслуженное признание своих пионерских работ, которые окончательно определили способ чтения и понимание древнего письма майя, опровергнув преобладавшую долгие годы позицию Эрика Томпсона, утверждавшего в период «холодной войны», что это письмо невозможно дешифровать. Я имею в виду русского исследователя доктора Юрия Кнорозова, которого сопровождала коллега Галина Ершова из Российского государственного гуманитарного университета.
>
> Я помню выступление д-ра Кнорозова, где была разъяснена теория дешифровки, прояснены методологические позиции по фонетическому чтению знаков – то, что он называл «доказательным чтением». Помню то всеобщее признание, которое собравшиеся выразили Кнорозову, ученому, который, не имея возможности посетить археологические места

майя, стал первым, выдвигая гипотезу о том, что знаки майя были фонетическими, что и позволило понять тексты и историю майя...

Надо сказать, что именно Эфраим Вильянуэва поддержал спустя год издание «Компендиума» Кнорозова, а в 2001 году, уже после смерти Юрия Валентиновича, способствовал проведению первого проекта в рамках идеи Кнорозова о создании «Корпуса текстов майя». Это был проект «Надписи Кинтана-Роо», реализацию которого также обеспечивала Адриана Веласкес, в то время региональный директор Национального института антропологии и истории в Китана-Роо.

Кнорозов, вне всех сомнений, с этого знакового «круглого стола» стал героем мексиканцев. Все хотели с ним сфотографироваться, сказать какие-то добрые слова, пригласить пообедать. В ресторанах с нас даже не хотели брать денег! А утром в гостиницу заявился колдун. «Хочу вас отблагодарить», – сказал он. Потом закрыл глаза, медленно вобрал в себя воздух, поднес к губам огромную, с голову ребенка, морскую раковину... Мощный глубокий звук начал расползаться по гостинице. Его тяжелая густая волна неторопливо спускалась из пустого в этот час ресторана, постепенно заполняя все четырехэтажное здание. Казалось, оно даже слегка вибрировало, как при сильном урагане. А было, заметим, шесть часов утра! Кончилась последняя ночь июльского полнолуния. Начинался новый тропический день – по словам колдуна-индейца, «новый этап жизни». Голос раковины был специальным напутствием и особенным подарком. Подарком была и нефритовая бусина, при мне вынутая из ожерелья, которому явно было не меньше полутора тысяч лет. Колдун был сапотеком, однако основным своим занятием считал астрологию майя. Причем для своих предсказаний он использовал кодексы науа. Но главное, он хотел выразить Кнорозову свое восхищение. Так его никто еще не благодарил!

Оглядев быстро заполнившийся невыспавшейся публикой ресторан, колдун с довольной улыбкой пояснил: «Когда я был еще ребенком, в мои обязанности входило созывать гудением раковины работавших в поле крестьян к обеду». Я же про себя порадовалась, что в эти дни в гостинице не было обыкновенных туристов – все постояльцы являлись участниками третьего Международного конгресса по культуре майя. Антропологи и археологи – народ, как правило, с крепкими нервами и готовый к любой неожиданности.

...Позже, давая интервью, Линда Шиле на вопрос о нашем выступлении гордо и очень «академично» заявила прессе: «Эти русские вечно воюют»... Это был единственный ее комментарий по существу проблемы чтения иероглифических текстов майя. От Кнорозова она после этого держалась на расстоянии. А он вообще не понимал, какое «эта дама» имеет отношение к письму майя... Хотя признавал, что книжки она публиковала весьма красивые – с цветными картинками: я купила тогда ему на «докторский фонд» ее альбом про зайцев, чтобы не пропали оставшиеся деньги.

Так, под триумфальные звуки раковины, для Кнорозова закончился Третий конгресс майянистов в Четумале. И еще мне передали записку от францисканского настоятеля монастыря в Исамале Фрай Антонио Рамиреса, который сообщал, что его перевели в Кинтана-Роо, напоминал об интервью с нами о Диего де Ланде, которое он записал, и прилагал свой новый адрес. Увы, мы уже не успевали навестить его, и шеф очень об этом жалел...

11 июля, едва успели позавтракать, за нами приехал Фернандо Кортес Брасдефер и повез нас в Ш-Пухиль, попутно заезжая и в другие археологические места. Так что день мы провели великолепно.

12 июля за нами в отель приехала Адриана, очень понравившаяся шефу, и мы опять отправились осматривать археологические места – это были потрясающие древние города Цибанче и Кохунлич.

Дальше наш путь следовал по полуострову Юкатан – о большем Кнорозов и не мечтал.

По белым дорогам Юкатана!

Следующим пунктом нашего путешествия был штат Юкатан. 14 июля мы выехали в сопровождении местного археолога Луиса Лейры сначала в Тулум, а затем в Кобу, заночевав в гостинице с профессиональным названием «Вильяс Аркеолохикас», что рядом с великолепным археологическим комплексом Коба. Маленькая гостиница располагалась на берегу озера, как и другие здешние отели и рестораны. Оказалось, что вот уже несколько лет крупный кайман имел привычку выползать ровно в 6.30 утра из озерка, чтобы направиться к местному ресторанчику за завтраком. В последние годы к большому кайману присоединился и второй – поменьше. Хозяева, которые поначалу расценивали подобные визиты как отличную рекламу для заманивания туристов, начали несколько опасаться своих постоянных прожорливых «клиентов». Эта история привела шефа в настоящий восторг, и он не поленился выбраться на рассвете на берег, чтобы своими глазами убедиться в рассказах. «Клевещут на бедную зверушку, – потом комментировал он. – Две куриные лапки всего и досталось – а разговоров!»

Из Кобы нас забрал уже археолог и верный с того дня друг Петер Шмидт, который повез в Чичен-Ицу (где долгие годы был руководителем проекта). В городе Мерида нас поселили в гостиницу «Эль Конкистадор», что на Бульваре Монтехо. К Юкатану и Мериде у Юрия Валентиновича явно было особое отношение – как если бы он вернулся домой. Когда с ним на улице здоровались незнакомцы, он воспринимал это как должное. Мне все время казалось, что он всё время ожидал встретить кого-то хорошо знакомого – Ланду?

Утром 15 июля мы вылетали в Мехико. Уезжая из Мериды, Кнорозов несколько раз повторил, что «было бы неплохо сюда вернуться».

Последствия четумальского конгресса

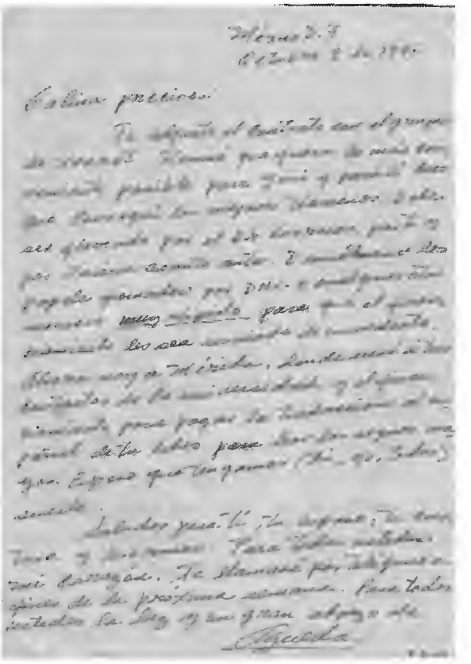
Похоже, что после знаменитого Конгресса майянистов в Четумале, на котором присутствовал Кнорозов, эпиграфика майя обрела в Мексике новую жизнь. 20 июля я получила факс из Автономного университета Юкатана (UADY) от директора школы Антропологии Дельфина Кесада. Он приглашал прочесть в Школе антропологии курс по эпиграфике майя. Естественно, что я согласилась, и ни разу об этом не пожалела. Уже через несколько месяцев я читала курс записавшимся слушателям, многие из которых стали моими друзьями на всю жизнь. Это археолог Бетти Репетто – жена Рубена Мальдонадо; Карлос Эвия, с которым мы начинали осваивать пещеры (он теперь главный спелеолог Юкатана); Барбара Пфейлер Блага – австрийский лингвист, так и оставшаяся в Мексике заниматься языками майя.

Все шло своим чередом, пока однажды, в самый разгар курса, мне не сообщили, что в деканат настойчиво звонит некий Маркос Констандсе, предприниматель из Канкуна. Естественно, мне и в голову не пришло отвечать на его звонок – богатому человеку явно нечего делать, вот и звонит, чтобы культурно пообщаться. Но Маркос Констандсе продолжал звонить и, наконец, в один прекрасный день я оказалась рядом с телефоном и вынуждена была ответить. Голос на том конце провода пытался убедить меня приехать в Шкарет (что это такое, я не знала) и посмотреть все своими глазами. И что у него есть интерес к сотрудничеству. Я впала в задумчивость: с одной стороны, у меня, как человека из российских 90-х, доверия к предпринимателю быть не могло по определению. С другой стороны – вдруг что-то полезное и выйдет? А с третьей, мне уже было любопытно пуститься в новое приключение. Ехать на автобусе, к тому же одной, мне не хотелось – и мы отправились с верным Карлосом Эвия на его машине в Канкун. Приехали на указанную улицу Фламинго к обозначенному дому. Я позвонила – открыла прислуга. Провела по коридору в комнату с окнами во всю стену, открывавшими изумительный вид на бирюзовое море.

Дом показался странным: что-то в нем зацепило, он был явно не мексиканский, более того – странно напоминал именно русский дом. Причем даже сейчас не могу сказать, чем именно – ни матрешек, ни балалаек, ни медведей не было. Но присутствовал какой-то неуловимый русский дух...

Вскоре появился Маркос – вполне импозантный мужчина, старше меня возрастом, весь в белом. И начал расспрашивать про Кнорозова, про занятия в университете. Я отвечала без особого энтузиазма, не очень понимая, что, собственно, ему надо. Карлитос как всегда скромно молчал. И вдруг вошла хрупкая стройная подтянутая женщина и заговорила по-русски. Это был немного старомодный русский язык, на котором сейчас уже не говорят. «Инна», – представилась она. Это была жена Маркоса. Тут все стало на свои места. Инна родилась в 1941-м, в Харькове, в семье инженера Редько, который увез семью в 1942-м в Германию, а когда исход войны стал понятен, перебрался

в Австрию, а оттуда в Бразилию. Все дети в семье говорили на том языке, который был в ходу у харьковчан в начале 1940-х... На том самом, легкий малороссийский акцент которого сохранял всю жизнь Кнорозов. Однако Инна не имела никакого отношения к планам Маркоса. Это показалось странным: русский дух – отдельно, а желание помочь Кнорозову и культуре майя тоже отдельно. Мне становилось все любопытнее и любопытнее, чем закончится это приключение, начинающееся в богатом мексиканском доме с русским духом.



Письмо Агеды о публикации монографии Кнорозова

Маркос предложил поехать в парк Шкарет. «В парк, так в парк», – подумала я. Тем более что Карлитос по дороге уже успел рассказать мне об этом чудесном, но дороговатом для многих простых мексиканцев месте. Его интересом (как и моим) были колодцы-сеноты, пещеры и подземные реки, в которых мы мечтали поплавать. Мы отправились в парк на роскошной большой белой машине. Стало понятно, что Маркос – один из владельцев парка.

В Шкарете наш хозяин сам рассказал и показал все, что было сделано – индейцы, бабочки, яркие гуакамайи, фламинго, черепахи всех размеров, растения, подземные реки, пляжи, музыка – калейдоскоп красок и образов вокруг руин майя и прекрасной природы. Поразило жилье ягуаров и пум – огромная площадка, отделенная рвом – но без всяких решеток. Однако Маркос показывал не красоты, а ту скрытую от туристов сторону, которая связана с научной поддержкой всей этой грандиозной экосистемы.

Вечерний концерт под открытым небом стал последней вишенкой в этом изумительном торте. Причем, как нарочно, именно в это время в ночи по небу проходила прекрасно наблюдаемая невооруженным глазом комета Хиакугак (или комета Хякутакэ), получившая также название «Большая комета 1996 года». Она считается самой красивой кометой последних десятилетий. Особый смысл приобретал тот факт, что комета появилась в северной части неба – как будто летела из страны мертвых, как считали майя... В древности комета у майя связывалась с сигарой колдуна или «видящего», поскольку последний, как считалось, во время курения сигар мог посещать любые миры. Большая яркая комета назы-

валась «бегом колдуна» или «огненной большой звездой». А маленькая так и именовалась: «сигара колдуна». Так что с точки зрения древних майя «Большая комета 1996 года» была ничем иным как «бегом колдуна», который нес вести с того света...

К концу дня я превратилась буквально в фаната этого рукотворного рая, созданного, как оказалось, на ужасных рифовых берегах, болотах и зарослях опасной дикой сельвы, где кишели паразиты, змеи, ядовитые насекомые, переносчики тропических заболеваний – наподобие денге или малярии. В XVI веке тут гибли от болезней первые испанские конкистадоры. Еще совсем недавно эти места были прибежищем беглых преступников и страшных «чиклерос» – сборщиков каучука. Книгу француза Мишеля Песселя «Затерянный мир Кинтана-Роо» мне в свое время выдал Юрий Валентинович – для ознакомления. На самом деле, находясь в Шкарете, трудно поверить, что все эти кошмары происходили буквально полвека назад.

Предложение Маркоса Констандсе звучало так: Маркос готов финансировать издание монографии Кнорозова по дешифровке и письму майя. Какая-то часть работы будет проходить в России, а потом надо будет привезти Юрия Валентиновича в Шкарет на три месяца, чтобы окончательно подготовить книгу. Зная, как Кнорозов любил свою внучку, я сразу же спросила Маркоса, можно ли привезти его любимую Рысь, которой тогда было около 12 лет. Маркос тут же согласился на это, а также предложил приехать и моей дочери. Это выглядело сказкой.

У меня оставался один вопрос: каким образом Маркос узнал о Юрии Кнорозове и почему решил продвигать его работы в Мексике? Было понятно, что определенную роль в этом сыграл фактор четумальского конгресса. Но каким образом? Тайна разрешилась постепенно. И героиней очередной невероятной истории оказалась мексиканская дама по имени Агеда. Уже позже я узнала, что она то куда-то исчезала, то вдруг появлялась – и тогда бросалась в различную общественную деятельность, связанную с помощью индейцам и поиском «древней книги». Во время знакового конгресса в Четумале она узнала о Кнорозове и поставила себе целью сделать его труды достоянием мексиканцев. Агеда как-то сумела добиться встречи с руководством парка Шкарет, где устроила настоящее представление «театра одного актера» (как рассказывал потом Маркос), убеждая богатых владельцев парка в необходимости опубликовать труды Кнорозова – «КНИГУ». Видимо, ее страстность по неведомой причине произвела неизгладимое впечатление на Маркоса, и тот решил «ввязаться в эту бодягу», как потом определил шеф.

Сохранилось письмо, посланное мне Агедой в 1995 году:

Мехико Д.Ф.
Октябрь 8, 1995

Дорогая Галина

Прилагаю для тебя контракт с группой Шкарет. Я проследила, чтобы он был максимально выгодный для Юрия и для тебя. Думаю, что мне удалось достичь наилучших условий. Он должен быть подписан доктором

Кнорозовым, тобой и Сариной как можно скорее. Вышли мне подписанные бумаги с DHL или любой курьерской почтой. Сейчас я еду в Мериду, где у меня будут переговоры с университетом о финансировании оплаты перевода на испанский язык твоей книги, чтобы читать знаки майя. Надеюсь, что нам (тебе, мне, всем) повезет.
Приветы тебе и твоему супругу, твоей дочери и Кнорозову. Всем вам отдаю свое сердце. Я позвоню тебе по телефону в конце следующей недели. Всем вам свет и мои объятья.

Агеда

Роль Сарины заключалась еще и в том, что Маркос пересылал ей деньги, которые она передавала шефу. Эти деньги буквально спасли Юрия Валентиновича в невероятно трудные времена. Удивительно, но во всей этой истории Агеда в дальнейшем так и не появилась. Она сделала свое дело и исчезла, превратившись почти в легенду. Я честно пыталась отыскать ее, у меня сохранился телефон – но безуспешно. А Маркос приступил к реализации задачи. Причем союзником его стал ректор университета Кинтана-Роо – Эфраин Вильянуэва, принимавший конгресс майянистов. Забегая вперед, скажу, что в 2001 году Эфраин учредил в своем университете «Кафедру Кнорозова» и помог Центру Кнорозова в РГГУ осуществить первый полевой проект по созданию «Корпуса надписей майя», который позже получил у нас название «Эпиграфический атлас майя».

Но тогда, в 1996-м, вернувшись в Москву, я тут же связалась с Кнорозовым, рассказав ему о таком замечательном предложении владельцев парка Шкарет. В том, что он согласится, я не сомневалась: поездки в Мексику, даже надежда на них, для сильно сдавшего к тому времени Кнорозова превратились в единственное светлое событие в тягостном выживании 90-х. Дома в Петербурге он буквально скатывался в пропасть. Но ради Мексики шеф был готов на все – даже обещать не пить...

Работу над подготовкой «Компендиума» я начала сразу, как вернулась в Москву. И столкнулась с тем, что тексты глав надо было высылать Маркосу по мере их готовности. Но проблема обозначилась в том, что почта в России в 90-е уже практически не работала! Посылать «дискеты» – был такой носитель – пусть даже курьерской почтой оказалось делом крайне сложным. Надо было получать разрешение в непонятно каких органах на пересылку такой информации. И тут меня осенило – я установила дома Интернет! Сейчас мало кто представляет себе эти аппараты, которые подключались к стационарному телефону и блокировали телефонную связь, пока шла передача файлов. А передача, заметим, шла крайне долго, срывалась, и при этом еще космически шипела и трещала. Чтобы было понятно: файл с текстом из 20 страниц можно было отправлять целый час. И стоило это огромных денег! Но это еще не все – Интернета на те времена не было и в Шкарете. Он тогда вообще мало где был. Так что стоит признать, что Канкун и парк Шкарет обзавелись Интернетом благодаря именно Кнорозову.

Опять Мексика
1997

Итак, новое путешествие. К нему начали готовиться загодя. Кнорозов слабел, и это было заметно. Хотя сам он в разъездах видел одну большую проблему: с кем оставить Белобандитку – кошку, «прикидывающуюся котом». Он считал ее единственным членом своей семьи и даже жаловался атташе по культуре мексиканского посольства Сарине Мартинес, о чем она вспоминала:

> У него была кошечка. И он беспокоился, оставляя ее дома, так как она играла с его карточками. И есть его фотография молодым со своей кошкой на руках. Я тоже кошатница – и это была одна из тем для разговоров.
>
> Помню одну вещь, которая мне тоже показалась удивительно трогательной, это то, что после возвращения из Мексики, после получения Ацтекского Орла и после новой поездки в Мексику его волновало и мешало ему работать то, что у него не было падежного места, чтобы хранить свои материалы. Зато был кот, который регулярно разорял картотеку. Эти детали были слишком незатейливыми – но они имели огромное значение. В конце концов, именно детали и рисуют портрет человека.

Второй проблемой неожиданно стала поездка Рыси. Я сразу же связалась с дочерью Юрия Валентиновича Катей, чтобы выяснить, согласна ли она отпустить 12-летнюю девочку. Катя, казалось, обрадовалась и не возражала против поездки дочери в Мексику. Надо было сделать для девочки только загранпаспорт и заявление от матери. Забегая вперед, скажу, что ничего этого сделано не было. В последний момент перед самой покупкой билетов неожиданно позвонила Рысь. Она сказала, что у нее проблема с глазами, а также добавила, что «мама тоже хочет ехать в Мексику». Но решать такие вопросы накануне выезда было уже не в моих силах и возможностях.

Тиахога, которой я сообщила новость о нашей грядущей поездке, в срочном порядке начала собирать съемочную группу из друзей, готовых бесплатно пуститься в авантюру – снимать фильм о Кнорозове.

Поскольку в этот раз билеты мы покупали сами, то решили лететь через Кубу. Тем более что нашим конечным пунктом был Канкун, до которого от Гаваны рукой подать. Увидеть места «Нашего человека в Гаване» хотелось всем троим: шефу (который продолжал не верить в эту удачу), мне и моей дочери (или «сеньорите Анне») – верному другу и помощнику во всех делах и начинаниях. Еще за ней были закреплены функции фотографа и оператора. Но главное было то, что шеф знал ее с раннего детства и у них сложились замечательные, почти родственные отношения. Они очень любили долгие беседы с поочередным цитированием литературы.

Первым впечатлением от Кубы стал вид на ободранные крыши домов Гаваны, которые удалось разглядеть в иллюминатор, да надпись

в аэропорту: «Социализм или смерть». Потрясли еще бесформенные мулатки, втиснутые все как одна в страшно тесные брюки и блузки, будто эту одежду выдали им еще в детстве, и с тех пор им так и не удалось приобрести ничего более подходящего по размеру. Я вспомнила чью-то фразу «нет женщин красивее мулаток» и поинтересовалась у шефа, согласен ли он с эти мнением. Тот выразительно посмотрел на меня, как бы сомневаясь в моих умственных способностях. У него был характерный жест для пауз – как бы стряхнуть всей кистью руки пыль с пуговиц пиджака. Потом он ответил с сомнением: «Да тут ведь дело вкуса...Тудэма-судэма...»

Завтрак на террасе гостиницы в Гаване

Мы остановились в гостинице «Пласа», что располагалась на углу Центрального парка. В стране тогда только-только начинались работы по восстановлению гостиниц и центра для туристов. Гавана и сейчас сохраняет неухоженные и темные районы, а в конце 90-х город производил жуткое впечатление. То, что именовалось «Центральным парком», нам показалось каким-то заброшенным пустырем, где в ночи приставали проститутки всех возрастов и ориентаций, а у огня сидели наркоманы. И было страшно проходить мимо. За шесть лет без поддержки Советского Союза островная экономика рухнула. При этом кубинцы возмущались и упрекали в своих бедах россиян – им почему-то и в голову не приходило, что Россия и сама переживала очень тяжелые времена, а свою жизнь на Острове Свободы им следовало налаживать самостоятельно.

Для шефа стало просто подарком то, что мы оказались в Гаване – об этом он даже и не мечтал. Номера в старой гостинице потрясающе пахли тропической сыростью и деревом, были практически без окон, поскольку те, что есть, выходили вовнутрь, на проходную галерею, и потому были всегда занавешены. Этот так называемый «колониальный стиль» в архитектуре – на любителя. Но нам нравилось все. Завтрак, хоть и скромный, был на верхней террасе с роскошным видом на бирюзовый океан. Шеф мог курить и наслаждаться обзором окрестностей сверху. Еще ему страшно нравилось, что здесь – на Карибских островах – некогда заправлял далекий предок сеньориты Анны – губернатор и генерал-капитан Индий Николас де Овандо.

Кроме того, в гостиницу «Пласа» мы вселились с твердым намерением пройти по местам «Нашего человека в Гаване» Грэма Грина и попробовать дайкири. Впрочем, дайкири оказался странным спиртным напитком из размолотого льда – впечатления не произвел, но все равно это было здорово.

Сеньорита Анна – только она могла снимать Кнорозова, не раздражая его

Мы, естественно, предприняли попытку осмотреть окрестные улицы – и пришли в ужас. Дома разваливались на глазах, из стен росли деревья, на окнах и балконах трепыхались какие-то тряпки – обитатели сушили белье. При этом здания вовсе не были простыми «коробками», как в Мексике или Гватемале, – в них проглядывалась прекрасная колониальная архитектура, доведенная до состояния серых развалин. Как говорили про Петербург: «Когда этот город достроят, он будет прекрасен». Сейчас центр Гаваны уже другой, но те времена вспоминаются с испугом.

Наш путь в Канкун продолжился через три дня. Про транспорт Гаваны нет смысла рассказывать, так как только ленивый не описывает этот живой музей автомобильных раритетов под открытым небом. Забавно было то, что мы заказали официальное такси, которое было несколько дороже – и вовремя появился пожилой таксист в костюме, белой рубашке с галстуком и прекрасными манерами. Мы были потрясены: после всех этих развязных бомбил в шортах и футболках... Оказалось, наш таксист работал еще в «дореволюционной» Гаване и прекрасно знал, что такое настоящий сервис. Он без проблем довез нас до аэропорта, помог шефу, который всегда с удовольствием цеплялся за чью-нибудь крепкую руку.

Сдав багаж, мы довольно долго болтались в тесном зале ожидания гаванского аэропорта, который тут же был обозван шефом «накопителем», то есть разновидностью энтомологического эксгаустера – прибора для отлова насекомых. В качестве сувениров пассажирам предлагались видеокассеты с многочисленными речами Фиделя Кастро и раздутый, как шар, покрытый лаком морской еж. Ни то, ни другое почему-то спросом не пользовалось. Вдруг по громкоговорителю нас вызвала служба аэропорта – те, кто досматривал наш багаж, почему-то прицепились к большому количеству книг и бумаг в чемоданах. Пришлось объяснять, что это наша работа... Вроде поверили и ничего не отняли.

Итак, в марте 1997 года мы добрались до парка Шкарет. Нас поселили в «хижине» – с виду скромный домик под высокой пальмовой крышей. Внутри было две спальни, кухонька, отделенная стойкой от большой общей комнаты. И еще крохотная комнатка для прислуги, куда позже вселили двухметрового Диму Беляева, получившего стипендию Президента России и потому в 1996 году учившегося под присмотром Дельфина в Мериде в Автономном университете Юкатана. В комнатку Дима не помещался – ноги, чтобы спать, ему приходилось задирать на стену.

У меня с собой был ноутбук – по нынешним временам слабенький, с небольшой памятью и жутко тяжелый. Уже не помню, но, кажется, даже экран был черно-белый. Чтобы это чудо техники работало в тропической жаре, мы направляли на него вентилятор. Иначе он просто замирал. На этом компьютере осуществились окончательные работы по подготовке «Компендиума» – той самой «КНИГИ» о дешифровке письма майя. Атташе по культуре Сарина Мартинес вспоминает:

Маркос Констандсе и Юрий Валентинович

> Я думаю, что отличным результатом стало издание «Компендиума» в Шкарете. К сожалению, Юрий Валентинович чуть-чуть не дожил до того, чтобы увидеть его своими глазами. Но он ощутил поддержку правительства Мексики, парка Шкарет, университета Кинтана-Роо. Это бесценное издание и для нашей страны, и для всех специалистов мира.
>
> Я встретила приятеля, который в библиотеке Четумаля обнаружил издание «Компендиума» – и для него, и для меня это было нечто, появившееся с помощью наших усилий. Это самый приятный момент работы атташе по культуре – видеть воочию результаты того, что ты делаешь на протяжении месяцев и даже лет. Вот оно!
>
> «Компендиум» с научной точки рения – очень важное явление, но это и прекрасное издание. И держать его в руках, чувствовать – вот она, моя работа. Мы всего лишь помогали во всем этом процессе – но считаем, что это и часть нашей работы.

Шеф был счастлив – он жил в прекрасном парке среди птиц и зверей, никуда не надо было бежать. А единственный ежедневный поход был разве что в ресторан, вокруг которого плавали гигантские черепахи. Можно было пройти мимо ягуаров, вольготно гуляющих по своему острову. Кроме того, вскоре к «хижине» стали приходить коты. Некоторые были в ошейничках: они официально состояли в парке на службе. А другие коты-нелегалы обходились без ошейничков. Шеф приносил в котомке еду из ресторана и кормил всех.

Были и важные визитеры – например, тогдашний президент Гватемалы Альваро Арсу. В Шкарете он был на отдыхе, но обязательно

Инна Редько – жена Маркоса и дочь инженера Редько из Харькова

захотел познакомиться с великим Кнорозовым. Рассказал о своих русских корнях и пригласил опять посетить Гватемалу. Но дальше разговоров это приглашение не пошло. А шеф долго еще спрашивал, нет ли «каких вестей» из Гватемалы. Так же, как ждал обещанную индейскую рубашку от Мигеля Анхеля Астуриаса.

До окончания работ над «Компендиумом» было далеко, как в апреле появилась съемочная группа во главе с Тиахогой. Поначалу съемки развлекали Юрия Валентиновича. Но вскоре бесконечные вопросы «Бешеной Дакотки» стали его раздражать.

> «Ученый, где бы он ни был, в Старом Свете, в Новом или где-то посредине, всегда остается ученым. Если есть задача, он изо всех сил старается ее разрешить. Достижения древних американских ученых ничем не отличаются от достижений европейских, а в некоторых случаях даже превосходят их...»

Я смотрю на экран и вижу шефа, который произносит эти слова с характерной для него хитроватой полуулыбкой. Неправдоподобно бирюзовый цвет Карибского моря. Тропическая зелень причудливых растений. Кусочек ярко-синего неба. Косые лучи золотого солнца пятнами пляшут по крытой пальмовыми листьями террасе. Это парк Шкарет, входящий в так называемую «Ривьеру майя». Именно здесь пятьсот лет назад высадился на полуостров Юкатан первый отряд конкистадоров. А город майя, принявший на себя эту миссию, назывался Пполé – в нем находился жреческий центр, где, возможно, был написан самый поздний из сохранившихся кодексов майя – Мадридский. И Юрий Валентинович чувствовал, что его присутствие в этом необычном месте вовсе не случайно. Замечал ли он среди деревьев и пирамид тень жреца, который оставил ему рукопись? Все может быть. Ведь признался он однажды, что мечтал бы остаться здесь и после своей смерти...

Съемки в Шкарете не были простыми. Потом они продолжились в Тулуме и Кобе. Юрий Валентинович от камеры уставал, раздражался, злился, всех ненавидел и ругался. Он не понимал, зачем нужны всякие проходы и дубли – и от этого пришлось отказаться. В конце концов, Тиахога просто ловила моменты, снимая великого Кнорозова, сохранив тем самым для всех нас его образ, монологи, объяснения. И все документальные фильмы, которые посвящены Кнорозову,

используют именно эти уникальные съемки, которыми бескорыстно делится «Бешеная Дакотка».

В Шкарете. На мне футболка с котами – «девятью божествами преисподней», по определению шефа

И снова Мерида!

Практически закончив работу над «Компендиумом», мы перебрались из рая в Шкарете в нашу любимую Мериду, где я опять должна была читать курс в университете. Жили мы практически в самом центре, в домике колонии «Гарсия Хинерес», который опять снял для нас университет. В саду за домом росли настоящие манговые деревья, а по ночам приходили носухи порыться в мусорном баке и, если повезет, украсть что-нибудь из кухни. Делали они это мастерски. Сеньорита Анна и Дима Беляев подозревали, что шеф специально подкармливает этих вороватых носух, которые постепенно стали приводить к нам в дом своих многочисленных родственников и друзей. А еще шеф воевал с очередной «камерфрау» – девушка-майя регулярно приходила убирать наш домик, а он старался не пустить ее в свою комнату, обвиняя в том, что она «специально наводит беспорядок». Кстати, действительно выяснилось, что она зачем-то выкинула его хороший бритвенный станок, что привело шефа просто в ярость. Он всю жизнь люто ненавидел ходить с «небритым рылом» и брился даже в невероятных полевых условиях. А бедная девушка, видимо, имела представление лишь об одноразовых пластмассовых бритвах...

Еще ему неожиданно понравилось ходить в соседний салон красоты, где его стригли и приводили в порядок руки и ноги. Когда первый раз я собралась отвести туда шефа, то думала, что будет настоящая война, поскольку перед этим стоило большого труда заставить его сменить костюм на новую легкую одежду (все-таки тропики и 40 градусов жары). Но нет – пойти в салон он согласился, и был невероятно доволен. Правда, рассказывал об этом не нам, а уже своим племянникам в Москве.

Юкатанская кухня приводила шефа в восторг. Названия блюд он записывал на карточки – это была его особая манера делать нужные записи и хранить их в нагрудном кармане. А то, как он поглощал самый острый местный перец, даже мексиканцев не оставляло равнодушными. А еще шеф обязательно участвовал во всех «вылазках» на море неподалеку от порта Прогресо. Пока остальные плавали, он сидел и курил. Иногда позволял себе скинуть обувь и наслаждаться хождением босиком по горячему песку и краю волн, собирая камушки и раковины – дары моря.

Любимое место для курения в Тулуме – с видом на Карибское море

Свежие морепродукты, особенно зажаренная целиком рыба, были его слабостью. Ресторанчик под соломенной крышей на берегу, где мы любили проводить время, содержала и обслуживала мать с пятью загорелыми ребятишками, у которых, всех до одного, были невероятные ярко-синие глаза. Папаша-итальянец, оставивший трудолюбивой женщине это бесценное наследство, как часто бывает, давно растворился в юкатанской жаре и бризе моря.

Юрий Валентинович с удовольствием участвовал в наших проектах и разъездах по Юкатану. С Дельфином Кесада мы поехали в Мани, где некогда происходил тот самый грандиозный спектакль организованный Ландой, и получивший название «Ауто-да-фе в Мани». Нам повезло – настоятель открыл и показал все, даже древние фигурки, которые нашел под монастырем. Особенно хорош был горбун, фотографию которого Юрий Валентинович попросил ему обязательно прислать.

Шеф любил ходить в гости к Барбаре Пфейлер, у которой жили замечательные шарпеи, а еще, как у настоящей австрийки, утки и гуси. Юрий Валентинович очень переживал, выслушивая грустную историю: гусыня отложила яйца, но приползла змея и их съела.

Однажды поехали навестить местного колдуна дона Бето – за год до этого я была у него, когда проводила обследование индейских колдунов с помощью тех же методик, что и московских. Шеф сам вызвался в эту поездку, сказав, что ему тоже «любопытно познакомиться с колдуном майя». Колдун в этот раз решил предсказать мне судьбу – по «черной ленте». Я попросила его сделать то же для

Кнорозова, но он лишь взглянул на него и... наотрез отказался, не дав никаких объяснений. Ровно через два года великого дешифровщика не стало. Случайность? Или же колдун дон Бето увидел знак судьбы, который был не понят остальными?

Были у Кнорозова и другие встречи. Например, в Национальном автономном университете Юкатана, где его принимал ректор Карлос Пасос Новело. А 20 апреля 1997 года в Чичен-Ице состоялся концерт великого тенора Лучано Паваротти под названием «Голоса Чичен-Ицы»[317]. Событие было грандиозным – и нас пригласили принять в нем участие, предоставив места чуть ли не в одном ряду с президентом страны Эрнесто Седильо. Пафосное мероприятие вообще собрало много знаменитостей помимо Кнорозова – Габриеля Гарсия Маркеса, мексиканских деятелей искусства, политиков разных стран, какого-то бывшего американского президента. Этот концерт обошелся Мексике в пять миллионов долларов, как позже подсчитала пресса, он стал «самым дорогим представлением в стране».

Удивительно – но дети всегда любили общаться с Кнорозовым

Статусным машинам при подъезде к Чичен-Ице было не протолкнуться. Наш «минивэн», в который мы поместили всех, включая хозяйку нашего домика донью Сариту, регулярно останавливали, чтобы проверить приглашение. И тут Тиахога Руге начинала уверенно объяснять: «Это Доктор Кнорозов, гость Президента!» И нас, естественно, пропускали. Шеф тихо хихикал, хитро посматривая на меня, и при удобном случае съехидничал, цитируя Швейка: «Когда проезжали продовольственную заставу, Швейк на вопрос сторожа, что везут, ответил: «Пресвятую троицу и деву Марию с фельдкуратом!» Русская часть нашей компании дружно засмеялась. Объяснять было бесполезно, так как в Мексике никто «Бравого солдата Швейка» не читал. Даже Тиахога, папа которой был немцем, а мама голландкой.

Площадь перед пирамидой «Эль-Кастильо» (той, где в равноденствие по ступеням «спускается тень великого змея Кукулькана») оказалась забита стульями на 17 тысяч человек, что держало сотрудников Национального института антропологии и истории в непреходящем шоке. Сцена располагалась сразу перед «Храмом

[317] https://www.youtube.com/watch?v=JE6YicOhjmQ

Любимые «вылазки» на море

воинов». Справа от сцены было место для хора местных детишек. Паваротти технично исполнял свои песни, отлажено взмахивал белым платочком. Кроме того, самого Паваротти сильно «разбавляла» сопрано Карла Мария Иццо. Тенор не спел ничего ни на языке майя, ни хотя бы что-то из юкатанской классики, что также оставило неприятный осадок у публики. В промежутках выходил хор юкатанских детишек, который сразу же и однозначно отодвинул Паваротти на второй план. А когда дети исполнили на языке майя «Кантату о Кукулькане», публика буквально вытирала слезы. Но никто не решался сказать, что великий тенор попросту халтурил. И только Юрий Валентинович, проявив, в свойственной ему манере, нестандартный подход, заметил: «У Паваротти исполняла техника, а у детей пела душа». И это была чистая правда. Потом многие повторяли слова Кнорозова.

Было еще одно президентское мероприятие на Юкатане, чуть раньше, 19 апреля 1997 года в Цибильчальтуне, где мы с Кнорозовым вручили Эрнесто Седильо отпечатанный на принтере экземпляр будущего «Компендиума».

Работа над каталогом была закончена, и началась подготовка издания. Редактором Маркос Констандсе выбрал Патрисию Очоа, работавшую до того в журнале «Вуэльта» и почему-то заинтересовавшуюся книгой Кнорозова, о чем мы потом, правда, сильно пожалели. Патрисия вдруг искренне решила, что «Компендиум» – это *ее* литературный проект, и попросту выкинула из текста все непонятные ей места, чтобы за счет содержания сэкономить деньги для красивой дорогой бумаги. Но Кнорозов уже этого не увидит – «Компендиум» выйдет в 2000 году. Но и в таком виде каталог стал настоящим прорывом в исследованиях майя[318].

Однажды на одно из выступлений пришел странный человек, говоривший по-русски. Он хотел познакомиться с русским дешифровщиком письма майя, работы которого хорошо знал. Меня удивило, что он внешне был очень похож на Кнорозова. Представился как Мануэль Саркисянц[319]. Мне он показался несколько странным, да и шефу тоже. Тогда я не знала, что этот политолог армянского

[318] Knórosov Y.V. Compendio Xcaret de la escritura jeroglífica maya descifrada por Yuri V. Knórosov. / Y.V. Knórosov. En tres tomos. Quintana Roo, 1999.

[319] Мануэль Саркисянц (Emanuel Sarkisyanz) (1923–2015) – социолог, политолог, историк, религиовед. Автор работы «Английские корни немецкого фашизма».

Кнорозов в гостях у колдуна майя дона Бето

Кнорозов в Автономном университете Юкатана

Вверху:
Встреча с редактором «Компендиума» Патрисией Очоа и мексиканским историком Энрике Флорескано
Внизу:
Презентация «Компендиума» в 2000 году

Вверху:
«Компендиум» – «Книга майя» Юрия Валентиновича Кнорозова
Внизу:
Тиахога Руге, Эфраин Вильянуэва, Майкл Ко – друзья Юрия Кнорозова...

В монастыре Мани

происхождения после бурной и странной жизни решил осесть в Мериде. Уже позже, когда мы познакомились поближе, у меня сложилось впечатление, что он был не просто политологом. Дон Мануэль оказался удивительным собеседником, его юмор очень напоминал кнорозовский. В Мериде у него была огромная библиотека, где собрана, в частности, литература по всем национальным регионам Советского Союза. Этот раздел библиотеки из нескольких тысяч томов после смерти Мануэля Саркисянца был передан по цепочке: «Центр Кнорозова в Мериде – посол РФ в Мексике Виктор Коронелли – Марио Умберто Рус – библиотека Института филологических исследований УНАМ».

Последняя из «мечт»: Четыре угла

Последней осуществившейся научной мечтой Кнорозова стала поездка в 1997 году на юго-запад США, в так называемые Четыре угла – стык штатов Нью-Мексико, Колорадо, Юта и Аризона, которые в XIX веке «заботливый северный сосед» аннексировал у Мексики.

Географически очерченный регион на юго-западе США прежде всего ассоциируется с не столь древними так называемыми селениями пуэбло. Однако люди здесь жили еще в глубокой древности, и за тысячи лет не раз менялись культурные традиции. Кроме того, именно здесь, в Четырех углах, находилась (как гласят многочисленные легенды) «древняя прародина», «земля дедушек» мезоамериканских индейцев. Поэтому присутствие в непосредственной близости к Четырем углам древнейших стоянок первых обитателей Нового Света придает этому региону особую и неслучайную интригу. Именно из этих земель, согласно гипотезе Кнорозова, некогда пришли в Мексику очень далекие культурные предки майя, принесшие с собой предания о своей северной прародине.

Эту затею – мечту Юрия Валентиновича увидеть легендарную прародину майя – полностью осуществила Тиахога Руге. Она оплатила и организовала всю экспедицию. Причем смогла даже добиться того, что консульство США в Мериде выдало нам в срочном порядке визы! Это был сильный ход.

Томас Ли и Юрий Кнорозов – так начиналось путешествие в Четыре угла

Дорога к Четырем углам. Шеф собирает на обочине цветочки

Трогательный букетик цветов

Приятное знакомство

А дело происходило так. В консульство в Мериде мы с шефом для начала пришли на перекрестный допрос, который «при советском режиме» нам и не снился. Мы сидели в помещении библиотеки консульства, и у нас долго и сурово выуживали цели столь странного путешествия. Поскольку ни особого желания, ни интереса посещать «Штаты» (за исключением бывших мексиканских территорий на юго-западе) у нас с шефом никогда не было, результаты допроса нас интересовали в основном из экономических соображений. Только за допуск к этому допросу с нас успели «слупить», по образному определению шефа, целых 45 долларов.

А то майское утро напоминало какое-то очень старое кино, где два цэрэушника или фэбээровца буравили гротескно пронзительными взглядами подозреваемых и, чередуясь, задавали «хитрые» вопросы, способные, по-видимому, выявить самые коварные намерения постсоветских врагов. Тем более что эти враги собирались бродить где-то рядом с Силиконовой долиной. На вопросы, как обычно, отвечала я, а шеф с удовольствием наблюдал за спектаклем. Мне была очевидна причина его глумливого веселья: сцена напоминала нечто среднее между лучшими пассажами из трех его любимых книг: «Четвертого позвонка» Марти Ларни, «Нашего человека в Гаване» Грэма Грина и «Приключений бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. В какой-то момент мне даже показалось, что он ищет взглядом на книжных полках библиотеки имена этих авторов. В конце концов, нам повезло – деньги не пропали зря. Нам выдали визы, чтобы мы могли отправиться на поиски «Семи оставленных домов», или «Семи покинутых ущелий» – легендарной прародины майя...

Путешествие казалось недолгим – всего неделя. Но все было так идеально организовано, что шефу удалось увидеть очень много: селенья индейцев анасази[320] в огромном каньоне Чако (Белая Скала, Пещера Атлатля, Каса Чикита, Кин Клетсо, Пуэбло Альто, Пуэбло Арройо, Пуэбло Бонито, Четро Кельт, Каса Ринконада, Веритос Рин-

[320] Анасази – общее название индейской керамической культуры Четырех углов, возникшей примерно в XII веке и сменившейся культурой пуэбло.

кон, Кин Нахасбас, Уна Вида, Вихихи и Шабик'эшче), селение Ацтек с его кивами, Меса Верде с его «скальным дворцом», селение зуни[321] Акома на Столовой горе.

Сама Тиахога так вспоминает о тех событиях:

> Группа «Пульсар» поддержала нас финансированием для организации в США экспедиции с доктором Кнорозовым, чтобы осмотреть археологические места в штатах Нью-Мексико, Юта и Колорадо.
>
> Мечтой доктора Кнорозова было обнаружить место «Семи Пещер», которое считается легендарным. Но по его расчетам, оно должно было находиться в районе национального парка «Меса Верде». Итак, мы совершили эту незабываемую экспедицию. Кроме того, это был единственный раз, когда др. Кнорозов оказался в США.

«Вылез покурить»

Разведывательная экспедиция в поисках «Семи Пещер» состоялась с 17 по 22 мая 1997 года – к ней присоединилось несколько друзей, которые провезли нас по этой территории от Санта-Фе до Меса Верде. Нас сопровождал американский археолог Томас Ли, друг д-ра Кнорозова.

Я помню, как в те дни мы все жили с радостью и симпатией, превратившись в одну большую семью, устремившуюся на поиски невероятного мифа. Др. Кнорозов был счастлив... Я помню его с сигаретой, в бежевой куртке, берете, помню его огромные синие глаза, глядящие в упор в будущее и на прошлое Мезоамерики.

Когда мы въехали в национальный парк Меса Верде, по небу протянулась огромная радуга, приветствуя нас. Лицо др. Кнорозова осветилось, он знал, что мы добрались до «Семи Пещер». Когда выходили из машины, к нему подошло стадо оленей – чтобы тоже поприветствовать. А столпившиеся вокруг охранники парка с изумлением глядели на это, не веря своим глазам.

[321] Зуни – современный индейский народ группы пуэбло.

Поглядев на индейцев зуни, шеф решил стребовать с меня десять долларов за съемки

Вся эта экспедиция и сами съемки сопровождались какой-то магией или тайной, что нам позволило открыть многие двери и представить историю Юрия Валентиновича Кнорозова, а также его дешифровку письменности майя.

Началось, правда, все забавно и в духе шефа. В пафосном городишке Санта-Фе, когда мы зашли в магазинчик купить воды, произошло ограбление абсолютно в стиле вестернов. Вошел грабитель с оружием и объявил: «Всем не двигаться – ограбление!» Надо было видеть выражение удовольствия и любопытства шефа, с которым он наблюдал за сценой! А сопровождавшим нас друзьям было очень стыдно – ну как такое могло случиться! Да еще в Санта-Фе, где сплошь живут интеллектуалы и артисты! Что о нас подумают иностранцы!

Выбранный нами маршрут совпадал с путями знаменитых экспедиций Нарваэса, Сото и Коронадо. Как и конкистадоры, Кнорозов основывался на индейских легендах и описаниях, согласно которым, прежде всего, следовало попасть в верховья Рио-Гранде и уже там, в районе бескрайних плоскогорий, прорезаемых крутыми и глубокими каньонами, искать таинственную прародину индейцев.

Надо сказать, что именно здесь, на приподнятой примерно на 1500 м над уровнем моря равнине, где небо оказывается гораздо ближе к поверхности земли, возникает странное ощущение рукотворности природных явлений. Шеф регулярно оставался чуть позади и замирал, наблюдая невероятный пейзаж. Пересохшие русла ручьев похожи на дороги, устремленные в никуда. Видно, как то там, то тут проливаются похожие на гигантский душ дожди и зарождаются грозовые очаги, которые, кажется, можно успеть объехать стороной. Черная нога торнадо мгновенно дотягивается до земли, начиная свою безумную шаманскую пляску и увлекая за собой все, что встречается на пути. А солнце и луна, чередуясь, прячутся в щелях каньонов где-то по соседству.

Меса Верде с ее «ласточкиными гнездами», безусловно, стала главным пунктом экспедиции. Обрыв каньона походил на камень с тончайшим изображением, врезанным в скошенную овальную

поверхность. Известняки вздымались отвесно вверх – к лесу, к бескрайней синеве неба. Там, внизу, по ту сторону обрыва золотистый город выглядел бесконечно далеким, таким прозрачным и мирным в своей каменной оправе, что воспринимался как сон или мираж, возникший в пустыне. Все казалось чем-то нереальным, какой-то ожившей легендой.

Но особенно шефу понравились огромные черные во́роны. Это были совершенно мистические птицы, которые могут существовать только в индейских преданиях. Шеф выбрал точку наблюдения, сел на камень и, конечно, закурил. А вороны расположились с противоположной стороны каньона, напротив него, и, казалось, находились совсем близко – рукой подать. Наступали сумерки, и было изумительно тихо. Во́роны сидели на деревьях и неторопливо переговаривались. Было ощущение, что мы присутствуем на собрании какого-то неизвестного народа, слышим, как участники что-то обсуждают на своем языке – но ничего не понимаем и только судим о характере бесседы по интонациям. Правда, моментами складывалось впечатление, что еще чуть-чуть – и все станет понятно, как все было понятно шефу. Странное явление – сумерки...

Наслаждаясь компанией воронов, шеф спускаться внутрь каньона отказался. Он остался курить в одиночестве и приобщаться к древности, рисуя себе картины далеких событий. Правда, пока мы скакали по руинам, Юрий Валентинович успел обнаружить, что на камнях, из которых была сложена смотровая площадка, проглядывают покрытые мхом петроглифы! Камни для строительства, по всей видимости, были взяты где-то поблизости, и никому в голову не пришло осматривать их. «Бешеная Дакотка» пришла в такой бурный восторг, что на петроглифы – это были углубления в форме ступни – сбежались смотреть все охранники парка.

Одним словом, уезжали мы из Меса Верде с чувством выполненного долга, еще больше уверившись в правоте гипотезы: именно здесь могла быть прародина «оленных» людей – не зря же олени пришли к шефу! Остается только найти поселения возрастом в 5–6 тыс. лет, чтобы подтвердить его гипотезу. Как говорил шеф, «осталось всего ничего: начать и кончить».

А самым забавным было посещение селения индейцев зуни под названием Акома. Акома расположена на платформе на вершине горы, и своим ходом туда никого не пускают. За обязательную экскурсию по поселку и проезд на автобусе жители берут приличную мзду. За разрешение фотографировать также надо платить. За съемки внешнего вида местной церкви – плата отдельная. Если в кадр попадается житель селения, он вправе стребовать с фотографа 10 долларов за свой неповторимый образ. Вдохновившись примером местных индейцев, шеф радостно затребовал эту сумму и с меня, когда я стала его фотографировать на фоне поселка. Этот портрет стал единственным, где великий специалист по индейским культурам запечатлен смеющимся.

Надо сказать, что Акома находится в графстве Сибола штата Нью-Мексико. Юрию Валентиновичу это местечко было любопытно тем, что топоним Сибола, имеющий древнее мексиканское происхождение, является обозначением той самой легендарной прародины, именовавшейся Сигуан или Сивола, что означает «Семь Пещер», «Семь оставленных домов», «Семь ущелий».

Шеф, давая интервью для фильма Тиахоги, заметил:

> В обществах, находившихся на одном уровне развития, делались одинаковые наблюдения – как в цивилизациях Старого Света, так и в Новом Свете. Или, например, на Курильских островах, которые вроде бы изолированы от остального мира, а на самом деле там происходило все то же самое: айны наблюдали за луной и солнцем так же, как это делалось у нас в Старом Свете. Раз уж появляются где ученые, то они во всем мире одинаковые – будь то Старый Свет, будь то Новый, или где-нибудь еще посредине. Им без разницы. Они просто выполняют свою работу.

Именно таким ученым, всю жизнь «просто» стремившимся к постижению законов развития человеческой цивилизации, был и он сам – великий американист Юрий Валентинович Кнорозов.

А в Мексику мы вернулись опять с приключениями – оказалось, что у нас не было визы для повторного въезда в страну, и никто об этом не подумал. Но тут Тиахога совершила еще один невероятный подвиг – она договорилась в аэропорту, чтобы нас пропустили в боковую дверку *без виз*. Это был «высший пилотаж», как выразился Юрий Валентинович.

Домой

Обратный путь в Москву лежал тоже через Кубу. Возвращались уже без сеньориты Анны – она еще раньше вернулась в Москву, что, честно говоря, сильно усложнило наше путешествие на родину предков майя. В Гаване провели только ночь, а утром надо было вылетать. Не учли часовую разницу с Канкуном, и потому в аэропорт мы чуть не опоздали.

Пока ожидали рейс, шеф, как всегда, отправился курить. Вернувшись, начал медленно рассказывать: «Так, там младенец пристает к пассажирам с просьбой дать закурить. Я, впрочем, ему дал».

Я, ошалевшая после утренней беготни и не готовая выслушивать эти рассказы, раздраженно прокомментировала: «Ну, Юрий Валентинович! Ну, какой еще младенец!»

«Так, небольшой, лет десять-одиннадцать», – невозмутимо ответил он. У меня не было ни малейшего желания продолжать эту беседу. Как вдруг действительно появился мелкий мальчишка деревенского нагловатого вида, с сигаретой в зубах! Глаза и у меня, и у остальных пассажиров сделались квадратными. Особо сердобольные начали деликатно выяснять, а где же родители этой малолетней шпаны.

Оказалось, что это был действительно сельский мальчишка – из Чернобыля. Куба, несмотря на свою нищету и жуткое состояние, принимала у себя огромное количество облученных детей Чернобыля для реабилитации. Понятно было, что детишки оказались «нестатусные», совсем не тянувшие на российских граждан, ездивших, особенно в те времена, за рубеж.

И эти дети действительно курили!

Шеф был страшно доволен историей. Это была одна из тех невероятных ситуаций, которые он вовсе не выдумывал, – но поверить в них было почти невозможно.

Вскоре надо было загружаться в самолет. Туриствующие соотечественники с безразличием взирали на то, как я тащила сумки и «дедушку», которому на самом деле было очень тяжело подниматься по лестницам. И когда я уже была готова бросить все, не понимая, что предпринять, вдруг появились крепенькие, накачанные «братки» в забавных широких штанах – шик 1990-х. Они без разговоров подхватили Кнорозова и внесли его в очередной экскаустер (а потом и в самолет) на руках, распевая при этом песню из своего пионерского прошлого:

Куба, любовь моя,
Остров зари багровой...

Слова «бойцы» знали хорошо, и потому песню допели до конца. Так что самыми милосердными из всей международной публики рейса оказались «братки» в полосатых широких штанах. Шеф отнеся к такой помощи с большим юмором – в отличие от тех случаев, когда в «цивилизованных» странах ему поначалу пытались выслать инвалидную коляску, от которой он всегда резко отказывался. Это приключение, вполне в духе шефа, стало последним воспоминанием о поездках Юрия Валентиновича.

Зато теперь на вопрос «А бывали ли вы в Мексике?» шеф мог любому эдак небрежно ответить: «Да, конечно. Впрочем, я и без того все знал по публикациям...»

ГЛАВА 18
ПОСЛЕДНИЕ АККОРДЫ ШОПЕНА...

Я кончил, хулиганье...

Последняя поездка в Мексику стала прекрасным финальным аккордом той гениальной героической пьесы, которой явилась жизнь Кнорозова. Возвращение к разоренной петербургской реальности... А что такое, в конце концов, есть реальность? Кнорозов как никто другой понимал относительность определений этого явления. Вся жизнь его складывалась из разных реальностей – тоска бытовых проблем и восторг научных открытий, иллюзии и разочарования, вера и неблагодарность, страх и риск, надежды и предательства, битвы, мечты, странствия... Одним словом, этот последний, почти неожидаемый подарок судьбы невольно наводил на мысль о подведении итогов. Тем более что Группа этнической семиотики в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого умерла, о чем свидетельствовал Приказ № 31, подписанный директором:

Приказ
12.05.1997 № 31-к
Перевести
Кнорозова Ю.В., гл. н. с., зав. Группой этнической семиотики и этнолингвистики, с 15.05.97 в отдел этнографии Америки.
Основание: распоряжение директора, согласие работника.

И. о. директора МАЭ РАН
Д. и. н. Ч.М. Таксами

Кнорозов, «давший согласие», на самом деле уже не выходил из своей квартиры на Бутлерова. Размыв туннеля метро окончательно отрезал его от мира. И даже телевизор, по которому обязательно смотрел новости, он попросил племянницу забрать – без объяснений. Телефон давно не работал. На скамье в кухне были разложены карточки, он время от времени перебирал их. И заполнял новые кар-

точки – но уже не каталогом, а своим мыслями о жизни. Карточки раскидывала кошка Белобандитка, прикидывающаяся котом, а Юрий Валентинович только повторял – или спрашивал: «Совсем пропали мы, зверь?»

Надо было подводить итоги.

Съездить в Южный? Сто лет прошло, как там не был – с 1961, когда обидел мать... Родителей в их последний путь не проводил, не побывал на их могиле. Сестру Галину не навестил – а она болела, билась за жизнь и молилась за всех... Хоронить тоже не приехал. Все ушли. Вот ушел и старший брат Сергей. Старший и младший, последние. Соперничали, мерились заслугами – какие-то премии, лауреаты, награды, доктора наук... А кому теперь это важно? Один остался...

Делить уже нечего и не с кем. И хвастаться об успехах тоже уже некому. И жалеть уже некому. И даже ожидать нападок и поучений – не от кого. Все, кто разделял общее прошлое – и хорошие воспоминания, и плохие – ушли, все ушли. Даже претензий предъявить некому – собственно, кому может быть дело до вышедшего в тираж? Гонка за мечтой закончена – теперь только одиночество. Одиночество – это смерть, лицо которой прячется под капюшоном. И она пристально следит через окно, прислушиваясь к последним аккордам Шопена...

Жена, любимая веселая красавица и умница Валентина, а твои мысли, где они сейчас? Ходишь рядом, а осталась жить где-то там, в давно прошедшем времени, где единственная реальность – только блокадный голод. И это тоже реальность. Общая трагическая реальность.

Дочь... Получается, прав оказался отец, следуя Бехтереву. Но соревнование в успешности не оставило в детях места для душевного тепла. Ошиблись оба. Без любви все теряет смысл. А избыток любви способен задушить. Теперь же наследники только и ждут моей смерти, чтобы получить искомое наследство.

Может, это есть основа основ «теории коллектива»? Эх, не успел с ней добарахтаться. Но на то и ученики – пусть заканчивают. Мы же ничего не забываем – только откладываем!

Коллеги уж точно растащат идеи.

Теорию сигнализации и коммуникации удалось доцарапать. Пока не понимают, но за этим будущее. «Когнитивистика», черт побери, и старые галоши.

А с Томсоном, наверное, можно бы было выпить. Шерри или лучше водки. И поговорить о каталоге. Обсудить его ошибки. Уверен, он бы согласился. Толковая была скотина, только с дешифровкой промахнулся.

Дешифровку приняли! Кто бы мог подумать, что будет так тяжело – но прорвались! Только бы не отправились дальше по легкому пути, как эти рисовальщики зайцев и ягуаров в Четумале. Но гватемальцы и мексиканцы молодцы – почувствовали правду. Что тут скажешь – древняя цивилизация, их на мякине не проведешь.

Журналисты, скоты, после моей смерти все переврут ради денег.

Кот Базилио, скотина, домитинговался, довел страну до ручки. Но если верить хитровану – автору сказки, должен исчезнуть Кот Базилио, как пить дать, – и тогда в театре начнется счастливая жизнь. Какая она будет в следующем тысячелетии?

Благодарен ли я жизни? Наверное. Неблагодарность – конец всему... Наверное, в ней – главный закон «теории коллектива». Благодарность и есть та небесная веревка, которая соединяет поколения. Без нее все теряет смысл. И наступает безмолвное одиночество...

Итак, умер весь мир Юрия Кнорозова, со всеми его воспоминаниями, страстями, спорами, претензиями – мир, для которого и в котором он что-то значил. А с ним умирала и его душа. Большую медаль президента Гватемалы держал в верхнем ящике стола, который никогда не закрывался. У него вообще ничего никогда не закрывалось. Скорее всего он показал орден случайным собутыльникам, и те его просто унесли. Не помещалась она в ботинок, как Орден Ацтекского Орла...

В 1998 году пришло приглашение на очередной Конгресс майянистов, который должен был проходить в Гватемале, в старой столице Антигуа. Но на это письмо Кнорозов даже не ответил. Знал, что не поедет уже никогда. И даже летом, когда в Петербург приехал Маркос Констандсе с женой, растопить этот холод безразличия к жизни оказалось практически невозможно. Маркос и Инна сообщили заранее о своем приезде на круизном судне и запланировали встречу с Юрием Валентиновичем в роскошной гостинице «Гранд Отель Европа»...

Я приехала в Петербург из Москвы специально для этой встречи, понимая, что Юрия Валентиновича надо поднять на ноги, одеть, доставить на встречу и вернуть домой. Сильно заранее приехать в Питер я не могла, так как у меня самой ситуация дома сложилась трагическая – погиб брат, а мама не выходила из тяжелейшего стресса.

Вид Юрия Валентиновича, когда я пришла к нему домой, произвел гнетущее впечатление: неухоженный, подавленный, потерянный. Узнав, что приехали Маркос и Инна, он вроде даже оживился, но убедить его переодеться оказалось делом сложным. Согласился поменять только рубашку.

Мы поехали в отель на такси, и только подошли к сияющему входу, как нам навстречу стремительно кинулись охранники, изумленные «скромным» видом Кнорозова. Они явно были намерены не

пускать нас в роскошный холл отеля. «Это мой гость!» – наперерез ливреям кинулся самый богатый постоялец отеля – Маркос, как всегда весь в белом. Он мгновенно понял всю деликатность ситуации... Маркос с демонстративным почтением обнял Кнорозова, взял под руку и повел в сторону зала ресторана. Там уже была Инна и кто-то из ее родственников. За обедом Юрий Валентинович вроде даже оживился, к нему на какое-то время вернулось его обычное иронично-самоуверенное состояние. Речь шла о подготовке издания его «Компендиума» и о том, что в этом принимает участие Университет Кинтана-Роо. Под конец обеда Юрий Валентинович даже пытался шутить. Было ощущение, что у него появилась надежда на то, что все еще вернется к нормальной жизни...

Но этого не случилось.

Конец приближался постепенно, но неизбежно. Признаки ишемического инсульта, как позже заключили врачи, нарастали поэтапно. Ему стало еще труднее ходить, с каждым днем речь становилась все более непонятной. В марте 1999-го племянница Ирина наблюдала начало конца. Юрий Валентинович ее уже не узнавал. Он все время ходил по квартире. «У тебя что-то болит?» – спросила она. «Нет, мне только страшно...» – ответил он. Перестал понимать, где находится, не ориентировался во времени. Ирина позвонила Кате, чтобы отправить Юрия Валентиновича в больницу. Та приехала. Вызвали скорую, но он не хотел укладываться, все время порывался встать. Его увезли...

Уже в больнице, где его положили в общем коридоре, к концу все понеслось стремительно. Отказали правая рука и нога, речь, стало трудно дышать. Он не узнавал никого, не ел и не пил. Было очевидно, что глубоко поражено левое полушарие головного мозга. Внучка Анечка вместе с племянницей Ириной пришли одеть его, принесли свитер, носки – в коридоре было холодно. Рысь плакала...

Обширный ишемический инсульт, развилась пневмония, отек легких. После туберкулеза он очень боялся простуд в этой бесконечной питерской сырости. Через неделю его не стало.

Последний гений XX века умер 30 марта 1999 года, спустя ровно сорок четыре года после фантастической защиты своей докторской диссертации 29 марта 1955 года.

Наверное, есть какая-то игра судьбы в том, что смерть и похороны Кнорозова по абсурдности напоминали кончину Паганини. Катя позвонила мне только на третий день и сказала: «Папа умер...» На следующий день весь наш Мезоамериканский центр уже был в Петербурге – надо было организовывать похороны. Алик Давлетшин, Саша Токовинин, Шурик Сафронов, Женя Красулин, маленькая Катя Леонова, многодетная Инесса Бутенева, Женя Семакина и я, как всегда, с «сеньоритой Анной». Нам пришлось оставить мою маму, которая тоже накануне перенесла тяжелейший инсульт, и нам только-только удалось поставить ее на ноги.

Больницы тогда были ужасными, тем более неврологические отделения. И мы с дочерью очень хорошо знали это, днями и ночами ухаживая за мамой. Нас уже трудно было чем-либо удивить, но то,

с чем мы столкнулись в Питере... Пришлось решать много проблем, и прежде всего проблему сохранности тела – еще один парадокс из области научных задач Кнорозова: тело для прощания должно было обрести облик живого. Но время после наступления смерти Юрия Валентиновича было упущено, и услуги сразу не оплачены...

Для похорон не было подходящего костюма, поэтому мы с Женей Красулиным поехали его покупать. В магазине выбрали подходящий темно-синий костюм. И, наконец, новый галстук... Потом отправились заказывать ленточки на венки – от Центра Кнорозова и от посольства Мексики. Деньги на все эти расходы нам выдал перед отъездом посол Абелярдо Тревиньо.

Когда мы пришли к Валентине Михайловне, она выглядела совершенно потерянной. С ней была племянница Ирина. Квартира производила жуткое впечатление – пустая, грязная, повсюду, не прячась, бегали тараканы... Книги, газеты, журналы лежали стопками вдоль стен. Все, что оставалось от богатой библиотеки, – это были некоторые научные издания и многочисленные оттиски статей российских и зарубежных коллег. На полу, в коридоре, в черном футляре лежала старая разбитая скрипка...

«У меня хлеба нет», – вдруг сказала Валентина Михайловна. Я отправила Сашу Токовинина в магазин за хлебом. Только он вышел за дверь, как Валентина Михайловна вспомнила, что сахара у нее тоже нет. Сашу вернули. «И соли тоже», – неуверенно сказала она. В результате Токовинину составили полный список всей еды, которую надо было купить в этот пустой дом. «Заберите его бумаги – пропадут», – показала Валентина Михайловна на пыльные полки. «Да, правильно. На помойке окажутся», – добавила Ирина. Обе женщины начали складывать в сумки бумаги – архив Юрия Валентиновича. Ребята им помогли, сумки загрузили и отвезли на Фонтанку – к Ирине Константиновне Федоровой и Оле.

Директор Кунсткамеры Чунер Михайлович Таксами отказал в предоставлении зала Кунсткамеры для прощания с крупнейшим из когда-либо работавших в институте ученых. «Да вы что! Не буду я в субботу музей закрывать», – откровенно заявил он мне по телефону. А Кнорозов до самой смерти считал его «своим другом».

Так что прощание состоялось в воскресенье 4 апреля в 11.00 утра в морге районной больнице по адресу Вавиловых, 14. В зажатом подворотнями питерском дворике. Мы приехали туда первыми. В тесном холодном помещении с цементным полом вдоль стен теснилось еще несколько гробов. Определить, где находится Юрий Валентинович, было трудно. Обозначений никаких не было. Не было и хоть каких-нибудь сотрудников, которые могли бы помочь. И мы долго искали «нашего» покойника, разглядывая соседей. Особенно поразила надпись у одного из них, соответствовавшая той странной эпохе: «Спи спокойно, милый котик, все будет нормально». Да и узнать Кнорозова было крайне сложно – человек в гробу был похож скорее на Ленина в Мавзолее – бородку сбрить уже оказалось невозможно, а толстый слой грима полностью изменил столь знакомый облик.

Собралось огромное количество людей – этого никто не ожидал. Впрочем, дочери Кати там не было. Были племянники с семьями, коллеги, просто люди, восхищавшиеся его талантом. Прощание не было статусным, но без лишних слов и парадных генералов было понятно, что уходил действительно великий русский ученый, последний гений XX века. И с ним уходила эпоха в истории отечественной науки.

Однако пафос сбила Катя, которая уже в самый разгар прощания вдруг появилась в сопровождении милиции. Не подходя к гробу отца, заявила, указывая на меня: «Вот, они украли архивы!» Никто не мог ничего понять, а милиционеры смущенно говорили ей: «Вы бы отца сначала похоронили...» Я подошла к милиционерам и сказала, что бумаги никто не крал, их отдали родственники, и документы находятся у коллеги на Фонтанке, и когда закончатся похороны, их можно будет забрать. Но Катя требовала немедленных арестов. В результате, лишь бы прекратить скандал на похоронах, в милицию добровольно отправились двое из ребят, отвозивших документы, – Алик Давлетшин и Женя Красулин. Я их утешила рассказом о том, что для Кнорозова идеалом была жизнь англичанина лорда Кингсборо, который все свое состояние потратил на издание древних мексиканских рукописей – и умер в долговой тюрьме. И потому ребята своим самопожертвованием почти достигали этого идеала.

По воспоминаниям Красулина капитан милиции отнесся к ним вполне по-человечески. Они рассказывали о Кнорозове, о дешифровке письма майя, о том, как важно сохранить российскую школу майянистики. И что документы нам передали родственники, и мы их готовы сразу же вернуть. Поговорили о тяжелой жизни семейного аспиранта, о службе капитана. Потом капитан позвал молодого стажера и предложил ему попрактиковаться – провести «допрос». Допрос свелся к обсуждению популярного тогда сериала «Улицы разбитых фонарей». Одним словом, капитану стало все понятно, и он начал обсуждать с ребятами, как снизить накал отношений с Катериной Юрьевной...

Я же тем временем была на кладбище, куда меня поскорее доставили милиционеры. Самой Кати там не было до самого конца. И в голову тогда не могло прийти, что в этот момент она «печется» об архивах.

Но неожиданности продолжились и на кладбище. Оказалось, что Катя организовала там отпевание, которое проходило в часовне. Видимо, это должно было скрасить отсутствие официального прощания. Для неверующего Кнорозова лучшего придумать было невозможно. Отпевание превратилось в повторение одной из любимых Кнорозовым сцен проповеди с фельдкуратом Отто Кацем из «Бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. Приехали на кладбище уже не все – не хватило автобусов для желающих. Народ забился в крохотную часовню, столпившись вокруг гроба. Появился священник – и он был пьян. Все остальное пошло как по Гашеку. Для начала священник затребовал крестильный крестик Кнорозова, которого у того отродясь не водилось. Поскольку сама Катя до кладбища к тому времени все еще не добралась, а верующих среди присутствующих, похоже, не

было, то крестик так ниоткуда и не появился, о чем пьяненький поп регулярно вспоминал и возмущался. «А был ли вообще крещен этот покойник?» – чуть не плевался священнослужитель. Все чувствовали себя виноватыми, но ответить на этот полный драматизма вопрос никто не мог, тем более что большинство подозревало как раз, что – не был, тихо удивляясь самой затее отпевания. Второй всплеск возмущения приключился по поводу имени «Юрий». «Нет такого имени у православных!» – ругался поп. Присутствующие историки и религиоведы напряглись, вспоминая Юрия Долгорукого, бывшего князем уже на крещеной Руси, – но дискуссию устраивать не рискнули. Задумались. Затем попу не понравилось, как присутствующие разместились относительно гроба. И отпевание время от времени прерывалось зычными окриками: «Ну, чего туда поперся? Куда встала? Ушли все оттуда!» На время он утихал и с ревом возвращался к тексту отпевания, но только до того момента, когда дело опять доходило до имени: «Юрий, тьфу, нет такого имени, Георгий!» Мнения присутствующих разделились – одни вспоминали Кафку, другие Гашека. Но сходились в одном: сам дорогой шеф в данный момент, несомненно, находится где-то рядом и тихо зловредно хихикает, глядя на происходящее. Его присутствие ощущалось физически. И это неизбежно снижало уровень трагизма. Шеф, как всегда, был в своем репертуаре. А мы, пожалуй, были ему за это благодарны.

Последний из финальных аккордов случился, когда гроб закрыли и под стылым дождем со снегом стали подносить к могиле, вырытой в мокрой чавкающей глине. Невесть откуда вдруг появилась Катя – она, видимо, была занята неотложным оформлением в милиции заявления о «пропаже архивов». Некоторые особо сердобольные из шедших за гробом рискнули обратиться к священнику: «Дочь пришла попрощаться». На что тот с огромным удовольствием рявкнул: «Крышка закрыта, гроб не открывают!» – и отодвинул дочь рукой... Гроб опустили в залитую водой яму под крики огромных чаек... «Кафка!» – не удержавшись, шепнула Рита Альбедиль. «Нее, это чистый Гашек», – ответили мы с «сеньоритой Анной», как обычно, синхронно.

Похороны всегда трагичны. Но Кнорозов остался верен себе – сумел и тут применить излюбленный прием превращения драмы в трагикомедию. А сам при этом глумливо хихикал, глядя на нас своим кошачьим взглядом откуда-то сверху, чуть выше кружащих жирных чаек. Это ощущали многие.

Юрию Валентиновичу очень нравилась Невская лавра, но похоронили его на новом, похожем тогда на пустырь Ковалевом кладбище, практически за городской чертой. Тем не менее это тоже было место историческое. На том самом глинистом пустыре, некогда Ржевском артиллерийском полигоне, прилегающем к Рябовскому шоссе между бывшими станциями Ковалево и Приютино, в августе 1921-го был расстрелян поэт Николай Гумилев, отец Льва Гумилева – друга юности и сотоварища Юрия по теории коллектива. «Неплохая компания, впрочем», – наверняка сказал бы шеф, оценив этот факт.

На поминки никто не поехал. Мы же с ребятами, которые оставались на похоронах, и милиционерами отправились за документами на Фонтанку. Сумки так и стояли в коридоре коммуналки. Их загрузили в милицейскую машину, в которой сидела Катя... Позже документы Кнорозова у наследницы пытался безуспешно купить архив Академии наук. Но проданы они были в США – по официальной версии наследников, «чтобы не достались Ершовой». Видимо, мне не должны были достаться в первую очередь мои же письма, которые я писала Юрию Валентиновичу. Или копии тех, что он писал мне. И еще: после моих извинений (по совету капитана) Катя захотела получить с меня «моральный ущерб» в 50 тысяч долларов – она мне заявила об этом в присутствии тех самых милиционеров, которым почему-то было ужасно стыдно участвовать в этом. И они сделали все, чтобы Екатерина Юрьевна не смогла продолжить свои тяжбы. «У меня родители тоже ученые, и я понимаю, как все это чудовищно», – сказал тогда один из милиционеров. Парадоксы судьбы: архив Кнорозова в библиотеке Думбартон-Окса Гарвардского университета в 2007 году разбирал Саша Токовинин, который в трагический день бегал за продуктами для растерянной Валентины Михайловны.

А Валентина Михайловна не смогла пережить своего Юрочку – тихо ушла через несколько месяцев. Оставшись одна в пустой квартире, она постоянно звонила племяннице Ирине, спрашивала: какой сейчас год, какой день. Говорила, что ее не кормили, просила прийти. И продолжала безумно любить Катю. И лицо у Валентины Михайловны перед смертью стало совершенно как на древних русских иконах...

Пять лет могила Кнорозова на кладбище зарастала травой, через нее даже пролегла тропинка. У нас был готов проект памятника, но связываться с наследниками после истории с архивом никто не хотел. И только Сергей Михайлович Миронов, в то время председатель Совета Федерации, решил изменить ситуацию, взяв решение всех вопросов на себя. Он нашел меня и финансировал создание и установку памятника по уже готовому проекту скульптора Николая Федоровича Выборнова, который без всяких денег и обещаний сам вызвался разработать макет. Композиция была выполнена в стиле архитектуры майя – платформа со стелой и алтарем. Для этого в подмосковном карьере в Домодедово, как только сошел снег, был подобран специальный камень – теплый розоватый известняк, совсем как на Юкатане. На аверсе – рельефный портрет Кнорозова с его любимой кошкой Асей. По бокам – надпись майя, передающая даты рождения и смерти ученого. На реверсе помещена копия рельефа из самого любимого Кнорозовым города майя – Паленке.

Сергей Михайлович перевез памятник в Петербург и организовал его установку на Ковалевом кладбище. Стела был поднята на такой же белой платформе, а перед ней установлен алтарь. И рядом камень с именем Валентины Михайловны.

Наконец, в дождливый день 27 сентября 2004 года на Ковалевом кладбище Петербурга прошла долго ожидавшая своего часа церемония: был открыт памятник последнему гению ушедшего XX века – дешифровщику письма майя, великому русскому ученому Юрию Валентиновичу Кнорозову.

«Когда умрем –
нет, не умрем,
поскольку будем жить,
и вновь родимся,
продолжим жить,
вновь пробудимся –
и это наше счастье...»
Так, мертвые велят,
когда ты умираешь:
«Проснись,
уже порозовело небо,
уже пришел рассвет,
уже запели птички,
щебечут ласточки
и бабочки порхают».
И говорили старики,
что тот, кто умер, –
превратился в бога.
А также говорят:
«Он превратился в бога»,
когда хотят сказать:
«Он умер».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Во что бы то ни стало!

Наверное, боги майя были правы, создав упрощенную версию людей, – повседневная жизнь не должна отрываться от земли. Но общение с гениями всех нас приближает к божественному свету. И гениев не может быть много. Вспоминая Кнорозова, понимаешь этот логичный замысел индейских мудрецов.

Юрий Валентинович Кнорозов был одним из тех редких ученых, которые намного опередили свое время. А таким людям всегда и везде приходится очень тяжело. Они рождаются свободными, обладают даром переходить за горизонты и потому не вписываются в стандарты и правила «для всех» – ни в жизни, ни в творчестве. Им приходится дорого платить за это – своим здоровьем, чувствами, дружбой и, наконец, они обречены на одиночество. Так и Кнорозов. В его судьбе отразилась нелегкая доля России – «дитя сталинского времени», поэт Великой Отечественной, отважный солдат холодной войны, ученый великой державы – Кнорозов до последнего дня оставался верен науке и Родине. И слабость его была лишь в том, что себя считал ответственным за все. Он, как Сотников, герой «Ликвидации» Василя Быкова, забывая о себе, разделял со своим народом тяготы и гордился победами, безупречно выполнял свой долг, не помышляя ни о малейшем отступлении, даже когда многие из окружающих впадали в этот соблазн. При этом никогда никому не прощал предательства. И не сдавал своих – в этом для него не существовало полутонов. Как историк, Кнорозов лучше других понимал неразрывную связь личности и общества. И как бы ни было ему тяжело, он старался не впадать в уныние, ища выход – в решении научных задач, в помощи другим ученым, в своем, наконец, особом юморе, который часто его спасал.

А уходил Юрий Валентинович в очень тяжелое для страны время. Это была эпоха перемен, в которой обесценивается великое – его просто перестают замечать. Кнорозов понимал это, но выстоял. Неслучайно слова «во что бы то ни стало» были его почти отчаянным лозунгом. И он выстоял, только чтобы передать свое знание в будущее. Знание, которое является залогом развития человеческого

общества – «коллектива». И этот инстинкт сродни инстинкту коллективного самосохранения. Этому странному феномену уже давно дал определение Бернард Шоу:

> Но все же действуют некие силы, которые направляют нас к целям более высоким, чем просто сохранение здоровья, преуспеяния, респектабельности, покоя и благополучия, присущих среднему жизненному положению и составляющих благоразумный идеал добропорядочного буржуа; доказательством действия таких сил может служить то, что люди в своем стремлении к познанию и социальным преобразованиям (в результате которых лучше им ни на йоту не станет и, наоборот, часто бывает во сто крат хуже) готовы терпеть нищету, позор, изгнание, заточение, неслыханные лишения и смерть. Даже эгоистическое стремление к личной власти не может подвигнуть людей на усилия и жертвы, на какие охотно идут иные ради того, чтобы увеличить людскую власть над Природой, хотя это, быть может, никак не затронет жизни самого искателя знания. Эта жажда знания и власти ничуть не более загадочна, чем потребность в пище: и то, и другое лишь реально существующий факт, не более. Разница только в том, что пища – жизненная необходимость, и потому потребность в ней носит личный характер, тогда как жажда знания означает жажду прогресса и потому носит внеличный характер[322].

Это слова как будто сказаны именно о Кнорозове. И потому проходят годы, а память о нем вовсе не затухает, а напротив – разгорается все ярче. О гениальном ученом помнят не только люди, которые его знали. И не только ученые. О Кнорозове помнят и те, кто впервые узнал его образ, его работы, его идеи, которые сейчас становятся все более востребованными в науке. Имя Кнорозова становится знаковым в общественном сознании. Кнорозова сравнивают с египтологом Шампольоном, расшифровавшим египетское письмо. Но и заслуги Шампольона были признаны лишь после трех десятилетий яростной критики – современникам зачастую трудно понять гениев. Сфера научных интересов Кнорозова оказалась значительно шире, глубже и значимей – и потому его наследие живет не только прошлым, но и актуальностью высказанных идей, которые работают на будущее.

Кнорозов оставил свою научную школу – Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова в Российском государственном гуманитарном университете, появившийся в 1998 году; Центры Кнорозова по изучению майя (CEMYK) в Гватемале и Мексике, работающие в этих странах с 2010 года. Это все Школа Кнорозова, развивающая его идеи, реализующая значимые для него проекты. И, наверное, это лучшая память о гениальном русском ученом.

Снято уже немало документальных фильмов и написано немало статей о Кнорозове – достаточно открыть Интернет. И в 2018 году в его любимой Мериде, на Юкатане, Центр Кнорозова поставил, рядом

[322] *Шоу Б.* Святая Иоанна / Избранные произведения. М., 1993. С. 375.

с Музеем майя прекрасный памятник своему любимому шефу с соавтором – кошкой Асей на руках.

Надгробие Ю.В. Кнорозова

В приложениях, да и в тексте самой книги, немало теплых и трогательных слов, которыми самые разные люди выражают свое восхищение личностью Кнорозова, горюют о его уходе, вспоминают его научные заслуги.

Но для меня, бившейся после мрака 90-х за память о моем Учителе, знаковым стало выступление нашего президента Владимира Путина, сделанное в Гватемале, куда до самой смерти мечтал вернуться Кнорозов. Тогда – утром 3 июля 2007 г. – в Гватемале, накануне заседания Олимпийского комитета, произошла встреча и совместная пресс-конференция президентов России и Гватемалы. В ответ на приветствие Оскара Берже Владимир Путин, в частности, сказал:

> Я хотел бы отметить, что в России всегда с особым вниманием и интересом относились к культуре народов Латинской Америки. И только что в беседе с господином президентом я позволил себе вспомнить о том, что один из наших соотечественников – господин Кнорозов, мой земляк, житель города Петербурга, – разгадал письменность майя, посвятив этой работе всю свою жизнь. Я думаю, что это очень серьезный и существенный вклад в развитие, прежде всего, культурных отношений между нашими странами.

Теперь, когда читатель ознакомился с жизнью Юрия Валентиновича Кнорозова, нетрудно понять сконцентрированную значимость этих кратких слов: Кнорозов ушел из жизни накануне прихода президента Путина, так и не дождавшись возрождения страны, о чем как гражданин всегда мечтал, как историк много размышлял и в чем как теоретик был уверен. Образ и работа Кнорозова, а не «записных идеологов-академиков», смогли всерьез достучаться до сердец и затронуть эмоции людей при принятии этого важного для России решения. И уже почти мистическое совпадение: именно с того выбора в крошечной Гватемале для мира вдруг открылся образ новой мощной России, в которую верил и о которой всегда мечтал Кнорозов. Наконец величайший политический деятель начала XXI века благодарно назвал себя земляком последнего гения века XX...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ЮРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА КНОРОЗОВА

1949

Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография. 1949. № 2. С. 86–97.

1952

Кнорозов Ю.В. Древняя письменность Центральной Америки / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография. 1952. № 3. С. 100–118.

1953

Knorozov Y.V. La antigua escritura de los pueblos de la América Central / Y.V. Knorozov. México: Boletín de información de la Embajada de la URSS. № 20. 1953. 10 p.

Knorozov Y.V. La antigua escritura de los pueblos de América Central. / Y.V. Knorozov. México: Bibliioteca obrera. Segunda época. № 5. 1953. 37 p.

1955

Кнорозов Ю.В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический источник / Ю.В. Кнорозов // Ланда Д., де. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955. С. 3–96. Переизд.: М., 1994.

Кнорозов Ю.В. Индейцы майя / Ю.В. Кнорозов, Н.Г. Шпринцын // ТИЭ. Научный сборник. Т. 25: Индейцы Америки. 1955. С. 167–186.

Кнорозов Ю.В. Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе / Ю.В. Кнорозов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 53 с., ил. [Доклады (сов. делегации) на X Междунар. конгрессе историков в Риме].

Knorozov Y.V. A brief summary of the Studies of the Ancient Maya Hieroglyphic Writing in the Soviet Union / Y.V. Knorozov. Moscow: [Reports of the Soviet Delegation at the Tenth International Congress of Historical Sciences in Rome], 1955. P. 29–53.

Кнорозов Ю.В. Письменность древних майя: (Опыт расшифровки) / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография. 1955. № 1. С. 94–125.

Кнорозов Ю.В. Письменность древних майя / Ю.В. Кнорозов // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 221–223.

Кнорозов Ю.В. Система письма древних майя: (Опыт расшифровки) / Ю.В. Кнорозов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 96 с.

1956

Knorozov Y.V. La escritura de los antiguos mayas / Y.V. Knorozov // Colección ideas. Instituto de intercambio cultural mexicano-ruso. México, 1956. № 1.

Кнорозов Ю.В. Загадка майя / Ю.В. Кнорозов // Советский Союз. 1956. № 1. С. 32.

Кнорозов Ю.В. На Международном конгрессе американистов [Копенгаген. Авг. 1956 г.] / Ю.В. Кнорозов // Вестник АН СССР. 1956. № 11. С. 78–82.

Кнорозов Ю.В. Спор о древних письменах индейцев майя. Заметки участника 32-го Междунар. конгресса американистов. Копенгаген. Авг. 1956 / Ю.В. Кнорозов // Новое время. 1956. № 41. С. 26–29.

Knorozov Y.V. New data on the Maya written Language / Y.V. Knorozov. // Journal de la Société des américanistes. 1956. № 45. P. 209–216.

Knorozov Y.V. New data on the Maya written Language. Proceedings of 32 International Congress of Americanists. Copenhagen. 1956 / Y.V. Knorozov // Copenhagen. 1956. P. 467–475.

Knorozov Y.V. Estudio de los jeroglíficos mayas en la U.R.S.S. / Y.V. Knorozov // Khana. Vol. 2. № 17/18. La Paz. 1956. P. 183–199.

Knorozov Y.V. Das Ratsel der Maya / Y.V. Knorozov // Sowietunion. Moskva. 1956. № 1. S. 32.

Knorozov Y.V. Einstreit um alte Schriftzeichen / Y.V. Knorozov // Neue Zeit. Moskwa. 1956. 14. № 41. P. 26–30.

Кнорозов Ю.В. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи / Ю.В. Кнорозов, Н.А. Бутинов // Советская этнография. 1956. № 4. С. 77–91.

Кнорозов Ю.В. На Международном конгрессе американистов [Копенгаген. Авг. 1956 г.] / Ю.В. Кнорозов // Вестник АН СССР. 1956. № 11. С. 78–82.

1957

Кнорозов Ю.В. Говорящее дерево: Об исследованиях древней письменности острова Пасхи / Ю.В. Кнорозов // Культура и жизнь. 1957. № 3. С. 38–43.

Кнорозов Ю.В. Новые материалы об острове Пасхи: О списке «королей» острова Пасхи / Ю.В. Кнорозов, Н.А. Бутинов // Советская этнография. 1957. № 6. С. 38–42.

Кнорозов Ю.В. Проблема изучения иероглифической письменности майя / Ю.В. Кнорозов // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 73–81.

1958

Knorozov Y.V. The Problem of the Study of the Maya Hierogliphic Writing / Y.V. Knorozov // American Antiquity. 1958. Vol. 23. № 3. P. 284–291.

Knorozov Y.V. Preliminary Report on the Study of the Written Language of Easter Island / Y.V. Knorozov, N.A. Butinov // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 1. P. 5–17.

1959

Кнорозов Ю.В. Письменность коренного населения Америки / Ю.В. Кнорозов, С.А. Токарев // Народы мира: Этнографические очерки: Народы Америки. Ч. 1. М., 1959. С. 42–52.

Knorozov Y.V. La lengua de los texos jeroglificos mayas / Y.V. Knorozov // Actas del 33. Congreso Internacional de Americanistas. San Jose. 1959. P. 573–579.

Кнорозов Ю.В. Население Мексики и Центральной Америки до испанского завоевания / Ю.В. Кнорозов, Р.В. Кинжалов, И.Ф. Хорошаева // Народы мира: Этнографические очерки: Народы Америки. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 55–100.

1962

Кнорозов Ю.В. Машинная дешифровка письма майя / Ю.В. Кнорозов // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 91–99.

Кнорозов Ю.В. Об изучении фасцинации / Ю.В. Кнорозов // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 163.

Knorozov Y.V. Ku Ma-ya wen yen-chiu chien-shu. Transl. from the Engl. by Yu-Kuang Chou / Y.V. Knorozov // Chung-kuo yu-wen [Chinese language and writing. 1962. № 4. P. 167–174. [A brief description of the study of the anc. Maya script].

Knorozov Y.V. Le problème du déchiffrement de l'écriture maya / Y.V. Knorozov // Diogène, 1962. Vol. 40. P. 121–128.

1963

Knorozov Y.V. Aplicación de las matemáticas al estudio lingüístico / Y.V. Knorozov // Estudios de cultura maya. México, 1963. Vol. 3. P. 169–185.

Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя / Ю.В. Кнорозов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 663 с., ил., 1 л. карт., библиогр.

Кнорозов Ю.В. Легенды о заселении острова Пасхи / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография. 1963. № 4. С. 143–153, библиогр.

1964

Кнорозов Ю.В. Пантеон древних майя / Ю.В. Кнорозов. М.: Наука, 1964. 9 с. [7 Международный конгресс антропол. и этногр. наук. Москва, авг. 1964 г. Докл.].

Knorozov Y.V. Pantheon of the Ancient Maya. / Y.V. Knorozov. M.: Nauka, 1964. 9 p.

1965

Knorozov Y.V. Manuscripts from Eastern Island / Y.V. Knorozov // Reports of the Norwegian Archaeology Expedition to Easter Island. 2. Stockholm, 1965.

Knorozov Y.V. Principios para descifrar los escritos mayas / Y.V. Knorozov // Estudios de cultura maya. México, 1965. Vol. 5. P. 153–187.

Кнорозов Ю.В. Характеристика языка протоиндийских надписей / Ю.В. Кнорозов // Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов: Сб. статей. М., 1965. С. 46–51.

1966

Кнорозов Ю.В. Религиозные представления индейцев майя по данным Лас-Касаса и других источников / Ю.В. Кнорозов // Бартоломе де Лас Касас: К истории завоевания Америки [Сб. статей]. М., 1966. С. 114–124.

1967

Knorozov Y.V. Selected papers from The Writing of the Maya Indians / Y.V. Knorozov. Massachusetts, USA: Cambridge, 1967. 152. p.

Кнорозов Ю.В. Поздняя история Юкатана по хроникам майя / Ю.В. Кнорозов // От Аляски до Огненной Земли: История и этнография стран Америки: Сб. статей. М., 1967. С. 234–240.

Кнорозов Ю.В. Языки коренного населения Америки и Океании / Ю.В. Кнорозов // Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 408–410.

1968

Кнорозов Ю.В. Формальное исследование протоиндийских текстов / Ю.В. Кнорозов // 4-я сессия по Древнему Востоку: Тез. докл. // АН СССР ЛОИ ВАН. М., 1968. С. 30.

Knorozov Y.V. Investigación formal de los textos jeroglíficos mayas / Y.V. Knorozov // Estudios de cultura maya. México. 1968. Vol. 7. P. 59–64.

Knorozov Y.V. The Formal Analysis of the Proto-Indian Texts / Y.V. Knorozov // Proto-indica. M.: Наука, 1968. [Доклад на 8-м Междунар. конгрессе антропол. и этногр. наук]; Proto-Indica; 1968. Calcutta. 1972. P. 114.

1969

Knorozov Y.V. Soviet Studies on Harappian Script, Occas. papers № 6 / Y.V. Knorozov // Coconut Grove. Florida, 1969.

Knorozov Y.V. The Soviet decipherment Indus Valley script: translation and critique. / Y.V. Knorozov // Ed. Arlene R.K. Zide at al. The Hague: Monton 1976. 142 p.

Knorozov Y.V. The Formal Analysis of the Proto-Indian Texts / Y.V. Knorozov // Proto-indica. M.: Наука, 1968. [Доклад на 8-м Междунар. конгрессе антропол. и этногр. наук]; Proto-Indica. 1968. Calcutta, 1972. P. 114.

Кнорозов Ю.В. Классификация протоиндийских блоков / Ю.В. Кнорозов // Proto-Indica, 1970: Сообщение об исследованиях протоиндийских текстов: Сб. статей. М., 1970. С. 3–14.

Кнорозов Ю.В. Протоиндийские надписи / Ю.В. Кнорозов // Краткое содержание докл. годичной науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1969. Л., 1970. С. 86.

1970

Кнорозов Ю.В. Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы / Ю.В. Кнорозов, И.К. Федорова // Латинская Америка. 1970. № 5. С. 10.

Knorozov Y.V. The formal Analysis of the Proto-Indian Texts / Y.V. Knorozov // Journal of Tamil Studies. 1970. Vol. 2. № l. P. l–16.

Кнорозов Ю.В. Классификация протоиндийских блоков / Ю.В. Кнорозов // Proto-Indica. 1970: Сообщение об исследованиях протоиндийских текстов: Сб. статей. М., 1970. С. 3–14.

Кнорозов Ю.В. Протоиндийские надписи / Ю.В. Кнорозов // Краткое содержание докл. годичной науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1969. Л., 1970. С. 86.

1971

Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: Общий обзор I / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография. 1971. № 2. С. 77–86.

Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: Общий обзор II / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография. 1971. № 3. С. 33–39.

1972

Кнорозов Ю.В. Формальное описание протоиндийских изображений / Ю.В. Кнорозов // Proto-indica, 1972.

Кнорозов Ю.В. Сообщение об исследовании протоиндийских текстов / Ю.В. Кнорозов // Ч. 2. М., 1972. С. 178–245, библиогр. табл.

1973

Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: 365-дневный год / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография. 1973. № 1. С. 70–80.

Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: Монумент E в Трес-Сапотес / Ю.В. Кнорозов // Латинская Америка. 1973. № 6. С. 81–90.

Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации / Ю.В. Кнорозов // Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973. С. 324–334.

1975

Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя / Ю.В. Кнорозов. Л.: Наука, 1975. 272 с.

Knorozov Y.V. Maya Hieroglyphic Codices. State University / Y.V. Knorozov. New York, 1982. 429 p.

Кнорозов Ю.В. Классификация протоиндийских надписей / Ю.В. Кнорозов // Proto-Indica: 1973 (сообщ. об исследовании текстов). М.: Наука, 1975. С. 4–16.

1976

Knorozov Y.V. The Soviet decipherment Indus Valley script: translation and critique. / Y.V. Knorozov. Ed. Arlene R.K. Zide at al. The Hague: Monton, 1976. 142 p.

Кнорозов Ю.В. К вопросу о генезисе палеолитических изображений надписей / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография. 1976. № 2. С. 99–102.

1977

Кнорозов Ю.В. Протоиндийские календарные тексты / Ю.В. Кнорозов // Краткое содержание докл. годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР, 1974–1976. Л., 1977. С. 132–133.

1978

Кнорозов Ю.В. К вопросу о некоторых надписях древних майя / Ю.В. Кнорозов // Всесоюз. сессия, посвященная итогам полевых этногр. и антрополог. исследований, 1976–1977 гг.: тез. докл. Ереван, 1978. С. 15–16.

Knorozov Y.V. Proto Indian Calendar-Chronological Denotations / Y.V. Knorozov, B.Y. Volchok, N.V. Gurov // General Problems of Anthropology and Ethnography of the Southern Asia. M., 1978. P. 103–110.

Knorozov Y.V. Lo nuevo en el estudio de los antiguos mayas / Y.V. Knorozov, V.I. Gulyaev // Las antiguas civilizaciones de América Latina. Estudios de científicos soviéticos. Moscú, 1978. P. 22–37.

1979

Кнорозов Ю.В. Заговорившие письмена / Ю.В. Кнорозов, В.И. Гуляев // Наука и жизнь. 1979. № 2. С. 52–57.

Кнорозов Ю.В. Этногенетические процессы в древней Америке / Ю.В. Кнорозов // Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979. С. 133–141.

Knorozov Y.V. The ancient ways of the Mayas / Y.V. Knorozov // UNESCO Courier. 1979. Vol. 32. № 2.

1980

Кнорозов Ю.В. Изучение протоиндийских текстов / Ю.В. Кнорозов, М.Ф. Альбедиль, Б.Я. Волчок // Краткое содержание докл. сессии Ин-та этногр. АН СССР, посвященной столетию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980. С. 11–13.

1981

Кнорозов Ю.В. Протоиндийские надписи: К проблеме дешифровки / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография. 1981. № 5. С. 47–71.

Knorozov Y.V. Proto-indica: 1979 / Y.V. Knorozov, M.F. Albedil, B.Y. Volchok //Report in the Investigation of the Proto-Indian texts. M.: Nauka, 1981. 116 P.

1982

Knorozov Y.V. Maya Hieroglyphic Codices. / Y.V. Knorozov. New York State University, 1982. 429p.

Кнорозов Ю.В. Исследование протоиндийских надписей / Ю.В. Кнорозов, М.Ф. Альбедиль, Б.Я. Волчок // Забытые системы письма: остров Пасхи, Великое Ляо, Индия: Материалы но дешифровке. М.: Наука, 1982. С. 240–295.

Кнорозов Ю.В. Неизвестные тексты / Ю.В. Кнорозов // Забытые системы письма: Остров Пасхи, Великое Ляо. Индия: Материалы по дешифровке. М. : Наука, 1982. С. 3–10. Переизд.: СПб.: Кунсткамера. МАЭ им. Петра Великого, 1995. С. 250–260.

Кнорозов Ю.В. Правитель и полководец из «Брода Ягуара» / Ю.В. Кнорозов, Г.Г. Ершова // Латинская Америка. 1982. № 6. С. 112–122.

1983

Кнорозов Ю.В. Жрецы-астрономы майя / Ю.В. Кнорозов, Г.Г. Ершова // Латинская Америка. 1983. № 6. С. 117–137.

Кнорозов Ю.В. Прорицание жреца: Расшифровка надписи на сосуде древних майя / Ю.В. Кнорозов, Г.Г. Ершова // Латинская Америка. 1983. № 3. С. 123–137.

1984

Кнорозов Ю.В. За семью печатями: Археологическое изучение древнеиндийской культуры / Ю.В. Кнорозов, М.Ф. Альбедиль // Знание-сила. 1984. № 12. С. 24–25.

Кнорозов Ю.В. Пиктографические надписи айнов / Ю.В. Кнорозов, А.Б. Спеваковский, Ч.М. Таксами // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1980–1981. М., 1984. С. 226–233.

1985

Кнорозов Ю.В. О чем рассказали надписи на печатях / Ю.В. Кнорозов, М.Ф. Альбедиль // Наука и жизнь. 1985. № 1. С. 50–54.

Кнорозов Ю.В. Протоиндийские надписи / Ю.В. Кнорозов, М.Ф. Альбедиль // История. Научно-популярные очерки: Сборник. М., 1985. С. 82–85.

1986

Кнорозов Ю.В. К вопросу о связях доколониальной Америки со Старым Светом / Ю.В. Кнорозов // Латинская Америка. 1986. № 1. С. 84–98.

Кнорозов Ю.В. Надписи майя на керамических сосудах / Ю.В. Кнорозов, Г.Г. Ершова // Древние системы письма: этническая семиотика. М.: Наука, 1986. С. 114–151.

Knorozov Y.V. La reina del Vado del Jaguar / Y.V. Knorozov, G.G. Ershova // Epigrafía maya. Guatemala, 1986.

Кнорозов Ю.В. Пиктографические надписи айнов / Ю.В. Кнорозов, Е.С. Соболева, Ч.М. Таксами // Древние системы письма: Этническая семиотика. М.: Наука, 1986. С. 268–295.

1988

Кнорозов Ю.В. Легенды о происхождении майя (миф и природная среда) / Ю.В. Кнорозов, Г.Г. Ершова // Экология американских индейцев и эскимосов: проблемы индеанистики. М., 1988. С. 247–256, библиогр.

Knorozov Y.V. Dating in Proto-Indian Texts / Y.V. Knorozov, M. F. Albedil. M., 1988. 7 p. [12th International Congress of anthropological and ethnological sciences. Zagreb, Yugoslavia].

Knorozov Y.V. Stamped inscriptions on proto-Indian Vessels / Y.V. Knorozov, M.F. Albedil, N.V. Gurov // Questions of Ethnic Semiotics: Forgotten systems of writing. M., 1988. P. 4–25. [12th International Congress of anthropological and ethnological sciences. Zagreb, Yugoslavia].

Knorozov Y.V. An inscription on a sarcophagus at Palenque / Y.V. Knorozov, G.G. Ershova // Questions of Ethnic Semiotics: Forgotten systems of writing. M., 1988. P. 43–53.

Knorozov Y.V. Pictography. Spells Features of child drawings / Y.V. Knorozov // Questions of Ethnic Semiotics: Forgotten systems of writing. M., 1988. P. 114–121.

1989

Кнорозов Ю.В. Радиоуглеродная хронология древних поселений острова Итуруп / Ю.В. Кнорозов, Г.И. Зайцева // Геохронология четвертичного периода: Тез. докл. Таллин, 1989. С. 102.

1990

Кнорозов Ю.В. Победные тексты майя / Ю.В. Кнорозов, Г.Г. Ершова // Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки. М., 1990. С. 186–207, библиогр.

Knorozov Y.V. Das Konzept der Urheimat in Palenque / Y.V. Knorozov, G.G. Ershova // Circumpacifica: Festschrift fur Thomas S. Barthel. Bd. 1: Mittel-und Sudamerika. Frankfurt a/Main; Bern; N.-Y.; Paris, 1990. P. 249–256.

Knorozov Y.V. Erforschung Proto-Indischer Texte in Leningrad / Y.V. Knorozov, M.F. Albedil // Circumpacifica. Festschrift fur Thomas S. Barthel: Bd. 2: Ozeanien, Miszellen. Frankfurt a/Main; Bern; N.-Y.; Paris: Peter Lang, 1990. P. 363–375.

1991

Кнорозов Ю.В. Диего де Ланда как основоположник изучения культуры майя (из истории миссионерской культуры XVI в.) / Ю.В. Кнорозов, Г.Г. Ершова // Iberica Americans: Культуры Нового и Старого Света XVI–XVIII вв. в их взаимодействии. СПб., 1991. С. 80–86.

1992

Кнорозов Ю.В. Селения айнов на острове Итуруп: по материалам экспедиции 1989 г. / Ю.В. Кнорозов // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 175–178.

Knorozov Y.V. Profecia del sacerdote / Y.V. Knórozov, G.G. Ershova // Arqueologia. México, 1995. № 8. P. 45–54.

Knorozov Y.V. Sacerdotes astrónomos mayas / Y.V. Knórozov, G.G. Ershova // Arqueología. México, 1995. № 8. P. 55–61.

1994

Knorozov Yu. Diego de Landa como fundador del estudio de la cultura maya / Yu. Knorozov, G. Ershova // Anales del Museo de América. Madrid, 1994. № 2. P. 21–32.

Кнорозов Ю.В. Шаманский зикр в подземелье Мазлумхан-сулу [Каракалпакстан] / Ю.В. Кнорозов // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 91–96. Резюме на англ.

1995

Кнорозов Ю.В. Формула возрождения у айнов: опыт расшифровки знаков-пиктограмм на надмогильных столбах айнов из фондов Сахалинского областного краеведческого музея / Ю.В. Кнорозов, М.М. Прокофьев // Вестник Сахалинского музея. Южный Сахалинск. 1995. № 2. С. 208–221.

1999

Knórosov Y.V. Compendio Xcaret de la escritura jeroglifica maya descifrada por Yuri V. Knórosov / Y.V. Knórosov. En tres tomos. Quintana Roo, 1999.

Кнорозов Ю.В. Особенности детских изображений / Ю.В. Кнорозов // Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999. С. 186–192.

Кнорозов Ю.В. Этногенетические процессы в древней Америке. К постановке вопроса / Ю.В. Кнорозов // Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999. С.193–206.

Кнорозов Ю.В. Этногонические легенды. Общий обзор / Ю.В. Кнорозов // Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999. С. 206–214.

Кнорозов Ю.В. Праздник посева (Заклинание ветра) / Ю.В. Кнорозов, Г.Г. Ершова, Г.А. Овандо Уркису // Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999. С. 38–44.

Кнорозов Ю.В. Победитель из Брода Ягуара / Ю.В. Кнорозов, Г.Г. Ершова // Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999. С.44–49.

Кнорозов Ю.В. Штамповые надписи на протоиндийских сосудах / Ю.В. Кнорозов, М.Ф. Альбедиль, Н.В. Гуров // Вопросы этнической семиотики: Забытые системы письма. СПб., 1999. С. 5–23.

2012

Knórozov Y.V. Aproximación al problema de la clasificación de la señalización / Y.V. Knórozov // Liminar. Estudios Sociales y Humanísticos. - San Cristóbal de las Casas, México. Vol. X. № 1. P. 181–195. Trad. Galina Yershova, Alejandro Sheseña.

2019

Кнорозов Ю.В. Избранные труды / Сост. и отв. ред. М.Ф. Альбедиль. СПб.: МАЭ РАН. 2018. 594 + II с. Портрет.

Рецензии

1. [Рец. на кн.]: Вайян Д. История ацтеков / Пер. с англ. М.И. Баранович; под ред. и с предисл. В.В. Струве. М., 1949 // Советская этнография. 1951. № 1. С. 223–226.

2. [Рец. на кн.]: Хейердал Т. Аку-аку. Тайна острова Пасхи // Юность. 1958. № 1–3; Вокруг света. 1958. № 1–4 // Советская этнография. 1959. № 1. С. 144–153 (в соавт. с Р. Кинжаловым, Н. Бутиновым).

3. [Рец. на кн.]: Жиров Н.Ф. Атлантида. М.: География, 1957 // Советская этнография. 1961. № 4. С. 213–218.

4. [рец. на кн.]: Parpola A., Koskenniemi, Parpola S., Aalto P. Decipherment of the Proto-Dravidian Inscriptions of the Indus Civilization. Copenhagen, 1969 // Советская этнография. 1969. № 6. С. 151–158 (в соавт. с Н.В. Гуровым).

5. [Рец. на кн.]: Review of Finnish Deciphenhent of Proto-Dravidian Inscriptions. Coconut Grove, Florida: Publ. of Field Research Project, 1970.

6. [Рец. на кн.]: Michael D. Coe. America's First Civilization. N.-Y., 1968. The Archeological Science at San Lorenzo Tenochtitlan, Veracruz, Mexico, Milwaukee. 1969 // Советская этнография. 1973. № 2. С. 184–187.

7. [Рец. на кн.]: S. Koslenniemi, A. Parpola, S. Parpola. Materials for the Study of the Indus Script // Indo-Iranian Journal. 1976. № 18 (в соавт. с М.А. Пробстом).

8. [Рец. на кн.]: Искусство стран Латинской Америки // Латинская Америка. 1987. № 6.

Интервью

1. «Атлантиды не было?» [к гипотезе о существовании материка в Атлантическом океане. Беседа с доктором Кнорозовым. Записал Кондратов А.] // Знание-сила. 1964. №4. С. 32-34.

2. Kettunen H.J. Relacion de las cosas de San Petersburgo: An Interview with Dr Yuri Valentinovich Knorosov // Revista Xaman. 1998. April&May.

Редактирование, переводы, предисловия

1. Ланда Диего, де. Сообщение о делах в Юкатане. 1566 / Пер. со староисп. М.; Л., 1955. 275 с., 32 табл.

2. [Отв. ред.]: Пополь-Вух: Родословная владык Тотоникапана / Пер. с языка киче; подг. Р.В. Кинжалов. М.; Л., 1959. 252 с.

3. [Ред., предисл.]: Уокоп Р. Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. М., 1966. 151 с.

4. [Ред.]: Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. К 70-лет. чл.-кор. Ольдерогге / Ред. Ю.В. Бромлей, Ю.В. Кнорозов, М., 1973. 445 с.

5. [Подготовка к изд. и примеч.]: Гарсиласо де ла Вега. История государства инков / Пер. со староисп. В. А. Кузьмищева. Л.: Наука, 1974. 747 с.

6. [Ред.]: Мифы, предания и легенды острова Пасхи / Сост., пер, с рапануйского и западноевроп. яз., предисл. и примеч. И. К. Федоровой. М.: Наука, 1978. 382 с.

7. [Отв. ред.]: Древние системы письма. Этническая семиотика: Сб. ст. М.: Наука, 1986. 297 с.

8. [Предисл. к кн.]: Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1990. С. 7–27.

9. [Ред.] Questions of Ethnic Semiotics. Forgotten Systems of Writing. 12th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Zagreb, Yugoslavia. 1988. Moscow: Nauka, 1988. 121 p.

10. [Предисл. к кн.]: Ершова Г.Г. Фрай Диего де Ланда. М., 2000.

Приложение 2

ОПИСЬ АРХИВА Ю.В. КНОРОЗОВА, В БИБЛИОТЕКЕ ДУМБАРТОН ОКС

http://atom.doaks.org/atom/index.php/yuri-valentinovich-knorozov-papers

(Материалы любезно предоставлены для публикации А. Токовининым)

Guide to MS 2
Yuri Valentinovich Knorozov Papers, 1945-1998
47 linear inches
Processed by Alexander Tokovinine
July 2008

Provenance: Estate of Iurii Valentinovich Knorozov, 2007

Citation: Iurii Valentinovich Knorozov Papers, 1945-1998, MS 2, Image Collections and Fieldwork Archives, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Trustees for Harvard University. Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Scope and Content Note

The Knorozov Papers contain correspondence, manuscripts, notes, journal offprints, and photographs from the personal papers of Iurii Valentinovich Knorozov (1922-1999), Russian anthropologist and linguist, famous for his breakthrough in the decipherment of Maya writing, who also made important contributions to the study of other ancient scripts, signaling theory, and semiotics. The collection contains materials dating from 1945 to 1998 and is organized into four series: biographical, correspondence, writings, and research files.

The **Biographical** series, 1945-1994, includes a group of Knorozov's personal daily notes, receipts, notes on research planning, hand-written selections of prose and poetry, and documents related to Knorozov's trips to Copenhagen, Mexico, and Guatemala. The files also include newsclippings about Knorozov from Soviet and Spanish language newspapers. The earliest document in the Papers is a typed text on table manners dated 1945.

The **Correspondence**, 1952-1998, includes professional correspondence as well as various notes and attachments, between Knorozov and other scholars and institutions in the Soviet Union and abroad. The few personal letters are New Year/Christmas greetings. The series is not large, but recurring subjects of the letters are theoretical linguistics, Maya languages and writing, Peru writing/notation systems, archaeology of Kuril Islands, and publishing. Correspondence with David Kelley, Michael and Sophie Coe, Tatiana Proskouriakoff, Thomas Barthel,

Norman and Dolores McQuown, and the Peabody Museum of Harvard University, will be of particular interest to Mayanists.

Letters and reports related to the activities of the Research Council of the Soviet Academy of Sciences on Cybernetics, the Semiotics research group, the Group of the decipherment of ancient scripts, and to Ustinov's work on the computer-assisted decipherment of Maya writing are also of great importance for future scholarship. Other Knorozov's correspondents include Ignace J. Gelb, Rafael Girard, John P. Harrington, Eleazar Meletinskii, Peter Lanyon-Orgill, and Aleksandr Reformatskii.

Of greatest importance in this series, **Writings**, 1960-1988, are manuscripts and offprints of Knorozov's publications, including parts of the drafts of the monographs Pis'mennost' indeitsev maiia ("Writing of Maya Indians") published in 1963 and Ieroglificheskiie rukopisi maiia (Maya Hieroglyphic Manuscripts) published in 1975. There are also offprints of Knorozov's articles on Maya and Mesoamerican calendars published in the Sovetskaia Etnografiia journal in 1971-1973. Knorozov's work on Classic Maya inscriptions in the 1980s is represented by a full set of drafts and notes, which led to a publication of the inscription on the sarcophagus from the Temple of the Inscriptions at Palenque, in 1988. The series also includes some manuscripts related to the "signal systems theory" including transcripts of the colloquium on signaling theory organized by the Research Council of the Academy of Sciences of the USSR in 1961, as well as drafts of an article on children's art, and drafts of a paper on the origins and evolution of Paleolithic art. In addition, there are several manuscripts of reviews and an offprint of an article on ancient Peru writing systems that Knorozov co-authored with Fedorova.

The **Research Files**, 1940s-1990s is the largest series in the Knorozov Papers and contains notes, news clippings, manuscripts and offprints by other scholars, all files organized by topic. The range of subjects is broad from Ainu pictographs, archaeology, and religion, to the peopling of the Americas, contacts between the Old and New Worlds, and Mesoamerican archaeology. There is a number of files on Maya languages and writing, and fewer files on Olmecs, Isthmian script, Peruvian writing and notation systems, Indus script, systems theory, structural linguistics, phonology, morphology, semantics, semiotics, and signaling theory.

The largest subject cluster is the materials on Maya languages and writing. It features Knorozov's notes on Maya (Yukatek) grammar and vocabulary made while working on the manuscripts of *Pis'mennost' Indeitsev Maiia (Writing of Maya Indians)* published in 1963 and *Ieroglificheskiie Rukopisi Maiia (Maya Hieroglyphic Manuscripts)* published in 1975. Some notes on Yukatek are organized by specific subjects like "weather" or "astronomy." Another set of notes is dedicated to names and place names (onomastics and toponymy). Besides glosses, these notes contain examples of hieroglyphic spellings from the codices. There are also notes on the grammar and vocabulary of other Maya languages. A set of notes deals with the frequency of signs in Maya codices. In addition, the section includes thematic selections of images from the codices and photographs of Maya monuments grouped by region and archaeological sites.

There are also offprints and manuscripts by David Kelley, Thomas Barthel, and Roberto Esclante. A selection of Danish newspaper articles about Knorozov's presentation of the decipherment of Maya writing at a congress in Copenhagen in 1956 is of particular importance to anyone interested in the history of decipherment and can be found in the Biographical series. Knorozov's bibliographic notes on Maya studies reflect his knowledge of and preferences in dealing with published works on Maya languages, writing, art, and archaeology.

In addition to Knorozov's study of Maya writing, this series reveals his interest in the Olmec civilization and Isthmian (Olmec) and Zapotec writing, including offprints of articles on Olmec archaeology and early Mesoamerican writing systems, photographs, and notes on some Isthmian and Zapotec inscriptions. The inclusion certain offprints and drawings also illuminates Knorozov's correspondence with Michael Coe, George Stuart, and Joyce Marcus. Various correspondents sent materials to Knorozov for opinions, or because he had difficulty obtaining a copy. Victoria de la Jara and Thomas Barthel were Knorozov's main correspondents and providers of materials on Peru writing systems and there several files dealing with tukapu and Colonial "hieroglyphic" writing.

Knorozov's interest in the history and theory of writing systems is also reflected in a selection of notes and materials on various scripts and notation systems grouped by type of script/signs (alphabets, syllabaries, numbers, rebuses, ciphers, and pictograms) or by geographic location (China, Japan, Africa, and Eskimo). Materials on linguistics theory constitute another major section of the research files series. These include Knorozov's own notes on signaling theory, offprints of articles by several prominent Soviet linguists on the subjects of morphology, semantics, and phonology, and reports and newsletters of the Research Council on Cybernetics of the Academy of Sciences of USSR. Despite the fact that Knorozov published multiple articles on Easter Island and Indus scripts, there are almost no research files on these two subjects. Knorozov was in the habit of folding a piece of paper in half and placing a set of notes inside. Sometimes the package was identified, others not. A few "re-used" notes on the Indus script decipherment have been identified and placed in a separate folder.

Finally this series contains a few notes and visual materials on Ainu ethnography and language with a special emphasis on pictograms. Several packages of notes and reports also reflect Knorozov's participation in the archaeological research on the Kuril Islands in the1980's and 1990's. A set of notes corresponds to Knorozov's research on Ainu religion, which led to a publication on Ainu beliefs about reincarnation.

Provenance

The Knorozov Papers were purchased from his estate in 2007.

Notes to Researchers

The series divisions do not reflect the original organization of the papers because by the time the papers arrived at Dumbarton Oaks,

original order had been lost. The series and many file names were created to facilitate scholarship.

Most of the papers are in Russian, with other languages including Spanish, Dutch, English and German. Further Ainu files and materials are at the Library of Congress. Other Knorozov materials exist at the institutions where he worked. There are oversized Russian language newspapers in a box at the end of the collection.

		Biographical
1	1	Business Cards and Contact Information, n.d.
	2	Daily Planners, n.d.
	3	Mexico Trips, 1992-1993
	4	MSC Notes,1977?
	5	News Clipping, 32nd International Congress of Americanists (Copenhagen, 1956 Press Review
	6	Newsclippings, Mexican and other Spanish Language Newspapers, re: Knorozov
	7	Newsclippings, Soviet Newspapers about Knorozov
	8	Poetry, n.d.
	9	Prose, n.d.
	10	Receipts, 1976
	11	Research Planning, 1968, 1994
	12	Reviews of Knorozov's "Writing of Maya Indians" and of Evreinov, Kosarev, and Ustinou's "Application of Electric Computing Machines in the Study of Maya Script"
		Correspondence
	13	American Anthropologist, 1962,
	14	Argentina,1952, 1958, 1960, Correspondence with Individuals from Argentina
	15	Arqueología Mexicana, 1994
	16	Thomas Barthel, 1964
	17	Belgium, Jamin, 1956
	18	C.R. Bird, 1962
	19	Iu. Bromlei, 1966
	20	Lyle Campbell, 1979
	21	Centro de Estudios Mayas, 1997
	22	Charles Upson Clark, 1952-1954
	23	Michael Coe, 1957
	24	Sophie Coe, 1965, 1993

	25	Consejo Superior de Investigaciones Cientificas (Spain); Francisco De P. Solano, 1962
	26	Costa-Rica (33rd International Congress of Americanists), 1957-1959
	27	George Cowgill, 1957
	28	Current Anthropology, 1961
	29	Alexander Ebin, 1962
	30	Embajada de Mexico, 1995
	31	Galina Ershova, 1986, 1990
	32	Rudigh Fuchs, 1994
	33	Ignace J. Gelb, 1964
	34	Rafael Girard, 1956
	35	Francisco Guerra, 1960
	36	John P. Harrington, 1956
	37	Hermann Publishing House, 1958, Pierre Beres Knorozov
	38	Hermitage Museum, 1998
	39	Ibero-Amerikanische Bibliothek, 1957, Hans-Joachim Bock Knorozov G. Kutscher
	40	Institute of Slavic and Baltic Studies, 1979?
	41	Instituto Nacional de Antropologia e Historia, 1968
	42	International Biographical Catalogue, 1998
	43	C. Jaschek and F. Atriobarandela, 1998
	44	P. Jeganathan, 1994
	45	Katsnel'son, Isidor S. (КацнельсонИосифСоломонович), 1968
	46	David H. Kelley, 1956-1959, 1961, 1963
	47	Johann Knobloch, 1969
	48	La. Kuz'min, 1988
	49	Peter A. Lanyon-Orgill, 1957, 1959?, 1960
	50	George Lobsiger, 1956
	51	Norman and Dolores McQuown, 1970-1972, 1993, 1979
	52	Alan L. Mackay, 1956
	53	Joyce Marcus, 198?
	54	E. Meletinskii, 1982
	55	Metro-Goldwyn-Mayer Inc, 1971
	56	Mexico, 1954, 1957
	57	Museo Nacional de Arqueologica y Etnologia Guatemala, 1952-1960
	58	Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera, 1994

	59	Nauka Publishing House, 1966
	60	Pamiatniki Mirovoi Literatury, 1966
	61	Peabody Museum Harvard University, 1964-1966, (J. Brew, Iu. Knorozov, Gordon Willey, Sophie Coe, Henry Field)
	62	Tatiana Proskouriakoff, 1970
	63	Luis Vasquez Pueyo, 1970
	64	F. I. Pyzh'ianov, 1985, 1994
	65	Jim Rauh, 1970
	66	A.A. Reformatskii, 1961
	67	Research Council on Cybernetics Academy of Sciences, USSR, Re: Correspondence Reports on Linguistics-Semiotics, 1959, 1962, 1966
	68	Research Council on Cybernetics Academy of Sciences, USSR, Re: Decipherment of Ancient Scripts, 1964-1966, 1968, 1970, 1973, [Folder includes correspondence with Pavlov, Boiko, Rozentsveig, Markov, and Shreder]
	69	F. Roucaute, 1962

2	1	Salvador, 1953, 1956
	2	Anatolii Shkun'kov, 1994
	3	Staatliches Museum Für Völkerkunde, Dresden, 1957, 1959, [Kurt Biermann to Knorozov]
	4	L. Supagn, 1970
	5	W. Cameron Townsend, 1956
	6	C.L. Trepaniek, c. 1960
	7	University of Chicago Press, 1974
	8	Uruguay, 1953
	9	V.A. Ustinov, 1959-1962 (correspondence and notes related to Ustinov's dissertation)
	10	Venezuela, 1953, 1956-1959
	11	Vestnik Akademii Nauk , n.d.
	12	Voprosy Iazykoznaniia, 1976
	13	Voprosy Istorii , 1976-1977
	14	Wenner-Gren Foundation, 1962
	15	Mark Zhukovskii, 197?-199?
	16	Unidentified Correspondents, 1977
		Writings
		Manuscripts
	17	K Stat'e Izobrazitel'noe Tvorchestvu Detei on the article "Children Art"

	18	Colloquium on Signal Systems Theory (transcript)
	19	K Voprosu Osmysle Termina "Promiskuitet" (of the meaning of the term "promiscuity")
	20	Ieroglificheskie Rukopisi Maiia (ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ МАЙЯ) (Maya Hieroglyphic Manuscripts)
	21	Nadpis' na sarkofage V Palenke (Inscription on the Sarcophagus at Palenque)
	22	O Sbornike "Iskusstvo v Stran Iatinskoi Ameriki" (О сборнике "Искусство в странах Латинской Америки")
	23	"Osobennosti detskikh izobrazhenii" ("Peculiarities of Children's Art")
	24	"Osobennosti sovremennykh signal'nykh sistem" ("Peculiarities of Contemporary Signal Systems")
	25	Paleolithic Art in North America
	26	Peopling of the New World (Original Title Unknown)
	27	Pis'mennost' Indeitsev Maiia (The Writing of Maya Indians)
	28	V Zashchito T. Kheierdala (In Defense of T. Heyerdahi)
	29	Review of Andreeva's Dissertation "Algorithmic Recognition of Statistical Combinatory Types of Word Change and Word Categories Based on Russian Language"
	30	Review of the article "Cosmological Text of the Ancient Eastern European Black Sea Area" – By Marchenko
	31	Response to Thompson's and Barthel's Critique of Knorozov's Decipherment of Maya Writing
		Offprints
	32	"The Ancient Ways of the Mayans"
	33	Review of Michael Coe's Book America's First Civilization
	34	Drevnee Pepuanskoe Pis'mo: "Problema I Gipotezy, 1970" (Ancient Peruvian Script: The Problem and Hypotheses)
	35	K Voprosu o Genezise "Paleoliticheskikh Izobrazhenii," 1976 (On the Origins of Paleolithic Art)
	36	Zametki o Kalendare Maiia (Notes on Maya Calendar, 1971, 1973), [several articles about classic Maya calendar]
		Research Files
	37	Africa – Nigeria Archaeology, [an article about Akwanshi]
3	1	Africa Writing
	2	Ainu – Artifacts-Ikunisi, [photographs and notes on Ikunisi]
	3	Ainu – Pictographs
	4	Ainu Religion – Kuril Islands Archaeology
	5	America – Contacts with the Old World

	6	America – Indigenous Languages
	7	America – Peopling, [Offprints of several articles]
	8	Anthropology Russia - Bibliography
	9	Aztec Archaeology [Michael Coe 1964 offprint]
	10	Central American Newspapers
	11	Chinese Writing
	12	Communication in Space
	13	Consejo Estatal Consultivo de la Educacion en Yucatan
	14	Eskimo – Archaeology
	15	Eskimo – Pictographs
	16	Europe Astronomy
	17	Evolutionary Biology
	18	Indus Script – Decipherment
	19	Japanese Writing
	20	Ket Mythology
	21	Kuril Islands –Archaeology
	22	Kuril Islands – Newspapers
	23	Linguistics – Bibliography
4	1	Linguistics – Cybernetics
	2	Linguistics – Cybernetics, Reports of the research Council on Cybernetics
	3	Linguistics – Invented Languages
	4	Linguistics –Morphology
	5	Linguistics – Phonology
	6	Linguistics – Secret Codes and Cyphers
	7	Linguistics – Poetry and Metrics
	8	Linguistics – Semantics
	9	Linguistics – Semiotics
	10	Linguistics – Semiotics Ethnic Semiotics Group, 1989
	11	Linguistics – Semiotics Research Council on Cybernetics 1962
	12	Linguistics – Signal Systems
	13	Linguistics – Signal Systems, Animals
	14	Linguistics – Signal Systems, Child Development
	15	Linguistics – Signal Systems, Nonverbal Communication
	16	Linguistics – Structural Analysis, Articles by A. Reformatskii
	17	Linguistics-Theory

	18	Maya – Archaeology George L. Cowgill
	19	Maya - Art Themes, Specific Themes: Women, bats, snakes, vultures, rabbits, foxes, dogs, jaguars, monkeys, deer, trees, zodiac, new year, katuns
5	1	Maya – Artifacts, Pottery
	2	Maya – Artifacts, Pottery - Clarkson
	3	Maya – Artifacts, Pottery – Chetumal Vessel [now at Dumbarton Oaks]
	4	Maya – Astronomy, Michael Coe "Native Astronomy in Meso America"
	5	Maya – Languages Names and Place Names
	6-8	Maya – Bibliography (3 folders)
	9	Maya – Calendar Maricela Ayala and Munro S. Edmonson, 1969
	10	Maya – Chronology
	11	Maya – Kinship
	12	Maya Languages – Chontal, Article by Atwin Smailus, Escritura Maya, November 1969
	13	Maya Languages – Comparative
6	1-2	Maya Languages – Writing, Word Lists by theme, Time, Weather, Celestial Objects, Pottery, Clothes, Household Items, Astronomy, Political Organization, Kinship, Agriculture, Trade, War, Gods (2 Folders)
	3	Maya Languages – Yukatek, Colonial Dictionaries
	4	Maya Languages – Yukatek, Dictionary
	5	Maya Languages – Yukatek, Grammar
	6	Maya Movies, Ershova
	7	Maya Religion – Gods, "Red Winter Moiety", "Blue Summer Moiety"
7	1	Maya Religion – Gods, God B/ Chaak, GI, God K/ K'awill, God D
	2	Maya Writing – Decipherment notes on Leon de Rosny
	3	Maya Writing – Decipherment papers by Thomas Barthel
	4	Maya Writing – Decipherment papers by Roberto Escalante
	5	Maya Writing – Decipherment papers by David H. Kelley
	6	Maya Writing – Decipherment, Reviews of Knorozov's "Writing of Maya Indians" and of Evreinov, Kosarev, and Ustinou's "Application of Electr. Computing machines in the study of Maya script."
	7-8	Maya Writing – Inscriptions (2 folders)
	9	Maya Writing – Reading and Translation Leiden Plaque
	10	Maya Writing – Sign Frequency
	11	Maya Writing – Signs
	12	Mesoamerica Archaeology, Teotihvacan

	13	Mesoamerica Writing, Joyce Marcus
	14	Mongolian Archaeology and Writing
	15	Navigation History Dicke Y Julio A. Ibarra Grasso
	16	Nogai Kinship, [1 chart of kinship terms]
8	1	Olmec – Archaeology, offprints of articles by M. Coe, and Knorozov's Notes on M. Coe's America's First Civilization
	2	Olmec – Monuments, Photographs of Monuments from Lauenta Cerro de las Mesas
	3	Olmec – Religion, Notes on Olmec religion and Gods
	4	Olmec Writing – Notes on Isthmian Writing [sign lists and specific inscriptions Tuxla tres zapotes]
	5	Paleolithic Art Origins, Unorozou's Notes on a monograph by stoliar
	6	Peru - Inca, Guaman Poma de Ayala, Cutouts of Drawings by Guaman Poma Published in the Russian Edition of Garcilaso de la Vega
	7	Peru - Mochica Mythology [offprint of an article by Berezkin]
	8	Peru Writing - Knorozov's Notes on Tukapu Offprints of two articles by Thomas S. Barbel Dealing with Dukapu Offprint of an Article by Ibarra Grasso [About Inca Hieroglyphs], Offprint of an Article by Gustavo Baca Corzo [on Same subject] Review of Peruvian Writing by unknown author Bibliography of words by Barthel and Jara
	9	Peru Writing [publications and materials prepared by Victoria de la Jara]
	10	Russia – Ethnography
	11	Russia – Kinship
	12	Russia – Siberia Ethnography
	13	Russia Writing – History
	14	Social Theory – Ethnicity, Articles by Gomilev
	15	Social Theory – Kinship, Articles by Girenko
	16	Social Theory – Political Economy
	17	Social Theory – Social Evolution, Marriage
9	1	Statistics
	2	Survival in Extreme Conditions
	3	Systems of Theory
	4	Systems Theory, Theory of Collectives
	5	Writing – Comparative Alphabets and Syllabaries
	6	Writing – Comparative Numbers
	7	Writing – Comparative Pictographs
	8	Writing – Maps
	9	Writing – Rebus

	10	Writing Theory, Samkova's Manuscript "Origins and Development of Writing"
	11	Zapotec – Archaeology, Religion
	12	Zapotec - Monuments and Inscriptions

Приложение 3

ПОЭМА
братьев Сергея, Бориса и Юрия Кнорозовых[323]

ОГЛАВЛЕНИЕ

I часть
1. Россия (Родина)
2. Социализм
3. Европа (Молотов)
II часть
4. Пограничный бой (до Москвы)
5. Москва
6. Сталинград
III часть
7. Курск
8. 1944 г.
9. Берлин
IV Эпилог

ЧАСТЬ I

Глава 1
РОДИНА

Поля объяты тишиною,
Светлеет мгла лесных полян,
В речных низинах пеленою
Белеет утренний туман.
Беззвучно шепчутся с рассветом
Берез и тополей листы –
Как будто делятся секретом
Про сны и тайны темноты.
Реки широкой полосою
Как рамой замкнут в полукруг,
Блестит серебряной росою
Некошеный цветущий луг.
Яснеют дали над полями.
Прохладен воздух голубой.
И вот над дальними холмами
Заря зажглася полосой.

[323] Заготовки текста «Поэмы», написанной братьями Кнорозовыми в честь победы в Великой Отечественной войне. Текст находится в личных архивах Н.С. Кнорозовой, А.С. Кнорозова, Т.Б. Кнорозовой и любезно предоставлен для публикации.

Все ярче красок позолота,
Сверкает луч – уже восход...

Стоял июнь... Была суббота...
Шел мирный сорок первый год...

Восходит солнце золотое,
Прохладней воздух и свежей,
Согрето утро голубое
Сияньем солнечных лучей.

Живой и ясный луч встречая
Аулы, села, города –
Проснулась вся страна родная
Отчизна счастья и труда.
Могучим гимном над простором
В прохладной утра тишине
Гудки заводов стройным хором
Как песни, льются по стране.
Просторы нив и свежесть сада,
Станки, забои, книги ждут
В Отчизне слава и награда
Наш гордый вдохновенный труд.

Взгляни на мир с высот полета,
Пусть жарко вспыхнет вновь и вновь
В горячем сердце патриота
К Отчизне светлая любовь.
Мы смотрим с гордостью понятной
На дали наших рубежей,
Гордясь по праву необъятной
Могучей Родиной своей.

Отчизна!.. Гор высоких цепи
Вздымают кручи в небеса,
Пустыни знойные и степи,
Необозримые леса...

Когда на улицах столичных
Звенит весенняя капель,
В просторах тундры безграничных
Бушует зимняя метель,
Цветет миндаль в горах на юге,
Хмельной бурлит в березах сок,
В глуши тайги с зарей к подруге
Летит глухарь на первый ток.
В степях безбрежных Украины
Томится силою земля,

Ждут плуг молдавские равнины
И приднепровские поля.

Когда в холодной мгле тумана
Дробя и пеня грозный (мутный) вал,
Прибой вечерний океана
Шумит у сахалинских скал,
Блестит под солнцем зелень пашен,
Шумят дубравы под Москвой,
Над звездами кремлевских башен
Сияет полдень золотой.

Отчизна... Нет богаче в мире,
С какой страной сравнишься ты?
Богатства сказочной Сибири,
Донбасса черные пласты,
Заводы Юга и Урала,
Хибинских клады рудников –
Край угля, нефти и металла,
Машин, приборов и станков.

Сады и нивы Украины,
Арыки знойной Ферганы,
Цветущей Грузии долины,
Стада, отары, табуны...
Кубани солнечной станицы,
Хорезм и Крым в тени садов,
Край льна и золотой пшеницы,
Край хлопка, меда и плодов.

Простор без меры, ширь без края,
Гордись же радость не тая:
Земного шара часть шестая –
Все это – Родина моя.

Могучей Родины достоин,
В Отчизне радостной живет
Титан в труде, бесстрашный воин,
Великий творческий народ.

Глава 2
РОДИНА И МАРКСИЗМ

Есть такая партия
(Ленин)

За веком век в движенье вечном,
В сиянье солнечных лучей
Земля в пространстве бесконечном

Орбитой движется своей.
Припомни прожитые были...
Века страданий и невзгод,
Судьбы удары не сломили
Великий творческий народ.
Гордяся сталинской державой,
Величием советских дней –
Гордись былою русской славой,
Великой Родины своей.

С былинной богатырской силой
Ты грудью вынесла удар,
Спасая жизнь Европы хилой
От плена грозного татар.
На окна бюргер вешал шторы,
В уюте сидя как сурок.
Мы шли осваивать просторы
На юг, на север, на восток.
Сурова русская природа,
Жестоки битвы прошлых дней,
Но удаль смелая народа
И труд родных богатырей,
Подобный сказочному чуду,
Отвага русская в бою –
Навек прославили повсюду
Отчизну гордую мою.

Не зная в удали преграды,
Спасая Родину в беде,
Не ждали прадеды награды
За подвиг в битве и труде.
Порыв горячий патриота,
Таланты, лучшие умы
Душило рабство, цепи гнета,
Ярмо невежества и тьмы.
Веками в рабстве голодали –
Была суровая пора...

Каких чудес ни создавали
Родные наши мастера.
Не только золотые руки.
Иль мало русских есть имен
Творцов культуры и науки
От древних дедовских времен.
С могучей славой боевою
Считаться враг любой привык,
Прославлен громкою молвою
Победоносный русский штык.

Не вздорной зависти в угоду
Я славить Родину хочу, –
Лишь богатырскому народу
Подобный подвиг по плечу!

Прошли века от были древней...
Живя как раньше стариной,
Мой край был дедовской деревней,
Народов мрачною тюрьмой.
В бесправной, нищей и голодной
России страшных царских лет
беде народной
Нужде не виден был просвет.

Спеши с котомкою, прохожий,
В пыли проселочных путей,
Уйти на промысел отхожий
От голодающих детей.
Твоя судьба удел для многих,
Не первый ты, не первый день
Бегут из нищих и убогих
Родимых хат и деревень.

С толпою меряй путь далекий
В жару, морозы и метель,
Пока подрядчик краснощекий
Возьмет за магарыч в артель,
В мошне накопишь ли полтины,
За хлеб продавшись на сезон,
В забоях низких гнутся спины
И возит уголь коногон.
Нужда и голод в город гонит,
В окраин мрачные углы,
Там люд рабочий также стонет
В ярме фабричной кабалы,
Едва светает – ждет работа,
Закончил смену – звезд узор,
Но вот желанная суббота,
Толпа теснится у контор.
Кассир, мусоля денег пачку,
Считает штрафы и сует
Рубли получки, как подачку,
Для нищих филантроп дает.
Бывало... Сжав гроши до боли
В мозолях грязных кулака,
Пропьют без радости, без воли
У первой стойки кабака.
И вновь гудки к работе звали,

Едва в лачугах брезжил свет,
Где жили, плакали, рожали
И умирали в сорок лет.

Народ веками горбил спины,
С концами не сводя концов,
А рядом пышные витрины,
Великолепие дворцов,
Где в жизни праздной и никчемной
Сливался с роскошью разврат
У своры тунеядцев темной.

Полки муштрованных солдат,
Поповских хитрых сказок сети,
Охранки черный легион,
Тюрьма и пули, крест и плети
Держали шаткий царский трон.
Росли в России год от года
Нужда и гнет народных масс
И зрел могучий гнев народа,
Мужал и рос рабочий класс.

Герой один не побеждает,
Бойцы сплоченностью сильны.
Корабль без компаса блуждает
По воле ветра и волны.
Легко разить врагов колонной
Стальной,
Могучей силой миллионной
Сплоченной волею одной.
Борцы – герои погибали
Бессильны рознью и слабы...

Великий Маркс и Энгельс дали
Науку классовой борьбы –
Марксизм. – Оружие и знамя
Передовых,
Научной страстной мысли пламя,
Программа действий боевых,
Заря надежды и свободы,
Коммуны солнечной огни.

Бежали битв суровых годы,
Побед и поражений дни,
Была заря... Едва светало,
Но знали: будет солнца свет,
Бессмертно славное начало

Советских гордых светлых лет.

Наивно думать: враг глупее.
Известно с самых давних пор:
Чем ближе гибель, тем сильнее
Врага отчаянный отпор.
С идеей борются идеи...
Мобилизованы в поход
«Вожди» – наемные лакеи
Всех толков, видов и пород,
«Витии» разных стран и наций,
Начетчики-«профессора»,
Творцы цветистых декораций,
Заумных споров мастера.
Крича про Маркса и свободу,
До хрипа надрывая грудь,
Они хозяевам в угоду
Марксизма извращали суть.

Игра в парламентские споры,
«Ревизий» шулерский обман,
Крикливых «резолюций» горы,
«Теорий» хитростный дурман.
Марксизма истины живые
Глушили болтовни слова,
Как глушит злаки молодые
На нивах сорная трава.

В года разброда и сомнений
Зажегся яркою звездой
Вождя народов светлый гений.

С научной мудрой простотой
Вскрывая меткими словами
«Теорий» фальшь и лживость фраз,
В борьбе с идейными врагами
Марксизм великий Ленин спас.

Марксизм не догм и строчек скука,
Не сборник истин прописных,
Живая страстная наука,
Программа действий боевых.
Тот мертв, кто жизнь не замечая,
Сидит за запертым окном.
Лишь мысль творца передовая
Ведет к победе над врагом.
Застывшей, вечной и готовой
В науке формы не найти.

Роса, сверкая, высыхает,
Короче и прохладней тень,
В сиянье солнца утопает
Июньский ясный знойный день.
В могучей Сталинской державе
Шумят родные города,
Ночной дозор идет к заставе,
Гремят по рельсам поезда,
Плывут дымки из труб завода,
Цветут поля в родном краю...

Я сын великого народа,
И славлю Родину мою!

Взгляни на мир с высот полета,
Пусть жарко вспыхнет вновь и вновь
В горячем сердце патриота
К Отчизне светлая любовь.
Мы смотрим с гордостью понятной
На дали наших рубежей,
Гордясь по праву необъятной
Могучей Родиной своей.

Отчизна!..
Нет богаче в мире!
С какой страной сравнишься ты!
Богатство сказочной Сибири,
Донбасса черные пласты,
Заводы Юга и Урала,
Хибинских клады рудников.

Край угля, нефти и металла,
Страна гигантов-городов.

Степей цветущие равнины,
Поля, стада и табуны,
Сады и нивы Украины,
Арыки знойной Ферганы,
Кубани солнечной станицы,
Хорезм и Крым в тени садов,
Край льна и золотой пшеницы,
Край хлопка, меда и плодов.

Когда на улицах столичных
Звенит весенняя капель,
В просторах тундры безграничных
Бушует зимняя метель.

Цветет миндаль в садах на юге,
Бурлит хмельной в березах сок,
В рассветной мгле тайги к подруге
Летит глухарь на первый ток.
В степях безбрежных Украины
Томится силою земля,
Ждут плуг молдавские равнины
И приднепровские поля.

Когда в холодной мгле тумана,
Дробя и пеня мутный вал,
Прибой вечерний океана
Шумит у сахалинских скал,
Блестит под солнцем зелень пашен,
Шумят дубравы под Москвой,
В рубинах звезд кремлевских башен
Сияет полдень золотой.

Простор без меры, ширь без края,
Гордись же, радость не тая:
Земного шара часть шестая –
Все это – Родина твоя.

Могучей Родины достоин,
В Отчизне радостной живет
Титан в труде, бесстрашный воин,
Великий творческий народ.

Плывут дымки из труб завода,
Цветут поля в родном краю...

Я сын великого народа,
И славлю Родину мою!

Взгляни на мир с высот полета,
Пусть жарко вспыхнет вновь и вновь
В горячем сердце патриота
К Отчизне светлая любовь.
Мы смотрим с гордостью понятной
На дали наших рубежей,
Гордясь по праву необъятной
Могучей Родиной своей.

Отчизна!..
Нет богаче в мире!
С какой страной сравнишься ты!
Кавказ, сокровища Сибири,
Донбасса черные пласты,

Руда степей казахских знойных,
Леса бакинских вышек стройных,
Памир и сказочный Алтай,
Леса бакинских вышек стройных
Заводы, фабрики Урала,
Алдан и юный Ишимбай.
Заводы, фабрики Урала,
Хибинских клады рудников.
Край угля, нефти и металла,
Страна заводов-городов.

Степей безмежные равнины,
Поля, стада и табуны,
Сады и нивы Украины,
Арыки знойной Ферганы,
Кубани солнечной станицы,
Хорезм и Крым в тени садов,
Край льна и золотой пшеницы,
Край хлопка, шерсти и плодов.

Здесь труд любой приносит славу,
Одним – поля, станки другим,
И каждый труженик по праву
Богат и горд трудом своим.
Здесь слились в труд всего народа,
Как волны рек в простор морей,
И труд стахановцев заводов,
И труд стахановцев полей.
Под небом Родины чудесной
Многоязыкая семья
Навеки слита дружбой тесной,
Навеки Родина моя,
Под солнцем Сталинской свободы,
В труды великих новых дней,
Забыла черной распри годы,
Раздор племен и рознь людей.
И равноправные народы
Семья родная навсегда.

Страна прогресса и свободы,
Страна науки и труда!

Роса, сверкая, высыхает,
Короче и прохладней тень,
В сиянье солнца утопает
Июньский ясный знойный день.

В Советской трудовой державе
Проснулись рано города,
Ночной дозор идет к заставе,
Гремят по рельсам поезда,
Плывут дымки из труб завода,
Цветут поля в родном краю...

Я сын великого народа,
И славлю Родину мою!

Взгляни на мир с высот полета,
Пусть жарко вспыхнет вновь и вновь
В горячем сердце патриота
К Отчизне светлая любовь.
Мы смотрим с гордостью понятной
На дали наших рубежей,
Гордясь по праву необъятной
Могучей Родиной своей.

Отчизна!..
Нет богаче в мире!
С какой страной сравнишься ты!
Богатства сказочной Сибири,
Донбасса черные пласты,
Заводы Юга и Урала,
Хибинских клады рудников.

Край нефти и угля, металла,
Страна заводов-городов.

Степей безмерные равнины,
Поля, стада и табуны,
Сады и нивы Украины,
Арыки знойной Ферганы,
Кубани солнечной станицы,
Хорезм и Крым в тени садов,
Край льна и золотой пшеницы,
Край хлопка, шерсти и плодов.

Здесь труд любой приносит славу,
Одним – поля, станки другим,
И каждый труженик по праву
Богат и горд трудом своим.
Здесь слились в труд всего народа,
Как волны рек в простор морей,
И труд стахановцев заводов,
И труд стахановцев полей.
Под небом Родины чудесной

Многоязыкая семья
Навеки слита дружбой тесной,
Навеки Родина моя,
Под солнцем сталинской свободы,
В труды великих новых дней,
Забыла черной распри годы,
Раздор племен и рознь людей.
И равноправные народы
Семья родная навсегда.

Страна прогресса и свободы,
Страна науки и труда!

Здесь все для радости народа:
Богатства парков и дворцов,
Задор веселый хоровода,
Вино и аромат плодов.
Почет и гордость материнства,
Детей беспечная игра,
Успех спортивного единства,
И мудрой старости пора.
Любви сверкающие крылья
И пылкой юности мечты...

Страна искусства и обилья,
Край счастья, песен и любви!

Когда на улицах столичных
Звенит весенняя капель,
В просторах тундры безграничных
Бушует зимняя метель.

Цветет миндаль в садах на юге,
Бурлит хмельной в березах сок,
В рассветной мгле тайги к подруге
Летит глухарь на первый ток.
В степях безбрежных Украины
Томится силою земля,
Ждут плуг молдавские равнины
И приднепровские поля.

Когда в холодной мгле тумана
Дробя и пеня мутный вал,
Прибой вечерний океана
Шумит у Сахалинских скал,
Согрета солнцем зелень пашен,
Шумят дубравы под Москвой,
В рубинах звезд Кремлевских башен

Сияет полдень золотой.

Простор – без меры, ширь – без края,
Гордись же, радость не тая:
Земного шара часть шестая –
Все это – Родина твоя.

Великой Родины достоин,
В Отчизне радостной живет
Титан в труде, бесстрашный воин,
Великий творческий народ.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ
/Ленин/

ГЛАВА 1

Припомни прожитые были,
Века страданий и невзгод,
Судьбы удары – не сломили
Отчизну нашу, наш народ.
Гордясь могучею державой,
Величием советских дней,
Гордись былою русской славой
Великой Родины своей.

С былинной богатырской силой
Ты грудью вынесла удар,
Спасая жизнь Европы хилой
От плена грозного татар.
На окна бюргер вешал шторы
В уюте сидя как сурок,
Мы шли осваивать просторы:
На юг, на север, на восток.

Сурова русская природа
И были старых грозных дней,
Но удаль смелая народа
И труд родных богатырей,
Молвой приравненная к чуду
Отвага русская в бою –
Навек прославили повсюду
Отчизну гордую мою.

В труде не ведая преграды,
Спасая Родину в беде,
Не ждали прадеды награды

За подвиг в битве и труде.

Порыв горячей патриота,
Таланты, лучшие умы
Душило рабство, цепи гнета
Ярмо невежества и тьмы.
Веками в рабстве изнывали –
Была тяжелая пора...

Каких чудес ни создавали
Руси умельцы-мастера!
Не только золотые руки,
Иль мало русских есть имен
Творцов культуры и науки
От древних дедовских времен!
Но честь и славу их творений,
Украв и выдав за свое,
Скрывало славный русский гений
Чужое имя и клеймо!

С могучей славой боевою
Считаться враг любой привык,
Прославлен громкою молвою
Победоносный русский штык!
Хвалу воздав любой державе,
Труду чужому и уму,
Гордись, земляк – Отчизна в славе
Не уступала никому!

Не вздорной зависти в угоду
Я славить Родину хочу –
Лишь богатырскому народу
Подобный подвиг по плечу!

Прошли века от были древней –
Менялся мир... Но край родной
Был прежней дедовской деревней
Народов мрачною тюрьмой.

В глухой ночи беды народной
Нужде не виден был просвет,
В *бесправной, босой и голодной*
России мрачных царских лет.

Нуждою сгорбленный прохожий,
Межами нищенских полей,
Спешил на промысел отхожий
От голодающих детей.

Его судьба – удел для многих,
В родном краю не первый день
Бегут из сирых и убогих
Родимых хат и деревень.
Лаптями меряй путь далекий
В жару, морозы и метель,
Пока подрядчик краснощекий
Возьмет за магарыч в артель.

Нужда и голод в город гонит.
Забив подвалы и «углы»,
Бесправный люд рабочий стонет
В ярме фабричной кабалы.
Едва светает – ждет работа,
Закончил смену – звезд узор.
Но вот желанная суббота,
Толпа теснится у контор,
Кассир мусолит денег пачку,
Считает штрафы и сует
Гроши – как нищему подачку.
Богатый филантроп дает.
Бывало ... медяки до боли
Зажав в мозолях кулака –
Пропьют без радости, без воли
У грязной стойки кабака.
И вновь гудки к работе гнали
Едва с зарею брезжил свет.

Так жили: горе горевали
И умирали в сорок лет.
Народ веками горбил спины
С концами не сводя концов
А рядом – пышные витрины,
Великолепие дворцов,
Где в жизни праздной и никчемной
Сливался с роскошью разврат...

Всевластье хищной своры темной,
Полки обманутых солдат,
Поповских хитрых сказок сети,
Охранки черный легион,
Тюрьма и пули, крест и плети
Держали шаткий царский трон.

Известно славное преданье
Как за свободу бились встарь,
Как поднял дерзкое восстанье
Болотников – крестьянский царь.

Как Стенька Разин с голытьбою
По Волге плыл, казня бояр,
Как грозной огненной стеною
Шел Пугачев – степной пожар.
Но тщетны были те дерзанья.
Восставшие побеждены,
Удел народа вновь страданья,
Вожди на плахе казнены.

Герой один не побеждает,
Бойцы сплоченностью сильны,
Корабль без компаса блуждает
По воле ветра и волны.
На гибель без научных знаний
Отважных обречен поход.
Стихией яростных восстаний
Рабам не одолеть господ.

Росли в России год от года
Нужда и гнет народных масс,
И зрел могучий гнев народа,
Мужал и креп рабочий класс.

Взойдя сверкающей звездою,
Великий Маркс в бой за собою
Звал пролетариев всех стран.
Марксизм. Борьбы бесправных знамя,
Оружие миллионов рук,
Зовущей в битвы мысли пламя,
Основа знаний и наук.
Заря манящая свободы,
Коммуны солнечной огни...

Настали новых схваток годы,
Побед и поражений дни.
Пускай Парижа баррикады
Разбиты пушками в упор,
И гибнут смелые отряды,
Врага не выдержав напор.
Но кровь сраженных коммунаров
Огня восстаний не зальет,
И пламя будущих пожаров
Под пеплом тлеет и живет.
Зов Марсельезы не смолкает:
...Вперед, Отечества сыны...
Над миром знамя полыхает
Всемирной классовой борьбы.

Отживши – добыча тленью.
Гниет как труп капитализм,
А над Европой грозной тенью
Как призрак бродит коммунизм.

Наивно думать – враг глупее.
Известно с самых давних пор,
Чем ближе гибель – тем сильнее
Врага отчаянный отпор.

Штыком нельзя убить идеи.
Мобилизованы в поход
«Вожди» – наемные лакеи
Всех видов толков и пород,
«Витии» разных стран и наций,
Начетчики-«профессора»,
Творцы цветистых деклараций
Заумных споров мастера.
Игра в парламентские споры,
«Ревизий» шулерский обмен,
Крикливых «резолюций» горы,
«Теорий» хитростных дурман.

Марксизма истины живые
Глушили болтовни слова,
Как глушит злаки молодые
На нивах сорная трава.

Но враг ликует раньше срока,
Но правда – лжи всегда сильней!
Как солнца луч, пришел с востока
Свет мудрых ленинских идей.

Могучий вдохновенный гений,
Великий сын страны родной,
В года разброда и сомнений,
С научной мудрой простотой,
Вскрывая меткими словами
«Теорий» фальшь и лживость фраз,
В борьбе с идейными врагами
Марксизм – великий Ленин спас.
Марксизм не догм и строчек скука,
Не сборник истин прописных –
Живая страстная наука,
Программа действий боевых.
Тот мертв – кто жизнь не замечая
Сегодня – тащится в былом,
И только мысль передовая

Ведет к победе над врагом,
Застывшей, вечной и готовой
В науке схемы не найти.

Великий Ленин в веке новом
Марксизма продолжал пути.

Где гор утесы тесным кругом
Сошлись вокруг садов долин,
Вождю соратником и другом
Второй поднялся исполин.
С тех пор повсюду рядом встали
И шли в бою плечо с плечом
Титаны мысли – мудрый Сталин
С вождем и другом Ильичом.

Мужали силы молодые,
Отчизна делалась иной,
Отныне древняя Россия
Вела Европу за собой.
Мой отчий край! Страна родная!
Оплот науки мировой,
Марксизма колыбель вторая, –
Гордись великою судьбой!

Вожди гигантскими трудами
Событий ускоряли ход,
И семимильными шагами
Россия двинулась вперед.
От жарких споров, агитаций,
Маевок, сходок и кружков
До бурь народных демонстраций
И схваток уличных боев.
От вольных слов мятежной песни,
Шагам колонн звенящей в лад,
До славных дней восставшей Пресни
В огне декабрьских баррикад.

Но вновь текли глухие годы,
Казалось, все было как встарь.
За дни недолгие свободы
Жестоко мстил кровавый царь.
Царизма псов послушных свора
Глумилась, празднуя, тогда
Хватая жертвы без разбора,
Казня невинных без суда.
Зверей-карателей раздолье
Торчали виселиц столбы...

Но волей Ленина в подполье
Копились силы для борьбы,
«Из искры возгорится пламя!»
Великий русский патриот
Несет побед грядущих знамя
И за собой весь мир ведет.

Чадили смрадным дымом дали,
Мерцали мрачные огни,
Кровавым ужасом вставали
Всемирной первой бойни дни.

Считая прибыль в миллионы,
В квасном азарте и пылу,
Кричали «Все для обороны»
«Столпы Отечества» в тылу.
Полкам про веру и державу,
Про «супостатов» говоря,
Их гнали умирать во славу
Полунемецкого царя.

Заполнив трупами окопы,
Босые русские полки
Банкирам и дельцам Европы
Платили царские долги.
Была у пятого граната,
Порою с палкой шли в строю.
Но доблесть русского солдата
Творила чудеса в бою.

Нам слава издавна знакома
И силой русского штыка
На Марне дальней от разгрома
Спасли союзные войска.
И помнит враг и друг доныне,
Как, славой Родину покрыв,
Рождая панику в Берлине,
Гремел Брусиловский прорыв.

Предательски сплелись у трона
Позор интриг и грязь измен
От «августейшего» шпиона,
Из ставки, от дворцовых стен
Тянулись нити преступлений...
Удач сменялась полоса
Ударом страшных поражений.
На гибель слали корпуса

По воле царского каприза
Трещал расшатанный войной
Прогнивший сверху и до низа,
Самодержавный чахлый строй.
Уже вставал неумолимо
Провал разбойничьей войны.

Борьбу вели неутомимо
В подполье лучшие сыны.
Судьба борцов была сурова
Как милость – ссылка в рудники.
Но силу ленинского слова
Несли в народ большевики.
Во тьме мерцая искрой света,
Звучала речь большевиков:
В тиши бессонной лазарета,
В забоях, избах, у станков.
Звала листовкой на заборах,
В окопах и укрытий мгле,
Вставала правдой в разговорах
О мире, хлебе и земле.
Народный гнев клокочет лавой
Поднялся исполин-народ,
Овеян легендарной славой,
Настал величественный год.

ГЛАВА V

Года уходят чередою,
Но слава легендарных дней
Великой битвы под Москвою
Встает все ярче и полней.

В те дни от Тулы и до Клина
Пылал пожаром горизонт;
Как исполинская пружина
Сгибался под Москвою фронт.
Несли в родные дали ветры
Тревожный дым пороховой.

Мы Подмосковья миллиметры,
На карте сводки фронтовой,
Следили сердцем, а не глазом,
И жили мыслью об одном:
Там пятьдесят дивизий разом
В атаку брошено врагом,
Пять армий брошено в сраженья.

Как движет щупальцами спрут,
На флангах стрелы окруженья
С угрозой медленно ползут.
Сердца сжимались тревогой.
Под натиском гигантских сил,
В борьбе неравной и жестокой,
Наш фронт к столице отходил...

Змеится фронт с столицей рядом
Москва для немцев далека!
По Красной площади парадом
Проходят славные войска.
Их воля Сталина собрала
От светлой Волги и Оки,
С предгорий каменных Урала...
Идут Сибирские стрелки
С болот и гор тайги дремучей;
Тачанки, пушки, передки –
Колонной движутся могучей;
Идут железные полки
По главной площади столицы,
Как поступь воля их тверда,
Не будут подлые убийцы
У Спасской башни никогда!
Суровы, строги, грозны лица,
В надбровьях складки залегли,
Москва! Великая столица
И сердце мира... Всей земли!

Натянут каждый нерв струною,
Здесь Сталин – слава наших дней,
Здесь под Кремлевскою стеною
Святыня мира – Мавзолей.
Трепещет шелк знамен, алея,
Под шагом рот земля гудит,
Здесь на трибуне Мавзолея
Великий мудрый вождь стоит.
Он в битве грозной вместе с нами,
С волненьем слышит вся страна
Слова вождя... Перед глазами
Встает седая старина...

...В веках не меркнет смелых слава,
Преданья старые живы
Про гордый вызов Святослава –
Славянский клич «Иду на вы!»
И снова слышен неизменный
Ответ у Оростольских стен:

«Нет срама мертвым! Трус презренный
Предпочитает смерти плен!»
Победу помнят над Редедей
Наездники степных сторон –
Задор воинственных соседей
Встречает меч, а не поклон.
Во мгле времен глухие годы
Скрывают битвы той поры,
И русских витязей походы
На половецкие шатры.
Давно замолкли звуки тризны
О тех лихих богатырях,
Кто пал за Русь, за честь Отчизны.
Лишь в память о минувших днях
В просторах синих, на равнинах,
Насыпан не один курган...

О славных Игоря дружинах
Поет неведомый Баян.
Копыта мнут траву степную,
Повозок скрип, не ясный звон,
Идут дружины в даль глухую,
Испить шеломом синий Дон.
Приметой мрачною и злою
Грозя неведомой бедой,
Затмилось солнце черной мглою.
Два дня кипит кровавый бой,
Растоптана трава равнины,
От пыли солнце не видать,
Редеют русские дружины.
Осилил враг. Погибла рать.
Пощады раненый не просит,
Земля краснеет как кумач...
И ветер на заре доносит
Печальный Ярославны плач.
Далеко князь и крепки цепи
Нельзя любимому помочь,
В зеленой половецкой степи
Играет сполохами ночь.

Храпя от бешеной погони
Скрывает след ковыль,
И дикие степные кони
Несутся, поднимая пыль.

От первых дней войне товарищ
Огонь пожаров. Вновь война.
Тревожным заревом пожарищ

Горит степная сторона.
Ордой воинственной, могучей,
Забыв про синий Керулен,
Идут монголы грозной тучей.
Грозит Европе хилой плен,
Петля татарского аркана
И участь жалкая раба.
Но замысел кровавый хана
Иная встретила судьба.
Под небом кончился туманным
Поход монголов и татар,
Поднялась Русь, гостям незваным
Платя ударом за удар.

Нет, Русь не ляжет под копыта,
Под плети ханских баскаков.
Рогатого боится стада,
Но душит одиночку волк.
Козельска славная защита,
Напрасен героизм отряда,
Доносится из тьмы веков.
Большой не соберется полк.
И слышен дальний гул набатный –
Кремля не выстроены стены,
Из чащ лесных, из дымных хат
Еще не поднялась Москва.
Простой народ на подвиг ратный
Князей раздоры и измены
Зовет рязанец Коловрат.
Клянет народная молва.
Рогатого боится стада,
Но душит одиночку волк.

Горят деревни и посады,
Напрасен героизм отряда,
Верблюды не поднимут дань,
Большой не соберется полк.

Недолог штурм и дни осады –
Кремля не выстроены стены,
Пылает древняя Рязань.
Еще не поднялась Москва.

Неспешна огненная лава,
Князей раздоры и измены,
Но кто ее замедлит ход?
Клянет народная молва.

Разрушен Киев – наша слава
Руси и гордость и оплот;
Горят деревни и посады,
Владимир – гордый и богатый...

Верблюды не поднимут дань,
Дымятся пеплом города,
Недолог штурм и дни осады –
Витает смерть над каждой хатой,
Пылает древняя Рязань.
Над Русью грозная беда.

Неспешна огненная лава,
Но кто ее замедлит ход?
Нет, Русь не ляжет под копыта,
Разрушен Киев – наша слава,

Под плети ханских баскаков.
Руси и гордость и оплот;
Козельска славная защита,
Владимир – гордый и богатый...

Доносится из тьмы веков.
Дымятся пеплом города,
И слышен дальний гул набатный –
Витает смерть над каждой хатой,

Из чащ лесных, из дымных хат
Над Русью грозная беда.
Простой народ на подвиг ратный
Зовет рязанец Коловрат.

И словно прочные ворота,
Сугробы синие снегов,
Лесные чащи и болота
Спасают Новгород и Псков.

Пройдут года, и в веке новом
Москва возглавит города
На славном поле Куликовом
В глухие страшные года.

С немецкой наглостью кичливой,
Размыслив, что отпор не ждет,
На Русь за легкою поживой
Тевтоны двинулись в поход.
Поморья земли разоряя,
В уделах давних псковичей

Глумясь, насилуя, пытая,
Татарских диких орд страшней,
Привычно зверствуют в разбое.
Звучит надменно вражья речь,
И истребляет все живое
Тевтонский беспощадный меч.

Вода в полыньях, лед непрочен.
Звенят ручьи... Апрель идет.
По-русски дерзок, смел и точен
Был князя Невского расчет –
В броню закованы тевтоны!
На Чудском ненадежным льдом
«Свиньей» псов-рыцарей колонны
На русских лезут напролом.
Кто выдержит удар лавины!
Стучит со звоном меч о щит,
Вороний Камень – тыл дружины,
И крепко центр в бою стоит.
А в тыл и фланги для охвата
Князь полк выводит запасной.
«Свинья» немецкая зажата
могучей русскою рукой.
Треск копий, стрел разящих тучи,
К концу побоище идет.
Тевтоны смяты, сбиты в кучи,
Трещит, ломаясь, хрупкий лед.
Конец бесславному походу!
И «рыцарь» молит не один
Пощады! Меч свой бросил в воду,
Цепляясь за обломки льдин...

Народной повторен молвою,
Несется клич в веках звуча –
«Кто поднялся на Русь войною,
Тот сам погибнет от меча!»

...Монголов некогда могучих
Слабеют силы.
Русь жива!
В лесах пустынных и дремучих
Растет и строится Москва,
Купив одних князей уделы,
Другими – овладев мечом,
Москва расширила пределы,
Росла и крепла с каждым днем.
Не раз соседи угрожали,
И ханов грозные гонцы...

Со всей Руси в Москву бежали
Крестьяне, ратники, купцы –
Москвы защита всех манила,
Среди тревожных этих дней.
Росло богатство, слава, сила
Московских молодых князей.

И вот уже настало время
Сказать про новые права,
Татарской власти сбросить бремя –
Не платит хану дань Москва!
И ослушание карая,
Опять неся Руси беду,
Мамай из дальнего Сарая
Ведет огромную орду.
В беде отстаивать друг друга
Москва собрала города.
Владимир... Суздаль... Тверь... Калуга...
В Коломну собрались тогда.

Темнеют дали небосклона,
Синеют дальние леса,
Едва заметна возле Дона
Непрядвы узкой полоса.
Туман клубится над оврагом.
Пришел великой битвы срок.

По полю тихо едут шагом
Донской и опытный Боброк.
Шагает конь по доброй воле,
Задумчив князь – орда страшит,
Судьбу Руси на этом поле
Заутро бой с ордой решит.
Спокоен старый воевода,
Не виснет повод из руки,
Не раз со славой из похода
Водил он русские полки.

Костры погасли в русском стане,
Неясный гул орды умолк,
В густом предутреннем тумане
Боброк ведет в засаду полк.
Орда и рать готовы к бою,
Безмолвны русские ряды,
Огромной пестрою толпою
Застыли всадники орды.
Все замерло и лишь сверкает
Под ярким солнцем сталь мечей.

Ряды раздвинув, выезжает
Любимец хана Челубей.

Кто храбрый выйдет не робея,
Кто великану даст ответ?!
И принял вызов Челубея
Монах и воин Пересвет.
Навстречу вихрем понеслися,
Упал один, за ним другой...
И с криком двинулись, сошлися
Орда и рать – начался бой.
Полк средний шаг не уступает,
Но много русских полегло,
Разбита, смята – отступает
У рати левое крыло ...

В засаде всадник, встав на стремя,
Меча сжимает рукоять,
Но ждет Боброк: Еще не время!
За шагом шаг отходит рать.
Увлечена жестоким боем,
Толпа нестройная татар
Все дальше лезет с диким воем,
Свой тыл подставив под удар.
Пора! Копье склонилось к гриве,
За Русь! И кони скачут в мах,
Несутся в бешеном порыве,
Татар охватывает страх.
Теперь удвоены удары!
Победа! Кончен славный бой.
Хлеща коней, бегут татары,
Погоню слыша за собой.

...Година новых бед. И снова
Без меры кровь народу лить,
Недолго время Годунова...

Наследство Грозного делить
Нашлось немало претендентов,
По русской движутся земле,
Отряды панов-интервентов,
Враги в Москве... Враги в Кремле!
Шум больше, чем при лютой сечи,
Гудят церквей колокола,
Нижегородцев славных вече
Собралось обсудить дела.
Раздоры, крики и проклятья...
Встал Минин. Гул толпы затих.

– Не пожалеем жизни, братья,
Добро заложим, жен своих,
Перед врагом согнем ли спины!
Москве поможем в грозный час.
Кто молод – пусть идет в дружины,
Кто стар – пусть меч кует для нас.
Вся Русь поднимется за нами!

Нижегородский полк готов.
К Москве с донскими казаками
Спешит на помощь Ляпунов.
Собрались рати. Сын боярский
Отважный славный патриот,
Умелый воин князь Пожарский
На бой с врагами их ведет.
Как отклик на призыв героя,
В холодном проблеске зари,
Несется дальний грохот боя,
В Москве восстали пушкари.

Кого не сломит в битве правой
Родная русская земля!

Идут овеянные славой
Дружины у стены Кремля.
Как рать одна – теснится к строю,

Дни смуты кончились кровавой,
Толпа спешит со всех сторон,
Дружины русские со славой
Под праздничный церковный звон
Въезжают в Спасские ворота.

Бессмертной славы вспомним день,
Великий подвиг патриота.
Зима... Сугробы по плетень.
Походкой старческой, неспешной,
Сусанин узкою тропой
В лесную глушь, во тьме кромешной
Врагов уводит за собой.
Он твердыми идет шагами,
Спокоен взгляд, спина пряма,
Он твердо знает, за плечами
Идет не враг – а смерть сама.
Он знает – ждет его могила
В конце недолгого пути.
Он стар и слаб. Какая сила

Заставила его идти?
Он русский сердцем и душою,
Не может Родину продать,
Спасает, жертвуя собою,
Отчизну – ласковую мать.
Того, кто Родину спасает,
Ни смерть, ни пытка не страшит,
Он для бессмертья воскресает.
Народа память сохранит
Его на веки...
Словно пламя,
Он сердце не одно зажжет,
И новых славных, словно знамя,
К таким же подвигам ведет.

Не меркнут в памяти народов
Могучей Родины моей
Года суворовских походов,
Дела родных богатырей.

Фельдмаршал на полях сражений,
В дворцах причудливый шутник,
Отец солдат, военный гений...
Сквозь дым сражений, русский штык,
К бессмертью русской гордой славы,
Полвека к подвигам водил.
Кинбуры... Очаков... Штурм Варшавы.
Фокшаны, Рымник, Измаил...
Где снежных Альп нависли кручи,
Где серны лазить не могли,
Через стремнины, льды, сквозь тучи
Знамена русские прошли!
Бил грозных маршалов французских,
Разбит сам не был никогда,
Он с гордостью учил, что «прусских
Бивали русские всегда».
Он русский штык везде прославил,
Везде заставил уважать.
И умирая, нам оставил
Свою науку побеждать.
И как пословица в народе,
В солдатской памяти легло
С тех пор – «Тогда легко в походах,
Когда в ученье тяжело!»

Чуть слышно плещут в берег волны,
Прозрачен утренний туман,
Великой армии колонны

Проходят мост через Неман.
Карьером скачут ординарцы,
Проходят гвардии полки,
Французы, поляки, баварцы,
Австрийцы, швабы, пруссаки...
Прославленный военный гений
Наполеона их ведет,
И для Европы нет сомнений:
Разгром Россию скорый ждет.

Царя отвергнут план безумный,
Весь западный оставлен край,
Покинув Дриссы лагерь шумный,
К Смоленску отступил Барклай.
И в арьергардных схватках смело
Французам нанося урон,
Охвата избежав умело,
К нему пришел Багратион.
Смоленск разрушенный пылает,
Далеко зарево встает,
Отряд героев прикрывает
Дальнейший главных сил отход.
К Москве без боя отступали
Полки солдат, что на груди
Носили гордые медали
За бой «Пять против тридцати».
Ведет к столице марш французов,
Рождая ропот и молву,
Любимец армии Кутузов
Отходит дальше на Москву.

Светало. Меркли звезды ночи,
Восток зарею пламенел,
В лугах болотистых Колочи,
В Шевардине туман белел.
Осенний лес зазолотился,
Синело небо в вышине,
Ударом гулким раскатился
И замер выстрел в тишине.
С туманом едкий дым мешая,
Блеснули вспышки сотен дул,
Удары слились, нарастая,
В сплошной глухой могучий гул.

Великий день желанной встречи,
Великий Бородинский бой!
Ряды сомкнув, под свист картечи
В жестокий рукопашный бой.

Враги напрасно ищут бреши,
Атаки сотый раз ведут,
Стоят Багратиона флеши,
Гремит Раевского редут.
Низины рек туманом кроя,
Ложилась тьмы вечерней тень,
За нами было поле боя
В великий Бородинский день.

Сраженья поле мрак объемлет,
В Филях ночной шумит совет,
Кутузов, притворясь, что дремлет,
Мучительно искал ответ.
Он русский сердцем и душою,
В его руках Отчизны меч,
Ему ли сдать Москву без бою?
Нет, легче здесь костями лечь!
Но полководца долг тяжелый:
В его руках Отчизны меч!
Расчет холодный и суровый
Заставил армию сберечь.
«Отчизной рисковать не смеем,
Россия – не одна Москва,
И край родной спасти сумеем,
Коль будет армия жива».

Удушлив воздух от угара,
Огонь и дым со всех сторон,
Зловещим заревом пожара,
Дворец кремлевский освещен.

Бушует огненное море,
Сверкают угли как рубин.
С недоумением во взоре,
С тревогой мрачною во взоре
Европы грозный властелин,
Кто прихоть утверждал законом,
Побед прославленный кумир,
Стоит угрюмо с Лористоном
«Во что бы то ни стало мир!»
Посланцу льстивому французов,
За весь народ, за всю страну
В Калуге отвечал Кутузов:
«Мы только начали войну».

Не раз жестокими боями
Противник смят и сокрушен,
Гонимы русскими полками,

Неся невиданный урон,
Бросая пушки и обозы,
Смешав порядок боевой,
Французы в лютые морозы
Бегут нестройною толпой,
Напялив платья и капоты,
Тряпьем прикрывши язвы ран...
Сдавались в плен гвардейцев роты,
Попав в засаду партизан.
И тая после каждой схватки,
В декабрьский яростный буран,
Великой армии остатки
Бредут по льду через Неман.

Гордись могучею Москвою!
На протяжении веков
Она не раз перед собою
Видала полчища врагов.
Забыты старые могилы,
Где черный прах врагов зарыт,
Как символ грозной русской силы,
Москва бессмертная стоит!

Парадом славным, перед боем,
Отчизны лучшие сыны,
Перед вождем проходят строем,
Особой гордости полны.

Народ с отеческой любовью,
С заботой их вооружил,
Послал с надеждой к Подмосковью,
На подвиг гневом вдохновил,
Их каждый шаг следил и мерил.
Они горды – они правы!
Великий Сталин им доверил
Защиту подступов Москвы.

Шаги их слышатся в окопе,
Несутся по стране родной,
Они слышны по всей Европе,
Они звучат над всей землей.
Они судьбу земли решали.
Следя движенье наших сил,
Прикован к Подмосковной дали,
Весь мир дыханье затаил.

Пусть враг столице угрожает,
Пусть там гадают «Сколько дней?»

В отчизне каждый сердцем знает
Отец наш с нами – мы сильней!
Он в битве грозной вместе с нами.
...Нас знамя Ленина ведет
Вперед, к победе над врагами
На бой за Родину! Вперед!..
Темнеет даль морозной мглою,
Не виден солнца ясный луч,
Спустился низко над землею
Свинцово-серый полог туч.
Дубов верхушки пожелтели
В лесах и рощах под Москвой.
Свистя кружит снега метели
Восточный ветер ледяной,
Сгибая сосны и березы.
Сковал болота прочный лед,
Трещат ноябрьские морозы.
Зима сурова в этот год.

Блестят зловещие зарницы
В морозном небе под Москвой,
На ближних подступах столицы
И день и ночь грохочет бой.

Чтоб взять Москву к зиме суровой
Обрушил враг всю мощь свою.
Но с небывалой силой новой
Рождалось мужество в бою.

Боец к бойцу – герой к герою,
В бою бесстрашны и ловки,
Вставали в битве под Москвою
Гвардейцев первые полки.
В атаках грозных исступленных
Огонь разил броню врагов
Приказом Сталина рожденных
Противотанковых полков.
На смерть дрались уральцев роты,
Могучие сибиряки,
Ряды панфиловской пехоты,
Казачьи славные полки.
Здесь двадцать восемь насмерть встали
В сугробах снежных под Москвой,
И грудью встретив натиск стали
Приняли легендарный бой.
Навек в сердцах храним простые
И вдохновенные слова
Клочкова: Велика Россия,

Податься некуда – Москва!
К семье не заходя с работы,
Без долгих сборов и речей,
Вливались в боевые роты
Отряды славных москвичей.
В глухие ночи, сквозь бураны,
Через глубокие снега,
Неслышной тенью партизаны
Скользят в глубокий тыл врага.
Сердцам отважных нет покоя,
На подвиг Родина зовет,
Глухой тропою снежной Зоя
На смерть к бессмертию идет.

Готовясь к битве под Москвою,
Сломить защиту враг решил
Лавиной танковой стальною,
Огромным превосходством сил.

Здесь все: и цвет полков отборных,
Ударных армий и частей,
Прием испытанный повторных
Атак и фланговых клещей,
Двойные дуги окружений,
Дивизий танковых таран...

Но сталинский военный гений
Отпора создал мудрый план.

На рубежах московской зоны,
За каждый Подмосковья шаг,
В боях активной обороны
Измотан был жестокий враг.
И грозной мощью боевою
Все больше крепнут и растут
Полки резервов под Москвою.
Часы тревожные текут.
Все позже солнце в небе всходит,
Снега лучами серебря,
Трещит мороз... Коней подходит
Недели первой декабря.
Предельно напряглась пружина
Дуги огромной фронтовой,
Угрозой близкою от Клина
Навис противник над Москвой,
Пытаясь возместить отвагу
Ценой невиданных потерь.

Москва близка... Уже и шагу
Нельзя нам отходить теперь.
Москва... Москва! Москва за нами!
Уже в окраинах Москвы
Ежи щетинятся рядами,
Зияют танковые рвы.
И сводка немцев ликовала:
Через бинокль Москва видна!

И, затаив дыханье, ждала
Отчизна, верою полна,
Мужаясь сталинскою силой,
Великой битвы перелом...

Взметая комья грязи стылой,
Шестого залпов грянул гром.
Ожили снежные просторы.
В тиши укрытий и засад,
Взревели мощные моторы
Тяжелых танковых бригад.
Подняли тучи снега траки,
Блеснули конников клинки,
Поднялись роты для атаки,
Пошли резервные полки.
В ожесточенной схватке встречной,
Врага сбивая и тесня,
Течет рекою бесконечной
Пехота, конница, броня.
Растет напор родной лавины.
Захватов клещи немцев жмут.
Бросая танки и машины,
Спасая жизнь, враги бегут.
В великой битве разгромила
Столица полчищ грозный строй,
И пресса запада твердила
Про «чудо» в битве под Москвой.
Умолк хвастливый вой в Берлине
Про «блиц» не вспоминает больше мир,
«Непобедимых» толпы ныне
Ведет советский конвоир.

Гордись, любимая столица!
Впервые в схватке мировой
Победы первая страница
Была начертана тобой!
Как знамя, вести и отсветы
Твоей победы в бой ведут.
Простые люди всей планеты

Тебя надеждою зовут,
Оплотом правды и защиты.
Гремит народная молва,
Любовь и гордость, слава – слиты
В два слова:
Сталин и Москва!

ГЛАВА II

Упорству сильных нет преграды,
Построим социализм,
В судьбе могучего народа
Свершив великий перелом,
Октябрь семнадцатого года
Был первым славным рубежом.
Еще не сняв походный китель,
К родимым нивам и станкам
Народ-боец и победитель
Вернулся к отчим очагам.
Богатство недр, леса и воды,
В подвалах банков серебро,
Музеи, шахты и заводы –
Общенародное добро.

Краснела ржавчина в машинах,
Бурьяном заросли поля,
Лежала в пепле и руинах
Освобожденная земля.
Людей косили тиф и голод.
Покрыла пыль страницы книг,
Народ менял на серп и молот
Привычным ставший грозный штык.

Разруха...
Силы напрягая,
В труде, как только что в бою,
Ни часу отдыха не зная,
Мы стали строить жизнь свою.
Наш труд был сказочно огромен.

Победой был вагон руды,
Чугун оживших первых домен,
Угля немногие пуды.
Едва //////// с работы руки,
В ночные долгие часы,
Основы знаний и науки
Учили первые азы.
Не только прошлое освоить,

Чтоб новый лучший мир создать,
Учились жить, учились строить,
Учились творчески дерзать.

Еще нередко голодали,
Еще не справились с нуждой.
Кому-то ////// солнечные дали
Казались сказочной мечтой.

Но путь указывал Отчизне,
И верой пламенной звуча,
Нас звал и вел к счастливой жизни
Могучий гений Ильича.

На черных крыльях весть летела
Безмерной болью над землей –
Ильич ушел... Осиротела
Отчизна страшною ///////.

Бессмертно ленинское дело,
Величье мысли и труда!
Народным сердцем овладело
И не угаснет никогда
Его идей великих пламя!

Поднял могучею рукою
Святое ленинское знамя
Его соратник боевой,
По всей земле, в любые дали
Молва о нем везде летит,
Сегодня Ленин – это Сталин
Народ с любовью говорит.
Ведет он ленинское племя
К победам новым день за днем,
И мы недаром наше время
Эпохой Сталина зовем!

Его забота нас хранила,
Он светлых наших дней творец,
Надежда,
Гордость,
Слава,
Сила,
Наш вождь,
Учитель и отец!

За камнем камень поднимался
Руины сел и городов,

Отчизна наша молодая
Росла в тугом кольце врагов.
И вождь Отчизны гениальный,
Могучий зодчий новых дней,
Развил великий план начальный,
Бессмертных ленинских идей
Святые мудрые заботы.

Судьба народа моего
Судьбою стала всей планеты.
Вопрос решался: «Кто кого?»
Для мира: рабство – и свобода.
Угрюмый мрак – и свет лучей
Они и мы – два антипода
Борьба двух классов – двух идей.

Раскрыл истории законы
Учитель для народных масс:
... Веками ханы и бароны
За отставанье были нас.
Россию били избяную,
Суров истории урок:
Отсталость нужно вековую
Преодолеть в кратчайший срок...

В веках истории примеры
Нигде такого не найти.
Было начало нашей эры
Мы только начали расти.
Казался сказкой в эти годы
Расцвет могучий наших дней.

Едва работали заводы,
Сохой пахали ширь полей.
С мечтой о хате – полной чаше,
Как деды – дрались за межу.
Вступало в спор «Мое» и «Наше»,
Копя по медному грошу
Свои убогие пожитки,
Казался лучше старый склад.
Тысячелетий пережитки
Тянули в прошлое, назад.
Дельцы в торговле оживали,
В селе наглели кулаки,
Преступный заговор сплетали
Отчизны тайные враги.
Вредили всюду, где умели
И, злобы дьявольской полны,

С ухмылкой злобною глядели
На трудности родной страны.

Шел первый день борьбы суровой,
Но старое дробя в куски,
Уже окрепли жизни новой
Неодолимые ростки!
В борьбе жестокой поднимался
С врагами, с темной стариной,
Окрепнув, рос и развивался
Советский быт, советский строй.

И творческой работы бремя
Неся, как сказочный титан,
Учитель мудрый в это время
(Великий Сталин в это время)
Создал величественный план.

На точном знании основан
Богатств и сил родной страны,
Он был научно обоснован
Невероятный, словно сны.
Он был грядущей светлой долей,
Он жизнью был для нас живой,
Народным чаяньем и волей,
Мечтой народной вековой.
Не старой сказочной удачей,
Что деды внукам сберегли,
Но исторической задачей
Решавшей судьбы всей земли,
Программой действий боевою,
Вопросом «Кто кого?» для нас.

Могучей поднялся волною
Энтузиазм народных масс.
Октябрьской бурей возрожденный
Народ советский молодой
Великой целью вдохновленный
Вставал на подвиг трудовой.

Мы помним подвиги титанов
В далеких мифах древних дней,
Про труд циклопов-великанов,
Сказания про богатырей.
Пусть в нашей памяти хранится
Волшебных старых сказок след.
Моя Отчизна, с чем сравнится
Безмерный подвиг этих лет!

Немногие прожиты годы,
Преобразилася земля.
Поднялись мощные заводы,
Цвели колхозные поля –
В стране убогой и отсталой,
Бессильной сотни долгих лет,
Волшебной явью небывалой
Настал невиданный расцвет.
Гордись, страна моя родная,
Свой труд как подвиг вспоминай!
Отчизна! Часть земли шестая –
Социализма светлый край!

Победа не сама настала,
Безмерный был затрачен труд
На тонну каждую металла,
На каждый первый хлеба пуд.

В кипенье дней великих будней
Немало выпало невзгод,
Был каждый шаг бесспорно труден
Но каждый шаг – был шаг вперед!

Пускай порой не доедали,
Ночей не спали иногда,
Но словно в сказке вырастали
Дворцы, заводы, города.
Нам сила черная вредила,
Завидев смерть перед собой –
Борьба за пятилетки была
Смертельной классовой борьбой.
Про эти сказочные годы,
Народный исполинский труд,
Преодолевший все невзгоды,
Легендой к правнукам дойдет.

На труд высокий вдохновила
В великой стройке наших дней
Всепобеждающая сила
Великих сталинских идей!

Приложение 4

Текст из личного архива Л.В. Канторовича любезно предоставлен для публикации Самсоном Семеновичем Кутателадзе.

ВЫПИСКА из стенограммы заседания Объединенного ученого совета по общественным наукам при Новосибирском государственном университете

г. Новосибирск 2 июня 1962 г.

Председательствующий – профессор, доктор философских наук И.И. МАТВЕЕНКОВ: Товарищи, разрешите начать работу Объединенного ученого совета по общественным наукам при Новосибирском государственном университете.

У нас сегодня один вопрос: защита диссертации Устиновым В.А. на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Некоторые вопросы применения электронных математических машин в исторической науке».

Но прежде чем приступить непосредственно к решению этого нашего основного вопроса, нам предстоит решить два организационных вопроса. Первый вопрос вот какой. На прошлом заседании мы в качестве третьего официального оппонента назначили А.А. Ляпунова[324], но Алексей Андреевич отсутствует; есть предложение вместо А.А. Ляпунова назначить третьего оппонента по диссертации – Полетаева И.А., кандидата технических наук, старшего научного сотрудника Института математики. Он здесь, с диссертацией он знаком очень хорошо. Так что это будет третий официальный оппонент. Первый оппонент – доктор исторических наук Данилов А.И., второй – Громыко М.М. и третий – Полетаев И.А.

Какие будут предложения?

Член-корр. АН СССР Л.В. КАНТОРОВИЧ: Есть ли письменный отзыв от А.А. Ляпунова?

Ученый секрстарь совета Н.Я. ГУШИН: Есть положительный официальный отзыв от него как от зав. отделом Института математики СО АН СССР.

---

[324] Ляпунов Алексей Андреевич (1911–1973) – математик и кибернетик. Основные труды относятся к теории множеств, математическому анализу, теоретическим вопросам программирования, математической лингвистики и математической биологии. Член-корреспондент АН СССР с 1964 г. Окончил МГУ, где работал до переезда в Новосибирск в 1962 г. С.Л. Соболев и А.А. Ляпунов – авторы знаменитого доклада в защиту кибернетики и генетики от идеологических обвинений «Кибернетика и естествознание» (см. в кн.: Философские проблемы современного естествознания. М.: Изд. Академии наук СССР, 1959. С. 237–267 (подр. см.: http://www.math.nsc.ru/conference/inprim96/lyapun.htm).

Л.В. КАНТОРОВИЧ: У меня есть предложение. Ввиду отсутствия действительного научного руководителя академика Соболева[325], ввиду отсутствия основного оппонента – А.А. Ляпунова, то есть не основного, но до сих пор он был им.

Н.Я. ГУЩИН: Основные оппоненты здесь присутствуют.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Кто другие два оппонента?

Н.Я. ГУЩИН: Доктор исторических наук, профессор Данилов А.И., ректор Томского государственного университета и М.М. Громыко – старший научный сотрудник сектора истории, кандидат исторических наук.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Ввиду отсутствия основного оппонента по части математическо-лингвистических исследований профессора Ляпунова, – И.А. Полетаева я очень уважаю, но не знаю, насколько много он занимался математическо-лингвистическими вопросами, – я считаю целесообразным и даже, может быть, нормально необходимым слушание защиты отложить. Вношу это предложение на голосование.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: При голосовании прошу учесть следующее: Отзыв Ляпунова А.А., хотя и не как официального оппонента, есть положительный; второе: мы обсуждаем диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. У нас два необходимых официальных оппонента – высококвалифицированные историки. Я думаю, что вполне достаточно отзыва одного математика и двух оппонентов-историков для того, чтобы ученому совету получить исчерпывающее мнение о самой диссертации. Есть предложение...

Член-корр. АН СССР Г.А. ПРУДЕНСКИЙ: А каково мнение академика Соболева о правомерности защиты?

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Сергей Львович знает о защите, он информирован об этом. Знаю, что Сергей Львович за то, что можно теперь провести защиту диссертации. Все эти вопросы решены.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Я должен еще сообщить, – правда, это конфиденциальная вещь, – устное мнение А.А. Ляпунова, что у него нет определенного положительного суждения. Можно попытаться в Москву позвонить, но я настаиваю на своем мнении.

---

[325] Соболев Сергей Львович (1908–1989) – всемирно признанный классик математики, создатель теории обобщенных функций, ставшей дифференциальным исчислением XX в. В мировой научный тезаурус вошли «пространства Соболева», играющие ключевую роль в теории уравнений с частными производными, математической физике и вычислительной математике. Академик с 1939 года. Участник атомной программы. С 1944 по 1957 г. работал главным заместителем директора Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. Читал первую лекцию при открытии здания МГУ на Воробьевых горах. Вместе с М.А. Лаврентьевым и С.А. Христиановичем был инициатором и создателем Сибирского отделения Академии наук. Основатель Института математики в Новосибирске, который носит теперь его имя (подр. см.: http://math.nsc.ru/LBRT/u2/sob/s0.html).

Профессор, доктор исторических наук А.И. ДАНИЛОВ: При создавшемся положении я просто оставляю заседание совета, потому что вы не знаете, что у вас происходит.

(Проф. А.И. Данилов и проф. И.М. Разгон уходят с заседания.)

Доктор экономических наук В.С. СОМИНСКИЙ: Я считаю, что постановка вопроса Леонидом Витальевичем абсолютно неприемлема и требует осуждения. Я считаю, что совет должен осудить совершенно неправильную постановку вопроса. Я считаю неправильной, принципиально неверной постановку вопроса подобного рода: она ничем не мотивирована – ни официальными моментами, ни существом дела и является попыткой сорвать первое заседание объединенного ученого совета по общественным наукам.

Г.А. ПРУДЕНСКИЙ: Это политическая вещь!

В.С. СОМИНСКИЙ: Я думаю, что совет должен вынести решение о проведении защиты и осудить как неправильное выступление Л.В. Канторовича.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Каково мнение других членов совета?

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Предлагаю провести персональное голосование совету ввиду такой обстановки.

Профессор, доктор филологических наук В.А. АВРОРИН: Я не возражаю против персонального голосования, но я так же, как Владимир Самуилович, не вижу оснований для того, чтобы не проводить защиты.

Какое сообщение поступило от Алексея Андреевича Леониду Витальевичу, я не знаю, и каким образом оно поступило – это мне не известно, и меня, по совести говоря, это не очень интересует. А мне известно, что имеются два представления от двух отделов Института математики, есть отзыв письменный, совершенно официальный, подписанный А.А. Ляпуновым, положительный, в котором ни одного, насколько мне известно, критического замечания нет по поводу диссертации.

Я лично не вижу абсолютно никаких оснований для того, чтобы откладывать защиту.

Член совета, кандидат исторических наук М.М. ШОРНИКОВ: Для меня непонятна тоже вот эта «увертюра» к нашему заседанию.

Г.А. ПРУДЕНСКИЙ: Надо спросить, по каким соображениям тов. Канторович выступил.

М.М. ШОРНИКОВ: Мы пришли на заседание совета с определенным убеждением. Мы обсудили этот вопрос, по-моему, о достоинствах работы на предыдущем совете. И мне непонятно, почему вся эта история возникла. Был совет, все вопросы решили, все было ясно. Я не знаю, товарищ, видимо, не был на предыдущем совете.

Г.А. ПРУДЕНСКИЙ: Осудить как необоснованное поведение тов. Канторовича. Довести до сведения президиума Сибирского отделения и президиума Академии наук.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Еще кто желает выступить?

Есть два предложения: первое предложение – осудить выступление члена совета тов. Канторовича.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Какое? Нужно квалифицировать.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Выступление, преследующее цель срыва работы совета по защите кандидатской диссертации тов. Устиновым. Тем более что на предыдущем заседании ученого совета члены ученого совета, заслушав предварительное сообщение о содержании диссертационной работы тов. Устинова, основательно обсудив это, пришли к заключению и назначили день защиты 2 июня, утвердили официальных оппонентов, получили предварительные положительные отзывы. Так что нет никаких оснований снимать этот вопрос.

Профессор Н.Н. ПРОТОПОПОВ: Еще к этому решению надо добавить следующее. Во-первых, в распоряжении совета были достаточно авторитетные отзывы; во-вторых – наличие на заседании совета такого авторитетного ученого, каким является профессор Данилов, которого вся эта обструкция заставила покинуть заседание совета. Причем этот его шаг совет может понять – он не оскорбляет совет, а наоборот, ему было нанесено оскорбление. Надо записать, что совет располагал достаточными отзывами для того, чтобы и не историки и не математики, а все члены совета, опираясь на эти отзывы, могли бы объективно голосовать.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Какой-то «приклеенный» научный руководитель!

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Кроме того, еще один момент. Мы имеем разрешение Высшей аттестационной комиссии включить дополнительно в состав нашего совета четырех человек: Данилова...

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Их фамилии и нужно было огласить.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Данилова А.И., Разгона И.М., Лаврентьева М.М. и Евреинова Э.В. Так что дополнительно ВАК разрешает ввести в состав совета еще четырех человек.

Так что, я думаю, мы дальше примем решение и попросим А.И. Данилова принять участие в работе совета и продолжить работу совета. Нет возражений?

Я голосую (голосуют члены совета): кто за то, чтобы осудить выступление тов. Канторовича, поставившее под угрозу срыва работу совета? Я голосую за это предложение.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Прошу произвести поименное голосование. Такое требование член совета может предъявить.

В.С. СОМИНСКИЙ: А совет может отвести.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Каково мнение членов совета? Оба предложения голосовать? Кто за первое предложение? Кто против? Один тов. Канторович. Вы возражаете?

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Да, возражаю. Это требование по демократическим нормам может выдвигаться даже при наличии одного голоса, по формальным демократическим нормам такой порядок может потребовать любой член совета о том, чтобы было персональное голосование.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Хорошо, голосуем в персональном порядке. Я думаю, что мы разделим на два предложения. Кто за то, чтоб осудить поведение Канторовича, дезорганизующее работу совета?

Н.Я. ПРОТОПОПОВ: Я думаю, может быть, поименное голосование проведем? Это будет более весомым осуждением поведения тов. Канторовича.

ГОЛОС С МЕСТА: Согласимся на персональное.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Хорошо, проголосуем персонально.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Это делается по списку членов совета. Только расширенное голосование я прошу произвести.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: ЭЭто следующий вопрос, который мы должны будем решать.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Я предлагаю ввести и вношу такое предложение в порядке ведения – сначала первый вопрос – о расширении совета, потому что на данное дело дано разрешение министерства, указано совет этот расширить. А потом, – я думаю, минут пять люди потерпят без моего осуждения, пусть оно будет на пять минут позже, но будет в более веском составе.

Член совета, кандидат философских наук Н.П. АНТОНОВ: Но разрешение о привлечении специалистов математиков и историков дано совету для обсуждения диссертации Валентина Алексеевича, а не для осуждения позиции, занятой тов. Канторовичем.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Я голосую: кто за предложение тов. Канторовича? Один человек – он сам.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: К сожалению, дополнительные члены не имели права принять участие в этом.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Голосовать будем в том порядке, как написано в списке. Следующий идет Матвеенков – я за осуждение тов. Канторовича за его выступление. И второе – за то, чтобы продолжать работу, пригласить Данилова и просить его принять участие в работе совета.

Следующий в списке Г.А. Пруденский.

Г.А. ПРУДЕНСКИЙ: Я за Ваше предложение.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Следующий – Л.В. Канторович.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Я – против.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Алексей Павлович Окладников.

А.П. ОКЛАДНИКОВ: Я – за.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Валентин Александрович Аврорин?

В.А. АВРОРИН: Я – за.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: В.С. Соминский?

В.С. СОМИНСКИЙ: Я – за.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Следующий стоит у нас А.А. Ляпунов, но он отсутствует?

Н.Н. Протопопов?

Н.Н. ПРОТОПОПОВ: Я – за.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: М.С. Алферов – отсутствует. Дальше идет М.М. Шорников.

М.М. ШОРНИКОВ: Я – за.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Антонов Н.П.?

Н.П. АНТОНОВ: Я за Ваше предложение.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Н.Я. Гущин?

Н.Я. ГУЩИН: Я – за.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: И представитель партийной организации товарищ Яновский.

т. ЯНОВСКИЙ: Я – за.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Таким образом, результаты голосования следующие. Один, то есть Канторович Л.В., против предложения, все остальные – за.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Простите, а сколько не принимало участия в голосовании? Прошу указать.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Для остальных присутствующих вопрос решен. Переходим к следующем вопросу.

Г.А. ПРУДЕНСКИЙ: Нет, товарищи, я думаю, не стоит. Я думаю, прервать лучше ученый совет.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Давайте включим в качестве третьего официального оппонента И.А. Полетаева, предварительно мы этот вопрос уже сегодня решили.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Каким числом голосов? Принято не единогласно.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Вопрос о тов. Полетаеве считаем решенным – назначить его третьим официальным оппонентом. Кто возражает? Леонид Витальевич, Вы возражаете?

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Да, я возражаю.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Решен вопрос, поскольку других возражений нет.

Следующий вопрос такой. ВАК разрешил нам включить дополнительно в состав объединенного ученого совета для участия в защите диссертации тов. Устинова следующих товарищей: доктора исторических наук Данилова А.И., доктора исторических наук Разгона И.М., Лаврентьева М.М. – доктора физико-математических наук и Евреинова Э.В. – кандидата технических наук, заместителя директора Института математики Сибирского отделения. Какие будут предложения по этому вопросу?

В.С. СОМИНСКИЙ: Это надо принять к сведению, по-видимому?

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Нет, нам дано право дополнительно включить. Кого мы будем включать дополнительно?

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Дано право именно этих лиц включать?

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Нет, они не перечислены – дано право включить по нашему усмотрению. Какие будут предложения? Будем голосовать персонально или за всех сразу? Кто возражает из членов совета против включения всех четырех названных товарищей в состав совета на данное заседание? Нет возражающих. Принято единогласно.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Разрешите еще слово. Я предложил бы дополнительно включить – здесь присутствует математик – заместитель директора Института математики А.И. Ширшов – я предлагаю его включить в члены совета.

А.И. ШИРШОВ: Я снимаю свою кандидатуру.

ГОЛОС С МЕСТА: Правильно. Очень хорошо.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: Какое мнение членов Совета?

ГОЛОС С МЕСТА: Согласиться.

Л.В. КАНТОРОВИЧ: Тем более что многие математики, которые должны быть, отсутствуют. Ну ладно, раз Анатолий Илларионович возражает.

И.И. МАТВЕЕНКОВ: У меня есть предложение пригласить членов ученого совета Разгона, Данилова, принести извинение за создавшуюся ситуацию и просить принять участие в работе совета. И сообщить, что мы осудили поведение члена-корреспондента Канторовича. По поводу этого предложения у членов совета есть возражения? Возражений нет.

Н.П. АНТОНОВ: Сделаем маленький перерыв и вы, как председатель, пойдете к ним.

Объявляется перерыв.

Приложение 5

Воспоминания племянников Ю. В. Кнорозова по линии братьев Сергея и Бориса:
Александр Сергеевич Кнорозов
Наталья Сергеевна Кнорозова
Татьяна Борисовна Кнорозова

Запись воспоминаний племянников Ю.В. Кнорозова производилась в Москве на протяжении 2000–2010 гг. Частично – для фильма «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов). (Личный архив Г.Г. Ершовой.)

Фрагмент 1

Н.С.: В общем, у мамы был брат Миша, ну и дядя Юра. Они примерно одного возраста, оба молодые люди, Миша только что кончил воевать подводником, молодой такой блестящий офицер Высшей академии Адмиралтейства. И Юра, в это время, значит, оба женились, у этого – Люба, у этого – Валя, значит. И молодые люди, значит это 51–52 год, ну и я явился – не запылился. Ну, вот они частенько собирались в выходной день, они же совершенно разные люди – Миша и Юра. Миша очень образованный человек, он играл классику, знал Бетховена. То есть Миша такой вот общительный, ну такой добрый, ну такой, а Юра такой посмурней. Он не простой в обращении.
А.С.: Однажды говорит: «Не, мы поедем в Озерки. Одеяло, в газетах там закуска. Приезжаем, а они там, ну у них свои дела, взрослые люди. Ну а ты что будешь делать? Я говорю: возьмите мне лодку. «Выпьешь две кружки пива, тогда возьмем». Вот такие были изверги.
Т.Б.: Сколько тебе лет-то было? В 50-й год – 16, нет-нет, какие 16? 14.
А.С.: И потом один раз мне повезло, я был с ним в Русском музее. Ну, вы знаете, как он говорит, он говорит очень просто. Он какое-то время там экскурсоводом подрабатывал или что-то в этом роде. Ну, вот и очень интересно, он все знал, что обязан знать экскурсовод, память у него была феноменальная, кроме того, он знал, что вокруг этого, так сказать, какие слухи, и во-вторых, в-третьих, он знал кучу всяких анекдотов, связанных с тем или иным. Все это он мог пересказать. Как он мне про Жанну Д'Арк говорил, что в общем, ну, «эта кликуша и всякая прочая шушера» – вот в таком духе. Это его стиль.

О матери – Александре Сергеевне

А.С.: Бабушка, вообще, была удивительной, я думаю, что они впитали от нее вообще какие-то черты... Представьте себе, я еду из командировки, никакой связи, ничего нет, он вышел в Харькове, ну, простояли минут двадцать там, покурить, а потом думает, Господи, здесь

же рядом Южное, дай-ка я заеду. Ну, успел обменять билет, сел на электричку, приезжаю, ночь эта южная, цикады, знаешь там, фонарики, темнота, я кое-как ощупью нашел эту улицу, подхожу, значит, там закрыто, из одной ставни там через щелочки какие-то полосочки света, забрехал какой-то песик, ну вот, калитка заперта, я перелез через забор, подхожу и стучу, а идет ворчанье и голос такой: «Я думала, какой дурак Сашка, не догадается перелезть через забор». Вот так. Никаких, так сказать, особых эмоций, честное слово. И бурчит: «Какой дурак Сашка, не догадается перелезть через забор». Она сидела вот так на крыльце, ну она вечно, она же вешала одежду.

Т.Б.: Знаете, Катя на нее очень похожа. Макарова.

Н.С.: Наша бабушка была довольно высокого роста, длинные косы.

Т.Б.: А в Ленинграде жили они на Васильевском острове, дядя Сережа там родился в 11-м году. Мы с Иринкой когда-то ходили в парк. На Васильевский один из первых на те времена был сквер замощенный. Замощенный, но не асфальтированный. И телеграмма тете Галя была, не знаю, показывала или нет, родители, как раз бабушкины, поздравляли ее с рождением сына. И потом уехали.

А.С.: Ну, наверное, Миша с Лидой рассказали, что предки были высланы из Архангельска, они в Великий Устюг попали во времена Петра I. Они, наверное, проштрафились и, наверное, были старообрядцами. А потом эта огромная семья [купца Макарова] с одним сыном и с большим количеством красавиц-девочек. Тетя Галя всегда говорила, что мама была уже беспридданницей. То есть это был, наверное, не особо удачливый купец, а дедушка, ты знаешь про дедушку. Его портрет очень сильно похож на дядю Леву. Висел у бабушки портрет отца, дядя Лева.

Т.Б.: Гены такие достались от кого-то. Потому что я бы не сказал, что все были трудоголиками.

О сестре – Галине Валентиновне

Н.С.: Галина болела. Но тогда на всех анкетах надо было написать, что она полтора года была на оккупированной территории.

А.С.: А вот тетя Галя, кстати, была 2-я школа советская ядерной физики, это харьковская. Иваненко – такой академик ее возглавлял. И вот, значит, собственно, цепную реакцию и все прочее там в Харькове разработали. Так вот был там кружок такой молодых ученых и так далее. Там Ландау, Иваненко был, и вот тетя Галя-то была в этом кружке, она с ними встречалась со всеми. Главное, если описать тетю Галю, то лучшая описание – это первая часть «Тихого Дона», помните, как отец Григория привел свою невесту-турчанку – такие черные глаза, такое аскетическое лицо, гладкие черные волосы, так вот туго натянутые, длинные пальцы такие, ну, глаза у тети Гали прямо такие бездонные черные. И такая она аскетическая вот.

Н.С.: Причем, как мне сказала бабушка, что она, ну, рояль вот этот очень берегла. Как вот она говорит, что на этом рояле никому, кроме Гали, играть не разрешалось. Да, она любила такую мощную музыку:

Мусоргского, таких сильных композиторов. Я представляю это зрелище, если там еще не яркий свет, и вот эта вот женщина аскетическая с такими длинными пергаментными пальцами, длинные, тонкие пальцы у нее были, как она сидит за этим роялем, там Мусоргского она очень любила.

Во всяком случае, после первого инсульта она руки себе разработала именно этой музыкой.

А.С.: Рояль стоял в той комнате, где у ребят сейчас спальня, комнаты соединялись. А потом, когда рояль перевезли туда, он там стоял в этой комнате.

О Юрии Валентиновиче

А.С.: Ну, вот кстати, несмотря на такую внешность аскетическую, Юра-то был крепкий мужик очень, ужасно, такой был прямо вот. Просто я его помню, на Васильевском жил, зимой было <нрзб.> в Ленинграде, когда еще тогда ездил, увидел его на берегу Озерков, такой был жилистый. Невероятно крепкий. Крепкий такой.

Т.Б.: Когда мы с ним сбежали от какого-то советника, мы очень боялись опоздать на поезд. Машины нет и нет, нет и нет. Он говорит: поехали. Мы с ним поехали, я смотрела, как он в троллейбусе держался руками за поручни. А когда мы потом уже на Александровском саду стали проходить через турникет, и он как-то шел, я его под руку держала или он за меня держался. Тетка на нас посмотрела и говорит: ну, проходите, проходите, бесплатно. Я ему говорю: «Я с тобой уже бесплатно ездить начала». Так что я вообще удивилась, руки у него на самом деле были очень мощными.

Т.Б.: А у меня от дяди Юры такое впечатление: когда мы у Иринки были и когда он к нам туда зашел, а Даша-то говорит: дядя Юр, мне надо писать завтра сочинение про Колумба, может, ты мне что-нибудь расскажешь? Вот и он начал рассказывать, как он деньги на это собирал, как он с этими царскими особами общался. Мы пошли выпили вечером. Но он еще не выходил из комнаты, мы вернулись, он там какие-то подробности Даше рассказывал. Мы ведь много ночей сидели, и остановить Юру было трудно. Мы всегда сидели, а Валера где-нибудь уже часов в пять сдавался и уходил спать. И его всегда потрясало другое, поскольку он появлялся с утра, в семь-полвосьмого надо уже вставать, а Юра сидел все на том же месте: «Так, мы остановились на А». Валера всегда терялся, что он все так хорошо помнит. Так вот, в 69-м году мы с классом приехали в Питер, жили мы во дворце пионеров около Петрограда, и мне было велено сходить навестить дядьку. До этого я его просто не помнила, он приезжал, он много раз бывал в Москве. И мы пошли вот в эту комнату, только это было не там, где они жили потом, это точно. Если бы это был Русский музей, я бы запомнила. Но это было что-то другое, такая узенькая, маленькая комната, к окну подойти было нельзя, две трети занимали книги на полу, он был в восторге, я помню, он очень огорчился, что мы недолго пробыли, ну что мы молодые, глупые.

А потом он уже приехал на защиту, он приехал, я очень хорошо помню, что было поздно, а у нас как-то всегда в квартире очень много, ну как у всех москвичей тех времен, всегда было много командировочных, всегда, тогда норма была, в хронологии, кто, когда заехал и с кем разобраться было трудно, и я помню, что «дядя Юра, ну дядя Юра, хорошо, здрасьте», – побежали дальше. А следующее утро после защиты началось со звонков, с восьми утра, я еще в школу не убежала, и начались сплошные звонки. Я не помню, были ли корреспонденты с <нрзб.>, то есть приходили ли с квартиры, но вот один был, по-моему, это был именно Аграновский, он потом маленькую книжку написал. Он приходил, но, по-моему он ни с кем не разговаривал, его вообще не было, по-моему. Его мама принимала, со всеми разговаривала, совсем не помню.

А.С.: Отец, Сергей Валентинович, приехал из Питера. «Юрка, – говорит, – сбрендил». Я говорю: «Почему?» – «Представляешь, – говорит, – он критику марксистско-ленинского учения написал». Видели, нет? Видели, да? Ну, в те времена это вообще, только никому, ничего. Вот, он еще там. Он много говорил с Борей и Ириной, когда жил уже рядышком, и Боря ему тоже говорил, что же ты, надо все публиковать. На что Юра сказал, что если хоть одна строчка будет опубликована, то меня уже здесь не будет.

А.С.: А еще Канторович был, он его защитил против кэгэбэшников. Насколько помню, фабула была такая. Как-то взяли его материалы по дешифровке КГБ. Ну, говорят, мы сами создали машинный перевод, всякая прочая ерунда, и на этой почве стали защищать кучами диссертации, ну и когда очередная защита, Канторович встал и говорит, вы, говорит, соображаете, что делаете, воруете, защищаете, ничего не понимаете. В общем, он единственный за него вступился и прекратил этот поток. Соболев потом извинялся, правда, через газету «Правда», насколько я знаю. То, что они сказали, «да что он там сделал, мы там разработали сами, мы сейчас сами любой язык в машину, у нас там алгоритмы, мы вам тут же все расшифруем».

Н.С.: Вот, помню, Хейердал приезжал, и помню, как мама его уговорила, ну что ты упираешься, ну какая разница, кого здесь только не было, ну пусть Хейердал приезжает. Он очень хотел с ним встретиться, ни в какую, и все. Вот чем-то он ему не угодил.

А.С.: А он мне объяснил, почему. Он, говорит, он, может, хороший путешественник, но как ученый он – шарлатан.

Т.Б.: Было очень много людей, которые дядю Юру любили, для меня это тоже всегда было мало того, что приятно, удивительно, потому что область такая, профессия...

Т.Б.: Ну, попасть под его обаяние было легко, потому что, вспомните мысленно, он так говорит, потом, раз, и его эта улыбка.

А.С.: Когда ему этот орден вручали мексиканцы, он стоял и смолил «Беломор», глаза опущены, к нему посол обращается и говорит: Может, вы что-нибудь скажите? Он так глаза поднимает, а они у него так сверкнули, и говорит: «Нет слов».

О Екатерина Юрьевне

Т.Б.: Катю не видела, потом Юра позвонил, попросил. У Кати была преддипломная практика в Москве, и вот спросил, нельзя ли ей у нас пожить. Ради бога! Что же не пожить! И я с Катей познакомилась. Отношения очень интересные, да и говорить она не может, увы, как-то. В обращении: ни «Таня», ни «Татьяна Борисовна» – так, все было среднего рода в разговорах. Но тем не менее она месяца три у нас жила, и познакомились мы с ней, диплом она этот свой делала, вечерами сидели, разговаривали, и она была потрясена, что вот ее знают, помнят, любят. Катя никак не могла поверить, что они любят ее отца. Весь мотив был такой: за что там его любили? Вообще, что там в этом человеке такого, она была нам тоже диво? Помню, как мы приехали в Ленинград, я уж не помню, что там было. Я тогда вообще мало что знала. И вот там Ирина с Борей были, и я была, мы пришли в гости, вот не в той комнате, где дядя Юра жил, а в соседней был накрыт стол. А Катя очень нервничала, что что-то не так, что что-то не то. Но как они оба на нее смотрели, мама с папой, мне вот казалось, что если эта великовозрастная уже, в общем-то, барышня скажет «прыгните в окошко», они оба встали бы и прыгнули. Мне казалось тогда, что взрослому ребенку вот такую откровенную любовь грешно было демонстрировать. Поэтому когда это все с Катериной горестно случилось дальше, даже в голову не могло прийти, такая вот любовь была. Я как-то с Иркой обсуждала: господи, хоть бы меня мама с папой так любили.

О братьях Кнорозовых

Н.С.: В общем, конечно, во всех этих Кнорозовых одна черта проглядывается насквозь, значит, все они вообще-то блестящие люди, все. Боря, Леонид, Юра, Сергей, Галина, но, как бы это сказать, они были неколлективные люди. Нет, неколлективные вообще, то есть они не могли управлять людьми, у них не было вот этой жилки администрирования, поэтому они как-то уходили от всего этого, замыкались в одном, таком достаточно узком кругу людей, понимающих их, и т. д. Хотя все, ну вот самый мой любимый дядя был – дядя Боря.

А.С.: Еще братья любили говорить, я их видел, и не раз, всех четверых вместе у вас давно: и Леонид был, Сергей, естественно, был, Борис и Юра. И коронный номер такой был: «Ну, все. Теперь, заяц, беги за водкой». Заяц – это Юра значит. «Заяц, беги за водкой».

Т.Б.: Насчет питья, основная доля легла на плечи Ирины с Борей, конечно. Потому что, когда он был в Москве, я хочу сказать, что в последние годы примерно полбутылки в день он выпивал. Когда я окончила школу, уже это было. У него два раза был момент, один раз он на ногах стоял твердо, это еще Борис Валентинович, мы жили все вместе, я собиралась в институт, Юра выходит из ванной и говорит: что за дрянь такая «Шипр»? Нет, говорит, «Тройной» лучше. И вот

другой раз был период несколько, минут 20, я уж не знаю, белой горячки.

А.С.: После вот Мексики, после того, как он сто лет не был в Южном, он говорил, что он туда хочет поехать. Но это так удивительно было.

Т.Б.: Но, это, конечно, инстинктивное желание. Хотя, конечно, он был холодный, эгоцентричный человек, эгоистом в высшей степени, но они все такие, к сожалению.

Н.С.: Он не к старшему брату, он вообще говорил: придумали тоже мне, какие старшие братья! То есть это его прямо ни в какую, он советов ведь вообще не терпел.

Т.Б.: Борис подарил ему шинель, а Сергей такое кашне. А кашне было вот такой длины, тогда модно было бахрома, белое и зеленое, как матрац. И вот он когда ездил, так наматывал в четыре оборота, и вот так ездил. Шарф, пальто, портфель в любое время года. Как он сердился, он разрешил нам все-таки погладить брюки, но не вынимая ничего из карманов.

Н.С.: Он был молодой человек, ну несколько, может быть, странноватый, ну и все. То есть они с Мишей ходили в кино, ездили куда-то отдыхать за город, в футбол играли, абсолютно нормальный молодой человек. А потом с момента приобретения известности они стали обрастать там всякими «ракетными шарами» и т. д. и т. п. Это удел всех известных людей, так сказать. Так что все шло естественным и простым путем. Да, вот был такой характер, потом поменялся немножко, но это...

Т.Б.: Так что надо с ним как-то немножко переосмыслить, то есть не надо на него вешать ни терновый венец, ни какой-то нимб. Нужно относиться к нему как к человеку, у которого были свои недостатки – и в то же время была очень хорошая голова, какое-то видение и т. д.

Т.Б.: Когда я росла, девчонкой была, такого не было, чтобы он привез там какие-то шоколадки. Может, потому что у него никогда не было денег, чтобы так вот направо-налево раздавать, я так понимаю. Во всяком случае, Катерина, она же музыке училась, фигурным катанием занималась.

А.С.: Если бы я занимался его биографией в таком плане, я бы разделил ее на две части: то есть первая часть – «сухая», где он родился и т. д., а дальше чисто его вот такая деятельность, а вторая часть в качестве приложения – замыслы и анекдоты. Не вплетая в общую канву основную теорию.

Н.С.: Конечно, когда папа бывал в Ленинграде, он бывал у Юры и видел, как он действительно спивается, и, наверное, как старший брат некоторые вещи высказывал по этому поводу, поэтому, возможно, что дядя Юра его ненавидел.

Т.Б.: На очень долгий срок он из нашей жизни ушел. Но у нас на тот период, когда родители расстались, так много народа ушло сразу. Многие потом к маме возвращались, но был такой период для мамы, очень тягостный был для меня, когда вдруг вообще никого не стало, ни друзей, ничего. И он долго не звонил. Он бывал в Москве, как я поняла. А потом не было уже и мамы, и Кнорозова не было. Он позво-

нил: «Татьяна Борисовна?» Он жил на Ленинском, в академической гостинице. И говорит: «Заехали тут, значит, очередные стахановцы в гостиницу – нельзя ли на ночь переночевать?»

А.С.: Ничего такого урочного, планового он не делал, так, чтобы ему надо было напрячься к какому-то сроку, чего-то сделать.

Т.Б.: Был очень жуткий момент, когда он, по-моему, это было после Гватемалы, или первый раз из Мексики когда он приехал, лег спать, наверное, это второй раз из Мексики. Я уходила, говорю: «Наташка, из школы придешь, ты там накорми». По-моему, мне казалось, что он спал двое суток не просыпаясь. Он, наверное, вставал, но никто этого знать не знал. Я уже стала бояться, уже подойду его потрясу.

Фрагмент 2

Воспоминания Татьяны Борисовны и Александра Сергеевича

Было две попытки перехода линии фронта от немцев – первая в 1941 году, но неудачно. При немцах мать с Юрием жили в сарае-пристройке. А в доме расположились немцы. Вторая, удачная попытка, была уже в 1943. Уходили мать, Юрий, Галина и ее сын Миша. Неясно, как все оказались в разных местах. Мать добралась куда-то в Среднюю Азию. В эвакуацию.

Во время войны в Москве отец и мать жили в доме Бориса. Дом был построен в 1936 году – это было полуобщежитие переводившейся из Ленинграда Академии ракетных войск. А там, где Белый дом – пропеллерный завод. В потолке вмятина от немецких неразорвавшихся снарядов – они застряли в пятом этаже.

Мать вернулась в Южный сразу после ухода немцев.

Галина практически воспитывала Юрия – она хранила его рисунки, бумажки. У них были особые отношения. Она работала эндокринологом в Харьковском институте эндокринологии. Изобрела два препарата от рака. Но старше мнс (младшего научного сорудника. – *Г. Е.*) она не поднялась из-за того, что находилась в оккупации. За ней ухаживал Ландау. Потом, когда Кнорозов хотел разобраться в скорости света, считая бессмыслицей послания в космос, она устроила им встречу.

Дмитрий Кнорозов родился где-то в Ростовской области. Учился в сельхозакадемии (Тимирязевка) вместе с Короленко. После случая с выкидыванием директора из окна был исключен и выучился уже на юриста, оказался в Тифлисе.

Бабушка Мари-Забель регулярно приезжала в Южный, навещая внуков. Макаровы как староверы были высланы в Великий Устюг из Архангельской области – по всей вероятности, еще дед Александры. У них было пятеро детей.

Бабушка Александра мечтала о таблетках – чтобы не готовить еду. Платье она шила просто как две сшитые полосы.

Шинель – подарил брат Сергей. А также длинный шарф.

Т.Б.: Когда мне было года полтора, а у нас жил Юра, я начала кричать по ночам, так как начали сниться белые обезьяны, которые перелазили через балкон. Ужасно кричала. Мать догадалась, что это были эксперименты Юрия по внушению. На Юрия было как следует рявкнуто, и ночные крики прекратились – он признался в содеянном.

Были слухи, что у Кнорозовых было еще двое детей – но никаких следов, не было могил.

Дядя Юра говорил, что он куда круче Энгельса. Поэма, которую писали братья – просталинистская.

Когда Юра жил у Татьяны, то от Кнорозова не отходил рыжий кот, и потому костюм все время был в шерсти.

Дед Валентин Кнорозов говорил и учил, что человек обязательно должен уметь все делать и писать левой рукой – иначе он плохо развит.

Приложение 6

Воспоминания семьи петербургской племянницы Ю.В. Кнорозова по линии брата Леонида:
Ирина Леонидовна Кнорозова
Борис Сердюков – муж
Дарья Борисовна – дочь
Запись воспоминаний племянницы Ю.В. Кнорозова И.Л. Кнорозовой и ее супруга Бориса Сердюкова и дочери Дарьи в Санкт-Петербурге в 2007 г. Частично – для фильма «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов). (Личный архив Г.Г. Ершовой.)

И.: У него кошка была. Это была кошка, но он как-то так о ней всегда говорил: «Это кошка, которая притворяется котом».
И.: Бабушка была учительницей – она закончила высшие женские курсы. Она имела право преподавать, у нее диплом был. Поэтому они не учились – она их сама обучала. Это, скорее всего, были Бестужевские курсы, так как в то время было не так много курсов женских.
И.: Вторая сестра Татьяна здесь жила и Александр Андреевич, ее муж, фамилия Смолин. Невероятные были люди, бездетная пара, жили они на Фонтанке, а потом переехали в коммуналку на Рубинштейна. Была огромная коммунальная квартира. Когда я ее помню, она на улицу уже не выходила. Он приходил всегда на службу в Александро-Невскую лавру. Она тоже здесь училась. Они здесь провели всю блокаду. Но кем она работала, я не знаю. Знаю, что Юрий Валентинович у нее часто бывал.
Он никогда у них не жил, он приходил к ним в гости. Она готовила необыкновенные пироги, была очень гостеприимная. Я не знаю судьбу еще одной сестры – Варвары и Любы.
Наладить отношения и не пытаюсь, честно говоря. Вообще, все както не собрано. Самое интересное, что Боря оказался однофамильцем А.С. – Сердюковым.
И.: Вспоминаю, как Ю.В. Даше помогал писать реферат по истории, про Колумба.
Д.: Я попросила его рассказать о Колумбе, полчаса он рассказывал, и реферат был готов.
И.: Он стоял стеной за свою семью, Катю он любил безумно, а потом во что это превратилось... Мы с Татьяной пришли в нему домой на Гранитную, Кате было лет 8–9, и чувствовалось, что в свою комнату он никого не пускал, но так как мы явились, он принимал нас у себя. Пришла Катя и стала прыгать на диване – и это было очень страшно, потому что диван был продавлен и оттуда вылетала пыль. Но он не пытался ее остановить, мы пытались ее утихомирить. А дядя Юра говорил, что пусть что хочет, то и делает. В ее сторону было сплошное почитание и безмерная любовь.
И.: Валентина его была редкой красавицей, с длинной косой. Оба обожали дочь Катю. Каждый раз Валентина Михайловна спрашивала: «Правда, красавица?» А Ю.В. специфически воспитывал Катю. Позволял ей

делать абсолютно все. Если Катя хотела краситься, то он сам покупал ей всю косметику.

И.: А Даша помнит, что не было бы такого случая, когда бы он ей не вручил шоколадку. Он говорил: «Дедам не положено».

Б.: Он очень трепетно относился к детям. Когда мы с ним первый раз встретились, он сказал: «Давай на "ты"!», и я коряво стал ему тыкать. Он говорил: «Да что дешифровка! – это способ заработать на хлеб. Это не главное, главное – теория коллектива!» Он даже позиционировал себя вслед за Энгельсом.

Д.: Я маленькая была, чтобы общаться с Ю.В. Потом он рассказывал про зороастризм, говорил, что с шаманами общался. Но все его рассказы были в режиме монолога.

Б.: На меня он жутко обиделся однажды. Много говорили о Бермудском треугольнике. Поинтересовался, кто я. Я ответил, что инженер. Спросил, что такое Бермудский треугольник, с моей точки зрения. А я был бесконечно далек от этих понятий. Сказал, что не знаю, на что он мне ответил: «Ах, ты не хочешь со мной делиться! Жаль, жаль, что ты в таком духе...», и он больше не пытался со мной общаться на подобные темы.

Б.: Он в гости приходил, и однажды сильно напился у меня.

И.: С братьями, с дядей Борей он общался очень долго, в Москве у них останавливался. С Сергеем хуже отношения были... Да, Сергея никто, практически никто не любил.

Саша к нам тоже относился несколько пренебрежительно, а дядя Боря был самый красивый из всех братьев. Выпить любил, рыбалку любил, охотой немножко занимался. Там постоянно были люди. С папой всегда были отношения хорошие, но мы очень много ездили по стране – жизнь военной семьи, но здесь когда уже встретились, они нормально общались.

Б.: Родственники не могли простить Ю.В., что он на похороны матери не мог приехать.

И.: Его все в этом обвиняли. Просто потому что она сделала замечание его жене, которая пила при ребенке.

И.: А Валентина Михайловна ужасно умерла.

Д.: Она звонила, спрашивала, какой год, какой день.

И.: Просила прийти, говорила, что сбросит ключ от квартиры, что ее не кормили, закрывали и уходили. У нее было такое лицо, как на древних иконах, как она любила Катю – совершенно безумная, слепая любовь. Екатерина в Кунсткамере собиралась забрать все материалы, но потом поняла, что денег из этого сделать не сможет – и ушла.

Б.: Наша семья в научной сфере не смогла с ним общаться, все это шло на бытовом уровне. Он был ужасен. Он любил выпить – это известно.

И.: Вообще у бабушки была великолепная культура пития – они все пьют до сих пор. Она делала чудесное яблочное вино, дед пытался вырастить виноград, и в подвале всегда было что выпить. А пить начал, наверно, во время войны.

Б.: Про большой Орден он вскользь сказал – уверял, что это из чистого золота, держал в верхнем ящике, который никогда не закрывался.

И.: Он, наверно, также показал это бомжам, и они взяли и ушли.

И.: С инсультом ужасно разворачивались, до сих пор не могу простить, что отдала его в больницу, а не дома оставила. В этот момент была у него. Он все время ходил, когда спросила, что случилось, он ответил, что ему страшно. Мы с ним ходим по квартире. Я спрашиваю у него: «У тебя что-то болит?» «Нет, мне только страшно». Позвонила Кате, попросила приехать, она отказалась: «Я не поеду, я это все видела, я не поеду». Но все-таки приехала, я ее дождалась. Я решила, что нужно вызывать скорую. Вызвали скорую – и его увезли.

И.: У него была тревожность.

Д.: Он меня до этого не узнавал.

И.: Нет, тут он тяжелел – не понимал ни времени, ни пространства.

И.: А когда приехала машина, он не хотел лежать, он хотел встать. Обширный инсульт. На следующий день у него был гемипарез – не мог двигать ни рукой, ни ногой, это все быстро развивалось.

И.: Сделать даже в хорошей больнице ничего было невозможно. Нет, мы бы получили постельного больного.

И.: Поражено правое полушарие – не двигались левая рука, левая нога, он никого не узнавал. Он не ел, не пил. Там, конечно, ничего нельзя было сделать, условия были ужасные, он в коридоре лежал.

И.: Катю я не видела. Я там видела Аню, она плакала. Мы с ней вместе были – надевали свитер, носки.

И.: И больница поганая, и кладбище чудовищное. Ужасное было состояние – взять все в свои руки, при том, что есть жена, дочь?! Хотя, с другой стороны, если бы она захотела, можно было бы все нормально сделать. С медицинской точки зрения он был обречен.

Б.: Помню, как он стол сделал: притащил козлы строительные. Потом мы ему стол принесли раскладной и телевизор тоже, но он сказал: «Заберите», хотя любил смотреть и новости, и все.

Б.: Помню, у него в коробке из под конфет лежали камушки с перегородочками. Я спросил у него: «А зачем тебе?» «Понимаешь, в американских изданиях ссылаются на эти камни, должен же я понять, о чем лепечет автор!»

И.: На книжных полках кнопками была прикреплена бахрома золотистого цвета, когда спрашивала, зачем, отвечал, что любит роскошь. Он всегда ходил в галстуке, рубашке, костюме.

И.: А еще помню, были там коробочки – открываем, а там лежат орехи, изюм, сухофрукты. Спросила, зачем ему это, на что он мне ответил: «А вдруг ко мне какая-нибудь дама придет!»

И.: Кнорозовы все были бабниками, начиная с деда, он любил себя подать. Он рисовал, музицировал, изменял бабушке направо и налево. У них у всех это было нормальным явлением.

Б.: У Бориса Валентиновича это кончилось разводом, дочь не простила.

И.: Он последние годы жил в исключительном режиме – дядя Сережа – ел геркулес, который он заваривал специально, бегал трусцой. У него была саркома – и он сказал, что это ничего не помогает, и бросил этим заниматься.

И.: Я помню, мне было лет семь. Мы с мамой – ему очень нравилась моя мать – однажды поехали к нему, а жил он в Русском музее – в правом

крыле. Это была маленькая комната, как пенал, – на койке лежало серое солдатское покрывало, на стене висела карта и иероглифы, узенькое окошечко и книги и валялась его скрипка – и он таскал ее за собой. Я сама не слышала, чтобы он на ней играл, бабушка рассказывала, что Юрочка играет на скрипке. Очень любил вырезать всякие красивые картинки и развешивать. В кабинете, куда Ю.В. никого не пускал, под столом всегда стояла батарея бутылок, заполняя все пространство. Он пил с самого начала очень много.

Б.: У него красивый рисунок акулы был, сделанный в серо-коричневых тонах, хищный рисунок, он висел там, где окно.

И.: Он безумно любил все ужасы, любил пугать.

Б.: Он как-то хотел произвести на меня впечатление и напугал меня этим страшно, он мне как-то сказал: «Дело прочно, когда под ним струится кровь», – он меня сильно напугал, и я все время вспоминаю эти слова...

Б.: И книжки охотно любил отдавать. А вы знаете, что была выпущена марка в честь Ю.В. в серии «Российские ученые XX века», блок из шести марок?

Д.: Тетя Таня говорила, что он был в Москве, никого не было в доме, кроме него. И ей стало сниться, что балкон зарастает и за окном в клетке – обезьяна. И она просыпалась от страха. Мама решила, что это проделки Ю.В. и попросила ее расколдовать, с тех пор ей вообще сны не снились.

И.: Я помню, что он рассказывал, что он гипнозом занимался, рассказывал, как можно загипнотизировать курицу.

И.: Первый раз в девять лет поехала одна из дома, поехала в Южное, и он там тоже был. Он вел там расслабленный образ жизни. Он рассказывал, какие звезды на небе, как они называются. Тогда он мне сказал, что в жизни так мало книг, которые нужно прочитать.

Б.: Он кого-то по Эрмитажу или по Кунсткамере водил – был такой эпизод? Не помню...

И.: Он в музей нас точно не водил.

И.: Он ходил к сестре матери тоже, она к нему очень тепло относилась, очень любила его.

Б.: А вот про голубя расскажи.

И.: Было так – он у нас ходил в квартире, это были его шаги, а потом мы переехали, и я подумала, что вот, он там и остался. И вот происходит совершенно удивительная история: вдруг прилетает голубь, садится на окно и в упор меня рассматривает, глаза у него совершенно не голубиные. Тем не менее этот гуля всех выдрессировал – он не птица! У нас фото его есть.

Б.: Это единственный голубь, который ведет себя осмысленно, заглядывает в окна, если никого нет, перелетает к другому окну.

И.: Он ищет взгляд, будет сидеть до тех пор, пока не замечу его.

Б.: Один раз он прилетел и вел себя необычно: видим, что ноги у него связаны леской, надо было его изловить. Корзину поставили горизонтально у окна, к одной стенке привязали полотнище, а другой захлопнули.

Д.: Странно: тряпка висит, и людей много, и поймать его надо.

Б.: Он очень сильный, крылья огромные. Я его взял на руки, он не испугался, а успокоился, стал рассматривать, что делают с ногами. Мы дума-

ли, что он к нам не прилетит больше. Но прилетел, хотя он живет далеко, за школой.

И.: Единственная птица, которая выпрашивает глазами, он смотрит совершенно необыкновенно.

И.: А сниться не снился. Я считаю, что воплотился в птичку, потому что нетипичное поведение: на него обязательно надо посмотреть, посмотреть и поговорить.

Б.: В христианской традиции голубь – это благая весть.

И.: У него голова большая, а так обычный серенький. Похоже, что силки какие-то были, потому что обе лапы.

Б.: Он хорошо выглядит – привлекает внимание, его хочется поймать.

И.: Много тысяч окон – из всех окон ему надо было выбрать одно окно.

Б.: Ну, это единственное окно, где кормят птиц.

И.: Обидно, что похоронили так далеко.

Б.: Где-то в тех местах расстрела Гумилева.

Д.: Покажи жаб, которых он тебе подарил.

И.: Вот это жаба, которую он мне привез. Можно прямо на стол их посадить, да можно на руках. Это я одно время собирала лягушек, а потом бросила, сейчас это вопрос просто кошелька, да и собирать неинтересно.

Б.: А вот после премии мы пришли, а он: «Ну что, пришли, потому что я эту премию получил?»

И.: Нет, это подтекст был: «Все хотят получить что-то от моей премии».

Б.: Я, помню, разозлился.

И.: И я разозлилась, сказала: «Ну и сиди со своей премией».

Б.: Года, наверно, два или три не общались.

И.: Все пространство под столом было заставлено пустыми бутылками – он был неадекватен. Возможно, что у него кто-то все время просил, возможно, пропил.

Б.: Просто он был в пьяном состоянии.

И.: Ну, у Кати чувство ущербности было всегда. Родители в ней культивировали уникальность, вседозволенность.

Б.: Он как-то сказал о Кате: «Я воспитал дочку, которая будет уметь кусаться».

И.: Он и сам отдавал деньги, а если нет – то они сами находили. Удивительно, что она вообще способна на такие вещи.

Б.: Все девушки этого клана были очень дружны, а Катерина – она нет.

И.: На меня была очень обижена, считала, что мы хотели отобрать ее квартиру. А нам это в голову и не приходило! Ведь есть дочка, внучка, жена.

Б.: Считала, что мы ее деньги берем.

И.: Хоть раз бы они приехали в больницу и ему что-нибудь привезли.

Б.: Помню первое впечатление о ней – крайне застенчивая, закомплексованная девушка, просто поразительно, что в итоге она оказалась такой...

И.: Считает себя очень обиженной.

Приложение 7

Михаил Владимирович Терехов (сын Галины Валентиновны), Лидия Николаевна Терехова – жена

Запись воспоминаний племянника Ю.В. Кнорозова М.В. Терехова и его супруги Л.Н. Тереховой в пос. Южное, Украина, в 2008 г. Частично – для фильма «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов). (Личный архив Г.Г. Ершовой.)

От бабушки по отцу Мари-Забель сведений не сохранилось – несмотря на то что остался альбом, шкатулка, в которой были ее предметы – веер и т. д. Есть свидетельство о браке у Татьяны Борисовны – вроде Ибн-Заде, турецкоподданная.

Бабушка и дед по матери были из Великого Устюга. Там сведений о родне нет. Судя по фотографиям, в начале века связи с родственниками в Великом Устюге поддерживались весьма активно.

Купцы Макаровы из Великого Устюга. По словам московских племянников, Макаровы переехали в Великий Устюг откуда-то с севера, из Архангельской области – они были староверами. Но бабушка-то была уже православной – вряд ли так изменили веру, да еще в те времена.

Мать была очень верующей, а отец – нет. Он считал, что вера – это только для женщин. Скорее всего Ю.В. был крещен как Георгий, но никто об этом не помнит, и звали его всегда Юрий (Юрий Долгорукий – Георгий по крещению?) В доме остались иконы матери с постоянной лампадкой.

Дом строил отец. Юра родился в Харькове на съемной квартире – но дом построили в этом же году.

Отец – Валентин Кнорозов – был инженером, практически основавшим Южный. Достал кирпичи для школы, а собственный дом был мазанкой. Только столбы были кирпичными. Сам проектировал дом, достаточно схожий с соседними. Михаил его обложил кирпичом. Вход – общая комната, а через нее вход в другие комнаты. Для большой семьи было достаточно тесно. Мать потом вообще спала в прихожей, считая, что так ей удобнее следить за хозяйством.

Отец посадил во дворе высокие елки – они отличают сразу этот дом, так как таких здесь больше нет. Елки привезли из России.

В школу детей в семье Кнорозовых отдавали сразу в 5-й класс. До этого было домашнее образование. Всем ведала мать – глубоко верующая. Обязательно обучали музыке. Юра играл на скрипке. В доме был салонный рояль, который потом кому-то подарили. Все в семье рисовали, включая Юрия Валентиновича.

Разница с последним братом составляла шесть лет, а со старшим вообще очень много. Юра был самый маленький.

После 7-го класса железнодорожной школы (т. к. Южный был построен как ж/д станция) поступил в медицинское училище, так как собирался стать врачом. (Мать имела диплом акушерки.)

При первой оккупации Харькова немцами остался в оккупации. В 1942 г., когда немцев выбили, двинулись с матерью в Москву – где уже находился отец – по работе. До этого закончил 2 курса Харьковского университета. В Москве подал заявление на зачисление в МГУ (отец также писал просьбу о зачислении), но взяли с потерей курса – только на 2-й курс.

Юрия Валентиновича от репрессий после оккупации спасло высокое оборонное положение отца и братьев.

Сундучок с секретом, обшитый металлом – от ломберного стола, к которому он прикручивался. В нем хранились семейные ценности – фотографии. Немцы захватили дом (там они жили) нашли сундучок и пытались вскрыть его – но не смогли найти секрет. Тогда разрубили его топором. Юра своими руками восстановил сундучок – вместе с секретными замочками.

В армию Юрия Валентиновича не взяли по состоянию здоровья. И потому вопрос о призыве вообще не поднимался. Что именно было со здоровьем – неизвестно.

Последний раз Юрий Валентинович был в Южном в 1961 г. До этого он привозил туда на лето жену Валентину Михайловну с маленькой Катей. Валентина Михайловна в это время уже была странной. За девочкой вообще не следила – та ходила грязная, и бабушку передергивало от того, как она ела грязными руками. Зато Валентина Михайловна привозила с собой черную икру и кормила ею девочку, никого больше в доме не угощая. Хотя знала, что отец с матерью любят рыбу и морепродукты. Юрия Валентиновича самого не было в Южном, когда мать сделала Валентине Михайловне замечание. Тогда Валентина Михайловна вызвала срочно Юрия Валентиновича. Тот приехал, не заходя в дом забрал своих через окно – и даже не поздоровавшись и не попрощавшись, уехал. С тех пор больше никогда не приезжал и отношений с родными не поддерживал.

Он не появился, даже когда умерла мать – уже в возрасте, сутулая (как и Юрий Валентинович), она сбивала лед с крыши дома, только спустилась вниз, как у нее случился инсульт. Миша принес бабушку в дом, вызвал Юрия Валентиновича – но тот не приехал. Не приехал он и хоронить свою мать. Я ему этого не простил. Хоронить отца он также не приехал.

Моя мать Галина Валентиновна (микробиолог) была очень больна. До войны она бы еще защитила диссертацию, но потом все время тяжело болела – отчасти в результате постоянных отравлений. Она собирала о своих братьях документы и их хранила. Больше всех она походила на армянку – смуглая. После инсульта долго еще лежала, практически не говорила. Ночью постоянно нас [сына Мишу и Лиду] вызывала звонком.

Отец Татьяны Борисовны, когда ушел от жены, тоже оборвал отношения со всеми родственниками. Юрий Валентинович продолжал поддерживать отношения только с Татьяной Борисовной и Ириной Леонидовной.

В доме всегда были животные – собаки и коты. Вся жизнь связана с их историями.

Какая-то питерская двоюродная то ли тетя, то ли бабушка существовала реально.

Про то, что Юрий Валентинович был бабником, скорее всего враки, так как Ирина Леонидовна вообще долго жила в другом городе и не могла знать этого периода.

Приложение 8

Александр Маркович Плунгян

Текст мемуаров, посвященных знакомству с Ю.В.Кнорозовым, любезно предоставлен А.М. Плунгяном в 2019 г.

Заметки к биографии Юрия Валентиновича Кнорозова

Мое дело сказать правду, а не заставить верить в нее
Ж.-Ж. Руссо

Свои заметки я написал по просьбе сына и внучки, чтобы сохранить воспоминания о разговорах и дискуссиях с Юрием Кнорозовым в годы его учебы в МГУ в 1945–1948 гг. – времени формирования его научных взглядов и проблематики будущих исследований, изученном недостаточно и малодостоверно. Я описываю Кнорозова таким, каким знал когда-то: теперь это другой человек, закрытый для меня плотной завесой изоляции. Именно по этой причине я воздержусь от любых эмоциональных оценок личного характера и пишу только о том, что сохранилось в памяти через 50 лет (в иных случаях указывая источник информации).

Коротко о себе. Я родился в Москве в 1924 г. Отец – заслуженный врач, образование получил в Вене и Цюрихе, участвовал в мировой и гражданской войне, умер в июне 1941 г. после тяжелой болезни. Мать – вузовский преподаватель немецкого. Дома была большая библиотека на нескольких языках, я занимался с учителями английского и немецкого, французским – уже в эвакуации с матерью.

После окончания школы я хотел поступить на истфак МГУ, на котором училась моя старшая сестра, и специализироваться в изучении первобытного общества и античности. Я собрал для этого большую библиотеку, в том числе «Анимизм» Тайлора, «Первобытное мышление» Леви-Брюля, книги по сибирскому шаманству, «Избранничество в религии» Штернберга, учебники Струве, Сергеева, Ковалева, труды Моммзена. Во время войны мы были в эвакуации в Елабуге, где я окончил десятилетку и поступил в эвакуированный в этот город Воронежский университет, где преподавателями почти по всем предметам были ленинградские ученые: доктора исторических наук С.И. Ковалев и В.И. Равдоникас, другие известные историки.

В 1942 г. я близко познакомился с археологами, историками и этнографами из Института истории материальной культуры, Эрмитажа и Русского музея – М.И. Артамоновым, П.П. Ефименко, Беляковым и другими, почти ежедневно общался с ними и присутствовал на всех научных заседаниях. Мы жили на улице Азина, а Артамонов с семьей через овраг: в его доме располагалась бывшая библиотека миллионера-зерноторговца Стахеева в несколько тысяч томов по истории, литературе и этнографии на нескольких языках, включая латынь, которой я, с его разрешения, постоянно пользовался.

Мы вернулись в Москву в конце 1944 года, и с помощью рекомендательного письма от М.Н. Артамонова на имя декана С.П. Толстова я перешел в МГУ на третий курс исторического факультета.

Несколько слов о специфике кафедры истфака. Самой многочисленной и «усредненной» была кафедра русской истории. Этнографов, античников и археологов отличал дух элитарности и братства, целеустремленность, мотивированность, знание языков, самостоятельность, сложные спецкурсы и семинары, а также состав профессуры: на эту кафедру уходили самые способные и наиболее самостоятельные студенты. Кафедры этнографии и археологии отличал особый дух близости с преподавателями: Сергей Павлович Толстов тщательно отбирал студентов и посылал их в научные экспедиции под руководством выдающихся ученых. Неслучайно многие стали известными исследователями – в методике преподавания кафедра этнографии не уступала зарубежным.

Я познакомился с Кнорозовым в начале 1946 г. на третьем курсе истфака, на кафедре этнографии, где он учился после демобилизации в ноябре 1945. На факультете его знали как способного студента-египтолога, постоянно задававшего сложные вопросы по египетскому языку В.В. Струве и В.И. Авдиеву, который даже, как говорили, предложил ему читать собственный курс (впрочем, сам Кнорозов о таком эпизоде не упоминал). На истфаке Кнорозов выделялся прежде всего как фронтовик – впрочем, тогда большинство студентов-мужчин старших курсов составляли молодые солдаты, офицеры-одногодки: Анатолий Черняев, Михаил Гефтер, Сита Бергманис и другие добровольцы из ИФЛИ и МГУ, сформированные страшным опытом войны; многие из них впоследствии стали учеными с мировым именем. Однако скоро отношение к фронтовикам изменилось: социальную активность пытались потушить, на философском факультете арестовали Красина, Стороженко, Брегеля, на истфаке – Веселую и Колегаеву.

Жизнь Кнорозова в общежитии на Стромынке кратко описал С. Вайнштейн в беседе с академиком Тишковым. «Моим соседом был Юра Кнорозов. Он все отдавал науке, получал стипендию и немедленно покупал книги, а потом у всех одалживал. Питался водой, хлебом. Занимался расшифровкой письменности майя». Тишков отвечает: «Это был удивительный по своим познаниям и упорству ученый. Аскетизм и равнодушие к миру вненаучному остались с ним на всю жизнь».

В течение многих лет Кнорозова преследовала судьба «проживавшего на оккупированной территории»: запрет на поступление в аспирантуру, на выезд за границу и т. п. Перед защитой диссертации он всерьез опасался ареста. За попытку защитить Кнорозова от посягательств на приоритет его методики дешифровки авантюристов группы машинного перевода Новосибирского университета был исключен из ученого совета и посажен в психушку член-корреспондент (будущий академик АН СССР и будущий нобелиат) В.Л. Канторович.

Мне представляется, что для объективного понимания специфики научного мышления и психологии Кнорозова необходимо реконструировать минимальную базу знаний в области лингвистики и методики дешифровки, которым располагал демобилизованный студент-этнограф третьего-пятого курса Кнорозов – знания в области теоретической лингвистики, староиспанского, майя, европейских языков, археологии, опыт дешифровки и многое другое – литература, личные контакты и т. п. Это сложная, дедуктивная, но актуальная задача кнорозоведения.

В годы учебы в МГУ большую роль в жизни Кнорозова сыграли три человека: С.П. Толстов, С.А. Токарев и С.И. Вайнштейн. Необходимо отметить, что о других его научных, дружеских или родственных контактах мне ничего не известно. Я был вместе с Юрой один раз у его брата Бориса (адъюнкта Артиллерийской академии им. Дзержинского), в его квартире около ЦПКО на берегу Москвы-реки. Визит продлился минут 15–20 и оставил у меня гнетущее впечатление: кроме Бориса, к нам никто не вышел, разговаривали в передней.

Сергей Павлович Толстов (1907–1976) – выдающийся этнограф, археолог, историк, первооткрыватель хорезмийской цивилизации, талантливый руководитель. Директор института этнографии АН СССР института востоковедения МГУ, завкафедрой этнографии истфака (1931–1951), декан исторического факультета МГУ с 1943 по 1945 год. Потомственный военный, дворянин, после революции он воспитывался в детдоме в Москве. В 1923–1930 гг. учился в МГУ сначала на физмате, затем на факультете востоковедения. Главный редактор журнала «Советская этнография», с 1937 г. – бессменный руководитель Хорезмской экспедиции. В 1941 г. сразу вступил добровольцем в армию. В июне 41-го отказался подчиниться приказу об отзыве всех профессоров (из трех отказавшихся двое погибли). Героически воевал, вывел из окружения свою часть, тяжело ранен, после ранения упорно добивался отправки на фронт, о чем стало известно только после его смерти. Как руководитель кафедры этнографии Сергей Павлович особое внимание уделял воспитанию студентов, привлекал их к полевой работе, помогал в профессиональной деятельности. Он спас от исключения из МГУ и неизбежного ареста (после письма Маленкову в защиту кетов от вымирания) своего студента Севьяна Вайнштейна, уже исключенного из комсомола и прекратившего посещать лекции. В разгар борьбы с космополитами Сергей Павлович принял в Институт этнографии и назначил заместителем Хорезмской экспедиции фронтовика Юрия Рапопорта (1924–2009), впоследствии известного историка культуры древнего Хорезма.

Сергей Александрович Токарев (1899–1985) – энциклопедист по научным интересам, этнограф, религиовед, историк. Как преподаватель в сотрудничестве с С.П. Толстовым, Н.Н. Чебоксаровым и Б.О. Долгих сформировал одну из лучших в мире систем этнографического образования. Читал фундаментальные курсы истории первобытного общества и основы этнографии, этнографию Америки и другие. Заведующий кафедрой этнографии истфака МГУ с 1956 по

1973 г. По отзыву С. Вайнштейна, «он много вложил в нас, познакомил с трудами Боаса и Малиновского» (основоположники этнографии американских индейцев – АП). Вместе с Н.Н. Чебоксаровым, Б.О. Долгих и В.И. Чичеровым Токарев сформировал систему этнографического образования, благодаря которой кафедра этнографии МГУ на долгое время получила статус ведущего учебного заведения этого профиля.

Севьян Израилевич Вайнштейн (1926–2008) – однокурсник и сосед Кнорозова по общежитию, этнограф, археолог, востоковед, тюрколог, специалист по истории и этнографии Тувы и культуре кочевников Евразии. Воспитанник детдома (отец расстрелян в 1937, мать выслана), поступил в 1945 г. на восточное отделение исторического факультета МГУ, в 1947 г. написал работу «Религиозно-философское учение средневековой секты исмаилитов», за которую получил премию университета; по предложению С.П. Толстова перешел на кафедру этнографии и в том же году студентом третьего курса в составе экспедиции Института этнографии АН под руководством Б.О. Долгих отправился в экспедицию по Подкаменной Тунгуске к суломайским кетам – наиболее архаичной группе кетов: у них не было оленеводства, единственным домашним животным была собака, сети тоже не было, огонь добывали трением. Зимой жили в полуземлянках неолитического облика, сохранялись экзогемные роды и фратрии. Долгих скоро уехал на Таймыр к нганасанам и оставил Вайнштейна руководителем группы из трех человек. Группа собрала большой этнографический материал и изучила кетское шаманство, сохранившее поразительные пережитки палеолитических культов. Вайнштейн участвовал в 1949 г. в следующей экспедиции к кетам, где получил в подарок налобную шаманскую повязку. Этот уникальный материал он доложил па кафедре этнографии в Институте этнографии в группе «Север» М.Б. Левина в секции шаманизма. По личному распоряжению Толстова доклад Вайнштейна был напечатан в «Кратких сообщениях Института этнографии» в 1950 г.

История с отказом Толстова присутствовать на защите диплома Кнорозова представляется недостоверной, а вот то, что именно Толстов предложил присвоить ему на защите кандидатской звание доктора и что единственным, кто выступил против, был Токарев – это факт бесспорный. Известно, что Токарев был учителем и научным руководителем Кнорозова, по предложению которого он и приступил к дешифровке письменности майя. О конфликте Толстого и Токарева сам Кнорозов никогда не рассказывал, и мне это известно по косвенным источникам – я учился на другой кафедре, на защите диплома не присутствовал. Дипломную работу студента Кнорозова Толстов опубликовал в журнале «Советская этнография».

По научным взглядам Толстов оставался типичным представителем двадцатых годов, в частности – заядлым марристом со студенческих лет, и отстаивал принятую тогда в археологии и этнографии марристскую идею так называемой первобытной лингвистической

непрерывности. Лингвисты неизменно отвергали подобные взгляды (ср.: *В.М. Алпатов.* История одного мифа. М., Наука, 1991. С. 191).

Толстов сыграл важную роль в жизни Кнорозова. Он спас его от исключения и вероятного ареста в результате доноса, обвинявшего Кнорозова в том, что он скрыл свое пребывание в оккупации, а затем принял самое активное участие в его переводе в Ленинград и устройстве на работу в Кунсткамеру, где Кнорозов получил комнату при Русском музее.

В начале 1946 г какой-то однокурсник рассказал мне, что его знакомый этнограф Юра Кнорозов занимается письменностью индейцев майя. Я ответил: «Можешь сказать ему, что эта проблема уже решена, я могу показать Кнорозову статью Эрика Томпсона в трудах Смитсоновского института». Назавтра он привел Юру, и мы поехали ко мне на Семеновскую, где я отдал ему том в зеленом переплете, который я привез из Елабуги. Его подарил мне заместитель Артамонова Сергей Николаевич Бибиков (я занимался с его сыном Димой немецким) для чтения по-английски статей об археологии индейцев пуэбло. Эта книга должна находиться в библиотеке Кнорозова.

С этого времени вплоть до переезда Кнорозова в Ленинград мы начали постоянно встречаться. Никакой предварительной повестки и точного времени наших встреч не существовало, в основном мы разговаривали вдвоем. Позднее к нам присоединился второкурсник-этнограф, «хорезмиец» Валентин Берестов и школьник Саша Пятигорский, на котором я должен остановиться, поскольку его многочисленные интервью являются единственным известным мне источником информации относительно московского периода биографии Кнорозова. О степени их достоверности и просто порядочности предоставляю судить читателям.

Краткое резюме его мемуаров выглядит так. Девятиклассник Пятигорский в 1945 г. оказался в группе, которую организовал демобилизованный запойный алкоголик лейтенант-артиллерист Кнорозов, «незабвенный и первый учитель жизни, настоящий учитель, великий ученый» (правда, на следующей странице своим «первым реальным учителем» он называет Топорова). Кнорозов «вел незабвенные беседы» по «общим вопросам истории», неизменно обращаясь к слушателям «джентльмены». В группу входил сам Пятигорский, будущий известный детский писатель Валентин Берестов и «неизвестный армянин». Позже Пятигорский вспомнит имя, адрес и даже национальность неизвестного армянина: «В доме, на кухне его товарища по факультету Саши Плунгяна, на метро Электрозаводская. У них была квартира еще московская, маленькая. Была такая семья, очень еврейская... Семья влачила жалкое советское существование, такая полуинтеллигенция. Помните культуру кухонь? <...> Закончилось тогда, когда Кнорозов сказал: "Джентльмены, больше не встречаемся. За мной уже второй месяц идет слежка. И нам пришьют группу. Посадили уже трех ребят с истфака». (Прошу прощения у читателей, но в этом месте вынужден сделать краткий комментарий: квартира у нас была трехкомнатная, мать – старший преподаватель

Военно-юридической академии, сестра – кандидат технических наук, родословная нашей семьи прослеживается с конца XIV века и включает ряд известных ученых, богословов, писателей: например, мой прапрадед – первый переводчик Пушкина на идиш, упоминается в энциклопедии Брокгауза и Эфрона.)

Дальше Пятигорский рассказывает, что после работы в Москве Кнорозов «в Питере резко пошел в гору, стал доктором, академиком, человеком, расшифровавшим письменность майя» (академиком Кнорозов никогда не был). Обстоятельствами его смерти Пятигорскому помешала поинтересоваться прирожденная деликатность. Согласно текстам Митрохина, Филоненко, Ревзина и других, сам Пятигорский умер в собственном доме в Лондоне, в зените славы, в окружении многочисленного семейства; в России создано общество и учреждена почетная медаль его имени (Флоренский, Лосев, Аверинцев и Топоров подобных почестей не удостоились). В некрологах его называли гениальным учителем и философом, «голосом Господа».

Я встречал Сашу Пятигорского у жены моего двоюродного брата. Это был необыкновенно разговорчивый и самоуверенный подросток, которому льстило знакомство со студентом и возможность демонстрировать эрудицию: он иногда приезжал ко мне, часто с одноклассником Леонтовичем. Однажды я имел неосторожность рассказать ему о Юре и пригласить к нам на встречи, после чего он приходил уже без всякого приглашения. Правда, сидел он тихо и в разговор не вмешивался.

Никакой предварительной повестки и точного времени наших встреч не существовало: обсуждения строились обычно в форме обмена мнениями о новой книге или статье известного специалиста. Точнее всего назвать наши дискуссии разговорами в жанре пушкинских table-talks. В связи с изучением палеолитических и неолитических изображений мы активно обсуждали общую проблему эволюции визуального искусства (живописи). Эту тему предложил я, и Юра охотно согласился.

Основным объектом наших многочасовых дискуссий была проблема эволюции категории стиля и его компонентов – темы, семантики, композиции изображения и ее инструментария. Эволюция стиля рассматривалась нами в виде этапов последовательного развития синкретического изображения первобытного общества до современного искусства, проходя основные фазы – реализм, натурализм, символизм. Основным содержанием и стимулом каждого этапа считалось исключение из изображения «избыточных неинформативных компонентов». А в целом эволюция определялась имманентными законами, которые мы тогда не обсуждали.

В контексте проблематики шаманизма нас интересовали, в частности, палеолитические и неолитические изображения, отражающие мифологию и ритуалы шаманов. Я работал над этой проблемой в Елабуге под руководством Бибикова и Равдоникаса. Они не только предоставляли соответствующую литературу, но и требовали, чтобы все прочитанное я представлял для оценки письменно, с краткими

выводами. Тогда я начал копировать наскальные памятники Карелии, Скандинавии и Северной Африки. Я показал свою коллекцию Юре, и он горячо одобрил это начинание.

В формировании концепции ритуалов шаманизма большое значение для Кнорозова приобрели идеи основоположника отечественной эволюционной нейрогенетики Сергея Николаевича Давиденкова (1880–1961), с которыми он познакомился по монографии «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии». Эта книга вышла ограниченным тиражом в 1947 г. и была запрещена сразу после сессии ВАСХНИЛ осенью 1948 г. С этой работой Кнорозов буквально не расставался и постоянно обсуждал идеи Давиденкова. Его особенно интересовала роль «специализированного контингента» в первобытном коллективе как носителя интеллекта, в том числе – мифологии и ритуалов шаманов. Вообще проблематика шаманизма всегда находилась в центре интересов Кнорозова и была базой его теории фасцинации, о которой я могу судить как дилетант, в частности, по отрывочным сообщениям об участии в летних семинарах Лотмана и по информации из академической программы «Мозг». Как термин, само понятие фасцинация, насколько мне известно, впервые появилось в 1959 г., и затем – в краткой статье в «Вопросах языкознания» (1962, № 1). Оценки его значения варьируются от восторженного мнения Ю.М. Лотмана и ряда специалистов в области филологии и культурологии до сдержанных и даже негативных со стороны биологов, генетиков и исследователей теории информации. К моему удивлению, наиболее аргументированные возражения последовали со стороны теоретиков рекламы.

Идея сигнализации и фасцинации претерпела в наши дни стремительную эволюцию и частично превратилась у ее псевдоадептов в «фасцинологию». Похоже, что новосибирская трагедия машинной дешифровки 1962 г. повторилась в виде екатеринбургского фарса. Создатель «фасцинологии» В.М. Соковнин выпустил в 2009 г. книгу «Фасцинолог: штрихи к профессии третьего тысячелетия»: президентом Академии фасцинологии, учредителем и главным редактором научных и научно-технических изданий по фасцинологии является он сам.

Важным событием стал для нас выход из печати в 1946 г. труда основоположника сравнительно-типологического метода в фольклористике и одного из предшественников структурализма и семиотики Владимира Яковлевича Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Эта работа Проппа представляла дальнейшее развитие его «Морфологии сказки» 1928 г., раскрывшей структуру волшебных сказок: после издания ее перевода в США эта проблема стала одним из наиболее популярных предметов исследования фольклористики и культурологии XX века, а идеи Проппа непосредственно повлияли на развитие структурализма и семиотики. В «Исторических корнях волшебной сказки» Пропп излагает типологию ее происхождения из первобытных устных тотемических ритуалов инициации. Мы обсуждали

эту теорию в контексте мифологии и ритуалов шаманов и эволюции синкретического первобытного искусства.

Сейчас в наших дискуссиях бросается в глаза полное отсутствие интереса к проблеме дешифровки письменности майя, хотя именно она была в то время основной задачей научной работы Кнорозова, и невнимание к проблемам *лингвистики, базиса любой* дешифровки неизвестной письменности неизвестного языка. Ответ примитивен: это было по причине невежества в лингвистике и полного равнодушия к языкознанию, которого нам не читали; после эпизода со статьей Томпсона я вообще не интересовался работой по дешифровке майя, а Юра, естественно, не считал необходимым тратить свое время на объяснения.

Несколько соображений относительно начала работы Кнорозова над дешифровкой. По моему мнению, это произошло в 1948 г., после того, как он основательно изучил и мифологию, и ритуалы сибирских шаманов. В кнорозоведении общепринято, что эту работу он начал спустя некоторое время после того, как к нему попали сами кодексы. Так, например, украинский телеканал «Новости 24» утверждает: «В Германии Кнорозов нашел книгу о кодексах майя и забрал ее в свою личную библиотеку ради интереса. Только через пять лет он нашел возможность приступить к дешифровке».

Считается, что стимулом к началу этой работы послужила непонятно как попавшая к Кнорозову статья известного немецкого юриста и майяниста Пауля Шелльхаса (Paul Schellhas) "Die Entzifferung der Mayahieroglyphen: ein unlosbares Problem?" («Дешифровка иероглифов майя – неразрешимая проблема?»), напечатанная в десятом номере журнала Ethnos за 1945 г. (стр. 44–53). На мой запрос, получал ли Институт этнографии этот номер, то есть мог ли Кнорозов ознакомиться со статьей Шелльхаса в институте, ответ был отрицательным. Я сохраняю еще слабую надежду выяснить эту проблему. Вообще я убежден, что известная фраза Кнорозова «Как это – неразрешимая?» – просто выдумка журналистов. Подобная театральная патетика ему была чужда органически, а для дешифровки он не нуждался ни в каких стимулах – с чтением древнеегипетских иероглифов он был знаком по грамматике А. Гардинера, лекциям Струве и Авдиева и наверняка по трудам Шампольона. Но вполне возможно, что заметной точкой в его работе стала статья Томпсона, о которой я уже писал.

Я убежден, что с этой статьей Шелльхаса Кнорозов ознакомился отнюдь не случайно – его работа по мифологии и чтению иероглифов с обозначениями богов майя (Representation of Deities of the Maya Manuscript) вышла в США в 1904 г. и неоднократно переиздавалась. Эта работа должна была быть в библиотеке Института этнографии. Сейчас это выяснить можно с большим трудом, как и источники знаний Кнорозова о староиспанском и общей лингвистике.

О работе Кнорозова по дешифровке письменности майя после первого разговора о статье Томпсона мы говорили всего несколько раз: как-то я спросил его, откуда к нему попала книга Де Ланда

«О делах в Юкатане» [326]. Он в своей манере коротко ответил: «Украл». Я не помню, сказал ли он, где именно, однако мне кажется, что это было в какой-то московской библиотеке. Сейчас я пытаюсь проверить одно предположение, представляющееся мне относительно вероятным. Кнорозов, как ученик руководителя сектора Америки ИЭ АН С.А. Токарева, входил в референтную группу специалистов по доколумбовой цивилизации и принимал активное участие в научной работе сектора, включая обработку реквизированных книг из немецких библиотек: среди них он мог обнаружить и эти издания. Пока ничего определенного я не выяснил. Dum spiro, spero.

В формировании взглядов Кнорозова на шаманизм и культуру первобытного общества важное значение имело постоянное общение с учеными Института этнографии АН и группы «Север», в которую входили ведущие сибириеведы – этнографы, археологи, специалисты по культуре, религии, ритуалам и мифологии шаманства коренных народов Севера. В группе обсуждались как общие проблемы этногенеза, так и материалы экспедиций. Как я уже упоминал, студенты кафедры этнографии принимали в работе группы активное участие.

Перед отъездом Юры в Ленинград мы решили разделить сферы будущих научных занятий: за мной осталось изобразительное искусство. Следующие несколько лет каждое письмо от него начиналось с вопроса: что мы сделали по своей части. Но не сделали ничего: Валя Берестов ушел из этнографии в детскую поэзию, а я начал работать в авиационной промышленности.

Несколько раз после отъезда мы виделись в Ленинграде и обменялись письмами. Я получил два письма: первое было подробным разбором моего отчета о проделанной работе с ответами на мои вопросы. Это большое письмо на много страниц не сохранилось: его у меня выпросил Пятигорский с клятвенным обещанием вернуть на следующий день. После этого он больше не появлялся. Второе письмо сохранилось. Копия первого письма могла сохраниться в личном архиве Кнорозова: он обычно делал копии своих писем.

В начале пятидесятых я спросил, над чем он сейчас работает, и он лаконично ответил, что последствия от реализации его идеи могут быть настолько опасны, что он воздержится от любой публикации. Сейчас я считаю, что он имел в виду проблемы коммуникации и сигнализации в коллективе (та самая фасцинация).

Все биографы Кнорозова отмечают его активное и даже агрессивное нежелание общаться с журналистами, замкнутость и неразговорчивость. В его немногочисленных интервью много явно намеренных противоречий и мистификаций, вызывающих недоумение. В наших разговорах он никогда ничего личного сам мне не рассказы-

[326] Имеется ввиду хроника раннеколониального периода Диего де Ланда «Сообщение о делах в Юкатане», переведенная со староиспанского на русский язык и изданная Ю.В. Кнорозовым в 1955 г. Текст был переведен Кнорозовым в период обучения в МГУ, если судить по отзыву научного руководителя С.А. Токарева.

вал, а на вопросы отвечал крайне неохотно. Про оккупацию он говорил: «прятался на чердаке, читал книги, разговаривал с друзьями». О его контактах с научными сотрудниками Института этнографии и других организаций я узнавал из отдельных реплик вскользь. «Простим угрюмство – разве это сокрытый двигатель его?» Блок прав, у Кнорозова для этого были более чем веские причины – его анкетные данные поставили под угрозу не только научную карьеру, но и саму жизнь – его самого и его родных. Значение анкетных данных в жизни советских граждан сороковых годов хорошо объяснил сотрудник Мемориала, редактор сайта «По ту сторону войны» Н. Ломакин: «Главной проблемой для любого советского человека, находившегося на оккупированной территории, была анкета. Если анкета плохая, могли отказать, например, в приеме в аспирантуру уже на этапе сдачи документов» (при этом Кнорозов автоматически терял московскую прописку в общежитии МГУ).

Ни одна биография Кнорозова не обходится без рассказа о его пагубном пристрастии: горький пьяница-лейтенант, ежедневная порция водки уже в Москве – 1 литр в день, батареи бутылок под столом в комнате Русского музея и т. п. Я общался с Кнорозовым почти ежедневно два года и никогда не видел его нетрезвым, от него не пахло вином. Как вообще нищий студент, тративший всю стипендию на книги и одалживавший потом на обед, мог тратить деньги на алкоголь, если (по современным данным) в сороковые годы на среднюю зарплату можно было купить 28 бутылок в месяц? Видимо, поздний и ранний период в воспоминаниях смешались. Об этом недуге пишет с сожалением его ученица, профессор Ершова; близко знакомый с Кнорозовым профессор Владимир Андреевич Успенский рассказал мне, что Кнорозов любил хорошо выпить при встрече и становился тогда разговорчивым. Уверен, что это была потребность снять чудовищный стресс непосильной и постоянной угрозы репрессий.

В моей семье Юра чувствовал себя в дружелюбной теплой обстановке, охотно шутил и оставался ночевать, а перед переездом в Ленинград пробыл около месяца. Для меня каждая встреча с ним становилась праздником. Он был всегда удивительно чутким и внимательным с моими родными. Перед отъездом в Ленинград, хорошо зная мою любовь к искусству, он подарил мне две редкие книги: «Этюды по истории античного портрета» и «История европейской гравюры». В Ленинграде, узнав, что мы с женой остановились в дорогой гостинице «Европейская» на Невском, он вечером пришел в номер и поселил до отъезда в своей комнате-пенале, единственным украшением который были солдатская койка, стол, два стула и книги. Никакой мифической батареи бутылок под столом я не обнаружил.

Несколько слов о литературных пристрастиях Кнорозова. Он хорошо знал поэзию Франсуа Вийона и особенно выделял в "Ballade du concours de Blois" первую строфу – "Je meurs de soif auprès de la fontaine". Юра знал и любил античную литературу, особенно Алкея, и как-то невзначай сказал мне, что читал Евангелие на греческом в армии во время дежурств. Он переписал для меня несколько корот-

ких латинских стихотворений Леонардо да Винчи, а я подарил ему при отъезде латинское издание трактата Цицерона «О богах».

Я очень хотел впоследствии выяснить, откуда к нему попала книга Давиденкова, но сделать это в свое время, к сожалению, не удалось. Уверен, что ее передал ему Севьян Вайнштейн или кто-то из друзей по общежитию с биофака.

И в заключение еще несколько слов. По моему убеждению, Юрий Валентинович Кнорозов – энциклопедист и мыслитель ранга Вернадского, Давиденкова, Лосева, Аверинцева. Его научное значение недостаточно изучено: наиболее значительными и недооцененными для меня остаются его теоретические работы по коммуникации, сигнализации, фасцинации и лингвистике.

Приступая к работе над замечаниями, я следовал призыву член-корреспондента РАН, профессора Владимира Михайловича Алпатова: необходимо введение в научный оборот архивных документов, мемуаров, свидетельств жизни участников событий и их скорейшая публикация. Архив Кнорозова, включая письма, черновики, библиотеку, продан наследниками в США. Свой долг его памяти, как я его понимаю, я выполнил. В процессе работы у меня появились вопросы, выходящие за рамки замечаний мировоззренческого характера и представляющие интерес только для узкого круга моих собеседников. Я могу сказать с чистой совестью – feci quod potui, faciant meliore potentes.

Попробую также сформулировать свое *сегодняшнее* понимание итога научной работы Кнорозова в период нашего общения до его переезда в Ленинград.

1. Кнорозов в этот период полностью сложился как ученый и определил проблематику своих дальнейших исследований в области теории коммуникации, сигнализации и управления в первобытном коллективе.
2. Идеологией первобытного явления шаманизма и его акторами выступают члены страты слабоспециализированного контингента шаманов.
3. Картина мира/идеология/самоидентификация членов коллектива построена на принципе ориентации на центральную идейность (термин Кнорозова) – «Дерево жизни». Инструментом реализации этой модели является фасцинация в форме шаманских практик.

Москва, январь-апрель 2017–2019

Приложение 9

Хорошаева Ирина Федоровна

Интервью с И.Ф. Хорошаевой записано в Москве в 2005 г. (Личный архив Г.Г. Ершовой).

– Ну, я познакомилась с ним где-то в начале 50-го года. Нас отправили с кафедры этнографии в Ленинград на практику. Я ехала чуть позже и поэтому я не знала, где остановиться. Юра Раппопорт дал мне письмо к Юре Кнорозову, чтобы я могла к нему, хотя бы там вещи оставить, если не найду. Ну, в общем, чтобы... И была очень трогательная сцена, может быть даже, я когда пришла в Музей этнографии и в Кунсткамеру, там сидели бабушки, я просто сказала: «Знаете, мне нужно вот Кнорозова». И такой вот по всей лестнице шум пошел: «Вот к Юрочке девочка пришла, к Юрочке девочка пришла». Пришел Юра, мы с ним познакомились. И я вот поэтому видела, как он жил. Это такой тупичок коридора с окном, большим таким дворцовым окном, но тупичок такой коридорный, отгороженный уж не помню чем, наверное, какая-то загородочка была, стояла. Там нечто типа стола торчало, и ящик накрытый, значит. Так он жил. Я не знаю, это было самое начало, как он туда поселился, но вот это было его жилье. Это я своими глазами видела. Ну, вот потом я своих быстро нашла, так что тут. Дальше, ну как Вам сказать, в экспедиции я с ним не сталкивалась, потому что я в разные годы ездила и была в 48-м, 49-м и в 50-м, ну потом в 59-м. Вот, но за это время все равно какие-то отношения у нас поддерживались. Ну, во-первых, достаточно часто и когда я была в аспирантуре в командировках в Ленинград, и он приезжал сюда. Я не могу сказать, что у нас какие-то, но мы, у нас просто были такие хорошие, дружеские, товарищеские отношения, постоянные.

– Всегда на «Вы», конечно. Ну, я вообще не имею привычки легко переходить на «ты». И он, по-моему, тоже. Он тоже не имел привычки. Он бывал у меня дома, не на этой квартире, а мы жили раньше в каменных домах. Он очень меня в свое время поразил тем, как общался с Игорехой – с ним даже как-то возился, водил даже в кинотеатр, они прелестно общались. [Игорь – сын Ирины Федоровны с тяжелым неизлечимым заболеванием. – *Г. Е.*] В общем, на кухне сидят друг напротив друга и чем-то там занимаются. Он общался с Игорюхой, он старался его разговорить. Он, в отличие от многих моих просто знакомых (многие же вообще к детям достаточно равнодушны), вел себя совсем наоборот. Поэтому, честно говоря, я очень ему сочувствовала, когда он оказался отстраненным как бы от собственной девочки.

– Ну, конечно, подробности подготовки защиты я попробую рассказать, потому что я как раз тогда была самым младшим членом сектора Америки, но тогда это называлось сектором Америки, Австралии и Океании, вот ну это можно очень просто уточнить по архивам, и естественно, что меня гоняли по всем каким-то таким делам. Тем более что

у меня какого-то протеста это не вызывало, потому что это было для Сергея Александровича.

– Я могу вам сказать только одно, что категорически исключено, чтобы вам Юра ни говорил – не мог Юра защитить докторскую вместо кандидатской без желания Сергея Павловича Толстова. Это его инициатива, его, вы поймите меня правильно, я все-таки Сергея Павловича знаю по экспедиции. Вы понимаете, в чем дело, он человек ярко одаренный был, его можно любить, не любить, там какие-то к нему предъявлять претензии, все это возможно, но это был ярчайше одаренный человек, который абсолютно не боялся привлекать к себе таких же одаренных людей. Более того, для него, вот он когда собирал Институт этнографии, ведь это ему обязаны и приходом Георгия Францевича Дебеца, и Сергея Александровича Токарева. Когда началось все это гонение в университете с этим морганизмом, когда погнали Марка Иосифовича Косвена – кого забирает немедля Сергей Павлович в институт? Марка Иосифовича Косвена, забирает Берту Исааковну Шаревскую. Всех забирал к себе, всех людей более или менее одаренных, работающих он всегда поддерживал, потому что чего у него ни капли не было, это вот, понимаете, боязни какой-то конкуренции, простите, это было бы довольно сложно. Образован он был фантастически совершенно, фантастически. И Кнорозова он ценил, несмотря на все его фокусы, которые выкидывал Юрий Валентинович, даже в самые напряженные моменты, сейчас я Вам о них расскажу.

– Значит, идея Сергея Павловича защиту перенести, меня, как самую младшую, гоняли в президиум Академии уточнить там какие-то детали, конечно, может быть, не слишком часто, но все-таки гоняли, потому что тогда нашим ученым секретарем была Ирина Александровна Золотаревская, тоже американист. И вот все это готовилось на таком уровне, то есть не на моем, а там ученый секретарь института, директор института, ни при каких обстоятельствах, я еще раз повторяю, он был слишком авторитарным руководителем, чтобы позволить что-то сделать вопреки своему желанию. Этого бы никогда не произошло, никогда, это была инициатива и желание Сергея Павловича Толстова.

– Я Вам сказала, сейчас расскажу самую невероятную историю, которая происходила уже на самой защите. Ну, естественно, мы, младшие, сидели сзади, на последних рядах, у нас это очень был красивый зал на улице Фрунзе, в этом старинном особняке. Выходит Юрий Валентинович, как всегда. Я слов его, конечно, не помню, но смысл его очень коротенького, наверное, полутораминутного выступления, первого, был такой: «Ну вот, я занимался там дешифровкой, получены результаты, если кого-то интересует, все изложено в автореферате» – и замолкает. Сергей Павлович, который ведет заседание, говорит: «Юрий Валентинович» (причем Сергей Павлович предполагает в дальнейшем перевести в докторскую защиту, а Юрий Валентинович замолчал намертво, глухо), он так к нему поворачивается. Причем Сергей Павлович человек довольно взрывной, а тут достаточно терпеливо, понимая, что все можно сорвать, говорит: «Юрий Валентинович, ну может быть, вы все-таки...» «А что рассказывать? Там все изложено». Тут уже Сергей

Павлович, чувствуя, что терпение кончается и все погибает, говорит: «Юрий Валентинович, я прошу вас изложить членам ученого совета основное содержание вашей работы». «Ну, ладно» – сказал Юрий Валентинович и начал излагать. Да, согласился, соизволил, согласился.

– То есть я вам передать не могу, какое эта сцена, сами понимаете, произвела сильное впечатление. Причем я знаю, сколько все это готовилось, чтобы организовать ему защиту. И даже среди членов ученого совета, я не буду говорить, кто – я совершенно случайно сидела с одним очень уважаемым членом ученого совета, который в этот момент ворчливо говорил: «Конечно, а еще докторскую присуждать!» Ну, понятно, понимаете, да? И, наверное, какое-то сопротивление было, не на моем уровне, как вы понимаете, не среди младших, а среди, наверное, старших. А может быть, это было индивидуальное ворчание этого старого ученого, но неважно. Во всяком случае, реакция была такая вот, рядом сидела, а ученый, не скажу, кто, потому что в общем-то он хороший человек, но все-таки поворчал.

– В общем, Сергей Павлович буквально нажал на Юрия Валентиновича, чтобы Юра хоть что-то нормально сказал. Ну, вы понимаете, это было чудовищно, он полторы минуты, а все, что, ну если интересует, то можно прочесть, ну как? И все это дело потом, двойное голосование, как полагается, ведь тогда не было отдельных ученых советов для докторских и для кандидатских, тогда был один ученый совет. В общем, вот как это выглядело. И вы сами понимаете, что если бы Сергей Павлович не захотел – то ничего, никакой бы докторской не было. Юра, вы сами знаете, очень сложный человек, что потом, на что он обиделся, на Сергея Павловича можно было потом обидеться, он тоже был тяжело больной человек, понимаете.

– Я познакомилась с Кнорозовым в достаточно взрослом возрасте, но он всегда чувствовал большое расположение с моей стороны. Я могу сказать об одном человеке, который, как мне представляется, оказывал на него очень плохое влияние. Ну чего, собственно, скрывать – Зубрицкий втягивал и в пьянки, и так далее. Причем у меня даже был разговор на эту тему с ним: «Юра, ну, какого дьявола, ну зачем?» С Кузьмищевым я как-то меньше сталкивалась, а Зубрицкого я очень давно знала, еще со студенческих лет. И это, конечно, было ужасно. И Юра, ну что вам сказать, у нас отношения, конечно, я не могу сказать, что они были ну всегда очень какие-то такие доверительные – не доверительные, не знаю. Во всяком случае, он спокойно приходил ко мне домой при том, что он абсолютно точно знал, что никогда ничего не будет поставлено на стол, он всегда только, ну там мы могли пообедать.

– Вот очень доброжелателен, меня он, конечно, подкупал отношением к Игорехе, он очень трогательно и разговаривал с ним, и все. Когда я приезжала в Ленинград, были такие даже случаи, когда он меня в каком-то духе опекал. «Пошли обедать?» Я говорю: «Ну, пошли». Причем, ах, да! Была эта прелестная история, я не рассказала вам, да, когда я пришла первый раз в жизни, мы познакомились только, в Русский музей или я говорила? Девочка пришла.

– Ну, он как-то всегда знал, в курсе был каких-то взаимоотношений с моей экспедицией. И тут было, в общем, короче говоря, он говорит: «Пошли обедать». Пошли обедать, вы знаете, в Ленинграде, где обедали тогда?

– Ну, это не столовая, ну да, столовая, но такая университетская или академическая, не помню, ну, в общем, я помню, мы однажды пошли. Я говорю: «Юра, а зачем мы деньги просаживаем?» «Не-не, пошли». И мы перешли через мост, там стоял этот «Дебаркадер», ресторан, но это было днем, поэтому и мы, значит, пошли туда. Он говорит: «Я вас накормлю судаком...» Понимаете, поэтому я не знаю, у нас всегда были какие-то очень добрые отношения.

– Я приехала в Ленинград, я никого не знала там, и я не знала, найду ли я свою группу студенческую, где они живут. Я должна была пойти в университет, выяснять и так далее. И Юра мне сразу сказал: «Если вам негде будет ночевать, я уйду и вот, пожалуйста, здесь». Но я, правда, быстро своих нашла, так что все было в порядке. В этих вопросах он был очень ответственен, да еще, я все-таки из Хорезма, да еще по рекомендации Раппопорта – тут все на высшем уровне было. А когда потом уже я туда приезжала, я не могу передать, что он меня опекал. Нет, у нас были просто какие-то такие ровные, хорошие, товарищеские отношения. Сюда приезжал, он обязательно бывал у меня. И вот очень хорошо относился к Игорехе. Но потом все как-то сложнее, сложнее, сложнее – и я была очень против этих пьянок. Но это меня не касалось, но я была против того, что с ним натворил Зубрицкий. По-моему, он его просто спаивал. Понимаете, Зубрицкий в этом был один из первых...

– Это точно, конечно, про Зубрицкого я точно знаю, что он это делал. А Кузьмищев мне как-то менее знаком. Понимаете, отношения с Юрой, может быть, в силу того, что мы очень просто много лет уже были знакомы, я ругала его: «Юр, что вы ходите в таком виде, как же можно в таком костюме ходить?»

«Э-э» – все и больше ничего и махал так на меня рукой. Но выслушать он меня выслушал.

– Я была знакома с его женой, но только в Ленинграде, когда я туда приехала, очень недолго и дома я у него не была. Дома я у него не была очень долго, вот. Мне трудно говорить о впечатлении, потому что у меня складывается то, что, в общем, жена его ни от чего не оградила, а как бы потом просто отстранила его, поэтому мне трудно говорить.

– Я не знала, что она была больна. И меня немножко вот удивило, что она как-то прямо отстранилась, не заботилась о нем, наоборот старалась его как бы отстранить.

– Но я понимаю, но мне он ничего этого не рассказывал. Но так я полагаю, что он считал, что с меня хватит моих проблем. Нет, это не смешно, ведь, понимаете, у меня тоже серьезные проблемы домашние, и в этих вопросах он был деликатный очень человек. Я знаю, что он никогда ничего не хотел. У меня бывал дома – и никогда никому ничего не рассказывал. Понимаете, и он с большим, с огромным сочувствием относился к тому, что у меня. Игореха тогда был маленький, и мы уже здесь живем больше 30 лет. Но, в общем, с 1974-го года, тридцать с лишним

лет, там он у меня бывал, здесь нет, но у меня было такое ощущение, что когда у него стало плохо, он на меня ничего решил не переносить.
– Он знал, что у меня все плохо, он что-то до этого говорил, а тут нет, тут все. И конечно, ужасно последние годы, когда он тут совершенно в страшном виде ходил.
– Единственное, что он меня ругал за мою попытку переводить Птолемея: «Это неинтересно», – говорит, вот. А для меня он стоял высоко-высоко, помню, наверное, все его работы, это само собой, там издание его работ, все, что можно было делать. Когда я уже была ученым секретарем сектора, то, конечно, вы сами понимаете, старалась ему максимально помочь, тем более я всегда к нему очень хорошо относилась.
– А меня вот, что поразило – насколько у него всегда концентрация на том, что он делает. Это смешно говорить, вот я, например, запомнила такую совершенно, мне было очень приятно, такую крошечную деталь: он там работал, я даже не помню над каким переводом. Но я в тот момент была точно в Ленинграде, и что-то такое, поменялось у нас начальство как раз, вместо Сергея Александровича стал Сергей Владимирович, и он приехал в Ленинград знакомиться, тогда же это была часть сектора. Во всяком случае, он спрашивал Юрия Валентиновича, единственное, что я могу сказать, что это было точно после смерти Евгении Эдуардовны, вы слышали такую Яблонскую? Нет, просто Юра переселился за ее стол...
– Да-да-да, это этот стол Евгении Эдуардовны, а когда она умерла, то туда перебрался Юра, такой удобный. Нет, нет, нет, до этого это была Евгения Эдуардовна, один из старейших сотрудников вообще института, а когда она умерла, то туда пересадили Юру и, по-моему, ни у кого, из тех, кто жил рядом, учтите, кстати, к нему великолепно относилась Эрна Владимировна Зиберт, она к нему очень хорошо относилась, и в общем его туда переселили, и он уже сидел там, я не помню уже даты.
– Во всяком случае, это был один из первых приездов, а может быть, и первый приезд Ефимова в Ленинград как зав. сектором, ну и он знакомился с Юрой тоже. И Юра показывал какую-то свою работу, какой-то перевод, и у него, я не помню, что именно, но еще американистский точно, испанский, нет, все-таки еще американистский перевод, с майя это было как-то связано. И у него было слово «шпион», кто-то куда-то какой-то шпион, и совершенно как-то, ну просто, знаете, говорю: «Ой, Юр, лучше "лазутчик"». «Лучше "лазутчик"», – сказал он и тут же записал на карточку. Вместо шпиона лазутчик, вы понимаете. Он абсолютно спокойно принимал такие вещи, для него не было проблемой, я это запомнила, потому что меня этот «шпион-лазутчик» ...
– Ну, что вам сказать, для Евгении Эдуардовны Бломквист, он, конечно, был мальчик, но мальчик очень талантливый. Она очень к нему хорошо относилась. Вот в простенке сидел Юра, а за его спиной, как бы в уголочке, это самое хорошее место было – Бломквист. Но она к нему просто очень хорошо относилась, и Наталья Владимировна Либер тоже, она просто заботилась о нем, она к нему очень хорошо относилась. Мужики, ну как вам сказать, не хотелось бы мне об этом говорить. Один из них стремился все время доказать, что и он не хуже.

– О чем говорить. Да-да-да, причем для меня еще в качествах чисто человеческих, то же самое, понимаете, у Юры там какие-то странности в поведении, какие-то, вы сами понимаете. Были у него сложности, особенно к концу жизни, и вообще он как-то так, но он прекрасно чувствовал, кто к нему хорошо относится. И при всем при том от него никогда никакой подлости ждать нельзя было, нет. Ну то, что было, то было.

– Во всяком случае, Юра переселился на место Евгении Эдуардовны, уголочек ее был. А он, он всегда был очень приветлив, но, может быть, в отношении меня это было связано с тем, что Хорезм... В общем-то, я не знаю, что там было в конце жизни, он твердо знал одно – что я как-то настороженно отношусь к его друзьям типа Зубрицкого. Вот. Не просто настороженно, для меня это было вообще непонятно – как же можно так с ним...

– Для Решетова, конечно, это был очень болезненный вопрос – нас же всех не выпускали. Понимаете? И тут эта реакция была не столько на Кнорозова, сколько на общую ситуацию, понимаете, потому что, ну а потом, как вам сказать, кто-то более реалистически подходит ко всем своим проблемам, кто-то нет. Подождите, скажите, пожалуйста, вот когда уезжали в Копенгаген, кто был?

– Сейчас я вам скажу, что было. Значит, в Копенгагене был Дебец, Ирина Александровна Золотаревская и Кнорозов. Окладников, да? Окладников был в Копенгагене? Вы знаете, вот то, что я знаю, где я сама была, это коста-риканский конгресс, в Коста-Рике. Вот там был Окладников. Мы не поехали втроем. Нас всех не пустили.

– В том-то и дело, но там только Окладникова вроде не было, это же легко проверить. Там не было Окладникова, по-моему, там был Георгий Францевич, Ирина Александровна и Кнорозов. И смею вас уверить, что при всем при том, если бы Сергей Павлович не хотел, никуда бы Кнорозов не поехал. Это железно. Сергей Павлович, вот уж чем-чем, а таким волевым характером и авторитарным он отличался, поэтому, понимаете, вот когда вопреки мнению Юрия Валентиновича, если бы не хотел Сергей Павлович, никакой бы докторской защиты не было бы. Это была инициатива Толстова, поддержанная Токаревым, да я не отрицаю, что помимо всего это был какое-то утверждение позиций Института и т. д., но в этом-то ничего дурного нет, понимаете. Но это пробивал, простите, Сергей Павлович Толстов.

– Еще надо знать Сергея Павловича, не когда он уже был больной и, в общем, смотрел на все, так сказать, сквозь пальцы, а когда он был здоровый и в силах. Это был энергичный, очень умный, очень способный человек, ведь от этого тоже никуда не денешься. Человека такого уровня эрудиции я, может быть, еще Георгий Францевич, и то, наверное, Толстов – невероятно яркий человек был и невероятно эрудированный, с феноменальной памятью, с феноменальными знаниями.

– Для него докторская защита Кнорозова была абсолютной, несомненной, то есть он считал это необходимым. Он видел в этом смысл, для института даже он считал, что это необходимо сделать. И сколько меня гоняли, ну я тогда была, естественно, на побегушках, то еще что-то уточнить. Не верю, что Токарев проголосовал против. Извините тогда,

вам же доступна одна вещь, правда, я боюсь, это было тогда убрано, – стенограмма ученого совета. В президиуме Академии или в архиве института.

– Другое дело, что, конечно, вот эти фокусы в начале, но это я помню абсолютно точно, когда он произнес ну три фразы или четыре и сказал, что все остальное есть в автореферате, а Сергей Павлович, если бы вы знали, он с полоборота заводится. Задержался, еще спокойно сказал: «Юрий Валентинович, ну, может быть, вы членам ученого совета?» «Там же все есть» – сказал.

– А эту знаменитую историю, когда он издевался над телевизионщиками. Вы видели этот фильм, где он с повязкой на глазу? Вам еще все предстоит. Как же фамилия этого режиссера была?

– Да, нет, что вы, его сняли, это было очень давно, я была еще ученым секретарем своего сектора, и ко мне именно поэтому обратились и поскольку, так сказать, интересно с киношниками общаться и все. Вы знаете, я вспомню фамилию этого автора. Неужели вы никогда не видели фильма, где Юрий Валентинович с перевязанным глазом? Ну, тогда вы и половины не знаете его фокусов в те времена. Он взял и перевязал глаз и ходил как Билли Бонс. Я говорю: «Слушайте, ну что вы вытворяете?» «А у меня глаз болит», и все. И тут ничего... Это такой известный документалист, причем они меня пригласили как консультанта на фильм о Кнорозове. Документальный, разрази меня Господь, я думала, вы знаете.

– Это была студия документальных фильмов, на «К» как-то фамилия, известный был такой документалист. И он мне показал весь отснятый материал, и главный вопрос, который он мне задал, можно ли это сделать в единую картинку, ну я тогда дружила очень, у меня были такие киношные друзья. Я, в частности, знала Фрида и Дунского, может быть, вы знаете, были такие знаменитые сценаристы, они долго сидели, а потом делали такие фильмы, хорошие, «Жили-были старик со старухой», может, вы знаете, хорошие такие картины. И я помню, я позвонила Фриду, он мне очень разумный совет дал, что не надо лезть в какие-то чисто киношные дела, а отвечать, просто четко поставить вопрос и как профессионал отвечать. Ну и вот они меня тогда спросили, можно ли из этого сделать такое целостное повествование? Я сказала, что, по-моему, нет. И вот там, вот вы знаете, вот очень печально, конечно. Эта картина была, я помню вот этот кусок, связанный с Юрой, о Мексике. Это документалист Калашников – не Калашников, что-то похожее.

– Да, и в нем был кусок о Кнорозове. Там и Юра снимался как Билли Бонс, перевязав глаз белой повязкой, только не черной. Я говорю: «Юра, да что же вы вытворяете?» «А у меня глаз болит». Как только они ушли, он повязку снял. Глаз немедля прошел. Так что, вот такой вот, вот такой вот. Нет, ну что вы, прелестная картина была, причем он там весь в виде Билли Бонса. А я ему говорю: «Вы что, хотите войти в историю в качестве Билли Бонса?» На что он мне сказал: «Это идея! Тогда нужна черная повязка. У меня ее нет».

– Студия документальных фильмов. По-моему, он был москвич. Калашников. На «К» точно, причем с такой длинной фамилией, потом его сын долго снимался тоже на студии документальных фильмов. И там я только помню, что то, что было сделано по моему совету, было сделано четыре самостоятельных новеллы. Я не помню, участвовал ли Юра во всех или нет, по Мексике это было, нет, я не помню. Это очень давно, очень давно, 60-е, да. И был в документальных фильмах фильм о Мексике, как он назывался? Может быть, я где-то у себя найду.

– Он известный такой документалист. И это был фильм, было четыре новеллы, мне сейчас так помнится. И одна из них фантастическая, где Юрий Валентинович с перевязанным глазом яркой белой повязкой. Причем если учесть, что я настаивала как консультант картины, я говорю, ну как же можно, когда вы хотите сделать картину о Мексике и это действительно человек, который очень много сделал, мы можем себе позволить что-то другое не упомянуть, но это должно быть обязательно. И потом этот режиссер объяснял мне, что он обо мне думает, потому что Юра выдал ему по полной. С этой повязкой на глазу.

– Там в результате получились четыре новеллы. Я вам честно говорю, мне трудно что-то искать. Это снималось в те времена, когда мы туда не съездили.

– Нет, нет, это было задолго до вас, что вы! Это было задолго до вас, я уже, простите, 77 мне скоро, так что, конечно, уже другое поколение. Так вот я прямо скажу, это была прелестная, причем там вот в виде Билли Бонса. Я ему говорила: ну что вы вытворяете? Знаете, что, а, может быть, это... нет, я думаю, где можно искать?!

– Уточните это. В Коста-Рике – точно, причем, в Коста-Рике поначалу была большая делегация, потом ее сокращали, меня, Кнорозова, опять же идея Сергея Павловича Толстова, как же Кнорозова не послать в Коста-Рику, само собой, во главе был Окладников, а третьей я шла как переводчик, ни по каким другим признакам меня туда не совали. Вот потому что я там, понимаете, и Георгий Францевич посылал доклады и все вот. Но там можно посмотреть – это у меня есть, потому что там, ну там была прелестная, конечно, история.

– Окладников в свое время меня поразил: вот тогда мы работали на улице Фрунзе, туда Окладников приехал, и приехал Юрий Валентинович из Ленинграда. Окладников, потому что вся оргработа была, естественно, на мне, потому что я в Москве и я самая младшая. И когда всех повыкидывали, а меня оставили, то на меня уже все свалилось, но я тут ничего говорить не могла. Я помню, что Окладников говорит: «Все, пошли обедать». Мне привычно обедать внизу, в нашей столовой. Нет, пошли в «Прагу». Вы не подумайте, тогда «Прага» была другой. Значит, мы пошли в «Прагу», и меня тогда очень поразил Окладников. Не-е, он, наверное, был тогда в Копенгагене, потому что сказал, что это уже традиция – ну все же получали разные эти самые деньги. Это, говорит, делим честно на три части. «Юра, вы не против?» «Нет» – сказал он. И все равно никуда не поехали, поэтому делили шкуру неубитого медведя. Вот, и Юру, Донских, по-моему, выкинул, я помню Дебеца, всех повыкидывал, Сергея Александровича Токарева, сокращали, сокра-

щали, деньги экономили. А знаете, почему мы не поехали, а вот абсолютно точная дата – венгерские события. И нас чуть ли не заставили писать телеграмму протеста, то есть за нас, может быть, даже послали, вы же знаете. Венгерские события, телеграмма протеста. Понимаете, в Коста-Рике до начала...

– А я тогда отличилась вот чем – у наших у всех материал были готовы и надо было заплатить. Тогда мне сказали, чтобы я пошла в президиум – там очень неприятная публика, вы знаете, в иностранном отделе, вот. «Нет, зачем посылать?» Я говорю: «Ну там хоть материалы пришлют. Мы же отправили туда доклад и все. Ну, хоть материалы пришлют конгресса». Ну, ничего, мол, обойдетесь. Я говорю: «Ну кто-то это может решить?» Они говорят: «Кто может решить? Вице-президент Академии».

– Но они не учли, что я в таких случаях обожала разыгрывать такую непонимающую дурочку, и я пошла. Иностранный отдел тогда был тоже в одном здании, ну это вот тоже красивый особняк. Но в боковом здании был иностранный отдел, и я пошла в вице-президенту Академии, причем, по-моему, его секретарь, выслушав меня, что я хочу, была страшно довольна, что она может помочь... Запустила меня туда, я попала к нему через десять минут после того, как я была в иностранном отделе, он меня спросил, в чем дело, я говорю: «Вот так и так, и мы не едем, но у нас вот такие крупные ученые, как там Окладников, Дебец, все отправили туда доклады и сейчас речь идет от том, что надо по девять долларов послать, чтобы материалы получить. Мы же заинтересованы в том, чтобы были опубликованы вот эти самые доклады?» Он говорит: «Да, конечно. Можете сказать, что я дал согласие».

– Я пришла в иностранный отдел, а им уже оттуда позвонили. «Как вы смели пойти?» Я говорю: «А что такого?». Вот и только, честно говоря, только поэтому весь этот материал пошел, и нам всем прислали по два томика трудов. Там должна быть публикация.

Вот, это была вот такая вот история. Вы понимаете, это все очень давно. Нет-нет, во всяком случае, Юру я воспринимала не так, как Окладникова. Он очень-очень хорошо держался, и с такой вот шушерой, то есть на том уровне как я – у меня даже кандидатской тогда не было. Конечно, я была там, мы все должны быть в одинаковом положении.– Нет, ну что вы. Вот чего-чего, а этого у него никогда не было, вот этих выпендриваний. Он считал, что и мне хочется поехать.

– Тут я, я не сравниваю себя с Юрием Валентиновичем, но со мной, конечно, безобразно поступали, это уже сами мексиканцы мне рассказывали. Трижды вместо меня съездили кто-то из Института Латинской Америки. Меня даже не ставили в известность. Причем приходили персональные предложения. И только потом, когда один сюда приехал, такой деятель, вы не слыхали о нем? Но он потом был в ООН, занимался всякими вопросами и т. д. Он говорит: «Слушай, ты что, – говорит, – не хочешь приезжать? Мы приглашаем, приезжай». Я говорю: «Слушай, ты меня извини, я даже не знаю. Я даже не знаю, что вы меня приглашали». Ну вот, а ездили из Института Латинской Америки, три раза вместо меня кто-то ездил, у меня просто были очень хорошие

отношения с мексиканцами с 57-го года, с фестиваля. А в 59-м я была в Вене, только уже по своим [делам], у меня же отец – австриец, и я поехала специально туда на фестиваль, только не по нашим каналам, а по этому. И тем не менее глухо. Потом у меня были хорошие отношения с Канцем, может быть, вы знаете? Нет, не слыхали никогда? Фридрих Канц – он по астекам много публиковал, он же австриец. Нет, но Юру было просто невозможно так вот отодвинуть.

– О том, что не может ехать? А я не помню, мы с ним особо это не обсуждали, мы знали, что... Я была выездная по своим совершенно иным каналам, понимаете, мне было плевать, вот, но только в одну страну, тогда же жестко фиксировалось, что я вот в Австрии была. А так, так нет. Ну, как-то ему хотелось...

– Да, конечно, конечно, но это вот было, это был тот самый вариант, потому что он, например, он говорит: «Ну, вот вы». Я говорю: «Я никуда не могу, я даю подписку, что я еду в Вену, и из Вены в Москву». Моя приятельница говорит: «Поехали в Венецию, тут три часа». А я съезжу в Венецию, и все, мне перекроют Вену, а у меня еще, я сына туда все время возила к врачу, поэтому я не могла себе позволить никакого шага в сторону. Так что, нет. Да, ну что говорить, бредовая ситуация. Вы знаете, что я не могла толком сообщить о том, что с сыном случилось. Георгий Францевич Дебец взял мое письмо. Я написала подробное письмо подруге отца, обо всем, что у меня в семье случилось, чтобы они мне помогли Игореху показать. Только потому, что Георгий Францевич вывез это письмо, а по почте они все исчезали. Георгий Францевич взял мое письмо. И отвез, я попросила и причем, так трогательно, я ему дала, естественно, незапечатанное, и вообще хотела дать без конверта, я понимала... Не помню, куда-то он ехал или просто опустил письмо. Так, я, извините, даже собственной родне не могла сообщить, что мне нужно. А Юра, что вы, он же был на оккупированной территории, это было очень серьезно, я не знаю, в аспирантуру это должно было ему мешать поступить. Да, конечно, конечно. Он как раз в 48-м году поступал, да, вы не помните? Как раз потому что я как раз приехала первый год в экспедицию.

– Ничего, никогда, но, видно, были далеки все-таки от него, здорово далеки. Я не могу сказать, что Юра был каким-то близким другом, но, во всяком случае, он и домой ко мне приходил, дома я у него не была. Но когда в Ленинграде, куда-то в столовую, значит, заходили. Вот какие-то там такие вещи, и вот этот поход в ресторан: как, вы никогда не ели «Судака Орли»? Я закажу. Очень не похоже на него, да?

– Вот, с таким вот шиком он мне этого самого «Судака Орли», я его на всю жизнь запомнила, потому что я над ним потом хихикала и говорила: «Судака Орли» я вам предложить не могу. – «Ничего».

Помню, конечно, удивительно, он мне рассказывал о своей поездке на Кунашир, но это было в Москве. И он мне рассказывал и свою концепцию. Я его слушала с большим удовольствием, и это для меня было важно, все-таки это он чувствовал. А, простите, а Волчок жива? Она с ним как-то очень хорошо контактировала. Вот эту даму после нее я

как-то не знаю. А Волчок очень к нему относилась хорошо. Вы знаете, об этом всегда можно судить, как человек за глаза говорит.

– Не знаю. Могу сказать, кого я, а так нет. Я не знаю. Потому что, понимаете, в чем дело: он мог о ком-то резко что-то сказать, совершенно не значило, что он не любил. Вы же знаете, в общем-то, он еще человек настроения. Ему бывало иногда как-то что-то не так, не по себе, скажет бог весть что. Так что тут я не берусь судить.

– Токарев очень хорошо к нему относился, всегда старался, чтобы он у него побывал дома, понимаете, вот так, хотя у самого Сергея Александровича какие-то сложности у самого были дома, но он очень хорошо к нему относился, ну кто еще? Не знаю. Он, понимаете, он в московской части сектора, в общем-то, ни с кем особенно близок не был. Давайте так: Юлия Павловна к нему хорошо относилась, вы понимаете.

– Она к нему хорошо относилась. Нет, я сейчас начинаю всех перебирать. Юлия Павловна к нему хорошо относилась. Вот, Сергей Александрович, Юлия Павловна, кто еще у нас? Алексей Владимирович, он был человеком очень острожным, но, наверное, в принципе, неплохо, но без всяких...

– О Григулевиче вообще говорить не хочу. Ну что любопытно? Очень же смешно, его главная, хотя бы эта знаменитая история с членкорством, но Григулевич же считал себя почти равным Кнорозову. Ну о чем говорить? Я не хочу. Он уже, потом слишком хорошо известно, как я к нему относилась, потому что последние годы были серьезные конфликты, поэтому... Знаете, как говорится, «о мертвых или ничего, или хорошо». Bene – не могу, поэтому ничего не буду говорить. Цитируя Кнорозова, эта сволочь считала, что все должны быть его любовницами. Это совершенно, это абсолютно.

– Так что меня потрясает, что для Юрия Валентиновича это было неожиданностью, но, правда, вряд ли к нему он обращался с такими предложениями. Ой, я не могу. Анекдот. Значит, он рассвирепел, да?

Григулевич – это специфическая кэгэбэшная личность, очень специфическая кэгэбэшная личность. Я судорожно вспоминаю, а наверное, Окладников ездил в Копенгаген. Потому что, ну Бог с ним, ладно, это легко установить по составу конгресса, там должно быть. А вы знаете, почему мы не поехали в Коста-Рику? Из-за, протестов, да. Я помню. И Окладников мне еще так сказал, говорит: «Ну, ничего, перенервничали?» «Я перенервничала? Да мне обидно!» Нет, ну, конечно, обидно, представляете, в 60-е годы, в те времена, конечно, было обидно. И еще Ирина Золотаревская мне говорила про Окладникова: «Ой, когда он во главе, это всегда очень хорошо». Когда мы там сидели в ресторане, в «Праге», днем обедали, я говорю: «Мне надо». Он говорит: «Да ничего, вы скажите, что мы решали проблемы, связанные с костариканским конгрессом». И для него, зачем он нас туда приволок? Чтобы поговорить о нынешних делах, чтобы никаких у нас проблем, мы традиционно делим поровну, у нас на троих сумма, делим поровну, он еще смеялся, я не помню, кто говорил, он или Юрий Валентинович: «Ей больше надо».

– Вот, конечно, Юра был глубоко несчастный человек, и сам он себя не мог переделать, но это, по-видимому, было невозможно, иначе он не

мог, правда? Я только знаю, что с его стороны я чувствовала огромное какое-то сочувствие такое вот, самое хорошее. И от меня он выслушивал иногда такие вещи, которые, я так полагаю, от других слушать не стал бы. Нет, нет, нет. Жена его жива? А дочь его? А дочка нездоровая?

– Теперь я понимаю, потому что, ну как бы вам сказать, до какого-то времени Юра всегда, когда приезжал в Москву, он ко мне там приходил, мама его хорошо знала. А вот как мы перебрались сюда, мы здесь уже 30 лет живем, здесь он ни разу не был. Как он уже был женат. Вот я про что хочу сказать: вот у него еще одно качество, он свои проблемы, вот он знал, что у меня проблемы, и проблемы серьезные и болезненные, и все, он старался уже от своих дел оградить. Я говорю, если его о чем-то спрашивала, то он: «Ничего, ничего, все нормально». Да, да. Он не хотел, чтобы кто-то что-то знал. Причем я немножко удивлялась, я говорила: «Юр, ну, так сказать...»

– Нет, нет. Он последнее время отстранился, да, от Зубрицкого. Я прямо скажу, когда он ко мне в квартиру приходил, я тогда могла ему даже сказать: «Юра, если негде остановиться, то бога ради». И он как-то спокойно приходил, с Игорехой – поразительно. Он маленький совсем был, и я помню, я что-то вышла, а они сидят на кухне друг напротив друга, я вхожу так сосредоточенно, посмеялась, говорю: «Юра, вы не пойдете в няни?»

– Да-да, но тут еще ведь сложности были с Игорехой. Нет, удивительно, ужасно жалко, но последнее время он, конечно, приезжал какой-то раздраженный, очень тяжко.

– Причем я Зубрицкому могла сказать, и я ему, помню, сказала: «Зачем же с Юрой так?» «Ну уж, ну уж, что такое? Не лезьте в наши мужские дела!» Я его очень люблю.

Алле, коллега – так он обращался к людям, когда он получил Госпремию.

От имени братства святого Франциска
В дни лауреатства я шлю вам записку,
Хотя и не знаю, угодны ли богу
В юдоли печали обретшие много,
Но все ж поздравляю, любезный коллега,
Желаю успехов

де Ланда Диего

– Когда выдвигали в членкоры – это должно быть в его личном деле, конкурентом был Григулевич – и он «обыграл» Кнорозова, чем хвастался всем.

– Григулевич был послом Венесуэлы в Югославии и должен был якобы дать пожать руку Тито отравленным кольцом. Но сам он очень боялся и не хотел – но тут умер Сталин, и все рассосалось.

Приложение 10

Мира Михайловна Геффен (по мужу Рожанская)
Запись беседы с М.М. Рожанской сделана в 2008 году. (Личный архив Г.Г. Ершовой)

– Я с ним познакомилась в 47-м году, именно в экспедиции. Значит, он учился на два курса старше нас, когда я попала на кафедру этнографии. Ну, понимаете, всегда была большая разница: мы, там, – школьники. Я поступила прямо в 45-м году, вот, в первый послевоенный год.
– В общем, я поступила на истфак в 45-м году сразу на кафедру этнографии. У нас специализация была с первого курса, а там впоследствии ее делали позже. Но у нас археология и этнография, во всяком случае, были с первого курса. И, мне кажется, повезло на профессоров, потому что еще зав. кафедрой тогда был Толстов. Он нам читал курс. Работал Сергей Александрович Токарев, Чебоксаров, Максим Григорьевич Левин. Ну, слышали вы такую даму по фамилии Шаревская? Нет. Ну, она была тоже сотрудницей нашей кафедры. Но...
Г. Е.: То есть вы поступили в сорок...
В сорок пятом, сразу после окончания войны.
Г. Е.: А вы учились в сорок пятом – это уже было в каком здании? На Бронной или...
Нет, это было на улице Герцена, 5. Да, ну, в общем, мы же бегали между Герцена, 5, где был деканат, и, значит, основным зданием на Моховой, 9, где нам читали лекции. Значит, вот, к вопросу о том, как читалось. Курсом старше нас, а сначала двумя курсами старше, училась Светлана Сталина. А потом она отстала на курс, потому что там у нее ребенок.
Г. Е.: То есть она где Кнорозов, получается, да?
– На одном курсе вначале, да. Но он появился, ведь, вот я не знаю даже, когда он появился на истфаке. Все-таки после окончания войны, то есть, он пришел не на первый курс, а на третий. В сорок третьем. Понимаете, он мне рассказывал так: что он, значит, вот в сорок третьем.
– Ну, я к вопросу о том, как я с ним познакомилась. Он такая личность неординарная. Когда он появлялся на кафедре и начинал говорить, в общем, публика замирала. Кто удивлялся, кто посмеивался, а кто слушал. В общем, вот так было. Но он был совершенно такой самостоятельной единицей, конечно. И так к нему, собственно, и относилась профессура: и Сергей Александрович Токарев, и Толстов. В общем, они прекрасно знали ему цену с самого начала, конечно. Вот, но, в общем, ходил он, ну как все ходили в то время, – значит, в военной форме, в остатках этих самых, и была у него совершенно засаленная кубанка, которую он вообще не снимал. Я расскажу: там были всякие с этим делом истории.
– В общем, да, и он поехал в экспедицию в 47-м году, ну, вроде полагалось, как летняя практика. Ну, мы все поехали по разным, с массовым энтузиазмом, а я сама попала, собственно, на эту кафедру, потому что я училась и дружила с дочерью Сергея Павловича Толстова, с Ладой Сергеевной. Мы были одноклассниками. И, в общем, вот в школьные

годы, там в 43–45-й я просто бывала у них в доме, а жили они, вот, знаете музей Тимирязевский? Есть такой биологический музей им. Тимирязева.

– Это на Грузинской, напротив почти, а вот за ним были какие-то непонятные флигели, я уж не знаю, вряд ли они были жилыми. В какое-то давнее время, потому что этот сам-то музей, здание, был особняк чей-то, я уж не знаю чей. А сзади, значит, такие со всеми удобствами во дворе. И такие приземистые, одноэтажные, такие, вот, ну, явно они были постройки подобные. Ну, в общем, там жили, вот Сергей Павлович жил, и там же жила семья. Вы, наверное, слышали такого археолога Бадера? Вот, Николай Николаевич Бадер тоже там жил. И был, собственно, сослан в начале войны, а вот семья Бадеров там так и жила. В школе, я еще маленькой помню, ну а мы, значит, ходили мы в теплое время к Ладе просто в окно. Ну зачем ходить там в дверь?! И однажды, я помню, до смерти испугались мы вдвоем, потому что лезли через окно, а нарвались на Сергея Павловича. Такой злой дядька в усах он нам казался. Значит, очень, ну, я теперь так посчитала – лет тридцать шесть. Ну, а нам было по пятнадцать – по шестнадцать. В общем, конечно, он такой здоровый, в усах. И, в общем, он, когда увидел, как мы лезем в окно, он так громко хохотал, что мы тем более пустились назад и даже хотели побежать, тут Лада вышла. Ну, в общем, вот я просто наслушалась его рассказов. А конечно, рассказывал он блестяще, и было о чем рассказать, хотя там быт был очень трудный, в общем, все было: он сам варил в печке какой-то обед для дочки, где-то он питался, а жена там очень болела, ну и так далее. Вот, ну естественно, мы, там нас два человека из класса, мы пошли на истфак и на кафедру этнографии сразу. Вот, и нам повезло, что они нам все читали, начиная с первого курса, и подробно, например, там, скажем, Левин читал антропологию. У него полугодовой курс – он читал целый год, вот в свое удовольствие, знаете: сколько хочу, столько читаю, и, в общем, я до сих пор помню этот блестящий курс. Ну, а Сергея Павловича и Сергея Александровича – никаких учебников, все это так, у меня даже где-то записи сохранились с его лекциями.

– Вот, а потом летом 46-го года я еще была, так сказать, в экспедиции с Сергеем Александровичем. Ну, это называлось условно экспедицией: на самом деле это вот здесь-то в ближайших окрестностях Москвы. Где-то, значит, Павловская слобода, представляете себе, где это? И вот от Павловской слободы недалеко там сеть деревня Веледниково. Вот в Веледниково еще электричества не было в 46-м году. И вот на наших глазах его проводили, после войны, значит, великое дело, а Сергей Александрович там снимал дачу, и мы там при нем, так сказать, были, проходили этнографическую практику. Ходили, обмеряли дома, дома еще были, такие амбары старые, в общем, было о чем рассказать и посмотреть. Это было прямо вот около самой Москвы, и потом я даже написала статеечку у нас, значит. Когда мы учились на первом курсе, мы начинали выпускать журнал какой-то курсовой. Там у нас на курсе поэты были и прозаики, и я написала как бы такой этнографический очерк. И потом нам, значит, мы еще думали, что мы, так сказать, при

послевоенной свободе существуем, но нам тут же далее по шее, это уже началось такое вот к концу 47-го года, такое вот завинчивание гаек.
– Я помню, что мне припомнили этот амбар. Ну, в общем, вот так вот, а вот в 47-м году мы все поехали в Хорезм. Там экспедиция, значит, начиналась еще до войны. Он многое сделал. Ну, я немножко о Толстове скажу, потому что он, так сказать, не последнюю роль сыграл в судьбе Юрия Валентиновича. Ну, он был совершенно, конечно, блестящим человеком с удивительным талантом. Там на него сейчас кое-кто льет все эти помои, но это, я считаю, что совершенно незаслуженно. Но есть у него там какие-то в характере, были, во-первых, недостатки, а во-вторых, ему было очень вот, как я теперь понимаю, наверное, всю жизнь страшно, потому что ведь он из казачьего рода и не как-нибудь: его дед был атаманом уральского казачества, а дядя был тот самый атаман Толстов, который тюкнул (?) Чапаева, ни больше, ни меньше, как тот самый отряд, вот и дядя тоже был совершенно блестящим человеком, как потом признали всякие военные историки, потому что потом, значит, вот, когда писали военную энциклопедию, советскую, то пытались найти материалы о нем. И он, знаете, что он сделал? Он сделал совершенно великую вещь: он, значит, сначала ушел вместе с Врангелем, потом он вернулся за своими казаками, казаки его выбрали атаманом, потому что его отец – атаман, ну он был старик и, по-моему, он был расстрелян, да он был расстрелян, кажется, к этому времени. Кстати, поверил красным, они сначала его выпустили, потом сказали, приходи к нам, но сын его сказал: «Папа, не ходи, не верь». Папа не послушался, и его, старика, расстреляли в семьдесят, там, шесть, а сын, значит, он вернулся к своим казакам, ну и в это время там, значит, их прижали красные к Уралу, и там, значит, надо было кому сдаваться, кому как, а он сказал, что он сдаваться не собирается, он пойдет, значит, за границу. И вот состоялся этот самый всликий поход. Они, значит, шли, если можете представить, вдоль Каспия, по Каракумам, значит, на юг, к иранской границе. Ну, в общем, это было что-то вроде, наверное, вот этого железного похода Серафимовича, потому что вначале, то есть он сказал, что желающие могут присоединиться ко мне, те, кто не присоединился, попали в красным, потом, значит, с ними расправились. А они даже не хотели брать семьи, ведь как военный отряд, но жена его, я знаю, она сказала, что она, а она с тремя детьми или двумя была, а третий где-то там по дороге родился, что она лучше погибать, чем оставаться, и вот они пошли так, отягощенные обозом семейным, ну там, конечно, была куча проблем, где добыть продовольствие для себя, для лошадей, т. д. А у них были, потом его обвиняли, что прихватил чуть ли не полковую казну там где-то, но он говорил, что у него были <нрзб.>, которые никто не брал там, ну, скажем, казачьим кочевникам зачем еще <нрзб.>.
– Вот, ну вот они дошли до границы и переправились, он потом написал книгу, которая называется примерно вроде того, что «Из красных лап в никуда». У него тоже был большой литературный талант, и эта очень долгое время была у нас в спецхране в Ленинке, и вот во время, в начале, значит, этой самой перестройки ее внук Сергея Павловича

добыл, и я читала фотокопию еще тогда, даже ксерокс не делали, а делали фотокопию. Ну, в общем, вот вся семья переехала, а он потом попал в Австралию. Начинал он там батраком, у него даже там какое-то ранчо было, кенгуровое или там какое, и вот приезжал его внук уже, который был врачом, где-то там у них такое землячество было интересное уральских казаков, между прочим, существует в Австралии. Вот они как-то и держатся, сейчас не знаю, даже сейчас какие-то там, но нет уже ни его, ни сыновей, там внуки, правнуки, но их довольно много.

– Вот такая вот австралийская ветвь осталась. Ну и, конечно, Сергей Павлович всю жизнь над ним это висело, ну, это, конечно, было известно там, где надо, в любой момент можно было на него воздействовать. Формально он считался беспризорником, потому что, действительно, мать умерла, а отец его умер еще раньше от туберкулеза во время Первой мировой войны. И поэтому, значит, он вырос в детдоме частично и как-то пробивался исключительно сам, никто ему не помогал, мама умерла тоже во время голода и чуть-чуть попозже, и был он в детдоме, потому что тогда ведь, ну, вы знаете даже по судьбе вот Цветаевой, многие отдавали детей просто потому, чтобы не умерли с голоду в детские дома, чтобы выжили. Цветаевой девочка была там и умерла.

– А Сергей Павлович, я знаю, что его жена, Татьяна Алексеевна Трофимова, довольно известный антрополог, они были там, и там был еще его брат, в общем, их было четыре брата. Я троих знала, четвертый погиб во время Отечественной войны, предварительно был репрессирован. Вот, мать этой самой Татьяны Алексеевны, которая знакома была с ним по детскому дому, потом стала его женой. Она сама работала в Наркомпросе, и вот она мне рассказывала, что другого способа спасти детей не было, просто они бы не прокормили, и дети погибли, а там как-то все-таки их питали, так что и ее дети были в детдоме, хотя бы вот это время. Это вот может быть, или дома бывали разные, не знаю. Вот этот они потом вспоминали с, так сказать, благодарностью. Вот, в общем, такая ситуация была. Сергей Павлович был человеком непростым, и, конечно, при этом очень честолюбивым, но чрезвычайно талантливым, так сказать, и понимаете, он никогда не боялся талантов, он их, наоборот, вытаскивал, в отличие от многих других директоров институтов. Да, Юра мне рассказывал, значит, вот к вопросу о начале его карьеры, что он оказался в сорок первом году на окопах, это правильно? В оккупации, но почему в оккупации? Потому что харьковских студентов отправили рыть окопы, и они оказались под немцами. Вот таким образом он оказался в оккупации и жил, как он мне сказал, я даже запомнила название, он оказался в такой глуши – в деревне Старая-Криуша (Воронежская обл.), такого вы не знаете, да?

Г. Е.: Дело в том, что родственники его рассказывают, что он жил с матерью и сестрой в Южном, как раз они втроем остались и потом уходили.

– Но вот он мне говорил, что была деревня Старая-Криуша, в которой он даже что-то подрабатывал, так сказать, преподавая детям, и настолько это было далеко, вообще такое захолустье, что туда немцы толком даже не приходили, то есть он оказался на оккупированной террито-

рии, но вот их не трогали как-то, вот он сидел преподавал, а потом уже как только можно было, они попытались добраться уже до Харькова, до Москвы. Но деревню Старая Кривуша, это название я помню, мы еще смеялись – такое название у деревни, но бывают не такие, знаете, я немножко отвлекусь, вот у нас сейчас, так сказать, дача – не дача, и не наша, но в опалине, в котором существует, значит, деревня, как же она называется-то, с каким-то названием, вроде некрасовского, знаете, Неурожай Тож, я забыла, я вспомню название, а рядом не пансионат, а садовое товарищество «Малина-ягодка» или «Клубничка», что-то там такое, а рядом деревня, но я забыла ее название, но до сих пор она существует. Бывало подойдешь, написано деревня такая-то. Нет, это не смешное, прямо из Некрасова. Вроде Голодаево...

Г. Е.: Горелово-Неелово.

– Да, но она еще почище, я вспомню потом, вылетело у меня из головы. Вот, так что, вот он так рассказывал, а познакомились мы с ним, прямо, значит, на истфаке, но мы-то, новички, так на него смотрели: такой вот мрачный человек в кубанке.

Г. Е.: А он был уже сутулый тогда?

– Всегда был сутулый, всегда, вот я его помню только сутулым. В разной степени сутулости, но вот был. Но у него же были какие-то родственники в Москве, вот, это правда, по-моему?

Г. Е.: Да, это его брат.

– Его брат, так вот это довольно чиновный брат. Я помню, что мы как-то к нему заходили в гости, когда он квартировал у брата, одно время.

Г. Е.: Это Вы в какой квартире?

– Знаете, на набережной. Такой высокий дом. Я помню, что мы даже как-то робели, студенты по таким домам не ходили. Да, такая респектабельная квартира, главное, у Кнорозова, который всегда норовил ночевать где-то под забором.

– Он жил в общежитии, потом где-то, вот непонятно никогда, где он жил. Он часто ночевал у разных своих приятелей. Вот у них на курсе был такой Геня Тройник, слышали? Однокурсник, который потом работал в школе, по-моему, даже директором школы. Вот у Геньки довольно часто ночевал, когда приезжал уже из Ленинграда в Москву. Вот, но, значит, в экспедиции он, значит, была такая система: все сначала ехали на раскопки к Толстову, а потом было три этнографических отряда, значит, после раскопок, вот, я ездила, слышали, наверное, с Татьяной Александровной Жданковой. Вот это первый раз в жизни я так поехала вместе с Юрой. Мы были в одном отряде. Но перед этим был еще один отряд. Перед этим был отряд, такая ленинградка была Клавдия Садовая, нет, была другая Клавдия, Задычная, знаете такую? или не помните? Она этнограф. Ну, такая, в общем, обычная, такой, знаете, музейный работник, потому что дело в том, что Институт этнографии же организовался по-настоящему только в 43-м году. Вот, если хотите, я вам дам даже почитать. Сейчас вышла книжка Рабиновича. Вы его знали? Михаила Григорьевича Рабиновича, который был ученым секретарем этого института в самом начале.

В общем, в 43-м году Толстов это организовал. А до этого ведь ну как складывалась наша этнография? Ну, гоняла как всех, музеи закрывали. Вот, был Музей народов, я помню, сейчас там, где Институт физ. проблем. Там же и здание сохранилось. И я помню, даже была остановка речного трамвайчика, если ехать по Москве-реке, под названием «Музей», а потом «Ленинские горы». Вот, и можно было подняться наверх, пойти в музей, замечательный был музей. Но его прикрыли, это я в детстве, меня отец водил, совсем в раннем детстве, почти дошкольном или раннешкольном возрасте. Вот, а часть коллекции ушла в Ленинград. Ну, наверное, все, которые удалось спасти, как всегда. Потом, был ведь у нас Музей истории религий в Москве. Тоже ликвидировали. В общем, ну, этнографов кого не посадили, те как-то разбежались, непонятно, как даже они существовали. И вот Сергей Павлович, значит, часть этнографии была при ИИМК, это назывался тогда Институт археологии – Институт истории материальной культуры.

– Вот, потом в 43-м году он организовал этот институт, в котором вначале было четыре человека: директор, четыре сотрудника. И один из них <нрзб.>. Ну, ученый секретарь и еще двое старых сотрудников, потом уже, значит, был у них какой-то закуток под лестницей, значит, кажется, в Историческом музее даже, а потом уже они, так сказать, расширялись. Толстов сам ведь появился в Москве, ну в сорок втором – сорок третьем. В 41-м, вот с начала истфака, он был профессором истфака. И вот вместе с Арциховским они пошли в ополчение. Ну, Арциховского сразу отправили назад. У него еще, помимо всего прочего, как они всегда посмеивались, он ходил иноходью: значит, правая рука – правая нога, а не наоборот. Обычно как ходят. И это, конечно, солидный профессор. Он тогда уже был... В общем, его отправили, а Сергей Павлович попал в ополчение, и под Можайском был тяжело ранен. И потом рассказывал, что он уцелел только потому, что он каким-то образом к регулярным частям прибился, к артиллеристам. И он, значит, рассказывал, что ему было и сложно, и смешно, потому что там у него в основном были мехматчики, которые каждый, значит, советовали по части артиллерийской насчет там всяких этих вот, наводки и прочего-прочего. Ну, а там советовать-то было, не до советов, надо лишь уйти их окружения. Но он был тяжело ранен и отправлен, оказался в госпитале в Красноярске, а его, значит, сочли убитым. И в 42-м году там в эвакуации в институте, ну, встали, почтили вставанием память. Ну, значит, потом он там появился, потом уже после ранения его в армию назад не взяли, хотя он рвался, он всегда говорил, что «вот ведь какая судьба: я, дед – у меня был генералом, отец – полковником, сам я до лейтенантов добрался, а дочка (у него, значит, была единственная дочь), та больше рядового все равно не потянет». Ну, в общем, вот потом он начал организовывать, к тому времени, когда я пошла учиться, он был уже и на истфаке, и директором института этнографии, в котором было уже к 45-му году не четыре сотрудника, а 20 или 24, может быть. Вот так. И он был как бы такой организационной главой этнографии. Ну, вот куда Юре поехать, туда же он и поехал. Но к археологии он, я, значит, обнаружила, так сказать, его в поезде, уже поближе. Мы ехали, нас, навер-

ное, было человек десять, наверное, ехали мы, конечно, в общем вагоне, билеты добывали, стояли ночью, менялись и, конечно, были заняты все третьи полки, в общем, а Кнорозов, значит, предложил мне тут пойти выпить пива. Я в жизни его никогда не пила, не пробовала даже, еще в войну, до войны ребенком, естественно, не пила. Ну, я говорю, да нет, как-то я боюсь. Он говорит: «Напрасно боитесь. Ну, я вас научу». Ладно. Потом значит...

Г. Е.: Он пил тогда уже, да?

– Ну, вот я Вам сейчас расскажу. Значит, мы были на раскопках, причем мы всегда посмеивались, что Юра ходил, такой, знаете, у него походка была как, мы говорили, что тигриная походка такая, неслышная, вдруг подходил так. Ну, археологию он называл земляными работами. Ну вот, пока он до нас, значит, до меня он побывал еще в одном отряде, вот с этой самой Задычной, я, к сожалению, забыла, не помню сейчас, как зовут, то ли Клавдией Ивановной, которая его жутко испугалась, потому что все пережили трудные времена. А он как будто с луны свалился, он никого особенно не слушал, занимался тем, что ему интересно – а интересного там, конечно, было много. Мы там были не просто в Средней Азии, а в среднеазиатской глубинке. Там были мазары, а в мазарах были еще даже зикры, и очень интересны были и сами мазары и по архитектуре, и потому, как там, по службе, которая была у него. Потому что вообще Хорезм отличается тем, что там всегда был широкий такой пласт архаический, даже не только домусульманский, но дозороастрийский. И в сочетании с зороастрийским мусульманством это, конечно, было все очень интересно, особенно ему.

– Мы-то были сапоги сапогами. Что мы понимали, мы, кроме того курса, который нам читали? Ну и кое-что мы почитали немножко, я была совершенной невеждой, конечно, а Юра был совершенно таким самостоятельным человеком. При нем был еще его однокурсник Миша Метельков, который вскоре умер. Он, вообще, был гораздо старше нас, старше Юры, вообще, ему было уже под сорок, с моей точки зрения дремучий, почти дед. Но он был прекрасным фотографом и ходил за Юрой хвостом, значит. Они вдвоем ходили и снимали то, что они хотели, и ходили туда, куда не они, Миша там был, так сказать, лицо подчиненное, куда Юра хотел. Вот, ну а, естественно, начальница очень волновалась, потому что у нее был свой план: обследовать там такие-то, такие-то, такие-то пункты, колхозы – по определенному плану было. Ну, вообще, колхозы, конечно, были очень интересные.

– А вот эти вот зикры, причем он не рассказывал потом, что он присутствовал при таком зикре, и, значит, его проводил шаман, демобилизованный, кстати, такой дядька в гимнастерке, ну не хотели они пускать, конечно, никаких посторонних людей, тем более это был женский зикр. Он был в полуподвальном помещении, там такой мазар самого Наби, он же хорошо известен в истории, там, где Дакан, городище, в общем, оно хорошо описано, и, конечно, он в него вцепился, потому что там вот все это и было. Вот, значит, на этом самом мазаре проходил зикр. Он говорит, ну шаман мне сказал: «Что ты пришел? Болеешь что ли?», говорит: «Болею». «Что болит?» «Голова болит». «Ну, что

хочешь, чтобы я вылечил? Ну, давай, вылечу». Значит, он взял ремень, так обмотал ему вокруг головы и натянул немножко. «Ну, болит еще?» «Болит». Затянул посильнее. «Сейчас болит?» В общем, затянул до тех пор, пока он не выдержал и сказал, что больше не болит. Значит, это он не рассказывал, значит, он просто не хотел его пускать. Но все-таки, по статье видно, что он сумел кое-что повидать, пустил, в конце концов, но понял, что это не какой-то там... Да, и статья, конечно, замечательная, это была его дипломная работа. Она, конечно, совершенно блестящая. Ну, шеф сразу, так сказать, в него вцепился, он раньше представлял себе вот именно так. Ну и в общем, когда он кончал, он и занимался, он своей Америкой. В общем, на истфаке он занимался Америкой. Этого шамана он сказал, что написал между прочим, а главная задача у него все-таки не эта. Но вот мне было очень интересно. Этот вот наш первый отряд, а потом мы были с ним....

Г. Е.: А вот Кнорозов болел чем-нибудь? Вы знаете?

– Ну, он всегда ходил, в общем, такой болезненный. Ну, вы его знали уже немолодым, ну и если даже молодым, вот так, как мы его знали, ему и тридцати тогда не было, всегда у него вид был такой, что он абсолютно нестроевой, конечно, не подлежит ничему. Сутулый, как-то покашливал, в общем, совершенно неспортивный ни в каком отношении, но вот такой живучий, глаза горят. Вот, глаза всегда горели. Ну вот потом он был с нами в этнографическом отряде уже только в археологическом. Но там было менее интересно для него, потому что там были кочевые каракалпаки, ни мазаров, ничего не было, это была почти дельта Амударьи, но просто интересно. Там потом была романтика для нас, даже очень.

– У нас была машина, нас было пятеро, ну, Татьяна Александровна, Юра, Андрианова, может быть, вы знали Бориса Васильевича? Лада Толстова и я. И вечерами мы, значит, а место было очень красивое, потому что это дельта Амударьи, это тугаи, это, значит, заросли, почти джунгли, но таких вот южных растений: тополя, там еще чего-то и даже именно в этих местах водились тигры раньше. И вообще были, я, так сказать, немножко отвлекусь, это и Юра, так сказать, заинтересовался в свое время, потому что еще в Тубкуле, когда он был столицей, потом его смыла Амударья, был небольшой краеведческий музей, в котором стояло чучело тигра, а тигры амударьинские еще до 30-х годов были. И вот там, ну это чисто этнография, там заметили сотрудники, что туда хлынула толпа женщин, женщины, ну совершенно, не то что малограмотные, а безграмотные, значит, вот такие вот каракалпачки. Ну, дело в том, что там смешанное население, там каракалпаки, казахи, узбеки и даже туркмены. Вот они пролезали под брюхом, значит, приходили, пролезали и уходили из музея. Потом оказалось, значит, что это такое поверье, что если бесплодная женщина проползет, то, возможно, она сможет родить... под брюхом тигра. Вот такая вот этнография была. Такие тигры, вот даже. Мы побаивались тигров. Но, по-моему, тигров уже не было, уже перевели. Вот, а вечером мы зажигали костер и вот садились там, кто что рассказывал.

– Любимое лакомство у нас было гоголь-моголь, который Юра еще очень любил. Яйца мы где-то добывали, и я лично его взбивала. А потом он рассказывал, рассказывали все понемногу. Но то, что рассказывал он, фактически слушала одна я, потому что Лада быстро засыпала у костра, у шофера – у него свои дела были, он, например, занимался охотой, потому что там было много кабанов. А местное население, значит, мусульмане, они их трогать не могут, поэтому они даже просили иногда пострелять, они там портят посевы, а стрелять они не могут.

– Хотя там ближе к Аралу очень там же интересная группа населения была, так называемые уральцы. Они и сейчас кое-кто остались, это потомки тех, которых еще Екатерина, по-моему, гнала. Они бежали вот после пугачевских всех дел. Так что они были русские, там староверы, бородатые, молодые вот с такими бородами ходили, нам было очень странно. Большинство из них занималось рыболовством. Сейчас уже на Арале, конечно, никакого рыболовства нет. А Юра рассказывал, вот насколько я поняла, эти самые американские идеи выкладывал. И потом мне было интересно, потому что потом, когда я уже почитала его книжки, я поняла, что я в первоначальном варианте большинство этих вещей слышала вот у костра. И рассказывал он, в общем, выходит дело, только мне. И я, конечно, разинув рот слушала, Татьяна Александровна так немножко пожимала плечами и говорила, что Юра занимается посторонними делами, с ее точки зрения. Ну, она вообще была и есть, она жива до сих пор, человек чрезвычайно добрый и очень порядочный и готовый помочь, так сказать, всем, чем может. Ну, а остальные ничего не понимали, хмыкали просто. Ну и несет какие-то непонятные вещи, там еще и математика, еще и вероятностные методы, еще там и еще чего-то, еще там статистика, вся эта филология, которая, в общем, к этнографии она, так сказать, идет в придачу.

– Ну, его американские вещи Сергей Павлович, так сказать, очень-очень одобрял, а Сергей Александрович тем более. Он формально был, по-моему, ну поначалу, да, руководителем был Токарев. Вот, и его распределили в аспирантуру. Ну, этим летом мы как раз были в экспедиции. Это, насколько я понимаю, было уже лето 48-го года. Да, я еще не договорила, как мы с ним жили потом, после отряда. Значит, мы приехали в <нрзб.>, кончился маршрут, и мы должны были ждать, вот когда Толстов приедет из археологического маршрута для того, чтобы всем вместе уезжать.

– Как-то, значит, туда мы добирались еще очень интересно, еще не было железной дороги, которая соединяет Чин-Чжоу–Кунград и выходит к Астрахани. Ее только проектировали, даже не строили. И мы ездили обычно машинами, прямо от Чип-Чжоу вдоль, вдоль Амударьи до Туркула, значит, дороги были... дорог, собственно, не было, прямо по пустыни, и там по-всякому бывало, а Сергей Павлович все-таки каким-то образом ухитрялся прилететь. Вот, а обратно мы, значит, до Ташкента долетели, а из Ташкента мы уже должны были поездом всей компанией, всей компанией ехали, мы с Юрой в одном вагоне, в одном купе точнее.

– А пока мы сидели в Нукусе и ждали их, вот он меня водил по пивным. Причем, значит, так: там в городе Нукусе всего было, как-то они его называли, вот археологи, я уж забыла, «кошмар-дыра», там было всего два таких заведения, где можно было поесть и даже, вернее, одно, «Чайная № 1», которая иногда называлась «Ресторан № 1». Ну, и еще где-то там была № 2. Значит, Юра, а мы с ним ходили вдвоем, потому что мы ждали, значит, вот пока они приедут, там два или три дня вот таких было. А мне было там 18 лет, он, соответственно, старше меня, ну, я, разинув рот, ходила за ним. Он мне говорит так: «Деньги мы получили. Вы получили?». Я говорю: «Я не получила». «А я получил». «Сколько?» «Двести рублей». Тогда были довольно большие деньги. Значит, ну, сначала было на «вы», потом мы на «ты» перешли. «Деньги-то, – говорит, – казенные». Я говорю: «Казенные». «Значит, надо их потратить, ведь они ж казенные». Значит, мы ходили на эти деньги из чайной № 1 в ресторан № 1 или как-то так. И я впервые в жизни, в общем, толком вино попробовала, какую-то поганую мадеру, тамошнюю, представляете, что это было? Значит, мы вот так вот пропивали эти самые двести рублей, казенные. Главное, что он мне, а я еще подумала, действительно, если это казенные, я не знаю, какие порядки, нет, ну, я просто никогда, у меня в руках никогда не было казенных денег. И нам тогда в экспедиции, в общем-то, ничего не платили, потому что ну какие-то экспедиционные деньги были, что-то нам дали, какие-то буквально копейки от университета, и мы были счастливы, господи, мы работаем в экспедиции, нас там кормят и нас возят, ну какие еще деньги? Нам в голову и не приходило, что за это еще можно какие-то деньги получать.

– Значит, а тут замначальника Толстова, Толстов уже был начальником экспедиции, был такой Марк Орлов. Не знаю, слышали ли вы? Вот он, ну мы его называли «великий комбинатор», то есть сейчас бы он был бы блестящим менеджером. Он потом построил Суздаль, он был архитектор, он работал в Хорезме какое-то время, потом ушел. Талант был. Талант был организационный потрясающий. Значит, он взял и дал Юре 200 рублей, а мне, ну еще какой-то девчонке деньги давать? Везут, и ладно. И мне не приходило в голову просить. То есть если бы я попросила, там, дал бы, наверное...

– Нет, он даже не думал, понимаете. Он просто об этом не думал. Все ребята, все студенты, а Юра все-таки, вот он понимал разницу между нами, всей массой этой самой студенческой, и Кнорозовым. Ну, значит, так мы деньги эти и пропили, три дня мы ходили. И тут вот он мне многое рассказывал, вот об этих своих, ему собеседник, конечно, всегда нужен. Вот из всех своих этих идей, американских и прочих, и про шамана, он сказал, что это интересно, но это, конечно, мелочь, вот он рассказал, кстати, как его шаман лечил, и там еще всякое разное. А мы еще смеялись, что вот, когда они бегали там по кладбищам, вот этот самый Метельков, который был с Юрой однокурсником, это он должен был писать диплом. Значит, мы ему предложили тему: «Роль кладбища в жизни покойника», потому что именно этим он и занимался. А потом, значит, из Ташкента мы поехали в Москву и таким-то

образом оказалось, что ни у кого нет никаких денег, может, наверное, уже все потратил, он купил, почему, он какой был, он понимал, что начальству надо билеты, там, в международный вагон, значит, кому – Сергею Павловичу, а еще, да, с нами был его брат, он был художник, Николай Павлович Толстов. В общем, Сергей Павлович его возил, вот один из рисунков – это Николая Павловича общий вид дворца.

Г. Е.: Кнорозов рисовал что-нибудь?

– Нет, никогда. Он не рисовал там. Там были, понимаете, там был художник один, там был Андрианов, он, так сказать, там его больше использовали как художника. Его первый сезон – там действительно были открыты скульптуры и фрески на стенах – вот этот знаменитый дворец. И Андрианова посадили рисовать, вот, кстати, Андрианов еще с нами был в этом отряде, забыла. Ну, он такой, он географ, его интересовала историческая география, в общем, там вот дельта Амударьи, там всякие протоки, непротоки. И Юра, он к нему очень хорошо относился, но он считал, что это, в общем, у него какие-то завихрения, конечно, все его разговоры эти. Вот, а потом вот, когда мы ехали, получилось так, что все распределились: начальство – в международный вагон, кого-то там вместе и вот, как он доставал билеты, билеты надо было доставать, кого-то, значит, в обычный, плацкартный. По-моему, так. Но получилось, что Николай Павлович обиделся, по-моему, что его не в международный вагон, а вместе, в общем, он не поехал, короче, я оказалась в купе в результате. Юра в каком-то таком, значит, последнего сорта. Ну, в результате, мы сидели все у меня в купе и, значит, ездили, вот, бегали на станциях с бидончиками, там, за борщом, еще чем-нибудь. Потому что Юра свои пропил, у меня, значит, денег никаких не было исходно, там, у начальства, оказалось тоже, что нет. Вот, на всех покупали, тогда еще ходили, картошку продавали, там, даже борщ продавали, вот, я помню, как с бидончиками мы бегали. На всю команду, значит, включая Толстова, потом собирались вот в этом мягком вагоне моем и ели борщ. Вот там вот я с ним, вот там вот мы перешли на «ты». ...Я на него смотрела так: значит, Кнорозов. Хотя, он, так сказать, сильно ухаживал за моей напарницей, но Галина Петровна Латышева, вы когда-нибудь слышали? Вот, ну, она, Галя была, действительно, очень яркая и очень хорошим человеком.

– Но он был очень робкий, за Галей, так сказать, чисто платонически ухаживал. То есть он ходил с нами, я вот на раскопках, мы работали вместе с Галей, мы с ней вместе и ходили. Галя, она была старше меня почти на семь лет. Ну, значит, Юре она более или менее ровесница, но он так, он нас сопровождал, извините, вплоть до того, что если нам надо куда-нибудь в туалет, то ему очень трудно, знаете, было объяснить. Проще было взять с собой. Галя говорила, что они иногда даже спорили, на спор, по-моему, он человек особенный, с ним никогда такого не случается. Однажды я видела ночью, как он вылез из мешка спального и крался, значит, туда на мужской горизонт своим тигриным шагом. Вот так, ну, в общем, он очень охотно со всеми контачил, если человек вот как-то захочет с ним контактировать, он это делала с удовольствием.

– У нас была такая компания, вот, уже еще через год, которая, в общем, вот Раппопорт, еще там, ну, никого уже нет, в общем, и Галя, мы все с ними с удовольствием общались, если бывали какие-нибудь вот такие сборища, какие всегда бывали после окончания экспедиции, он всегда с удовольствием приходил, а ко мне он приходил просто, значит, но в 48-м году его распределили в аспирантуру, и потом он нам писал о том, как сдавал экзамены, как его не взяли в МГУ. История была чисто его мистификация, конечно. У нас был профессор Бокщанин, который был заместителем декана. Основная его идея была не допустить, чтобы студенты ходили по истфаку в пальто. А время-то было послевоенное, и тогда все норовили ходить в пальто, все сидели в пальто, иногда накрывшись, а Юра вообще свою кубанку не снимал. Учился у нас такой поэт Валентин Берестов. Он даже написал, что «меня сквозь все препоны вверх по лестнице крутой сам Бокщанин потрясенный пустит в шапке и пальто». Да, по определению: вот такой я гениальный! Значит, Юра однажды написал нам так: «Зашел я на истфак, пошел в буфет, мне какой-то тип говорит: "Может, шапку снимете?" А я ему отвечаю: "Может, гимнастерку тоже снять?" Но, ничего, поговорили, разошлись, потом прихожу я на экзамен, смотрю – во главе стола сидит тот самый человек, который мне про шапку говорил».

– Вот, оказалось, что это Бокщанин. И Бокщанин ему сказал: «Вам не сюда, а вон туда», – и на дверь показал. Вот так вот он описал эту историю в письме, и любил потом ее рассказывать. Его и так не приняли бы, но тут история с шапкой. Конечно, это было великое хамство: не берешь человека, так хоть заранее ему скажи. А когда являешься уже на экзамен, а тебя заворачивают... Вот он и оказался, так сказать, в подвешенном состоянии...

– Да, из-за оккупации, только из-за оккупации, это было совершенно, понимаете, железно. Вот было два пункта, по которым не брали: пятый пункт и оккупация, пребывание на вражеской территории, ну еще, может быть, если ты напишешь в анкете, что у тебя там репрессированы родители, то это тоже вот такой пункт. Это было совершенно железно, только поэтому его и не брали. Значит, вот его Сергей Александрович тогда, первое время он ему давал, вот насколько, ну, он рассказывал, наверное, сам, переводами там, так сказать, чем можно пробавлялся, потом он с помощью Сергея Александровича, вот, перебрался в Питер, в этот самый музей, в котором я его, я помню, навестила один раз.

– Да, и он даже показал мне свое жилье. Это было, ну, вы представляете, значит, он строился когда-то, как строились шикарные учреждения, то есть не строился, это был Михайловский дворец, но, в общем, там было все рассчитано вплоть до квартир для сотрудников. Квартиры были, по нашим понятиям, шикарные, но потом они были разгорожены, перегорожены черти как, и вот ему досталось вот такой кусок, наверное, в половину этой комнаты, а может, еще меньше, в общем, там помещался стол, стул, вот я его там навестила, и еще чего там такое. Не было никакой кровати, я говорю «Юр, а где ты спишь?» «На столе или под столом». Ну, ему было все равно, где спать, я говорю, что он мог под забором. Он просто, ему совершенно, его это не волновало, но вот мы

все рассуждали, на столе или под столом – все-таки где же. Но там просто негде было, вот такой вот огороженный закуток, в котором только стол помещался, стол довольно длинный. Ну, я говорю, как тебе тут работается, он говорит: «Ну, как тебе сказать, значит, пока я вытряхиваю среднеазиатские ковры, все молчат». Его же в среднеазиатский отдел. Ну, как, как бы он кончил, так сказать? Ну, это, между прочим, немножко и с подачи Толстова. «Вот, как только я начинаю браться за свою американскую литературу, так эти бабы, – говорит,– моментально бегут в дирекцию, начинают стучать». Ну, то есть он выражался, может, не совсем именно так. Слово «стучать» он, может, не говорил, но докладывать. В общем, пока я выбиваю ковры, это я помню, как только я начинаю работать. И я кончила через два года после него, но у меня была примерно такая же судьба, но дело в том, что вот я знаю, что Толстов предложил ему пойти в аспирантуру и сказал так: «Юра, ты только сдай нормально, сдай, чтоб никто не придирался, сдай на «пятерки». – Значит, Юра сдавал в Ленинграде, я сдавала в Москве. Вот мы с ним сдали лучше всех, но я-то тут помалкиваю, но система была такая: значит, тогда принимали экзамены, значит, три экзамена – специальность, язык и история партии. Вот, но по каждому билету три вопроса и отметки ставили за каждый вопрос, и вот девять «пятерок» было только у Юры в Ленинграде и у меня в Москве. И нас обоих не взяли. Причем, ну, видно, что Толстов – было тяжелое время, самое-самое тяжелое – может быть, он побоялся, может быть, он не сумел. В общем, я сейчас, тогда я его винила, сейчас не виню. Нет, ну, так непросто, я расскажу, как со мной там дело обстояло-то, но Юра сдал, значит, все, как с него требовали и ничего не получилось, и я всегда ему говорила: «Знаешь, Юра, я все время горжусь тем, что меня не взяли в аспирантуру вместе с тобой».

– Вот, у меня, например, это было так: ну, меня сначала забаллотировали в университет, причем мне говорили наши (не понимаю), там мне говорил один из них, он был в партбюро, говорил, что я тебя пробил, пробил до ректората, в ректорате из этого списка, потом, значит, дальше мне, уж очень интересно выглядело распределение, но я не знаю, не хочу вас отвлекать, но, в общем, это интересно. Идет распределение, и я прихожу на распределение, меня хватает наша доцентша такая Ирина Яковлевна Писаревская, говорит, значит: «Слушай (а на меня послали заявку в Институт этнографии, на всех на нас Толстов послал заявки), ты, – говорит, – только ни в коем случае не говори, что ты хочешь в аспирантуру». «Почему?» «Ну, вот ты не говори, потому что ты получишь, знаешь, кучу неприятностей» «Ну, ладно, не скажу». Значит, начинается распределение, перед нами распределяют другие кафедры, смотрю, распределяют Восток, там им предлагают какие-то места, все они, кто может, идут в аспирантуру, одно из мест, там, в Алма-Ату, требуется историк-тюрколог.

– Вот, дошло до меня, ведь как это начиналось: «Где бы вы хотели работать?» Мы отвечаем, куда партия пошлет. Другого ответа не было. «Вот, – говорят, – тут (мне говорит председатель комиссии) в Туркмении, вот, в Совете Министров требуется этнограф». Ну, я сна-

чала говорю: «А что этнограф будет делать-то в Совете Министров?» «А этого мы не знаем». Потом я сообразила, что просто Комитет по охране памятников считался при Совете Министров, ну, они-то этого сами не знали. Я говорю, что, ну, я готова, значит, туда, но только я не знаю, что делает в Совете Министров этнограф. «Ну, ладно, нет?» «Нет». Я говорю: «А, вот, по-моему, есть место историка-тюрколога, вот, отказались от него востоковеды?» Он мне говорит: «Нет, никакого места нет. Кто вам сказал?» И Чебоксаров сидит и говорит: «Что вы, что вы, нет такого места». «Раз нет, готова я дальше». Дальше они говорят: «Вот, знаете, в Туркмению есть заявка. Там требуется тоже вроде историка-тюрколога или не знаю кто». Ну, я говорю: «Я готова в Туркмению ехать». «Так вы ж не знаете туркменского языка». Я говорю: «Я туркменского не знаю, но немножко узбекский знаю, вообще у меня есть понятие о тюркских языках, вроде, может быть, сориентируюсь». «Давайте, мы подумаем». А дальше говорит «А вы знаете, там же ведь землетрясения бывают?» А там как раз землетрясение прошло. Я говорю, знаю, я много о нем знаю, потому что мы в это время были на раскопках в пустыне и были, так сказать, совершенно в курсе всего, что там происходило. Даже нас тряхнуло за 500 километров там от Ашхабада. Вот, «выйдите, а мы посоветуемся». Потом я прихожу, он говорит: «Знаете, тут, оказывается, на вас лежит заявка из Института этнографии в аспирантуру, и мы решили, что, пожалуй, вы поучитесь в аспирантуре, а потом поедете в Туркмению». «Ну, хорошо». Вот так вот это выглядело. А потом я сдавала эти экзамены и сдала, в общем, на «пятерки». После этого мне говорят: «Две недели гуляй, потом приходи, мы тебя оформим». Прихожу, значит, что-то не то. Потехина вы не знали? Такой зам. директора, тоже умница, ну, они все такие. Потехин говорит: «Да что-то тут непонятно, понимаете, что-то в отделе аспирантуры, что-то там не так. Знаете, что, подождите, приедет Сергей Павлович». А он в экспедиции. Ну, хорошо, приехал Сергей Павлович, вот интересно, он мне тоже говорит: «Знаешь, что чего-то они там опять мутят в отделе аспирантуры, они сказали, что сейчас мест нет, вот будут дополнительные к Новому году или после Нового года». Значит, пока я зарабатывала расшифровкой керамики, там еще, чем могла, фотографией, вот. «А после Нового года мы займемся». После Нового года он начал вилять: «Знаешь, приходи в феврале, пока ничего не ясно». В феврале он говорит: «Давай в марте». В марте он говорит: «В апреле или знаешь, что – позвони сама в отдел аспирантуры». Ну, в общем, ему было как-то...

Г. Е.: А почему Вас не взяли?

– Еврейка. Самое время было. При этом моих-то коллег в экспедицию всех взяли, даже годом позже взяли Юру Раппопорта, но у него, оказывается, я потом интересовалась, мама-то русская, национальность записана по матери, хотя фамилия Раппопорт, но это никого почему-то, но они там думают не тем местом, если уж хотят быть последовательными. А вот в это же время выгнали с работы Михаила Григорьевича Рабиновича, он знаменитый человек, археология Москвы, все начало, ну как это может быть Рабинович, и вдруг археология Москвы. Ему даже

предлагали фамилию менять, еще что-то, в общем, вот такая история была. Он описывает, вот я как раз сейчас почитала, как он пытался биться. Я тоже, значит, в отдел аспирантуры пошла, они мне говорят: «Вот, понимаете, у нас нет мест по Средней Азии. Вы же по Средней Азии хотите?» Я говорю: «Необязательно, я не такой уж большой этнограф, я могу по другой специальности этнографической». «Да, вот как-то вот, ну, вы же не хотели». Я говорю: «Так меня никто ж не спрашивал», ну, и так далее. И потом я однажды говорила по телефону уже с отделом аспирантуры из дома моей подруги, и там послушала ее мать, которая сказала: «Повесь немедленно трубку, они тебя провоцируют, ты, – говорит, – не понимаешь, они тебя подведут потом под что угодно. Да не просто не отмоешься, а угодишь куда-нибудь». Вот на этом все дело кончилось.

– Ну, у меня тут все совпало с тем, что я вышла замуж, там дочка родилась, и я потом ушла в математику как-то от всего этого дела, может быть, у меня просто не хватило терпения. Ну, вообще, никто не знал, изменится ли что-нибудь, и я понимала, что, нет, ну, тряхануло меня тогда здорово, потому что одно дело, когда ты теоретически знаешь все это дело, теоретически, а другое дело, когда бьет по тебе лично. Вот, ты говоришь с человеком, и Сергей Павлович виляет, и Потехин говорит «подождите, приедет». Я потом их спрашивала, вы такие черные люди, ну, поставили бы мне тройку, и взяли бы меня. И все, и отшили. Я уже с Потехиным говорила: «Ну, ведь не хочется лицо, так сказать, терять». Никому не хочется, я удивлялась, что даже по истории партии поставили «пятерку» – они-то могли поставить все, что угодно. Ну, там, может быть, до кого-то как-то, хотя там все не срабатывало, но, в общем, вот я, я говорила ему, что вы сидели этнографы, все эти самые, все меня знали, ну, поставьте «тройку», можно и «двойку» поставить при желании. Ну, вот, они все, в общем-то, люди порядочные, но как-то. Вообще, надо сказать, что в Институте этнографии была в высшей степени порядочная атмосфера, удивительная публика была. Сергей Павлович собрал замечательный народ, понимаете, ну там всегда находились...

– Ну, я не знаю, может быть, уже был, но вот, когда я училась и вот когда первые годы, ну, они, во-первых, там был высокий процент евреев, если на то пошло, и людей всяких, так сказать, с трудной биографией. И Сергей Павлович брал всех и крутился со всеми, я даже ему в вину не ставлю. Ему надо было, скажем, спасать Левина там, спасать Гинзбурга в Ленинграде там... Сергей Александрович иногда так, вот, откроет рот, смотрит так своими небесно-голубыми и скажет что-нибудь такое, за которое... ой, знаете, у нас был такой один студент на нашем курсе на кафедре, который хотел Косвена <?> сожрать, вот Косвена тоже, так сказать, Сергей Павлович держал, и вот поэтому, у вас была версия, что он, так сказать, мешал Юре как-то защититься или что-то такое.

– Тут все было на самом деле все-таки не так, и это не только мое мнение, потому что когда Юра защищал докторскую, вот я присутствовала на этой защите, вам рассказывали о ней кто-нибудь, кроме него? Ну, во-первых, началось с того, что он, конечно, оригинален, он вышел на кафедру и говорит примерно так, может, я дословно не помню:

«Ну, которым интересно, те, наверное, почитали работу, те, ну, оппонентам – вроде им положено прочесть, ну, а остальным так чего уж – я все сказал». И пошел с кафедры, а вот, а потом уж Толстов сказал: «Ну, Юрий Валентинович, ну, знаете, все-таки не все читали, а многим интересно, может быть, вы нам расскажите?» «Ну, ладно, расскажу». Вот так это выглядело. Он так и рассказывал примерно, да? Ну, в общем, это там публика разевала рот, понимаете, что он сказал, да, в общем, я пошел.

– Ну, вот так и было. Но мы, просто мы после этого взяли его под мышки и вот увезли как раз к Андрианову и там мы это все обсуждали. Вот, в том-то и дело: это совсем не было экспромтом, и готовил это Толстов, поэтому сказать, что Толстов никак не был озабочен его судьбой, никак нельзя, потому что Толстов, он был тоже гениальный этнограф, и очень талантливый человек и знал цену людям. И Юра, ну другое дело, что, понимаете, он при этом, наверное, еще и делал карьеру, потому что он одновременно был директором института, ученым секретарем отделения, там еще что-то, еще что-то, в общем, он, конечно, и погиб из-за этого рано, потому что он же жил-то как: днем он занимался всеми этими делами, а по ночам писал, каждую ночь. Значит, ну, а для бодрости еще и выпивал. Но у него был могучий организм, но тем менее у него в сорок с небольшим, в сорок четыре, по-моему, был первый инсульт. Вот так. Просто свалил его такой режим, конечно, свалил. Ну, а был человек совершенно могучий, знаю, как он работал и как он писал, как он жил, вообще, все так. Вот, поэтому, от мне как раз хотелось о этом сказать, что сказать, что Толстов не имел к этому никакого отношения – нельзя, потому что Толстов просто все организовал. Защитить вот так, перемахнуть через эту степень кандидатскую, было просто нельзя. Я знаю из математики таких людей, которые, вот там тоже ставился вопрос, но кончались обычно разговоры тем, что «знаешь, что – лучше через год иди и защити докторскую, тебе это проще будет, чем вот так вот, чем морочиться». А это организовал Толстов, поскольку он тогда был еще достаточно влиятелен, и во всех этих самых академических кругах. Ну, вот.

– Он приезжал в Москву довольно часто. Он не всегда бывал у меня, но часто и бывал. И, в общем, когда уже во взрослом состоянии были мои дети, он на них произвел совершенно неизгладимое впечатление. Моя дочь потом несколько раз была в Ленинграде и каждый раз ходила к нему. И он даже ее таскал, вот он занимался тогда еще Чукотской экспедицией...

– Значит, в Ленинграде вот он меня водил по городу, это я помню, однажды он пришел и предложил, но тогда я не пошла, предложил мне выпить на кладбище в Александро-Невской лавре. Да, он любил. Вы тоже ходили, да? А там еще был жив в это время, в музее был фотограф такой по фамилии Моторин, ну, вот тоже такой, его, так сказать, собутыльник. Так вот, он говорит, вот мы с Моториным знаем один склеп. Ну, я говорю: «Юр, ну, я все-таки на кладбище не пойду, в склеп там выпивать – не пойду». Так что я до склепа не дошла. А так мы с ним по Питеру ходили.

– Ну вот, а в Москве он бывал, вот один из его визитов, ну видели, в каком он виде ходил? Знаете, как же ее звали, вы ее помните, наверное, его сотрудница там ленинградская, она потом уехала в Америку. Да, вот, Берта Яковлевна, вот Берта Яковлевна рассказывала, как она одевала Кнорозова. Она приходила и говорила: «Юрий Валентинович, купила ботинки мужу, вот не подходят, что делать – не знаю, денег нет, может, вы купите или может, вы наденете, может, они хоть вам подойдут. Вот так вот это выглядело. А так он ходил – костюм был какой-то серый, в общем, в каких-то подозрительных пятнах. И однажды он в таком виде, значит, пришел к нам в Москве, я говорю: «Юра, ты меня извини – из какой канавы ты, значит, только что вылез?» А он мне говорит: «А это я был на приеме у президента Келдыша». Я говорю: «Ты бы зашел сначала ко мне, я бы рубашечку постирала, я бы костюмчик или чего-нибудь там». Он говорит: «Я не понимаю, кто к кому идет, я к нему или он ко мне, в общем, мне он не нужен, а если я ему нужен, так он пусть в таком виде меня и принимает». Такая вот мистификация. Он рассказывал, я говорю: «Ну, как ты там? Зачем ты ходил к нему?» «Келдышу стало интересно, чем там занимаются и гуманитарии тоже». Вот, я не помню, в каком году, но это, наверное, в конце 70-х, да, в конце 70-х. Ну, значит, а там у него, говорит, жесткий регламент, говорить можно там только столько-то минут, а то тебя стащат с кафедры, еще он говорит, стоят два молодца, которые тебя стаскивают. Ну, значит, мне объяснили так, что он только начал говорить, его два молодца, он объяснял, стащили, потом которые, значит, Келдыш спрашивает: «А кто мне, вроде как, немножко более подробнее [может] рассказать о работах Кнорозова?» Сергей Александрович вылез. «Но его, говорит, тоже, ты не думай, его тоже стащили два молодца, но немножко позже». Ну, вот так, значит, так вот такой был визит. Но он хотел, так сказать, иметь общее представление, что делается в Академии, конечно. Ну, потом я знаю, вот он, помните, когда была такая эпопея, когда в Новосибирске решили, что они расшифровали... Да ну, Юра мне сразу сказал, что это, говорит, липа, что все это ерунда и ничего у них не получится.

– Ну, во-первых, я, говорит, был в совете по кибернетике, его ж туда двинули. Ну, я думала, может быть, они что-нибудь смогут сделать. Но я помню, что это был доклад, кстати, был математический съезд в Питере, это было, по-моему, в 61–62 году, вот так примерно, я уж не помню, можно посмотреть, и вот там на одной секции был такой доклад. Ну, и Юра пришел тоже, я была и он, значит. Вот, говорит, как он выражался: «Вот, – говорит, – эта девица в штанах (тогда мало ходили женщины в штанах), вот, девица в штанах сейчас нам расскажет про всю, значит, эту самую дешифровку». Девица говорила совершенно что-то такое... Я не знаю, в общем, эта была скандальная история, конечно. Соболев, там, но, в общем, они не понимают, я сейчас-то хорошо представляю, в чем дело, потому что, вот, понимаете, скажем, Шафаревич тоже, вот его эти самые сочинения, он же замечательный математик был, там, где он начинает в историю, потому что, понимаете, как они строят систему аксиом, ну как математик, а потом из этой системы следуют теоремы и прочее. Но как выбирать эту систему аксиом? – вот ведь в чем вопрос.

– В общем, как всегда, вот непонятно было: приходит Кнорозов, он часто заходил, ну, в институт, журнал там надо было туда-сюда, поговорит, его, кстати, говоря очень любили в редакции, может вы поговорите, если вам интересно, я вам дам. Вы с Хорошаевой не говорили? Ну, ей, трудно. У нее ситуация-то вообще очень трудная. А сейчас, кроме сына, еще и тетка, которая с ней жила всю жизнь, ей за 90 уже, и Ира одна, понимаете. Игорь, от которого нельзя отойти действительно. Ну, она очень любила Юру, и надо сказать, что он, вот она говорила такое странное дело, ну не странное, это понятно, если человек хороший, это все ясно – он приходил к ней, и Игорь, вот этот больной мальчик, всегда к нему тянулся. И он умел с ним разговаривать, понимаете, это очень трудно, я сама знаю, я-то с Игорем умею, но, в общем, трудно.
– Вот поэтому он еще к шаману так рвался, да? Лечил. Ну, вообще, взгляд у него такой, что он может быть. Но мистификатор он был отчаянный при этом. Вы знаете, на этих самых раскопках была такая беседа, значит... (запись обрывается) ...Мы его звали Юрий Александрович, а по-настоящему его звали Юрий Асилесович и поэтому Асилесовича он стеснялся. Ну, вот это было после все, но он был многолетним сотрудником Института этнографии, его тоже Толстов вытащил, он бы попал, знаете, когда греков принудительно выселяли с Черноморского побережья, в общем, Толстов его откачал. Мне еще хотелось бы, чтобы вы все-таки оценили Толстова, потому что я-то его оценила. Он делал, что мог, тогда он не смог, но пытался. Я помню вот это выражение «Только сдай получше». Но тогда это история, когда его выставили прямо, можно сказать, с экзамена, хамская, конечно. Ну, у меня тоже, еще дали сдать экзамен. Но они надеялись, понимаете, они все эти вот, а вдруг пройдет, а вдруг Толстов там как-нибудь пропихнет. Никто не хочет быть палачом. Это вот Рыбаков, так сказать, вот он любил сказать, как есть, в общем, был мелкий человек, конечно.
– Туда, к Масону, да? Он взял? Ну, понятно, ну, боятся, боятся, человек непредсказуемый был всегда.
– О Юре можно говорить только с удовольствием, потому что ну, это в общем, так сказать, вдохновение гениальности я вот уловила тогда в экспедиции, у меня вот поэтому так и остались эти светлые воспоминания...

Приложение 11

Лидия Тихоновна Мильская

Комментарии Л.Т. Мильской были предоставлены при публикации статьи: *Ершова Г.Г.* Юрий Валентинович Кнорозов // Портреты историков. Время и судьбы. М.: Наука, 2004. С.474-491. (Личный архив Г.Г. Ершовой)

Надеюсь, что некоторые сведения о кратком, но важном периоде жизни Ю.В. Кнорозова не будут излишними, ибо этот период полностью опущен в известных мне публикациях о нем.

Осенью 1943 г. Московский университет вернулся из эвакуации, стали возвращаться и студенты. Истфак начал новый учебный год 1 октября в здании школы на Большой Бронной. Вернулась и я. И вот в середине октября моя одноклассница и однокурсница Т.В. Степугина, ныне доктор исторических наук, специалист по древней истории Китая, познакомила меня со студентом нашего II курса, в очень потрепанной солдатской шинели, весьма необычной внешности и манеры вести себя – странного сочетания угловатости, резкости и старомодной воспитанности. Кнорóзов, – рекомендовался он, помедлив, пока я протяну ему руку (именно с этим произношением своей редкой фамилии; теперь его называют Кнóрозов).

Довольно быстро мы познакомились с интересами друг друга, но о жизненных обстоятельствах не говорили. Однако я спросила, имея в виду его шинель, давно ли он демобилизован. «Эта шинель помогла мне с матерью бежать от немцев из Харькова и перейти линию фронта». Его тон исключал дальнейшие расспросы. На чей-то вопрос: «Вот вы уже нашли себе друзей?» он ответил: «Мы не дружим, мы товариществуем. Нас объединяют сии три: поэзия, живопись, и музыка». Всегда обращались друг к другу на «вы», имена почти никогда не употреблялись.

Вместе мы работали в практикуме по истории Древнего Востока у профессора В.И. Авдиева, который очень быстро разглядел необычного студента и, строго говоря, обращался на занятиях только к нему. Ю.В. выбрал себе для доклада древнеегипетского путешественника Синухета, от имени которого и получил свое прозвище. Когда Авдиев писал на доске египетские иероглифы, взгляд Ю.В. – Синухета настороженно загорался, он как бы полностью выключался из обыденной жизни. Но не только иероглифы, которые он быстро научился читать, его привлекали. Его как магнит влекла к себе всякая письменность, даже графология: за гроши он покупал у букинистов истрепанные до последней степени руководства и определял характер по почерку, с особым интересом определяя его изменения, относясь к этому вполне серьезно. Во время зимней сессии мы втроем готовились к экзамену по этнографии, пользуясь признанным учебником Харузиной – по поводу этого руководства Ю.В. высказался достаточно резко, сожалея об отсутствии «настоящих пособий и книг...»

Его мышление было пронизано даже не сознанием, а глубоким ощущением историчности человека. Так он поведал нам, что задумал исследование (у него не было других обозначения любой своей работы и манеры мыслить) истории поцелуя у всех народов, где будут сочетаться история и этнография. На мое возражение, что это может быть этнографической, но не исторической в строгом смысле слова работой, он резко ответил, «человек только потому человек, что он живет в истории и все, буквально все его проявления – историчны». Его размышления в этой сфере были прерваны во время весенней сессии 1944 г. – он был призван в армию. Сначала он служил в Москве, где-то в районе Пресни, и несколько раз навещал нас с Т.В. Степугиной: не затрудняя себя получением увольнения, он перелезал через высокий забор, чтобы поговорить о весьма отвлеченных предметах, например, о роли страха в человеческой жизни и истории. Любопытно, что его наблюдения чем-то напоминали Кьеркегора, о котором мы тогда и не слыхивали. Затем последовало наступление на Запад. Писем он не писал. Мы разошлись по разным кафедрам – и наш триумвират распался. Позднее, узнав о его легендарной защите, я вспоминала, как в ответ на мой рассказ о жалобе однокурсницы, что она не может писать доклады, так как у нее нет письменного стола, он коротко рассмеялся и сказал: «Я могу заниматься наукой, даже вися на подножке переполненного трамвая...» Он был создан для научных открытий – вопреки всему.

Приложение 12

Сергей Александрович Токарев
(Опубликовано в журнале «СМЕНА» № 674, Июнь 1955 г.)

РАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

...В конце марта 1955 года на заседании ученого совета Института этнографии Академии наук СССР Юрий Валентинович Кнорозов защищал диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Я слушал и невольно вспоминал осень 1943 года. Тогда, во время своей очередной лекции, я впервые познакомился со студентом II курса исторического факультета Кнорозовым.

Вскоре студенту пришлось прервать учебу: он ушел на фронт. И только в 1945 году, вернувшись из армии, он продолжил занятия в университете. И вот Юрий Валентинович уже защищает диссертацию со сложным названием «"Сообщение о делах в Юкатане" Диэго де Ланда как историко-этнографический источник». Это исследование построено на изучении книги францисканского монаха-ученого о древнем индейском племени майя. Что же привлекло внимание Кнорозова к этой книге, написанной в 1566 году?

Мы сидим в переполненном зале и с огромным интересом слушаем диссертанта. Древние племена майя, жившие за сто лет до нашей эры, уже тогда достигли значительных успехов в развитии ремесел, торговли, искусства, науки. Выведенные ими культурные растения – кукуруза, томаты, какао, табак – распространились по всему земному шару.

В начале XVI века началось завоевание испанцами Центральной Америки, в частности полуострова Юкатан, где жили племена майя. Диэго де Ланда был главой францисканской миссии и организатором инквизиции в Юкатане. Одной рукой он писал исследования о древней индейской культуре, а другой – безжалостно уничтожал эту культуру, сжигал бесценные иероглифические рукописи.

Ю.В. Кнорозов показал звериный облик этого «исследователя», умевшего быстро менять мантию ученого на одеяние инквизитора. Варварская деятельность испанских конквистадоров и монахов привела к тому, что древняя письменность майя почти полностью исчезла. До наших дней дошли только три рукописи, написанные волосяной кисточкой на высушенных листьях фикуса. Они бережно хранятся в музеях Дрездена, Мадрида и Парижа. Кроме рукописей, уцелели еще надписи на камнях и развалинах древних городов.

Ученые США, Германии, Франции и других стран много раз пытались расшифровать загадочные письмена. Но за целый век им удалось определить только несколько знаков, изображающих цифры, календарные даты и имена богов. Среди буржуазных исследователей возникло даже мнение, что прочесть иероглифы майя вообще невозможно, так как они будто бы не подчиняются никаким грамматическим нормам. Но молодому советскому ученому удалось разбить эту

«теорию», практически доказать ее полную несостоятельность. За несколько лет работы он «оживил» первобытные иероглифы, заставил заговорить их.

Как это ему удалось? Секрет успеха Кнорозова заключался в том, что он пошел по единственно верному пути. Разработанная им теория иероглифического письма полностью основана на марксистско-ленинском методе познания. Ученый опирался на положение диалектического материализма о том, что язык и письменность возникли и развиваются в неразрывной связи с трудовой деятельностью людей, их общественным строем. Кнорозов правильно решил, что для расшифровки письменности майя необходимо сопоставить ее с другими иероглифическими образцами древнейших центров цивилизации (Египет, Китай).

Уже первые сравнения показали исследователю, что он не ошибся. Путем кропотливейших сопоставлений он убедился, что в начертаниях иероглифов и в методе выражения мысли у разных народов есть много общего.

Юрий Валентинович установил, что общее количество иероглифов письменности майя составляет двести семьдесят. Из них сто знаков встречаются весьма редко. Значит, нужно было разгадать сто семьдесят иероглифов, связанных с изображением трудовых процессов индейских племен.

Шаг за шагом проникал Кнорозов в тайну древних письмен. Темперамент настоящего ученого, удивительная интуиция, смелость и гибкость мысли, яркое научное воображение сделали свое.

Теперь человечество узнает историю древних городов-государств, познакомится с высокой культурой целой народности. Кнорозову удалось не только разгадать значение каждого иероглифа, но и прочесть ряд фраз. Нет сомнения, что все ценнейшие памятники письменности древней индейской цивилизации будут прочитаны и изучены. По-новому раскроется перед нами история племен, живущих на полуострове Юкатан, где еще и сегодня потомки древних индейцев – трудолюбивые пеоны – гнут спины от зари до зари на фруктовых плантациях американской монополии «Юнайтед фрут компани».

Всем присутствовавшим на заседании ученого совета было ясно, что речь идет не только о талантливой диссертации, но и о большом научном открытии. Ученый совет решил присвоить Юрию Валентиновичу Кнорозову степень не кандидата, а доктора исторических наук.

Приложение 13

Ирина Константиновна Федорова

Тексты мемуаров И.К. Федоровой, любезно предоставлены для публикации ее дочерью Ольгой Михайловной Федоровой в 2017г. (Личный архив Г.Г. Ершовой).

1
ВКЛАД ЮРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА КНОРОЗОВА В ИЗУЧЕНИЕ САМОБЫТНОГО ПИСЬМА РОНГОРОНГО

Именно он первым доказал, что рапануйское письмо не пиктография, не идеография, а ранняя фаза настоящей иероглифической (морфемно-силлабической) письменности, возникшей в начальный период становления государственности в Полинезии.

При дешифровке иероглифического письма я использовала методологию изучения древних систем письма, разработанную в 1950-х гг. Ю.В. Кнорозовым на примере письменности древних майя. В статье 1956 г. (совместной с Н.А. Бутиновым) он применил ее при рассмотрении некоторых особенностей рапануйского письма, положив тем самым начало его дешифровке в узком смысле, и дал предварительную характеристику системе письма острова Пасхи. Однако он не дошел в своем определении характера ронгоронго до того вывода, который удалось сделать мне позже, в 1995 г., а именно до омонимического принципа ронгоронго.

К сожалению, Юрий Валентинович не терпел возражений и неуклонно отстаивал свое мнение и свой путь поиска истины (прежде всего в дешифровке).

Юрий Валентинович при своем несколько замкнутом характере любил детей и кошек, несмотря на постоянную нехватку времени сам возился с подаренной ему нами сиамской кошкой Асей и ее потомством. Мы купили ее в 1970 г. у женщины, которая продавала котят возле зоомагазина на Владимирском проспекте. Котенок редкой в то время сиамской породы стоил три рубля. Сиамок в Ленинграде еще было мало, моя дочь вообще впервые увидела такую кису с шоколадной мордочкой и лапками. В общем, мы не устояли и купили для Юрия Валентиновича – себе мы взять ее не могли, у нас уже была кошка, а жили мы в коммуналке. Через год-полтора у нее появились котята, и когда мы были у Юрия Валентиновича в гостях, я сфотографировала его с кошкой на руках, а потом и свою Олю, тискающую сиамку, и кошку с котенком на продранном ими одеяле. А Юрий Валентинович сфотографировал нас с Олей.

Друзей у него было мало, а вот кошек он любил, и разве это удивительно? Ведь кошки какие-то особенные существа, все эти кошки с горящими зеленоватыми глазами, все понимающие и завораживающие своим особым неподвижным взглядом хозяев. У Юрия Валентиновича были похожие глаза. На его лице обычно была печать усталости от научной работы по ночам, но его зеленоватые глаза всегда упорно сверлили собеседника.

Кошки околдовывают нас и поселяются в нашей душе – не только в квартире. Кстати, свою кошку Асю он стал называть Миссис, когда у нее родились котята.

У него была еще и черепаха, которую он брал с собой в институт, где она сидела в ящике из-под библиографических карточек. В наших кабинетах стояли каталожные шкафы, где в ящиках помимо рабочих картотек мы держали всякую мелочь, например мыльницы с мылом. Вот в таком ящике, задвинутом в каталог, черепаха и сидела. А после работы на стрелке Васильевского острова он прогуливал черепаху на вечернем солнышке и кормил ее одуванчиками. В этой прогулке нередко принимала участие и я.

Большой знаток поэзии, в том числе древних поэтических памятников разных народов, он иногда с воодушевлением читал особенно полюбившиеся ему стихи. Он часто цитировал поэму кечуа «Ольянтай». Она была опубликована в приложении к переводу книги Инки Гарсиласо де ла Вега, подготовленном Ю.В. Кнорозовым и В.А. Кузьмищевым (1974).

Ему очень нравился отрывок «Юнки вышли на подмогу к тем, кто злобой к нам пылает...», который он читал драматическим шепотом с самым зловещим выражением лица.

Если он хотел выразить одобрение, то мог мрачно посмотреть и сказать: «Ну, вы работаете, как настоящий мужик», и приложить тяжелой рукой (и даже кулаком) по плечу.

У Юрия Валентиновича был очень неровный характер, но он мог быть хорошим другом и друзьям не изменял, но если уже рвал с ними отношения, то окончательно и бесповоротно.

Мне жаль, что наши пути разошлись, но это произошло исключительно из-за разногласий в методологии чтения ронгоронго, а не по причине личных обид. Когда вышла моя первая книжка с дешифровкой дощечек из МАЭ, я конечно же подарила ему экземпляр. Но он ничего не сказал, ни разу не упомянул, что вообще заглянул в книгу.

2
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ю.В. КНОРОЗОВА

Если можно говорить о научном наследии в таком специфическом деле, как дешифровка иероглифических надписей, то в российско-советско-российской этнографической науке прослеживаются несколько разных тенденций.

В течение долгого времени после открытия рапануйских дощечек с вырезанными на них значками мало кто вообще признавал, что жители острова Пасхи создали именно письмо, а не просто рисовали рыбок, птичек и человечков.

Ученый и путешественник, антрополог и этнограф Н.Н. Миклухо-Маклай не только привез из своего плавания по Тихому океану две дощечки ронгоронго с острова Пасхи, но и высказался в пользу идеографического характера этого письма: «Рассматривая ряды этих знаков, приходишь к заключению, что здесь имеешь дело с самой низкой ступенью развития письма, которую называют идейным шрифтом» («или

рисуночным идеографическим письмом», согласно термину, предложенному Б.Н. Путиловым) [Миклухо-Маклай, 1990, 67, 403].

В 1925 г. двумя дощечками, хранящимися в МАЭ, заинтересовался хранитель музея А.Б. Пиотровский, который составил небольшой каталог графем, вырезанных на них – всего 227 знаков [Piotrowski, 1925]. Третьим нашим исследователем, внимание которого привлекли дощечки ронгоронго был совсем юный Б.Г. Кудрявцев. В 1937 г. восьмиклассник 109 школы Смольнинского района Борис Кудрявцев помогал оформлять выставку, посвященную 50-летию со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая. В кружке под руководством В.Е. Краснодембского он стал изучать хинди, полагая найти в нем и санскрите ключи к письменности острова Пасхи. У Бори Кудрявцева сложилось странное представление, что в рапануйской иероглифике закодирован «рецепт выхода человека из времени» [Жамойда, 1999, 136]. «Безумная» идея, как это часто бывает, привела к побочным, но важным результатам. В 1939 г. Кудрявцев попросил сфотографировать для него дощечки из МАЭ (P и Q) и обнаружил в них параллельные фрагменты. Потом по его просьбе музей заказал фотографии таблиц, хранящихся в Бельгии и Чили, там тоже оказались параллели. Таким образом, одновременно с французским ученым А. Метро [Metraux, 1940, 402] он установил факт параллельности текстов, нанесенных на двух наших дощечках и Большой Чилийской (из Сантьяго-де-Чили). Материалы Бориса Кудрявцева (он умер во время войны в 1943 г.) позднее были опубликованы сотрудником МАЭ, профессором нашего университета Д.А. Ольдерогге [1947, 1949], хорошо знавшим Б.Г. Кудрявцева. В своей публикации он высказался за иероглифический характер ронгоронго.

Вторая половина ушедшего столетия ознаменовалась в МАЭ значительными успехами в изучении ряда загадочных письменностей – индейцев майя, киданьских текстов, протоиндийского письма.

В середине 1950-х гг. Ленинградская часть Института этнографии АН СССР (ныне МАЭ РАН), куда пришел работать Ю.В. Кнорозов (1922–1999) – молодой доктор исторических наук, на долгие годы стала «дешифровальным» центром изучения древних письменностей. Генератором идей, инициатором, вдохновителем этого был Ю.В. Кнорозов, удостоенный за дешифровку письма индейцев майя звания лауреата Государственной премии.

Ю.В. Кнорозов родился под Харьковом, в семье русских интеллигентов. В 1940 г. он уехал с Украины и поступил на истфак МГУ.

В марте 1955 г. в Москве состоялась блестящая защита Ю.В. Кнорозовым кандидатской диссертации, посвященной письму древних майя. Заседание ученого совета закончилось настоящим триумфом, – 33-летнему ученому была присуждена степень сразу доктора исторических наук. Кнорозов не остановился на достигнутых им результатах и в течение всех последующих лет жизни продолжал работать над рукописями майя. Он не только проверял и корректировал сделанные им ранее выводы, но и включал в сферу изучения и другие памятники письма, не ограничивая свои научные интересы рамками только одного региона, одной культуры.

Став организатором и руководителем Группы этнической семиотики Ленинградской части ИЭ АН СССР – настоящей школы и центра дешифровки, Кнорозов уделял также много времени и сил изучению памятников других систем древнего письма – фестского диска, киданьских надписей древней Монголии X–XII вв., протоиндийских текстов, древнего андского письма, пиктографии айнов, а также рапануйскому письму на деревянных дощечках, два образца которых хранятся в Музее антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург).

Без научных трудов Кнорозова, посвященных изучению и дешифровке письма майя, без его статей по проблемам семиотики, по общим вопросам дешифровки неизвестных систем письма вряд ли возможна была бы дешифровка дощечек кохау ронгоронго.

В середине 1950-х гг. Ю.В. Кнорозов, окрыленный успехами своей дешифровки древней письменности майя, занялся одновременно и изучением письма ронгоронго – скорее всего, пожалуй, с целью проверки правильности и универсальности своей теории и методологии изучения и дешифровки неизвестных систем письма.

Работа над рапануйскими текстами началась вскоре после возвращения Юрия Валентиновича из Копенгагена с XXXII Конгресса американистов (Дания, 1956). Там на одном из заседаний выступил немецкий ученый Томас С. Бартель, который рассказал о достигнутых им результатах изучения загадочного письма ронгоронго и сообщил, что готовит к публикации большую серьезную монографию, посвященную дешифровке таинственных знаков. Это сообщение Бартеля заинтересовало, а одновременно и уязвило самолюбие Юрия Валентиновича и Николая Александровича Бутинова (заведующего Ленинградской частью сектора Австралии, Океании и Америки), ведь русские ученые тоже уже занимались этой проблемой.

По возвращении из Дании Ю.В. Кнорозов вместе с Н.А. Бутиновым (с одобрения дирекции ИЭ АН СССР) принимаются за изучение ронгоронго – с учетом того, что было сделано их предшественниками – как отечественными, так и зарубежными.

Николай Александрович Бутинов (1914–2000), ученый-океанист, доктор исторических наук, лауреат премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Президиума АН СССР за 1987 г., в 1938 г. поступил на 1-й курс кафедры этнографии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета. В июле 1941 г. Н.А. Бутинов, который не смог уйти в армию добровольцем, был зачислен в Институт этнографии – сначала электромонтером (по своей первой специальности), а в конце октября 1941 г. в условиях блокады был назначен комендантом здания. В феврале 1942 г. Н.А. Бутинова вместе с ЛГУ эвакуировали в Саратов, где он после защиты диплома был принят в аспирантуру. С июня 1945 г. его долгая научная жизнь была связана с Ленинградской частью Института этнографии, куда после завершения аспирантуры он был зачислен на должность младшего научного сотрудника. Через год, 18 июня 1946 г., в Москве, в Институте этнографии АН СССР (его Московской части) он успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Н.А. Бутинов занимался изучением проблем первобытного общества, постоянно внося в их разработку свое новое и оригинальное видение.

Для работы над письмом ронгоронго у нас в Кунсткамере были все необходимые условия – хранящиеся в музее две дощечки (Большая и Малая), научные кадры высокой квалификации, готовые взяться за решение столь сложной задачи, а главное – согласие и поддержка дирекции ленчасти, приказом которой была создана рабочая группа, куда вошли сотрудники сектора Австралии, Океании и Америки (Э.В. Зиберт, Р.Г. Ляпунова, Д.Д. Тумаркин, Д.А. Сергеев). Руководителями всей работы были Н.А.Бутинов, возглавлявший Ленчасть сектора и Ю.В. Кнорозов. И работа буквально закипела.

Перед коллективом стояла весьма серьезная задача – до выхода заявленной Т. Бартелем книги подготовить и сдать в печать (а лучше бы и опубликовать) свой коллективный труд, содержащий все необходимые материалы по загадочному письму острова Пасхи. Хотелось обогнать Бартеля и первыми издать свой вариант.

Работа предстояла долгая и кропотливая, причем как научная, так (прежде всего) и техническая. Нужно было собрать фотографии всех дощечек (часто с помощью зарубежных корреспондентов и коллег), дать научное описание их (и самого текста, его особенностей) с указанием их сохранности, времени обнаружения, места хранения и т. п. Эта работа выпала на долю дотошной Э.В. Зиберт, хорошо знавшей немецкий и английский языки. На остальных членов рабочей группы была возложена серьезная техническая работа – фотографирование дощечек из МАЭ, пересъемка воспроизведений текстов, опубликованных в зарубежных изданиях, и прорисовка по ним знаков. Тексты нужно было сфотографировать, и не один раз, затем прорисовать, разрезать на строки, расклеить одну под другой на листах бумаги (чтобы «ликвидировать перевернутый бустрофедон» – расположить строки в привычном европейцу порядке), снова перефотографировать. Затем все тексты, представляющие непрерывный строй знаков, делились на ряды с учетом повторяющихся знаков и их устойчивых комбинаций (блоков). Были составлены таблицы повторяющихся отрывков и блоков, а также параллельных отрывков и их рядов. Под рядами Кнорозов и Бутинов понимали последовательно идущие группы знаков, в которых постоянно повторяются первый и/или последующий знак (или сочетание знаков).

По фотографиям ряды блоков были выделены не только в текстах на наших дощечках, но и на дощечках, хранящихся в зарубежных музеях.

Ради дальнейшей работы тексты ронгоронго были расклеены двумя столбцами (с разбивкой на блоки и параллельные ряды): слева основной ряд, справа – параллельные отрывки.

Всей этой технической работой с текстами руководил неугомонный Н.А. Бутинов, легко загоравшийся интересными идеями. И сейчас перед глазами Николай Александрович, высокий, стройный, в белой рубашке (это было лето 1958 г.), с непокорной прядью волос, спадающей на лоб. В это время я только что оказалась в коллективе сектора Австралии,

Океании и Америки в качестве издательского работника и очень хорошо помню этот подготовительный период перед сдачей рукописи в печать.

Автору этих воспоминаний почти 45 лет назад посчастливилось буквально с первых же дней в институте, образно говоря, окунуться в невероятно сложную и интересную работу по изучению иероглифических дощечек острова Пасхи (Рапа-Нуи), а сначала, по ознакомлению с фольклором, историей, этнографией, языком рапануйцев, без чего невозможна была бы и сама дешифровка.

Часто вспоминаю и рассказываю всем, кому это интересно, о тех последних днях лета 1958 г., когда почти весь сектор Австралии, Океании и Америки (да, тогда это был единый сектор), кроме Ю.М. Лихтенберг и В.Р. Кабо, были заняты подготовкой к сдаче в печать большого коллективного труда по текстам кохау ронгоронго. Все столы кабинета Америки были завалены книгами, фототаблицами с прорисованными белой краской знаками ронгоронго, сводными таблицами рядов знаков и их устойчивых сочетаний (блоков), а также экземплярами рукописи, обрезками фотобумаги, негативами на стекле. Над всем этим царил Ю.В. Кнорозов с напряженным выражением лица, с нахмуренными бровями, с папиросой в зубах. А высокий, худощавый Н.А. Бутинов то и дело устремлялся за чем-либо на третий этаж, в кабинет Австралии и Океании, и быстро возвращался на первый, в кабинет Америки. Э.В. Зиберт в последний раз сверяла сноски в подготовленной рукописи и просматривала свою вводную часть по историческим сведениям о дощечках.

Мне, только что принятой в штат института (ответственной за издательские дела), доверили всего лишь проставить пагинацию и подписи к многочисленным таблицам. Но все было столь необычно, что не увлечься общей работой, предшествовавшей сдаче в издательство АН СССР (ЛО), а затем в серьезном изучении дощечек кохау ронгоронго и этнографии Рапа-Нуи и других островов Полинезии, было просто невозможно. Тем более что, будучи выпускницей французского отделения филфака нашего университета, я любила филологию, изучала тексты на классической и вульгарной латыни, а также ранние тексты на французском языке.

С первого дня своего знакомства в июле 1958 г. с Ю.В. Кнорозовым, тогда еще молодым доктором наук, я была загипнотизирована не только пронизывающим взглядом серо-голубых глаз Юрия Валентиновича, его многозначительной, слегка демонической улыбкой, но, прежде всего, свойственной ему какой-то особой, сверхъестественной, казалось, силой проникать не только в тайны древних письменностей и семиотических проблем, но и совершенно неизвестной тогда кибернетики. Его взгляд из-под густых темных бровей точно буравил собеседника, желая узнать, способен ли тот понять всю глубину мысли ученого-дешифровщика, сможет ли достичь чего-либо в этой сложнейшей области научных исследований.

Вскоре трудами сектора была подготовлена рукопись, содержащая все основные материалы, необходимые для дешифровки кохау ронгоронго. Весьма обширную вводную статью к будущей книге, посвященную истории открытия дощечек ронгоронго, месту их хранения, их

охранности, подготовила Эрна Владимировна Зиберт, много работавшая в библиотеках нашей страны, переписывавшаяся с зарубежными учеными и получавшая от них и из библиотек других стран разного рода публикации и сведения. И действительно, в очень короткий срок были собраны все требуемые для дешифровки исходные материалы, многие из них были получены из-за рубежа.

Не ожидая окончания работы над текстами ронгоронго, Кнорозов вместе с Бутиновым обобщили первые результаты совместного огромного труда и поделились своими предварительными выводами относительно характера письма острова Пасхи с участниками совещания этнографов нашего города 19 мая 1956 г.

Вскоре их совместный доклад был опубликован в виде статьи под названием «Предварительное сообщение об изучении письменности о. Пасхи» [Бутинов, Кнорозов, 1956].

Анализируя дощечки ронгоронго, авторы статьи подтвердили вывод Д.А. Ольдерогге [1947] о том, что письмо острова Пасхи основано на тех же принципах, что и другие иероглифические системы письма – египетское, шумерское, хеттское, китайское, но на ранней стадии развития. Правда, в отличие от последних, писали они, в ронгоронго не передаются (или, по крайней мере, не всегда передаются) служебные слова (предлоги, частицы). Объяснить это, по их мнению, можно тем, что тексты ронгоронго написаны на «архаическом» рапануйском языке, сильно отличающемся от современного рапануи [Бутинов, Кнорозов, 1956, 90]. Подтверждение этому выводу было получено 10 лет спустя при обработке рапануйских иероглифических материалов в ВИНИТИ (Москва) в соответствии с программой, составленной Ю.В. Кнорозовым совместно с программистами.

Если зарубежные ученые (за исключением Бартеля) изучали лишь отдельные дощечки (тексты), то нашим ученым Н.А. Бутинову и Ю.В. Кнорозову удалось собрать, обработать и проанализировать буквально все тексты ронгоронго. Весь материал они подвергли формальному анализу и выявили не только повторяющиеся устойчивые сочетания знаков (блоки), но и их ряды, т. е. последовательно идущие группы знаков в которых постоянно повторяются первый (первые) или последний (последние) знаки (или их сочетания). Благодаря этому сплошной текст удалось разбить на самостоятельные группы знаков, передающих, как они считали, группы слов и даже отдельные слова [Бутинов, Кнорозов, 1956, 81–82]. Эти группы знаков – блоки и их устойчивые ряды – легли в основу работы отечественных исследователей.

Число повторяющихся сочетаний и групп знаков оказалось достаточно большим, что говорило, по мнению Бутинова и Кнорозова, о том, что рапануйское письмо фиксирует звуковую речь [Бутинов, Кнорозов, 1956, 83]. На это указывало также ограниченное количество знаков и их сильная стандартизация, большое число удвоений, отражающие особенности рапануйского и других полинезийских языков (ср., напр., рап. tuariva – «хороший», uriuri – «черный»). По подсчетам авторов статьи, число удвоений всех знаков в текстах по отношению к общему числу

знаков примерно то же, что и число слов с удвоенными морфемами по отношению к общему числу слов в рапануйском языке (15–20%).

Более того, в текстах РР и фольклорных записях – примерно один и тот же процент слов с удвоенной морфемой. Помимо этого, в текстах РР удалось выявить стойкие, как писали авторы, сочетания двух или нескольких знаков: сочетание идеограмм (т. е. знаков, передающих слова), например, знак «ariki» (вождь) и руки «mau» (держать) означает «ariki mau» – «верховный вождь». По их мнению, им удалось из сплошного текста на дощечках выделить «самостоятельные группы слов» (фразеологические сочетания и обороты) и, что еще важнее, отдельные слова [Бутинов, Кнорозов, 1956, 82]. Устойчивые сочетания, встречающиеся на разных дощечках и в разных контекстах (т. е. в окружении разных по «сюжету» групп знаков), передают, как утверждали авторы статьи, самостоятельные фразеологические единицы [Бутинов, Кнорозов, 1956, 82–86].

Вскоре уже на основе предварительного изучения текстов была высказана мысль, что для ронгоронго характерны следующие типы сочетаний:

1. Сочетания идеограмм, т. е. знаков, передающих целые слова (независимо от их морфемного состава! – И. Ф.). Уже упоминавшийся знак вождя (ariki) и знак руки (mau) передает титул верховного вождя «арики мау» (ariki mau).

2. Сочетание идеограмм и ключевого знака (последний только указывает на смысл, но не читается): так, например, знак солнца (raa) в соединении со знаком неба (rangi) читается, видимо, как «солнце», а знак неба в данном случае является ключевым и не читается (он лишь показывает, к какой группе предметов или явлений можно отнести данный объект). Как подчеркнули авторы, знак неба здесь указывает именно на то, что речь идет о солнце, а не о первой половине суток (дне). Слово «raa» в рапануйском языке означает также «день». В сочетании двух знаков – дождя (ua) и неба (rangi) рапануйцы должны были читать знак как «дождь», а ключевой (немой) знак неба указывал на небесное явление.

3. Возможны в ронгоронго, по мнению Кнорозова и Бутинова, также и сочетания фонетического и ключевого знака: например, знак идущего человека и знак неба авторы статьи считали возможным читать как слово «посылать» (rangi), причем знак идущего человека рассматривают в качестве ключевого знака.

4. В ронгоронго может иногда встречаться, полагали авторы, и чисто фонетическое написание, например, сочетание знаков солнца (raa) и дождя (ua) они прочли ra-ua – местоимение «они».

Впоследствии, правда, сплошная дешифровка, сделанная мною, этих выводов не подтвердила.

Вывод авторов о том, что сочетание трех знаков, последовательно изображающих бухту, столб и черепаху, можно читать как Ханга-о-Хону – «Бухта Черепахи» (топоним, связанный с легендарной историей заселения острова), долгие годы считался «основополагающим», даже «хрестоматийным» для всех дешифровщиков, включая и меня.

Позднее в одной из своих статей Н.А. Бутинов подчеркнул, что все сделанные им в 1956 г. совместно с Кнорозовым выводы не противоречат тому, что когда-то писал о дощечках Н.Н. Миклухо-Маклай [Бутинов. 1959, 70]. Не следует, однако, забывать о том, что в письме ронгоронго тот видел всего лишь идейное письмо («идейный шрифт», как он сам пишет), т. е. идеографию – иначе «язык понятий» [Миклухо-Маклай, I, 1990, 67].

Н.А. Бутинов особо отметил также, что, знакомясь с ронгоронго. Миклухо-Маклай обратил внимание на то, что некоторые фигуры (т. е. знаки) объединены в группы – по 2–3 знака и более, сделав, таким образом, первый шаг к делению непрерывных текстов на смысловые единицы [Бутинов, 1959, 70].

Хотя Н.А. Бутинов и Ю.В. Кнорозов были лишь в самом начале дешифровки (процесса трудного и длительного), они предприняли попытку определить содержание некоторых дощечек или их отрывков, опираясь на группы знаков, на которые обратил внимание еще Миклухо-Маклай. Так, на таблице из Сантьяго (под названием Кеити) они выделили генеалогический ряд из шести имен, от потомка к первопредку, под условным именем «Осьминог» [Бутинов, Кнорозов, 1956, 89, табл. VII]. Последние две строки, выделяемые авторами статьи после знака осьминога, имеют, по их мнению, сходство с группами знаков начальных и финальных строк текста, приведенного ими на табл. VI [Бутинов, Кнорозов, 1956, 88, табл. VI]. Текст же представляет собой, согласно статье, список растений, привезенных легендарным вождем рапануйцев Хоту Матуа. Отсюда авторы делают вывод о том, что последний предок, на котором обрывается генеалогия, прибыл на остров Пасхи вместе с вождем Хоту Матуа [Бутинов, Кнорозов, 1956, 89–90]. Это всем казалось настолько очевидным, что рисунок-таблица с «именами», выгравированными на дощечке, около 40 лет украшала стенд на экспозиции, посвященной коренным жителям Австралии и Океании. Но толкование имен, также как и названий из списка растений (иначе «ряда Хоту Матуа») [Бутинов, Кнорозов, 1956, табл. VI], знаки которого были вычерчены рукой самого Ю.В. Кнорозова, сколько-нибудь обоснованы не были.

На Малой Чилийской дощечке авторами был выделен ряд из трех групп знаков, начинающихся знаком «рыба» (ika), которую Кнорозов и Бутинов стали трактовать как «жертва» или «убитый» (ср. рап. ika – «рыба; жертва»). Иероглифы, следующие за этим знаком, должны передавать, по их мнению [Бутинов, Кнорозов, 1956, 90, табл. VIII, 1–3], имена или титулы жертв (ika):

1. В первой группе упоминается тангата ману («человек-птица», символ ежегодно избираемого военного правителя острова), имя которого вероятно передано двумя последующими знаками.

2. Во второй группе назван вождь (арики), имя которого передано знаками «поющего петуха» и «акулы», по мнению авторов, он сын вождя, указанного в третьей группе.

3. Вождь (имя его передано знаками «акулы» и «спрута», теми же самыми, что и в группе генеалогического ряда); его авторы статьи истолковали как отца вождя, указанного под № 2.

Помимо этого, авторам удалось, по их мнению, обнаружить поссессивные (указывающие на принадлежность) частицы (между именами предка и потомка), передаваемые значками «копья» и «камня».

Эта небольшая статья была не только своеобразным отчетом о том, что удалось сделать за короткий срок Кнорозову, Бутинову и их помощникам, но и программой на ближайшие годы, связанной с подготовкой «Корпуса иероглифических текстов острова Пасхи» – «Corpus Inscriptionum Rapanuicarum» – так должен был называться результат напряженного совместного труда сотрудников Ленгруппы сектора Австралии, Океании и Америки. Все иероглифические материалы в нем необходимо было дать в привычном для читателя виде (слева направо и сверху вниз), с указанием на параллельные отрывки, блоки и их ряды. Помимо этого, будущая публикация должна была включать авторские главы (или разделы), посвященные истории открытия письма острова Пасхи, изучению кохау ронгоронго и т. д. «Корпус» был сдан в издательство АН СССР (Ленинградское отделение) в самом конце лета или в начале сентября 1958 г. Я вместе с Ю.В. Кнорозовым относила папки и таблицы в издательство. К сожалению, эта работа, представлявшая большой шаг вперед в изучении ронгоронго (в ней были собраны все необходимые для этого материалы) и которая должна была выйти под редакцией профессора Д.А. Ольдерогге, так и осталась ненапечатанной. Может быть, это произошло потому, что ее все-таки опередила опубликованная в том же году в Гамбурге Т. Бартелем «Основа дешифровки письма острова Пасхи» [Barthel, 1958], на которую Н.А. Бутинов поспешил написать положительную рецензию. Или же издательство сочло за особое расточительство публиковать работу наших авторов, которые, как и Бартель, все же еще не смогли разгадать тайну дощечек. Рукопись затерялась в архиве издательства, а группа по изучению ронгоронго прекратила свою работу.

На какое-то время интерес к рапануйским дощечкам пропал, и азарт утих. Один из авторов и руководителей этой работы Н.А. Бутинов вскоре после сдачи рукописи в печать отошел от совместной работы и от общего с Ю.В. Кнорозовым взгляда на ронгоронго как на письмо звуковое, передающее речь, хотя на это указывали неоспоримые факты, опирающиеся на формальный анализ текстов (небольшое количество знаков, их сильная стандартизация, большое количество удвоенных знаков). Более того, Н.А. Бутинов пошел путем толкования отдельных знаков и их сочетаний (блоков) и целых пассажей, сопоставляя их с эпизодами мифов, легенд, а также генеалогическими списками.

Ю.В. Кнорозов со своим мрачным, как всегда, видом, предложил мне написать рецензию на новую книгу зарубежного автора (Х. Фуэнтеса) по языку острова Пасхи, и вскоре после этого, как ни удивительно, статью, посвященную особенностям рапануйского письма. Она была опубликована сначала на русском языке, почти сразу же переведена на английский язык и вышла за рубежом.

С этих первых публикаций и начался, благодаря Ю.В. Кнорозову, мой путь к дешифровке кохау ронгоронго.

Ю.В. Кнорозов как-то совершенно случайно получил меня в качестве помощницы как единственного нового сотрудника появившегося в Ленчасти Института этнографии (при замороженных в те годы кадрах), и вновь началась работа по исследованию текстов ронгоронго – в рамках изучения всех аспектов этнографии острова Пасхи.

Прежде всего, в соответствии с указаниями Ю.В. Кнорозова, нужно было еще раз подтвердить, что рапануйские дощечки является иероглифическим (т. е. морфемно-силлабическим) письмом. Ронгоронго – вовсе не примитивная система записи, вроде «эмбрио-письма» (согласно Т. Бартелю), где один знак может соответствовать нескольким «морфемам») или «бирочно-иероглифического» письма, сходного с маорийскими палками с зарубками [Бутинов, 1984].

Значительная часть каталога была сделана Кондратовым в карандашной прорисовке, а затем выполнена в туши на больших листах бумаги. Однако и эта работа не была завершена и долго хранилась в архиве Кнорозова.

Ю.В. Кнорозов был не только прекрасным знатоком культуры и письма древних майя, их рукописей, тайна которых была им разгадана, он стал стратегом и руководителем дешифровки других забытых систем письма: постоянно искал новые пути исследования, новые подходы к решению загадок, отступал и снова, по его словам, «переходил в наступление». Ведь работа дешифровщика напоминает проход через трясину сомнений, неудач, ошибок, которые ежеминутно могут сбить его с толку, лишить веры в успех, уверенности в своих силах или направить его по ложному пути – надуманных выводов, пути толкований, сопоставлений с петроглифами, фольклорными памятниками. А в силу ограниченного количества сохранившихся текстов, нерегулярности записи, недостаточной изученности особенностей ронгоронго, рапануйские дощечки в то же время представляли собой наибольшее препятствие к решению и других проблем рапануистики. К сожалению, намеченные Кнорозовым «стратегические удары на рапануйском фронте», как он любил выражаться, оказались ошибочными, но, в конце концов, поучительными для меня.

Считая ронгоронго иероглифическим письмом, Кнорозов надеялся, что подобная работа позволит выявить порядок слов и глагольные частицы (если таковые отражены на дощечках) и другие закономерности. Он упорно настаивал на таком формальном анализе текстов, несмотря на имевшиеся контраргументы. Реальных плодов для продвижения дешифровки вперед подобные словари не дали, однако впоследствии сопоставление блоков помогло выявить тождество некоторых знаков, например, 045 и 046, которые можно считать аллографами:

045 – 004 – 045 – 004 - 052 – 045 – 004 (Pv 7);
046 – 004 – 046 – 004 - 052 – 046 – 004 (Hv 5);
045 – 004 – 045 – 004 - 052 – 045 – 004 (Qv 8).

Анализируя тексты РР с целью понять сюжет текстов на дощечке или хотя бы отдельных их «пассажей», Ю.В. Кнорозов обратил вни-

мание на то, что помимо генеалогий, списков растений, на дощечках даны ряды знаков с повторяющимися инициальными или финальными знаками (с такими, как 063, 065, 081, 380, 700, и др.) Предполагаемые Кнорозовым чтения этих знаков привели его к твердому убеждению, что на дощечках приводятся списки месяцев (или сельскохозяйственных сезонов), начинающиеся знаком «топора» (рап. toki – 064), звезд (с начальным знаком 008 – hetuu), списки жертв (с начальным знаком 700, 701 – ika), данников кио с инициальным знаком 380 изображающим крысу (рап. kio < kiore – «данник»), врагов (toa) со знаком 065, изображающем toa – «сахарный тростник»)

Невозможность зафиксировать в ронгоронго переменные знаки (передающие служебные слова) заставила вести поиски по линии выделения знаменательных слов и синтаксических переменных (т. е. определений, дополнений, обстоятельств). Это привело Кнорозова к мысли о выборочном (на первых порах) словаре устойчивых блоков и их рядов.

Зато за статью «Тексты острова Пасхи», опубликованную в «Советской этнографии» в 1983 г., я была вознаграждена ударом кулака по спине – то было знаком высшей похвалы шефа – ведь в статье была сделана попытка установить не только семантику, но и чтение отдельных блоков, якобы передающих некоторые рапануйские термины.

Последней работой, подготовленной автором статьи по настоянию Ю.В. Кнорозова, был объемный (ок. 10 а. л.) словарь «механически» (без учета семантики) выделенных устойчивых блоков и рядов в порядке возрастания начальных (инициальных) знаков – по всем сохранившимся текстам ронгоронго. Целью этой работы, как считал Юрий Валентинович, был поиск «ключа» к пониманию хотя бы наиболее «прозрачных», т. е. легко толкуемых знаков.

Дешифровка любого неизвестного письма – работа трудная, требующая времени, сил и упорства. Изучение письма начинается, используя термины Ю.В. Кнорозова, с дешифровки в узком смысле. Она включает, прежде всего, определение типа неизвестного письма, его характерных особенностей, принадлежности тому или иному народу или региону. Затем исследователь переходит к выявлению порядка чтения записи и установлению языка-потомка. Дешифровка в широком смысле означает установление чтения знаков (всех или хотя бы основной их части), а затем и перевод текста (или текстов).

Дешифровка неизвестных систем письма, как любил говорить Ю.В. Кнорозов, дело «архисложное», и, находясь в начале пути, трудно выявить все характерные особенности письменного памятника и адекватно наметить тот путь, который приведет к успеху.

...Хорошо известно, что во всех древних системах письма, как писал Ю.В. Кнорозов в предисловии к сборнику «Этическая семиотика» [Кнорозов, 1986, 4] и в других своих работах, использовались омонимы для передачи понятий, которые трудно или даже невозможно передать с помощью рисунка, а также для сокращения общего количества знаков [Кнорозов, 1965, 50–51; 1968, 37, 43]. Позднее,

характеризуя рапануйское письмо, Кнорозов отметил, что ронгоронго относится к ранней фазе формирования иероглифического письма, на что указывает недостаточно стандартизованный корпус знаков, их изобразительный (почти не стилизованный) характер и аббревиатурное написание.

При дешифровке разных систем письма учитывается обычно случай возможного омонимического способа записи, но в ронгоронго – омонимия – это всеобщий преобладающий принцип передачи слов живого языка.

Дешифровка – одна из наиболее сложных областей гуманитарной науки, требующая от исследователя полной отдачи сил (умственных и физических). Это трудный процесс глубинного проникновения в особенности мыслительной деятельности древних создателей таинственных текстов. Только «вживание» в необычный мир создателей иероглифики (в данном случае еще и «ребусного» письма), в их язык, психологию поможет найти «ключ» к таинственным знакам и даст положительный результат при переводе.

У дешифровщика любого неизвестного письма в сущности один путь к раскрытию смысла непонятной иероглифической записи – проникновение в семантику знаков, в смысл самой записи, самого текста, без помощи «отмычек» в виде наскальных рисунков, мифов, легенд, которые сами по себе очень заманчивы и ценны, но относятся к иному типу фиксации и передачи информации – подменять один другим нельзя – подобные подмены приводят к антинаучным выводам.

Все другие попытки дешифровки ронгоронго (до меня и после) строились и строятся не на данном знаковом материале, а на косвенных фактах – генеалогиях, списках (месяцев, данников, растений, кланов и т. п.).

Чтобы получить сколько-нибудь убедительные результаты, дешифровщик должен посвятить любимому делу всю свою жизнь. Лишь гениальный ученый, такой как Ю.В. Кнорозов, например, мог заниматься одновременно несколькими неизученными системами письма (майя, протоиндийское письмо, ронгоронго, фестский диск), но это случай уникальный.

Именно Ю.В. Кнорозов первым разработал и обосновал новый подход к изучению древних систем письма, создал теорию и методологию изучения древних иероглифических (морфемно-силлабических) письменностей. Зарубежные ученые до сих пор не в состоянии понять всю глубину выводов его теории и поэтому не могут ею воспользоваться. А у нас она принесла свои плоды. Кнорозовым было дешифровано письмо майя, протоиндийское; позднее мне удалось дешифровать и прочитать и рапануйское письмо.

Дешифровка – это тяжелая рутинная работа, но такая работа стоит жизни!

Приложение 14

Авакьянц Галина Сергеевна
Тексты воспоминаний Г.С. Авакьянц любезно предоставлен в 2010 г. для данной публикации.

БАЙКИ БЫВШЕЙ АСПИРАНТКИ

С Юрием Валентиновичем Кнорозовым я познакомилась весной 1981 г. Конечно, это имя было мне знакомо, но я никак не ожидала, читая книги о майя, что когда-нибудь встречу того, кто приоткрыл их тайны.

Мы же говорили с ним о киданях. Сейчас, когда возник интерес широкой публики к историческим системам письма, многие слышали о них, вышли книжки. Но в 1981 г. только востоковеды и знали об этих удивительных «протомонголах». Я услышала и прочитала о них на первом курсе в порядке введения в специальность, и вдруг выяснилось, что есть группа, которую возглавляет дешифровщик письменности майя, и они занимаются и киданями.

Вот так я и стала аспиранткой Юрия Валентиновича.

Какой открылся сразу блистающий мир! «Шефуля» обладал энциклопедическими познаниями, и разговоры с ним были бесценны.

Не только история и исторические системы письма были в кругу интересов ЮВ, общие проблемы семиотики, детские рисунки как наглядная иллюстрация процесса развития письма и петроглифы айну - об этом обо всем размышлял и делился с нами ЮВ.

Вдруг выяснилось, что кабинетный ученый, который десять лет не ездил в отпуск за пределы [Ленинграда], собирается в экспедицию! И не куда-нибудь, а на Курильские острова! И не просто, а поднимется в кальдеру вулкана Хмельницкий.

Мне повезло быть с ним в этой экспедиции. О ней написано много, см. статью Г. Ершовой в «Вокруг света», и был «пуд соли», но именно там раскрылся этот благородный человек.

До экспедиции – это был просто научный руководитель, чудаковатый, как все гениальные люди, с пронзительными глазами, завораживающей манерой говорить о любом предмете. В экспедиции проявились исключительные благородство и скромность, обостренное чувство справедливости и конечно же энциклопедизм в неожиданных областях.

Начнем со времени экспедиции, Курильские острова, пустые магазины 1982 года, лето, путина, соответственно, неимоверное количество экспедиций, соответственно, слегка иронично-понимающее отношение местного населения: «слетелись на рыбу и икру». Ю.В. как лауреат Государственной премии, руководитель экспедиции АН имел возможность обратиться к местным властям с просьбой о снабжении, но это ему претило. Он сказал: «Будем есть то, что есть в магазинах», и мы питались исключительно зеленым горошком и консервами минтая и лосося. На наши слезные просьбы разрешить нам

побраконьерствовать и наловить рыбки Ю.В. отвечал отказом. (Ради правды следует рассказать, что когда местное население поняло, что эти странные столичные ученые не просят, не ловят, не достают рыбу и икру правдами и неправдами – тут-то и случились дары.)

Следующим моментом стал размер рюкзаков, учитывая, что Ю.В. в это лето исполнялось 60 лет, а мы все были моложе, то, естественно, мы стремились нагрузить шефулин рюкзак поменьше, он страшно сердился, требуя справедливости!

С этим связана смешная история. Передвижение на Курильских островах исключительно попутным транспортом, грузовики, военная техника, одним словом, что попадется. Желающие куда-либо поехать идут к автостанции и там ловят транспорт. Мы предлагали Ю.В. оставить одного человека у гостиницы с рюкзаками, а остальным пойти на станцию и потом заехать за грузом. Ю.В. сердился, в этом он усматривал желание привилегий и говорил, что раз принято идти на станцию, все и должны идти на станцию. Тогда была примера военная хитрость – рюкзаки были действительно уложены на равных. Когда Ю.В. поднял свой рюкзак... Он немедленно согласился с планом оставить сторожа с рюкзаками у гостиницы.

Другая забавная история тоже связана с его чувством справедливости.

Вернувшись из поездки на стоянку, мы обнаружили, что свободных номеров в гостинице нет. То есть у нас был номер, который мы всегда оставляли за собой и складывали свои вещи, и сколько-то дней нам предстояло прожить в нем всем вместе. Из двух кроватей одна была предложена даме, вторая – Ю.В. по старшинству, так сказать. Третий участник экспедиции собирался спать в спальном мешке на полу. Ю.В. решительно заявил, что он тоже не воспользуется привилегией и будет спать в спальнике на полу. После ужина он забрался в спальный мешок и заснул. А нам с Н.М. Гиренко предстояло вынести испортившийся мешок с малосольной рыбой, которую администратор гостиницы подарила нам как раз перед выездом на стоянку. Мы оставили его в гостинице, и рыба, естественно, испортилась. В этот вечер дежурила та самая администраторша, нам было неловко, что она увидит, что мы ее подарок выкидываем. Поэтому я отвлекала ее разговором, а Н.М. вынес мешок. Я потом к нему присоединилась, мы нашли место, куда его выбросить подальше и, довольные, веселые, возвращались в гостиницу, мечтая наконец-то отдохнуть. На пороге нас встретила администратор Наташа с милиционером с ружьем. «Куда старичка дели?» – был их вопрос. Сначала мы и не поняли, какого старичка, ибо в нашем восприятии Ю.В. никак не воспринимался «старичком», потом мы поняли, что речь идет о Ю.В., и честно сказали: «Он в номере». «Там его нет!» – был нам ответ, и под конвоем мы были сопровождены в номер.

Все разрешилось просто: пол в комнате был неровный, если открыть дверь, посередине между кроватями никого и не увидишь. А наши отвлекающие маневры по выносу мешка навели людей по аналогии с местными суровыми нравами на «криминальные» мысли.

Юрий Валентинович мог произвести впечатление человека несдержанного, спонтанного, но реальную силу его выдержки и принципов можно понять из следующей ситуации: Ю.В. вообще не любил конфликты, считая доведение дела до конфликта слабостью сторон. В экспедиции тем более. В нашем коллективе был участник, который каждый вечер прохаживался по поводу одной из национальностей нашей многонациональной страны. Фокус заключался в том, что это была национальность одного из участников. Я долго удивлялась, почему Ю.В. своей властью не одернет «шутника». Шеф хранил невозмутимость, непонятно было, слышит ли он вообще. Только после того как этот сотрудник уехал, шефуля позволил себе высказаться неодобрительно. Все это время он «не замечал» провокаций, чтобы не возник конфликт.

Еще один момент: на стоянке было шумно, все гудело. Мы все решили, что это разлетались военные самолеты, от этого и гудит, и дрожит. То, что это землетрясение, мы узнали по возвращении в Курильск. А вот Ю.В. сразу это понял, но не стал нас пугать. Однако постарался сократить пребывание на стоянке, и мы вернулись назад.

Я пишу про экспедицию, потому что в экстремальных условиях высвечивается главное! Но и вне экспедиции Ю.В. вызывал к себе такую же симпатию и бережное отношение окружающих. Это не всегда было легко, но ранимость и гениальность были очевидны.

Я не пишу о научных взглядах, но хочу подчеркнуть широту кругозора Ю.В. В процессе работы над дешифровкой киданьского письма был привлечен программист. Мы обрабатывали тексты методом кластерного анализа, когда встречались с Ю.В., программист был поражен познаниями и пониманием компьютерных методик. То же самое в области археологии: увидев кухонные кучи, Ю.В. немедленно их распознал, классифицировал и прочитал лекцию о Берингии в полевых условиях.

Мне так невыразимо жаль, что с моим отъездом наши контакты прервались. Эти воспоминания и пара статей, которые я все же намереваюсь написать, будут моим долгом перед памятью Юрия Валентиновича.

Тихоокеанские интересы Ю.В. Кнорозова

Став сотрудником ЛЧ ИЭ АН СССР, Ю.В. Кнорозов имел возможность непосредственного доступа к экспонатам МАЭ, в т. ч. к табличкам с о-ва Пасхи. То, что знаки на них – особый вид идеограмм, предположил еще Н.Н. Миклухо-Маклай, доставивший две деревянные таблички в 1880-е гг. в МАЭ. Предметы изучали зав. отделом Океании Е.Л. Петри и А.Б. Пиотровский (составивший каталог графем в 1925 г.). Член школьного кружка при МАЭ Б.Г. Кудрявцев в 1939 г. обнаружил, что на трех табличках содержатся почти идентичные изображения – тексты [Кудрявцев 1949]; его работу опубликовал в «Сборнике МАЭ» Д.А. Ольдерогге [Ольдерогге 1949]. В 1950-е гг. группой сотрудников ЛЧ ИЭ АН СССР Э.В. Зиберт, Л.Г. Розиной,

Р.Г. Ляпуновой, Д.А. Сергеевым была проделана огромная работа по сопоставлению всех известных надписей на предметах с о-ва Пасхи, знаки были разделены на блоки. Н.А. Бутинов и Ю.В. Кнорозов доказали, что часть знаков на Большой табличке из Сантьяго-де-Чили представляет собой фрагмент генеалогических записей [Бутинов, Кнорозов 1956]. Ю.В. Кнорозов пришел к выводу, что кохау ронго-ронго о-ва Пасхи – ранний вид иероглифического письма, сделал попытки применить свою методику дешифровки для толкования знаков, предположил возможную тематику надписей [Кнорозов 1957; Кнорозов 1963]. Н.А. Бутинов неоднократно возвращался к теме прочтения текстов кохау ронго-ронго. Ю.В. Кнорозов поддержал И.К. Федорову, которая под его руководством в ЛЧ ИЭ АН СССР (1958) приступила к изучению рапануйского языка и фольклора. В 1990-е гг. она предложила свой вариант дешифровки письменности о-ва Пасхи, рассмотрев ее на широком фоне полинезийской культуры и учтя особенности рапануйского языка (развитую омонимию) [Федорова 1995; Федорова 1998].

Для Ю.В. Кнорозова всегда была притягательна тема заселения Америки. Реально доступным районом исследования, наиболее близким к Америке, могли стать Курильские о-ва и о-в Сахалин, на которых ранее проживали айны. Он изучал айнов, пытался найти и следы доайнской культуры, носители которой могли иметь отношение к древней миграции в Америку. Ю.В. Кнорозов понимал, что решить вопрос путей заселения Нового Света без археологических изысканий невозможно. Он очень подробно изучал геологию Тихого океана, особо интересовался периодами геологической активности. Поскольку во время термического максимума растаяли ледники и уровень мирового океана поднялся, под водой оказались значительные территории континентального шельфа. Тем самым в океане исчезли следы миграций древнего человека вдоль побережья, и те археологические культуры, которые обнаружены на островах, проясняют только часть общей картины.

Ю.В. Кнорозов хотел увидеть Тихий океан и на себе прочувствовать, как там жили люди, чем их манили районы, прилегавшие к древней Берингии. Дальний Восток отличался особыми климатическими условиями. Внутренние районы материка не всегда были гостеприимны, хотя там можно было найти мясо и пищевые растения. Древние люди лучше жили на побережье, где выбор пищи был богаче: рыба, моллюски, ракообразные, да и морские млекопитающие регулярно попадались на мелководье. На побережье остались огромные раковинные кучи – результат многолетних трапез. Человек поэтому сначала осваивал и объедал участок побережья, затем перемещался на новую территорию. Ю.В. Кнорозов обратил внимание, что индейцы не успели завершить движение вдоль американского континента и обойти по побережью всю Америку: когда Колумб добрался до Карибского моря, араваки двигались с юга на север.

Будучи убежден, что надо хорошо знать этнографическую действительность, чтобы понимать мышление изучаемого народа,

Ю.В. Кнорозов стремился в длительные командировки на Дальний Восток. В 1979 г. он был участником XIV Тихоокеанского научного конгресса в Хабаровске, который продолжался с 20 августа по 2 сентября 1979 г. Перед конгрессом он впервые посетил о-в Итуруп. Экспедиция совершила восхождение на кальдеру вулкана Богдан Хмельницкий. Эта земля его поразила.

Ю.В. Кнорозов добивался от дирекции ИЭ АН СССР права отправляться в экспедиции на Курильские острова, где проводил по 1–2 месяца. С 1979 по 1990 г. было организовано девять таких поездок на о-ва Итуруп, Кунашир, Шикотан. В составе Тихоокеанского отряда Северной экспедиции и Курильской экспедиции Института этнографии АН СССР в разные годы Ю.В. Кнорозова сопровождали сотрудники ИЭ АН СССР Ч.М. Таксами, А.Б. Спеваковский, Г.Г. Ершова, В.Р. Арсеньев, сотрудники Сахалинского краеведческого музея В.О. Шубин, М.М. Прокофьев и др.

На Курильских островах Ю.В. Кнорозов всегда мечтал о восхождениях на вулканы. Он изучал периодичность их извержений, наличие теплых источников и минеральных вод вулканического происхождения. Эти знания пригождались на практике – в частности, когда вернуться обратно из похода до конца светового дня было невозможно, участникам приходилось ночевать прямо в горах. Тогда теплые воды, в которых можно было согревать уставшие ноги, были весьма кстати.

Каждая экспедиция выполняла свою задачу. Первая экспедиция имела целью поиск и изучение наскальных рисунков [Кнорозов и др. 1984: 226], позже проводилась и археологическая разведка, и раскопки. После обнаружения Г.М. Власовым петроглифов в кальдере вулкана Богдан Хмельницкий на о-ве Итуруп в 1948 г. наскальные рисунки стали выявлять и изучать и на других островах Курильского архипелага. Эти сведения для Ю.В. Кнорозова собирали в том числе его почитатели-курильчане.

Готовясь к экспедиции, Ю.В. Кнорозов консультировался со специалистами в Ленинграде и в Москве, изучал архивные материалы о Курильских о-вах и о-ве Сахалин. Он был убежден, что в Тихоокеанском регионе люди могли селиться только в определенных, пригодных для жизни местах. Это его предположение основывалось на том, что при сопоставлении русских и японских карт разных эпох он видел, что поселения каждой волны пришельцев оказывались на одних и тех же местах. Скалы и прибой делают многие части островного побережья недоступными для высадки с моря. Буйная растительность и густые заросли, вырастающие на вулканической почве, не позволяют никому пробиться сквозь них: даже медведь мог застрять в зарослях бамбука, который под воздействием ветров растет под сильным углом наклона.

Айны посещали определенные участки берега для охоты на морских животных и птиц, сбора диких растений, на стоянках сооружали временные жилищи для сезонных промыслов. Растения на Курильских островах отличаются гигантизмом (лопух вырастает

выше автомашины). Там растут черемша, рябина, дикий виноград, сарана, костяника, шикша, брусника, шиповник (с цветками размером с ладонь), др. Впрочем, когда прилетел первый гигантский комар, палатки экспедиции решили ставить на ветру, чтобы он сдувал насекомых подальше от людей.

В июле 1983 г. на о-в Итуруп была отправлена большая экспедиция из ЛЧ ИЭ АН СССР – Н.М. Гиренко, Г.И. Дзенискевич, Е.С. Соболева, В.И. Хартанович, Ю.К. Чистов, Ю.Е. Березкин и Л. Рооталу, а также молодой художник (Сергей Африканович), работавший с антропологами. Вся команда объединилась во Владивостоке. Там Ю.В. Кнорозов каждый раз проводил много времени, встречаясь с археологами и биологами Дальневосточного научного центра АН СССР. Перевозка пассажиров и грузов в г. Курильск осуществлялась на кораблях, для высадки на берег надо было перегрузиться на плашкоуты. Из города Ю.В. Кнорозов стремился побыстрее вырваться на природу, в места древних культур. Передвигаясь по Итурупу, в первую очередь изучали стратиграфию острова. Оборонительные сооружения, прокопанные вдоль берега на пограничных заставах, наглядно демонстрировали многослойность почвы. Там всегда имелись толстые прослойки вулканического пепла – следы мощных извержений в прошлом. Везде в изобилии обнаруживались археологические объекты, а кремневые наконечники, скребки, осколки керамики можно было вынимать из стенок траншей. Сильные ветры и дожди постоянно видоизменяют рельеф местности, археологические памятники могут исчезать естественным путем. Так и произошло на о-ве Итуруп: погребения на оз. Куйбышевское (Танковое), обнаруженные Ю.В. Кнорозовым в 1982 г., к 1983 г. были уничтожены природой. Изучение выявленного там айнского святилища и др. культовых сооружений продолжил сахалинский археолог М.М. Прокофьев. По мнению Ю.В. Кнорозова, каменные кромлехи и костровые кучи там выложены в соответствии с астрономической системой счета лунных циклов [Кнорозов 1992].

В 1988–1989 гг. Ю.В. Кнорозов, наконец, впервые на Курильских островах выявил айнский субстрат. На стоянке Янкито-I на о-ве Итуруп удалось собрать комплекс артефактов (обломки керамических сосудов, обильный каменный инвентарь, образцы пластинчатой технологии расщепления камня, пробы угля из очага). Образцы глин, угля и др. были отправлены на анализ в Ленинградскую радиоуглеродную лабораторию Института археологии АН СССР и в лаборатории США, результаты показали сенсационные датировки – возраст находок превышал 5–7 тыс. лет. Совместно с Г.И. Зайцевой, М.М. Прокофьевым, А.Б. Спеваковским была подготовлена серия статей на эту тему [Зайцева, Кнорозов 1989а, 1989б; Зайцева и др. 1989; Zaitseva, etc. 1933]. М.М. Прокофьев продолжил обработку и публикацию археологических материалов.

С большим вниманием Ю.В. Кнорозов собирал декорированные черепки культуры Дземон. Они усеивали всю поверхность земли в

районах бывших поселений, их можно было раскопать почти повсюду, даже частично собрать разбитый сосуд.

Орнаменты вообще его привлекали. Народы мира маркировали тамгами личные вещи и свои изделия, обозначали особыми знаками границы кормовых (охотничьих) угодий родовых групп. Логика рисунчатого письма юкагиров, ирокезов, индейцев Великих равнин, других бесписьменных народов, разработанная ими система сообщений, семиотика календарных и сюжетных записей очень интересовали Ю.В. Кнорозова. Но обратился он к материальной культуре айнов, использовав редкий шанс воочию изучить коллекции МАЭ, Государственного музея этнографии народов СССР, Южно-Сахалинского областного краеведческого музея и др. Выявленные на деревянной утвари, оружии (ножны) и др. предметах знаки он сопоставил с этнографической информацией об этих вещах и с мифологией айнов, высказал предположения о возможном значении некоторых изображений.

Ю.В. Кнорозов был убежден, что если один человек хочет другому что-то сообщить, то он сделает это так, чтобы другой понял. Следовательно, сообщения можно расшифровать и трактовать верно. Поэтому он детально изучал сведения о промыслах, образе жизни, мировоззрении айнов. На Курилах он легко адаптировался к окружающей среде и погружался в этнографические реалии. Зная по русским и японским источникам места расселения и историю перемещения айнов в конце XIX – XX вв., он отмечал иноэтничные влияния и различия в материальной культуре разных их групп.

Обладая прекрасной визуальной и звуковой памятью, музыкальным слухом, он понимал и умел оценить художественную ценность предмета. Не спеша, подолгу и со вкусом изучал вещь, поворачивал ее, рассматривал со всех сторон, делал важные для себя выводы. Например, на о-ве Итуруп он долго крутил в руках черепок с криволинейным рельефным налепом, а потом увидел торчащую из воды голову нерпы. Любопытное животное плавало неподалеку от берега и наблюдало за людьми. Форма его головы удивительным образом соответствовала налепу на черепке, что Ю.В. Кнорозов с удовлетворением отметил и указал на это коллегам.

Он хорошо знал местные растения, особенно эндемичные виды, изучал их фармакологические свойства, которые не могли не отразиться в айнской мифологии. Ядовитым соком аконита (растения семейства лютиковых) айны смазывали наконечники стрел; о коварности этого цветка была предупреждена вся экспедиция. Березу почитали как священное дерево. Хозяйка вяза (цикаписи) считалась матерью хозяина огня (ойна камуй), одного из важнейших духов-хозяев, покровителя, просветителя и предка айнов. Из древесины вяза айны делали прибор для добывания огня, а из дуба брали горючий трут. По мнению Ю.В. Кнорозова, хозяин огня обозначался в пиктографических надписях знаком косого креста – схематическим изображением прибора для добывания огня [Кнорозов и др. 1984: 232]

По Ю.В. Кнорозову, основной единицей пиктографического письма является сцена, передающая ситуацию, сохраняющуюся неопределенное время, или событие (как ее частный случай), которое привело к переходу от одной стабильной ситуации к другой. Каждую ситуацию возможно описать неопределенным (но конечным) количеством фраз [Кнорозов и др. 1986: 269]. Он выявил несколько типовых формул разного назначения.

Натуралистический пиктографический текст – своего рода магическая формула – содержится на внешней поверхности усодержателя – икуниси (букв. деревянная питьевая палка). Усодержатель – это плоская или фигурная деревянная пластинка длиной 20–35 см и шириной 1,5–4 см [Айнские 1998]. Этим приспособлением айны приподнимали свои пышные усы, когда в торжественных случаях пили хмельные напитки. Предмет входил в состав ритуального и праздничного инвентаря айнов. С его помощью во время ритуалов айны передавали главным духам-покровителям свои просьбы об удаче в морском и сухопутном промыслах. Ежегодно айны изготавливали для себя новые усодержатели с нужным сюжетом.

Были изучены и опубликованы усодержатели айнов о-вов Сахалин и Хоккайдо (Есо) из коллекций МАЭ [Кнорозов и др. 1986] и Сахалинского краеведческого музея. Запись сообщения начиналась после треугольной ручки – площадки, за которую владелец пальцами руки держал икуниси. Текст отчеркивался знаком коры дерева (вяза или березы) – т. е. обращением к адресату (конкретному духу-хозяину). Между начальным и концевым знаками помещался текст сообщения, сюжетом которого были хозяйственные занятия – сбор водорослей на отливе, сцены охоты, рыбной ловли, а также медвежий праздник – главный годовой праздник в честь важнейших духов-хозяев. Иногда присутствуют реалистично вырезанные узнаваемые изображения – рельефные постройки (амбар для сушки рыбы), утварь (чаши для ритуальных подношений), оружие (головка гарпуна), лодки, фигурки медведя, лисицы, тюленя, дельфина. Наличие веревочных и нитяных орнаментов можно объяснить тем, что некоторые усодержатели хранили в ножнах или завернутыми в веревки. В декоре усодержателей Ю.В. Кнорозов видел символы змей (чешуя), косатки (треугольный плавник, ласты), рыб (бычок, угорь, осиротте), птиц, стеблей и листьев аконита, фона воды, горы, возможно, календарные знаки (новолуние). Они были гравированы на поверхности пластинки, вырезаны в высоком рельефе и даже в виде скульптурок, которые можно было двигать в прорези.

Второй вид магической формулы представляют собой пиктографические знаки на камнях в местах промысла, процарапанные на разную глубину. Изображения на каменных плитах позднего времени перекликаются с группами знаков на усодержателях. Поселения айнов располагались близ источника пресной воды, обычно на левом берегу ручья. Там экспедиции обнаруживают как отдельные линейные знаки на камнях, так и размещенные группами. Вероятно, это было обращение к духам-хозяевам местности, обеспечивающие удач-

ный морской промысел. Постепенно в полосе прибоя волны в значительной степени стерли старинные петроглифы, их поиск и зарисовка представляют большие трудности. Небольшие каменные плиты с процарапанными знаками были переданы экспедициями в Курильский краеведческий музей.

Третью магическую формулу Ю.В. Кнорозов выявил на надмогильных столбах (асьни – букв. поставленный столб) айнов. Совместно с М.М. Прокофьевым он изучил собрание Сахалинского областного краеведческого музея [Кнорозов, Прокофьев 1995]. Поверхность плоского надмогильного столба айны покрывали плотной пиктографической надписью, оставляя сучок/отверстие для прикрепления инау. Инау – молитвенные палочки со стружками-волосами – вырезали из разных пород дерева, использовали в качестве посланцев для обращения к покровителям домашнего очага с целью передачи своих просьб главным духам (камуям). На столбах выявлены родовые и фамильные знаки (личную метку владельца наносили только на предметы для медвежьего праздника [Кнорозов 1986: 272]), символы, позволяющие определить пол и возраст покойного, а также календарные знаки лунного цикла. Ю.В. Кнорозов предложил трактовать изображения в целом как календарную схему и как формулу возрождения.

В общении Ю.В. Кнорозов был весьма сдержан и лаконичен. Но с теми, кто хотел его слушать, он делился своими знаниями и идеями, подробно разъяснял свой метод семиотического анализа, провоцировал творческую фантазию собеседника. При обсуждениях проблем этнической семиотики Ю.В. Кнорозов успокаивал своих коллег, объясняя, что они не смогут завершить свои исследования быстро и абсолютно верно. Он указывал, что в процессе исследования естественно постепенно выявлять и последовательно дешифровывать один знак за другим, доказывать значение того или иного символа. Его трактовки пиктографических знаков айнов основывались на долгих размышлениях и подкреплялись этнографическими основаниями.

Отпуская его в экспедицию, руководство института требовало от сопровождающего лица привезти обратно ученого целым и невредимым. Скромный и тихий Ю.В. Кнорозов мог быть весьма упрямым. Но он всегда твердо отстаивал интересы экспедиции, был внимателен к своим спутникам. Он брал с собой костюм и наградные знаки, которые надевал при визитах в официальные инстанции и на публичные выступления. Собеседников сражал внезапный взгляд его голубых глубоко посаженных глаз из-под густых бровей. Ю.В. Кнорозов полюбил Курильские острова, и курильчане признали в нем своего, просили выступить перед военными и горожанами, написать статью в местную газету «Красный маяк» [Кнорозов 1983а, 1988, 1990]. Он прекрасно умел донести свои мысли о древней истории региона до аудитории [Кнорозов 1983б]. О работе экспедиции на Итурупе знали все и вся. По возвращении, например, уже на корабле по пути на о-в Сахалин мы с удивлением выслушивали от пассажиров рассказы о самих себе и о свершениях экспедиции, которые уже превратились в

местный фольклор. Позже курильские знакомые, приезжая в Ленинград по делам, находили Ю.В. Кнорозова и приходили пообщаться с ним.

Военные на о-ве Итуруп глубоко уважали Ю.В. Кнорозова, старались подкормить его (а заодно и всю экспедицию) и экипировать, помогали с транспортом, устраивали на ночлег на пограничных заставах, офицеры специально приезжали в лагерь экспедиции для бесед. Когда археологи и антропологи завершили свою часть работы и покинули остров, четверо этнографов отправились в труднодоступные районы Итурупа. Нам была выделена боевая машина пехоты с водителем и командиром, и там, где было невозможно проломиться сквозь заросли, мы могли проплыть по водам Тихого океана. Осторожный Ю.В. Кнорозов мог не спеша часы напролет без устали шагать по мокрым камням и по тяжелым для передвижения горным рельефам, выискивая на плитах пиктографические знаки.

Полевая экипировка и сапоги шли Ю.В. Кнорозову и прекрасно сочеталась со светлым беретом, который ему подарила Анна Ахматова. Ю.В. Кнорозов галантно относился к спутницам – стремился усадить их в кабину грузовика во время длительных переездов, подсадить на шторм-трап, хотя члены экспедиции стремились сделать то же самое – подстраховать гордость отечественной науки и обеспечить для него лучшие условия. В кабинеты к высокому начальству он всегда брал с собой одну из дам – для облагораживания климата переговоров. При этом иронически высказывался насчет «бабья озверелого» и «мужичья сиволапого» как категорий, на которые подразделяется человечество. Будучи весьма упрямым, в экспедиционных условиях он был терпелив и непритязателен. Все тяготы жизни в поле выдерживал стоически – жизнь в палатке, холод, дожди, непогода и пр. романтика его никак не расстраивали, как и проблемы быта. В частности, нам самим приходилось заклеивать надувной матрас под его спальным мешком и передвигать его из луж, образовывавшихся под палаткой из конденсированного тумана. В отличие от опытных путешественников, Ю.В. Кнорозов не брал с собой посуду, считая, что поесть можно из консервной банки, а ложку самому вытесать из дерева. Во время вечерних посиделок у костра он поражал собеседников парадоксальным юмором и феноменальными познаниями, любил читать стихи на украинском языке.

Разработки Ю.В. Кнорозова в области айнской пиктографии стали рано доступны зарубежным специалистам. Как они их восприняли? В частности, он поручил мне как своей аспирантке сделать сообщение на английском языке на круглом столе Венского центра (Европейского координационного центра по исследованию и документации в общественных науках при ЮНЕСКО). Заседание 27 февраля 1985 г. в гостинице «Прибалтийская» было посвящено изучению американских коллекций в советских музеях. Участники круглого стола и удивлением узнали о новом виде рисунчатого письма и об объектах, на которых можно обнаружить айнские пиктографические знаки.

В 1990-е гг. экономическая ситуация уже не позволяла отправлять так далеко академические экспедиции. Но к Ю.В. Кнорозову продолжали обращаться за консультациями коллеги с Дальнего Востока. Курильские материалы Ю.В. Кнорозова стали особо востребованы в последние годы.

В начале 1992 г., чтобы лично встретиться с Ю.В. Кнорозовым и сотрудниками Группы этнической семиотики, в Ленинград специально приезжала группа специалистов, занимавшаяся дешифровкой письменности о-ва Пасхи — Томас Бартель и Х.М. Эзен-Баур из ФРГ, С.Р. Фишер из Новой Зеландии и другие. Они получили возможность обсудить с Ю.В. Кнорозовым и его сподвижниками проблемы этнической дешифровки и выразить ему лично уважение и признание его научных заслуг.

Литература:

Айнские коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каталог. Токио, 1998. 204 с.

Бутинов Н.А., Кнорозов Ю.В. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи // СЭ. 1956. № 4. С. 77–91.

Зайцева Г.И., Кнорозов Ю.В. Абсолютная хронология селений на островах Итуруп и Кунашир // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). Уссурийск, 1989. С. 23–24.

Зайцева Г.И., Кнорозов Ю.В. Радиоуглеродная хронология древних поселений острова Итуруп // Геохронология четвертичного периода. Тезисы докладов Всесоюзного совещания. Таллин, 1989. С. 102–103.

Зайцева Г.И., Кнорозов Ю.В., Спеваковский А.Б., Прокофьев М.М. Абсолютная хронология древних селений Курильских островов // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов. Тезисы выступлений на II археологических чтениях, посвященных памяти Р.В. Козыревой, 8–9 декабря 1989 г. Южно-Сахалинск, 1989. С. 28–29.

Кнорозов Ю.В. Говорящее дерево: Об исследованиях древней письменности острова Пасхи // Культура и жизнь. 1957. № 3. С. 38–43.

Кнорозов Ю.В. Легенды о заселении острова Пасхи // СЭ. 1963. № 4. С. 143–153.

Кнорозов Ю.В. Поиски и находки древностей Итурупа // Красный маяк. 1983. 18 августа.

Кнорозов Ю.В. К тайнам острова Итуруп // Вечерний Ленинград. 1983. 1 октября.

Кнорозов Ю.В. Древние селения острова Итуруп // Красный маяк. 1988. 20 октября.

Кнорозов Ю.В. Селения айнов на Итурупе // Красный маяк. 1990. 11 октября.

Кнорозов Ю.В. Селения айнов на острове Итуруп: по материалам экспедиции 1989 г. // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. СПб., 1992.С. 175–178.

Кнорозов Ю.В., Прокофьев М.М. Формула возрождения у айнов (опыт расшифровки знаков-пиктограмм на надмогильных столбах-асьни из фондов Сахалинского областного краеведческого музея) // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск. 1995. № 2. С. 208–221.

Кнорозов Ю.В., Соболева Е.С., Таксами Ч.М. Пиктографические надписи айнов // Древние системы письма: Этническая семиотика. М.: Наука, 1986. С. 268–295.

Кнорозов Ю.В., Спеваковский А.Б., Таксами Ч.М. Пиктографические надписи айнов // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1980–1981. М., 1984. С. 226–233.

Кудрявцев Б.Г. Письменность острова Пасхи // Сборник Музея антропологии и этнографии: [научные статьи]. М.; Л., 1949. (Сборник МАЭ; т. 11). С. 175–221.

Ольдерогге Д.А. Параллельные тексты таблиц острова Пасхи «кохау ронго ронго». Дополнение к статье Б.Г. Кудрявцева // Сборник Музея антропологии и этнографии: [научные статьи]. М.; Л., 1949. (Сборник МАЭ; т. 11). С. 222–236.

Федорова И.К. Дощечки кохау ронгоронго из Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 1995. 158 с.

Федорова И.К. «Говорящие дощечки» с острова Пасхи. Дешифровка, чтение, перевод. СПб.: МАЭ РАН, 2001. 382 с.

Zaitseva G.I., Popov S.G., Krylov A.P., Knorozov Yu.V., Spevakovskiy A.B. Radiocarbon Chronology of Archaeological Sites of the Kurile Islands // Radiocarbon. 1993. Vol. 35. № 3. P. 507-510.

Приложение 15

Вячеслав Всеволодович Иванов

Видеозапись интервью с Вяч.Вс. Ивановым сделана в Переделкино 22 июля 2007 г. для документального фильма «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов). (Личный архив Г.Г. Ершовой.)

Г. Е. *Как вы услышали о Кнорозове и познакомились с ним?*

В.В. Это было в разное время. Услышал я о нем, когда он защищался. Услышал я от Веры Николаевны Кутейщиковой, которая была оппонентом на его защите и была одной из тех, кто хотел, чтобы он стал доктором наук. И вот она рассказала всем, она была в кругу наших знакомых, она училась с моей сестрой. Но вскоре об этом писали все газеты, он стал знаменитым. Я помню, как тогда академик Леонтович, физик говорил: «Вот теперь я знаю, кого выбирать в академию, – это должен быть Кнорозов, который такую большую вещь сделал, как дешифровку».

Все о нем говорили, но я его тогда не видел, но слышал о нем еще до всего этого от нашего общего друга Вали Берестова, поэта. Он его знал по истфаку и даже читал мне какие-то любовные стихи Кнорозова и про то, какая у него несчастная любовь. Я помню, там она сравнивается чуть не с лягушкой – такая она несчастная. Вале нравились эти стихи, и он был в энтузиазме от занятий с Кнорозовым, это я слышал, конечно, совсем давно, когда мы были еще студентами. Но не познакомился. Он не предлагал знакомить. Валя был большой конспиратор, он, по-моему, тогда боялся многого. И может быть и правильно, потому что часть того, что они обсуждали с Кнорозовым, была не совсем обычна для того времени. Но обо всем об этом я даже подробно потом узнал, а тогда слышал много, всегда очень интересовался. О том, что он делал. Я помню хорошо, что я тогда купил тогда этот номер «Советской этнографии» с его первой статьей. У меня она до сих пор она стоит на полке. Я ее помню хорошо. Так что я знал все его работы.

Познакомился, когда приехал в Ленинград, я думаю в 1957 году. То есть через два года после защиты диссертации, я, может быть, не решился сам его тревожить. Но со мной был мой друг математик Владимир Андреевич Успенский, который отличался, во-первых, хорошим чутьем на интересных людей, во-вторых, в отличие от меня, умением как-то их быстро находить и знакомиться с ними. Вот он меня познакомил таким образом не только с Кнорозовым. Но именно он, по-моему, меня привел к Кнорозову в Институт этнографии, и вскоре мы оказались в ресторане... Не буду от вас скрывать, но это была необходимая часть творческих общений. Это не всегда были рестораны, но иногда какие-то довольно мерзкие ленинградские забегаловки. Но там вполне упоенно предавались науке и научным изысканиям. Я помню, как мы сидим с Кнорозовым, ну, в настоящей пивной такой, и он что-то мне чертит из знаков той письменности, которой он в то

время занимался. Это были не майя, скорее всего. Мохенжо-Даро и Хараппа. И к нам подходит какой-то человек взволнованный и говорит: «Вот оттого у нас самолеты и бьются, что вы чертежи делаете в такой обстановке...» Он решил, что мы инженеры, обсуждающие какие-то важные вещи. Ну вот мы в такой обстановке не раз встречались в Ленинграде... ну а дальше уже виделись много и по деловым всяким поводам.

Г. Е. *Ю.В. не был лингвистом по образованию. Это ощущалось?*

В.В. Нет, нет, конечно, никак. Думаю, что-то, что нужно знать из лингвистики, он своим умом дошел. Он во многом был типом такого русского самородка-самоучки. То есть, я думаю, что в эту характеристику человека входит, что не так уж важно подучить систематическое образование, потому что человек сам знает, что ему нужно. Ну как бы имеет в голове свою собственную программу и быстрее поэтому выучит. Так что я не склонен думать, что он особенно интересовался теоретической лингвистикой, и не думаю, что он много читал. И потом, хотя он всегда много читал и какие-то области науки всегда его очень интересовали, ну я думаю, все что нужно... И в конце концов лингвистика это не бог весть какая сложная наука, если ее правильно понимать, то понять, как устроена грамматика языка и как устроено сравнение языков, две вещи, которые ему были нужны, и то и другое... пожалуй, другое было труднее... он как раз это усвоил, и его понимание соотношения диалектов майя было вполне научным.

Вот это интересно, потому что это, в конце концов, очень специфическая область лингвистики. А то, что он понимал, как устроена морфология такая, я думаю, это дается, во-первых, от занятий разными языками. Он занимался разными языками и поэтому из эмпирических знаний вытекло, что он довольно хорошо сконструировал в голове такой общий образ того, как устроена грамматика, потому что его алгоритм дешифровки, конечно, устроен в правильном понимании лингвистики, в более правильном, чем это было в это время у самих лингвистов.

Г. Е. *Кнорозов не говорил ни на одном языке, как вы можете объяснить это явление?*

В.В. Я думаю, что вообще и совсем необязательно хорошему лингвисту быть полиглотом. Во всяком случае, мы в истории лингвистики знаем несколько примеров. Но Мейе – это один из главных специалистов по сравнительной грамматике европейских языков, он практически на своем родном французском и говорил. Читал и знал очень много языков. Есть некоторые лингвисты, которые полиглоты. Говорят на многих языках – вот покойный Старостин очень много языков знал и хорошо очень говорил на многих языках. Ну, из ныне живущих Андрей Зализняк, вот когда-то блистал еще в школьном студенческом возрасте, потому что он на многих языках безупречно по фонетике говорил. Вообще говоря, это редкость среди лингвистов. Это по сути две связанные, но разные особенности просто устройства человека. Можно быть прекрасным лингвистом, пассивно зная языки.

Г. Е. *Комментировал ли Кнорозов происхождение тех самых «книг»?*

В.В. Никогда ничего не говорил. Нет. Я этого не знаю, но я и сам не спрашивал его. Как-то у нас не было принято спрашивать о биографии. Задавать друг другу вопросы как кто что узнал и так далее. Я знаю легенду, но ничего не знаю про ее отношение к реальности.

Г. Е. *Проблема Мозг.*

ВВ. Значит, что я вам могу сказать. Мы с Кнорозовым довольно много общались, и я знал его работы по майя, и мы много их обсуждали, и я знал, что он уже занимается протоиндским письмом. И он хотел, чтобы я и другие индологи в Москве принимали в этом участие, что мы в принципе хотели тоже, но, вы знаете, все как-то медленно шло. И знал, что у него большие планы на будущее. Поэтому так вышло, что в начале 1959 года я стал заведовать секцией лингвистики научного совета по кибернетике. Дело было связано отчасти с тогдашней общественной ситуацией. А именно, меня изгнали из университета за дружбу с Пастернаком и как бы поддержку «Доктора Живаго». Хотя собственно я поддерживал его тем, что он наш сосед по даче и давал мне читать, и я был на чтении и мне нравился роман, что я не скрывал. А также меня ругали за то, что я был хорошо настроен по отношению к Роману Якобсону, который был в прошлом уехавший из Советского Союза, но давно уехавший, вскоре после революции. Он был советский подданный, жил в Чехословакии, потом бежал от немцев в скандинавские страны, потом в Америку. Но когда он приезжал снова и выступал на разных конгрессах и я один раз был вместе на одном конгрессе с ним в Норвегии и я что-то говорил хорошее о нем, и это было вот второй причиной, почему меня уволили. Это я все долго рассказываю, чтобы было понятно, что случилось дальше. Против моего увольнения были многие, в том числе и крупные ученые, я думаю в принципе. То есть им не нравилось. Не то что уж очень за меня были – меня мало кто знал. Но не нравилось в принципе, что опять кого-то увольняют, что-то такое нехорошее говорят про человека и так далее.

И вот несколько неожиданно для меня мне позвонил по телефону такой талантливый кибернетик Михаил Цетлин, который был секретарем вновь созданного научного совета по кибернетике. А вот он говорит: вас назначают председателем лингвистической секции совета, во главе совета Берг, который был академик и адмирал в отставке. А до этого он был заместителем министра обороны по науке – то есть такой очень известный человек вот в этих кругах. Наука была полузасекреченной, тогда ее только начинали рассекречивать, и имя Берга много значило. Цетлин говорит: у меня нет серого вещества, чтобы объяснять про лингвистику Бергу, пойдемте вместе. Пошли. И Берг был человек чрезвычайно многосторонний и очень увлекся идеей, что нужно что-то делать с языками, письменностями и так далее. И решили, в частности, что надо заниматься серьезно дешифровкой. У Кнорозова была идея, что надо использовать компьютеры, это всем очень понравилось, и поэтому все решили, что будет комиссия по дешифровке вот при этом нашем совете во главе с Кнорозовым. И состоялось первое заседание с участием Берга, который пришел, я помню,

в генеральской форме, у него был такой торжественный вид. И громогласный такой голос старого русского офицера: «Я русский адмирал, отец – швед, мать – итальянка». Но он действительно чувствовал себя воплощением такой русской государственности в ее историческом смысле. Массу сделал. Что, в частности, как такой бюрократ с большой буквы он сделал, для всего нужно постановление в России. Поэтому было принято постановление президиума Академии наук по предложению, которое, грешный человек, я написал, но Берг редактировал, о развитии работ по структурно-прикладной лингвистике и семиотике, где было написано, что нужно создать группы семиотики и структурному изучению всего этого в разных институтах. В частности, в институте этнографии в Ленинграде под руководством Кнорозова. Это все было написано в этом постановлении 60-го года, которое для Кнорозова было важным, во-первых, потому что он действительно имел очень большие планы, и очень хотел попробовать, что можно сделать на компьютере, это раз.

Но второе, я, все таки, из разговора с ним знал, что у него было ощущение ну как бы недостаточной формальной укорененности в институте. То есть ему это было полезно то, что мы такую группу сделали. Так что все было, в общем, правильно. Берга очень занимало это, а Кнорозов же оказался очень пригодным к такой общей деятельности. Он был, я думаю, самый аккуратный из нас. Он писал непрерывно планы того, что нужно сделать и, более того, тут же эти планы осуществлял. В частности, грандиозную работу компьютерную, которая происходила в основном в Москве. Юрий Анатольевич Шрейдер, очень талантливый математик. Когда-то Гельфанд его учитель, ну великий математик, он сейчас уже в очень преклонном возрасте, в Америке живет, он создал огромную школу математическую – он мне говорил, Гельфанд и Цетлин, мною упомянутый, что помнит время, когда там 19-летний Цетлин считался самым талантливым математиком в Москве. Но жизнь сложилась не очень удачно. Ну как мягко это сформулировать, что «неудачно» – это в свое время был арестован и погиб его отец в заключении, и он часто, ну, мальчик с еврейской фамилией, в момент, когда он кончил мехмат, пик нашего официального антисемитизма. Поэтому он вынужден был принять приглашение каких-то военных и довольно долго работал в засекреченном заведении, но поэтому хорошо выучил тогдашнюю кибернетическую технику и ее использовал для дешифровочных работ и взял себе в помощники Марлена Пробста. Марек Пробст был очень талантливый программист, и он воплотил идеи Кнорозова. У меня где-то до сих пор был его рукой написанный общий план дешифровочных работ. Ну, буквально на одной странице, из которой они сделали – Шрейдер и Пробст – серию программ, и по этим программам пытались обработать статистически тексты на почти всех тех системах письма больших, потому что не имеет смысла маленькую систему типа Фестского диска так описывать. Это вручную мы делаем, а там, где требуется машина, это для больших систем.

Они очень много сделали, и Пробст напечатал несколько статей с объяснениями этого. То есть, я думаю, что это вот такая недооцененная сторона нашей кибернетики того времени, потому что это реально было очень много сделано. К сожалению, было и неприятное в этом. Это была попытка группы уволенных кэгэбэшников в Новосибирске как бы имитировать то, что сделал Кнорозов, как он говорил, с его ошибками. Поэтому он сомневался вообще, что они вычислительные машины использовали. Но Соболев их поддерживал. Соболеву хотелось шуму тогда. И вообще это было такое ложное действие, которое скомпрометировало в глазах многих саму идею, к сожалению. Потому что идея-то хорошая была, и Кнорозов вначале, когда узнал, что они будут ну как бы повторять его работу, он не возражал против этого. Но когда он увидел, что они на самом деле ничего не сделали, а просто переписали и перепечатали, это было неприятно. Вот это была такая нехорошая сторона. Это было неприятно. А вообще Кнорозов занимался всем этим с энтузиазмом. Ну, в это время мы с ним много виделись, потому что он довольно часто приезжал в Москву, в частности для общения с нами, с Шрейдером, Пробстом, ну и со мной, поскольку я в качестве вот этого вождя кибернетиков как-то участвовал в этой деятельности. Но это был довольно короткий период.

По разным причинам и Шрейдер, и Пробст потом больше занимались другими делами, но для Кнорозова, мне кажется, было важно это сравнительно короткое время, когда мы много занимались. Но у него, кроме того, была большая программа занятия Мохенжо-даро и Хараппа. Он надеялся, что какую-то часть по описанию печатей на Древнем Востоке вообще выполним мы. Я знаю – на эту тему была переписка еще с Сашей Кондратовым. Кондратов был талантливым, к сожалению, его уже нет, я не знаю, остался ли его архив, не знаю, вам, может быть, интересно это выяснить. У него была жена. Но, по-моему, они разошлись, когда он умер. Он жил потом в Ленинграде. Я его знал в Москве. Он был ультра-авангардный прозаик, писавший довольно страшную авангардную прозу, ну абсолютно невозможную. По сравнению с ним какой-нибудь теперешний Сорокин будет писателем для детей. Он писал действительно ужасные вещи. Все возможные комплексы, все возможные безобразия, которые можно описать, все это было в его прозе. На многих производило сильное впечатление, но когда он с нами всеми познакомился, он понял, что это не его... Он кончил физкультурный институт, в общем, был человек как бы вне гуманитарного профиля, но писатель, талантливый писатель. Самоучка, тоже тип русского самородка. Он понял, что его это все очень интересует, и сначала занимался с Колмогоровым математическим анализом стихов Маяковского. У него было с Колмогоровым несколько общих работ. Потом, когда он уехал в Ленинград, но еще до этого, он связался, очевидно, с Кнорозовым, и работал некоторое время с Кнорозовым. Для Кнорозова сделал описание печатей. Мохенжо-даро и Хараппы. Могу вам сегодня показать. У меня есть четыре странички. Это вот часть огромной задуманной работы, там есть также письмо Кондратова, из которого я вижу, что они надеялись, что печа-

ти других типов, в других культурах мы, тот есть несколько человек в Москве, будем описывать, но идея была такой коллективной работы по всем возможным печатям, где было бы видно, что печать из Хараппы – это только одна из частей этой работы. Но вот это такой общий план.

Хараппой Кнорозов продолжал долго заниматься, и некоторый мой долг перед ним был – Кнорозов мне дал, есть одна печать с клинописными знаками, там всего три знака, три написанных, животное изображено, как печать из Хараппы. Найдено в Месопотамии. Клинопись месопотамская. Он на эту тему беседовал с Липиным, он дал описание этой печати, записал мнение Липина и переписывался с Гельбом. Он все это мне дал, я напечатал это в сборнике в честь Бонгарда, у него юбилей. Но там, по-видимому, есть материал. запись на том языке, на котором тексты, я-то надеялся, что на дравидийском, дравидийский текст, и что более того, дравидийское слово для животного, которое напечатано. Но, может быть, это слишком примитивная точка зрения, но вот во всяком случае мы это с Кнорозовым много раз обсуждали. Круг наших с ним общих интересов был общий алгоритм дешифровки, который вот реализовывали эти программисты, главным образом Пробст и Шрейдер, ну и довольно много людей участвовало там в работе, например, по киданьским. Кнорозов как бы руководил всем этим, то есть довольно хорошо работавший коллектив, налаженный коллектив. С хорошими результатами, повторяю. Но это потом, к сожалению, нигде потом не было... Ну, знаете, какие достижения русской науки, вот... было бы естественно сказать, что в эти годы была проведена большая работа по дешифровке и описанию ряда древних письменностей – в общем, об этом вы нигде не найдете. В каком-то смысле это историческая несправедливость. Рано или поздно надо исправить это.

Так думаю, что на Кнорозова это плохо влияло, то есть насколько на него хорошо повлияло то, что было воспринято у нас им сделанное по майя, и, конечно, неприятно было то, что это проходило с таким большим скрипом в Соединенных Штатах. Но еще неприятней было то, что все-таки после того как этот совет по кибернетике ну фактически перестал функционировать. Это было связано и с болезнью Берга, и с тем, что общее было ослабление интереса к новым возможностям в гуманитарных науках. Боялись все время, что мы делаем что-то, что нарушает марксистские принципы. Ну, прямо Кнорозова не ругали, но он, несомненно, был очень осторожен в изложении своих общих идей. Поэтому мои повторявшиеся попытки включить наши обсуждения общего характера по семиотике он воспринимал со многими оговорками. Не соглашался на публикации очень долго. Практически многое из того, что им было продумано и сделано, нам известно в устной форме, никак не закреплено. В частности, это касается конференции по применению математики к исследованию художественной литературы в Горьком, которая состоялась в 60-м году вскоре после математического конгресса, где мы с ним виделись... съезд наших математиков в Ленинграде, где было несколько докладов киберне-

тических, в частности вот Колмогорова, мой о математической лингвистике и ряд других. И Кнорозов приходил на это. Мы там с ним обсуждали это. И Кнорозов согласился участвовать в этой горьковской конференции, был очень рад, он приехал и прочитал, на мой взгляд, замечательный доклад о фасцинации. Доклад известен только в пересказе, то есть напечатаны отчеты нескольких людей, но там присутствовала Рита Лекомцева наша, сотрудница Института славяноведения, которая очень ценила Кнорозова, хорошо его знала.... Она ушла на пенсию, я ее в последнее время не видел. У нее муж очень талантливый лингвист, математического склада, умер... Рита владела стенографией, поэтому она записала стенограмму, поэтому в отчетах использована ее стенограмма. Вот был такой замечательный доклад о фасцинации. Сейчас есть попытки издавать журнал о фасцинации, где-то в провинции. У меня есть адрес и-мейла этого человека. Он начал этот журнал, но так никуда и не пошел. Но в заявке там Кнорозов много раз упоминается. Опять-таки по этим небольшим данным.

Фасцинация была частью его большой идеи коммуникации, которая мне тоже очень нравилась, и я внушал нашим семиотикам, в частности Юрию Михайловичу Лотману, что вот это действительно то, что мы хотим и должны иметь в нашей сфере. Поэтому на одном из наших семиотических мероприятий Лотман пригласил Кнорозова, и Кнорозов прочитал доклады, или лекции, о своем понимании коммуникации. Лотман отнесся с большим вниманием. Где-то написал, что он раньше не понимал, а теперь понимает, что именно делает Кнорозов, и что это важно – теория коммуникации. Опять-таки общая теория коммуникации нам известна в той маленькой области, которая касается семиотики письма, ну и этнической семиотики, как он говорил, то, что издано в его работах.

Занимался он на самом деле очень большим числом других вещей, которые, с одной стороны, частично реализованы в его конкретных статьях. Он занимался шаманизмом и по этому поводу что-то писал. Шаманизм ему был нужен как часть некоторой общей концепции. Теперь он сам, Валя Берестов в меньшей степени, Гумилев Лев Николаевич что-то говорили об их совместных занятиях, было что-то семинара Кнорозова, закрытого абсолютно для публики и о котором они все молчали и правильно делали. Тема семинара была «Закрытые общества типа мужских союзов и партий». Кнорозов мне кратко изложил результаты и сказал, что обсудив разные мужские союзы, объединения, ну там типа иезуитов и так далее, они пришли к выводу, что есть две наиболее совершенные формы организации – одна это большевистская партия, другая – это мормоны в Америке. Я об этом часто вспоминал в Америке, потому что до сих пор действительно мормонов считают исключительно эффективной организацией. Знаете, что в Лос-Анжелесе, где я читаю лекции, там очень много мормонских храмов. У меня даже был случай, когда один мормон был единственным слушателем на моем курсе, и он все время меня убеждал самого стать мормоном, поскольку это такая действенная организация. То есть на фоне большого разгильдяйства, которое в

Америке соперничает с нашим, эта жесткая организация, она многих потрясает и вдохновляет. И когда они знают, что мормоны в чем-то участвуют, они говорят: «Вот здесь будет порядок». То есть в этом смысле я думаю, выводы Кнорозова вполне имеют основание.

Но это все я говорю к тому, что многих его интереснейших теоретических изысканий, к сожалению, теперь уже вот по прошествии лет пока знаем мало. Может быть, какие-то найдутся стенограммы, записи. Но я уверен, что никто из участников семинаров о партиях никаких записей не вел, и Кнорозов сам, безусловно, на этом настаивал. Потому что они все могли просто погибнуть, если бы тогда стало известно. Потому что никому не было дела до того, что они считают, что большевистская партия самая хорошо организованная, потому что сама идея их сопоставления с мормонами, иезуитами и мужскими союзами в Африке и у индейцев едва ли вызвала большой восторг в этом деле. Хотя должна бы вызвать... Вообще я думаю, что Кнорозов достаточно понимал опасность этого режима, не хотел с ним спорить, конечно, никак не сотрудничал, при этом он мог бы сделать блестящую карьеру, но не делал же ее. Не вступил в партию, вообще не сделал ничего, что легко бы его возвело в большие академики.

Его очень любил Толстов. Безусловно, он сделал бы гораздо больше, чем просто присуждение докторской степени. Когда я только начал свою деятельность в этом совете по кибернетике, еще не было постановления президиума, но уже мы знали, что ленинградское начальство как-то недостаточно внимания уделяет работам группы Кнорозова, я пришел с кем-то из своих московских помощников к Толстову, который был еще директор Института этнографии. Мне очень понравилась его директорская манера. Он начинал что-нибудь говорить и тут же нажимал кнопку, и появлялся секретарь, он говорил: «Вызвать такого-то» Левина, скажем, Бонгарда, и так далее. Появлялись эти люди, он по ходу разговора непрерывно давал указания. То есть это был такой советский научный бюрократ в действии. Но вся эта грандиозная машина, она вся была настроена очень в пользу Кнорозова. Несомненно, пока Толстов был во главе, он старался ему помогать. Следующие все начальники просто все были просто слишком малообразованные и туповатые, поэтому не понимали, с кем они имеют дело. Поэтому его не то чтобы так сильно ущемляли, но ощущение, что он как бы на периферии, у него было. На периферии – не в смысле просто в Ленинграде, а на периферии интересов начальства в науке. Ну, вот в какой-то степени мы в совете по кибернетике пытались это преодолеть, но, к сожалению, это было слишком недолго как, в общем, и вся эпоха нашего благополучного занятия кибернетикой. Тогда и теперь была относительно короткая, потому что ну вот когда была эта горьковская конференция. Но потом начались и на нас гонения, и в общем в это время мне уже не хотелось Кнорозова особенно ставить под удар, под который многие из нас попадали. Лотман с ним продолжал какое-то общение, и мы общались уже конкретно на тему дешифровки. Там по майя он не посылал очень много своих материалов, практически дублировал многое из того, что делал. Тоже много

дубликатов в моем архиве. То есть вся книжка о письменности майя у меня есть, потому что он мне посылал копии всех текстов своих. И кое-какие копии источников, по которым он работал. И потом есть письма каких-то фотографий, которые он мне послал, то есть, по-видимому, он иногда забывал и посылал мне и первые экземпляры. Ну, в общем, такого рода переписка была всегда.

Г. Е. *Дети – воспитание и творчество – как Кнорозов видел эту проблему?*

В.В. Я помню, у Кнорозова дома было не очень много книг. Я всегда разглядываю книжки у своих друзей. Но среди не очень частых книг была книжка «Детские игры» начала 30-х годов. Тогда уже большая редкость, так что я уже не знаю, каким образом она к нему попала. Он, конечно, этим занимался. Я подробно с ним это мало обсуждал. Мы говорили об этом, но, я думаю, в связи с проблемами фасцинации и коммуникации.

Г. Е. *Какие у него были отношения с Гумилевым?*

В.В. Довольно близкие. Настолько, что, чего греха таить, все это уже знают, когда был совсем полный конфликт с матерью, Анной Андреевной Ахматовой, Гумилев встречает Кнорозова, мне это Юрий Валентинович пересказывал вскоре, и говорит: «Ну, со старухой я совсем разругался». Вы понимаете, для того, чтобы в таком тоне говорить о своей матери, конечно, они должны были быть в довольно близких отношениях. Так что я думаю, что у них были ну вот как бы студенческие отношения, такого вот уровня близости, ну вот как с Валей Берестовым, такие вот близкие люди. Иначе бы и невозможен был этот кружок. Между прочим, среди таких вот близких к нему людей, которые входили в этот кружок, я не упомянул Сашу Пятигорского. С Сашей вы можете поговорить. Он живет в Лондоне, часто бывает в Москве. Зачем-то связался с Глебом Павловским. У Павловского какая-то фирма есть с деньгами, и они приглашают Пятигорского за большие деньги говорить что-то о буддизме. Пятигорский появляется в Москве. Он давно и близко знал Юрия Валентиновича, обсуждал с ним разные системы письма, в частности Хараппу, поскольку он индолог. И ему Кнорозов объяснял, что дешифровать можно, это произвело впечатление, потому что тогда никто не надеялся, что можно дешифровать. И он участвовал и в этих общих коммуникативных обсуждениях партии и так далее, это по поводу Гумилева. Я думаю, что из известных мне людей Гумилев, Берестов – это вот те люди, которые, можно сказать, были дружны. В случае Кнорозова очень трудно говорить, что можно понимать под дружбой. Все-таки человек был очень замкнутый. Ну, вот пить с ним вместе. Ну, мы пили много вместе в Москве со Шрейдером. При том что Шрейдер, бедняга, упился, видимо, он не владел техникой, потому что уметь так много выпить... упился, бедняга, совершенно был в положении риз. Кнорозов, как всегда, продолжал свои научные мысли – ему водка только добавляла энергии, а тот бедняга не выдержал. Но вот не всякий собутыльник становился другом. Собутыльников было больше, конечно, друзей было меньше. Но и по отношению к друзьям какой-то элемент очень

большой замкнутости оставался. Я думаю, целый ряд вещей, касавшихся его биографии, в частности, он просто ни с кем не обсуждал. Может, даже с Берестовым больше чем с другими, поскольку Берестову он читал стихи и было что-то вокруг стихов, такая лирическая сторона жизни. Со мной он все-таки предпочитал говорить на конкретные научные темы. Может, и я в этом виноват, поскольку меня интересовали больше они в то время, и я сам старался так не слишком интересоваться собственной жизнью за пределами науки.

Он обладал большими способностями («некими»). Я думаю, что образ такого загадочного мудреца возникал, конечно, сразу же. Вам, вероятно, Владимир Андреевич Успенский может быть интересен, потому что он, несмотря на то что не стал его другом, но он вот был из числа людей, которые эту необычность в нем вот как-то хорошо чувствовали. Это, как Пятигорский говорил, как раз по поводу их разговоров о Мохенжо-даро, что на Кнорозове всегда чувствовалась огромность интуиции, то есть он чего-то и не знает, но знает как бы поверх знания. При этом вот он знает какой-то ответ заранее. Другим надо долго учить это – вопрос о его лингвистике. Так он никогда ничего систематически и не учил, а знал гораздо больше, чем мы все. То есть степень интуитивного проникновения у него была очень большая.

Г. Е. Проблемы асимметрии.

В.В. Говорили об этом, но я думаю, что его больше занимало как раз по поводу шаманизма. Его больше занимало не устройство, думаю, в нейропсихологических терминах, не устройство коры, а скорее подкорка и области, которые связаны с иррациональными вещами. Вот я думаю, что у него и было больше от природы. К этой области относится. И его в этом больше всего занимало, как я уже говорил, [исследование] тех же шаманов и вообще в разных культурах как у них устроено, вот это то что касается иррационального. Мифологию мы с ним обсуждали. Он был довольно большой противник многого, что у нас писалось о мифологии. Считал, что многие очень расширяют понятие мифологии. Для него (Михаил Иванович) считал, что мифом можно считать только то, что говорит о начале чего-то, вот описание начала мироздания, начала земли, начала жизни, культуры. Это все мифы, а мы ведь сейчас говорим «это миф» вот по отношению более или менее к чему угодно, если это сформулировано в не совсем обычных рациональных терминах. Вот это ему не нравилось.

Я помню, как-то познакомившись с Елизаром Моисеевичем Мелетинским, говорю Кнорозову – а тот в это время интересовался островом Пасхи, мы все это обсуждали, он мне посылал среди прочего, по-моему, полный набор этих фотографий Пасхи. У меня были студенты в Институте иностранных языков, которым я пытался давать это для курсовых работ анализировать – то, что Федорова тогда делала. И Кнорозов, услышав, что Мелетинский занимается и мифологией меланезийцев, говорит, «ну надо посмотреть, что он там делает, наверное, покритиковать нужно». То есть он заранее был настроен так, что эти обычные наши гуманитарии так все по верхам пишут. Это не конкретно относилось к Елизару Моисеевичу, он ниче-

го против него не имел, но в принципе некоторое недоверие к такой поверхностности большинства работ у него было, конечно.

Г. Е. Каким он был в общении?

В.В. У меня, конечно, было ощущение, что он чувствовал себя изгоем в нашей науке, с некоторым основанием. Основание это было такое, что он, конечно, много знал и понимал то, чего многие [не понимают]. Чем он занимался – культурной антропологией, семиотика культуры, культурология в широком смысле, ну и более конкретно – вот история письма и история в той мере, в какой она нужна. Скажем, про остров Пасхи довольно много. Мне рассказывал, как две фракции воевали, ели друг друга и так далее. У него было много своих гипотез – верных или неверных – другой вопрос. Много своих гипотез относительно разных культур и их истории. В этом смысле он был человек одинокий, потому что он был энциклопедически широкий ум. Кругом были узкие специалисты, которые не понимали ни его больших познаний и понимания многого, ни его результатов в конкретных областях. То есть я думаю, что его отрицательное отношение ко многим таким официальным ученым оно было правильным, объективным. Ну и, кроме того, и ядовитым. Я думаю, что поскольку про многих он знал, что они и не ученые, а как бы себя выдают. В отношениях других он мог подозревать – может быть, с основанием, может быть, нет. Да, но мог не быть уверенным, что такой-то действительно серьезный ученый. У нас с ним один раз был конфликт по поводу степени дешифровки майя. Мы выпивали в каком-то ресторане, в присутствии совершенно непьющего, к сожалению, умершего, который лучше меня об этом помнил, поскольку ничего не выпил – Владимир Николаевич Топоров, который Кнорозовым, конечно, тоже очень интересовался, у них было очень сильное сходство. Топоров, я думаю, тоже из такой русской деревенской среды, где довольно сильные шаманские практики передаются.

Отец Топорова умел заговаривать только бородавки, бородавки близким друзьям. Такая узкая специализация. Ну, поэтому Топоров сам очень много заговорами занимался. Ну, вот Топоров присутствовал при этом, это играло важную роль, потому что мы сильно выпили и обсуждали вот степень недоконченности многих работ, и я что-то сказал Юрию Валентиновичу: «Ну вот все-таки и в дешифровке майя пока есть довольно много незаполненных звеньев, насколько я понимаю». Он собирался меня стукнуть просто бутылкой. Топоров воздержал, так как-то помешал ему это сделать. Так что некоторую историческую заслугу имеет. Ну, вот один раз такой конфликт все-таки был. То есть он все-таки был очень нетерпим по отношению к критическим замечаниям. Это, безусловно, было. То есть, с одной стороны, он был уверен, что он многое знает, с другой стороны, именно поэтому не слишком позволял кому угодно вот сомневаться в том, что он прав, да. Это, думаю, делало трудным общение для него. Потому что вот возьмите конфликт с Федоровой. Я думаю, что Федорова совершенно неправа. Вы читали ее последнее, что она в Интернет поместила, да? Я думаю, что это все неверно, потому что она пытается все тек-

сты понять как метафоры, основанные на звуковых играх. Что очень маловероятно, все-таки. И потом она думает, что подряд прочитала все тексты. Производит впечатление почти психически болезненное. Я думаю, что часть их конфликта связана все-таки с тем, это видно и по тому, что она пишет, да? что он очень решительно ей говорит, она что-то возражает... но все-таки она больше чем он занималась этим, да? Но он не очень склонен был ее слушать. Это, безусловно, было. То есть некоторая затрудненность обратной связи все же была, хотя в хороший период, период работы со Шрейдером, Пробстом, во всяком случае, от математиков и программистов он допускал любые критические замечания. То есть он меньше ценил и уважал гуманитариев. Не очень был доволен, когда люди лезли в ту область, в которой он думал, что он понимает лучше. Но могли быть и ошибки у него при этом, как у всякого человека. Ну, колоссальная проблема дешифровки Хараппы, потому что в мире не принята дешифровка. То, что предлагает Парпола, не очень много, очень много повторений того, что первый все-таки написал Кнорозов... Тоже много омонимии, примерно мин означает и «звезда», и «рыба», и дальше можно найти много комбинаций с этой звездой и рыбой в текстах, более или менее совпадает с тем, что мы находим в реальных старых дравидийских языках.

Вот это первым нашел Кнорозов и подробно развивает Парпола, вплоть до самого последнего. Вот у меня есть несколько совсем новых вещей. Но там довольно мало нового. По существу он мало продвинулся и занимается тем, что Кнорозов как бы прошел, изучение индейской, древнеиндийской символики и мифологии. Но откуда нет... пути, потому что предположить, что все эти короткие надписи касаются астрономии, – все-таки некоторая фантастика. Почему они в таких количествах писали о звездах? Потому что мы это можем интерпретировать? Как-то нет ясности. В этом Парпола пошел куда-то в сторону. Значит, есть новая диссертация с попыткой дешифровки Хараппы, где многое повторяется из того, что было. Но сейчас гораздо больше новых текстов, и в Интернете гораздо больше текстов. Такой есть индийский корпус – он гораздо больше, чем Кнорозов. Если сейчас пойдут намного дальше, то за счет расширения материала. У Кнорозова, конечно, получалось некоторое отсутствие питательной научной среды, поскольку на Западе все его замечательные работы или не принимали по ошибке – как с майя – или не принимали достаточно всерьез и повторяли, не обсуждая, как это Парпола сделал. То есть все время какой-то вид надувательства, что увеличивало его ощущение одиночества. То есть в этом смысле большинство ученых в XX веке имело какую-то возможность общаться если не в своей стране, то за ее пределами.

У Кнорозова как-то получалось, что он, как Ломоносов в XVIII веке, совсем изолирован был. И это, конечно, очень плохо. У старшего Капицы Петра Леонидовича была интересная очень работа о Ломоносове, он писал, что он там первый много сделал и все открыл, но не имел научной среды вокруг себя. И что это такой вот бич русского ученого. По существу Кнорозов иллюстрирует эту же мысль.

Ну, вот мы пробовали создать ему какое-то подобие научной компании, но, во-первых, это было недолго, и потом как ни странно, то что это Москва, а там Ленинград играло роль, то есть он географически не входил в нашу группу. Мы не могли ежеминутно ему помогать, а вокруг все время возникали непонимание, конфликты. И в общем он в какой-то степени уходил в себя. То есть, я думаю, что последние годы были тяжелые морально.

Г. Е. То есть Гумилев учился с ним уже в 1943?

В.В. В промежутке между своими многочисленными арестами. Значит, когда Гумилев вернулся из ссылки во время войны, я это помню, потому что помню, Шкловский Виктор Борисович к нам пришел, мне и моему отцу рассказывал, что он встречал Гумилева на вокзале и как тот похож на отца. Он отца хорошо знал. Это было, я думаю, 44-й год. В это время Ю.В. вернулся с фронта... Думаю, что в это время, когда он приехал в Москву, они с Гумилевым и встретились в Москве, до Ленинграда.

Г. Е. А в последний раз когда вы его видели?

В.В. Не очень легко вспомнить, но я думаю, что последние несколько раз приезжая в Ленинград, я неудачно заходил в Институт этнографии и его там не заставал. Вот это было раза два, и это я помню, это были 90-е годы. Ну а до этого мы виделись вполне регулярно. 80-какой-то год последний. Но не позже. В 90-е годы я уже редко бывал в Ленинграде, но вот бывал раза два, заходил и не заставал его. В Москве он уже очень давно не был. В Москве он бывал часто во время кибернетических дел. Потом если приезжал, то по каким-то административным делам. Вообще он очень не любил бюрократических дрязг.

Г. Е. Самое яркое воспоминание о Кнорозове?

В.В. Наверное, вот Горький и его выступление о фасцинации. Наверное, это было самое интересное. Я вообще больше всего любил его общие такие теоретические рассуждения. Ну, не потому что неинтересны были... ну, про то, что он делает с письменностью, я знал из его письменных сочинений, я их читал, и все это более или менее было понятно. Вот в его общих рассказах, и рассказы о шаманах, конечно, были интересны, он довольно подробно мне рассказывал историю среднеазиатского шамана, которого духи заставляли стать шаманом, который отказывался от этого. Так это такой ритуал, вообще-то известный, было интересно, поскольку он сам переживал все это, вот вместе с этим шаманом. Это очень интересный рассказ, быть может, из числа самого интересного, что я от него слышал.

Но вообще он был очень хороший рассказчик, и рассказы были ну как бы в лицах, то есть я говорю по поводу острова Пасхи. Когда он рассказывал, как одна группа победившая кушала другую и почему они ели: «не хватало белковой пищи», ну что там, крыс всех съели, осталось теперь питаться людьми. Все было очень наглядно. Он был безжалостен, я упоминал Сашу Кондратова, почему, может быть, они могли еще сойтись, что такой вот современный прозаик-авангардист мог бы оценить в Кнорозове умение так безжалостно рассказывать о человеческой истории. Он не приукрашивал истории, видел ее в том

ужасном виде, в каком она и была. Реализм, если не натурализм. Вот его такие живописные рассказы я все помню, и они, конечно, замечательные. Но жестами, ухмылками он много сообщал при этом. То есть он был вот такой хороший рассказчик по поводу выдуманных им историй этих неведомых нам островов и стран. Может, он не так много про это знал. Но степень достоверности рассказов была очень большая.

Приложение 16

Валерий Иванович Гуляев

Текст мемуаров любезно предоставлен В.И.Гуляевым в 2007 г. (Личный архив Г.Г.Ершовой)

ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КНОРОЗОВ: ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

В конце 1963 г. по распоряжению Президиума Академии наук СССР Институту археологии, в котором я работал уже третий год в должности старшего лаборанта сектора скифо-сарматской археологии, было вменено в обязанность подготовить через аспирантуру группу молодых специалистов по зарубежной археологии. Для этого выделялись и деньги, и места. Надо сказать, что новость эта оказалась для всех работников института абсолютно неожиданной и обескураживающей. До сих пор все археологические исследования мы вели только в пределах СССР и, слава Богу, работы вполне хватало, учитывая величину территории страны (1/6 планеты) и обилие памятников всех эпох – от палеолита до позднего средневековья (города Древней Руси, Поволжья, Кавказа и Средней Азии). И вдруг срочный набор молодежи в зарубежную аспирантуру!

Я закончил в 1961 г. кафедру археологии исторического факультета МГУ по специальности «скифо-сарматская археология» и все эти годы, начиная с первого курса, постоянно ездил в скифские экспедиции на Украину и на Средний Дон (Воронежская область). Были уже подготовлены (как прямое продолжение дипломной работы) основы будущей диссертации «Связи культур лесной полосы раннего железного века Восточной Европы со скифо-сарматским миром». Не пройдет и пары лет, как, глядишь, и кандидатский диплом будет в кармане! Но, увы, попал в число кандидатов «на зарубежку» и я. Причин было две: сравнительно молодой возраст (25 лет) и хорошее (после университета) знание английского языка.

Наш директор, академик Б.А. Рыбаков, вызвал в один прекрасный день осени 1963 г. меня и моего товарища – Володю Башилова (тоже скифолога по специальности) к себе в кабинет и своим зычным командным голосом объявил: дирекция решила направить нас в зарубежную аспирантуру. Все близлежащие к СССР области Евразии были уже разобраны. И выбор, оставшийся для нас, был невелик: Тропическая Африка (южнее Сахары) и Латинская Америка.

Можно себе представить мое состояние: мечты о скорой защите диссертации по скифам уплывали куда-то в невозвратную даль. Попытки как-то отказаться, «улизнуть» от почетной миссии «зарубежника» были решительно пресечены нашим грозным директором. Пришлось согласиться. Нашим с Володей выбором, конечно же, стала Латинская Америка. Не имея ни малейшего представления о доколумбовой ее истории, мы не знали, как нам ее поделить. Поэтому

Б.А. Рыбаков предложил две темы – археология Мексики и Центральной Америки и археология всего гигантского южноамериканского континента. Далее все решал жребий. Академик взял со стола медную пятикопеечную монету и (после того как мы загадали «орел» или «решка») решительно метнул ее вверх. Мне досталась Мексика, и, если быть абсолютно откровенным, я впоследствии никогда не жалел об этом.

А дальше начались аспирантские будни. И первый насущный вопрос – кто же будет моим научным руководителем, ведь специалистов по археологии Америки у нас в институте никогда не было. Выход нашли. В те времена все институты отделения истории АН СССР размещались в одном четырехэтажном здании на улице Дмитрия Ульянова, 19. На самом верхнем, четвертом этаже сидели этнографы, у которых был даже отдельный сектор народов Америки, но и там знатоков американской археологии не оказалось. И тогда вспомнили об известном антропологе Георгии Францевиче Дебеце – человеке поистине энциклопедических знаний о прошлом человечества, и к тому же работавшим когда-то в музеях и университетах США. В общем плане его научное руководство было, несомненно, весьма полезным. Но вскоре Георгий Францевич сам заявил мне, что для более глубоких знаний по древней Мезоамерике я должен отправиться в Ленинград к Юрию Валентиновичу Кнорозову – известному этнографу и лингвисту, успевшему прославить свое имя тем, что успешно дешифровал письменность индейцев майя.

В тот момент я не имел ни малейшего представления ни о личности ученого, ни о его трудах в области американистики, поскольку еще целиком находился в своих мыслях и конкретных планах весьма далеко от Латинской Америки. Меня по-прежнему занимали «дела скифские».

Но долг зарубежного аспиранта и суровая воля начальства института заставили меня, наконец, отправиться в Ленинград. Денег тогда на нашу подготовку по зарубежной тематике (пока лишь в теоретическом, «книжном» ее плане) не жалели, и командировки на 2–3 месяца за казенный счет были не исключением, а правилом.

Получил такую «индульгенцию» и я. И вот в середине января 1964 г. я робко вошел в тяжелую старинную дверь знаменитой на весь мир Кунсткамеры, или, по официальному названию, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Там находился Сектор народов Америки, где и работал доктор исторических наук Ю.В. Кнорозов. Надо сказать, что с Юрием Валентиновичем в плане научной карьеры произошел совершенно уникальный случай – за свою работу «Дешифровка письменности майя», представленную как кандидатская диссертация, он сразу получил докторскую степень. Меня встретил человек небольшого роста, худощавый и внешне довольно замкнутый. Широкий нависающий лоб мыслителя. Холодные стальные (точнее, серо-голубые) глаза. После формального представления я изложил Юрию Валентиновичу мое нелегкое положение и попросил его стать моим неофициальным научным руководителем.

Люди, знакомые с доктором Кнорозовым, знают, как он был немногословен и сдержан в ходе общения с собеседниками. Обращался он ко всем научным сотрудникам, независимо от их возраста и статуса в официальной научной иерархии, всегда одинаково – «коллега» или «уважаемый коллега». Так было и при нашей первой встрече, хотя я был тогда еще «зеленым» аспирантом. Для начала он познакомил меня с немногочисленными сотрудниками сектора народов Америки, а потом повел меня в «святая святых» музея – библиотеку и представил директрисе. Потом подвел к довольно внушительной стенке из деревянных выдвижных ящичков и сказал: «Здесь все или почти все по интересующей вас теме», после чего удалился, бросив на ходу, что готов и в дальнейшем помогать мне в случае необходимости. Необходимость, конечно, была гигантская. Вопросы возникали буквально на каждом шагу. Но пока я с головой погрузился в «биографическое море» – перечень сотен и сотен книг по доколумбовой Мезоамерике. Не будет преувеличением сказать, что библиотека Кунсткамеры и тогда обладала, да во многом и теперь обладает, лучшим собранием работ по американистике. Поражало не только обилие этой литературы, но и систематичность ее подбора: многие важные периодические издания закупались (или попадали каким-то иным способом) в стены Кунсткамеры даже в самый тяжелый период в истории страны – 20-е, 30-е, 40-е годы XX века.

Только пожив в городе на Неве несколько недель, я смог оценить по достоинству всю мудрость совета Георгия Францевича.

Во-первых, Ленинград (Петербург) всегда был местом, где возникали и развивались с давних времен (по крайней мере с XVIII века) робкие ростки российской американистики и где в музеях (в той же Кунсткамере и Эрмитаже) накапливались разного рода коллекции (археологические и этнографические) из Нового Света. На сравнительно небольшом «пятачке» по обе стороны Невы (соединенные Дворцовым мостом) находились: на правом берегу – Кунсткамера, а на левом – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР с его внушительной библиотекой по всем аспектам археологической науки, включая американские древности, и рядом – знаменитый Эрмитаж.

Во-вторых, здесь был Кнорозов, который один заменял собой добрую дюжину специалистов. В этом весьма привлекательном «треугольнике» и проходило затем мое становление как ученого-американиста. И немалую роль в этом многолетнем процессе сыграл мой «неофициальный» научный руководитель – Юрий Валентинович Кнорозов. Он отнюдь не был легким человеком в общении, но, видимо, я чем-то ему приглянулся, и он без лишних слов и эмоций взял надо мной негласное шефство.

Общение наше обычно происходило следующим образом: я заранее готовил несколько трудных для меня вопросов и при встрече устно излагал их моему гениальному (без кавычек!) собеседнику. В очень редких случаях своим скрипучим тихим голосом, слегка растягивая слова, он отвечал сразу. Обычно это происходило в коридоре (дабы

не мешать другим сотрудникам), среди высоких шкафов из потемневшего дерева, во время перекура (Юрий Валентинович был заядлым курильщиком и употреблял только крепкие папиросы «Беломор»). Удовлетворив мои запросы, как правило, лишь частично, он добавлял: «Над остальным я подумаю, заходите завтра». Это «завтра» могло длиться и несколько дней, и неделю-другую. Но ответ всегда появлялся – глубокий и всесторонний. Как правило, Юрий Валентинович садился за свой стол в кабинете у громадного окна с видом на Неву и раскладывал стопку листков-«четвертушек» (1/4 обычного листа А4) из хорошей белой бумаги, исписанных каллиграфическим почерком. В них-то и содержались ответы на мучившие меня загадки мезоамериканского прошлого. За текстом всегда следовали немногословные, но всегда дельные устные комментарии.

Хочу развеять здесь и один устойчивый миф, касающийся Юрия Валентиновича. Обычно люди, имеющие хоть какое-то отношение к изучению прошлого Америки, при упоминании имени Кнорозова говорят: «Конечно, знаем, он тот, кто расшифровал и прочитал письменность древних майя». И это истинная правда! За одно только это эпохальное достижение его имя достойно находиться в «золотой книге» американистики. Но мало кто знает, что Юрий Валентинович был подлинным энциклопедистом во многих областях знания: математиком, лингвистом, этнографом, историком и даже археологом. Именно такое сочетание широты и профессионализма при решении поставленных научных задач и приносило ему неизменный успех в исследованиях.

С годами, по мере того как я более или менее осваивал азы мезоамериканской археологии и защитил в 1966 г. (по иронии судьбы это произошло 1 апреля) кандидатскую диссертацию под громким названием «Древнейшие цивилизации Мезоамерики» (М.: Наука, 1972) [Дело в том, что из всех цивилизаций классического периода (I тыс. н. э.) в работе освещались проблемы лишь трех из них – майя, сапотеков и Теотихуакана – да и то в чисто археологическом аспекте], наши отношения заметно упрочились и расширились.

Случилось так, что среди всех доколумбовых культур Мезоамерики меня больше всего заинтересовала цивилизация майя. И не только из-за ее несомненного романтического очарования, но и, а это главное, из-за обилия и разнообразия доступных для изучения источников – археологических, этнографических, письменных. Вполне естественно, что сотрудничество с Юрием Валентиновичем в данной области явилось для меня истинным «подарком судьбы».

После защиты кандидатской все мои занятия Мезоамерикой сосредоточились только на древних майя. Конечно, будучи археологом, я прежде всего изучал именно археологические аспекты истории этой цивилизации. То есть главной сферой моих интересов стали древности классического периода – I тысячелетие нашей эры.

После первичного ознакомления с обширной археологической литературой (а города майя интенсивно раскапывались и раскапываются до сих пор многочисленными экспедициями ученых Мексики и

США), настало время для постановки общих проблем майяской цивилизации. И здесь непосредственная помощь Юрия Валентиновича и освоение на практике его идей оказались поистине бесценными.

Между тем в специальной литературе тех лет еще господствовала точка зрения, творцами которой были Сильванус Грисвольд Морли и Джон Эрик Томпсон (30-е – 40-е гг.). Согласно этой теории у майяской цивилизации вообще не было настоящих городов в классический период, а имелись лишь «ритуальные центры», где постоянно проживала лишь правящая теократическая элита (жреческая верхушка и обслуживающий ее персонал), осуществлявшая религиозные и управленческие функции в государстве. Основное же население – мирные общинники-земледельцы – обитали в окрестных деревушках, возделывали на своих полях кукурузу, фасоль и тыкву и снабжали всем необходимым (включая трудовые услуги) правящую аристократию.

Будучи энциклопедистом в области исторических наук, Юрий Валентинович посоветовал мне обратиться к теме древнего (точнее, древнейшего) города в Старом Свете, особенно в древней Месопотамии; выяснить такие принципиальные вопросы, как общее определение древнего города, его происхождение, функции, морфологию, размеры территории и численность населения...

Обстоятельства явно благоприятствовали мне в этих изысканиях по истории древневосточных городов. Начиная с 1969 г. (и до 1985 г.) я работал в составе археологической экспедиции АН СССР в Ираке, где мы раскапывали на северо-западе страны, в Синджарской долине, раннеземледельческие поселения VIII–IV тыс. до н. э., предшествовавшие появлению Шумерской цивилизации. Поэтому мне удалось изучить не только отечественную (особенно труды выдающегося российского историка И.М. Дьяконова) и иностранную литературу, но и своими глазами увидеть руины (и экологическое окружение) множества известных городов древности: Ур, Урук, Вавилон, Ниппур, Киш, Нимруд, Ниневия, Ашшур и др.

Получив, таким образом, неплохую подготовку по проблемам древнего города в Старом и Новом Свете, я обратился непосредственно к конкретным археологическим материалам городов майя I тыс. н. э. И здесь, помимо их общей близости с городскими центрами ранних цивилизаций Ближнего Востока, выявилась их большая локальная специфика. Чем исследователь располагал в данном случае? Храмы на высоких ступенчатых пирамидах, многокомнатные дворцовые ансамбли на низких платформах, ряды каменных стел и алтарей, рельефы и, в редчайших случаях, фресковые росписи, гробницы правителей и верховных жрецов, великолепная полихромная расписная керамика с мотивами, посвященными как реальной жизни элиты (дворцовые и военные сцены), так и посмертной судьбе аристократов и жрецов и т. д. И каждая из этих категорий требовала от специалиста глубоких и всесторонних знаний в области религии, календаря, социально-политической структуры и многих других важнейших аспектов древне-майяского общества.

Со всей ответственностью могу сказать, что без постоянной и бесценной помощи Юрия Валентиновича (мы общались не только во время личных встреч в Москве или Питере, но и, главным образом, в переписке) я бы с поставленной сложнейшей задачей не справился. Постараюсь подтвердить это конкретными примерами.

Прежде всего, меня интересовали каменные стелы с резными изображениями и иероглифическими надписями. В городах майя начиная с XIX века было выявлено несколько сотен таких монументов. Они когда-то стояли на центральных площадях городов, стояли возле главных храмов, под ними находились тайники с ритуальными приношениями и алтари со следами сложных культовых церемоний. Обычно на стелах, с лицевой их стороны, изображены персонажи высокого ранга в пышных одеждах и с атрибутами верховной власти в руках («гротескный скипетр», или «змеиная (ритуальная) полоса», и круглый щит с маской бога солнца). Каменные стелы устанавливались и в постклассический период (X–XV вв.) в некоторых городах полуострова Юкатан. Основываясь на колониальных письменных источниках, Ю.В. Кнорозов связал установку стел в честь окончания 20-летий («катунов») с формальной сменой власти в правящих династиях майя.

Он писал: «Представления о смене богов у власти различного происхождения. Наиболее ранние связаны с естественными сезонами дождя и засухи, когда господствуют соответственно бог дождя и бог солнца. Представление о четырех богах, правящих миром поочередно, несомненно, гораздо более позднее и отражает социальный институт смены власти по родам или подразделениям племени. Уже чисто жреческого происхождения учения о богах, правящих в течение "двадцатилетия", в честь которых воздвигались стелы. Эти учения, очевидно, имели целью закрепить власть одной династии, перенося смену власти из реальной жизни в область мифологии» [Кнорозов Ю.В. Пантеон древних майя М., 1964. С. 9].

Происхождение обычая возводить стелы, как считает Ю.В. Кнорозов, связано со «священным» или «мировым» деревом мифов майя, реальное воплощение которого в виде старой развесистой сейбы или другого крупного дерева служило в древности местом общеплеменных собраний и обрядов, включая и выборы вождя. Позднее, к концу I тыс. до н. э. такое дерево заменил каменный столб-стела (например, монумент «E» из Трес Сапотес), возле которого происходили перевыборы правителя на следующий срок (полгода – сухой или дождливый сезоны, на год, на четыре года и т. д.).

И далее он развивает эту мысль в своей фундаментальной монографии «Письменность индейцев майя» (М.; Л., 1963). Описывая так называемые «юбилейные» стелы, которые устанавливались в честь окончания «двадцатилетия»-катуна, Юрий Валентинович отмечает, что эти стелы «неразрывно связаны с культом богов, правящих поочередно в течение определенного периода. Религиозные представления о переходе власти от одного бога к другому, несомненно, являются реальным отражением существовавшего института смены правления

по родам. Появление юбилейных стел, по-видимому, свидетельствует о том, что захват власти одной династией получил религиозную санкцию. Смена власти происходит уже не в реальной жизни, а у богов. Земной владыка вместо того, чтобы передавать власть, получает от очередного бога инвеституру на правление» [Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963. С. 12].

Таким образом, Ю.В. Кнорозов четко выявил непосредственную связь резных каменных стел с правящими династиями древних майя, что открыло широкие возможности для использования этих монументов в качестве одного из критериев для выделения городов среди других поселений и для изучения истории правящих династий в некоторых городах-государствах майя (например, работы Т. Проскуряковой по Йашчилану и Пьедрас Неграс). Это дало мне возможность в дальнейшем (используя, естественно, и другие признаки) выделить свыше полутора десятков автономных городов-государств майя в I тыс. н.э. [Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979. С. 129–205].

Очень ценными оказались для меня и рассуждения Юрия Валентиновича относительно культа предков у древних майя по материалам иероглифических рукописей и этноисторических источников постклассического и колониального периодов. В Дрезденской рукописи (перевод Ю.В. Кнорозова) бог Кашиш – покровитель земледельцев – в специально отведенные по ритуальному календарю дню совершает обряды на могилах предков и общается с их духами:

6 [дней] XI[числа]
Нисходит посетить умерших
[бог дождя] Кашиш [для]
Нового расчета сил.

[Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975. С. 55]

На рисунке, сопровождающем текст, изображен бог дождя, который сидит с топором в руке на низкой платформе (видимо, платформа – фундамент жилища) с символами смерти на ее стене (белые скрещенные кости) и указывает рукой вниз.

Обычай хоронить своих покойников под полами домов или вблизи них был распространен до конкисты у рядовых общинников майя повсеместно. Однако открытие гробницы в Храме Надписей, Паленке, мексиканским археологом А. Русом Луилье показало, что и майяская элита хоронила своих умерших под полами храмов и внутри пирамид-оснований. Находки таких же гробниц в пирамидах храмовых комплексов Тикала, Вашактуна, Йашчилана, Копана и других городов I тыс. н. э., а также идеи Юрия Валентиновича позволили мне прийти к выводу, что многие монументальные сооружения на высоких ступенчатых основаниях, стоявшие на центральных площадях майяских городов, являлись заупокойными храмами обожествленных царских предков [Гуляев В.И. Государственная идеология древних майя (к вопросу о культе царских предков) // Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки. М., 1990. С. 162–173].

Еще одним важным вкладом Юрия Валентиновича в мои «штудии» были его советы и подсказки относительно атрибутов верховной власти у древних майя. Любому специалисту, обращающемуся к сложнейшей теме майяской религии – к бесчисленному сонму малопонятных богов со сложными и запутанными функциями, – хорошо знакомо ощущение растерянности и бессилия при попытке хотя бы немного разобраться в данной проблеме. Столкнулся с этим и я, пытаясь отождествить божества I тыс. н. э., запечатленные на «гротескных скипетрах» (manіquin scepters) и «ритуальных полосах» (ceremonial bars) – главных инсигниях царской власти у владык майяских государств, если судить по иконографии классического периода.

Ю.В. Кнорозов не только навел порядок в майяском божественном царстве (он составил по рукописям XII–XV вв. и изображениям I тыс. н. э. альбом, разделенный на две фратрии богов местного пантеона), но и помог мне надежно отождествить «главного героя» этих инсигний с богом «К», богом огня, богом-громовником [Гуляев В.И. Атрибуты царской власти у древних майя // Российская археология. № 3. 1972. С. 116–134; Гуляев В.И. Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя // ВДИ. № 3. 1993. С. 45–60]. Он же и бог-распорядитель, который делает власть очередного правителя легитимной через магическую силу обожествленных предков.

И теперь о самом главном. Известно, что основная задача исторической науки (в том числе и археологии) – воссоздать картину прошлой жизни. Но если говорить о временном факторе, то начиная с XVI – XVII веков главную роль в этом процессе играют уже письменные источники. Для более ранних эпох (и особенно для дописьменной эры) главным источником информации о прошлом является археологический материал. До недавнего времени это в полной мере относилось к цивилизации майя I тыс. п. э., и несмотря на огромное количество накопленных наукой иероглифических текстов (на камне, кости, керамике; росписях) классического периода (III–IX вв. н. э.), удавалось прочесть только календарные надписи. Самая блестящая страница истории майя – их классическая цивилизация – оставалась безмолвным «сфинксом». Многолетние археологические раскопки принесли нам сведения о дворцах, храмах, каменной скульптуре (стелы, алтари, рельефы), фресковой росписи, керамике. Ученые-естественники помогли реконструировать системы жизнеобеспечения древних майя: «гидравлическое» земледелие и др. Более или менее успешно удалось выявить материальную сторону культуры майя, но о культуре духовной, социальной структуре и политической истории великого народа приходилось только гадать.

И вот в последние десятилетия XX века в изучении прошлого майя и произошел настоящий прорыв. Давно погибшая цивилизация классического периода вдруг заговорила в полный голос – началось широкое чтение иероглифических надписей I тыс. н. э. Ключ к этому процессу дала расписная полихромная керамика из гробниц майяской элиты. Каждый такой глиняный сосуд имел короткий иероглифический текст вокруг венчика (стандартного содержания), изображения

божеств и людей на тулове и иногда поясняющие дополнительные надписи, то есть перед нами – прямой, но глиняный аналог иероглифических рукописей майя XII–XV вв. (где изображение богов всегда сопровождается пояснительным текстом).

Большинство этих сосудов происходит из грабительских раскопок и находится в частных коллекциях, редко попадая в поле зрения ученых. Лишь в начале 70-х годов прошлого века известный археолог из США Майкл Ко, пользуясь своими широкими связями с коллекционерами древностей, сумел получить для выставки «Письменность древних майя» в Нью-Йорке свыше ста подобных сосудов. При осмотре этой коллекции его несказанно поразили как тематика мотивов росписи на данной керамике, так и характер иероглифических текстов на ней. Иероглифы вокруг венчика явно повторялись, что позволило ученому назвать их «Стандартной формулой». Издав изображения многих полихромных сосудов майя и прорисовку надписей, М.Д. Ко немедленно направил опубликованные альбомы своему другу – Ю.В. Кнорозову. И тот быстро установил, что многие иероглифы на керамике совпадают с иероглифами из постклассических рукописей. Отсюда был лишь один шаг для прочтения текстов I тыс. н. э. сначала на глиняных сосудах, а потом и на каменных изваяниях. Так мы узнали имена некоторых правителей майя, подлинные названия их городов, ряд событий политической истории древних майяских государств.

Узнали, наконец, и настоящее имя великого правителя майя из города Паленке, погребенного под пирамидой Храма Надписей: он оказался не «Пакалем», как считали многие зарубежные ученые, а «Сыном Желтой Попугаихи и Ягуара». Открылась нам и сложнейшая философия людей I тыс. н. э., связанная со смертью и загробной жизнью.

В своей монографии «Города-государства майя» (1979) я, пользуясь чисто археологическими данными и ретроспективным использованием письменных источников X–XVI вв., смог установить факт посмертного обожествления царей майя, веру в загробную жизнь и факт наличия у этого народа в I тыс. н. э. около двух десятков сравнительно небольших государств, наподобие египетских «номов». Доказательств существования более крупных политических образований типа царств, держав и империй для классического периода тогда в науке просто не было.

И лишь широкое чтение иероглифики майя I тыс. н. э. Ю.В. Кнорозовым, его учениками и последователями в России и за рубежом позволило совершенно по-иному взглянуть на жизнь индейцев майя в ту далекую эпоху. Наши представления о майяской цивилизации заметно изменились, о чем наглядно свидетельствуют недавние публикации молодых российских майянистов по поводу форм государственности у индейцев майя классического периода.

В заключение я хочу рассказать об одном эпизоде, когда мне удалось оказать Юрию Валентиновичу существенную помощь в качестве полевого археолога. Речь идет об экспедиции на остров Итуруп

(Курильские острова) в 1985 г., где Кнорозов искал следы поселений айнов и их наскальные рисунки, которые, по его мнению, представляли собой самую раннюю систему пиктографической письменности. В состав экспедиции входили, кроме самого Юрия Валентиновича, молодой ученый-африканист Николай Гиренко (альпинист и спортсмен) и аспирантка Кнорозова, специалист по Монголии и армянка по национальности, фамилию и имя которой я забыл (Галя Авакьянц). Оба они, как и сам Юрий Валентинович, до той поры никакой полевой археологической практики не имели.

И с первых же дней по прибытии на Итуруп и начала наших выходов в дикую и безлюдную местность на поиски древних айнских стоянок я убедился в том, что Юрий Валентинович – гениальный, хотя и чисто кабинетный, ученый и никудышный полевик. При всем при этом он был человеком поразительной, иногда безрассудной, храбрости.

Так, проверяя информацию какого-то дилетанта-спелеолога из Южно-Сахалинска о наличии на Итурупе в кратере потухшего вулкана целой галереи наскальных рисунков, он с большим риском для своей жизни (да и для наших тоже) опустился с помощью веревок в злополучный кратер, но ничего там не нашел. Зато, уже по наводке местных жителей, мы отправились из Южно-Курильска к гряде холмов, у подножия которых на больших валунах имелись древние рисунки и, к большой радости, таковые там и обнаружили.

Кончилось все тем, что я, следуя старому археологическому правилу – искать поселения разных эпох у пресной воды – проложил наши разведочные маршруты вдоль речушек острова; в результате мы обнаружили восемь неизвестных ранее древних стоянок – от эпохи неолита до средневековья, т. е. почти до исторических айнов. Нашли мы там и несколько крупных галек с изображениями кита, лососей и сложным орнаментом.

После этой памятной поездки Юрий Валентинович еще несколько лет ездил на Курилы и упорно искал материальные доводы в подтверждение своих идей о происхождении письменности в Азии и Америке.

Приложение 17

Исаак Иосифович Ревзин

Ревзин И.И. Воспоминания. Из работ московского семиотического круга. М., 1997. СС. 815, 829-830. Текст «Воспоминаний» был написан в 1967-1968 гг.

ВОСПОМИНАНИЯ

В эти приезды мы вместе завтракали, вместе гуляли по Ленинграду, вместе ужинали. Неизменным участником всех мероприятий КПЛ был А.А. Реформатский, который окрашивал своими колоритными рассказами за рюмкой водки эти замечательные вечера в «Европейской» или в «Астории». Слушая его и Н.И. Жинкина, обменивающихся воспоминаниями о 20-х годах, я впервые стал подумывать о том, что и наши встречи хорошо бы зафиксировать. И часто на этих вечерах появлялся быстро хмелевший Ю.В. Кнорозов.

Кнорозов – фигура из Петербурга Достоевского. У него странно глубоко посаженные глаза, и взгляд его выдержать невозможно. Ему трудно говорить, но то, что он говорит, всегда интересно, хотя всегда окрашено мрачноватым юмором. Манера говорить – подчеркнуто простонародная («вить», повторяет он на каждом третьем слове), а содержание мистическое, касающееся самых сложных сторон человеческой психики. Одет он всегда по-стариковски: в круглой вдавленной шляпе, полы пальто тянутся чуть ли не до земли – и когда он идет по Ленинграду, то возникает нечто вроде прекрасного эпизода пырьевского «Идиота» – князь Мышкин, идущий под дождем и ветром по Петербургу. Он тогда был очень дружен с нами всеми. Сейчас мы уже не видимся и трудно сказать, как бы встретились сейчас. Но наши приезды в Ленинград неразрывно останутся связанными с Ю.В. Кнорозовым.

А.Н. Колмогоров в Горьком

Странная штука – память. Сейчас в Ессентуках, отрезанный от документов и записей, я никак не могу восстановить порядок событий. Мне кажется, что совещание по математической поэтике в Горьком было после математического съезда. Я твердо помню, что оно было в октябре, но, по-моему, это после съезда в июне. Очень семиотично оно было по духу и по программе. Конечно, это могло объясняться личностью Вяч. Вс., организовавшего совещание и лично представившего четыре доклада. В пользу такой датировки свидетельствует и то, что на совещании была Ира Севбо – моя аспирантка по 10-му сектору (впрочем, это могло быть и до ее аспирантства).

Но если это так, то никак не пойму, почему в Горьком не было, кроме меня, никого из сектора. Вяч. Вс. еще работал в ИТМ и ВТ.

Были из Москвы еще В.Ю. Розенцвейг, А. Жолковский, Ю. Щеглов, из математиков Ися Яглом, а также еще А. Прохоров, Н. Рычкова (сотрудники Колмогорова). Из Ленинграда были

Ю.В. Кнорозов и Гера Цейтин. Других не помню. В середине совещания появился Зарецкий. С ним я познакомился в обкомовской столовой, куда нас пускали ввиду необычной представительности конференции: два академика, а именно А.Н. Колмогоров и Н.И. Конрад, уехавший, правда, в середине конференции.

Все совещание действительно было окрашено личностью Колмогорова. Он вел себя совсем не так, как филологические академики. Он приходил на каждое совещание, слушал все доклады, выступал по каждому из них, задавал вопросы. Из одного случайного замечания стало ясно, что он очень хорошо заметил чье-то (кажется, Вяч. Вс-ча) отсутствие на одном из заседаний. Ему очень нравилось в Горьком, и, пожалуй, резкие антипатии внушал ему лишь Кнорозов. Впрочем, антипатия была вполне взаимной. Гениальный Кнорозов уже тогда почувствовал несерьезность математической эскапады в область гуманитарного знания, хотя внешне роли были распределены обратным образом: в лице Кнорозова самоучка столкнулся с цеховым ученым, противопоставлявшим туманным прозрениям Кнорозова методичность, основательность, а главное – огромный кругозор. Разумеется, я излагаю сегодняшнюю оценку происходившего – тогда я был целиком на стороне Колмогорова. И когда Кнорозов излагал свою теорию фасцинации и Колмогоров, не приемля этого слова, всячески его коверкал, я полностью разделял его рационализм (фактическую сторону спора я, кажется, достаточно объективно изложил в написанном мною отчете. Этот отчет, добрая половина которого посвящена идеям Колмогорова, репликам Колмогорова, выводам Колмогорова, хорошо передает мое тогдашнее настроение. Кстати, этот отчет – наиболее цитируемое мое произведение – факт весьма многозначительный с точки зрения того, что будет сказано в «Заключении»). Справедливости ради следует отметить, что и Юра Щеглов занял тогда позицию, аналогичную кнорозовской.

Должен сказать, что я и сейчас с большим интересом отношусь к общетеоретическим выводам (для поэтики и лингвистики вообще и, даже шире, для теории моделирования человека), сделанным Колмогоровым из его штудий. Хотя конкретные его стихотворные анализы (в отличие от сделанных как будто по его рецептам Вяч. Всеволодовичем) мне скорее не нравятся.

Приложение 18

Майкл Дуглас Ко (Michael Douglas Coe)
Три письма 2012 года, которые по электронной почте прислал мне американский археолог Майкл Ко, обсуждая некоторые темы, связанные с Ю.В. Кнорозовым и изданием его книги «Breaking the Maya Code». (Личный архив Г.Г. Ершовой)

ПИСЬМО 1

Дорогая подруга Галя,
Я извиняюсь, что так поздно отвечаю на твое крайне содержательное и интересное письмо о Кнорозове. В свое оправдание скажу, что я ездил по разным частям США, читая лекции по четырем разным предметам. Сейчас я вернулся домой и работаю над статьей, где сравниваю образование и биографию Кнорозова и Томпсона.
Мое исследование относительно Томпсона показало, что он на самом деле был очень плохо образован. Он проучился в университете всего один год – в Кембридже, где кафедра антропологии в то время была весьма слабой и с точки зрения преподавания, и с точки зрения научной деятельности. В конце того года он получил диплом по антропологии. Он никогда не учился на более высокую степень и не получал ее. И он, конечно, никогда не изучал древнеегипетский или какой-либо другой древний язык, пока учился в Кембридже.
Контраст с Юрием Валентиновичем поразительный. Кнорозов был прекрасно подготовлен к его великому открытию, а Томпсон нет.
Что касается Токарева и Толстова, признаю, что существуют противоречивые мнения о них. В мемуарах Владимира Кабо «Дорога в Австралию» и в комментариях других этнологов из института Токарев фигурирует как очень добрый и открытый наставник с энциклопедическими знаниями о мировых культурах и человек, вдохновивший многих студентов. Толстов же, напротив, выступает как прямолинейный идеолог – Кабо, например, называет его «маленький Сталин». Однако я читал различные статьи о блестящей эрудиции Толстова, его знании ряда древних языков Центральной Азии и его превосходном руководстве Хорезмским проектом. Как ты говоришь, у него, должно быть, был огромный талант организатора.
Мне очень интересна жизнь Кнорозова во время немецкой оккупации Украины. С октября 1941 года по август 1943 года город находился в руках немцев. Как Кнорозов и его семья выжили? После освобождения, если он не был принят в Красную Армию, что он делал до окончательной капитуляции Германии в 1945 году? Даже в Соединенных Штатах это был период, когда было крайне трудно получить отсрочку от военной службы.
Мне было крайне интересно узнать о беседах Кнорозова с его соседом Львом Гумилевым, который, как мне кажется, провел в ГУЛАГе в общей сложности 16 лет. Как Кнорозову удалось избежать осуждения и ареста КГБ за столь опасную связь? В то время, вплоть до смерти

Сталина в 1953 году, в МГУ, особенно на комсомольских собраниях, случались бесчисленные доносы.
Прости, что беспокою такими вопросами, но ты лучше всех знала Юрия Валентиновича.
Крепко обнимаю, Майк

ПИСЬМО 2

Глубокоуважаемая Галя.
Я готовлю лекцию, которая состоится в Дамбартон Оакс в следующем месяце. Название: «Холодная война и дешифровка письменности майя». Безусловно ключевая фигура – Юрий Валентинович.
Очень важная часть лекции – сведения об образовании, которое Кнорозов получил в МГУ. Я в частности интересуюсь тем, кто мог преподавать ему египтологию и египетскую иероглифику. Я связывался с Ириной Куликовой из Центра египтологии (в Москве), которая сказала мне, что двумя египтологами на факультете во времена Кнорозова были профессора Всеволод Игоревич Авдлев (Авдиев. – Г. Е.) и Дмитрий Игоревич Редер. Ты не знаешь, мог ли кто-либо из них, или оба, быть преподавателями Юрия Валентиновича?
Для меня очевидно, что образование Кнорозова «подготовило» его к дешифровке иероглифической письменности майя. У него было прекрасное образование, несмотря на все политические трудности. Профессор Сергей Александрович Токарев был ключевой фигурой для него, как и для целого поколения русских антропологов. ЮВК посчастливилось, что именно он был его наставником, а не сталинист С.П. Толстов.
Последний вопрос. Я читал в одной биографии, что Юрий Валентинович пришел в Институт этнографии в Ленинграде в 1950 г. значит ли это, что он написал свою знаменитую статью 1952 года (в «Советской этнографии») в Ленинграде, а не в Москве?
На основании того, что я узнал, я пришел к выводу, что Кнорозов был прекрасно подготовлен к тому, чтобы осуществить дешифровку, а Томпсон нет.
Обнимаю,
Майк (Майкл Д. Ко)

ПИСЬМО 3

Дорогая Галя,
...Говоря о Кнорозове, благодаря тебе, я наконец понял, почему он рассказывал истории о своей жизни во время и сразу после Второй мировой войны. Его пребывание на оккупированной немцами Украине на протяжении более двух лет могло привести к постоянным подозрениям со стороны органов государственной безопасности (НКВД/МВД). Добавить к этому, что он никогда не бывал в боевой армии, и я могу представить психологические проблемы, которые могли у него возникнуть.
Я обнаружил, что люди, у которых был реальный опыт военных действий, почти никогда не говорят о них даже своим семьям. Напри-

мер, Эрик Томпсон служил в окопах во время Первой мировой войны и был ранен, но я никогда не слышал, чтобы он рассказывал об этой части своей жизни мне или кому-либо еще.

Таким образом, военная история Юрия Валентиновича была частично им выдумана. Во «Взламывая код майя» я повторил в точности то, что он сказал мне о пребывании в Берлине, даже не осознавая, что он это выдумал. Кстати, дядя Софии был офицером в Красной Армии и действительно участвовал в битве за Берлин – он передал мне гвоздь от одной из дверей Рейхстага в качестве памятного подарка (который я передал его сыну Павлу).

Теперь я понимаю, почему Кнорозову нужен был Токарев в качестве защитника – его могли легко отправить на Лубянку для допроса, а затем отправили бы в один из трудовых лагерей ГУЛАГа. К чести Токарева, он признал выдающийся талант Кнорозова и оказал ему необходимую поддержку.

Кстати, у меня есть много информации об образовании Томпсона, и я даже нашел записи, которые он делал, будучи учеником в Винчестере (его школа) и Кембриджском университете. Он никогда не посещал таких лекций, которые дали Кнорозову столь большой опыт в межкультурных исследованиях. Вот почему именно Кнорозов «взломал код майя», а не Томпсон.

Обнимаю, Майк.

Приложение 19

Джордж Стюарт George Stuart (National Geographic)
Текст мемуаров был любезно прислан для Конгресса по эпиграфике в Шкарете в 2011 г. (Личный архив Г.Г. Ершовой)

Я всего лишь хочу поделиться историей нашего знакомства с Юрием Кнорозовым, которая началась в 1950-х гг. Тогда мой друг и сосед в Мериде Альфредо Баррера Васкес рассказал мне о невероятном открытии, которое недавно опубликовал Юрий.

Прошло двадцать пять лет. Я работал с Юрием над статьей, которую написал для National Geographic в декабре 1975 г. С моей стороны это был дипломатический триумф, которым можно похвастаться, потому как в статье я должен был угодить не только Юрию, но и Эрику Томпсону, и это сработало!

В 1984 г. мы с моим девятнадцатилетним сыном Дэвидом были на конференции «Фонетизм письменности майя» в Олбани, Нью-Йорк, где я надеялся, наконец, увидеть Юрия – но он не смог приехать, к нашему огромному сожалению.

Вскоре после этого мы узнали, что Юрию не хватает некоторых ключевых источников для продолжения исследований. Тогда мы с Дэвидом провели несколько дней, собирая книги и статьи, среди которых были оригиналы и сделанные нами ксерокопии. Все это мы упаковали в несколько больших коробок и принесли к дверям посольства СССР (которое находилось практически через дорогу от моего офиса в Обществе National Geographic в Вашингтоне).

Люди из посольства приняли нас и согласились отправить коробки Юрию дипломатической почтой и бесплатно! Так они и сделали, и когда Юрий получил их, он прислал письмо со словами глубокой благодарности. С тех пор и до самой его смерти каждый год Юрий присылал мне особое новогоднее поздравление открыткой или письмом.

Однако, сами того не подозревая, поскольку это были дни «холодной войны», в тот момент, когда мы входили в посольство СССР, мы с Дэвидом были засняты на фото агентами ФБР. Вскоре нас задержали для долгого допроса. К счастью, мы убедили их, что в то время как наши правительства имеют разногласия друг с другом, майянисты предпочитают делиться предметами и идеями через «железный занавес». Нас отпустили. Я рад, что эти дни давно позади!!!

Если хотите, поделитесь этими короткими мемуарами на конференции в Шкарете, как и моими самыми лучшими пожеланиями.

Больше всего я надеюсь, что Вы простите мне эти изменения в плане. Если бы я мог, я бы приехал!

Приложение 20

Марина Валентиновна Берестова (дочь Валентина Дмитриевича Берестова)
Текст интервью был записан во время съемок документального фильма о Ю.В. Кнорозове в 2008 г. (Личный архив Г.Г. Ершовой)

РУКОПИСИ ПРОКАЖЕННЫХ В ЗАЧМОНЕ

Я очень хорошо помню, как Юрий Валентинович как-то приехал в Москву. Видимо, обычно в Москве они с папой встречались в другом месте, но тут он пришел к нам в гости. И он пришел, а папы еще не было дома.
А меня он удивил тем, что ко мне обращался на «вы»: «Вы, Марина, уроки делаете?» Я, значит – как на «вы»? Я стала оглядываться, смотрела – с кем еще он там разговаривает, потому что такой, вроде, взрослый дядя, хоть такой школьный портфель. И с такой маленькой девочкой говорит на «вы». Я к такому не привыкла.
Да, это вот этот дом. Мы сюда въехали в 1957-м. И жили мы вот в этих, там был такой длинный коридор. Это был Зачатьевский монастырь. Его называли люди, которые здесь жили – просто «ЗАЧМОН». Иногда я встречаю людей, они так называют. Вот и вот эти два окна, мы были здесь.
Папа к нему чаще всего ездил в Ленинград.
В тот день мама готовила какую-то еду на кухне и стояла спиной к двери. И он, видимо, открыл дверь и так растерялся, увидев живописную картину нашего коридора, что он просто не мог сдвинуться с места. А соседи через какое-то время обратили на него внимание и говорят маме – там какой-то странный человек. Мама говорит – а, странный, значит это к нам.
Поворачивается и видит, что голубыми глазами смотрит, полными испуга, и сдвинуться не может с места. Она бросилась к нему: «Юрий Валентинович, вы проходите», – тянет его через весь коридор. Она говорит: «Я его тяну вперед, а он как бы назад все время хочет». И он даже слова не мог сказать, ни поздороваться. Он идет – там корыта висят, какие-то велосипеды, дети бегают, какие-то запахи летят, одежда висит, готовят еду... Вот он вошел в комнату. Через какое-то время мама говорит: «Садитесь».
«Нет, я постою», – в ужасе сказал он. А потом, когда он уже немножко отдышался, он ей сказал вместо «здравствуйте»: «Желаю вам как можно скорее отсюда выбраться».
Мама моя говорит: «Ну, садитесь». А он – нет. И чтобы ее развлечь, он пришел с таким, как школьным, портфельчиком. И он так его держит в руках, не отпускает. Я как сейчас помню, мне показалось, что какой-то школьник тоже пришел. Из этого портфельчика вдруг он извлек какие-то серые бумаги. Я тоже заинтересовалась, что за бумаги – но мне никто ничего не показывал. Но маме показал: «Вот посмотрите», – так, с уважением, и дает ей. Мама подошла, посмотрела, так, с ува-

жением, отдает ему эти подлинники. Он говорит: «Это подлинники, посмотрите, подержите в руках». Она подержала в руках, посмотрела, вернула ему. Тогда он говорит: «А сейчас быстро мыть руки, потому что это было в руках у прокаженных».

И мама бегом, ей не надо было повторять, она пулей побежала в коридор! Назад туда, в это страшное место побежала. А когда вернулась, я уже ждала ее с вопросом: «А что такое прокаженные?»

Ну а потом пришел папа. И этот первый момент очень быстро забылся. И они еще очень долго о чем-то там разговаривали и меня не приглашали участвовать...

Приложение 21

Сарина Мартинес (Мексика) / Zarina Martinez Børresen

Фрагмент 1. Видеозапись интервью с Сариной Маринес Борресен сделана в Москве в мае 2008 г. для фильма «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор Г.Ершова, режиссер Ф. Кудряшов). (Личный архив Г.Г. Ершовой). Фрагмент 2. Тексты воспоминаний С. Маринес Борресен написаны в Осло и присланы в 2019 г. (Личный архив Г.Г. Ершовой).

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮРИИ КНОРОЗОВЕ

Фрагмент 1

Моя первая встреча с Кнорозовым произошла в 1992 году, его пригласили в Мексику, и он пришел оформлять визу. И это было интересно, так как я знала, кто такой Кнорозов, – но никогда его не видела – для меня он был чудесной абстракцией. Для меня эта встреча была очень приятной, неожиданной. Удивительной. Человек начинает думать о том подвиге, который совершил этот человек. Он простой, трогательный, приятный. Удивительно, как он никогда не ездил в Мексику и сумел дешифровать это письмо. И до этого никогда не соприкасался с культурой майя.

В посольстве я занималась культурой, и у нас была очень четкая политика по отношению в данном случае к России – это был человек, гуманист, очень важный ученый, который внес огромный вклад для истории Мексики, наиважнейший вклад. К нему отнеслись так же хорошо, как относились ко всем. Хотя к нему чувствовали особое тепло, так этот был совершенно особенный человек. Но я ничего особенного не сделала – это были мои обязанности, которые я выполняла с огромным удовольствием

Я не помню деталей той истории, когда он приехал без паспорта. Но это типично для человека, который живет в другом мире, измерении. С момента моего знакомства я поняла, что этот человек абсолютно не ориентируется в том, что называется практическим миром. И надо было вывезти его, как получится, обязательно добиться того, чтобы он оказался в Мексике, для которой это была высочайшая честь.

Я не знаю, как в случае с Кнорозовым было принято решение об ордене. С момента начала нашей работы мы очень заботились о том, чтобы люди, работающие на культуру Мексики, получили должное признание. То есть те, кто приложили усилия для распространения мексиканской культуры в стране, где мы находимся. Кнорозов, как я уже сказала, был необычайным человеком. Многие могут изучать Мексику, но в данном случае – это было уникальное открытие, ключевой момент в изучении майя. И я думаю, что Кнорозов уже был в списках тех, кого надо отметить. Уже все было рассмотрено, решено. И в конечном счете решение было принято в Министерстве ино-

странных дел. И это было перед самым завершением срока правления президента Салинас де Гортари. Орден был вручен в последний день его правления. Это было 30 ноября 1994 года.

Это была огромная радость, поскольку далеко не всегда присуждается подобная награда людям, больше всего заслужившим ее. Многие могут претендовать быть кандидатом на награду – но одни заслуживают ее в большей степени, нежели другие. Одни заслуживают в области литературы – а другие – в политике. Но культура – это исключительно важно.

Предложение поступило от посольства. Когда я начала здесь работать, нас было двое, кто занимался вопросами культуры. И была целая команда людей, которые нам помогали. Они переводили, договаривались о встречах, доставали необходимые материалы. Но главным был посол, а я была тогда атташе по культуре – мы начали этот процесс. Но для меня это был пятый Орден Ацтекского Орла. Работа, которую мы провели, оказалась очень результативной. Это признание заслуг Кнорозова оказалось немного запоздалым – но все же успели вовремя. Я могу сравнить с двумя другими вручениями Ацтекских Орлов, когда организовывался прием в посольстве. Каждый раз говорилось о значении вклада того человека, которому вручался орден. Все эти люди произносили речь – одни очень хорошую, другие – слишком длинную и не очень хорошую... Но что меня сразу же невероятно потрясло, это скромность Юрия Кнорозова и то, насколько он был тронут.

Это был немногословный человек, очень скромный, а взгляд его был немножко зловредный, хитрый. Эти брови, эти глаза, такие ясные – было видно, что это чрезвычайно умный человек. Но было видно, что для него событие было настоящим шоком, в хорошем смысле, но очень сильным. И было видно, что для него вручение награды стало реализованной мечтой. Это совершенно очевидно. Орден Ацтекского Орла – это больше символическая награда, но это высшая награда, которой может быть награжден иностранец в Мексике.

Я помню очень забавную историю, когда Кнорозов приехал в Москву получать орден Ацтекского Орла, мы пошли встречать его на вокзал. Было поздно, осень, уже совсем стемнело. Было около семи, он приезжал вечерним поездом – и мы ждали его, ждали. И его не было видно. Мы уже совсем начали решать, что делать, как вдруг заметили маленького человечка с тряпичной сумкой, в шапке-ушанке. Он шел спокойно, никуда не торопился, не беспокоился, как будто и не знал, куда идет. И вдруг он поднял голову – и я увидела его неповторимые глаза, его ясный взгляд, который нельзя ни с чем спутать. Я подошла, сказала: «Доктор Кнорозов, вы помните меня?» Мы поздоровались и потом отвезли его домой. Это был интересный человек – он был очень скромный, но в то же время очень заботливый, ласковый. Я хорошо помню, он поцеловал меня, обнял на церемонии. Мы обедали с ним пару раз, и всегда подкупала его простота, он не важничал, а внешне даже выглядел неухоженным.

Если бы я его не видела раньше, я могла бы решить, что это какой-то бомж. Потому что он был предельно скромный. Всегда, конечно, аккуратный – но очень скромно одет, «скромный».

Ну вот, история церемонии вручения. Была вручена награда, наш глава миссии на тот момент выступил с речью, рассказывая весь путь к награде, как он занялся майя и как ему удалось обнаружить ключ, раскрыть код этого письма. И когда наступил момент для слова Кнорозова, он сказал всего лишь два слова: «Нет слов». И почти плакал. Я тебе это сейчас говорю – и у меня тоже схватывает горло от волнения при этом воспоминании. Потому что этот человек, столь величественный по делам и такой маленький по виду, был по-настоящему переполнен эмоциями. И это было прекрасно. Это была награда очень заслуженная, очень правильно врученная и очень хорошо принятая.

В Мексике на уровне специалистов его хорошо знают. К сожалению, как думаю, на уровне обывателей – не столь хорошо. Не столько много знают про исследования, так как мексиканцы живут рядом с древней культурой и об этом особо не задумываются.

И я думаю, что в этом ряду вклад Кнорозова имеет особое значение. Даже после того как он дешифровал письмо майя, даже после того как ему был вручен Орден Ацтекского Орла и после того как поехал в Мексику – благодаря его открытию другим удалось сделать новые открытия. Были обнаружены погребения, археологические места – следуя его комментариям, его работам, его выводам. И в этом есть преемственность, хотя, возможно, всех деталей большинство людей и не знает. Но в глобальном смысле для нации это все равно важно – так как это возможность дальнейшего познания собственных истоков.

Помню одну вещь, которая мне тоже показалась удивительно трогательной, – это то, что после возвращения из Мексики, после получения Ацтекского Орла и после новой поездки в Мексику его волновало и мешало ему работать: у него не было надежного места, чтобы хранить свои материалы, зато был кот, который регулярно разорял картотеку. Эти детали были слишком незатейливыми – но они имели огромное значение. В конце концов, именно детали и рисуют портрет человека. Я думаю, что он остался тем же, но уже увидел результаты своего труда в конкретной реализации.

Самым конкретным, отличным результатом стало издание «Компендиума» в Шкарете. Издание появилось, но он, к сожалению, чуть-чуть не дожил до этого момента, чтобы увидеть его своими глазами. Но он ощутил поддержку правительства Мексики, парка Шкарет, Университета Кинтана-Роо. И это бесценное издание и для нашей страны, и для всех специалистов мира. Я встретила приятеля, который в библиотеке в Чеумале обнаружил издание «Компендиума» – и для него и для меня это было нечто, что появилось при помощи и наших усилий. И это самый приятный момент работы атташе по культуре – видеть воочию результаты того, что ты делаешь на протяжении месяцев и даже лет. «Компендиум» с научной точки рения – очень важное явление, но это и прекрасное издание. И держать его в руках,

чувствовать – вот она, моя работа. Мы всего лишь помогали во всем этом процессе – но считаем, что это и часть нашей работы.

Когда я узнала о его смерти, мне было ужасно жалко. Во-первых, он не был так стар, а во-вторых, я понимаю, что он умирал в одиночестве. И я чувствовала, что его смерть должна бы выглядеть более достойно. Речь не идет о том, чтобы выставляли караул или организовывали пышные похороны. Просто он должен бы был иметь смерть, достойную его жизни. Чтобы рядом были близкие, рядом была бы семья, которая его любила, – я не знаю, была ли у него семья в Санкт-Петербурге? Знаю, что здесь у него была племянница, с которой мы познакомились при вручении награды. Но такой человек, достигший вершин своей карьеры, не должен был умирать таким образом: в одиночестве, брошенным в коридоре больницы. И это видно по тому фильму, который был показан в Мексике, – он тоже очень трогательный. Все же этого можно было избежать. Он такого не заслужил. Но это тоже часть судьбы ученого. Я думаю, что это работа в глубоком одиночестве.

У него была кошечка. И он беспокоился, оставляя ее дома, так как она играла с его карточками. И есть его фотография молодым со своей кошкой на руках. Я тоже кошатница – и это была одна из тем для наших разговоров.

Фрагмент 2

Память – странная вещь. За двенадцать лет работы в посольстве Мексики в Москве в качестве атташе по культуре мне запомнилось многое, но некоторые воспоминания мне особенно дороги. Когда в начале 90-х доктор Юрий Кнорозов первый раз появился в моем офисе, он еще ни разу не был в Мексике. Он готовился к своему первому путешествию и пришел в посольство вместе с Галиной Ершовой, чтобы подать заявку на визу. Я пригласила их в свой офис. В те годы было неудивительно, что русский человек нечасто бывал за границей или что он в совершенстве осваивал какой-либо иностранный язык, никогда не посещая страны, где на нем говорили.

Исключительным в Кнорозове было другое: именно он, занимаясь научными исследованиями в Ленинграде и ни разу не ступив на землю майя и не говоря на их языке, смог найти ключ к дешифровке их письменности. Его подвиг, вначале поставленный под сомнение, впоследствии привел к другим открытиям, таким же замечательным, как и неожиданным, и завершился публикацией уникального труда по майяской письменности.

Легенда о его первом знакомстве с письменностью майя известна, как и его собственные комментарии по этому поводу. В эпоху Интернета и доступности информации все это находится под носом у любознательного читателя – стоит только нажать кнопку. Мой опыт – личный, и поэтому для меня он очень ценен. Записи о нем я по сей день храню в моих рабочих тетрадях.

Выложенные в Сеть изображения и некоторые книги показывают Кнорозова как по-прежнему юного человека, загадочного и сдер-

жанного: с сигаретой в руке, сидящего за своим рабочим столом или со своим котом на руках, с таким же кошачьим взглядом и необыкновенно ясными глазами.

Человек, посетивший мой офис, выглядел намного старше своих 70 лет, хотя у него был все тот же пронизывающий взгляд ясных глаз из-под длинных спутанных бровей. Внешне он был абсолютно неприметельным, говорил мало и очень тихо. В ту первую встречу мы поговорили поверхностно (я полностью помню и визит, и беседу) о его работе и цели путешествия, хотя даже такая беседа была весьма приятной.

Спустя некоторое время мы снова встретились. В октябре 1994 г. правительство Мексики приняло решение наградить Кнорозова Орденом Ацтекского Орла, наивысшей наградой за достижения на благо культуры нашей страны для иностранного гражданина. После того как соответствующие документы были подготовлены, посольство пригласило Кнорозова в Москву на церемонию награждения и приема в его честь.

Накануне мероприятия Кнорозов приехал в Москву получать Орден Ацтекского Орла, мы с коллегой пошли встречать его на вокзал. Было поздно, осень, уже совсем стемнело. Он приезжал вечерним поездом, около семи – и мы ждали его, ждали. А его не было видно. Мы уже думали, что делать, как вдруг заметили маленького человечка в старой шапке-ушанке с болтающимися ушами. Багажа у него не было – только тряпичная сумка, как у хозяек для магазина. Он шел спокойно, никуда не торопился, не беспокоился, как будто и не знал, куда идет. И вдруг поднял голову – и я увидела его неповторимые глаза, его ясный взгляд, который нельзя ни с чем спутать. Я подошла, сказала: «Доктор Кнорозов, вы помните меня?» Мы поздоровались и потом отвезли его домой. Это был интересный человек – очень скромный, но в то же время очень заботливый, ласковый. Я хорошо помню, он поцеловал меня, обнял на церемонии. Мы обедали с ним пару раз, и всегда подкупала его простота, он не важничал, а внешне даже выглядел неухоженным. Если бы я его не видела раньше, могла бы решить, что это какой-то бомж, потому что он был предельно скромный. Всегда, конечно, аккуратный – но очень скромно одет.

Церемония награждения состоялась два дня спустя, 30 ноября. В первый день в посольстве был дан обед, на котором я помню Кнорозова и нашего поверенного в делах. Ему предложили шампанского, но он заказал текилу и заявил, что он – мексиканец. Как всегда, Кнорозов говорил мало и не очень разборчиво, его глаза блестели толикой лукавства, но то, что он говорил, было впечатляюще. Тогда мы узнали, что он заканчивал создание словаря майя и вся его работа находилась в карточках, с которыми играл его кот. Кнорозов рассказал, что университет Солт-Лейк-Сити (он назвал их мормонами) в США предложил ему ресурсы для публикации словаря, но он предпочел, чтобы это было сделано в Мексике.

Неустойчивая экономическая ситуация в России в те времена особенно сильно затронула ученых. Ввиду этого мы в посольстве

решили собрать существенную (для того времени) сумму денег и вручить ее доктору Кнорозову вместе с наградой.

Церемония вручения награды на следующий день была простой и эмоциональной. Много было сказано о работе доктора Кнорозова и ее значимости для продолжения и углубления исследований культуры майя. Наш поверенный в делах закрепил медаль на его шее, и эти ясные глаза под густыми бровями наполнились слезами счастья: возможно, эмоции охватили его от неверия в происходящее и в то же время от удовлетворения признанием его подвига, разделившего на до и после историю изучения великой цивилизации, казалось бы, такой чуждой и далекой от его собственной. Его спросили, желает ли он произнести речь, Кнорозов сказал всего лишь: «Нет слов». И почти плакал. Я обняла его, и у меня перехватило горло от волнения.

Вскоре Кнорозов уехал в Мексику. В моей тетрадке с записями за 1995 год, последний, который я полностью проработала в посольстве, есть записи о необходимом для завершения словаря, датированные январем. Сколько еще месяцев уйдет на работу в России, какие средства необходимы для перевода материалов с русского на испанский и сколько уйдет на пребывание в Мексике Кнорозова и Галины Ершовой от одного до трех месяцев. Мексиканская пресса с интересом следила за его визитом.

В июне того же года обсуждалась возможность оказания еще раз финансовой помощи Кнорозову, теперь с конкретной целью. Я не помню, то ли кто-то уже влез в квартиру Кнорозова, то ли он боялся, что это случится, но он волновался, что его карточки потеряются, или же они просто находились в беспорядке, и необязательно из-за его кота. Тогда мы обсуждали помощь деньгами, для того чтобы он мог установить металлическую дверь, которая в то время стоила порядка трехсот пятидесяти тысяч рублей – суммы, совершенно ему недоступной. По этому поводу мы поддерживали связь с его племянницей Татьяной Борисовной. Я не помню, что получилось в результате, но карточки удалось сохранить, и «Словарь иероглифической письменности майя» в трех томах был опубликован в Мексике в 1999 г. при поддержке университета и правительства штата Кинтана-Роо и парка Шкарет.

Юрий Кнорозов умер в марте того года, больной и одинокий. Я не знаю, увидел ли он уже изданный словарь, но это была бы еще одна радость этому скромному, но великому человеку.

Приложение 22

Тиахога Руге (Мексика) / Tiahoga Ruge
Текст воспоминаний Тиахогой Руге прислан в 2019 г. (Личный архив Г.Г. Ершовой)

ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КНОРОЗОВ – МЕЧТА, СТАВШАЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Когда мне было двенадцать лет, мой отец взял меня с собой в лакандонскую сельву – на археологические памятники: Паленке, Бонампак, Йашчилан, Наранхо, Копан, Тикаль и Вашактун. Это была экспедиция, в которой принимали участие ученые из разных областей для изучения сельвы и культуры майя.

Это был 1964 год, и джунгли были густыми, обширными и полными флоры и фауны. Путь на городища стал подвигом в несколько дней, и нас сопровождала команда поддержки и вьючные животные, которые везли палатки и необходимые продукты.

На каждом из археологических памятников мы провели тщательный осмотр, ознакомившись с постройками и местоположением стел, алтарей и соответствующих иероглифов. Казалось очевидным, что в письменности майя описаны соответствующие им события, но мы все еще не знали, как их читать. Я внимательно осматривала каждое городище, делала зарисовки, пытаясь представить, как оно было раньше. По вечерам в лагере все собирались у костра и обменивались впечатлениями о прошедшем дне. Упоминались имена важных специалистов по майя. И я также помню, что упоминался один русский, который уже дешифровал иероглифы, и что изобрели большой компьютер, чтобы сделать это. Но в этих разговорах не было ничего определенного, это были отдаленные предположения и мифы.

Эта тайна оставалась со мной много лет, до 1992 года, когда у меня появилась возможность прочитать книгу доктора Майкла Ко «Взламывая код майя», в которой он описал историю русского ученого Юрия Валентиновича Кнорозова и то, как он нашел ключ к расшифровке письма майя.

История доктора Кнорозова восхитила меня и превратилась в ожившую мечту моей юности. Я подумала: «Однажды я должна встретиться с этим гением и снять фильм о его жизни».

Эта мысль была глубоким и абсолютным убеждением, хотя в действительности я понятия не имела, как эта возможность может быть реализована. Я была в Мексике с семьей и работой, а доктор Кнорозов был в России, на другом конце света.

Прошло три года, и мечта о докторе Кнорозове хранилась глубоко в моем сознании и сердце. Три года спустя, в апреле 1995 года, родилась моя дочь Каталина, и я хотела посвятить себя на несколько месяцев материнству и моей семье.

Однако судьба дала мне в руки газету со следующим заголовком: «Кнорозов в Мексике, сегодня вечером будет в Музее антропологии».

Моя мечта сбылась: Кнорозов находился в Мексике, в получасе езды, и была реальная возможность услышать его и познакомиться с ним.

Таким образом, жизнь дала мне возможность приехать на лекцию, мы сели в зрительном зале, и появился Юрий Валентинович Кнорозов вместе со своей неразлучной ученицей, доктором Галиной Ершовой.

Его появление произвело на нас впечатление: он был худым человеком среднего роста, который шел медленно и несколько сгорбленно и смотрел на нас большими голубыми глазами, полными света и радости на очень выразительном лице.

Выражение его лица излучало мудрость, а его озорная улыбка выражала большую симпатию и показывала свободный дух ученого, который не знал границ и преодолевал все препятствия до тех пор, пока тот день не добрался до Музея антропологии в Мехико.

Кнорозову тогда было 72 года, хотя он открыл ключ к расшифровке в 1952 году, когда ему было 30 лет. Ему пришлось ждать 42 года, чтобы мир узнал его, и он мог быть там в тот вечер, читая свою лекцию.

Мы были загипнотизированы, не веря, что слушаем и знакомимся с этим гением.

В конце лекции мы подошли к доктору и Галине и предложили отвезти их в их гостиницу, где у нас была возможность поговорить с ними.

В тот же вечер я выразила доктору Кнорозову свое восхищение его личностью и мой интерес к созданию фильма о его истории.

Он с радостью согласился и в тот же вечер подписал права на фильм на салфетке.

На следующий день начались съемки: доктор Кнорозов и Галина посетили археологический памятник Какаштла.

В спешке я позвонила своему другу и коллеге режиссеру Эдуардо Эррере, который согласился быть готовым в шесть часов утра со своей камерой и звуковым оборудованием, и так началось наше приключение по съемке документального фильма о докторе Кнорозове и его расшифровке письменности майя.

Экскурсия в Какаштлу была первым днем съемок, которые растянулись более чем на четыре года исследований, сбора средств, производства, съемок, редактирования и постпроизводства на разных этапах, вплоть до смерти Кнорозова.

Нашими первыми союзниками были Маркос Константсе, Grupo Xcaret и Университет Кинтана-Роо, которые в течение этих лет предоставляли средства и поддержку для производства и съемок в Мексике.

Позже мы получили поддержку Национального фонда культуры и искусства и Национального совета по культуре и искусству для проведения исследований, создания сценария, части производства и постпроизводства.

Мы сформировали небольшую, но крепкую съемочную группу с Эдуардо Эррера, а Ольга Касерес взяла на себя задачу написания сценария.

В течение двух лет мы снимали доктора Кнорозова во время его поездок в Мексику. Самая запоминающаяся была в апреле 1997 года, когда наш друг Маркос Константсе пригласил доктора Кнорозова и Галину Ершову пожить в Шкарете несколько недель. Там у нас появилась возможность поговорить с ним и взять у него интервью. Мы видели его большую любовь к животным и детям, внушавшим ему нежность и радость, которые делали его моложе.

Мы также снимали в Тулуме и Кобе, где он объяснял каждый из памятников и иероглифы, которые там были.

В тот же раз «Группа Пульсар» помогла нам осуществить поездку в Соединенные Штаты с доктором Кнорозовым, чтобы посетить археологические памятники Нью-Мексико, Юты и Колорадо.

Мечта доктора Кнорозова состояла в том, чтобы найти место Семи Пещер, место, которое считалось мифическим, но которое он обнаружил в национальном парке Меса-Верде. Таким образом, нам удалось провести эту незабываемую экспедицию, которая была уникальным случаем, когда доктор Кнорозов посетил США.

Экспедиция по поиску места «Семи пещер», проходившая с 17 по 22 мая 1997 года, привлекла многих друзей, которые нас сопровождали и отвезли из Санта-Фе в Меса-Верде.

Помимо съемочной группы и Галины Ершовой, нас сопровождали Маргарет Августин и Норберто Альварес, строители проекта «Биосфера-2» и американский археолог Томас Ли, друг доктора Кнорозова.

Я вспоминаю эту поездку с большой любовью и симпатией, в течение нескольких дней мы жили все вместе, большой семьей, которая искала невозможный миф. Доктор Кнорозов был счастлив, ему наконец-то удалось побывать в Соединенных Штатах, что было невозможно на протяжении десятилетий для советского гражданина. Я помню его с сигаретой, в светлой бежевой куртке, берете и с большими голубыми глазами, смотрящими в будущее и прошлое Мезоамерики.

Мы прибыли в национальный парк Меса-Верде, и нас встретила большая радуга. Лицо доктора Кнорозова озарилось, он знал, что мы достигли места Семи Пещер, и когда он вышел из машины, к нему подошло стадо лосей, чтобы поприветствовать его, пока недоверчивые смотрители парка с удивлением наблюдали за происходящим.

Все эти поездки и сама съемка были окружены некой магией и тайной, которая позволила нам открыть много дверей и рассказать историю Юрия Валентиновича Кнорозова и расшифровку письма майя.

В 1998 году мы начали монтировать документальный фильм при поддержке Национального совета по культуре и искусству. Эдуардо Эррера часами и днями занимался монтажом фильма, когда 30 марта 1999 года пришло известие о смерти доктора Кнорозова.

Для нас это стало большим горем, но в наших руках оставалось огромное сокровище – и с невероятной самоотдачей и любовью мы закончили документальный фильм, который доктор Кнорозов так и не увидел.

В моем сердце доктор Кнорозов продолжает жить, и когда я посещаю археологические памятники майя, я представляю его большие голубые глаза, читающие послания культуры майя.

Я чрезвычайно благодарна за тот подарок, который жизнь дала мне. За то, что я встретила доктора Кнорозова, чтобы сделать документальный фильм о его жизни. Моя мечта юности сбылась, и этот мифический русский, о котором я слышала много лет назад у лесного костра, стал реальностью.

Я хотела бы добавить мое глубокое восхищение и уважение к доктору Галине Ершовой, ученице доктора Кнорозова, потому что без нее доктор вряд ли смог бы приехать и путешествовать по Мексике.

Галина посвятила свою жизнь изучению, обучению и распространению знаний и наследия доктора Кнорозова.

Как неутомимый боец, она сумела создать Центр Кнорозова в Российском государственном гуманитарном университете в Москве и в Мексике, тем самым способствуя культурному и научному обмену между Мексикой и Россией и продвигая знания в области изучения письма майя.

В марте 2018 года перед Большим музеем культуры майя в Мериде на Юкатане была открыт памятник доктору Кнорозову. Наконец история дала ему свое место, и теперь с земель майя Юрий Валентинович Кнорозов приветствует посетителей своей незабываемой улыбкой и рассказывает историю дешифровки письма майя.

Приложение 23

Эфраин Вильянуэва Аркос (Мексика) / Efrain Villanueva Arcos
Текст воспоминаний Э. Вильянуэва был прислан в марте 2019 г. (Личный архив Г.Г. Ершовой).

ЮРИЙ КНОРОЗОВ В КИНТАНА-РОО

9 июля 1995 года, почти 24 года назад, на территории Университета Кинтана-Роо (UQRoo) в Четумале состоялся Третий международный конгресс майянистов. Событие, организованное Центром изучения майя Национального автономного университета Мексики, объединило самых крупных ученых и исследователей культуры майя: археологов, антропологов, эпиграфистов, этнологов, лингвистов и исследователей сопредельных наук. Исследователи из Польши, России, Японии, Германии, Испании, США, Канады, Гватемалы, Гондураса, Белиза и Мексики встретились в столице штата Кинтана-Роо для того, чтобы изложить результаты своих исследований и, в случае необходимости, обсудить, обдумать и обменяться мнениями с экспертным сообществом в этой важной области человеческого знания.

Меморандум конгресса составил два тома, более 800 страниц в каждом, где были опубликованы доклады и материалы участников. Всепленарные доклады, тематические столы и заседания продемонстрировали высокий уровень проведения представленных исследований. Но, по моему мнению, один из круглых столов отличался особым напряжением и резонансом: он был посвящен эпиграфике с «различными подходами к дешифровке письменности майя». В нем приняли участие Линда Шили, Николай Грубе, Эрик Бут, Виктория Брикер, Николас Хопкинс и Кэтрин Джоссеранд. Должен добавить: еще там присутствовал особый участник – исследователь, чьи новаторские труды наконец были признаны на конгрессе такого уровня. Его исследования внесли решающий вклад в чтение и понимание древнего иероглифического письма майя, которое в течение многих лет интеллектуального господства сэра Джона Эрика Сидни Томпсона во времена «холодной войны» считалось не подлежащим дешифровке. Я говорю о русском исследователе докторе Юрии Кнорозове, которого всегда сопровождала его коллега доктор Галина Ершова: оба они представляли Российский государственный гуманитарный университет (это не был РГГУ в тот период, оба представляли Академию наук. – *Г. Е.*).

Уже упомянутый мной Меморандум конгресса свидетельствует о кратком выступлении доктора Кнорозова на круглом столе по эпиграфике, где он говорил о своей теории дешифровки и, в частности, делал методологические ссылки на чтение некоторых фонетических знаков и то, что он назвал «доказательным чтением». Я помню единодушное признание, которое все исследователи выказали ему: ученому, который, не имея возможности посетить и познакомиться с археологическими памятниками майя, первым заявил о том, что майяские

знаки и иероглифы имели фонетическое чтение и передавали слоги. Это в конечном итоге помогло понять не только письменность, но и историю майя, которую они описывали в своих текстах о родстве, войнах и наиболее важных событиях.

С одобрения Центра изучения майя и исследователей – участников конгресса, UQROO способствовал правительству штата Кинтана-Роо через представителя исполнительной власти и почетного государственного конгресса, проведение торжественной церемонии, чтобы отдать дань уважения д-ру Кнорозову за его вклад в знание культуры майя. В 1995 году Юрию Кнорозову было 73 года, а четыре года спустя, в 1999 году, он скончался трагически печально: один, с пневмонией, в холодном в больничном коридоре в Санкт-Петербурге.

Образ Юрия Кнорозова, оставшийся в моей памяти, – образ человека вдумчивого, даже отсутствующего для всего вокруг, с ясными голубыми глазами, обрамленными очень густыми бровями – глазами высшей мудрости. Университет Кинтана-Роо также почтил его память, поместив на главную университетскую аудиторию табличку с его именем и способствовал распространению в другие институты его трудов и огромного вклада в знания об иероглифическом письме майя. Как я уже говорил, обсуждение и анализ культуры майя – проблема глубоко современная. Наша сельва все еще хранит много секретов этой цивилизации: свети тень, отраженные в резных камнях храмов; сияние керамики и жадеита; кропотливая полировка раковин и костей. Все это – материал для работы майяниста, который пытается разгадать замысел майяского архитектора, художника или ремесленника, которые создавали свои произведения сотни лет назад. Но также существуют живые майя, наследники этого прошлого, и сегодня они несут нам свою историю, традиции, ценности и, наконец, свои нужды.

Сейчас, когда Четумаль и Университет Кинтана-Роо снова будут принимать Международный конгресс майянистов, настало время вспомнить упорство и усилия доктора Кнорозова и сказать, что наука и знания не имеют границ, что воля и дисциплина, как показал российский исследователь, могут быть опорой для новых открытий.

Приложение 24

Хосе Артуро Трехо Нава (Мексика) / Jose Arturo Trejo Nava
Текст воспоминаний Х.А. Трехо Нава прислан в апреле 2019 г. (Личный архив Г.Г. Ершовой).

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮРИИ КНОРОЗОВЕ

Я приехал в Москву в середине ноября 1994 г., чтобы выполнять функции специального поверенного в делах Мексики в достаточно грустный период российской истории. Три года как развалился Советский Союз, внутренняя ситуация отличалась глубокими изменениями, потерей ориентиров и напряжением. В отношении внешней политики Российская Федерация демонстрировала минимальный интерес по отношению к Латинской Америке, и в частности, Мексике. Что отражалось в определенном разочаровании со стороны мексиканского министерства иностранных дел и как следствие низкой активности проектов двухстороннего сотрудничества. И потому для меня стало большой неожиданностью и радостью, что моим первым официальным мероприятием после вступления в должность стало вручение Ордена Ацтекского Орла выдающемуся русскому лингвисту др. Юрию Кнорозову, который за годы кропотливого труда нашел метод дешифровки иероглифического письма майя. Это наивысшая награда, которая которую вручает Мексика иностранным деятелям, и было необходимо вручить ее д-ру Кнорозову в связи с тем значением, которое занимает культура майя в культурном прошлом нашей страны.

Дата была назначена на 30 ноября, среду, последний день администрации, возглавляемой президентом Карлосом Салинасом, – именно она и была назначена этой администрацией в декрете от 17 октября этого года. Настал день церемонии, и наш сотрудник по делам культуры отправился на вокзал встречать поезд из Санкт-Петербурга, где жил ученый. Когда он приехал, мы пригласили его на обед в резиденции посольства. Мексики. Меня впечатлила его простота, его скромная форма одеваться и такие светлые глаза, придававшие ему кошачий вид. Вечером состоялось трогательное мероприятие, во время которого д-р Кнорозов выглядел очень тронутым. Это был великий момент, которого он сам, по всей видимости, не ожидал – то, что иностранное правительство выразит ему высшее признание в тот период, когда его страна переживала трудные времена, отразившиеся и на ученых и представителях интеллигенции, находившихся в ситуации минимальной поддержки или полного ее отсутствия, а также глубоких экономических проблем. Помню, как в частной беседе сделал несколько замечаний по поводу этой ситуации и прежде всего растущей преступности. Это заставляло его опасаться, что его квартиру могли ограбить и уничтожить рабочую картотеку. Мы тогда оказали ему поддержку для установления надежной двери в жилище.

Мое присутствие в России было относительно коротким – и уже в Берлине я с грустью узнал о смерти д-ра Кнорозова в марте 1999 г. Спустя два года меня направили послом в Белиз, соседняя страна с Мексикой, с границей со штатом Кинтана-Роо. Это предполагает тесную взаимосвязь нашего посольства в этой карибской стране с учреждениями штата, столица которого Четумаль находится практически па границе. В один из визитов в эту столицу я посетил Университет Кинтана-Роо и с большим изумлением обнаружил, что одна из аудиторий центрального кампуса носит имя именно «Юрия Кнорозова» и что его капитальный труд «Компендий Шкарет» был опубликован именно этим учреждением. Также в Музее культуры майя этого города – а это современный интерактивный музей – находится большое количество отсылок к работе великого ученого.

Приложение 25

Красулин Евгений Александрович (Белоруссия),
Текст воспоминаний Е.А. Красулин любезно предоставил в 2019 г. для данной публикации.

ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КНОРОЗОВ

Первый раз я встретился с Юрием Валентиновичем в 1995 г. в посольстве Мексики в Москве, где ему должны были вручить Орден Ацтекского Орла – высшей мексиканской награды для иностранцев. К этому времени в Москве уже сложилась небольшая группа студентов разных вузов, которые под руководством Галины Гавриловны Ершовой занялись изучением иероглифики майя. И мы, еще совсем молодые люди, получили приглашение присутствовать на церемонии награждения.

Этот момент – когда я впервые увидел его – очень хорошо запомнился визуально: Юрий Валентинович стоял, облокотившись на подставку под зеркалом. Несмотря на то что ему уже было за семьдесят, он совершенно не оставлял впечатления человека в возрасте. Можно даже сказать, наоборот: он оставлял впечатление человека вне возраста. В его фигуре, как и в манере держать себя, было парадоксальное сочетание небрежности и достоинства. Это же сочетание присутствовало и на самой церемонии вручения ордена. Временный поверенный посольства Мексики – высокий, в безупречном костюме – произносил речь в честь Юрия Валентиновича, а рядом с ним стоял сам герой торжества – в заслуженного вида пиджаке, с одной штаниной навыпуск, второй – заправленной в полусапог. И огромный носовой платок в руке, к которому Юрий Валентинович во время речи периодически прибегал – не для того, чтобы утереть слезы умиления, а чтобы громко высморкаться. Это совершенно не выглядело пренебрежением к происходящему. Скорее, это было поведением ученого во время полевого исследования: ну, ребята, раз вы тут все собрались, давайте я вас немного поизучаю.

На следующий день для нас – студентов, увлеченных цивилизацией майя, был организован отдельный прием в квартире племянницы Юрия Валентиновича, расположенной неподалеку от Новоарбатского моста. Мы сидели за круглым столом, смущенные присутствием великого ученого. А великий ученый, похоже, продолжал свое исследование, периодически сопровождая его восклицаниями: «Ну и ребята!» При этом шел какой-то разговор, мы рассказывали о себе, говорили, чем хотели бы заниматься, что нас интересует. Но запомнилось именно это: наше молчание и восклицания: «Ну и ребята!» В этих восклицаниях, произносимых с характерными для Юрия Валентиновича «мяукающими» интонациями, был интерес, ирония... И, мне показалось, была какая-то ширма – или маска – за которой Юрий Валентинович прятался, чтобы никто не мешал его наблюдениям за нами. Возникла даже ассоциация с профессором Мориарти:

он видит всех, а его не видит никто. В пользу этой ассоциации сыграло и некоторое сходство Юрия Валентиновича с актером Виктором Евграфовым, который сыграл роль Мориарти в советском фильме о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне. Вот только в Юрии Валентиновиче не чувствовалось ничего зловещего.

Поскольку Юрий Валентинович жил в Петербурге, видеть его часто не получалось. Но он согласился быть моим научным руководителем. И хотя Юрий Валентинович ушел раньше, чем я защитился, я считаю его своим Учителем. Я успел даже передать ему свое первое исследование по истории майя. Изучая рельефные изображения из города Паленке, я заметил, что определенным персонажам на этих рельефах соответствуют определенные наборы характерных элементов одежды или аксессуаров. По этим наборам можно было определить на различных изображениях одного и того же персонажа, даже если изображение не сопровождалось иероглифическим текстом. Это была своеобразная майяская агитка для неграмотных: по наборам деталей зрители могли определить, кто есть кто на рельефе. В том числе встречался и персонаж, напоминающий фигуру, изображенную на крышке саркофага из Храма Надписей. А рядом с ним часто изображалась женщина. Из этого я сделал вывод, что где-то рядом с Храмом Надписей должна быть погребена женщина. Все это я написал от руки (компьютера еще не было), снабдил изображениями характерных деталей и передал Юрию Валентиновичу через Галину Гавриловну Ершову: они вместе должны были лететь в Мексику. Моя «статья», конечно, не имела никакого научного значения, но сам факт, что ее прочитал Юрий Валентинович, был для меня очень важен. Другим таким же важным для меня моментом было согласие Юрия Валентиновича стать моим научным руководителем при работе над диссертацией по иероглифическим текстам Паленке.

Впоследствии мне удалось увидеть Юрия Валентиновича без его обычной маски. Мы встретились с ним вновь в квартире племянницы. Я пришел рассказать о своем изучении майяской богини Луны, в образе которой сочетались как черты богини смерти, так и богини, которая покровительствовала рождению. Юрий Валентинович меня выслушал, а потом стал рассказывать о своих идеях относительно богини Луны. Его тоже интересовала эта тема, он показывал мне свои записи, которые ее касались. И в процессе разговора он становился все более настоящим. Исчезли «мяукающие» интонации, голос стал спокойным и ровным, речь – плавной. И тогда, без маски, стал очевиден его колоссальный интеллект, который не мог не вызвать восхищения. У меня был с собой фотоаппарат, и с разрешения Юрия Валентиновича я сделал снимок. Тень от оконной рамы в виде креста на стене за ним, опущенный взгляд (не сомневаюсь, Юрий Валентинович слегка позировал в этот момент) создают драматическое впечатление человека, несущего по жизни тяжелый крест. Может, оно, конечно, и так, но усталости от процесса в Юрии Валентиновиче тогда не чувствовалось. Тем более ошеломляющим стало известие о его смерти.

В тот же день мы с Галиной Гавриловной выехали в Петербург. Утром следующего дня мы пришли к Екатерине – дочери Юрия Валентиновича, которая жила в отдельной квартире в простой пятиэтажке. Екатерина налила нам кофе, в разговоре сказала, что Юрий Валентинович, попавший в больницу с инсультом, стал уже чувствовать себя немного лучше, стал узнавать приходивших к нему людей. А потом – пневмония...

Тут же занялись организацией похорон. Пока ожидали представителей похоронного агентства, Екатерина принесла документы Юрия Валентиновича, в том числе – военный билет. Тогда все знали историю, как Юрий Валентинович, офицер-артиллерист, во время войны дошел с советскими войсками до Берлина и там из горящих руин вытащил две книги: «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланды и издание рукописных кодексов майя. Это и определило его дальнейшую жизнь. Однажды я брал в кабинете кафедры истории Древнего мира МГУ старую грамматику древнеегипетского языка Адольфа Эрмана. Меня тогда удивило, что согласно записям на формуляре последним передо мной ее брал Юрий Валентинович в 1944 году: мне подумалось, что есть некоторое противоречие между историей о Берлине и фактом присутствия на истфаке МГУ. Потом я узнал, что он был призван в армию с истфака МГУ в марте 1944-го, таким образом, «каноническая» история перестала выглядеть противоречивой. Но в военном билете, который мы рассматривали в квартире Екатерины, не было никаких упоминаний об участии Юрия Валентиновича в боевых действиях! Его служба проходила в Подмосковье. А как же горящий Берлин? И как к Юрию Валентиновичу попали те две книги, которые действительно были судьбоносными? Скорее всего, на территорию части, где служил Юрий Валентинович, попадали книги, возможно, вывезенные из Германии в качестве трофеев. Среди них были и эти две. На нас с Галиной Гавриловной разрушение легенды тогда оказало сильное впечатление. Мы даже договорились некоторое время сохранять ее в секрете.

Представителям похоронной конторы мы постарались объяснить, что в данном случае речь идет о великом человеке. Они – мужчина и женщина – раньше никогда не слышали о Юрии Валентиновиче, но после наших рассказов и объяснений они прониклись и пообещали сделать все, что от них зависит, в лучшем виде. Пообещали помочь с выбором престижного места для погребения.

У Юрия Валентиновича не было подходящего костюма для погребения, поэтому мы с Галиной Гавриловной поехали его покупать. Галина Гавриловна говорила, что ее муж – Гильермо – предлагал свой, но у нее это не вызвало позитивных эмоций. В итоге в магазине мы выбрали темно-синий костюм, прикинув по моей фигуре.

Потом отправились заказывать ленточки на венки (от нашего Мезоамериканского центра и от мексиканского посольства). В конторе, расположенной в маленьком и обшарпанном треугольном питерском дворике, зажатом между двумя подворотнями, уже ожидали заказчиков несколько готовых черных траурных лент. Бросилась в

глаза одна из них, с надписью, которая на сто процентов попадала в эпоху 90-х: «Спи спокойно, милый котик, все будет нормально».

Ближе к вечеру из Москвы приехали остальные ребята из Мезоамериканского центра: Альберт Давлетшин, Инесса Бутенева, Екатерина Леонова, Александр Сафронов, Евгения Семакина, Александр Пакин. Разместились у коллег – сотрудников и учеников Юрия Валентиновича.

В день перед похоронами поехали всей толпой в квартиру Юрия Валентиновича. Там была его жена – старая худая женщина с несколько удивленным выражением лица. В какое-то время нашего нахождения там она взялась за веник, пытаясь навести хоть какой-то порядок. Я раньше не бывал в квартире Юрия Валентиновича. С вещами в нем, похоже, не очень церемонились. Книги, газеты, журналы лежали стопками вдоль стен. Из обстановки запомнился старый дощатый стол-верстак, которые раньше использовали маляры при отделочных работах. На верстаке и под ним лежали стопки газеты «Завтра»: видимо, Юрий Валентинович был ее читателем. На полу в коридоре в черном запыленном футляре лежала старая скрипка Юрия Валентиновича, безнадежно сломанная пополам. Кто-то в тот момент высказал идею, что ее можно было бы отреставрировать.

Практически вся библиотека состояла из научных изданий и многочисленных оттисков статей, которые Юрию Валентиновичу присылали российские и зарубежные коллеги. В отдельных папках хранились черновые наброски идей и гипотетических статей Юрия Валентиновича, которые напоминали своей конспективностью шифровки, прочитать которые представлялось не менее просто, чем дешифровать письмо майя. Были и письма, которые приходили Юрию Валентиновичу со всего Союза. В одном из писем инженер из Харькова описывал принцип действия «двигателя» «ракеты», изображенной на крышке саркофага из Храма Надписей в Паленке, и сообщал, какое потребление топлива мог иметь этот «двигатель».

Мы смотрели на разбросанные бумаги Юрия Валентиновича: его наработки, заметки, предположения, которые он высказывал. Сам Юрий Валентинович до своего ухода привозил какие-то документы в Москву и оставлял в Центре, президентом которого считался с момента его образования. «А то все пропадет», – настаивал он. О том же говорила и его племянница. Жена Юрия Валентиновича буквально велела нам забрать его записи и публикации, сказав, что в ином случае все будет на помойке. Они помогли упаковать папки с бумагами Юрия Валентиновича.

В день похорон мы поехали в больницу, в ритуальном зале которой должно было состояться прощание. Приехали первыми: еще никого не было. Зал оказался холодным помещением с цементным полом (типа гаража). Вдоль голых бетонных стен на невысоких подставках в ряд стояли гробы с умершими, и определить, где Юрий Валентинович, было трудно. Обозначений никаких не было. Не было и хоть каких-нибудь сотрудников, которые могли бы нам помочь. Нам пришлось идти вдоль ряда гробов, пока я не заметил его. Он не был

похож на себя. При жизни он терпеть не мог растительности на лице, а за время нахождения в больнице у него отросла небольшая бородка, которая делала его непривычным и малоузнаваемым.

Постепенно подходили люди, которые заполнили не только зал, но и площадку перед ним. Начался траурный митинг. Но на самих похоронах мне присутствовать не довелось. Неожиданно приехали правоохранительные органы, которым дочь Юрия Валентиновича сообщила, что мы незаконно вывезли архив ее отца. Пришлось нам с Аликом Давлетшиным ехать в отделение для объяснений.

Пробыв там достаточно долго, мы смогли убедить милицейского капитана, который занялся этим делом, в том, что все произошедшее – не более чем недоразумение. Рассказали ему и о Юрии Валентиновиче, и о деятельности Мезоамериканского центра. Потом к нам присоединилась Галина Гавриловна. Убедившись в отсутствии у нас недобрых намерений, капитан решил дело в нашу пользу. В результате мы обязались вернуть записи Юрия Валентиновича, к чему Галина Гавриловна отнеслась философски, заметив, что сам Юрий Валентинович, когда начинал свою работу по дешифровке иероглифического письма майя, имел в своем распоряжении минимум литературы. А у нас ситуация с этим куда лучше. Когда все закончилось, мы вышли на улицу, и Галина Гавриловна сказала: «Юрий Валентинович сейчас смотрит на нас с небес и смеется. Для него идеалом была жизнь лорда Кингсборо, который все свое состояние потратил на издание древних кодексов мексиканских индейцев и умер в долговой тюрьме. Мы сейчас чуть не достигли этого идеала».

Потом, уже в Москве, мы вновь собрались в квартире племянницы Юрия Валентиновича, чтобы помянуть его. Узнав, что я – из Беларуси, племянница сказала: «А вы знаете, что Юрий Валентинович считал, что у него белорусские корни? Он свою фамилию – Кнорозов – связывал с древним белорусским названием дикого кабана – "кнораз"». Нет, этого я не знал. Но если бы знал, была бы новая интересная тема для обсуждения.

CONTENTS

Foreword: A book on the genius of Knorozov 7

Instead of the preface. The author's attitude to the content 9

Chapter 1. Genes of Genius 27

Chapter 2. Yurka – the brisky hare (the hare Twinkletoes) 57

Chapter 3. His Universities 87

Chapter 4. Moscow does not believe in tears! 109

Chapter 5. To Leningrad 158

Chapter 6. Deciphering- "boring bookkeeping"? Little chapter about the big work done by student Yuri Knorozov 188

Chapter 7. Again to graduate school 206

Chapter 8. «That's all I can say about the proposed work ...» 231

Chapter 9. Glory 261

Chapter 10. Passion on deciphering 293

Chapter 11. Fascination: from sorcerers to the theory of collective 333

Chapter 12. And again, ethnic semiotics 361

Chapter 13. Thorns, stars, and thorns again 383

Chapter 14. Chefula (Chieffy) 413

Chapter 15. And in the Pacific shore 449

Chapter 16. Weekend in Guatemala 484

Chapter 17. Mexico, Beautiful and Beloved 514

Chapter 18. Chopin's Last Chords 574

Afterword 583

Appendices 587

G.G. Ershova
The Last Genius of the 20th Century.
Yuri Knorozov: The fate of a scientist

The book presents a biography of the great Russian scientist Yuri Valentinovich Knorozov (1922–1999), who deciphered the Maya hieroglyphic writing. The book author, Doctor in History, Professor, Director of Yuri Knorozov Center for Mesoamerican Studies of the Russian State University for the Humanities, Galina Gavrilovna Ershova, was his student. The book is about the dramatic and, at the same time, amazing fate, which, as a mirror, reflected an extremely complex era in the history of Russia. It is not by chance that Knorozov used to ironically describe himself "a child of Stalin's time". Nevertheless his whole life proves that nobility and meanness, courage and cowardice are universal human qualities that do not depend on either the epoch or the system and neither on the circumstances.

The book is written on the basis of the archival materials and the memoirs of the people who knew Yuri Knorozov. More to that, the letters and documents, related to Yu.V. Knorozov life, are published for the first time. The book contains the richest illustrative material, which is also published for the first time.

The book is designed not only for historians, but will also be of interest to the widest range of readers.

Ершова Г.Г.

Е 80 *Последний гений XX века: Юрий Кнорозов: судьба ученого.* М.: РГГУ, 2019. 794 с.

ISBN 978-5-7281-2517-4

Книга представляет биографию великого русского ученого Юрия Валентиновича Кнорозова (1922–1999), дешифровавшего иероглифическую письменность майя. Автор книги доктор исторических наук, профессор, директор Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета Галина Гавриловна Ершова, была его ученицей. Рассказывается о драматической и вместе с тем удивительной судьбе, в которой, как в зеркале, отразилась исключительно сложная эпоха в истории России. Неслучайно сам Кнорозов иронично именовал себя «дитя сталинского времени». Но вся его жизнь доказывает, что благородство и подлость, отвага и трусость являются универсальными человеческими качествами, которые не зависят ни от эпохи, ни от системы, ни от обстоятельств.

Книга написана на основе архивных материалов и воспоминаний людей, знавших Юрия Валентиновича. Кроме того, впервые публикуются письма и документы, связанные с жизнью Ю.В. Кнорозова. Книга содержит богатейший иллюстративный материал, который также публикуется впервые.

Для историков, но также будет интересна самому широкому кругу читателей.

УДК 929
ББК 63.3

Научное издание

Ершова Галина Гавриловна

Последний гений XX века

Юрий Кнорозов: судьба ученого

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Художественное оформление оригинал-макета
Е.М. Валенсия Орельяна

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
И.Н. Косиченко

Подписано в печать 05.07.2019.
Формат 70x100 1/16.
Усл. печ. л. 50,3. Уч.-изд. л. 52,9.
Тираж 500 экз. Заказ № 469

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 8-499-973-42-06

Юрий Кнорозов... гениальный русский ученый, известный во всем мире тем, что дешифровал письменность индейцев майя. И судьба – полная неожиданностей, невероятных совпадений и даже мистификаций – только подтверждает необычность этой удивительной личности. В написанной на основе архивов и воспоминаний книге профессора РГГУ Галины Ершовой биография ученого скорее напоминает увлекательный и таинственный детектив, где появляются и злодеи, и хитрые интриганы и неожиданные спасители. И есть еще один непростой герой – Россия и ее богатая на события история XX века. Канва повествования сплетена из ярких пространств – могучий русский Север и самобытные южные окраины, университетская военная Москва и научный послевоенный Ленинград, шаманская Средняя Азия и прячущие путь в Америку Курильские острова, таинственная Гватемала и древняя Мексика и даже мало кому известные закоулки США.

Вся жизнь ученого доказывает, что благородство и подлость, отвага и трусость являются теми человеческими качествами, которые не зависят ни от эпохи, ни от системы. Кнорозов никогда не прятался за штампами, хотя и именовал себя иронично «дитя сталинского времени»

9 785728 125174